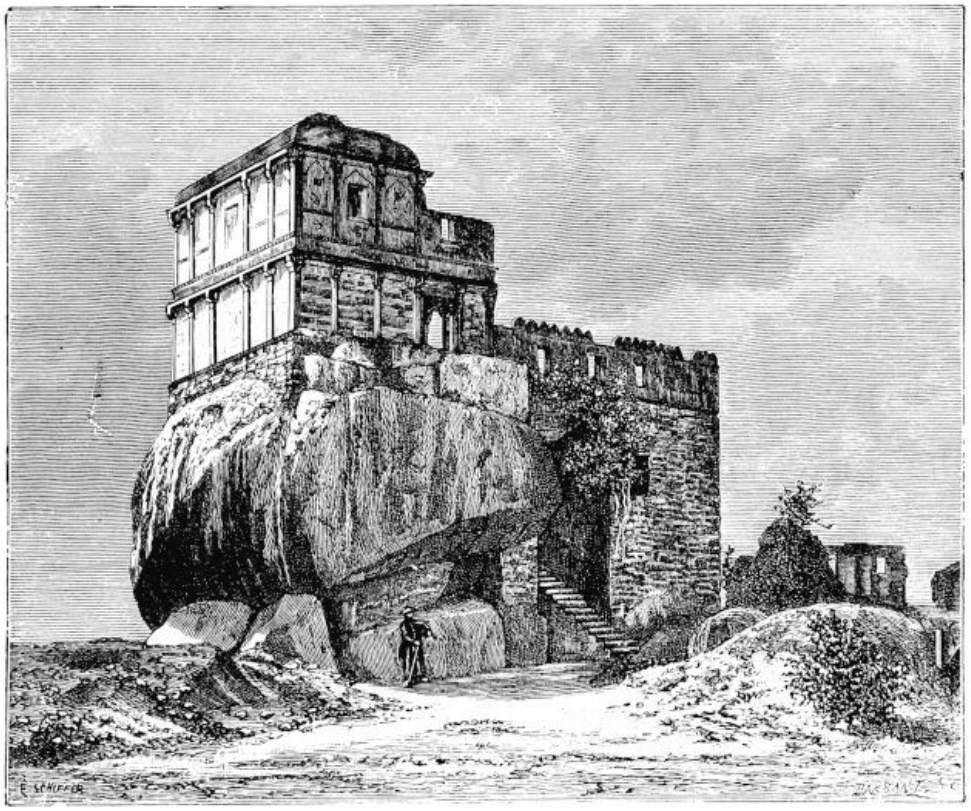
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.



КНИГА ПЯТАЯ

Томъ 8 и 9.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К°.
Большая Подъяческая, № 39.
1899.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ VIII.

Индія и Индо-Китай.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том VIII
Индия и Индо-Китай

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
Дозв. Ценз. Спб. 30 января 1898 г.

ИНДИЯ И ИНДО-КИТАЙ

Глава I Общий взгляд

«Индия»—одно из тех географических имен, которые имели много различных значений в течение веков. Сначала оно применялось только к той области, по которой протекает, по выходе из горных ущелий, река Синду, известная у западных народов под названием Инда, а потом его распространили последовательно на все восточные страны, которые посетили или о которых слышали древние. К бассейну Синда прибавился, как часть Индии, бассейн Ганга; полуостров Декана, затем восточные земли, лежащие по ту сторону Ганга, тоже получили это общее наименование. Острова, рассеянные на юго-востоке азиатского континента, также были причислены к индийской области, равно как все отдаленные архипелаги Малезии, где арабы опередили европейцев в своих торговых экспедициях. У средневековых писателей Индия заключала в себе также Аравию и Эфиопию; в их воображении она обнимала все «земли Солнца», то-есть страны Востока и Юга, резко отличающиеся своими произведениями и климатом от областей умеренного пояса[1]. Наконец, когда Христофор Колумб поплыл на запад, чтобы отыскать крайнюю Азию с другой стороны нашей планеты, острова и другие континентальные берега, открытые испанцами в Новом Свете, были, естественно, названы великим мореплавателем именем тех земель, к которым, как он полагал, пристали его корабли. Новая «Индия», то-есть Антильские острова и соседняя Твердая земля (Costa ferma), сохранила название, данное ей Колумбом; по крайней мере, для отличия от восточной, или Ост-Индии, ее называют западной, или Вест-Индией, тогда как, по прискорбной географической сбивчивости понятий, первобытные племена Америки все еще обозначаются именем «индейцев», принадлежащим с гораздо большим правом жителям полуострова по сю сторону Ганга. Географическое выражение «Индия» получило, по крайней мере, некоторую точность, но если это имя применяется в тесном значении к двум восточным полуостровам Южной Азии, то оно обнимает также, в более общем смысле, архипелаги, простирающиеся на юго-восток по направлению к Австралии, между Японским морем и Индийским океаном[2]. Исключая те случаи, где окажется нужным изложить общие соображения, относящиеся к сравнительной географии, настоящий том будет трактовать только о континентальной Индии и об островах, непосредственно к ней принадлежащих.

Во многих отношениях Восточная Индия представляет страну, где картины природы имеют наиболее грандиозный характер. На севере равнин Инда и Ганга высятся громады гор самых высоких на нашей планете, и нигде в другом месте мы не увидим, чтобы продолжался на более обширных пространствах контраст блистающих своими снежными вершинами величественных пиков с однообразным морем зелени, под которым исчезают нижния выпуклости рельефа почвы. По ту сторону северного ската Гималайского хребта тянутся одна за другой безводные, лишенные растительности, пустыни на массиве тибетских плоско-

1 Chr. Lassen, „Indische Alterhumskunde“

2 Carl Ritter, „Asien”; Alfred R. Wallace, „The Malay Archipelago“

горий, прерываемые там и сям глубокими впадинами или долинами, где текут ручьи, где приютились деревья и люди; на полуденном склоне, напротив, земля понижается уступами до равнин, обильно орошаемых и необыкновенно богатых органическою жизнью. Внутри гористой области открываются, в виде обширных цирков, роскошные долины, как, например, Кашмирская,—долины, в которых народное воображение видело земной рай, где жило человечество во времена своего золотого века, и которые, действительно, представляют благословенные местности, почти неимеющие равных себе по здоровости климата, плодородию почвы, прелести и великолепию пейзажей, отражающихся в зеркальной поверхности озер и текущих вод, наконец, по блеску неба, которое развернулось исполинским куполом над амфитеатром снеговых гор. На другой оконечности Восточной Индии, в архипелагах, принадлежащих к Азии, могущество творческих сил обнаруживается явлениями иного рода. Там большие горы не проникают в высшие пространства атмосферы, где влажность падает всегда в состоянии снежных кристаллов, но они поднимаются над очагами вечно кипящей лавы, которые продолжаются на тысячи верст; ни в какой другой стране вулканические конусы, окруженные поясами зелени, не следуют один за другим с такою правильностью на расселинах почвы. Там твердые лавы, на которых не может произрастать ни одно растение, широкия площади грязи, пропасти, откуда с шумом вырывается пар, безмолвные цирки, или котловины, наполненные негодным для дыхания воздухом, составляют резкий контраст с лесами самой могучей растительности, где деревья переплетаются стволами и ветвями, переполненными растительным соком, который превращается в камедь, в ароматические вещества, в яды. Было время, когда вулканические явления, подобные наблюдаемым ныне на Зондских островах или даже превосходившие их по силе действия, происходили также и в собственной Индии. Груды лавы, рассеянные во множестве на плоских возвышенностях Декана, свидетельствуют о чрезвычайно сильной деятельности, которую некогда проявляли подземные вулканические очаги полуострова; но в настоящее время почва континентальной Индии находится в состоянии покоя и обнаруживает лишь вековые колебания, подобные тем, какие испытывают все берега материков. В равнинах Конкана, к востоку от Бомбея, еще видны кое-где эруптивные жерла[1]; но на деканских землях теперь существует только одна кратерообразная котловина, та, которую наполняет на половину озеро Лунар, и где не заметно никаких следов извержения лавы. Единственный, бывший в недавнее время, вулканический взрыв, если он действительно имел место, произошел в море, верстах в пятнадцати от берегов Пондишери. На полуострове по ту сторону Ганга, правда, найдены конусы из лавы с правильным кратером, как, например, Паппа-лунг, к юго-востоку от Пазана, недалеко от р. Иравадди; но эти вулканы погасли еще во время миоценовой эпохи. Единственные извержения, о которых рассказывает история,—это извержения многочисленных грязевых вулканов, находящихся на островах Рамри, Чедуба и на соседнем материке, от Джиттатонга до устьев Иравадди[2]. Некоторые островки, лежащие к востоку от Андаманских и которые могут быть рассматриваемы как гребень подводной горной цепи, параллельной этой группе, Баррен-Айленд и Наркандам, извергают по временам пепел и лаву.

Под небом Индии атмосферные явления отличаются большею силой и буйностью, чем где-либо. От холодных плоскогорий Тибета до знойных берегов полуостровов и от берегов Индийского океана до берегов Китайского моря, разности температуры, степени влажности воздуха, атмосферного давления, напряженности электричества бывают иногда столь значительны, что правильная перемена ветров недостаточна для восстановления равновесия; разражаются ураганы, не менее сильные, чем ураганы Антильских и Маскаренских островов, но более страшные по производимым ими опустошениям, так как они проходят над местностями, более богатыми и более населенными; часто путь индийского урагана был отмечен разрушением городов, где целые населения были погребены под развалинами зданий. Хотя омываемый океаном, западный полуостров Индии имеет, однако, свои пустыни, но на скаты

1 Clark, „Records of the Geological Survey of India", vol. XIII, part I, 1880

2 Buist, „Volkanoes in India", „Journal of the Geographical Society in Bombay", vol. X; R. Mallet, „Records of the Geological Survey of India", vol. XI, 1878.

его гор льются наиболее обильные дожди, какие только были где-либо измерены до сих пор: в ином округе Индустана выпадает дождя, средним числом, в двадцать раз более, чем на равной поверхности Франции, имеющей, сравнительно, сырой климат. Реки заключают в своих руслах жидкую массу, соразмерную обилию выпадающей дождевой воды; несмотря на относительно небольшую длину и узкий бассейн, индийские потоки, как, например, Брахмапутра, могут быть поставлены на-ряду с самыми могучими реками земного шара, и огромным количеством своих наносов они способствуют быстрому изменению очертания берегов: хотя они изливаются в океан с приливами, так что отлив дважды в сутки прочищает их устья, тем не менее, однако, большая часть главных рек Индии и Индо-Китая выдвинула свои дельты на большие расстояния в море. Даже по рельефу морского дна и по явлениям, происходящим в глубинах моря, Индия отличается от других областей земли. Южные моря, воды Антильских и Багамских островов имеют свои коралловые кольца, но никакой архипелаг Мадрепоровых островов не может сравняться с «десятью тысячами островов» Мальдивского архипелага, замечательного необыкновенною правильностью своих кольцеобразных рифов, состоящих из других «атоллов», которые, в свою очередь, подразделяются на подводные камни точно такой же формы, едва выступающие над поверхностью моря своими обломанными скалами.

Часть человечества, живущая в Восточной Индии и особенно в собственно так-называемом Индустане, есть одна из тех, которые, по важности своей исторической роли, начиная с первых времен цивилизации, могут оспаривать первое место у народов запада. Уже самая численность обеспечивает ей видное место между группами наций, так как более одной пятой человеческого рода, слишком 300 миллионов людей, скучено на двух полуостровах, от устьев Инда до Сингапурского пролива; следовательно, обитатели этих стран в четыре или в пять раз более сближены друг с другом, чем жители остальной земли, и в некоторых, особенно счастливых в этом отношении областях, каковы, например, равнины Ауда и Бенгалии, земля населена таким большим числом людей, какого не встретишь нигде в другом месте, за исключением больших городов. Правда, значение и дела наций измеряются не густотой их населенности; но именно между общими предками нынешних индусов и их соседей на северном склоне Гинду-куша историки отыскали, между первыми воспитателями цивилизованного человечества, тех, которые всего более приближаются к западным народам по языку и гению и которые оставили нам в наиболее чистом состоянии начатки нашей первобытной образованности.

Еще в прошлом столетии ученые, задавшиеся целью отыскать начало и происхождение европейской культуры, обращали взоры преимущественно к Греции и Малой Азии; они выпытывали также у древнего Египта и у Халдеи их исторические тайны; но открытие сокровищ, которыми нынешний мир обязан отделенным от него длинным рядом веков первобытным человеческим обществам Верхнего Пенджаба, принадлежит искателям недавних и современных нам поколений. На расстоянии более чем 3.000 лет почтенные слова вед, произнесенные ришиями, или «мудрецами», представляются людям наших дней как бы песнями их детства: им кажется, как будто они слышали их в колыбели, повторяли их в сновидении, в грезах, до такой степени они вызывают в их уме знакомые впечатления; они как будто узнают глубоко запечатленную память их собственного прошлого в истории этого общества отдаленных времен. Культ ведических племен, поселившихся на берегах «Семи рек», тот же самый, который ребенок воспроизводит инстинктивно, трепеща перед грозой, взывая, словно к божеству, к солнцу и дождю, олицетворяя все предметы природы, деревья, ручьи и облака. Простые мифы этой первобытной религии арийских пахарей переходили из поколения в поколение, из культа в культ, и после тысячи изменений, которым они подвергались вследствие примеси различных элементов, их можно различить и теперь еще; даже имена древних богов незабыты. Иная сказка, которую где-нибудь в Тюрингии, в Абруццах или в Лимузене старая поселянка рассказывает в длинные зимние вечера, походит, как две капли воды, на рассказы, которые можно услышать по вечерам в хижинах Декана или Раджпутаны; от устья Меконга до мысов Финистерре Европы, тот или другой суеверный обряд всегда

соблюдается крестьянином в важных обстоятельствах его жизни, хотя первоначальный смысл этого обряда ему совершенно неизвестен.

И в то время, как этот общий капитал, общий запас знаний сохранялся в народном уме, от одного до другого конца Старого Света, успехи, достигнутые в высших сферах мысли, у родственных наций, разделенных «индийским Кавказом», шли путем соответственной эволюции. Индусские философы затрогивали великия проблемы жизни с такою же смелостью и такою же широтою взглядов, как это делали позднее метафизики Греции и западных стран; в то же время рапсоды воспевали деяния героев, и мало-по-малу образовались дивныя эпопеи, отдаленный отголосок которых мы находим в Илиаде; басни и сказки обратили в пословицу «мудрость Индии»; появилась драма, смешанная в начале с гимнами храмов, и вскоре стала развиваться с полною свободой, чтобы достигнуть такой силы чувства и выражения, которая никогда не была превзойдена. Да и самый язык, на котором были написаны эти чудные творения, не связан ли он самым близким родством с «арийскими» языками, которые постепенно получили преобладание в Европе, и которыми в Новом Свете и в Австралии говорит теперь более ста миллионов человек? Между флексивными языками есть ли более богатые, более гибкие, более звучные, чем этот прекрасный санскрит, где филологи, страстно изучающие его, отыскивают с радостью корни и первобытные формы их собственных европейских языков? Через речь, то-есть через живую, воплотившуюся в слове мысль, многие народы дошли до познания своего истинного родства. Индия—родная сестра Европы; с тех пор как она была, так сказать, вновь открыта научной критикой, она доставила западным исследователям более, чем всякая другая страна, элементы, которые позволили им признать и классифицировать три новые науки: сравнительную филологию, сравнительную мифологию и сравнительную юриспруденцию[1]. Не индусам ли также мы обязаны десятичной системой счисления и употреблением нуля ?[2] Исключая изобретение финикийского письма, от которого ведут свое происхождение как индийские алфавиты, так греческая и латинская азбуки, есть ли хоть одно открытие, которое содействовало бы более, чем этот способ нумерации, успехам, достигнутым человечеством в познании планеты и эксплоатации её сокровищ[3]?

Тем не менее, однако, «арийский» мир, который начинается на полуденном склоне Гинду-куша бассейном Инда, всегда оставался совершенно самобытным, отличным от родственных наций запада. Индия совершенно отделена, если не на северо-востоке, со стороны Китая, то, по крайней мере, на западе и на северо-западе со стороны Персии, безводными пространствами, дикими, необработанными плоскогорьями, высокими, покрытыми снегом горами. Эти географические границы начертаны природой так резко и определенно, что они не могли не сделаться в то же время и этнологическими границами, несмотря на экспедиции завоевателей и временные присоединения земель: с той и другой стороны различные родственные по языку народы следовали в своем историческом развитии каждый своим отдельным путем. Однако, пороги горных цепей, через которые арийские предки обоих склонов поддерживали взаимные сношения, не настолько высоки и не настолько завалены снегами, чтобы могло когда-либо прерываться сообщение между Восточной Индией и Передней Азией. Армии и караваны знали дорогу через Бамианский перевал и другие горные проходы Гинду-куша и умели спускаться к равнинам Индии историческим путем, проложенным по берегам реки Кабул. Если народы Европы прерывали в разные времена сношения, прямые или косвенные, с Индустаном, то причиной тому были завоевательные войны и нашествия, воздвигавшие преграду между двумя оконечностями арийского мира.

В своей совокупности, земли, известные под именем Восточной Индии, не представляют

1 H. Sumner Maine, „Effects of the observation of India on modern European thought“; Angelo de Gubernatis, „Memoria interno a'viaggiator Italiani nello Orientali”.

2 Chezy et I. L. Burnouf, „Vajnadattabada“; Reinaud, „Memoire sur l'Indie“; E. E. Thomas, „Ancient Indian Numerals“.

3 Fr. Kopp, „Bilder und Schriften der Vorzeit“; Albrecht Weber, „Indische Skizzen“.

географического целого, столь же определенно ограниченного, как европейский континент, и вследствие того, история не имеет там того же характера единства. Правда, Индия по сю сторону Ганга, рассматриваемая отдельно, есть одна из тех стран, которые отличаются наибольшею геометрическою точностью в своих внешних очертаниях. Море и горы ограничивают ее в виде площади многоугольника, почти правильной; но Индия по ту сторону Ганга далеко не имеет столь же определенных контуров на своих континентальных границах. Напротив, горные цепи и речные долины расположены там таким образом, что от Бармании[1], Лаоса и Аннама до провинций Срединной империи везде находится пояс постепенного перехода; как показывает самое имя «Индокитай», предложенное впервые Мальт-Бреном[2] и общепринятое со времен знаменитого французского географа для юго-восточного полуострова Азии, эта земля принадлежит как географически, так исторически, к двум соседним мирам. Что касается островов и архипелагов, то самая разбросанность их среди морей делает из них столько же отдельных областей, особых мирков, и некоторые из этих островов редко посещаются—или по причине рифов, которыми они защищены, как неприступною стеной, или по причине вулканических извержений, которые их опустошают, или, наконец, по причине непроходимых лесов, покрывающих их поверхность. Даже на материке многие местности Индии усеяны стоячими водами и покрыты джунглями, которые заставляют путешественников делать большие обходы.

Разделенная таким образом на резко обособленные части, Восточная Индия не может, понятно, сравниться с Европой по объему исторического движения. В Индии никогда не возникало империи, подобной, по размерам, колоссальному римскому миру, который обнимал почти весь бассейн Средиземного моря и был ограничен на севере только волнами Атлантического океана и обширными лесами Германии, на юге только пустынями Африки. Хотя громадный «римский мир» распался, и Европа разделена теперь на множество государств, иногда враждующих между собою, однако, нации почти всего европейского континента морально и интеллектуально достаточно близки друг к другу, чтобы считать себя происходящими от одной и той же расы, говорить языками одинакового происхождения, черпать в одном и том же источнике мифов и идей, быть причастными общей цивилизации, местные уклонения и различия которой уменьшаются с каждым днем. В Индии, напротив, расовые отличия остались до настоящей минуты резко выраженными; даже в собственно так-называемом Индустане существует не менее пяти отдельных рас, вполне разграниченных одна от другой как наружным видом, так нравами и языком. Раса, имеющая преобладающее влияние—раса «арийцев», чистые представители которой живут в верхнем бассейне Ганга, в виду священных гор Джамнотри и Ганготри, заключает в себе, вероятно, не более десяти миллионов индивидуумов, если принимать в рассчет только тех её представителей, которые носят имя браманов; но, несмотря на учреждение каст, которое, впрочем, возникло в позднейшее время, после эпохи нашествий, и действие которого буддизм приостановил на несколько веков, арийцы-победители разнообразно смешались с коренными жителями страны. Подвергаясь сами индийскому влиянию, они в то же время арианизировали постепенно туземных народцев полуострова; в северных и средних областях Индии и на острове Цейлоне насчитывают не менее 170 миллионов жителей, говорящих индийскими наречиями. Южная Индия составляет, в своей совокупности, другую глоссологическую область, именно область дравидских идиомов. В центральных провинциях народности еще полудикия, каковы колы, санталы, мундахи, гонды и разные другие племена, которые происходят, вероятно, от древнейших владетелей полуострова, оттесненных мало-по-малу к гористым и лесистым местностям внутренней Индии, говорят диалектами третьего семейства, которое вообще называют коларийским, по имени одного из главных народов этой группы первобытного населения. Другое племя, хази или хазиа, живущее в гористой области, между бассейном Брахмапутры и бассейном Иравадди, составляет само по себе четвертое семейство, совершенно

1 У Реклю и во многих других французских сочинениях одинаково пишется Бирмания и Бармания; мы здесь будем держаться оригинала Реклю, хотя на русских картах пишется Бирмания. *Ред.*

2 „Geographie universelle“, tome V.

отличное по языку от всех соседних семейств. Наконец, идиомы бод, или тибето-барманские, господствующие на Гималайских горах и в Западном Индокитае, наречия тай, или сиамской группы мой, или аннамской труппы, и многочисленные говоры, известные под общим именем малайского языка, представляют столько же ясно различающихся между собою делений, свидетельствующих о чрезвычайном разнообразии происхождений. Кюст насчитывает в Восточной Индии не менее 243 различных языков, представляющих всевозможные переходы от моносиллабических (односложных) говоров Индо-Китая до богатых флексивных наречий Индустана, происшедших от санскритского языка[1].

Область религий, которые получили начало в северных равнинах Индии, распространилась, благодаря пропаганде, гораздо далее, чем область арийских языков, и эти культы всюду принесли с собою соответственную цивилизацию. Что бы ни говорили, браманизм, сменивший древние ведические обрядности, стремился, как и все другие религии, покорить себе мир; он распространил свои завоевания даже на остров Яву и на соседние с ним острова Бали и Ломбок, где до сих пор еще можно найти его влияние в наречии, преданиях, нравах, искусствах, политических учреждениях. Все языки Восточной Индии сохранили, по крайней мере, следы мифов и эпопей, которым их научили индусские миссионеры; даже у языческих народцев на Малайских островах и в лесах Индо-Китая можно встретить религиозные церемонии, напоминающие некоторыми чертами обряды, которые некогда практиковались в стране индийского Семиречья. Но пропаганда учеников Будды была несравненно более деятельна, чем пропаганда браманских религий. С рвением, которое никогда и никем не было превзойдено,глашатаи «великаго учения» пошли на поиски всех народов, варварских и цивилизованных, чтобы проповедывать им благую весть о равенстве, самоотвержении, справедливости и братской любви. Они перешли даже за границы Восточной Индии и, перебравшись через Гинду-куш, Памир, Гималаи, пытались осуществить грандиозный план нравственного завоевания всех стран, которые простираются за этими горами до Тихого океана. Их вера покорила себе населения Тибета, Монголии, Китая, Японии, и влияние её проявилось, в форме шаманства, даже на берегах полярных вод, у чукчей, тунгусов и самоедов: еще в первой половине текущего столетия, до великих китайских революций и до изумительного размножения белой расы в Европе и в Новом Свете, религия Будды имела гораздо более значительное число последователей, чем католический культ и различные секты, прикрывающиеся именем Иисуса Христа. Но в то время, как буддизм распространялся таким образом за пределами своего отечества, принося с собою индусские идеи и, во многих странах, знание его священнаго языка, пали, и «божественнаго» письма, нагари, он терял мало-по-малу свое владычество в самом Индустане и даже был там и сям грубо оттеснен в верхния долины гор; кастовый дух, представляемый различными культами браманского происхождения, опять взял верх. Впоследствии явилась третья религия, религия ислама, принесенная из Западной Азии путем пропаганды и оружия, и замечательно, что новая вера получила наиболее важное значение именно в священной стране «Семи рек», превратившейся теперь в Пенджаб, или «Пятиречье»: так, одни религии сменяются другими на одной и той же почве, подобно тому, как в одном и том же лесу древесные породы меняются из века в век в известном порядке, по закону естественного кругооборота. Следуя с арабскими кораблями по большим торговым путям, магометанство распространилось также в архипелагах юго-восточной Азии, где оно образовало новый слой на основе различных местных религий. Что касается христианства, то оно стало господствующей религией только в тех местностях, где оно было навязано силой, как, например, недавно в Калькутте и на острове Цейлоне; но во всех этих округах католицизм скоро утратил свое кажущееся преобладание над национальными культами, перестав быть государственною религией.

Начиная с отдаленной эпохи арийских переселений, народы Индии всегда играли пассивную роль в истории войн и завоеваний. С нравственной точки зрения, экспансивная сила индусского гения была весьма значительна, как это доказывают торжество буддизма во всей

1 Robert Cust, „Les Religions et les Langues de l'Inde".

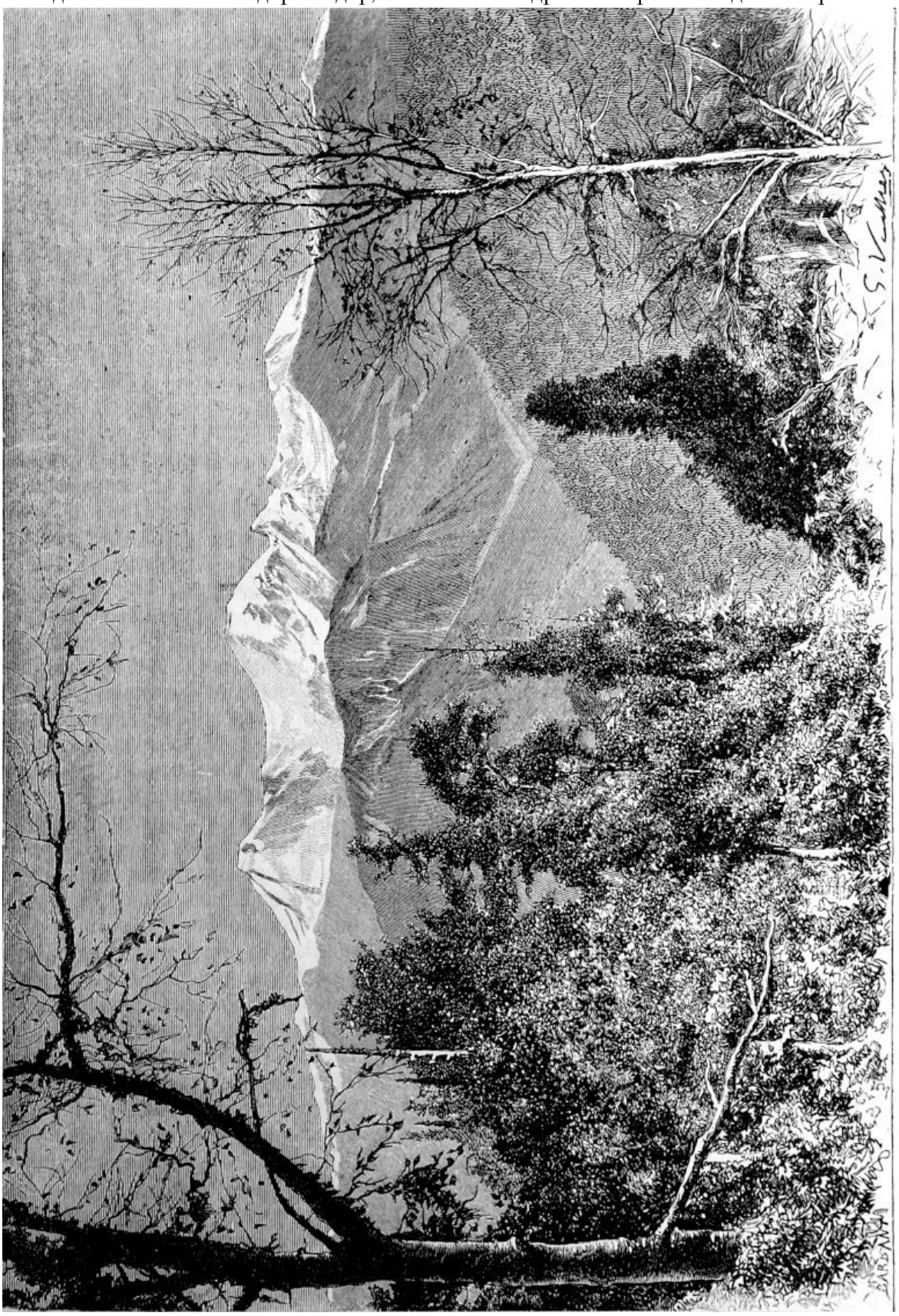
Восточной Азии и глубокое влияние, которое идеи, традиции и мифы индийского происхождения оказывали на философов и теологов Передней Азии, Египта и Греции, в течение периода, подготовившего восшествие христианства. Но, с материальной точки зрения, индусские народы, еще не достигшие до создания и утверждения своего собственного политического единства, не могли помышлять о вторжении в соседния страны. Да и какая земля могла бы казаться им заманчивой в сравнении с их родиной, столь богатой произведениями всякого рода, такой прекрасной, с её обильными текучими водами, лесами и горами? Сопредельные земли, на северо-востоке—холмы, населенные разбойничьими племенами, на севере—нездоровые леса и снеговые горы, на западе—дикия ущелья и угрюмая пустыня, были для них страшными пространствами, куда отваживались проникать только купцы, ходившие караванами. За исключением таинственных цыган, которых считают потомками джатов, или банджари, прогнанных с берегов Синда арабами, в восьмом и девятом столетиях, но которые соединились с другими изгнанниками или выходцами из Индии—может быть, с тою кастой странствующих котельников, которые ввели бронзу в западных странах—в исторические времена не было ни одного примера массовой эмиграции индусских населений; никакой завоевательный поход не имел исходной точки в равнинах Индустана, чтобы направиться за горы в Западную Азию. Хотя Индия с трех сторон окружена морем, и общее протяжение её берегов составляет около 6.000 километров, однако, индусы никогда не были великими мореплавателями, и выселение из отечества было даже воспрещено двум высшим кастам. Правда, индусы баниг-яна, или банианы, по большей части выходцы из Гудзерата и с соседнего морского берега, встречаются во всех портовых городах Аравийского моря; но во все времена, начиная с эпохи Гирама и Соломона до путешествия Васко-де-Гамы, наибольшая часть внешней торговли полуострова производилась чрез посредство арабов.

Но сколько честолюбивых государей, сколько полководцев, жаждавших славы и возвышения, пытались завоевать эту Индию, самое имя которой сделалось синонимом бесконечных и неисчерпаемых богатств! Оттуда привозились драгоценные ткани, оружие с богатыми украшениями из накладной работы, резные изделия из слоновой кости, жемчуг, алмазы и золото; западные народы приписывали этой стране чудес все сокровища сказочных царств. Уже Семирамида посылала свои армии до Синда; Кир сам ходил с войском к границам Индии, и легенда говорит, что на возвратном пути все, сопровождавшие персидского завоевателя, погибли в пустынях Гедрозии, то-есть Южного Белуджистана. Дарий, сын Гистаспа, возобновил планы Кира; около начала пятого столетия старой эры, первая исторически достоверная экспедиция персов, подготовленная, как рассказывает Геродот, за несколько лет перед тем географическою рекогносцировкой, произведенной Скилаксом Кариандским, была предпринята в области, расположенные по течению Синда, как о том свидетельствуют древние персидские надписи[1]. Победитель персов, Александр Македонский, не хотел остаться позади их подвигов; он решился даже превзойти их, «открывая нациям известного мира,—говорит Квинт-Курций,—страны, которые природа долго скрывала». Он перешел Инд и, следуя на юго-восток в направлении, параллельном первым отрогам Гималайского хребта и, без сомнения мало отличном от той «царской дороги», удвоенной теперь железным путем, которая во все времена была главным трактом от хребтов и перевалов Гинду-куша к равнинам Ганга, форсировал переход через реку Гидасп, или Джилам, вероятно, верстах в тридцати ниже того места, где в наши дни стоит город того же имени[2]. Вид мест вполне подтверждает описания древних авторов; так, например, там отыскали боковую долину, по которой Александр Великий пробирался ночью, чтобы напасть неожиданно на войска царя Пора, и гора, господствующая с северной стороны над всей страной, до сих пор носит еще имя «горы Солнца», или Бальнат-ка-тила, как в то время, когда Пор вопрошал там оракула. За Джилам македонский герой переправился последовательно через две другие реки Пятиречья, Ацезин (Чинаб) и Гидраот (Рави); но его армия, уставшая покорять мир, заставила его

1 Lassen; Oppert; Vivien de Saint-Martin.

2 Burnes, „Voyage a Boukhara“; Cunningham, „Ancient Geography of India“; Carl Ritter, „Asien“.

остановиться на берегу реки Гифазис, где он воздвиг двенадцать жертвенников своей собственной славе: высоты, расположенные на севере, в земле Манди, и теперь еще известны в крае под названием Сикандар-ка-дар, или «Александровых гор»[1]. Там долгое время находи-



Бандерпунчъ или Джамнотри.

лись границы известного мира, как это указывает таблица Пейтингера: «далее уже нет ниче-

1 Morccroft; Vigne; Vivien de Saint-Martin, „Etude sur la geographie grecque et latine de l'Inde“, 2-e memoire.

го, кроме реки Океана, которая окружает весь материк, то-есть весь свет»[1]. Вернувшись тем же путем к месту своей победы, на берега Джилама, где он велел построить, с одной стороны, город Никею, а с другой—город Буцефал, Александр Великий спустился затем вниз по течению Гидаспа до Инда, потом по этой реке до моря, исследуя речные рукава, устья и гавани и основывая города на удобных для этого местах, с целью установить постоянные сообщения между Востоком и Западом[2]. Так было положено начало научному исследованию Индии. С этой эпохи дороги на полуостров не были забыты западными народами, и до времен Юстиниана купцы из Рима, Византии и Александрии ездили прямым путем в Индию, по следам македонского царя. Один посол Селевка-Никатора, Мегасфен, проник гораздо далее внутрь Индустана, так как он посетил город Палиботру, в нижней равнине Ганга. Царь Сандрокотт, принимавший его при своем дворе, был, без сомнения, не кто иной, как знаменитый Шандрагунта индусских летописей; это первая историческая личность, о которой упоминают в одно и то же время повествования греческих историков и рассказы индийских писателей.

После похода Александра Македонскаго первое большое нашествие было вторжение мусульман. С начала восьмого столетия арабы приходили в долину Инда, и в течение следовавших затем восьмисот лет, до основания могущественного магометанского царства, известного в истории под именем империи «Великого Могола (Монгола)», северо-западная граница Индустана оставалась почти всегда открытою чужеземным завоевателем. Но султан Бабер, покоритель Северной Индии, еще не переходил через перевалы, ведущие из Туркестана в бассейн Синда, как уже европейские мореплаватели, обогнув мыс Доброй Надежды, отняли у горных тропинок Гинду-куша большую часть их исторической важности для торговли и для войны; совершив плавание кругом Старого Света, португальские корабли, так сказать, заставили Европу сделать поворот фронта; вместо того, чтобы смотреть на Восток через Египет и Персию, она должна была повернуться лицом к югу, чтобы вступить в сношение с Индией. Теперь Лиссабон занял место Венеции и сделался раздавателем сокровищ, привозимых с полуострова Ганга: равновесие мира вдруг изменилось. С этого времени морские державы Европы были ближе к Индии, чем государства центральной Азии, если не по расстоянию, то, по крайней мере, по времени путешествия, и, следовательно, располагали выгодами, превосходящими те преимущества, какими пользовались прежние завоеватели. Португальцы не довольствовались меновой торговлей с малабарскими городами: они скоро сами водворились на полуострове, но немного времени спустя явились уже соперники, чтобы оспаривать у них и чтобы увеличить завоеванную территорию. Голландцы, англичане, датчане, французы приходили последовательно основывать свои торговые конторы на индийской почве, и одно время можно было даже надеяться, что Дюпле приобретет для Франции Деканскую империю; но, оставленные без поддержки метрополией, маленькие французские отряды были уничтожены войсками английской ост-индской компании, и эта последняя, захватив в свои руки все главные торговые места и все стратегические пункты, сделалась самодержавной властительницей страны. В начале текущего столетия, в 1803 году, англичане овладели столицей Великого Могола и низвели преемника султана Акбара на степень простого пенсионера «компании»; затем, последовательно, они подчинили своей власти всех раджей полуострова или даже просто присоединили их владения к Англо-индийской империи. Теперь индийская императрица управляет непосредственно или косвенно 300 миллионами подданных в Индустане; она владеет также самою богатою частью Бармании и повелевает почти всеми царьками Малакского полуострова; на самой оконечности этого полуострова, в том месте, где необходимо должны проходить все корабли, огибающие юго-восток азиатского континента, она открыла всемирной торговле большой рынок—Сингапур. С своей стороны, Франция взяла в Кохинхине и в Камбодже область более значительную, чем были в прошлом столетии её владения в Индустане. Наконец, китайцы, не присоединив непосред-

1 Ernest Desjardins, рукописные заметки.

2 Carl Ritter, „Asien“; Ernest Desjardins, рукописные заметки.

ственно к «Цветущему царству» ни малейшего мыска, ни малейшего островка индийских земель, извлекают из этих стран больше выгод, чем многие из европейских держав: по промышленности, торговле, колонизации, они должны быть считаемы истинными завоевателями; можно сказать, что Сиам, в экономическом отношении, принадлежит им больше, чем самим сиамцам. На всем пространстве Восточной Индии действительно независимыми народами можно считать только населения Непала и Бутана, да племена полуцивилизованные или дикия, живущие в гималайских долинах, в индо-китайских лесах и на некоторых Малайских островах.

Если исключить некоторые области на тибетской границе, каковы Бутан и Верхний Ассам, а полуостров Индустана уже хорошо известен с точки зрения географического рельефа, и карты некоторых из его провинций в отношении точности не уступают картам западноевропейских стран; что же касается Индии по ту сторону Ганга, то там правильные исследования производились только в английских и французских владениях, да вдоль морского прибережья. Замечательный контраст существует в этом отношении между берегами Индо-Китая и внутренними землями. В то время, когда тысячи судов проходят каждый год в Малайском проливе, большая часть областей Лаоса и Северной Бармании остаются до сих пор вне маршрутов европейских путешественников, и даже долины больших рек еще не везде обследованы. Но это состояние неведения относительно стран, столь любопытных, которые отделяют Бенгальский залив от верхней долины Янтсекианга, не может быть продолжительным. Побуждаемые интересами торговли, народы стараются везде сближаться друг с другом прямыми путями, оставляя прежние длинные объезды вокруг полуостровов. Подобно тому, как, отправляясь из Марсели в Бомбей, путешественники предпочитают кратчайший путь через Суэзский перешеек продолжительному плаванию вокруг Африки, и как они современем будут следовать из Европы в Азию по той или другой из железных дорог, проходящих через Константинополь и долину Евфрата или через Кавказ и Хайбер, так точно Калькутта, рано или поздно, соединится с городами Восточного Китая различными сухопутными дорогами, и именно через местности, почти совершенно неизвестные в наши дни, будет проложен один из главных и наиболее посещаемых путей нашей планеты. Индия и Китай, две самые многолюдные страны в свете, заключающие вместе целую половину земного населения, не имеют еще дороги, которая соединяла бы их непосредственно,—факт, как нельзя лучше подтверждающий ту истину, что человек едва только начинает вступать во владение и пользование земным шаром, которого он величает себя хозяином и господином.

Глава II Индустан

I. Общий вид страны

Имя Индустан—персидского происхождения; оно означает «Земля индусов», и есть, в несколько измененной форме, то же самое, что и древнее название «Индия», применяемое к полуострову Ганга уже со времен, предшествовавших истории. Откуда произошло это слово, которое во времена великих географических открытий, ознаменовавших пятнадцатое и шестнадцатое столетия, было употребляемо для всех стран тропического пояса и которым до сих пор еще обозначают Антильские острова и прибрежные земли Караибского моря, точно так же, как полуострова и острова юго-восточной Азии? По толкованию большинства комментаторов, это имя есть не что иное, как название реки Синду, переделанное западными народами в Инду, Индос, Индус или Инд[1]: весь полуостров, как они полагают, был назван

1 Большие трудности, какие представляла географическая номенклатура Индустана, отныне устранены

по имени главного потока, который орошал поля первобытных арийцев. Но эта этимология показалась уж слишком простой, что и помешало ей сделаться общепринятой. Уже буддийский пилигрим Гиуэн-Тсанг производил имя страны от слов ин-ту, означающих «луну», на том основании, что жрецы просвещали свое отечество, отражая, как месяц, свет солнца. Другие видят в названии Индии имя бога Индры, рука которого также управляет движением луны на небесах, так что, следовательно, Индустан есть по преимуществу «подлунный мир». Полуостров Ганга носит также разные поэтические наименования: это Сударсана или «Вьюнок», Бхарата-варша, «Плодородная страна», «Цветок лотоса», или, наконец Джамбудвипа, «Ямболовый остров», названный так в честь одного красивого индийского дерева из семейства миртовых—ямболы или евгении (Eugenia jambolana); на одной из гор Гималайского хребта стоит одно из этих дерев, «святое, бессмертное, достающее небес, обремененное плодами, которые падают на землю с оглушительным шумом и выпускают из себя целые реки сока»[1]. Что касается названий Ариа-варта, Ариа-бхуми, Ариа-деса, «земля, область или край арийцев», данных стране расой завоевателей, то они могли применяться только к местностям, занятым арийцами, то-есть к бассейну «Семиречья» и к равнинам, простирающимся на восток до Джамны. История ведийских арийцев останавливается на той эпохе, когда эти выходцы с северо-запада пришли на берега Ганга[2]. Но их преемники, привилегированные члены высшей касты, без сомнения, имели притязание на всю обитаемую ими страну, считая ее как бы своим частным владением: Гиуэн-Тсанг, между другими именами нынешней Индии, упоминает также название «царства поломенов», то-есть браманов.

Естественные границы Индустана так ясно очерчены, что единство полуострова, даже принадлежащего различным расам и разделенного на многие враждебные друг другу государства, было сознаваемо во все времена; как некогда Италия, Индия всегда имела значение «географического выражения». На протяжении около 12.000 километров[3] море и горы совершенно опоясывают страну, громадную территорию, поверхность которой заключает не менее 3.750.000 квадр. километров, то-есть, в двенадцать слишком раз превышает площадь Британских островов, или составляет более трети Европы, и которая простирается от экваториальных областей до 12 слишком градусов внутрь умеренного пояса. Пространство Индустана, включая сюда французские и португальские владения, а также Непал, Бутан, маленькия независимые государства в Гималайских горах и Сингпо, но без Манипура, Джиттатонга и английской Бармании, исчисляется в 3.753.358 кв. километров. Пространство Индустана, с островом Цейлоном, островами Малдивскими, Лакедивскими и островками Чагос, определяют в 3.826.034 квадратных километра. Правда, браминские ученые и европейские географы, увлеченные манией условных делений, хотели было принять течение Инда за северо-западный предел Индустана; но не изменчивое ложе рек, а горы с их климатическими поясами, с их населениями, ведущими образ жизни, совершенно отличный от образа жизни обитателей равнин, составляют истинные границы между странами. Туземцы бассейна Инда никогда не ошибались на этот счет; во все времена они понимали контраст, существующий

окончательным принятием способа транскрипции, который предложил Гунтер, по методе Станислава Жюльена, и который теперь принят лондонским географическим обществом, различными учеными обществами и большинством журналов и карт Индии, местными администрациями и правительством. Правда, точное воспроизведение индусских звуков европейскими буквами невозможно, так как санскрит имеет 50 знаков, но новая метода имеет, по крайней мере, то драгоценное преимущество, что она передает приблизительно имена, оставляя буквам нормальный звук, который они имеют почти во всех европейских языках и особенно в самих диалектах Индустана. Таким образом, исчезнет мало-помалу странная путаница, которую представляли географические карты и документы, где иной город носил до одиннадцати различных имен, более или менее оправдываемых произношением туземцев в различных наречиях страны. В этому томе мы будем неизменно придерживаться способа транскрипции, введенного Гунтером.

1 „Maha Bharata, Rhishma Parva“, „stances 272 a 277, traduction d'Hippolyte Fauche“.

2 Chr. Lassen; Vivien de Saint-Martin; Cunningham; Marius Fontanes, „L'Inde vedique“.

3 Метр, десятимиллионная часть четверти парижского меридиана, равен 1,4 аршина, или 3,281 фута. Километр, или 1.000 метров, равен 0,937 версты.

между «теплою областью», где находятся их города, и «холодною областью» плоскогорий и возвышенных долин, населенных теперь афганцами, и на горы, известные в наши дни под именами Сефид-кух, Сулейман-даг, Хиртар, они всегда смотрели и смотрят как на естественную границу своего отечества. Если брамины, ревниво сберегающие чистоту своей веры, запретили поклонникам Брамы переходить за Инд, то этот запрет, явившийся в относительно недавнее время, был вызван магометанскими нашествиями, которые имели следствием перемену религий в северо-западной части Индии. Тогда как браманские общины встречаются еще в довольно большом числе во всех частях Пятиречья, лежащих к востоку от Инда, они очень редки на западе от этой реки.

С самого начала исторических времен индусы знали истинную форму обитаемого ими полуострова; когда геометры экспедиции Александра Македонского прибыли на берега Инда, сведения, которые им дали и которые были подтверждены впоследствии посланникам сирийских царей, позволили им составить карту, совершенно точную в её общих контурах. По Эратосфену, который утилизировал собранные греческими исследователями данные, Индия имеет форму неравностороннего четыреугольника, и длина, которую он дает различным сторонам, приблизительно совпадает с истинными размерами. Но хотя окружность полуострова далеко не отличается геометрическою правильностью, однако, прекрасное равновесие страны, симметрически расположенной между двумя морями, которые омывают ее на востоке и на западе, и у подножия величественных гор, которые господствуют над нею на севере, естественно должно было увлечь индусских ученых к преувеличениям относительно ритма внешних очертаний их отечества. Разбирая описание земли, составленное индийским мудрецом Санджаей[1], ученый комментаторы пришли к тому заключению, что Индустан представлялся ему в виде равностороннего треугольника, совершенно правильного, разделенного на четыре второстепенных треугольника, равных между собою[2], но в том же самом рассказе Санджая сравнивает так же поэтично, хотя и менее верно, «круг Джамбудвипы» (Ямболового острова) с военным диском, потом с четырелепестным лотосом. Это последнее сравнение страны с «священным цветком» было, повидимому, самое обыкновенное, общепринятое, и о нем упоминают буддийские пилигримы, приходившие из Китая. Астрономы шестого столетия христианской эры опять берут, для сравнения, фигуру лотоса, чтобы разделить Индию на девять частей, соответствующих центру цветка и восьми лепесткам, имя которых, впрочем, несколько раз менялось. Даже весь свет был сравниваем с огромным цветком, состоящим то из четырех, то из семи или девяти лепестков, соответствующих такому же числу двип, «островов» или полуостровов, расположенных концентрическими кругами вокруг Меру, «золотой горы», которая служила местопребыванием богов. Каждый из этих кругов земель был окружен отдельным океаном, образованным колеей колесницы Прияваты[3].

После Александра Великого и Селевкидов, истинная форма Индустана была забыта греками, ученые комментаторы, овладев старинными документами, мало-по-малу исказили их, придавая им смысл, совершенно отличный от того, который они имели на самом деле. В географии Птоломея Индия по сю сторону Ганга уже утратила форму полуострова; очень расширенная по направлению от востока к западу, она, напротив, съуживается по направлению от севера к югу, и некоторые из её мысов получают более важное значение, чем мыс Коморин; несмотря на составленную сеть широт и долгот, форма Индии была так искажена александрийским географом, как она не была искажена даже мистической фигурой цветка лотоса. Градусы, означенные на картах, послужили только к тому, чтобы увековечить ошибочное представление, которое и продолжало господствовать до той эпохи, когда японские мореплаватели могли обследовать истинное положение индийских берегов. Со времени знаменитого путешествия Васко-де-Гамы истинная форма полуострова Ганга постепенно

1 „Maha Bharata, Bhishma Parva“, „stances 1 a 494“.

2 „Colebrocke; Wilford; Cunningham“, „The ancient Geography of India“.

3 Muir, „Original Sanscrit Texts on the Religion and Institutions of India“, vol 1.

восстановилась для географов, и французский географ д'Анвиль мог резюмировать все наблюдения своих предшественников в своей превосходной карте, которая вышла в свет в половине восемнадцатого столетия; но первые топографические съемки явились только в 1763 году, вместе с исследованиями Реннеля, «отца индийской географии», относительно равнин по нижнему течению Ганга. Около сорока лет спустя, в 1802 году, Лембтон начал от Мадраса, как исходного пункта, работы по триангуляционной съемке, которая в 1882 году еще не была вполне окончена. Правда, что это труд громадный, и препятствия и лишения всякого рода, которые приходится одолевать и переносить его исполнителям, лихорадки, постоянно свирепствующие в джунглях и болотистых местностях, делают его более опасным для человеческой жизни, чем даже поле сражения; смертность всегда была менее сильна среди индийских солдат в походе и на войне, нежели среди географов топографической бригады[1]. В настоящее время геодезические операции продолжаются по ту сторону Соломоновой горы (Сулейман-даг), в Афганистане и Белуджистане, на севере они проникают в долины и на гребни Гималайских гор, в ожидания того времени, когда можно будет продолжать через Тибет измерение «большой дуги» меридиана, которая начинается на мысе Коморин и должна со временем окончиться на сибирских мысах, в Ледовитом океане; на востоке сеть треугольников проникает из Ассама в Верхнюю Барманию и соединяется с Банкоком через бассейны рек Иравадди и Салуэн. Окончательная карта, состоящая из 177 листов, которая должна резюмировать результаты исследования Индии, а также западных берегов Индо-Китая и полуострова Маллаки, уже составлена на две трети, и тысячи специальных карт и планов раскрывают перед нами все географические детали страны.

В совокупности своего рельефа, Индия по сю сторону Ганга состоит из двух областей треугольной формы, имеющих общее основание и резко отличающихся одна от другой; эти две области—Южная Индия и северная индо-гангесская равнина, которые Карл Риттер, в своих мемуарах по географии, сравнивал с Апеннинским полуостровом и с равнинами по течению По, окаймленными полукруговым валом Альпийских гор. Действительно, во многих отношениях конфигурация земель на азиатском континенте напоминает контуры Европы. Каждая из этих двух частей света разрезана на юге на три полуострова, имеющие общее сходство по некоторым своим чертам Индия—это азиатская Италия[2]. Но пока истинная причина этих отдаленных аналогий между континентальными формами Европы и Азии нам не известна, достаточно указать на них, не пытаясь искать в этом факте, как это часто делали, какое-то мистическое соответствие между различными частями земного шара.

Южный треугольник Индии, берега которого тянутся от устья р. Нарбады до устья р. Маханадди, представляет возвышенность, область горных цепей и плоскогорий: это та половина Индустана, которой следовало бы оставить специально название «Полуострова». Центральная часть этой территории, Декан, прежде Декшин или Дакшина-пата, то-есть, «Юг» или «земля, лежащая по правую руку» (когда смотришь на восток), представляет страну различной высоты, среднее возвышение которой над уровнем моря от 300 до 1.000 метров и которая в целом имеет покатость по направлению от запада к востоку. Декан состоит, почти на всем своем протяжении, из плоскогорья образованного из гнейса и переходных формаций, которое некогда составляло почти островную группу, в ту эпоху, когда Северная Индия была частью покрыта водами океана. Но эти первые или основные пласты Декана покрыты, на пространстве слишком 500.000 квадр. километров,—то-есть на пространстве, равном площади всей Франции,—застывшими потоками базальтовых трапов большой толщины, имеющими в некоторых местах мощность в несколько сот и даже более тысячи метров; там и сям на плато из лав перерезанные оврагами крутые утесы, возвышающиеся в виде холмов, указывают конечный откос потоков лавы, вышедших в жидком состоянии из вулканических кратеров, давно уже изгладившихся и не оставивших после себя никаких следов. Эти вулка-

1 Clements Markham, „A memoir on the Indian Surveys“.

2 Carl Ritter, „Asien“.

нические излияния происходили в течение мелового периода и даже в первые времена эоценовых веков; но с той эпохи почва Декана пребывает в состоянии покоя, и периодическое чередование дождей, ветров, жаров и холодов, исполняя свою работу обнажения формаций, разрушило во многих местах обшивку лав, которая некогда занимала гораздо более значительное протяжение, чем в наши дни. Кроме того, поверхность трапов разложилась под влиянием атмосферных деятелей и преобразовалась в слой латерита, горной породы, которая, может быть, вне Индустана и Индо-Китая не встречается нигде, кроме мыса Доброй Надежды: это железистая глина, образующая слой толщиной от 10 до 60 метров и продолжающаяся в виде бесконечных равнин, серых или красноватых, покрытых скудною растительностью: глина эта испещрена, словно лентами, полосами ржавого цвета, которые часто придают ей вид яшмы; в других местах она походит на лаву. Дождевая вода тотчас же исчезает в скважинах этой горной породы, и поверхностная земля, впрочем очень тонкая, остается всегда сухой и жадно впитывает влагу. Целые, довольно толстые слои этой формации, смешанные с обломками всякого рода, с гравием и песком, были увлекаемы с плоскогорий и переносимы ветрами и дождями в нижния долины и равнины; даже на берегу моря можно встретить эти латериты, передвигаемые и округляемые волнами. Они принадлежат, по большей части, недавней эпохе, и, вероятно, эта горная порода образуется еще и в наши дни[1].

Треугольное плоскогорье Декана с трех сторон ограничено краевыми горными цепями. Самая правильная из них—это цепь западных Гатских гор, называемая также горами Сагиадри, особенно около северной её оконечности. Прерываемые там и сям брешами и даже широкими порогами, Гатские горы образуют в целом ряд параллельных кряжей, идущих по направлению от запада к востоку и соединяющихся своим западным краем. С морского прибрежья они представляются в виде непрерывного выступа, крутые скаты которого тянутся параллельно берегу на пространстве около 1.300 километров, от берегов р. Тапти до мыса Коморин. Только узкая полоса ровных земель, занятых там и сям короткими потоками, разделяет горы и море; это область «нагорных берегов», или конканов. В некоторых местах высокие мысы с обрывистыми стенами, выдвигаясь из массы плоскогорья, купают свои утесы в пенистых водах Аравийского моря. Из портов или бухточек прибрежья ясно видны вдали вырезки синеватых гор, через которые путешественники могут перебраться на противоположный склон; зеленеющие террасы, по которым взбираются крутыми извилинами и зигзагами обыкновенные и железные дороги, кажутся издали как бы ступенями монументальной «лестницы»; отсюда и название ghat, данное этим горам. Над горными проходами высятся валы из лавы, оканчивающиеся кругообразными выступами,— естественные крепости, которые государи Декана обставили башнями и превратили в неприступные твердыни.

Среднее возвышение западных Гатских гор всего только около 1.000 метров; во многих частях своего протяжения они не достигают даже половины этой высоты, но некоторые вершины превышают 1.400 метров, а в 350 километрах от конечного выступа краевая цепь, соединенная с другими отрогами, поднимается на значительную высоту и образует массив из гнейса и порфира, получивший, подобно многим другим собраниям горных вершин, имя Ниль-гири, или «Голубых гор». К югу от этой группы, высшая точка которой лежит на 2.650 метров слишком над уровнем океана, стена Гатских гор вдруг прерывается широкою брешью, долиной Паль-гат, которая, повидимому, некогда была морским проливом и над которой господствует, с южной стороны, самый высокий массив Индии в собственном смысле, называемый Анамалах, или «Слоновой горой». Анамуди, или «Чело слонов», высочайшая вершина этой гористой области, почти островной, превышает метров на тридцать Додабетту, главную вершину Голубых гор (Ниль-гири); только в половине истекающего столетия, именно в 1851 году, англичанин Микель (Michael), посланный на поиски тековых лесов, так сказать, впервые открыл эту прекрасную горную страну, эту «дравидийскую Швейцарию»; до того времени только издали видели её гнейсовые и порфировые вершины, обрисовывающиеся на более светлом фоне неба, так как подступ к ней прегражден поясом болотистых ле-

1 Medlicott and Blanford „Manual of the Geology of India“.

сов, часто посещаемых лихорадкой. Слоновые горы разветвляются на юго-восток, по направлению к острову Цейлону, выделяя из себя цепь Пальни, высота которой еще превышает два километра, и затем продолжаются на юг менее возвышенной грядой, названной, по имени главного её продукта, «Кардамоновыми горами». Эта цепы оканчивается пологим скатом на Камари, или Коморине, «мысе Девы», куда и до сих пор еще, как во времена первых греческих мореплавателей, приходят купаться, в честь богини Дурги, в смешанных водах двух морей. Вся полуденная часть Индии, к югу от пролома Паль-гат и долины Кавери, может быть рассматриваема как независимый массив: природа как будто пытается образовать там другой остров Цейлон по рельефу и контурам, да и самый Цейлон, на половину соединенный с континентом подводными скалами «Моста Рамы», принадлежит геологически к цепи Гатских гор.

Краевая цепь восточных Гатских гор начинается лишь на севере от понижения гребня или долины, где бегут извилистой линией воды реки Кавери. Так же, как и западная цепь, восточные Гатские горы тянутся в направлении, параллельном соседнему морскому берегу; но, расположенные на низком склоне плоскогорья, который имеет общую покатость по направлению от запада к востоку, они, в среднем, менее высоки и разделены на множество отрывков широкими долинами и ущельями рек. Можно сказать, что восточные Гаты, среднее возвышение которых всего только около 500 метров, состоят из отдельных массивов и отрогов, составляющих просто внешние края или борты Декана. На юге первый из этих массивов—горная масса Шиварай, господствующая над низменными равнинами Пондишери; на севере ряд горных цепей оканчивается в Ориссе группой, называемой Ниль-гири, или «Голубыми горами», как и группа полуденной Индии, но только вдвое менее высокой. Выступы, господствующие над плоскогорьем, соединяются разнообразно с горами морского прибрежья и образуют там и сям целые лабиринты долин, которые до недавнего времени считались недоступными.

Северная граница возвышенностей Декана обозначена не одной только краевою цепью: две внешния гряды гор и многие группы вершин, подобные выдвинутым веркам крепости, составляют этот раздельный пояс между плоскогорьями юга и равнинами севера Индии. Собственно краевою цепью следует считать ту, которая тянется с запада на восток, к югу от долины реки Тапти: её высшая точка, около географического центра полуострова, находится в массиве Магадео, или «Великого Бога». Другая, параллельная цепь идет между реками Тапти и Нарбадой: это гряда Сатпура, которой западная часть, совершенно вулканического происхождения, сливается на востоке своими хребтами из метаморфических пород с изрезанным оврагами плоскогорьем центральных провинций; продолжаясь по направлению к пригангским равнинам, эта цепь оканчивается базальтовыми холмами Раджмагаль, покрытыми, как и часть Декана, пластом латерита, и священными горами Параснат. Этот естественный рубеж Деканского плоскогорья составляет в то же время и этнографическую границу: на севере останавливаются населения арийских языков, тогда как на юге от гористого пояса, окаймленного полосой нездоровых и мало обитаемых джунглей, везде живут дравидийские народности[1].

При внимательном изучении карты Индустана не трудно убедиться, что краевая цепь полуостровного плоскогорья продолжалась некогда на восток к горам Гарро и другим массивам, ограничивающим с восточной стороны долину Брахмапутры: очевидно, две большие реки, Ганг и Брахмапутра, проложили себе путь через какую-нибудь расселину древней цепи и мало-по-малу размыли ее, унеся обломки в Бенгальский залив; пролом, разделяющий теперь два отрывка горной массы, имеет не менее 200 километров ширины. При том, горная цепь южного Ассама, которая, тянется с запада на восток и северо-восток, также находится в геологической связи с этими горами и напоминает своим образованием передовые цепи, которые в северо-западных провинциях ограничивают невысокие плато, расположенные при основании снеговых гор. Так же, как и эти высоты, Ассамские горы состоят в

1 George Campbell „Mittheilungen von Petermann“, 1868 г., № 1.

большой части из третичного песчаника и раковистого известняка, залегающих на более древних формациях[1]. Средняя их высота от 1.200 до 1.500 метров, а высший пик, Шиллонг, поднимается на 1.962 метра над уровнем моря. Различные части этого горного вала, который на востоке примыкает к хребтам барманской границы, носят различные названия, по имени живущих там племен: это горы Гарро, Хази, Джайнтиа, Качар, Нага. Англичане часто называют их общим именем Ассамских холмов (Assam hills).

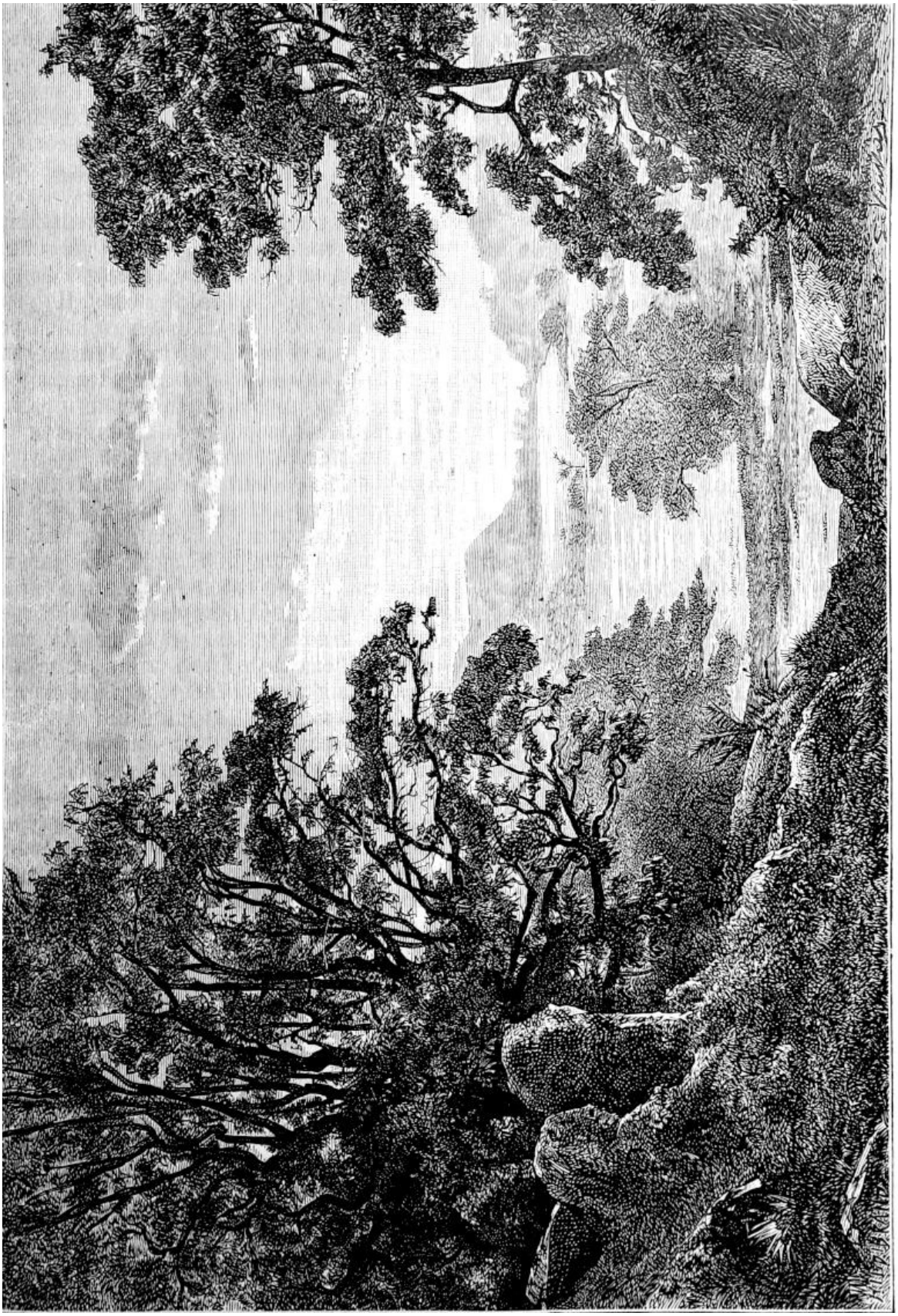
На севере от реки Нарбады, которую иногда принимают за раздельную линию между двумя половинами Индии, другие цепи, означаемые более специально под именем гор Виндиа,—именем, которое вообще приписывалось древними поэтами также всей совокупности горной перегородки Индустана,—направляются от западных берегов полуострова к равнинам по течению реки Джамны; но они не образуют в целом географической границы: ни одна из их вершин не возвышается более чем на 150 метров над уровнем окружающих земель. На западной оконечности гор Виндиа, один передовой массив, известный под именем Раджпутских гор, выделяет из себя в северо-восточном направлении скалистую цепь Аравалли, тогда как одна вершина, почти уединенная, гора Абу, увенчанная некоторыми из самых знаменитых святилищ Индустана, поднимается над пустынными равнинами, продолжающимися далеко по направлению к Инду. Почти все горные породы средней части Индии принадлежат к очень древним формациям, и эти-то породы заключают в себе важнейшие каменноугольные пласты, равно как богатейшие рудные месторождения. В группе гор Чалчир, между Ориссой и центральными провинциями, геологи наблюдали глины глетчерного происхождения и скалы, испещренные полосами или бороздами и отшлифованные; это еще один лишний пример, прибавленный к многим другим фактам того же рода, свидетельствующим о существовании ледяного периода в странах тропического пояса, лежащих на незначительном возвышении над уровнем моря. Точно также сходство, которое представляет ископаемая флора каменноугольных пластов Южной Индии и Австралии, служит несомненным доказательством того, что эти земли, теперь удаленные одна от другой почти на 9.000 километров, составляли в давния времена часть одного и того же материка[2].

Большая треугольная равнина севера Индии, образуемая двумя нижними бассейнами Инда и Ганга и промежуточными пространствами, занимает в ширину протяжение около 2.400 километров, равное расстоянию от Парижа до Москвы: это страна, которой персы дали специально имя Индустана,—название, которое теперь применяется к целому полуострову. Эта область, хотя менее обширная, нежели область плоскогорий и горных цепей Южной Индии, и хотя занятая частью, между горами Аравалли и рекою Индом, бесплодными, совершенно необитаемыми пространствами, есть, однако, самая многолюдная из двух половин Индии; 160 миллионов жителей скучены в орошаемых местностях равнины, тогда как Декан и географически принадлежащие к нему округи населены только сотней миллионов людей. Вследствие контраста, который представляют эти две области, история населений должна была следовать с той и другой стороны совершенно различным течениям. Северный бассейн, нивеллируемый и оплодотворяемый реками, которые через него протекают, естественно сделался большим притягательным фокусом для окружающих наций. Земледельцы сгруппировались в этих плодоносных местностях; там возникли многочисленные города и рынки, центры торгового движения, промышленность быстро развилась, цивилизация совершила свои чудеса. Но там же, в этой области, последовательные нашествия чужеземцев вызвали самые сильные столкновения народностей, и потому там всего чаще переменялись или обновлялись расы. Обширный бассейн, окруженный со всех сторон более возвышенными областями, индо-гангская равнина была, так сказать, заранее выставлена, подобно Северной Италии, вторжениям всех своих соседей. На западе афганцы и даже завоеватели, приходившие из-за Гинду-куша, находили широко раскрытые двери, чтобы спускаться с гор к этим богатым плодородным равнинам и этим пышным городам, которые наполняются сокровищами в

1 Medlicott; Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society of London“, 1873 г.

2 Henry Blanford, „Quarterly Journal ot the Geological Society“, nov. 1, 1875.

течение самого короткого периода мира; на севере воинственные народцы горных цепей были отделены от земледельцев равнины только узким поясом болотистых пространств; также и на востоке дикия племена гор, откуда вытекает Брахмапутра, видели перед собою доро-



Видъ съ горы Абу.

ги, удобные для их разбойничьих экспедиций. В течение веков чужеземные набеги возобновлялись беспрестанно то на одном, то на другом пункте, и иногда эти вооруженные посещения принимали характер настоящих переселений. Таким образом, в продолжение истори-

ческого периода масса населения не переставала изменяться и обновляться в равнинах Инда и Ганга. Древние расы, языки былых времен не встречаются более в этих краях, которые так часто были опустошаемы огнем и мечем, тогда как плоскогорья и лесные долины полуденной Индии могли сохранить в их первобытной чистоте многие племена, имеющие до сих пор ту же физическую внешность, тот же язык, те же нравы и обычаи, как две или три тысячи лет тому назад; но эти народцы должны были роиться, когда их ульи переполнялись, и в какую же сторону должны были направляться преимущественно их эмигранты, воинственные или мирные, если не к прекрасным городам равнины, которые манили их своими золотыми, ярко блестевшими куполами? В этом отношении мы замечаем на полуострове Индии контраст, подобный тому, какой представляет Франция, впрочем, в гораздо меньших размерах. Обе эти страны имеют на севере свой фокус притяжения, на юге—свой центр рассеяния. Но выходцы с плоскогорий и гор не только спускались к северным равнинам; они направлялись также по самой окружности полуострова, вдоль берегов Карамандельского и Малабарского. От внутренних, более возвышенных областей народонаселение постепенно увеличивается численно по направлению к морскому прибрежью, где следуют одни за другими непрерывным рядом города и деревни, утопающие в зелени. Совершенно естественно также, что в Южной Индии военные кампании, передвижения народов, образования государств, словом, все историческое движение, происходили, главным образом, на той покатости, которая наклонена к Бенгальскому заливу, так как в этом направлении тянутся более пологие склоны гор, открываются широкия долины и текут большие реки; западный склон Декана круче, чем восточный.

Гималай, который иногда рассматривают как часть Индустана, есть в действительности особый мир, индийский—по своему основанию, по растительности, по климату и по вытекающим из него рекам, тибетский—по громадной выпуклости земного рельефа, которой он составляет полуденный край. Но этот хребет есть в то же время продолжение горба Азии. Название «кровля мира», которое обыкновенно применяют к одному Памиру, принадлежит в действительности всем плоскогорьям и всем горным цепям, которые занимают центр континента, от Гинду-куша до Сечуанских Альп и от Тянь-шаня до Ассамских гор. Эти раздельные хребты, имеющие общее протяжение в несколько тысяч километров, составляют, так сказать, особый континент, поставленный на материк нижней Азии. Главные территориальные деления этой части света, естественно, те, которые очерчены этими могучими горными массами. На северо-западе, бассейн Аму-Дарьи начинает собою обширную низменность русской Азии; на северо-востоке, таримские пустыни продолжаются невысокими плоскогорьями Монголии и равнинами Китая; на северо-западе, Гинду-куш прикрывает Афганистан и Персию, тогда как на юге и на юго-западе открываются глубокие бассейны Инда и Ганга.

Из всех этих частей разветвленного горба Азии самая возвышенная, если не по всей совокупности своей массы, то, по крайней мере, по высшим выступам своего гребня, есть, вероятно, Гималай; но с полною уверенностью мы еще не можем этого сказать, так как высшие точки Тибетского плоскогория и Западного Сечуана и даже отчасти высшие точки загималайской цепи ожидают еще исследователя, который измерил бы их. В начале настоящего столетия англичане, видя высокие, покрытые вечным снегом вершины Гималая, поднимающиеся над равнинами Ганга, не знали еще относительной важности этих гор в планетном рельефе; со времени исследований Бугера и Кондамина в экваториальных Андах стали смотреть на Чимборасо как на гиганта между горами земнаго шара, хотя эта гора не имеет права на первенство даже в пределах южно-американского континента. Однако, Вильям Джонс, в 1784 году, составляя мемуар, который был издан в свет только двадцать лет спустя, высказал мнение, что Гималайские горы—«самые высокие на всей земле». В 1805 году, Крауфорд, первый, измерил высоту некоторых из колоссов, господствующих над долинами Непала, и указал на них географам как на горы, далеко превосходящие, по высоте, южно-американские Анды; но между его соотечественниками нашлись люди, оспаривавшие справедли-

вость его выводов, и так как его путевой журнал затерялся, то вопрос был окончательно решен лишь сорок лет спустя, в 1845 году, когда, производилась, под управлением Эндрью Уога, топографическая съемка западного Гималая и гор Сиккима[1]. Уог первый обследовал и измерил, на общей границе Тибета и Непала, ту «Лучезарную» гору, Гауризанкар, вершина которой поднимается выше всех других до ныне измеренных выступов рельефа земного шара над поверхностью морей, именно почти на 9 километров, то-есть достигает высоты, в два раза превосходящей высоту Мон-Розы. Замечательно, что тоже на глубине около 9 километров была открыта, кораблем «Tuscarora», в Тихом океане, против восточных берегов Японии, величайшая, известная до сих пор морская бездна; общая разность неровностей земного рельефа, между высшей точкой Азии и самой глубокой впадиной её морей, составляет около 17 с половиной километров (вот точные цифры: высота Гауризанкара 8.840 метр., глубина пучины, открытой кораблем «Тускарора», 8.573 метр., расстояние между этими двумя точками, по вертикальной линии, 17.413 метров). Это неровности вполне ощутительные относительно размеров нашей планеты; выступ рельефа, образуемый Гауризанкаром, представляет около 720-й части земного радиуса.

Среди санскритских и тибетских названий, которые носят различные вершины Гималайских гор, английское имя Эверест, которое Уог дал, в память своего предшественника, «Лучезарной» горе, кажется странным и даже шокирующим; но не справедливо ли, чтобы деятельное и плодотворное участие, принятое европейской наукой в деле исследования Индии, было заметно хоть сколько-нибудь в географической номенклатуре, и чтобы какое-либо определенное наименование, хотя бы и чужеземное, заменило те буквы и цифры, которые инженеры-топографы, не знавшие туземных названий, должны были употреблять на первых порах? Хотя индусы, без сомнения, знали большие массивы, которые высятся на южном краю Тибетского плоскогорья; хотя они воспевали их в своих поэмах, прославляли в своих молитвах; хотя они перечислили тысячи бесплотных духов, которые кружатся над их вершинами в блеске утренних лучей солнца, тем не менее, они, кажется, не имели точного понятия об истинной форме Гималая; всецело погруженные в обожание, они не могли, конечно, профанировать своего культа строгими наблюдениями. Трудно отождествить различные горы, имена которых встречаются у древних авторов, а совершенно невозможно согласить их описания с истинным рельефом страны, так как они старались везде отыскать симметрию форм, которой не существует в действительной архитектуре горных цепей и в расхождении долин. Однако, не подлежит сомнению, что главными массивами Гималая они считали не те, которым новейшие исследователи придают первенствующее значение. Подобно тому, как путешественники центральной Европы, следуя по течению больших рек, Рейна, Роны, Тессина, были, так сказать, направляемы в своем движении к центральной группе Сен-Готарда, и, естественно, принимали его за хребет или горб нашего континента, так точно индийские пилигримы, поднимаясь по течению своих рек, Синду, Сетледжа, Джамны, Ганга, и видя перёд собой неприступные горы, возвышающиеся между истоками этих священных вод, вообразили, что там восседают бессмертные боги, созерцающие бездны мира; там высятся Меру, «золотая гора», и Сринговат, «окованный всеми металлами», Кайлас, «сложенный из драгоценных камней», Нила, «сделанный из лазурика»[2]. Легенды, относящиеся к этой таинственной стране, росли и множились из века в век, так что, наконец, всякая действительность исчезла под густой тканью, сплетенной из басен. Так, в седьмом столетии, когда китайский пилигрим Гиуэн-Тсанг странствовал по Индустану, гора Анеута или Сумилу, то-есть гора, «образованная из четырех драгоценных вещей», была представляема как опирающаяся на золотое колесо и омываемая водами обширного моря. С её склонов низвергается «безсмертный океан», разделенный на четыре священные реки, которые кружатся в концентрических долинах, чтобы оставаться подольше вблизи матери-горы: это остатки бо-

1 Clements Markham, „A memoir on the Indian Surveys“.

2 „Maha-Bhishma, Bhishma-Parva“, trad. Hipp. Fauche

розд, проведенных сохой богов[1].

Под влиянием естественного чувства благоговения ко всему, что не имеет себе равного, люди, созерцающие Гималайские горы, заранее расположены приходить в восторг при виде несравненной красоты ярко блистающих на солнце исполинских снеговых вершин, за которыми расстилаются угрюмые плоскогорья Тибета. Но если бы даже они уступали по высоте Андам или Кавказу, горные цепи, образующие хребет Азии, представляли бы, тем не менее, одну из самых поразительных картин земного шара по многочисленности и величественной форме вершин, которые ясно видны с равнин Индустана, подернутые синеватой дымкой и являющиеся в мягких очертаниях, так что издали их можно скорее принять за переливы света, чем за громады из скал. Почти все прославленные места, куда отправляются путешественники, чтобы наслаждаться общим видом на значительную часть цепи, сами уже очень высоки; они находятся на трети или даже на половине высоты вершин, ограниченных лазурью отдаленного небосклона; но у подножия этих обсерваторий открываются глубокия долины. От лесов субтропического пояса, которые виднеются далеко внизу, как бы на дне пропасти, взор может постепенно подниматься к склонам, одетым растительностью умеренных поясов, затем к альпийским пастбищам и к снегам, которым Гималай обязан своими многочисленными именами, как-то: Гимават, Гимадри, Гимачала, Гимодайя (Acmodus, Imaus). В необозримом амфитеатре гор, который развертывается от одной до другой стороны горизонта, пики и куполы, высотой с европейский Мон-Блан, имеют еще, в течение известной части года, серый цвет от каменных обломков или зеленый от дернового ковра; но уже на небольшом расстоянии выше снег покрывает склоны круглый год. На громадном цоколе зеленеющих или каменистых Альп высятся другие Альпы, вечно белые, исключая тех промежутков времени, когда солнце позлащает их своими лучами, или когда тень набрасывает на них синеватый покров, и, господствуя над всем этим скоплением снежных пирамид, высоко поднимаются конечные верхушки, куда еще не ступала нога человека, и которые кажутся тем более высокими, что наперед знаешь их недоступность. С вершины этих пиков, если когда-нибудь удастся взобраться туда, совершивший это смелое восхождение может созерцать одновременно плоскогория Тибета и равнины Индии, долину, которую вырыл себе Цангбо, и равнины, по которым протекают извилистой линией Ганг и Джумна.

Раздельная граница между Гималаем, Каракорумом и Гинду-кушем, которые вместе образуют «Каменный пояс земли»,—чисто условная. В самом деле, обширная область, около 600.000 квадр. километров, которую ограничивают плоскогорья Памира и Тибета, равнины Ярканда и Пенджаба, на всем своем протяжении уставлена высокими горными цепями; за исключением нескольких озерных бассейнов, частью еще наполненных водой, частью уже пустых, и глубоких ущелий, где текут реки, все это пространство есть не что иное, как лабиринт массивов и отрогов, которые разнообразно соединяются с главными хребтами, расположенными на окраинах; здесь три орографические системы, так сказать, переплетаются и проникают одна другую, будучи связаны либо геологической природой горных пород, либо формой рельефа или средним направлением гряд. Однако, можно сказать вообще, что Гималайские горы останавливаются на южной стороне Гильгитской долины[2]; они переходят за Инд, и ущелье, чрез которое эта река вырывается из нагорных долин, находится почти на том же меридиане, как и горный узел, где цепь Гинду-куша разветвляется, чтобы образовать хребты Каракорума и Куэнь-луня. Тогда как к западу от Инда нормальное направление горных осей идет с юго-запада на северо-восток, гребни гор, лежащих к востоку от этой реки, тянутся в направлении перпендикулярном к предыдущему, то-есть с северо-запада на юго-восток, параллельно верхним долинам Инда и его притоков. Что касается восточных границ гималайской системы, то вопрос о них еще не решен. Большинство писателей, принимая гипотезу Реннеля о тождестве рек Цангбо и Брахмапутры, продолжают Гималай до пролома, через который, будто бы, эта река уходит по направлению к Индустану; но это не более как

1 Wilford, „Asiatic Researches“; Stanislas Julien, „Histoire de la vie de Hiouenthsang“.

2 Frelawney Saunders, „Sheffield meeting of the British Association”, 1879.

предположение, прибавленное к другим предположениям того же рода, так как исследователи еще не посетили этих стран, и до сих пор мы еще не знаем ничего положительного относительно хода рек, которые через них протекают, и направления горных цепей, которые над ними господствуют. Достоверно только то, что в Восточном Бутане хребты, пройденные путешественником Найн-Сингом, принадлежат к системе Гималая и что в 500 километрах далее к востоку, на берегах Лутце-кианга, или Салуэна, горы, направляющиеся с севера на юг, составляют часть уже другой орографической системы. Географические исследования или даже завоевания, которые, без сомнения, не заставят долго ждать себя в этих неведомых пространствах, объяснят нам, каким образом хребты Гималая и хребты Восточного Тибета соединяются промежуточными массивами.

Разсматриваемая в целом, цепь гор, окаймляющая с внешней стороны Тибетское плоскогорье, тянется «в форме палаша» на севере и на северо-востоке Индустана, обращая свою выпуклость к равнинам. Общая длина её наверно превышает 2.200 километров, а средняя ширина, от предгорий равнины Ганга до глубокой долины Тибета, в которой протекает река Цангбо, никак не менее 250 километров. Следовательно, пространство, покрываемое этими горами, гораздо больше площади всей Франции; распределенная однообразно по всей поверхности материков, масса Гималайских гор, считая среднюю её высоту только в 4.000 метров, образовала бы слой толщиной в 18-ть слишком метров. Но в этом исчислении еще не взята в рассчет собственно краевая цепь высокого плоскогорья Хачи. Эта цепь, как известно, продолжает собою, следуя параллельно Гималаю, гряду гор Каракорум, и под разными именами тянется на север от истоков Сетледжа и долины Цангбо, затем, на юге от озера Тенгри-нор, сливается с массивом Нинджин-танг-ла: это тот самый хребет, который многие географы, со времен Клапрота, означают под именем Ганг-дис-ри. Одна из гор, наиболее прославленных в индийской мифологии, пирамида Кайласа, снежный венец которой отражается в водах озера Мансараур, есть одна из вершин этой цепи Ганг-дис-ри и, следовательно, находится уже вне пределов гималайской системы, начертанных географами; а между тем, в поэтической и религиозной истории Индии это самая священная гора, и имя её смешивается с именем неба.

Гималай, без Ганг-дис-ри, состоит из двух параллельных цепей, собственно Гималая, т.е. южной гряды, которая поднимается непосредственно над равнинами Инда, и Загималайского хребта, который ограничен на севере понижением или широкой долиной, где течет река Цангбо. Из этих двух цепей, последняя, т.е. Загималайская, должна быть рассматриваема как линия водораздела, хотя её главные вершины, или лангур, не достигают, может быть, высоты вершин южного Гималая. На пространстве около 800 километров Загималайские горы тянутся непрерывно, не оставляя между собою ни одной бреши, через которую могли бы уходить воды среднего понижения, находящагося между двумя цепями. Напротив, южная гряда, та, над которой господствуют колоссы Чумалари, Кинчинджинга, Гауризанкар, Давалагири, перерезана глубокими долинами и ущельями, дающими проход многочисленным притокам Ганга: рекам Косси, Гандак, Каркали, Кали, и верхним притокам, Алакнанда и Багиратиганга. Таким образом, эта цепь разрезана на многочисленные отрывки или массивы, из которых иные имеют вид совершенно отдельных групп и которые не тянутся по прямой линии с правильностью обыкновенных гребней[1]. Непосредственно на западе от истоков Ганга открывается пролом, более глубокий, чем предыдущие, проходящий не только через Гималай, но также и через северную параллельную цепь; горный вал перерезан по всей ширине течением Сетледжа, который в начале следует общему направлению гималайской оси, с юго-востока на северо-запад, а затем через ряд узких поперечных долин выходит из гор, чтобы идти к юго-западу на соединение с Индом. Далее, за этим притоком,— Чинаб, менее могучий, чем Сетледж, берет начало между двумя параллельными цепями, так что ему нужно перейти только через южную гряду Гималайских гор; то же самое нужно сказать о Джиламе, который зарождается в Кашмирском бассейне; но Инд получает свои пер-

1 Herbert; Strachey; Medlicott, „Memoires of the Geological Survey of India", 1865.

вые воды на самом плоскогорье Тибета, на севере от всей гималайской системы. Как и Сетледж, он течет сначала в северо-западном направлении, чтобы отыскать себе выход; однако, нигде не встречает бреши до того места, где он приближается к полуденным контрфорсам Гинду-куша. Шайок, или «женский Инд», который соединяется с «мужским Индом» на большом расстоянии выше пролома, принадлежит уже, по своим северным притокам, к области Каракорума, к цепи «Черных обвалов».

Таким образом размытые водами бреши разрезали весь западный скат Тибета на отдельные гряды, вообще ориентированные в ту же сторону, как Гималайские и Загималайские горы; но эти хребты так многочисленны, и их разветвления до такой степени переплетаются между собой, что трудно определить везде с достоверностью их нормальное направление. Гималай в собственном смысле продолжается по ту сторону Сетледжа горами, которые ограничены на севере обвалами и песчаными откосами долины реки Спити; затем, далее, он образует хребет южного Лагула и хребет Панджаль, который господствует на юге над Кашмирской равниной. Это та цепь, которую Куннингам называет, взятую в целом, средним Гималаем, и которую сопровождает на юге, в одной части её протяжения, гряда Даоладар, или «Белых гор». Что касается Загималайской цепи, то она продолжается хребтом Бара-лача, или Занскар, затем, по сю сторону ущелий Инда, опять поднимается, чтобы образовать величественную пирамиду Нанга-Парбат, или Диярмир, северо-западную границу Индустана. В западной части системы первенство относительно высоты вершин принадлежит Загималайским горам. На севере от этой цепи другой хребет, который можно бы назвать «Лехскими горами», по имени города, лежащего при южной его подошве, тянется в виде длинного, почти островного выступа, ограниченного с одной стороны Индом, с другой—Шайоком, Панконгом и притоком этого солоноватого озера. Наконец, и самый Каракорум, которого цепи и отроги были отделены от однообразной массы плоскогорья и, так сказать, иссечены размывающим действием вод, походит на параллельные гряды Гималая формой и ориентировкой своего рельефа; только его пики гораздо выше вершин западного Гималая; снега и льды, от которых он получил имя Мустаг, или «Снеговых гор», покрывают гораздо более обширную поверхность, и переход через него труднее. Одна из гор Каракорума, Дапсанг, уступает по высоте только Гауризанкару, она превосходит даже Кинчинджингу; средним числом, известные пороги, чрез которые путешественники проникают из долины Инда в долину Каракаша, или Ярканд-дарьи, поднимаются не менее как на 5.700 метров над уровнем океана, тогда как проходы Гималайского и Загималайского хребтов открываются на высоте 5.425 метров, то-есть на высоте, превосходящей на 600 метров высоту европейского Мон-Блана[1]. Как водораздельный хребет покатости между бассейнами Инда и Тарима, Каракорум тем самым сделался истинной границей Индустана. Вся область гор и оврагов, продолжающая на северо-западе угрюмые плоскогорья Большого Тибета, и часть которой иногда означается именами «Малого», «Абрикосового», «Кашмирского» Тибета, вошла в круг притяжения индийской истории и находится под британским владычеством чрез посредство кашмирского раджи; Индустан, как группа политических государств, подвластных Англии, сделался таким образом сопредельным китайскому Туркестану через пороги Каракорума. Но на востоке от кашмирских провинций граница английской Индии, Непала и Бутана, обозначена в большей части её протяжения не сплошной цепью Загималайских гор, но отрывочными массивами Гималая в собственном смысле.

Бреши, через которые уходят реки, слишком загромождены скалами, слишком изрезаны пропастями, чтобы дороги могли следовать вдоль их течения, и потому к цоколю, поддерживающему две Гималайские цепи, нужно подниматься почти единственно через проходы, открывающиеся между снеговыми вершинами; самые низкие пороги между противоположными склонами находятся то на Гималайских, то на Загималайских горах или даже в промежуточном пространстве. Эти перевалы, менее возвышенные сравнительно с проходами Каракорума, представляют путешественникам еще и ту выгоду, что они лежат под более юж-

1 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

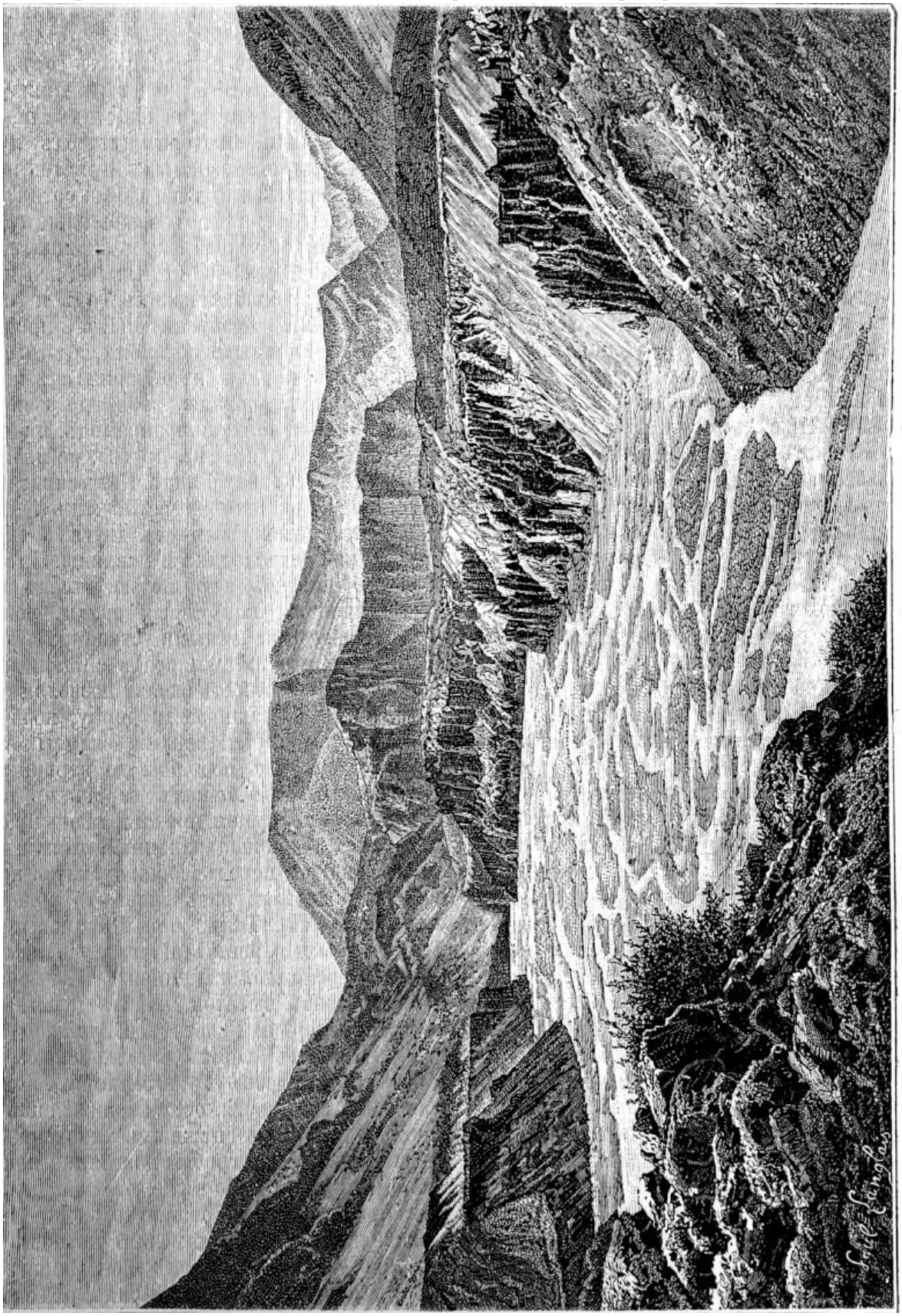
ной широтой (от 6 до 8 градусов ближе к экватору); но, тем не менее, большая часть их совершенно непроходимы в период юго-западного муссона, когда ветер поднимает снежные вихри. Разница климатов между плоскогорьями и нижними равнинами так велика, что жители тех и других стран были бы менее разделены друг с другом, если бы между ними проходил широкий рукав океана. Земледельцы Индии никогда не имели причины опасаться набегов со стороны бодов, или тибетцев, обитателей возвышенностей; им приходилось защищаться только от воинственных народцев, живущих на склонах гор и в долинах, до высоты 2.000 или 3.000 метров; выше простирается почти необитаемый пояс камней, дерна и снега. Одни только путешественники, привыкшие уже, либо по образу жизни, либо благодаря частым восхождениям, дышать воздухом высоких гор, могут отваживаться на переход через Гималайские вершины; разреженность воздуха делает там малейший физический труд крайне тягостным; путешественники из туземцев рассказывают, будто бы при восхождении на высокие горы человек отравляется испарениями биса или сорана, под которым они понимают то цветок,—преимущественно один вид аконита[1],—то особенный горный воздух. В 1855 году, Адольф и Роберт Шлагинтвейты, первые между европейскими путешественниками, перешли через перевал Иби-Гамин, высота которого равняется возвышению, какое имел бы Пюи-де-Дом, поставленный на Мон-Блан. Впоследствии Джонстон взобрался еще гораздо выше: вершина, на которую он совершил восхождение, имеет не менее 6.900 метров. До настоящего времени ни один путешественник, если не считать тех, которые поднимались на аэростатах в воздушные пространства, не достигал более значительных высот.

Система Гималайских гор, повидимому, не может быть признана столь же древней, как Куэнь-лунь, в истории земли. Насколько можно судить по тем наблюдениям, которые были сделаны редкими путешественниками относительно части Куэнь-луня, соседней с Хотаном, средний хребет азиатского континента есть в тоже время первоначальный выступ его рельефа; этот хребет состоит из древних формаций, тогда как все горные цепи, следующие одна за другой по направлению с севера на юг от этой первой гряды, представляют складки земной коры, образовавшиеся в более близкую к нам эпоху. Граниты в собственном смысле редки в Гималайских горах[2]. Кристаллические горные породы, составляющие центральную массу, суть, по большей части, гнейсы и метаморфические сланцы; некоторые области Гималая в миоценовую эпоху, по всей вероятности, мало возвышались над уровнем моря и пользовались климатом столь же умеренным, как и центральная Европа: в Тибете нашли ископаемые остатки бегемота на высоте слишком 4.850 метров[3]. Впрочем, различные исследователи открыли в пластах этой цепи окаменелости, принадлежащие к целому ряду геологических образований, начиная с силурийской эпохи[4]; там и сям некоторые плутонические формации пробились на свет божий через налегавшие на них верхние пласты, но нигде не найдено следов существования вулканических кратеров. Каков бы ни был возраст этих двух цепей, Гималайской и Загималайской, слои, которые отложились на полуденных склонах гор, обращенных к равнинам Индустана, несомненно принадлежат к последним периодам третичных веков. Расположенные в виде цепей, параллельных главной оси горба Азии, предгорья, известные у геологов под именем Подгималая или Нижнего Гималая, состоят почти все из массивных песчаников, соединенных разнообразно с конгломератами и с глинами. От берегов Брахмапутры до берегов Инда, эти цепи следуют одна за другой в правильном порядке по направлению к западу, затем к северо-западу, прерываемые только, в разных пунктах своего протяжения, так называемыми «воротами», которые там открыли себе горные потоки, чтобы найти выход из продольных долин, проточенных водами у основания верхних гор; в некоторых местах масса воды, которая льется с верхних ледников и образует блуждающие речки, попеременно то соединяющие, то разделяющие свои каменистые русла, была доста-

1 Wallich; Hamilton, „An account of Nepal“.
2 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“, Bd. II.
3 Alfred R. Wallace, „Proceedings of the Geographical Society of London“, sept. 19, 1877.
4 Theobald; Lyddeker; Stoliczka; Godwin Austen.

точна, чтобы смыть на обширных пространствах холмы передовой цепи.

Самая знаменитая и самая правильная из этих цепей Нижнего Гималая—хребет Сивалик, который тянется, от юго-востока к северо-западу, на пространстве слишком 300 кило-



Размытыя рѣкою Спити скалы.

метров, между воротами Ганга, у Гардвара, и воротами Биаса, одной из «пяти рек» Пенджаба. Реки Джумна и Сетледж разрезывают эту цепь на отрывки, неравные по размерам, но похожие один на другой свойством горных пород и формой крутых скатов и оврагов. Так

называемые дуны, подобные доарам Бутана и мари Сиккима, то-есть продольные долины, отделенные от равнин Индии цепью Сивалик, средняя высота которой около тысячи метров, были некогда озерами. Опорожненные мало-по-малу вытекающими из них реками, некоторые из этих долин имеют слишком узкое дно и слишком загромождены джунглями, чтобы представлять живописные картины; но другие, напротив, превратились в очаровательные местности, напоминающие англичанам ландшафты их родины богатством зелени, живописной красотой лесков, рассеянных по берегам ручьев и на бывших островных пригорках, грациозным контуром холмов, увенчанных селениями. В былые времена воды замкнутых озер часто выбрасывали на свои берега тела больших млекопитающих, кости которых теперь находят в слоях песчаника цепи Сивалик, или Сивалай. Между этими животными, из которых иные были открыты в первый раз в этой области Индии, самое замечательное—исполинский сиватерий, которому дано такое название, как и самым холмам, по имени Сивы, бога, беспрестанно разрушающего и преобразующего землю новыми творениями.

В целом, Гималайские горы отличаются некоторым однообразием внешнего вида. Они более поражают своей массой, громадой, чем ласкают взор разнообразием своих пейзажей. Одни только путешественники, проникающие далеко вглубь «Области вечных снегов» и с невероятным трудом взбирающиеся на какую-нибудь вершину, равную по высоте колоссам европейских Альп, могут составить себе понятие о ясном, спокойном величии этих исполинских гор, которые жителям равнин представляются не более, как металлическими пластинками, блистающими вдали на горизонте под лучами солнца. Среди необозримых пустынь на высотах, превышающих на целые сотни, даже на тысячи метров самые возвышенные пункты, где встречаются человеческие жилища, видны еще вершины, высоко поднимающиеся из-за ряда других, более низких гор и господствующие над беспредельным пространством, наполненным облаками, льдами и скалами; нигде морены и ледники, снежные и фирновые поля, обвалы, зубчатые гребни и остроконечные верхушки пирамид, пики, нагроможденные один на другой, не являются в более грандиозном виде. Как справедливо говорят Веды, это—«третий мир», совершенно отличный от двух других миров, то-есть, нижних долин и равнины. Но между областью снегов и областью лесов почти везде видишь голые серые скалы, лежащие одна на другой неровными уступами; снежные лавины, горные потоки везде сглаживают и шлифуют поверхность скалы, позволяя только в редких местах расти дерну, подобному траве, покрывающей верхние склоны Альп. Целые горы, от подошвы до вершины, на пространстве нескольких верст в вертикальном направлении, представляют правильный скат, едва исцарапанный там и сям: словно видишь перед собой тусклую, испещренную полосами грань какого-то колоссального кристалла. Так, гора Ракипош, одна из западных вершин Мустага, поднимается в виде громадной каменной стены почти в 6 километров высотой, над ущельями, где соединяются реки Гильгит и Гунза.

В верхних слоях Гималайских гор, выше 5.000 метров (16.405 футов), наибольшая часть влажности, осаждающейся из облаков, состоит из снежных хлопьев, и все вершины главного гребня постоянно покрыты снегом и льдом. Но ниже, юго-западный муссон приносит обыкновенно только проливные дожди; даже на высоте 4.330 метров редко бывает, чтобы падал снег на Сиккимских горах во время летних месяцев. Только на высоте 2.000 метров (6.560 футов) можно видеть, в середине зимы, снежные кристаллы, смешанные с дождевыми каплями; в Катманду, главном городе Непала, лежащем на высоте 1.327 метров, «снег выпадает так, что никто об этом и не знает», то-есть с восходом солнца тотчас же растаивает легкий беловатый слой, покрывающий траву и листья[1]. Нижний предел снегов спускается ниже на склонах восточного Гималая, нежели на скатах западных гор, несмотря на то, что эти последние лежат гораздо севернее. Причина тому—несравненно большее обилие влажности, которое получают части цепи, соседния с Бенгальским заливом. Значительная часть этих паров падает из атмосферы в виде снега, который не успевает растаять совершенно в течение года; новые снежные слои прибавляются к старым и превращаются постепенно в

1 Hermann von Schlagintweit, цитированное сочинение.

фирны. Тогда как в среднем Гималае, на горах Кумаона, высота нижнего предела вечных снегов не превышает 4.800 метров[1],—что уже равно высоте Мон-Блана,—тот же самый предел в Кашмирских горах лежит, по меньшей мере, на высоте 5.650 метров; в октябре месяце братья Жерар нашли только свежий снег на высоте 5.910 метров, на одной из гор тибетской границы, Поргиале; даже на высоте 6.150 метров, на одной соседней вершине, почва была голая, без снежного покрова. Само собою разумеется, что всего меньше снега на склонах, обращенных к северу; влажные ветры, задерживаемые на противоположной покатости, приносят им лишь редкие хлопья, увлекаемые вихрем бурь. Некоторые промежуточные второстепенные цепи, менее высокие, чем внешние горные валы, совершенно лишены снегов.

Ледники Гималайской цепи по протяжению уступают только ледникам гор Гренландии и других полярных стран. Наиболее благоприятные условия для образования и развития значительных глетчеров встречаются в цирках или котловинах и долинах Западного Гималая, то-есть именно в тех горах, где нижний предел постоянного снега находится на наибольшей высоте над морским уровнем. Причина тому—быстрое таяние снегов в Гималайских странах, ближайших к экватору; снежные слои там, правда, толще и относительно обширнее, но они прямо превращаются в жидкие потоки, не переходя через промежуточные формы обширных фирновых полей и длинных ледников. Кроме того, северо-западные цепи, с их многочисленными промежуточными долинами, имеющими незначительный скат, долинами, где скопления снега постоянно остаются под защитой от солнечных лучей, гораздо лучше расположены, чем крутые склоны Восточного Гималая, чтобы удерживать в своих углублениях медленные потоки ледников. Цепь Занскар, или Бара-Лача, которая направляется на северо-запад к Кашмиру между притоками Инда и притоками Чинаба, наверху кругом обложена, словно бахрамой, ледниками, из которых очень многие имеют около 25 верст в длину и, следовательно, превосходят, по протяжению, Алечский глетчер, самый значительный в Европе. Но и эти исполинские ледяные реки, в свою очередь, далеко уступают по величине громадным кристаллическим потокам Балтистана, которые спускаются со склонов Каракорума в нагорные долины, впадающие в долины рек Шайока и Инда. Ледники, или гансе, Сайчар, Балторо, Биафо, Чого имеют каждый около 50 верст в длину, считая от начальной котловины, где скопляется снег, до фронтальной морены, и каждый из них принимает в себя десятки второстепенных глетчеров, имеющих, по меньшей мере, такие же размеры, как самые обширные ледяные поля швейцарских Альп; если бы идти по верхней линии фирнов и ледников, то, вероятно, можно бы не покидать области сплошного льда на пространстве 150 километров. Все явления, наблюдаемые на замерзших реках центральной Европы, замечаются и на Гималайских горах, только в более обширных размерах. И там тоже наблюдатели могут изучать трещины продольные и поперечные, выступы ледяной массы, иногда принимающие вид различных фигур, колодцы, или так называемые мельницы, морены срединные, боковые и фронтальные или конечные. Точно так же, как на Альпах, многие реки, вытекающие из гималайских ледников, низвергаются на вольный воздух через ворота с дугообразным сводом, которые придают их выходу на свет Божий нечто героическое и триумфальное; в виду этой шумящей реки, которая вырывается из-под темной аркады и высоких хрустальных стен, изборожденных трещинами, указывающими на давление движущейся ледяной массы, легко понимаешь чувство обожания, которое испытывают пилигримы, падающие на колени перед этими грандиозными картинами природы. Что всего более отличает ледники Гималая и Каракорума от ледников европейских Альп,—это необычайное обилие каменных обломков, которое несут первые, по крайней мере большинство из них, такое обилие, что нижнее течение ледяной реки покрыто почти сплошным слоем камней; груды обломков, скрывающие лед, исключая тех мест, где глубокия трещины разверзли свои пропасти, сами, в свою очередь, покрыты землей, где растет трава, цветут многочисленные растения; поле ледника превратилось в сад[2]. Ледник Балторо, одна ветвь которого берет

1 Strachey; Al. et J. Gerard; Al. Cunningham; Fr. Drew.

2 Andrew Wilson, „The Abode of Snow“.

начало в фирнах Дапсанга, в нижней своей части сплошь покрыт обломками, так что поверхность его представляет целое море камней, образуемое соединением пятнадцати морен из скал, различно окрашенных, серых, коричневых, желтых, красных, синеватых, которые тянутся в виде параллельных линий на потоке ледяной реки[1].

Нижния долины Гималайских гор сохранили еще следы ледников, гораздо более значительных, чем нынешние. Там и сям встречаются боковые морены на террасах, возвышающихся над речным ложем на несколько сот метров; фронтальные морены—менее многочисленные, потому что они были, по большей части, смыты горными ручьями—тоже сохранились во многих долинах на высоте не более 1.500 метров над уровнем моря. Ледяные реки, спускающиеся с Каракорума, разливались до Кашмирского бассейна, оканчиваясь на расстоянии 200 слишком километров от фирновых полей, где они получали свое начало[2]; так, глетчер Нубра, данник льдов Шайока, или женского Инда, имел не менее 1.300 или 1.400 метров толщины, при слиянии двух долин, теперь усеянных живописными деревеньками[3]. Точно также в южной части Гималайского хребта долина Кангра, по которой течет река Биас, покрыта эрратическими камнями, глетчерного происхождения, до высоты всего только 600 метров; центральный ледяной поток этой долины, питаемый другими второстепенными ледниками, спускавшимися с кристаллической цепи Белых гор, или Даола-дар, простирался в длину более, чем на 190 километров, т.е. около 175 верст[4]. Но следы древнего ледяного периода исчезают в Гималайских горах скорее, чем во всех почти других гористых странах земного шара, по причине быстрого хода процесса размывания и выветривания в долинах, несущих свои воды в Инд и Ганг. Кремнистые слои высоких вершин и средних склонов, песчаники Подгималайских гор очень рыхлы, рассыпчаты и легко уступают действию воды; растрескавшиеся гнейсы также раскалываются быстро под чередующимся действием морозов, оттепелей, солнечной теплоты и дождей; что касается каменных обломков, накопленных некогда глетчерными ручьями, то они подхватываются снова каждым наводнением и переносятся далее все ближе и ближе к выходу долин. Русла, которые реки Гималайской цепи вырыли себе в кучах мелкого камня или даже в живой скале, достигают во многих местах глубины 900 метров ниже древних берегов, и малейшие притоки должны были постепенно проточить гору на толщинах пятисот и шестисот метров, чтобы соединиться с главным потоком. Сетледж в своем верхнем течении по плоскогорьям Тибета и ниже в земле Ладак, Инд и различные его гималайские притоки, Ганг выше Гардвара, представляют замечательные примеры этих глубоких промоин в виде узких пропастей, спускающихся почти на тысячу метров ниже плоскости их прежнего ложа, остатки которого и теперь еще виднеются там и сям на боковых террасах[5]. Мало стран на свете, где бы было так необходимо и вместе с тем так легко устраивать на реках висячие мосты, ибо многие расселины, хотя глубину их нужно считать сотнями метров, имеют очень незначительную ширину, такую, что, стоя на одном берегу, можно добросить камнем до другого. В индийских долинах Гималайского хребта некоторые снаряды для переправы, подобные употребляемым в Восточном Тибете, состоят из простых чука, то-есть веревок, по которым скользит кольцо, переносящее путешественника с одного берега на другой; но большая часть висячих мостов, или джула, сплетены из свитых из древесной коры или из лиан канатов, качаемых ветром, но достаточно крепких для того, чтобы путешественники, не подверженные головокружению, могли безбоязненно пускаться по такому мосту и даже для того, чтобы переправлять коз и овец; эти джулы служат, средним числом, в продолжение трех лет. Образовавшиеся вследствие размывания откосы, часто вновь проточенные дождевыми потоками или засыпанные обвалами, следуют один за дру-

1 Montgomerie, „Mittheilungen von Petermann“, II, 1863.

2 Hooker, „Himalayan Journals“; Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society“, 1867; Theobald „Memoirs of the Geographical Survey of India“.

3 Frederic Drew, „Jummoo and Kashmir Territories“.

4 Theobald, „Records of the Geological Survey of India“, vol. VII, 1874.

5 Drew; Andrew, Wilson, цитированные сочинения; Robert von Schlagintweit, „Ueber Erosionsformen der indischen Flusse“.

гим вдоль рек, в виде серых или красноватых конусов, которые в сумерки или издали похожи на ряды гигантских палаток.

В песчаниковых скалах Подгималайских гор работа размывания проявляется не столько образованием откосов, сколько образованием вертикальных стен; целые плоскости или грани склона отделяются и обваливаются разом, придавая утесам вид цитаделей, построенных рукой человека, с правильными башнями, оградами, террасами. Ни кубические массы «саксонской» Швейцарии, ни прямоугольные каменные глыбы некоторых частей Новой Мексики и Колорадо не имеют большей симметрии в своих формах, чем многие скалы Подгималайской цепи. Некоторые из этих высот, с гладкими, точно обрезанными стенами, представляют поверхность не менее ровную, чем поверхность белых бесплодных холмов (causses) в Южной Франции. Другие каменные массы, поверхность которых заключает несколько сотен или даже тысяч квадратных километров, состоят из лежащих один на другом пластов, постепенно съуживающихся кверху, и представляют со всех сторон вид пирамиды с громадными ступенями.

Большие обвалы, следы которых видны повсюду в Гималайских горах, также принадлежат к текущему геологическому периоду. Современная история Инда, Чинаба, Сетледжа дает замечательные примеры этого явления. Часто случается, что эти три реки, задержанные в своем верхнем течении падением ледяных масс и камней, превращаются в озера, тогда как ниже этой временной плотины русла их мало-по-малу высыхают; но после нескольких дней или даже недель остановки, задержанные озера, наконец, переходят через запруду, и вскоре массы обломков и грязи, смешанные с водами наводнения, страшным потоком низвергаются на ниже лежащие земли, опустошая прибрежные местности, снося дома, вырывая с корнем деревья[1]. Когда эти запруды от обвалов образуются в верхних долинах, ручьи и речки, ниже впадающие в главную долину, продолжают питать реку, и прибрежные жители более низменных местностей узнают о событии только по незначительному понижению уровня воды в реке; но иногда случается, что падение снежных масс и скал произошло в ущельях, близких к равнине, и тогда река вдруг иссякает совершенно. Исследователь Годуин Аустен и его спутники, неожиданно застигнутые порывом такой запруды, образовавшейся вследствие обвала, едва успели убежать с места катастрофы, извещенные об опасности громом обрушившихся и ударяющихся одна о другую скал. Лавина или, как ее называют туземцы, *шива* камней, грязи и воды устремляется в долины в виде высокой, прямой стены, с которой летят в ту и другую сторону камни, точно бомбы с вала движущейся крепости: отрывки разбившихся скал отлетают очень далеко, тогда как на высоких берегах самые большие каменные глыбы кружатся, затем низвергаются в черный поток[2].

Эти явления размывания имели то следствие, что они сообщили потокам и рекам Гималайской цепи нормальную кривую и уничтожили водопады и озера, которые некогда прерывали их течение. В этом отношении индийские горы составляют резкий контраст с европейскими Альпами: первые, если можно так выразиться, утратили свою молодость, так как первоначальные черты их долин давно уже изгладились. Выступы скал, задерживавшие воды в озерных бассейнах, и с которых потоки лились каскадами, были постепенно разрушены действием воды; в то время, как озера опоражнивались, катаракты понижались. В настоящее время Гималайская цепь сохранила лишь небольшое число этих льющихся водяных столбов, которые придают столько прелести горным странам, и большая часть тамошних водопадов не что иное, как временные каскады, простые струи воды, образующиеся из тающего под лучами летнего солнца снега и обращающиеся в пар в воздухе, где они клубятся. Единственные большие озера Гималая находятся на севере цепи, в понижении, отделяющем эту цепь от Загималайских гор, и на западе, в многочисленных параллельных долинах Ладака и Кашмира. Но не подлежит сомнению, что в этих западных областях многие озера

1 A. Cunningham, „Ladak"; Shaw, „High Tartary, Yarkand and Kashgar"; Drew, „Jummoo and Kashmir Territories"; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

2 Godwin Austen, „Journal of the Geographical Society of London", 1864.

уменьшились в протяжении, не по причине постепенного углубления их истока, но вследствие постепенного осушения страны. Некоторые из озер этой части Гималайского хребта утратили всякое истечение и, сделавшись замкнутыми бассейнами, мало-по-малу превратились в резервуары соленой воды. Обширные равнины, некогда покрытые пресной водой, теперь имеют лишь кое-где маленькия «горькия озера», окруженные соляным налетом, сливающимся иногда с площадью снегов.

Поясы растительности на склонах Гималайских гор, естественно, соответствуют поясам температуры. Через каждые 200 метров (656 футов), в вертикальном направлении, степень тепла уменьшается на один градус, и в то же время изменяются все климатические условия; тропические или полутропические растения, которые мы находим у подошвы гор, заменяются выше растениями умеренного пояса, затем растениями арктического пояса. Но кроме этих главных делений климатических и ботанических, сходных с делениями этого рода, наблюдаемыми на скатах всех других горных цепей, в Гималайских горах существуют еще, у основания и на первых возвышениях этой системы, другие поясы, резко разграниченные между собой свойством почвы и произведениями и обязанные своими контрастами не различию высоты, но расположению поверхностных слоев и истечению вод. Поясы эти, хорошо известные во все времена туземным жителям, которые гоняют свои стада коров и буйволов в нижния долины Гималайской цепи, следуют один за другим параллельно оси гор, от нижних равнин до первых круч. Крайняя южная зона—это полоса земли, называемая *терай*, *тарай*, *тари* или *моронг*, то-есть «сырая страна», болотистая область, покрытая джунглями, камышами и купами деревьев, которые задерживают дуновение ветров, вследствие чего там постоянно стоит туман из миазмов, поддерживаемый испарением влажной почвы; если верить туземцам, некоторые части терая заключают атмосферу до того удушливую, что дикие звери и птицы не могут дышать тамошним воздухом. Однако, к северо-западу полоса земли, составляющая продолжение терая, суживается мало-по-малу, и в Пенджабе это уже не более, как песчаное пространство, где вода быстро исчезает в почве, и которое на известных расстояниях изрезано многочисленными оврагами и рытвинами; высокие травы, среди которых прячется антилопа, заменяют там чащи джунглей и камышей, покрывающие собственно терай. Второй параллельный пояс, который тянется между болотами и основанием песчаниковых скал Подгималая, резко отличается от терая сухостью почвы: это так-называемый *бхавер*, *блабхар* или *джхари*, лесная область, почти сплошь покрытая шореями (shorea robusta), красивыми развесистыми деревьями, обвитыми лианами, которые соединяют их между собою и с растениями подлесья. Продольные долины, *дун*, *мари* или *доар*, продолжающиеся параллельно двум предыдущим поясам,ераю и бхаверу, от которых их отделяет выступ песчаниковых скал (гряда Сивалик или Сивалай), первое, едва обозначившееся ребро громадного скелета Гималайских гор, тоже принадлежат к нездоровым местностям в большей части своего протяжения. Путешественники не без опасности проезжают, во всю скачь своих верховых животных, три, следующие одна за другою, полосы терая, бхавера и дунов, чтобы пробраться из прибрежных равнин Ганга в область гор, выше вредных туманов, которые стелются по нижним склонам до средней высоты 1.200 метров (около 3.940 футов); указывают многочисленные примеры англичан, которые сделались жертвою злокачественной лихорадки, схваченной во время быстрого переезда через пояс терай. В некоторых местах контраст терая и области культур так же резок, как противоположность земли и моря вдоль отвесного берега[1].

Нездоровость этих низменных областей объясняется легко. Воды, задерживаемые в дунах выступами опоясывающих их песчаниковых предгорий, скопляются там в виде стоячих площадей; ниже, бхавер, который состоит из гравиевой почвы, очень сух, напротив, благодаря рыхлости грунта, но крупный песок там залегает на слое непропускающей воду глины, и пары, поднимающиеся с земли после падения дождей, остаются запертыми под густыми ветвями деревьев; наконец, в полосе терая, водяная скатерть, которая скользила по глинистому

1 Hooker, „Himalayan Journals".

слою под гравием бхавера, снова появляется на поверхности и разливается в виде болот среди джунглей. В этом низменном поясе спускающиеся с Гималая реки, которые перед тем прошли через область бхавера по глубоким и вполне определенным руслам, широко разливаются в терае, передвигая с места на место мелкие камни и пески, перенося стволы деревьев и обломки всякого рода; все эти препятствия образуют там и сям естественные плотины, выше которых речная вода разливается направо и налево в виде болот, постоянных или временных. Средство улучшить это положение дел, то-есть ассенизировать край, то же самое, какое применяется с успехом в болотистых местностях Европы; оно состоит в урегулировании стока вод, в расчистке и обработке почвы. Уже многие семьи переселенцев, доставляемых сопредельным населением, которому, впрочем, *ауаль*, или малария (болотная лихорадка) менее опасна, нежели европейским путешественникам, начали там и сям расчищать под пашни наиболее здоровые лесные прогалины в полосах терая и бхавера. С другой стороны, пастухи на зиму спускаются с гор со своими семьями и стадами, чтобы, по местному выражению, «кормиться солнцем», и вслед затем на местах их стоянки появляются пашни и селения. Таким образом, эти распаханные прогалины, число которых возрастает с каждым годом, прибавляются к относительно здоровым пространствам, прерывающим во многих местах, преимущественно на юге Сиккима, опасные поясы терая и бхавера. Дорога, ведущая с берегов Ганга в Дарджилинг, давно уже потеряла свои ужасы. Напротив, было время, когда население равнины нарочно давало разростаться полосе терая на счет своих культурных земель, чтобы расширить таким образом «мархию», которая отделяла их от их врагов, разбойничьих горных народов.

В северо-западном углу Индии, вся верхняя область Пятиречья (Пенджаба), между передовыми горами Гималайского хребта и Сулейман-дагом, занята невысокими плоскогорьями и небольшими отрогами, замечательными геометрическою правильностью их линии протяжения. Тогда как Панджал, последняя Гималайская цепь, огибаемая на западе рекою Джилам при выходе её из Кашмирской долины, следует нормальному направлению всей системы, т.е. от юго-востока к северо-западу, отроги области Хазара и верхнего Пенджаба расположены, по большей части, перпендикулярно к оси Гималая, по направлению с северо-востока на юго-запад. Высшая точка этой Заджиламской области, гора Марри, есть еще одна из больших вершин внешнего Гималая, так как она достигает высоты 2.272 метров; но к югу от этого межевого столба, поставленного между двумя различными областями, плоскогорья имеют среднюю высоту, постепенно уменьшающуюся, от 500 до 300 метров, и гребни холмов поднимаются над ними почти на такую же высоту. Слишком мало возвышенные, чтобы поражать народное воображение, эти каменные выступы земного рельефа не имеют точных географических наименований. Они называются по имени живущих на них племен, близ лежащих городов или деревень, горных проходов, служащих перевалами для путешественников, крепостей, господствующих на той или другой возвышенности, или по какой-нибудь местной особенности[1]. Наиболее известные названия применяются к целым областям: таково наименование Потвар, даваемое всему гористому плоскогорью Раваль-Пинди.

На поверхности нашей планеты нет каменных масс, которые были бы более изгрызены стихиями, чем хребты Потвара и других горных цепей страны по сю и по ту сторону Инда; многие из них оканчиваются на верхушке острыми клинками, дотого тонкими и местами дотого разорванными, что можно подумать, что это искусственная ажурная резьба на камне.

Все легко раскалывающиеся и выветривающиеся, части скалы, были унесены дождевыми водами: остался только скелет горы; так как поверхностные обломки все снесены водой, то геолог может с первого взгляда определить свойство горных пород, составлявших первоначальное ядро; но некоторые гребни отличаются такою изумительною правильностью форм, что там легко смешать произведения природы с делом рук человеческих: иная гора показана на карте генерального штаба с крепким замком на вершине, хотя в действительно-

1 Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India".

сти стены и бастионы этой твердыни суть не что иное, как продукт разрушительной силы атмосферных деятелей[1]. В этом отношении одна из самых замечательных горных цепей та, которая ограничивает с южной стороны эти изрытые оврагами плоскогорья Пятиречья и которая получила от англичан название Salt-range, или «Соляной цепи». Она тянется с востока на запад между Джиламом и Индом, течение которого она съуживает в Калабагском дефилее, затем продолжается за Индом под разными именами: Чичали, Шингар, Кафир-кот, Шейк-будин. Она была некогда южной границей азиатского континента, и её крутые склоны, подточенные при основании водами моря, и теперь еще представляют там и сям вид высоких береговых утесов. Соляная цепь—одна из самых любопытных возвышенностей Индии по образованию её пластов, так как там можно изучать горные породы, принадлежащие всем геологическим векам; силурийские слои представлены в этой горной массе так же, как каменноугольная формация, триас, юра, мел; наконец, пласты третичной эпохи прикрывают другие геологические образования, и между этими пластами особенно часто встречаются залежи нуммулитовых, или раковистых известняков; даже диориты показываются кое-где поверх осадочных слоев. Разнообразие рудных месторождений в этой цепи не менее велико, чем разнообразие горных пород; до сих пор там открыты, в различных количествах, золото, медь, свинец, железо, а также сера, квасцы, селитра, нефть, каменный уголь, и во многих местах из земли бьют горячие минеральные ключи. Гипс находится там в изобилии, а соли так много, что англичане совершенно справедливо дали этим горам название Соляной цепи[2]. Слои каменной соли, белые, серые, красноватые, и различные по степени чистоты, как и по цвету, имеют до 30 метров (100 футов) мощности, а в некоторых местах солекопы могут разрабатывать скалу самородной соли толщиною в 150 слишком метров (70 сажен). В одной части Пенджабской цепи есть соляные пласты, представляющие, по измерениям Уинна, массу в 28 куб. километров,—количество, достаточное для удовлетворения потребности всех людей в течение тысяч лет.

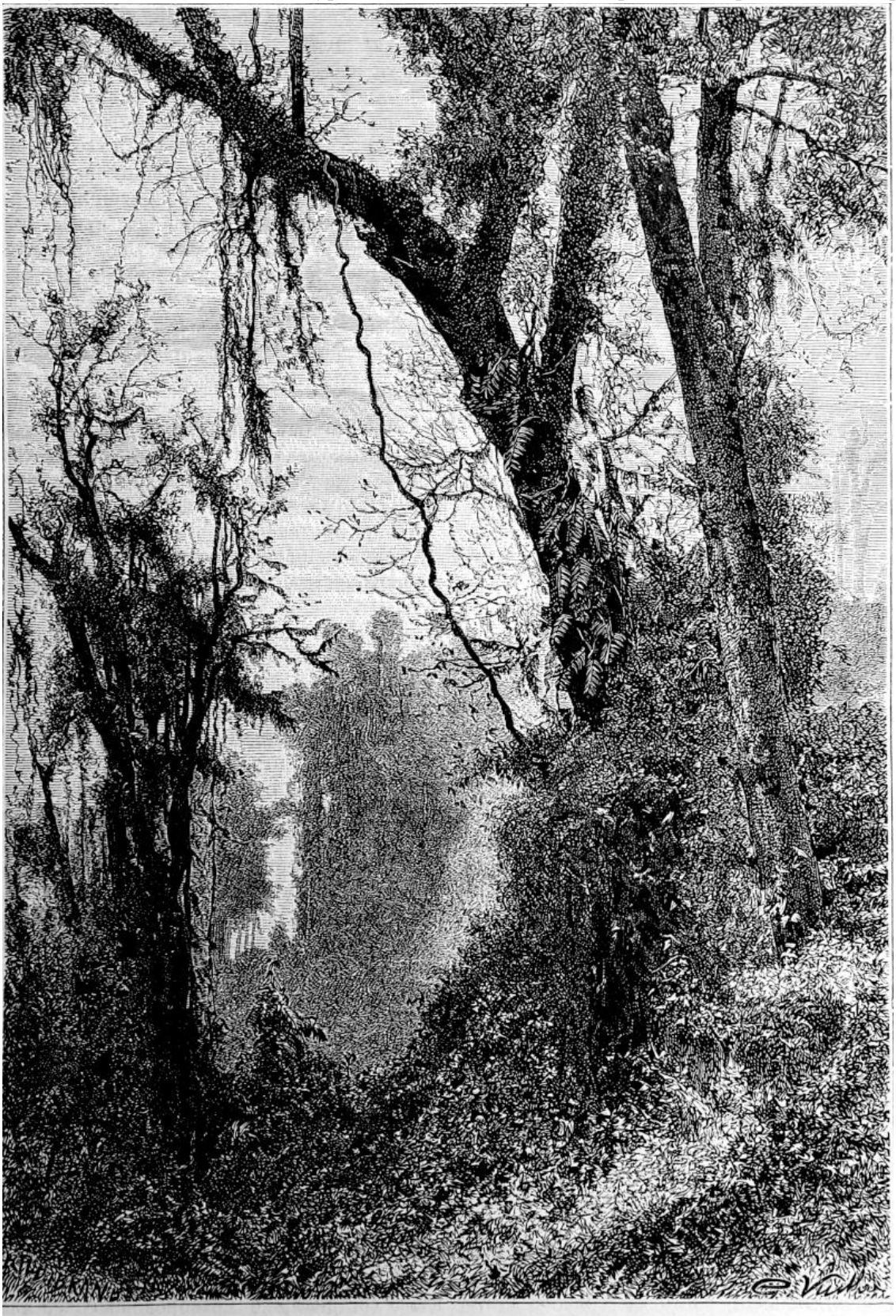
Точно также на продолжении цепи к западу от Инда холмы в большей части состоят из каменной соли, и местами там встречаются огромные глыбы в 40 метров (130 футов) высоты, сплошь образованные из соляных кристаллов. Просачивание воды сквозь горные породы, действие дождей на внешния стены соли и давление верхних пластов имели следствием сгибы, разрывы и перемещения ниже лежащих слоев и произвели провалы и опрокидывания, которые часто сбивают с толку геологов. Между достопримечательностями этой интересной горной цепи встречаются также большие гранитные валуны, которые носят на себе явные следы действия ледников. Один валун из красного гранита, месторождение которого на Гималае до сих пор еще не могли открыть, был найден Теобальдом в Соляной цепи и доставлен в калькутский музей; шлифованные полосы и борозды на его поверхности не оставляют ни малейшего сомнения относительно его происхождения. Вся поверхность плоскогорья, простирающагося на север от Соляных гор, покрыта гравием и песком, среди которых рассеяны во множестве эрратические камни; кроме того, валуны встречаются также в большом числе на берегах всех рек, особенно на берегах Согана и Инда до Аттока и даже ниже. В течение новейшего геологического периода произошли значительные перемены в гидрографии страны; весьма вероятно, что почти вся она была покрыта озером.

На западе от Инда, разные горные цепи, составляющие географическую границу Индустана, суть, как и Гималай, краевые хребты плоскогорья, а не отдельные, независимые горы, за исключением, однако, гряд, которые продолжают на востоке цепь Сафид-кох, или «Белых гор», и которые разделяют, перпендикулярно к течению Инда, два бассейна, некогда озерные, Пешавера и Банну. Главная цепь за Индом, носящая турецкое имя Сулейман-даг (Соломонова гора), или Кох-и-Сурх, то-есть «Красная цепь», прилегает на западе к возвышенностям страны племени вазири; она перерезана, через известные промежутки, брешами, откуда вытекают во время дождей воды горных речек, получающих начало на скатах одной

1 Wynne, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. XI. 1875.

2 Benj. Lyman; Medlicott and Blanford; Wynne etc.

параллельной цепи, которую можно было бы назвать западным Сулейман-дагом или Джадрамом, по имени племен, живущих в её долинах. Из всех потоков, проходящих через восточный Сулейман, только один Курам достигает Инда, не теряясь совершенно по дороге в



Лѣсъ въ Сиккимѣ.

песках; другие ручьи и речки, направляющиеся к главной реке, откуда бы они ни вытекали, иссякают у подошвы горы, в своих каменистых ложах, которые перемещаются и перепутываются при каждом новом наводнении. На севере хребет Соломоновых гор примыкает к вы-

сокому массиву Сафид-кох (Белые горы), который отделен от предгорий Гинду-куша глубокой долиной реки Кабул; на востоке Сулейман-даг тоже соединяется, посредством боковых отрогов, с массивами высот, принадлежащих к продолжению Соляной цепи; но на юге от реки Курам, Соломоновы горы отделяются от других возвышенностей и образуют правильный хребет, который тянется по направлению с севера на юг. Если смотреть с равнины Инда, эти горы представляют величественный вид: высшая вершина их, гора Биргул (3.560 метров), находится в земле вазирисов; самая знаменитая вершина, известная под именем, столь часто встречающимся в магометанских странах, Тахт-и-Сулейман, или «Соломонов трон», немного ниже предъидущей; она достигает 3.343 метров. Все скалы её крутых склонов состоят из голого камня, лишенного всякой растительности: белые днем, они кажутся прозрачными в вечернем воздухе.

Постепенно понижаясь к югу, цепь Соломоновых гор исчезает в при-индской равнине, пройдя пространство длиною около 600 километров, и Инд, который незадолго перед тем принял в себя воды «Пятиречья», огибает на юге последние утесы хребта, после чего ударяется об основание другой краевой цепи, ограничивающей на востоке плоскую возвышенность Белуджистана, населенную племенем брагуи. Эта цепь, означенная на большей части карт под именем Гала, которое применяется только к одному перевалу, и вообще называемая туземцами Хиртар, тянется, как и Сулейман-даг, по направлению меридиана; она составлена из нескольких параллельных хребтов, состоящих, главным образом, подобно грядам Синда, из нуммулитового известняка. Даже на восточной стороне Инда некоторые каменистые выступы рельефа, окруженные либо наносами реки, либо песками пустыни, принадлежат к той же формации и могут быть рассматриваемы как часть той же самой орографической системы. Менее высокий, чем Сулейман-даг, хребет Хиртар достигает только 2.100 метров своей высшей точкой: большинство же его остроконечных вершин едва превышает 1.800 метров. В южной своей части он постепенно понижается и представляет не более, как ряд холмов высотой около 600 метров, затем простое повышение почвы над уровнем окружающих равнин. Однако, этот выступ рельефа страны сохраняется до мыса Монз, географической и политической границы Индустана, и даже продолжается в море скалистым островом Чурна. Подобно Сулейман-дагу, хребет Хиртар перерезан рекой, которая берет свое начало на западе, на плоскогорьях, и изливается в Инд: это Гадж, долина которой представляет удобный проход для путешественников, отправляющихся с равнин Инда на возвышенности Белуджистана[1]. Прежде думали, что горные цепи, окаймляющие с западной стороны долину Инда, противопоставляли почти непреодолимое препятствие проходу караванов и войск, и что только небольшое число ущелий между горами могли быть переходимы. Перевалы Хайберский и Пайварский на севере Сулейман-дага, Гумульский и Сангарский посередине, Боланский на юге, были, как тогда полагали, единственные проломы этого горного вала. Исследования, сделанные недавно английскими геометрами, доказали, что краевые цепи, напротив, перерезаны большим числом удобных для перехода брешей: Маркгам насчитывает там более пятидесяти проходов[2]. Не трудности перехода, а затруднения относительно продовольствия ограничивали во все времена несколькими наиболее удобными горными дорогами сообщения между двумя сопредельными странами. Каменистые поля, пески, безводные, лишенные всякой растительности, пространства гораздо более, чем трудные для подъема крутизны скал, составляют с этой стороны истинную оборонительную границу.

Проточные воды распределены весьма неравномерно в Индустане, что зависит от хода ветров, направления и обилия дождей. Рассматривая индийскую гидрографию в целом, находим, что покатость Бенгальского залива орошается количеством воды, гораздо более значительным, чем покатость Аравийского моря; даже можно сказать с полной уверенностью, что северная оконечность этого залива получает более половины вод полуострова. Приходя с

1 Medlicott and Blafford, „A Manual of tha Geology of India“.

2 „Proceedings of the Geographical Society of London”, jan. 1879.

противоположных сторон, одна с запада, другая с востока, две большие реки, Ганг и Брахмапутра, соединяют в своих долинах все второстепенные реки и речки, получающие начало в Гималайских горах, на протяжении более 2.000 километров, и изливают их в море сотнями блуждающих каналов, которые образовались между холмами Раджамагал и горами Гарро. Через эту брешь утекает жидкая масса, по малой мере вчетверо большая той, которую вся Франция дает Средиземному морю и Атлантическому океану. Область общей дельты переплетающихся бесчисленных рукавов этих двух рек, кажется, как будто принадлежит двум стихиям, земле и морю: берега, острова едва выступают из-под воды, а илистые или песчаные мели поднимаются почти до самой поверхности вод; деревья корнями принадлежат к водяному царству, тогда как слой грязи, скопившийся вокруг стволов, указывает уже на близкие захваты материка. В другом углу Индустана, главная река, название которой сделалось именем всей Индии, соответствует симметрически Гангу и Брахмапутре; она питается снегами Западного Гималая, смешанными со снегами Гинду-куша, Каракорума, Загималайской цепи и даже Тибетского плоскогорья; площадь её бассейна наверно превышает миллион квадр. километров; но, протекая через страны с климатом гораздо более сухим, нежели Бенгалия и Ассам, она катит количество воды несравненно меньшее, чем две восточные реки, и даже значительная часть её области истечения состоит из безводных песчаных пустынь; тем не менее, однако, она служит водным путем, которым пользуются суда, и образует, вместе с Гангом и морем, линию судоходства, доставившую Индустану имя «Полуострова», которым эта страна часто обозначается. В некоторых отношениях Инд, который обыкновенно сравнивают с Гангом, как двух близнецов, представляет поразительный контраст со своим братом. Тогда как последний, то-есть Ганг, течет преимущественно с запада на восток, следуя вдоль южных предгорий Гималая, первый течет, главным образом, с севера на юг, по выходе из области гор. Инд так же, как и его главный приток, Сетледж, берет свое начало на задней, обращенной к материку, стороне собственно Гималайской цепи, в тибетских областях; наконец, в своем нижнем течении он не получает более притоков: он уже, так сказать, окончательно сформировался, отличаясь в этом отношении от Ганга, который соединяется в низовьях с могучей Брахмапутрой. Вообще нужно сказать, что черты сходства, которые индусские поэты, а по их следам и многие современные географы, хотели установить между двумя священными реками Индии, как будто между ними существует нечто в роде мистического родства, по большей части не что иное, как игра воображения.

Реки, протекающие в полуостровной Индии, на юге от перегородки из гор и холмов, образуемой цепью Виндиа, представляют также, от одной до другой покатости, замечательный контраст. С одной стороны, две реки-близнецы, Нарбада и Тапти, зарождающиеся недалеко от географического центра Индустана, текут параллельно одна другой и изливаются в один и тот же залив Аравийского моря; хотя устья у них отдельные, однако, они как будто принадлежат к одной и той же гидрографической системе. Но эти две реки—единственные на всем западном берегу имеющие некоторую важность; везде в других местах скат Гатских гор слишком узок, чтобы на нем мог образоваться значительный бассейн. Все большие реки системы Гатской цепи, как восточной, так и западной, Маганадди, Годавери, Кришна, две реки Панар, Кавери, спускаются к Бенгальскому заливу, раскладывая свои наносы в форме широких дельт перед своими устьями. Мало найдется рек, которые представляли бы более правильное, более ритмическое чередование между периодами мелководья и полноводья: все колебания уровня этих индийских рек регулируются движениями атмосферы; прежде чем появиться на поверхности земли, эти потоки образуются уже в воздушных пространствах: они прежде всего составляют метеорологическое явление. Ни в какой другой стране земного шара земледельцы не заботятся так много о сбережении своих рек, чтобы не зависеть от перемены времени года; это вопрос жизни или смерти для многочисленного сельского населения, скученного густыми массами в прибрежных местностях. Тогда как в Северной Индии незначительное падение рек сделало необходимым, для орошения земель, прорытие длинных каналов, разветвляющихся до бесконечности в равнинах, неровный характер почвы на плоскогорьях Декана и на покатости Коромандельского берега заставил жителей прибегать

к устройству, запасных резервуаров; они восстановили, так сказать, первобытное состояние страны, каким оно было в то время, когда реки, не успев еще урегулировать свое русло, текли уступами, спускаясь из одного озерного бассейна в другой порогами или водопадами; таким образом, человеческая индустрия воспроизвела в полуденной Индии виды местности, напоминающие, по крайней мере рельефом, ландшафы Скандинавии. Некоторые из этих 35.000 озер, реставрированных земледельцами Декана и Коромандельского берега, имеют площадь, измеряемую сотнями квадратных километров; это самые обширные озерные бассейны, какие встречаются в Индустане, вне области Гималайских гор. Воды резервуаров, сберегаемые для сухого времени года, удерживаются при помощи плотин, называемых anicuts англо-индийцами; излишек воды, выливающийся через порог калингал (calingalas), служит для наполнения лежащего ниже второго пруда, и таким образом, от уступа к уступу, ряд бассейнов обозначает линию ирригационных каналов, от начальной до конечной их точки, как узлы на нервной сетке. Во время больших дождей часто случается, что аникуты, или плотины, плохо поддерживаемые в период угнетения, войны или народного обеднения, уступают на каком-нибудь пункте напору воды: тогда резервуар разом опоражнивается; воды, смешанные с камнями, с грязью, с обломками всякого рода, захваченными на их берегах, устремляются в следующий, ниже лежащий пруд; последний тоже не выдерживает напора, стены его разрываются, и жидкая масса, переходя с уступа на уступ и на пути постоянно увеличиваясь в объеме, изливается на низменности в виде страшных наводнений.

В Индустане можно наблюдать весь ряд земных температур, следующих одна за другой с юга на север, от берегов Цейлона, лежащего в соседстве с экватором, до вечных снегов Каракорума, покрывающих, на расстоянии около 3.500 километров (3.290 верст) от равноденственной линии, горы, поднимающиеся от 6.000 до 8.600 метров (от 20.000 до 28.200 футов) над уровнем океана. Тогда как в некоторых областях Полуострова воздух, которым дышишь, кажется раскаленным, есть другие местности, где человек не может жить, или куда он не мог бы даже взобраться, по причине холода и разреженности атмосферы. Однако, если рассматривать горный вал, возвышающийся над равнинами Инда и Ганга, как составляющий часть особой географической области, то оказывается, что поясы средней температуры следуют один за другим довольно правильно, от Цейлона и мыса Коморин до первых Гималайских долин. В своей совокупности полуостров по сю сторону Ганга, не будучи знойным, как некоторые области центральной Африки, есть, тем не менее, одна из самых жарких стран земного шара: экватор наибольшей средней теплоты проходит непосредственно на юге от Полуострова, и даже изотермическая линия 24 градусов изгибается в северных равнинах так, что идет вдоль первых возвышенностей Гималайской цепи. Разность средней годовой температуры от одного до другого конца Индии, на пространстве более 3.000 километров (2.811 верст) по ширине, составляет всего только 5 градусов стоградусного термометра, если, не принимая в рассчет различия высоты мест, приведем все станции к уровню моря. В разные времена года разности средних температур в обратную сторону более значительны, около 8 градусов во время жаров и 10 градусов в период прохлады; но это небольшие уклонения сравнительно с обширным протяжением страны. Более 250 метеорологических станций, учрежденных во всех частях Полуострова, дают возможность изучать все колебания климата Индии и изображать их графически с такою точностью, какой еще не достигли во многих странах Западной Европы.

Наибольшая равномерность температуры поддерживается естественно в областях полуденной Индии, благодаря соседству экватора и умеряющему влиянию морских вод и ветров (бриз). Так, в Коломбо, на острове Цейлоне, изменение температуры от одного месяца до другого не превышает двух градусов, колеблясь между 26° и 28° Ц.; на Малабарском берегу, между Мангалором и Кочином; вариация термометра не достигает даже 4 градусов: но по мере удаления от моря, неравенства температуры по временам года становятся все значительнее: в теплый сезон, именно с марта по май, жары гораздо сильнее на плоскогорьях Декана, нежели на берегах Малабарском и Коромандельском; однако, воздух там в то же время суше, и ощущение удушливости, которое испытываешь на этих возвышенностях, менее тя-

гостно; на морском же берегу кажется, что дышишь стоя против устья огромной пылающей печи, особенно, когда прекращается морская бриза и начинает дуть «земной ветер», то-есть ветер с материка. Само собою разумеется, разность температуры между различными временами года увеличивается с юга на север, пропорционально возрастанию географической широты, и горная цепь Сатпуры, составляющая как бы перегородку Индустана, может быть также рассматриваема, с метеорологической точки зрения, как второстепенная граница между Северной Индией и Деканом. Так, в Пенджабе, в городе Дера-Измаил-хан, который находится далеко внутри материка и почти в 1.000 километрах (937 верст) к северу от тропической линии, разность между температурой самого холодного месяца, января (9°), и температурой самого теплого, июля (35°,4), составляет около 26 градусов. Это область Индии, где жара летом самая сильная; в это время года термический экватор изгибается к северу так, что проходит над Пятиречьем; температура там бывает тогда так же высока, как в самых жарких странах земного шара, не исключая даже Сахары[1]. Что касается крайностей тепла и холода, которые случалось наблюдать в разные эпохи, то они представляют в Пенджабе общую разность немного более 50 градусов между точкой замерзания и исключительными жарами, доходившими до 50 и 52 градусов стоградусного термометра. В Мадрасе, имеющем климат экваториальный и морской, длинный ряд термометрических наблюдений, производившихся начиная с первых времен занятия страны англичанами, показывает в разностях температур амплитуду вдвое меньшую, именно—между 17 градусами Цельзия, крайностью холода, или низшей температурой, и 42°,5, крайностью тепла, или высшей температурой.

Средние и крайния температуры некоторых городов Индустана, по направлению с севера на юг:

Станции	Широта	Средняя температура	Самый теплый месяц (июль)	Самый холодный месяц (январь)	Разность
Пешавар	34°1'45''	22°,7	33°,2	11°,3	21°,9
Дера-Измаил-хан	31°39'36''	24°,6	35°,3	9°,4	25°,9
Лагор	31°31'10''	23°,9	33°,4	11°,3	22°,1
Амбалла	30°21'24''	23°,5	32°,8	12°,5	20°,3
Дели	28°38'54''	23°,2	32°,8	12°,8	20°,0
Агра	27°10'12''	25°,6	34°,9	14°,2	20°,7
Лакнау (Лукноу)	26°51'12''	24°,3	32°,5	15°,6	16°,9
Аджимир	26°27'12''	26°,4	34°,6	16°,5	18°,1
Патна	25°37'12''	25°,3	36°,6	16°,0	20°,6
Аллахабад	25°26'	27°,2	36°,4	17°,9	18°,5
Бенарес	25°18'24''	26°,6	35°,2	16°,7	18°,5
Дакка	23°42'42''	25°,8	29°,5	18°,7	10°,8
Джабальпур	23°9'42''	24°,6	32°,9	16°,0	16°,9
Калькутта	22°33'	25°,7	29°,6	18°,7	10°,9
Джиттатонг	22°20'30''	24°,4	28°,3	17°,6	10°,7
Барода	22°16'	26°,9	34°,8	20°,7	14°,1
Нагпур	22°10'	27°,6	35°,7	21°,9	13°,8
Ахмаднагар	19°6'	25°,6	30°,8	21°,2	9°,6
Бомбей	18°53'30''	26°,8	29°,8	23°,6	6°,2
Махабалешвар	17°54'24''	19°,2	23°,6	17°,3	6°,3
Визагапатам	17°41'	28°,3	34°,1	22°,3	11°,7
Беллари	15°8'54''	26°,8	30°,8	23°,4	7°,7
Бангалор	12°57'36''	23°,4	27°,0	20°,1	6°,4
Аркот	12°54'18''	27°,5	31°,1	22°,6	8°,3
Мангалор	12°51'42''	27°,2	30°,1	25°,5	4°,6
Пондишери	11°56'	29°,2	30°,6	26°,7	3°,9
Кананор	11°51'12''	27°,1	29°,4	25°,7	3°,7
Утакамунд	11°23'42''	13°,3	16°,0	10°,8	5°,2
Каликут	11°15'12''	27°,4	29°,7	25°,9	3°,8
Карикал	11°5'	28°,0	31°,5	24°,8	6°,7
Коимбатур	11°1'	24°,8	27°,6	22°,6	5°,0

1 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

Трихинополи	10°49'48''	29°,3	32°,6	25°,3	7°,3
Кочин	9°58'6	26°,9	29°,3	25°,1	4°,2
Мадрас	9°55'18''	27°,8	30°,9	24°,4	6°,5
Канди	7°17'	22°,7	23°,7	21°,4	2°,3
Коломбо	6°56'	26°,8	28°,0	25°,6	2°,4
Пойнт-де-Галь	6°2'30''	27°,1	28°,1	26°,1	2°,0

Арийцы, поселившиеся в равнинах севера Индии, разделили год на шесть времен: это «шесть юношей» древней мифологии, которые вертят колесо года, увлекая непрерывно круг всего живущего и всех миров[1]. Но это деление года, которое, под влиянием песен и священных поэм, было принято в Индустане и даже на холодных плоскогорьях Тибета[2], не может быть одинаково применено ко всем областям Полуострова, в особенности потому, что сезоны не сменяются таким образом, чтобы представлять на юге, как и на севере, один и тот же характер и одинаковую продолжительность. Весна, или васанта, которая соответствует месяцам марту и апрелю, есть пора любви и наслаждения, воспетая поэтами: воздух ясен, небо чисто, безоблачно, ветерок, дующий с полудня, тихо шелестит листьями деревьев и приносит в хижины опьяняющее благоухание цветов манговой пальмы; тяжелые полевые работы кончены; настало время для свадеб и праздников в честь богов. Но вскоре приходит гришма, «время пота», в сопровождении облаков пыли, поднимающейся с дорог и полей, в сопровождении частых пожаров, вспыхивающих среди иссохшей травы и бамбуков: это знойные месяцы май и июнь. В воздухе тихо, но уже собирается гроза; черные тучи мало-по-малу скопляются на горизонте; вот, наконец, блеснула молния и ударил гром, возвещая о появлении муссона, который начинается с наступлением варши, периода дождей: реки широко разливаются и орошают прибрежные равнины; природа обновляется, посеянное зерно проростает на запаханных полях. За этими двумя месяцами, июлем и августом, следует четвертый сезон, шарад, осень, продолжающаяся два месяца, сентябрь и октябрь, во время которой вызревают плоды, под влиянием тепла, еще влажного от дождей предыдущего периода. Гиманта, или зима, соответствующая двум последним месяцам европейского года, отличается холодными ночами и утренниками, но великолепными, ясными днями, во время которых производится жатва на полях, и земледельцы молотят и собирают свое зерно. Затем идет саси или сисира, последнее время года, период росы и туманов, который оканчивается февралем месяцем западных народов. После того цикл года снова начинается в том же порядке[3].

В действительности резко разграниченные деления климата для всего Индустана сводятся к трем временам года—теплому, дождливому и холодному. Великий годовой кризис, метеорологическая драма, о которой повествуют древние поэмы и которая получила капитальную важность в мифологии индусов, это—наступление дождливого муссона; как показывает буквальный смысл его арабского названия моссим, муссон есть «сезон» по преимуществу, важнейшее время года. Большие жары, сопровождающие шествие солнца, которое мечет вертикально свои лучи над Индустаном, расширяют атмосферу страны и заставляют ее подниматься столбами в верхния области; вся Индия превращается в громадную пылающую печь с сильною тягой; стоящие над океаном воздушные массы, насыщенные водяными парами, приходят в движение и устремляются к Полуострову. На берегах Малабарском, Конканском и Бомбейском воздушный ток дождливого муссона идет с юго-запада и движется прямо в противоположном направлении с северо-восточными пассатными ветрами. Можно подумать, что он обязан своим прохождением противо-пассатам, или обратным пассатам, спускающимся из верхних областей атмосферы, чтобы дуть на поверхности земли; вероятно, однако, что его следует считать, по крайней мере отчасти, продолжением пассатных ветров южного полушария, привлекаемых на север сильно нагреваемою поверхностью Индии и постепенно отклоняемых к северо-востоку вращением земного шара на оси. Наблюдения, сде-

1 Магабгарата, Ади-Парва.

2 Hermann von Schlagintweit, цитированное сочинение.

3 Benjamin Heine, „Tracts, Historical and Statistical on India“.

ланные в разных метеорологических станциях Полуострова, равно как на борте кораблей[1], доказывают, что воздушные волны южного муссона обязаны своим происхождением также местному отливу атмосферы над Индийским океаном: часто бывает, что пояс штилей и неправильных ветров, занимающий экваториальные моря, совершенно разделяет пояс юго-восточного пассата и пояс южного муссона. Что касается направления этого последнего ветра, то нельзя сказать, чтобы оно было однообразное, от юго-запада к северо-востоку, на всех берегах Индии; часто он движется прямо с юга на север. В долине Инда, в долине Иравадди, на берегах Сандербанда и Ориссы, на северной стороне Бенгальского залива воздушный поток направляется перпендикулярно к притягивающим его морским берегам: иногда он приходит с юго-востока[2]. Тогда как пассатные ветры представляют явление космического порядка, зависящее от движения планеты и её положения относительно солнца, муссоны происходят от неравномерного распределения материков на поверхности земного шара; пусть земли и моря распределятся как-нибудь иначе, и этого будет достаточно, чтобы изменилась вся география муссонов.

Несмотря, однако, на свой отчасти местный или областной характер, муссон есть, бесспорно, одно из замечательнейших явлений нашей земли по своей силе и по величественности своего наступления. С Матерана, близ Бомбея, с Магабалешвара или с какого-нибудь другого мыса западной Гатской цепи, откуда видны разом море, берега и ущелья гор, можно обнять взором во всей его совокупности грандиозное зрелище, представляемое появлением этого метеора. С 6 по 18 июня, смотря по годам, скопляются первые грозовые облака, предвестники муссона. На одной стороне небосклона медно-красные пары скучиваются в виде башен, группируются в форме «слонов», по местному выражению[3], затем медленно придвигаются к земле; туча сгущается, растет и, наконец, покрывает половину неба, тогда как другая половина не имеет ни одного пятнышка на своей великолепной лазури. С одной стороны мрак окутывает скоро горы и долины, тогда как вдали очертание берегов обрисовывается с поразительною ясностью, и море, реки, похожия на серебряные ленты, поля и деревни, рассеянные там и сям города кажутся сверкающими каким-то сверхъестественным блеском. Вот, наконец, послышались первые громовые удары; тучи ударяются о крутые склоны Гатских гор, и буря разражается, молнии следуют без перерыва одна за другою, гром гремит беспрестанно и перекатывается в пространстве, дождь льет потоками. Затем в толще туч образуется разрыв, свет возвращается мало-по-малу, природа снова озаряется под лучами заходящего солнца, и от всех этих масс, обрушившихся с неба, не осталось ничего, кроме легкого тумана, поднимающагося вверх по долинам, или повисшего в виде бахромы на верхушках деревьев. Такова обыкновенно первая гроза муссона, предшествующая правильным дождям; но бывает и так, что появление дождевых туч не сопровождается громом; темнота вдруг охватывает пространство, и начинается ливень. Иногда облака дефилируют в продолжение одного или двух дней вдоль мысов, точно военные корабли, проходящие в открытом море мимо крепости; огибая мыс, каждое облако посылает из себя молнию и гром; можно подумать, что небо ведет войну с горами[4].

Правильность явления муссонов, продолжающагося с июня по сентябрь, конечно, имела, так сказать, регулирующее влияние на работы и заботы живущих внутри материка племен, точно так же, как она долгое время определяла движения торговли вдоль берегов Полуострова. Пока не были введены пароходы на Индийском океане, времена года служили точными регуляторами для прихода и отхода судов на берегах Малабарском и Коромандельском. Задолго до Неарха арабы, привозившие богатства Индии в порты Красного моря, познакомились с ходом правильных ветров, меняющихся от одного берега до другого; это явление периодической перемены направления воздушных течений должно было поразить мореходов с

1 Brault, „Cartes de la Direction et de l'Intensite probable des vents dans la mer des Indes“.
2 Muhry, „Zeitschrift fur Meteorologie von Carl Jelinek“, 1867, № 21.
3 Thevenot, „Voyage au Levant“.
4 „Times“, January 9, 1880.

самых первых времен мореплавания; оно дало им смелость распускать свои паруса при попутных ветрах в полной уверенности, что будущий муссон позволит им благополучно вернуться в отечество. Но как ни велико было влияние муссона на торговые сношения Азии, оно, однако, представляется второстепенным в сравнении с его важностью для орошения почвы, без которого не было бы ни культуры, ни заселения страны. Летний муссон приносит проливные дожди с грозой. Северо-восточный пассат, который спускается с плоских возвышенностей Тибета, после того как он прошел через пустыни центральной Азии, не дает никакой влажности; редкие зимние дожди, падающие на равнины Северной Индии в течение периода, когда господствует этот ветер, происходят от местных круговращений воздуха и от облаков, которые приносят с Бенгальского залива противо-пассаты, или верхние пассаты, дующие в пространстве над нижними воздушными потоками. Летние дожди, приносимые муссоном, питают реки Индустана, вызывают к жизни пышную растительность в лесах и на полях, поддерживают земледелие; давая хлеб населению, они тем самым были главным деятелем и двигателем цивилизации на Полуострове. Это беспрестанно повторяют первые песни Риши, взывающие к Индре, который рассекает тучу, чтобы освободить небесные стада и пролить на своих обожателей богатство и изобилие. «Дождь посылают нам боги—говорит Магабгарата;—он дает нам растения, от которых зависит благосостояние людей»[1].

Количество дождей, приносимых летним муссоном, неодинаково по годам: в один год бывает больше, в другой меньше, и при том оно сильно разнится в разных областях Индустана. На западных склонах Гатских гор выпадает такая масса дождевой воды, что в продолжение года она образовала бы слой толщиною в несколько метров, или, средним числом, около $3^1/_2$ сажен (в Петербурге годовое количество дождевой воды составило бы слой только в 10 вершков). Гонимые ветром на крутизны и в узкия долины этих гор, составляющих внешний край Декана, облака превращаются в потоки, которые быстро спускаются к морю, совершая таким образом в несколько дней полный кругооборот воды, происходящий между океаном, атмосферой и материком; но в своем коротком переходе воды западной покатости Индии вызывают к жизни на своих берегах густую, пышную растительность и обновляют кормилицу-землю прибрежных местностей, принося ей обломки обрушившихся лав. Эти-то проливные дожди, извергаемые муссоном на западный бок Гатской цепи, и придали этим горам такой разорванный вид; они разрезали их на башни и остроконечные пирамиды, размыли в толще их ущелья и глубокия пропасти. Но далее, за выступами, венчающими вал Гатского хребта, облака, приносимые муссоном, являются уже облегченными от большей части своей влажности, и сильные дожди выпадают только на самых высоких вершинах холмов, которые поднимаются там и сям над общим уровнем возвышенностей Декана. Тогда как среднее годовое выпадение дождей превышает 7 метров в некоторых местах западного ската Гатских гор, оно составляет только 4 метра в Меркаре, на холмистом плато Кург; далее на восток оно еще меньше. Даже на одной и той же горе разница весьма значительна между противоположными склонами; так, например, на горе Чамбре, принадлежащей к цепи Гатских гор и возвышающейся на западе от цепи Нильгири, западные скаты получают в продолжение года, средним числом, 472 сантиметра дождевой воды, почти на целый метр больше, нежели восточные. И не только пропорция падающей из воздуха воды уменьшается от запада к востоку в области Гатских гор,—она убывает также, начиная от Бомбея, по направлению с севера на юг, что происходит, без сомнения, от постепенного съужения полуостровного тела и уменьшения, вследствие того, собирательной силы, обнаруживаемой нагретою атмосферою в отношении прилегающих воздушных масс. Так, в низменных равнинах Траванкорских среднее годовое падение дождей не менее 2 метров (2,8 аршина), а на мысе Коморине, на южной оконечности Полуострова, оно не превышает одного метра (1,4 аршина)[2]. Замечательно, что количество дождевой воды, совершенно достаточное в более умеренных странах, чтобы поддерживать богатую лесную растительность, не довольно велико в полуденной Индии, чтобы

1 Магабгарата, Ади-Парва, двустишия 1720, 1721.

2 Clements R. Markham, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XXXI, 1866.

питать большие деревья. Подобно тому, как в России и в Северной Америке большее или меньшее количество дождевой воды производит контраст лесов и лугов, так точно в верхнем бассейне реки Кавери густой лес чередуется, соответственно выпадению дождей, с бамбуковыми порослями: где средний годовой слой дождевой воды достигает толщины от 3 до 3,75 метров, там развивается во всей силе и пышности непроницаемый тропический лес; напротив, в тех местах, где падение дождей варьирует от полутора до двух с половиною метров, скаты холмов представляют лишь чащу бамбуков, усеянную небольшими деревцами[1].

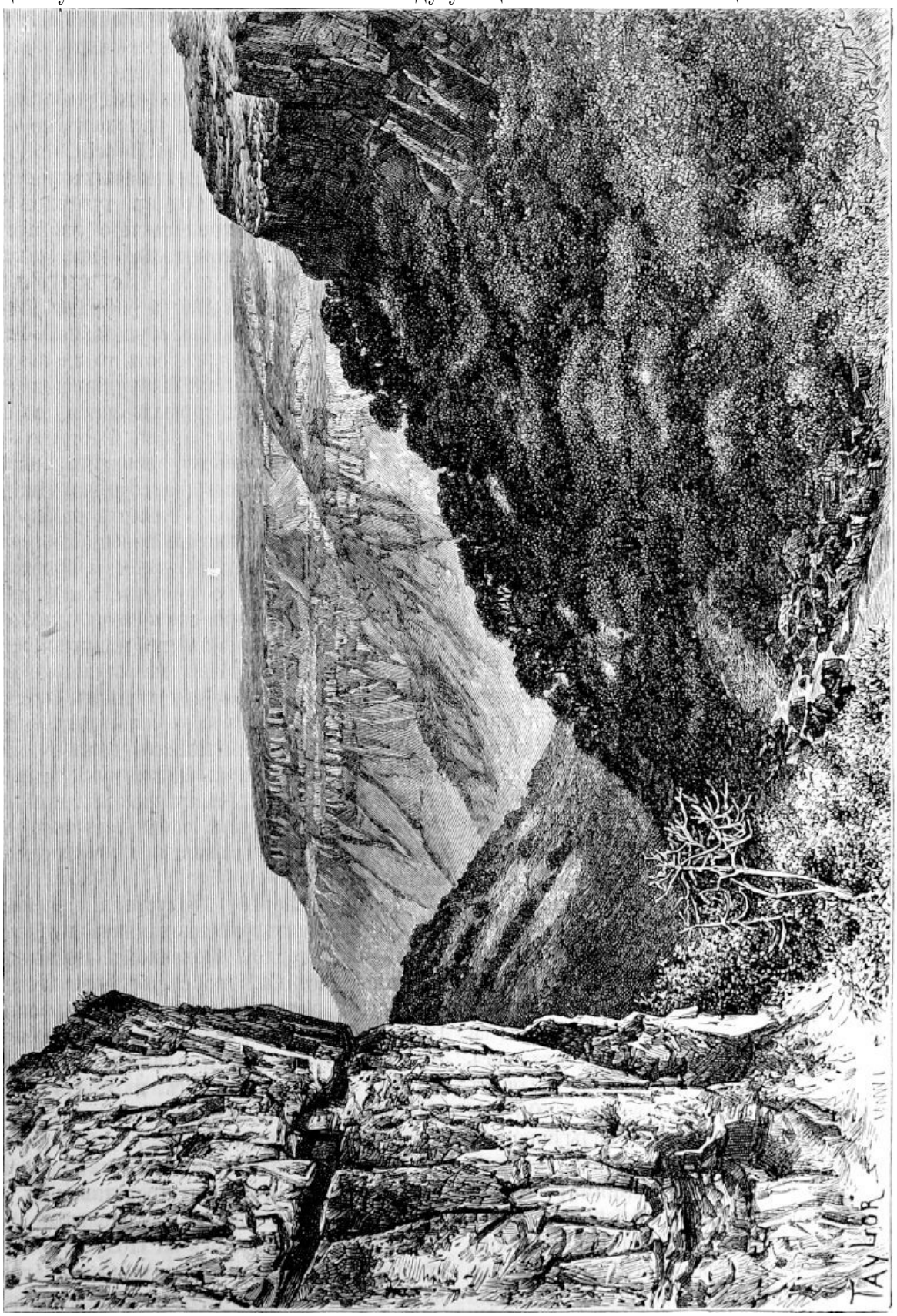
На севере Индустана обилие дождей уменьшается в обратном порядке, т.е. по направлению от востока к западу. У подошвы Сулейман-дага и в пустынях, простирающихся на восток от Инда до основания горы Абу, ливни редки, и выпадение их не имеет правильного характера: сплошной сезон дождей заменяют там периоды засухи, чередующиеся с грозами. Даже в Пятиречьи, у подошвы предгорий Гималайской цепи, земледельцы часто обращают взоры к небу в ожидании желанного дождя, и горячия молитвы, которые древние арийцы возносили богам-громовержцам, доказывают, что в ту эпоху, когда они населяли эту страну, облака были, как и в наши дни, слишком скупы на свою плодотворную влагу[2]. Но на востоке муссон Индийского моря, правильно отклоняемый к северо-востоку, изливает на землю свою тяжелую ношу дождей, падение которых совпадает как раз с таянием снегов, ручьи и реки растут и разливаются одновременно от притока вод, приносимых ветром, и от притока вод, посылаемых горами. Как ни значительны, за целый год, атмосферные осадки, в виде снега и дождя, на склонах Гималайских гор, особенно в Сиккиме, количество, их, однако, гораздо меньше, нежели выпадение атмосферной воды на северо-востоке Индустана, в глухой горной котловине, куда низвергается, как в пропасть, летний муссон. Тогда как в Калькутте, в низменных равнинах Ганга, дождевые облака изливают на землю только 2 метра (2,8 арш.) воды в средний год, они приносят жидкую массу, почти вдесятеро большую, на горы Гарро и Хази, образующие выступ или мыс над местностями по течению Брахмапутры. Станция Черапонджи, в одной долине гор Хази, занимает первое место в свете по количеству атмосферных осадков, которые представляют там годовой слой дождевой воды наиболее значительный, какой до сих пор случалось наблюдать метеорологам: в среднем выводе, толщина этого слоя равняется 16 метрам (почти $7^1/_2$ сажен); в 1861 году она достигла даже 20,44 метров (более $9^1/_2$ сажен), так что в тех странах иногда выпадает больше дождевой воды в двенадцать месяцев, чем, например, в Шампани в продолжение пятидесяти лет. При том, еще весьма вероятно, что эта огромная масса падающей из атмосферы воды бывает иногда превзойдена в некоторых воронках или котловинах долин, лучше расположенных для принятия облаков и превращения их в дожди, льющие ручьями. По словам Гукера, один только ливень, который можно было сравнить с обрушением морского смерча, покрыл землю жидким слоем толщиною в 760 миллиметров, т.е. таким слоем, какой во Франции выпадает в продолжение целого года. Так же, как и западный склон Гатской цепи, горы Ассама, принимающие удар проливных дождей, изрезаны глубокими оврагами и загромождены обвалами: нигде во всем свете скалы не носят на себе более явных знаков постоянной работы разрушения, производимой атмосферными деятелями и преимущественно дождями.

Малейшая неправильность в годовых колебаниях климата, зависящая от перемены атмосферного давления, хода ветров и облаков, имеет чрезвычайно важные последствия в Индустане. Когда дождей нет или они недостаточны и, вместо обильного поливания почвы, только слегка спрыскивают ее, когда реки пересохли и каналы иссякли, голод неизбежен, и миллионам людей грозит смерть от истощения вследствие недостатка пищи. Всего чаще нужно опасаться неурожаев и голодовок в Синде и Пенджабе, в равнинах Гангского бассейна и на восточных берегах Полуострова, т.е. в областях, где среднее годовое количество дождевой воды от 1 до $1^1/_2$ метра; эти страны должны были бы подвергаться периодически обезлюднению, если бы не ирригационные каналы, позволяющие восполнять недостаток дождей; ис-

1 Bidie, тог же сборник, том XXXIX, 1869 г.

2 Oldham, „Calcutta Review“, july 1874.

кусственные орошения считаются бесполезными только в тех местностях Индии, где количество атмосферных осадков достигает 2 метров (2,8 аршина) в год. Метеорологи полагают, что существует постоянное соотношение между учащением пятен на солнце и колебаниями до-



Махабалехваръ.

ждей; по их наблюдениям, цикл этих двух порядков явлений один и тот же, именно: он обнимает одиннадцатилетний период, так что, следовательно, зная наперед время наступления опасности, можно было бы предотвратить ее, по крайней мере отчасти; но полная утилиза-

ция текучих вод, берущих начало по большей части в областях, где дожди выпадают в обилии, есть единственное средство обеспечить успех урожаев, а с тем вместе и существование сельского населения в Синде и во всех местностях восточной покатости Индии.

Менее опасные в действительности, нежели недостаток дождей, циклоны внушают, однако, больше страха, потому что их дело разрушения совершается внезапно, быстро, и сцены гибели, раздирающие душу катастрофы, оставляемые ими на своем пути, выказываются сразу во всем их ужасе. При том же, если от неурожая и голода гибнут иногда миллионы индусов в течение нескольких месяцев, то и циклоны нередко потопляют более сотни тысяч людей в несколько часов, и эпидемии, местные голодовки тоже являются неизбежными следствиями этих страшных метеоров. В морях Индии, к северу от экватора, большинство циклонов развертывают свою спираль на севере от Андаманских островов, между берегами Ориссы и берегами Арракана; но они потрясают воды также у Коромандельского берега и, по другую сторону Полуострова, в Аравийском море. Эти ураганы происходят либо в начале, либо, еще чаще, в конце периода летнего муссона. Обыкновенно, нарушению равновесия атмосферы предшествует затишье, сопровождаемое барометрическим давлением, почти одинаковым на значительном пространстве. Нагретые водяные пары, поднимающиеся в этих морях, не находя в верхних слоях атмосферы выхода, который позволял бы им разливаться вправо и влево, снова сгущаются, скрытая теплота освобождается, и холодный воздух устремляется со всех сторон к этому очагу высокой температуры: таким образом, от столкновения воздушных масс и рождается вихрь. Самыя ужасные катастрофы, естественно, разражаются на низменных берегах, где внезапные приливы, поднимающиеся всего только на несколько метров выше среднего уровня морских вод, достаточны для того, чтобы опустошить равнины и поля, простирающиеся на необозримое пространство внутрь твердой земли.

Всего больше разрушили циклоны человеческих поселений, всего больше потопили народу при устьях рек Кистны, Годавери, Маганадди, Ганга и Брахмапутры. Самым ужасным из всех ураганов, о которых повествуют летописи земного шара, был ураган, разразившийся в 1876 году над восточною областью Сандербанда, по обоим берегам реки Мегны; он известен под названием «Бакеркандженского циклона», данным ему по имени округа, который он опустошил. В ночь с 31 октября на 1 ноября, около полуночи, три следовавшие одна за другой волны, от 3 до 6 метров общей высоты, подступили к берегам устья, и в несколько часов три большие острова, соседние островки и около 60.000 гектаров (54.900 десятин) суши были покрыты водами, более полумиллиона людей были в то же время внезапно застигнуты потопом. Несчастные, которые искали спасения на крышах своих хижин, были унесены волной вместе с хижинами. Только те, которые успели взобраться на деревья, растущие небольшими рощами вокруг селений, и спаслись от неминуемой смерти, да и эти счастливцы могли спуститься из своего убежища лишь на другой день под вечер. Почти все деревья были смыты до основания, весь домашний скот погиб, и первоначальные, на-скоро собранные статистические сведения о размерах катастрофы исчисляли цифру человеческих жертв слишком в 200.000 душ.

Почти везде, где прошла страшная волна наводнения, осталась только треть, в иных местах даже только четверть жителей; затем гниение огромной массы трупов породило холеру, и остальное, уцелевшее от потопа, население было еще истреблено более, чем на десятую часть развившеюся эпидемией. До сих пор еще только на незначительной части низменных берегов Сандербанда приступлено к сооружению оградительных валов, которые могли бы помешать повторению подобных ужасающих бедствий.

С своими различными климатами, от гор Ассама, где дожди льют потоками, до безводных пустынь Синда, Индустан представляет в своей флоре значительное разнообразие растений, но он не составляет особенной, совершенно самостоятельной области в отношении растительности. Не будучи центром рассеяния растительных форм, как Южная Африка, Малезия, Австралия, он есть, напротив, общая почва, где соприкасаются и смешиваются флоры сопре-

дельных стран; за исключением нескольких видов, которые индивидуализировались под влиянием местных условий, но роды которых встречаются также и в других странах, растения, которые мы находим в Индии, принадлежат к растительным областям или флорам Персии, бассейна Средиземного моря, Египта, Малезии, Китая, центральной Азии[1]. В совокупности индийской растительности, эти различные элементы, комбинируясь между собою, образуют четыре отдельные области, соответствующие различию климатов: область Гималайских склонов, бассейн Инда, почти не получающий дождей, Ассам, где атмосферная влага выпадает в чрезмерном обилии, и наконец полуостровная Индия в собственном смысле, область без крайностей в отношении засухи и дождей.

Гималайская флора, особенно в Кашмирских горах, заключает в себе наибольшую пропорцию европейских видов: во многих долинах путешественник, приехавший с дальнего Запада, из Европы, может подумать, что находится все еще на родине, видя окружающие его травы и деревья. Заключенные некогда в одной и той же области, затем постепенно удаленные друг от друга переменами климата, растения Европы и растения Гималайских гор сохранили, несмотря на разделяющее их теперь огромное расстояние, свою первоначальную физиономию и свое родство. Сосна, ель, можжевельник, тис и другие хвойные деревья, которые составляют большие леса Гималаев до высоты 3.600 метров, очень похожи на сродные виды европейской флоры; великолепный деодар, «дерево богов», который растет на Кашмирских и Кумаонских горах и который теперь введен в парках и в лесах Западной Европы, есть кедр, мало отличающийся от кедров Ливана и атлантических берегов, особенно когда он достиг полного роста. В восточной части Гималайского хребта представленные роды, как-то: магнолия, аукуба, абелия, принадлежат преимущественно к синическому (китайскому) поясу, и чайное деревцо, растущее в диком состоянии в лесах Ассама, есть не что иное, как разновидность китайского растения.

Северо-западная область Индустана, не получающая достаточного количества атмосферной влаги, естественно менее богата растительными видами, и существующие там представители растительного царства составляют часть флоры, которую мы находим по другую сторону Сулейман-дага, в Персии, в Аравии, в Египте. Более девяти десятых растительности Синда встречаются в туземной флоре Африки; джунгли, прилегающие к пустыне, состоят почти исключительно из тех же колючих кустарников, какие мы находим на песках Передней Азии, и евфратский тополь (populus euphratica), растущий по берегам оросительных каналов, есть то же самое дерево, что и знаменитые плакучия или «вавилонские ивы», на которых евреи, во время пленения, вешали свои арфы. Растение «арийское» по преимуществу, асклепия (asclepias acida), или саркостема (sarcostema viminalis), которая производила «божественный» *гом*, *гома* или *сома*, столько же персидское, сколько индийское, и мудрецы Зендавесты прославляли его с таким же восторгом, как и риши Вед; но опьяняющий сок гома давно уже перестал быть священным напитком, питьем жизни и бессмертия; теперь уж не ходят собирать это растение при лунном свете, чтобы выдавливать из него сок под священным камнем и примешивать его к очищенному коровьему маслу и к чистой муке[2]; ни один поклонник не взывает уже к нему, как к божеству. Культ сомы уступил место культу вина, возливаемого в честь новых богов.

Флора областей Индустана, имеющих влажный климат, резко отличается от флоры Синда своей силой и блеском. Возвышенная равнина Ассама, пояс болотистых пространств, которые тянутся вдоль основания Гималайской цепи, долины гор Хази, нижняя Бенгалия, прибрежье Конкана и Малабарского берега, остров Цейлон и другие обильно орошаемые, земли Индии хотя заключают не совершенно одинакие виды, но общая физиономия их растительности точно такая же: природа в этих странах представляет с таким же богатством растительные формы, которые мы встречаем на Полуострове по ту сторону Ганга и на островах Сондского архипелага. Это пояс, который производит, по крайней мере в самых теплых

1 Dyer, „Encyclopaedia Britannica“.
2 Ball, „Jungle Life in India“.

своих частях, перечное и коричное дерево, кардамон, камедистые деревья, и откуда европейцы получили некоторые из своих драгоценнейших приобретений в растительном мире,— хлопок, индиго, сахар и многочисленные лекарственные растения; леса его доставляют сал и тек, наиболее ценимые сорты дерева, употребляемого для построек. Различные породы пальм, прямых и твердых, «словно дротики, пущенные с неба», которые удовлетворят все потребности населения, давая ему пищу, питье, одежду, мебель и всякую утварь, необходимую для домашнего обихода, растут преимущественно вдоль морских берегов; внутри материка, особенно в долинах притоков Ганга, широколиственная мхова (bassa latifolia) осыпает землю мириадами своих цветков, которые служат пищей людям и животным и которые нередко, в периоды неурожая и бесхлебицы, спасали от голодной смерти целые населения[1]. Там растут также различные разновидности священного дерева, смоковницы, которая может укрыть под своей тенью целые толпы народа, собравшиеся на праздник, на рынок или на религиозные церемонии; каждое отдельное дерево смоковницы разростается в целый лес, так как отростки её ветвей пускают корни в землю вокруг первоначального ствола и обвиваются иногда вокруг соседних пальм или других деревьев. Постепенным переходом тип тропической флоры перемешивается с типом, который представляет более умеренная растительность внутренних областей полуострова и растительность склонов гор, характеризуемая деревьями медленного роста, но с крепким или душистым волокном, как железняк (железное дерево) или сандал. Бамбук (индийский тростник) покрывает почву густыми порослями там, где годовое количество дождей недостаточно для развития лесных деревьев, и заменяет все эти деревья в домашнем обиходе жителей. Индусы удивляются, как могут существовать цивилизованные народы в тех обездоленных странах, где не растет бамбук[2].

Но распашка новых земель, искусственное орошение, все заботы, посвящаемые человеком возделыванию почвы, изменяют с каждым годом естественные границы поясов растительности. Земледельцы даже успели собирать жатвы зернового хлеба на высотах, почти достигающих линии вечного снега. Так, в стране Ладак сеют ячмень, в некоторых защищенных от ветра местах, на высоте слишком 4.500 метров (более 4 верст) над уровнем океана; на высоте 4.000 и 4.200 метров находятся деревни, население которых всецело зависит от успешного сбора этого хлеба[3]. Почти все группы человеческих жилищ в верхней долине реки Сетледжа до высоты 3.400, а в некоторых местах даже до высоты 4.000 метров ($3^3/_4$ версты) окружены ивами и абрикосовыми деревьями, к которым там и сям присоединяются можжевельник высокий (juniperus excelsa), священное дерево буддистов[4]. В Гималаях верхний предел обработанных полей и дикорастущих растений возвышается постепенно от внешних скатов, спускающихся в равнину, к склонам, господствующим над долинами в сердце гор. Иное дерево, которое останавливается на высоте 2.000 метров (6.562 фута) к югу от Дарджилинга, поднимается до высоты 2.200, затем до высоты 2.500 метров на севере от этого города, в жаркой и влажной теплице, которую образует долина Сиккима, окруженная со всех сторон высокими горами[5].

Подобно флоре, и животное царство Индустана не отличается от фауны сопредельных стран; оно сходствует, смотря по границам, с одной стороны, с областью Тибета и Китая, с другой—с областью Передней Азии, Индо-Китая и Малезии[6].

Южный склон Гималайских гор, естественно, населен теми же видами животных, как долины Загималайской цепи и плоскогорья Тибета; границу распространения для каждого животного, в направлении нижних долин, составляют те препятствия, какие противополага-

1 Rig Veda; Windischmann, „Somacultus der Arier“.
2 Yule, „The book of ser Marco Polo“
3 Frederic Drew, „Jumoo and Kashmir“.
4 Stoliozka, „Mittheilungen von Petermann“, 1870, № I.
5 Forbes Royle, „Botany and Natural History of the Himalaya mountains“; Hooker, „Himalayan Journals“.
6 Blanford, „Quarterly Journal of the Geographical Society“, nov. 1875.

ют ему климатические условия, на различных высотах. Так, вся богатая фауна Тибета, яки. дикие и домашние, антилопы, газели, серны, кабарги, косули, овцы, ослы, джигетаи, медведи, волки, белые, черные и красные, шакалы, лисицы, дикия собаки, встречаются либо в снежных областях, либо в лесах Гималайских склонов; но эта фауна не переходит за пределы сухой области: там, где начинаются леса, питаемые влажным воздухом Сиккима, останавливаются горные звери[1]. У подошвы больших гор лесная полоса области терая составляет, вместе с лесными чащами Ассама и гористой страны, отделяющей Бенгалию от Бирмании, главное убежище диких животных Индии; даже некоторые виды, истребленные в остальной части Полуострова, встречаются только в этом поясе; таков, например, маленький кабан (porculia salviania), который весит не более 5 килограммов (12 фунтов) и ростом бывает не выше 25 сантиметров.

Слон—одно из животных, которые могли сохраниться в большом числе в области терая и в горах Ассама, защищаемые лесными чащами и болотами. Он был выгнан почти из всех других областей Индустана; в других местах, кроме сейчас указанных, его находят только в земле Конд, в девственных лесах Курга, Майсура, Траванкора и на острове Цейлоне. Индийский слон не живет в равнинах, как африканский; его убежища находятся обыкновенно в холмистых местностях, и даже в гористых областях он предпочитает крутые гребни[2]; быть может, это—недавняя перемена в условиях существования, вынужденная соседством людей. В Сиккиме он бродит по лесам до высоты 1.200 метров; однажды даже охотники поймали одного слона на высоте более 3.000 метров, затем, приручив его, отвели в Лассу через перевалы Гималайских и Загималайских гор[3]. Слон, вероятно, скоро исчез бы из лесов Индии, если бы охота на него не была строго ограничена и если бы ловля в ямы, прикрытые ветвями деревьев, не была безусловно воспрещена. Ост-индское правительство оставило за собою право собственности на всех слонов Полуострова, как *макни*, т.е. неимеющих бивней, так и *ганда*, т.е. вооруженных длинными клыками. Хотя выбранные в число домашних животных Ганезы, бога мудрости, бедные слоны, однако, так неблагоразумны, что дают охотникам загонять себя в загороди, окруженные крепким частоколом, которые должны служить им тюрьмой. Там их мало-по-малу укрощают голодом, затем приручают при помощи товарищей, уже обращенных в домашнее состояние. Таким способом излавливают каждый год несколько сот слонов, которые почти все употребляются на работы при постройке дорог или на перевозку леса в кораблестроительных верфях или пушечных лафетов в арсеналах. Князья и знатные особы в Индии тоже не могли бы справлять празднеств, ни выезжать на охоту без того, чтобы в кортеже их не находилось нескольких слонов, покрытых богато убранными чапраками и несущих на спине гауды, или балдахины, украшенные драгоценными металлами, шелком и бархатом.

Носорог, другой представитель древней фауны, тоже стал редким в Индустане, хотя там существуют еще четыре разновидности его, с одним или двумя рогами. Это животное водится, главным образом, в лесах Джиттатонга, к востоку от устья Мегны, и в болотистых землях Сандербанда, где он любит валяться в грязи. В лесах и джунглях центральной Индии, Ассама и пограничных с Бирманией местностях рыскают также страшные звери из отряда жвачных, как-то: гаял, гаур (bos gaurus), обыкновенно называемые охотниками «бизоном», и дикий буйвол. Охота на этих животных не менее опасна, чем охота на тигра или на слона. Особенно опасен буйвол; он один только из всех диких животных Индустана, за исключением тигра, привыкшего к человеческому мясу, яростно бросается на человека, преимущественно на европейца; даже прирученные буйволы выказывают сильное отвращение к белокожим чужеземцам. Что касается кабана, то он редко нападает на человека, но это самое ненавистное для земледельцев животное, по причине вреда, какой он наносит полям; в нем видят врага по преимуществу, и во многих областях Индии тигра считают в некотором роде покро-

1 Гукер, цитированное сочинение.
2 Hunter, „Gazetteer of India“.
3 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“, vol. II.

вителем земледелия, потому что он избавляет крестьянина от диких свиней и других опустошителей посевов.

Тигр, прозванный «королевским» за его страшную силу и свирепость,—кровожадный зверь, который лучше всех других хищников сохранил свое господство во всех частях Индии, как в равнинах, так и в долинах гор, до довольно большой высоты на склонах Гималаев. Он нападает преимущественно на газелей, антилоп, косуль, кабанов и на всех мелких лесных животных; когда он находит эту дичь в достаточном количестве, он редко делает нападения на домашний скот. Но когда леса начинают пустеть, когда их население перевелось, или когда сами тигры, сделавшись старыми или немощными, не в состоянии больше гоняться за оленем или газелью, они принимаются за стада землепашцев и за самих поселян; раз отведав человеческого мяса, они уж не ищут другого. Как в отдаленные доисторические века, борьба между хищными зверями и человеком продолжается до сих пор, и во многих округах Индии еще недавно победа принадлежала кошачьему роду. Одна только тигрица в земле Чанда, в центральных провинциях, пожрала 132 человека в 1867 и 1868 годах[1]. Про другого такого же «людоеда» рассказывают, что его годовой паек состоял из 80 человек; жители тех мест видели в нем нечто в роде бога, соединившего в своих членах силу всех своих жертв. Соседства таких тигров достаточно, чтобы прекратилось всякое сообщение по большим дорогам, пролегающим через местности, где они обитают; один из этих страшных хищников наводил такой ужас на все окрестное население, что тринадцать деревень были покинуты жителями, и пространство земли в 650 квадр. километров оставалось заброшенным без всякой обработки. Леопард, известный обыкновенно под именем «пантеры», еще более страшен охотнику, чем самый тигр; он храбрее, проворнее, ловче, что вознаграждает, и даже с излишком, его сравнительно меньшую силу мускулов. Когда он отведал человеческой крови, он становится истинным бичем края; ему беспрестанно нужны новые человеческие жертвы, так как он ограничивается тем, что высасывает из них кровь[2]. Другой вид леопарда, *чита*, родина котораго—Декан, сделался союзником человека, как сокол; он сопровождает охотника в погоню за газелью и преследует эту дичь с такою быстротой, что глаз едва успевает следить за ним.

Кроме сейчас названных, в джунглях Индустана рыскают еще многие другие виды кошачьего семейства, но самый большой из всех, тот, которого народное воображение возвеличило как более могущественного, чем самый тигр, лев, с начала нынешнего столетия совершенно исчез в континентальной области Индии; еще в 1810 году охотились на этого зверя в Пятиречьи; в настоящее же время единственные представители индийского льва, отличающагося от африканского отсутствием гривы, живут в скалах Гир, около южной оконечности полуострова Катиавар; туземцы называют его «верблюдо-тигром». Близ этой же области, в соседстве Ранна, нашел себе убежище дикий осел; нильгау, или антилопа пестрая (portax pictus), которую, впрочем, встречают и в других частях Индустана, до Гималайских гор, тоже старается избегать охотников, бродя по окраинам этого пустынного края. Что касается волков то они удержались во всех открытых местностях Полуострова, и хотя их меньше боятся, однако они делают больше опустошений, чем тигры; некоторые дикия племена почитают их как богов и ждут себе величайших бед, когда кровь этих животных была пролита на их территории какими-нибудь чужими охотниками. Гиены тоже очень опасны для стад, а в голодное время и для детей поселян. Шакалы, очень обыкновенные, по ночам оглашают воздух своими завываниями; они такие же ловкие, всюду пробирающиеся бродяги и хищники, как европейская лисица, и эти качества доставили им место в индийских баснях, где они играют роль хитрых советников и составителей заговоров. Дикия собаки, или *доле*, тоже часто встречаются в лесных областях; они рыскают целыми стаями, не подавая голоса, и не боятся нападать даже на тигра; какова бы ни была преследуемая дичь, она никогда не уйдет от них; погоня может продолжаться по целым дням, но в конце-концов собаки настигают свою до-

1 Grant, „Central Provinces“.

2 Forsyth, „The Highlands of Central India“.

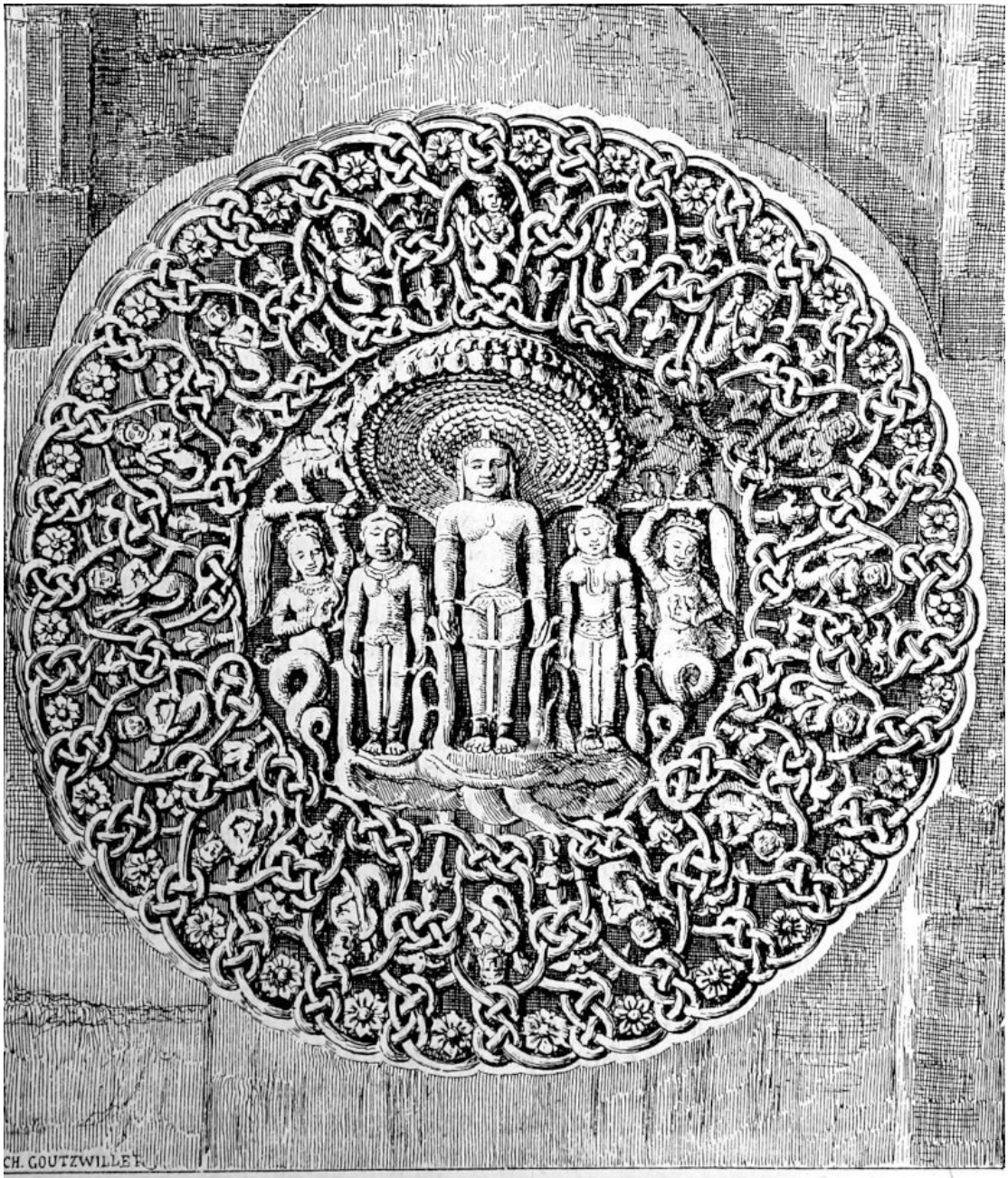
бычу и разрывают ее. Летяги (pteromys), или «летучия лисицы», как их называют англичане, белки, у которых кожа на боках широко растянутая, образует как бы парашют, висят массами на ветвях деревьев. Что касается обезьян, то виды их очень многочисленны, и в некоторых округах они сделались настоящими хозяевами страны, благодаря благоговению, которое туземцы питают к семейству бога Ганумана; они проникают в дома, накладывают руку на все, что им понравится. Чтобы сохранить провизию от этих непрошеных гостей, жители принуждены прикрывать ее ветками колючего терновника.

Статистические сборники, издаваемые в разных провинциях Полуострова, дают список, всегда, впрочем неполный, убитых в течение года крупных хищников и людей, пожранных зверями. Благодаря премиям, предлагаемым правительством, и легкому способу отравления, который дает стрихнин, число лютых зверей, от которых избавляются индусы, увеличивается, тогда как число человеческих жертв уменьшается. Так, в шестилетие с 1870 по 1875 год в Бенгалии было убито плотоядных животных 18.196, в том числе 7.278 тигров, 5.668 леопардов, 1.671 бабр (felis onca), 1.388 волков; людей, растерзанных зверями за тот же период времени, насчитывали 13.416, из них 4.218 было пожрано тиграми, 4.287 волками, и т.д. Гораздо труднее защититься от змей, которые проползают в щели хижин и обвиваются вокруг ветвей деревьев. Ни в какой другой стране земного шара ядовитые змеи не опасны так, как в Индии. Каждый год оффициальная статистика сообщает о тысячах смертных случаев, происшедших от ужаления этими животными: по Фэйреру[1], ежегодное число жертв нужно считать слишком в 20 000. В 1877 г. людей, умерших от укушения змей, насчитывали 16.777; число убитых змей, за которых выданы назначенные премии, в этом году простиралось до 127.295. В 1880 году общее число человеческих жертв, погибших от змей и больших плотоядных, определяли в 21.990. В 1894 г. погибло от диких зверей и змей: людей—24.421, рогатого скота—97.371 голов; было убито: 13.447 диких зверей и 102.210 змей; выдано премий—115.079 рупий. Зоолог Гунтер насчитывает во всей Индии 79 видов ядовитых змей, из которых, впрочем, более половины принадлежат к соленоводным животным; виды, живущие в море или в прибрежных лагунах, имеют железки, содержащие яд, тогда как пресноводные змеи безвредны[2]. Между пресмыкающимися с ядовитыми зубами есть такия, как, например, кобра, дабойя, офиофаг (змееед), укушение которых почти неминуемо смертельно. Кобра, или «очковая змея» (naga tripudians) которой португальские завоеватели дали название «cobra di capello», оттого, что у неё на шее кожа вытянута в складки, образующие род капюшона,—самый опасный из всех этих гадов; в то же время это один из самых обыкновенных; по словам медика Никольсона, в Бангалорском округе этих змей найдешь, по меньшей мере, до 400 штук на каждом квадратном километре. Кобра—змея, которую преимущественно приручают заклинатели змей, иногда даже не вырвав у неё ядовитых зубов или дав им вновь вырости. Страшный змей мерно раскачивается из стороны в сторону под звуки музыкальных инструментов, обвивается вокруг рук и туловища своего господина, делает вид, как будто жалит его, ласкаясь; но часто бывает, что эти милые ласки, эти грациозные игрушки оканчиваются смертью заклинателя. Кобра—священное животное; это представитель бога разрушения, и, как таковой, он имеет право на почитание со стороны людей. Когда благочестивый индийский брамин открывает этого гада в щели своего жилища, он не только не потревожит его, напротив, он приносит ему молока, преклоняется перед ним, почитает его, как домашнее божество; если, по несчастью, кобра заплатит неблагодарностью за оказываемый ей почет и ужалит ребенка, то отец семейства ограничивается тем, что относит смертоносное пресмыкающееся куда-нибудь в поле и извиняется, удаляясь от него. Если какой-нибудь нечестивец убьет священного змея, то брамин покупает его смертные останки и сжигает их с религиозными церемониями. Так, продолжается до сих пор древний культ змей, который предшествовал в Индии браминским религиям, и который мы находим под

1 „Thanatophidia of India“.

2 „On the Reptiles of British India“.

разными формами во многих других странах Старого и Нового Света[1]. Змей, выползающий из трещин скалы, должен был казаться первобытному человеку выходящим из мрака, как представитель подземного мира и адских сил. Это дракон легенд, изрыгающий огонь и дым чудовище, схватывающее злых и ввергающее их в горящие бездны преисподней; в то же время это—священное животное, которое носит драгоценный камень, спрятанный в складках его чела[2], обладатель тайн, сокрытых в глубинах неведомого подземного мира. Искусство



Вишну, охраняемый змѣемъ. -Изваяніе въ джайнскомъ храмѣ, въ Садри (Удайпуръ).

магии и заключается, главным образом, в умении исторгнуть у него эти тайны, чтобы открыть драгоценные руды в недрах земли, узнать целебные травы и коренья, излечивающие болезни, или даже угадать средство сделаться сильным и богатым. В индийской мифологии мы встречаем много божеств, которые взяли змею за аттрибут своего могущества, дабы тем засвидетельствовать о своем глубоком знании сокровенных тайн мира. Диадема, кото-

1 Fergusson, „Tree and Serpent Worship“.

2 Плиний, „Естественная история“; Troyer, „Radjatarangini, Histoire des rois de Kachmir“; Fritsche, „Hitopadesa, Eine indische Fabelsammlung“.

рую носит Сива, составлена из семи голов кобры, соединенных между собою и вытягивающихся вперед, как бы грозящих своими жалами поклонникам бога. Индусы поклоняются также богу Вишну, охраняемому тысячеглавым змеем. Почти во всех индийских пагодах можно встретить это символическое изображение, первоначальный смысл которого постепенно утратился и которое, наконец, сделалось простым украшением. Дождевые и солнечные зонтики, которые в начале употреблялись только знатными людьми, имеют форму, напоминающую форму змей бога Сивы.

Фауна Индустана заключает также несколько страшных зверей из отряда ящериц, каковы два вида крокодила и гангский гавиал; но число этих пресмыкающихся быстро уменьшается с тех пор, как фабриканты стали утилизировать их кожу и жир, и как начали употреблять, для истребления их, средства, предоставляемые современною индустрией в распоряжение охотников. В этой неустанной работе человека по приспособлению природы к его потребностям или прихотям, ему легче уничтожать или порабощать больших животных, чем бороться с несметными массами вредных насекомых или мелких грызунов. Тогда как он истребляет льва, воюет с тигром, порабощает слона, населяет Гималайские леса дичью, привезенною из Англии, и наполняет северными рыбами садки или пруды в горах Нильгири, он остается столь же бессильным, как были его предки, против стай саранчи, полчищ крыс, муравьев и всех тех туч неприметных и неуловимых врагов, которые нападают на посевы, уничтожая их в плоде или в цвету. В борьбе с этими противниками ему нужно рассчитывать на помощь других маленьких или микроскопических животных, которые кишат или исчезают, смотря по колебаниям климата и переменам погоды. По крайней мере, он имеет в бесконечном мире птиц верных союзников, избавляющих его от всяких органических остатков, которые, разлагаясь, могли бы породить чуму в городах. Между различными видами коршунов особенно замечательны в этом отношении два, gyps indicus и gyps bengalensis, которые по справедливости заслужили себе специальное прозвище «чистильщиков»; их называют «философами» или «адъютантами» за их важную осанку. В Калькутте вы увидите бесчисленное множество этих больших пернатых, с длинным клювом, с плешивой головой, фиолетовым зобом, черными крыльями, меланхолически сидящих на стенах. Большие денежные пени защищают этих общественных благодетелей от всякого нападения. Домашняя птица у индусов та же самая, что и у европейцев, и сверх того, во многих провинциях Индии, между прочим, в Синде, еще сохранился обычай, давно уже исчезнувший в Европе, дрессировать сокола для охоты. Птица, которую жители центральной Индии воспитывают с наибольшею любовью,—это вид скворца (acridotheres tristis), который делается очень ручным и которого приучают выговаривать разные слова, между прочим, имя бога Кришны; но певчия птицы гораздо более редки в индийских лесах, чем в лесах Запада. Воробей последовал за англичанином в долины Гималайских гор.

За исключением нескольких племен неизвестного происхождения, принимаемых за первобытных коренных жителей страны, по незнанию их действительной генеалогии, расы Индии, как известно, состоят в родственной связи с сопредельными этнологическими областями. Так же, как виды растительнаго и животного царств, индийские народы принадлежат к центрам образования более обширным, чем полуостров, на котором они встречаются и перемешиваются в наши дни. Арийцы, имеющие сознание своей общей цивилизации, признают друг друга братьями по языку и мысли по обе стороны индийского Кавказа; на западе, постепенные переходы расы, языков и преданий соединяют магометанские населения Ирана и Индии; точно также на севере и северо-востоке, родство легко узнается, от народца к народцу, между долинами полуденной покатости и долинами, спускающимися к восточной Азии. Наконец, и сами дравидийцы, хотя оттесненные теперь с индийских равнин к южным плоскогорьям, кажется, пришли с северо-запада, и, как полагают, в Белуджистане сохранились следы их прохода, так как наречию брагуи приписывается дравидийское происхождение, и древний индийский язык был признан принадлежащим к той же группе глоссологических

семейств. Найденные в Бегистане треязычные надписи, рассказывающие историю персидского царя Дария Гистаспа, доставили переводчикам неоспоримые свидетельства древнего родства дравидийских идиомов с языками «скифскими», представляемыми в наши дни, главным образом, финскими диалектами[1].

Впрочем, древность переселений и перемены, которые совершаются в словаре и строении языков, тем быстрее, чем народы менее цивилизованы и более подвижны, объясняют те значительные различия, которые произошли в племенах и нациях с тех пор, как они перестали быть в непосредственных сношениях между собою. К доказательствам, извлеченным из самой истории, прибавились бесчисленные находки археологов, свидетельствующие о древности пребывания человека на Индийском полуострове. Так же, как Европа, Индия имеет свои дольмены и менгиры, свои камни, выдолбленные в виде чашки, свои кучи обделанных кремней; исследователи отыскали там весь ряд доисторических веков, протекших в эпохи каменного периода[2]. Даже именно здесь, в Индустане, найдены древнейшие следы пребывания человека на земле: к востоку от Гоа геологи открыли, на половину зарытый под слоем базальта и латерита, целый лес пальм и хвойных деревьев, превратившихся в кремнезем, и некоторые из этих окаменелых стволов еще носят на себе явные знаки топора, которым они были срублены[3]. Из этого видно, что дровосеки уже занимались своим промыслом в ту эпоху, когда потоки лавы выливались еще из кратеров Декана, так давно уже закрывшихся и неузнаваемых; по всей вероятности, существование этих обитателей Западной Индии восходит к эоценовым векам, быть может, даже к концу мелового периода. Следовательно, населения страны имели достаточно времени для того, чтобы разнообразно смешиваться и сливаться между собою, образуя и преобразовывая первоначальные группы.

Однако, устойчивость рас гораздо больше в Индустане, нежели на европейском континенте, что отчасти объясняется относительно массивными контурами Гангского полуострова, если сравнивать его с совокупностью островов и полуостровов, которая составляет северо-западную область Старого Света; впрочем, при всех прочих равных условиях, земледельческие населения должны быть тем менее оседлыми, чем легче им переменять климат и чем сама окружающая природа подвижнее и разнообразнее. Во многих отношениях индусы представляют элемент почти неподвижный в сравнении с европейцами; в течение того же самого двадцати-трех векового периода, в который большинство варварских племен Запада поднялось на высшую ступень цивилизации, какая когда-либо была достигаема, жители Индии, кажется, оставались почти на той же точке развития, почти нисколько не подвинулись вперед. Суммарные описания народа, оставленные первыми трактовавшими о тех краях иностранными писателями, и теперь еще применяются к жителям Полуострова; даже институт каст, отмененный было, по крайней мере отчасти, буддизмом, снова появился, подобно тому, как истинный цвет ткани опять показывается, когда смоешь поверхностную краску. Благодаря этому замечательному постоянству, типы различных племен, наций и рас, находящихся во взаимном соприкосновении в провинциях Индустана, отличаются большею определенностью, чем типы западных народов, беспрестанно смешивающихся между собою.

Таким образом, каждой особой области Индии принадлежат населения, еще отличные от других, дикия или цивилизованные, которые нужно описывать каждое отдельно. В следующих главах мы попытаемся принимать во внимание, насколько возможно, группировку жителей одинакового происхождения, изучая вместе с тем самую страну сообразно её естественным делениям, грубо измененным там и сям завоеваниями и административными делениями.

1 Rask; Max Muller; Vinson; Caldwell, „Grammar of the Dravidian languages“.

2 Foote, „Proceedings of the Geological Society“, june 17. 1868; Balle, „Jungle Life in Indianic“

3 Marchesetti, „Bollettino delle scienze naturali“, № 2, год II.

II. Западный Гималай

Нагорные долины „Пятиречья“. Кашмир, восточный Дардистан, Газара, Чамба, Кангра, государства в верховьях Сетледжа.

В своей совокупности, эта гористая земля есть нейтральное пространство, не принадлежащее географически ни к Тибету, ни к Индии, ни к Туркестану. Господствующие над нею горные хребты составляют продолжение тибетских возвышенностей, а промежуточные долины служат продолжением понижений плоскогорья; если течение вод происходит по направлению к равнинам Синда и к Аравийскому морю, то глубокия ущелья, по дну которых бегут горные потоки, крутизны и перевалы, которые нужно пройти, чтобы отправиться в верхние бассейны, совершенно разделяют две области—область равнины и область гор, точно так же, как и эта последняя отделена от области льдов; по выражению древних индийских поэтов, «три мира» лежат один над другим в этой стране. Почти все населения Кашмира и сопредельных долин тоже резко отличаются по происхождению от жителей равнин Пенджаба. В первые исторические века страна арийцев оканчивалась с этой стороны у подошвы гор, и часто Кашмир испытывал политические судьбы, отличные от судеб «Пятиречья». Еще в 1819 году он находился под владычеством афганцев; магараджа Сриннагарский стал признавать над собою верховную власть Великобритании лишь с 1846 года. Впрочем, политические пределы его владений совпадают довольно точно с естественными границами; на севере, гребни Каракорума и его снеговые бреши, столь трудные для перехода, отделяют Кашмир от китайского Туркестана, тогда как на юге последние параллельные выступы Гималайских гор указывают границы королевства с этой стороны; только узкая полоса земли, шириной от 5 до 30 километров, захватывает область равнин: это пояс, который называют персидским именем Даман-и-Кох, что значит «Подгорье». Таким образом, каждая из естественных областей страны получила общее наименование: цепь предгорий, как в Чамбе и Спити, так и в Кашмире, называется Канти, или «окраина»; за этою цепью, все внутренния холмистые или гористые земли носят название Пагар, т.е. «Горы»[1].

Пространство и народонаселение Западнаго Гималая:

	Пространство. Квадр. килом.	Население, душ	На 1 кв. килом. жителей
Кашмир (1891 г.)	209.500	2.543.952	12,0
Дардистан, независимый	35.700	400.000(?)	10,6
Газара	7.342	367.200	50
Чамба	8.329	130.000	15
Кангра	23.488	763.030	32
Государства на верхнем Сетледже	20.623	729 700	35
Всего	301.772	4.914.752	

Наибольшая часть этой обширной части верхнего бассейна Пяти-Рек состоит из необитаемых пространств. Понятно, что так и должно быть в стране, представляющей в целом наклонную плоскость, верхний край которой возвышается на 6.000 метров (почти 20.000 футов, или более пяти с половиной верст) над уровнем моря. Среднюю высоту всей этой области нужно считать слишком в 4.000 метров ($3^3/_4$ версты); очень немногие из альпийских гор Европы превосходят эту высоту своими вершинами. Вся северо-восточная часть страны образует даже обширное плоскогорье, высотой около 5.000 метров (16.405 футов), которое можно рассматривать как принадлежащее еще географически к Тибету, ибо горы поднимаются там лишь в виде относительно небольших выступов над уровнем плоских возвышенностей, и эти последние представляют на значительных пространствах совершенно ровную поверхность. В этой области континентального хребта, как показали исследования Адольфа Шлагинтвейта и Могамеда Амина, Джонсона, Геварда, Шау, Кэйли, Столички, Дру, Лидеккера и других английских путешественников, встречаются обширные равнины, не имеющие

1 Frederic Drew, „The Jummoo and Kashmir territories“.

даже ската, необходимого для того, чтобы их воды, образующиеся от таяния снега, могли течь либо на юг к Шайоку, либо на север к Кара-кашу. К таким совершенно горизонтальным пространствам, без исключения, принадлежат равнины Лингцитанга, называемая также Чангченмо, и плато, которому английский исследователь Дру дал название «Куэньлюньских равнин» (Kuenlun Plains), от горного вала, образующего северный край этого плоскогорья; все вместе эти горизонтальные пространства занимают площадь, по меньшей мере, в 18.000 квадратных километров.

Эти промежуточные плоскогорья между Каракорумом и Куэнь-лунем составляют западное продолжение тибетского Хачи. Невысокий хребет, состоящий из богатых окаменелостями горных пород, Локзунг, который разделяет эти плато на две совершенно отличныя одна от другой равнины, вытянул линию своих вершин в направлении от востока к западу, потом в северо-западном. Немногие путешественники, проходившие через эту область, дают описание её, совершенно сходное с описанием плоскогорий восточного Бод-юла (Тибета), которое мы находим у Найн-Синга, Гюка, Пржевальского. В середине лета, единственного времени года, когда путешественники отваживались вступать в эту «страну смерти», снег, правда, почти везде растаял, кроме некоторых мест, где его скопилось так много, что образовались фирновые поля или даже кристаллические массы без движения, похожия издали на кучи или площади соли. Земля, белая или сероватая, простирается на необозримое пространство, не представляя препятствий шествию каравана, но редкость воздуха, нестерпимая жара во время дня, сильный ветер, притекающий каждый день после полудня к плоскогорью, затем быстрое охлаждение вечеров под влиянием лучеиспускания земной поверхности, делают всякое усилие чрезвычайно тягостным. Миражи, которые беспрестанно возобновляются в дрожащем воздухе, показывая всюду фантастические озера, страшно утомляют путников, заставляя их делать бесполезные переходы. Животные каравана, пони, яки, вьючные бараны и овцы, должны нести не только кладь и все необходимые принадлежности для устройства становища, но также и собственный корм, потому что на этих бесплодных плато почти или совсем нет растительности; только кое-где, на расстоянии 15 или 20 километров от одного места до другого, встречаются пучки эвроции (eurotia) или полоски лишаев, которые годны только для разведения костра, а места пастьбы для скота разделены промежутками в сотню верст. Однако, кое-какие животные, яки, дикие ослы, антилопы, бродят еще в этих пустынях, хотя и в гораздо меньшем числе, чем можно было бы предполагать, судя по многочисленным следам их копыт, так как эти следы сохраняются на земле по целым годам[1].

Не подлежит сомнению, что плоская возвышенность Линцгитан и «Куэньлуньские равнины» были некогда покрыты водами. Почва там, очевидно, состоит из аллювиальной (наносной) земли, и в ней можно различить тонкия пластинки растительнаго происхождения, которые отлагались на дне вместе с илом. Промоины, образовавшиеся на краях плоскогорья, позволяют догадываться, как совершилось постепенное засыпание озерных бассейнов. Некогда они должны были составлять двойное море, ибо песчаные берега видны даже на пороге гор Локцунг, между двух равнин; затем водная площадь разделилась и два обширные озера мало-по-малу высохли; от них осталось только несколько луж, частью постоянных, частью временных, окруженных соляными налетами и оставляющих после себя дно из глины, смешанной с песком, которая затвердевает в «сухарь» от действия ветра и солнца. Английский исследователь Дру полагает, что истечение озер происходило на север через реку Каракаш, на юг через реку Чанченмо. Смотря по высоте запруд, образуемых снежными лавинами и ледниками, воды могли даже выливаться то с одной стороны, то с другой, или даже с двух сторон разом. На этом обширном хребте линия раздела между двумя покатостями Азии могла быть изменяема падением скалы или обвалом песчаного откоса. Можно с полною уверенностью сказать, что в этом месте своего протяжения Каракорум и Куэньлунь не имеют ничего похожого на горную цепь. Тибетское название этой возвышенности то же самое, как и название других гор Бод-юла—Нинджни-тангле, что значит «Степной хребет Большой Пу-

1 Frederic Drew, „The Jummoo and Kashmir territories“; Henderson, „From Lahore to Yarkand, etc“.

стыни»[1].

Рупшу, составляющий юго-восточный угол Кашмирского королевства, на границах Тибета, походит некоторыми чертами своего рельефа на северо-восточные плоскогорья. Менее возвышенный, так как средняя высота лощин около 4.500 метров, он пересечен более многочисленными гребнями, из которых одни параллельны, другие перпендикулярны или косвенны к оси Гималая, и которые везде поднимают свои вершины в виде неправильных массивов. Тем не менее, Рупшу может быть рассматриваем как род плоскогорья; это цоколь, поддерживающий горные цепи разной высоты и разрезанный на краях верхним Индом, его притоком Занскаром и притоками Сетледжа: там находится водораздел между Индом и главной рекой Пенджаба. Так же, как равнины Линцгитан и Куэньлуньские, Рупшу был некогда покрыт в большой части своего протяжения озерами, от которых до сих пор осталось еще несколько бассейнов, где вода стала соленой или, по крайней мере, солоноватой. Таковы два озера, называемые одно «Пресноводным», другое «Соляным», которые занимают углубление на северо-западе возвышенности Рупшу, и обширный резервуар Тсо-Морири, наполняющий на юге впадину плоскогорья. В 100 метрах (328 фут.) над Соляным озером ясно видны старые берега, которые омывались водами этого бассейна, бывшего в то время притоком Занскара. Точно также Тсо-Морири, лежащий выше, по меньшей мере, на 16 метров, изливался прежде через реку Пару в Сетледж; запруда, задерживающая теперь его воды, есть не что иное, как дельта из мелких камней, нанесенных рекой Пирсой, которая иногда впадает в озеро, иногда течет прямо в Пару или посылает ей свои воды подземным потоком, пробирающимся через слой гравия[2]; озеро, удерживаемое этою плотиной из каменных обломков, имеет всего только 75 метров глубины в наиболее впалой части своего бассейна; близ западного берега лежит островок, над которым кружатся стаи чаек. Другие углубления этого плоскогорья тоже заняты озерами или соляными болотами; повсюду, от Куэньлуня до Гималая, равно как в Тибетской области, где находится озеро Панконг, можно заметить следствия перемены климата, сделавшагося более сухим в течение настоящего периода; везде воды понизились, обмелели, и соляные вещества, хлористый натрий, соли магнезии, углекислый натр, сконцентрировались на дне бассейнов; в этой стране существуют также залежи серы и буры, разработываемые для кашмирского магараджи[3]. Когда Куннингам посетил Ганле, в 1847 году, довольно большое пресноводное озеро занимало часть равнины; семнадцать лет спустя, в 1864 году, эта водная площадь совершенно исчезла.

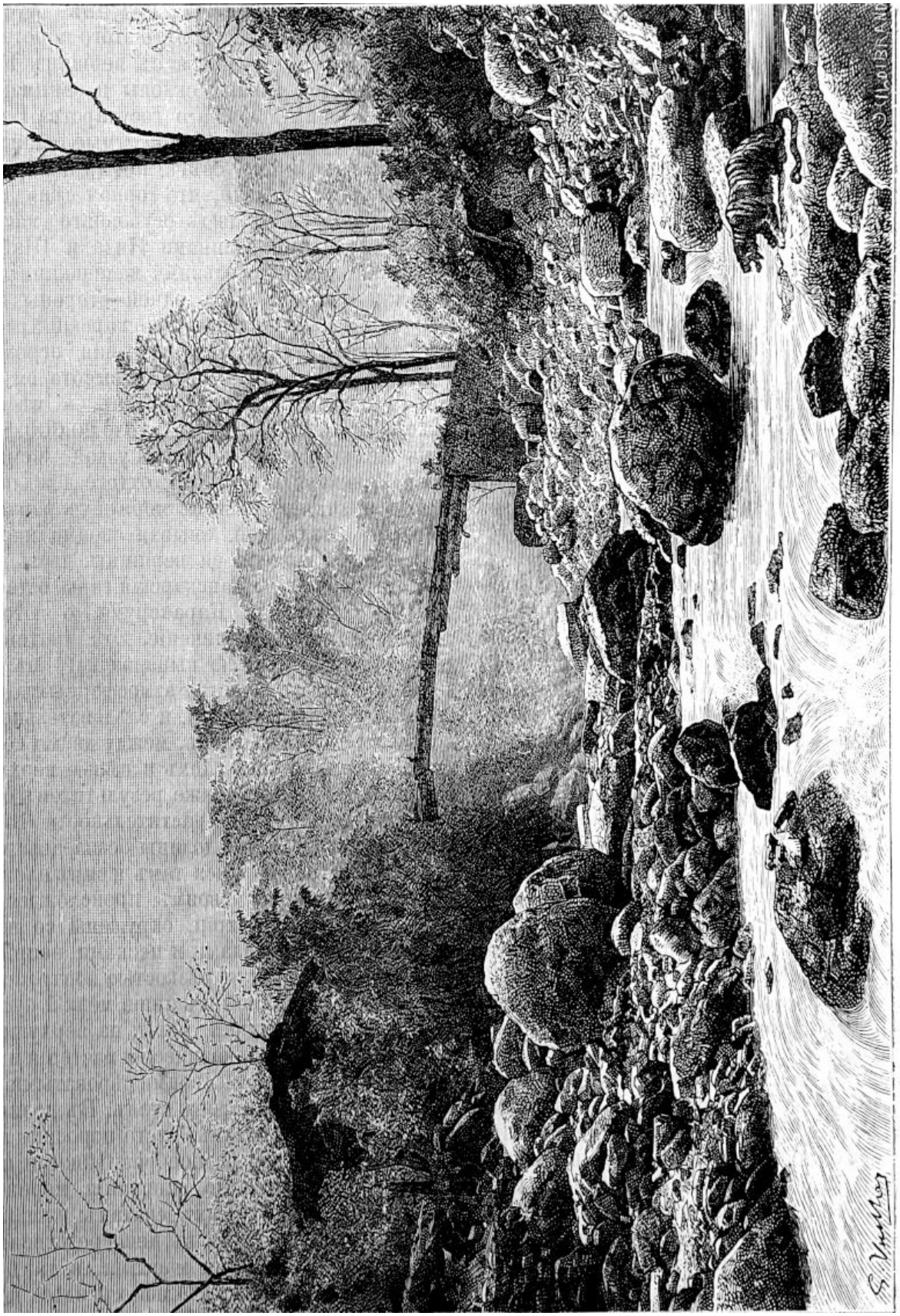
За исключением верхней долины Шайока, по которой поднимается тропа, ведущая на перевал через Каракорум, наиболее посещаемый купцами между Кашмирским государством и китайским Туркестаном, вся северная область бассейна Инда загромождена ледниками, почти непроходимыми. На протяжении, по крайней мере, 300 километров с юго-востока на северо-запад, насколько можно судить по результату частных исследований, произведенных в тех местах, Каракорум, или Мустаг, как его иначе называют в Кашмире, поднимается в виде сплошного вала, заваленного льдами, которые спускаются на 40 и до 50 километров к югу от гребня; в первое время, когда началось исследование страны, Тюилье (Thuillier) и другим офицерам ост-индского топографического бюро удалось только издали и посредством многочисленных визирований обследовать и измерить большинство снеговых гигантов этой цепи. Самые высокие вершины её были уже с давних пор указываемы туземцами: это триглавый Машербрум, Гушербрум и двурогий пик, окруженный с западной стороны пропастями глубиной в 1.000 слишком метров; последний долгое время означался на картах просто буквой и цифрой в виде показателя степени. Эта гора, K^2, известная теперь под именем Дапсанга, поднимается до высоты 8.660 метр. (28.415 фут.); она занимает, следовательно, второе место между высочайшими вершинами земного шара. Туземцы из племени балти иногда переходили через Мустаг на западе от этого пика, обходя трещины ледника Балторо; но этим

1 Shaw; Verchere; Emil von Schlagintweit.

2 Frederic Drew, „The Jummoo and Kashmir territories“.

3 Fred. Stoliczka, „Memoirs of the Geological Survey of India“, V, 1866.

проходом можно пользоваться только в продолжение короткого летнего периода, да и тогда путешествие сопряжено с большими опасностями: люди идут гуськом, привязанные один к другому веревкой, а маленьких яркандских лошадок, которые сопровождают своих господ,



Мостъ на притокѣ Ранджитъ.

нужно переносить через трещины. Ни один европеец не переходил через этот опасный перевал Мустага, а туземцы, как кажется, пользовались им в последний раз в 1863 году. Остановленные туманом, один из братьев Шлагинтвейт, затем Годуин Аустен тщетно пытались

достигнуть этого порога[1].

Ледники, спускающиеся с вершин Каракорума на его южные склоны и занимающие целую половину бывшего государства Балтистан, суть, как известно, самые обширные в Азии и во всем свете, кроме полярных стран. Замечательно, что горная цепь Лех, поднимающаяся в виде островного массива между глубокими долинами Инда и Шайока, едва окаймлена несколькими маленькими глетчерами, тогда как с одной стороны горы Каракорума, с другой —Занскарский хребет изливают в свои долины такия огромные ледяные реки. Хотя средняя высота её вершин слишком 5.000 метров, а местами даже около 6.000 метров (около 20.000 фут.), цепь Лех—впрочем, очень узкая—немного ниже Занскарского хребта; оттого дождливые ветры, поднимающиеся с моря и с равнин, проходят над ней, омывая своими парами лишь самые высокие её вершины; часть дождей, не упавшая на Занскарские горы, остается для высокого вала Каракорума, о который ударяется облачное течение. Эта противоположность относительно выпадающего в продолжение года количества атмосферных осадков, т.е. дождя и снега, и следовательно относительно обилия льдов, между двумя соседними цепями, цепью Лех и цепью верхнего Балтистана, имеет также результатом большое различие в виде растительности. В горах Лех почти все долины бесплодны и каменисты; встречающиеся там и сям площади зелени, обязанные своим происхождением человеческой индустрии, окружены со всех сторон голыми скалами и песками, неприятно поражающими зрение резкостью контраста[2]. На скатах гор растет лишь мелкий кустарник да кое-где пучки травы; на верхушках только кое-какие ароматические растения и мелкие злаки прерывают своими сероватыми цветами более светлый фон скал. В долинах Каракорума, напротив, густо поросшие луга, украшенные весной разнообразнейшими цветками, расстилаются до основания морен, и даже выше, на боковых скатах; кипарисы, ивы и березы растут в непосредственном соседстве с ледяными массами, и так же, как в швейцарских Альпах, здесь можно встретить возделанные земли у самой подошвы глетчеров[3].

Нижний предел льдов в нагорном Балтистане, по измерениям различных наблюдателей, лежит на высоте около 3.000 метр. (9.845 футов). Ледник Биафо спускается, близ деревни Асколи, до уровня немного меньшего этой высоты; верхняя граница пояса деревьев поднимается, по крайней мере, метров на 500 выше его нижнего конца. По причине большего протяжения этих ледников, из которых один, Балторо, имеет не менее 56 километров длины между приемной котловиной, где скопляется снег, и фронтальной мореной, их среднее падение незначительно: оно не превышает 2 градусов на леднике Аранду, как это констатировал английский исследователь Дру, при восхождении на этот ледник, в расстоянии около 25 километров кверху от конечной ледяной арки, из-под которой вытекает река Баша. Во многих местах воды, задерживаемые между льдами и соседними скалами, образовали озера; но, подобно швейцарскому озеру Мерил, на краю Алечского глетчера, эти бассейны иногда вдруг опоражниваются, когда движение и таяние нижних ледяных масс открывает напору воды глубокия трещины и галлереи. Так же, как европейские глетчеры, ледники Каракорума представляют явления попеременного движения поступательного и отступательного (т.е: сверху вниз и обратно). Так, морены ледника Аранду постепенно надвигаются на горные пастбища, поднимая поросшую травой землю, словно сошник исполинского плуга; точно также морены Пальмы, между двумя ледяными потоками Биафо и Балторо, находятся в периоде возростания или прогрессирования, тогда как морены Тапсы, к западу от Биафо, покинуты в долине отступающими льдами. Но каковы бы ни были нынешния перемены в движении передней части или фронта ледников, не подлежит сомнению, что в предшествующую эпоху эти замерзшие реки спускались гораздо ниже в долины; все путешественники рассказывают о старых моренах в виде вала или запруды, о шлифованных и исцарапанных боковых гранях скал, об изборожденных на дне лощинах, которые они находили гораздо

1 „Journal of the Geographical Society of London“; Frederic Drew, цитированное сочинение.
2 Shaw, „Visits to High Tartary“.
3 Lydekker, „Records of the Geological Survey of India“, vol. XIV. part. I, 1881.

ниже пояса, до которого спускаются льды в настоящее время. Обильные теплые ключи бьют из земли в большом числе в возвышенных долинах Балтистана, по близости кристаллических рек, или даже открываются широкия дымящиеся воронки посреди пространств, покрытых льдом или фирном.

Западная часть Мустага, которая сливается с массивом, где разделяются Гинду-куш и Куэньлунь, принадлежит к наименее известным областям Азии. Населенная племенами, живущими в войне со своими более цивилизованными соседями, обитателями нижних долин, эта страна не могла еще быть исследованною, и изданные до сих пор карты её составлены лишь на основании более или менее неопределенных описаний туземцев и профилей гор, снятых с дальнего расстояния английскими путешественниками. Но достоверно известно, что эта область тоже очень богата ледяными потоками, в особенности около истоков рек Гунзы и Нагара, которые сообщили свои имена двум маленьким государствам, лежащим по их течению. Эти две реки, притоки Инда через Гильгит, обходят на севере западный Балтистан и таким образом отделяют его от гор, составляющих краевую цепь Большого Памира; но река Гильгит течет в долине, составляющей непосредственное продолжение, в северо-западном направлении, долины, по дну которой проходит Инд: от Кайласа до Гинду-куша, на протяжении по прямой линии около 1.100 километров (1.030 верст), Инд и Гильгит, идущие на встречу друг другу, указывают своим течением на существование впадины, быть может, линии излома, параллельной выступам Каракорума и Гималайских цепей. Ниже слияния Инд делает крутой поворот и протекает, переходя из ущелья в ущелье, через область гор, над которой господствует колосс, известный у индусов под именем Нанга-Парбат, а у туземных жителей под именем Диярмира.

В Кашмире горная цепь Занскар или Бара-лача (Бара-лаче), получившая это последнее название от бреши, глубоко врезывающейся в гребень, почти соперничает с горами Балтистана в отношении обилия снегов и льдов. Несмотря на некоторые неправильности своего хода и расположения, эта цепь может быть рассматриваема как продолжение Загималайского хребта, западную границу которого составляет Ральданг-Кайлас, одна из тех гор из чистого золота и изумруда, которые, по индийской мифологии, служат колоннами, поддерживающими небесный свод. Но у подошвы этой горы открываются глубокие разрезы или ущелья Сетледжа и его притока Пары, из которых один спускается с Тибетского плоскогорья, а другой с возвышенностей Рупшу. Ущелья, которыми эти реки вырываются из верхних, горных областей, чтобы спуститься в равнины, представляют страшное зрелище. В том месте, где Сетледж, более известный в крае под его тибетским именем Сангпо—тем же, которое носит главная река Восточного Тибета—соединяется с рекой Спити, выходящей из теснин, над которыми господствует высокая скала Данкар, путешественник может лишь с большим трудом разглядеть слияние вод с высоты какого-нибудь выступа склонов; со всех почти пунктов тропинки, извивающейся по краю высоких террас, видишь одно пустое пространство между чрезвычайно крутыми, местами даже совершенно вертикальными стенами утесов; знаешь только, что где-то далеко внизу, на дне пропасти, скользят два потока, на глубине 350 метров ниже краев разреза, постепенно проточенного в сланцевых массах гор[1].

Тотчас же на запад от страшных ущелий Сетледжа гребень гор, профиль которого тянется в северо-западном направлении, поднимает свои горделивые вершины на высоту более 6.000 метров (около 20.000 футов), и из каждой его бреши изливаются массы снега и льда; но только по ту сторону горного прохода Бара-лаченского, близ которого берут начало Чандра и Бага, два верхние притока реки Чандра-Бага или Чинаб, Занскарская цепь является во всем своем диком величии, драпируясь с каждой стороны в свое ледяное одеяние. Горы этой цепи, состоящие из гнейсов, порфиров, сланцев и кварцевых конгломератов, не имеют себе соперников во всем Гималае по яркости красок, горделивости линий, причудливой и величавой архитектуре целого; разнообразие форм там бесконечно: куполы, остроконечные шпицы или иглы, башни, зубцы, обелиски и пирамиды следуют непрерывным рядом в ка-

1 Andrew Wilson, „The Abode of Snow“.

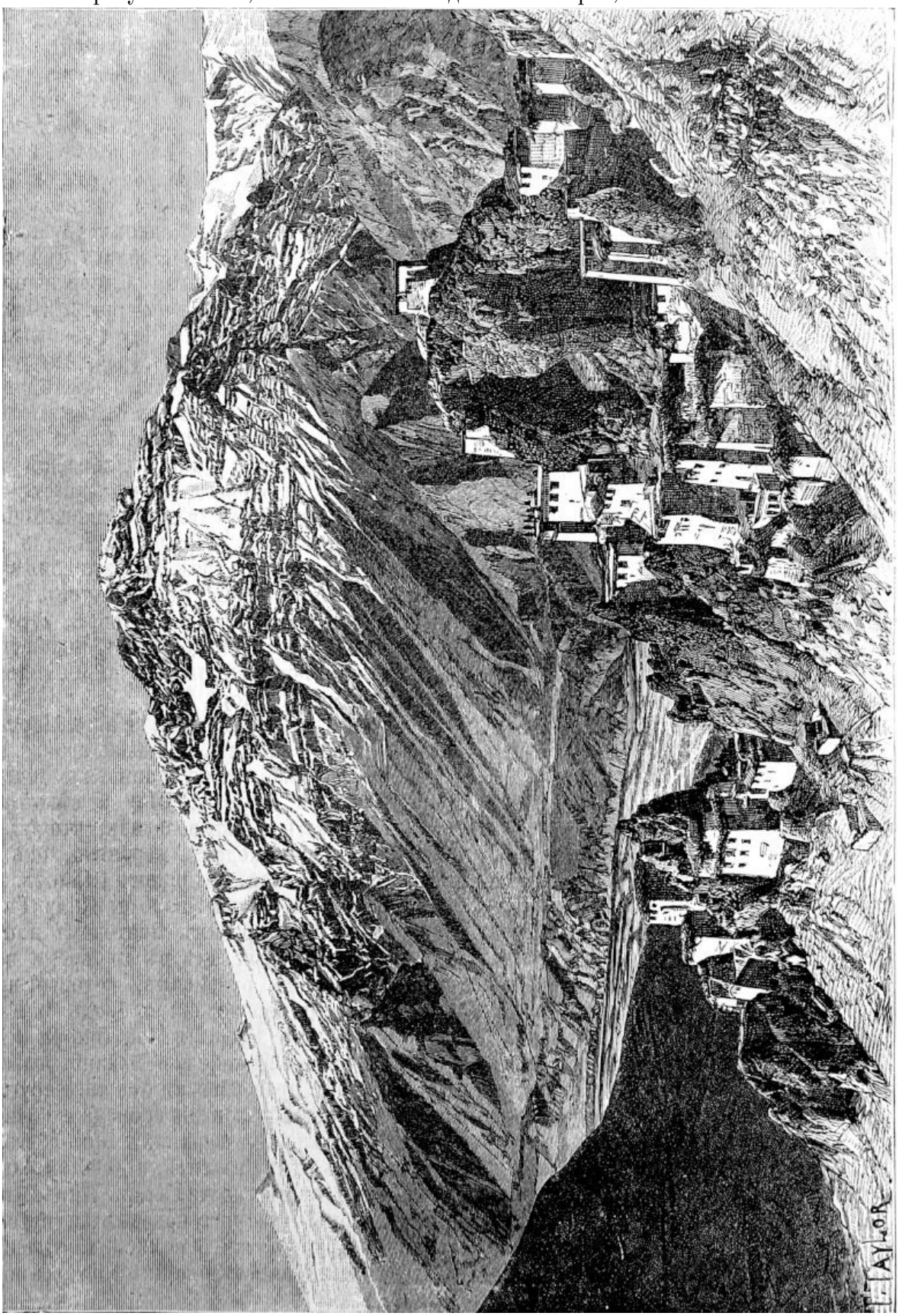
жущемся беспорядке, и каждый уступ, каждый выступ имеет свой специальный оттенок зеленого, пурпурного, желтого или какого-нибудь другого цвета, блистающий на солнце или прерывающий однообразие теней. Но между путешественниками мало находится охотников предпринимать продолжительные и крайне утомительные экспедиции в те края вечного холода, чтобы насладиться созерцанием этих грандиозных картин природы. Два ручья, текущие в противоположном направлении у северного основания этих гор и образующие своим слиянием реку Занскар, приток верхнего Инда, орошают поля и пастбища, лежащие, средним числом, на высоте 4.000 метров (13.125 футов) над уровнем моря; поселки, хижины которых прикрыты сверху хворостом, защищающим сруб от действия сухости воздуха, едва отличаются от окружающей почвы. Все население этой области состоит из каких-нибудь двух или трех тысяч жителей, рассеянных на пространстве более 200 километров (около 185 верст) в длину; удаленный от естественных торговых путей, Занскар мог бы заселиться лишь в том случае, если бы месторождения медной руды, от которых страна и получила свое название[1] и которые дают иногда горным потокам огромные глыбы, катящияся среди мелких камешков[2], были серьезно разработываемы кашмирцами. На другой стороне цепи, гора Спити, или, вернее, Пити по произношению туземцев, не менее высока, чем Занскар. Средняя высота местоположения селений на этой горе около 3.900 метров, и на всем окружающем их пространстве, взор почти нигде не встречает деревьев; туземцы показывали Вильсону, как нечто чудесное, единственное абрикосовое дерево, растущее в их долине. Ущелья, которыми ручей выходит из гор, совершенно неприступны, и потому попасть в долину можно не иначе, как через хребты с страшно крутыми скатами; Бабехский перевал сообщается на юге с долиной Сетледжа, но им нельзя пользоваться в период юго-западного муссона, по причине сильных гроз, разражающихся там в эту пору года; Манирунгский проход, лежащий на гораздо большей высоте, часто бывает завален снегом. Но на западе от Спити область Дарша менее, чем смежные страны, заслуживает санскритского имени Лагул, или «Дикое место», под которым она вообще известна; самая верхняя часть её лежит на высоте от 3.000 до 3.300 метров, но затем местность постепенно понижается к северо-западу, и все селения этой области окружены деревьями и пашнями.

Разрезанная на своей восточной оконечности широкими долинами и разветвляясь на боковые отроги, с одной стороны к Инду, с другой—к Кашмирской равнине, Занскарская цепь снова поднимается, чтобы образовать массив, над которым господствуют две равные горы Нун и Кун, увенчанные правильными пирамидками. С этого массива тоже спускаются многочисленные ледники, на юге—в долину Вардванскую, на севере—в долины рек Суру и Драс; но к северо-западу гребень все более и более понижается, представляя многочисленные пороги путешественникам, которые отправляются из Кашмирской равнины в верхнюю долину Инда; горный проход, посвященный богу Сиве, называемый кашмирцами Зоджибал, а тибетцами Зоджи-ла, т.е. перевал Зоджи или Драс, которым вдруг поднимаешься с равнин юга в холодные земли севера, имеет всего только 3.444 м. высоты; за исключением размытых водой разрезов, чрез которые проходят горные потоки, как, например, верхний Сетледж, это наименее высокая брешь во всей Загималайской цепи: один соседний ледник, называемый Мечигой, спускается до линии 3.300 метров, гораздо ниже верхнего пояса пашень[3]. Эта область гор едва-ли не превосходит все другие части Гималайской цепи по обилию выпадающих снегов. Снежные хлопья падали там почти беспрерывно с октября 1877 года до мая 1878 года, и на перевале Зоджи находили еще в августе месяце много мест, где слой снега имел не менее 45 метров (21 сажен) толщины[4].

Главный хребет, средняя высота которого от 4.500 до 5.000 метров (от 14.660 до 16.405 футов), тянется по северной стороне долины реки Киншан-ганга, или Кришна-ганга (река

1 Al. Cunningham, „Ladak“.
2 „Memoirs of the Geology of India“.
3 Frederic Drew, цитированное сочинение.
4 Lyddeker, „Report on the Meteorogical Department of India“, 1877—1878.

Кришны), главного притока Джилама, и выделяет из себя на север многочисленные отрасли, из которых одна служит краевою цепью широкому плоскогорью Деосай; эта нагорная равнина образует бассейн, высотой от 3.600 до 4.000 метров, наполненный мелкими камня-



Спити.

ми и крупным песком, которые некогда были отложены ледниковыми потоками, спускавшимися с окружающих гор; в настоящее время почти все эти горы уже не достигают своими вершинами границы постоянных снегов. Несколько озер рассеяно в углублениях поверхно-

сти Деосая, и река Шигар, приток Инда через Суру, вырывается из области гор на юго-восточном углу плато, смывая и унося в своих водах гальки, к которым примешиваются золотые блестки. Легко переходимый в летнюю пору, Деосай, т.е. «Чортово плоскогорье», очень опасен зимой, по причине снежных буранов; растительности на этой возвышенной равнине нет никакой, кроме короткой травы, растущей в углублениях её поверхности, в лощинах и оврагах; человеческого жилья тоже нигде не встретишь; даже животные там редки, исключая сурков, похожих на тарбаганов центральной Азии и южной Сибири. Эти маленькие зверки сидят на-стороже у отверстий своих норок и быстро, со свистом, прячутся внутрь жилища при приближении путешественников, но как только те пройдут мимо, тотчас же появляются снова на своем наблюдательном посту и с любопытством разглядывают незнакомцев.

Глубокия долины реки Астора, или Газоры, и её притоков отделяют плоскогорье Деосай от массива Нанга-Парбат, составляющего как бы угольный межевой столб Индийской империи. Эта гора, один из колоссов азиатского континента, кажется тем более высокой, что вся западная часть Загималайского хребта, за горами Нун и Кун, не достигает границы постоянных снегов. «Голая гора»—таков буквальный смысл гиндских слов Нанга-Парбат—или Диярмир, возвышается на 2.000 метров (6.562 фута) над окружающими горами, а с двух сторон, восточной и южной, склоны её, дотого крутые, что на них не может задерживаться снег, разве только кое-где в углублениях между скал, поднимаются почти вертикальною стеной над ледниками. Почти со всех горных вершин Кашмира колосс Нанга-Парбат является взорам наблюдателя как царь пространства; он хорошо виден также и с равнины через все промежуточные хребты и отроги; из Рамнагара, в Пятиречии, с расстояния 330 километров (около 310 верст) по прямой линии, Куннингам мог еще различить его на горизонте, в воздухе, очищенном от пыли водяными парами. Один из ледников, изливаемых на север снежными полями исполина Нанга-Парбат, спускается в долину Астора, близ деревни Таршинг, до черты 2.865 метров; из всех ледяных потоков Гималайской системы эта кристаллическая река, вероятно, наиболее приближается к уровню равнин[1]. Таршинский ледник, питаемый с той и другой стороны второстепенными глетчерами, а также грудами ледяных обломков, сваливающихся, в виде лавин, с выше лежащих скал, встречает, у своей нижней оконечности, основание горы, в которую и упирается вся его масса. В 1850 году эта исполинская ледяная река, находившаяся в то время на гораздо большей высоте, чем в наши дни, удерживала в верхней своей части озеро, имевшее слишком 2 километра (около 2 верст) в длину и 90 метров (42 сажени) наибольшей глубины. Туземцы, понимая грозящую им опасность, поставили караульных у ледника; как только показались признаки разрыва ледяной плотины, задерживавшей озеро, все жители убежали на соседния высоты, но дома были снесены, поля опустошены хлынувшим потоком, и вся топография Асторской долины совершенно изменилась после этого потопа. Поверхность льдов, настолько плотная до обвала, что по ней можно было даже ездить на лошадях, покрылась широкими трещинами и сделалась совершенно непроходимою; но давление сверху снова сжимает разошедшиеся части ледяной массы, и рано или поздно образование нового озера, без всякого сомнения, будет иметь следствием новый потоп. Когда подготовляется подобная катастрофа, верхние прибрежные жители уведомляют нижних о грозящей беде посредством посланий, написанных на древесной коре[2].

С боков того же колосса Нанга-Парбат в 1841 году обвалилась целая грань или стена горы и совершенно остановила течение Инда. Годуин Аустен, Шау и некоторые другие путешественники полагали, что эта задержка реки происходит, вероятно, от запруды, образованной ледником Шайока, но такое препятствие не помешало бы Инду, Гильгиту и стольким другим притокам наполнять русло низовья, где в то время вода текла маленьким ручейком, который прибрежные жители переходили в брод[3]. Как вскоре после того доказали Монтго-

1 Frederic Drew, цитированное сочинение

2 Henderson, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“. Ill, 1859.

3 A. Cunningham, „Ladak“.

мери и Бичер[4], подобное явление пересыхания большой реки не могло произойти ни от чего другого, как только от образования громадного завала ниже всех больших верхних притоков, т.е. на юге от реки Гильгит, и действительно, там именно, в местности Гатор-Пир, близ деревни Гор, туземцы показывали путешественнику Дру остатки огромной хаотической груды камней. Когда чудовищный поток воды, мелкого камня и грязи, объем которого Куннингам исчисляет в 600 слишком миллионов кубич. метров, хлынул из верхних ущелий, небольшая армия сейхов стояла лагерем на берегах почти высохшего ложа Инда, в соседней с Аттоком части равнины Чач. Более пятисот человек были унесены громадною волной потопа, достигавшей 10 метров (14 аршин) высоты: все селения, расположенные на высоких берегах Инда, были смыты до основания; течение реки Кабула было отброшено назад верст на тридцать вверх от устья, и вся равнина покрылась слоем грязи, толщиною более фута.

Горы Чамба и горы Южного Кашмира, заключенные между двумя долинами Сетледжа и Инда и отделенные от высоких цепей внутренней части страны понижениями, где текут реки Чинаб и Джилам, представляют не более, как второстепенные хребты в сравнении с горами Занскарскими и с колоссом Нанга-Парбат. Первые выступы, которые служат естественными границами страны, над равниной Пятиречья, поднимающиеся всего только на 330 до 360 метров, представляют не более, как высокие холмы, составляющие продолжение гряды Сивалика; дикия и каменистые, перерезанные узкими долинами и оврагами, размытыми горными потоками, во многих местах лишенные всякой растительности и вообще нигде не имеющие никаких деревьев, кроме акации и юубы, перемешанных с колючим кустарником,—эти неприветливые высоты очень затруднительны для перехода везде, где нет еще хороших дорог новейшей постройки, и современные путешественники повторяют те же жалобы, какие высказывал Бернье, сопровождавший императора Ауренгзеба во время его путешествия. Ряды уступов или отвесные стены образуют со стороны дунов крутые склоны этих внешних цепей, тогда как на севере скаты гор относительно пологи и правильны, т.е. постепенно понижаются; покрывающая их растительность принадлежит уже умеренному поясу, и во время зимы все вершины убелены снегом; там мы вступаем в новый пояс, и путешественникам, приехавшим из Европы, кажется, что они опять очутились в своем отечестве; особенно леса склонов, обращенных на север, напоминают растительность западного мира[3]. Эти горы, составляющие западное продолжение Гималая в собственном смысле и разрезанные долинами рек Сетледжа, Рави, Чинаба, Джилама на неравные отрывки, вздымают свои остроконечные вершины до средней высоты от 3.000 до 4.500 метров (от 9.840 до 14.660 футов); они достигают, следовательно, почти такой же высоты, как европейские Альпы. Панджал, т.е. «гора», ограничивающая на юге Кашмирский озерный бассейн, составляет часть этой цепи; она перерезана большим числом проходов, которым обыкновенно дают название Пир, по имени «святых» пустынников, которые поселились у самого порога перевалов, чтобы оделять благословлениями приходящих путников в обмен за кое-какие подарки и остатки от жертвоприношений, совершаемых в этом месте в честь горного духа[4].

Поперечный хребет соединяет цепь Панджал с горами Вардвана, а через них и с системой Занскара. На западе и на северо-западе, горы Каджнагские и горы, которые огибает долина реки Киншан-ганга, дополняют амфитеатр снеговых вершин и горных склонов, темных от хвойного леса или зеленых от лиственных деревьев, пастбищ, лугов и полей, которые окружают этот земной рай, называемый Кашмиром; по мнению геолога Вершера, это по большей части потухшие вулканы. Только на северной стороне громадного овала некоторые горы достигают границы вечных снегов. Самая замечательная из этих гор—Гарамук, откуда можно созерцать одновременно высоко поднимающиеся над горизонтом снегов две пирамиды колоссов Нанга-Парбат и Дапсанг, и далеко внизу, в подернутой легким паром равнине, гладкия, как скатерть, окрестности Сринагара, с их зеленеющими рощицами, с их реками,

4 „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, III, 1859.

3 Medlicott, „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol. III. 1865.

4 Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.

извивающимися серебристою лентой, с их озерами, отражающими небо в своей зеркальной поверхности. Далее, горы прерываются долиной реки Киншан-ганга, затем долиной Кунгара, потом ущельями Инда: но вся страна, за исключением этих разрезов, уставлена высокими горами, поднимающимися слишком на 4.000 или 5.000 метров (13.120 или 16.400 футов) над уровнем моря. На западе от Инда эти горы тянутся параллельно этой реке и её притоку Сват и оканчиваются массивом Магабан, который, если смотреть на него с равнины, кажется почти уединенным.

Высота главных гор и проходов Западного Гималая, а также высота местоположения некоторых городов: Раки-Пош—7.787 метр.; Дапсанг (Мустаг)—8.660 метр.: Гушарбрум—7.840 метр.; проход Санги—6.696 м.; Каракорумский проход—5.654 метр.; Гильгит, город—1.515 метр.; Нанга-Парбат—8.116 метр.; Каджнаг—4.342 метр.; Каргиль, город—2.710 метр.; Ганг-ла—5.273 метр.; Гарамук—4.855 метр.; Магабан—2.275 метр.; Зоджи, проход—3.444 метр.; Лех, город—3.452 метр.; Сринагар, город—1.595 метр.; Нун-Кун—7.146 метр.; Атток, город—271 метр.; Пир-Панджал, проход—3.436 метр.; Банигал, проход—2.806 метр.; Саджум—6.102 метр.; Раваль-Пинди—529 метр.; Ратан-Пир—2.500 метр.; Брама-Сукул—4.714 метр.; Джамму—400 метр.; Чамба—1.003 метр.; Бара-лача—4.944 метр.; Ганле, город—4.351 метр.; Гиа—7.603 метр.; Лео-Поргиал—6.774 метр.

Кашмирская равнина, как известно,—одна из прекраснейших стран на земле; поэты индийские и персидские воспели ее, как восхитительное место, как земной рай, и самое имя Кашмира, хорошо известное во всем цивилизованном мире Запада через литературное предание, сделалось синонимом страны чудес и красот природы. Современные путешественники, располагающие всеми элементами сравнения, которые им дает исследование, почти полное, поверхности нашей планеты, подтверждают то, что говорили поэты об этой чудной стране, и при том, хотя бы даже Кашмирская долина имела многочисленных соперников, равных ей по великолепию горизонтов, люди, обладающие чувством природы, знают, что нет страны в мире, красота которой, верно понятая, не превосходила бы всех её описаний, сделанных туристами и поэтами, всех её картин, нарисованных художниками. Впечатление, испытываемое при виде этой роскошной равнины, тем сильнее и глубже, чем больше контраст с окружающими странами. Исключая тот случай, когда проникаешь в Кашмир через живописные теснины, куда низвергается река Джилам, в эту райскую долину можно войти не иначе, как трудными, утомительными дорогами, либо переходя через дикия кручи Панджала, либо спускаясь с северных гор и плоскогорий, заваленных снегами, льдами и каменьями, разметаемыми страшным ветром, который иногда превращается в бураны. После целых недель или даже месяцев подобного странствования по диким ущельям и перевалам без дорог, после тяжелого испытания непрерывных трудов и беспокойств, после всевозможных лишений и страданий, которые приходится терпеть в становищах от холода, а подчас и от голода, вдруг вступаешь в этот благодатный уголок земли, где, наконец, можно будет насладиться давно желанным отдыхом. Путешественник избавляется там даже от ходьбы. Достигнув берегов Бегата,—под этим именем известен у кашмирцев Джилам, Витаста арийцев, Гидасп греков,—остается только, чтобы попасть в город Сринагар, предоставить себя на волю течения реки. Тогда-то, во время этого плавания, роскошная Кашмирская долина и показывается во всей своей красе. Джилам разливается там и сям в виде широкого озера: сквозь шпалеры растущих по берегам лиственных деревьев, платанов, вязов с широко раскинутыми ветвями, высоких, стройных тополей, виднеются поля и рассеянные деревеньки, осененные орешиной и другими фруктовыми деревьями; каждая извилина реки переменяет точку зрения, и всегда вдали на горизонте обрисовывается профиль громады высоких гор и их контрфорсов, с бесконечным разнообразием их лесов и снегов. Города, дворцы, сады повсюду напоминают о пребывании человека, а развалины языческих храмов или крепких замков, стоящие на островных пригорках и холмах, прибавляют к картине настоящего перспективу протекших веков.

Климат Кашмира—единственный в Индии и походит на климат Западной Европы, толь-

ко с меньшим непостоянством. Весна здесь наступает быстро, но так же, как на берегах северной части Атлантического океана, она сопровождается резкими возвратами внезапных ливней и ветра. Самое благодатное время года—это лето, продолжающееся с мая по сентябрь. Даже когда юго-западный муссон разражается над равнинами Индии и над Гималайскими горами, небо остается чистым над Кашмиром; вдали на горизонте видны дождевые облака, окутывающие верхушки гор, но на равнину ливни падают только вследствие отражения ветров, или иногда, после очень жаркого дня, в виде внезапных гроз. Летняя температура здесь, вообще говоря, выше, чем в атлантической Франции, и в соседстве озер и болот тучи москитов часто увеличивают тягостное чувство, некоторое изнеможение, обыкновенно испытываемое иностранцами от теплой сырости воздуха. Но большинство европейских резидентов, число которых ограничено дипломатическою конвенцией (например, на 1882 год число это было определено в 350), удаляются на лето в какую-нибудь долину окружающих гор, поселяясь среди усеянных цветами лугов, где извиваются прозрачные ручьи. Снег, граница которого к концу осени постепенно понижается на склонах гор, покрывает равнину белою пеленой не ранее декабря, и в течение двух месяцев он попеременно тает и снова появляется; в эту пору года над полями Кашмира часто стелется густой туман; когда смотришь с высоты холмов, образующих окружность амфитеатра, носящийся над долиной туман кажется волнующимся морем, словно поверхность обширного озера, которое некогда покрывало всю страну. Обычная тишина воздуха составляет одно из замечательнейших явлений кашмирского климата; отсюда и происходит это удивительное спокойствие вод, в которых, как в зеркале, отражается почти всегда с совершенною отчетливостью картина деревьев, гор и неба[1].

Не может быть никакого сомнения, что эта равнина действительно была в геологические времена резервуаром, простирающимся верст на 100 в длину и верст на 60 в ширину, главная ось которого шла с юго-востока, в том же направлении, как и Гималайская система. Впрочем, предания кашмирцев и легенды, которые они рассказывают об исчезновении этого древнего озера, не имеют никакого подтверждения в истории и объясняются совершенно естественно самою очевидностью геологического факта. Жители равнины, подобно всем другим народам земного шара, увлеклись в этих преданиях и легендах до того, что указывают точную эпоху и связывают с именем одного героя событие, которое в действительности есть результат медленной работы веков. Почва Кашмира состоит из аллювиальных земель, смешанных с вулканическим пеплом, продуктом извержения кратеров, давно уже потухших, которые господствуют над одною частью этого громадного амфитеатра[2]. На всей окружности равнины виднеются геологические свидетели уровня первобытных берегов: это так называемые *каревы*, террасы, в 75 до 100 метров (около 47 сажен) средней высоты над поверхностью бассейна, опирающиеся, с одной стороны, на гору, изборожденные со стороны равнины рытвинами и промоинами, проточенными временными потоками или постоянными ручьями. Барамульское ущелье, через которое вырываются воды Джилама, представляет на своих скатах подобные же террасы, т.е. крутые берега древней реки, ложе которой было тогда гораздо выше. В настоящее время озеро опорожнено: болотистые рвы, сообщающиеся с рекой; маленькое озеро Сринагарское, представляющее попеременно то приток Джилама, то резервуар для его вод в периоды разлива; бассейн Манас-бал, защищенный одиноко стоящим холмом, у подошвы которого воды вырыли себе впадину в 14 метров глубины; и обширная водная площадь Валара, неопределенные берега которой, на юге и на востоке, продолжаются камышами, скрывающими мириады плавающей птицы,—вот единственные остатки древнего Кашмирского моря. На западе и на севере, бассейн Валар, глубина которого не превышает 3 или 4 метров, омывает основание гор и принимает вид альпийского озера, в роде Лемана. Река Джилам, несущая в своих водах аллювиальную грязь, с каждым годом продолжает свои болотистые берега все далее и далее внутрь озера; без всякого сомнения,

1 Drew; Andrew Wilson, etc.

2 Verchere, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, III, 1866.

верхний поток, воздвигающий справа и слева плотины своих новых берегов, рано или поздно достигнет выходного русла, через которое уходит исток, направляющийся сначала к Барамульскому ущелью, затем спускающийся с порога на порог к равнинам Пятиречья, лежащим на 1.200 метров ниже и на расстоянии более 300 километров, следуя по течению реки. Мало найдется долин более живописных, чем эти ворота Кашмира, с их отвесными скалами, большими деревьями, крутыми поворотами и шумящими водами.

Население Западного Гималая распределяется сообразно покатости почвы и течению рек. Тогда как северо-восточные и северные округа, по причине слишком высокого положения их над уровнем моря, почти совершенно необитаемы, а если где и обитаемы, то все население их состоит из редких кочевников, средние области, где снег лежит лишь в продолжение некоторой части года, имеют уже несколько городов и значительных местечек в низинах; но жители группируются в большом числе только в Кашмирской равнине и в широких долинах, открывающихся на юг к Пятиречью.

Вся восточная область, принадлежащая географически еще к Тибету по высоте своих плоскогорий и долин, принадлежит к нему также по происхождению своих жителей, по языку, которым они говорят, и по религии, которую они исповедуют. Один из этих народцев, дотого малочисленный, что в других странах о нем даже не стоило бы и упоминать, известен только своею изолированностью на громадной территории. Это племя хампа или чампа, живущее на плоской возвышенности Рупшу. Все население этой области, раскинувшейся на пространстве около 10.000 квадр. километров (8.880 квадр. верст), состоит всего из 500 душ кочевников, которые меняют пастбища четыре раза в год, сообразно перемене времен года, при чем зиму проводят в долине верхнего Инда; главное их становище—деревня Дора, близ тибетской границы, лежащей на высоте 4.200 метров над уровнем моря. Эти номады, промышляющие перевозкой товаров между Тибетом и Ладаком, отличаются, как и их соплеменники, обитающие на Тибетском плоскогорье, веселым, ровным характером, хорошим расположением духа, равнодушием и терпеливостью в трудах и лишениях, в нужде и голоде; в местах, лежащих ниже 3.300 метров (10.800 футов), они уже чувствуют себя не так легко, как в своей родной стихии: низкая тяжелая атмосфера душит их. Маленькая община буддийских монахов живет в монастыре Ганле, построенном на высоте 4.595 метров, на крутом гребне гор, который господствует над болотистою равниной того же имени: после золотопромывального завода Ток-ялун, в Тибете, это. вероятно, самый возвышенный пункт Азии, обитаемый постоянным образом.

Ладакцы, живущие в стране Лех, на Шайоке, верхнем Инде и Занскаре, прибрежные жители по реке Сетледж, в Кунаваре, обитатели области Спити и большинство жителей Лагула суть, подобно племени хампа или чампа, чистые боды, или тибетцы. Как и их соплеменники в Бод-юле (Тибете), ладакцы почти все малорослы и коренасты, с широкими лицами, выдающимися скулами, скошенными глазами; они тоже отличаются добродушием, веселостью, трудолюбием, гостеприимством. Так же, как и прочие тибетцы, они дают господствовать над собою ламам и строят для них монастыри, кумирни и *мани*, украшенные священною надписью; однако, кажется, в последнее время пополнение рядов духовенства стало затруднительнее, и многие монастыри опустели. Незначительное протяжение земель задерживает в Ладаке, как и в верхнем, или нагорном Тибете, возрастание народонаселения, и полиандрические (многомужние) браки очень распространены: одна жена служит хозяйкой и помощницей в работе сразу нескольким братьям, сделавшимся наследниками еще при жизни своих родителей. В самой низкой части страны есть много метисов тибетских и других рас, и до 1871 года они были невольниками правительства; благодаря ходатайству геолога Дру, они были освобождены, и теперь ничем не отличаются от остального населения. Единственные люди, которых общественное мнение оставляет еще в состоянии парий и с которыми брачные союзы воспрещены,—это музыканты и кузнецы; особенно последние в большом презрении, между тем как во многих других странах они, напротив, составляют

одну из высших каст. Без сомнения, причину этого презрения ладаков к людям, обработывающим железо. нужно искать в старинной расовой вражде.

Впрочем, влияние индусов на тибетцев Ладака обнаруживается уже во многих отношениях; так, например, последние теперь уже не выставляют своих покойников на скалах на съедение диким зверям, но сожигают их тела, продержав труп несколько дней подле себя[1]. Что касается ладакского языка, то хотя он и принял в себя некоторое число слов санскритского происхождения, но так мало отличается от тибетского, что туземцы обеих стран не встречают ни малейшего затруднения при беседе друг с другом; даже нищие племени халиба, приходящие из провинции Хам, с восточной окраины собственного Тибета, без труда объясняются с ладакцами. Жители области Спити тоже говорят чистым тибетским языком, но в провинции Лагул различные идиомы борются из-за преобладания с этим языком; в некоторых долинах общеупотребительный диалект—бунан, приближающийся к тибетскому наречию, которым говорят в верхней долине Сетледжа, но имеющий свою собственную грамматику; в других местах говорят наречием манчат, т.е. тибетским языком с примесью идиома гинди и слов неизвестного происхождения; наконец, в некоторых местностях господствует тинан, образовавшийся. подобно «франкскому языку», из смешения различных элементов[2]. В Лагуле ламайской вере уже грозит сильная опасность со стороны браманских культов; большинство лам—жрецы только по имени; в 1878 г. только семеро из них, на тысячу слишком, занимались религиозными делами. Чтобы умилостивить богов, туземцы обращаются одинаково как к браминам, так и к ламам; в то же время они молятся деревьям и змеям и совершают специальные обряды, чтобы призвать на помощь себе демонов[3]. Христианство—тоже один из культов, исповедуемых в Лагуле с того времени, как в Кайлане, в одной из нагорных долин Занскара, поселилась миссия моравских братьев (гернгутеров) из Германии. Народное образование в Кашмире более распространено между тибетцами, чем между другими жителями края; большинства тибетцев грамотны; они легко чертят грубые карты и служат отличными проводниками для английских топографов; одна монахиня лагульского монастыря научилась даже, по словам Гаркура, вычислять время наступления солнечных и лунных затмений.

Племя балти, или балти-па, живущее к западу от Тибета по рекам Шайоку, Инду и его притоку Суру, по мнению большинства путешественников, посетивших места его поселения, имеет то же происхождение, что и ладакцы: балты, или балтистанцы, также говорят тибетским диалектом, мало отличающимся от других, и—что еще важнее с точки зрения расовых признаков,—они имеют вообще такую же форму тела и лица, как и жители Ладака, именно: выдавшиеся скулы и скошенные веки. Главные отличия, замечаемые между балтистанцами и их соседями, ладакскими тибетцами, происходят, вероятно, от более теплого климата, в котором они живут, и от обращения их в магометанство, бывшего причиной глубоких изменений в образе жизни. Впрочем, не подлежит сомнению, что было также смешение рас и что арийский элемент сильно представлен у балтистанцев; Уйфальви даже встречал там туземцев, принадлежащих, как он полагает, к арийской расе, менее смешанной, чем сопредельные племена, дарду или дардистанцы[4]. Как бы то ни было, у балтистанцев нос менее приплюснутый, чем у жителей Ладака, и борода гуще обросла волосами; они выше ростом и менее коренасты. Смешение крови разных рас проявляется также и в характере балтов: у них нет трогательной кротости, добродушия и неизменной веселости тибетцев; они менее великодушны и более ловки, более изворотливы, хотя, впрочем, далеко не обладают таким сильно развитым духом торговли, как кашмирцы, и даже в своем собственном отечестве дают себя эксплоатировать эмигрантам этой нации. Они очень любят сильные телесные упражнения, и в их стране, также как в Дардистане, предаются со страстью игре поло (недавно введенной и

1 Frederic Drew, цитированное сочинение.
2 Wilson, „Abode of Snow“; Harcourt, „Journal of the Geographical Society of London“, vol. XLI, 1871.
3 Harcourt, цитированное сочинение.
4 „Bulletin de la Societe d'Anthropologie“, 1881; Bulletin de la Societe de la Geographie“, 1882.

в Англии), в которой всадники, вооруженные лаптами, перебрасывают друг другу мячик. Магараджа кашмирский набирает большое число своих солдат в Балтистане, и один из его полков состоит исключительно из уроженцев этого края, одетых по-шотландски. Обращенные в магометанскую веру миссионерами из Хорассана, балтистанцы принадлежат к шиитской секте ислама, но к ним закрались также многие обычаи и обряды индусов; так, например, у них существуют резко разграниченные касты—каста духовных, или мулл, каста земледельцев и каста ремесленников[1]. Многомужие у них не в обычае, но, как и все другие магометане, они приняли многоженство, и женщина, пользующаяся такой свободой в Ладаке, порабощена и ходит под покрывалом в Балтистане. Узкия долины недостаточны для прокормления скученного в них населения, живущего в большой нужде; вследствие этого, каждый год большое число балтов принуждены покидать родину и искать заработков на чужбине, в китайском Туркестане, в Сринагарской равнине, даже в Пенджабе, и особенно в Симле и её окрестностях, везде, где англичане нуждаются в каменщиках, землекопах, чернорабочих. Балты отправляются в отхожий промысел целыми партиями, неся грузы сушеных абрикосов, которые и распродают по дороге; затем, после нескольких лет труда на чужбине, когда заработают маленькую деньгу, они возвращаются на родину с новою ношей товаров, большею частью медной посуды, которая очень ценится в Балтистане.

Вниз от Балтистана лежит страна племени дарду, или дардистанцев, которые живут в долине Инда, на всем протяжении кривой, которую эта река описывает вокруг массива Нанга-Парбат; они населяют на северо-западе бассейн Гильгита и по ту сторону отрогов Гиндукуша, на покатости реки Кабул, области Мастудж и Читраль; кроме того, они занимают, рассеянные колониями, верхнюю долину реки Киншан-ганга и некоторые части берегов Инда и область Драс в пределах Балтистана; даже в окрестностях Леха многие деревни населены дардами, происходящими из Гильгита, по их собственному преданию. Путешественники и антропологи единогласно причисляют к так называемым «арийским» народностям различные племена Дардистана, каковы бы ни были их политическое устройство, их нравы и религиозная секта, к которой они принадлежат; но кажется маловероятным, чтобы все народцы этой страны состояли между собою в близком племенном родстве, как это допускал Лейтнер, первый исследователь Гильгитской долилины[2]; ибо между ними есть такие, которые значительно разнятся внешним видом, и их языки, хотя «арийскаго» происхождения, тем не менее весьма различны[3]. Однако, дардистанцы, известные у их соседей тибетского происхождения под именем Брок-па, т.е. «жители возвышенностей», или «горцы», составляют совершенно определенную этнографическую группу. Они по большей части среднего роста, сильны, хорошо сложены; лоб у них прямой, нос орлиный, черты лица грубоваты, но представляют европейский овал. Дарды не уступают балтам ни смышленостью, ни мужеством и, сверх того, отличаются большою любовью к независимости.

Разделение народа на касты сохранилось еще в полной силе в Дардистане и, так же, как в собственной Индии, первоначальное происхождение этого порядка нужно, конечно, искать в том факте, что обыкновенно народы-завоеватели образовывали новый слой населения, возвышавшийся над завоеванными народами. Самая почетная каста—это каста ронов, уважаемая наравне с царствующими фамилиями в различных государствах Дардистана, где они имеют пребывание преимущественно в верхнем бассейне реки Гильгит, или Гилит; туземные государи, или раджи, обыкновенно выбирают своих министров из среды этой касты. За ронами следуют, по степени важности и почета, шины, которые составляют большинство в прибрежных государствах Инда, лежащих к западу от массива Нанга-Парбат, и в одной части верхнего течения Гильгита, но которые везде в других местах малочисленны; тем не менее, от них вся страна получила название Шинкари, т.е. «земли шинов»; по всей вероят-

1 Biddulph, цитированное сочинение.
2 „The Languages and Races of Dardistan“.
3 Biddulph, цитированное сочинение.

ности, это те же самые шины, о которых упоминают законы Ману и Магабгарата[1], и которых старинные европейские комментаторы этих памятников смешивали с китайцами (по созвучию их имени со словом China, Китай). Некогда они обитали ниже в долине Инда, но затем были мало-по-малу оттеснены к области снегов; некоторые территории, лежащие вниз от округов, населенных в настоящее время шинами и не имеющих других жителей, кроме племен афганской расы, все еще считаются составляющими часть страны Шинкари. Гордые своим происхождением, шины никогда не унижаются до ремесла носильщика и смотрят на земледелие и охоту, как на единственные достойные их занятия; говорят, они до крайности скупы: почти всякий из них имеет свое потаенное местечко в горах, куда и относит украдкой ценные вещи, монеты, медные сосуды, женские украшения. Хотя магометане, они никогда не едят ни говядины, ни мяса птиц, не пьют коровьего молока, не употребляют коровьего масла и даже ни за что не прикоснутся к сосуду, содержащему молоко или масло; это воздержание есть, быть может, остаток браманских обычаев; но, вместо того, чтобы уважать корову, как это делают индусы, они питают к ней нечто в роде ужаса, чувство, подобное тому, какое испытывает магометанин в отношении поросенка; по их верованию, если кто-нибудь положит коровью кожу в источник, то непременно разразится буря. До новорожденных телят они дотрогиваются не иначе, как палкой, а многие даже отдают корову и её сосуна на все время кормления молоком своим соседям низшей касты. Эти последние, яшкуны или ешкуны, называющие сами себя буришами, буришасками, уришками, образуют огромное большинство дардов; они составляют почти все население Гунзы, Нагара, Ясина и превосходят численностью все другие касты в землях Гильгит, Дарель и Астор; главная масса земледельческого населения состоит из яшкунов. В то время, как шины могут жениться на яшкунских девушках, яшкуны не имеют права искать себе жен в высшей касте[2]; оттого у них семьи наименее смешаны. Четвертая каста, так называемые кремины, соответствует индусским судрам; между ними встречаются гончары, мельники, ремесленники всякого рода, впрочем, вообще немногочисленные в этой дикой стране; они, вероятно, происходят от туземцев, всего легче покорившихся господству завоевателей. Что касается касты думов, которая встречается под разными наименованиями во всех владениях Кашмирского магараджи, то они до сих пор еще остаются, перед другими жителями, на положении побежденных. Кузнецы и живодеры принадлежат к этой касте; но, как музыканты, они увеселяют все празднества: это местные цыганы.

За исключением ладакских дардов, сделавшихся буддистами, как и их соседи, все народцы, носящие это имя, принадлежат к исламу; но в то время, как одни исповедуют суннитство, другие придерживаются шиитского толка или являются последователями секты мо ллай, т.е. «божественных»; кроме того, остатки древнего идолопоклонства сохранились еще в очень многих селениях, особенно в полуденной области Дардистана, близ афганской границы. Чиласы, живущие на западных склонах массива Нанга-Парбат, говорят, в качестве новообращенных, наибольшие фанатики из магометан этой страны; ревностные сунниты, они отрубают головы попавшимся в их руки шиитам; они не довольствуются обращением в рабство своих пленников из иноверцев, как это делает большинство других независимых племен Дардистана. Что касается раджей Ясина и Гунзы, в верхнем бассейне Гильгита, то они не только порабощают своих военнопленных, но еще ведут торг людьми и, за неимением чужеземцев, продают своих подданных или обменивают их на собак[3]; бадахшанские торговцы уводят пленников за Гинду-куш, в земли по Аму-Дарье; по словам Биддульфа, можно без преувеличения сказать, что из числа жителей, достигших 40-летнего возраста, почти половина служила, в качестве невольников, в продолжение значительной части своего существования. Эти войны предпринимаемые специально с целью захвата людей в плен, и большие экспедиции кашмирских армий, иногда победоносные иногда отражаемые, имели следстви-

1 Vivien de Saint-Martin; Rawlinson; Yule.

2 Leitner, цитированное сочинение.

3 Becher, „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, III, 59.

ем обезлюднение страны. В области Гильгит, население которой ныне (1891 г.) около 17.000 душ, в прежнее время число жителей было, вероятно, в шесть или семь раз более значительным, судя по распаханным террасам, ныне заброшенным, которые видны повсюду на скло-

Женщины тибетскаго Ладака.

нах гор[1]. Многочисленные надписи (еще не разобранные), вырезанные на скалах с обеих сторон долины, свидетельствуют о древней цивилизации гильгитской земли, а выше, в обла-

1 Biddulph, цитированное сочинение.

сти Ясин, встречаются сложенные кругами камни, в роде тех, какие находят в Бретани. Между гималайскими странами мало таких, которые имели бы более благодатный климат и были бы от природы более плодоносны, чем долина реки Гильгит. Прибрежные равнины, средняя высота которых не превышает 1.500 метров, дают все произведения умеренного пояса, и, кроме того, там возделывают кукурузу, хлопчатник, фиговое, гранатовое, шелковичное дерево. Гильгитские шелковые ткани, чистые, или с примесью шерсти или бумаги, отличаются большою прочностью.

С 1847 года, эпохи, в которую английские офицеры Юнг и Ванс-Эгню перешли через Инд у Бунджи (иначе Бованджи), Гильгитская долина стала известна европейцам; Лейтнер, Дру, Биддульф прошли ее в разных направлениях или даже жили там некоторое время. Другой путешественник, Гейвард, был убит там, в 1870 году, близ деревушки Даркот, и тело его, выкупленное его соотечественниками, похоронено под группой деревьев, за стенами Гильгита. В настоящее время кашмирские крепостцы, похожия на средневековые феодальные сооружения Запада, с их зубчатыми стенами, четыреугольными башнями и башенками, командуют деревнями Бунджи, Сай, Гильгит, Шер, их полями и фруктовыми садами; но живущие далее, за этими укреплениями, дардские племена платят лишь незначительную дань магарадже, или даже совершенно независимы в политическом отношении. На севере, нагарское племя, живущее на полночной стороне массива Раки-Пош, не съумело заставить уважать себя и находится в зависимости от своих более воинственных соседей; заключенное между жителями Гильгита, на юге, и жителями Гуазы, на севере, оно не дерзает защищаться и платит обоим соседям дань, состоящую из золотого песку и абрикосов. Напротив гунзы, занимающие долины Гинду-куша, до границ Сириколя, в китайском Туркестане, славятся своею храбростью, но в то же время наводят страх своими разбойничьими привычками; они грабят караваны, которые не платят им транзитной пошлины, и часто делают набеги на сопредельные территории. На северо-запад от Пуниала, данника кашмирского магараджи, Ясин, защищенный своими почти непроходимыми ущельями и дикими горами, почти во все времена сохранял самостоятельное политическое существование, но под тяжелым деспотизмом раджи. В этой области Гималая две державы, оспаривающие друг у друга господство над мусульманскою Азией, Английская Индия и Россия, наиболее приближаются своими вассальными владениями. Цепь гор да несколько узких долин составляют в этом месте раздельный пояс между двумя империями.

Дардские племена, живущие на неисследованных еще берегах Инда, между слиянием этой реки с её притоком Астором и землей Газарой, как кажется, всего лучше сохранили старые нравы и предания, хотя многие из них бежали сюда из афганских долин. Территория их получила название Ягестана, т.е. «непокорной» страны, за то, что никогда не подчинялась ничьей власти[1]. Племена или роды чиласи, коми, гербанди, сазини, паласи, на восточной стороне реки, гудари, дарели, тангири, кандиа, сео, путтун, на западной стороне, и многие другие составляют столько же маленьких республик; одна из таких вольных общин состоит всего из семи дворов. По сведениям, собранным Биддульфом, английским резидентом в Гильгите, общее число способных к работе жителей мужского пола во всем Ягестане простирается до 63.600 человек, так что все население можно считать, по меньшей мере, в 300.000 душ. Мужчины каждого селения, старые и молодые, созываемые барабанным боем, собираются на мирской сход, или *сига*, и обсуждают все общие дела; громкий свисток возвещает конец собрания, и толпа расходится по домам, оставляя джуштеров, или выборных, определить подробности исполнения принятых решений схода; граждане, не явившиеся на собрание, должны платить штраф. Если хоть один из присутствующих протестует против общего решения, обсуждаемый вопрос откладывается до другого раза; сколько-нибудь важные решения должны быть постановляемы единогласно. Когда речь идет о делах, касающихся всей вольной общины, совещательное собрание состоит из выборных от деревень; но эти джуштеры обязаны докладывать о принятом решении мирским сходам в важных обстоя-

1 Biddulph, цитированное сочинение.

тельствах. В случае нашествия чужеземцев, общины соединяются против врага. Так как главное богатство горцев состоит в стадах овец, то они часто бывают вынуждены водить свой скот на пастбища, принадлежащие другим племенам, а именно в землю Ясин, и должны платить за это дань, состоящую из соли, табаку, золотого песку или животных; но эта плата за право пользования не влечет за собою никакой зависимости. Так, Тангир, состоящий в частых торговых сношениях с Ясином, хвалится тем, что он служит местом убежища для всех царьков этой страны, лишившихся власти вследствие междоусобных войн, но сам он всегда отражал с успехом набеги, предпринятые на его территорию, и тангирцы не позволяют своим девушкам вступать в брак с ясинцами, по причине рабства, господствующего в земле последних. В нагорных долинах Свата, известных более специально под именем Когистана, которое иногда дают и всей «Непокорной» земле в совокупности, главные кланы, торвалики и бушкары, также принадлежат к племени дарду, но они не сохранили своей политической независимости, как их единоплеменники, обитающие в диких прибрежных долинах Инда. Магометане шиитского или суннитского толка, дарды, как покоренные, так и непокорные, имеют еще много обычаев, несогласных с шариатом. Так, женщины ходят с открытым лицом и пользуются большой свободой. Точно также муллы, на обязанности которых лежит и отправление правосудия, должны сообразоваться, при разбирательстве дел, с национальными преданиями. Убийства, составляющие, впрочем, очень редкое явление, не наказуются общиной: право возмездия предоставляется родственникам жертвы, которые должны сами пролить кровь за кровь. У большинства племен мужчины и женщины держатся совершенно особняком друг от друга с мая по сентябрь; это сезон военных экспедиций, и по общераспространенному понятию у воинственных народов, до эллинов и албанцев включительно, победа всегда принадлежит наиболее целомудренным[1].

Различные племена имеют каждое свой особенный диалект или областное наречие, связанное с кашмирским языком говорами населений западного Джилама; один только язык, буришки, которым говорят в Гунзе, Нагаре, Ясине—«туранскаго» происхождения, но Биддульф не думает, чтобы его можно было причислить к тюркским идиомам. У всех дардов пушту афганцев сделался цивилизованным языком. На юге Путтуна, самой цветущей республики Ягестана, пушту есть единственный язык, который там употребляют; население всей земли Бонеир так же, как и население нижней долины Свата, чисто афганское, а потому и язык мало отличается от того, которым говорят в Кабулистане. Нельзя того же сказать о левом береге Инда. Жители этой области ущелий, выше «Ворот», или Дербента известны под именем гимча, или «метисов», и чистокровные афганцы отказываются вступать в брак с их дочерьми или брать их союзниками в своих военных экспедициях. Одна колония на правом берегу, называемая Палоса или Паруса, состоит из непримиримых врагов Англии, вагабитов, пришедших из Индии и содержимых на счет их единоверцев. В числе около пятисот человек, они упражняются в искусстве владеть оружием, строить укрепления, посылают своих лазутчиков и пророков во все части мусульманской Азии[2]. Таким образом, в нескольких милях от английской границы, внешние враги, предпринявшие нападение на Индию, нажили бы союзников в «Непокорной» земле. Недавно духовный глава суннитских кланов Свата, носящий титул ахунда, приобрел-было почти неоспоримый авторитет над своими единоверцами в Афганистане и в областях по течению Инда; к нему являлись посольства из всех частей Индии и даже из Константинополя.

Верхняя долина Гидаспа, или Джилама, имеет, как и другие речные бассейны этой области Гималайских гор, свое особенное население. Кашмирцы, которые дали свое имя всему царству, но которые теперь сами повинуются иноплеменным властителям, населяют озерную равнину, через которую протекает Гидасп выше Барамульского ущелья, и встречаются лишь немногочисленными колониями за пределами этой узкой области. С физической точки зрения, кашмирцы, или кашури, как они сами себя называют, едва-ли не самые красивые из

1 Frederic Drew, Biddulph, цитированные сочинения.

2 Biddulph, цитированное сочинение.

индусов: среднего роста, хорошо сложенные, статные, ловкие и сильные, они в то же время имеют, вообще говоря, черты лица правильные, лоб высокий, нос слегка орлиный, губы тонкия, глаза карие и кроткие. Что бы ни говорил Жакмон, кашмирские женщины, заслуживающие репутацию красавиц, которою они пользуются во всей Индии, очень многочисленны; они отличаются в особенности благородством и чистотой черт лица, сохраняющимися даже в старости. Понятливость, ум, остроумие, вкус кашмирцев известны во всей Индии; но как бедный, угнетенный народ, живущий в равнине, куда завоеватели могут беспрепятственно спускаться со всех окружающих гор, они не имеют, для защиты своей независимости, иного оружия, кроме оружия слабых—хитрости и лести: они пресмыкаются перед своими господами, которые едва оставляют им из всего сбора плодов земных ничтожную долю, необходимую для поддержания существования.

Индусы по расе, кашмирцы говорят языком «арийскаго» происхождения, словарь которого на две трети состоит из слов персидского и санскритского происхождения; тем не менее, иностранцы с трудом выучиваются этому языку; непосредственную связь он имеет лишь с идиомами, которыми говорят на юго-востоке, в верхней долине Чинаба; только через их посредство можно признать родственные черты между сринагарским наречием и пенджабскими говорами[1]. Впрочем, кашмирцы усвоивают с величайшею легкостью диалекты своих повелителей; почти все они говорят языком догри, или индостанским, многие знают персидский, который на Востоке играет такую же роль, как французский на Западе, и со времен Великого Могола сделался оффициальным языком кашмирского двора. Одна только каста этой страны сохранила, вместе с своею религией, воспоминание о своем происхождении: это каста браманов, которых обыкновенно называют «пандитами»; как будто они заслуживают этого наименования, присвоенного ученым собственной Индии; по крайней мере большинство из них публичные писаря или писцы в правительственных учреждениях; другие занимаются торговлей, но земледельца или чернорабочаго между ними нет ни одного. Несмотря на обращение огромного большинства народа в магометанскую веру, кастовый порядок сохранился для различных профессий; но здесь он далеко не так строго соблюдается, как в браманской Индии, что происходит, может быть, оттого, что арийская иммиграция имела место ранее строгого разделения классов у народов Индустана[2]. Одна только каста считается совершенно нечистою—каста баталов; если бы батал дерзнул призвать имя Аллаха, то на это посмотрели бы как на богохульство. Баталы, вероятно, так же, как думы в Дардистане, суть потомки побежденных аборигенов. Говор этих ткачей шалей тоже представляет, по Лейтнеру, значительный запас слов, происходящих от идиома, предшествовавшего другим языкам Северо-западного Индустана[3].

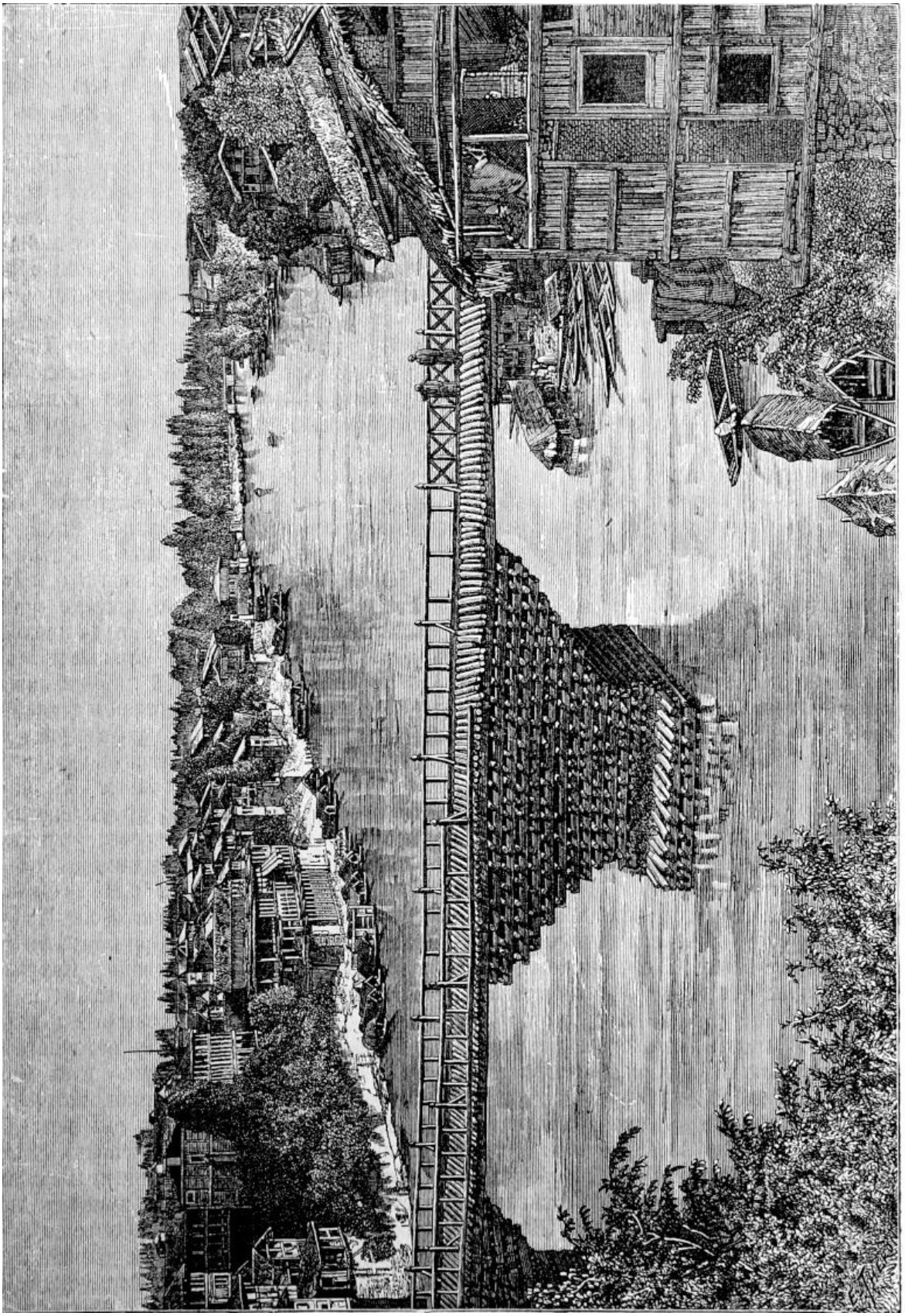
На западе и юго-западе Кашмирской равнины гористая область, по которой протекает река Гидасп, или Джилам, соединенная с Киншан-гангой, населена преимущественно чибалами, т.е. раджпутскими эмигрантами, принявшими магометанство. Религия и различные перемены, бывшие её следствием, дают основание отличать чибалов от их восточных соседей догров, браманского культа, живущих у подошвы гор на обоих берегах Чинаба, в стране, которая по их имени называется Дугар. Идиомы этих двух племен, чибали и догра, принадлежащие тот и другой к семье индусских языков, немного разнятся между собою, но сливаются, от округа к округу, постепенными переходами. Несмотря на равенство, провозглашаемое исламом, чибалы сохранили даже касты, происхождение которых нужно искать либо в племенной вражде, либо в различии профессий. Масса земледельцев до сих пор состоит из порабощенных джатов, потомков прежних обладателей страны, тогда как другие племена, переселившиеся в край после завоевания его, все еще считаются как бы имеющими некоторое преимущество, привилегированными. Господствующий класс, раджпуты, гордящиеся своими воинственными привычками, гнушаются, по большей части, всякого ручного труда,

1 Frederic Drew, цитированное сочинение.

2 Hunter, „Annals of Rural Bengal“.

3 „Anjuman-i-Punjab“; jan. 4, 1882; „Alien's Indian Mail“, febr. 27.

ремесла или торговли; они предпочитают служить либо в качестве солдат, либо в качестве чиновников, и вообще они внушают к себе страх своим буйством или ненависть своим чванством. Впрочем, они во многих отношениях переменились со времени своего переселения в



Джиламскій мостъ въ Сринагарѣ.

край из Раджпутаны, и давно уже их не обвиняют более в практиковании обычая детоубийства, именно умерщвления новорожденных девочек. Что касается раджпутов-магометан, то они мало ревнуют о вере; в прежнее время нередко бывали случаи, что они женились на ин-

дусках, позволяя им приносить с собою своих домашних идолов; некоторые святые места, куда ходят на богомолье, посещаются одинаково как индусами, так и мусульманами. Еще недавно ислам, говорят, мало-по-малу распространялся между населениями Даман-и-Коха; теперь, кажется, происходит скорее обратное явление: браманские влияния опять получают перевес[1].

На востоке и юго-востоке от Кашмирской равнины, различные долины, имеющие скат к Чинабу, и берега этой реки тоже населены племенами, у которых разнородные этнические элементы расположились один над другим в виде кастовых наслоений; эти племена известны у их соседей под общим именем пагари, или «горцев». Чертами лица и станом пагари походят на пенджабских индусов, но образ жизни, который они ведут, сделал их более сильными и более выносливыми; наречия, которыми они говорят,—впрочем, непонятные доград и другим жителям соседней равнины,—указывают на переход между кашмирским и пенджабскими языками. В каждой долине свой особенный говор, так что «горцы», живущие на расстоянии каких-нибудь 30 километров, уже не понимают друг друга.

Кроме оседлых народцев, живущих земледелием и садоводством, в Нагаре, или «Горной» области, есть также племена, которые регулярно меняют свое местопребывание, смотря по времени года. Таковы гадды, пастухи, держащие стада овец и коз; их постоянные селения находятся в горах, но летом они спускаются со своими стадами на внешние холмы, к границам равнины. Гуджары, напротив, живущие в низменных местностях, гоняют свои стада буйволов к горным пажитям на несколько месяцев лучшего времени года. Дровосеки, которые рубят бревна деодара (гималайского кедра) в лесах и сплавляют их по течению Чинаба, тоже ведут кочевую жизнь, спускаясь периодически из верхних холодных областей в равнины Пятиречья. Некоторые группы «горцев» принадлежат к исламу; на северо-востоке небольшое число семейств остались буддистами, как их соседи, жители Лагула; но огромное большинство племен придерживается индусских культов, сохранив, однако, многие обряды древних религий. В Пагаре, на верхнем Чинабе, до сих пор еще воздвигаются храмы *нагдевтам*, «богам-змеям», почитаемым наравне с другими божествами индийского пантеона. В Драгарских горах, возвышающихся на западе от Чинаба, железоплавильщики никогда не пробуют плавильную печь без того, чтобы не воздвигнуть предварительно на каком-нибудь соседнем пригорке жертвенник богу Драгару, для сожигания в честь его очищенного коровьего масла; они оставляют на жертвеннике ложки. употребляемые при жертвоприношении, и окружают его железными трезубцами и камнями причудливых форм[2].

В Ладаке нет городов, за исключением Леха или Ле, столицы бывшего королевства, присоединенного теперь к Индийской империи, под «медиатизированным» управлением кашмирского магараджи. Лех лежит на высоте 3.500 метров, не на самом берегу Инда, а в 3 или 4 километрах к северу от реки, при выходе долины, откуда выступает откос из обвалившихся обломков, широко раскинувшийся и покрытый пашнями. Дворец или замок, служащий в то же время цитаделью, возвышает над городом, на последнем контрфорсе гор, свои высокие стены, опирающиеся на вогнутый цоколь, по правилам тибетской архитектуры. Старые кварталы, с узкими, извилистыми улицами, лепятся у подножия замка, тогда как базар новейшей постройки занимает нижнюю часть города в том месте, где оканчивается сринагарская дорога; кругом города, по скатам откоса, тянутся сады, поля, засеянные хлебами, и несколько рощиц ив и тополей. Лех важен как средоточие торговли Кашмира с китайскими территориями Тибета и Тянь-Шань-Нанлу; здесь составляется многочисленный ежегодный караван, который отвозит в Лассу шелковые ткани, шали, шафран, английский мануфактурный товар и берет в обмен китайский чай, шерстяные изделия и бирюзу. Внешняя торговля Ладака в 1873 году, по сведениям, собранным путешественником Дру, простиралась до 2.380.000 франков по привозу и до 2.060 000 франков по вывозу, всего на сумму

1 Frederic Drew, цитированное сочинение.

2 Frederic Drew, цитированное сочинение.

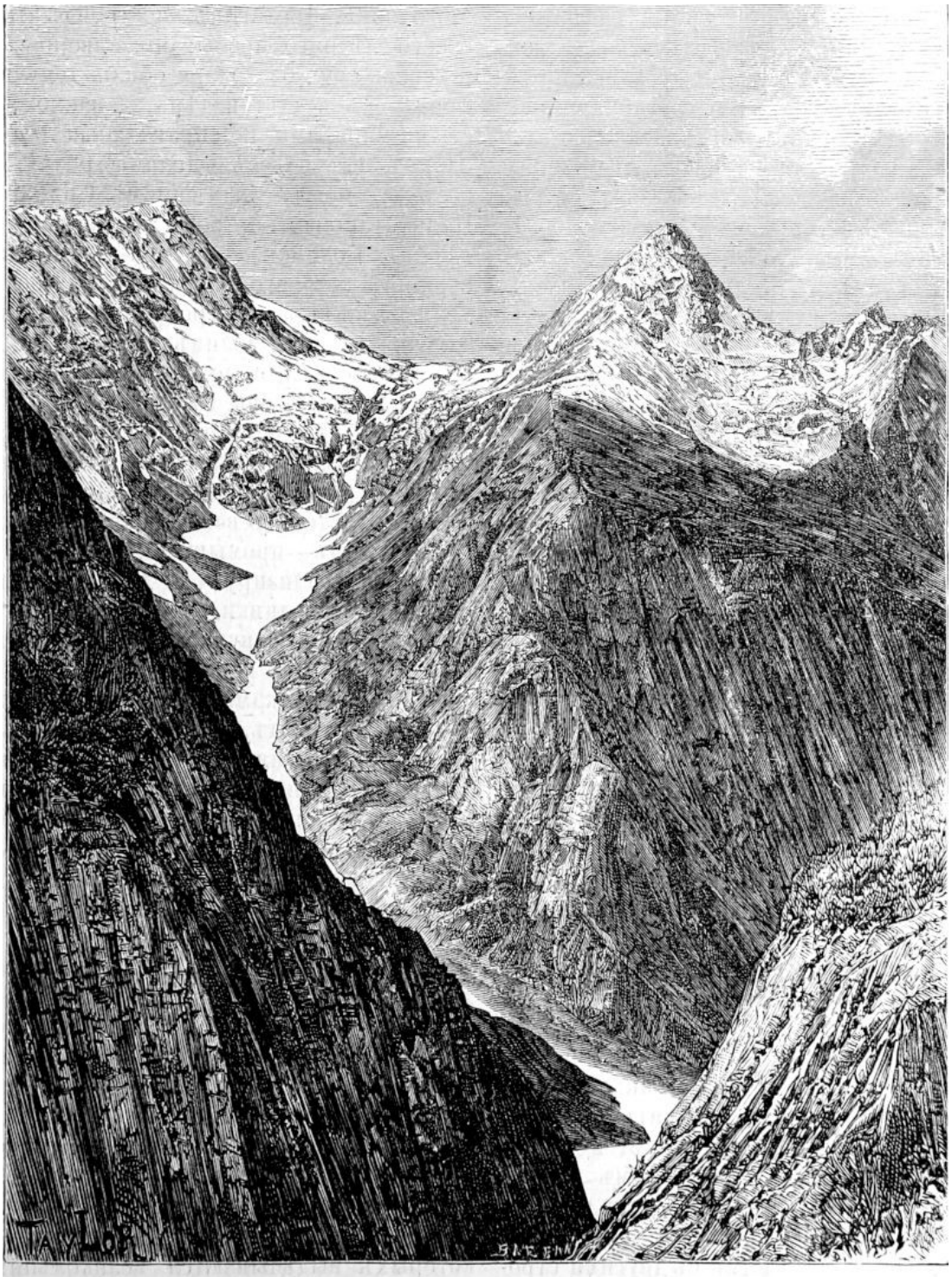
4.440.000 франков. Весной, во время отхода каравана, и в начале зимы, при возвращении его, яркандцы, кашмирцы, носильщики всевозможных национальностей собираются сюда в большом числе, располагаясь станом вокруг города. Загороди лугов тянутся непрерывным рядом во всех благоприятных местах вдоль троп, по которым следуют купцы. Там и сям остатки крепостей, где прежде агенты ладакского раджи собирали транзитные пошлины, господствуют над проходами, через которые должны следовать караваны. Так, ниже Леха, форт Калей командует деревянным мостом, перекинутым через ущелье Инда, который в этом месте имеет только 30 метров (14 сажен) ширины. В 30 километрах к югу от Леха, в одной долине, среди гор, находится самый большой в том краю монастырь, где живут около восьмисот лам и монахинь; везде встречаются буддийские памятники и во многих местах на стенах скал иссечены гигантские фигуры Шакиа-Муни[1].

На северо-западе от Леха, Скарду (Искардо), столица Балтистана, которую жители соседних стран знают под именем Балора или Палора[2], не заслуживает даже названия города; это просто группа маленьких селений, расположенная на высоте (средней) 2.267 метров, в каменистой равнине, перерезанной ирригационными каналами, которые проведены из Инда и окаймлены по сторонам фруктовыми садами. Две скалы, высотою около 300 метров, отшлифованные древними ледяными потоками, высятся одна против другой по обе стороны реки, и на одной из них расположены недавно возведенные укрепления, на другой видны развалины старой цитадели. Почти все дома здесь с плоскими крышами и имеют на террасе маленькое строение из глины, смешанной с соломой, которое служит летним жилищем: на этих крышах сушатся на солнце абрикосы,—плоды, составляющие богатство страны, и от которых она даже получила название Сури-Бутан[3], т.е. «абрикосовый Тибет». В торговом отношении местоположение Скарду одно из самых счастливых, и в менее холодном климате оно обеспечивало бы городу значительную важность. Две долины Инда и Шайока (по-туземному Цу-фо, или «мужская река», и Цу-мо, или «женская река») соединяются выше этой страны, тогда как прямо против Скарду открывается плодоносная Шигарская долина, украшенная текущими водами, тенистыми платановыми рощами и видом ледников. Через Скарду проходят многочисленные купеческие караваны; в городе живет много ткачей, переселившихся из Кашмира, которые занимаются тканьем материй из дорогой шерсти, называемой *пашм* и привозимой сюда с тибетских плоскогорий. Золотоискатели находят также в окрестностях самородки золота, преимущественно в песке ледниковых ручьев; у туземцев есть поверье, что золото образовалось от трения ледяных масс о камни[4]. На юго-востоке от Скарду, в долинах притоков Инда, по которым идет дорога из Сринагара в Лех, живописные группы деревень, Каргиль и Драс, тоже имеют некоторую важность, как торговые пункты и места роздыха для караванов. Тропа, спускающаяся с нагорного Балтистана в «золотоносный луг» и в Сринагарскую долину, есть та самая, которая ведет через проход Зоджи, где восседает Сива на своем троне из вечных снегов.

Город Исламабад, «Жилище ислама», был известен у кашмирцев под именем Анат-наг или Анант-наг, т.е. «Озеро змеи бога Вишну», имя, напоминающее древний культ змеи. Это —главный город Восточного Кашмира. Суда, плывущие вверх по Гидаспу, останавливаются в небольшом расстоянии ниже Исламабада, там, где начинаются расходящиеся на подобие веера нагорные долины, по дну которых бегут шумящие потоки, со всех сторон, выше города, вытекают из трещин известняка обильные источники, осененные платанами, отражающие в своих водах храмы или загородные домики и павильоны: один из этих источников, Вернаг, образует маленькое озеро, воспетое поэтами: другой вытекает из «грота Бессмертия». Будучи естественною исходною точкою для купцов, отправляющихся в бассейн верхнего Чинаба, Исламабад имеет некоторую важность как торговый и промышленный город, осо-

1 Bellow, „Kashmir and Kashgar“; A. Cunningham, „Ladak“.
2 Biddulph, „Tribes of the Hindoo-Koosh“.
3 Vigne „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.
4 Biddulph, цитированное сочинение

бенно по производству шафрана, которое достигло довольно значительных размеров. На одной из передних террас, которые доминировали над древним Кашмирским озером, видны издалека развалины Мартандской пагоды, посвященной солнцу и сооруженной, как гласит легенда, сыновьями Панду, героями эпопеи Магабгараты; постройка этого здания, окруженного изящной колоннадой, украшенного фризами и барельефами, относится, очевидно, к



Горный проходъ Зоджи.

той эпохе, когда индусские зодчие стали подражать греческому искусству, которое Селевкиды принесли с собою в страну[1]; это прекраснейший архитектурный памятник Кашмира, один из замечательнейших на всем Востоке, и уединенное положение, которое он занимает на выступе террасы, высоко над Кашмирской равниной, в виду снеговых гор Панджала, придает ему в глазах путешественников еще более величественный вид; ключ, бьющий из

1 A. Cunningham; Vigne; Burgee; Fergusson; Lejean etc

храма, не имеет другого имени, кроме как «Баван», или источник: это родник божественной воды по преимуществу. Спускаясь по течению Джилама, через Биджбагару, бывший главный город долины, встречаем остатки храмов той же эпохи, у деревни Авантипур и в Падрантане, там, где стоял старый Сринагар; в Кашмире насчитывают более 70 религиозных зданий, построенных в том же греко-бактрийском стиле, как и Мартандский храм.

Нынешняя столица Кашмирской равнины, «Град Солнца», унаследовавшая имя разрушенного города, построена на обоих берегах Джилама (довольно быстрого в этой части своего течения), соединенных семью деревянными мостами, у которых каждый устой состоит из стержня камней, удерживаемых положенными одно на другое бревнами. Многочисленные каналы извиваются среди города, и один из них «Яблоновый канал», запертый шлюзами, сообщается с озером, или «даль», которое разветвляется на восточной стороне Сринагара на бухты и проливы, имеющие, средним числом, от 2 до 3 метров глубины. Вереницы барок и лодок, напоминающих гондолы, снуют по всем направлениям среди «индийской Венеции», и на известном расстоянии одна от другой большие лестницы, или гаты, купают свои ступени в водах реки. Хотя окруженный водой, город, однако, весь лежит выше уровня наводнений. Высокие каменные кубы, о которые разбивается сила выступивших из берегов вод, составляют цоколи, на которых поставлены дома, кирпичные и деревянные, обрамленные снаружи стенками из тонких бревен или жердей, которые дрожат во время землетрясений, довольно частых в этой стране, но противостоят им лучше, чем всякая другая постройка[1]. Каждый дом стоит особняком и расположен без правильного плана, либо в соседстве с другими строениями, либо посреди больших деревьев. Подобно тому, как было прежде в городах Грузии, в Сринагаре на большей части домов кровли покрыты дерном, который весной бывает усеян цветами; с вершины холма Гари (Гарп-Парбат), господствующего над городом с восточной стороны, Сринагар похож на громадный висячий сад, раскинувшийся на необозримое пространство. Сринагар, самый многолюдный город гималайских областей, богат храмами и дворцами. В настоящее время этот «Город Солнца» служит летнею резиденциею кашмирского магараджи; но он часто бывал и столицей государства, со времени его основания в начале шестого столетия христианской эры. Один из «Великих Моголов», Иегангир, построил там, для своего летнего пребывания, дворцы, которые и теперь еще, благодаря обилию текучих вод, фонтанов и густой тени, даваемой развесистыми чинарами, по справедливости считаются одним из чудес «Долины роз». На юго-востоке, между нынешним Сринагаром и Падрантаном, старой столицей, высится «Трон Соломона» (Тахт-и-Сулейман), на вершине которого видны остатки древнейшего храма Кашмира, построенного, как говорят живущие в этой долине браманы, в течение третьего столетия до Рождества Христова. С этой трапповой горы картина Кашмирской равнины, с её сверкающими водами, её широкими аллеями, обсаженными большими, тенистыми деревьями, её дворцами и храмами, представляется во всей красе и великолепии.

Сринагар—промышленный город. Окрестные поля утилизируются до последнего комка земли, а огородники придумали даже устраивать на озере пловучие сады и огороды, длинные плоты из корней водяных растений, связанных пучками и покрытых землей, на которой разводят, главным образом, дыни и огурцы[2]; средняя цена этих пловучих камышевых цыновок, пригвожденных к дну озера с помощью свай, от 2 до 3 франков за площадку в 10 метров (14 аршин) длины, при 2 или 3 метрах ширины. Корни ненуфара (кувшинчики) и семена водяного каштана (trapa bispinosa), размолотые в муку, служат хлебом для большей части народонаселения. И теперь еще главную мануфактурную промышленность Сринагара составляет выделка шалей, которые ткут из козьего пуха (пишма, пашмина или пашм), привозимого из Ладака, Тибета и китайского Туркестана. Тысячи несчастных, поденная плата которых не превышает, средним числом, 15 сантимов, трудятся в грязных мастерских над тканьем тех узких полосок шерсти, из которых выделываются великолепные кашмирские

1 Frederic Drew, цитированное сочинение.

2 Bernier; Vigne; Hugel; Lejean; Wilson etc

шали, так высоко ценимые в Европе и особенно во Франции; еще недавно четыре пятых этих индийских тканей продавались в Париже, но конкурренция некоторых мануфактурных городов Пятиречья, с которою теперь приходится бороться сринагарцам, и в особенности изменчивость моды на Западе, сильно повредили кашмирской промышленности, и в последнее время город много потерял в этом отношении. В период с 1860 до 1870 года ежегодная ценность шалей, выделываемых в Сринагаре, простиралась до 3.250.000 франк., и из этого количества вывозилось в Европу на сумму 2.250.000 франк. В Сринагаре есть, кроме того, шелкопрядильни, фабрики филигранов (плетеная золотая и серебряная работа), мастерские разрисованных изделий из папье-маше и много других промышленных заведений, где занимаются фабрикацией предметов, требующих ловкости в ручной работе и вкуса в выборе красок и оттенков. Торговля Сринагара, хотя пришедшая в упадок сравнительно с прежним временем, все еще значительна; но, невзирая на законы и их запреты, одну из «статей» экспорта до сих пор составляют девочки, увозимые контрабандным путем с самой нежной юности в большие города Северного Индустана. На западе равнины два города служат местами роздыха купцам, отправляющимся из Сринагара в Пенджаб: Сопур, «Золотой город», где оканчивается канал, огибающий на юге болотистые берега озера Валар, и Барамула, лежащий у входа в ущелья, которыми Гидасп уходит из гор; над этим последним городом еще видны развалины буддийской ступы.

В гористой области южного Кашмира и Газары, где поселились народности индусского происхождения, находятся многие города, важные по своему положению на исторических дорогах, но между этими городами мало таких, которые имели бы значительное число жителей. Музафарабад, крепость которого господствует над слиянием Джилама и Кишан-ганги, расположен у выхода главной дороги Кашмира из Барамульских ущелий и имеет удобное сообщение с Аттоком и Пешавером. Мари, на английской территории Газара, и у горы, от которой он получил свое имя, есть один из тех летних, или «санитарных» городов, которые англичане построили на предгорьях Гималаев; его дома, отели, казармы рассеяны на железняковом хребте, поднимающемся до 2.200 метров средней высоты. Абботтабад, далее на западе, недалеко от границы, важен только как военная станция; расположенные в нем полки должны наблюдать за «непокорными» племенами Ягестана, живущими на западе в долинах притоков Инда. Военный пост находился прежде южнее, в Гарипуре, городе, лежащем уже в равнине, вне области Гималайских гор; неподалеку оттуда стоит Торбела, при выходе из теснин Инда. Самое дикое место ущелья сохраняло турецкое имя Дербенд, или «Ворота».

Панч или Понч (Punch), лежащий на высоте 1.000 метров (3.280 футов), в прекрасной равнине, при слиянии двух горных потоков, воды которых бегут на юг к Гидаспу, есть на юго-западе наиболее выдвинутый, ближайший к границе город Кашмирского государства; он ведет торговлю с Сринагаром через перевалы Пир-Панджал и Ратан-Пир. Мирпур, в области невысоких холмов, лежит в соседстве с важной станцией Джилам, на пенджабской железной дороге; его негоцианты монополизировали отпускную торговлю хлебом, производимым этою областью. Бимбар был исходным пунктом Великих Моголов на кашмирской дороге, и каждый этап этого пути сохранил дворец, где государи отдыхали во время проезда; и теперь еще магараджи Кашмира оставили за собою исключительное право пользования этой дорогой, и европейцы не могут ездить по ней; им предоставлены четыре другие пути. Из всех мест роздыха на старой императорской дороге самое многолюдное—город Раджаори, переименованный нынешними государями в Рампур. В этой стране, которая так часто меняла властителей, нет почти ни одного холма, на вершине которого не стоял бы какой-нибудь крепкий замок, напоминающий феодальные твердыни Запада. Большинство этих крепостей имеет еще гарнизон, состоящий теперь из догров, в одно и то же время жандармов и таможенных стражников, которые ходят патрулем по тропинкам окрестных гор.

Город Ахнур имеет стратегическое значение, как страж Чинаба, и его крепость, защищающая вход этой реки в равнины Пенджаба, есть одно из самых обширных и самых сильных укреплений этой страны. У подножия её зубчатых бастионов быстрая река несет весной

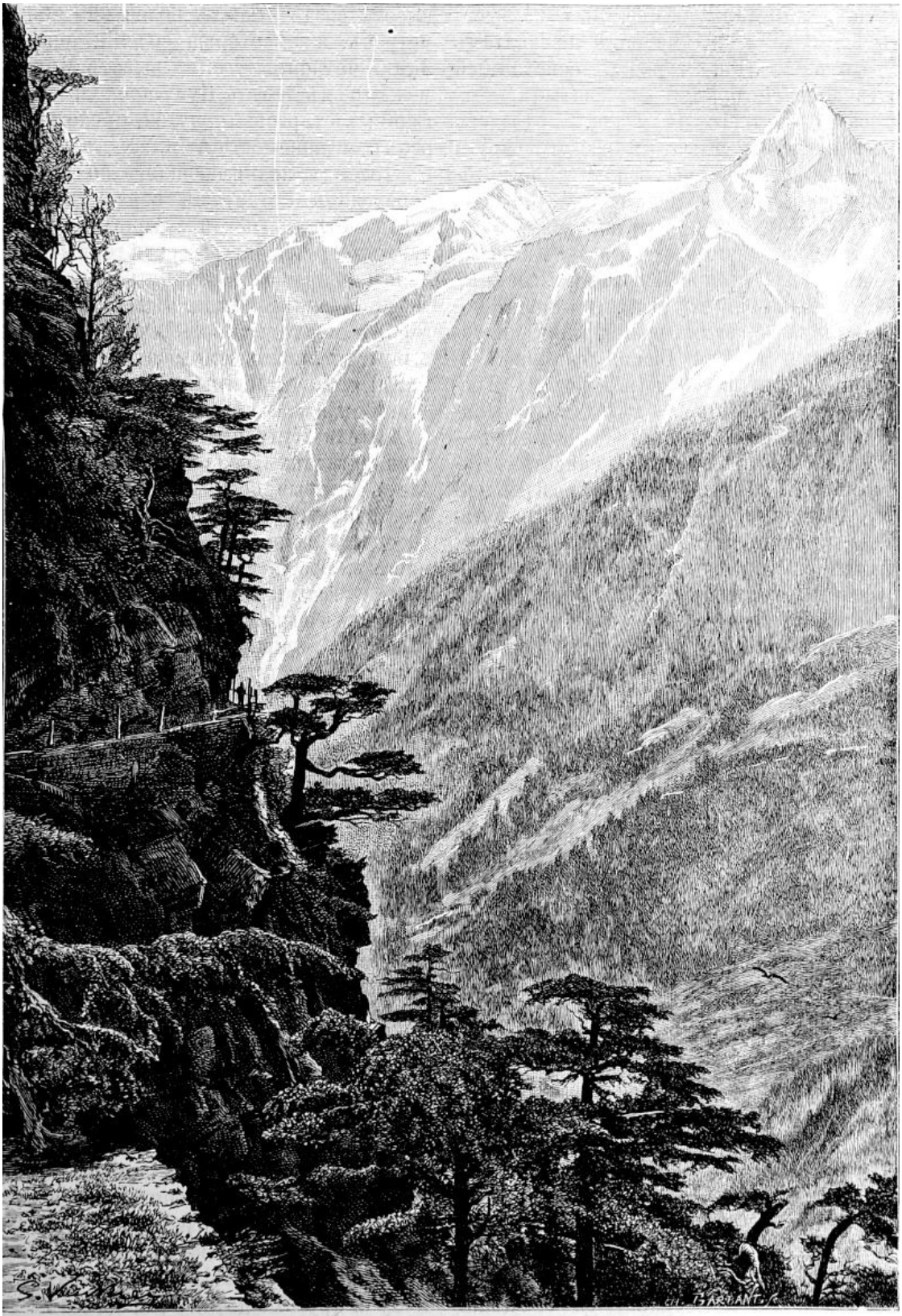
множество бревен гималайского кедра и сосны, сбрасываемых лесорубами в водопады верхнего течения. В сезон сплавки почти все жители Риасси, Ахнура и соседних деревень, выше и ниже по реке, только тем и занимаются, что ходят на реку ловить сплавляемый лес и связывать его в плоты. Здешний дебаркадер не нуждается в лодке или пароме; опираясь на сарну (надутый воздухом мех из козьей кожи или бурдюк, которого задния лапы связаны в форме ушка, куда можно просовывать ноги), он скользит по воде, ударяя по ней руками, и, подталкиваемый течением, снует беспрестанно взад и вперед, таская на буксире стволы деревьев.

Джамму, оффициальная столица владений «великого короля» (магараджи) кашмирского, не может сравниться с Сринагаром ни по красоте местоположения и приятности климата, ни по промышленной деятельности, ни по числу жителей; он даже не занимает в государстве центрального положения, приличествующего резиденциям правительства. Джамму находится на крайней южной границе подвластной ему территории. Продавая Кашмир Гулаб-Сингу за 18.750.005 франк., ост-индская компания была рада удержать своего союзника в непосредственном соседстве с английскими укрепленными лагерями Пятиречья; магараджа пользуется царскою властью в своей земле, но он постоянно видит на южной стороне горизонта столбы пыли, поднимаемой марширующими британскими полками. Расположенный на последней гряде холмов, на самом рубеже равнины, Джамму построен в 60 или 80 метрах от горного потока Тави, извивающагося к востоку от города по каменистому полю; с северной стороны он ограничен горным цирком, над которым господствуют три остроконечные вершины Трекотты, «трезубца бога Сивы»[1]; лес акаций и густых джунглей, в которых водится много дичи, защищенной от браконьеров строгими законами, окружает холм Джамму и окаймляет берега речки Тави. Благодаря своим высоким дворцам и храмам с позолоченными крышами, город виден с далекого расстояния, но путешественники редко заглядывают туда. Джамму лежит в стороне от торговых путей, и жизнь в нем, под сению пышных дворцов, местопребывания утопающих в роскоши раджей, очень дорога. Кроме того, город не имеет другой воды для питья и варки, кроме воды из цистерн; впрочем, канал, отведенный из Чинаба, должен в близком будущем приносить ему в изобилии чистую воду этой реки. Теперь Джамму соединен с сетью железных дорог Индии.

Из других городов юго-восточной части королевства ни один не имеет сколько-нибудь важного значения по численности населения. Рамнагар, на верховьях Тави,—бывшая столица, некогда цветущий город, ныне пришедший в упадок; Басоли, на правом берегу реки Рави, при выходе её долины из гор,—тоже развенчанный город, и рыжия обезьяны, обитательницы соседнего священного леса, смело прыгают и резвятся на самых колоннадах опустошенного дворца раджей. Только одно место в том краю кишит, раз в год, пришлым народом: это, на севере от города Джамму, святыня Пармандаль, куда верующие стекаются толпами смывать свои грехи в водах, которые бьют ключем у основания песчаниковых скал. Часто вода, слишком низкая, не выступает на поверхность, и тогда странники должны рыть землю, чтобы увидеть, как просачивается спасительная влага, почитаемая почти столь же святою, как и вода в Гардваре, у «ворот» Ганга. В области гор, через которую протекает на северо-восток верхний Чинаб, самый оживленный город—Бхадарвах или Брадавар, «Твердыня Будды», дома которого, построенные из гималайского кедра, живописно расположены среди фруктовых деревьев и чинаров, на берегу реки. Брадавар лежит на высоте около 1.650 метров; офицеры из племени гурка, служащие в английских полках, приезжают туда с семействами подышать воздухом, таким же чистым, как воздух их долин в Непале. Киштвар, или, как его называют кашмирцы, Картавар. лежащий на такой же высоте, как Бхадарвах, в цветущей равнине, окруженной со всех сторон амфитеатром высоких, покрытых лесами и снегом, гор, считается главным городом долины Чинаба, который описывает в этом месте один из самых крутых своих поворотов; но в действительности эта деревня обяза-

1 Goblet d'Alviella, „Inde et Himalaya".

на своим важным значением лишь соединению троп, которые спускаются сюда из Лагула, из Вардванской долины и из Кашмирской равнины. Из Киштвара видна на юго-западе, по другую сторону ущелья в 400 метров (187 сажен) глубины, расселина скалы, откуда низвер-



Дорога изъ Тибета долиною Сетледжа.

гается поток последовательными прыжками с общей высоты 760 метров (почти 355 сажен); это—самый высокий водопад, известный в Гималайских горах. Из города, с расстояния 3 километров, слышен рев падающей воды, и по утрам, когда взойдет солнце, видны брызги,

блистающие всеми цветами радуги; это, говорят горцы, «поясы волшебниц, купающихся в струях потока».

Главные города Кашмирского королевства и Газары, с приблизительной цифрой населения:

Сринагар (1891 г.)—118.960 жит.; Джамму—20.000 жит.; Мирпур—10.000 жит.; Мари—9.400 жит.; Исламабад—5.650 жит.;. Барамула—4.500 жит.; Бхадарвах—3.000 ж.;. Лех (Ле)—4.000 жит.

Государство Чамба, которое обнимает область гор, лежащих к востоку от округов Джамму и Киштвар, в верхней долине реки Рави и в части долины Чинаба, или Чандра-Баги, не отличается от страны пагари, или горцев, по происхождению своих жителей; население его также состоит из индусов раджпутов, земледельцев такаров, пастухов-кочевников гуджаров и гадди; число прокаженных, относительно, весьма значительно в земле Чамба. Со времени заключения трактата 1846 года, территория эта тоже составляла часть владений магараджи Кашмирского, но вскоре после того она была взята у него обратно ост-индской компанией и передана другому государю, имеющему лишь тень власти. Главный город этого маленького государства носит то же название, как и вся страна; он построен на берегах реки Рави, на высоте 924 метров, и жары в нем бывают почти такия же сильные, как и в соседней равнине; но английское правительство основало на юго-западе, на одном из выступов последней Гималайской цепи, дачный город для своих чиновников и военных, названный Дальгузи (по имени бывшего вице-короля Индии, маркиза Дальгузи). С этой обсерватории, лежащей на высоте 2.243 метров, взорам открывается великолепная панорама, обнимающая прекрасную долину реки Рави, горы Кангра, с темными, поросшими сосновым лесом склонами и белеющими от снега вершинами, и равнину, серую или зеленеющую, смотря по времени года, простирающуюся далеко по направлению к Амрицару и Лагору. На юго-востоке, на одном из отрогов Даола-Дара, или «Белой Горы», расположены загородные дома Дармсалы, рассеянные, на высоте от 1.350 до 1.950 метров по скатам горы. Этот летний город, основанный на месте древней браманской святыни,—откуда и самое имя его Дармсала,—сделался главным пунктом всего Кангрского округа и многочисленных чайных плантаций, которыми покрыты все обращенные на полдень склоны гор. Из этих двух городов, Дальгузи и Дармсала, служащих в одно и то же время дачными местопребываниями и военными наблюдательными постами, англичане господствуют над двумя важнейшими индусскими городами долины Биаса: на западе—над пришедшим в упадок городом Нурпур («Город Света»), некогда населенным кашмирскими ткачами[1], и на юге—над городом Кангрой (в древности—Нагаркот), храм которого, дважды разграбленный мусульманами, все еще один из богатейших храмов Индии. Некоторые из окрестных скал увенчаны крепостями грандиозного вида, которые считались неприступными до недавних преобразований и усовершенствований в искусстве осадной войны. Расположенный у входа в долину Кангра, город Патанкот соединен железной дорогой с городом Амрицаром.

Верхняя долина Биаса образует округ Кулу, состоящий под непосредственным управлением англичан, тогда как область невысоких гор и внешних холмов, перед входом реки в область Кангра, занята медиатизированными государствами Манди и Сукет и другими маленькими княжествами, раджи которых пользуются фиктивною независимостью. Имя Кулу, сокращенное из Кулу-Пит, значит «Конец Света»[2], хотя за ним находятся еще более возвышенные страны, Лагул, Спити, и хотя далее, за этими областями, тянутся необитаемые пространства Хачи. Но уже Кулу должно казаться индусам равнины землей, не имеющей выхода, концом мира. На севере, цепь гор Ротанг, составляющая продолжение собственно Гималайского хребта, поднимается своими вершинами до высоты 5.500 метров; на западе, горы Бара-Бангахал, с которых спускается несколько ледников в верхнюю долину Рави, достига-

1 Vigne, „Travels in Kashmir, Ladak, Iskardo“.

2 Harcourt, „Journal of the Geographical Society of London“, 1871.

ют такой же высоты и соединяются с цепью Даоло-Дар, вершины которой превышают еще 3.300 метров. Другие горы ограничивают страну с восточной стороны, и многочисленные отроги делят ее на целую сеть узких долин, трудно доступных, но представляющих грандиознейшие виды: только двадцать пятая часть страны могла быть приспособлена для целей земледелия; в среднем, высота возделанных полей не менее 1.500 метров, а некоторые селения лежат выше 3.300 метров, т.е. на высоте Маладетты. А между тем через Кулу проходит один из главных торговых путей, проложенных через возвышенности Азии. Дорога из Амрицара в Ярканд, поднимающаяся по долине Биаса, переходит Ротангский перевал на высоте 4.114 метров (почти 4 версты), затем пересекает землю Лагул среди горных обвалов и льдов, чтобы достигнуть одного из притоков верхнего Инда, реки Занскар, через горный проход Бара-Лача. В 1863 году, горцы, в числе семидесяти двух человек, застигнутые страшным бураном на Ротангском перевале, были погребены в снегах.

Жители Кулу принадлежат, как и обитатели соседних областей, к различным расам, которые последовательно поселились в этой стране. Кулусы, судя по тем субъектам, которых случалось наблюдать путешественникам, вообще малорослы, очень длинноголовы, с гладкими скулами, но с выдающимися скуловыми выпуклинами: это индусы раджпуты и пагари (горцы), но между ними встречаются также индивидуумы очень смуглого типа, вероятно, остаток более древних племен. Господствующие наречия края—пагари, а у самого образованного класса—индустани; кроме того, в языке кулусов есть некоторое количество тибетских слов, которые либо составляют наследие первобытного населения страны, либо занесены торговцами, странствующими из долины в долину. Старинные нравы и обычаи всего лучше сохранились в Сиорадже, полуденной области Кулу, мало посещаемой чужеземцами; полиандрический брак существует там до сих пор, как и в Тибете; несколько мужчин, обыкновенно родные братья, не желающие делить отцовское наследство, вступают в супружество с одной женщиной, и все их сбережения идут на покупку ей перстней, браслетов, ожерельев, серег и драгоценных украшений из золота и серебра; между этими украшениями нередко можно встретить изделия замечательно искусной работы[1]. Художественные произведения искусства встречаются еще в большом числе, кроме дворцов и храмов, в домах поселян области Кулу и других долин западного Гималая. У многих хозяек на берегах Биаса, Чинаба, Гидаспа котлами и кувшинами для воды служат медные вазы с великолепными украшениями и покрытые персидскими надписями—произведения искусства, насчитывающие от двухсот до трехсот лет существования и отличающиеся такою тонкою, изящною работою, что в настоящее время ничего подобного не может быть сделано в стране[2].

Оффициально религия жителей Кулу примыкает к браманским культам, но в стране не встретишь ни одного храма индусского основания, который, по времени постройки, предшествовал бы восемнадцатому столетию. Древние святилища все напоминают формой буддийские храмы Тибета, и в преддвериях большинства их и теперь еще можно увидеть длинные шесты с хоругвями, в роде тех, какие развеваются на святых местах бодской страны. Культ змеи тоже не совсем еще исчез. В действительности, каждая деревня сохранила свое местное божество, украшенное каким-нибудь индусским именем, принесенным раджпутами; обитатели земли Кулу обожают еще «бога-чорта» под видом кресла[3]. Горячие ключи, довольно многочисленные в том краю, тоже составляют предмет благоговейного почитания, и туземцы ходят, в качестве пилигримов, купаться в их священных водах. Теперь новые перемены вносятся в жизнь кулусов под влиянием других этнических элементов. Английские спекулянты уже проникли в нижнюю долину, чтобы завести там, как в Кангре, плантации чайного дерева, и кое-где видны уже дома англо-индусской конструкции, рядом с туземными хижинами, построенными из чередующихся слоев дерева и камня и с крышами в виде навеса.

Прежний главный город земли Кулу, который еще носит имя Нагар, или «Город»,—про-

1 Calvert, „Kulu, The Silver Country and Vaziri rupi“.

2 De-Ujfalvy, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1881; „Nature“, 6 мая 1882.

3 Calvert, цитированный мемуар.

стая деревня. Нынешняя столица страны, Султанпур, лежащая ниже Нагара, но все еще на высоте более 1.200 метров, на правом берегу Биаса и при устье другого ручья, хотя она немного побольше старой, тоже представляет незначительное местечко, с тесно скученными домами, заключенными в узкой ограде городских стен. Муловая дорога, недавно проложенная, поднимается из Султанпура на запад и проходит через «Белую Гору» на перевале Бабба (3.150 метров), затем спускается в вассальное государство Манди, значительно сокращая путь, так как иначе нужно бы было делать длинный обход долиной Биаса. Главный город этого заключенного между другими владениями княжества, также носящий имя Манди, или «Рынок», больше и имеет более новый вид, чем Султанпур; в нем есть даже висячий мост на Биасе и колесные дороги, правильно проложенные. В соседстве находятся железные рудники, а также соляные копи, открытые в скалах Подгималая. Цепь, ограничивающая на западе долины Манди и Сукета, отделяя их от области невысоких холмов, есть знаменитый хребет, известный под именем Сикандар-ка-дхар, или «Горы Александра»; на этих горах видны какие-то развалины, в которых Винь, как он полагает, отыскал следы алтарей, воздвигнутых Александром Македонским своей славе, когда он предпринял обратный путь на запад. Неподалеку от этих холмов, на берегах Биаса из расселины скал выходит пламя, и пары, вылетающие густыми клубами, образуют маленькое озеро минеральной воды. Около пятидесяти тысяч пилигримов стекаются сюда ежегодно, чтобы очиститься в священной воде Джаваламуки, или «Огня-бога»[1].

На восток от Кулу и Спити, бассейн Сетледжа, между тибетскою территорией и низменною равниной, занят многочисленными маленькими государствами, впрочем, лишенными всякой политической самостоятельности. Самое важное из этих государств—Башахр (Бусса-гир), простирающийся по обоим скатам реки, от теснин внешнего Гималая до границ Китая; раджпутский раджа, который им управляет, под надзором английского резидента, насчитывает в своей генеалогии 120 предшественников. Все его царство заключается в узком овраге, к которому сходятся другие расселины, между прочим, лощины Спити, и несколько широких тенистых долин, как, например, долина реки Баспы. В этом узком, длинном корридоре, который тянется на 200 километров, не считая извилин, можно наблюдать всевозможные климаты; тогда как последние населенные места, соседния с Тибетом, окружены тощим кустарником, не боящимся холода, Чини, около середины долины, на высоте 2.700 метров, имеет виноградники, производящие отличный виноград, из которого выделывают вина, очень богатые содержанием алкоголя; наконец, около 1.500 метров высоты растет уже фиговое дерево, баниан, появляются многие виды растений, свойственные тропической флоре. Но во всех этажах этой долины дыхание затруднительно; воздух недостаточно обновляется ветрами; летом жара, усиливаемая отражением лучей солнца от голых скал, решительно невыносима. Истребление лесов на склонах гор имело следствием ухудшение местного климата: перемены температур, крайности тепла и холода сделались более резкими, и боковые террасы, на которых находятся деревни и пашни или сады, не представляют уже такого же сопротивления ливням; они быстро размываются дождевыми потоками, покрываются рытвинами, растительная земля уменьшается, а вместе с тем уменьшается, понятно, и население.

Что касается жителей, наречий, культов, то и в этом отношении замечаются, сверху вниз долины, переходы, подобные тем, какие представляет климат. В верхней области живут населения тибетского происхождения, говорящие тибетским языком и исповедующие буддийскую религию; в нижнюю часть, напротив, проникли индусы, идиом которых происходит от «арийскаго» корня, и которые по вероисповеданию тоже походят на обитателей берегов Ганга. Можно сказать, что долина Сетледжа есть не что иное, как поперечная расселина, идущая от Индустана к Тибету, и британское правительство занимается теперь обращением этой трещины в торговый тракт. Раджи долины должны были отказаться от права взимания транзитных пошлин с провозимых товаров, и от английской станции Симла, находящейся на раздельном хребте между бассейном Сетледжа и бассейном Джамны, проводится большая

1 Carl von Hugel, „Kashmir und das Reich der Seik“.

дорога, которая извилистой линией огибает бока гор на половине высоты, чтобы подняться постепенно до самых границ Тибета; уже в 1876 году этот новый путь, где путешественники находят, на известном расстоянии одна от другой, хорошо содержимые гостиницы, был построен на протяжении 252 километров[1]. Рано или поздно он достигнет Лассы, столицы Тибета. Без всякого сомнения, современем от этой дороги будет проведена также ветвь вверх по долине Пары, на север от Лео-Поргиала, поднимающаяся к плоскогорью Рупшу, по направлению к верхнему Инду, Панконгу и Каракоруму; это—будущая дорога центральной Азии. Почти никаких препятствий не представляется на этом естественном пути, который всегда избирают перелетные птицы, отправляясь с равнин Индустана в китайский Туркестан[2]. Тем не менее, единственные вьючные животные, употребляемые ныне в верхней долине Сетледжа,—овцы, которые, после стрижки их на рампурском рынке, возвращаются в Тибет нагруженными хлебом[3].

В верхней долине Сетледжа нет ни одного города, есть только деревни или поселки. То же самое нужно сказать о долине его притока Спити. Главный пункт этой гималайской провинции, Данкар, или, вернее, Дранхар, «Холодный форт», вполне заслуживает свое название: это орлиное гнездо, свитое на вершине скалы, на высоте 300 метров над речкой Спити, на высоте 3.894 метров над уровнем моря. Но в нижней части долины Сетледжа, Рампур, «город Рамы», который, ради его титула столицы государства, можно, пожалуй, причислить к городам, имеет довольно важное значение, как очень оживленный и посещаемый приезжими купцами рынок, особенно для покупки шерсти, привозимой из Тибета. Биласпур, столица другого туземного княжества, лежащий уже у входа в равнину, на 500 метров ниже Рампура и на высоте 446 метров над уровнем океана,—тоже торговый город. В 1762 году Сетледж, задержанный обвалом скал в ущельях, находящихся к северу от Симлы, совершенно перестал течь. Выше этой запруды образовалось озеро, глубиной до 120 метров (56 сажен), воды которого текли обратно почти до самого Рампура. После сорокадневного перерыва, река вдруг опять появилась в виде чудовищной волны, вздымавшейся слишком на 30 метров (14 сажен); она смыла до основания город Биласпур и ниже, в Пенджабе, изменила весь гидрографический порядок равнины.

Главные города Западного Гималая, от реки Рави до Сетледжа: Нурпур—7.150 жит.; Кангра—6.350 жит.; Чамба—5.000 жит.; Биласпур—4.900 жит.; Дармсала—2.860 жит.; Дальгузи—2.000 жит.

III. Центральный Гималай

Покатость Джамны и Ганга, Симла, Гарваль, Кумаон, Непал.

На восток от Инда и Сетледжа, которые перерезывают насквозь Гималайскую систему и тем самым позволили раджпуским завоевателям, так сказать, зайти в тыл горам, чтобы овладеть Западным Тибетом, верхния долины Джамны и различных ганг, соединяющихся в течении Ганга, дают доступ только до Загималайского хребта. В самом деле, эта именно раздельная линия служила политической границей индусским государствам, затем общей наследнице всех этих государств, Индо-британской империи. Даже далее на востоке, южный скат Загималайского хребта не весь принадлежит индийскому государству Непал; Китайская империя, представляемая гарнизонами, частью тибетскими, распространила с этой стороны свое господство до гор собственного Гималая, и таким образом владеет истоками и верховьями многих рек, спускающихся, через Коси, к Гангу и Бенгальскому заливу. Тем не менее, однако, естественная, область гангесской покатости Гималая имеет довольно точные

1 Andrew Wilson, „The Abode of Snow“.
2 Hunter, „Gazetteer of India“.
3 Stoliczka, „Mittheilungen von Petermann“, 1870 № 1.

границы в политическом отношении; около трех четвертей этой полосы земли составляет даже отдельное государство, Непал, связанное с Англо-индийскою империей только дипломатической фикцией. Наибольшая часть этой Гималайской покатости необитаема; на севере —снега и ледники, на юге—болотистые леса области терай задерживают распространение поселений, и от одного пояса до другого поперечные отроги и хребты, параллельные Гималаю, образуют целый лабиринт скал и высоких склонов, где невозможна никакая культура. Сравнительно с незначительным протяжением земель, которые человек может утилизировать вдоль рек и на первых террасах гор, этот край населен довольно густо, по крайней мере в английских округах, ибо относительно Непала не существует никакой статистики, и хотя различные писатели определяют население этой страны от двух до пяти миллионов душ, но это исчисление совершенно гадательное, сделанное без всяких точных данных.

Пространство и население индийской покатости центральнаго Гималая:

	Пространство. Квадр. килом.	Население, душ	На 1 кв. километр. жителей
Округ Симла	47	34.000	721
Гарваль, вассальн. государство (1891 г.)	10.826	199.840	19
Кумаон и Гарваль, подвластные англичанам (1891 г.)	29.784	29.784	32
Непал	154.000	3.000.000 (?)	19

Город Симла, окруженный десятками двумя маленьких индусских княжеств, сохранивших еще кое-какие формы независимости, и границы которых более перепутаны, чем границы бывших государств «Германского Союза», занимает отдельную область между западными и центральными провинциями Гималая. Основан он недавно, но выгоды его местоположения и каприз одного вице-короля Индии сделали из него летнюю столицу для всей империи: как только наступает сезон жаров, дороги, ведущие из равнины к Симле, покрываются обозами и экипажами, перевозящими в «дачный город» высших калькуттских сановников, за которыми следует большинство их чиновников; некоторые из главных государственных учреждений ежегодно переселяются из одной столицы в другую. Естественно, что англичане, столь удаленные от своего отечества, должны были искать в Индустане мест, напоминающих их родной климат; им нужны были, на передовых выступах Гималая, местности, где они могли бы восстановлять крепость и гибкость мускулов, утраченную в знойных равнинах Инда и Ганга. Вследствие этого, целый кордон новых городов, составляющих нечто в роде индийской Англии, вытянулся на гималайских предгорьях, на высоте, средним числом, около 2.000 метров; нигде овладение землей, сделанное западными завоевателями, не совершается более разительным образом, как в этих городах, столь мало похожих внешним видом на города, которых зубчатые стены и блистающие на солнце храмы виднеются далеко в равнине. Самый большой из всех этих английских городов, Симла, есть, вместе с тем, самый важный по своему географическому положению: это не только место дачной жизни, город отдохновения и увеселений, как можно бы подумать, присутствуя на его балах и гуляньях или на его дарбарах, где представляются раджи десятками. Возвышаясь на горном хребте между Сетледжем и одним из притоков Джамны, он стоит как раз в вершине треугольника, образуемого двумя бассейнами Инда и Ганга; он наблюдает за единственным относительно легким входом из Тибета и Китайской империи; наконец, он расположен между двумя большими государствами, Кашмиром и Непалом, и посредством многочисленных военных лагерей, рассеянных на холмах и в соседней равнине, держит в повиновении населения, некогда столь воинственные, сейхов и раджпутов.

Первый английский дом появился в 1819 году на гребне Симла, открытом, так сказать, за два года перед тем братьями Жерар, но этот новый поселок получил свое настоящее имя только в 1826 году; когда Жакмон посетил его в 1831 году, там насчитывалось не более шестидесяти домов. Только в 1864 году Симла возвысился на степень второй столицы Индустана. Построенный на вершине и по скатам холма в форме полумесяца, развертывающагося с запада на восток, он раскинул свои отели, дворцы, виллы и дачи на пространстве около 10 километров, и оканчивается на восточной стороне округленною горою Джако, покрытою бо-

гатою растительностью, деодарами, дубами и рододендронами; город сделался уже так обширен и многолюден, что местные источники оказываются недостаточными для снабжения его водой, и до сих пор еще не провели из какого-нибудь гималайского потока отводного канала, который наполнил бы городские резервуары. К югу от этой летней столицы, защищенной с западной стороны батареями Джатока, множество других «санаторий», или дачных городов, лепятся один над другим по скатам или приютились на вершинах холмов. Субату, Касаоли, Дагшай, Калка—преимущественно военные посты, обороняющие издали симленскую позицию; но вся гористая область, над которой на востоке господствует пирамидальная вершина Чаура, обросшая густым лесом, образует почти уединенный массив между Сиваликом и Гималаем; с каждой верхушки перед взорами путешественника развертывается грандиозная панорама обширных лесов и снегов, от Гарваля до величественных гор, где зарождаются первые воды реки Джамны.

Эта область истоков есть одна из священных местностей индусской мифологии; там высятся, известные теперь под другими именами, многие из гор, прославленных древними поэтами. Группа Джамнотри, откуда вытекают верхние потоки священной реки, не достигает, однако, высоты вершин главного гребня; Бандерпунч и Саргаройн, две самые высокие вершины этого массива, не превышают 6.250 метров, и с боков их не спускается ни одного ледника. Впрочем, Джамна, о которой легенда рассказывает, как о зарождающейся в непосредственном соседстве Ганга, получает свое начало не на скате главного хребта, Загималая; она принадлежит скорее к неправильной гряде гор Гималая в собственном смысле. Если бы имена рекам давали по обилию их вод, то не верхняя Джамна должна была бы сохранить название нижней реки; главная река—это Тонса, которая зарождается на северном скате массива Джамнотри, или Бандерпунч, и которая, описав обширный полукруг в западном направлении, соединяется с Джамной близ входа её в равнины. Если, однако, эта последняя, а не Тонса, сохранила священное имя, то она, вероятно, обязана этим тому обстоятельству, что в небольшом расстоянии от её истоков, на высоте 2.984 метров, из земли бьют горячие ключи, место собрания пилигримов; точно также в европейских Альпах один теплый источник дал свое имя большому потоку, выходящему из Ронского ледника. В маленьком озере, образовавшемся из горячих ключей Джамны, бог-обезьяна Гануман, как гласит легенда, однажды потушил свой загоревшийся хвост; с того времени вода так и осталась горячею; таково происхождение имени горы Бандерпунч, которое буквально значит «Обезьяний хвост». Термальные источники Джамнотри—самые горячие на всем Гималае: температура их 89 градусов стоградусного термометра, менее чем на 2 градуса ниже точки кипения на этой высоте[1].

Население Гарваля состоит почти исключительно из индусов; если и встречаются еще кое-какие тибетские элементы между хасиями, т.е. раджпутами края, утратившими свою касту вследствие смешения рас, то эти черты все более и более сглаживаются, так как часть населения беспрестанно обновляется приходом пилигримов и переселенцев с юга. В былые времена феодальные владетели оспаривали друг у друга обладание долинами. На каждом выступе гор видны еще старинные крепкие замки, или гары, от которых страна и получила свое настоящее имя. При феодальном порядке Гарваль не мог процветать; но жители сделались еще гораздо более несчастными в начале текущего столетия, со времени завоевания края гуркасами из Непала. Истребляемые войной и продаваемые в рабство, хасии уменьшались в числе; теперь население опять возрастает, и земледелие захватывает все большее и большее количество непочатых земель; из году в год пустующие горные пажити и джунгли равнин и полосы терая уменьшаются в протяжении. Но до сих пор нет еще ни одного индусского города в верхней долине Джамны. И здесь также все городские поселения—британского происхождения; это в одно и то же время летние города, санатории, и места стоянки войска, военные лагери, откуда англичане могут удобно надзирать за окрестными населе-

1 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

ниями, пользуясь, вместе с тем, чистым горным воздухом и наслаждаясь великолепием горизонтов.

Один из этих городов, Чакрата, построен на высоте 2.190 метров, на узком плато, господствующем над полукругом долин, который образуют Тонса и Джамна выше их слияния. Другой летний город, важнейший после Симлы во всем центральном Гималае, Массури, протянувшийся в длину на 6 километров, расположен почти на такой же высоте, как Чакрата, на совершенно правильном хребте, у подошвы которого расстилается равнина Дера, или Дерадун. Немного восточнее, на повышении хребта, расположены казармы и госпитали военного поста Ландур, составляющего с Массури один городской округ. На севере, предгорья мешают видеть большую цепь тибетской границы, но дун (продольная долина) Дера, самая широкая, самая правильная во всей Индии, и однообразный горный вал цепи Сивалик, тип других цепей Подгималая (нижнего Гималая), представляют одну из замечательнейших картин: с одной стороны, на западе, видишь ворота Джамны, с другой, на юге—ворота Ганга; обе бреши, размытые течением рек, показываются разом. Между санитарными станциями этих гор город Массури представляет большие преимущества по равномерности температуры и незначительной разнице её между летом и зимой, между днем и ночью; но в период дождей он выставлен всей ярости муссона и испытывает во всей силе приносимые им непогоды; один немецкий путешественник Гюгель, рассказывает, что во время пребывания его в тех местах, в 1835 году, однажды дождь шел 85 дней под-ряд[1]. Оттого многие из английских резидентов предпочли поселиться внизу, в долине Дера, более жаркой, правда, но зато гораздо лучше защищенной от ветров и дождей. Хорошенький городок Дера, или Дехра, лежащий всего только на высоте 700 метров,—не английского основания; он возник в семнадцатом столетии, вокруг храма, построенного одним сейхским проповедником, который приписывал себе способность умирать и воскресать по произволу. Храм этот существует до сих пор; высокий портал и эмальированный купол составляют главную красу этого замечательнейшего здания долины. Английский квартал, расположенный за чертой индусского города, обставлен по бокам казармами, как все другие местопребывания, выбранные европейцами. Здесь же, в Дере, Ост-индское тригонометрическое бюро установило свою главную квартиру, важнейший центр для изучения географии Индустана и Гималайских гор.

Город Дера, хотя лежащий уже на покатости истечения Ганга, находится в очень близком расстоянии от водораздельного хребта или порога долины дун, и воды, поворачивая мало-по-малу свои русла, так чтобы течь параллельно цепи Сивалик, спускаются между лесистых холмов, с одной стороны—к Гангу, с другой—к Джамне. Прекрасная долина с двойным скатом, совершенно отделенная от остального Индустана цепью Сивалик и сообщающаяся с равнинами лишь двумя «воротами» рек и брешами гор, не могла не получить важного значения в индусской мифологии; эпопеи сделали ее местом убежища сыновей Панду; туда же Рама ходил на покаяние; бесчисленные легенды связывают с каждою горкой, с каждым источником, с каждым леском этой долины какое-нибудь воспоминание о боге змей, о Сиве, Индре или других божествах. Здесь же находится один из древнейших памятников Индии, свидетельствующий о святости этого края: это—большой эрратический камень (кварц), лежащий на террасе, господствующей над правым берегом Джамны, недалеко от слияния её с Тонсой. Эта знаменитая скала, известная под названием «камня Кални» (по имени одной соседней деревни), носит на себе изображение слона и скрижали буддийского закона, начертанные по повелению императора Асоки, за 2150 лет до нашей эпохи. Очевидно, место, где Джамна, усиливаемая Тонсой, проникает в долину дун, считалось тогда рубежем Индии. Брешь, гораздо более доступная, через которую Джамна окончательно вступает в равнину, пройдя перед тем дуну и приняв в себя вытекающие из неё воды, кажется, далеко не имела такой важности, как священное место. Там до сих пор видны еще, на берегу реки, которая в этом месте разветвляется вокруг лесистых островов, остатки Бадшах-Магала, загородного охотничьего дворца Великого Могола. В наши дни, как и во времена Акбара и Джехангира,

1 Carl von Hugel, „Kashmir und das Reich dar Seik“.

соседния горы служат убежищем слонам, тиграм, леопардам и другим животным дикой фауны.

Сделавшись одним из центров британского влияния в Индустане, долина Дера-дун снова приобрела, с точки зрения земледелия, ту важность, которую она утратила-было при господстве гуркасов; каналы, перерезывавшие во всех направлениях долину, были восстановлены или заменены другими, джунгли расчищены во второй раз, и под сенью манговых рощ, вокруг которых тем временем успели уже разрости большие пустынные леса, опять появились хижины. В крае были введены некоторые новые культуры, между прочим, разведение чайного дерева, и переселенцы из всех соседних провинций, даже из Афганистана, стекаются на эти плантации. С 1815 года, эпохи изгнания гуркасов, число жителей утроилось, и новые элементы прибавились к прежнему населению, браманскому и раджпутскому. Там и сям встречаются еще кое-какие остатки племен мера и дум, которые, как полагают, и были аборигенами страны. Мера боязливо держатся особняком в глуши лесов близ Ганга, тогда как дум, чернокожие, с курчавыми волосами[1], были распространены во всех частях долины, где они работали, как невольники. Из ненависти к своим бывшим угнетателям, индусам, некоторые из них перешли в магометанскую или в христианскую веру.

Верхний бассейн Ганга, более обширный, чем бассейн Джамны, начинается на тибетской границе, на южном склоне Загималайской цепи; северная ветвь, Бхагирати-ганга, получает даже из Бод-юла (Тибета), через страшные Ниланские ущелья, свой самый значительный приток, Джаневи. Поток, который считают истинною Гангой, или Гангом, хотя он катит не наибольшее количество воды, вытекает на высоте 4.206 метров из-под передней арки ледника, оканчивающагося потрескавшимися стенами, высотой около 100 метров (47 сажен); это и есть тот «рот Коровы», о котором говорят легенды, но которого, быть может, ни один из его обожателей не видел до тех пор, пока Годгсон, в 1817 году, и другие европейские путешественники, взбираясь над пропастями, по глубоким снегам и обвалам, не взошли на самый ледник истока священной реки; там-то и находится первая ступень трона Сивы, ибо пять больших гор, которые ограничивают горизонт на северо-востоке и на востоке, превознесены, в индусской мифологии, над всеми вершинами, как специальный престол Маха-Део, или «Великого Бога». С этих гор, называемых Кайлас или Рудру-Гималах, из которых одна достигает высоты 6.725 метров, спускаются снега в громадный цирк, высовывая в каждую долину ледяной язык и груды обломков. На юге горы еще выше. Гора Кидарнат, или Маханант, вершина которой тоже посвящена богу Сиве, достигает высоты 6.959 метров. Другая вершина, Тарласагар, или гора Моира, уединенная в своем величии, не уступает по высоте предъидущим, и многие другие вершины этой цепи, огибаемой на западе рекой Бхагиратиганга, превышают 6.000 метров (почти 20.000 футов); три последние вершины, окутанные белоснежным покровом, получили название Триканта, или «Триглавая гора». Роберт фон-Шлагинтвейт тщетно пытался перейти цепь Кидарнат, на юге от Ганготри; ледяное море, по которому он пустился, оказалось до такой степени изрезанным широкими и глубокими трещинами, что не было никакой возможности продолжать путь.

Святое место Ганготри, в верхней долине реки Бхагирати-ганга, есть самый высокий пункт, где браманы, поклонники богини, могли поселиться, и хотя никакое пилигримство не считается более достохвальным и богоугодным, однако, сюда всего реже ходят на богомолье; трудности и беспокойства путешествия останавливают главную массу пилигримов на берегах священной реки, у менее возвышенных святынь. В прежнее время верующие, отправлявшиеся в эти святые места, несли знамя Ямы, «ведущее к смерти», и называли сами себя анивартина, т.е. «людьми, которым не суждено вернуться»[2]. В последней части дороги приходится пробираться дикими узкими проходами между гор и влезать на вертикальные стены при помощи шатких лестниц, сделанных из кольев, вбитых в скалу над бегущим внизу по-

1 Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

2 Troyer, „Radjatarangini. История Кашмирских магараджей".

током. Одна из этих лестниц висит на перпендикулярной стене утесов, при слиянии двух рек Бхагирати и Джаневи, которые обе текут в страшных ущельях. Пилигримы, отправляющиеся к святыне Ганготри, должны совершить свои первые омовения в соединенных водах этих двух горных потоков; они получают тут из рук брамана освященный хлеб и бросают в струю течения пучек травы, вероятно, символизирующий их грех[1]. Ниже по течению, каждый этап, каждый источник, каждый выступ горы тоже представляет священное место, где верующие совершают свои приуготовительные обряды и церемонии, прежде чем придти к главному святилищу, к храму на истоках Ганга.

Река Алакнанда, хотя менее священная, нежели Бхагирати-ганга, в мнении индусов, есть, однако, главная ветвь Ганга; она почти вдвое шире[2], и горы, посылающие ей первые её воды, превосходят высотою горы Ганготри. Гора Ибн-Гамин, с снежных боков которой льются направо и налево потоки, образующие реку Алакнанда, вздымает свой верхний купол на высоту 7.781 метра: из всех гор Загималайской цепи это самая высокая, какая до сих пор была измерена; её тибетское имя, которое буквально значит «Великая мать снегов», показывает, что жители Бод-юла не знают ей равных в этой части страны. Индусские брамины посвятили ее одному из своих божеств, как и все другие пики той местности, и вообще дают ей имя Нанда-Парбат, «Гора богини Нанды», тогда как на большей части английских карт она носит название Камет. На западной стороне этой вершины, перевал Ибн-Гамин, который братья Шлагинтвейты, Адольф и Роберт, перешли в 1856 году,—самая высокая из гималайских брешей, переходимых пастухами; высота его 6.236 метров. Даже наиболее посещаемые пороги этой области водораздела, на западе—перевал Мана, или Чирбиттиа-ла, на востоке—перевал Нити, или Чинду, превосходят, каждый, на несколько сот метров, высоту Мон-Блана. Ботии, племя тибетского происхождения, хотя считающие себя индусами и говорящие обоими языками, индусским и тибетским,—единственные посредники между двумя скатами: летом их всегда встретишь целыми партиями на тропинках перевалов, где они гонят перед собою навьюченных баранов. Общее число ботиев определяют, приблизительно, в 3.000 душ.

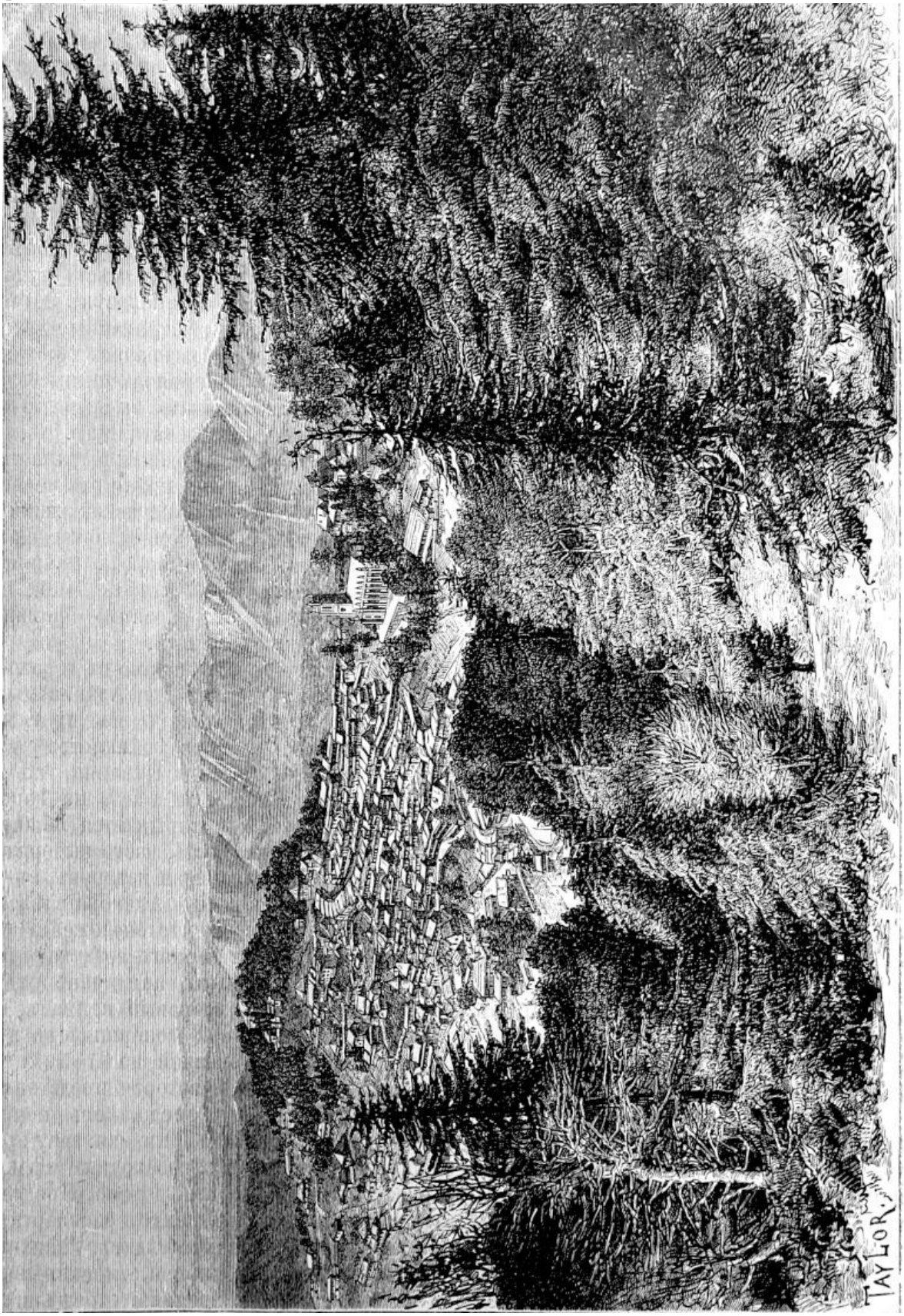
Самый знаменитый и наиболее посещаемый храм во всей области гор Гарваля и Кумаона —Бадринатская пагода, обогащаемая приношениями пилигримов, которые каждый год являются туда десятками тысяч. Через каждые двенадцать лет, когда планета Юпитер вступает в знак Водолея, к этой святыне стекается от сорока до пятидесяти тысяч правоверных индусов, и окружающие ее пастбища, над которыми высится на западе величественная пирамида горы Бадринат, превращаются временно в обширное ярмарочное поле. Игосимат или Джгосимат, Вишнупраяг, на Алакнанде, и Кидарнат, на притоке этой реки,—тоже святые места, куда приходит масса богомольцев, и где живут припеваючи общины браманов, но гражданского населения, сгруппированнаго в значительные городские поселения, в крае почти нет. Единственный город, достойный этого звания, Сринагар, или «Город Солнца», носящий то же имя, как и столица Кашмира, находится недалеко от выхода долины реки Алакнанды; он не имеет титула административного центра Гарваля, каковой титул присвоен деревне Паори, лежащей на юге в местности с более свежим воздухом.

Место слияния Бхагираги и Алакнанды, где две соединившиеся реки принимают общее имя Ганга, не могло, конечно, не сделаться священным в глазах индусов, которые называют его «божественным Слиянием» или Деопрейаг, и воздвигнутый в этом месте храм привлекает много богомольцев. Однако, самая знаменитая, наиболее посещаемая пилигримами, группа святынь находится ниже по течению; это город Гардвар, или Гаридвара. т.е. «ворота Вишну», иначе называемый также «Гара-двара», или «ворота Сивы», ибо сектаторы каждого культа приписывают своему богу главную честь открытия «ворот Ганга». Вероятно, впрочем, что храмы стояли уже в ущельи гораздо ранее той эпохи, когда жители стали поклоняться Сиве и Вишну; многие изваяния, открытые между развалинами Майапура, города, суще-

1 James Baillie Fraser, „Tour of the Himalah Mountains“; Hodgson, „Survey“, 1817; Carl Ritter, „Asien“.

2 R. Strachey, „Journal of the Geographical Society of London“, 1851.

ствовавшего на этом месте до Гардвара, и который был посещен буддийским пилигримом Гиуен-Цангом, очевидно, относятся к временам, предшествовавшим появлению нынешних форм индусских религий. В этом месте своего течения «божественная Ганга» является уже



Симла.

вполне сформированной рекой. По выходе из области гор, в небольшом расстоянии ниже слияния, она прошла через область дунов и приняла в себя с той и другой стороны ручьи, посылаемые ей боковыми долинами; чтобы войти в равнину Индустана, ей остается только

проникнуть в брешь гор, которая, впрочем, имеет несколько верст в ширину, и где река может делиться на извилистые рукава вокруг лесистых островов. В том месте, где долина расширяется в форме воронки со стороны равнины, город раскинул свои храмы вдоль правого берега Ганга, напротив другого священного здания, венчающего холм противоположного берега. На юг тянется красивый квартал Кункуль, принадлежащий богатым негоциантам из всех частей Индии. Обезьяны во множестве прыгают и резвятся на деревьях садов.

Посещения пилигримов начинаются в половине марта и продолжаются почти целый месяц. Первые английские путешественники, Гардвик, Репер и другие, исчисляли постоянно сменяющуюся толпу в храмах Гардвара в два слишком миллиона человек, число, которое Джонсон, в 1827 году, находил еще ниже действительности; в 1867 году лагерь пилигримов занимал пространство в 57 кв. километров. Это объясняется тем, что масса собирающагося здесь народа состоит не только из правоверных, которые приходят за тем, чтобы поцеловать след ноги бога Вишну, выкупаться в священном пруде или в водах Ганга,—она заключает в себе также купцов всех рас и каст, съезжающихся сюда торговать вокруг храмов. Если только прежния исчисления не были лишены всякого серьезного основания, число пилигримов, как приходящих на богомолье, так и являющихся ради торговли, сильно убавилось против прежнего времени, хотя народонаселение Индии постоянно возрастало. Устройство хороших дорог и рельсовых путей сосредоточило движение торгового обмена в больших городах, и религиозный жар ослабел; теперь редко случается, чтобы число посетителей превышало 70.000; только в праздник Водолея, повторяющийся через двенадцать лет, число это бывает значительно больше. Вмешательство английской полиции, принимающей меры к изолированию больных во время эпидемии, к более правильному размещению лагерей пилигримов, к поддержанию порядка среди многочисленной толпы у входов в храмы, тоже не могло не повлиять на уменьшение прилива правоверных. В 1819 году напор массы народа, устремившейся к месту купанья, был так велик, что 430 человек потонули в священных водах, затоптанные другими купающимися. Иногда возгорались ожесточенные побоища между соперничающими сектами; в 1760 году восемнадцать тысяч трупов покрывали землю вокруг святилищ. Но, утратив отчасти свою прежнюю важность, как духовный центр, Гардвар приобрел первостепенное значение в экономической жизни Индустана, в поднятии его земледельческой производительности: у этого города начинается большой ирригационный канал Доаба, отведенный, несмотря на оппозицию браманов, из священных вод Ганга.

Другая ганга берет начало в горах Кумаона, лежащих на юг от Алакнанды: это Рам-ганга, которая течет на протяжении 660 километров и затем соединяется с Гангом в равнине. Столица Кумаона, Альмора, лежит в бассейне этой реки, на горном хребте, с которого открывается обширный вид. Старинная крепость, часто выдерживавшая осады и переходившая из рук в руки во время местных войн, Альмора сделалась, благодаря высоте своего местоположения (1.650 метров) и свежести горного воздуха, одним из городов, которым англичане отдают предпочтение за их здоровый климат. Как санаторий, с Альморой соперничает новый город Ранихет, лежащий на 165 метров выше, на плоскогорье, которое представляет строителям все, чего недостает почти во всех других городах Гималая: воду в изобилии, ровную почву и превосходные строительные материалы, камень и дерево. Предлагали заменить Симлу, как центр расквартирования выздоравливающих солдат, Ранихетом, где воздух здоровее; многие основанные здесь в последнее время военные учреждения уже придают этому городу значение крепости, надзирающей за границей Непала. Но большинство досужих людей, посещающих страну во время летних жаров, следуют за аллахабадским губернатором, который избрал дачной резиденцией более возвышенный город, Найни-таль (1.945 метров), получивший это название от озера, посвященного богине Найни, той же самой, что и Парватти, индийская Венера. В 1815 году в этом месте стоял только один храм, окруженный несколькими лачугами; теперь тут вырос прелестный город, развертывающий свои извилистые улицы в узкой равнине, которая продолжает озеро на северо-западе; красивые здания возвышаются на всех мысах, и виллы и дачи рассеяны в обширном амфитеатре зелени до самых вершин гор. Окружающая природа нигде не представляет грандиозного зрелища: самые высо-

кие из окрестных гребней не превосходят 2.500 метров, но мало найдется на Гималае местоположений, которые бы более походили на природу умеренной Европы, что и составляет главную прелесть этого места в глазах английских резидентов Индии. На юго-восток от Найни-таля многие бассейны горы тоже наполнены маленькими озерами, или талями, и вытекающие из этих озер ручьи все впадают в реку Гола, близ входа её в великую индийскую равнину. Но между этими пресноводными резервуарами нет ни одного значительного. Площадь главного из них, Найни-таля, меньше двадцати десятин, а наибольшая глубина его не достигает 30 метров (14 сажен); Бим-таль, или «озеро Сивы», самое обширное после Найни-таля, имеет 1.200 метров в длину, но оно уже озера Найни. Самое существование этих маленьких резервуаров есть одно из замечательнейших явлений этой области Гималая, и геологи часто спорили между собою относительно способа их образования. Обвалы часты в этой части Кумаона: в 1880 году масса камней и глины, размытая глубокими источниками, отделилась от восточных холмов и засыпала часть города Найни-таль, при чем более 180 человек были погребены под грудами обвалившейся земли.

Река Кали, иначе Сарджу, Сарда или Гогра, один из самых обильных потоков центрального Гималая, была взята, в 1816 году, англичанами за границу их империи с Непалом. Так же, как Алакнанда, эта река гангесской системы получает свои первые воды с гор Загималайской цепи, на тибетской границе, и каждый из её верхних притоков питается ледником. «Богиня Нанда», или Нанда-деви, наиболее чтимая из всех местных божеств Кумаона, властвует над этою областью льдов и скал. Когда ботиям случается переходить через опасный перевал в виду этой царицы снегов, которую они еще недавно считали—«высочайшей горой во всем свете»[1], они каждый раз приносят ей в жертву коз, при чем строго наблюдают, чтобы ни один неверный не осквернил церемонии жертвоприношения своим нечестивым взором; в подобном случае Адольф Шлагинтвейт должен был спрятаться за скалу[2]. Вершина Нанда-деви поднимается на 7.823 метра, и ближайший к границе горный проход, Киунгар, имеет не менее 5.280 метров высоты, т.е. на 470 метров более, чем Мон-Блан. Этим перевалом очень часто пользуются, несмотря на трудность восхождения по дикой долине реки Гори-ганга и через трещины Миламского ледника. Деревня того же имени (Милам), лежащая на высоте 3.429 метров, близ конечной морены ледяного потока, бывает переполнена путешественниками во время короткого периода торгового движения. Но с октября месяца она совершенно покидается жителями, так же, как Мартоли и другие селения, лежащие ниже; все население удаляется тогда в нижния долины. Знаменитый пандит Найн-синг, тот самый, который так много сделал для исследования Загималайской цепи и плоскогорий Тибета, можно даже сказать, сделал больше, чем всякий другой из новейших путешественников, был долгое время школьным учителем в Миламе.

Главные города засетледжских государств, Гарваля и Кумаона, с цифрой их населения, не считая временных резидентов:

Симла (1891 г.)—13.840 жит. (летом—30.000 жит.); Массури и Ландур—8.000 жит.; Дера—7.320 жит.; Альмора—6.250 жит.; Найни-таль—6.000 жит.; Чакрата—1.250 жит.

Непал одна из «неведомых земель» Индустана. Хотя король этой страны признал верховную власть британского правительства, как «сюзеренной державы», и хотя английский резидент имеет право пребывать в столице края, под охраною сипаев, однако, доступ в пределы Непала строго воспрещен обыкновенным путешественникам, равно как инженерам-топографам; если некоторые исследователи, именно один из братьев Шлагинтвейт, Герман, могли посетить непальскую столицу Катманду и осмотреть её окрестности, то это удалось лишь после долгих дипломатических переговоров. Измерения колоссов Гималая, возвышающихся в центре Непала, пришлось по необходимости производить с равнин Индии, при помощи ви-

1 Reg. Heber, „Journey through the upper provinces of India“.

2 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indian und Hochasien“; Strachey, „Journal of the Geographical Society“, 1851.

зирований, делаемых через предгорья, и чтобы получить точные маршруты внутренних областей, нужно было посылать индусских пандитов, странствовавших с разными переодеваниями, под видом купцов или монахов. Что касается истории языков и населений Непала, то они могли быть лучше изучены, благодаря исследованиям некоторых английских резидентов, дипломатов или медиков, подолгу проживавших в Катманду.

Существование Непала, как особого, отдельного от остальной Индии государства, объясняется географическим положением этой страны. Нигде нельзя лучше констатировать того факта, что так называемые «естественные деления», проводимые единственно по речным бассейнам, оказываются иногда чисто условными. Многие большие реки гангесской системы, Каркали, Гандак, Коси, перерезывают Непал с севера на юг, отделенные одна от другой высокими горами: даже самые высокие вершины земного шара поднимаются между реками Ботия-Коси и Арун, впадающими в один и тот же приток Ганга, и, однако же, не пределы этих речных бассейнов служат рубежами Непалу. Это царство, обширный прямоугольник, который тянется с запада на восток на пространстве 700 слишком километров, и которого средняя ширина всего только около 125 километров, провело свои границы поперег долин этих рек. Тогда как верхняя часть рек принадлежит Китайской империи, нижнее течение их находится в Британской Индии. На севере, естественную границу Непала составляют обширные пустынные плоскогорья между Гималаем и Загималаем; на юге, болотистый лес пояса терай образует барьер, этнологический и политический, между областью долин и областью равнины. Население каждой долины Непала, заключенной между снегами гор и болотами терая, стремится образовать отдельное политическое тело; завоевание сгруппировало их в одно государство, но не могло перейти за границы, начертанные, так сказать, кривыми уровня. Рассматриваемый в целом, Непал состоит из поясов растительности, расположенных один над другим по склонам центрального Гималая; климат, а не скат истечения вод обусловливает его географическое единство. Войны, иноземные нашествия, трактаты неоднократно и разнообразно видоизменяли политические границы; таможни тибетской границы должны были много раз выдвигать или отодвигать свои посты; точно также, отряды непальских солдат могли, в силу договоров с Англией, возводить новую бамбуковую изгородь и ставить каменные межевые столбы дальше от основания гор; но, несмотря на все эти изменения окружности, географический контраст с его следствиями в жизни народов существует по-прежнему. В начале настоящего столетия прямоугольник Непала продолжался даже гораздо далее на запад; он занял бы всю область гималайских отлогостей, если бы слишком большое протяжение территории в длину и происходящая от того трудность сообщений не уменьшали силу сцепления всех частей целого. Так точно Италия, «единая» по форме своей территории и по языку своих народов, оставалась долгое время раздробленною на множество отрывков; в подобных же условиях находится, например, Чили, в Южной Америке, которое наверно распалось бы на несколько отдельных государств, если бы море не сближало его берегов.

Известно, что Непал есть страна, где выступы земной коры представляют наибольший рельеф, наибольшую выпуклость; между самыми низкими точками и самыми высокими вершинами этой области вертикальное расстояние превышает 8 километров; на снеговых куполах горных колоссов воздух не имеет даже половины тяжести атмосферы, омывающей нижния поля и равнины. Подобно Западному Гималаю, непальские горы отделены от равнины первою грядой высот, состоящих из третичных горных пород, как и Сивалик, которого они составляют продолжение. Эта подгималайская цепь, перерезанная в разных точках своего протяжения горными потоками, носит название Черриагати. На севере, по другую сторону продольного понижения, образуемого дунами или мари, высятся передния горы Гималая в собственном смысле, поднимаясь постепенно от хребта к хребту до самых верхних массивов.

В Западном Непале высится, почти уединенно, над глубокою долиной одной из «семи» рек Гандак, массив Нараяны, или «Сына Человеческаго», т.е. Вишну; над этою группой господствует вершина Давала-гири (Даоло-гири), или «Белая гора», которую долгое время,

почти в продолжение полустолетия, считали высочайшим пиком земного шара; на востоке, горы Моршиади, Баратор, Ясса соперничают высотою и величественным видом с непальским Мон-Бланом. Массив Госаинтан, или Киронг, самые горделивые вершины котораго—Деорали и Даябанг, на 1.000 метров ниже Давала-гири, но его чтут больше, без сомнения, потому что он находится ближе к цивилизованным населениям. Из расселин его скал бьют три священных каскада, образующие озеро Нильхиат, т.е. озеро «бога с синею шеей»; это резервуар, откуда вытекает река Трисуль-ганга, получившая это название от трезубца Сивы, который извел ее из скалы[1]. Отныне первое место по высоте принадлежит Гауризанкару, иначе Чингопамари, величественной горе Восточного Непала, посвященной божественной чете: Сиве, богу Силы, и Парватти, богине Красоты. Кинчинджинга, окруженная пятью обширными снеговыми полями, от которых она и получила свое имя, означающее «Пять блистающих ледников», тоже принадлежит Непалу; она возвышается между этим государством и Сиккимом, у северной оконечности поперечной цепи Сингалила. Многие другие пики страны, не считая предгорий главных вершин, переходят в высоту за 7.000 метров. Без всякого сомнения, Загималайская цепь, которая образует водораздельный хребет между бассейном Цангбо и бассейном Ганга, но которая находится на китайской территории в большей части своего протяжения, увенчана пиками, соперничающими с колоссами Гималая, или почти неуступающими им высотою. Пандит, который обошел вокруг всего массива Гауризанкар, в 1871 г, но не мог, однако, разглядеть этой горы, скрывавшейся от него за другими вершинами, говорит, что все время видел на севере очень высокие вершины, которые показались ему нисколько не ниже колоссов Гималая в собственном смысле. Из всех гор этой области та, которая показалась ему самою высокою, принадлежит Загималайской цепи; она господствует над обширным пространством, на северо-востоке большой равнины, называемой Дингри-Майдан, или «Площадь Дингри» (Тингри)[2].

Понятно, что при таких крайне резких различиях рельефа страны сообщения между долинами и плоскогорьем, равно как из одной долины в другую, должны быть весьма затруднительны. Большинство рек, спускающихся из Тибета, проходит через переднюю стену Гималая ущельями дотого глубокими и с боками до такой степени крутыми, что путешественникам невозможно пускаться в эти страшные теснины. Продолжать путь в тех местах можно не иначе, как взбираясь на соседние отроги через целый ряд перевалов, возвышающихся слишком на 4.000 метров. Есть даже в этой цепи совершенно неприступные бреши, которые нужно обходить с правой или левой стороны, делая крюк верст в 50. В других местах тропинки проложены в самых ущельях, но так проложены, что воспользоваться ими не отваживается ни один путешественник, кроме горцев. Ниже Чоксама, где через могучую реку Ботия-Коси перекинут мостик меньше десяти сажен длиною, тропинка состоит из 775 каменных ступенек, шириною от 15 до 45 сантиметров, положенных на железные бруски, вбитые в скалу; поток ревет на глубине 450 метров (210 сажен) под этою лестницей, висящею в пустоте. Редко бывает, чтобы овцы или козы отважились последовать за человеком по этим опасным ступеням.

Из проломов, которыми торговцы могут пользоваться, чтобы попасть с одного склона на другой, только немногие открыты торговле строгими агентами тибетского таможенного ведомства, тем более подозрительными, что проход через границу какого-нибудь лазутчика или миссионера был бы вменен им в уголовное преступление. На западной оконечности королевства перевал Ниало, или Такла-хар—один из самых важных, потому что через него можно добраться до берегов озера Мансараур и водораздельного порога между реками Сетледж и Цангбо; там находится та область, священная по преимуществу, где, по сказанию легенды, таинственные звери, скрывавшиеся в пещерах Кайласа, изрыгали четыре реки Индии; по крайней мере Сетледж, Цангбо, Карнали, все три берут начало вокруг массива Гурла-Мандгата, а Инд вытекает в небольшом расстоянии на север от Кайласа. Перевал Поту,

1 Oldfield, „Sketches from Nipal".

2 Montgomerie, „Journal of the Geographical Society of London", vol. XLV, 1875.

откуда путешественники, поднявшись по долине реки Кали-Гандак до самого истока, направляются к Тадамскому монастырю и этапу,—тоже один из наиболее посещаемых горных проходов Непала. Далее на восток перевал Нола, высота которого около 5.000 метров, представляет более трудный проход. Лучшая дорога, царская, так сказать,—это та, которая поднимается из Катманду к северу долиной р. Трисуль, самой восточной в бассейне Гандак, и пройдя через Джонка-джонг, вступает на востоке в понижение, занятое частью большим тибетским озером Пальгу; но до сих пор еще ни одному из пандитов, которые были посылаемы на разведки ост-индскими офицерами-геодезистами, не удалось пробраться на эту дорогу, наименее трудную из всех тамошних путей сообщения; она предоставлена в исключительное пользование важных особ, за которыми, когда они отправляются в путь, следуют навьюченные лошади. В 1792 году китайцы спустились через эту брешь внутрь Непала. Обыкновенные купцы проходят перевалом Тунг-ла, (иначе Кути или Нилам-джонг), к которому они поднимаются по страшным ущельям реки Ботиа-Коси. Наконец, в восточной части Непала тоже есть несколько перевалов, как-то: Гатиа, Типта-ла, Нила-ла, Тинки-ла, Данго-ла, которые позволяют переходить через различные хребты, отделяющие покатость Ганга от покатости Цангбо.

Высота главных гор и наиболее посещаемых горных проходов центрального Гималая:

Симла, город—2.160 метр.; Джамнотрп—6.250 метр.; Кидарнат—6.950 метр.; Кайлас—6.700 метр.; Иби-Гамин—7.780 метр.; Бадринат—7.074 метр.; Масури, город—2.267 метр.; Нанда-деви—7.823 метр.; Гурла-Мандгата—7.686 метр.; перевал Ниало—4.500 метр.; Апи—6.907 метр.; Альмора—1.650 метр.; Найни-таль—1.945 метр.; Джумла, город—2.444 метр.; Поту-ла—4.599 метр.; Но-ла—5.000 метр.; Давалагири—8.180 метр.; Моршиади—7.557 метр.; Тунг-ла—4.526 метр.; Дайябанг—7.247 метр.; Чамланг—6.771 метр.; Катманду, город—1.327 метр.; Кинчинджинга—8.483 метр.; Гауризанкар (Эверест)—8.845 метр.

Из всех проточных вод, пересекающих Непал, поток Арун (Аран), главная ветвь реки Сапт-Косики, или «Семь Коси», имеет самый значительный бассейн и принимает в себя наибольшее число ледниковых ручьев. Он образовался из двух порядочных рек, которые берут свое начало в понижении между Гималаем и Загималаем и текут на встречу одна другой. На пространстве, по меньшей мере, 200 километров, продольная долина, разделяющая два главные хребта гималайской системы, служит руслом этим текучим водам, известным под именем Дингри-чу и Тинки-джонг. Главная река, соединяющая их в своем течении и получающая воды от таяния снега на двух главных колоссах, Гауризанкаре и Кинчинджинге, низвергается в глубокия ущелья, на 6.000 метров (около пяти с половиною верст) ниже горных громад, которые высятся над нею справа и слева; затем, прежде чем выйти из пределов Непала, смешивает свои воды с водами рек Коси и Тамру, или Тамбур. Некогда эти горные потоки изливались в большое озеро, параллельное Гималаю и цепи предгорий, но выходивший из этого бассейна исток давно уже вырыл себе русло и размыл на широких пространствах скалы из песчаника и конгломератов, задерживавшие его течение. По всей вероятности, это исчезновение озера Семи Коси (Сапт-Косики) случилось задолго до исторической эпохи, хотя индусские легенды рассказывают о его высыхании. Также точно реки Сапт-Гандаки, или «Семь Гандак», наполняли обширный резервуар, прежде чем пробить внешнюю цепь гор. При виде этого бассейна и многочисленных других таров, следующих один за другим в долинах рек Непала, невозможно не признать сразу их озерного происхождения. Но почти все резервуары были опорожнены напором вод; за исключением озер Пакра, находящихся в бассейне Света-Гандак, остались лишь пруды, да кое-где в соседстве пояса терай болотистые пространства[1]. До выхода из области гор падение потоков очень сильно, вследствие чего в этой части течения судоходство совершенно неудобно. Прибрежные жители пользуются ими только для орошения полей и садов и для сплава леса.

Население Непала распределено неравномерно, полосами; очень редкое в возвышенных

1 H. von Schlagintweit. „Reisen in Indien und Hoch-asien"; Oldfield, „Sketches from Nipal".

долинах, соседних с границей, постепенно возрастающее по направлению с севера на юг, оно вдруг уменьшается при приближении к поясу терай. Стесненные в своей гористой стране, жители, располагая малым количеством удобных для культуры земель, не ограничиваются обработкой ровных пространств, представляемых бывшими ложами высохших озерных бассейнов, или таров, и пологих покатостей, окаймляющих долины,—они умеют также строить искусственные террасы на слишком наклонных скатах; подобно тому, как горы на реке Ардеш (во Франции), предгорья ломбардских Альп и холмы по берегам Рейна, крутые склоны среднего Непала преобразованы в ряд уступов, в гигантские лестницы, каждая ступень которых представляет поле, засеянное хлебными злаками. На пологих косогорах и на ровной почве долин фруктовые деревья растут густыми чащами, окружая селения своею зеленью и наполняя воздух благоуханием. Выше, леса, состоящие, главным образом, из хвойных дерев, занимают всю среднюю область гор. Англичане легко могли бы найти в Непале сотни местоположений, благоприятных для постройки летних городов, в роде тех, какие они основали в Гарвале и Кумаоне; однако, непальские санатории имели бы то неудобство, что они были бы отделены от равнин Ганга чрезвычайно опасною в санитарном отношении областью терая, где лихорадки сильно истребляют население, и где тысячи людей поражены зобом. Жители горных местностей тоже страдают этою болезнью. Причину её Гукер приписывает общераспространенной в крае привычке поддерживать ношу при помощи ремней, повязанных на лбу, и таким образом переносящих усилие на мускулы шеи. Вьючные овцы и козы, у которых вьюки тоже частью поддерживаются ремнем, обвязанным вокруг шеи, также имеют зоб[1].

Разнообразие рас еще весьма велико в Непале, благодаря тому обстоятельству, что семьи, живущие в долинах, сохраняются в первоначальной чистоте от всякой примеси иноплеменной крови, разве только во времена воинственных набегов; нигде, исключая приморских портов, не увидишь так много представителей различных народностей, как в городах Непала. На западе Гандака преобладающею расой являются индийские «арийцы». Так же, как в Кумаоне, раджпутские завоеватели овладели страной,—около одиннадцатого столетия, говорят предания,—а по их следам пришли переселенцы с юга, преимущественно браманы, бежавшие от мусульманского фанатизма и постепенно видоизменявшие первоначальное население; они не дали покорить себя магометанам, так что непальцы—единственные жители Индии, государство которых не было основано поборниками ислама. Обитатели Западного Непала носят индусские имена и говорят наречиями, происходящими от общего санскритского корня; в то же время они причисляют себя к двум высшим кастам—браманам и кшатриям. В действительности, раса в этой стране очень смешанная, и у многих из непальских раджпутов черты лица чисто тибетские; вернее было бы поместить их между ботиями, в касту побежденных, чем признать в них представителей победившей расы; но они тем упорнее претендуют на чистокровность своей расы, что, в противном случае, несмешанные индусские касты могли бы сторониться от них, как от недостойных. Тогда как в собственной Индии дети принимают касту матери, в Непале они принадлежат к сословию отца; этим и объясняется существование такого многочисленного населения браманов и кшатриев в долинах Карнали и семи рек Гандак[2].

Язык, которым говорит огромное большинство парбаттиев, или «горцев», жителей Западного Непала, называется, по имени их, парбаттиа; его называют также хас, по имени воинственного племени, которое его употребляет. Даже на востоке от реки Кали до реки Трисули (Трисуль-ганга), он так же распространен, как диалекты тибетского происхождения; сделавшись идиомом властителей страны, он, благодаря господствующей роли говорящих им, приобрел исключительное влияние. Это, впрочем, язык ясный, сильный, краткий, вполне приличествующий воинственному народу, но имеющий очень бедную литературу. Совершенно «арийский» по грамматическому строю, парбаттиа заключает в себе еще пятую

1 Hooker, „Journal of the Asiatic Society", may 1846.

2 Hermann v. Schlagintweit, цитированное сочинение.

часть слов, принадлежащих наречиям аборигенов; в отношении языка, как и в отношении расы, тибетские элементы индианизировались[1].

Хасы,—которых чаще называют гурками, или гуркасами, но совершенно ошибочно, ибо имя это применяется к жителям всякой расы, которые населяют округ, лежащий вокруг города Гурка[2]—не допускают никаких сомнений относительно их индусского происхождения и принадлежности к касте кшатриев; но есть другие военные племена, которые, называя себя индусами, гораздо лучше сохранили свои предания и нравы: это—магары, или магиары, и гурунги, живущие на севере от Гурки, в различных долинах, орошаемых притоками реки Трисуль-ганга. Со своими господами они говорят наречием хас, но между собою всегда употребляют собственный язык тибетского корня; точно также, если они и соблюдают некоторые браманские обрядности, то делают это совсем не по усердию. Вместе с хасами из Гурки, магары, гурунги и лимбу из восточных округов составляют почти всю вооруженную силу Непала; но этого недостаточно для их военных инстинктов: подобно швейцарцам былых времен, они уходят в чужие края служить в качестве наемников. Эти непальцы, известные под общим именем «гуркасов», очень многочисленны в индо-британской армии, где их очень ценят за их храбрость, выносливость, ловкость и быстроту. Истые воины, они питают глубочайшее презрение к сборищу мадхезиев. т.е. жителей равнины, и с радостью перебили бы мятежников. Легко приучаемые к дисциплине, они, быть может, были бы не менее опасны против их собственного отечества, если бы когда-нибудь вспыхнула война между Англо-индийскою империею и Непалом.

Лимбу, киранти, яха, живущие, в числе около 250.000 душ, в долинах Восточного Непала, на границах Сиккима, представляют, может быть, коларийские племена в Гималайских горах, ибо по наружному виду, правам, обычаям, кое-каким следам религиозных верований и некоторым особенностям языка они близко подходят к племени коль, живущему в Чота-Нагпуре и Ориссе[3]. Другие племена центральной и восточной полосы государства сохранили еще чисто тибетский тип по чертам лица, нравам, наречиям, религии. Почти все жители этой части страны имеют гораздо более белый цвет кожи, чем индусы; голова и лицо у них шире; глаза сближены и немного скошены, нос сдавленный при основании, широкий на конце, с большими круглыми ноздрями; они малорослы, но сильны и коренасты. В них нет той живости ума и характера, которою отличается индус, но нет также и его хитрости; вообще нрав у них кроткий и веселый. Они делятся не на касты, как переселенцы с равнины, а на племена, которые, будучи сходны между собою нравами и образом жизни, пастушеским или земледельческим, отличаются одно от другого наречиями, местными обычаями, преданиями и никогда не смешиваются через браки. Гогдсон насчитывает в Непале не менее двенадцати тибетских диалектов или говоров, из которых каждый употребляется только одним племенем, совершенно ясно отличающимся от других племен. Ремесленников между этими восточными непальцами очень мало: ремесленные корпорации представлены группами илотов, которые наружным видом нисколько не отличаются от своих господ, но к которым последние относятся с глубоким презрением: гончары, корзинщики, плотники, каменщики, кузнецы, ювелиры, портные, стиральщики белья, цирульники, музыканты—все эти ремесленники, необходимые общине, живут, тем не менее, вне её, что, повидимому, указывает на первоначальное различие расы. Рабство в собственном смысле тоже существует в Непале: отец может продать своих детей в неволю и таким образом лишить их национальности и сословных прав и преимуществ.

Между непальскими племенами тибетского происхождения самое цивилизованное—невары, живущие в равнине Катманду, на берегах Багмати, между бассейнами рек Трисуль-ганга и Коси. Их язык, невари, есть единственный в Непале тибетский диалект, имеющий собственную письменность и литературу, в которой, впрочем, заметно очень сильное влия-

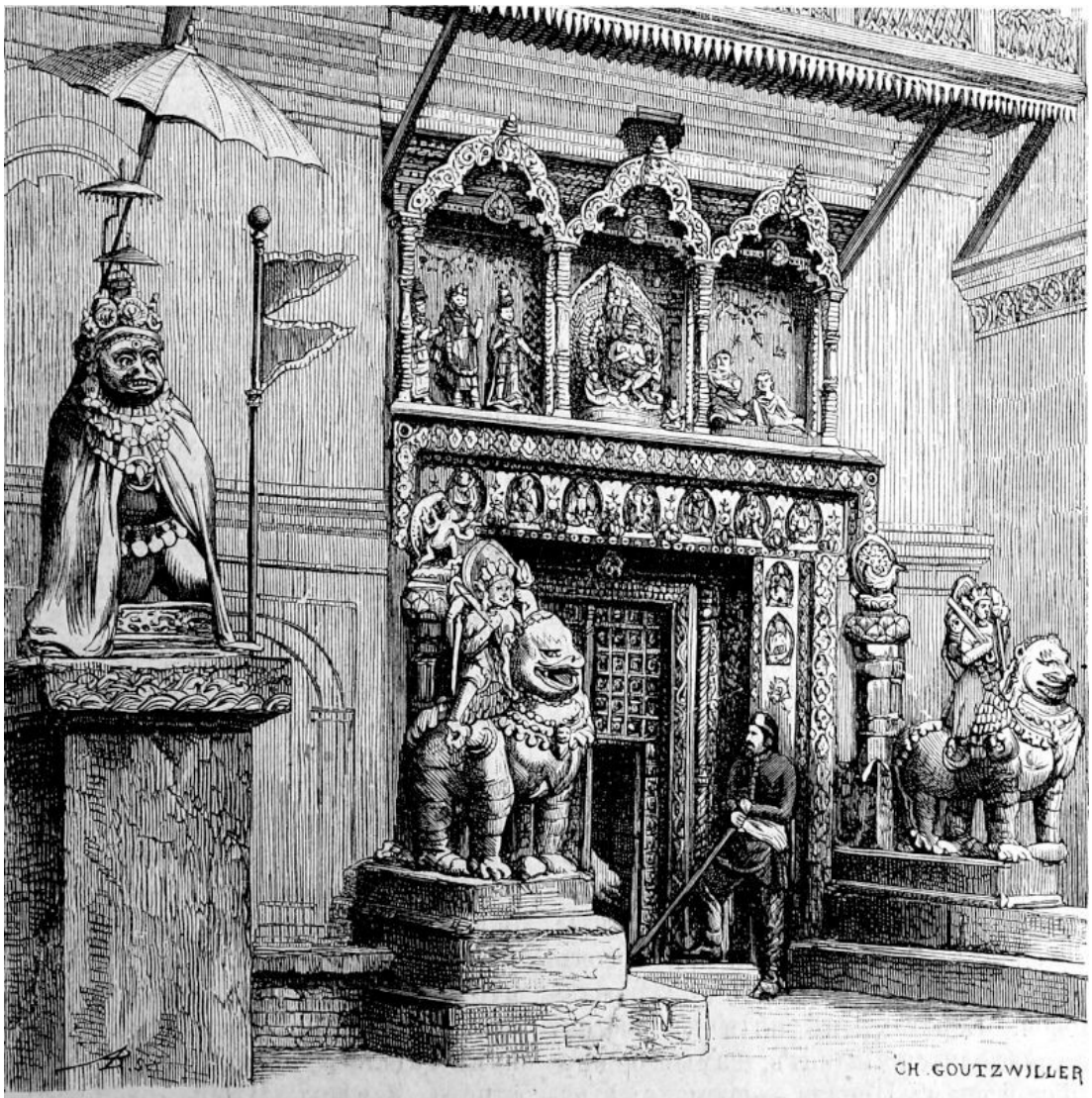
1 Brian H. Hogdson, „Essays on the languages, literature and religion of Nepal and Tibet".
2 Oldfield, „Sketches from Nipal".
3 Hugdson; Dalton, „Ethnology of Bengal".

ние санскритских образцов. Это племя гораздо лучше, чем хасы и гурки, представляет национальный элемент между двумя противоположными силами, действующими одновременно на страну. С одной стороны, индийские нравы и политика, с другой—тибетские равно стремятся овладеть Непалом. На юге и на западе индусы взяли верх; на севере же и на востоке Китайская империя получила перевес над Индией, и гималайские племена Непала соединяются с племенами Бод-юла нечувствительными переходами. Но невары, занимающие центральную часть страны и на территории которых находится столица государства, сохранили некоторую оригинальность, не позволяющую смешивать их ни с индусами, ни с тибетцами. Говорят, у них сохранились даже кое-какие остатки древнего матриархата; по словам Кильпатрика[1], неварские женщины имеют право брать себе сколько угодно мужей и прогонять их под самым ничтожным предлогом. Начиная со второго столетия христианской эры, многие ревностные буддисты, спасаясь от преследования браманов, приходили искать убежища у неваров и, взамен оказанного им гостеприимства, приносили этим последним свои книги и вообще знание искусств и наук Индустана; некоторые драгоценные сочинения той эпохи, которые были известны только по имени, отысканы Гогдсоном в книгохранилищах Непала. Благодаря этим наставникам, пришедшим из Индии, цивилизация неваров развивалась мало-по-малу; но они не забывали своего родного языка и ограничивались введением в него «арийских» терминов, соответствовавших новым для них понятиям и предметам. Подобно тому, и религия, преподанная им этими выходцами, видоизменилась мало-по-малу. Около двух третей неваров еще буддисты, по крайней мере по имени; но в то время, как соседния племена, на севере и на востоке, имеют лам, как тибетцы, и придерживаются шаманства, у непальцев в собственном смысле нет никаких монастырей, и их обрядности приближаются к обрядностям индусских культов; в их храмы вошли браманские боги и символы. Древние монастыри существуют, но они давно уже обращены на пользу ремесленных корпораций. Невары-буддисты приняли даже кастовый порядок; их жрецы, звание которых сделалось наследственным, принадлежат к сословию банров, соответствующему касте браманов; у них есть также касты купцов и ремесленников; но, исповедуя религию существенно миролюбивую, они не имеют касты кшатриев, или воинов. Когда возникает между буддистами какой-либо спор, относящийся к кастам, они обращаются за разрешением к радж-гуру, великому жрецу браманов, как к своему духовному главе; они не состоят ни в какой зависимости от тибетского далай-ламы. Буддизм вымирает в Непале, и «лет через сто,—говорит Ольдфильд,—он, вероятно, исчезнет из долины Катманду, как исчез из Индустана». Архитектура двух тысяч храмов или святилищ, воздвигнутых в этой долине, свидетельствует о борьбе между влияниями севера и юга, и смешение двух стилей совершилось там с некоторою оригинальностью: первоначальные украшения, изваянные или вырезанные индусскими художниками, очень напоминают орнаменты, которые мы видим в пагодах на берегах Ганга, но употребление дерева в постройке, выступ верхних ярусов, надставка крыш—все это несомненные черты китайской архитектуры.

Если есть в Непале племена, сделавшие успехи в цивилизации, то есть и другие, которые, быв оттеснены в леса и в возвышенные долины иноземными нашествиями, снова впали в дикое состояние. По словам Гогдсона, чепанги и кусунда, живущие в гористых и лесистых местностях на запад от Катманду, принадлежат к числу этих племен, некогда стоявших на известной степени образованности, но низведенных завоеванием опять в состояние варварства. По крайней мере они сохранили свою независимость; они не обработывают землю в пользу господина, не служат в войсках, не платят никаких податей. Чепанги, маджи, кумбары питаются дикими ягодами и добычей охоты, но их раздутый живот и сухопарое тело свидетельствуют о недостаточности и грубости их пищи; жилищем им служат шалаши, сплетенные из древесных ветвей. Некоторые другие народцы, менее дикие, тоже живут особняком, совершенно в стороне от других непальцев, благодаря поясу болот, который защищает их от захватов со стороны их соседей; это обитатели жарких низменных долин и терая. Эта об-

1 „An occount of the Kingdom of Nepaul".

ласть, по климату смертоносная для всех других индусов или тибетцев, нисколько не опасна для этих туземцев; оттого им часто дают прозвище аулиа (лихорадочные), потому что они не боятся ауаля, или маларии (болотной лихорадки). Уже в течение несчетного числа поколении они живут на этих сырых, болотистых землях, где они сеют хлеб в лесных прогалинах и занимаются разными другими промыслами, между прочим, охотой на слона; но это огромное животное становится редким[1]; еще недавно двор непальского короля требовал их до пятисот голов ежегодно, но теперь этот налог, или ясак уже не может быть уплачиваем в таком количестве.



Катманду.—Двери Ганумана во дворцѣ раджи.

Прежде племена нижнего Непала говорили разными наречиями; в настоящее время они употребляют один общий язык, именно хас, и называют себя индусами, хотя и не придерживаются браманских обрядностей. У денваров обязанности жреца в каждом семействе исполняют зятья и сыновья сестры. Во многих отношениях эти народцы непальского терая, кажется, составляют этнологический переход между коларийскими народностями центральной Индии и гималайскими тибетцами[2]. В ближайшем к английским владениям поясе терая преобладающими колониями являются поселения племен тару и меч; представители последнего сами себя называют бодо или боро и, без сомнения, стоят в близкой родственной связи с нацией бодов или качаров-кочевников, рассеянных по всей северо-восточной Индии до

1 Oldfield, цитированное сочинение.

2 Brian H. Hogdson, цитированное сочинение.

границ Бармании[1]. Они быстро индианизируются везде, где находятся в соприкосновении с индусами, и придерживаются культа Сивы, примешивая, однако, к нему свои собственные суеверия. Они продают своих дочерей в замужество своим соседям и этим способом обогащаются, так как женщины из племени меч слывут красавицами.

Катманду, главный город долины, давшей свое имя всему Непалу, и столица королевства, лежит на высоте 1.327 метров над уровнем моря, при слиянии двух рек, Вишнумати и Багмати, соединенные воды которых спускаются прямо на юг к равнинам Индустана. Очень неправильно расположенный вдоль высоких обрывистых берегов, этот город имеет форму «меча Божия», как говорят туземцы. Извилистые улицы в иных местах загромождены грудами обломков и мусора, и большая часть домов, построенных из красного кирпича, кажутся настоящими вертепами; многие вытянулись в два или три этажа, но настоящей лестницы у них нет, а есть только приставные лесенки, сообщающиеся посредством трапов, или опускных дверей. Королевский дворец состоит из группы разбросанных в беспорядке низеньких зданий, с портиками, испещренными причудливыми изваяниями. Везде бросаются в глаза пагоды, высоко вздымающие свои купоны, башенки, колокольни, пирамиды или кровли, покрытые блестящею черепицей или позолоченною бронзой и увешанные на углах, как китайские кумирни, колокольчиками, звонящими при малейшем дуновении ветра. Когда смотришь издали, многие кварталы кажутся одною обширною пагодой; повсюду открываются маленькия святилища, забрызганные кровью приносимых в жертву животных, петухов или уток, коз или буйволов; там и сям стоят монолиты, поддерживающие статуи государей или богов, защищаемых бронзовым змеем с угрожающею головой. Верстах в пяти к востоку от города находится Баднат, самый обширный буддийский храм Непала,—громадный купол в форме ступы, увенчанный башней, на которой нарисована фигура бога, и пирамидой со ступеньками, оканчивающейся чем-то в роде папской тиары. Это—пагода тибетских лам, которые посещают Непал каждый год зимой; они заботливо поддерживают и ремонтируют эту кумирню.

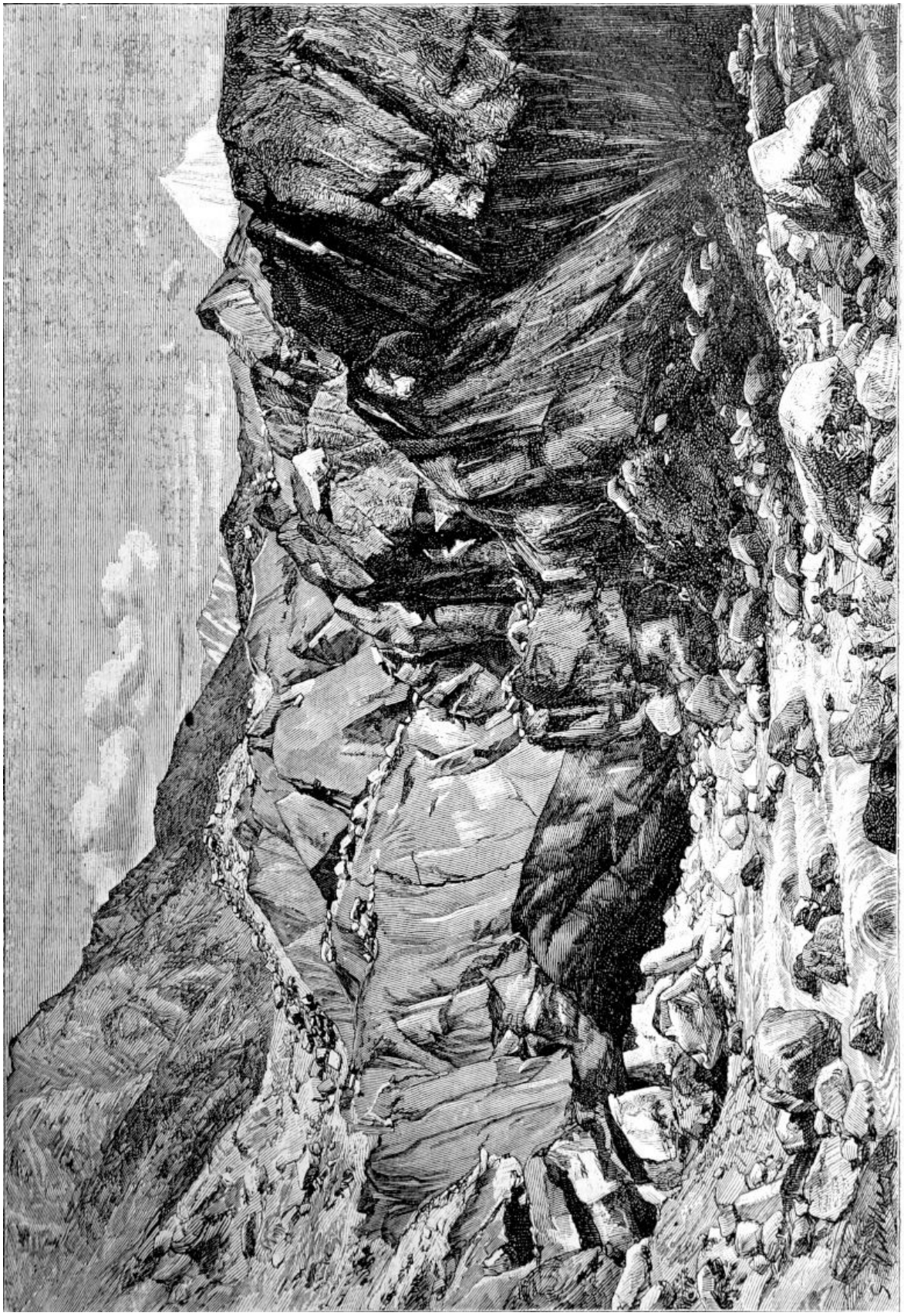
Красивый овал равнины, длиною около двадцати верст с севера на юг, окруженный со всех сторон горами, которые возвышаются от 300 до 2.000 метров над уровнем бывшего озерного дна, усеян городами, деревнями и храмами, утопающими в зелени. Вилла английского резидента, расположенная на горке, к северу от Катманду, занимает одно из прелестнейших местоположений этого очаровательного края[2]; особенно северные склоны холмов и гор покрыты великолепными лесами. Чтобы созерцать ласкающее взор море зелени и живописную картину города, увенчанного златоглавыми пагодами, всходят также на Дареру, пустую внутри колонну, возвышающуюся на 75 метров. Рынки непальской столицы принадлежат к лучшим в Азии по богатству и разнообразию цветов, фруктов и овощей, приносимых окрестными поселянами. По исчислению Керкпатрика, население всей долины Катманду в начале XIX столетия простиралось до 180.000 душ; Ольдфильд полагает, что теперь оно превышает четверть миллиона.

В 3 километрах к юго-востоку от Катманду, город Патн или Патан,—т.е., как и Патна на Ганге, «город» по преимуществу,—и в 13 километрах к востоку, город Батгаун или Батгонг еще богаче столицы храмами эпох, следовавших за введением индусских религий; но большинство этих зданий сильно повреждено временем, и на многих из них к скульптурным украшениям прибавились естественные орнаменты из пучков травы и кустов, пробивающихся из трещин памятника. В восьмом столетии нашей эры, в эпоху основания Катманду, Патан был уже значительным городом; он и теперь еще второй город в государстве и главное средоточие неваров буддистов, которые находятся там в наибольшему числе. Катманду, как резиденция раджи, есть, естественно, сборное место для гурков и других туземцев воинственной расы; однако, большинство и тут состоит из неваров; браманы живут преимуще-

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".

2 Wright, „History of Nepaul"; Oldfield, „Sketches, from Nipal".

ственно в Батгауне. На западе долины, на небольшом холме, возвышающемся метров на сто над окружающими полями, находится другой город, теперь почти разрушенный,—Кирти-пур; он был слишком сто лет оплотом национальной независимости неваров, и гуркам уда-



Истокъ Ганга.

лось овладеть им только посредством измены. Чтобы отомстить за долгое сопротивление осажденных, гурки отрезали носы и уши всем жителям, пощадив лишь грудных детей, и Кир-

типур долгое время был известен под именем Наскатпур, или «города отрезанных носов»[1].

На северо-запад от Катманду, город Наякот или Наокот построен в кратерообразной котловине, открывающейся на вершине горы, господствующей над слиянием реки Трисуль-ганга и её маленького притока. Этот город прежде был зимнею резиденцией непальских раджей, но теперь дворец покинут, и Наякот утратил свою торговую важность; однако, и теперь еще ежегодно бывает ярмарка у подошвы горы, среди садов, славящихся своими превосходными произведениями, особенно рисом, сахаром, ананасами, мангами: апельсины из Наякота и западных округов, лежащих вокруг г. Гурка, считаются бесподобными. Сады Наякота расположены на высоте 700 метров. До этой высоты спускались китайцы и тибетцы в 1792 году, во время их победоносного похода против гурков.

Во всей западной части королевства, ограниченной рекой Трисуль-ганга и распадавшейся некогда на сорок шесть маленьких феодальных княжеств, Байси-радж, или «двадцать два царства», и Чаубисиа-радж, или «двадцать четыре царства», нет больших городов; главные аггломерации жителей—это бурги, окруженные стенами, как Джамла или Джумла, столица Байси-радж, или торговые местечки, как Ломантанг (Мастанг, по Ольдфильду), на тропе, поднимающейся к проходу Поту-ла, или, наконец, святые места, часто посещаемые пилигримами, как Муктинат. В этом последнем месте, лежащем на высоте 3.439 метров, на скате высоких снеговых гор, бьют из земли горячие серные ключи, иногда, по рассказам туземцев, сопровождаемые пламенем[2]. Главный торговый город на тибетских границах—Киронг, лежащий к северу от Катманду, на высоте 2.775 метров, в долине, над которой господствует, с восточной стороны, массив Госаинтан; там еще сеют пшеницу и ячмень, но рис привозится туда из нижних равнин.

Торговля Непала сильно стеснена таможенными строгостями. Пошлины с товаров взимаются не только на границах, но также во многих внутренних станциях; как государство военное, угрожаемое двумя соседними, более могущественными империями, Непал может защищаться лишь таможенными тарифами да паспортами, но, несмотря на свое нерасположение к иностранным коммерсантам, он принужден пускать их в свои пределы. Тибетцы приходят покупать опиум, чтобы ввозить его контрабандным путем; сотни индусов являются на ярмарки в Катманду, и английские товары, которые все более и более входят в употребление между непальцами и делаются для них необходимою потребностью, должны быть оплачиваемы местными продуктами, каковы дерево и смола катешю, или кашу, строевой лес, железо и медь, шерсть, лошади (маленькия неприхотливые и неутомимые животные), соль и золотой песок, разные руды, бирюза, бура, привозимые с тибетских плоскогорий. Мало того, Непал, представляемый десятками пятью крупных торговцев, может даже посылать англо-индийцам произведения своей мануфактурной промышленности, именно одеяла и бумагу, выделываемую из волокон растения daphne cannabina и по прочности неуступающую пергаменту. Несмотря на все свое желание держаться особняком, правительство Непала не может помешать нации вступать в сношения со своими соседями в Индии,—сношения, которые делаются все более и более частыми; оно должно содержать пути сообщения, уже существующие, и даже открывать новые; наконец, оно даже устроило почты на дорогах страны, поручив заведывание этим делом браманам; но дорога, ведущая из Катманду в Сигаули, станцию железного пути, идущего вдоль границы, все еще не более, как простая тропа, пересекающая широкий пояс терая и пролегающая через два горные прохода, Сизагари и Чандрагири, которые поднимаются до 1.960 и 2.190 метров высоты[3]. Непальцы эмигрируют в большом числе в равнины Индустана, особенно в Бенарес, и, возвращаясь в свое отечество, приносят с собою новые идеи и нравы, которые все более и более преобразовывают Непал в индийскую страну. Даже большинство богатых землевладельцев терая имеет постоянное пребывание на англо-индийской территории.

1 Oldfield, цитированное сочинение.

2 Montgomerie, „Journal of the Geographical Society of London", 1875.

3 Eastwick, „Handbook of the Bengal Presidency".

Что касается политической независимости Непала, то ей не угрожает никакой опасности. Совсем напротив: катмандусское правительство всегда встречает величайшую любезность и предупредительность со стороны вице-короля Индии, который исполняет все его желания и даже соглашается держать под стражей непальских государственных преступников в своей крепости Чанар, на Ганге. Это объясняется тем, что раджа Непальский располагает стотысячною армией, славящейся своею храбростью и значительная часть которой вооружена поевропейски и снабжена превосходным боевым материалом. Драгоценный союзник, Непал был бы очень опасным врагом.

Население некоторых городов Непала (по Ольдфильду):

Катманду—70.000 душ; Патан—60.000 душ; Батгаун—50.000 душ; Гурка—10.000 душ; Киртипур—5.000 душ.

IV. Восточный Гималай

Верхния долины притоков Брахмапутры, Сикким и Бутан.

Восточная часть Гималая, хотя ближайшая к Калькутте и самая доступная посредством судоходных путей, доходящих до подошвы горных цепей, остается наименее известною; много долин, населенных дикими народцами, не были еще исследованы научным образом, и не знают даже, какие реки по ним протекают; только некоторые вершины гор, видимые с равнин, с расстояния от 100 до 150 километров, были измерены и служат первою опорною точкой для точных начертаний будущих карт. Без сомнения, первая причина того полного неведения, в котором мы находимся еще относительно этих восточных областей гималайской системы, состоит в чрезмерном изобилии дождей, приносимых южным муссоном. Эти тропические ливни превращают в большие реки потоки, которые в другом климате оставались бы простыми ручейками; растительность, питаемая изобильною влажностью, покрывает всю страну густыми чащами деревьев, обвитых лианами, где человек может пробираться лишь с величайшим трудом; просачивание вод в почву причиняет частые обвалы, и в малейших углублениях земли скопляются болота. Силы природы слишком могущественны в этой области, чтобы цивилизованный человек мог пытаться подчинить их своей воле. Только дикие народцы, легко прилаживающиеся ко всем условиям окружающей среды, незнакомые с потребностями, какие развиты у цивилизованных населений равнины, одни могут жить в этих странах, и в прежнее время страх, внушаемый этими дикарями, удерживал путешественников от посещения их долин.

Однако, часть гималайской покатости, спускающаяся к Брахмапутре, присоединена к непосредственным владениям Индийской империи, и англичане даже распространили пределы своей медиатизированной провинции Сикким до Загималайского хребта: верхний бассейн реки Арун, самой важной в Непале, обозначен на многих картах как принадлежащий Англии, хотя, будучи совершенно безлюдным, ненаселенным, он в действительности не составляет ничьего владения. Британские посты, военные и торговые, расположены там и сям между двумя туземными государствами, Непалом и Бутаном. На востоке, англичане, не завоевывая Бутана, по крайней мере присоединили к своей империи восемнадцать доаров, которые зависят от него естественно, т.е. восемнадцать «ворот» Гималаев,—единственные местности страны, произведения которых имеют ценность и где жители сгруппировались в значительном числе; впрочем, чтобы обеспечить спокойствие своей границы, английское правительство назначило бутанскому радже ежегодную субсидию, регулярная выдача которой зависит от благоразумия пенсионера. На восточной своей оконечности Бутан ограничен землей Тованг, торговою дорогой, которую Тибет захватил в свои руки, благодаря влиянию лам, которые играют там в одно и то же время роль жрецов, политических властителей и купцов; но и здесь англичане овладели «горными воротами» (доар), соседними с равниной, и две им-

перии, Индия и Китай, сделались сопредельными. Далее на восток начинается неисследованная область диких племен, которым ассамские плантаторы, поднимающиеся все выше и выше в долинах, вынуждены платить, чрез свое правительство, известную субсидию, во избежание их разбойничьих набегов. Общее число жителей, населяющих Гималайскую покатость, заключенную между Кинчинджингой и восточными горами, можно определить лишь приблизительно; вероятно, оно простирается до 600.000 душ.

	Пространство, кв. километр.	Население (1891 г.) жит		На 1 кв. километр
Округ Дарджилинг	3.015	223.314		74
Сикким	4.014	30.500		7
Бутан	34.000	200.000		6
Земля Тованг	3.850	15.000	(?)	4
Земли вост. племен	45.000	100.000	(?)	2
Всего	89.879	588.314 ж.	(?)	6,5

Река Тиста, или Трисрота, т.е. «Три истока», верхний бассейн которой известен под именем Сиккима, могла бы быть рассматриваема до известной степени как главная ветвь всей гангесской системы, так как она спускается прямо на юг к Бенгальскому заливу, следуя по линии наиболее быстрого истечения. Напротив, Ганг и Брахмапутра, идущие на встречу друг другу, текут параллельно основанию Гималаев, и только вступая в равнину, уже выровненную водами блуждающей Тисты, эти две большие реки Индии принимают южное направление. В период современной истории Тиста соединялась то с одним, то с другим из этих двух больших потоков; мало известно примеров рек, которые бы так часто меняли русло. И теперь еще один рукав Тисты соединяется с Мага-надди, притоком Ганга, сохранившим до сих пор имя «Великой реки», которое он получил за обилие своих вод. Точно также, по преданию, сообщаемому Фергюсоном, река Коси, которая в настоящее время составляет один из притоков Ганга, некогда текла на юго-восток и впадала в Брахмапутру. В этой обширной аллювиальной равнине реки, так сказать, совершают качания на подобие маятника, пересекая своими новыми излучинами следы прежних извилин.

Бассейн верхней Тисты совершенно ограничен амфитеатром высоких гор. На востоке высится исполинская масса Кинчинджинги, состоящая из пластов гнейса, легко узнаваемых издали по их покрытым снегом карнизам[1]. Опираясь на свои снеговые контрфорсы, она продолжается на юг Куброй и другими вершинами, отделенными глубоким разрезом от цепи Сингалила. или «Буковой горы», составляющей естественную границу между Сиккимом и Непалом. Жители этих двух стран могут сообщаться между собою не иначе, как через горные проходы, имеющие, по меньшей мере, 2.600 метров высоты. На северо-восток от Кинчинджинги (Ламбутсинга, по Жюлю Реми) продолжается собственно Гималайский хребет, на котором следуют один за другим колоссы Чомиомо, Кинчинджау, Донкиах, заключающие между своими вершинами наполненные снегом котловины и небольшие озерные бассейны, где берут свое начало самые возвышенные истоки Тисты. Менее высокий, чем Кинчинджинга, Донкиах, однако, шире и важнее, как горный узел в совокупности системы; он соединяется посредством поперечного отрога с Загималайским хребтом, тогда как на востоке очень высокие горы соединяют его с Чималари, остроконечная пирамида которого еще превосходит его высотой; наконец, на юг от Донкиаха тянется хребет более высокий, чем цепь Сингалила, и поднимающийся на цоколе, усеянном небольшими озерами; хребет этот, над которым господствуют крутые горы, Гнариам, Чола, Гипмочи, отделяет Сикким от длинной полосы территории, которою Тибет владеет в этом месте на полуденной покатости. Предгорья, постепенно понижающиеся к равнине, но которых последние вершины возвышаются еще на 1.800 и 2.000 метров, ограничивают с южной стороны длинный прямоугольник, образуемый верхним бассейном Тисты, и эта река не может найти себе иного выхода, как через узкую поперечную долину, называемую Сивок-гола. Внутри обширной ограды гор, обнимающей Сикким и английский округ Дарджилинг, второстепенные кряжи, отделяющиеся

1 Sherwill, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1853, № VII.

от главных хребтов и разветвляющиеся, в свою очередь, на отроги, перерезанные во всех направлениях промоинами, образуют запутанный лабиринт, где лишь с трудом можно распознать первоначальное расположение выступов рельефа, ориентированных с востока на запад, параллельно гималайской оси.

Чрезвычайная сырость климата, частые дожди и туманы не позволяют путешественникам пускаться далеко от Дарджилинга на высокие склоны Кинчинджинги и Кинчинджау. Очень редко выдаются такие дни, когда можно видеть ясно обрисовывающуюся на чистом небе профиль всех больших вершин. Во время летнего муссона дожди почти не прерываются, и даже зимой, когда северо-восточные пассатные ветры господствуют в воздушном пространстве и спускаются вдоль гребней, нижнее влажное течение, идущее из Бенгальского залива, направляется обратно к долинам Сиккима. После проливных дождей, туман поднимается над лесами, словно дым, и ползет по склонам гор; часто слои паров, застилающие все небо, имеют несколько верст в толщину, и пейзажи, которые кажутся освещенными скорее лунным светом, чем лучами солнца, принимают фантастический вид: вы видите не горы, а призраки гор, тем более высокие, что пары воздуха отдаляют их еще больше. В этой влажной атмосфере, при температуре почти всегда одинаковой, ветры дуют редко и не сильно, даже на высоких верхушках гор; только когда облачные завесы разрываются и горы показываются на ясном небе, местные фокусы теплоты притягивают окружающий воздух, и тогда снизу виден снег, поднимающийся в виде пучков на вершинах гор.

Край с таким сырым климатом, каков Сикким, понятно, принадлежит к числу стран, наименее привлекающих население. Даже ходить там трудно, по причине глинистого свойства почвы, которая от дождя превращается в вязкую грязь, и в период дождей, исключая самых сильных ливней, путешественники, проходящие через леса, на высоте от 1.200 до 2.500 метров[1], не могут избегнуть укушений бесчисленных пиявок, похожих на маленькия волокна, которые падают со всех листьев. Узкия долины Тисты и её притоков, в которые низвергаются воды проливных дождей, составляют настоящие воронки, где невозможно устраивать какия-либо человеческие жилища, в виду постоянно угрожающей опасности внезапных наводнений; самые удобные местоположения для постройки деревень—это высокие выступы гор, откуда вода быстро утекает во всех направлениях. Необычайное богатство и обилие растительности, которая развивается с неимоверной быстротой во влажной атмосфере, при постоянных дождях и туманах тоже составляет большое препятствие работам человека и даже заглушает часто его культурные растения, которые, к тому же, по большей части нуждаются в продолжительных промежутках хорошей погоды. Тропическая флора, развивающаяся под влиянием южных ветров, поднимается на горах Сиккима выше, чем в какой-либо другой части земного шара, лежащей под той же широтой: там увидишь еще пальмы и бананы на высоте 2.100 метров (около двух верст), на скатах, обращенных на полдень. В лесах Дарджилинга растения жаркого пояса перемешиваются с растениями умеренного; ореховое дерево растет рядом с пальмами; рододендроны составляют яркий контраст с древовидными папоротниками; чужеядные орхидеи прицепляются к ветвям дуба. Особенно папоротники представлены многочисленными видами в этом тропическом поясе гор; Гукер насчитал их около тридцати видов на одной только горе Сенчаль, на юго-восток от Дарджилинга. Эти растения овладевают всеми прогалинами леса или оспаривают их у пучков страшной «исполинской крапивы»; едва только дерево повалится, как на его стволе тотчас же поднимаются грациозные стрелки папоротника. Над полосой, где смешиваются два пояса, простирается большой лес лиственных деревьев, между которыми преобладают дуб, магнолия, каштан, ореховое дерево; но в этой области леса едва-ли могут давать какие-либо съедобные плоды, за исключением ореха; яблоко едва вызревает; груша и персик только завязываются. Слишком обильные дожди обивают здесь все плоды. Фосфоресценция лесов—очень обыкновенное явление в этой влажной области: в дождливое время года леса постоян-

1 Sherwill, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1853, № VI.

но озарены бледным сиянием[1].

Сосны занимают почти исключительно склоны, лежащие выше пояса, который соответствует умеренным странам Европы; но не эти деревья поднимаются всего выше: ивы видны еще на высоте европейского Мон-Блана. Рододендрон, одно из древовидных растений, которое всего чаще встречаешь в Сиккиме и которое нигде не является в более красивых разновидностях, окаймляет своими чащами почти все горные потоки, но он не приближается настолько, как ива, к границе вечных снегов. Даже на высоких горных проходах, через которые производится сообщение между Сиккимом и Тибетом, путешественник находит густые газоны из явнобрачных растений, заменяющих мхи и лишаи европейских гор; Гукер собрал таких растений 200 слишком видов на перевале Кангра-лама (4.791 метр), к западу от Кинчинджау; на высоте 5.500 метров, на Бомсто, он нашел их еще восемнадцать видов, и—странная вещь—эти растения, нечувствительные к холоду, не защищены шерстистым пушком, как растения европейских Альп[2]. За водораздельными гребнями начинаются солончаковые пустыни нагорья; тогда как на полуденной покатости леса простираются непосредственно под снежной линией, на севере видны только голые скалы, синия или красноватые, зловещего вида. Во всем свете нет области более пустынной и неприветливой; однако, жвачные животные водятся здесь массами, привлекаемые солончаковыми степями.

Население Сиккима почти совершенно тибетское. Племя лепча, самое многочисленное в крае, но мало-по-малу исчезающее, как чистая раса[3], ничем не отличается от своих соплеменников бодов, обитающих на высоких плоскогорьях, кроме того только, что у жителей Сиккима, под влиянием дождливого климата, кожа необыкновенно гладкая и лоснящаяся; их мускулы, хотя очень сильные, почти не выдаются из-под верхней кожицы[4]. В сравнении с индусами, всегда сдержанными, недоверчивыми и вежливыми, веселые лепчи, доверчивые, откровенные, непринужденные в разговоре, кажутся англичанам самыми приятными товарищами в дороге; флейта—их любимый инструмент, и игра их отличается большою мягкостью и прелестью; в их наречиях, резко отличающихся в этом отношении от всех языков Индии, нет ни одного ругательного выражения[5]. Диалекты различных племен Сиккима разнятся между собою, но все они принадлежат к тибетскому корню; точно также нравы и религии здесь те же самые, как у тибетцев, жителей долины Цангбо. Священная формула «он мани падми гум» раздается во всех селениях Сиккима, как и на другом склоне Гималаев, и везде вырезана на камнях, по краям тропинок. Около двадцати ламайских монастырей рассеяны в лучших местностях страны, и молодые люди, бегущие от притеснения раджей, поступают в монахи, чтобы пользоваться спокойною жизнью, не имея надобности платить подати и налоги и отправлять натуральные повинности; около 800 человек живут в этих обителях. Один из знаменитейших монастырей Сиккима—Пемионгчи, расположенный на высоте 2.100 метров, на вершине террасы, откуда зритель видит у себя над головой колоссальную массу Кинчинджинги, а под ногами долину реки Большой Ранджит, притока Тисты; прежде тут находился главный город Сиккима[6]. Нынешняя резиденция раджи, Тамлунг, лежит в восточной части страны, на высоте 1.636 метров, на горном склоне, у основания которого протекает один из притоков Тисты. В период дождей эта столица частью пустеет, так как раджа на это время уезжает, с главными сановниками, на китайскую территорию, в тибетскую долину Чумби, защищенную от проливных дождей цепью гор.

Дарджилинг, главный город округа, который англичане отделили себе из бывшего государства Сикким, с обязательством уплачивать ежегодную ренту в размере 7.500 франков, получил исключительную важность как временная столица Калькуттской провинции. Осно-

1 Hooker, „Himalayan Journals".
2 Hooker, цитиров. сочинение; „Mittheilungen von Petermann", 1861, № 2.
3 „Bengal Governement Selections, Bengal Census", 1872.
4 Hooker, цитированное сочинение; Herman v. Schlagintweit, цитированное сочинение.
5 Hooker; Campbell; Sherwill, „The Indian Alps, by a Lady Pioneer".
6 Jules Remy, „Pelerinage d'un curieux an monastere bouddhique de Pemmiantsi".

ванный в 1835 году, вскоре после уступки этой территории ост-индской компании, город, которого тибетское имя означает «Святое Место», расположен на узком хребте горы в виде полумесяца, на высоте от 2.000 до 2.250 метров откуда видно, на 1.800 метров, ниже, под лесистыми скатами, ущелье, через которое убегают воды Большого Ранджита. Дарджилинг, как и все другие «санитарные» города в Гималаях, окружен с боков казармами и батареями, но общий его вид производит впечатление многочисленной группы дворцов, вилл и дач. В сравнении с Симлой и другими английскими городами Западного Гималая, он представляет большие невыгоды, по причине его слишком сырого климата; но в утренние часы, пока еще тучи не заволокли неба, чтобы пролить на землю обычный каждодневный дождь, отсюда можно часто любоваться чудною панорамою Гималайских гор, от неясно обрисовывающейся на дальнем горизонте остроконечной верхушки Гауризанкара до колоссальных массивов Донкиаха и Чамалари; в центре, Кинчинджинга, гордо вздымающая к небу свои две по виду равные главы, кажется средоточием, куда сходятся все хребты; верхушка этого исполина всегда, при ясной погоде, точно кратер вулкана, увенчана полосой облаков, которая изгибается к востоку от дуновения верхнего обратного пассата[1]. На юге виднеется лесистая вершина Сенчаля, обрисовывающая свой профиль на фоне подернутых дымкой равнин Ганга.

Центр английского владычества в Гималаях, занимающий, к тому же, замечательно выгодное географическое положение, при вершине угла, образуемого водоразделом между притоками Ганга и притоками Брахмапутры, Дарджилинг, естественно, должен был сделаться очень деятельным рынком, как посредник между индусами и тибетцами. Сикким отправляет по своим горным потокам много строевого леса в Дарджилингский округ; Тибет посылает в самый город шерсть и рога, а Непал доставляет преимущественно домашних животных, в обмен на товары английского происхождения. В 1877 году отпуск из Дарджилинга в Сикким простирался до 354.100 франк., а привоз из Сиккима в Дарджилинг до 2.006.625 . франк., следовательно, общая сумма торгового движения равнялась 2.360.725 франк. Но тибетские границы так хорошо охраняются, что Сикким не может продать в Лассу ни малейшей части ежегодного сбора чая, который производится с 1856 года на плантациях в окрестностях Дарджилинга (в 1875 году во всем Дарджилингском округе насчитывали 121 чайную плантацию; ежегодный сбор чая определяется в 2.000.000 килограм. листьев). В этом округе разведено также хинное дерево; в 1875 году в первый раз снимали с деревьев кору и приготовляли из неё хинин. Плантаторы делали также попытки разведения в соседних лесах ипекакуаны, кардамона, а опытный сад доставляет им другие тропические растения Нового Света; кроме того, каменноугольные копи и залежи железной и медной руды составляют для английского города рессурсы в запасе, и без всякого сомнения, современем успехи местной промышленности позволят ему эксплоатировать эти рессурсы. И теперь уже Дарджилинг имеет перед всеми другими гималайскими станциями то важное преимущество, что он находится в прямом сообщении с сетью индийских железных дорог. Обыкновенный железный путь приводит путешественников в Пункабарри, у подошвы гор, а оттуда рельсовая линия, с сильными рампами в 4 и даже 5 сантиметров на метр подъема, и с крутыми поворотами в 21 до 22 метров, поднимается с гребня на гребень до высоты 2.225 метров, на вершину, где раскинулся новый город. Далее, многочисленные грунтовые дороги, проходящие через чайные и хинные плантации, извиваются по бокам гор и оканчиваются в селениях Сиккима. В Дарджилинге похоронен венгерский путешественник Чома Кереш, который так много сделал для изучения тибетского языка.

Дарджилинг имеет, как и Симла, свою «большую дорогу в Тибет». Эта дорога спускается на восток, в долину Тисты, переходит через эту реку по прекрасному висячему мосту и поднимается по гребням в северо-восточном направлении к Джайлапскому горному проходу, на севере от Гипмочи. Эта брешь, представляющая сравнительно легкий подъем, так как она имеет всего только 3.960 метров высоты, дает доступ в тибетскую долину Чумби; но последняя, как и Сикким, принадлежит к индийскому склону Гималаев, и вероятно, китайцы еще

1 „The Indian Alps, by a Lady Pioneer";—Kuntze, „Aus alien Weittheilen", 1881.

не скоро решатся продолжить английскую дорогу на свою территорию через гребни Гималайской и Загималайской цепей. Впрочем, там именно и открывается один из удобнейших путей между противоположными склонами, тот путь, которым следовали, в прошлом столетии и в начале нынешнего, английские посланники при тибетском дворе, Богль, Торнер и Маннинг.

Лишенный теперь своих восемнадцати доаров, или ворот, открывающихся на равнины Бенгалии и Ассама, Бутан, или, вернее. Бут-ант, т.е. «оконечность земли Бут или Бот»[1], заключает в себе только узкия горные долины, отделенные одна от другой высокими кряжами, через которые ведут труднопроходимые тропинки. Самая западная долина, именно долина реки Турсы, ограниченная на севере тибетскою территориею Чумби, почти совершенно отделена от остального Бутана и принадлежит ему политически только благодаря любезности англичан. Первая долина вполне бутанская—это долина реки Чин-чу, которая берет начало на боках Чамалари; в этой долине находится и главный город страны. Санкос, горный поток, параллельный реке Чин-чу, тоже питается снегами Гималаев, и одна из гор, которые господствуют над этою частью хребта, еще неисследованная, разве только измерительными инструментами инженеров-топографов, по высоте превосходит даже колоссальную пирамиду Чамалари. Но на востоке исполинская стена Гималаев пробита, как и во многих других местах, размытою водами долиною, по которой протекает река Манас, получающая начало в широком понижении горной массы, которое разделяет две главные цепи гималайской системы.

Бутанцы (бутиа) принадлежат к той же расе, как и тибетцы, и самое имя их происходит от того же корня, как название народа бод (тибетцев), жителей нагорья, и племени ботиа, обитателей полуденного склона, в Непале и Кумаоне; им дают также общее наименование ло. Они вообще малорослы, но крепкого телосложения и могли бы считаться одною из лучших рас Индии, если бы пропорция зобатых не была так велика между ними. Едва-ли найдется также народ более угнетенный, чем эти бутиа; они не имеют никакой собственности, и участь их зависит от прихоти господ или монахов, которые ими управляют. Английские посланники, посетившие их край, описывают положение бутанцев в высшей степени жалким и бедственным; земля, которую они обработывают, не принадлежит им, и государство наследует всякое приобретенное ими имущество; они сохраняют из полученного ими сбора плодов земных только долю, строго необходимую для того, чтобы приобрести несколько листьев бетеля и не умереть с голоду; остальное забирается губернаторами, которые не получают никакого содержания, но которым присвоено право удерживать в свою пользу часть собранного налога. Чтобы пользоваться мирно и безбоязненно плодом своих трудов, тысячи бутанцев эмигрируют каждый год в провинции Индийской империи и преимущественно в британский Сикким, где их считают вообще далеко уступающими лепчам в отношении веселости характера, откровенности и трудолюбия.

Неудивительно, что при таком порядке страна обеднела. Торговля, составляющая монополию правительства, осталась маловажною или даже уменьшилась, хотя Бутан обладает большими естественными богатствами и имеет отличную породу лошадей, хорошеньких и необыкновенно выносливых пони. Торговля этой страны с английской Индией в 1895—96 г.г. выразилась, по ценности, следующими цифрами: ввоз—17.560, вывоз 17.406 десятков рупий. Бутанцы, когда они не имеют причины бояться, что у них отнимут плод их работы, трудолюбивы; они старательно возделывают террасы, расположенные уступами одна над другой по бокам холмов, ткут прочные материи, фабрикуют очень красивые железные и медные изделия, превращают кору растения diah или daphne papyrifera в писчую бумагу и даже в род атласа, делают резные украшения из дерева, нелишенные вкуса, строят просторные и удобные шалаши, довольно похожие на шале швейцарских Альп. Во многих городах есть богатые пагоды китайской архитектуры. Цепной мост, который английский посланник

1 Latham, „Descriptive Ethnology"; Dalton, „Ethnology of Bengal".

Торнер видел в Чуке, на реке Чин-Чу, показался ему чудом строительного искусства, и прошло много лет прежде чем Европа могла похвастать подобным сооружением; бутанцы и сами приписывают этот памятник руке бога[1].

Правительство страны организовано по образцу тибетского, с тою разницею, что китайские министры, истинные носители власти в Бод-юле, не появлялись в Бутане. Духовный государь, нечто в роде великого ламы, носит название чойгиал, по-санскритски дармараджа, т.е. «царь закона». Когда этот будда умирает, совет министров (ленехен) ищет, в продолжение года или двух, ребенка, в которого бог изволил воплотиться, и находит его обыкновенно в семействе одного из высших сановников государства. Рядом с духовным государем царствует другой раджа, по имени деб, который тоже назначается советом министров, или, лучше сказать, партией, располагающей в то время властью; в принципе, правление деба не должно бы продолжаться более трех лет, но он всегда может удержаться на троне, если пользуется расположением вельмож. Главными губернаторами, или пенло, считаются губернаторы Западного Бутана и Восточного Бутана, из которых первый имеет местопребывание в городе Паро, а последний—в городе Тонгсо[2].

Столица Бутана, Тасисудон (Тасичосонг), лежит в цирке гор, на берегу реки Чин-Чу. Зимняя резиденция светского раджи, Панаха или Пунаха, находится на востоке, в другой долине, уже очень низкой (530 метров), хотя и в сердце гор. Дворец раджи окружен манговыми и апельсинными деревьями; можно бы подумать, что находишься где-нибудь среди равнин Бенгалии, если бы на севере не поднимались исполинской стеной крутые склоны снеговых гор. Паро, главный город Западного Бутана, расположен в другой долине, на запад от Тасисудона. Что касается главного места восточной провинции, Тонгсо, то это не более, как деревушка, которая сообщается с территориями Ассама через горный проход Руду (3.668 метров), часто заваленный снегом.

Власть «царя закона» не распространяется на восток за бассейн Манаса, и даже некоторые восточные притоки этой реки не принадлежат к его юрисдикции. Между государством, оффициально признающим его власть, и независимыми племенами Восточного Гималая расположены владения лам-раджей, или «жрецов-царьков», которые называют себя вассалами далай-ламы, но которые в действительности совершенно независимые владетельные князья, благодаря их отдаленности от Лассы и трудности сообщений через гималайские гребни; они даже ведут иногда войны между собою и, смотря по исходу борьбы на поле битвы, изменяют границы своих владений, не считая нужным уведомлять об этой перемене своего сюзерена[3]. Несмотря на эти распри маленьких владетельных князьков, земля Ханпо-Бот, т.е. «монастырских» ботов, имеет довольно важное значение как торговый пункт между Тибетом и Ассамом. Так как весь восточный пояс Гималаев, населенный дикими племенами, недоступен для караванов, то последние принуждены следовать по окраине этой территории, через город Тованг. На север от этого торгового места, лежащего на высоте 3.133 метров, почти вся страна зависит от тибетского монастыря Чона-джонг, тогда как на юге долины принадлежат товангским ламам, до самой английской границы; прежде даже часть округов, присоединенных теперь к Индийской империи, была под властью монахов. По приказанию Кето, или правительствующего совета монастыря, тибетские караваны должны останавливаться в Чона-джонге, откуда жители этого края переносят товары в Ассам, платя пошлины монастырю. Эта тибетская дорога, идущая мимо больших озер, пролегает через горные проходы, достигающие от 4.000 до 5.000 метров (от 13.125 до 16.405 футов) высоты[4].

Военный пост Девангири, завоеванный англичанами, лежит на высоте 450 метров, на последнем контрфорсе горы Тасгонг (4.200 метров) и наблюдает в одно и то же время за населением Восточного Бутана и за «монастырскими» ботами; вместе с тем, он имеет и торговое

1 Samuel Turner, „Account of an Embassy to the Court of the Teshoo-Lama".
2 Ashley Eden; Ware Edgar; Boileau Pemberton, „Official Records".
3 Herman von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".
4 Nain Singh, „Journal of the Geographical Society of London", 1877.

значение, так как в нем ежегодно бывает ярмарка, одна из самых больших в Ассаме. На другой оконечности Бутана старинная крепость Букса, построенная на платформе или площади скал, выровненной руками человека, играет такую же наблюдательную роль по отношению к западным бутанцам. Часто поднимался вопрос о том, чтобы направить движение европейской колонизации в прилегающие к этим укрепленным пунктам Гималаев местности, на склоны доаров, посредством дарового отвода переселенцам земель и освобождения их от податей и земельных налогов; но до настоящей минуты эти предприятия так и остаются в состоянии проектов. В области терая, окаймляющей эти доары, или «ворота», обширные территории принадлежали некогда различным владельцам, смотря по времени года: с июля по ноябрь они были занимаемы ассамитами и племенем меч; в остальное же время года они становились собственностью бутанцев.

На восток от маленьких государств с часто меняющимися границами, управляемых настоятелями буддийских монастырей, территория разделена, как известно, между различными племенами, которые до сих пор еще не пускают к себе ни китайца, ни индуса, ни англичанина, но которые, из опасения потерять субсидию, платимую им британским правительством, не делают более разбойничьих набегов на прибрежные местности Брахмапутры. Ахинцы (аха), занимающие, в числе около миллиона душ, западную часть этой территории, сами себя называют хруссо; они теперь уже не заслуживают тех прозвищ, которые прежде давали их племенам: харази-хоа, или «едоки тысячи очагов», и каппачор, или «похитители хлопка». Один из их кланов даже принял уступленные ассамским правительством земли, лежащие в равнине, и теперь индусские обрядности мало-по-малу вытесняют у этих поселенцев обычаи фетишизма. Еще недавно ахинцы не умели даже обрабатывать землю и не знали никакого промысла, кроме скотоводства; однако, они, как и большая часть дикарей Индии, не любят молока и никогда не пьют его[1]. По Гессельмейеру, язык их походит на язык племени шан и жителей Манипура; эту последнюю страну он и считает их первоначальной родиной. На север от ахинцев долины заняты народом миджи, о котором почти ничего неизвестно[2]. На востоке живут различные племена, которым жители равнины дают общее наименование дапла или дафла, но которые сами себя называют бангни, т.е. «люди». Прежде это были самые страшные из грабителей, но затем они распались на множество народцев, которые не съумели дать дружного отпора плантаторам, поддерживаемым английскими солдатами. В 1872 году число начальников племен, независимых один от другого, которым правительство платило выкуп в вознаграждение за отказ от права делать разбойничьи набеги, простиралось до 258; правда, что каждый из них получал не более одного фунта стерлингов в год. Так же, как и ахинцы, даплы доставляют теперь ассамским плантаторам значительное и постоянно возрастающее число работников и мало-по-малу проникаются идеями своих соседей индусского происхождения. Подобно своим соседям, жителям Тибета, они допускают у себя все формы брачного союза, как многомужие, обычное между бедными, так и многоженство, практикуемое обыкновенно богатыми[3].

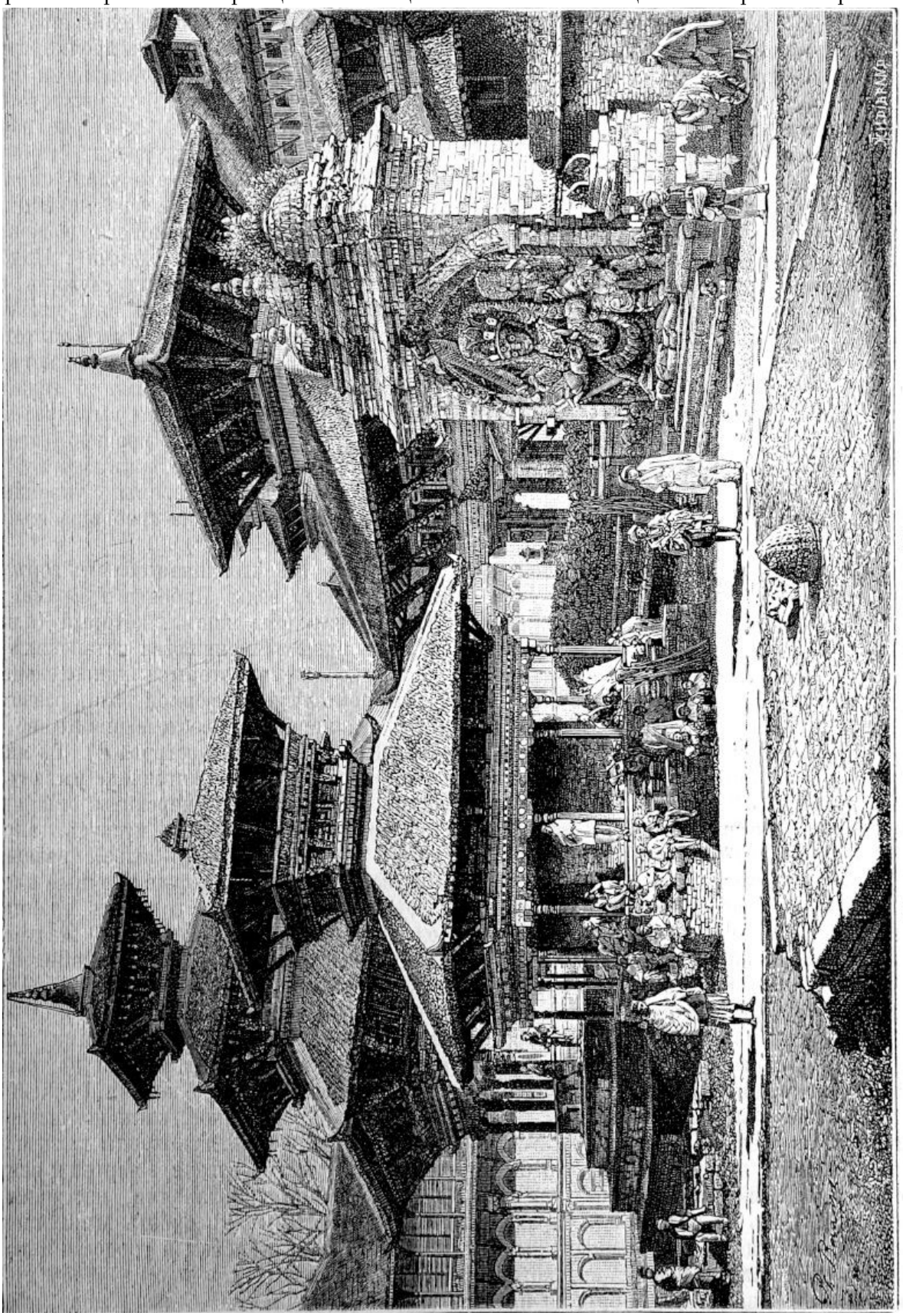
Падамцы или пагдамы, называемые ассамитами общим именем абор или абар, т.е. «дикари», населяют, вместе с мирами, долины, в которых протекают реки Дихонг и Дибонг, в Восточных Гималаях. Принадлежа к той же этнографической группе тибетского происхождения, как даплийцы и ахинцы, и говоря наречиями, сходными с диалектами этих племен, они лучше сохранили свою независимость, но и они также получают от своих могущественных соседей ежегодные подарки, залог их покорности. В 1853 году, когда миссионер Крик проник в их страну, они впустили его не прежде, как покрыв его листьями,—вероятно, для того чтобы преобразить его в лесного человека,—и заставив его пройти под аркадой, унизанной луками и стрелами. В их соседстве живут миры или мирийцы, т.е. «посредники»—имя,

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".

2 Heseelmeyer, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1868 ч. II, № IV.

3 „Robinson", тот же сборник 1851 г., № II; Dalton, „Ethnology of Bengal".

вполне соответствующее их промыслу, так как они и в самом деле занимаются посредничеством в меновой торговле между жителями равнины и горцами. Падамцы называют себя старшими братьями мирийцев и вообще считают себя специально привилегированными



Храмы противъ дворца въ Катманду.

между племенами. И действительно, они счастливее, благодаря своей независимости. Они не признают над собою никаких политических господ. Все мужчины по праву члены общинного собрания, которое сходится каждый вечер и обсуждает все вопросы, интересующие боль-

шую семью; совет выборных должен только обнародовать решения, принятые совокупностью граждан. Но добровольная дисциплина образцовая. После совета, молодые парни обходят деревню, выкрикивая дневной порядок на завтра, и все подчиняются этому решению, что бы ни было определено—идти ли на охоту или рыбную ловлю, работать на полях или справлять какой-нибудь праздник. В важных обстоятельствах избирают делегатов, которые собираются в деревне Бор-Абор, по имени которой иногда называют и все племя; но результат их совещания получает силу только по утверждении его общинами. Селения отличаются замечательною чистотою и опрятностью; общественный дом, где ночуют холостые парни и который служит рукодельней в ненастные дни, содержится в величайшем порядке, дороги обсажены по бокам фруктовыми деревьями; мосты из индийского тростника сделаны очень красиво и прочно; превосходно возделанные сады и поля могли бы служить образцами ассамским плантаторам. У аборов есть жрецы, но это звание не наследственно; их выбирают среди стариков, предсказания которых всего чаще оправдывались событием и которые успешно исцеляли больных, «принуждали демонов возвращать недужным душу, уже взятую ими». Падамцы татуируются, при чем крест служит главным украшением, которым они отмечают себе лоб и нос. Женщины имеют тот же знак на губах и икрах: они украшают себя также ожерельями, браслетами и тяжелыми железными серьгами, которые, вытянув мочку уха, ложатся на плечах. Украшения эти привозятся из Тибета, также, как латы мужчин и их металлические шлемы, украшенные птичьим клювом или на-крест расположенными клыками кабана[1].

Наименее исследованная область гор, где берут начало воды Дибонга и Брамакунда, населена народом мишми, который Дальтон считает единоплеменниками китайских миаоце и одно племя которых удивительно походит чертами лица, формой тела, развитием икр на японцев-простолюдинов во всей средней части главного острова[2]. Те мишми, с которыми ассамские англичане имеют сношения, очень ловкие коммерсанты: они приносят на рынки равнины мускус, аконит (волчий корень, или царь-зелье), разные лекарственные снадобья и даже прочные материи, которые они ткут из волокон крапивы. У большинства мишми цвет кожи желтоватый и лицо плоское; однако, многие из них имеют черты лица почти арийские, что сами они объясняют как следствие смешения с индусскими пилигримами, приходящими каждый год в Брамакунд; одеты они в какой-то мешок, ниспадающий до колен. Религия мишмиев есть не что иное, как искусство колдованья и заклинаний; их жрецы, как шаманы тунгусов, умеют изгонять чертей и исцелять недуги своими кривляньями, исступленными плясками, битьем в бубны. Мишми придерживаются многоженства, и гордость начальников племени состоит в том, чтобы приобрести себе как можно больше жен, цена которым сильно разнится—от одной свиньи до двадцати быков. После жен, главное богатство мишми составляет скот; особенно ценят они один вид быка, называемый митун (bos frontalis), который живет почти в диком состоянии, но который всегда тотчас же прибегает на голос хозяина, когда тот предложит ему полизать соли. Огромные дома, из которых каждый вмещает в себе сотню и больше обитателей, украшены внутри рогами митуна и трофеями животных, убитых на охоте. Слово «голова» употребляется у мишми для всех вещей, составляющих предмет мены[3]. Причину этого не следует ли искать в охоте на людей, которою они некогда занимались?

Но из многочисленных народцев племени мишми пока известны только те, которые живут в соседстве равнин. Остальных же, обитающих внутри горной области, знают лишь по имени, и если верить рассказам купцов, пройдет еще много лет, прежде чем дороги проникнут в территорию этих дикарей. К одному из этих горских народцев, живущему по берегам реки Дихонг, можно, говорят, пробраться не иначе, как дорогой, проложенной по карнизу скал, которая в одном месте прерывается гладкою отвесною стеною с пробитыми в ней дыра-

1 Krick, „Relation d'un voyage an Thibet".
2 Лев Мечников, рукописные заметки.
3 Cooper, „New routes for Commerce".

ми для рук и ног путешественников[1]. Выяснить географию этих стран будет тем труднее, что селения там не имеют собственных названий, а обозначаются по именам начальников кланов[2].

V. Магометанская Индия

Пенджаб, Дерадиат, Багавальпур, Западная Раджпутана, Синд и Кач; Пятиречье, Инд и пустыня.

Вся страна четыреугольной формы, заключенная между кашмирским Гималаем, краем афганского и белуджистанского плоскогорий, морем и горами Раджпутаны, представляет естественную область, совершенно отличную от остальной Индии. Некогда морской залив, как о том свидетельствуют найденные в разных местах ископаемые остатки морских животных, Пенджаб и Синд орошаются теперь реками, вытекающими из одних и тех же снеговых гор и соединяющимися в один речной бассейн. На восток от нижнего Инда вся территория, в настоящее время почти безводная, которая простирается до горы Абу и до цепи Аравали, тоже была орошаема этими реками, и теперь еще видны следы старых русл, маленькия извилистые озера или болота, окаймленные дюнами. Река Луни, спускающаяся к заливу Качскому (Ранн), параллельно Инду, прежде была связана с сетью гималайских потоков. В этой стране больших летних жаров все посевы и культуры, а следовательно и человеческие поселения, зависят от распределения вод. Когда какая-нибудь река высохнет или переменит русло, население прилегающих к ней местностей должно неизбежно выселиться или погибнуть гораздо вернее, чем в том случае, если бы страна подверглась нашествию целой армии кровожадных истребителей. Таким-то образом почти все жители северо-западного Индустана принуждены были сгруппироваться в территории Пятиречья и вдоль западного берега Инда, до самого моря; только малочисленные колонии поселились на восточной стороне реки, вдоль каналов и в сырых низменных местах. По большей мере только половина этого края населена, и хотя некоторые части Пенджаба усеяны городами, но общая плотность народонаселения гораздо меньше в этой стране, рассматриваемой в целом, нежели в остальной Индии. Бассейн Инда отделен от Полуострова безводною пустыней: эти две области связаны между собою в торговом и политическом отношении лишь поясом возделанных земель, идущим вдоль основания Гималайского хребта, между бассейном Ганга и Пятиречьем. Легко понять, как велика, с стратегической точки зрения, важность этой полосы земли, соединяющей с Англо-индийскою империей область почти внешнюю речного бассейна, имя которого, однако, сделалось именем всей Индии. По самому своему положению, северо-западные провинции, по которым протекает Синд, были наиболее уязвимою частью Индустана, и их политические судьбы часто изменялись. Брешь, образуемая долиной Кофена, или реки Кабул, часто позволяла завоевателям проникать в Индию. Через этот пролом пришли и сами арийцы, оттесненные мало-по-малу к востоку притоком новых переселений. С западных плоскогорий спустились древне-персидские завоеватели, затем греки Александра Македонского, далее арабы, турки под предводительством Великого Могола, афганцы, и в эту же сторону постоянно обращают взоры нынешния населения Индии, задавая себе вопрос: не собираются ли и русские, в свою очередь, спуститься к ним?

Пространство и население бассейнов Инда и Луни и островов Качского залива:

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".
2 Cooper, „New routes for Commerce".

	Площадь в кв. километр.	Население в 1872 г. душ	Число жит. на 1 кв. к.
Пенджаб (без Дели)	257.347	15.695.075	61
Вассальные государства равнины (Сиргинд, Капуртала, Багавальпур)	61.309	2.952.100	48
Западная Раджпутана (Марвар и Биканир)	199.285	6.885.000	36
Синд, Хайрпур и Кач	160.356	2.810.070	18
Всего	678.297	28.342.245	40
Вероятная цифра народонаселения в 1882 г.		30.000.000	44

Имя Пенджаб—по-санскритски Пандшанада,—или «Пять Рек», сменившее прежнее название Сапта Синдхава, или «Семь Рек», доказывает, что гидрография северо-западной равнины Индустана изменилась уже во времена исторические. Некоторые реки высохли, «пропали», по народному выражению; обширные пространства земли, некогда густо населенные, превратились в безлюдные пустыни; песчаные дюны, гонимые ветром, поглотили многие города, здания которых теперь откапывают под землей. Климат сделался, вероятно, суше, и, следовательно, почва бесплоднее. Правда, что уже и в ту эпоху, когда первые арийцы поселились в местностях, орошаемых «семью» реками, им часто приходилось терпеть от продолжительных засух, и они то и дело взывали к Индре, умоляя его «пролить дождь для жертвоприносителя»; но пустынное пространство, или «царство смерти», было тогда менее обширно, и области, оплодотворяемые текучими водами, занимали более значительную площадь. Постепенное высыхание озер Гималайского хребта, большинство которых превратилось в соляные водные поверхности, свидетельствует о совершившемся изменении климата, которое, естественно, должно было проявиться также и в равнинах; в то время, как умалялось количество выпадающего снега на вершинах гор, уменьшались и дожди в низменных местностях.

Гидрография Пенджаба должна была изменяться также вследствие блуждания горных потоков, которые, по выходе из гималайских «ворот», должны искать себе покатости на почве почти ровной; плоский песчаный или покрытый мелким булыжником берег, уступающий на том или другом пункте напору воды, ствол дерева, уносимый течением, достаточны для того, чтобы русло потока переместилось, речка или река принимает новое направление и иногда к другому бассейну. Водораздельная равнина, высотой около 250 метров, отделяющая течение Сетледжа от течения Джамны, с виду совершенно горизонтальна, и действительно, подъем её так мал, что промежуточный порог, находящийся в 144 километрах к западу от Джамны, всего только на 20 метров (28 аршин) возвышается над средним стоянием вод этой реки. Большинство рек, спускающихся с передней цепи Гималая, текут совершенно в уровень одна с другою и с равниной, вследствие чего они соединяются между собою каналами, естественными и искусственными, образуя целую сеть потоков в месяцы наводнения; рукава их разветвляются на подобие ветвей опахала, образуя среди плантаций и лесов равнины род дельты, которая теряется не в Океане, а в пустыне; как на пример этого явления разветвлений на рукава, можно указать на Голанадди, реку, где течет излишек вод Кумаонских озер. Есть основание думать, что Джамна, ныне главный приток Ганга, направлялась некогда к Инду, принося плодородие странам Западной Раджпутаны, в наши дни пустынным. С другой стороны, река Сарасвати, которая теперь теряется в песках между Джамной и Сетледжем, упоминается в Магабгарате как один из притоков Ганга[1].

Незначительный временный поток, который в настоящее время остается от Сарасвати или Сарсути, повидимому, совсем не заслуживал тех песнопений, которые слагали в честь его древние арийские поэты. Вытекая из предгорий Гималая, он приносит в равнину, на порог, отделяющий Джамну от Сетледжа, лишь дождевые воды, обильные только после ливней; в обыкновенное же время эта речка, отводимая справа и слева в оросительные канавы, скоро иссякает; даже нужно задерживать ее запрудами, чтобы приходящие пилигримы мог-

1 Ади-Парва, двустишие 6455.

ли смывать свои грехи в её священных водах[1]; на месте слияния «Семи Сарасвати», о котором говорит Магабгарата, теперь остался только пруд, наполненный грязной водой; Сарасвати не может более соединяться с параллельною ей рекою Гаггар, с которою она текла прежде, либо в Инд[2], либо прямо в море, к Качскому заливу. Исчезновение Сарасвати должно было совершиться в эпоху уже очень отдаленную от нас, так как древние индийские поэмы упоминают об этом событии и тысячи местных легенд связаны с преданием о бегстве богини. Ниже последних луж, где вода Сарасвати показывается еще в песках, видна местами та широкая ложбина, в которой некогда извивалось её течение, ложбина, окаймленная по сторонам давно покинутыми селениями и обрушившимися плотинами; инженеры-топографы проследили и обследовали эту ложбину до самого Багавальпура, верст на триста далее местечка Батнер, крайнего южного пункта, до которого она теперь достигает в период разлива. Без сомнения, арийцы, обитавшие на берегах Сарасвати, придавали особенную, исключительную важность этой реке, которая долгое время служила им границей; но как бы ни было велико их желание прославлять священный поток, они не могли бы описывать его так, как они описывали, если бы он не был действительной рекой. Самое имя, которое они ему дали, «Многоводная река», стало впоследствии применяться к морю. Риг-Веда изображает реку Сарасвати, как «прекраснейшую, достойную любви и наиболее почитаемую из семи сестер»; она (т.е. Сарасвати) «быстрее колесницы» и «защищает своих, как железная стена»[3]; это огромный поток, пробивающий горы и превосходящий все другие реки своими шумящими волнами[4]. Невозможно, конечно, объяснить контраст между нынешнею, лениво текущею речкою и тогдашним стремительным потоком прорытием каналов, уносящих воды Сарасвати на прибрежные равнины, так как и другие реки в такой же мере доставляют необходимую воду для орошения полей и плантаций. Точно также нельзя объяснять обмеление Сарасвати изменением климата или обезлесеньем гор, так как те же причины одинаково действовали во всем бассейне Инда. Следовало бы допустить, что нынешняя Сарасвати не та река, о которой говорят древне-индийские поэты,—предположение, которое не согласовалось бы с общею географиею страны, как ее изображает Веда; или нужно было бы видеть в исчезновении могучей реки следствие одного из тех перемещений, которые так часто происходили у «ворот» Гималая. Подобно тому, как Тиста, вместо того, чтобы течь к Брахмапутре, спускалась прежде к Гангу, так и Сетледж, или один из его рукавов, не впадал непосредственно в Инд и не соединялся с Биасом; протекая южнее, он принимал в себя реки Гаггар и Сарасвати. Это он, вероятно, и наполнял ту широкую безводную ложбину, которая теперь видна в пустыне, и таким образом составлял продолжение «священной» реки[5]. Фергюсон, напротив, полагает, что древняя Сарасвати была не что иное, как один из рукавов Джамны[6].

Как бы то ни было, вся страна Пятиречья изборождена по направлению с северо-востока на юго-запад речными ложами, из которых одни наполнены водой, другие опорожнены, вполне или отчасти, и к которым примешиваются там и сям искусственные каналы, превращенные разливами в живые потоки. Иная река принадлежала последовательно к двум различным бассейнам; другая, быв сначала главною ветвью, снизошла впоследствии на степень простого притока. Оттого-то предания и исторические свидетельства, противоречащие одно другому относительно многих пунктов, не позволяют установить с полной достоверностью тожество всех черт этой гидрографической сети, беспрестанно видоизменявшейся в течение веков; единственные неизменные, неподвижные точки—это бреши, открывающиеся между массивами холмов верхнего Пенджаба. Благодаря этим дефилеям, «Пять Рек», несмотря на все перемещения их нижнего русла, не удалились от своих верхних долин со времени похода Александра Македонского. Комментаторы нисколько не сомневаются относительно сино-

1 Login, „Quarterly Journal of the Geographical Society“, may 1, 1872.
2 Vivien de Saint-Martin, „Geographic du Veda“.
3 „Rig Veda”, trad. Langlois, tome III.
4 Langlois; Vivien de Saint-Martin; Zimmer, „Altindisches Leben”.
5 Oldham, „Notes on the lost Rivers of the Indain Desert”.
6 Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India”.

нимии древних и новых имен этих рек, «свято чтимых матерей», которые сходят с неба и которым земля обязана своим плодородием. Вот эти имена.

Реки Пенджаба, с запада на восток:

Имена санскритские	Греческие	Нынешния
Витаста	Гидаспес, Бидаспес	Джилам, Бегат, Бедаста
Асикни, Чандра-Бага	Акесинес	Чинаб, Чандра-Бага
Парушни, Иравати, „Обильная”	Гидраотес	Рави, Рава, Равати
Випаса	Гифазис, Гипазис, Бипазис	Биас, Бейах
Сатадру, Сутудри (сто рукавов)	Зададрос	Сетледж, Гарра, Газа и пр

Из всех этих рек самая значительная, как по длине течения, так и по обилию вод,—Сатледж, или Сетледж, зарождающийся близ Тибетского Кайласа, в соседстве истоков Инда, Ганга и Цангбо. Соединяясь в наши дни с Биасом, уже в верхней области Пенджаба, он течет прямо на юго-запад и сливается с большим потоком Тримаб, или «Трех Рек», образуемым реками Чинаб, Джилам и Рави. Эти соединенные пять рек, за которыми различные писатели удерживают имена Сетледж или Чинаб, тогда как другие употребляют название Панджнад, впадают в Инд, объем которого они удвоивают, и который продолжает их в юго-западном направлении. Место слияния лежит только на 79 метров выше уровня Аравийского моря.

Сток, или расход (объем протекающей в секунду воды) рек Пенджаба в сезон мелководья, при выходе из гор, по Бекеру, Коннингаму, Нэпиру и др. (в кубических метрах):

Сетледж—89; Чинаб—131; Биас—86; Джилам—112; Рави—75; сток Пенджаба или Пяти Рек, принимая в рассчет испарение—335; сток Инда во время мелководья, при слиянии—420; сток двух соединенных рек, в мелководье—756; сток средний Инда, при слиянии—4.498.

В период половодья Сетледж и другие реки имеют очень внушительный вид; они разливаются на версту, местами на несколько верст в ширину и настолько глубоки, что по ним могут ходить большие суда; пароходы поднимаются тогда по Сетледжу до Фирозпура, ниже устья Биаса. В это время, т.е. в сезон наводнений, реки Пенджаба вполне заслуживают сравнения индийских поэтов, которые показывают нам кортеж Инда как блестящую свиту царя, окруженного военачальниками на быстрых конях[1]. Но в период засухи те же самые реки являются в виде узких и мелководных потоков, извивающихся между островов и песчаных мелей: воды в них в это время так мало, что даже сплавлять лес не всегда возможно. Часто прибрежные жители переходят их в брод, не имея надобности опираться на носимые с собою и употребляемые для переправы мешки из буйволовой кожи, которые издали походят на самих животных, так что караваны путников, нагруженных этими курьезными челноками, представляют странное зрелище. Из года в год кровопускания, делаемые пенджабским рекам, чтобы отнять у них излишек вод разлива в пользу требующих орошения полей, умаляют сток, и соответственно тому бесплодные пространства доабов, т.е. земель «между двумя реками», постоянно уменьшаются в размерах. Выходя из гор, река Рави катит вдвое больше воды, чем у Лагора, втрое больше, чем у Мультана; без сомнения, ни одна из этих пяти рек не достигала бы моря отдельно; каждая терялась бы в песках, как Сарасвати, если бы не доходила до Инда[2].

К югу от этих еще мало известных ущелий, которыми он пробирается, обогнув массив Нанга-Парбат, Инд, или Або-Синд, т.е. «Отец Рек», вступает в Пенджаб как бы через триумфальные ворота,—отсюда турецкое имя «Дербенд», данное этому проходу, над которым с запада господствуют Магабанские горы. Эти ворота, через порог которых путешественники не отваживались переходить, считались прежде «истоками Инда», хотя река в этом месте находится в 1.300 километрах от своего истинного начала и совершила уже около половины своего пути до моря. По выходе из гор, Инд разливается сначала в широком русле, среди об-

1 „Rig Veda”, X, 75; Vivien de Sait-Martin, „Geographie grecque el latine de l’Inde”.

2 Adolph von Schlagintweit, „Mittheilungen von Petermann“, 1857, № 7.

ширной равнины, бывшей некогда озером, и соединяется с рекой Кабул, по виду такой же могучей, как он сам, и гораздо более важной с исторической точки зрения, так как по этой реке направляется главный путь Индии, которым следовали во все времена переселения народов, торговое движение и армии завоевателей. На небольшом расстоянии вниз от слияния двух потоков, Инд ударяется о скалы, от которых город, защищающий переход через реку, получил имя Атток, или «Остановка»; существовавший в этом месте пловучий мост заменен теперь железнодорожным путеводом о четырех пролетах. Затем река снова должна пробираться длинным рядом ущелий между крутых каменных стен; на пространстве около 160 километров горы и холмы заставляли путешественников сворачивать или на север, или на юг, чтобы переправиться через Инд. При таких условиях Аттокская позиция не могла не сделаться обязательным местом перехода в истории мира; крепости, следовавшие одна за другою в этом месте, наблюдают за путем, спускающимся с Гинду-куша к Гангу. Прежде Инд часто называли Аттоком или Нилабом, по имени форта, стоящего ниже Аттока, при одной теснине реки. Чтобы лучше защитить свою границу со стороны Афганистана и иметь возможность, в случае надобности, двинуть параллельно две армии в направлении Кабула, англичане построили к югу от Аттока вторую железнодорожную линию, которая подойдет к реке Кушал-Гара и впоследствии будет продолжена к Когату и полуденному склону хребта Сефид-Кох.

По выходе из ущелья Калабахского (Карабахского), или «Черного Сада», Инд окончательно покидает область гор и, снова очутившись на свободе, змеится длинными извилинами по равнине, окаймленной боковыми потоками или рукавами и ложными реками, указывающими прежния русла главной реки. Получая только один постоянный приток с западной стороны, Курам, он постепенно уменьшается от испарения до Митанкота, где принимает в себя Панджнад, образовавшийся из слияния «Пяти Рек». В этой области, где сталкиваются течения двух больших рек, капризы выступившей из берегов реки опаснее, чем где-либо. Самый Митанкот был разрушен в 1863 году разливом Инда, вследствие чего принуждены были перенести город верст за восемь от нынешнего берега, на возвышенное место, защищенное от наводнений. Оградительные валы, воздвигаемые инженерами с той и другой стороны для защиты берегов, оставляют речным водам среднюю ширину в 8 километров, еще недостаточную в дождливое время года. Но уровень разливов постоянно уменьшается по направлению к низовью; тогда как в Аттокском дефиле вода в реке поднимается на 16 метров (около $7^1/_2$ сажен) выше зимнего стояния, в проходе Рори повышение уровня составляет только 5 метров (7 аршин)

В этом месте, т.е. у Рори, река съуживается, чтобы пройти маленькую цепь известковых холмов, которая немного нарушает горизонтальность равнины. Береговой утес, на котором расположен город Рори, поднимается на 13 метров над средним уровнем воды, и лежащий на середине реки скалистый островок Баккар (Буккур), на котором высятся стены крепкого замка, прерывает течение; этот естественный устой, так сказать, наперед указывал место для постройки моста через реку, который действительно и сооружен тут. Основываясь на геологическом исследовании почвы, а также на словах предания,—не опирающагося, впрочем, на какие-либо исторические свидетельства,—можно заключить с большою вероятностью, что Инд в том месте, где он встречает известковую цепь Рори, поворачивал прежде на юг и направлялся прямо к Качскому Ранну, соединяясь с рекой, которая, как полагают, составляла некогда продолжение Сетледжа и Сарасвати через канал Гакра, или Вагинд, ныне высохший. Ложбина древнего речного русла известна обыкновенно под именем «Восточной» Нарры, или просто Нарры (река), и в сезон дождей она действительно дает проход временной реке, разливающейся местами в озера и болота. Обыкновенно на картах Восточная Нарра представлена как простой исток Инда, как верхняя ветвь его дельты; но в наши дни очень редко так бывает. В настоящее время сообщение между Индом и ложбиной Нарры установляется при помощи шлюзованного канала. Только при исключительно высоких разливах воды главной реки переливаются через береговые плотины в восточную пустыню и теряются в равнинах Пат или даже в солончаковых пространствах Ранна. Но если бассейн Нарры те-

перь почти независим от Инда, то он несомненно не был таким еще в недавнюю историческую эпоху. До сих пор еще видно широкое русло, известное под именем Райн, которое несло воды главной реки в Нарру, и о котором предание говорит как о главном русле Инда. Другие каналы, широкие и глубокие, вырытые ниже в пустыне, свидетельствуют о беспрестанных блужданиях реки, искавшей наиболее удобного пути к морю. По словам Борнса, один рукав Инда, носивший название Пурана, или «Древний», протекал еще в 1672 году на расстоянии около 200 километров к востоку от нынешнего устья. Все признаки, обнаруженные изучением страны, указывают на тот факт, что великая индийская река постоянно подвигалась все далее и далее от востока к западу или в силу качательного движения почвы в этом направлении, или вследствие вращения земного шара, заставляющего реки северного полушария уклоняться вправо от нормального направления. Это постепенное перемещение Инда к западу имеет то следствие, что соседния, лежащие на восток от него, местности все более и более иссушаются, и многие пресноводные потоки, отделяясь от главной реки, превращаются в соляные озера. Работы по регулированию вод, производимые английскими инженерами, имели подобные же следствия. В одной части своего течения Восточная Нарра задевает песчаные берега пустыни Тар, и еще очень недавно разветвлялась между дюнами многочисленными параллельными бухтами, напоминавшими своею формой длинные, соединяющиеся с рекой, каналы, которые разделяют бугры на Каспийском прибрежьи. Эти заливы, имевшие одинаковое направление к северо-востоку, сообразно расположению дюн, превращались в озера в сухое время года, когда Нарра переставала питать их; многие из них становились тогда резервуарами соленой воды, так что дикия животные обегали их; другие же, остававшиеся пресноводными бассейнами, делались сборным местом газелей и всякой водяной птицы. Чтобы употребить до последней капли, для орошения, драгоценную воду реки, инженеры запрудили вход в бухты, вследствие чего эти последние, по большей части, высохли и превратились в пласты соли. Таким образом, первоначальный вид этой странной бахромы из озер совершенно изменился.

Дельта Инда начинается в 150 километрах от моря и образует треугольник величиною в 8.000 квадр. километров, основание которого тянется на пространстве 200 километров вдоль берега Аравийского моря. Однако, большая часть сплетения разветвляющихся лиманов, разрезывающего морское побережье между главным рукавом и портом Карачи, неточно обозначается именем «устьев Инда», и должна быть рассматриваема как совершенно независимая от реки сеть вод. Правда, эти мнимые рукава получают, особенно в период разливов, кое-какие маленькие истоки дельты, но почти все они имеют соленую воду и проникают внутрь материка под напором ветра и морского прилива[1]: это океанические лиманы, в роде тех, какие встречаются в очень многих местах на берегах Гвинеи. Однако, весьма вероятно, что эти заливчики, не имеющие сообщения с рекой, были в разные времена ветвями Инда; доказательством служат многочисленные излучины, засыпанные там и сям песком, которые разветвляются и взаимно пересекаются между рекой и морем: повсюду почва состоит из речных наносов, переработанных течениями; даже там, где бывшие рукава не оставили после себя луж, которые свидетельствовали бы о их проходе, рощицы тамарисков и мимоз и, вблизи моря, извилистые шпалеры из корнепусков указывают издали берега прежних русл, теперь засыпанных. В течение этого столетия главное устье уже много раз переменяло место; в 1800 году главным руслом был рукав Багар, который извивался в западном направлении, и от которого теперь остались только кое-какие следы. Его сменил рукав Сата, или Ваниани; в 1819 году один из южных рукавов, Кедевари, сделался главным входом для плывущих с моря судов; затем настала очередь Какайвари, протока, который открылся к югу от предыдущего, быв перед тем простым заливчиком или временным потоком. В 1867 году этот канал тоже, в свою очередь, обмелел и был занесен илом и песком. В настоящее время истинным руслом реки сделался рукав Гаджанро, ветвь дельты, где еще около половины нынешнего столетия могли пробираться только маленькие челноки. Подтачивание и размыкание высоких бере-

1 Tremenheere, „Journal of the Geographical Society of London", 1867.

гов происходит, во время разливов, так быстро, что иногда в продолжение одной минуты слышен несколько раз шум от следующих один за другим обвалов берега, словно гром пушечной пальбы, раздающийся на поле сражения.

Число устьев Инда невозможно определить с точностью, так как оно меняется от каждого периода засухи до следующего периода половодья, и так как многие из временных боковых потоков разветвляются на изменчивые рукава; в среднем число ветвей, судоходных для барок, варьирует от двух до десяти в течение года. Торговые города, стоящие на том или другом из временных рукавов, по необходимости должны были переноситься на другое место, сообразно блужданиям реки, если не хотели обречь себя на неминуемый упадок. Так, Шах-Бундар, или «Царский порт», некогда местопребывание военных флотов, остался далеко внутри материка, к востоку от нынешнего течения Инда; точно также город Гора-Бари, или Виккар, на рукаве Гаджанро, в 1848 году был покинут рекой, которая удалилась от него; Кети выстроился ниже, на берегу нового русла, но вскоре после того жители принуждены были перенести свой город немного дальше. В свою очередь, и этот второй Кети утратил свою важность с тех пор, как постройка железной дороги к порту Карачи, на севере дельты, позволила движению товарных грузов миновать изменчивое течение реки; вообще, как только торговля не удерживает их, жители поспешно бегут с этих низменных земель, более опасных, чем Понтийские болота[1]. В часы отлива, бары, заграждающие вход во всех устьях Инда, оставляют судам весьма незначительную глубину, изменяющуюся от одного до двух метров; средняя высота большого прилива, во время новолуния и полнолуния, около 3 метров.

Столь мало доступный большим судам, Инд есть, тем не менее, по обилию своих вод, одна из значительных рек Азии; однако, и в этом отношении его много превосходят другие южно-азиатские большие реки, Янтсекианг, Меконг, Иравадди, Брахмапутра, Ганг; говорят, он уступает даже Шат-эль-Арабу, но, вообще говоря, в нем больше воды, чем в Гоан-го, или Желтой реке (Инд катит в секунду времени: в период половодья—17.500 куб. метров; в период мелководья—1.156 куб. метр.; средним числом—5.550 куб. метр.). Это одна из самых мутных рек в свете; вода её содержит каменных обломков и землистых частиц, илу и песку в пропорции (средней) от 2 до 3 тысячных, и вычислено, что эти осадки могли бы образовать в течение года остров пространством в 166 квадр. километров и в один метр глубины[2]. При каждой новой съемке приходится наносить на морские карты островки и песчаные мели недавнего образования. Тем не менее, однако, дельта Инда мало выступает за нормальную линию берега, что, без сомнения, должно быть приписано действию берегового морского течения. Подойдя к материку, приливная волна, гонимая юго-западным муссоном, принуждена изгибаться и идти вдоль побережья, направляясь на север, в Карачи. Это течение захватывает приносимые Индом землистые частицы и разбрасывает их вдоль морского берега, как о том свидетельствует состав слюдяного песку на пляжах, совершенно одинаковый с песком, который река отлагает на своих берегах. Наносы, не увлекаемые далеко береговым течением, большею частью теряются на юге в глубокой подводной долине, открывающейся непосредственно на юг от речных устьев, и дна которой лот не достает даже на глубине 400 метров. Эта пучина, известная у английских моряков под именем swatch, составляет совершенный географический pendant подводной впадины того же имени, вырытой по другую сторону Полуострова, против дельты Ганга[3].

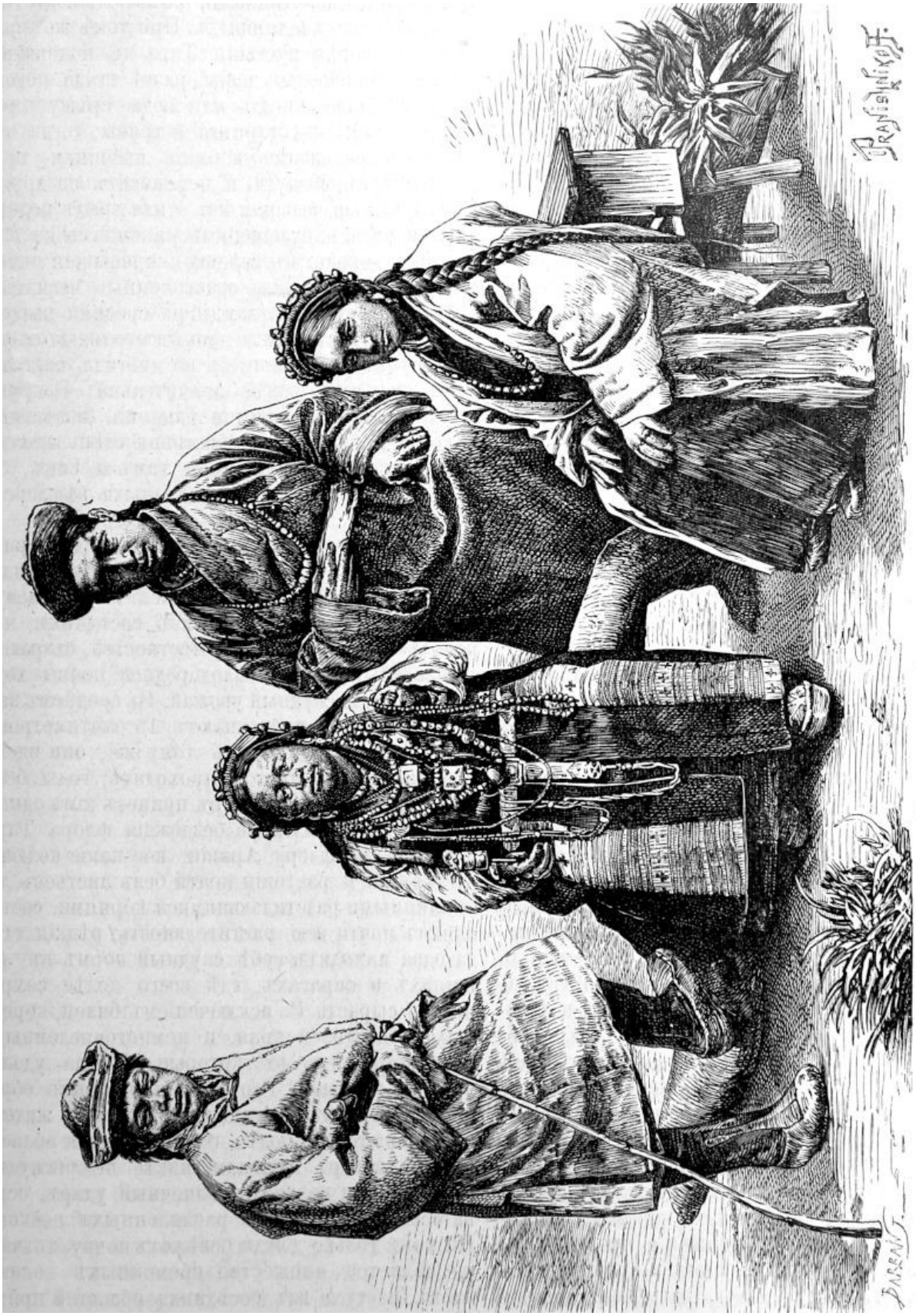
Восточная часть низменности, простирающейся до гор Аравали, занята в большей части пустыней; пустынные пространства начинаются уже в небольшом расстоянии к югу от пояса городов и возделанных земель, идущего вдоль основания Гималайских предгорий. Замедляемые в своем течении горизонтальностью почвы, истощаемые ирригационными каналами, реки, вытекающие из гор, проходят довольно короткий путь; подвигаясь вперед, они посте-

1 Richard Burton, „Sind revisited“.

2 Tremenheere, цитированный мемуар.

3 Tremenheere, цитированный мемуар.

пенно уменьшаются, затем дробятся на лужи, а еще далее не имеют даже столько воды, чтобы увлажнять песок. Дожди удлиняют их течение на несколько миль к югу; засухи заставляют их снова отступать к северу. Однако, эти реки продолжают сочиться в нижних слоях



Мужскіе и женскіе типы бутанцевъ.

почвы на некоторое расстояние вниз от того места, где они делаются невидимыми на поверхности земли, и колодцы, копаемые на линии их подземного течения, дают воду на глубине 30, затем 60, даже 100 метров; в Джайсальмире воду находят только на глубине 170 метров

(около 80 сажен). Далее вода совершенно иссякает; до самого Индийского океана, на пространстве около 500 километров, не существует более ни одного потока, видимого или скрытого, за исключением бывших истоков Инда и Луни, или «Соляной реки», спускающейся с гор Раджпутаны; здесь мы уже вступаем в страшную пустыню, известную под именем Индийской, или Тар.

Эта область вовсе не однообразная равнина, как ее часто представляют. Это страна дюн, обширное песчаное море, волны которого, подобные волнам Атлантического океана, вздымаемым пассатными ветрами, следуют одна за другою в виде непрерывного ряда повышений и понижений почвы. Борнс говорит, что около Джайсальмира эти горки тянутся по направлению от северо-запада к юго-востоку[1]; на картах же, составленных инженерами-топографами английского правительства, общая ориентировка песчаных холмов показана с юго-запада на северо-восток, а в некоторых частях страны с юга на север; но везде холмы сохраняют в своем направлении почти геометрическую правильность. Все эти дюны обращены крутым скатом на юго-восток или на восток, а пологим на северо-запад или запад. Как объяснить происхождение этих песчаных горок? Если предположить, что они были нанесены ветром, то нужно было бы, вместе с тем, допустить, что воздушный ток, вздымавший песок и образовавший из него гряды пустыни Тар, двигался от северо-запада, т.е. как раз под прямым углом к атмосферным течениям, господствующим там в наши дни, северо-восточному пассату и юго-западному муссону; но нельзя думать, чтобы общее направление воздушных токов могло различествовать до такой степени от нынешних движений атмосферы, так как эти движения происходят, главным образом, вследствие вращения нашей планеты на своей оси. Быть может, вернее было бы видеть во всех этих песчаных холмах не дюны, нанесенные и прямолинейно расположенные ветром, а бугры, образовавшиеся вследствие дрожания почвы, столь часто колеблющейся в области Инда; это было бы явление, аналогичное тем фигурам, которые смычек физиков производит на вибрирующих пластинках, и которые известны под именем хладниевых. При том же, правильные горки пустыни Тар не подвижны, как обыкновенные дюны, разве стада потопчут их поверхность или люди срежут растущий на них кустарник и травы; тогда ветер подхватывает верхния песчинки, кружит их в воздухе и переносит на другие холмы. Самые высокие из этих гряд поднимаются над окружающими равнинами на 130 метров (около 60 сажен), превышая почти на целую треть самые возвышенные песчаные холмы французских ланд; но средняя высота индийских песчаных горок всего только около 50 метров (23 сажени), а во многих частях Тара она еще менее значительна. Вокруг пояса дюн расстилается равнина, известная под именем Пат,—обширная степь, желтая или красная, испещренная там и сям белыми пятнами и полосами соляных эффлоресценций.

Хотя Тар обыкновенно называется, в разговорной речи и в документах всякого рода, «пустыней», он, однако, не совсем необитаем; переселенцы, приходящие из соседних, переполненных народом, местностей, стараются извлечь из его неплодородной почвы хоть какой-нибудь скудный урожай. В среднем выводе, дожди не превышают 15 сантиметров в этой части Индии; к тому же, они очень неправильны, и иногда проходят годы без того, чтобы южный ветер принес хоть один ливень. В такия эпохи бездождия флора Тара походит на флору Аравии; кое-какие колючие кустарники и растения почти без листьев, но с длинными расстилающимися корнями, составляют почти всю растительность; редкия стада едва находят себе скудный корм в лощинах и оврагах, где всего долее сохраняется сырость. За исключением билей, коренных обитателей края, и немногочисленных потомков индусов, которые некогда удалились в пустыню Тар, чтобы не быть обращенными в магометанскую веру, все жители переселяются в более гостеприимные области Инда или гор Аравали; никто не рискует, из опасения получить солнечный удар, оставаться в этой стране раскаленных песков. Но как только дожди освежат почву, тотчас же является множество временных колонистов: пастухи из соседних областей приходят пасти свой скот на отличной траве, быстро выроста-

1 A. Burnes, „Journal of the Geographical Society of London", 1834.

ющей из песка и покрывающей роскошным ковром дно долин и даже скаты дюн; растительность так деятельна, что можно даже накосить сена про запас, на время бескормицы. Скотоводство, разведение крупнаго рогатого скота, овец, верблюдов.—получило большую важность в этой области, повидимому, совершенно бесплодной и ни к чему непригодной. Одна беда: стадам наносят страшный вред волки, которые рыскают здесь стаями и отличаются необыкновенною хитростью и ловкостью, так что очень редко удается напасть на них врасплох. Единственное средство избавиться от этих опасных хищников—это преследовать их в самую знойную пору года, под вертикальными лучами полуденного солнца. Тогда песок до такой степени раскален, что животные, так сказать, «обжигают себе лапы»; они не могут бежать, и охотники из племени биль, у которых ноги, для защиты от жгучего песку, обвернуты в свежия овечьи шкуры, легко настигают свои жертвы[1].

Весьма вероятно, что в близком будущем часть Тара, этой области, столь слабо населенной в сравнении с её протяжением, сделается земледельческою страной, составляющей продолжение хлебных полей северного Пенджаба. Если дождь не выпадает здесь в количестве, достаточном для питания растений, то большие реки, Сетледж, Чинаб, Инд, катят в море обильный поток, который мог бы быть щедро утилизирован для орошения земель. Первая из этих рек, Сетледж, во всякое время года несет, по меньшей мере, 150 куб. метров воды в секунду, и эту воду легко было бы задержать при выходе из гор; в сезон же разливов он иногда изливает в Инд до 6.000 куб. метров в секунду,—огромная масса, которую следовало бы направить посредством отводного канала к центру степи Тар, где параллельные гряды дюн представляют исключительные удобства для устройства обширных водохранилищ. Не только Сетледж, но также и Джамна могла бы посылать в пустыню излишек своих вод в период разлива; покатость почвы позволяет восстановить канал, вырытый в 1351 г. между Верхней Джамной и старым руслом Сарасвати. Эти канализационные работы частью уже возобновлены: устроена запруда, задерживающая Сетледж у Рупара, т.е. при выходе из «ворот» Гималая, и заставляющая часть его течения изливаться в канал, который разветвляется на юге в местностях, еще недавно безводных; подобные же работы производятся и ниже по реке, в Фирозпуре. Так восстановляется, под другой формой, течение «блистательной» Сарасвати, некогда наиболее прославляемой из всех рек; старые аллювиальные (наносные) земли, известные под именем *бангир*, где повсюду видны следы культур и других человеческих работ, начинают снова покрываться там и сям селениями и нивами. Однако, это вторичное завоевание почвы для заселения и культуры пока еще окончено только в землях, называемых *хадур*, образовавшихся из наносов прибрежных долин Пенджаба и Инда. В одном только Багавальпуре канализационная сеть заключает слишком 7.000 километров оросительных канавок: в пять лет, с 1867 по 1871 год, размеры земледельческой производительности более чем удвоились, и новые города выросли среди вновь завоеванных пространств. Один из этих городов, построенный, в 1868 году, на берегу большого канала Фордвах, носит смешанное, полу-индийское, полу-английское, имя Минчинабад, данное ему в честь англичанина, мистера Минчин, под управлением которого была предпринята реставрация оросительных каналов[2]. После каждого сбора хлеба, более десяти тысяч рабочих, приходящих преимущественно из раджпутских государств, прилегающих к пустыне Тар, бывают заняты расчисткой ирригационных канав, на половину заволакиваемых наносною грязью.

Область, простирающаяся на юг от страны дюн, представляет не менее странное явление, чем песчаная степь Тар; это—обширное пространство, которое ни земля, ни море, и которое в одно и то же время похоже и на пустыню, и на болото. Называется оно Качский Ранн (т.е. «Пустыня»), по имени гористого, имеющего форму полумесяца, острова, который ограничивает его на юге. Открытый со стороны моря узким проливом, Ранн продолжается на запад на пространстве около 240 километров, и в некоторых местах он имеет до 100 километров протяжения от одного берега до другого. К западу от острова Кач, другой пролив сообщает

1 Bartle Frere, „Journal of the Geographical Society of London", 1870.

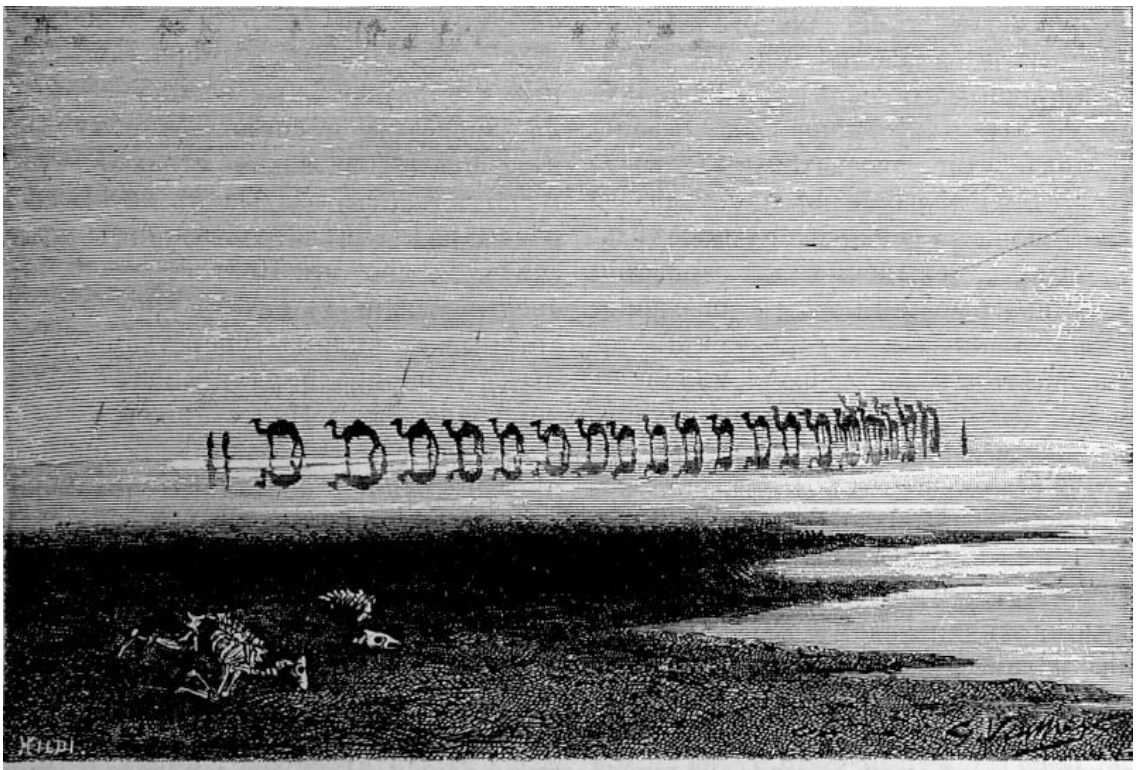
2 Barns, „Journal of the Geographical Society of London", 1872.

Северный Ранн с пространством того же рода, которое на юге соединяется с низменными берегами Качского залива. В целом, Ранн—это не что иное, как солончаковая равнина, совершенно однообразная и вполне горизонтальная на вид; самые возвышенные пространства, находящиеся около центра бассейна, поднимаются выше общего уровня не более, как на 30 или 60 сантиметров. Зимой и в сухое время года почва Ранна, там и сям испещренная белыми полосами соляного налета, представляет гладкую, как зеркало, поверхность, твердую и звенящую под ногами; дожди, не находя ската истечения ни в каком направлении, образуют временные лужи, которые ветер гонит перед собою, окаймленные поясом белой пены. Никакой растительности не видно нигде во всем громадном круге горизонта, разве только на юге Ранна, на земле, называемой Банни, которая почти всегда выдается из-под воды и на которой растут там и сям купы акаций, дающие скудную тень стадам и пастухам. Некоторые низменные островные пространства и окружность скалистых островов, из которых один—самый возвышенный во всем Качском архипелаге (438 метров), также покрываются густой травой в период дождливого муссона. Животные обегают эту безводную и лишенную всякой растительности равнину; только дикие ослы, той же породы, как и куланы туркестанских степей, бродят днем в этих пустынях, чтобы иметь перед собою открытое поле для бегства: по ночам они ходят пастись в джунгли и болота морского прибрежья. Ранн—область миража по преимуществу; малейший предмет, оставленный на земле, камень, остов верблюда, виден, благодаря зеркальности воздуха, на расстоянии многих верст, не в действительной своей форме, но с фантастическими контурами; часто он высится в виде башни или разлагается на плавающие в воздухе образы, которые кажутся привязанными к земле только нитью, колеблемой ветром. Селения отдаленных полуостровов или островов показываются над горизонтом, примыкая в воздушном пространстве к перевернутым дворцам и храмам. По словам легенды, целый город, населенный праведниками, носится в воздухе над Ранном, но не мог еще подняться до неба, и этот-то воздушный город и производит явление миража.

С наступлением дождливого времени года вид Ранна совершенно изменяется: тогда воды моря, гонимые юго-западным ветром, проникают внутрь земель через двое ворот, которые им открыты на севере и на юге острова Кач, и окружают этот остров со всех сторон, также как и острововидные отрывки горных пород юрской формации, лежащие на севере и на северо-востоке. Обширная равнина, где еще недавно не видно было ни одной капли воды, покрывается на всем своем протяжении водяною скатертью, около метра толщиною, и даже немного более глубокою на краях, так как поверхность Ранна слегка выпукла в середине. В это время года обширный лиман получает также пресные воды, приносимые ему реками Банас, Луни, Наррой и восточными рукавами дельты Инда. Тем не менее, сообщения не прерываются и в период дождей между противоположными берегами; совершенная горизонтальность почвы позволяет караванам во всякое время года смело пускаться через Ранн, бывающий попеременно то озером, то пустыней. Однако, очень редко случается, чтобы путешествие через эту область совершалось днем: с одной стороны, страшная жара, усиливаемая отражением солнечных лучей от водяной равнины или от гладкой, как зеркало, поверхности земли, с другой—обманы миража, могли бы, в конце концов, довести до безумия и людей, и животных; ослепленные проводники не сумели бы даже различить место солнца в безмерно раскинувшемся, объятом пламенем пространстве; скоро караван стал бы, незаметно для себя, кружиться на одном и том же месте, и гибель всех людей и животных стала бы неизбежною. Оттого-то переходы через Ранн всегда делаются ночью: направляя свой путь по звездам, путешественники, которым нужно перейти через равнину на востоке от западного пролива, рассчитывают свой ход таким образом, чтобы можно было сделать привал на одном из промежуточных островов. Вероятно, что в близком будущем прямая железная дорога из Бомбея в Гайдерабад пройдет через восточную часть Ранна.

Как объяснить происхождение этой солончаковой равнины? Очевидно, что она была некогда затоплена морем; это можно предполагать уже на основании солености почвы, но есть и прямые доказательства, именно остатки морских судов, извлеченные из ила в разных местах близ прибрежных деревень; даже на восточной окраине Ранна, около Нагар-Паркара,

показывают старинные порты. Если верить смутному преданию, отступление моря имело место в начале четвертого столетия. Но каким образом выступление этого пространства из-под воды могло совершиться с такою удивительною правильностью? Обыкновенные аллювиальные земли, образовавшиеся из наносов морских или речных, никогда не представляют такой почти геометрической горизонтальности на пространстве десятков тысяч квадратных верст. Не следует ли видеть в этой равнине, единственной в мире по особенности своего геологического образования, продукт оседания почвы? Эта область Индии есть, как известно, одна из тех, которые всего чаще испытывают колебания вследствие внутренних сотрясений. В 1819 году землетрясение, которое было ощущаемо на пространстве, по меньшей мере, 250.000 квадр. километров, увеличило, говорят, на значительное протяжение площадь Раннa; это землетрясение сопровождалось провалом рисовых полей около Лахпата, составлявших предмет спора между местными правительствами Синда и Кача; башня Синдри, которую занимал гарнизон таможенной стражи, была вдруг окружена озером, простиравшимся



Видъ болотистой степи Раннъ-Качъ.

во все стороны не менее, как на 25 километров, тогда как на севере один старый рукав Инда, с которым некогда соединялась Восточная Нарра, был загорожен поперечною дюной, имеющей около 50 километров в длину, несколько километров в ширину и от 3 до 6 метров в вышину. Местные жители дали этому песчаному валу имя Аллах-бунд, или «Божья запруда», чтобы отличить его от плотин, воздвигнутых рукой человека поперег боковых рукавов Инда[1]. «Божья плотина», через которую со времени землетрясения 1819 года проложил себе дорогу поток, постепенно размывший песчаную запруду, совершенно походит на дюны пустыни Тар и также представляет выступ рельефа, оканчивающийся, с одной стороны, крутым откосом, а с другой—длинным, пологим скатом; разорванная действием подземных сил, поверхность почвы сохранила целый свой слой на одном фасе дюны[2]. Вероятно, оба явления, образование большой совершенно горизонтальной равнины и образование параллельных бугров, или дюн пустыни Тар, должны быть приписаны одной и той же причине—вибрации или сотрясению почвы. Смотря по напряженности и направлению подземных ударов, иная часть почвы выравнивается, тогда как другая переламывается и принимает вид бугор-

1 Burnes; Mac. Murdo; Lyell, „Principles of Geology“.

2 Bartie Frere, „Journal of the Geographical Society of London”, 1870.

чатой поверхности.

По преданию, многочисленные землетрясения, потрясавшие область Инда, ниспровергли многие города и обезлюдили край. К числу этих разрушенных городов принадлежит, между прочим, Бальмир, на южной окраине пустыни Тар; но самый знаменитый из них—это Браманабад, который стоял в 80 километрах к северо-востоку от нынешнего города Гайдерабада, на старом русле Инда, к западу от ложбины, в которую теперь изливается Восточная Нарра, в дождливое время года. Вследствие рокового подземного удара, река, омывавшая стены города, передвинулась на другое место, и развалины были покинуты среди пустыни; это обстоятельство и было причиной того, что Браманабад не отстроился и не заселился вновь, хотя некоторые из его зданий остались почти невредимыми. Эта старая столица имела не менее 7 километров в окружности, и обширные предместья соединяли ее с двумя другими городами, из которых один был резиденцией короля, а другой резиденцией великого визиря. Раскопки, производившиеся в развалинах разрушенных городов, доказали, что жители их были искусные мастера по части выделки глиняной посуды, живописи на стекле, резьбы из слоновой кости, шлифовки драгоценных камней[1]. Коннингам видит в Браманабаде или, вернее, Брамане древний город браманов, которым Александр Македонский овладел во время спуска по течению Инда[2]; по мнению Рейно, истинное имя города, Бахмана,—персидского происхождения[3]. Постигшее Браманабад бедствие, от которого погибли его жители, «в наказание за преступления их царя», повидимому, имело место в одиннадцатом столетия. Различные предания говорят также о вулканических извержениях, происходивших некогда в той стране, но геологическое исследование местности не подтвердило этих рассказов. Не подлежит сомнению, что на острове Кач траппы и другие горные породы огненного происхождения, блистающие на солнце самыми яркими цветами, пробились наружу через меловые и юрские пласты в предшествовавшие геологические века. Многие геологи ошибочно приняли за вулкан холм Денодур, возвышающийся на 327 метров в западной части этого острова[4].

Большинство жителей, населяющих Пятиречье и области по нижнему течению Инда, принадлежат к магометанской вере, но нельзя сказать, чтобы все мусульмане этой страны были представителями завоевательных рас, спустившихся с плоскогорий Афганистана, с целью отнять землю у её прежних владельцев. Так, область, лежащая вдоль основания Гималая, имеет в составе своего населения, между прочим, аванов и гаккаров, в которых хотели видеть потомков явана, или ионийцев и греков, и которые, во всяком случае, населяли страну уже задолго до мусульманских нашествий. Во всех частях Пенджаба, исключая округов, лежащих по ту сторону Инда, и на холмистых плоскогорьях Потвара, коренное население состоит из джатов, которые приняли ислам везде, где господствуют магометане, но в других местах остались индусами по обрядностям культа, или примыкают к сейхам, смотря по преобладанию того или другого местного элемента. Джаты, очевидно, представляют этнографические элементы весьма различного происхождения,—это, может быть, потомки аборигенов, предшествовавших вторжению арийцев, но они в сильной степени смешались с другими племенами и нисколько не походят на тех дасиу, чернокожих и толстогубых людей, с которыми воевали прибрежные жители «Семиречья» и которых они, в конце концов, обратили в рабство. Племенная вражда постепенно ослабела в течение веков; только и до сих пор джаты причисляются браманами, все огулом, к касте судра. В числе свыше двадцати миллионов, они представляют большое разнообразие, от плоских возвышенностей Белуджистана до берегов Аравийского моря; одни из них почти черные, другие имеют желтоватую кожу и едва отличаются цветом лица от раджпутов и браманов. Есть между ними такие, на которых смотрят как на дикарей или варваров: таковы, например, пастухи, живущие в пустынях

1 Bellassis, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", V.
2 „The Ancient Geography of India".
3 „Fragments asiatiques".
4 Wynne, „Memoirs of the Geological Survey of India", 1872.

Тара; другие, напротив, имеют живой ум и осмысленные черты лица. В Белуджистане имя джат принимается в смысле «вор»; в Синде оно синоним слова банджари и применяется к народностям, которые походят на европейских цыган[1]; на берегах среднего Инда оно означает «землевладельца»; на границах Раджпутаны его употребляют в значении «метиса», помеси, происшедшей от раджпута и судра[2]. Однако, взятое в целом, джатское население, кажется, представляет ясно одни и те же этнические черты и может быть причислено к арийской расе; вероятно, оно спустилось в Индию через Белуджистан. Воздержные в образе жизни, деятельные, изобретательные, очень храбрые, несмотря на завоевание и гнет, которому их подвергали последовательно столько чужеземных господ, джаты, взятые в массе, составляют один из замечательнейших этнографических элементов Полуострова[3], это из их среды вышли те неустрашимые воины сейхи, которые с таким упорством и ожесточением оспаривали у англичан обладание Северо-западным Индустаном.

Сейхи, т.е. «ученики», бывшие в начале просто группой последователей новой религиозной секты, образовали из себя с течением времени особый народ. Религия их возникла в Пенджабе, в конце пятнадцатого столетия; было вполне естественно, что в этой стране, где магометане и последователи индусских культов живут везде бок-о-бок, явился новатор, попытавшийся примирить и согласить две религии. Нанак, основатель новой секты и составитель первых глав Гранта, или «Книги» по преимуществу, которую сейхи чтут как свое евангелие, не проповедывал почти никаких догматов, кроме веры в единого Бога, и отвергал большую часть обрядов, свойственных различным вероисповеданиям; но для того, чтобы соединить мусульман, индусов и джатов, недостаточно было показать им основное единство их религий, нужно было, кроме того, сблизить их друг с другом, уничтожив всякия расовые и кастовые различия. Сам индус и кшатрия, Нанак провозгласил равенство людей. Однако, не желая быть зачисленными в толпу людей, не имеющих предков, «ученики» новой веры должны были возвести себя в благородное звание, чтобы остаться свободными, и все они теперь считают себя кшатриями; это имя или титул они сами себе дали, чтобы установить свое равенство. Впрочем, они сумели завоевать его себе своею храбростью во всех междоусобных войнах, опустошавших Пятиречье, и к концу семнадцатого столетия новая секта сделалась могущественною. Закаленные борьбой, избавленные от ложных единоверцев преследованием, гордые своим общим участием в управлении обществом, сейхи оправдали пророчество своего основателя, который, сравнивая их с воробьями, обещал им в то же время победу над орлом[4]. Воины по преимуществу, все сейхи должны были постоянно носить на теле какую-нибудь стальную вещь, кольчугу или кинжал. Большею частью очень красивые собою, покрытые блестящим оружием, с густыми и длинными, ниспадающими на плечи, волосами, к которым никогда не прикасались ножницы, сейхи издали бросались в глаза на поле сражения, и, по естественной игре слов, они вскоре стали известны под именем сингов, или «львов». Образовав из себя федеральную республику, они избирали своего главу, и этот последний должен был во всех важных обстоятельствах советоваться с *хальсой*, «национальным собранием», состоявшим из мудрецов и главных предводителей. Несмотря на раздоры сект и внутренния распри, воинственная нация сейхов достигла того, что сделалась господствующею державой во всей области, простирающейся от Ганга до Инда, и англичане, сильные превосходством своего вооружения, могли сломить могущество «львов» лишь после продолжительных кампаний и правильных сражений. Ныне сейхи, не составляющие даже десятой части населения бассейна Инда, перестали быть нацией. Теперь это не более, как религиозная секта, сгруппировавшая большинство своих общин вокруг священного города Амрицара; но они и доселе связаны между собою традициями и продолжают оказывать на всех своих соседей большое влияние, политическое и религиозное; даже браманы читают с

1 Richard Burton, „Sind Revisited".

2 Peter Minas, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1868, № III.

3 Tolbort, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1871, № I; Campbell, „Ethnology of India"; Louis Rousselet, „Tableau des races de Pinde centrale" („Revue d'Anthropologie").

4 Malcolm, „Sketch of the Sikhs".

глубоким уважением «Книгу учеников»; некоторые англичане, в том числе знаменитый путешественник Бэртон, были посвящены в таинства культа, проповеданного пророком Нанаком[1]. Земледельческие населения, принадлежащие к религии сейхов,—самые замечательные во всей Индии, как по необыкновенному трудолюбию в мирное время, так по храбрости во время войны; солдаты-сейхи считаются лучшими в ост-индской армии; не уступая гуркасам мужеством, они превосходят их дисциплиной и благородством характера. Очень отважные по природе, они охотно следовали за англичанами в Китай и в Абиссинию и просились идти за ними в Египет или в Малую Азию. Что касается их любви к образованию, то она так велика, что их. главное ученое общество, в Лагоре, ходатайствовало перед правительством о том, чтобы всем сейхским детям были обеспечены выгоды посещения школ. Ни один из других этнографических элементов северо-западной Индии не представляет столь значительной пропорции грамотных.

Индусы в собственном смысле, браманы или вайсии, сравнительно малочисленны в бассейне Инда, хотя последователи религий арийского происхождения составляют там, по меньшей мере, треть общего числа жителей и, хотя господствующие языки, пенджабский (панджаби)—на севере, синдский (синди)—в центре, гудзератский (гудзерати)—на юге, марварский (марвари)—на юго-востоке,—все санскритского происхождения. Живя преимущественно в городах, где они занимают самые доходные места и предаются торговле и промышленности, индусы снова приобрели превосходство над мусульманами, своими бывшими угнетателями; в их руках сосредоточены капиталы, и эти магаджаны, или «крупные буржуа», как их обыкновенно называют, ссужают деньги окрестным земледельцам-магометанам не иначе, как под высокие, лихвенные проценты. Баниахи, или баньяны этих областей слывут самыми ловкими коммерсантами во всей Индии, и многие из них без боязни покидают родину, чтобы продавать в чужих краях по мелочи товары всякого рода. Во всех городах Средней Азии можно встретить этих индусских купцов из Пятиречья, известных вообще под именем мультанцев (мультани), по центральному рынку Пенджаба и Синда; это разносчики новостей и слухов о войне, которые распространяются с такою изумительною быстротой по всему азиатскому Востоку, от берегов Оксуса до берегов Ганга; сами того не ведая и не желая, они составляют, так сказать, авангард русских на границе Индии и возвещают о их могуществе. В центральной Индии, в Бенгалии и даже на границах Бармании и Китая, баниахи, купцы, мелкие закладчики или банкиры,—почти все марварцы или индусы из раджпутской земли Марвар; они захватили в свои руки монополию денежных операций, как в других странах армяне и евреи. Индусы Западной Индии—по большей части обожатели Вишну, но красный знак, который они носят на лбу, в доказательство своей веры, часто бывает начертан горизонтально, как у поклонников Сивы. Окруженные мусульманами и сейхами, удаленные от браманских центров, они не отличаются строгим соблюдением правил и обрядностей своего культа и не мало скандализируют, недостатком благочестия, сипаев из Восточного Индустана, приходящих для исполнения гарнизонной службы в их городах. Употребление крепких напитков сильно распространено у западных индусов, и еще более—употребление *банга*, или индийской конопли, зелья более губительного, чем опиум. В большей части пенджабских селений есть отдельная кучка лачуг, населенная чурами, людьми низшей касты, которые физически нисколько не отличаются от своих соседей, но которых почему-то считают нечистыми, даже мусульмане: должность ночного сторожа составляет наследственную профессию этих чуров[2].

На востоке, племя биль из Раджпутаны подвинулось далеко в оазисы пустыни, тогда как на западе, афганцы, балучи, или белуджистанцы, персияне, бухарцы, турки и арабы в разные эпохи, со времени геджры, проникали в страну то как завоеватели, то как колонисты или авантюристы, и более или менее смешались с коренным населением. Эти пришельцы составляют главную массу мусульман на берегах Инда и во всей западной области Пятире-

1 „Sind Revisited", I, p. 290.

2 Campbell, „Ethnology of India".

чья, тогда как на востоке большинство правоверных, собирающихся в мечетях, состоит из индусов, обращенных в ислам. Впрочем, между двумя большими классами магометан Индии не существует резкого разделения; благодаря провозглашенному исламом уничтожению каст, ревностным мусульманам легко приписывать себе какое угодно происхождение. Сотни тысяч правоверных в Пенджабе причисляют себя к потомству пророка и вследствие того принимают титул *саида*, или шаха; так, между прочим, даудпотры, или «сыны Давидовы», ныне царствующие в Багавальпуре, принадлежат к числу тех, которые производят свой род от самого Магомета. Другие претендуют на титул монголов, и кажется, что эти, по крайней мере, действительно имеют некоторое право на особенное имя, так как они строго держатся особняком от остального населения и занимаются специальными промыслами; гордясь тем, что между их предками есть товарищи по оружию Тимуридов, они никогда не смешивают свою кровь с иноплеменниками, и у многих из них, в самом деле, резко бросаются в глаза те типические черты (широкое и плоское лицо), которые характеризуют монголов, обитателей нагорья Гоби. Им обыкновенно дают титул *бега* или *мирзы*. Что касается мусульман афганской расы, соединяемых в одну группу под общим именем патан или рогилла, то они очень многочисленны в округах, лежащих по ту сторону Инда, где их родоначальники все без исключения причисляют себя к сонму ханов. Наконец, все другие магометане не-индусы, к какой бы расе они ни принадлежали—к персидской, турецкой или белуджистанской, величают себя *шейхами*, хотя звание это сделалось до такой степени банальным, что его уже не считают титулом, и оно не составляет ни малейшего отличия: все богатые, при первом удобном случае, меняют его на какое-нибудь более высокое достоинство. Это выразилось даже в одной пенджабской пословице, которая говорит иронически: «вчера был мужиком, сегодня шейхом стал; а завтра он уже саид, если хлеб подорожал»[1].

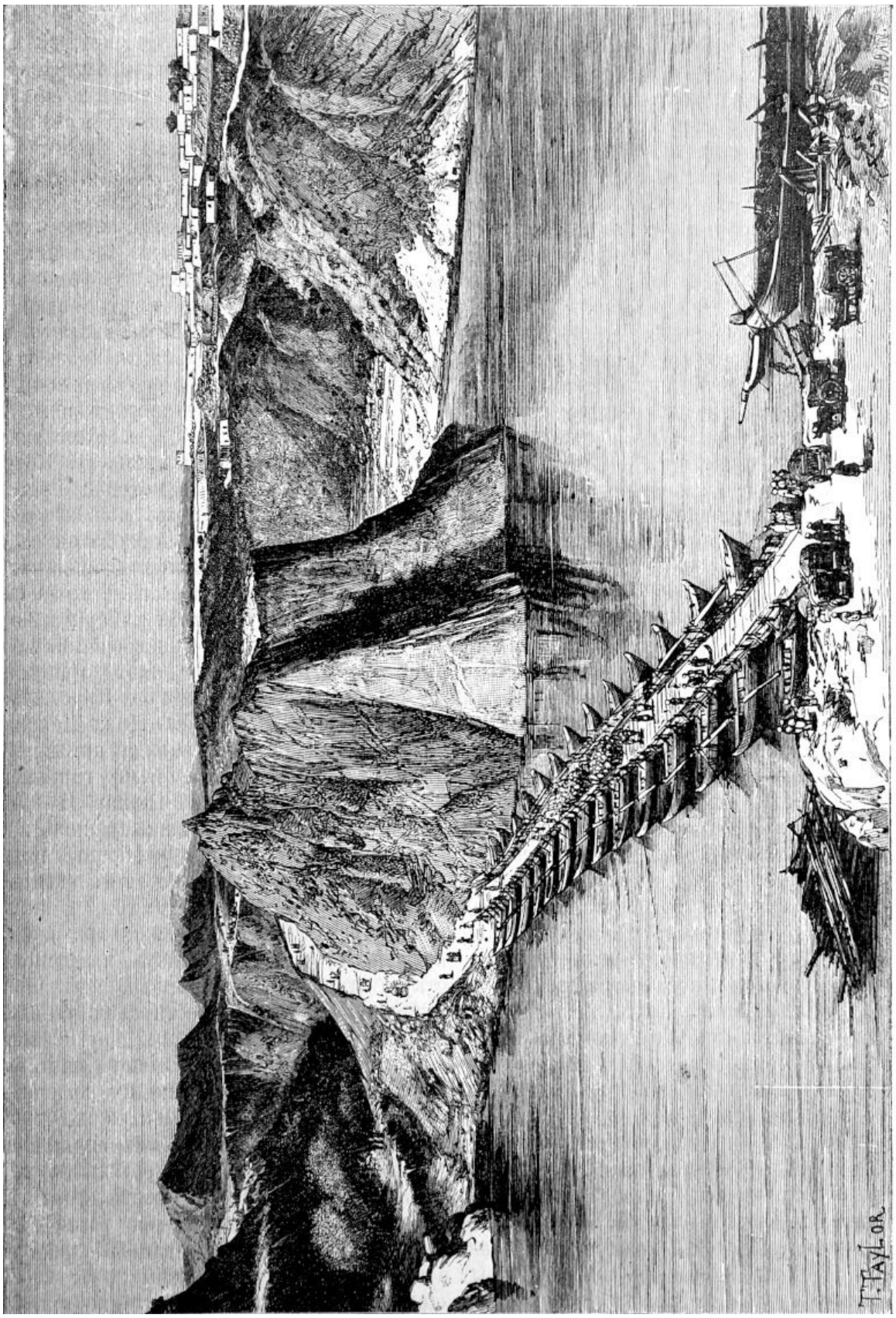
В Пенджабе преобладает система мелкого земледелия, но во многих местах старинное коллективное или общинное землевладение сохранилось до сих пор; все земледельцы рассматриваются как простые арендаторы общины и платят ей ежегодную ренту; кроме того, они связаны круговою порукой перед казной, и налог вносится за все сельское общество. Случается также, что общинники отчуждают часть своих земель, сдавая их в арендное пользование посторонним лицам; в этом случае они делят между собою полученные арендные деньги пропорционально своим правам на общую собственность; они имеют также право выкупать землю на условиях более благоприятных, чем крестьяне из других деревень. У афганских племен округа Дера-Измаил-хан через каждые шесть лет приступают к новому переделу земли. Даже в тех округах, где завоеватели завладели землей, некоторые уцелевшие обычаи старины свидетельствуют о существовавшем прежде общинном землевладении, и деревня до сих пор сохранила свое республиканское устройство. Необходимость искусственного орошения возделываемых земель, естественно, должна была соединять жителей одного и того же округа для прорытия и содержания сообща ирригационных каналов; почти везде единство общины имеет материальною причиной бытия существование общего канала, пруда или источника[2]. Нужны были большие потрясения, произведенные завоеваниями и междоусобными войнами, чтобы разрушить земледельческую общину и разделить интересы участвовавших в ней лиц. В некоторых округах оросительные каналы и фонтаны принадлежат другим владельцам, а не самим собственникам орошаемых полей, и со времени вмешательства государства в видах прорытия больших каналов прибрежные общины попали, в отношении орошения своих земель, в зависимость от концессионеров ирригационных работ. Тем не менее, однако, пенджабские земледельцы, взятые в массе, могут считаться наиболее независимыми между *райотами* Индустана, и эта относительная свобода есть, конечно, одна из причин, дающих северным джатам их отвагу и гордость. В Синде, напротив, балучское господство и ростовщические ссуды индусских купцов довели земледельческое население до настоящего рабства, следствием чего было нравственное принижение как для джатов, так и

1 Elliot, „Races of the North-Western provinces of India".

2 „Punjab Administration Report for 1872—1875".

для других этнических элементов страны.

Между переселенцами, пришедшими с плоских возвышенностей запада, есть такие, ко-



Мостъ черезъ Индъ у Кушалгара.

торые сохранили свой характер, как особые племена или классы; таковы сваты, момунды, юзуфзаи, которые живут на север от Пешавера, в раввине и на соседних горах. Это—афганцы, соплеменники тех, которые, перейдя Инд и проникнув в бассейн Ганга, основали у

подошвы Гималайских гор маленькия воинственные государства, известные под общим именем Рохильханд, или «страны горцев». Юзуфзаи, или юзуфсаи—одно из афганских племен, которое всего чаще сравнивали с древними иудеями, и многие миссионеры признали правдоподобным мусульманское предание, которое видит в этих афганцах потомков пленников, уведенных из Иудеи в Вавилов. И действительно, их нравы и религиозные обычаи совершенно те же, какие были у жителей Палестины во времена судей; хотя отделенные от той эпохи промежутком почти в три тысячи лет, они переживают теперь тот же самый период цивилизации. Недавние кочевники, ныне оседлые земледельцы, но по-прежнему проникнутые воинственным духом, сгорающие от нетерпения при рассказе о битвах и военных подвигах их племени, юзуфзаи делятся на большое число кланов, которые, в свою очередь, подразделяются на второстепенные группы, часто враждующие между собою. Родовая месть переходит у них от поколения к поколению в течение длинного ряда лет; чтобы покончить свои споры, враждующие иногда избирают какой-нибудь национальный праздник и вызывают друг друга на публичное единоборство, которое, однако, нередко переходит в общую свалку и порождает новые наследственные распри. Магометане суннитского толка, они отличаются резким фанатизмом и регулярно отдают десятину своим многочисленным муллам; эти последние, составляющие отдельное колено, как сыны Левиины у евреев, освобождены от платежа податей, и города их, почитаемые священными, служат местом убежища для преступников. Но как бы ни было велико сходство нравов между древними иудеями и юзуфзаями, последние несомненно чистые афганцы, и язык их, называемый пушту, мало разнится от того, которым говорят жители нагорья. Они дали некоторое количество своих слов наречию урду, преобладающему в равнинах Северной Индии.

Другие афганские племена, известные под общим именем афридиев, занимают массив гор, ограничивающий на юге Пешаверскую равнину, и разделяются на *хейли*, т.е. кланы, часто ведущие войны между собою. Далее на юге, долины Сулейман-дага населены марваттиями, земледельческими и пастушескими народцами, которые имеют гораздо более кроткий нрав, чем афридии, и отличаются прямодушием, простотой обычаев, уважением к женщине. Напротив, баннучи, или жители области Банну, с давних пор порабощенные мелкими начальниками племени, подвергающими их принудительной, своего рода каторжной работе, не имеют и тени той гордости и прямоты характера, какими отличаются горцы окрестных местностей: малорослые, изнуренные, болезненные, они составляют сброд людей различного происхождения, сходных между собою в том, что все они в равной степени приобрели нравы и привычки невольника. В этом отношении они составляют прямую противоположность с вольными вазириями, племена которых бродят в горах к западу от Дура-Хази-хан. Всегда вооруженные, как и патаны, их соседи, вазирии с гордостью вспоминают, что их предки часто воевали в Индии, покорили Дели, командовали над царями и браманами. И теперь еще они охотно идут в военную службу; по первому сигналу вазирии собираются, вооруженные, вокруг своего вождя, призывающаго их на какую-нибудь военную экспедицию[1].

На северо-западе Индустана, город Пешавер имеет важное стратегическое значение, как главная сторожевая крепость. Построенный среди равнины, по которой протекает река Кабул, или Ландер до своего соединения с Индом, и которая перерезана в всех направлениях оросительными каналами, этот город, так сказать, составляет, на оконечности громадной Индийской империи и на большой дороге торговли и завоеваний, мостовое укрепление, тет-де-пон, всей страны, лежащей за ним, по другую сторону Инда. Атток—охранитель перехода через Инд, Пешавер—укрепленный пункт, откуда англичане наблюдают за воинственными горскими народцами. Впрочем, сам Пешавер—это просто город, выстроенный из кирпича и битой глины и защищенный от воров глиняными стенами; но на севере от него стоит внушительный форт Балагиссар, и английские кантонементы (постоянные места расположения войск) занимают скаты возвышенности, откуда открывается обширный вид, обнимающий всю равнину и простирающийся вдаль к проходам афганских гор. Другие защищенные во-

1 Raverty; Rowney, „The wild Tribes of India".

енные посты дополняют систему обороны обширного укрепленного лагеря, который британское правительство должно было установить на этом слабом пункте своих границ, к которым уже протягивается колоссальная тень России: на севере, форт Абазай охраняет вход в ущелья реки Сват, и другие укрепления расставлены через известные промежутки у подошвы гор; на северо-западе, главная долина, именно долина реки Кабул, оберегается, в месте бифуркации орошающих равнину каналов, фортом Мишни; на западе и юго-западе, форты Джамруд и Бара защищают Пешаверские кантонементы, тогда как на юге, форт Мэксон обороняет соседния местности от набегов афганцев афридиев. На юг от этого форта проходит дорога, соединяющая два англо-индийские города, Пешавер и Когат, через горные хребты, которые продолжают на востоке ось Сефид-Коха, или «Белой Горы», называемой афганцами Спингар. Афридии много раз запирали дорогу или отказывались содержать ее, как их обязывают к тому договоры, и англичане должны были вновь завоевывать себе свободу сообщений продолжительными и трудными кампаниями против неуловимых врагов, скрывающихся позади скал. Впрочем, политические границы все еще остаются неопределенными в этой стране. Населяющие ее республиканские и воинственные племена не признают верховной власти афганского эмира, а с другой стороны, великобританское правительство перестало требовать установления «научной границы», недавно проведенной на карте Азии через горные проходы Латабанд и Шутар-Гардан, к востоку от Кабула, и вдоль водораздельного хребта, параллельного Сулейман-дагу. Однако, Англия все-таки может считаться верховною владетельницей или сюзереном страны, лежащей вне пределов, обозначенных её укреплениями, потому что начальники окружающих племен состоят у неё на жалованьи. Эти начальники получают субсидию, как дань, но, взамен того, они обязуются поддерживать дороги и горные тропы, и постепенно превращаются в вассалов индийской императрицы.

Древняя страна Гандара, в которой Пешавер теперь главный город, сохранила очень мало памятников своего прошлого; завоеватели, последовательно проходившие этим историческим путем Кабульской долины, разрушили здания, воздвигнутые их предшественниками. От древней столицы, Пушкалавати (по-гречески Пенхелаотис), остались только кучи мусора, лежащие при слиянии рек Кабул и Сват, там, где ныне находятся Чарсудда и Пранг, два из Хашт-Нагар, или «Восьми городов». Огинд, на Инде,—как полагают, древняя Эмболима,—был частью смыт подтачивавшим его течением и доставляет искателям древностей только медали и разные предметы из бронзы, погребенные под обвалами берегов[1]. Что касается знаменитого Аорноса, утеса, которым не мог овладеть Геркулес, и который был, наконец, завоеван Александром Великим, то до сих пор не удалось еще определить несомненным образом его местоположение; описания греческих авторов, запутанные многочисленными преувеличениями, не дают достаточно надежной путеводной нити комментаторам в их поисках. Главные памятники буддийской эпохи исчезли так же, как и монументы времен арийских и эллинских; высокая буддийская ступа, которую китайские путешественники видели в Пешавере, и купол которой, по их словам, поднимался на 120 метров (56 сажен), не существует более; но «писанные камни» видны еще в долинах гор к северу от равнины, и на Хайберской дороге еще кое-где уцелели ступы, высящиеся на выступах горы, как наглядное свидетельство веры государей, поставивших свое царство под покровительство «Великого учения». В земле юзуфзаев остатки древних памятников, особенно фрагменты греко-бактрийской архитектуры, тоже очень многочисленны; мегалиты неизвестного происхождения, расположенные в виде круга, как камни в Стонгендже, стоят там у входа в ущелья гор, и теперь еще можно видеть близ этой границы один из каменных столбов, на которых император Асока велел вырезать свои указы[2].

К юго-востоку от переправы через Инд по Аттокскому мосту, на историческом пути от Гинду-куша к Гангу, этапами, местами роздыха служат значительнейшие города Пятиречья.

1 A. Cunningham, „Ancient Geography of India".

2 Raverty, „Transactions of the Bombay Geological Society", vol. X. 1852; Loewenthal, „Journal of the Asiatic Society", 1863, № 1; Arthur Phayre, тот же сборник, 1871, № 1.

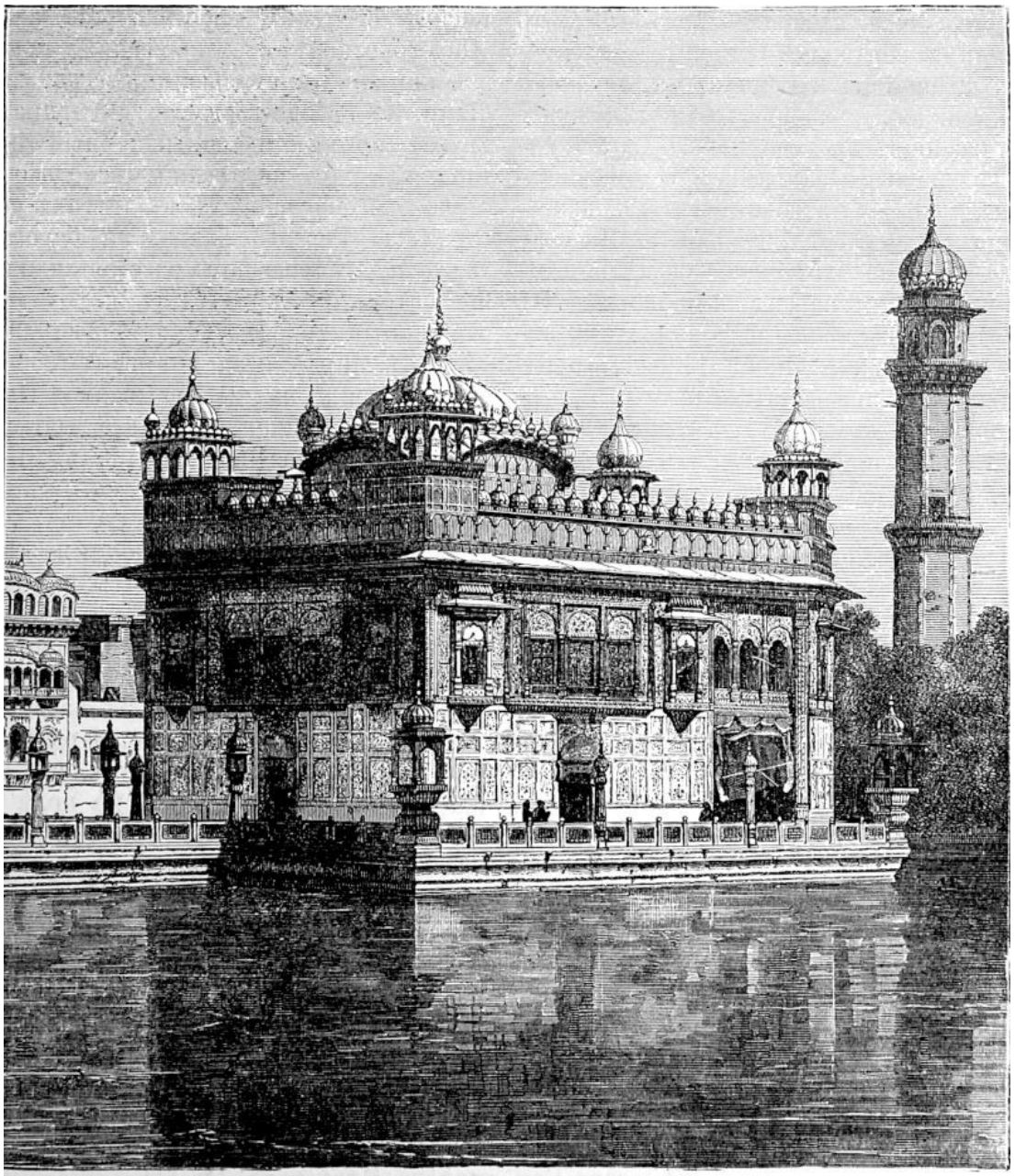
Раваль-Пинди, на верхнем Согане—город нового происхождения, но английский военный город, простирающийся к югу от него, занимает местоположение древнего Гаджипура; а на северо-западе оттуда находилась могущественная столица Такшасила (Таксила), важнейший из городов, которые видел Александр Македонский во время своего похода в Индию. Коннингам открыл место расположения этого города близ местечка Шах-Дери; развалины собственно города раскинуты на пространстве 15 квадр. километров, и везде вокруг городских стен видны остатки обширных предместий. Храмы, монастыри и пятьдесят слишком ступ, из которых иные принадлежат к самым большим памятникам этого рода, встречающимся в Индии, напоминают о временах религиозного рвения буддистов, о той эпохе, когда Такшасила сделалась резиденцией императора Асоки, благочестивого соорудителя прекраснейших зданий, посвященных Будде. Другая знаменитая ступа, Маникиальская, которую открыл Эльфинстон, на восток от долины реки Соган, возвышалась не в городе, а среди группы буддийских храмов и монастырей; пепел и обуглившиеся балки, находимые в кучах мусора, подтверждают предание, по словам которого, Маникиала была истреблена пожаром.

Джилам, стоящий на правом берегу реки того же имени, не может считаться одним из важных городов Пенджаба, но в соседстве, как и на всем протяжении исторического пути, видны развалины древних городов. Города, которые Александр Великий основал на обоих берегах Гидаспа или Джилама, в ознаменование своей победы над царем Пором, не оставили после себя следов, подлинность которых была бы доказана несомненным образом; греко-бактрийские монеты, находимые в развалинах близ Джалальпура, ничем ни отличаются от монет, которые были извлечены на поверхность земли при раскопках, предпринятых в различных частях северо-западной Индии; но некоторые ученые хотели видеть потомков спутников македонца в племени аванов, которое занимает часть этого округа и распространено на запад до самого Раваль-Пинди; имя этих индусов-магометан, которые имеют другую претензию, претензию на происхождение от самого пророка, рассматривается как однозначущее с названием яван или явана, под которым были известны греки, но которое было присвоено также завоевателям других рас, так как Орисса и центральные провинции тоже подпали под власть аванов, которые проникли даже в дравидийские земли на юге Индустана[1]. В настоящее время самый многолюдный и самый важный по торговле город этой страны—Пинд-Дадат-хан, стоящий на правом берегу Джилама, у подошвы южных скатов Соляной цепи; это главная верфь для постройки судов, плавающих по Гидаспу, а напротив, на другом берегу реки, в Миани, находится обширный склад соли, которая привозится по железной дороге из хеурских соляных копей или ломок, означаемых во всех оффициальных документах под именем копей Майо, в честь лорда Майо, бывшего вице-короля Индии. В 1872 году на этих ломках было добыто соли на сумму около 7.400.000 франков. Правительство присвоило себе в исключительную собственность соляные ломки, и работы производятся там под управлением его инженеров; занятые на ломках рабочие принадлежат к одной из самых жалких и убогих каст, в которой зобатые и немощные составляют значительную пропорцию.

На берегах Чинаба, текущего параллельно Гидаспу, города, стоящие на большой дороге, получили более или менее важное значение, смотря по тому, приближалась или удалялась река, блуждающая в соседних равнинах на большом пространстве. Гуджерат, лежащий ныне в 7 километрах к югу от речного русла,—город преимущественно промышленный, славящийся в особенности своими прелестными филиграновыми золотыми и стальными изделиями, которые принадлежат к числу наиболее ценимых произведений индусского искусства. Вазирабад, на левом берегу Чинаба, у оконечности железнодорожного моста, который имеет не менее 2.800 метров в длину и покоится на 64 столбах, вбитых в песок на глубину более чем 20 метров (около 10 сажен),—в большой части город новый. Построенный по правильному плану итальянцем Авитабиле, одним из иностранных генералов, связавших свою судьбу с судьбой сейхского раджи Ранджит-Синга, он сделался главною верфью и центром

1 W. Hunter „Orissa"; Rajendralala Mitra, „Antiquities of Orissa".

судоходства по Чинабу. Недавно здесь стояли на кантонир-квартирах войска, имевшие назначением защищать в этом месте переход через реку, но теперь эти войска переведены на восток, в окрестности города Сиалкота, где им легче наблюдать за границей и за столицей Кашмирских государств. Сиалкот, один из важнейших городов края, обязан своим нынешним значением не одной только этой стратегической роли; он имеет две хлопчатобумажные мануфактуры и большое число писчебумажных фабрик; кроме того, ярмарки его привлекают тысячи иногородных посетителей, в одно и то же время пилигримов и коммерсантов.



Амрицаръ. Золотой храмъ и озеро Безсмертія.

Упоминаемый уже в древних индусских поэмах, Сиалкот был столицей страны за две тысячи лет до нашего времени. Таки, бывший впоследствии главным городом всего верхнего Пенджаба, в ту эпоху, когда китайские пилигримы посетили Индустан, находился на юге, в местности, теперь почти пустынной, которая сделалась бесплодною вследствие перемещения течения реки Рави и осушки проведенных из неё оросительных каналов. Развалины древнего города, впервые обследованные Коннингамом, находятся близ деревни Асарур, на северо-восток от небольшого холма Сангал (Сангола, Сакала), где армия Александра Македонского одержала одну из своих побед. В наши дни главный город доаба, или «междуречья», ограниченного реками Рави и Чинабом,—Гуджранвала, одна из станций пенджабской железной

дороги. Окрестная страна представляет голую, пыльную равнину, без малейшего признака деревьев; нигде местность не заслуживает более справедливо эпитета «отвратительной», данного султаном Бабером этим равнинам Индустана, которые он сам так часто опустошал. В прошлом столетии несколько шаек бродяг составляли единственное население Гуджранвальского округа, где теперь насчитывается слишком полмиллиона жителей[1].

Лагор, также очень старинный город, упоминаемый древними писателями под именем Логавара, наследовал городу Таки, как столица Пятиречья. В течение трех столетий он был центром сопротивления против магометанского нашествия, затем газневидские государи избрали его своей резиденцией. Во время монгольского владычества он тоже часто бывал местом пребывания императоров; затем, когда основалось эфемерное государство сейхов, «львы» (синги) построили тут свой дворец; теперь англичане сделали этот город средоточием своего управления во всем северо-западном Индустане. В эпоху господства Великих Моголов Лагор был гораздо обширнее, и предместья его продолжались далеко за черту городских стен. После периода упадка он снова вступил в эру быстрого возрастания. Новый английский город выстроился на юге от старого индусского, вдоль высокого берега, у подошвы которого прежде протекала река Рави, теперь перешедшая на западную сторону, и кварталы его приближаются на востоке посредством прекрасных бульваров к штабам войск, расположенным в Миан-Мире; таким образом город протянулся в длину верст на двенадцать, между могилой Джехангир, находящейся в Шах-Дара, на северной стороне Лагора, и последними казармами Миан-Мира. Важное значение главного города Пятиречья отныне упрочено и обеспечено гораздо более его выгодным торговым положением, чем его привилегиями, как административного центра. В Лагоре железная дорога, идущая из Карачи, отделяет от себя ветвь к магистральной линии из Пешавера в Калькутту.

Прекраснейшие памятники Лагора относятся, по времени сооружения, к эпохе Великих Моголов, и хотя многие из них были обнажены от украшавшего их убора из мрамора и эмальированного фаянса; хотя другие, частью разрушенные, повысили окружающую почву своими развалинами,—но и то, что уцелело, поражает своею чудною красотою и изяществом. Открывающиеся взорам между группами стройных пальм, среди роскошных садов, где фонтаны брызжут жемчужной струей, дворцы и мечети, с их широкими перистилями, с их окнами, оканчивающимися наверху дугообразным просветом, с их висячими верандами, угловыми павильонами с колонками, их минаретами, словно вырезанными из слоновой кости, их куполами из разноцветного мрамора, кажутся какими-то волшебными замками. В этих зданиях искусство Индии сочеталось с искусством Персии, подобно тому, как язык урду соединил в одно гармоническое целое санскритскую основу с персидскими узорами. В сравнении с великолепными монументами индусского города, памятники английского представляются очень невзрачными в архитектурном отношении, но между последними есть, по крайней мере, такие, которые утилизируются для целей просвещения и умственного подъема страны; таковы лагорские коллегии или лицеи, из которых один носит титул университета; таков музей, где находится драгоценнейшее из всех существующих на Полуострове собрание произведений искусства греко-бактрийских, буддийских, индусских. Благодаря духу инициативы, которым обладают в высокой степени его жители, сейхи, Лагор сделался центром науки и литературы во всем северном Индустане.

Один соседний город оспаривает у Лагора роль метрополии сейхов,—это Амрицар (Амритсар), расположенный верстах в пятидесяти к востоку, в небольшой впадине почвы или котловине, которую перерезывает оросительный канал, отведенный из реки Рави. Прежде на этом месте стоял древний город Чак, но он давно уже исчез, когда один апостол сейхов построил святилище, которое получило от пруда, омывающего его мраморные стены и перила его набережных, имя Амрит-Сара, что значит «озеро бессмертия». Пилигримы сотнями тысяч приходят каждый год молиться с коленопреклонениями на мосту, соединяющем Золотой храм с твердою землей, и под изящным сводом, увенчанным широким куполом из

1 Hunter, „England's Work in India".

позолоченной меди. Долгое время Амрицар был общим достоянием всей конфедерации сейхского народа, и каждый из кланов имел в нем свой особый квартал; но со времени сооружения цитадели Говинд-гар, которая командует над Золотым храмом, пилигримы могут уже являться не иначе, как в качестве подданных её индийского величества. Стечение огромного числа правоверных, приходящих со всех концов страны, придало амрицарским ярмаркам важное коммерческое значение. Этот город служит складом товаров, отправляемых из Бомбея и из Калькутты в Кашмир и на рынки Средней Азии. Кашмирские переселенцы принесли с собою в Амрицар искусство выделки шалей, золотой парчи и позументов; в хорошие годы свыше четырех тысяч станков работали в мастерских этого города. Во время больших праздников все улицы обтянуты шалями и дорогими материями. К северо-востоку от Амрицара стоит другой торговый и промышленный город, Батала, где едва встретишь несколько сейхов, столь многочисленных в других соседних городах. Гораздо далее, на берегах Сетледжа и в небольшом расстоянии от ущелья, из которого он выходит, находится другой священный город сейхов, Анандпур, или «Город Мира», над которым господствует гора в форме чалмы, называемая Нина-Деви. «Грант», священная книга сейхов, хранится, как святыня, в одном из храмов Картарпура, местечка, соседнего с Джалландаром.

К востоку от Лагора, пояс возделанных и заселенных земель все более и более съуживается между основанием Гималайских гор и южными равнинами, усеянными редкими оазисами; там начинается страна, которой дали, с военной точки зрения, название «Бельгии Индустана». Древние эпопеи рассказывают об истребительных войнах, в которых некогда здесь встречались на поле сражения куруиды и сыны Панду, да и после мифических времен, в историческую эпоху, на этой же территории, служившей естественным путем для наций и армий, происходили все почти большие битвы, где решалась судьба народов северной части Полуострова. Оттого англичане не преминули установить в этой области непрерывную цепь укрепленных лагерей, чтобы обеспечить свои сообщения. К югу от Амрицара, на правом берегу Сетледжа, город Фирозпур сделался обширным арсеналом Индустана. На северо-востоке, на магистральной железнодорожной линии, Джалландар, собрание городов, сгруппированных в одной и той же ограде, также составляет один из опорных пунктов английского военного могущества, и его кантонементы занимают большее пространство, чем все индусские города края. Далее, город Лудианах, стерегущий, с восточного высокого берега, переход через реку Сетледж, на которой построен мост-путевод, длиной в 1.900 метров, сам, в свою очередь, находится под выстрелами сильной цитадели, и его рынки снабжают продовольствием все гарнизоны Пенджаба. Затем следует Амбала, на реке Хаггар, лагерь которого, более многолюдный, чем самый город, занимает пространство в 2.900 гектаров (около 2.000 десятин). Целая дивизия охраняет эту центральную позицию, которая имеет вдвойне важное значение, как промежуточная крепость между Лагором и Дели и как страж Симлы, летней столицы Индустана, пока еще не соединенной с сетью железных дорог равнины. Исходный пункт для путешественников, которые каждый год отправляются толпами в отели, виллы и дачи гималайской летней резиденции, Амбала есть в то же время для северных равнин Индустана главный рынок по торговле привозимыми из Англии товарами, которыми он снабжается в наиболее обильном количестве. Построенный близ окраины пустынь, на почве, где реки текут уже с трудом, Амбала терпел большой недостаток в воде, да и та вода, какая имелась в его распоряжении, часто бывала испорченная, вредная для здоровья; чтобы устранить эту причину болезней, недавно выкопали подле самого города артезианский колодезь, глубиной в 139 метров (почти 65 сажен).

Английские военные станции Восточного Пенджаба далеко превзошли численностью населения старые индусские города этой страны, даже столицы маленьких государств, которым британское правительство оставило тень независимости, каковы, например, Капуртала и Путиала. Сархинд, бывший некогда главным городом царства Сатадру или Сатледж (Сетледж), оставил после себя лишь груды развалин, тогда как вся окружающая местность до сих пор еще вообще обозначается его именем. Простая игра слов, примеры которой так часто встречаются в географической номенклатуре, придала этому названию Сархинд смысл «границы

Индустана», как бы желая указать приблизительную раздельную черту между мусульманскими землями северо-запада Индии и областями чисто индусскими[1]; но по воспоминаниям ни одна страна Полуострова не может уже назваться индийскою: это по преимуществу святая земля арийцев, и предание древних времен в ней еще не утратилось. Пилигримы еще толпами устремляются в Танесар, в Пихойю, ко всем святым местам, находящимся на берегах изменчивого течения Сарасвати: иногда до 300.000 богомольцев приходят погрузиться поочередно в танесарские мутные воды; тысячи вдов бродят по улицам и площадям Пихойи, и оплакивая понесенную утрату, рвут на себе волосы с отчаяния. Город Сирса, построенный близ развалин Сарсути, находится далеко на юге, у самых границ пустыни; но в периоды разлива река, давшая этому городу свое имя, приносит еще ему несколько капель своей священной воды.

«Пять Долин» Пенджаба расположены в форме раскрытого веера; очень удаленные одна от другой в области индийского «Пиемонта», или Даман-и-Коха, они постепенно сближаются к Митанкотской косе. Тогда как в северной области, повсюду орошаемой пятью реками, большие города расположились вдоль исторического пути, у переходов через реки и в промежуточных доабах (междуречьях), южный уголок Пенджаба, гораздо более узкий, менее обильно орошаемый, более подверженный засухам и пыльным вихрям, имеет всего только один торговый центр. Это—город Мультан, древняя столица народа Малли, покоренного Александром Македонским; происхождение его восходит к мифическим временам, и легенда приписывает его основание отцу солнечных богов и титанов; в царствование Ауренгзеба середина Мультанской цитадели была еще занята храмом Солнца, который был разрушен по приказанию этого фанатического императора, воздвигнувшего на его месте мусульманскую мечеть. Прежде Мультан стоял на двух островах, окруженных водами Рави, но эта река давно уже переменила течение и теперь соединяется с Чинабом, верстах в 60 к северу от города; только во время наводнений маленький поток или рукав, выделяющийся из Рави, проходит в старое речное русло. В настоящее время ближайшая к Мультану река—Чинаб, протекающий в 7 километрах на запад от города; в этом месте находится пристань и судостроительная верфь Шер-Шах.

Багавальпур, столица одного из обширнейших медиатизированных государств Северной Индии, есть один из городов, которые извлекли наибольшую пользу из общего спокойствия страны, со времени установления британского господства. Синдская железная дорога делает большой крюк к востоку, чтобы пройти через этот город, которого она достигает великолепным мостом, перекинутым через Сетледж. Оросительные каналы. отведенные из этой реки, перерезывают во всех направлениях окрестные местности, и новые города выросли среди богато обработанных земель, которые еще недавно были бесплодными пустынями. Мануфактурная промышленность также способствует процветанию Багавальпура; фабрикация шелковых материй, введенная переселившимися из Бенареса ремесленниками, питает отпускную торговлю страны, направляющуюся к Афганистану и государствам Средней Азии.

Несколько важных городов возникли также в Дераджате, на берегах или в соседстве Инда, в Даман-и-Кохе, или «Пиемонте» (Подгорьи), который тянется вдоль афганской границы. Город Калабах, или «Черный Сад», расположил свои дома амфитеатром на скале из каменной соли, при выходе ущелья, которым река проходит Соляную цепь; террасы каждого ряда домов служат улицей выше стоящим домам, а над всеми этими ступенями, расположенными в роде ярусов цирка, высится соляной утес, с вершины которого чиновники фиска зорко следят, чтобы обыватели не царапали пол своих жилищ или даже, по местной поговорке, не позволяли бы своему домашнему скоту «лизать камни тропинки». Разработка соляных ломок производится только по другую сторону Инда, близ деревни Мари; впрочем, эксплоатация их незначительна, благодаря тому обстоятельству, что потребление соли ограничено ревнивой монополией; добывают также квасцы и железную руду из окрестных холмов. На западе, в цирке гор Банну, Дулипнагар, оффициально называемый англо-персид-

1 A. Cunningham, „Ancient Geography of India".

ским именем Эдуардсабад,—сам по себе маленький городок; но он имеет весьма важное торговое и военное значение, потому что в нем сходятся многие из дорог, спускающихся с афганских плоскогорий. Почти на всех выступах окрестных гор виднеются остатки древних памятников, относящихся к разным эпохам, начиная с буддийских веков; всем им дают безразлично одно и то же название Кафир-Кот, т.е. «Крепость неверных». На вершине горы Шейк-будин (1.375 метров высоты) теперь стоят казармы, куда посылают выздоравливающих солдат для восстановления здоровья; но на этом пике жара летом еще слишком сильна, чтобы можно было там основать санитарный город.

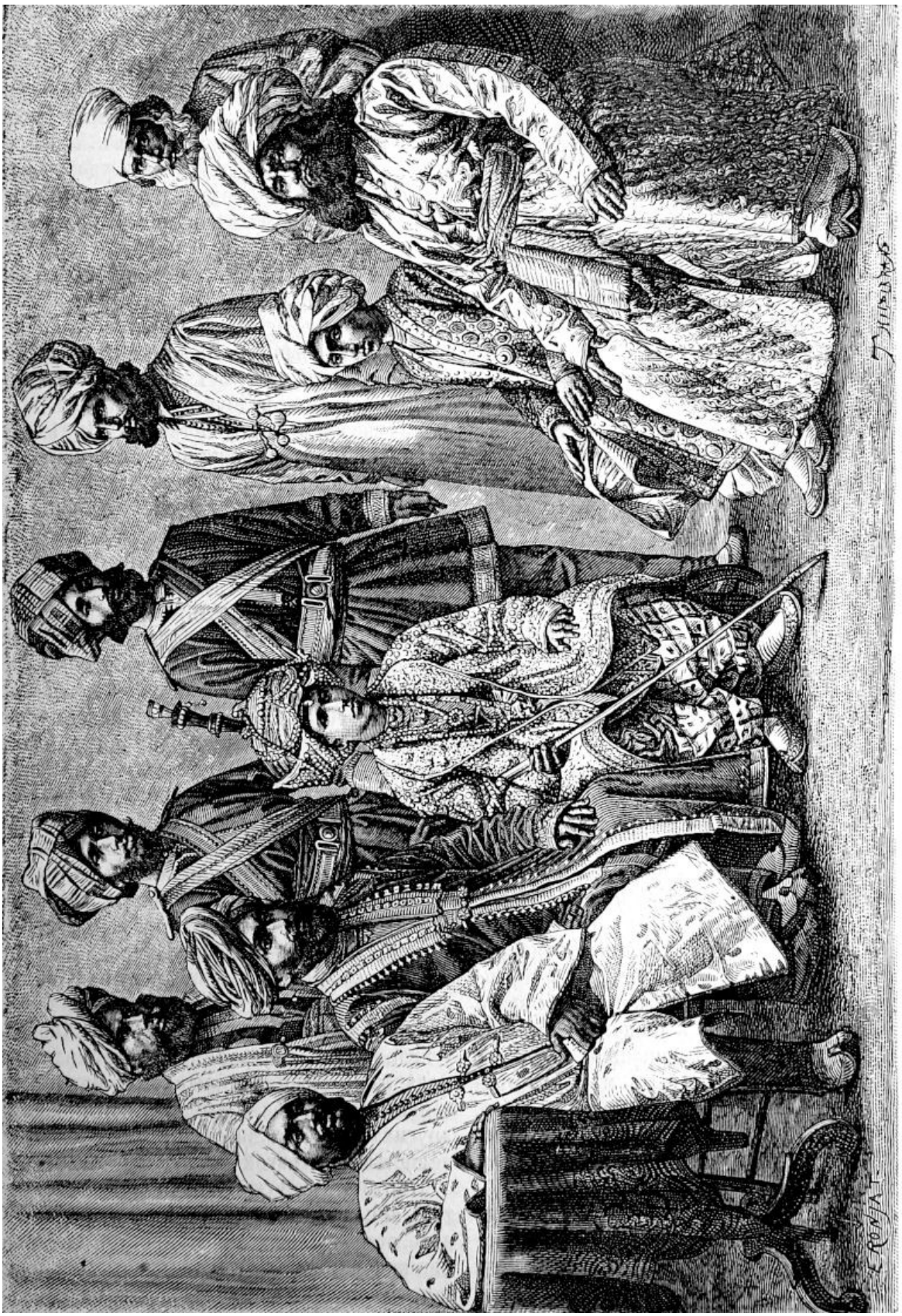
Дера-Измаил-хан, новый город, наследовавший прежнему городу того же имени, который был разрушен наводнением Инда в 1823 году, тоже преставляет сильную военную позицию и командует выходом Гомульского ущелья, огибающего на севере массив Тахт-и-Сулейман (Соломоновы горы); два раза в год в этом городе составляются большие караваны повиндахов, или «скороходов», отправляющиеся отсюда совершать свой обычный обход Афганистана: около 12.000 людей и 35.000 верблюдов проходят каждый год Гомульским ущельем. Ценность торгового обмена через этот проход в течение фискального 1869—1870 года простиралась до 8.250.000 франков. Другой город, основанный балучами или белуджистанцами, Дера-Гази-хан, торговый аванпост Мультана на Инде,—тоже очень оживленный торговый пункт; он наследовал, как рынок южного Дераджата, городу Митанкот, который опустошительными наводнениями Инда вынужден был перейти на другое место, и с тех пор купцы покинули его. Большая ярмарка, на которую съезжаются и сходятся как индусы, так и мусульмане, бывает также около знаменитого храма Сакки-Сарвар, который во все остальное время года окружен безлюдными пустынями; племя, состоящее из 1.600 слишком душ, которое охраняет это святилище, делит между собою приношения пилигримов[1]. В этой области переход через Соломоновы горы очень затруднителен, по причине большого протяжения дорог, которые извиваются в ущельях, по песчаному или каменному дну высохших горных потоков, между рядами скал параллельных предгорий, однообразно покрытых маленькими пальмами, акациями, а выше хвойными деревьями.

Торговый центр всей области Инда, заключающейся между мысом Пяти Рек и бифуркацией дельты, есть город Шикарпур, построенный среди садов, в хорошо орошаемой равнине, которая некогда была морским заливом и которая продолжается на север песчаными пространствами. Важное значение этого города обусловливается его выгодным положением при дороге, которая проходит на юг от Сулейман-дага и ведет к плоскогорьям Белуджистана или через Боланский, или через Гарнайский проход. Шикарпурские купцы еще предприимчивее мультанских, и город их служит главным складочным местом для товаров и продуктов, отправляемых из всех частей Индустана и даже из Англии; в самом Шикарпуре фабрикуются, тоже для отпускной торговли, ковры и бумажные ткани. В 1880 году, когда английское правительство, посылая свои армии в Афганистан, повидимому, решилось исправить с западной стороны свои границы Индийской империи, Шикарпур был выбран как исходный пункт железной дороги, которая должна современем соединить Индию с берегами Средиземного моря чрез Кандагар и долину Евфрата. Принялись за дело с таким рвением, что, казалось, можно было с полною уверенностью предсказать быстрое окончание проектированного великого пути: первый участок, длинною в 215 километров, был вполне окончен в продолжение 101 дня[2], и уже работали над сооружением подъема на плоскогорье, как вдруг перемена направления в политике заставила отказаться от исполнения этого предприятия. Рельсовый путь, начинающийся в городе Саккаре, сообщается с лежащим на противоположном берегу Инда городом Рори, наследником древнего Арора, посредством паровых паромов, которые в скором времени будут заменены мостом-путеводом: на севере он поднимается до Сиби, бывшей столицы Севестана, откуда одна ветвь его идет до форта Кветта, в Белуджистане; эта железная дорога избавляет путешественников от утомительного перехода через

1 Raverty, „Journal of the Asiatic Society of Bengal". 1855, № IV.

2 Richard Temple, „Proceedings of the Geographical Society of London", sept. 1880.

пустыню Качи-Гандава. Оффициально, наибольшая часть территории, простирающейся у подошвы гор, считается зависящею, в политическом отношении, от Белуджистана; но в действительности английское господство там полное. Войска, расположенные в штабах Жакоба-



Багавальпурскій раджа и его дворъ.

бада, близ номинальной границы, наблюдают за всей равниной.

Гайдерабад, в древности Неранкот, командует с высоты своего холма над аллювиальною областью, где начинается дельта Инда. Ветвь этой реки, называемая Пулели, отделяется от

главного ствола почти в 20 километрах выше Гайдерабада и впадает в Лахпадский лиман, при входе в Ранн; но, кажется, в предшествовавшую эпоху, когда главное течение Инда проходило на востоке в русле Пураны, или «Старой Реки», бифуркация происходила у подошвы Неранкотского холма. По мнению Коннингама и других комментаторов древней географии Индии, нынешний Гайдерабад занимает местоположение древней Паталы, бывшей главным городом страны во времена похода Александра Македонского; она приобрела такую громкую славу, как гавань священной реки, что имя её сделалось синонимом «Врат Спасения»; это в честь её, по словам ученого Иешке, буддийский храм в Лассе получил наименование Потала, едва разнящееся от Патала. В настоящее время Гайдерабад имеет важность лишь в стратегическом отношении; но в нем существуют также некоторые отрасли мануфактурной промышленности, и произведения, которые он посылает на европейские выставки, оружие, шелковые материи, вышитые золотом и серебром ткани, эмальированные галантерейные изделия, принадлежат к наиболее ценимым предметам этого рода. Гайдерабад удален от нынешнего русла Инда почти на 6 километров, и пристанью его на этой реке служит деревня Гиду-Бандар, которая сообщается посредством парового парома с городом Котри, стоящим на правом берегу главной реки; высокие береговые плотины защищают этот последний город от наводнений Инда и внезапных разливов его притока, Барана. Благодаря железной дороге, соединяющей Карачи с Котри, приморский порт с речною гаванью, эта последняя долгое время пользовалась весьма значительным торговым движением; но продолжение рельсового пути, связанного теперь с общею сетью железных дорог, сильно уменьшило важность Котри, который перестал быть местом обязательной перегрузки товаров. Сравнительно, город Татта, стоящий ниже, близ разветвления наиболее посещаемых судами проходов Инда, потерял еще гораздо больше, чем Котри. Около конца семнадцатого столетия чума так свирепствовала там, что от неё умерло, говорят, восемьдесят тысяч человек. Однако, в половине восемнадцатого столетия, когда Надир-Шах овладел Таттой, называемой также Нагаром, или «Городом» по преимуществу, население его, по свидетельству современников, заключало 60.000 торговцев, 40.000 ткачей, 20.000 других рабочих. В настоящее же время число жителей этого некогда многолюдного города, значительный процент которых ежегодно погибает от лихорадки, не превышает 8.000 душ.

Подобно Марсели, Венеции, Александрии, Одессе, Барселоне и другим торговым городам, находящимся вне речного бассейна, для которого они служат рынками сбыта, Карачи, порт которого теперь сделался истинным торговым входом Инда, лежит вне области низовья, проходимой блуждающими рукавами реки и соединяется с Индом лишь каналом, недавно прорытым. Судоходство по этим внутренним водам очень затруднительно, и это обстоятельство заставило англичан построить одну из их первых железных дорог между Карачи и вершиною дельты, чтобы иметь возможность отправлять людей и товары сухим путем. Суда гребные, парусные или паровые, которые употребляются на нижнем Инде, имеют не более четырех или пяти футов водоуглубления. С 1835 года, эпохи введения пароходства на Инде, движение товаров и пассажиров увеличилось, но в гораздо меньшей пропорции, чем ожидали; в Индии, как и в Западной Европе, относительная дешевизна водяных путей сообщения не могла выдержать конкуренции быстрых путей железных. В 1874 году по Инду ходило 14 пароходов. Ценность товаров, перевезенных в том году по реке на пароходах и барках, простиралась до 42.800.000 франк. Рыболовство на Инде все еще весьма значительно, особенно в области дельты, и доставляет преимущественно одну породу, *палу*,— мало отличающуюся от *гильзы*, живущей в Ганге,—которая составляет главную пищу всех прибрежных жителей; рыбаки ловят ее или сетями, поддерживаемыми пустыми глиняными шарами, или направляя, во время разливов, воды реки в бассейны, где рыба собирается в таком множестве, что иногда удается поймать в короткое время многие десятки тысяч штук. Соседния моря доставляют особую породу сельдей, а также акул, плавники которых, считающиеся большим лакомством у китайских гастрономов, отправляются отсюда в Бомбей для рынков шанхайского и гонконгского. Каста рыбаков отличается от других классов населения Синда сво-

ей смышленостью и отвагой[1].

Портовый город Карачи претендует на титул синдского «Бомбея». Еще в начале прошлого столетия он был простой деревней, и кое-какая торговая деятельность появилась в нем лишь после обмеления гавани Шах-Бандара, на Инде, но песчаные мели, заграждающие проход, и малая глубина фарватера затрудняли вход в порт, который был доступен только мелким индусским судам. Нужно было потратить миллионы, чтобы устроить передовой порт к востоку от мыса Манора, защищающего бухту от ветров открытого моря, соединить островки с материком дамбами и железными дорогами, засыпать промежуточные болота и прорыть фарватеры. Благодаря всем этим работам, суда, имеющие до 7 метров водоуглубления, могут входить в гавань, пользуясь приливом; даже в часы отлива все еще остается более 6 метров воды в проходе. Тем не менее, порт Карачи—один из тех, которые могут быть поддерживаемы только ценой постоянных усилий, так как ил и песок, приносимый Индом, увлекается вдоль северо-западного берега моря береговым течением, происходящим от действия южного муссона[2]. Прежде, когда страна еще не принадлежала Англии, Карачи вел преимущественно торговлю живым товаром, невольниками, абиссинскими или негритянскими, привозимыми на маскатских судах. В настоящее время, под английским владычеством, важнейшие предметы торговли—хлеб и хлопок; оттого лучшими годами для процветания Синдского порта был период междоусобной войны в Северо-Американских Соединенных Штатах.

Внешняя торговля Карачи:

В 1844 г. (первый год английского господства)—3.054.000 франк.; в 1864 г. (во время американской войны)—164.192.000 франк.; в 1874 г. (год нормальный)—87.692.000 франк.

В 1894 г. ценность вывоза составляла 6.823.781, ценность ввоза—4.266.591 рупий; в приходе в этом году было 127 пароходов в 180.398 тонн.

Карачи—одна из пристаней Индии, куда всего чаще заходят французские корабли. Это город английской постройки, и если имеет восточный вид, то обязан этим только ослепительному свету, отражающемуся от стен, тропическим деревьям бульваров и общественного сада да костюмам и физиономиям индусов, балуджей и афганцев, толпящихся на набережных и у входа в караван-сараи. Летний город англичан, Клифтон, находится на восточной стороне бухты, на полуострове, перерезанном утесами, о которые ударяются волны моря. Верстах в десяти на север, горячие ключи Пир-Манго, о которых жрецы говорят, что это подземная струя реки Рави, бьют из земли между группами финиковых пальм, у основания известкового пригорка, где находится обширный кратер, образовавшийся вследствие провала почвы[3], и наполняют священный пруд, кишащий крокодилами, которых, как священных животных, набожно кормят факиры. Герман фон-Шлагинтвейт рассказывает, что крокодилы, совершенно прирученные, приходили на зов своих сторожей, и даже иногда ему случалось видеть, как живописцы садились верхом на страшных животных и рисовали у них на черепе разные гиероглифические образы и благочестивые изречения[4]; но английские офицеры, не заботящиеся о народном культе, преследуют этих огромных ящериц камнями и ружейными выстрелами[5]. Далее, за высотами, господствующими над Пир-Минго, простираются пустынные плоскогорья, где видны какие-то развалины. До самого Белуджистана различные местности носят индусские названия, которые свидетельствуют о проходе буддийских миссионеров в стране[6]. В разных местах на западной границе высятся ступы, но нигде нет таких высоких, как в Хайберском проходе.

К востоку от аллювиальных земель Инда три раджпутские государства, лежащие в равнине, Биканер, Джайсалмир и Марвар, заключают в себе обширные пространства без го-

1 Carles, „Journal of the Geographical Society of London", 1838

2 Taylor, „The Harbours of India".

3 Buist, „Transactions of the Geographical Society of Bombey", vol. X, 1852.

4 „Reisen in Indien und Hochasien".

5 R Burton, „Sind Revisited".

6 A. Cunningham. „Ancient Geography of India".

родских поселений, и даже в большей части их протяжения совсем нет деревень; на целых сотнях квадратных верст не увидишь ничего, кроме песчаных бугров, разделенных узкими оврагами, солончаков да мелкого кустарника, и пустыня постепенно делает захваты на обработанных землях. В этой бедной стране, где неурожаи и голодовки повторяются все чаще и чаще, жители часто питаются хлебом из древесной коры, корнями растений, дикими семенами[1]. Марвар вполне заслуживает этого названия, которое означает «Область Смерти», а в двух других государствах население еще более бедствует; в большей части селений нет других домов, кроме шалашей, сплетенных из ветвей кустарника и формой напоминающих пчелиные ульи[2].

Однако, Биканер, столица государства, граничащего с Пенджабом и Багавальпуром,—значительный город, и когда смотришь на него издали, его стены и храмы, высящиеся на вершине холма, представляют очень внушительное зрелище, так что величественностью своего вида он не уступит самым пышным городам Индии. Жители его славятся во всей Раджпутане своим искусством в разных мастерствах: они делают резные из дерева и камня украшения для домов, фабрикуют ковры и покрывала, вытачивают разные вещи из слоновой кости, приготовляют отличные печенья и пирожное. Джайсалмир, построенный из желтого камня, издали похожого на битую глину,—тоже живописный город, над домами которого высоко поднимаются дворцы с башенками и храмы джайнов. Джодпур, столица Марвара, походит на Биканер своим положением на вершине холма и смелым профилем своих зданий; крепость, командующая над городом и заключающая дворец магараджи, стоит на песчаниковой скале, возвышающейся на 240 метров над уровнем равнины. На востоке, многочисленные реки и речки, берущие начало на западных склонах гор Аравали и соединяющиеся с рекой Луни или теряющиеся в пустыне, орошают Годвар, или «Сад» Восточного Марвара, и прокармливают значительное население. В этой области возникли многие города, Нагар, Мерта, Палли, Соджат, Джаллор. До постройки железной дороги, соединяющей Ахмедабад с Дели через плоскую возвышенность Раджпутаны, город Палли был главным торговым местом марварцев между Гудзератом и бассейном Ганга. Он имеет вид обширного ярмарочного поля; улицы в нем широкия, как в русском степном городе, и перед каждым домом ткачи работают на своих станках под открытым небом[3]. Верблюды, продаваемые в Палли, славятся своею ловкостью и выносливостью; по словам Бортона, в Синде и в пустыне Тар существует до пятнадцати разновидностей этих животных. Марварские быки тоже славятся во всей Индии; во время бескормицы, их гоняют, сотнями тысяч голов, пастись на плоские возвышенности Раджпутаны и Мальвы.

Маленькое медиатизированное государство Кач, которого главный остров и второстепенные островки протянулись в форме полумесяца на юге Большого Ранна, получает больше воды, чем раджпутские государства равнины, и, благодаря своей обильной растительности и удобствам сообщения, может прокармливать гораздо более значительное население на равном пространстве. Будж, столица этого княжества, все еще носящая имя бога, которому она была посвящена, очень богата древними постройками, представляющими большой интерес для археологов; но по степени важности, она уступает городу Мандви или Мандави, стоящему на южном берегу, при входе в Качский залив: это самый оживленный порт на всем прибрежьи между Карачи и Бомбеем (движение судоходства в Мандави в 1877 году: 1.069 груженных судов в приходе, 2.191 в отходе). Его моряки, индусы и магометане, владеют слишком двумя стами судов, общая вместимость которых свыше 10.000 тонн, и которыми они умеют управлять с необыкновенною смелостью, плавая между подводными камнями и мелями, которыми усеян залив; только суда, имеющие менее 3 метров водоуглубления, могут пройти бар при высоком приливе. Мандави ведет непосредственную торговлю с Занзибаром, откуда он ввозит, слоновую кость и кожи носорогов; в прежнее время пираты брали там так-

1 Georg King, „Proceedings of the Asiatic Society of Bengal", apr. 1869.
2 Alexan. Burnes, „Journal of the Geographical Society", 1834.
3 A. Glardon, „Mon voyage aux Indes orientales".

же невольников. Здешния суда, почти все без палубы, отправляются в начале декабря и возвращаются с юго-западным муссоном; но часто они находят море очень бурным, входя в Качский залив, и принуждены укрываться в бухточках противоположного берега, на прибрежьи полуострова Каттиавар.

Главные города бассейна «Пятиречья», Синда, раджпутских государств Тара и Кача:

Пенджаб: Амрицар (1891 г.)—136.766 жит.; Лагор—176.854 жит.; Пешавер—84.191 жит.; Мультан—74.562 жит.; Джалландар—66.202 жит.; Амбала—79.270 жит.; Лудиана—46.334 жит.; Батала—28.725 жит.; Сиалкот—55.087 жит.; Дера-Измаил-хан—21.573 жит.; Фирозпур—50.437 жит.; Дера-Гази-хан—23.899 жит.

Синд: Карачи—105.199 жит.: Гайдерабад—58.048 жит.; Шикапур—42.000 жит.

Раджпутские государства: Джодпур—61.849 жит.; Палли—50.000 жит.; Нагар—40.000 жит.; Биканер—56.252 жит.; Мерта—20.000 жит.; Джайсалмир—11.000 жит.; Соджат—20.000 жит.; Джаллор—15.000 жит.

Кач: Мандави (Мандви)—38.155 жит.; Будж—25.420 жит.

VI.

Полуостров Каттиавар и покатость заливов Канского и Камбейского, английские и туземные округа Гудзерата, на север от реки Маги.

Полуостров Каттиавар формою походит на остров Кач, и хотя он не был еще вполне исследован геологами, но и то, что они видели, достаточно показывает, что расположение горных пород представляет в этих двух странах некоторую аналогию. Океанический берег Каттиавара и Кача имеет одинаковое направление, от северо-запада к юго-востоку, перпендикулярно к движению муссона, и у обоих прибрежье почти прямолинейное, едва изрезанное маленькими углублениями или заливчиками, образуемыми устьями внутренних рек и речек. Каттиавар, так же, как и Кач, развертывает в виде полумесяца свой южный берег, окаймленный одинаково и на острове, и на полуострове новейшими известковыми породами и полосой траппа. Если Каттиавар еще соединен с материком узким перешейком в роде цветочной ножки, тогда как Кач отделен от твердой земли морскими водами в период юго-западного муссона, то, во всяком случае, порог, заключающийся между Ранном и Камбейским заливом, очень не высок, никак не больше 15 метров; около середины перешейка простирается, на протяжении 36 километров, озеро или, вернее сказать, болото солоноватой воды, Наль, очевидно, составляющее остаток бывшего пролива; почва в окрестностях этого длинного болота усеяна раковинами тех же видов, которые водятся в соседних морях[1]. Дважды в сутки прилив, проникающий в Камбейский залив, покрывает плоские берега слоем воды высотой от 8 до 10 метров; будь приливная волна двойной или тройной высоты против нынешней, и полуостров Каттиавар опять сделался бы тем, чем он был некогда, т.е. островным массивом. Так же, как во Франции, в заливе Сен-Мишель и проливе Нуармутье, здесь проложены, по песчаному, затопляемому приливом грунту, между городами противоположных берегов дороги, которыми пользуются во время отлива: как только приливная вода удалилась, пешеходы и всадники отправляются в путь, чтобы совершить переход до возвращения вод моря; но это путешествие не всегда безопасно, так как речки сочатся предательскими потоками в глубинах песков. Против острова Перима, замечательного обилием ископаемых третичной эпохи, образовалась среди залива яма в 110 метров глубиною.

Каттиавар, более обширный, чем Кач, в то же время и более возвышен над уровнем моря. Горная цепь Гир, которая тянется вдоль южного берега, имеет вершины, поднимающиеся выше 500 метров, тогда как около центра полуострова возвышается гранитный массив Уджаянта или Ревати, более известный теперь под именем Гирнара; самая высокая из его

1 Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

вершин достигает 1.067 метров. Другие гряды холмов, различной высоты, от 300 до 500 метров, занимают западную часть Каттиавара, но страна понижается постепенно на север и северо-восток, к берегам Ранна и равнинам континентального Гудзерата. Эти последние представляют, впрочем, лишь узкий проход между низменною областью северо-западного Индустана и западным склоном Гатских гор; заключенные между заливами моря и плоскогорьем Раджпутаны, они орошаются только короткими реками, спускающимися с горы Абу и с высот Мальвы; из этих рек две самые значительные, Маги и Сабарматти, открывают в Камбейский залив свои устья, расширяемые водами прилива; две другие реки, с перемежающимся течением, смотря по времени года, спускаются к Качскому Ранну: одна из них носит имя Сарасвати, как и священная река Гималайских ворот. С этой стороны переход совершается постепенно от плодородных равнин Гудзерата к бесплодным пространствам Тара; обилие или скудость вод делает то, что пояс пустыни выдвигается или отступает. Народонаселение распределилось в Гудзерате очень неравномерно. В равнинах, наклоненных на юг, в сторону дождливого муссона, население скучено в наибольших количествах, тогда как на севере, по краям Ранна и в долинах притоков, города и местечки очень редки. Это объясняется тем, что горы полуострова Каттиавар не пропускают в эту часть страны обильных дождей.

Пространство и население Каттиавара и Гудзерата:

	Пространство	Население в 1872 г.	На 1 кв. километр
Каттиавар (с Диу)	51.830 кв.к.	2.326.425 ж.	45 ж
Гудзерат континентальный, к северу от р. Маги, с округом Кайра	36.039 кв.к.	2.103.500 ж.	58 ж
Всего	87.869 кв. к.	4.429.925 ж.	50 ж

Расположенный в стороне от пути, которым следовали караваны и армии завоевателей, Каттиавар, естественно, должен был сделаться убежищем для всех племен, оттесненных с равнин Гудзерата. С другой стороны, этот полуостров, выдвинутый далеко за черту континента, привлекал к себе торговлю, и на всей его окружности поселились колонисты иностранного происхождения, которые различным образом смешались с туземцами. В числе этих чужеземных и иноплеменных пришельцев были, между прочим, арабы, даже африканцы, и с 1535 года, как известно, португальцы овладели островом Диу, на южной выпуклости Каттиаварского берега. Эти различные расы, оспаривающие друг у друга гористую территорию полуострова, не могли соединяться в одну политическую группу; еще в половине нынешнего столетия край распадался на 216 отдельных государств[1]. Под английским господством число это убавилось путем постепенного вымирания владетельных родов; теперь насчитывают только 188 самостоятельных княжеств, которые все отличаются между собою политическим и административным устройством. Между этими княжествами есть даже такия, которые не платят никакой дани Англии, но и они, тем не менее, подчинены её верховной власти и юрисдикции.

В древности полуостров носил имя Сураштра, которое и теперь еще дают ему браманы и различные туземные племена. Название Каттиавар он получил от одного народца завоевателей, пришедшего с севера через остров Кач в промежуток с тринадцатого по пятнадцатое столетие,—эпоха, в которую катты сделались уже самою могущественною державою края. Откуда пришли эти воинственные завоеватели? Были ли то арийские кшатрии или соплеменники афганцев? Сами они называли себя уроженцами берегов Инда и отличались от туземцев более высоким ростом, более тонкими чертами лица, менее смуглым цветом кожи. Они смешались разнообразно с джареджами и другими племенами раджпутов, которые наделили себя ленами в большей части государств Гудзерата; но коренное население до сих пор сохранилось в крае и занимается обработкой земли, либо в качестве мелких собственников, либо в качестве батраков. На востоке, континентальный Гудзерат, к северу от реки Маги, занят преимущественно колиями, которые походить на билиев, живущих на плоскогорьях, но которые причисляют себя к высшей касте, потому что они цивилизованнее и нра-

1 Thornton, „Gazetteer of India".

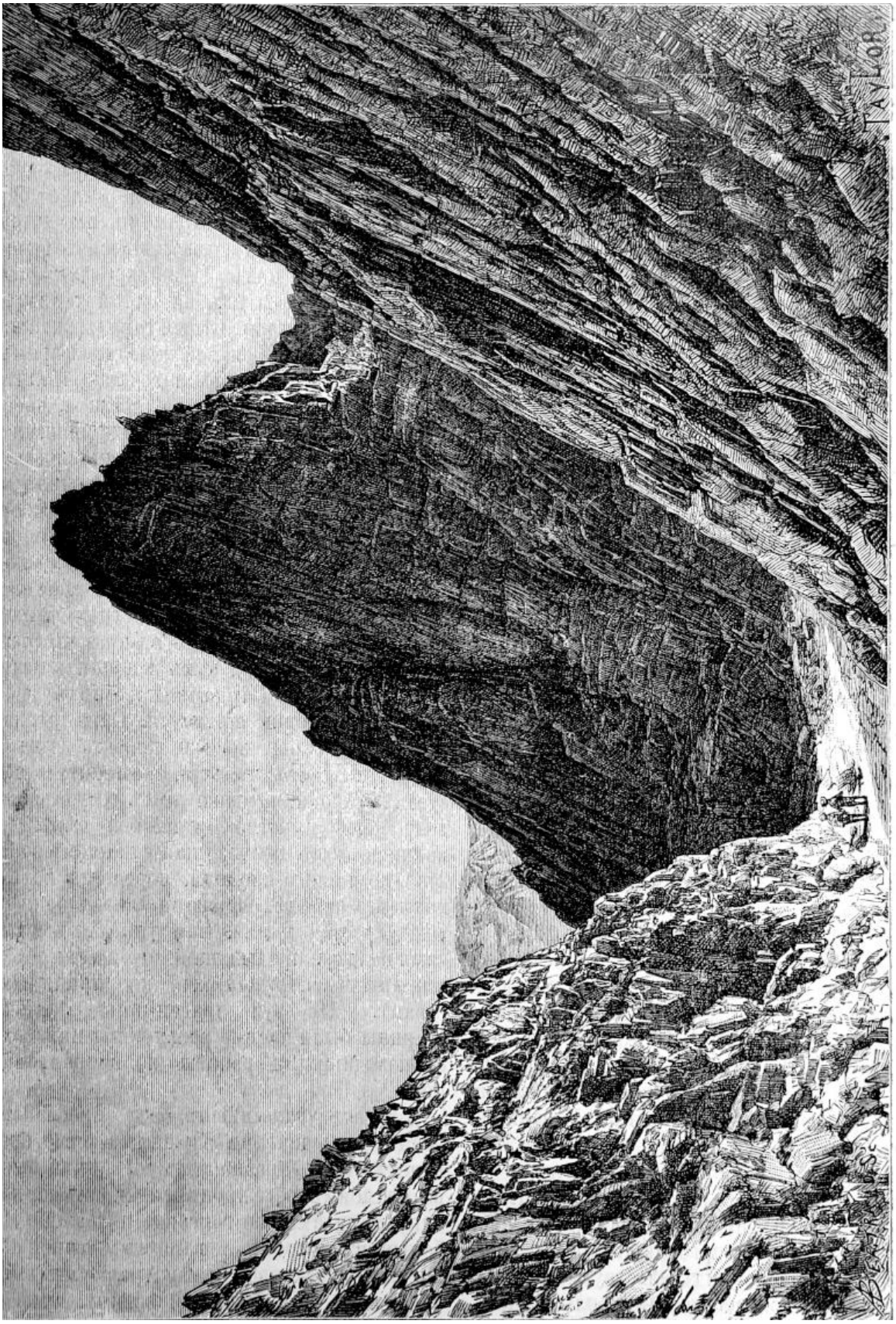
вами ближе приближаются к индусам. Колии делятся на множество кланов, по роду занятий или ремесла; одни из них—землевладельцы, другие—дровосеки, занимающиеся рубкой бамбука, иные—пастухи или водоносы. Общее имя племени, к которому принадлежат все эти люди труда и которое доставляет много носильщиков бомбейским коммерсантам, применяется теперь, в форме *кули* (coolie по-английски), безразлично ко всем эмигрантам индусским и даже китайским, перевозимым в разные части света. В прежнее время один клан гудзератских раджпутов, чаруны, считался пользующимся особенной милостью бога Сивы. Чаруны слыли людьми священными, и за всякую нанесенную чаруну обиду карающая судьба должна сторицей воздать обидчику; оттого обиженные, не задумываясь, лишали себя жизни, чтобы накликать злой рок на голову своих врагов и их родных; в округах, посещаемых разбойниками, чаруны обыкновенно предлагали путешественникам свои услуги в качестве проводников, и, благодаря их присутствию, путешествие всегда совершалось благополучно; но этот промысел прекратился с тех пор, как междоусобные войны и разбойничество перестали царствовать в стране. Обычай детоубийства, некогда общераспространенный в кланах джареджей, сделался очень редким, и теперь он считается уже преступлением.

Убежище многих народцев, прогнанных с континента, полуостров Каттиавар был также приютом для преследуемых религий; новые культы, занесенные из Индии, могли водвориться там лишь после продолжительной борьбы с старыми верованиями и обрядностями. Буддизм, оставивший после себя в крае некоторые из любопытнейших памятников эпохи своего господства, продолжался на Каттиаваре сектами джайнов, которые примешали так много воспоминаний о Будде к своим браманским верованиям и обрядам. В этом полуостровном Гудзерате находятся группы самых обширных и самых знаменитых храмов сараваков или джайнов; целые города посвящены исключительно богам. Один из этих городов, который может быть рассматриваем как тип всех других городов того же рода, венчает двойную вершину горы Сатрунджая, на юго-востоке полуострова, недалеко от Камбейского залива; столица маленького государства, Палитана, раскинулась у подошвы священной горы и соединена с святилищами рядом лестниц, прерывающихся через известные промежутки. Главные капища окружены каменными стенами; другие стоят среди безмолвных улиц. Несколько жрецов живет в ограде священного города, чтобы поддерживать чистоту в зданиях и кормить голубей, горлиц, попугаев, павлинов, белок, питающихся подаянием верующих. Но последние не могут иметь пребывание в городе храмов; им воспрещено там есть и спать; по исполнении требуемых религиозных обрядов, они должны спускаться в нижний город, Палитану. Между всеми индусскими сектами джайны отличаются своим усердием по сооружению пагод, которые они строят не столько для того, чтобы молиться в них, сколько для того, чтобы посвятить их памяти своих тиртамкаров, т.е. тех, которые «перешли» пропасть, разделяющую кажущуюся жизнь от абсолютного существования. На горе Сатрунджая насчитывают сотни этих зданий, относящихся ко всем эпохам, начиная с одиннадцатого столетия, и составляющих великолепный архитектурный музей; новые постройки прибавляются каждый год к старым и почти нисколько не уступают им в отношении изящества и чистоты стиля. Подобно тому, как в средние века корпорации старались наперерыв друг перед другом украшать соборы Западной Европы, джайны полагают свою славу в благолепии храмов: целые поколения трудятся над изваяниями преддверий, над резьбой камня алтарей[1]. Пропорционально своей численности, джайны, которые, впрочем, насчитывают в своей среде большое число купцов и банкиров, имеют гораздо больше религиозных зданий, чем последователи других индусских культов, составляющие массу населения в Гудзерате. Мусульмане живут значительными группами только в городах, а парсы встречаются лишь отдельными семьями. Общеупотребительный в крае язык—гудзерати, один из литературных диалектов, происшедших от санскрита и не смешиваемых с персидскими, как индустани.

Гудзерат или Гуджерат—одна из богатейших стран Индии, благодаря шестидесяти портам, которыми усеяны его берега, и его черноземy, или *регару*, который утилизируют, глав-

1 Burgess, „Visit to Satrunjaya hill"; Fergusson, „History of Indian and Eastern Architecture".

ным образом, для культуры хлопчатника; мало индийских провинций, где бы деньги, привозимые из Европы в уплату за местные произведения, накоплялись в большем количестве, чем в Каттиаваре. Лошади, овцы, хлеб постоянно вывозятся с полуострова в Бомбей и на



Ущелье Латабандъ. Долина тьмы и смерти.

материк. Но иногда полевые крысы особой породы, бурого цвета, появляются в таком несметном множестве, что все посевы делаются жертвой этого страшного бича. В 1815 году, который был прозван «крысьим», голод истребил не менее десятой части населения. В эти ро-

ковые годы крысы словно родятся из земли: тщетно пытаются задержать их опустошительное шествие широкими рвами, наполненными водой, или пылающими кострами, их все-таки остается неисчислимое множество, достаточное для того, чтобы пожрать хлеб на корню, а груды гниющих трупов заражают воздух и распространяют чуму по всей окрестной местности.

Хотя полуостров Каттиавар оффициально делится на множество государств, англичане, тем не менее, избрали один из городов, как столицу страны: это Раджкот, стоящий в центральной части полуострова, на покатости Качского залива; они расположили там кантонир-квартиры своих войск и основали коллегию или лицей, в котором все малолетние гудзератские принцы должны получать воспитание под руководством европейских преподавателей и офицеров. Но многие другие города Каттиавара имеют, в торговом отношении, гораздо более важное значение, чем административный центр края. Наванагар (Джамнагар), близ берега Качского залива,—очень промышленный город; особенно развита в нем красильная промышленность; но чтобы сделаться первоклассным рынком, ему недостает якорной стоянки; большой торговый порт, доступный для судов, глубоко сидящих в воде, всего удобнее было бы устроить далее на западе, под защитой мысков и конечных островов Каттиавара, или в Пошетре, или в Серайе. Гавани западного берега, Порбандар, Мангроль или Мангальпур, Вераваль, очень малы и не защищены от ветров, дующих с открытого моря; тем не менее они уже многие века ведут значительную торговлю, и храмы, украшающие эти городки, свидетельствуют о богатстве тамошнего купечества. Мангроль справедливо гордится своей мечетью, великолепнейшею во всем Каттиаваре: а по другую сторону заливчика, где стоит Вераваль, город новый, виднеются полуразрушенные дворцы, храмы, мавзолеи Сомната или Део-Паттана, древней столицы, посвященной Сиве и завоеванной Махмудом Газневидом в первой половине одиннадцатого столетия; этот завоеватель взял оттуда и перенес в Газни знаменитые ворота, которые, по уверению англичан, были отвоеваны ими и отправлены обратно в Индию, в 1842 году; но сомнительно, чтобы этот трофей был подлинный. В Сомнате или Део-Паттане, как гласит легенда, было предано сожжению тело Кришны, и до сих пор еще показывают место, при слиянии трех ручьев, где был воздвигнут погребальный костер. Город Джунагар, стоящий верстах в тридцати от морского берега, тоже славится своими храмами, из которых иные высечены в скале. Массив Гирнар, господствующий над Джунагаром с восточной стороны, приютил на одной террасе, соседней с вершиной, целый город джайнских храмов, которые славой и великолепием уступают разве только пагодам Палитаны; один из пиков Гирнара, Калика, населен исключительно факирами, посвятившими себя Кали, богине крови, и почти одичавшими: они питаются всякою падалью, и народная молва обвиняет их даже в людоедстве: говорят, что они часто пожирали путников. Впрочем, скалы горы Гирнар иногда посещаются людьми, обреченными на смерть своими собственными родителями: несчастные приходят сюда, чтобы броситься с высоты утесов из розового гранита и тем исполнить материнский обет[1]. Гирнар приобрел громкую славу в истории эпиграфии. Одна скала при основании горы носит на себе, уже более двадцати одного столетия, знаменитую надпись султана Асоки, которою этот государь посвятил свое царство буддийской вере; другая надпись, тоже восходящая слишком за 2.000 лет до нашего времени, передает потомству память о победе, одержанной над одним царем Декана; третья, начертанная шестью веками позднее предыдущей, сообщает об общественных сооружениях, предпринятых в стране. Но эти драгоценные памятники старины были частью разрушены инженерами, производившими работы по исправлению дороги[2].

Диу, португальский город, прославленный военными подвигами Жуана де-Кастро, представляет теперь только тень того, чем он был во времена своего процветания. Он занимает, однако, счастливое торговое положение на небольшом острове, лежащем у южной оконечно-

1 Burton, „Sind Revisited".

2 Burgess and Fergusson, „Cave-temples of Western India".

сти полуострова, между Аравийским морем и входом в Камбейский залив; суда, имеющие до 5 метров водоуглубления, могут легко входить в его гавань. Но территория Диу, окруженная со всех сторон чужими владениями, не может питать своими произведениями значительную торговлю. Жители занимаются исключительно рыбной ловлей или каботажем; некоторые из них эмигрируют в португальские колонии на Мозамбикском берегу Африки, с надеждой вернуться на родину, когда наживут состояние. Несмотря на свой упадок, Диу имеет вид большого города, с его высокою крепостью, стоящею на горе, у подошвы которой приютились два города—европейский, Праса, и языческий квартал. Португальцам принадлежит еще деревня Гогола, находящаяся на соседней земле. Португальское владение Диу, обнимающее 30 квадратных километров, имело в 1881 году, 12.636 жител.

К востоку от Диу, маленький порт Джаффарабат, принадлежащий князю абиссинского происхождения, ведет довольно деятельную торговлю; но торговое движение направилось преимущественно на западный берег Камбейского залива. Там открывается судам небольшого водоуглубления хорошо защищенный порт Баунагар. Новый город, расположенный вокруг бухты, есть столица одного из значительнейших государств Каттиавара и отличается предприимчивостью своих жителей, равно как отвагой своих моряков, известных, как все вообще индусские матросы, под именем *ласкаров*. Вывоз хлопка из Баунагара в 1876 году простирался на сумму 32.845.000 франк. Преемники торговой деятельности одного соседнего города, Гога или Гого, рейд которого защищен островком Перим, обитатели Баунагара соединили свой город, не дожидаясь приглашения к тому со стороны англичан, с городом Дораджи, стоящим в центре полуострова, с Вадваном и сетью железных дорог Индии; они завели даже собственные бумагопрядильни, чтобы непосредственно утилизировать растительное волокно. На севере, город Долера, который дал свое имя одному сорту хлопка, очень хорошо известному европейским промышленникам, тоже пришел в упадок, равно как и древний город Камбей, или Хамбат, по имени которого называется самый залив, и о котором упоминает уже Марко Поло. Опасный бар и сильное волнение, происходящее вследствие борьбы прилива с речным течением, не позволяют более судам пускаться по мелям, которыми усеяны оконечность залива и вход в две реки: Маги и Сабарматти. Уцелевшие еще величественные руины свидетельствуют о былой важности Камбея. В настоящее время главная его промышленность—обделка сердоликов и агатов, добываемых на западных выступах цепи гор Виндиа. Плодородные земли, простирающиеся на север, между двумя реками, производят отличный табак, который способствует обогащению городов Кайра, Нариад, Кападвандж.

Ахмедабад, метрополия Гудзерата и самый многолюдный город западного побережья Индии после Бомбея, вступил, со времени утверждения английского господства, в период процветания; однако, прежде он был гораздо обширнее и могущественнее, чем в наши дни. Основанный или, вернее сказать, вновь отстроенный в начале пятнадцатого столетия, Ахмедабад имел, говорят, до 900.000 жителей; в ту эпоху в Европе не было ни одного города, равного ему по величине. Войны опустошили его, но он занимает такое счастливое географическое положение, среди богатой равнины, на большом историческом пути и при раздвоении делийской дороги, идущей через Раджпутану, что промышленная и торговая деятельность не могла не возродиться в этом месте с восстановлением мира в стране. В 1819 году некоторые из памятников Ахмедабада были разрушены землетрясением, но этот город, тем не менее, один из богатейших в Индии по многочисленности украшающих его замечательных зданий, храмов, дворцов, мавзолеев, триумфальных арок и пр. Это даже единственный город во всем свете по особенному стилю его архитектуры, происшедшей из смешения магометанского искусства с джайнским. В этой борьбе архитектурных влияний индусские зодчие одержали верх даже относительно постройки мечетей; общее расположение последних чисто индусское, колонны и корабли (среднее пространство храма) походят на соответственные части религиозных зданий джайнов, и нигде отверстия, окна и двери, не обрамлены более тонкою резьбой из камня; тем не менее, целое представляет некоторую полноту, составляющую, как известно, отличительную черту магометанского гения; архитекторы не потерялись

в бесконечных деталях и избавили свои храмы от символизма безобразных индусских богов, с их сотнею рук и с их звериными головами. Большинство мечетей окружено деревьями и стоит на террасах с уступами; выходя из темных улиц, вдруг замечаешь сквозь пышную зелень изваянные порталы, минареты, куполы, обрисовывающиеся на голубом небе[1]. Когда обозреваешь город с высоты валов, настолько широких, что их превратили в общественные гульбища или бульвары, эти памятники индо-мусульманского зодчества, обставленные купами деревьев, представляют прелестнейшие картины. Английский военный город, построенный на севере, в 5 километрах за оградой Ахмедабада, далеко не равняется, по живописности, городу индусов, с его дворцами, храмами, кирпичными или деревянными домами с резными балконами, но и он имеет красивый вид, который ему придают обширные сады и широкия аллеи, обсаженные большими деревьями.

По местной поговорке, «благоденствие Ахмедабада держится на трех нитках»: бумажной, шелковой и золотой. Много раз уже эти нити чуть-было не порвались; однако, тканье и вышиванье материй все еще составляют главную промышленность, которая дает занятие наибольшей части городского населения. Ахмедабад ввозит шелк-сырец из Бенгалии, из Китая, из центральной Азии и продает производимые им ткани в Бомбей и в южную Индию; недавно устроенные паровые фабрики являются теперь страшными конкуррентами туземных ткачей. Ахмедабадские гончарные изделия считаются лучшими во всей прибрежной области, а писчая бумага даже превосходит качеством привозимую из Англии. Бывшая резиденция государей, Ахмедабад приобрел также пальму первенства в фабрикации всех предметов роскоши, драгоценных украшений, эмальированных и лаковых изделий, металлов с резьбой. Благодаря железным дорогам, сходящимся в Ахмедабаде, как в центральной станции, столица Гудзерата, можно сказать, с каждым днем получает все более и более важное значение, как складочное место товаров, и её негоцианты, ведущие дела самостоятельно, независимо от коммерсантов Бомбея, состоят в прямых сношениях со всеми главными рынками всемирной торговли. С проведением рельсового пути, соединившего гудзератскую метрополию с берегами Ранна через Вирамгам, Патри и Харагору, и который должен современем продолжиться через Качский Ранн, Ахмедабад сделался также одним из главных складов соли. Харагорские солепромышленники не собирают соляной налет, оставляемый водами на глине Ранна, но эксплоатируют бассейны глубокой воды, в которых соль постепенно концентрируется.

Многочисленные города, между которыми самый многолюдный—древний Долька, окружают Ахмедабад, тогда как на севере, по направлению к равнинам Тара, городские поселения встречаются все реже и реже, по мере увеличения сухости климата. На берегах одной из многочисленных рек Сарасвати, главный город, Патан, есть один из тех городов, где джайны достигли наибольшей важности в численном отношении: они составляют там около восьмой части всего городского населения и имеют более сотни храмов, а также священные библиотеки, книги которых, писанные на листьях пальмы, ревниво охраняются жрецами. На западе, город Раданпур занимает оазис, близ того места, где река Банас пропадает, испаряясь до последней капли на глинах Ранна. Наконец, на северной оконечности Гудзерата, город Паланпур, стоящий в соседстве лесистых склонов горы Абу, есть исходный пункт железнодорожной линии, поднимающейся на плоскогорья Раджпутаны. Недалеко оттуда, в Дизе, расположены кантонементы английскаго войска, наблюдающего за пограничными племенами.

Главные города Каттиавара и Северного Гудзерата:

Каттиавар: Баунагар (1891 г.)—57.653 жит.; Наванагар—34.700 жит.; Джунагар—20.025 жит.; Вадван—17.400 жит.; Дораджи—15.560 жит.; Мангроль—15.340 жит.; Порбандар—14.560 жит.; Диу (1881 г.)—10.636 жит.; Долера—12.460 жит.; Раджкот, главный город—11.980 жит.

Гудзезат: Ахмедабад (1891 г.)—148.412 жит., Камбей—31.390 жит.; Патан—33.000 жит.; Нариад—24.550 жит.; Долька—20.850 жит.; Вирамгам—19.660 жит.; Паланпур—17.190

1 Hope and Fergusson, „Architecture of Ahmedabad"; L. Rousselet, „L'Inde des Radjahs".

жит.; Раданпур—13.990 жит.

VII

Горы Аравали, Виндиа, южные притоки Ганга; Раджпутана, государства Мальвы, Гвалиор, Бундельханд и Бхагельханд.

Наибольшая часть треугольного пространства, заключающагося между краевою цепью гор Аравали, течением Джамны и длинною впадиной, куда изливаются, с одной стороны, река Нарбада, с другой—река Сона, состоит из политических государств, пользующихся еще номинальною независимостью. Эти государства Медиа-деса, или «Средней земли», лежащие в стороне от исторических путей Индии, долго оставались без ближайших сношений с европейскими завоевателями Полуострова. Владетельные князья или раджи этого края, защищенные многочисленными естественными препятствиями, опирались на солидные крепости, и их войска были самые храбрые, наилучше организованные во всем Индустане; это были войска, одушевленные воспоминанием об одержанных победах, гордившиеся приобретенною в боях славой, это была сила, восторжествовать над которою английским ветеранам стоило наибольшего труда. Понятно, что при таких условиях ост-индская компания, затем индо-британское правительство не могли приступить к присоединению этих стран способами столь же простыми и скорыми, как те, которые были употреблены для овладения областями равнины. По виду автономия была сохранена, но на деле власть находится в руках английских резидентов, управляющих именем раджей, между которыми есть много малолетних или женщин, и весь край был разделен на так называемые «агентства», административная организация которых соответствует устройству будущих провинций. При том же, мало найдется индусских территорий, где бы разрозненность побежденных лучше обеспечивала господство победителей. Раджпутана и восточные области нагорья, обозначаемые англичанами под именем «Агентства центральной Индии», распадаются на восемьдесят слишком государств, которые, в свою очередь, дробятся на множество чересполосных владений; только в самое недавнее время английское правительство позволило раджам дать больше связи своим владениям, обменивая дальние уделы на земли, более близкия к их столицам. Оставляя князьям раджпутским или маратским обладание их тронами, равно как значительную часть их доходов, британские властители позаботились присвоить себе в каждом княжестве полосу территории, пересекающую непрерывной линией всю область плоскогорий, от гангесской равнины до долины реки Нарбады; теперь две железнодорожные линии, из которых одна почти на всем своем протяжении находится в пределах англо-индийских провинций, соединяют непосредственно Бомбей с городами при Джамне и при Ганге, проходя через возвышенности Раджпутаны и Мальвы. Таким образом, соединение, политическое и торговое, государств нагорья с Англо-индийскою империей совершилось окончательно; однако, населения этих стран сохранили свою оригинальную физиономию, свою самобытность между обитателями Индии. Так же, как самый край, столь ясно и определенно ограниченный с географической точки зрения, эти населения имеют совершенно особенный характер. В общей истории индийского Полуострова их влияние всегда было значительно, хотя по численности они далеко уступают толпам, скученным в равнинах; занимая площадь, равную четырем пятым Франции, возвышенности Мальвы имеют вдвое меньшее население; они кажутся почти безлюдными в сравнении с густо населенными равнинами Ауда и Бенгалии.

Восточная Раджпутана, плоскогорье Мальва и горы Каймур.

	Пространство в кв. килом.	Число жител. (1881 г.)	Жит. на 1 кв. килом.
Восточная Раджпутана	196.830	6.870.000	35
Агентство центральной Индии	193.850	9.201.000	47
Аджмир	6.892	453.000	65
Отдел Джанси	13.213	1.000.000	75
Округ Сагар и Дамох	17.622	800.000	45
Всего	428.317	18.324.000	42

С западной стороны крайнюю границу нагорья составляет почти уединенный, на подобие острова, массив горы Абу, господствующий своими гранитными скалами над низменными равнинами Гудзерата и Марвара; даже на западе глубокая долина реки Банас отделяет эту гору от цепи Аравали. Верхняя часть массива довольно обширна и образует нагорную равнину, перерезанную живописными холмами и очаровательными долинами; благодаря дождевым облакам,задерживаемым во время их прохода верхними склонами горы, могла развиться богатая растительность на этих высоких верхушках хребта, представляющих род оазиса, окруженного долинами и голыми, бесплодными крутизнами. Обширное озеро, Нахиталь, усеянное лесистыми островами и называемое туземцами «озером Драгоценного Камня», занимает одну из впадин плато; в прежнее время смертная казнь грозила профану, который стал бы стрелять в птиц, летающих стаями над этим бассейном. Красота пейзажей, величавое уединение массива сделали гору Абу одним из святых мест Индии, и её древнее название Ар-Будда напоминает мудреца или, лучше сказать, бога, которому там поклонялись[1]. Деревня на горе Абу, благодаря чистоте ее воздуха, сделалась английской столицей всей страны Раджпутаны.

Краевая цепь Аравали, или «Горы Силы», начинаясь в соседстве массива Абу, тянется в северо-восточном направлении на пространстве слишком 500 километров; еще в равнинах, орошаемых рекой Джамной, есть несколько возвышенностей или отрогов, составляющих продолжение этого скалистого хребта. Западный склон гор Аравали возвышается на 500 и до 1.000 метров над равнинами Марвара, тогда как противоположный скат поднимается едва на 250 метров, средним числом, над уровнем плоскогорья, а во многих местах даже сливается с его поверхностью. Впрочем, и самый характер горной цепи теряется там и сям; хребты едва обозначены или образуют целый лабиринт параллельных скал, между которыми невозможно распознать главный гребень, указывающий ось всей системы. Состоящие почти во всей своей массе из древнейших формаций, гнейса, сиенита, шифера, горы Аравали почти везде лишены растительности; даже мелкого кустарника не увидишь на их склонах; издали эти горы кажутся покрытыми снегом, и по вечерам они ярко блистают под лучами заходящего солнца; слои кварца, слегка окрашенного в розовой цвет, производят такой же эффект освещения, как ледники на Альпах[2]. Некоторые из промежуточных долин, обращенные к дожливым ветрам, представляют очаровательные оазисы зелени, тогда как другие впадины и углубления почвы наполнены песком или соленою водой. Так, озеро Самбхар, названное по имени богини, статуя которой стоит на островке, занимает дно котловины на севере цепи Аравали, состоящей в этом месте из горных пород пермской формации, богатых солью. По словам путешественников, посетивших край в первые годы настоящего столетия, озеро это простиралось в то время на 60 километров в длину и на 16 в ширину, в период дождей; в наши дни оно гораздо меньше, площадь его имеет не более половины своего прежнего протяжения, когда оно достигает самого высокого уровня, а глубина его едва превышает один метр. После дождей, в августе или в сентябре, поверхность озера, вода которого имеет в это время плотность, равную плотности морской воды, постепенно понижается, и к июню месяцу в бассейне остается только слой ила да толстая соляная кора, разнообразно окрашенная водорослями в голубой, красный или белый цвет. Работники, мужчины и женщины, из касты барраров, выламывают кружки этой нечистой соли, которые вывозятся отсюда даже в

1 Карл Риттер, „Землеведение Азии“

2 Tod, „Annals of Rajasthan”.

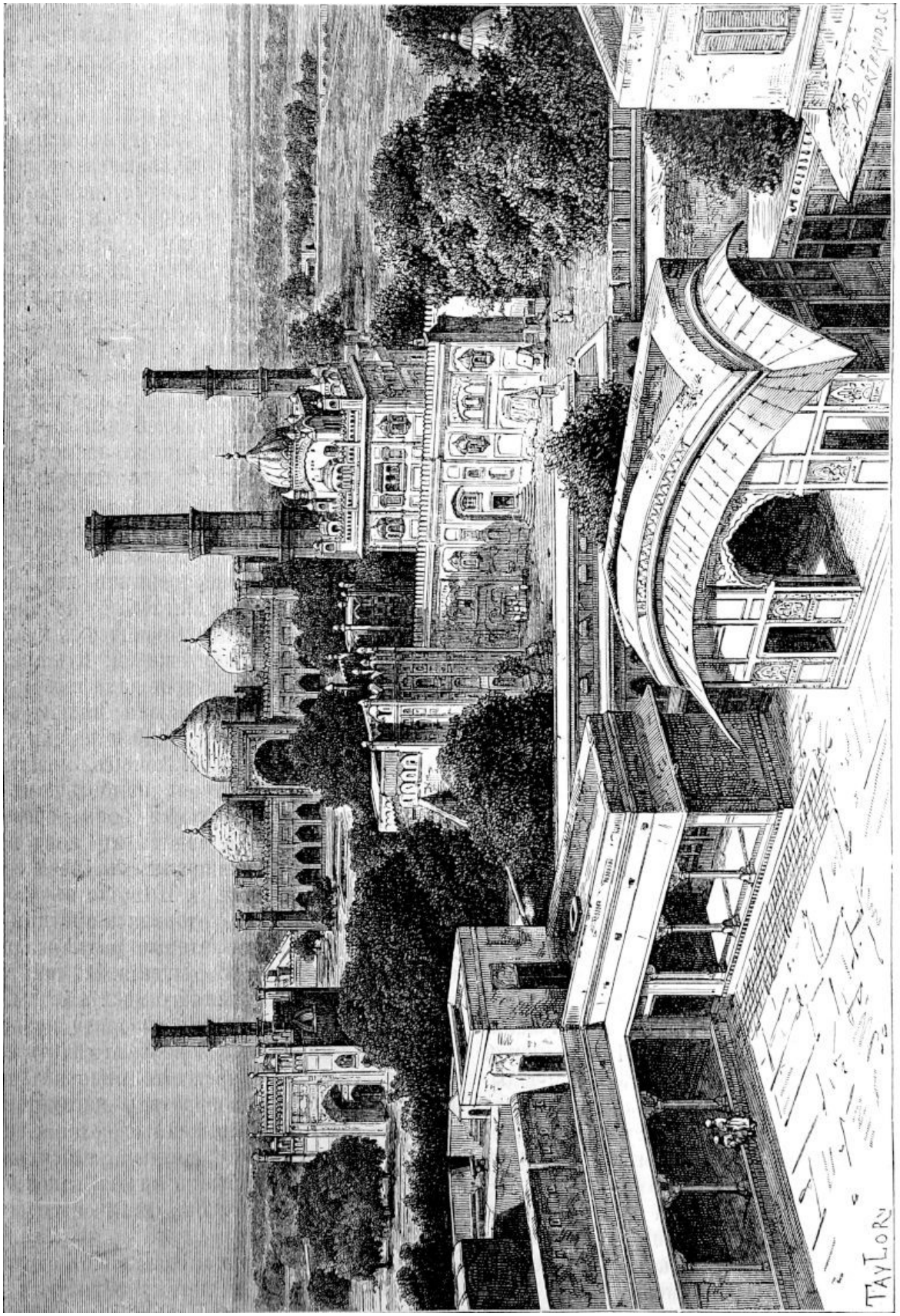
отдаленные места, в Раджпутану, в Пенджаб, в провинции центральной Индии; согласно традиционным обычаям, каждый округ запасается особенною разновидностью самбарской соли. Эксплоатация этого соляного озера производится в пользу раджпутских государей, но под высшим надзором английского правительства, которое иногда даже запрещало добывание здесь соли, в интересах своей монополии. На плато, которое простирается на восток от цепи Аравали, неровная почва в некоторых местах усеяна пресноводными озерами, но это—искусственные бассейны, исток которых регулируется шлюзами. Таково, недалеко от города Удайпура, озеро Дебар, имеющее не менее 50 километров в окружности; весь нижний берег этого огромного резервуара, одного из самых обширных на земном шаре, состоит из каменной плотины, сдерживающей напор вод.

Плоскогорье Мальва, где берут начало Чамбал и другие притоки Ганга, наклонено к северо-востоку пологим скатом, тогда как на юго-западе краевые цепи, известные под разными местными названиями, господствуют крутыми склонами над равнинами Гудзерата. Эти краевые цепи соединяют горы Аравали с собственно так называемым хребтом Виндиа, который тянется по северной стороне долины реки Нарбады, или Нербудды затем вдоль долины реки Соны. Одна древняя легенда рассказывает, что эти горы делали тщетные усилия сравняться с Гималаем; действительно: по высоте цепь Виндиа далеко уступает исполинским горным громадам, высящимся на севере Индустана, но, тем не менее, она имеет капитальную важность, как поперечная перегородка Индии и как граница между расами. Палеозойские формации гор Виндиа, песчаники, сланцы, мраморы, принадлежат к числу древнейших геологических образований Полуострова и примыкают с восточной стороны к гнейсовым массивам Бундельханда, предшествующим, по времени происхождения, всем другим каменным породам Индии. От границ Гудзерата до пределов Бенгалии, на пространстве 1.000 километров (около 940 верст), тянется длинный ряд высот, в виде цепей или в виде массивов. Под именем Каймурских гор, они занимают полуостровную территорию, ограниченную долинами Ганга и Соны, и оканчиваются на востоке длинным плоскогорьем, изрезанным небольшими долинами в форме чаш, наполненных растительною землей, где собирают самые обильные урожаи хлеба. На кристаллических выступах Бундельханда во многих местах высятся башни из песчаника, которые, в свою очередь, увенчаны короной из лавы, и большинство этих уединенных каменных глыб послужило основанием крепким замкам, где феодальные владельцы страны часто упорствовали против могущественнейших государей. Горы Виндиа содержат многочисленные месторождения глин и металлов, но пока из них добывают только строевой камень, преимущественно песчаник, красный или белый; в Бундельханде искатели алмазов промывают крупный песок, приносимый ручьями, бегущими с холмов Панна.

Общий скат треугольного плоскогорья, заключающагося между цепью Аравали и хребтом Виндиа,—на северо-восток; в этом направлении текут все реки, получающие начало на этой возвышенности; южная закраина гор пропускает к Нарбаде лишь незначительные потоки, по местному *наллах*, пересыхающие на целые полгода. Главный поток плоскогорья Мальва, Чамбал, берет начало на высоте 615 метров, вблизи порога, с которого видна открывающаяся внизу долина Нарбады, и вскоре усиленный многочисленными притоками, извивается в верхней области плато, затем спускается рядом водопадов в Мокиндурские ущелья. После соединения с Банасом, Чамбал становится широкою рекой, через которую не могут переходить даже слоны и которая во время разливов катит больше воды, чем Джамна; общая длина его течения не менее 920 километров. Другая значительная река, Синд, впадает в Джамну непосредственно вслед за Чамбалом; место где происходит эти тройное слияние, или Тривени, есть одно из наиболее чтимых святых мест Индии. Ниже, речки Бетва, Кен, Тонс тоже спускаются с плоских возвышенностей к Джамне и Гангу, но ни один из этих притоков не имеет важности для судоходства; воды их утилизируются только для орошения прибрежных местностей.

Этнические группы, образующие племена или касты, очень многочисленны в Раджпута-

не и в других областях плоскогорья и краевых холмов; в этой гористой стране, разрезанной на множество отдельных долин, разнообразие населений соответствует неровностям почвы. Здесь до сих пор уцелели даже такия племена, которые почти не смешались с завоевателя-



Лагоръ.

ми, индусскими или мусульманскими, и которых можно назвать коренными жителями или аборигенами, так как никакой исторический документ, никакое предание не говорит о их пришествии в край. Так, билийцы или билла рассказывают, что в старину они владели пло-

дородными долинами и равнинами, окружающими их горные крепости, и что они были мало-по-малу оттеснены в самые дикия местности их родины; самое имя их, будто бы, имеет тот же смысл, что слово «изгнанник»; но принадлежат ли они к дравидийцам, как населения Южной Индии[1], или к коларийцам, как большая часть племен нагорья? Мнения этнологов Индии расходятся по этому вопросу. Различные, сохранившиеся до сих пор, древние церемонии напоминают еще о былом преобладании билей; так, например, при совершении обряда коронования раджпутских князей, или раджей, один билиец, как представитель прежних властителей, делает знак на челе коронующагося государя собственною кровью, которую он извлекает у себя из большого пальца на руке и большого пальца на ноге; этим обрядом он помазывает его на царство, как туземец, и передает ему право владения страной. Большинство бильских племен, лишенные земли, которая их некогда кормила, утратившие свою древнюю цивилизацию, долгое время не имели других средств к существованию, кроме разбойничества. Эти «воры Великого Бога», как они сами себя величали, устраивали свои притоны на укрепленных высотах, откуда неожиданно спускались и нападали врасплох на индусские деревни или на купеческие караваны; когда являлись большие отряды войска, чтобы наказать их за грабежи, билийцы умели укрыться от преследования, перебегая с горы на гору; мелким же экспедициям, которые предпринимались против них под предводительством раджпутских феодалов, они оказывали мужественное сопротивление; хитростью и храбростью им удалось сохраниться в виде племен почти независимых. Часть гор Аравали, Багур, или горная страна, граничащая на юго-западе с плоскогорьем Мальва, земля Кандеш, лежащая к югу от реки Нарбады, наконец, почти все высокие долины гор Виндиа заняты еще бильскими племенами, которые пользуются самоуправлением, по которым отныне воспрещено англичанами грабить соседния территории; теперь эти дикари могут удовлетворять свои воинственные инстинкты не иначе, как поступая, в качестве наемников, в ряды английской армии.

Число несмешанных билей определяют в миллион слишком. Они вообще среднего роста, гораздо менее стройны и красивы, чем индусы, но сильнее и проворнее их. Цвет кожи у них почти черный, нос очень плоский, глаза узкие, но не скошенные, скулы мало выдающиеся; волоса, которые они обыкновенно повязывают простою веревочкой, длинные и гладкие, но борода редкая, растущая маленькими пучками вокруг подбородка. Гнушаясь одеждой цивилизованных, они носят обыкновенно один передник, вместо всякого костюма, и оружие, которое они употребляют, все еще обычное оружие диких—стрела, дротик, рогатина или охотничье копье. Билийцы обрабатывают землю, но любимые их занятия—рыбная ловля и охота; они рыскают по горам в погоне за дичью с такою же горячностью, какую вносили прежде в свою охоту на людей; они очень искусно умеют подражать крикам зверей и птиц, и посредством этих звукоподражаний переговариваются между собою, не возбуждая внимания путешественников. Разделения на касты у них не существует, но они признают власть вождей или начальников, назначаемых стариками племени. Их религиозные верования и обрядности восходят, по большей части, к эпохе, предшествующей арийским вторжениям: они приносят животных в жертву священным деревьям, окропляют кровью жертвенники из грубо отесанного камня, воздвигаемые по краям горных тропинок, обмазывают их красною охрой, другим символом жизни; из признательности к железу, которое дало им оружие и земледельческие орудия, они вешают на ветвях деревьев острия копий и лемехи сох, и приносят им дары. Наконец, между богами браманского пантеона наибольшим почитанием у них пользуются бог—обезьяна Гануман, словно они видят в нем представителя древних, лишенных своей земли и обездоленных рас[2]. Недавно некоторые бильские племена, взбунтовались против английских офицеров, которые разъезжали по их территории без разрешения. В силу мирного трактата, заключенного после битвы, англичане обязались не производить

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".

2 Malcolm, „Memoir of Central India"; Malleson, „Native States of India"; Graham, „Historical Sketch of the Bheel tribes"; Tad, „Annals of Rajasthan"; L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs"; „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1874.

переписи населения, не мерять земель, отменить половину податей, не учреждать никаких полицейских постов, воспретить магометанам вход в некоторые священные селения билей. Одна из статей этого договора гласит, что англичане не потребуют ни от какой бильской женщины, чтобы она дала свесить себя на весах[1].

Билии разнообразно смешались с окружающими населениями и потому образуют различные группы, приближающиеся более или менее к цивилизованным обитателям равнины: в то время как одни остались чистыми, или «белыми», другие сделались «черными», т.е. нечистыми. Майры или мугри, населяющие северные долины гор Аравали, в числе трехсот или четырехсот тысяч душ, обыкновенно рассматриваются как особая народность, и самый край, где они живут, известен, по их имени, под названием Майрвары; но большинство их представляет тот же тип, что и билии, и их старинные обычаи, мало-по-малу покинутые для обычаев индусов, были такие же, как и у их южных соседей. В прежнее время их обыкновенно называли, как и всех других дикарей гористых областей, уничижительным прозвищем *палита*, или «люди *палей*», т.е. укрепленных огороженных поселений, среди которых их жилища были раскиданы на расстоянии нескольких сот метров одно от другого; также точно в Европе названия «paiens», «manants, «rustres» (мужичьё, деревенщина) были первоначально даваемы обитателям глухих мест, захолустий. Подчиненные непосредственно англичанам уже более полустолетия, майры принадлежат теперь к числу тех населений Индии, которые преобразовались всего быстрее. Почти все они покинули свои *пали* и переселились в долины; в благоприятных местах ими были устроены запасные резервуары воды для орошения земель; хорошие дороги разветвляются по всей стране Майрвара. Майры называют себя индусами и исполняют правила и обрядности браманской веры, но без особенного усердия; даже те из них, которые принадлежат к высшей касте, едят мясо и употребляют спиртные напитки. Мины, тоже бывшие *палиты*, еще более, чем майры, удалились от древнего типа аборигенов. Рассеянные в Джайпурском королевстве, между горами Аравали и Джамной, преимущественно в долине Банаса, они смешались с джатскими земледельцами, говорят их индусским наречием и придерживаются их обычаев. Перепись 1891 года насчитала минов 669.785 душ, именно: 536.419—в Раджпутане, 118.338—в Средней Индии, остальные—в центральных провинциях и в Аджмире.

Раджпуты, которые дали свое имя одной из стран нагорья, равно как низменным областям, лежащим к западу от гор Аравали, суть, вероятно, переселенцы, пришедшие в край после первых арийцев; хотя сами себя они величают кшатриями и считают себя потомками этой воинственной касты; хотя они указывают на один из священных индусских городов, Аджодию, находящийся в равнинах Ганга, как на место своего происхождения, однако, между ними и кшатриями в собственном смысле существует лишь косвенная связь. Оттесненные с берегов Ганга к плоским возвышенностям, они овладели нагорьем Мальва не ранее, как в период времени с десятого по двенадцатое столетие христианской эры. Все вожди дружин стали называться раджпутами, «сынами одного отца»; но тот из них, который производит свой род от коровы или змеи, несомненно принадлежит к племени биль, гонд или какому-либо другому из племен коренного населения. Их храбрость и успех, повсюду сопровождавший их оружие, скоро облагородили их и превратили в «сугубо-благородных» в глазах арийских обитателей страны; в большей части государств «царские сыны»—таков буквальный смысл слова«раджпуты»—имеют преимущество перед браманами, если не по праву, то на деле. Впрочем, не подлежит сомнению, что они соединялись через браки с старинными индусскими родами. В Индустане нет ни одной княжеской фамилии, которая не состояла бы в родстве с раджпутами, и во многих областях Полуострова, особенно в долинах Гималайских гор, царствующие фамилии титулуют себя кшатриями-раджпутами. Но хотя раджпуты распространены во всех частях Индии, они, однако, нигде не сгруппированы в числе настолько значительном, чтобы образовать большинство населения; наибольшую численную важность раджпутский элемент имеет в Меваре и в северных государствах Раджпутаны.

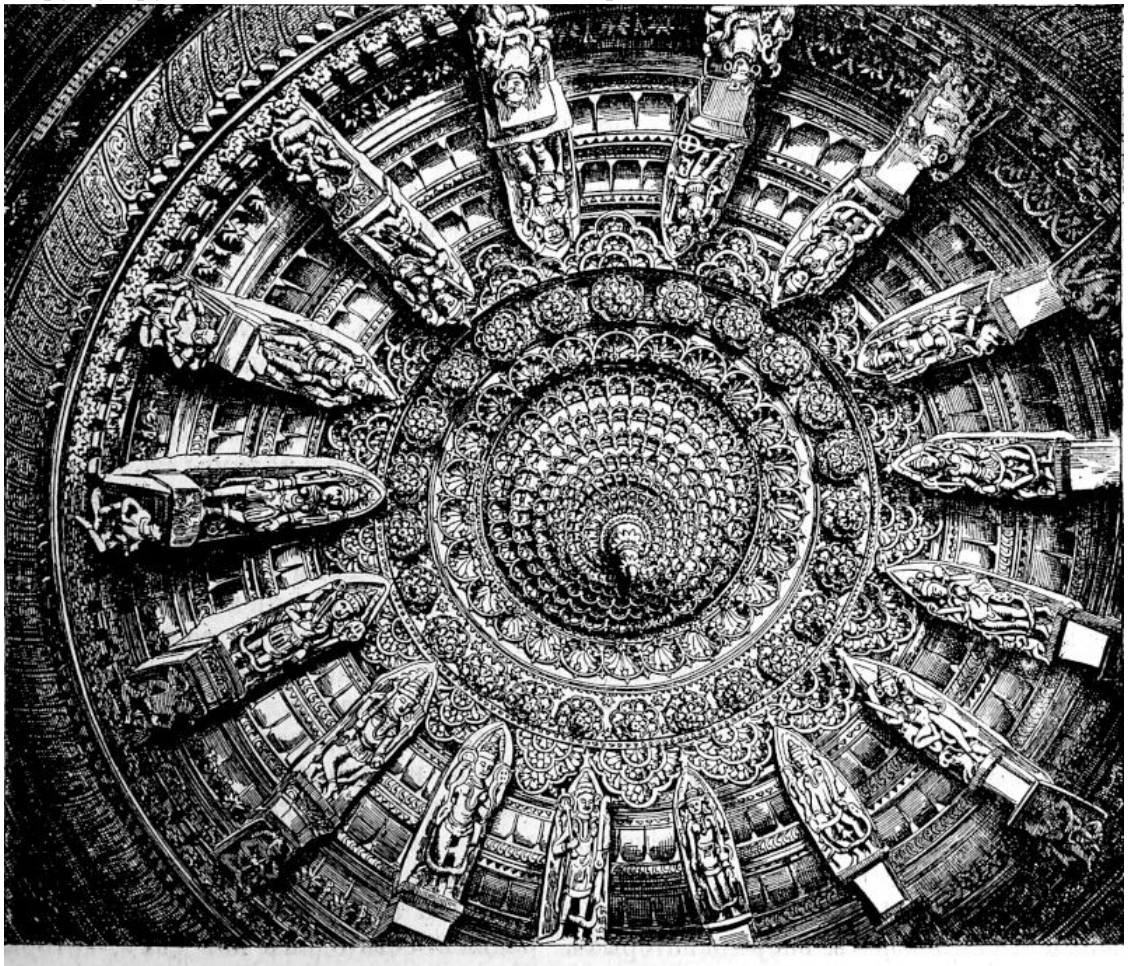
1 „Weekly Times", june 1881.

Со времен нашествия, «тридцать шесть» *кула* или царских родов, происшедших от Солнца и Луны, сохранили свое деление на колена, или *сача*, и на кланы (*готра*) и подкланы (*кампа*), которые все различаются особенными преданиями. На севере и на северо-западе господствуют раторы, люди, происшедшие от *рата*, т.е. «спинного хребта» Индры; это—самые многочисленные: «пятьдесят тысяч мечей»—таково прозвище, которым часто обозначают их поколение. На западе, в оазисах пустыни Тар, группируются батты; качвалы царствуют в северо-восточной части Раджпутаны; чауханы присвоили себе восточные государства, а бунделы, порода очень смешанная с туземными населениями, основали княжества Бундельханда. Страна Мевар, на юге, составляет владение сасодиев, которые между всеми раджпутами претендуют на наибольшую чистоту расы и выдают себя за прямых потомков Рамы, героя арийских эпопей. Удайпурский рана, или «великий царь», почитается всеми индусами, как представитель древней солнечной расы; хотя в отношении могущества и богатства он далеко уступает другим туземным государям Индии, но это не мешает ему быть «Солнцем» между царями: он один только между раджами есть в то же время жрец, и когда он вступает в храм богов, покровительствующих стране, он сам совершает обряд жертвоприношения[1]. Брак второстепенных государей с его дочерьми составлял прежде единственную политическую связь между различными королевскими домами, и никогда «великий царь» не унижался до того, чтобы уступить принцессу царской крови властвовавшим в Дели мусульманским императорам, в обмен на титулы, сокровища или провинции. Он председательствует в собраниях государей, и все раджпуты видят в нем непогрешимого судию в вопросах, касающихся этикета, рангов, оскорбления чести, вопросах, которые волнуют «Царских сынов» гораздо сильнее, чем вопросы, относящиеся к учению или правилам и обрядностям веры. Обращенные в браманские культы, раджпуты вообще не выказывают религиозного жара в поклонении индусским богам, но они еще чтут божество, которое некогда привело их к покорению Индии; божество это—меч. Солдаты прежде всего, они заботятся только о том, чтобы держать в повиновении порабощенные расы; как потомки завоевателей, они все благородные, и между ними бедные умеют поддерживать некоторое равенство в своих отношениях с богатыми. Впрочем, красавцы по большей части, высокие и стройные, гордо носящие голову, украшенную густыми шелковистыми и вьющимися волосами, которые составляют яркий контраст с матовой белизной кожи, раджпуты действительно имеют вид властителей среди представителей других рас; на войне они сражаются не иначе, как верхом на коне, предшествуемые знаменами и барабанами. Раджпутские женщины, очень кокетливые, любят украшать себя разными драгоценностями.

Воинственные племена раджпутов, гордящиеся своею царскою кровью, сохранили до сих пор многие обычаи, напоминающие феодальные века Западной Европы. В большей части государств нагорья земля разделена на лены, и владельцы этих поместий, свободно распоряжаясь продуктом урожая, обязаны в отношении своего сюзерена только изъявлением подданнического долга или приношением кое-каких «плодов в знак почтения» в мирное время и несением личной службы в военное время. В большие праздники, вассалы, неся гербы феодального владельца, с традиционными эмблемами, павлином, львом или каким-нибудь другим животным, толпятся вокруг своего господина; подле него фигурирует домашний поэт, воспевающий славу предков, битвы с врагами, любовные дела, богатство своих господ; этот же трубадур исполняет функции астролога, вопрошая созвездия, бросая жребий, и обязанности герольда, относя вызовы на бой или дружественные послания. Проникнутые рыцарскими чувствами, раджпуты, конечно, не уступали паладинам Запада в геройской преданности дамам своих мыслей: «мужчинам надлежит совершать великия дела, женщинам—вдохновлять их», думали они, подобно рыцарям любовных судов (cours d'amour). Они тоже, как и европейские рыцари, бравировали смертью, чтобы получить какой-нибудь цветок, какую-нибудь бахрому от дамского шарфа; преследуемой или обиженной даме стоило только переслать избранному ею защитнику перстень или какой-либо другой символический предмет,

1 Tod, цитированное сочинение.

чтобы тотчас же возгорелась ожесточенная война между племенами; и теперь еще брак никогда не заключается без того, чтобы невеста не послала жениху кокосовый орех, эмблему своего выбора, и не надела ему на шею гирлянду цветов; сделавшись женой, она получает титул «божественной», и муж ничего не предпринимает, не посоветовавшись с нею. Взаимные обязанности супругов состоят в том, чтобы сохранять верность друг другу до самой смерти; однако, начальники племени не сжигали себя на могилах своих супруг, как это делали жены на костре умершего мужа. История Раджпутаны есть не что иное, как длинный ряд войн, веденных из-за индийских Елен; последняя большая война, происходившая в Раджпутане перед английским завоеванием, кончилась отравлением принцессы, которую оспаривали друг у друга главные ленные владетели страны[1].



Плафонъ джайнскаго храма.

Брак всегда должен был начинаться похищением невесты. Строго придерживаясь экзогамического (вне-племенного) брака, раджпуты не могли вступать в супружество с членами своего собственного клана: они всегда брали, да и теперь еще берут себе жен из другого племени, или силой, или притворным умыканием. Но, в своей безумной расовой гордости, раджпуты ни за что не хотели подвергаться такому страшному позору, чтобы видеть своих дочерей замужем за людьми, стоящими ниже их по благородству происхождения; с другой стороны, они считали своим священнейшим долгом, при совершении брака, выставить на-показ такую пышность, что на справление свадьбы уходило все их состояние, и чтобы избегнуть этой двойной опасности, они не придумали другого средства, кроме детоубийства. Чудовищный обычай умерщвления детей женского пола был общераспространенным, пока англичане не сделались, чрез своих резидентов, истинными господами страны. По свидетельству отчета, опубликованного в 1818 году одним бомбейским литературным обществом, в восьми тысячах семейств одного раджпутского округа оставалось еще в живых всего только

1 Tod, „Annals of Rajasthan".

около шестидесяти девочек и девушек. Таково было заблуждение ума, порожденное этим ужасным обычаем, что иные родители, дав своим дочерям дожить до возраста возмужалости, убивали их тогда, дабы избавить их и себя от возможного бесчестия, каким они считали неравный брак. Одно только племя раджпутов, обитателей пустыни, соданы, принявшие магометанскую веру, оставалось верным гуманным нравам предков, воздерживаясь от умерщвления дочерей. Оттого соданы с незапамятных времен пользовались своего рода монополией, снабжая супругами благородных феодалов Кача и Раджпутаны. Так как соданские девушки во всей стране славятся красотой, грацией и умом, то начальники племен, даже очень дальних, считают за честь идти искать себе жену в том краю, и даже нередки случаи, когда они предлагают очень дорогое вено за свою невесту, иногда до 25.000 франк. Тогда как в других частях Индии отцы хвастаются только сыновьями, соданы, напротив, тем больше гордятся, чем больше у них дочерей[1].

Совершенный почти недостаток женщин в раджпутских племенах плоскогорья, естественно, имел следствием возникновение большого числа смешанных племен, раджпутских по отцам, бильских, майрских или минасских по матерям. У этих «полу-кровных» племен нравы и учреждения были те же самые, как и у чистокровных раджпутов, и детоубийство, даже человеческие жертвоприношения практиковались еще там недавно. До 1833 года существовал и исполнялся обычай закалывать одного метиса, происшедшего от раджпута и биля, каждый раз, когда Удайпурский рана собирался переправиться через реку: кровь жертвы, смешиваясь с водами, должна была умилостивить злых богов и отвратить их гнев от главы «великого царя»[2]. Между племенами некоторые номинально исповедуют мусульманскую веру, но жизнь их регулируется не столько правилами ислама, сколько стародавними обычаями. Опиум, культура которого составляет одну из главных отраслей земледелия на плоской возвышенности Мальва, есть бич всего населения, всех рас и народностей страны. «Приняли ли вы опиум?»—таков первый вопрос, с которым здесь обращаются друг к другу знакомые при встрече[3].

Кроме раджпутов и аборигенов, все индусские расы имеют, в более или менее значительном числе, своих представителей в крае. Браманов там очень много, и одна из их фамилий заведует архивами раджпутского дворянства. Крупная торговля сосредоточена в руках сараваков и джайнов. В северных местностях, джаты или гуджары обрабатывают почву; на востоке, класс земледельцев тоже состоит из индусских переселенцев различных каст; на юге, кумбии, судии и кулии или коли, пришедшие из гудзерадских низменностей, колонизовали край. Каста грассиев, которая прежде присвоивала себе право брать выкуп со всех путешественников, представлена в Мальве, как и в Гудзерате, несколькими племенами; но там живут также и чаруны, потомки тех неприкосновенных проводников и охранителей, которые ручались за безопасность жизни и имущества всех вверенных им лиц. До постройки больших дорог и рельсовых путей вся торговля Раджпутаны и Мальвы производилась через посредство банджаров, кочевников, в которых многие английские этнологи видят соплеменников европейских цыган. Банджары, которые между всеми индусами отличаются красотой, силой и ловкостью, соединены в племена или, вернее сказать, в караваны, не имеющие другого отечества, кроме больших дорог. Некоторые банджарские племена, как, например, племя гохар или ламбади, с незапамятных времен занимаются исключительно перевозкой предметов продовольствия. В качестве раздавателей хлеба, они имеют почти священный характер и пользуются полною неприкосновенностью; в недалеком прошлом, когда еще междоусобные войны опустошали страну нагорья, они могли проходить через места расположения воюющих армий без всякой опасности для своих караванов. Обозы их состоят иногда из нескольких тысяч волов, впереди которых идет бык-вожак, покрытый попонами и увешанный разными украшениями, почитаемый в некотором роде богом каравана; к его ногам при-

1 Bartie Frere, „Journal of the Geographical Society of London", 1870.
2 Malleson, „Native States of India".
3 Tod, цитированное сочинение.

носят больных, чтобы возвратить им здоровье, к нему же приходят жених с невестой, чтобы освятить свой брачный союз. В прежнее время банджарам достаточно было привязать к рогам волов список перевозимых караваном товаров, чтобы входить в города, не подвергаясь никаким осмотрам со стороны таможенных чинов,—так хорошо всем была известна честность этих кочевых купцов[1].

В этих туземных государствах, где до сих пор еще удержались внешния формы феодального порядка, города сохранили воинственную физиономию, какую имели также средневековые города Западной Европы. Все они—столицы раджей или их вассалов, сгруппировавшие свои дома на скатах холма, вокруг гребня или какого-нибудь уединенного утеса, на котором высятся зубчатые стены и башни крепости. Живописные строения приютившагося на горе укрепленного замка сами по себе имеют более внушительный вид, более бросаются в глаза, чем весь остальной город, представляющий беспорядочный хаос лачуг, из массы которых там и сям поднимаются куполы храмов. Впрочем, во многих городах князья, живущие отныне в мире со своими соседями, спустились из своего кремля, чтобы построить себе дворец на склонах холма или даже в равнине, среди зелени парков, на берегу священных прудов. Предместья, так же, как и главная часть города, выстроились вокруг резиденции начальника, и даже в окрестностях, среди полей, *чати* или маленькие куполы, поддерживаемые колоннами, напоминают прохожим славу раджпутских князей: это надгробные памятники, воздвигнутые над прахом царей и вельмож, тела которых раньше сжигались вместе с их женами и невольниками. В целом, раджпутская архитектура представляет самобытный характер: дворцы Раджпутаны вовсе не простые копии зданий Пенджаба, Дели или Гудзерата; напротив, они имеют свой собственный, оригинальный стиль, соединяющий простоту главных линий с изяществом и тщательною отделкою деталей. Одну из отличительных черт этого зодчества составляет навес в форме полумесяца, окружающий верхнюю часть окон или окаймляющий основание куполов.

Город на горе Абу, летняя столица англичан, на территории, уступленной сирохским раджей, есть один из тех, которые наиболее прославились блеском и великолепием своих архитектурных памятников. Храмы Девальра, находящиеся почти в 2 километрах на север от английской резиденции, принадлежат к числу богатейших святилищ джайнов; особенно две из этих пагод, построенные из белого мрамора, в период времени с одиннадцатого по тринадцатое столетие, представляют чудо орнаментации, и едва-ли где-нибудь можно встретить более изящную, более тонкую отделку и резьбу камня[2]. Некогда в соседней равнине, прилегающей с юго-запада к горе Абу, стоял один из главных городов Индии, Чандравати, но теперь видны только груды развалин и мусора на месте древних храмов и дворцов. Сирохи, главный город раджпутского государства того же имени, славящийся своими оружейными заводами, занимает один отрог на севере горы Абу, а в соседстве пустыни, аванпост англичан, город Эринпур, названный так сынами «Зеленого Эрина»[3] (ирландцами), наблюдает за границами Марвара. На одном из самых высоких гребней гор Аравали, на высоте 1.022 метров, крепость Кумульмир представляет собою целый мир бастионов, башен, храмов, дворцов, увенчанный Бадульмагалем, или «Дворцом в облаках». Нынешняя столица Мевара, Удайпур, находится на востоке, близ истоков реки Банас; раджпутанская железная дорога оставляет этот город в стороне, чтобы обогнуть гору Абу.

«Город Утренней Зари»—таково буквальное значение имени Удиапура (Удайпур)—есть один из новых городов Индии, ибо основание его относится к последней половине шестнадцатого столетия; но дворец его—самое обширное, самое красивое и пышное здание этого рода на всем Полуострове; он построен из гранита и мрамора и частью поддерживается ря-

1 Roerts, „De Dehli a Bombay"; Tod, „Annuls of Rajasthan"; L. Ronsselet, „Tableau des races de l'Inde centrale".

2 Fergusson, „History of Indian and Eastern Architecture".

3 Glardon, „Mon voyage aux Indes orientales".

дами аркад; его террасы, павильоны и сады отражаются в зеркальной поверхности озера, искусственного бассейна, наполняемого рекой Банас, и воды которого служат для орошения окружающих садов. Недалеко от Удайпура находится Агар, город мертвых, построенный на месте, где стояла одна древняя столица. В этом некрополе покоится прах царей-Солнц, потомков Рамы, под мраморными куполами, между колоннами и балюстрадами, украшенными резьбой и разными изваяниями; эти маленькие храмы прикрывают в одно и то же время погребальные костры и гробницы царских жен. На северо-востоке Мевара встречаем другой город руин, расположенный тоже на берегу реки Банас, как и Удайпур: это волшебный Читтор, «Зонт Земли», который долгое время был резиденцией государей Сусудиа. По свидетельству Томаса Ро, бывшего послом Англии при дворе Великого Могола в начале семнадцатого столетия, этот город заключал в своей черте сто тысяч каменных домов. Древняя крепость расположена на вершине узкого холма, имеющего около 5 километров длины и от 90 и 110 метров высоты над соседними равнинами. Пространство, заключающееся в этой зубчатой ограде, с большими круглыми башнями по бокам, поросло теперь терниями и колючими деревьями, но среди этого джунгля стоит еще более трехсот зданий, хорошо сохранившихся, храмов и дворцов, колонн и гробниц, блеском своей архитектуры составляющих яркий контраст с убогими хижинами нынешних обитателей, построенными из глины, смешанной с соломою; груды развалин, убранные гирляндами терновых кустов, сплошь покрывают почву; колонны и статуи лежат на берегу прудов, из которых в былые времена били фонтаны и которые теперь на половину засыпаны обломками. Читтор, «построенный самим Индрой», представляет целый лабиринт памятников, замечательных как красотой и симметрией пропорций, так и необыкновенной тонкостью, изяществом отделки деталей; но архитектурное чудо этого покинутого города, Хират-Хумб, или «Башня Победы», воздвигнутая царем Хумбу в начале шестнадцатого столетия, по форме, есть, бесспорно, единственный во всем свете памятник этого рода: никакая другая триумфальная башня не могла служить образцом её зодчему; это—колоссальная квадратная призма в 37 метров (17 сажен) вышины, при 10 метрах (14 аршин) в каждой стороне основания, разделенная на девять этажей с колоннами, отделенных один от другого резными кордонами и увенчанных короною в роде папской тиары; камень этого памятника, вырезанный рельефно, украсился тысячами статуй[1].

Город Тулаити, расположенный у подножия Читторской скалы, сменил собою древнюю столицу, но он не имеет теперь сколько-нибудь важного значения. Торговая деятельность края, сосредоточенная некогда в городе Бильвара, лежащем к северу от Читтора, перешла на юг, в английский военный город Нимач, центральное место расположения войск в земле раджпутов, между долиной Банаса и долиной Чамбала. На севере, в области гор Аравали, первенствующая роль в ряду городских поселений принадлежит тоже английскому городу, древнему Аджмиру (Аджамида), который сделался столицей британских владений в стране Майрвара и местом соединения трех железных дорог, проникающих с разных сторон в Раджпутану. Это город базаров, так же, как соседний с ним Назирабад, и некоторые из великолепных палаццо, построенных в новейшее время богатыми купцами джайнами, в стиле цветущего периода раджпутского искусства, принадлежат к числу самых пышных дворцов Индии. Древних памятников в Аджмире мало, но те, которые существуют, достойны сравниться с Читторскими храмами и дворцами, и сверх того, большую красу придают Аджмиру окружающие город живописные холмы, озеро, окаймленное террасами и павильонами, рощи и поля роз, роскошный «Сад Великолепия», среди которого монгольские императоры воздвигли свой замок, сделавшийся теперь резиденцией британского губернатора. Летний город сгруппировал свои виллы и дачи вокруг крепости Тарагар, господствующей над городом с вершины горы, возвышающейся на 400 метров. В окрестностях Аджмира, в 15 километрах от него к западу, на границах пустыни, находится другое чудо Индустана—священное озеро Пошкур, бассейн овальной формы, окруженный холмами и дюнами: это—одно из

1 Tod, „Annals of Rajesthan"; L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

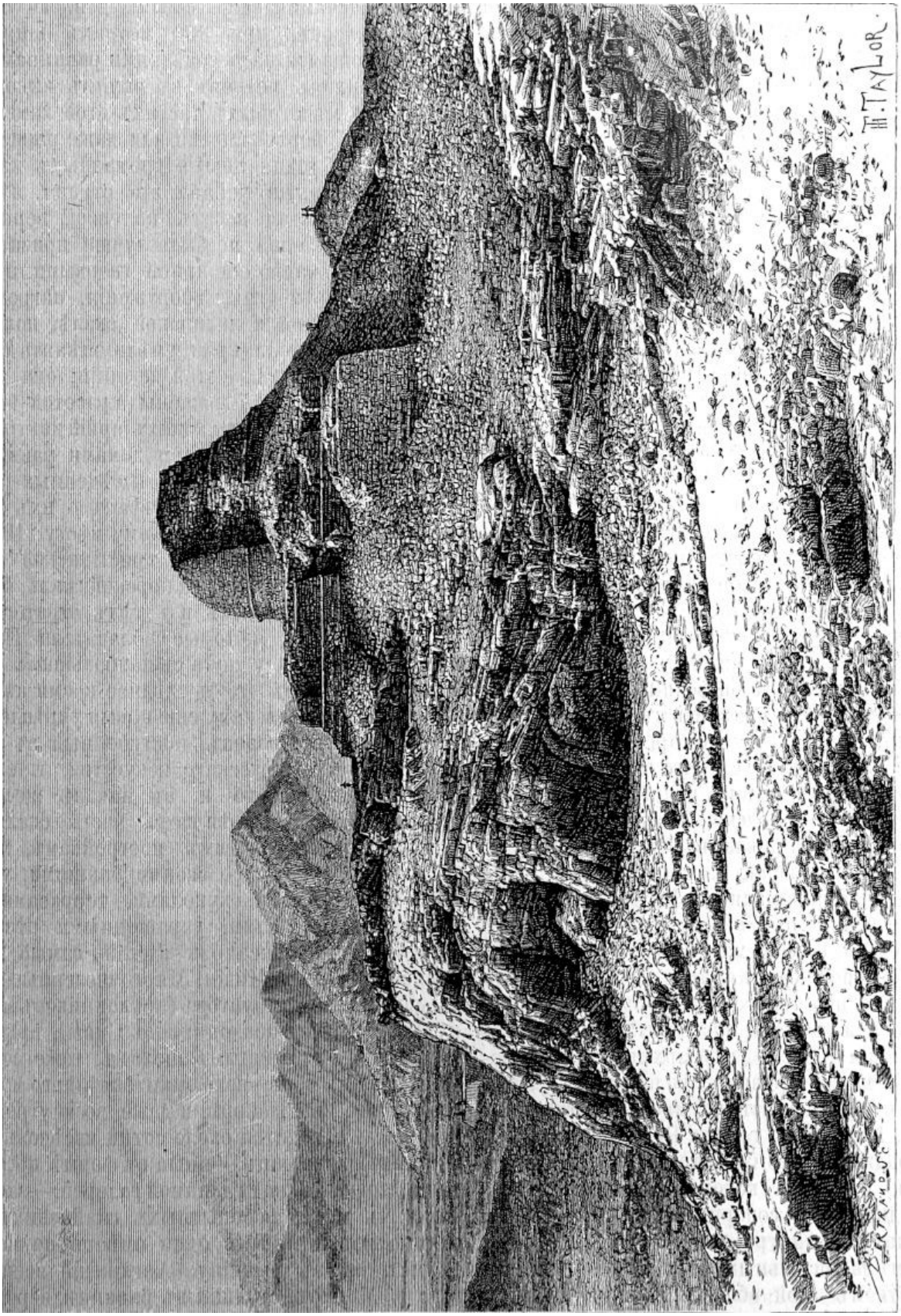
наиболее посещаемых пилигримами святых мест Полуострова. Браманы, живущие по-царски в пошкурских дворцах, обогатились сокровищами, приносимыми из всех частей Индии усердными богомольцами; раджпутские князья, когда они еще не были разорены войнами и не были вынуждены соблюдать экономию в своем бюджете под гнетом ревнивого надзора английского правительства, соперничали друг с другом в щедрости по отношению к этим охранителям святого места. Озеро окружено храмами, павильонами, башенками, галлереями, нависшими над скатертью вод, мраморными лестницами, спускающимися в самую воду; сохранились даже остатки каких-то древних построек, находящихся ниже нынешнего уровня священного озера. Аджмир—умственный и литературный центр Раджастана, и английское правительство основало там два лицея, принадлежащие теперь к числу важнейших казенных учебных заведений Индии, из которых «Mayo-college» (названный так в честь лорда Майо, бывшего вице-короля)—одна из тех аристократических школ, куда принимаются только сыновья раджей, приучаемые там к тщеславному повиновению их европейскими наставниками.

Джайпур не был выбран англичанами административным центром Раджпутаны и есть лишь столица маленького медиатизированного государства, но, тем не менее, он самый многолюдный город всего плоскогорья и с гордостью называет себя «Парижем Индии», самым красивым и наилучше содержимым городом во всей стране между Индом и Гангом[1]. Основанный в 1729 году, он не имеет такого живописного вида, как другие столицы Раджастана; он построен в равнине, повидимому, бывшей некогда озером, и показывает лишь там и сям верхушки башен и храмов, выглядывающие из-за зубчатых стен, окрашенных в красный цвет. Внутри он разделен на правильные островки широкими улицами, пересекающимися под прямым углом; все дома в нем из гранита или мрамора. Если самый город построен по монументальному плану, то ни одно из его зданий не отличается оригинальным стилем или великолепием: обширный дворец представляет кучу построек без вкуса, но расположенных среди великолепных садов; главная достопримечательность города—обсерватория, основанная Джай-сингом, строителем города. Замечательные здания находятся в древней столице, Амбере, лежащей в семи километрах к северо-востоку, на восточном склоне «Черных гор», или Кали-хо, и соединенной с новым городом (Джайпуром) линией укреплений. Эта столица была некогда «Всеобщею Матерью», «Царицей Гор». Предоставленный теперь в пользование факирам и обезьянам, его единственным обитателям, древний Амбер имеет тем более красивый вид, что его позолоченные куполы и разноцветные павильоны наполовину прикрыты зеленью; в пазах между мраморными плитами укрепились корни деревьев, лианы обвиваются вокруг колонн, вода фонтанов струится извилистыми ручейками через залы дворцов, между стен, украшенных резьбой из слоновой кости и драгоценного дерева. Нигде природа не возвышает более живописно красу и прелесть этой пышной архитектуры, которая сделала Раджастан одною из обетованных земель художника. Северные города, находящиеся в соседстве с равнинами реки Джамны, Альвар (Ульвур), Диг, Бартпур или Баратпур, столица легендарного царя Бараты, тоже заключают в своих стенах великолепные дворцы, из которых иные представляют руины, другие еще стоят в целости. Бартпурская крепость долго сопротивлялась англичанам и была взята только в 1826 году, когда против неё выставили двадцати-пятитысячную армию.

На востоке Раджпутаны, бассейн реки Чамбал почти так же богат монументальными строениями, еще обитаемыми или предоставленными диким зверям. Один из покинутых городов, Манду,—единственный в своем роде по обширности занимаемого пространства и красоте местоположения. Расположенный на южном выступе гор Виндиа, который соединен с массивом узким кряжем и поднимается на 500 метров над глубокою долиной, где извивается река Нарбада или Нербудда, Манду имеет не менее 60 километров в окружности; он занимает пространство в два раза большее, чем Париж, но во всей этой громадной ограде теперь находится только одна маленькая деревня, затерянная среди лесов; несколько диких билей да

1 Drew Gay, „From the Pall-Mall to the Penjaub".

нищих монахов—единственные человеческие обитатели бывшей столицы плоскогорья Мальвы, и тигры, леопарды, медведи устроили себе логовища под чащей густой растительности, среди развалин былого величия; плато, на котором была раскинута эта метрополия, превра-



Развалины ступы въ Хайберскомъ проходѣ.

тилось в огромный парк для охоты. Однако, там уцелели еще многие очень красивые здания, дворцы и мечети, и особенно баоли, т.е. многоэтажные галереи с колоннами, спускающиеся в глубины скалы до текущей воды. Свою первенствующую роль, как главный город Мальвы,

Манду утратил в первой половине шестнадцатого столетия. В следующем веке, Джехангир, монгольский государь, большой любитель красивых местоположений, перенес на некоторое время свою резиденцию на плато Манду; но после прохода маратских опустошителей город был окончательно покинут; мраморы его употребляются теперь на выделку извести для построек Дара, маленькой столицы княжества, находящейся севернее Манду, на одном из притоков Чамбала.

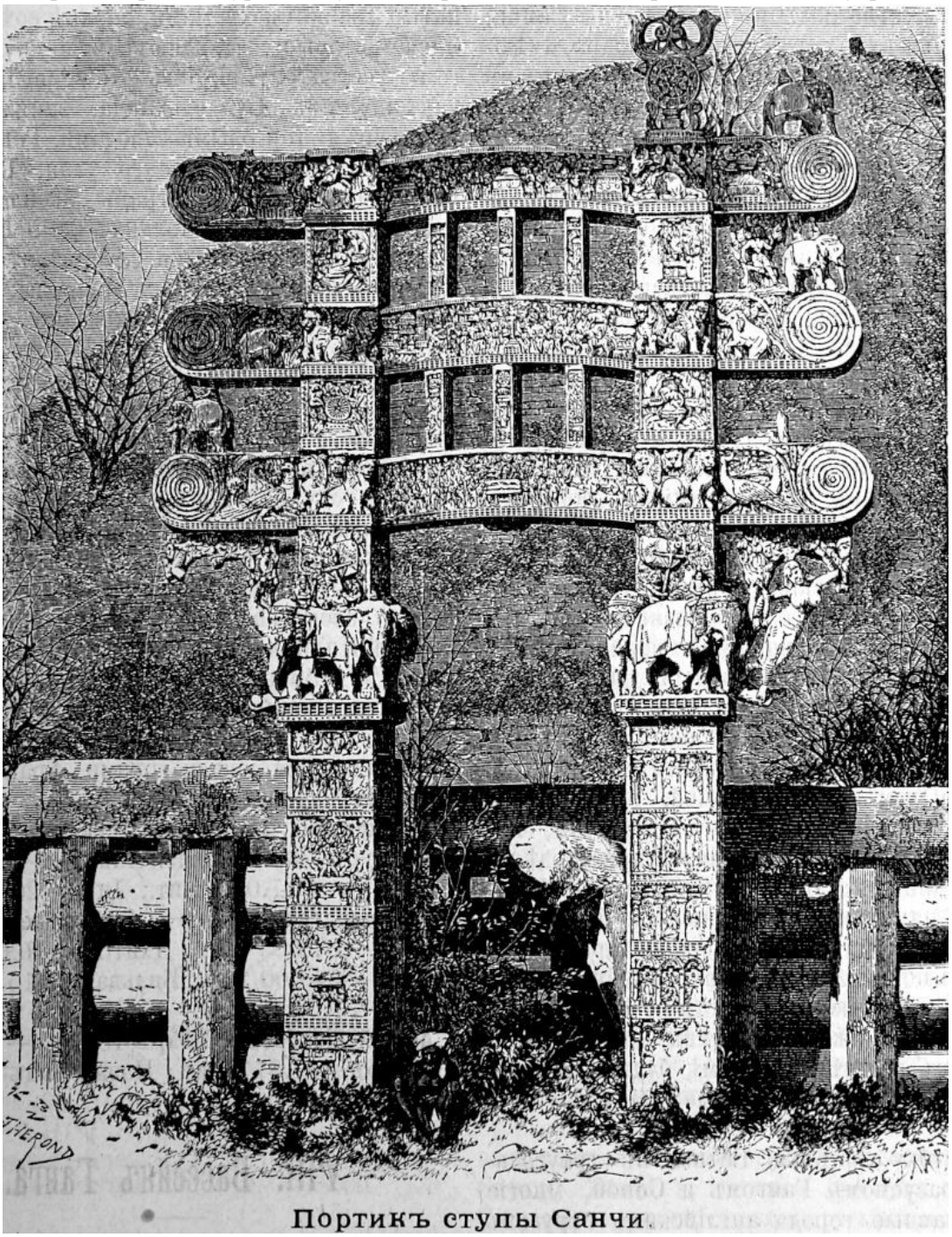
Индор, основанный в недавнее время,—теперь самый цветущий город во всем бассейне верхнего течения Чамбала. Главный город одного из самых могущественных медиатизированных княжеств плоскогорья Мальва, Индор сделался центром отпускной торговли опиумом (в 1878 году он поставил английскому правительству этого продукта на сумму свыше 26 миллионов франков). В этом городе находится один из тех колледжей (лицеев) для радж, где сыновья туземных государей приучаются к своей роли английских ленников. Мао, один из важнейших военных постов Индии, наблюдает на юге за Индорскою крепостью и соединен железною дорогою с главными местами расположения войск в Раджпутане, с Нимачем и Назирабадом. Эта железная дорога, построенная преимущественно как стратегическая линия, оставляет в стороне важнейший город страны, один из «семи священных городов Полуострова», знаменитый Уджейн, где царствовал славнейший из государей, известных под именем Викрамадитиа, тот самый, год рождения которого принимается за начало индусского летосчисления. Через этот же город индийские географы проводили свой первый меридиан, чтобы направить его на юг к Ланке или Цейлону, на север к горе Меру[1]. Джай-Синг основал в Уджейне обсерваторию с тою целью, чтобы производимые там вычисления можно было сравнить с вычислениями, полученными на обсерваториях Джайпура, Дели, Бенареса. Руины старого города Уджейн, затерянные среди садов, виднеются на севере от нынешней городской ограды; впрочем, в новом городе показывают, близ дворца, ворота, составлявшие, как говорят, часть замка царей Викрамадитиа. На среднем Чамбале, недалеко от *чаоли*, или знаменитого «водоворота», образуемого этою рекой, некогда стоял большой храм Баролли, от которого теперь остались только некоторые отдельные части, но между этими фрагментами есть великолепнейшие произведения архитектурного искусства,—между прочим, колонны, стержень которых сделан из четырех статуй женщин[2]. На западе, город Бунди, резиденция одного раджпутского государя, расположен у подножия горы, на котором высится целая группа дворцов, соперничающих красотой с дворцами Удайпура.

Самым значительным медиатизированным государством этой области Индии считается то, которым управляет династия Синдиев, потомков маратских «туфленосцев», сделавшихся завоевателями Северной Раджпутаны. Столица его, город Гвалиор, находится в небольшом расстоянии от равнин Джамны, между долинами Чамбала и Синда. Над городом или, вернее сказать, двумя отдельными городами, северным и южным, высится песчаниковая скала, длиною около 2.500 метров, при 300 метрах ширины, поднимающаяся над соседними равнинами на 100 слишком метров в самом высоком месте: в некоторых частях этой каменной горы стены вертикальные или даже нависшие. Из всех уединенных громадных глыб камня, которыми усеяна эта страна, и из которых каждая носит на своей вершине крепость, ни одна не была лучше приспособлена к основанию обширной твердыни, и всякого рода крепостные сооружения, нагроможденные на этой исполинской скале, показывают, что жители края умели оценить стратегическую важность этой позиции; они, очевидно, тоже были поражены красотой этих белых стен, составляющих яркий контраст с зеленеющими полями и домами равнины; колоссальные фигуры богов, иссеченные рельефно в камне, свидетельствуют о их благоговении к этому священному месту. Начиная с восьмого столетия христианской эры, форт, построенный на Гвалиорской скале, был во все времена одним из тех стратегических пунктов, которые обладатели Индии оспаривали друг у друга с наибольшим ожесточением, и в это последнее время англичане прибавили к нему еще новые укрепления. Великолепный

1 Reinaud, „Memoire geographique, historique et scientifique sur l'Inde", 1849.

2 Tod, „Annals of Rajahstan".

дворец, построенный в цветущий период индусского искусства, т.е. в конце пятнадцатого и в начале шестнадцатого столетия, венчает часть скалы и примыкает к другим постройкам, которые составляют, со своими башнями, угловыми павильонами, куполами, террасами с колоннами, фасадами, украшенными резьбой и изваяниями, ансамбль зданий самый живописный во всей Индии. Многочисленные храмы джайнов, вишнуитов (поклонников Вишну), сиваитов (поклонников Сивы), принадлежащие к различным эпохам, тоже составляют часть обширного архитектурного музея, собранного в Гвалиоре, и даже во внутренности ска-



Портикъ ступы Санчи.

лы находится около сотни иссеченных в камне святилищ,—иные в форме простой ниши, другие в виде длинной галереи,—заключающих много любопытных джайнских изваяний, из которых одно имеет не менее 17 метров в вышину. Английский военный город Морар, стоящий в равнине, верстах в 6 к востоку от Гвалиорской скалы, наблюдает за столицей Синдии. На юго-востоке англичане тоже поставили свои гарнизоны в окрестностях городов Дхатия и Джанси. Оба эти города расположены у подошвы высоких скал, на вершине которых стоят старинные крепости. В десяти километрах к северо-востоку от города Дхатия, на холме,

окруженном отдельно лежащими каменными глыбами, стоят восемьдесят джайнских храмов Сунагара, или «Золотого замка», относящиеся к различным эпохам, начиная с тринадцатого столетия, и различающиеся между собою архитектурным стилем: линия горизонта прерывается сотнями куполов, шатрий, шпицев, колоколенок, плоских луковицеобразных глав, напоминающих главы русских церквей[1].

Памятники отдаленных веков, более древние, чем храмы и дворцы Гвалиора, привлекают путешественников в верхнюю долину реки Бетвы. Там находятся остатки буддийской архитектуры, самые полные и самые интересные, какие только существуют в Индии, и некоторые из них даже превосходят, по изяществу и совершенству скульптурных работ, все, что сделали в другие эпохи художники Полуострова. Между двумя городами, Бопалом и Бильсой, из которых последний славится своим табаководством, простирается почти необитаемая область, где группируются отдельными массивами около шестидесяти буддийских ступ, так сказать, вновь открытых, в 1822 г., английскими путешественниками. Эти высокие искусственные горки, которым вообще дают название Bhilsa topes, не были, конечно, самые большие из курганов, воздвигнутых буддистами, ибо история упоминает о многих подобных насыпях, размеры которых были гораздо значительнее; но грандиозные памятники, находившиеся в равнинах или на больших дорогах, по которым проходили завоеватели, не могли избегнуть разрушения; камни и кирпичи этих ступ послужили материалом для сооружения индусских храмов или мусульманских мечетей, тогда как бильсенские курганы, лежащие в стороне от исторических путей, среди дикого населения, оставались нетронутыми в течение веков, защищенные джунглями[2]. Главная ступа та, которая известна под именем ступы Санчи: это огромный купол в форме полушара, имеющий более 100 метров (около 47 сажен) в окружности основания и перерезанный там и сям трещинами, в которых деревца и кустарники укрепили свои корни; кордон, опоясывающий этот купол, позволял некогда верующим обходить торжественною процессией вокруг всего здания и украшать его цветами. Колонны, богато украшенные изваяниями, обрушились на внешния террасы, но уцелела еще большая часть каменной балюстрады, составлявшей священную ограду. Две из входных дверей стоят еще на месте, и одна из них, почти вполне сохранившаяся, развертывает чудный ряд своих изваяний, представляющих слонов, львов, химер, богов и божественные эмблемы, и особенно драгоценные исторические документы, церемонии религиозные и гражданские, сцены местных нравов, словом, всю народную жизнь буддийского Индустана за две слишком тысячи лет до нашего времени. Эти входные двери ступы Санчи, очевидно, составляющие подражание древним порталам, построенным из четырегранно отесанных бревен, встречаются, под едва измененною формой, в Китае и преимущественно в Ниппоне: это *тории*, подобные тем, которые находятся при входе в храмы Найци; не зная о существовании бильсенских памятников, можно было бы впасть в ошибку и приписать японским ториям местное или полинезийское происхождение. Между многочисленными древностями Бильсенского края есть также памятники, относящиеся к другим религиям, кроме буддийской: таковы искусственно иссеченные в скале гроты Удгири.

К востоку от реки Бетвы, в треугольнике, образуемом Гангом и Соной, многие другие главные города английских округов или столицы маленьких туземных государств имеют важное значение по своим произведениям или по торговле, или обладают некоторыми из тех прекрасных зданий, которые во всякой другой стране, менее богатой великолепными памятниками строительного искусства, могли бы составить красу и славу любого города. Сагар, одно из главных мест расположения войска в центральных провинциях, замечателен своими храмами и двадцатью башнями своей крепости, отражающимися в водах озера. Чатарпур сгруппировал свои дома, свои бумажные фабрики и ножевые заводы вокруг руин старинного дворца. Каджраха, теперь в упадке, но некогда один из могущественнейших городов Индии, справедливо гордится своими восемнадцатью древними храмами, вполне сохранивши-

1 L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

2 Fergusson, „History of Indian and Eastern Architecture".

мися, которые составляют чудо скульптурного искусства[1]. Наогаон (Nowgong), военный кантонемент Бундельханда, занял видное место между торговыми городами; Ревах обладает залежами каменного угля; Паннах и многие другие города страны эксплоатируют слои алмазоносных мелких камней, залегающие по большей части на глубине нескольких метров под поверхностью почвы; ценность алмазов, посылаемых ежегодно разработывателями этих копей аллахабадским и бенаресским ювелирам, простирается до 1.500.000 франков[2]. На западе от города Реваха, близ железной дороги из Аллахабада в Джабальпур, Коннингам и Беглар открыли, в 1872 году, остатки буддийской ступы Бхарахут, балюстрада которой покрыта фигурами, изображающими черты из жизни Будды и сцены из быта туземцев; почти каждый камень имеет свою надпись. Между памятниками древней Индии нет ни одного, который давал бы более богатый материал для восстановления истории первых веков буддизма[3].

Главные города плоской возвышенности, заключающейся между горами Аравали, Гангом, Нарбадой и Соной:

Раджпутана. Джайпур (1891 г.)—158.905 ж.; Бхартпур—68.033 жит.; Альвар—52.398 ж.; Удайпур—47.000 жит.; Диг—20.000 жит.

Государства Мальвы и Бундельханда. Гвалиор—104.083 жит.; Дхатия—40.000 жит.; Джанси—54.000 жит.; Бильвара—15.000 жит.; Ревах—10.000 жит.

Английские города. Сагар (1891 г.)—44.674 ж.; Аджмир—67.877 жит.; Назирабад—20.100 жителей.

VIII. Бассейн Ганга

Дели, Северо-западные провинции, без Кумаона и Гарваля; Рампур, Ауд, Бехар, Нижняя Бенгалия по сю сторону Брахмапутры.

Продолговатая равнина, которая тянется вдоль подошвы Гималайских гор, от ворот Джамны и Ганга до аллювиальных земель Сандербана, обнимает пространство почти столь же значительное, как площадь Франции, но несравненно гуще населенное. В этой равнине скучено около ста миллионов жителей; если бы земля была везде равномерно населена в такой же пропорции, то совокупность континентальных областей могла бы прокормить более 25 миллиардов людей. А между тем, эта страна еще далеко не вся покрыта возделанными участками. Между реками и речками так называемые *усары*, обширные пространства земли, лежащие ниже уровня разливов и лишенные орошения, представляют те же пустыни, покрывающиеся *рехом*, соляным налетом, похожим издали на снег; в соседстве великой индийской реки, равнины, покинутые переместившимся течением, усеяны болотами, куда земледелец не решается проникнуть; наконец, в низменной области речных устьев значительная часть почвы состоит из полузатопленных земель, недостаточно крепких даже для того, чтобы сдержать хижины человека. Совокупность страны еще не приспособлена к нуждам и потребностям её обитателей, и не раз уже в течение нового периода истории недостаток оросительных каналов имел следствием страшные голодовки. Но зато ряд хороших урожаев ведет к быстрому увеличению народонаселения: бывало, что число жителей в Бенгальском президентстве (генерал-губернаторстве) возрастало почти на миллион душ ежегодно.

Равнины Ганга и Джамны:

1 L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".
2 Ball, „The Diamonds, Coal and Gold of India".
3 „Reports of the Surveys in India for 1872-1873".

	Пространство кв. килом.	Население душ	Среднее число жителей на 1 кв. килом.
Дели	14.490	1.916.420	160
Ауд	62.137	11.222.210	180
Северо-западные провинции	181.040	30.037.600	165
Рампур	2.447	507.010	208
Бехар	109.855	19.736.100	180
Бенгалия, без Сингбума и округов по течению Брахмапутры	191.189	26.681.950	140
	561.159	90.101.290	161
Приблизительная цифра населения в 1882 г.		100.000.000	178

Ганг—или, точнее, Ганга—есть «Река» по преимуществу. У Гардварских ворот, где его воды вступают в равнину, на высоте 311 метров, Ганг является уже значительною рекой, образующеюся из слияния Алакнанды и Бхагирати, двух священных потоков, берущих свое начало в гималайском массиве, между вершинами которого первое место занимает гора Мойра, или Тарласагар, превосходящая другие вершины своим величественным видом, хотя и уступающая им размерами ледяного покрова. Небольшие суда могут подниматься по реке до самых ворот Гималая, несмотря на то, что более пяти шестых среднего количества протекающей воды изливается в судоходный и оросительный канал, разветвляющийся на множество ирригационных канав и канавок в области доаба, или междуречья. Этот отведенный из Ганга канал, который опять соединяется с тою же рекой у Каннура(Cawnpore), оросив на своем пути пространство слишком в 18.000 квадр. километров, есть, бесспорно, самое большое и самое важное из всех существующих сооружений этого рода; его главный ствол имеет 499 километров длины по прямой линии, и средний объем протекающей в его русле жидкой массы, у первых шлюзных ворот, составляет 230 кубических метров в секунду, следовательно, почти в четыре раза превосходит количество воды, несомое Муццой, ирригационным каналом долины реки По, который оплодотворяет в Европе наибольшее протяжение земель. Для одного только главного канала Ганга, не считая его разветвлений, нужно было переместить столько же земли, сколько и для Суэзского канала, именно более 70 миллионов кубич. метров. В городе Рурки, недалеко от Гардвара, находятся большие мастерские, главный шлюз, бассейны и колледж или институт инженеров, под руководством которых производились работы этого грандиозного сооружения[1].

По соединении с водами канала, затем с Джамной, Ганг ударяется, близ Чанара, о последние кручи песчаниковых холмов цепи Виндиа; но он тотчас же поворачивает от них на восток и следует в этом направлении до бреши, которую его течение, соединенное с течением Брахмапутры, пробила себе между горами Раджмагал и горами Гарро. Последние скалы речного ложа, гранитные глыбы, около которых кружатся стаи птиц, виднеются выше этой извилины, близ Кольгонга[2]. Выше этого широкого отверстия, открывающагося между двумя горными цепями, Ганг получает все свои большие притоки,—с одной стороны те, которые ему посылают Гималайские горы, Гогру или Сарджу, Гандак, Багмати, Коси, с другой—Сону, которая спускается с массива Амаркантак, в цепи холмов Виндиа, долиной или низменностью, составляющей на северо-западе продолжение низменности, где проходит река Нарбада. Приток южной покатости совершенно отличается порядком изменений объема и уровня жидкой массы от рек противоположного склона. Тогда как эти последния всегда имеют значительное количество воды, происходящей или от таяния снегов, или от дождей, Сона бывает иногда, в сухое время года, почти совершенно без воды; но после ливней её течение нередко бывает так же сильно и многоводно, как и течение Ганга: масса протекающей воды в этой реке колеблется, смотря по времени года, от 49.000 до 17 кубич. метров в секунду[3]. Во время мелководья простой ручеек медленно пробирается через пески; речное ложе, раздвигающееся в некоторых местах на несколько верст в ширину, занято дюнами,

1 Cautley, „Reports on the Ganges works".
2 Ball, „Jungle Life in India".
3 Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

которые передвигаются с места на место, гонимые ветром, и чрезвычайно затрудняют путешественникам переход через Сону; обоз фур употребляет, средним числом, три часа, чтобы перебраться через речные пески. Построенный через эту реку железнодорожный мост, длиною в 1.279 метров, состоит из 28 пролетов, быки которых вбиты на 10 метров (14 аршин) глубины в дно ложа; употреблено было целых пятнадцать лет на сооружение этого моста, одного из монументальных произведений современной индустрии. Сона слишком неравномерна в своем ходе, слишком внезапна в своих разливах, чтобы можно было пользоваться ею, как водяным путем сообщения; она служит только для сплава бамбука; миллионы бамбуковых стволов посылаются каждый год этим путем из области плоскогорий в города Бегалии. Но если Сона бесполезна для перевозки товаров, то нельзя сказать того же относительно искусственного орошения, и нигде не было более необходимо регулировать речной сток, задерживая воды разлива, как запас для сухого времени года. Огромная поперечная плотина, или *аникут*, длиною около 3.800 метров (три с половиною версты), задерживает воды реки, при выходе её из области холмов, близ деревни Дери и отбрасывает значительную часть воды в два главные канала, которые идут вдоль каждого берега, затем разветвляются далеко по соседним равнинам; самый широкий из этих каналов, западный, получает, средним числом, 127 куб. метров воды в секунду.

Весьма вероятно, что в течение двадцати двух веков произошли большие перемены в гидрографии страны. Мегасфен, посланник Селевка Никатора, описывая Палиботру, говорит, что этот город стоит при слиянии Ганга и Эраннобоаса. Но все историки согласны между собою относительно того, что древняя Палиботра,—Паталипутра средневекового буддийского пилигрима Гиуэн-Цана,—есть нынешний город Патна, а со времени Равеншау[1] большинство археологов признает Эраннобоас, «третью реку Индии по обилию вод», не в могучем Гандаке, который впадает в Ганг против Патны, но в Гираниабахе, «Желтой» или «Золотоносной» реке,—название Соны, которым она обязана пескам или золотым блесткам своего ложа. Но эта река в наше время уже не соединяется с Гангом под стенами Патны; вследствие постоянного размывания берегов по направлению к верховью, мыс, образуемый слиянием этих двух рек, непрерывно передвигался все далее к западу; в пятидесяти-пятилетний промежуток времени, с 1780 по 1835 год, отделяющий путешествие Реннеля от путешествия Фергюсона, этот мыс переместился почти на 5 километров; теперь он находится в 16 километрах выше города Патны. Бывшие рукава, изменчивые бухточки, представляющие непрерывное русло только в сезон дождей, позволяют распознать еще следы потока, соединявшагося с водами Ганга ниже этого города.

Не менее важные перемены совершились во времена исторического периода в течении самого Ганга. Каждая из нынешних его извилин пересекает направление, которое первые географические карты давали прежним его изгибам; блуждая в своей широкой равнине, Ганг постоянно перемещает свое течение, подтачивая и увеличивая попеременно то один, то другой берег. Так, в половине прошлого столетия эта река, обходившая на востоке массив Раджмагальских холмов, проходила на большом расстоянии от их скал, извиваясь далеко по гладким равнинам. В 1788 году она подступила к этим холмам, и не только подточила их основание, но даже проложила себе дорогу через каменистую массу, и островки и подводные скалы, еще недавно находившиеся у правого берега, очутились около левого берега. Десять лет спустя, всякие следы этих рифов исчезли, но на месте, где прежде проходило главное течение, образовался остров, длиною в 13 километров и шириною слишком в 3 километра, поднимавшийся над уровнем воды даже во время самых высоких разливов[2]. Этим перемещением течения Ганга и постоянным подтачиванием и размыванием холмов в соседстве Раджмагала, бывшей столицы Бенгалии, и объясняется упадок городов Пандуаха и Гаура (иначе называемого Лакнаути или Джанатабадом), покинутых удалившеюся рекой во внутренности земель. В начале настоящего столетия не было уже ни одного пункта в черте го-

1 „Journal of the Asiatic Society of Bengal".

2 Colebrooke, „Transactions of the Asiatic Society", vol. VII, 1803.

родской ограды Гаура, который не отстоял бы, по меньшей мере, на 7 километров от берега Ганга, а в некоторых местах могучая река протекала уже на расстоянии 20 километров от развалин этого обширного города. Деревни, сменившие Гаур, могут сообщаться с Гангом уже не иначе, как через его приток, речку Маганадди, или через ручей, делающийся судоходным в дождливое время года[1]; джунгли и болота занимают теперь большую часть пространства, около 50 квадр. километров, где еще видны следы могущественного города; кое-какие отрывки стен, кое-где порталы мечетей—вот все, что осталось от зданий; ураганы и, быть может, всего более каменщики, воздвигавшие города Мальдах и Муршидабад, разрушили строения Гаура. Подобные же перемены в местной географии произошли во всей аллювиальной области Ганга и его притоков: везде речные русла странствовали по равнинам, увлекая за собою толпу прибрежных жителей и заставляя их беспрестанно перестраивать и переносить с места на место свои города.

Бифуркация верхних ветвей дельты находилась некогда у Гаура; у подножия этого второго Мемфиса разделялись рукава индийского Нила[2]. Но совокупность всей дельты постепенно переместилась к югу; по мере того, как отлагавшиеся речные наносы выдвигались все далее в море, и течение Ганга удлинялось вместе с приращением дельты в этом направлении, земли выше лежащих аллювиальных равнин укреплялись, и река удерживалась там в русле более определенном, не разливаясь в ту и другую сторону в виде боковых ветвей или рукавов. В настоящее время вершина или голова дельты находится уже в 28 километрах к югу от руин Гаура, в 350 километрах от моря по прямой линии, в 480 километрах, если считать все извилины течения; пространство, охватываемое крайними разветвлениями Ганга и Брахмапутры, составляет свыше 80.000 квадр. километров. Главный рукав, меняющий имя Ганга на более поэтическое название Падма или Падда, «Цветок Лотоса», извивается в юго-западном направлении, идя на встречу Джамуне, которая есть истинная Брахмапутра; второстепенный же рукав Ганга сохраняет имя Бхагирати, как священный исток Ганга, и, действительно, в этом русле, теперь съузившемся, проходит наиболее чтимый индусами поток. Без всякого сомнения, Бхагирати, ныне запертая даже для барок впродолжении большей части года и, вероятно, близкая к тому, чтобы обратиться в «мертвый рукав», была прежде истинным Гангом; разрыв глинистых земель, там и сям смешанных с *кункурами*, или известковыми сростками, которые ограничивали течение великой реки, позволил Падме изливаться к востоку, чтобы идти на соединение с Брахмапутрой, некогда обособленной от Ганга; таков, вероятно, смысл легенды о духе, который, будто бы, поглотил в этом месте воды священной реки[3]. Продолжая спускаться к югу, извиваясь излучинами, которые образуют почти полные овалы, Бхагирати соединяется с притоками Джеллинги и Чурни (Мата-бханга), посылаемыми ей главным рукавом Ганга, и принимает тогда другое имя, Хугли, которое носит уже до самого моря. На востоке, вся область, простирающаяся до Брахмапутры, перерезана реками и речками, смешивающими одна с другою свои воды, теряющими и снова принимающими свои названия; каждое наводнение видоизменяет географию и номенклатуру этой территории. На западе также видны следы старых русл Ганга: лиман Рупнараяны еще доныне обозначается прибрежными жителями как устье священной реки.

Самый Хугли сильно изменился с той эпохи, когда европейские коммерсанты впервые основали торговые конторы на его берегах, и многие города, некогда важные гавани, состоявшие в прямых сношениях с портами Атлантического океана, видят теперь только барки, бросающие якорь перед их опустелыми набережными. Но если англичане допустили до обмеления фарватеры Сатгаона, Хугли, Чинсураха, Чандернагора, Серампура, факторий, которые принадлежали или еще принадлежат другим державам, а не Великобритании, то они тем энергичнее сосредоточили все свои заботы на той части Хугли, которая составляет вход в

1 Rennel, trad. „Boucheseiche", vol. II, p. 14—15; Carl Ritter, „Asien", Band IV, Theil VI.

2 Carl Ritter, „Asien". Band IV, 6-ter Theil.

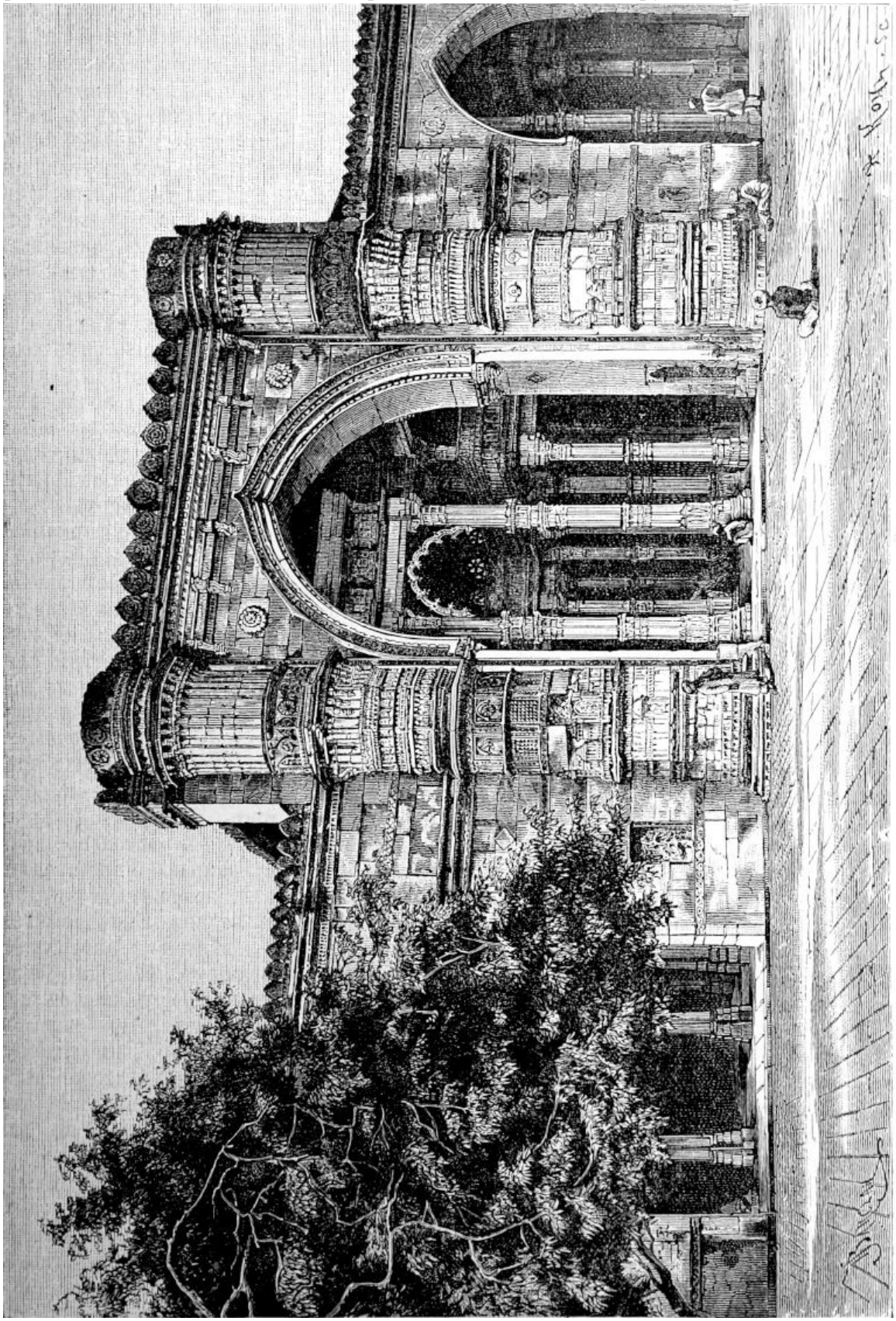
3 Walter S. Scherwill, „Report upon the Bhaugiruthee River", 1857; Fergusson, „Proceeding of the Geological Society", april 1863.

их большой порт—Калькутту; тут они не отступали ни перед какими расходами, чтобы поддержать и углубить проходы фарватера, укрепить высокие берега, воспрепятствовать перемещению песчаных мелей, обозначить вехами или бакенами опасные места, и благодаря, так сказать, дисциплине, которой они сумели подчинить приливы и отливы моря, им действительно удалось превратить в дорогу, относительно удобную, водяной путь, бывший прежде одним из самых опасных речных путей. Проникающий в устье морской прилив, волна которого, поднимающаяся на 2 метра (почти сажень) над уровнем реки, катится вверх по течению с быстротою 8 метров в секунду, составляет еще не малую опасность для мелких судов, но корабли, имеющие около 8 метров водоуглубления, безопасно плавают теперь с пассажирами и товарами перед лиманами Дамуды и Рупнараяны, пески которых в былое время поглощали такое множество судов. Как только судно коснется мели, течение. кружащееся в этом месте на подобие водоворота, вздымает со дна песок вокруг киля, который постепенно вязнет все глубже и глубже, как бы всасываемый илом, иногда случалось, что в какие-нибудь полчаса времени трехмачтовые суда погружались таким образом по самые реи.

Если Хугли сделался Гангом, с точки зрения торговых сношений, если даже исторически он должен быть рассматриваем как продолжение священной реки, то истинным устьем Ганга, по массе вод, следует признать рукав Мегну, который уносит также воды Брахмапутры и который течет с северо-запада на юго-восток, в том же направлении, как и Падма. Мегна, которая, впрочем, и сама разветвляется на несколько рукавов вокруг островов своего лимана, раздвинувшагося на сотню километров в ширину, мог бы с большим правом, чем все другие потоки дельты, сообщить свое имя обшей гидрографической системе Ганга и Брахмапутры. Через этот канал катятся могучия, стремительные воды двух соединенных больших рек, смывая попадающиеся на пути острова, образуя в другом месте новые земли на своей поверхности, пробивая себе протоки к морю, засыпая илом и песком старые проходы. Через Мегну же воды моря проникают наидалее внутрь материка; тогда как в рукаве Хугли приливная волна останавливается перед городом того же имени, она распространяется через Мегну и Падму далеко за дельту, поднимаясь до города Раджмагала и даже до впадения притока Гогры; в устье разность уровня между приливом и отливом составляет около 4 метров. Явление борьбы морского прилива с речным течением (известное у индусов под названием *бора*), очень внушительное в Хугли, еще гораздо более величественно в Мегне; иногда, говорят, громадная волна, высотою в 6 метров (почти 3 сажени), катится вверх по реке со скоростью 25 километров в час. Удар этой быстро несущейся огромной водяной стены о берег слышен на расстоянии многих верст кругом; вероятно, этому страшному треску и должна быть приписана местная легенда о «Барисальской пушке», пальба которой, будто бы, доносится вечерним ветром до прибрежных жителей Мегны: гром канонады, слышимый со стороны этого города (Барисаля), есть не что иное, как шум волн, низвергающихся на берега. Редко случается, чтобы во время муссона суда отваживались пускаться ночью на воды лимана.

Большие морские животные, как, например, сапуны (дельфины), поднимаются далеко по Мегне, за сотни верст от океана. Но Ганг, так же, как Инд и Брахмапутра, имеет уже один собственный вид, которому приписывают океаническое происхождение: это пресноводный дельфин, называемый *платаниста*; он играет около плывущих судов на всем течении реки вплоть до Гардварских ворот. Каким образом это китообразное животное могло постепенно приспособиться к пресным водам, в которых оно родится и живет в наши дни? Как перешло оно через порог, разделяющий ныне бассейн Ганга и бассейн Инда? Это важные вопросы естественной истории, которые ученые пытаются объяснить гипотезами о существовании древнего залива Аравийского моря, который врезывался в материк на северо-восток, по направлению к Гималайским горам, и который, будто бы, превратился постепенно в лиманы, затем в речные равнины. Впрочем, как известно, порог, разделяющий два бассейна Инда и Ганга, находится на незначительной высоте, всего только на высоте 281 метра, и часто реки, спускающиеся с гор к этому водораздельному горбу, меняли свое течение, направ-

ляя свои воды то в один, то в другой речной бассейн[1]. Другое замечательное явление гангесской фауны это изолирование породы крокодила, называемой crocodilus bombifrons, которая встречается только в *дунах* выше ворот Гималая, тогда как другая порода, гавиал, живет в



Ахмедабадъ. Портикъ главной мечети.

низовьях реки[2].

1 Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

2 Falconer, „Proceedings of the Geological Society", march 22, 1865.

Средняя масса воды в Ганге, без сомнения, уменьшилась с половины настоящего столетия, так как ирригационные каналы, проведенные по прибрежным местностям, возвращают ему лишь незначительную часть заимствуемых ими вод; но как ни велика убыль течения, зависящая от искусственного орошения, Ганг, тем не менее, есть одна из многоводных рек земного шара, хотя он далеко уступает, по обилию жидкой массы, таким могучим потокам, как река Амазонок или Конго: в период наибольшей высоты разлива он катит, у подошвы Раджмагальских холмов, слишком 50.000 кубич. метров воды в секунду[1]. Правда, что во время самых сильных засух дебит его, говорят, сокращался иногда до 607 кубич. метров[2]: эта поразительная разность между максимумом и минимумом объясняется периодическим изменением направления муссонов; среднее количество несомой воды исчисляется в 12.000 до 15.000 кубич. метров в секунду, что представляет никак не более половины атмосферных осадков, падающих в области бассейна впродолжении года. Во время наводнений река почти везде выходит из берегов и разливается далеко по равнинам на большое расстояние от главного русла. Вместо того, чтобы насиловать природу, прибрежные жители Ганга предпочли приспособить условия своего существования к её законам и явлениям: за исключением больших городов и их ближайших окрестностей, они нигде не оцепили своей реки дорого стоющими береговыми плотинами, которые нужно повышать с каждым десятилетием, по мере того, как поднимается дно ложа, засариваемое отлагающимися наносами, и которые часто приходится ремонтировать, укреплять контр-плотинами или даже совершенно переделывать и возводить за-ново, когда исключительные по высоте разливы ниспровергнут все эти оградительные сооружения. Незащищаемые стеной плотин, как прибрежные обитатели Желтой реки, По, Луары, Миссисипи, бенгальские земледельцы не могут, понятно, запахивать свои поля в виду отдаленного урожая; они завели у себя два рода посевов: одни—для периода мелководья, другие—для времени, непосредственно следующего за периодом наводнения, когда почва еще покрыта влажным плодотворным илом. Взамен того, они не знают громадной опасности внезапного прорыва плотин, им не угрожают страшные катастрофы потопа, земля их избавляется от белых муравьев, которые опустошают ее и беспрестанно обновляют её плодородие. Что касается городов и селений, для которых невозможно было воспользоваться естественными пригорками или возвышенностями, то для них построили искусственные террасы, поднимающиеся выше уровня разливов, который у Бенареса достигает 13 или 14 метров и затем постепенно уменьшается вниз по реке; таким образом группы жилищ временно превращаются в островки. К сожалению, эти земляные работы производятся без разумного плана; чтобы иметь материал для воздвигаемой насыпи, роют землю тут же на месте и таким образом выкапывают огромные ямы, которые наполняются водой и где гниют всякого рода органические остатки, распространяя далеко зловоние; проходят длинные годы, прежде чем аллювиальная грязь заполнит до верха эти вредные для здоровья лужи.

Твердые вещества, разного рада каменные обломки и землистые частицы, ил и песок, которые содержат в себе воды Ганга,—в пропорции тем более значительной, чем быстрее течение,—не все уносятся в открытое море: большая часть этих наносов отлагается на низменных берегах и на *чарах*, или «teys» Сандербана. Поэтому, совершенно естественно, что там то и дело образуются новые острова в море и появляются несуществовавшие прежде песчаные мели у берегов; морские карты приходится переделывать при каждом новом исследовании поморья, и направления, которыми следуют лоцманы при проводе судов, беспрестанно изменяются. На востоке, при устьях Мегны, пояс земель быстро увеличивается на счет водной площади Джиттагонгского залива; но на западе, где, впрочем, линия берегов гораздо более выдвинута за черту первоначального прибрежья, не заметно, чтобы в новые времена дельта получила приращение. Во время ураганов море разрушает часть вновь образовавшихся земель и уносит далеко их обломки; кроме того, общее движение почвы, как кажется, понижа-

1 Jackson, „Hydraulic Manual and Statistics".

2 Prinsep, „Observations on the Ganges as a navigableriver".

ет мало-по-малу плоскость средней дельты; так же, как низменные земли Амазонки, По и многих других больших рек, равнины, прилегающие к низовью Ганга. находятся в области оседания. Ни в какой части гангесской дельты до сих пор не открыли под поверхностным слоем речных наносов ни малейшего следа морских образований, которые непременно должны бы были находиться там, если бы море занимало в недавнюю эпоху пространства, где в наши дни простираются равнины Нижней Бенгалии. В Калькутте, при бурении почвы, доведенном до глубины 147 метров, были извлечены на свет божий единственно растительные остатки твердой земли, торф, речные раковины, пласты, отложенные пресными водами: буровой снаряд прошел даже через слой кристаллического гравия, который, вероятно, был принесен или с Раджмагальских холмов, или с массивов высот, которые существовали тогда в области дельты, но впоследствии исчезли, подточенные и размытые водами[1]. Из этого следует, что в течение современного геологического периода дельта Ганга всегда была выступающею над поверхностью воды землей; самые новые морские формации, найденные на севере, у основания гор Гарро, принадлежат векам третичной эпохи. Но почва Калькутты, хотя лежащая выше уровня вод с такого давнего времени, не переставала понижаться, так как древние слои растительности следуют там один за другим в глубинах земли гораздо ниже нынешнего уровня моря. Это явление оседания почвы,—тем более замечательное, что с обеих сторон Бенгальского залива, на западе—на берегах Ориссы, на востоке—на Арраканском побережье, констатировано вертикальное движение суши в обратном направлении,—продолжается, вероятно, и далее на юг от дельты, к центральной впадине залива. Быть может, громадная воронка, известная у английских моряков под названием «бездонной пучины» (swatch of no ground), есть центр провала в этой оседающей области. Это—морская пропасть, открывающаяся в 130 километрах к юго-востоку от устья Хугли, но в непосредственной близости к мелям, залегающим у входа в Матлаху и в соседние лиманы. Окружающие ее воды залива имеют всего только от 40 до 75 метров глубины, тогда как во внутренности впадины бросают лот на 400, даже на 500 метров, не находя дна: это словно неизмеримый кратер громадного вулкана. Подводные берега «бездонной пучины» до такой степени обрывисты, что моряки всегда могут, по наклону ложа, определить с точностью место, где они находятся в данную минуту. По мнению Фергюсона[2], существование этой воронки должно быть приписано единственно круговращательному движению воды, происходящему от столкновения прилива и зыби, которые встречаются в северной оконечности залива.

Южная область дельты представляет неопределенную землю, нечто среднее между сушей и морем; она принадлежит к материку—по растительности, покрывающей ее, к океану—по обилию воды, которая проникает на нее во всех направлениях и даже заливает ее всю сплошь во время периодически повторяющихся больших приливов (совпадающих с новолунием и полнолунием) и во время бурь. Совокупность этой страны известна под общим именем Сандербан (Сундербан, Сундербанд), которое этимологи объясняют на разные лады: по их толкованию, это слово значит то же, что Синдурбан или «Красный лес», Судербан или «Величественный лес», Шандабанда или «Земля солепромышленников», Сундербанд или «Хорошая плотина», или, наконец, «Лес сундрий»,—местное название дерева (heritiera littoralis), самого обыкновенного в этих полузатопленных местностях; полагают, что Калькуттская река, Хугли, тоже обязана своим наименованием одному сандарбандскому растению, которое называется *хугля* (typha elephantica)[3]. Пространство этой нейтральной области между землей и морем составляет около 20.000 квадр. километров; с запада на восток Сандербан протянулся слишком на 200 километров. Необъятный лабиринт, перерезанный между островами и островками четырнадцатью большими реками и сотнями второстепенных рукавов и потоков, разветвляющихся до бесконечности, доступен только лодочнику, скользящему среди камышей или под сводами густой листвы, в своей барке, построенной из красно-

1 Mac. Clelland, „Topography of Bengal"; „Calcutta Review", 1876.

2 „Quarterly Journal of the Geological Society", aug. 1863.

3 De Grandpre, „Voyage dans l'Inde et au Bengale"; Hermann yon Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien".

го дерева сундри. Многочисленные острова Сандербана, хорошо защищенные песчаными дюнами, которые образуются от действия ветров муссона, покрыты густыми лесами, составляющими исключительную собственность казны, которая заботливо поддерживает в них правильное лесное хозяйство; на других островах вся растительность состоит из низкорослых пальм (phoenix paludosa) или из маленького кустарника, служащего убежищем диким зверям. Находимые там и сям развалины доказывают, что Сандербан не был необитаемою пустыней до прибытия европейцев в страну, и что там существовали даже большие города; первые португальские писатели все единогласно говорят, что земли Сандербана были густо населены в их время[1]; но граница между областью возделанных пространств и необитаемым поясом прибрежья, кажется, сохранилась почти без перемены в течение веков. В последние сто лет завоевания земледельцев в области этих девственных, нетронутых земель довольно значительны, особенно в соседстве Мегны, где почва, вообще говоря, возвышеннее; в 1872 году поверхность территории, приобретенной для земледелия, в области Сандербана простиралась до 280.000 гектаров, но большая часть этих вновь распаханных полей подвержены наводнениям, и потому принуждены были окружить их плотинами. Часто морские приливы превращают всю область возделанных земель в бесчисленные островки, имеющие форму многоугольников. В этих-то изменчивых лиманах Сандербана, где встречаются две жидкия стихии, соленая вода моря и пресная вода рек, с их различными флорами и фаунами, и в болотистых низинах соседних равнин, называемых *биль*, *джиль* или *джуллия*, и зарождается «бенгальская лихорадка», или «лихорадка джунглей», одна из самых страшных болезней Индии, пристающая безразлично к людям всякой расы, как к туземцам, так и к иностранцам. В Калькутте эта лихорадка всего чаще выбирает себе жертвы между тем людом, который живет частью на реке: между лодочниками, матросами, носильщиками, таможенными досмотрщиками; охотники, отправляющиеся в джунгли, люди, работающие в низменных плантациях, тоже подвергаются большой опасности схватить лихорадку. Преимущественно в сентябре месяце, когда вода в болотах начинает убывать и оставляет обнаженными тинистые берега, случаи заболевания лихорадкой особенно опасны[2]. Холера—тоже одна из эндемических болезней Нижней Бенгалии, и оттуда-то она и распространилась, в первой половине настоящего столетия, по остальному Индустану и во всем свете; вероятно, она существует с незапамятных времен на берегах нижнего Ганга, хотя на этот грозный бич, во время его внезапного появления в Западной Европе, смотрели как на новую болезнь. Чрезмерная сырость страны и гниение органических веществ, смешанных с водой, которая встречается везде уже на глубине нескольких сантиметров от поверхности,—вот причина, порождающая эту страшную эндемию Бенгалии.

Известно, что тысячи и даже миллионы трупов, которые в прежнее время течение Ганга выбрасывало на свои берега, много способствовали нездоровости атмосферы и распространяли заразу. С тех пор, как англичане сделались хозяевами страны, и их полиция стала вмешиваться в вопросы общественной гигиены и народного здравия, Ганг уже не уносит в своих волнах тела всех поклонников, которые обитали на его берегах; но как часто и теперь еще благочестие и сыновняя любовь ухитряются обходить предписания санитарного устава, обеспечивая умершим самое священное место вечного покоя! Как часто еще можно видеть ночью маленькия светящиеся точки, подобные блуждающим огонькам или светлякам, медленно движущиеся по течению священной реки! Этот мелькающий вдали огонек освещает доску, на которой положен труп; родные и друзья покойника толпятся на берегу, следя тоскливым взором за последним земным странствием оплакиваемого человека до тех пор, пока судно, песчаная мель, поворот реки или просто даль скрывают из глаз блестящую точку, которую взор так долго оспаривал у царствующего кругом мрака. Индусы видят более чем богиню в реке, которая орошает их поля и дает им урожаи, которая поит и кормит их: они видят в ней мать. По сказанию легенды, она согласилась сойти на землю только для того, что-

1 J. Long, „Proceedings of the Asiatic Society", 1868.

2 Yiguier, „Progres medical", 12 mai 1877.

бы омыть и очистить смертные остатки предков царя Бхагирати; но исток её остался на небесах, и в её чистых водах весело плещутся бессмертные небожители. Когда поток её излился с неба, бог, могучий богатырь Сива, головой и плечами которому служат вершины и скалы Гималая, один мог сдерживать на себе тяжесть великой реки, «ниспадающей с его чела, как жемчужное ожерелье, нить которого порвалась в небесной выси»[1].

Нет места на берегах Ганга, которое не было бы священным, и самое имя реки, произнесенное с благоговением, будь то за сотни верст от её течения, достаточно, чтобы смыть грехи, содеянные впродолжении одного или даже нескольких предшествующих существований. Пилигримы наполняют божественною влагой маленькие пузырьки, которые затем укладывают в две корзины, украшенные павлиньими перьями и соединенные бамбуковою тростью; нагруженные этою ношей, на манер овернских носильщиков, они странствуют по всей Индии, продавая по дорогой цене священную воду[2]. Таким образом, богатые индусы могут пользоваться неоценимою привилегией очищать себя святою водой; кроме того, во всех частях Полуострова народное суеверие указывает, как на подземные рукава Ганга, на ключи, бьющие из скалы. Но полная святость может быть приобретена лишь паломничеством на берега «матери Ганги», в особенности так называемой *прадакшиной*, которая состоит в хождении, впродолжении шести лет, по берегу Ганга, от истока к устью и от устья к истоку. На этом длинном пути местами священными по преимуществу, естественно, считаются те, которые указаны слияниями рек, уединенно высящимися скалами, крутыми поворотами течения, ущельями и теснинами; тут омовение в священных водах имеет всю свою очистительную силу. Пилигримы останавливаются в этих местах на более или менее продолжительный срок, купцы открывают торговлю, и города выстраиваются вокруг храмов.

После Янтсекианга, священный Ганг, по своему экономическому значению, есть, бесспорно, самая важная река во всем свете. Почва, которую обработывают сто миллионов жителей её бассейна, одна из самых плодородных и производит в изобилии сельско-хозяйственные продукты всякого рода; города их—богатые и промышленные; суда толпятся тысячами у подходов к рынкам. До недавнего времени могучая река и каналы её дельты были единственными торговыми путями в Бенгалии, и хотя железные дороги отняли теперь у Ганга значительную долю его торговли, тем не менее, эта река и до сих пор остается одною из самых оживленных и наиболее посещаемых судами в целом мире. Один только город Калькутта получает ежегодно с внутренних пристаней на сумму свыше 400 миллионов франков различных произведений и товаров, привозимых на судах; иной прибрежный городок видит ежедневно по несколько сот судов, проходящих перед его набережными; годовое движение грузов в портах гангесской дельты нужно исчислять миллионами тонн. Без сомнения, Ганг не может сравниться с Гудсоном, с Миссисипи, с Темзой по размерам пароходства, но нигде, разве только на реках Китая, не увидишь такого несметного множества мелких парусных и гребных судов.

На запад от нижнего Ганга самая важная река—Дамуда, очень опасная для прибрежных жителей, по причине её частых наводнений, но тем более почитаемая дикими населениями окружающих холмов. В один из своих разливов, в 1757 году, Дамуда, открыв себе новое русло к югу, направилась прямо к лиману Ганга; старое русло, которое соединяло ее с Хугли, в том месте, где этот рукав сохранил свой речной характер, совершенно покинуто с 1762 года[3]. В области верховьев Дамуды и её притоков возвышаются единственные массивы высот Бенгалии в собственном смысле, которые продолжают, под разными именами, систему гор Виндиа, но отличаются от них геологическими формациями. Песчаники, которыми оканчиваются на востоке плоскогорья Багалканда, заменены здесь метаморфическими и каменноугольными горными породами; только несколько уединенных групп или даже простых каменных глыб свидетельствуют о древнем протяжении гряд цепи Виндиа. Выше большого изгиба

1 „Рамайяна", песнь I.

2 G. Roberts, „De Delhi a Bombay", april 1868.

3 Fergusson, „Proceedings of the Geological Society".

Ганга, Раджмагальские горы состоят из базальтовых траппов, происхождения гораздо более нового, чем лавы Деканского нагорья; и в одном месте, в тридцати пяти километрах к юго-востоку от Кольгонга, показывают маленькие трахитовые и порфировые конусы, которые, вероятно, были ядром древних огнедышащих гор[1]. Несмотря на очень близкое расстояние от самых многолюдных областей Индии, холмы, лежащие к западу от линии железной дороги из Бардвана в Патну, принадлежат к наименее известным местностям Полуострова и к таким местностям, где города и местечки чрезвычайно редки. Лютые звери, тигры и дикие слоны, сделали некоторые округа этой области почти необитаемыми; в прогалинах джунглей, окружающих гору Параснат, поселяне отправляются на полевые работы не иначе, как многочисленными партиями и с барабанным боем, чтобы не подвергнуться нападению свирепых обитателей лесной чащи[2]. Однако, туземцы этих гористых местностей способствуют своею долей труда приращению богатств Бенгальского края; так, они приготовляют *кашу* или *катеху*, смолистый сок из индийской акации (acacia catechu), собирают белый растительный воск и снимают на ветвях некоторых деревьев красную камедь, выделяемую лаковым червецом (coccus lacca).

Почти все населения, живущие в равнинах Ганга и находящиеся между собою, благодаря легкости сообщения по речному пути, в постоянных торговых сношениях, могут быть причислены, взятые в целом, к цивилизованному человечеству, каково бы, впрочем, ни было различие их происхождений—арийского, дравидийского, коларийского, индокитайского. Однако, еще существует в гангесском бассейне некоторое число племен и каст, частью порабощенных, частью относительно независимых, которые сохранили свои отличительные расовые черты, не принимая внешних признаков цивилизации, индусской или магометанской. Между этими народцами есть такие, которых можно назвать дикарями или варварами; оттесненные чужеземными нашествиями, которые, в течение веков, следовали одно за другим в области равнин, эти племена удалились или в болотистые леса, которые тянутся длинною полосой вдоль подошвы Гималая, или в массивы холмов, которые Ганг огибает в своем нижнем течении. Некоторые другие племена, подобные европейским цыганам, избегают опасности своею бродячею жизнью, т.е. непрерывным бегством. Наты, канджары, бадиахи, базигары, как называют этих цыган гангесской Индии, устраивают себе временные селения, состоящие из групп деревянных шалашей, покрытых рогожами и древесною листвой; края дороги служат пастбищем их животным; сами они питаются разною дрянью, даже падалью, когда их тысяча ремесл—фокусников, престидижитаторов, показывателей медведей и обезьян, лошадиных барышников, гадальщиков—оказываются недостаточными для доставления им обилия благ земных. Подобно своим европейским братьям, они всегда умеют обеспечить свою безопасность, благоразумно держась в стороне от всякого движения политического или религиозного. Туземные государи не имеют подданных более верных, чем эти бродячие инородцы, религия которых всегда та же самая, что и господствующая вера страны: магометане по большей части, потому что властителями края были мусульмане до недавнего времени, они, кажется, не имеют в действительности другой религии, кроме погони за общим благоденствием племени.

В Ауде и далее к востоку, вдоль границ Непала, племена бхар, тару, приписывающие себе раджпутское происхождение, и другие народцы живут разбросанными группами, которые не имеют никакого сообщения с цивилизованными обитателями равнины и которые защищены своими болотами от всякого нападения. Но некоторые другие племена, которые не могли убежать от завоевателей, были обращены ими в тяжелое состояние рабов, или поставлены вне всякой касты, как отверженные парии. Так, например, кории и чамары, которым позволяют в городах заниматься некоторыми родами промышленности, ткацким и кожевенным ремеслом, остались крепостными в деревнях; они, по-прежнему, обработывают почву

1 Ball, „Jungle Life in India"; Medlicott and Blanford „A Manual of the Geology of India".

2 „Records of the Governement of Bengal", XXXVIII, 1861; Ball, „Jungle Life in India".

для своих господ, браманов или раджпутов, хотя законы оффициально провозгласили их свободу. На основании этих законов, они, конечно, имели бы право прибегнуть к защите судов; но какая им от этого была бы польза? Презираемые всеми, они не могли бы уйти из логовищ, которые они занимают, рядом с свиными хлевами, в отдельном квартале деревни, без того, чтобы их не прогнали отовсюду, как нечистых животных. Другой народец, пасии, тоже, как полагают, происходящий от прежних властителей края, занимает более высокое место между жителями Ауда; это племя на половину объиндианилось, и оно-то доставляет правительству наибольший контингент лиц, употребляемых для службы в качестве чинов сельской полиции. В Ауде один миллион людей причисляется к первобытному, коренному населению края.

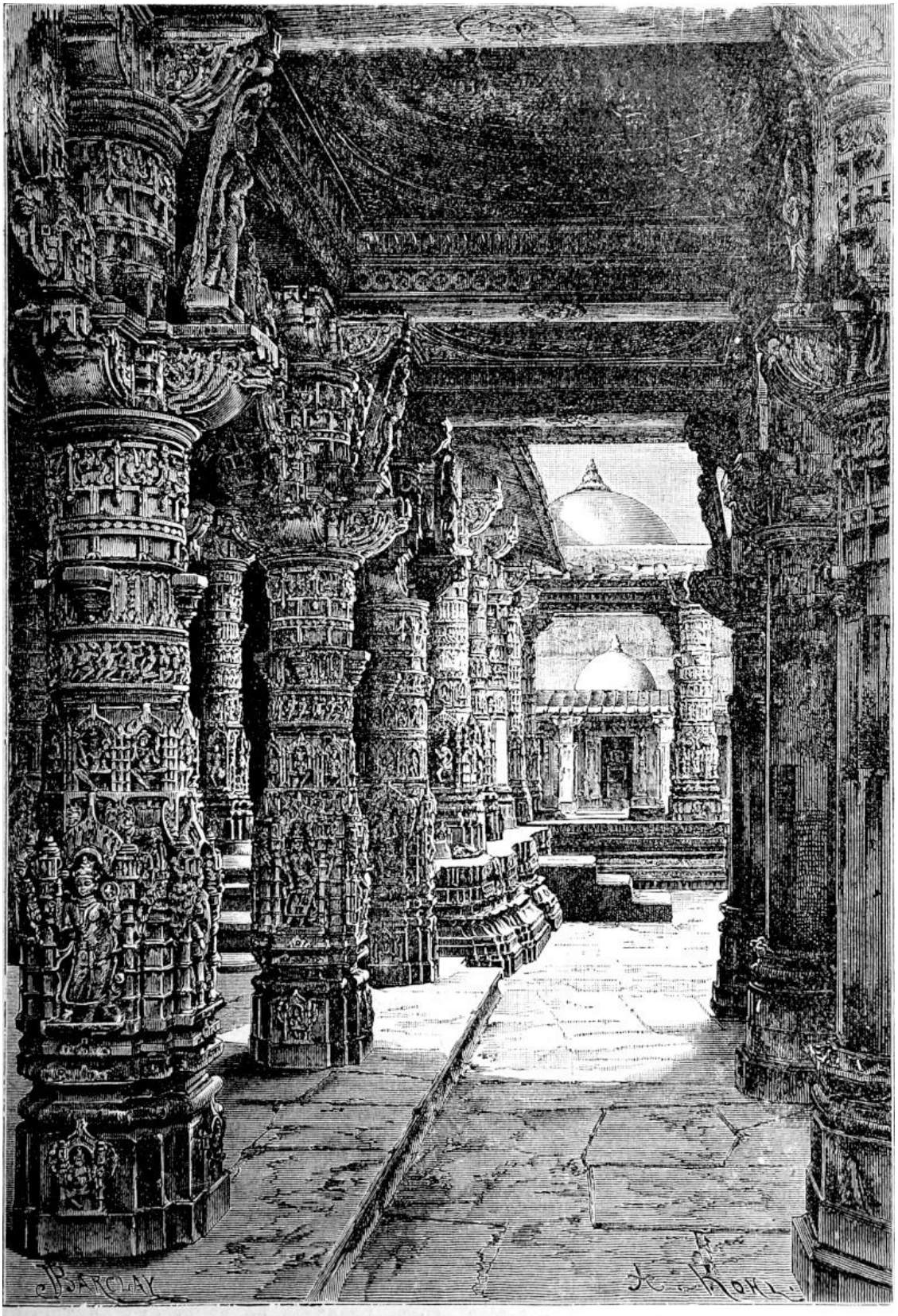
Эти первобытные обитатели или аборигены еще более многочисленны в провинциях Бенгалии; там их насчитывают более трех миллионов, не включая в это число лиц, принадлежащих к низшим кастам, которые представляют собою древние расы страны, разнообразно смешавшиеся с индусскими завоевателями. Благодаря массивам холмов, окруженных джунглями и лесами, которые возвышаются на юг от Соны и Ганга, многие племена нашли себе безопасное убежище и удержались до наших дней, если несвободные, то, по крайней мере, уважаемые своими соседями. Так, малеры или пахарии, называемые англичанами Hillmen (жители холмов), которые населяют, в числе около 400.000 душ, возвышенные долины Раджмагальских гор и окружающих массивов, в южном направлении до Монгира, пользовались еще политическою независимостью в половине настоящего столетия, и англичане посылали против них в разное время несколько военных экспедиций, которые, однако, не имели успеха и должны были ограничиться обходом джунглей да выжиганием деревень. Но чего не могла сделать сила, то было достигнуто хитростью. Начальники колен пахариа, осыпанные подарками, сделались пенсионерами английского правительства, и отныне территория их отграничена точным образом: каменные межевые столбы, поставленные у выхода долин, указывают границы этого племени, и туземцы, которые спускаются со своих гор, являются уже не в качестве врагов, а в качестве мирных торговых людей. Впрочем, пахарии далеко не дикари. Они очень тщательно строют свои хижины из бамбуковых стволов и убирают их внутри резною мебелью, украшают подходы к ним; их сады и поля содержатся в большом порядке и обыкновенно дают хороший сбор плодов, достаточный не только для собственного пропитания, но и для поддержания маленькой отпускной торговли; хотя и торговые люди, пахарии, однако, отличаются безукоризненною честностью: «лучше умереть, чем обмануть»—гласит одна из их пословиц. Так же, как большинство племен Ассама и Индо-Китая, пахарии имеют в своих деревнях род общественного дома, где все молодые люди живут вместе. Перед жилищами и возле священных деревьев посажены высокие бамбуки, чтобы удалять злых духов, которые летают по ночам, пользуясь отсутствием Солнца, великого бога вселенной. Большинство антропологов видит в пахариях дравидийцев, родственных дравидийцам южной Индии; во всяком случае, они родственны им, по крайней мере, по языку, который имеет близкую связь с южными наречиями[1]. Утверждают, но без доказательств, что пахарии быстро уменьшаются в числе, и что они исчезают мало-по-малу[2]; но ошибки народной переписи, происходящия, главным образом, от перемены имени колен и их кланов, слишком часты, чтобы можно было допустить, как несомненный факт, вырождение племени.

Санталы или сонталы, в числе, быть может, двух миллионов душ, живут тоже в Бенгалии и Бехаре и населяют преимущественно долины и первые скаты равнин у подошвы гор, занятых племенем пахариа; отсюда и произошло название Даман-и-Кох, или «Подгорье», которое дают части их территории, прилегающей к Раджмагальским холмам. Санталы по природе довольно склонны к кочевому образу жизни; хотя земледельцы, они, однако, любят менять место жительства; как только обработываемая ими почва начинает оскудевать, они от-

1 Dalton, „Ethnology of Bengal"; H. Bickerstaffe Rowney, „The wild Tribes of India".

2 Caldwell, „Dravidian Languages".

правляются искать в джунгле других, еще нетронутых сохой, земель, и поселяются на новом месте. Во многих округах, особенно в области Даман-и-Кох, где в 1790 году было всего только 3.000 представителей этого племени, а пятьдесят лет спустя их уже насчитывалось слиш-



Внутренній видъ Джайнскаго храма.

ком 200.000 душ, наибольшая часть почвы уже распахана и занята под плантации, вследствие чего санталы поневоле сделались оседлыми, но чтобы быть в то же время рабами, прикрепленными к земле; ни одному населению Индии не приходилось больше страдать от по-

рядка землевладения, введенного в крае монгольскими завоевателями и англичанами. Обремененные податями и налогами, собираемыми в пользу больших ленников, притесняемые на всевозможные лады агентами фиска и другими посредниками, разоряемые безбожными ростовщиками, санталы, по крайней мере большинство их, живущие в соседстве с индусскими селениями, скоро очутились в положении полного рабства; даже для прокормления себя с семьями, для покупки хлеба, им нужно было обращаться к ростовщику, закладывать вперед, под 33 процента в год, продукт своего собственного труда и труда своих детей. Тщетно обращались они к английским судам с просьбою возвратить им владение их землей и их свободой; их жалобы не были выслушаны. Тогда они решились спуститься массой к Калькутте, чтобы идти просить правосудия у вице-короля. 30-го июня 1855 года восточные санталы, те, которым приходилось всего больше страдать от ростовщиков и непомерных налогов, выступили в поход, с женами и детьми, предшествуемые своими герольдами, бившими в барабаны: один только авангард поднявшихся племен состоял из тридцати тысяч человек. Военная процессия, предшествуемая толпой индусских беглецов, спустилась довольно далеко в равнину, грабя на пути плантации ростовщиков и предавая пламени их дома. Правительство поспешно собрало войска и послало их против петиционеров. Это была не война, а гнусная резня, о которой ни один английский офицер не мог рассказывать без стыда[1]. Санталы, торжественно заявляя, что они не питают никакой вражды к англичанам, а только к закабалившим их ростовщикам, приняли, тем не менее, битву; но что могли поделать их стрелы против меткого огнестрельного оружия сипаев? Все время, пока раздавался бой их барабана, они давали убивать себя, не прося пощады; во многих деревнях не оставалось больше ни одного человека на ногах, когда туда проникли войска компании. После чудовищного побоища, англичане надумались, наконец, разобрать жалобы санталов и дать им некоторое удовлетворение. Земли были возвращены тем, которые их возделывали, некоторые договоры, заключенные с ростовщиками, были разорваны, и рабство или крепостное состояние, которое до того времени было терпимо английскими судьями, торжественно отменено, но чтобы быть потом, слишком часто, восстановляемым под другою формой. Железная дорога, проникая в страну санталов, где народонаселение достигло чрезмерной густоты, вследствие постоянного перевеса числа рождений над числом умирающих, призывала работников десятками тысяч; чайные плантаторы Ассама подряжали рабочих для своих плантаций: даже с островов Св. Маврикия и Соединения крупные землевладельцы делали желающим наняться к ним самые заманчивые обещания, которые почти всегда должны были, в конце концов, привести навербованных таким образом рабочих к состоянию настоящего невольничества. Очень склонные в перемене места, санталы охотно эмигрируют; тысячи мужчин ежегодно спускаются в равнину, чтобы наниматься в работники, впродолжении одного сезона или впродолжении целых годов; другие соглашаются даже покинуть отечество и отправиться на заработки в чужие края, но очень немногие из них возвращаются в свою родную деревушку.

Национальный тип этого племени—один из самых замечательных между типами народностей, населяющих Индию. Санталы не имеют такой тонкости черт, как бенгальцы, но они превосходят их силой и, сверх того, отличаются красотой, которую обыкновенно придают человеку прямодушие и мужество; вообще, лицо у них широкое, скулы выдающиеся, губы немного толстые, лоб плоский, голова круглая; наружность их свидетельствует о телесной силе и здоровье. Живые, проворные, всегда веселые, очень добродушные, они, к сожалению, привыкли относиться недоверчиво к иностранцам или иноплеменникам, и прибытие индуса в их край пугает их «больше, чем присутствие леопарда или тигра»; однако, они всегда хорошо принимают путешественника, и перед каждым домом находится почетное сиденье, называемое «скамьей странника», куда прохожие, каковы бы ни были их раса, цвет кожи, религия, приглашаются присесть и воспользоваться семейным гостеприимством. Не имея ремесленников своей расы, они принуждены были пригласить к себе кузнецов, ткачей и других

1 Hunter, „Annals of Rural Bengal".

мастеров чужого племени, но они обращаются с этими переселенцами как с людьми своих собственных колен и кланов, допускают их, посредством брака, в свои семейства, и мало-помалу эти пришельцы индусы приобретают полную натурализацию. Из двенадцати племен или колен санталов семь сохранились почти в первобытной чистоте, без всяких кастовых предразсудков; но народцы, живущие в соседстве равнин, уже на половину индианизировались и мало-по-малу, усвоивая себе нравы и обычаи бенгальцев, утрачивают свое достоинство свободной нации, чтобы снизойти на степень полукаст, образовавшихся из помесей, которые находятся в презрении у чистокровных индусов. Язык, которым говорят санталы, принадлежит к коларийской группе, которая отличается своими агглютинативными формами. Из всех идиомов этого семейства, сантальский—самый развитый; он, повидимому, заимствовал много корней у санскрита, но, взамен того, и сам дал ему много своих, и полагают даже, что именно из сантальского диалекта «божественное письмо» взяло некоторые из своих согласных букв[1]. Однако, сантальское наречие не имеет литературы, ни даже собственной, вполне ему принадлежащей, азбуки; несколько книг духовного содержания, написанных миссионерами, да переводы Библии составляют до сих пор все литературное достояние этих туземцев; в школах они учатся языку своих ненавистных угнетателей, бенгальцев.

Семейный союз очень крепко организован у санталов. Браки не решаются заранее родителями, как у индусов; молодые люди свободно делают свой выбор, но всегда в другом клане, а не в своем; вмешательство отца имеет место только для формы, чтобы исполнить правила, установленные обычаем относительно вступления чужой женщины в среду племени. Многоженство не запрещено, но редко случается, чтобы сантал воспользовался этим правом; национальные правы позволяют ему это лишь в том случае, если первая супруга бесплодна. Разводы у них редки. Уважение, которое санталы оказывают женщинам, обнаруживается особенно их привычкой к щегольству и опрятности; мужчины любят наряжаться и украшают себя цветами, перьями, кисточками из какой-нибудь материи или из конского волоса; они обвешивают своих жен и дочерей разными металлическими украшениями, самые бедные—железными, те, кто посостоятельнее, кто успел сделать кое-какие сбережения,—медными или даже серебряными. Дома, стоящие отдельно один от другого по обе стороны «пути семейств» и раскрашенные чередующимися полосами красного, черного и белого цветов, содержатся очень опрятно; скотный двор и птичник всегда помещаются в стороне. Каждая семья имеет свой особенный культ, обряды которого совершаются сообща, под управлением главы семейства; на смертном одре отец открывает старшему сыну имя своего бога и тайные слова, которыми он взывал к нему, затем, умирая, он сам переходит в сонм божеств со всеми предками их рода. Последний и священнейший долг, который старший сын или ближайший родственник обязан отдать усопшему, состоит в том, чтобы, по предании тела сожжению, отнести три куска черепа на берег Дамуды, священной реки, и погрузить эти смертные останки в святую воду, дабы они присоединились там к костям предков. Когда сантала пожрет лютый зверь, то ближайший родственник погибшего, лишая себя пищи и сна, ходит по следам животного до тех пор, пока ему не удастся отыскать какой-нибудь остаток жертвы, который он тотчас же и относит в воды святой реки.

Племенной патриотизм так же сильно развит у санталов, как и семейный дух. Вступление молодого человека в клан обставлено специальными церемониями, и старики объясняют ему его обязанности в отношении общины. Проступки против чести, преступления влекут за собою исключение из клана, т.е. гражданскую смерть; в обыкновенных случаях виновный может выкупить свое право гражданства, но в случаях важных ему не остается ничего более, как взять свой лук и стрелы и бежать в джунгль, откуда он уже никогда не возвращается. Временное лишение прав и исключение из общины—вот два единственные средства управления для сантальских племен; английские администраторы поняли, что вся их полиция, проникая в эти племена, повела только к внесению путаницы в понятие о праве у туземцев и к ослаблению влияния «отцов» и представителей, которых санталы сами избирали из сво-

1 P. W. Ellis, „Preface to Campbell's Telugu Grammar"; Hunter, „Annals of Rural Bengal".

ей среды. Миссионеры, католические и протестантские разных сект, поселившиеся в сантальской земле, имели в своих попытках обращения в христианство больше успеха, чем их собраты в индусской стране, но главная масса нации по-прежнему остается очень привязанною к своему древнему культу. Несколько раз в году поселяне собираются под тенью шореи (shorea robusta), национального дерева по преимуществу, чтобы плясать хороводом и петь гимны в честь своих предков, которые, по их верованию, смотрят на эти поминки с высоты ветвей; они приносят им в жертву петухов, коз или также красные цветы или плоды, которые своим цветом дают предкам иллюзию крови. Такия же жертвы они приносят солнцу и «Великой Горе», божеству, которое часто смешивается с Сивой, богом снеговых гор, и культ которого, быть может, указывает на древнее пребывание нации в какой-нибудь возвышенной долине Гималая. Санталы чтут также слона, как покровителя их племен, и матери любят класть своих детей у ног этого великана животного царства, прося его благословить их[1]. Племена коль и хонд обыкновенно величают слона «бабушкой».

Ораоны или дангары, т.е. «горцы», другое туземное племя округов Чота-Нагпор, по расе и языку принадлежат к дравидийской семье, как и пахарии, и говорят о себе, что пришли вместе с ними из Западной Индии; сами себя они называют хуруками. Между ними-то набираются, главным образом, рабочие, употребляемые в публичных работах Бенгалии, и кулии, нанимаемые плантаторами отдаленных колоний. Ораоны, общее число которых определяют, приблизительно, в 600.000 душ и которые делятся на множество кланов, имеющих каждый свой особенный *тотем*, или символическое животное, называют себя «трудовым племенем», и им доставляет удовольствие дать доказательство своей силы и сметливости в работах, которые им поручают; очень простодушные, они забавляются всякою безделицей, весело пляшут и смеются до упаду, чтобы отдохнуть от трудов: возвращаясь с поля, все с венками на голове, они держат друг друга за талию и покачиваются с боку набок, распевая песни, чтобы идти мерным шагом[2]. По большей части дангары составляют резкий контраст с индусами своею некрасивою наружностью: цвет кожи у них черный, нижняя челюсть выдалась вперед, губа толстая, лоб низкий и узкий, волоса длинные и слегка курчавые, часто напомаженные коровьим калом, и вдобавок самый род их занятий обрекает их на нечистоплотность; тем не менее, однако, они очень любят украшения и татуируют себе различные части тела. Почти везде жилищем служат им простые землянки; главное здание деревни—дум-хариа, или «мальчишник», в котором молодые парни упражняются во всех играх, требующих силы или ловкости. Многие обычаи ораонов приближают их к санталам; подобно этим последним, они поклоняются солнцу, духам, предкам, предают, в жертву им, закланию мелких животных и приносят им разные дары; так же, как и санталы, они позволяют своим детям вступать в брак по собственному выбору, но только не с односельчанами, и предоставляют женщине большую долю влияния. Когда две молодые девушки заключают между собою вечный сестринский союз, они обмениваются ожерельями, в присутствии свидетелей, и до конца своих дней называют одна другую не иначе, как «мой цветок» или «моя улыбка»[3].

Некоторые другие племена обитают на плоскогорьях, лежащих к западу от дельты Ганга; таковы мунданы, которые близко подходят к орисскому племени коль, и карвары, родичи санталов, бродящие в лесах, на юге от реки Соны, и частью живущие дикими плодами и корнями, которые они оспаривают у обезьян: но большинство первобытных народцев (аборигенов) на-половину объиндианилось или даже отличается от индусов только более низким социальным положением, которое им присвоено в иерархии каст[4]. Чандалы, самая презренная индусская каста, заключающая в своих рядах слишком полтора миллиона лиц, очевидно, происходит от тех древних владетелей страны, которых арийские завоеватели называли с презрением дасиасами,—именем, которое теперь сделалось, в немного измененной форме,

1 Hunter, „Annals of Rural Bengal".
2 W. Luther; Dalton, „Ethnology of Bengal".
3 Dalton, цитированное сочинение; H. Bickerstaffe Rowney, „The wild Tribes of India".
4 Ball, „Jungle Life in India"; „Journal of the Asiatic Society of Bengal", XXXVI

одним из самых обыкновенных в Бенгалии фамильных названий[1]. Раджбанси или пали, которые говорят наречием, близко подходящим к бенгальскому языку, мальда, коч и другие касты земледельцев, еще более многочисленные в бассейне Брахмапутры, чем в бассейне Ганга, тоже принадлежат к туземной расе и, вероятно, имеют родственную связь с барманскою группой; точно также хлебопашцы буя, рыбаки багди, носильщики паланкинов бари, кожевники мучи суть представители древних коренных населений или аборигенов. Им приписывают многие религиозные обычаи, чуждые арийцам, и между прочим, те человеческие жертвоприношения, вывести которые стоило такого труда английской полиции. Кровавый культ Сивы и Кали требовал отборных жертв, и до 1866 года в честь их были приносимы в жертву молодые люди, в Джессоре, в Дакке и в лесах области Чота-Нагпор. На берегах рек предание еще указывает места, где жрецы проливали человеческую кровь[2]. Теперь, кажется, уже не бывает таких ужасов в Бенгалии, но сколько еще сохранилось религиозных обрядов не-арийского происхождения, которым браманы еще обязаны подчиняться, или заклиная злых духов, скрывающихся в лесах, или принося пригоршни земли в дар полевым божествам! Под новыми названиями продолжают существовать все те же старые культы и верования.

Индусский элемент, чисто арийского происхождения, как кажется, всего сильнее представлен, по численности, в Аудской провинции. Браманы, люди свободных профессий, промышленники или земледельцы, составляют там, по меньшей мере, восьмую часть населения; раджпуты и представители воинственных каст, присвоивающие себе название кшатриев, владеют там большею частью больших поместий, где они чествуют своих гостей англичан с пышностью по истине царскою; каясты, «умные, хитрые и фальшивые, как византийцы восточной Римской империи»[3], сделались, «писателями» по преимуществу, и действуя за-одно с вайсиями, овладели всею торговлей; землепашцы агир или гопа, потомки пастухов, хвастаются своим знатным происхождением, утверждая, что они принадлежат к той же самой породе, как и бог Кришна; курми, первые хлебопашцы, поселившиеся в стране, и мурао, составляющие, вместе с агирами, массу нации, тоже выдают себя за индусов несмешанной расы. Те из арийцев, которые спустились в низменные равнины Ганга в эпоху первоначальных народных переселений, равным образом претендуют на чистоту крови: так же, как колонисты всякой расы, они приписывают себе, более высокую родовитость, чем какая принадлежит им в действительности; они величают себя «сугубо благородными», подобно тому, как потомки первых английских эмигрантов в Виргинии все принимают самопожалованный ранг «кавалеров», или как ост-индские англичане все без исключения украшают свою фамилию титулом «эсквайра». Но как нобльмены Великобритании не признают за «дворянами» Австралии и Канады равенства ранга, так точно и аудские браманы, особенно кануджеи, или браманы Каноджа, древней индусской столицы[4], считают бенгальских браманов гораздо ниже себя по общественному положению и даже по религиозным привилегиям. До сих пор еще кануджеи упорно отказываются есть с ними за одним столом, и любой вор из уроженцев Аллахабада или Бенареса стоически перенесет в своей тюрьме наказание кнутом скорее, чем согласится проглотить хоть одно зерно риса, приготовленного каликутским браманом. Еще недавно чистокровный ариец из Ауда, будь то даже простой земледелец, не мог вступить в законный брак с бенгальскою браманкой, как бы ни был богат её отец; прижитые от неё дети считались бы незаконнорожденными[5]. К этим именно странам, где преобладают браманы, индусы по преимуществу, в верхних равнинах Джамны и Ганга, завоеватели Великие Моголы применили специальным образом название Индустана, распространенное впоследствии на все без исключения земли, где говорят индусскими наречиями и исповеду-

1 Hunter, цитированное сочинение.
2 Walter S. Sherwill, „Report upon the Bhaugirnthee River".
3 Elliot, „Castes of the North-West Provinces".
4 Campbell, „Ethnology of India".
5 Hunter, „Annals of Rural Bengal"

ют индусские религии, т.е. на весь Полуостров по сю сторону Ганга[1].

Магометане, столь многочисленные в северо-западной области Индустана, составляют меньшинство населения в бассейне Ганга, хотя они были некогда политическими господами на этой покатости Индии, и хотя они часто пользовались своею властью, чтобы обращать в ислам своих подданных, отдавая приказы об обрезании их массами. В верхних пригангских равнинах мусульмане составляют лишь седьмую, а в Ауде, стране индусской по преимуществу, лишь десятую часть общего числа жителей; немного более многочисленные в Бехаре, они почти совсем не встречаются в области Чота-Нагпор, где преобладают туземные элементы, жившие там еще до прихода арийцев; но в собственной Бенгалии они снова приобретают значительную численную важность. В этом отношении всеобщая перепись 1872 года была своего рода неожиданным откровением. Английские правители с удивлением узнали, что в одной только Бенгальской провинции их мусульманские подданные превосходят числом подданных константинопольского султана в Европе и Азии. Около трети жителей Бенгалии принадлежат к исламу. Правда, что магометане этой части Индии далеко не походят на мусульман Аравии; во многих округах они даже не знают самых простых формул своей религии, и, разделенные на касты, подобно индусам, совершая те же самые церемонии в святилищах, они отличаются от своих соседей единственно соблюдением обряда обрезания. Но в это последнее время большое движение религиозного пробуждения установило более крепкую связь между мусульманскими жителями Бенгалии. Странствующие проповедники, приходящие, по большей части, из северных провинций, отвлекли своих единоверцев от индусских капищ и преподали им существенные догматы и правила своей религии. Дух солидарности магометан Бенгалии с магометанами остальной Индии и других частей света усилился: они знают теперь, чего не знали еще недавно, как велика важность их религиозной и политической роли между народами земного шара, и хотя разделенные тоже на касты, они, однако, представляют тело относительно объединенное, сплоченное, в сравнении с раздробленностью индусского общества, распадающагося на тысячу ничем не связанных между собою фракций. При том же различие занятий может только поддерживать и даже увеличивать контраст между последователями отдельных религий. Так, в Бехаре и в Ауде мусульмане принадлежат, по большей части, к высшим классам общества; в Бенгалии они соединены преимущественно в общины земледельцев, тогда как служащие и ремесленники почти все индусы. Во многих округах даже существуют неоспоримые расовые различия. Так, в Рохильханде, на юге от Кумаона и Непала, рохильцы, или рогильцы, прежние властители края, суть чистые афганы, и большинство других магометан страны, саиды, шейхи, «монголы», патаны, тоже иноземного происхождения, по крайней мере, по своим представителям мужского пола, потомкам соратников султанов Махмуда, Бабера и Акбара.

Магометанскому же влиянию обязан своим происхождением и язык, которым говорит большинство жителей в бассейне Ганга. Язык этот, известный под именем индустани, получил свое первое начало в военном стане Великого Могола, в Делийской орде или *урду*: отсюда и название урду, «ордынская речь», которым он обыкновенно обозначается: но из простого лагерного наречия, из грубого *сабира*, как говор франко-арабов, индустани вскоре сделался настоящим, вполне развитым языком, и благодаря своему неистощимому запасу слов арабских и персидских, легкости, с которою он ассимилирует себе новые слова, гармонии своих созвучий, гибкости своей фразеологии, которая позволяет ему иметь всякую желаемую пространность или краткость, он мало-по-малу вытеснил многие индусские диалекты, нисшедшие теперь на степень областных наречий; им даже говорит большее число людей, чем бенгальским диалектом (бенгали), употребляемым сорока-пятью миллионами индусов; как язык образованный, он имеет перевес над всеми родственными идиомами, каковы панджаби, синди, гуджарати, марати, непали. Он унаследовал то влияние, каким некогда пользовался язык пали в цивилизации Востока. Впрочем, несмотря на сильную примесь арабских и персидских терминов, число которых простирается, в некоторых сочинениях, до трех

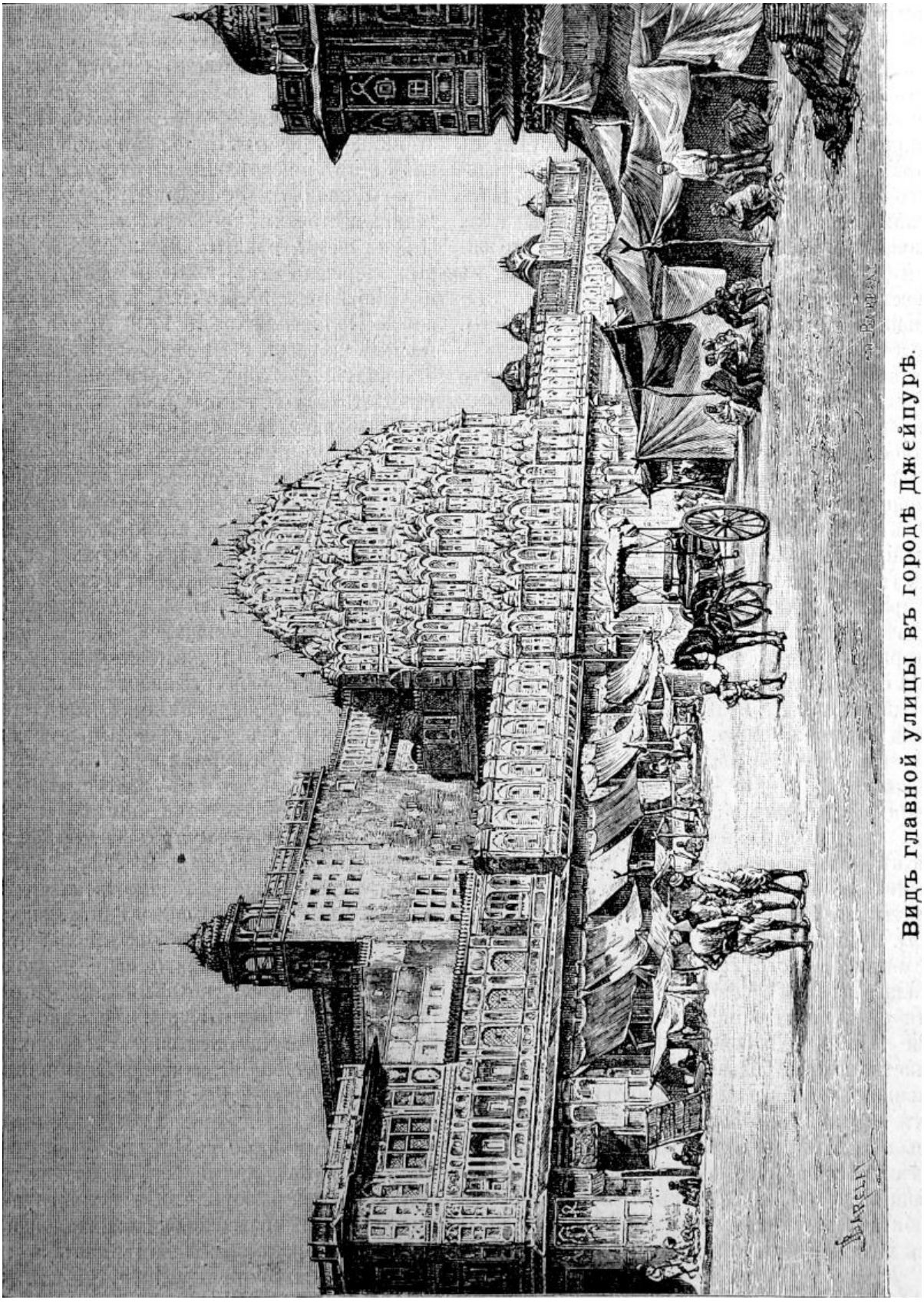
1 Rennel, „Memoir a map of Hindoostan".

пятых всего запаса слов, урду остается, тем не менее, индусским диалектом по своему грамматическому строю, по окончаниям слов и по конструкции предложений. Точно также наречие бенгали сохраняет свой характер индийского языка в судопроизводстве, где оно смешано на одну треть с иностранными терминами, по большей части английскими. Индустани, хотя он произошел от наречия инди или гинди, вообще употребляет персидские письменные знаки, точно это язык не национального, а иностранного происхождения; но он может быть воспроизведен «божественными буквами» так же легко, как и словесные произведения других языков Индустана, происшедших от санскрита[1].

Уже более столетия англичане управляют непосредственно нижними областями гангского бассейна. С 1769 года были назначены в каждой провинции специальные агенты для наблюдения за исправным поступлением налогов и для изменения, по мере надобности, их раскладки. С той эпохи в местной администрации были произведены большие перемены. Старинные общинные учреждения, мало отличавшиеся от великорусского мира, почти совершенно перестали существовать, по крайней мере в Бенгальской равнине, под господством нового порядка землевладения, введенного англичанами. В прежнее время каждая деревня составляла одно «братство», владевшее сообща лесами, пастбищами и выгонами и распределявшее пахатные земли между всеми своими членами, давая каждому участок, который он должен был обрабатывать в течение года, для производства риса или других хлебов, индиго, овощей или плодов. Несмотря на политические перемены и на обращения из одной веры в другую, совершавшиеся добровольно или по принуждению, маленькая сельская республика сохраняла общинное владение землей и удерживала за собою характер морального или юридического лица в отношении к государству; она сама собирала причитающийся с неё налог, за исправный взнос которого ответствовала круговой порукой всех своих членов, она отправляла все обязанности местной полиции, творила суд между членами общины, видоизменяла по произволу свою внутреннюю организацию. Даже в тех случаях, когда деревня бывала разрушена, она продолжала существовать виртуально, как правоспособный союз; члены «братства», укрывавшиеся в лесах, оставались, тем не менее, соединенными между собою, и часто, после двадцати или тридцати лет такой жизни в изгнании, они, пользуясь совершившимся в крае политическим переворотом, возвращались на родное пепелище, чтобы вновь отстроить свое селение на том же самом месте и снова приняться, без всякого спора с чьей-либо стороны, за обработку полей, которые предание признавало их неотъемлемой собственностью[2]. Сменив прежних властителей страны, как верховный владелец земли, английское правительство почти везде изменило феодальную зависимость земель в пользу генеральных откупщиков, а в 1798 году оно даже совершенно отказалось от владения землей в пользу концессионеров, принявших на себя обязательство вносить в казну определенную сумму поземельного налога. Некоторые государственные имущества были проданы или уступлены частным лицам в полную собственность; большая часть имений была передана *заминдарам*, *талукдарам*, или арендаторам. за известную ежегодную ренту; в бывшем Аудском королевстве вся страна разделена таким образом между 256 индивидуумами. Заминдары, в свою очередь, сдали землю второстепенным арендаторам или отдают ее в оброчное содержание агентам, которые сами не земледельцы в настоящем смысле слова, а обрабатывают почву руками райев; таким образом целый ряд посредников захватывает в свою пользу львиную долю земледельческого продукта; даже в том благоприятном случае, когда будущий труд крестьянина не принадлежит заранее владельцу земли, даже когда необходимый ему для прокормления себя с семьей запас риса не был приобретен заимообразно у ростовщиков, под обычный годовой процент пятьдесят за сто[3], и тогда он должен платить тройной или четверной налог под-арендаторам заминдаров. В большой части округов райи не обеспечены даже относительно права пребывания на обработываемой ими земле. Правда,

1 Pajendrallala Mitra, „Indo-Aryans".
2 Long, „Village communities in India and Russia".
3 Hunter, „Imperial Gazetter of India"

что, в силу предания, постоянное жительство в одном месте впродолжении двенадцати, двадцати или тридцати лет, смотря по провинции, гарантирует крестьянина от произвольного изгнания; но до истечения этого периода времени он находится в полной власти землевла-



Видъ главной улицы въ городѣ Джейпурѣ.

дельца[1], да и после того нищета, иногда даже недостаток необходимого продовольствия или голод заставляет его подчиниться всяким условиям, какие заблагоразсудится господину

1 Richard Temple, „India".

предписать ему. В провинциях верхнего Ганга, которыми английское правительство владеет еще не так давно, как Бенгалией, большое число земледельческих общин еще сохранило свое старинное устройство и образует бхайячара, или «братства», но и там купцы и банкиры, джайны или баньясы, овладели целыми деревнями, население которых они эксплоатируют в свою пользу. Особенно в Бехаре положение крестьянина самое плачевное, и тяжелое бремя неоплатных долгов отдало его в полную кабалу ростовщикам. В восточных и северных округах Бенгалии сельский люд менее терпит нужды и горя, и некоторые из крестьян, особенно между мусульманами, живут даже в довольстве; но и там старинное общинное устройство исчезло, оставив после себя только кое-какие пустые формальности: *пиндаяты*, или «советы пяти», собираются еще кое-где, но их совещания не имеют никакой силы против решения коронных судов или воли землевладельцев. Однако, большая часть деревень назначает еще своего полуофициального советника который обыкновенно избирается в качестве третейского судьи в спорах, возникающих между членами сельского общества. Так велика, вопреки политическим переворотам, живучесть обычаев, основанных на правосознании народа, что жители сельских общин признают вообще, в качестве *мундула*, или наследственного «начальника деревни», человека низшей касты, представляющего в своем лице древних владетелей земли в эпоху, предшествовавшую арийскому нашествию; во время местных праздников они украшают его гирляндами и подносят ему в дар сандальное дерево. В Калькуттской области из 6.000 «сельских старшин» только 15 принадлежат к высшим кастам, 1.300—из средних каст, а большинство, 3.600,—из низших каст[1]. Две тысячи лет господства не дали еще арийцу прав окончательной натурализации.

Две половины Гангской равнины, столицы которых—Дели и Калькутта, резко отличаются одна от другой распределением жителей; с одной стороны, большие городские поселения очень многочисленны, с другой—население, вне главного города, почти исключительно сельское. Провинции Доаба (междуречья, ограниченного Гангом и Джамной), где следовали одна за другою столицы империи, привлекавшие к себе торговлю и промышленность, покрылись сетью городов, где поселялись иммигранты из Персии, из Афганистана, из Бухары, группируя вокруг себя миллионами ремесленников страны. Бенгалия, напротив, осталась страной существенно земледельческою, хотя её столица есть в то же время столица всей Англо-индийской империи. Калькутта—единственный большой город провинции; большинство бенгальцев живет в маленьких деревнях, окруженных группами деревьев. Хотя этот край один из многолюдных во всем свете, путешественник, проезжающий через него, мог бы принять его за необитаемую страну,—так скромно спрятались хижины под густою листвою деревьев.

Оффициальная граница Пенджаба и провинций, называемых «Северо-Западными», хотя занимающих центральную часть индусской равнины,—река Джамна извивается среди полей индийской «Бельгии», где всего чаще решалась, в кровопролитных битвах, судьба династий, царствовавших на севере Индии. Карнал, город, существовавший уже в легендарные времена, когда происходили великия войны, о которых рассказывает поэма Магабгарата, упоминается в истории всех военных походов, начиная с магометанских нашествий; точно также город Панипат, стоящий к югу от Карнала и расположенный, как и этот последний, на старом высоком берегу, покинутом Джамной, которая теперь течет восточнее, прославился в летописях Индии пятью решительными победами, которые одержали там «монголы» Тимура, Бабера и Акбара в 1398, в 1526 и в 1556 годах, персы Надир-шаха в 1739 году и афганцы Ахмед-шаха в 1761 году. Здесь именно, в Панипате, решалась между воюющими армиями участь города Дели, а вместе с тем и судьба всей Северной Индии. Большая столбовая дорога Индустана проходит через Панипат и Карнал; железная дорога прошла восточнее, по средине Доаба, вследствие чего и стратегические пункты переместились в том же направлении. Города Сахаранпур, Деобанд «святой», Музаффарнагар, Мират следуют один за другим с се-

1 Hunter, „Imperial Gazetter of India"; „Official Reports"

вера на юг, на этом железном пути. Мират, славившийся уже во времена буддийского царя Асоки, который воздвиг там один из своих столбов с надписями, перенесенный теперь в Дели, в настоящее время есть один из главных кантонементов англо-индийской армии: здесь, как известно, вспыхнуло в 1857 году страшное возмущение сипаев: однако английские войска могли держаться во все продолжение войны. В 55 километрах к северо-востоку от Мирата, на высоком берегу, господствовавшем некогда над старым руслом Ганга, виднеются кое-какие развалины и кучи мусора: это все, что осталось от древнего «города слонов», Гастинапура, города, который так долго оспаривали друг у друга Куруиды и сыновья Панду. Уже более двух тысяч лет, как воды Ганга, подтачивая и размывая берег, ниспровергли стены этой Трои Индустана.

Дели (Дехли, Дихли. Дили), который тоже был одною из столиц Индии, и на котором в наше время английское правительство остановило свой выбор, чтобы воздвигнуть там императорский трон королевы Великобритании, был много раз разрушаем, как и «город слоновъ», только не наводнениями или размывами берегов, а рукою людей и действием времени. Нынешний город, оффициальное название которого—Шахджаханабад, по имени его основателя, появился в относительно недавнюю эпоху, именно в первой половине семнадцатого столетия, но вокруг его стен, до двадцативерстного расстояния во все стороны, видны руины, принадлежащия многочисленным прежним Дели; пространство, на котором раскинуты древние памятники или груды развалин и кучи мусора, исчисляется в 116 квадр. километров. Из всех этих городов самый древний—Индраспата,основание которого индийская эпопея приписывает Юдиштире; местоположение его еще обозначено стенами Индурпута, находящимися в 4 километрах к югу от нынешней городской ограды: тридцать четыре столетия протекло с той поры, когда сын Панду завоевал этот край у нагов, туземных поклонников священного змея. Уже в течение девятнадцати столетий следовавшие в этом месте один за другим города носят имя Дели. По сказанию легенды, железный столб Раджа-дхавы, уединенная металлическая колонна, обозначающая середину одного из древних городов, покоится на голове короля змей: один неверующий государь, желая удостовериться в подлинности этого чуда, велел выкопать столб, основание которого оказалось окрашенным кровью.

Современный Дели, построенный в форме полукруга, диаметр которого идет вдоль высокого западного берега Джамны и который обращен к юго-западу внешнею дугой своих стен, занимает пространство около 7 квадратных километров; несколько параллельных выступов или рядов скал, прилегающих к северо-западной части городской ограды и последняя гряда которых исчезает на севере под аллювиальными землями берега Джамны, объясняют удивительное счастье и живучесть Дели. В самом деле, тут находится вершина треугольника возвышенностей, ограниченного, с одной стороны, равнинами Ганга, с другой—пустыней Тар и полями, орошаемыми Индом; плоскогорья всей системы гор Виндиа, хотя перерезанные на юге многочисленными долинами, оканчиваются совершенно только на Делийском кряже или гребне (ridge или crest, по-английски); здесь прекращаются все препятствия, которые неровности почвы противополагают движению караванов и армий. Дели занимает, следовательно, как раз то место Индии, где расходятся главные исторические пути Полуострова, к нижнему бассейну Ганга, к горным проходам Гинду-куша, к устьям Инда и к Камбейскому заливу. До постройки больших дорог, Дели был важнейшим стратегическим пунктом всего Северного Индустана, и потому естественно, что столицы должны были возрождаться там после каждой катастрофы или периода упадка вследствие перенесения резиденции в другой город; в наши дни он сделался главным складочным местом торговли и центральною станцией железных путей между тремя крайними пунктами,—Калькуттой, Пешавером и Бомбеем. Даже местная гидрография свидетельствует о роли Дели как посредника между востоком и западом Индии. Выше города, Джамна делится на две ветви, из которых одна направляется на юго-запад, как бы для того, чтобы идти на соединение с Индом; она наполняет болотистую котловину, или *джиль*, называемую Наджафгар. которая, в свою очередь, после дождей, изливает обратно в Джамну излишек своих вод.

В нынешней своей черте Дели делится на два города. Северную часть, где находится станция железной дороги, проходящей перед вступлением в Дели, по прекрасному железному мосту через пески, островки и узкое течение Джамны, занимает английский город, отделенный от города туземцев обширными садами и широкими алеями или бульварами. Бывший дворец Великого Могола Шах-Джахана, вообще известный под названием «форта», тоже уединен от остального города площадями, обсаженными тенистыми деревьями. Преобразованный теперь в казармы, дворец этот много потерял своей прежней красы; тем не менее громадный параллелограмм, покрывающий не менее 47 гектаров (слишком 43 десятины), вдоль нагорного берега Джамны, заключает в себе еще некоторые из замечательнейших зданий Индии; входная зала, длиной 114 метров (более 53 сажен)—одна из самых величественных палат во всем свете, а обширная аудиенц-зала, павильоны которой господствуют над течением реки и её лесистыми островами, представляет чудо изящества и грации, вполне оправдывающее своими прелестными арабесками и провивками надпись, которая тянется вокруг потолка: «Если есть небо на земле, то вот оно, вот оно!» Главная мечеть, стоящая в туземном городе, на скалистой возвышенности, тоже принадлежит к числу архитектурных произведений, составляющих славу и гордость Индустана; в сравнении с этим величественным зданием, вздымающим высоко над городом свои узорчатые порталы, свои стройные минареты, свои три купола из белого мрамора, массивные сооружения англичан, колледж, музей, госпитали, казармы, церкви, кажутся безобразными постройками варваров.

Но самые замечательные памятники зодчества находятся в окрестностях нынешнего города, среди развалин прежних Дели; там сохранились еще многие храмы, пагоды и мечети, мавзолеи, колонны, укрепления, принадлежащие ко всем эпохам индусского искусства, начиная с периода, восходящего за две слишком тысячи лет до нашего времени. Ферозабадский дворец, заключающий, между прочим, знаменитый столб императора Асоки, далее Индурдутские руины, гробница Гумаюна, обсерватория, воздвигнутая джейтурским раджей в 1728 г.—все эти памятники следуют один за другим в равнине на юг от города, и аллеи зданий оканчиваются, в 15 километрах от стен нынешнего Дели, группой мечетей и колоннад Кутаба. Над этими строениями господствует колоссальная «башня Победы», воздвигнутая в тринадцатом столетии; это пучек колонн, разделенный на пять этажей круговыми галлереями, поясами изваяний и надписей в рельефе. Башня постепенно съуживается от основания к вершине, и потому высота её, равная 72 метрам (около 34 сажен), кажется больше настоящей от действия перспективы. С купола, частью поврежденного землетрясением 1803 года, взор обнимает все протяжение ограниченной на западе цепью холмов, исторической равнины, где возникало столько могущественных городов.

Легко понять гордость, которую испытывают патриоты Индии при виде живых свидетельств славы их предков. В 1857 году, когда англичане, прогнанные взбунтовавшимися сипаями, принуждены были брать обратно город приступом, затем обложить осадой гробницу Гумаюна, чтобы овладеть особой «Великого Могола», они изгнали всех жителей Дели, индусов и мусульман, которые таким образом должны были все время, пока продолжалось действие военного закона, оставаться вне городской черты. Снова водворившись в городе по усмирении восстания, они там теперь еще более многочисленны, чем были до войны, и это им преимущественно принадлежат, в улице Чандни-чок, блестящие магазины золотых и серебряных изделий, кожаного товара, златотканных материй, резной мебели,—произведений, составляющих специальные промышленности Дели, но, к сожалению уже много утративших своей прежней оригинальности, вследствие подражания европейским образцам. На юго-западе, при железной дороге из Раджпутаны, стоит многолюдный город Ревара, передовой товаро-складочный пункт Дели по снабжению произведениями промышленности всех маленьких государств нагорья.

На юго-востоке, в доабе. или междуречьи, через которое проходят большая столбовая дорога, рельсовый путь и канал, проведенный из Ганга, рассеяны в близком один от другого расстоянии многолюдные города: Буландшар или Баран, Сикандарабад, Хурджа, торговый

город, с пышным джайнским храмом, построенным его богатым купечеством, Койл и Алигар; вблизи последнего стоит крепость, которую француз Перрон сделал оплотом маратского могущества и которая долгое время задерживала успехи английского оружия в начале настоящего столетия. Город Гатрас, лежащий южнее, есть главный складочный пункт торговли между Дели и Каунпором. Он соединен железною дорогою с многолюдным городом Муттра (Маттра), построенным, как и Дели, на западном нагорном берегу Джамны. Это один из священных городов Индустана, и усердие пилигримов, стекающихся сюда толпами, поддерживает массы праздного люда, живущего около храмов; жители Муттры не имеют почти никаких промыслов, кроме эксплоатации каменоломен и тески камней для постройки религиозных зданий, в числе нескольких тысяч. Муттра, древняя Матура, одна из столиц «Лунной» династии, была уже одним из средоточий буддийской религии, и Птолемей, упоминающий о ней под именем Модуры, называет ее «городом богов»; в грудах развалин, возвышающихся там и сям на юге, отыскали многочисленные изваяния буддийского периода, свидетельствующие о греко-бактрийском влиянии, которое выразилось в расположении групп и в складках драпировок[1]. После изгнания буддистов, храмы получили другое название, архитектурный стиль зданий изменился, легенды были приурочены к другим личностям, но город, тем не менее, остался одним из святых мест Индии; в соседстве его родился Кришна, покровитель пастухов, которого впоследствии индусы стали боготворить, как своего Христа; каждая местность в окрестностях имеет свою историю, относящуюся к какой-либо черте из жизни этого бога. Почти все памятники города и страны были сооружены в честь Кришны, и хотя мусульманские государи велели их разрушить в первый раз, но они были вновь выстроены еще в большем числе и с большим великолепием, чем прежние. В семи километрах к северу, город Бриндабан, древняя Вриндавана, указывает место, где Кришна овладел змеиным царем, обвившимся вокруг дерева, и ввергнул его в волны Джамны; отраженная струя ударяющихся о нагорный берег вод реки, образующая род водоворота, происходит, по верованию индусов, от размахов хвоста этого чудовища[2]. Один из Бриндабанских храмов, недавно построенный банкирами джайнами, стоил слишком шесть миллионов франков; другая пагода, сооружение которой относится к концу шестнадцатого столетия, представляет один из редких памятников Полуострова, так как в этом храме можно видеть соединение индусских колонн, персидских аркад и стрельчатого свода. Все окрестные поля вокруг Муттры и Бриндабана преданы общественным благочестием на расхищение животным: обезьяны, белки, павлины, попугаи, дикия птицы являются здесь бесцеремонными гостями, от которых местные жители должны почтительно защищать свои запасы.

Агра или Акбарабад, лежащий в 50 километрах к юго-востоку от Муттры, на берегу одной извилины Джамны, не принадлежит к числу древних городов Индии: он существует не более трех столетий; но выбранный, как резиденция, султаном Бабером и сделавшийся, при султане Акбаре, столицей империи Великих Моголов, он привлек скоро толпу жителей, и несмотря на бедствия, постигшие его со времени периода блеска и процветания, он и до сих пор еще остается, после Дели, первым городом в верхнем бассейне Ганга. Кое-какие следы древнего города, предшествовавшего эпохе Бабера, видны еще на восточном берегу Джамны, и нынешняя городская ограда окружена обширными необитаемыми пространствами, где кучи развалин и отрывки стен свидетельствуют о прежней важности Агры. Нынешний город, на половину меньший, чем во времена Акбара, но примыкающий на юге к военному городу «кантонементов», где расположено английское войско, сохранил, по крайней мере, большую часть прекрасных зданий, которые дают ему право называться перлом Индустана. Крепость расположенная на берегу реки, окружена высокими стенами (около 10 сажен в вышину) из красного песчаника, над которыми господствуют башни с украшениями из белого мрамора; в своей каменной ограде, имеющей в окружности 2.400 метров, она заключает еще, кроме дворца, из которого англичане сделали казармы, многие здания, сохранившие

1 Cunningham; Goblet d'Alviella, „Inde et Himalaya".

2 Al. Cunningham, „Ancient Geography of India".

первоначальную чистоту стиля, блеск мраморов, изящество арабесок и других орнаментов. Против входа в крепость стоит, на высокой террасе, величественная Джамма-Масджит, или «Главная Мечеть», состоящая из трех корпусов, тогда как внутри крепостной ограды другой храм, «Жемчужная Мечеть», завершает собою ряд дворцов; этот храм, построенный целиком из белого мрамора, отличающийся в одно и то же время величавой простотой пропорций и законченностью форм, совершенством отделки до мельчайших деталей, представляет, по размерам, здание средней величины, но он, тем не менее, есть один из самых величественных памятников религиозного зодчества Индии по торжественной гармонии его внутренних пространств и по недосягаемой высоте его сводов. В ближайших окрестностях Агры некоторые императорские могилы тоже принадлежат к числу грандиозных памятников Индии: на севере близ Секундры, гробница Акбара, окруженная минаретами, киосками, широкими аллеями высоких деревьев, сама по себе составляет обширный дворец, построенный из красного песчаника, как почти все здания этой эпохи, и великолепно украшенный мраморными изваяниями, отличающимися удивительною нежностью линий и тонкостью работы; но главное чудо бывшей столицы «Великих Моголов», один из перлов искусства во всем свете,—это дивный храм Тадж-Магал, красующийся на берегу Джамны, к юго-востоку от города, мавзолей, который Шах-Джахан воздвиг на могиле своей супруги Арджаман-Бену, более известной под именем Мумтаз, или «Чествуемая». Как при слове Парфенон нашему воображению представляется идеальный тип древнегреческого храма, с его перистилем, с его фризами, метопами и богами, изваянными на фронтоне, так точно имя Тадж-Магала вызывает в нашем уме идею совершеннейшего памятника персидского искусства, с его высокими стрельчатыми порталами, обрамленными прямоугольником из арабесок, с его колоссальным узорчатым куполом, его стройными, изящными минаретами с галлереями и колоколенками. Весь построенный из розового песчаника и белого мрамора, Тадж-Магал блистает тем поразительнее, что цвета его составляют яркий контраст с темно-зеленою листвой окружающих кипарисов; он кажется лучезарным, сияющим каким-то сверхъестественным блеском. С гармонией линий этот чудный храм соединяет богатство отделки; поверхность его вышита прелестными узорами из инкрустированных мраморов, кордонов и провивок из драгоценных камней; впрочем, большая часть этих ценных предметов исчезла, так же, как и резные серебряные двери, похищенные маратскими завоевателями. Недавно сильный разлив Джамны грозил снести пышное здание: нужно было со всевозможною поспешностью укреплять крутой берег реки, на который опирается терраса памятника. Главные специальности ремесленников этого города и теперь те же самые, которым они научились во время постройки Тадж-Магала—инкрустация мраморов, шлифовка и обделка драгоценных камней, резьба мозаик: один бордосский мастер, по имени Остен, был тот великий художник, неизвестный в своем отечестве, который образовал школу акбарабадских мозаистов; туземцы дали ему прозвище Надир-эль Азур, или «Чудо века».

В 35 километрах к западу находится другой город, который некогда соперничал с Агрой и даже был, в царствование султана Акбара, несколько лет столицей империи Великих Моголов: это Фатехпур, «город Победы», расположенный на оконечности одного кряжа из красного песчаника, который доставляет материал для постройки зданий. Остатки этого города или, вернее, две деревни, Фатехпур и Сикри, затеряны среди его ограды, обширного круга, имеющего 8 километров в окружности, но большая часть памятников, воздвигнутых Акбаром и Джехангиром, существуют еще почти совершенно сохранившимися в своем первоначальном виде. Императорский дворец, гробница Селима, пустынника, святость которого и доставила Фатехпуру милости Акбара, Пандж-Магал, род пирамиды, образуемой пятью поставленными одна на другую колоннадами, портал слонов, минарет антилоп, дворец султанш, где исследователи старины признают здание, служившее резиденцией одной из супруг Акбара, португальки Марии,—все эти здания сохранили еще до самых тонких деталей все свои скульптурные украшения и ажурную резьбу из мрамора.

Ниже Агры, по берегу Джамны, следуют один за другим несколько многолюдных городов, Этавах, Кальпи, Хамирпур, Раджапур, и в соседстве речной долины, на границах плос-

когорья Бундельханд, тоже есть старинные города, некогда имевшие важное значение, как столицы государства, каковы Джалаон и Банда; но политические перемены и в особенности переворот, произведенный в торговых сношениях постройкою железных дорог, переместили торговое движение с берегов Джамны на берега Ганга. Город Банда, который некогда был главным складочным местом хлопка во всем Бундельханде, теперь в упадке, торговля его перешла к портовому городу Раджапур, который, в свою очередь, заменен в настоящее время, как экспедиционный рынок, станциями железной дороги, идущей из Аллахабада в Каунпор.

Плодоносные равнины Рохильханда, простирающиеся на юг от горных цепей Кумаона, между Гангом и его притоком Гогрой, усеяны городами, которые все окружены манговыми лесами и бамбуковыми рощами и все имеют старинные крепости, первоначальное сооружение которых приписывают бхарам, древним обладателям края, и которые впоследствии были вновь отстроены афганцами или патан-рогиллами, т.е. «горцами». Самый многолюдный из этих городов, Барели (Bareilly),—город относительно новый, так как он был основан около половины шестнадцатого столетия. В начале простой военный пост, он и до сих пор сохранил свой существенно стратегический характер, и его крепость, его «кантонементы» и казармы—единственные достопримечательности, которые Барели может противопоставить дворцам и храмам городов на Джамне. Другие большие города Рохильханда, Наджибабад, Нагина, Биджнор, Амброга, Морадабад, Самбгал, Чандауси, Будаон, Сагасван, Пилибхит, почти все походят на Барели однообразием своей постройки; это просто городские поселения, быстро разросшиеся, благодаря развитию и расширению земледельческой промышленности в этой части гангского бассейна. Особенно сахарные плантации придали большую торговую важность городам Морадабад и Чандауси; Наджибабад, лежащий в соседстве гор, ведет отпускную торговлю строевым лесом. Среди всех этих англо-индийских городов, город Рампур, столица одного туземного, независимого по имени, государства, сохраняет еще некоторую оригинальность; ремесленники его занимаются тканьем шалей и шелковых материй (камка), очень ценимых в Индии.

Шахджаханпур, главная станция и самый многолюдный город между Барели и Лакнау, не только торговый, и промышленный центр, как другие города Рохильханда, но и один из тех городов, которые чрезвычайно быстро выросли и достигли цветущего состояния; он обогатился, главным образом, на счет своего соседа, Фаррухабада, стоящего на берегу Ганга и пользовавшагося недавно монополией отправки товаров по реке, но утратившего это преимущество, когда водяной путь был оставлен, и движение грузов направилось к железной дороге. Фаррухабад может быть рассматриваем как один город с английским военным городом Фатехгар, к которому принадлежит форт, командующий переходом через Ганг, и где находится казенный лафетный завод и фабрики лагерных палаток. К западу от Фаррухабада, Майнпури, на дороге из Агры,—тоже важный город; но Канодж, некогда славнейший город страны, который даже был около шестисот лет, до конца третьего века до Р. Х., столицей самого могущественного арийского царства в Индии, теперь пришел в упадок. В 1016 году нашей эры, когда Махмуд Газневид обложил осадой его стены, Канодж, по выражению современных летописей, «поднимал свою голову до небес» и не имел равного себе по силе и крепости. И действительно, цитадель, заключающая в своей ограде весь нынешний город, кажется, была одною из самых сильных крепостей Индустана, но она потеряла всю свою важность с тех пор, как Ганг переместил свое течение на семь километров к западу, оставив Канодж на берегу незначительной речки, Калинадди, называемой также Чота-ганга, или «Малым Гангом»[1]. Перемещение реки, следовавшее за опустошительным проходом завоевателей, не позволило Каноджу вновь подняться; наибольшая часть пространства, заключенного в черте остатков древних городских стен, представляет необитаемую пустыню или усеяно лишь деревнями; там и сям стоят еще развалины пагод и мечетей, и один из этих храмов до сих пор известен у индусов под названием «кухни Сивы». Согласно их преданию, все бра-

1 A. Cunningham, „Geography of Ancient India".

маны гангской дельты произошли от семейств, живших в Канодже в девятом столетии[1].

Каунпор, или Каннор (Кантипур, по-английски Cawnpore), один из самых новых городов Индии, далеко превзошел по важности древний город Канодж. Простой военный пост в 1778 году, он вырос мало-по-малу и приобрел большое значение, как стратегический центр и как торговый пункт; в настоящее время это один из первых городов Индии по размерам своей торговой деятельности. Возмущение сипаев в 1857 году вспыхнуло не в Каунпоре, но там происходили самые кровопролитные битвы и самые ужасные избиения. Вождь мятежников, которого английская полиция все еще разыскивает, Напа-Дунду-Пант, более известный под именем Нана-Саиба, приказал в этом городе перебить английских солдат, сдавшихся на капитуляцию, затем велел бросить в колодезь женщин и детей гарнизона. Прогнанные из Каунпора, инсургенты взяли его обратно у англичан, но после того опять должны были покинуть его, оставив из своих рядов тысячи в руках мстителей, которые пролили кровь за кровь, воздали обидой за обиду. Воспоминание об этом страшном годе до сих пор еще разделяет победителей от побежденных: ни одному туземцу не дозволяется проникнуть во внутренность памятника, впрочем, не отличающагося красотой архитектуры, который скрывает отверстие рокового колодца. Английский город Каунпор, расположенный вдоль правого берега реки и соединенный с противоположным берегом решетчатым мостом, по которому проходит железная дорога из Лукнау, совершенно отделен от индусского города садами, парками, полями для маневров войск. Рядом с английским городом расположено фабричное предместье, где есть даже бумагопрядильни, снабженные всеми новейшими механическими приспособлениями, какие существуют на манчестерских мануфактурах.

Лукнау, или Лакнао (Лахнао. по-английски Lucknow), столица бывшего Аудского царства, превращенного в английскую провинцию с 1856 года, принадлежит, как и Каунпор, к числу новых городов Индии; в этом месте существовала лишь деревня раджпутского основания, построенная на горке, посвященной Сеснагу, «тысячеглавому змею, на котором стоит свет». Нынешний город появился не далее, как в шестнадцатом столетии. Во время Акбара Лукнау был уже одним из лучших городов империи, но исключительную важность он получил только в прошлом столетии, как резиденция независимых государей; теперь это пятый город Индии по числу жителей, и в некоторых отношениях индусы считают его метрополией: во всем, что касается мод, музыки, театра, тонкостей языка, взоры их обращаются к Лукнау. Однако, это значение его, как законодателя в деле хорошего вкуса, значительно уменьшилось со времени событий, следовавших за возмущением сипаев в 1857 году. Тогда английскому гарнизону пришлось выдержать первую осаду во дворе резиденции, затем, после освобождения от этой осады пришедшим на помощь войском, он должен был запереться в одном укрепленном саду, в окрестностях города; Лукнау, защищаемый 30.000 сипаев и 50.000 волонтеров, имевших в своем распоряжении 100 пушек, был взят обратно у инсургентов только после убийственной осады и избиения тысяч индусов, которых громили картечью в упор. Хотя туземное население Лукнау, индусское и мусульманское, вообще довольно враждебно относится к европейцам, однако, мало найдется городов, где бы они поселились в таком большом числе; перепись 1872 года насчитала 4.222 резидента белой расы, не включая сюда эвразийцев.

Издали Лукнау представляет чудное зрелище: можно подумать, что во всем свете нет города более великолепного. Выглядывающие сквозь деревья, которые осеняют своими кронами течение реки Гумти, золотые куполы, минареты и колоколенки мечетей и мавзолеев, кажется, обещают вторую Агру; но вблизи очарование пропадает, и сразу видишь, как обманчива вся эта бьющая на эффект пышная архитектура. Большая часть дворцов—вульгарные копии с индусских памятников, украшенные вычурными орнаментами, принадлежащими ко всевозможным стилям и окрашенными в самые резкие цвета; коринфские капители поддерживают персидские аркады, а итальянские виллы увенчаны готическими куполами, в роде тиары; плохия английские имитации греческих и римских памятников были, в свою

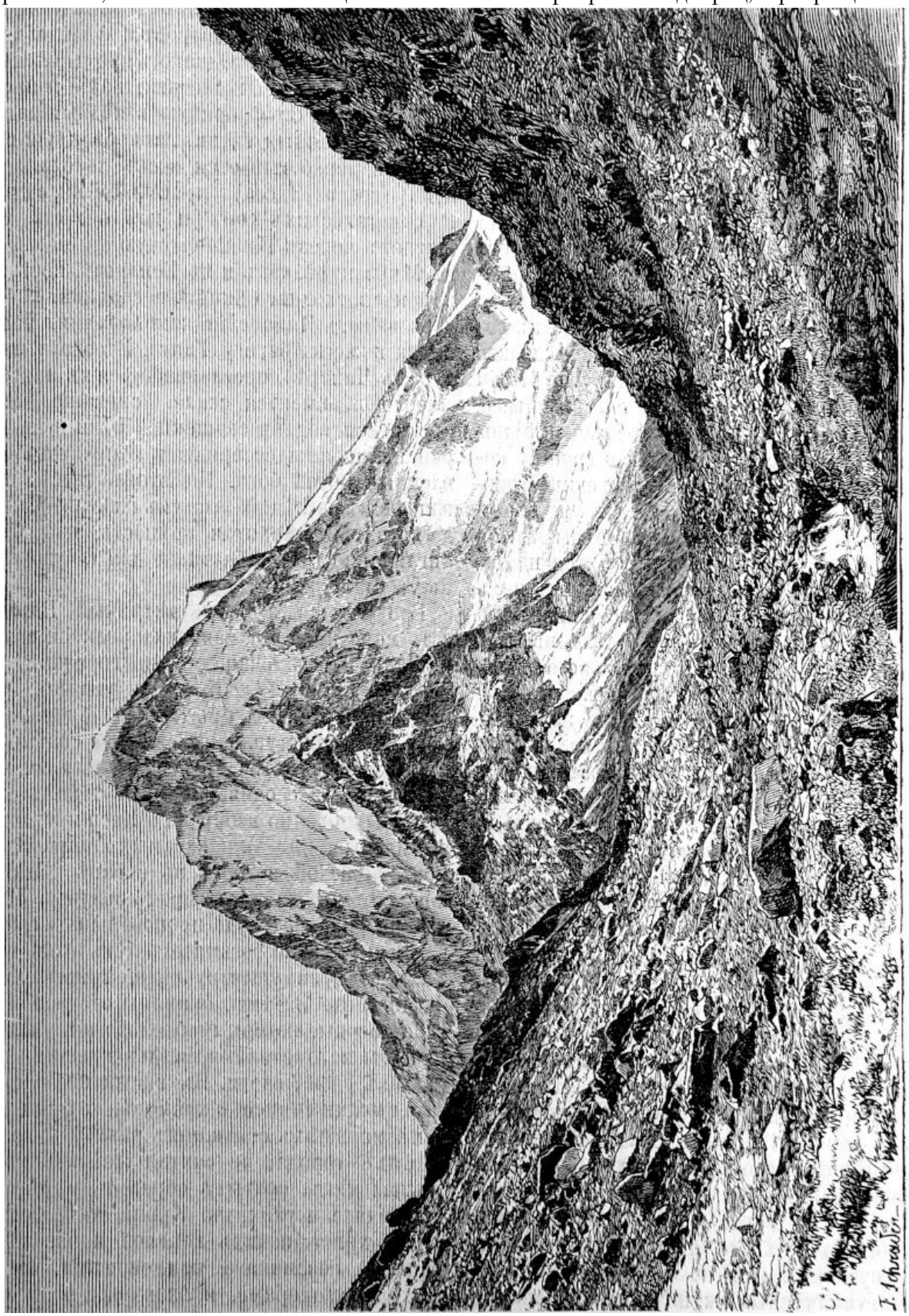
1 Campbell, „Ethnology of India"; Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

очередь, скопированы лукнаусскими строителями. И на эти-то жалкия, лишенные вкуса, постройки уходили, в течение слишком полустолетия, почти все рессурсы государственной казны, ради их-то десять миллионов жителей должны были терпеть жестокий порядок постоянного угнетения! Впрочем, между старинными зданиями Лукнау есть несколько замечательных, имеющих некоторый архитектурный характер. Имамбара, или «Святое Место», преобразованное теперь в арсенал и утратившее почти все свои скульптурные украшения, представляет величественный дворец, отличающийся изяществом и простотой стиля, и оканчивается массивными воротами грандиозного вида. Дворец резиденции, сделавшийся стратегическим центром города и исходною точкой широких аллей, расходящихся радиусами во все стороны, чтобы облегчить движение войск между «кантонементами» или штабами и городом—тоже одно из лучших зданий в Лукнау; наконец, торговая часть города заключает много красивых домов, с узорчатыми резными балконами и покрытых снаружи штукатуркой, более блестящей, чем мрамор. Один из любопытнейших памятников Лукнау—это Мартеновский коллеж (college de la Martiniere), названный так по имени французского генерала Клод-Мартена, построившего его в смешанном стиле, итальянском, индусском и персидском, который был принят его повелителем, раджей Аудским, для постройки своих собственных дворцов. Три города, Лукнау, Калькутту и Лион, свою родину, Мартен назначил своими наследниками, и в каждом из этих городов существует коллеж его имени, увековечивающий память этого выслужившагося из рядовых офицера.

Как все богатства Ауда уходили, словно в бездонную пропасть, в дворцы Лукнау, так и городское население страны почти все сосредоточилось в столице. За исключением Лукнау, в этих богатых равнинах, справедливо прозванных «Садом Индии», очень мало городов, да и те, какие существуют, имеют чисто местную важность, как рынки и складочные пункты товаров. Два центра административных делений, Ситапур на севере и Райн-Барели на юге,—незначительные местечки; но Барайч, посвященный богу Браме, Хайрабад и древний Шахабад—более многолюдные города. Важнейший, после Лукнау, город бывшего королевства, Файзабад, построен на месте, где прежде стоял город Ауд, имя которого перешло на всю страну. Древний город Аджодиа, «основанный Ману, прародителем людей» и бывший некогда столицей царства Косала и резиденцией «Солнечнаго» царя Дасараты, отца Рамы, не имеет уже никаких следов тех памятников, великолепие которых воспевает Рамайяна: он не сохранил никаких остатков своих древних буддийских монастырей, а его джайнские храмы —все недавнего происхождения. Магометанские мечети, основанные в эпоху завоевания страны, лежат уже в развалинах, но они указывают взорам индусов все священнейшие места, те места, где родился Рама, где он совершил одно из своих великих жертвоприношений, где он скончался. Говорят, что ярмарка в Аджодии привлекает полмиллиона посетителей. Новый город, сохранивший древнее имя Аджодиа, гораздо менее населен, чем его сосед, Файзабад, стоящий западнее и так же, как Аджодиа, на правом берегу реки Гогры. Эти два города пользуются большим простором на огромном пространстве в 248 квадр. километров, на котором, как утверждают, была раскинута древняя Аджодиа. Нынешняя важность Файзабада обусловливается преимущественно его этапным положением между Бенаресом и Лукнау.

Аллахабад, или «Божий город», который индусы называют Прайяг, по причине «слияния» двух священных рек, Ганга и Джамны, соединяющихся перед его храмами, не самый большой город в провинциях, известных под именем «северо-западных»; тем не менее, англичане избрали его главным городом этого обширного отдела своей империи,—предпочтение, которым он обязан своей первостепенной важности в стратегическом и торговом отношении, как место, откуда расходятся большие дороги, идущие к Ауду и Непалу, к Дели и Пенджабу, к центральным провинциям и берегам Аравийского моря; здесь разделяется главный железный путь Северной Индии, чтобы образовать две ветви, пешаверскую и бомбейскую. Торговый город и административный центр, Аллахабад утратил памятники зодчества, составлявшие некогда его красу и славу. Крепость, расположенная на самой стрелке, образуемой слиянием двух рек, на том месте, где находились строения, относящиеся к леген-

дарным временам, не сохранила ни одной из башен, воздвигнутых султаном Акбаром, и походит, со своими гласисами и покрытыми дерном откосами валов, на все современные укрепления; но она заключает еще в своих стенах прекрасный дворец, превращенный те-



Гора Мойра.

перь в арсенал, и кое-где остатки предшествовавших построек. Столб, стоящий в саду, замечателен тем, что на нем вырезан знаменитый указ буддийского императора Асоки, обнародованный за два с половиною века до начала нашего летосчисления, и за этою древнею надпи-

сью следуют две другие, прославляющие: одна—победы, одержанные четыре столетия спустя Самудрагуптой, а другая—восшествие на престол Великого Могола Джехангира. Близ этого столба находится вход в храм, который речные наносы и развалины превратили в катакомбы; здесь-то, говорят индусы, река Сарасвати оканчивает свое таинственное течение, чтобы соединиться с двумя другими священными потоками, Гангом и Джамной; сырость, ползующая по стенам подземелья, есть, по их верованию, не что иное, как вода Сарасвати, спускающейся в недра земли у Танесара. В одном углу двора подземного храма видны остатки ствола баниана, «нетленнаго» дерева, на ветках которого обитал злой дух, пожиравший людей; пилигримы приходили сюда сотнями добровольно предавать себя смерти, чтобы насытить алчный аппетит чудовища; груды человеческих костей покрывали всю почву[1]. Во времена Акбара, когда Ганг подточил свой нагорный берег до самого основания священного дерева, добровольные мученики бросались прямо с его ветвей в воды реки[2]. В настоящее время Аллахабад, хотя все еще принадлежащий к числу священных городов Индустана, конечно, потерял уже прежний престиж в глазах индусов, без сомнения, потому, что грозные жерла пушек выглядывают из амбразур крепости над берегами Ганга и Джамны; на ярмарку, открывающуюся в Аллахабаде в начале года, пилигримы и торговые люди стекаются в меньшем числе, чем на годовые рынки Аджодии. Однако, и здесь иногда собирается на ярмарку до 250.000 человек, располагающихся в палатках на равнине, которая тянется вдоль правого берега Ганга, вверх от слияния его с Джамной; обыкновенно, в период полнолуния большинство иногородных посетителей погружается в воды реки, под наблюдением специального класса браманов; путешественнику по Индии мало встретится зрелищ, более любопытных, чем оригинальный вид этой несметной толпы людей, беспрестанно меняющиеся группы которой бороздят тысячами струй величественный поток священного Ганга.

Как все административные центры Англо-индийской империи, Аллахабад делится на два города: город казарм, вилл, парков и садов, где поселились властители страны, и индусские кварталы, совершенно отделенные от той части города, где обитает каста чужеземных завоевателей. В английском Аллахабаде обращает на себя внимание центральный колледж, недавно основанное высшее учебное заведение для всех «северо-западных» провинций Индии. Индусский город представляет лабиринт узких и кривых улиц, извивающихся между рядами низеньких домов, скученных на берегу Джамны; однако, и здесь есть несколько красивых новых кварталов, построенных богатым купечеством. Через Джамну перекинут, выше города, железный мост, около версты длиною; берега же Ганга все еще соединены только пловучими мостами. Со времени проведения железной дороги в Пригангской равнине пароходы прекратили свои рейсы между Аллахабадом и Калькуттой.

Ниже слияния Ганга с Джамной, первый большой город, который омывают воды главной реки,—Мирзапур; расположенный на южном высоком берегу, он имеет величественный вид с его прекрасными лестницами, спускающимися до самой реки, с его храмами, увенчанными куполами и башенками, с его дворцами, богато украшенными скульптурой и резьбой. Мирзапур все еще принадлежит к числу значительных торговых городов, хотя он много потерял в этом отношении со времени постройки железной дороги. До этой эпохи он был первым рынком Индии по торговле хлебом и хлопком; теперь же, сделавшись простою промежуточною станциею железного пути, он заменен, как складочное место товаров, Аллахабадом, Каунпором, Дели. Однако, промышленность в нем так же деятельна, как и прежде; ремесленники его фабрикуют медные изделия, ковры, различные ткани, лакированные вещи; здесь переработывается воск лакового червеца (coccus lacca), присылаемый сюда с Раджмагальских гор и из области Чота-Нагпор через Байдианатскую станцию. Дома в Мирзапуре, как и в Бенаресе, построены из превосходного камня, песчаника, который доставляют Чанарские каменоломни, находящиеся ниже на берегу Ганга. В этом же месте (в Чанаре), прославившемся в индусской мифологии, высится скала, основание которой омывается водами

1 Hiouen-Thsang, „Memoires sur les contrees occidentales", traduits par Stanislas Julien.

2 Elliot, „Muhammadan Historians of India"; A. Cunningham, „Ancient History of India".

священной реки и на которой пилигримы созерцают отпечаток, оставленный ногой бога. На этом мысе, составляющем последний выступ плоскогорья Виндиа, стоит знаменитая крепость, из которой англичане сделали бастилию для государственных узников.

Бенарес, или Каси, античный Варанаси, есть метрополия браманских религий, священнейший между священными городами, тот город, который достаточно увидеть, чтобы быть облегченным от тяжкого бремени грехов или преступлений; «иногда святые праведники спускаются с неба на землю, чтобы довершить свое очищение, и в таком случае они обыкновенно избирают Каси местом своего пребывания»[1]. С самых первых времен арийской истории в стране, Бенарес появляется уже как город святынь. Шакиа-Муни приходил туда проповедывать свое учение, и в течение восьмисот лет этот город был по преимуществу священным местом буддистов. Затем, браманы отстроили там свои пагоды, которые впоследствии были разрушены магометанами, воздвигнувшими на месте их свои мечети. В настоящее время более тысячи семисот храмов, мечетей и других меньших святилищ рассеяны во всех частях города, не считая жертвенников и усыпальниц, святых образов и статуй на площадях и улицах. Кроме того, здесь есть много христианских церквей и часовень или капелл различного наименования, построенных миссионерами, и благодаря религиозному индифферентизму нынешних владетелей Индии, даже буддийский храм, куда ходят молиться бенаресские непальцы, мог быть воздвигнут в священном граде браманов; поднимающиеся одна над другою кровли этой кумирни, построенные почти в чисто китайском стиле, составляют резкий контраст с узорчатыми пирамидальными главами индусских пагод, с минаретами и куполами мусульманских мечетей. На всем Полуострове нет городов, где религиозная архитектура была бы представлена большим количеством памятников различных эпох; руины буддийских ступ, которые видны еще в Сарнате, в 6 километрах к северу от города, восходят, может быть, за двадцать четыре столетия до нашего времени. Один из этих шарообразных куполов, Дамек или Дарма, т.е. «Закон», представляет каменную массу в 34 метра (около 16 сажен) высоты, окруженную плинтусом, богато украшенным изваяниями; он находится на том самом месте, где божественный Будда начал «вращать колесо закона»[2].

Со времен буддийской эпохи Бенарес постепенно переместился к югу. Он находился тогда на северной стороне небольшой речки Барна, от которой и произошло его название, и Сарнатские развалины обозначают его первоначальное местоположение; затем он занимал, южнее, ту местность, где в наши дни расположены казармы английского военного города, а теперь его дома скучены на левом берегу Ганга. Внутренность города представляет лабиринт узких и кривых улиц, загроможденных людьми и животными, верблюдами, ослами, лошадьми, священными быками; даже обезьяны примешиваются к уличной толпе около некоторых пагод; галлереи, аркады, узорчатые резные балконы, грубые фрески, деревья, прицепившиеся к стенам, цветы на окнах и на террасах придают каждому дому особенную физиономию. Когда смотришь с реки, которая движется широким потоком у основания Бенареса, изгибаясь в виде красивой дуги или полумесяца, длиною в 5 километров, этот единственный в свете город развертывает перед взорами великолепную панораму своих дворцов, своих бесчисленных храмов, с башнями и куполами разнообразнейшей формы и величины, из которых одни еще крепкие, другие уже потрескались и наклонились. Гаты, или ступени, спускающиеся к реке с крутого берега (возвышающагося на 30 метров или 14 сажен), усеяны пилигримами и факирами, которые предаются душеспасительному умерщвлению плоти или обливаются священною водою Ганга; у подножия одной из лестниц лежат покойники, завернутые в белые саваны и колеблемые течением; тут же по близости приготовляется костер, на котором тела их будут преданы сожжению. Многочисленные барки, пароходы снуют взад и вперед по широкой реке; в дни больших праздников поверхность вод имеет не менее оживленный вид, чем кишащий народом берег, а вечером, когда обширный полукруг дворцов блестит тысячами огней, город представляет волшебное зрелище. После возмущения

1 Troyer, „Radjatarangini. Histoire des rois de Kachmir“.

2 Hiouen-Thsang, „Voyages des pelerins bouddhistes”; A. Cunningham, „Ancient Geography of India”.

1857 года, форт, возведенный на берегу Ганга, безобразил своею неуклюжею массою красивую линию великолепных памятников; теперь он заброшен. Обсерватория, воздвигнутая Джайсингом в конце семнадцатого столетия, господствует над массой храмов и домов своими балконами и террасами.

Город паразитов, живущих на счет пилигримов, которые стекаются сюда со всех концов Индустана, Бенарес есть одно из наименее промышленных городских поселений на берегах Ганга. Хотя, по количеству населения, он все еще занимает первое место между городами провинций, называемых «северо-западными», однако, число его жителей сильно убавилось с половины настоящего столетия, и, вероятно, в близком будущем он утратит первенство в этом отношении и останется позади некоторых других центров населения; уменьшение религиозной ревности, замечаемое ныне, как общее явление, у индусов, не может не повести к обеднению священного города. Впрочем, в Бенаресе существуют некоторые отрасли промышленности, производящие преимущественно предметы роскоши, как-то: штофные материи и шали, филиграновые изделия и драгоценные украшения. Бенаресские купцы ввозят значительные количества хлопчатобумажных тканей, за которые они платят сахаром, индиго, селитрой. Как точка бифуркации железных путей Ауда и Доаба (междуречья), Бенарес есть необходимое складочное место товаров. Железная дорога проходит на востоке от города, по первому постоянному мосту, какой до сих пор устроен через Ганг выше дельты; это путевод о семи пролетах, имеющий в целом около 800 метров длины. На другой оконечности стоит замок Рамнагар, резиденция наваба, которому правительство сохранило титул бенаресского магараджи. «Ни один англичанин,—говорит Давидсон,—не может смотреть без стыда на стены этого замка», напоминающего о хищениях и клятвопреступлениях известного генерал-губернатора Уаррен-Гастингса[1].

Ниже впадения притока Гумти и длинного изгиба, образуемого течением Ганга, город Газипур, стоящий, как и Бенарес, на левом берегу священной реки, приобрел довольно важное значение, как складочный торговый пункт, и правительство имеет там обширные заводы для приготовления опиума; кроме того, этот город славится как центр производства розовой эссенции; он отправляет в Калькутту табак, а также селитру и углекислую соду, собираемые на местах с сухим грунтом, лежащих выше уровня наводнений Ганга. Баксар, следующий за Газипуром ниже по берегу реки,—тоже торговый город, но гораздо менее оживленный, чем Чапра, который находится на левом берегу Ганга, при слиянии его с Гогрой; немного ниже впадает и другой приток, река Сона. Таким образом, город Чапра занимает очень выгодное положение в точке соединения трех значительных речных долин, но он построен на низком месте, часто затопляемом во время разливов, и при том судоходный фарватер передвинулся, оставив пристань позади себя на расстоянии почти двух километров. Кроме того, железная дорога отвлекла торговое движение, пройдя по другой стороне долины Ганга через город Аррах, унаследовавший важное значение, которым еще недавно пользовался город Сассерам, лежащий южнее, в области холмов. Находящиеся к северу от Ганга города Джаонпур, Азамгар и Горакпур отправляют свои произведения в Газипур или в Чапру. Знаменитая Капилаваста, место рождения Будды, находилась, вероятно, в окрестностях Горакпура, на берегах реки Гогры.

Между Бенаресом и Калькуттой самый многолюдный и самый важный по торговле город —Патна, т.е. «Город» по преимуществу; магометане называют его Азимабадом. В буддийские времена, слишком две тысячи лет тому назад, он носил название Паталипутра, которое в описании, оставленном греком Мегасфеном, изменилось в Палиботра; он был тогда «главным городом Индии». Вместе с своими предместьями, Патна и теперь еще один из самых обширных городов Азии; его дома, верфи, складочные магазины тянутся вдоль правого берега Ганга на пространстве слишком 20 километров. На западе первую группу этого громадного городского поселения составляет крепость или военный город Динапур, с его кантонементами, парками, полями для маневров; затем следует административный центр провинции,

1 „Travels in Upper India".

Банкипур, где живут почти исключительно только европейцы и их прислуга; наконец, далее, на востоке, простирается индусский город, середину которого занимает городская ограда Патны в собственном смысле. Гораздо более, чем Чапра, Патна может быть рассматриваема как точка соединения естественных путей этой области: к трем большим рекам, Гангу, Гогре и Соне, которые соединяются выше Патны, прибавляется еще, напротив города, четвертая, Гандак, приток Ганга, спускающийся из богатейших долин Непала. Сверх того, Патна соединена теперь двумя железными дорогами с Калькуттой и служит центральною станциею для сети второстепенных линий, связанных с главною железнодорожною артериею Северного Индустана.

Несмотря на древность своих исторических воспоминаний, современная Патна не заключает в себе почти никаких остатков старины; главная её архитектурная достопримечательность—громадный хлебный амбар, которым англичане никогда не пользовались, разве только для того, чтобы слушать, как отдается в нем чудное эхо. В самом городе только и есть замечательного, что его обширные складочные магазины, наполненные опиумом, хлебом, растительными маслами и другими продуктами и товарами; но в окрестностях встречаются здания и руины, которые принадлежат к числу интереснейших памятников религиозной Индии. На юге от Патны некогда находилась область, по преимуществу священная для буддистов; но браманы съумели ловко обратить в свою пользу античную святость храмов и монастырей соперничающего культа; как гласит местная легенда, земля прикрывает в этом месте одного проклятого богами гения, преступление которого состояло в том, чти он слишком любил людей и слишком легко спасал их от мук ада. Гений этот не кто иной, как побежденный буддизм: для того, чтобы он согласился не колебать землю, боги-победители обещали ему спасение для всех пилигримов, которые будут приходить молиться в храмах, построенных на его теле[1]. Железная дорога, проходящая через промышленный город Джаханабад, соединяет Патну с священным городом Гайя, названным так по имени мифического гения, запертого в недрах земли. Сорок пять священных станций, перед каждою из которых богомольцы должны оставлять приношения, окружают этот город на некотором расстоянии; нужно не менее тринадцати дней пути, чтобы исполнить все церемонии очищения. Из всех этих станций самой важной, той станцией, где приношения имеют наибольшую спасительную силу, где они особенно богоугодны, считается станция Буд-Гайя или Бод-Гайя, находящаяся в десяти километрах к югу от города, на реке Лиладжан, или «Незапятнанной»; в этом месте Шакиа-Муни провел пять лет, погруженный в самосозерцание, в тени смоковницы из породы банианов, от которой и теперь еще показывают ствол, на половину изгрызенный временем; название этого дерева, боди друм, т.е. «Древо мудрости», будто бы, сделалось, слегка измененное, наименованием всей совокупности священных памятников, но некоторые этимологи производят его от прозвища, которое имел «Мудрец», или Будда. Храм, который стараниями посланников барманского короля был дважды ремонтирован, в 1805 и в 1877 годах, покоится на фундаментах здания, построенного слишком 2.400 лет тому назад, и сохранил еще любопытные изваяния, относящиеся к эпохе императора Асоки, которые воспроизводят не арийские типы, а фигуры, похожия на представителей племени коль[2]. Неподалеку от храма видны также развалины дворца, в котором жили Асока и его преемники на магадском троне.

Гайя, впрочем, не исключительно город жрецов; он в то же время и торговый центр: самая многолюдная часть его, обогатившаяся от торговли сахаром, получила, от населяющих ее купцов, прозвище Сахибгандж, т.е. «Господский рынок». Точно также, на юго-востоке от Патны, город Бехар, по которому называется и вся провинция и имя которого, происшедшее от Вихара, имеет один только смысл—«Монастырь», приобрел важное значение гораздо более по своей торговле и промышленности, чем по приливу пилигримов. Что касается городов провинции Бехар, находящихся к северу от Ганга, в области Тиргут, то они ничем не

1 Radjendralala Mitra, „Buddha Gaya“.

2 Dalton, „Ethnology of Bengal”; Radjendralala Mitra, „Bouddha Gaya‘.

прославились в религиозной истории Индии, так как эта страна долгое время оставалась во власти диких народцев; но в наши дни это одна из тех областей, которые дают наибольшее количество хлеба, опиума и других земледельческих произведений; тиргутский табак и индиго принадлежат к наиболее ценимым продуктам этого рода. Городские поселения Беттия, Музаффарпур, Дабанга, самые значительные центры населения в крае, отправляют свои произведения в Калькутту, но не по изменчивым рекам и речкам, орошающим их поля, а по сети железных дорог, постройка которых была предпринята во время голодного 1874 года, с целью дать заработок умиравшим с голода поселянам. Эти рельсовые пути, по которым постоянно происходит большое товарное движение, оканчиваются на берегу Ганга, напротив города Бар, одной из важных станций железной дороги из Калькутты в Пешавер. Город Хаджипур, тоже значительный торговый пункт, может быть рассматриваем как пригород Патны, с которою его соединяет устье реки Гандак. Возделанные земли Северного Бехара постепенно распространяются все далее и далее в пределы болотистого пояса терай, на юге от границы Непала, за которою наблюдает, на дороге в Катманду, крепость Сигаули.

Монгир, одна из самых оживленных пристаней на берегах Ганга, есть в то же время один из живописных городов Бенгалии, благодаря скалистому пригорку, на котором стоит старинный форт, заключающий теперь европейский город: у подножия этого замка или кремля группируются дома индусского города; окружающие равнины принадлежат к местностям, которые наиболее представляют вид леса или парка, благодаря дереву мхова или bassa latifolia, цветы которого питают людей и животных. Около полумиллиона этих деревьев растут в округе, давая каждый год сбор цветов, простирающийся до 100.000 тонн [более 6 миллионов пудов][1]. Багальпур, город еще более многолюдный и торговый, чем Монгир, расположен вдоль правого берега главной реки, на пространстве слишком 3 километров; окрестная страна—одна из самых любопытных местностей Индии по многочисленности существующих в ней храмов, сооруженных джайнами. Холм Мандар (Мандар-гири), который высится уединенно верстах в пятидесяти к югу от Багальпура, носил некогда 540 храмов на своем гранитном плато, господствующем над окружающими равнинами на 200 слишком метров; изображение змея, иссеченное в скале рельефно, обвивается вокруг всей горы. От древних зданий страны сохранились только агаты и другие твердые камни, рассеянные по земле.

Ниже богатого Багальпура, по течению реки, древний город Кольгонг, или Кохальгаон, еще недавно имевший весьма важное значение, как место отправки товаров в Калькутту, снизошел теперь на степень незначительного местечка: удалившись от этого города, Ганг тем самым осудил большое число его жителей на изгнание; большинство их поселилось ниже по реке, в новом городе Сахибгандже, одном из тех многочисленных «господских рынков», которые появились со времени английского завоевания. По Гонтеру, торговое движение в Сахибгандже в фискальном 1876—1877 году выразилось следующими цифрами: 43.020 судов, груз которых состоял из 100.000 тонн риса, 40.000 тонн соли и т.д.; общая ценность товаров простиралась до 11.250.000 франков. К северо-западу от Сахибганджа, на противоположном берегу реки, усеянной в этом месте островами и песчаными мелями, находится станция Карагола, которая тоже привлекает много торгового люда во время ярмарок; эти ярмарки происходят на обширной равнине из аллювиальных земель, где не раз появлялась холера, производившая большие опустошения среди скученной массы народа. Первый город, который мы встречаем на юге от большого изгиба Ганга, обходящего вокруг холмов Пахариа,—Раджмагал, тоже один из тех городов, которые населялись и пустели, сообразно перемещениям реки. Почти во все продолжение семнадцатого столетия, Раджмагал, стоявший тогда при главном течении Ганга, был важнейшим городом области дельты; в половине настоящего столетия он был еще многолюдным и торговым центром населения; но в 1863 году река отодвинулась к востоку, и «Сад Царей» (буквальное значение слова Раджмагал) обратился в кучку лачуг, раскиданных вокруг руин. В 1880 году течение реки опять вступило в Раджмагальское русло, а вместе с тем вернулись торговля и цветущее состояние города. На востоке,

1 Lockwood, „Journal of the Linnaean Society", vol. XVII, 1880.

город Мальда, расположенный при слиянии Мага-надди и одного рукава или побочного потока Ганга, и некогда имевший некоторую важность, как торговая контора французов и голландцев, тоже пришел в упадок; в настоящее время он славится только своими превосходными плодами мангового дерева, но уже не фабрикует прочных бумажных материй, известных под названием *мальди*. Далее на юге, английская торговая контора, основанная в 1686 году, сделалась одним из второстепенных городов Бенгалии, под именем Инглиш-Базар (английский базар) или Англазабад. В этой изменчивой стране, где нередко и самая почва пропадает по капризу потоков, города имеют более скоропреходящую судьбу, чем на твердых землях внутренности материка. Так, в этой области видны еще знаменитые развалины Гаура и остатки Пандуаха, города, который был резиденцией афганских монархов около конца четырнадцатого столетия; его здания, все из камня, хорошо сохранились и очень любопытны, как образчики афганской архитектуры в Бенгалии. Что касается города Тондан или Тангра, который следовал, как столица государства, за Гауром и Пандуахом, то местоположение его еще не найдено[1]. На севере, в аллювиальных равнинах, по которым протекают горные речки и ручьи, спускающиеся из Непала и Сиккима, города тоже блуждают по воле изменчивых вод. Так, Пурния, один из важнейших рынков для торговли джутом, был покинут европейскими негоциантами с тех пор, как река Кали-Коси, переменив русло, оставила вдоль города пояс вонючих болот.

Ниже бифуркации Ганга встречаем еще несколько городов, следующих один за другим в аллювиальной равнине Падмы, большего рукава главной реки, который соединяется с Мегной. Рампур-Баолеах—очень оживленный и посещаемый большим числом судов порт, отпускающий преимущественно шелк, рис, джут, и ввозящий сахар, соль и различные ткани (в фискальном 1876—1877 году торговое движение этого города простиралось, по ценности товаров, до 13 525.000 фр.); тогда как Пабна, главный город округа, почти покинут торговлей, вследствие того, что речное русло переместилось к югу. Между этими двумя городами, Рампуром и Пабной, паровой паром соединяет две половины железной дороги, идущей из Калькутты в Дарджилинг. Но торговая жизнь, понятно, устремилась, главным образом, на малый рукав Ганга, который англичане выбрали местом для основания столицы своей Индийской империи. Впрочем, на том же западном рукаве могучей реки, около вершины дельты, и прежние государи Бенгалии установили свою резиденцию в восемнадцатом столетии. Муршидабад, на который упал их выбор, скоро сделался одним из величайших городов в свете. Когда английский генерал Кляйв проник в эту столицу, в 1759 году, после того, как армия его одержала над войсками наваба решительную победу при Пласси, резиденция бенгальских владык показалась ему «такою же обширною, такою же многолюдною и такою же богатою, как Лондон, с тою разницею, что крупные собственники Муршидабада живут в гораздо большем изобилии и роскоши, чем лорды и негоцианты английской метрополии». «Если бы жители,—прибавляет он,—захотели истребить европейцев, то им достаточно было бы для этого камней и палок». Город имел тогда слишком 50 километров в окружности. Даже и после того, как англичане сделались неоспоримыми властителями Бенгалии, Муршидабад попрежнему сохранил свой оффициальный ранг столицы; только в 1772 году он был лишен некоторых из своих привилегий главного города государства, а в 1790 году у него был отнят, наконец, и самый титул столицы. С этой эпохи важность его, так же, как и численность населения, быстро уменьшились. Последовательные переписи городского населения Муршидабада в девятнадцатом столетии дали следующие цифры: в 1815 г.—165.000; в 1829 г.—146.186; в 1837—124.804; в 1872 г.—46.140; в 1891 г.—35.576 жит. Наваб, которому английское правительство назначило годовое содержание (liste civile) в размере 4 миллионов франков, все еще имеет свою оффициальную резиденцию в Муршидабаде и владеет там пышными дворцами, из которых один, построенный недавно в итальянском стиле, заключает резной трон из слоновой кости, образцовое произведение местного искусства; другой дворец в большей части построен из драгоценных материалов, извлеченных из древних памятников

1 Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

Гаура. Один из муршидабадских лицеев (колледжей) принимает исключительно молодых людей, принадлежащих к фамилии наваба. Почти затерянный среди деревьев и густых чащей бамбука, Муршидабад имеет вид обыкновенных городских поселений только в фабричном квартале (шелкопрядильные мануфактуры), да в той части, которая расположена по берегу Ганга; но торговое движение сосредоточивается преимущественно на севере городского округа, в двух пригородных местечках Джиагандж и Азимгандж, лежащих одно против другого по обе стороны реки Бхагирати. В коммерческом мире Муршидабад известен только своими банковыми операциями.

Если Муршидабад пришел в упадок, то многие другие города страны совсем прекратили свое существование. Так, древний буддийский город Бадригат, на западном берегу Бхагирати, оставил после себя только развалины, а место, где стоял Казимбазар, теперь указывают только мазанки да несколько дворцов богатых туземцев. Этот последний город, находившийся в пяти километрах к югу от Муршидабада, был в семнадцатом столетии важнейшим торговым центром Бенгалии; самая река была известна под именем этого порта, и вся дельта Ганга называлась «Казимбазарским островом». В 1813 году торговля уже большею часть переместилась и направилась к новому городу Барампуру (Брамапур), где англичане основали свои военные кантонементы, как вдруг отступление русла Бхагирати оставило Казимбазар среди болот; отлив населения принял размеры настоящего бегства, и ост-индская компания, владевшая в этом месте весьма важною прядильною мануфактурою, вынуждена была бросить это обширное промышленное заведение. Местоположение бывшей европейской колонии теперь указывают только многочисленные могильные камни христианского кладбища. На юге от Барампура, знаменитое поле сражения при Пласси или Паласи испытало противоположную участь: вместо того, чтобы быть покинутым внутри земель, вдали от реки, оно было целиком унесено разливами речных вод.

Надия, одна из столиц, которые предшествовали Муршидабаду, была в одиннадцатом столетии резиденцией последнего из государей индусской расы, царствовавших над Бенгалией. Она не исчезла, как многие другие города этой области, где почва беспрестанно перемещается водами; но река, так сказать, играла с нею; основанная на правом берегу Бхагирати, она теперь находится на левом берегу той же реки. Кришнагар, лежащий километрах в десяти к востоку, на берегу Джеллинги, много превзошел Надию по важности; то же нужно сказать о двух очень значительных торговых городах Каль и Сантипур, находящихся ниже, на извилинах Бхагирати, которая уже приняла в этом месте название Хугли. Города этой области Бенгалии некогда славились своими учебными заведениями, а Кришнагар и ныне славится своим институтом санскритского языка и литературы. От другого древнего города, знаменитого своими школами, Трибени, не осталось ничего, кроме гата, или священной лестницы, по которой спускаются пилигримы, чтобы купаться в водах реки. Трибени, т.е. «Три Реки», названный так от слияния двух потоков с Гангом, не переменил имени с глубокой древности, восходящей слишком за восемнадцать столетий до нашего времени; Плиний и Птолемей упоминают о нем, как об одном из больших торговых городов Индии.

В Трибени мы уже вступаем в городской округ Калькутты. Древний порт Сатгаон или Саптаграм, т.е. «Семь Деревень», был долгое время главным торговым городом гангской дельты, но когда фарватер обмелел, место якорной стоянки судов должно было передвинуться, и португальцы, которые в то время прибыли в страну, основали город Хугли: это было в 1547 году. Церковь и Бандельский монастырь, которые еще видны на северной стороне города,—самые старые христианские здания, какие только существуют в Северной Индии. Португальцы оставались около столетия в своей колонии, но в 1629 году император Джахангир обложил осадой Хугли и взял город приступом; почти весь португальский флот был захвачен неприятелем, и пленные были перебиты или насильно обращены в магометанскую веру. В 1642 году явились, в свою очередь, англичане, и так же, как португальцы, скоро вступили в вооруженную борьбу с своими хозяевами; победа осталась за пришельцами, и Хугли сделался одним из их опорных пунктов для дальнейших завоеваний. Город Чинсу-

рах, лежащий к югу от Хугли и составляющий с ним одно целое в отношении городского общественного управления, был голландскою колониею; только в 1826 году он окончательно уступлен Англии. Построенный в этом городе постоянный мост, длиною в 400 метров, соединяет две железнодорожные линии, идущие по обоим берегам Хугли.

Французская контора Чандернагор,—Чондан-нагар, «Город Сандального дерева», или Чандра-нагар, «Город Луны»,—напоминает времена, когда Дюпле старался завоевать для Франции Индийскую империю. Занятый французами в 1673 году, затем купленный у Великого Могола в 1688 году, Чандернагор сделался, в первой половине восемнадцатого столетия, значительным городом, и купеческие суда сотнями стояли на якоре перед его набережными; в 1757 году измена Террано предала его англичанам[1]. Разоренный войнами, кордоном таможен, которыми он окружен со всех сторон, и обмелением реки, которая теперь имеет только три метра глубины на фарватере, Чандернагор остался, по крайней мере, одним из красивейших городов Бенгалии; его обветшалые храмы и дворцы окружены обширным садом, который образуют группы пальм, густые ряды индийских смоковниц и другие большие тропические деревья. Фараш-дунга, или «Французская община», занимает, со всею своею территориею, пространство 940 гектаров, и торговля её совершенно ничтожна; французские коммерческие корабли останавливаются в Калькутте.

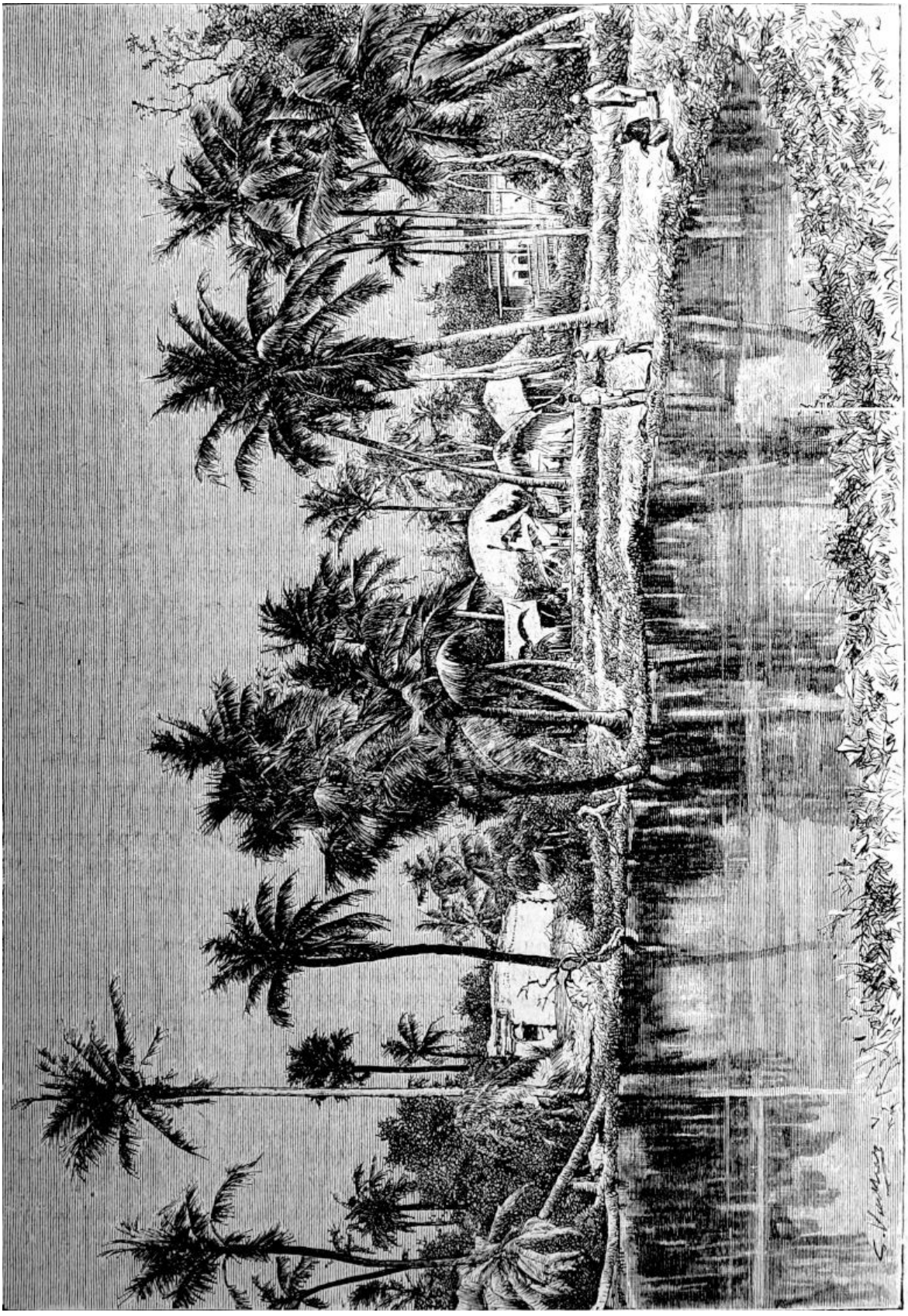
Торговля Франции рекой Хугли в 1878 году: Привоз в Калькутту—7.006.000 франк. Вывоз из Калькутты —50.681.000 франк.

Все торговые нации Европы хотели иметь свои конторы на главной реке Бенгалии и получать свою долю драгоценных произведений страны. Ниже Чандернагора и на том же западном берегу Хугли датчане приобрели город Серампур, который они окрестили полудатским, полуиндусским именем Фредерикснагар. Проданный Англии в 1845 году, Серампур составляет теперь пригород Калькутты, и многочисленные негоцианты основали в нем свое обычное местопребывание. Этот город долгое время был средоточием протестантских миссий в Индустане, и его семинария религиозных пропагандистов есть значительное учебное заведение, библиотека которого заключает в себе редкия рукописи. Напротив Серампура, на левом берегу Хугли, виднеется прекрасный парк Баракпура, одной из резиденций вице-короля Индии. Это смешанное, полуевропейское, полуиндусское название Баракпур (барачный город) указывает на соседство военных кантонементов, которые заменили старую крепость Сиамнагар, построенную одним бардванским раджей. В 1824 году один полк сипаев, стоявший лагерем в Баракпуре, отказался идти на войну против Бармании и за это ослушание был истреблен.

Калькутта, столица Англо-индийской империи и, после Бомбея, многолюднейший город Южной Азии, появилась в относительно недавнее время. Правда, в этом месте существовала маленькая деревня, Каликота, упоминаемая в 1596 году в окладных реестрах, составленных по приказанию султана Акбара, но только около столетия позднее английские купцы, жившие в Хугли, покинули эту контору, чтобы поселиться на левом берегу реки, в местности, безопасной от набегов мараттов. Они построили свои магазины и жилища на том месте, где находились три деревушки, Сутанати, Каликота и Говиндпур, и имя центрального селения, напоминающее культ Кали, кровожадной богини, в конце концов одержало верх и сделалось названием всей колонии. Моряки и иностранцы переделали это наименование в Голгофу, намекая тем на ужасающую смертность нового города, который был окружен со всех сторон болотами, и грунт которого находился во многих местах ниже уровня речных наводнений. В наши дни различные кварталы ассенированы сетью сточных труб, прекрасными парками и чистыми водами, текущими в изобилии; в 1871 году смертность в Калькутте была меньше, чем во многих больших городах Западной Европы, каковы, например, Неаполь и Флоренция; тем не менее, пояс болотистых земель и рисовых плантаций, часто затопляемых, и теперь еще окружает город с восточной и южной стороны: обширное болото Даппаманпурское, называемое англо-индийцами «Соляным озером», простирается на востоке от Калькут-

1 „Journal of the Asiatic Society of Bengal", II, 1867.

ты на пространстве около 80 квадр. километров и наполняется городскими нечистотами, отвозимыми туда по особой железной дороге, устроенной специально для этой цели. С 1871 года смертность снова возрасла, при том до такой степени, что стала перевешивать среднюю



Бенгальскій пейзажъ.

цифру рождений, и городское население с этого года постоянно уменьшалось, хотя число жителей вообще в пригангских равнинах возрасло в изумительных размерах.

Смертность в Калькутте: в 1871—23,9; в 1873 г.—25,8; в 1877 г.—31.9 на 1000.

Обладание подвижною, изменчивою почвой, на которой водворились купцы ост-индской компании, досталось им не без борьбы. В 1756 году наваб Бенгалии, Сарадж-уд-Даула, обложил осадой цитадель и овладел ею; европейские пленные, в числе 146 человек, были заперты в тесную комнату, знаменитую «Черную Яму» (Black Hole), как ее называют английские летописцы, и на другой день, когда темница была отперта, в живых оказались только 33 человека; остальные, по недостатку воздуха и пространства, задохлись или были раздавлены. В следующем году военный флот, пришедший из Мадраса, отмстил за это злодеяние. Генералы Кляйв и Вильсон взяли обратно Калькутту, одержали решительную победу при Пласси, назначили нового наваба и предписали ему условия мира, в силу которых англичане получили право верховной власти над калькуттскою землей. С этой эпохи и начинается существование нынешнего города. На юг от старого форта, Кляйв воздвиг цитадель с звездчатыми бастионами, получившую название «форт Вильям», которая имеет не менее 3 километров в окружности и заключает в себе целый город и сады; на сторонах, которые ограничивают на севере и на востоке *майдан*, обширную эспланаду, где маневрируют войска и где прогуливается столичный бомонд, высятся те пышные строения с колоннадами и с фронтонами, за которые Калькутта получила название «города дворцов». Правда, что эти дворцы обращают на себя внимание только богатством материалов, из которых они построены, да правильностью своих архитектурных линий; это английские подражания греческого стиля; несмотря на разность климатов и народов, Калькутта и Петербург походят друг на друга холодною правильностью и банальным, казарменным видом и расположением своих зданий. Еще недавно в этой пышной столице Индии город дворцов составлял в высшей степени печальный контраст с «грязным городом»: северные и восточные кварталы, населенные туземцами, представляли непроходимый лабиринт переулков и закоулков, обставленных по сторонам грязными лачугами индусов; широкия улицы, проведенные теперь через этот черный город, дают доступ воздуху и свету; с своей стороны, и английский город содержит уже не мало улиц, постройки которых, более простые, чем богатые здания эспланады, отличаются в то же время и лучшим вкусом в архитектурном отношении. На западе, на правом берегу реки, основался другой город, под именем Хаурах, населенный по преимуществу моряками, промышленниками, ремесленниками всякого рода. Пловучий мост, разводимый на два часа в день для прохода судов, соединяет эти два города. Вдоль берегов Хугли, на некотором расстоянии одна от другой, устроены священные лестницы, или гаты, спускающиеся своими нижними ступенями в самую воду и постоянно унизанные индусами и индусскими всякого возраста, которые молчаливо предаются омовениям, образуя живописную картину своими подвижными, беспрестанно меняющимися группами. На северной стороне пловучего моста Нимтолахская лестница специально посвящена сожиганию умерших: труп покойника кладут на костер, брызгают на глаза несколько капель священной воды, затем накладывают кучки поленьев на тело, и вскоре от него остается только пепел да обугленные кости[1].

Выбор Калькутты в столицы британских владений в Азии ясно свидетельствует о чужеземном происхождении её основателей. Относительно Полуострова по сю сторону Ганга или передней Индии она занимает положение, совершенно внешнее, так как находится на окраине его: она, очевидно, есть лишь сборное место для торговых судов, приходящих за грузами произведений страны: это резиденция купцов, а не средоточие обширной политической империи, каковым было местопребывание Великих Моголов. Даже в Бенгалии Калькутта далеко не имеет того географического положения, какое приличествует естественной столице, выростающей, так сказать, из земли, благодаря сосредоточению местных энергий. При естественном ходе вещей, индийский Мемфис должен был возникнуть сам собою при начале разделения Ганга на рукава, и действительно, там именно, близ этой бифуркации, беспрестанно меняющей место, возникали, под владычеством азиатских династий, индусских и магометанских, следовавшие один за другим главные города Бенгалии: Надия, Гаур, Пандуах, Казимбазар, Муршидабад. Калькутта—это в сущности не что иное, как торговая контора или

1 E. Cotteau, „Promenade dans l'Inde et a Ceylon“.

фактория, господство которой было навязано всей стране силами, пришедшими из чужих дальних краев, и которая могла изменить в свою пользу естественное направление главных путей сообщения только при помощи значительных искусственных сооружений. Оттого-то часто предлагали перенести столицу в другое место: Дели, Агра, Аллахабад, Джабальпур были рекомендованы как будущие столицы Индии, ради их центрального положения на Полуострове; имя Бомбея тоже было упоминаемо в этих проектах, в виду тех исключительных выгод, какие представляет этот город относительно удобства сношений с Европой: указывали даже Назик, на северо-западном углу Декана, как занимающий привилегированное положение в отношении здоровости климата, близости Бомбейского порта и легкости сосредоточения всех больших дорог Индустана. Но Калькутта имеет на своей стороне, если не права, даваемые временем, то, по крайней мере, громадные рессурсы, которые ей доставили её капиталы. Благодаря железным дорогам и линиям судоходства, нынешняя столица государства имеет легкое и удобное сообщение со всеми провинциями Индустана; кроме того, нужно принять в соображение то обстоятельство, что завоевания и мирные территориальные присоединения, сделанные на Полуострове по ту сторону Ганга, придали городу на Хугли положение центральное относительно всей совокупности Англо-азиатской империи; он занимает середину между Цейлоном и Сингапуром, между Аденом и Гонконгом. При том, можно сказать, что со времени основания летних городов на Гималайских предгорьях, столица Индии стала вести кочевой образ жизни. Летом, Калькутта перестает быть местопребыванием правительства: административным центром империи становится Симла, тогда как Дарджилинг делается временно главным городом Бенгальского президентства. Таким образом, главные управления Индии эмигрируют периодически, сообразно перемене времен года,—явление, беспримерное в истории больших государств.

В период своего слишком столетнего господства над богатою Индийской империей, Калькутта не только украсилась пышными памятниками зодчества, каковы вице-королевский дворец, здания высших правительственных учреждений, городская дума, судебная палата, главный почтамт, монетный двор, клубы, кафедральные соборы, построенные в греческом или готическом стиле, более или менее индианизированном,—она основала также много важных научных учреждений. Мало найдется во всем свете ученых обществ, которые оказали бы больше услуг науке, чем азиатское общество Бенгалии, и издаваемые им записки, ряд которых начался около ста лет тому назад, в 1788 году, составляют один из драгоценнейших источников для изучения Востока; его богатая библиотека обладает многими единственными в своем роде документами. Индийский музей, в Калькутте, заключает в себе полную коллекцию горных пород и ископаемых Индустана, и, между прочим, любопытные остатки фауны третичной эпохи, собранные в пластах гор Сивалик. Между калькуттскими парками особенно замечателен зоологический сад, менее богатый, однако, чем такой же сад аудского раджи, имение которого занимает пространство более двух километров вдоль левого берега, ниже города. Против дворца низложенного раджи раскинулся обширный ботанический сад, занимающий площадь в 109 гектаров; несмотря на опустошения, произведенные циклонами, там еще сохранились некоторые чудеса растительного мира, между прочим, сенегальский баобаб, окружность которого превышает 11 метров (7 сажен). Этот сад, разведенный в 1786 году, получил, под управлением Госкера, первостепенную важность; это, вероятно, важнейшее учреждение подобного рода, давшее свету наибольшее число полезных и орнаментальных или декоративных растений: гербарий его, без сомнения, самый полный во всей Азии.

Как промышленный город, Калькутта стоит ниже Бомбея; она имеет почти только те мастерские и фабричные заведения, какие необходимы всякому большому городу. Однако, пригород Хаурах, на западном берегу реки, представляет уже в одном из своих кварталов вид европейского мануфактурного города высокими трубами своих фабрик и заводов; здесь переработываются в нити и ткани волокна джута(по-индусски *пат*, *кошта*), или corchoris indica, и фабрикуются те грубые мешки, которыми пользуются моряки для нагрузки хлебных растений и других продуктов. В Калькутте существуют также и бумагопрядильные мануфактуры. В 1894 году в этом городе насчитывали 26 джутопрядилень, с 9.417 ткацких

станков и 189.080 веретен, при 67.930 рабочих, 8 бумагопрядилен, с 324.038 веретен, 3 большие писчебумажные фабрики, 2 сахарных завода, несколько индиговых фабрик и 170 мелких промышленных заведений. Правительство тоже имеет большие промышленные заведения в самой Калькутте и в окрестностях; важнейшее из них—пушечно-литейный завод, в Козипуре, находящийся выше города по реке. Что касается роли города на Хугли в отношении распределения богатств, то он несомненно имеет первостепенное значение. Калькутта—один из главнейших портовых городов Азии и всего света: годовая ценность его торговых оборотов простирается до двух с половиною миллиардов франков, а движение судоходства достигает, по количеству грузов, почти двух миллионов тонн, не считая беспрестанного прихода и отхода мелких пароходов и туземных барок, плавающих в дельте Ганга. Вот точные цифры торговых оборотов. Обороты внешней торговли 1894 г. составляли около 700 миллионов рупий:

Движение порта по внешней торговле в 1893 году: пришло 271 паровое судно в 548.982 тонны и 146 парусных судов в 242.083 т.; отошло— 325 пароходов в 681.365 т. и 180 парусных судов в 295.603 тонны.

Об изумительной деятельности судоходства на тысяче каналов Бенгалии можно судить по тому факту, что городок Хульна, стоящий в центре этой сети водных путей, видит каждый год более ста тысяч судов, останавливающихся у его набережных. Известно, что не так давно калькуттские негоцианты, опасаясь обмеления реки Хугли, хотели было дополнить свой порт прибавкой другого торгового города на лимане рукава Матлах, имеющем от 8 до 50 метров глубины и безопасном от боры (борьбы приливной волны с речным течением); но ни один иностранный корабль не пошел к этой новой гавани, окрещенной именем порта Каннинга. Недалеко оттуда находятся рудники Тарда, которые были посещены португальскими мореплавателями еще до основания Калькутты[1]. На северо-востоке лежит Джессор или Касба, маленький городок, но административный центр округа, в котором насчитывается свыше двух миллионов жителей.

Ниже Калькутты, вплоть до самого моря, удаленного от столицы на 128 километров, нет более городов; встречаются только деревни, на половину скрытые в густой зелени, да форты, сигнальные башни, маяки и бакены. Однако, на запад от метрополии простирается густо населенный бассейн притока Хугли, реки Дамудах или Дамодар, которая берет начало в холмах области Чота-Нагпор и соединяется в лимане с другим потоком, рекой Рупнараян. В этом бассейне есть еще несколько важных городов; Бардван, резиденция одного магараджи, получающего теперь пенсию от английского правительства,—самый значительный из них, но в Индустане мало найдется городов, которым приходилось бы больше страдать от болотной лихорадки (маларии); постоянный перевес смертных случаев над числом рождений уменьшил население Бардвана более чем на треть с 1863 года, а некоторые деревни, более других подвергающиеся губительному действию миазмов, поднимающихся с прибрежных болот реки Дамодара, были совершенно обезлюднены. Соседний город, Бишнапур, на который старинные хроники указывают, в одиннадцатом столетии, как на «славнейший город во всем свете», представляет теперь почти только развалины в черте громадного пространства, которое он некогда занимал. Другие города страны, Чандракона, Банкура, имеют некоторые местные роды промышленности, преимущественно производство шелковых материй и металлических изделий. Место, к которому, главным образом, устремляются английские капиталы, это Ранигандж ский каменноугольный бассейн, обширный горнозаводский округ, который заключает в своих богатых залежах по меньшей мере, 14 миллиардов тонн угля и который один доставляет две трети всего добываемого в Индии годового количества минерального топлива. Разработка тамошних копей началась с 1777 года, но по качеству ранигандж ский каменный уголь далеко уступает английскому. Самым деятельным годом эксплоатации был 1868, когда количество добытого в копях Ранигандж а угля достигло 564.930 тонн; в 1879 году добыча составляла только 523.100 тонн. Уголь из копей Кархарбари, в го-

1 J. Long, „Proceedings of the Asiatic Society", dec 1868.

рах области Чота-Нагпор, недалеко от горы Параснат, доставляемый по специальной, нарочно для этой цели построенной ветви железной дороги, считается лучшим в Индии, и в соседстве, на линии, простирающейся на запад через Хазарибаг и Паламао, вплоть до Дальтонганджа (Дальтонов рынок), в долине реки Соны, следуют один за другим другие каменноугольные бассейны, которые способствуют в известной степени поддержанию и развитию промышленной деятельности страны, доставляя топливо и железо её чугуноплавильным и железоделательным заводам и локомотивам железных дорог Бенгалии. Замечательно, что в бенгальских каменноугольных копях никогда не образуется так называемый рудничный газ[1], так что тамошним рудокопам нет надобности принимать против взрывов ни одной из тех предосторожностей, которые необходимы в Европе. Это тоже одна из выгод географического положения Калькутты, что она находится по близости от единственных каменноугольных бассейнов Полуострова, имеющих действительную экономическую ценность.

Несмотря на очень нездоровый климат низменных болотистых местностей страны, народонаселение в округе Чота-Нагпор возрастает быстрее, чем во всех других округах Бенгалии. Хазарибаг, славящийся своим чистым, здоровым воздухом, постоянно разростается и приобретает все более и более важное значение, как место дачной жизни для английских негоциантов Калькутты. Там и сям, в особенности на скатах горы Параснат, увенчанной джайнскими святилищами, джунгли уже уступили место чайным плантациям; но проект основать летний город на вершине горы почему-то оставлен. На севере, в равнине, по которой проходит железная дорога, непосредственно соединяющая Калькутту с Патной, находятся храмы, еще более усердно посещаемые пилигримами, чем пагоды на горе Параснат: это святилища Деогара, или «Божьего Замка», посвященные богу Сиве. В прошлом столетии эти храмы были отдаваемы ост-индскою компанией на откуп жрецам, и каждый приходивший на поклонение святым местам богомолец должен был платить известный налог в пользу английской казны[2].

К западу от Калькутты, единственный большой город страны—промышленный Миднапур, стоящий на реке Касаи и сообщающийся с рукавом Хугли посредством судоходного канала, проведенного через низменные равнины. Город Тамлук, на правом берегу Рупнарайяна, в том месте, где морской прилив превращает эту реку в широкий лиман, который, по мнению Фергюссона, был некогда лиманом Хугли, есть древний Тамралапти, столица государства и очень оживленный порт в эпоху буддийского господства. Китайский путешественник Гиуэн-Цанг, посетивший страну в седьмом столетии после Р. Х., говорит о нем как о большом городе, богатом прекрасными памятниками зодчества. Но впоследствии река засорилась илом, обмелела, и суда перестали посещать Тамлук; теперь это не более как большое местечко, которого дома и храмы мало-по-малу погружаются все глубже в нетвердую почву.

Города Гангского бассейна, с населением свыше 20.000 душ:

Пенджаб: Дели—192.579 жит.; Карнал—27.025 жит.; Панипат—27.547 жит.; Ревари—25.230 жит.

«Северо-западныя» провинции: Бенарес— 219.457 жит.; Агра—168 662 жит.; Аллахабад—175.246 жит.; Каунпор—188.712 жит.; Барели—121.039 жит.; Мират—119.390 жит.; Фаррухабад и Фатехгар—78.032 жит.; Шахджаханпур—78.522 жит.; Мирзапур—84.130 жит.; Морадабад—72.921 жит.; Муттра (Матра)—61.195 жит.: Койл (Алигар)—61.485 жит.; Горахпур—63.620 жит.; Самбхал—46.975 жит.; Сахаранпур—63.194 жит.; Амроа—34.900 жит.; Будаон—33.680 жит.; Этава—34.721 жит.; Пилибхид—33.799 жит.; Банда—28.974 жит.; Гатрас—23.600 жит.; Джаупур—23.325 жит.; Деобанд—21.700 жит.; Майнпури—21.175 жит.

Государство Рампур: Рампур—76.733 жит.

Ауд: Лукнау (Лукноу)—273.028 жит.; Файзабад—78.921 жит.

Бенгалия: Калькутта, с пригородами—810.786 жит.; Гаурах—116.606 жит.; Патна—

1 V. Ball, „Jungle Life iu India".

2 Hunter, „Annals of Rural Bengal".

165.192 жит.; Багальпур—69.106 жит.; Гайя—80.383 жит.; Дарбханга—73.561 жит.; Чапра—57.352 жит.; Муршидабад—35.576 жит.; Арра—43.000 жит.; Музаффарпур—38.225 жит.; Хугли и Чинсура—33.060 жит.; Бардван—34.477 жит.; Миднапур—31.500 жит.; Сантипур—30.437 жит.; Хульна—27.350 жит.; Бархампур—30.000 жит.; Кришнагар—26.750 жит.; Серампур—35.952 жит.; Хаджипур—22.300 жит.; Рампур Баолеах—22.300 жит.; Чандракона—21.300 жит.; Сасарам—21.025 жит.; Джаханабад—21.020 жит.

Французские владения: Чандернагор (1895 г)—24.000 жит.

IX.

Горы Ассама и бассейн Брахмапутры.

Эта северо-восточная часть Индии представляет переходную страну: занимая положение на границе нескольких географических областей, она принадлежит также и по составу своего народонаселения к различным историческим эпохам. В то время, как равнины, заключающиеся в Бенгальской провинции, составляют уже многие века часть индусского мира, горные цепи, образующие раздельный массив между бассейном Брахмапутры и бассейном Иравадди, между Индией и Индо-Китаем, населены племенами, стоящими на различных ступенях цивилизации; на полуденной покатости Гималайских гор и возвышенностей, которыми они продолжаются на восток, в пределы Китайской империи, простираются даже еще неисследованные пространства, которых первобытные племена или аборигены примыкают одни к тибетскому корню, другие к индо-китайским расам. В сравнении с большинством других провинций Индии, Ассам слабо населен, не только в высоких, нагорных долинах, но даже и в низменной области. Кажется, что в предшествующую эпоху, прежде чем дикари и бирманские войска опустошили этот край, население было гораздо многочисленнее на берегах Брахмапутры; повсюду встречаются в джунгле остатки строений, горки, бывшие, повидимому, могильными курганами, бамбуковые рощицы, сады из фруктовых деревьев, снова одичавших. В наши дни страна опять заселяется путем колонизации; бенгальцы, ораонцы, санталы, призываемые на чайные плантации, селятся в плодоносной равнине и в возвышенных долинах окрестных гор; но бенгальские округи Дакка, Типперах, Ноахали, лежащие на восточном берегу Брахмапутры, заключают в шесть и семь раз больше жителей, пропорционально пространству.

Бассейн Брахмапутры до границ Ассама:

	Пространство	Народонаселение
Ассам	126 915 кв. кил.	5.476.813 жит.
Дакка в Бенгалии	38.848 „	9.844.127 „
Типпера и Поахали	10.908 „	2.257.865 „
Типперахские холмы	10.582 „	137.442 „

Горы Гарро, или «Холмы» (Hills), как их называют калькуттские англичане, возвышаются непосредственно на востоке от большого изгиба, который образует Брахмапутра при своем вступлении в Бенгальскую равнину, подобно тому, как по другую сторону аллювиального пространства, образующего Междуречье, Ганг огибает Раджмагальские холмы; пробивая цепь высот, которая некогда простиралась от Гатских гор Западного Декана до гор Индо-Китая, воды, спускающиеся с Гималая, расположили свои течения с замечательной симметрией. Горы Гарро, поднимающиеся постепенно по направлению с запада на восток, состоят из параллельных хребтов, отделенных один от другого глубокими долинами, покрытыми лесами или джунглями. На юге, первый из этих хребтов увенчан горой Тура, с вершины которой, возвышающейся на 1.370 метров, открывается одна из обширнейших панорам, какие можно видеть в Индии: необозримое пространство равнин сливается в бесконечной дали с кривизной земного горизонта, тогда как за Дарджилингом показываются, в ясную погоду, неопределенные очертания горных масс Сиккима; блистая там и сям серебристыми полоса-

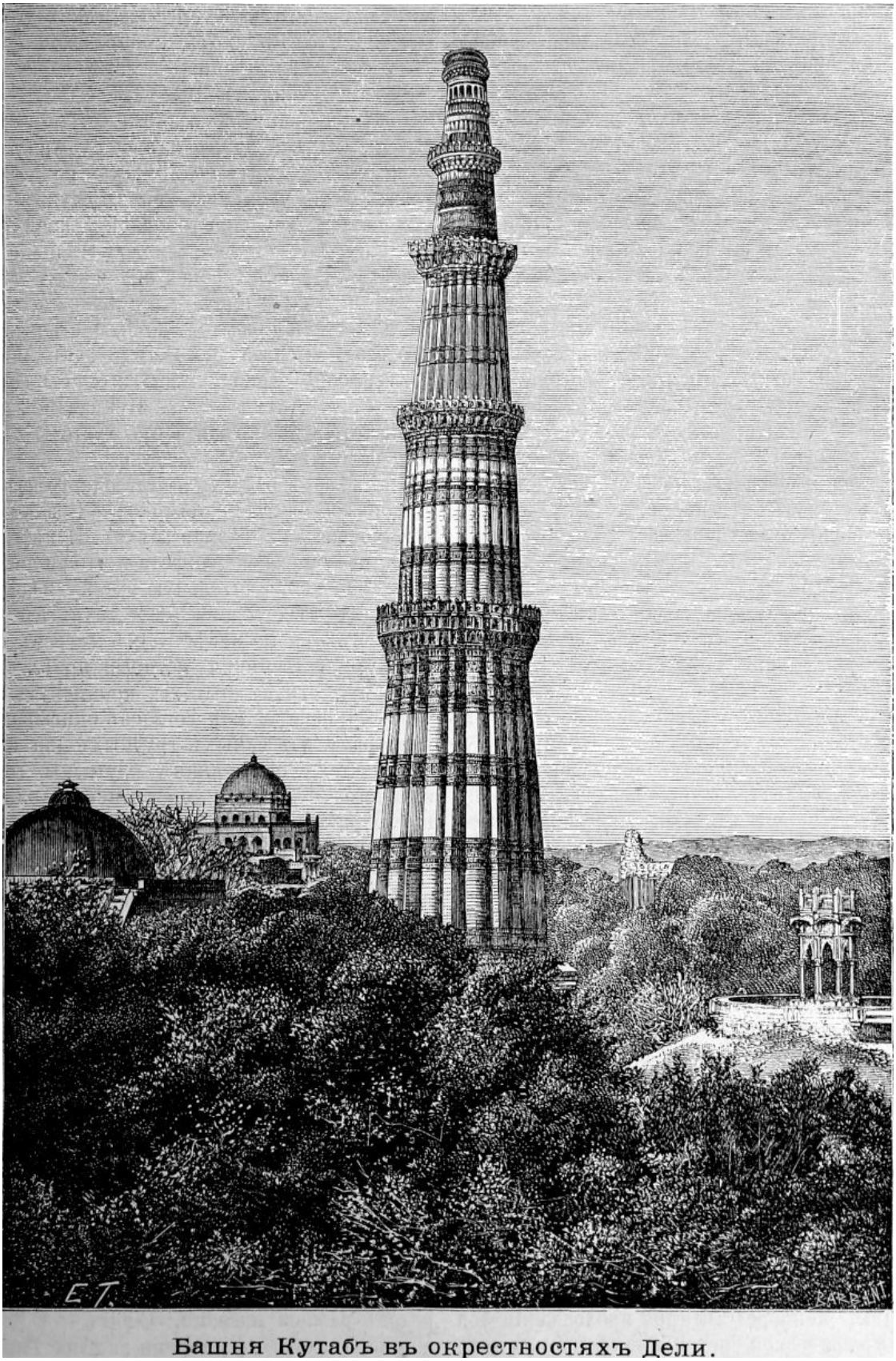
ми между зеленью лесов, появляются воды реки Амавари, как называют туземные жители гор Гарро Брахмапутру; на пространстве более 160 километров можно различить излучины реки. Около центра массива, но ближе к полуденному скату, поднимается высокая вершина, которой индусы дали имя Кайлас, то же самое, какое носит одна из священных гор Гималая. Горы Гарро, орошаемые необычайно обильными дождями, принадлежат к числу возвышенностей, покрытых очень густою растительностью, перепутанною с бесчисленными лианами и чужеядными растениями; драгоценный сал и другие строевые деревья составляют обыкновенные породы в этих лесах, которыми завладело правительство и которые, без сомнения, сделаются современем одним из самых производительных и доходных государственных имуществ, когда в них введется правильное лесное хозяйство и когда через них будут проведены во всех направлениях дороги, необходимые для эксплоатации. Государство присвоило себе также монополию охоты на слонов в горах Гарро; правильно производимые облавы могли бы давать ему каждый год около двухсот голов этих животных. К числу больших четвероногих, которые бродят в лесах этой части Ассама, принадлежит также носорог, это вообще очень смирное животное, и в некоторых округах его приручают и держат стадами, как мелкий домашний скот.

Горы Гарро, составляющие простой выступ или мыс на западной оконечности обширной горной системы, которая продолжается слишком на 1.000 километров, до высот Юннана, примыкают своими хребтами к более возвышенным землям, известным последовательно, в направлении от запада к востоку, под названием гор Хасиа (Хаси) и гор Джайнтиа. Геологическое строение как гор Гарро, так и цепей Хасиа и Джайнтиа, совершенно одинаково, но наружный вид двух склонов во многом разнится. С той и другой стороны северная часть гор состоит из кристаллических и метаморфических каменных пород, наклоненных довольно пологим скатом к равнине Брахмапутры, тогда как южный край образован из пластов третичного происхождения, преимущественно из меловых и песчаниковых формаций, круто обрывающихся над долиной, бывшим морским заливом, в котором теперь извиваются притоки Мегны. Тогда как горы Гарро разрезаны водами на множество параллельных долин, горы Хасиа имеют в целом форму плоскогорий, поднимающихся, средним числом, от 1.200 до 1.500 метров над уровнем моря, и на этих нагорных равнинах находятся горбы, из которых иные достигают почти 2.000 метров высоты; по словам братьев Шлагинтвейт, самая возвышенная вершина—гора Мопат, поднимающаяся на 2.840 метров, но карта, составленная, под руководством Тюилье, опытными офицерами-геодезистами, указывает на вершину Шиллонга, как на высший купол гор Хасиа, и приписывает ему только 1.962 метра высоты. Некоторые из южных отлогостей, ограничивающих плоскогорья области Хаси, обрезаны до такой степени круто, что для того, чтобы подняться до уровня верхней площадки, нужно влезать на почти отвесные стены или при помощи лестниц, приставленных к скале, или по деревянным ступенькам, вбитым горизонтально в камень; привычные местные жители, нагруженные тяжелой ношей, а иной раз даже и в пьяном состоянии, всходят и сходят без малейшего головокружения по этим опасным лестницам[1]. В том месте, где известняки гор Хасиа залегают на песчаниках, они изрыты подземными гротами и галлереями, которых промежуточные столбы и своды обрушились там и сям под давлением налегающих масс, вследствие чего образовались груды развалин, имеющие вид громадных укрепленых замков. Откосы из обвалившихся обломков представляют неисчерпаемые каменоломни обжигальщикам извести, живущим в равнине.

Изсечения и промоины, сделанные проливными, падающими в виде настоящих потоков, дождями на южном склоне плоскогорий, принадлежат к самым причудливым образованиям этого рода, какие только случалось наблюдать; в некоторых частях остались только простые стены из скал между плато и почти уединенными отрывками его окружности. В других местах работа размывания и, так сказать, изваяния горной массы продолжается из года в год; после каждого дождливого времени года образуются новые овраги и рытвины. Известно, что

1 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

ни в одной стране земного шара не бывает ливней, которые превосходили бы обилием дожди, падающие в Чера-Понджи, или «Деревне Ручьев», в горах Хасиа. И не только количество изливающейся из атмосферы дождевой воды беспримерно велико в этой части Ассама,



Башня Кутабъ въ окрестностяхъ Дели.

но и самая продолжительность дождливого сезона здесь гораздо больше, нежели в других областях Индии; этот период начинается в марте и оканчивается только около половины ноября, так что в соседстве рек равнины впродолжении целых восьми месяцев остаются под

водой. В этих затопленных прибрежных местностях атмосфера почти всегда тяжелая, сырая, насыщенная вредными болотными испарениями или миазмами. Даже в сухое и холодное время года, с ноября по февраль, густой туман поднимается около полуночи с низменных пространств, и впродолжении всего утра его нездоровая масса тяготеет над равнинами. Всякое сообщение прерывается между соседними деревнями во время периода проливных дождей; такова главная причина крайней раздробленности и разъединенности многих групп между населениями, родственными по языку и племенному происхождению; непроходимые топи и болота, образующиеся вследствие выступления из берегов речек и ручьев, разделяют этих жителей более, чем это делали бы морские проливы и заливы. Кроме естественных путей, представляемых текучими водами, существуют там и сям несколько высоких шоссейных дорог, построенных в предшествовавшую эпоху цивилизации и заботливо поддерживаемых англичанами. Вне этих путей сообщения было бы безусловно невозможно ни проехать, ни пройти, если бы человек не располагал услугами слона. Леса низменных равнин и долин в этом крае еще гуще, чем леса в земле Гарро, но плоскогорья почти все обезлесены, так как на них поселились племена Хасиа и Джайнтиа, которые срубают деревья во время короткого периода засухи и предают их пламени, чтобы освободить от них почву. Флора гор Хасиа—самая богатая в Индии и даже, вероятно, во всей Азии: одних орхидей там насчитывают до 250 различных видов. Это изумительное богатство растительного царства происходит от чрезвычайного разнообразия почв на тесном пространстве: болота и торфяники, обвалы и осыпи, скалы, голые и лесистые горные скаты, плоскогорья,—все эти различные роды местности имеют каждый свою особенную растительность, которые, взаимно смешиваясь и переплетаясь, производят необычайное богатство и разнообразие флоры[1]; в равнине одно дерево бангиани или индийской смоковницы, размножаясь выделением воздушных корней, образующих новые стволы с новыми воздушными корнями, постепенно разростается в целый лес; по склонам гор растет гигантский гарджан, прямое и твердое дерево, распростирающее свои ветви на высоте 60 метров (28 сажен) над поверхностью почвы; туземцы вырубают дыру в стволе этого колосса и разводят в ней огонь, от действия которого из дерева сочится душистое масло.

Большие военные дороги, которые инженерам удалось проложить только после вооруженной борьбы с туземцами, соединяют, через горы Хасиа, верхнюю долину Брахмапутры с долинами рек Сурмах и Барак, и эти искусственные пути, лучше, чем естественные бреши плоскогорья, образуют раздельные линии между различными группами высот. Но на востоке от гор Джайнтиа глубокое понижение рельефа почвы прерывает почти совершенно эту горную систему. Далее она снова появляется в виде гор Нага, научное исследование которых началось только в 1872 году, под руководством геолога Годуин-Остена. Область этих гор, составляющих непосредственное продолжение той же орографической системы на северо-востоке, постепенно понижается, и через известные промежутки реки, спускающиеся к Брахмапутре, прорезывают ее своими широкими и глубокими долинами, где Годуин-Остен открыл следы древних ледников[2]. Самые высокие вершины этих хребтов не достигают и 1.000 метров; но на юге они примыкают к другим горным цепям, гораздо более высоким, которые образуют водораздельную возвышенность между бассейном Мегны и бассейном Иравадди. Одна из этих цепей, Барель, имеет 2.000 метров средней высоты, и даже один из её куполов, часто покрытый снегом, поднимается на 3.700 метров над уровнем моря: Годуин-Остен обозначил пока просто одной буквой эту высочайшую точку границы между Индией и Индо-Китаем. Пучек гребней понижается мало-помалу по направлению к северо-востоку, и горы Паткой представляют многочисленные проломы, высотой от 600 до 1.000 метров, позволяющие удобно проходить с верховья Брахмапутры на верховье Иравадди; главные препятствия происходят от густоты лесов и большого протяжения болот.

На север от Дихинга, одного из больших восточных притоков Брахмапутры, начинается

1 Hooker, „Himalayan Journals“.

2 „Journal of the Asiatic Society of Bengal“, aug. 1875; „Ocean Highways“, may 1873.

«неведомая земля». Известно, однако, что она очень гориста и что её пики поднимаются на значительную высоту. Одна вершина (к северу от реки Дихинга), Дупа-Бум, имеет не менее 4.175 метров, и редкие путешественники, которые проезжали через эту страну, пытаясь проникнут в Восточный Тибет, все согласно описывают ее как одну из самых трудных для прохода местностей, по причине крутизны горных склонов, отсутствия дорог и сплетения вьющихся растений, которые везде опутывают непроницаемою сетью и связывают одно с другим деревья лесов. Селение Симе, крайний пункт, до которого доходили путешественники в этом направлении, находится уже в сердце горных цепей, принадлежащих к орографической системе Восточного Тибета; только узкия долины, где проходят верхние притоки Брахмапутры, разделяют в этой области различные массивы, продолжающие на востоке систему Гималайских гор. В этом селении Симе были умерщвлены, в 1854 году, два миссионера, Крик и Боури, отважившиеся проникнуть в этот дикий край.

В глазах индусов, главная ветвь верхней Брахмапутры не самая обильная река из всех верхних притоков. По их мнению, «Сын Брамы» (буквальное значение слова Брахмапутра), имеющий у различных туземных народов разные названия: Сианг—у племени абор, Талу-ка—у племени сингпо, Гарания—у ассамцев, жителей равнины, Амавари—у племени гарро, Бурхам-путер—у бенгальцев, берет свое начало из Брамакунда, или «озера Брамы», которое образует река Лохит, кружась у подножия каменного утеса, откуда льется водопад; некоторые индусские пилигримы приходят туда совершать свои религиозные церемонии и охранять «священный исток», населенный большими рыбами, которых туземцы почитают как святых факиров, переменивших земное жилище своих душ[1]. Туземцы племени мишми все в один голос утверждают, что река Лохит, или «Красная», вытекает из одной снеговой горы Тибета, в нескольких днях пути на север от их земли, и что эту реку можно переходить в брод в небольшом расстоянии вверх от китайского местечка Румах; она очень маловодна в сравнении с реками, которые соединяются с нею в равнине Садия, и от слияния которых и образуется истинная Брахмапутра. Дихонг, наиболее обильная из этих рек, приходит с северо-запада; в период мелководья она несет не менее 1.550 кубич. метров воды в секунду, а во время одного большого наводнения количество протекающей жидкой массы составляло, по высчислению Вудторпа, от 10.000 до 12.000 кубич. метров. Известно, что Дихонг есть та река, в которой, со времен Реннеля, большинство английских географов признает тибетскую реку Цангбо, обследованную до расстояния около 155 километров к северу от самого верхнего пункта, какой до сих пор был посещен на Дихонге. Другая река, Дибонг, которая соединяется с предъидущею в нескольких километрах выше слияния Лохита, тоже была указываема некоторыми географами как вероятное продолжение Цангбо; равным образом и Субансири, соединяющийся с Брахмапутрой гораздо ниже равнины Садия, где сходятся названные реки, был упоминаем некоторыми исследователями как поток, продолжающий главную тибетскую реку. Однако, теперь уже не подлежит сомнению, что ни Дибонг, ни Субансири не могут быть признаны священною рекой, получающей начало на северной покатости Загималайских гор: ни тот, ни другой не катят в своих руслах массы воды, равной массе, которую несет Цангбо, как показало измерение его стока, произведенное близ города Четанга, на юго-востоке от Лассы. Очевидно, что в климате, где дожди выпадают в таком большом изобилии, реки могут только увеличиваться в объеме от верховья к низовью. Одни только Дихонг и Иравадди, между большими реками полуденного ската гор, имеют дебит, превосходящий массу воды, катимую тибетским Цангбо; следовательно, отныне спорный вопрос должен быть ограничен только между этими двумя потоками. Занумерованные чурбаны и бревна, которые индусские исследователи Цангбо пускали вниз по течению этой реки, тщетно ожидаются уже многие годы прибрежными жителями низовья.

В месте слияния на равнине Садия, Брахмапутра является уже, даже в сухое время года, более значительною рекой, чем Рона или Рейн. Там, где её воды соединяются в одном русле, она имеет обыкновенно больше километра в ширину, но местами течение её разветвляется

1 Cooper, „New routes for Commerce“.

на множество рукавов, представляющих от берега до берега общую ширину около 40 километров. В некоторых местах равнины, пространство, заключающееся между ложными притоками или рукавами, оставляемыми блуждающею рекой с той и другой стороны, имеет не менее сотни километров в ширину. Могучесть Брахмапутры, повидимому, служит доказательством впадения тибетского Цангбо в великую индусскую реку, но при этом нужно принимать в соображение гораздо более изобилие дождевых вод, нежели длину течения. Бассейн же Брахмапутры есть несомненно один из тех, которые получают наибольшее количество дождевых вод. Правда, часть его долины защищена от проливных дождей горами Гарро и Хасиа, которые получают такия огромные массы дождевой воды на своем южном склоне; но эти горы имеют всего только около тысячи метров средней высоты, и дождливые ветры, проходящие над ними, необходимо должны оставлять свою ношу водяных паров на высоких горах, составляющих на востоке продолжение Гималайской цепи. До сих пор еще ни один наблюдатель не измерял количества дождей, выпадающих в этой области, но самая форма земного рельефа и направление ветров достаточно доказывают их силу и обилие.

Один из притоков Брахмапутры, один из тех многочисленных потоков, имя которых начинается словом *ди*—синоним реки на языке племени бодо,—Дихинг, представляет редкое явление: течение его разветвляется на два рукава в гористой местности. В том месте, где происходит эта бифуркация Дихинга, уровень его долины находится на 324 метра выше уровня Брахмапутры. Тогда как главная ветвь, Бори-Дихинг, или «Старый Дихинг», направляется на юго-запад, чтобы идти на соединение с великою рекой в её аллювиальной равнине, второстепенный рукав, Нох-Дихинг, или «Новый Дихинг», течет на северо-восток, к Лохиту, выше местечка Садия; расстояние между двумя слияниями не менее 110 километров по прямой линии[1]. Что касается других притоков Брахмапутры, то они тоже изливаются в главную реку несколькими устьями, но эти устья открываются в наносных землях и меняют место с каждым новым наводнением. Вообще изменчивостью своего русла, блуждающего по равнине, все эти большие притоки, посылаемые Гималаем Брахмапутре,—Дихонг и Дибонг, Субансири, Манас, Гадахар, Дхарла, Тиста,—походят на поток, в котором теряются их воды. Но самая замечательная перемена течения—это та, которая произошла с самою Брахмапутрой в конце прошлого столетия. Обогнув на западе горы Гарро, река прежде тотчас-же поворачивала на юго-восток и принимала непосредственно в свое русло все реки областей Сайльгет и Качар; в настоящее же время она течет в южном направлении, под именем Джамуны, и соединяется с гангским рукавом Падмой, огибая плато из древних речных наносов, известное под именем Мадупурского «джунгля», которое возвышается от 20 до 30 метров над уровнем реки[2]. Только незначительный поток, отделяющийся от Брахмапутры, занимает теперь старое русло; островное пространство, заключенное между двумя рукавами реки, обнимает около 15.000 квадр. километров. Мегна, которая получает наибольшую часть соединенных вод Ганга и Брахмапутры, и сама, в своем верхнем течении, есть не что иное, как исток болот южного Ассама, соединяющийся с старою Брахмапутрой и с извилистыми реками области дельты. На юге от слияния, Мегна является в одно и то же время рекой и лиманом, по которому поднимается борющаяся с речным течением приливная волна; усеянная островами и песчаными мелями, которые она беспрестанно созидает и разрушает, эта огромная река походит скорее на морской залив, чем на речное устье. Среднее количество протекающей в ней воды еще не было измерено, но оно не должно быть меньше 30.000 кубич. метров в секунду, следовательно, слишком в три раза превосходит расход Дуная, в пятнадцать или восемнадцать раз расход Роны. Если бы мы не привыкли рассматривать Ганг и Брахмапутру, как две различные реки, то Мегна, общее русло этих двух могучих потоков, заняла бы первое место между главными водными артериями Азии; она превосходит даже Ян-цзы-цзян, и во всем свете уступает, по массе воды, только реке Амазонок, Конго и Паране. Из двух образующих ее рек, Брахмапутра несомненно катит наиболее значительную массу воды; в Гаоха-

1 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

2 Fergusson, „Quarterly Journal of the Geological Society“, 1863.

ти, который находится на 50 метрах средней высоты, в разстоянии 800 километров от моря, разрез реки, измеренный Германом фон-Шлагинтвейтом, во время периода мелководья, имеет 1.509 метров ширины; в этом месте зимний дебит составляет около 9.010 кубич. метров в секунду, а сток в сезон разлива, летом, в три или четыре раза больше; среднее количество протекающей в секунду воды не может быть менее 15.000 кубич. метров, а река еще принимает в себя, ниже этого места, большие притоки, как-то: Манас, Тисту, Барак. Масса приносимых Брахмапутрой твердых, землистых частиц, по меньшей мере, в два раза превосходит наносы Ганга, а между тем, выступ земель нового образования гораздо меньше в восточной части дельты, нежели в гангских Сандербанах. Фергюссон полагает, что эта противоположность произошла вследствие понижения почвы в бассейне Барака. По его мнению, вся эта страна представляла в относительно недавнюю эпоху род внутреннего моря, которое и было засыпано наносами Брахмапутры; вместо того, чтобы спускаться в море, увлекаемые речным течением землистые частицы осаждались в этом озерном резервуаре[1].

В горах, разделяющих Ассам на две совершенно обособленные части—область верхней Брахмапутры и бассейн реки Барак, большинство населения пребывает еще в диком состоянии. На востоке, около границ Бармании, многочисленные не-цивилизованные племена все еще остаются независимыми от Англии, и даже в западной области, окруженной с трех сторон равнинами, британское господство стало признаваться только с очень недавнего времени. Еще не далее, как в 1871 году туземцы племени гарро восстали против английской полиции, потворствовавшей беззакониям, совершаемым скупщиками земли, и целые два года скорее давали выжигать свои селения и посевы, чем покориться; только когда английские офицеры-топографы, под защитой нескольких рот егерей, обошли весь край и отметили на карте все лесные и горные трущобы, служившие убежищем инсургентам, туземцы, не будучи в состоянии впредь обманывать бдительность дисциплинированных сипаев, увидели себя вынужденными снова платить подати и допустить агентов фиска в свои селения.

Весьма вероятно, что племя гарро некогда населяло соседния равнины и что оно было постепенно оттеснено во внутренность гор бенгальцами, к которым эти инородцы и до сих пор питают сильную ненависть; впрочем, некоторые кланы, на окружности гор, уже более или менее объиндианились; переход от расы к расе совершается постепенно от равнин Брахмапутры к лесам горной страны. Гарронцы чистого происхождения—обыкновенно среднего роста, сильны и ловки; цвет кожи у них почти черный, лицо широкое, нос плоский и вздернутый, глаза слегка скошенные, лоб прямой, скулы выдающиеся, губы толстые; вообще они напоминают тип, называемый монгольским. Борода у них редкая, да и ту они тщательно выщипывают, чтобы подбородок был совершенно гладкий, но волос на голове никогда не стригут. Большинство туземцев этого племени ходят почти нагишом; некоторые носят одежду, привозимую из равнины и состоящую единственно из передника и покрывала, к которым иногда прибавляется род плаща, из широкого куска древесной коры, которая предварительно была вымочена в воде для того, чтобы осталось одно только волокно. Мужчины и женщины, как большая часть дикарей, очень любят всякия украшения, ожерелья, серьги, браслеты, но диадему, составленную из медных блях, имеет право носить лишь человек, убивший врага. Англичане, хотя им пришлось вести продолжительную борьбу с этими туземцами, дают о гарронцах самый лестный отзыв, изображая их обходительными, добрыми, гостеприимными, правдивыми, людьми прямыми, без всякой хитрости и лукавства; их нравственные качества составляют самый счастливый контраст с двуличным характером бенгальцев, льстивых и вероломных. Гарронцы—хорошие земледельцы, несмотря на то, что единственное их земледельческое орудие—простой нож, которым они режут траву и ветви деревьев и делают ямы в земле. Первый предмет, который бросается в глаза иностранцу, когда он приближается к гарронскому селению,—это сторожевая будка, построенная на вершине помо-

1 „Quarterly Journal of the Geological Society“, 1863; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India“.

ста, господствующего над другими хижинами; из этой воздушной сторожки гарронец присматривает за полями хлопчатника, хлебных растений, сладких патат. После двух или трех лет обработки и сбора плодов, земля оставляется в залежи и отдыхает в течение семи или восьми лет. Вообще жители непоседливы и часто по самому ничтожному поводу переселяются в другое место. Впродолжении жизни одного поколения им случается основать последовательно до восьми или десяти поселков; повсюду встречаешь в лесах остатки хижин, которыми, после ухода населения, овладели трава и кустарник.

Какого происхождения эти племена, так легко меняющие место жительства? Язык, которым они говорят и которого имеется несколько словарей, составленных разными исследователями, указывает на родство их с племенем меч, живущим в области терая, и с другими народцами тибетского корня. Сами они себя называют единоплеменниками англичан, но это мнимое родство, конечно, имеет для них лишь тот смысл, что дает им основание предъявлять свое право на независимость. По нравам и обычаям, гарронцы, хотя почти уединенные, являются представителями многочисленных народцев, принадлежащих к одному и тому же периоду культуры в южном Китае, в Индо-Китае и в Декане; они могут быть рассматриваемы как представители типа древнейшего общества, сохраняющагося в своем первобытном виде, вопреки всем внешним влияниям, которые осаждают его; ни у какого другого народа не сохранились лучше учреждения матриархата. Кланы до сих пор удержали свое название *магари*, или «материнство», и женщина считается главою семейства. Молодая девушка первая делает предложение молодому человеку, всегда выбираемому в чужой «материнской общине», или магари, и сама сватает его за себя у его матери; когда парень первый позволит себе заговорить о сватовстве, магари, к которой он принадлежит, приговаривается к большому штрафу. У большинства племен, пребывающих еще в полудиком состоянии, свадебной церемонии предшествует подобие умыкания молодой девушки; у племени гарро, наоборот, друзья невесты совершают похищение будущего супруга и силой уводят его в «материнство», членом которого он делается с этого времени. Однако, когда дело идет о браке наследниц, им не предоставляют свободного выбора; и в этом случае два заинтересованные «материнства» ищут подходящего мужа и заключают брачный договор. Сын не наследует отцовского имущества: все имущество переходит к сыну сестры, но этот племянник наследует в то же время и вдове, и должен вступить с нею в брак, хотя бы даже она была матерью его собственной жены; у других племен Индии тоже встречаются следы этого первобытного обычая.

Женщины все еще имеют голос на собраниях «материнств», но уже не управляют больше общинами. Начальник или глава, *ласкар*, который, впрочем пользуется своей властью единственно в силу доверия, оказываемого ему материнством или группой материнств, которую он представляет, всегда мужчина и имеет пребывание в деревенском «дворце», большом доме, который, по индо-китайскому обычаю, предоставляется для жительства всем холостым членам общины. В начальники вообще выбирается самый богатый из жителей; между этими ласкарами есть такие, которые владеют десятками пятью или шестью невольников, потомков порабощенной расы, к которой принадлежат, может быть, две трети всего населения, но которая, впрочем, почти ассимилировалась с другими гарронцами; они только не имеют права вступать через брак в члены благородного класса, хотя они физически сильнее и красивее своих господ[1]. Между свободными людьми не существует никаких каст. Влияние, оказываемое жителями равнины, не было достаточно сильно, чтобы заставить этих горцев принять индусские обычаи и учреждения. Гарронцы не считают за преступление употреблять в пищу коровье мясо: за исключением молока, вкус которого им противен, они не брезгают никакою снедью, едят даже крыс, лягушек, змей; откормленные на убой собаки составляют одно из любимых их блюд. Их религиозные церемонии, совершаемые под руководством тех членов общины, которые помнят молитвы, приближаются к обрядам индусского сиваизма, с тою разницею, что горцы не имеют идолов в своих святилищах; они почитают, как представи-

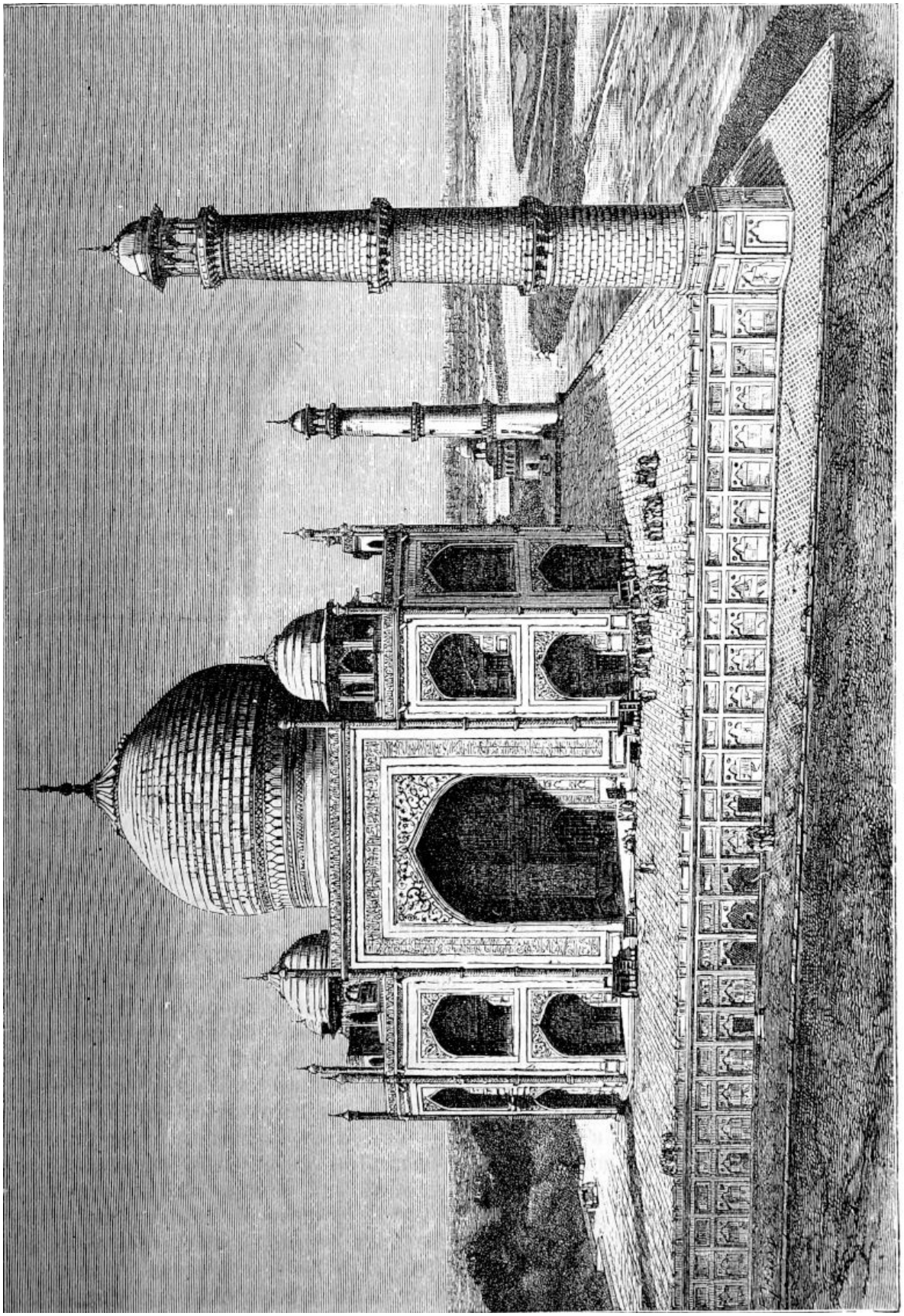
1 Buchanan Hamilton: Dalton, „Ethnology of Bengal“.

телей духов, пушистые кисти из хлопчатой бумаги или шелка, которые они привязывают к бамбукам и которые колышатся, качаемые ветром. Покойников они сжигают и пеплом их наполняют особые бамбуковые сосуды в роде клетки, украшенные разными затейливыми фигурами. В прежнее время, когда гарронцы хотели почтить память усопшего, они посылали воинов в равнину с поручением изловить там нескольких бенгальцев, которых и приносили торжественно в жертву перед похоронным костром, обмазывая столбы кровью закланных жертв. Еще в 1866 году одна из этих кровавых церемоний была совершена в горах Гарро[1].

Хасии или чосии, восточные соседи гарронцев и незначительного племени мигам, сами себя называют хий. Подчиненные английскому владычеству уже более полустолетия тому назад и находясь в постоянных торговых сношениях с жителями равнин, прилегающих с севера и с юга к их горам, хасии стоят уже на более высокой степени культуры, и многие из их кланов частью индианизировались. Во времена своей независимости, прежде чем измена одного из их князей предала их во власть Англии, они составляли конфедерацию, или союз маленьких республик, из которых каждая заключала в себе известное число деревень, управляемых местной аристократией. Этот политический порядок частью удержался до сих пор, несмотря на постоянно увеличивающееся вмешательство в их самоуправление английских администраторов. Хасии и джайнтии или сайнтенги, которые живут на востоке в том же горном массиве, отличаются от всех других обитателей Индии по сю сторону Ганга моносиллабическим языком, но представляющим уже некоторые признаки перехода к агглютинативной форме. Так же, как диалект басков, наречие хасиа, которое, впрочем, не имеет никакой письменной литературы, составляет совершенно особенную глоссологическую анклаву, или область, заключенную среди других, чуждых ему говоров; до сих пор ученые не знают еще, к какой семье языков причислить сто тысяч горцев, говорящих этим идиомом. Что касается физического вида, то хасии и джайнтии мало разнятся от гарронцев и других народцев, принадлежащих к тибетскому корню, только они сильнее и отличаются необыкновенной толщиной икр; в этом отношении немногие европейцы могли бы сравниться с ними. Женщины хасиа легко носят на себе путешественников в плетеной корзине, расположенной в форме стула. По словам Гукера, у некоторых племен хасиев сохранился еще обычай татуирования, и почти все они жуют листья, окрашивающие зубы в красный цвет. «Белые зубы только у собак да у бенгальцев», обыкновенно говорят они в оправдание своей привычки. Добродушные и честные, эти горцы вносят во все свои работы и игры необыкновенную веселость; их почти всегда слышишь поющими, и—почти единственный пример между азиатцами[2]—они насвистывают арии с изумительной точностью. Очень храбрые, они в то же время очень строго и добросовестно соблюдают правила международного права, как они его понимают. Хотя англичане сражались с ними огнестрельным оружием, они никогда не отвечали им отравленными стрелами,—оружие, которое они употребляют только против диких зверей[3]. Что касается брака и свадебных обрядов, то они почти такие же, как у гарронцев и также свидетельствуют о большой живучести матриархальных учреждений. Равным образом у племен хасиа сохранились некоторые остатки полиандрии (многомужия). Развод у них дело очень обыкновенное: достаточно жене бросить в воздух пять раковин каури, чтобы расторжение брачного союза стало совершившимся фактом, после чего муж возвращается в свой материнский клан, но дети остаются с матерью; вообще они знают только мать, не ведая даже имени отца. В могиле муж разлучается с супругой; его прах хоронится на кладбище его племени, тогда как прах детей кладется подле материнской урны. Все умершие сжигаются на костре; но так как сжигание мертвых тел очень затруднительно во время дождливого сезона, то их сохраняют до сухого времени года, покрывая труп медом[4]. Век дольменов еще

1 Hermann von Schagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.
2 H. Yule, „Journal of the Asiatic Society“, 1814.
3 Powney, „The wild Tribes of India“.
4 Hooker, „Himalayan Journals“.

продолжается в земле хасиев; подходы всех селений загромождены могильными камнями, из которых одни положены плашмя на столбах, другие стоят, как сложенные в кучи камни западных народов, или поддерживают на верхушке широкий круг. По краям дорог встреча-



Таджъ-Магалъ въ Агрѣ.

ются большие каменные глыбы причудливой формы, положенные в память каких-нибудь

замечательных событий[1].

К востоку от горцев хасиа и джайнтиа живут племена нагов, т.е. «нагих», населяющие долины и плоские возвышенности; но это имя, имеющее, может быть, связь с названием древних нагов, или «змеев», о которых говорят арийские традиции, есть общее наименование, применяемое к народцам, весьма различным по языку, племенному родству, правам, узорам татуировки. На северо-востоке они смешиваются с браманскими сингпо; на юге они соединяются с куками через различные промежуточные народцы. Одно из их племен или колен, по их верованию, родилось из тростников; другое вылупилось из яйца; третье выросло из воды; наконец, есть одно, которое произошло из ничего, силою своей собственной добродетели[2]. Наги по преимуществу—это те, которые величают себя именем ангами, или «непобежденных» Они в самом деле остались независимыми до наших дней, и англичанам часто приходилось вести с ними войну. Начальника или главы у них нет никакого. «Вот наш господин!» говорят они, вонзая дротик в землю. Эти горцы не меняют так легко места жительства, как гарронцы; напротив, они живут на вершине холмов, в постоянных селениях, представляющих род крепостей, защищенных рвами, рогатками, колючими деревьями; дороги, ведущие к деревням, до такой степени узки, что два человека не могут идти по ним рядом, а в военное время их загромождают всякого рода препятствиями. Еще недавно молодой туземец из племени нага не мог татуировать себе лицо до тех пор, пока ему не удалось срубить человеческую голову, или хитростью, или в бою, и поднести этот трофей в подарок своей нареченной; как пираты с острова Борнео, они отправлялись охотиться на человека. Эти кровожадные люди имеют, тем не менее, многие хорошие качества: они уважают данное слово, охотно жертвуют собою для спасения общины, благоговейно поддерживают загороди кладбищ, где находится прах их умерших предков. Они возделывают землю с большою смышленостью и ценятся как хорошие работники в чайных плантациях, которые мало-помалу поднимаются все выше и выше по склонам гор, так что, без сомнения, кончится тем, что эти плантации завоюют всю территорию народа нага гораздо вернее, чем военные экспедиции английских сипаев. Общее число туземцев, принадлежащих к различным племенам нага, в Ассаме, в 1891 г.: 101.568 душ.

Южные соседи народа нага, куки, занимают область гор, продолжающуюся даже в пределах Типпераха и в округе Джиттагонг. Сами они не знают себя под этим генерическим именем, которое жителями равнины употребляется в оскорбительном смысле; между ними нет никакой национальной связи, и потому у них существуют только наименования для отдельных колен и кланов или родов рассеянных в прогалинах лесов[3]. Они имеют по большей части вид родства: туземцев этого племени легко отличить по их малому росту, по мускулистым членам тела, по цвету кожи почти черному, по плоскому лицу; некоторые из них, говорят, имеют очень короткия ноги и непропорцианально длинные руки. Лангути (холщевый передник) для обоих полов, шарф для женщин, тюрбан для мужчин,—таков, вместе с разными металлическими украшениями, весь костюм кукиев. Один народец, лункта, или «голые», ходят почти без всякой одежды: злая мачиха, как гласит предание, обобрала у них все платье, чтобы отдать его более любимым сыновьям[4]. В многочисленных коленах и кланах кукиев, из которых одни находятся в сношениях с барманами, другие с бенгальцами, иные, наконец, живут совершенно особняком, уединенно, можно встретить все степени дикого и полуцивилизованного состояния общества. В то время, как некоторые дикари этой расы, говорят, добывают огонь еще посредством трения двух кусков дерева и употребляют вместо соли бамбуковую золу для приправы в пищу, другие народцы, как, например, типпераxи, претендуют на титул индусов и соблюдают религиозные обряды браманского происхождения. Из всех племен куки самое могущественное и наиболее опасное для англичан—пле-

1 Dalton; Yule; Geurge Campbell, etc.
2 Ad. Bastian, „Die Volker der ostlichen Asien“.
3 Woodthorpe, „The Lushai Expedition“.
4 Mac Rae, „Asiatick Researches“, vol. VII, 1803.

мя лушай, живущее на юге страны Манипур, в горах, отделяющих землю Типперах от Бармании. Много раз бенгальское правительство вынуждено было посылать военные экспедиции против этих разбойничьих кланов, которые обладают замечательным талантом в устройстве оборонительных укреплений и сражаются с редкою неустрашимостью, смело идя на смерть, когда им случится встретиться лицом к лицу с врагом. Нет страны, где вендетта практиковалась бы с большею строгостью, чем у лушаев. Они мстят даже животным и деревьям. Если тигр пожрет человека, родственник жертвы преследует зверя до тех пор, пока не убьет его и не напьется его крови; если дерево упало на туземца, нужно срубить его и изуродовать, нужно разлить по земле его сок. Лушаи не выказывают особой любви к украшениям, но зато они чрезвычайно заботятся о своей шевелюре.

Гористые области на границе Ассама населены другими народцами индо-китайской расы, каковы хамти, сингпо или какиен, но эти племена представлены на покатости Брахмапутры лишь малочисленными кланами; наибольшая часть их территории находится в бассейне Иравадди. Однако, горы не единственные местности Ассама, где живут племена, держащиеся особняком от индусов. Лесистые и болотистые области тоже принадлежат еще первобытным населениям. Так, микиры, в количестве свыше 40.000 душ, сгруппированные, по большей части, в больших домах, служащих общим жилищем нескольким семьям, обитают в прогалинах лесов, которые тянутся длинным поясом между горными хребтами Хасиа и течением Брахмапутры; эти туземцы составляют народ мирных тружеников, живущих в совершенной дружбе и согласии между собою. Другая нация, гораздо более значительная и состоящая, вероятно, более чем из 200.000 душ, нация бодо, рассеяна своими многочисленными кланами во всех частях Ассама, как в бассейне Барака, так и в бассейне Брахмапутры; некоторые из её семейств встречаются даже в Верхней Бенгалии и в Непальской области терая; наконец, племя димал, в числе около 15.000 душ, населяет, рядом с народом бодо, салевые леса, которые тянутся вдоль основания западных гор Бутана.

Многочисленная нация бодо, область которой образует обширный полукруг около гор Ассама, вообще известна под названием качари, и это, вероятно, по её имени назван Качарский округ, лежащий на границе Бармании и земли Манипур. Бодо называют себя рангца, т.е. «небесными»; область, где они сгруппировались в наибольшем числе, носит название Камруп: это полуостровная страна, заключающаяся между реками Брахмапутрой и Манасом. Занимая столь обширную территорию и находясь в торговых сношениях с самыми разнородными населениями, бодо, естественно, должны были измениться, приспособляясь к различным средам. Многие из народцев этой расы усвоили некоторые обычаи своих соседей индусов и принимают название сорониа, т.е. «очищенных», потому что они воздерживаются от употребления запрещенной мясной пищи и исполняют, под руководством своих жрецов гуру, предписанные браманскою религией омовения. Другие племена, живущие в Восточном Ассаме, в соседстве с буддийским населением, имеют лам, вместо гуру, в качестве духовных наставников[1]. Но независимо от своих религиозных верований, бодо, будь то сиваиты, буддисты или язычники, сохранили до сих пор с замечательною верностью свои первоначальные правы, и почти везде они резко отличаются от народностей другого происхождения, с которыми находятся в соприкосновении. Тип их нисколько не походит на тип арийцев: выдающиеся скулы придают их лицу ромбическую форму; нос у них приплюснутый, с широкими ноздрями, глаза маленькие, губы толстые, и на верхней губе пробиваются усы в виде легкого пушка; совокупностью черт лица и оливково-смуглым цветом кожи они походят на дравидийцев южной Индии. Точно также их язык, флексивный и совершенно отличный от идиомов санскритского происхождения, представляет, по Годгсону, те же самые характеристические признаки, как и дравидийские идиомы; вокабулы арийского происхождения в нем очень малочисленны, причину чего, без сомнения, нужно искать в том обстоятельстве, что они всегда старались держаться особняком от властителей страны. Но термины, заимствованные ими из арийских наречий, доказывают, что до своего знакомства с арийцами

1 Hodgson, „The Aborigines of India“; Dalton, „Ethnology of Bengal“.

они не имели никакого понятия о земледелии в собственном смысле, не имели ни лошадей, ни сохи, не употребляли никаких денежных знаков и не умели выражать точным образом отвлеченные понятия.

Как земледельцы, бодо такие же кочевники, как и гарро. Они редко обработывают один и тот же участок земли более двух лет сряду и редко остаются более шести лет на жительстве в одной и той же деревне. Если они возвращаются в тот же самый край, оставив земли, которые они там прежде возделывали, на несколько лет в залежи, то они никогда не строют своих хижин на местах прежнего поселения, из боязни преследования со стороны духов. Они никогда не стараются о том, чтобы сделаться собственниками земли, которую пашут; они везде являются в качестве простых арендаторов и платят аренду или деньгами, или произведениями почвы, но эта плата редко достигает значительных размеров, потому что люди других рас не могли бы обработывать, без опасности для здоровья, сырые земли, которые бодо берут в аренду. Несмотря на нездоровый климат своего местопребывания, они вообще сильнее и проворнее, чем их соседи, живущие на осушенных землях. Бодо отличаются также и нравственными качествами. Очень сдержанные с чужеземцами, они показывают себя такими, каковы на самом деле, со всяким, кто сумеет приобрести их доверие; по единогласному свидетельству всех путешественников, они кротки и скромны, но без всякого унижения, честны, правдивы, трудолюбивы, воздержны, всегда вполне владеют собою, склонны к спокойной веселости. Женщине они оказывают особенное уважение, обращаясь с ней с почтением и советуясь с нею во всех случаях жизни; но хотя многие считают их единоплеменниками народа гарро, они не имеют учреждений, которые напоминали бы матриархат: у бодо не молодые девушки сватают за себя женихов и разыгрывают комедию похищения своих будущим супругов; напротив, у них против невесты устраивается подобие умыкания, условленное заранее между обеими сторонами. Совершенно равные друг другу, они не делятся ни на колена или кланы, ни на касты, так как все семейства бодов, как состоящие, так и не состоящие между собою в родстве, считают себя имеющими совершенно одинаковые права. Они не держат, как большинство туземных наций, ремесленников чужой расы, которые работали бы у них, чтобы прясть и ткать им материи, строить или украшать их жилища, —они сами делают все необходимое для своего обихода и помогают друг другу, в случае надобности; что касается предметов, которых они сами не умеют фабриковать, то они покупают их у индусов. Очень редко случается, чтобы в их деревнях возникали какие нибудь споры и несогласия; однако, представляются обстоятельства, когда вмешательство совета старейшин оказывается необходимым, и в этом случае виновный подвергается публичному выговору, или даже изгоняется, когда его присутствие в общине было бы небезопасно для общественного спокойствия. У них нет наследственного класса жрецов; всякий, кто хочет, может принять на себя обязанность общественного «молельщика», но не получая никакой власти в обмен за свои услуги. Впрочем, религиозные церемонии у них самые простые: они ограничиваются взыванием к «сонму звезд», к лесам, горам, вообще ко всем большим предметам природы и в особенности к рекам; так же, как индусы, бодо боготворят все *ганги* своего отечества. Подобно своим соседям димал, которые отличаются от них только языком, они почитают также некоторые растения, между прочим, один вид молочайных, называемый *сидж*, очень богатый молочным соком; каждый бодо считает своею непременною обязанностью разводить это растение в садике около своей хижины. Подобный же обычай существует и у туземцев Ориссы[1].

Нация коч или куч, еще гораздо более многочисленная, чем племя бодо, представлена в Северо-восточной Индии слишком миллионом душ. Она распространена по всему пространству территории, заключающейся между Гангом, Гималаями и горами барманской границы; но значительными группами она сосредоточена в той же области Бенгалии, которая означается под именем Коч-Бехар, т.е. «Кочский монастырь», и которая сохранила место между так называемыми государствами Индии. Племя пани-коч, живущее у основания гор

1 Hodgson, „Aborigines of India“; Kotch, „Bodo and Dhimal Tribes“.

Гарро, походит на племя гарро, имеет такие же матриархальные обычаи[1] и, вероятно, происходит от того же этнического корня; но другие кочские племена ясно отличаются от различных народностей Северной Индии своим почти черным цветом кожи, толстыми губами, выдающимися челюстями, клочковатою бородой; их обыкновенно причисляют к дравидийцам; некоторые антропологи помещают их в число негритосов, самые чистые представители которых находятся в архипелагах Юго-восточной Азии. Те из кочских племен, которые не говорят наречиями индусского происхождения, имеют язык, приближающийся к идиому племени меч. Но смешение народа коч с индусами и ассамцами различных происхождений произвело такое разнообразие типов, что теперь уже невозможно классифицировать их точным образом. Те из них, которые принадлежат к богатым фамилиям, сочли бы за оскорбление, если бы им дали название коч; они претендуют на происхождение от самого Сивы и величают себя громким именем раджбанси, т.е. «Царских сыновей».

Цивилизованное население равнин Ассама, к которому примешиваются бродячия группы народов димал и бодо, равно как переселившиеся с запада племена коч и меч, принадлежит в значительной части к расам индо-китайского полуострова. Пороги, через которые северный бассейн Брахмапутры сообщается с долиной Иравадди, так низки, что с востока завоеватели могли часто проникать в Ассам и смешиваться с коренным населением. Чутии, которые господствовали в Восточном Ассаме в начале четырнадцатого столетия, были, может быть, потомки сиамских племен, хотя наречие одного из их колен, живущего в верхнем Ассаме, повидимому, скорее имеет сродство с языком народа бодо[2]. Почти совершенно объиндианившиеся уже сотни лет тому назад, и живя под опекой браманских жрецов, чутии отличаются от других каст, называемых индусскими, округлою формой и плоскими чертами лица. Что касается агомов, которые сменили чутиев в качестве властителей страны, то они несомненно восточного происхождения: это единоплеменники шанов, живущих на границе Юннана; но со времени их переселения в край, которое восходит к тринадцатому столетию, они сильно изменились, вследствие браков с туземными и индусскими женщинами. Под их правлением, население Ассама, как кажется, много страдало; они были жестокими и жадными господами, очень строгими в вымогании податей и повинностей. Низойдя снова в массу народа, они мало-помалу сливаются с индусскими кастами, исключая области по берегам верхней Брахмапутры, где они сгруппированы, в числе около 130.000 душ, вокруг своих древних столиц. Что касается барманцев, которые тоже были господами Ассама в течение первой четверти девятнадцатого столетия, то они оставались слишком короткое время в крае, чтобы могли основать там прочные поселения.

Тогда как индо-китайцы проникали в Ассам через пороги холмов, индусские арийцы, более или менее чистой расы, поднимались вверх по берегам Брахмапутры, порабощая туземных жителей. Древнейшие предания страны уже показывают нам индусов поселившимися в королевстве Камруп, между реками Манасом и Брахмапутрой. Царство их было ниспровергнуто в пятнадцатом столетии магометанами, и даже туземная нация коч снова приобрела-было власть на некоторое время, но цивилизация все-таки осталась та, которую принесли с собою арийцы; цивилизуясь, многие племена стали причислять себя к индусским кастам, и господствующим языком в области равнин сделалось бенгальское наречие (бенгали). Но как во всех странах, колонизованных эмигрантами, пришельцы менее строго, чем их предки, заботятся о сохранении чистоты крови, и касты беспрестанно смешиваются между собою и преобразуются в новые социальные группы не по племенному происхождению, а по профессиям и богатству. Чистокровные браманы немногочисленны в Ассаме. Между индусами самую значительную, по численности, особенную группу составляют калитаны, поселившиеся в крае с незапамятных времен. Они замечательно походят на раджпутов красивым овалом лица, выдающимся носом, большими глазами, часто серо-железного цвета, легкою поступью. Сами они приписывают себе происхождение от высшей расы, и хотя их счи-

1 Dalton, „Ethnology of Bengal“.

2 Dalton, цитированное сочинение.

тают судрами, они, тем не менее, настолько пользуются уважением, что браманы соглашаются принимать от них очистительную воду. Во многих округах наилучше обработанные земли принадлежат калитанам. Другие индусы, называемые дом, получили от британского правительства право пользования всеми рыбными ловлями на верхней Брахмапутре, но, взамен того, они обязаны снабжать гребцами суда должностных лиц[1].

Население в Ассаме почти исключительно сельское. Жители края, относительно очень малочисленные, располагают гораздо более обширным пространством превосходных земель, чем сколько они могут обработывать; почва дает им рис в преизобилии, равно как разного рода плоды и съедобные корни; кроме того, земледельцы могут получать без большого труда обильные урожаи хлопка в области холмов, джута на полях равнины, и продавать эти произведения калькуттским купцам. Понятно, что крестьяне Ассама, «Несравненной» страны,—таков, говорят, смысл его имени в санскритском языке[2],—не имеют охоты менять свое безбедное положение на участь поденщиков в больших чайных плантациях, основанных в различных частях страны, преимущественно в округе Качар и на южном склоне гималайских предгорий, в верхнем Ассаме. Поэтому, плантаторы вынуждены искать себе наемных работников или кулиев вне провинции, главным образом в земле санталов и в Ориссе. Торг рабочими постоянно увеличивался в той же пропорции, как и производства чая; часто, несмотря на контракты и уставы о найме рабочих, иммигранты попадают в положение настоящих невольников. Смертность очень сильна между этими несчастными, которых привлекает сюда более высокая заработная плата, чем какая существует в их провинциях, но которые должны заработывать ее на сырой почве, в удушливой атмосфере, вдали от всего, что они любили в родной земле; как только ими овладеет гнетущее чувство тоски по родине, гибель их неизбежна. Из тысячи двухсот мадрасских кулиев, привезенных одним плантатором в Ассам, осталось только трое, четыре года спустя[3]. Однако, новые партии вербуемых на стороне рабочих беспрестанно пополняют убыль, происходящую от смертности, и увеличивают массы работников; в одном только 1876 году было привезено в эту провинцию около 34.000 новых кулиев; в настоящее время их насчитывается свыше 200.000, и из этого числа более двух третей уроженцы округов, лежащих вне бассейна Брахмапутры. Одна из причин, объясняющих попытки, так часто делаемые по инициативе английских плантаторов и направленные к открытию прямого торгового пути между верхним Ассамом и бассейном Ян-цзы-цзяна, та, что китайские эмигранты могли бы нахлынуть массами по этой новой дороге, и этот наплыв желтолицых сынов Срединного царства, естественно, повлек бы за собою понижение заработной платы на плантациях[4]. Правительство крупных земельных собственников или ландлордов, верховная держава, господствующая над Индией, разрезала Ассам на обширные лены, в роде тех, какие существуют в Ирландии и в верхней Шотландии. Округ Гоальпара заключает в себе всего только восемнадцать больших имений, платящих поземельный налог, который не представляет даже пятидесятой доли их дохода[5].

По мнению большинства ботаников, Ассам следует считать первоначальною родиною чайного дерева. Выше долины Брахмапутры это дерево встречается повсюду в диком состоянии, достигая вышины от 4 до 6 метров, а в горах Нага рост его доходит даже до 20 слишком метров [более 9 сажен][6]. Уже в 1823 году, когда еще Ассамская провинция не принадлежала Великобритании, один английский купец, Роберт Брюс, открыл это туземное растение; но после того прошло целых двенадцать лет, прежде чем был разведен первый «чайный сад», близ Лахинпура, в аллювиальных землях Субансири. Правительство, которому принадлежал этот сад, выписало китайских земледельцев из провинции Фокянь, и с 1838 года лон-

1 Cooper, „New Routes for Commerce“.
2 Th. Benfey, „lndien“, „Encyclopadie von Ersch und Gruber“.
3 Viguier, „Progres Medical“, 12 mai 1877.
4 Cooper, „New Routes for Commerce“.
5 Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.
6 Burrel, „Geographical Magazine“, 1878.

донские чайные торговцы стали получать по дюжине ящиков ассамского чая. Несколько лет спустя, частная промышленность выхлопотала себе у правительства право пользования обширными землями для культуры драгоценного деревца, и с этого времени началась эра спекуляций; мало найдется предприятий, которые давали бы повод к более запутанным и рискованным финансовым махинациям, чем чайные плантации Ассама. Несмотря на разорение большого числа плантаторов, производство чая не переставало возрастать из года в год, и количество чая, вывозимое из этой провинции Англо-индийской империи, равняется шестой части количества, которое отправляется из Китая во все страны земного шара.

Отпуск чая из Ассама: в 1851 году—128.240 килограмм.; в 1871 г.—5.404.100; в 1881 г.—17.184.000 килограмм.

Общая площадь чайных плантаций превышает ныне 90.000 гектаров (в 1890 г.—92.415 гектар.), а ежегодный вывоз чая составляет свыше 3 миллионов фунт. стер. Из трех разновидностей чайного дерева, китайской, ассамской и их помеси, плантаторы предпочитают последнюю, как более безъискусственную и крепкую, более богатую листвой, чем китайская, и в то же время более высокую ростом, чем туземное деревцо[1].

Ассам, который в торговом отношении можно назвать непроходимым закоулком, так как сбыт его произведений возможен пока в одном только направлении—к Калькутте, не имеет еще больших городских поселений. Город Садия, занимающий счастливое географическое положение, в точке соединения трех могучих притоков Брахмапутры—Дихонга, Дибонга и Лохита, и некогда бывший столицей завоевателей агомцев, есть не более, как местный рынок для окрестных горцев; пока дороги из Китая и Тибета не будут открыты через земли туземных народцев абор, мишми, хамти, до тех пор Садия не может воспользоваться неоцененными выгодами своего торгового положения. В настоящее время Дибругар, самая верхняя пристань, где обыкновенно останавливаются пароходы в период разлива реки, и Сибсагар, лежащий в аллювиальной равнине, в 18 километрах от Брахмапутры, имеют более важное значение, чем Садия. Главный административный центр округа, Сибсагар сменил собою древние многолюдные города, бывшие столицами царства Агом; заросшие мелким кустарником, развалины Гаргаона, на юго-востоке от Сибсагара, и развалины Рангпура, на юге, раскинуты на пространстве нескольких десятков квадратных километров. Среди лесной чащи видны остатки сиваитских храмов Динаджпура, с их изваянными камнями, представляющими творческую силу божества. Эти груды развалин, эти старинные крепости, эти остатки дворцов и храмов свидетельствуют о богатстве и цивилизации древних ассамцев и составляют поражающий контраст с несколькими группами хижин, которым в настоящее время дают название городов. Не много найдется местностей в Индии, которые подвергались бы большим опустошениям, чем равнины, орошаемые Брахмапутрой.

Тезпур—важная пристань, как и Дибругар; но самый деятельный город во всей области верхней Брахмапутры—Гаохати, стоящий на левом берегу реки; это бывшая столица индусского царства Камруп; со всех сторон он окружен руинами, прикрытыми мелким кустарником или водяными растениями. В Гаохати мы уже вступаем в область святых мест, привлекающих массы пилигримов; уже в ближайших окрестностях этого города, на западе, находится священная гора (поднимающаяся слишком на 200 метров над уровнем реки); с храмом на вершине, который посещается большим числом богомольцев; в прежнее время при этом храме для служения состояло 5.000 молодых девушек, и теперь еще число их доходит до нескольких сот. Другое святилище, находящееся на скалистом острове посреди реки, также посещается тысячами пилигримов, а на правом берегу Брахмапутры, храм Хаджу, посвященный Будде или Мага-Муни, привлекает в одно и то же время буддистов Бутана и правоверных индусов различных культов; в этом храме сливаются две главные религии Индии. Святилище Хаджу указывает местоположение древнего города Азу, который заключал в себе гробницы ассамских царей, с их золотыми и серебряными идолами, а также толпой их

1 Cooper, цитированное сочинение.

жен и офицеров, которые сами себя отравляли, чтобы следовать за ними на тот свет, и всякого рода животных, убитых на их могиле[1]. Еще недавно Гаохати был столицей Ассама, но его нездоровый климат скоро прогнал английские власти, которые перенесли свою резиденцию на плато Шиллонг, в горах Хасиа. Новая столица, которая в то же время служит летним городом, или «санаторией», для пребывающих в Ассаме англичан, была основана в 1874 году и вскоре после того соединена с Гаохати прекрасною шоссейною дорогой (длиной около 108 километров), одною из лучших в Индии; военные кантонементы были расположены в соседстве новой резиденции, и колонии туземцев, гарро, хасиа, джайнтиа, сгруппировались вокруг английских домов. Этот новый город, Шиллонг, лежащий на высоте 1.493 метров, на плато, имеющих скат, с одной стороны,—к верхней Брахмапутре, с другой—к бассейну реки Бакар, занимает очень выгодное положение в административном отношении, так как он находится в географическом центре провинции, которой он—главный город. На западе, на горе Тура, выстроилась другая «санатория».

Ниже Гаохати, города Гоальпара и Дхубри, следующие один за другим на берегах Брахмапутры, обязаны своим важным значением преимущественно складам строевого леса и земледельческих продуктов; железная дорога соединяет Дхубри с городами при Ганге. Простирающиеся за границами Ассама равнины, по которым протекает блуждающая река Дхарла, принадлежат в большей части к медиатизированному государству Коч-Бехар, столица которого, носящая то же имя, представляет кучку хижин, раскинувшихся вокруг кирпичного дворца раджи. На юге, в пределах Бенгалии, Рангпур, или «Город Счастья», значительнее предыдущего; он превосходит по важности города Динаджпур и Богра, находящиеся тоже в треугольном пространстве, ограниченном Гангом и Брахмапутрой выше их слияния; но в отношении торгового движения он далеко уступает Сираджганджу, главному порту Джамуны или Брахмапутры. Этот город существует менее ста лет, и в этот короткий период он уже должен был вновь отстроиться, в 8 километрах от своего первого местоположения, после того, как сильный разлив реки смыл все его дома и улицы. Впродолжении всего дня происходит непрерывное движение фургонов между городом и дебаркадерами, где складываются огромными кучами кипы джута и табаку, маслянистые семена, мешки соли, риса и других продуктов. Большинство купечества, в пользу которого производятся все эти операции, состоит из джайнов, уроженцев Раджпутаны, известных в крае под именем марварцев; до самых крайних пределов Ассама, почти вся торговля страны находится в руках людей этой касты. Торговые обороты Сираджганджа в течение фискального 1876—1877 года простирались, по ценности, до 113.200.000 франков; на пристани его число судов в приходе и отходе было 49.644.

Гоаланда, другая речная пристань, расположенная на песчаной косе западного берега Ганга, при слиянии его с Брахмапутрой, соперничает с Сираджганджем по важности торговой деятельности; но построенный на не твердой почве, постоянно угрожаемый наводнением из двух могучих рек, которые здесь соединяются в один поток, этот торговый центр переходит с места на место, смотря по времени года: зимой и весной временная железная дорога продолжается на 3 километра от постоянной станции; в летние месяцы рельсы снимаются, и широко разливающийся поток, покрывающий свои берега на далекое пространство, ударяется об оградительные насыпи или плотины, между которыми заключены склады и магазины Гоаланды. Торговое движение этого города в течение фискального 1876—1877 г. простиралось до 80.000.000 франков. Более пятидесяти тысяч судов, не считая рыболовных, пристают ежегодно к молам гоаландского порта. На берегу устроены большие заводы для солення рыбы.

Бассейн реки Мегны, которая получает свои воды с горных цепей Манипура и с высот, продолжающихся от гор Гарро до гор Паткой, не имеет ни одного рынка, который мог бы сравниться с Сираджганджем и с Гоаландой по размерам торгового движения. Сильчар, военная станция, находящаяся в соседстве с барманскою границей, есть в то же время место

1 Tavernier, „Les Six Voyages qu'il a faits en Turquie, en Perse et aux Indes“.

довольно оживленного ярмарочного торга. Сайльгет, дома которого рассеяны среди деревьев, на берегах Сурмы,—тоже промышленный и торговый город, самый многолюдный в провинции Ассам; но, окруженный болотами, он имеет очень нездоровый климат, и потому европейские резиденты часто отправляются искать более чистого воздуха в Чера-Понджи и в сосновые леса, окружающие Шиллонг. Сайльгет, расположенный на возвышении, которое в период дождливого муссона бывает окружено со всех сторон водами, есть место отправления извести, которую каменоломни в горах Хасиа доставляют калькуттским строителям в неограниченных количествах. Что касается каменноугольных залежей в Чера-Понджи, то протяжение их не на столько значительно, чтобы их можно было разработывать с выгодой, хотя они дают топливо, едва уступающее, по качеству, хорошим сортам английского угля. Апельсины из Чера-Понджи и Сайльгета очень ценятся на калькуттском рынке: они слывут лучшими во всей Индии.

Многие важные города рассеяны по берегам изменчивых каналов в низменной области, заключающейся между Мегной и Джамуной: Джамальпур стоит на течении старой Брахмапутры, теперь почти покинутом; Майменсинх или Назирабад—главный административный пункт округа, откуда вывозится джут, лучший во всей Бенгалии; Кисоригандж привлекает на свои ярмарки иногородных купцов десятками тысяч,—марварцев, бенгальцев и барманцев. Но торговля и население сосредоточились, главным образом, в южной области края, в той местности, где сходятся могучия реки. В небольшом расстоянии к северу от слияния Мегны и Падмы, т.е. соединенных Ганга и Брахмапутры, находился г. Бикрампур, столица одного индусского царства, и там еще показывают место, где государь сжег себя, вместе со своими женами, при приближении магометан; многочисленные школы, посвященные изучению санскритского языка и древних писателей, существуют до сих пор в Бикрампуре, свидетельствуя о важном значении, которое прежде имел этот город, превратившийся теперь в простую деревню. В соседстве другое местечко, Фиринги-Базар, или «Рынок франков», напоминает первое поселение португальцев в стране, в 1663 году. Столица, следовавшая за Бикрампуром, Сонаргаон, близ которой некогда, говорят, существовал город Бенгалла, давший свое имя Бенгалии[1], теперь представляет кучку лачуг, затерянную среди пальмового леса; но Дакка, возвысившийся на степень царской резиденции в семнадцатом столетии, до сих пор еще большой город, хотя уже пришедший в сильный упадок; он занимал прежде пространство около 30 километров с севера на юг, и в джунгле еще видны там и сям руины его дворцов. В 1880 году он имел еще около двухсот тысяч жителей, а в 1891 г. уже только около 82.000, и даже в центральной части города можно встретить полуразвалившиеся дворцы и храмы. В семнадцатом столетии Дакка была заменена, как главный город Бенгалии, Муршидабадом, но она и после того сохранила свое важное промышленное значение. Англичане, французы, голландцы имели там конторы для покупки произведений местной промышленности—прекрасных шелковых материй, вышитых золотом и серебром, и в особенности легкой кисеи, которою надо было «обвернуться семь раз, чтобы покрыться». Введение манчестерских бумажных тканей разорило мануфактуры Дакки, но зато город приобрел большую важность как место покупки и вывоза земледельческих произведений. В двух его портах Нарайнгандже и Мадангандже, находящихся в 14 километрах южнее, на глубоком притоке Мегны, происходит огромное торговое движение. Торговля Дакки в фискальном 1876—1877 г. простиралась, по ценности, до 29.575.000 франков. В числе жителей этого города и теперь еще есть армяне, греки, португальцы и другие «феринги» (франки), более или менее смешанной крови, которые происходят от торговых людей, поселившихся здесь в прошлом столетии.

К востоку от реки Мегны, два самые многолюдные города области Типперах, Браманбариа и Кумиллах, имеют важное значение только по торговле местными произведениями. Ноахали или Судхарам, главный город округа, находится теперь в 16 километрах от моря, хотя он был основан на самом берегу моря и близ устьев Мегны, наносы которой постоянно вы-

1 Rennell, „Hindustan“, II.

двигаются все далее в Бенгальский залив, увеличивая полосу суши у берегов; на *чарах*, или новообразовавшихся аллювиальных островках, добывают соль. Кумиллах—одна из будущих станций железной дороги из Калькутты в Барманию. Агарталла, главный город подвластных англичанам племен области Типперах, есть не более, как деревня, где несколько сотен жителей сгруппировались вокруг казарм гарнизона.

Важнейшие города бассейна Брахмапутры:

Ассам: Сайльгет—16.850 жит.; Гаохати—11.500 жит.; Гоальпара—6.050 жит.; Сибсагар—5.275 жит.; Шиллонг—5.000 жит.

Коч-Бехар: Коч-Бехар—11.490 жит.

Бенгалия: Дакка—82.321 жит.; Сираджгандж—18.875 жит.; Рангпур—14.850 жит.; Джамальпур—14.300 жит.; Динаджпур—13.050 жит; Кумиллах—12.950 жит.; Браманбариа—12.350 жит.; Маникгандж—11.550 жит.; Нарайнгандж—10.900 жит.; Маймансинх или Назирабад—10.050 жит.

X.

Бассейны рек Субарнареха, Байтарани, Брамани и Мага-Надди, Орисса, Чатисгар, туземные государства области Чота-Нагпор.

Эта часть Индии имеет небольшое протяжение в сравнении с громадным пространством бассейна Ганга, и население её относительно малочисленно, но она составляет особую естественную область, отличающуюся от других областей как историческими судьбами своих жителей, так водоскатом, порядком течения рек, физическими явлениями. Однако, её внутренния гористые земли, покрытые лесами и джунглями, не представляют никакой определенной границы; поселившиеся там дикие народцы простирают свои владения на север в Бенгалию, на запад—в бассейны рек Нарбады и Тапти, на юг—на покатость реки Годавери.

Пространство и народонаселение четырех речных бассейнов: Орисса и платящие дань государства—61.902 кв. килом., 4.318.000 жит., 69 ж. на 1 кв. килом. Сингбум, государства области Чота-Нагпор—51.596 кв. килом., 821.000 жит., 16 ж. на 1 кв. килом. Чатисгар—67.234 кв. килом., 3.239.875жит., 48 на 1 кв. килом. Государства, платящие дань—33.816 кв. килом., 825 600 жит., 24 ж. на 1 кв. килом. Всего—214.548 кв. килом., 9.204.475 жит., 43 ж. на 1 килом.

Возвышенности центральной части полуострова Индустана, из которых иные покрыты лавой, тянутся в виде обширного цирка вокруг равнин, где река Мага-Надди принимает в себя Сео, Гасду и другие большие притоки. Горы Майкал, образующие самый возвышенный краевой хребет этого амфитеатра холмов, имеют около 600 метров средней высоты. Разрезанная водами на многочисленные массивы и господствующая во многих местах над обширными бассейнами, которые некогда были озерами, орографическая система этой страны продолжается на северо-восток от Майкала и местами увенчана остроконечными или куполообразными вершинами, имеющими более 1.000 метров высоты; гора Перта, на границах округов Чота-Нагпор и Чатисгар, поднимается на 1.099 метров над уровнем моря. Довольно ровный в большой части своего протяжения, цирк верхней Мага-Надди усеян, однако, многочисленными группами острововидных холмов или даже уединенных остроконечных гор, на вершине которых виднеются живописные развалины укрепленных замков. Около середины своего течения река, уже судоходная, которая перед тем извивалась по ровным местностям, ударяется о горные валы, состоящие из древних пород, и гребни которых тянутся с юго-запада на северо-восток, параллельно морскому прибрежью Ориссы. Ложе реки загромождено каменными глыбами, вокруг которых течение бежит опасными стремнинами. Меняя направление ниже первых ущелий, Мага-Надди течет к югу в трещине гор, которая продолжается на юго-запад долиной её притока Тель. Затем Мага-Надди встречает на своем пути

другие узкия, поперечные долины, которые позволяют ей снова принять прежнее направление к востоку, после чего ей остается только пройти через внешнюю цепь восточных Гатских гор длинным ущельем, которое тянется около 64 километров; это—так называемый Бармульский «проход», над которым по обе стороны господствуют лесистые склоны и перерезанные оврагами крутизны. На севере, цепи холмов разрезаны на отрывки незначительной длины реками Брамани, Байтарани и их притоками; хотя эти холмы примыкают к возвышенностям внутренней части страны, они являются, по большей части, в форме уединенных мысов или выступов, далеко выдвинутых в равнины. Одна из этих групп высот, известная под именем Талчирских гор, замечательна тем, что в ней находят залежи каменного угля, ископаемые которых едва разнятся от ископаемых австралийских каменноугольных залежей. Другой массив круто обрывается над Баласорскими равнинами, оканчиваясь высоким пиком, справедливо прозванным Магасани, или «Престолом Облаков»: это самая возвышенная из вершин этой области; она достигает 1.165 метров. К югу от этой господствующей горы, где часто предлагали основать «санаторию», небольшая гряда холмов, известная под названием Ниль-Гири, или «Голубых гор», поднимается в виде вала над аллювиальною равниной Ориссы.

Субарнареха, или «Золотая лента», зарождающаяся на высотах округа Чота-Нагпор, составляет отдельный речной бассейн, тогда как реки Байтарани, Брамани и Мага-Надди соединяются одною и тою же дельтою при выходе из области гор. Из этих трех рек Байтарани —самая короткая и наименее обильная; однако, осадки твердых частиц, отлагающиеся в её устье, наидалее выдвигаются в море, у мыса Пальмирас, очень опасного для судов; Брамани и ветви нижней Мага-Надди приносят ей свои землистые частицы и таким образом позволяют ей увеличивать свою дельту. На юге, главные рукава Мага-Надди тоже способствуют своими наносами постоянному приращению поверхности материка. Совокупность всех аллювиальных земель Ориссы, отложенных реками вне древняго каменистого побережья, развертывает линию своих берегов на протяжении 325 километров; площадь этой страны нового образования превышает 13.000 квадр. километров. Принимая во внимание глубину пластов аллювия, нужно заключить, что прибрежные равнины Ориссы представляют собою большую часть обломков, унесенных с плоскогорий центральной Индии; кроме того, значительная пропорция твердых осадков образовала подводную дельту против речных устьев и отложилась на дне открытого моря. Морские приливы (амплитуда их от 2 до 4 метров), волна которых ударяется о берег в направлении с юго-востока на северо-запад и которые закривляют к северу все устья рек[1], уносят с отливом большое количество твердых частиц, содержащихся в водах Мага-Надди и других рек; постоянным ударением волн и течений море тоже переработывает речные наносы и придает им почти геометрическую правильность контуров. Равнодействующая борющихся сил производит в результате беспрерывное приращение земель. Однако, вся область, обнимаемая береговыми кордонами дельты, еще не вполне завоевана сушей: некоторые озера и болота, остатки бухт и лиманов, до сих пор сохранились внутри линии берегов. Самое большое из этих озер—Шилка, залегающее на южной стороне дельты, в том месте, которое получает наименьшее количество речных наносов в сезон разливов; оно представляет обширную водную площадь пространством около 900 квадр. километров в сухое время года и до 1.170 в период дождей, но глубина его весьма незначительна (едва достигает 2 метров), и оно усеяно островками и песчаными мелями. Смотря по большему или меньшему количеству наносов, изменяющемуся от одного до другого времени года, озеро это является то пресноводным резервуаром, то бассейном соленой воды. Возделанные земли, опирающиеся на береговой пояс, быстро растут в протяжении, внешняя плотина укрепляется и расширяется. В начале нынешнего столетия она имела только один километр в ширину; в наши дни она уже втрое шире. Сто лет тому назад, проток представлял судам вход шириною в 1.700 метров, по которому проходили даже большие барки, глубоко сидящие в воде; но с 1825 года сообщения поддерживаются уже только через искус-

1 Hunter, „Orissa“.

ственный канал, который часто наполовину заносится илом, так что инженерам нередко приходится расчищать и, так сказать, вновь открывать его. Воды прилива, проникающие через проток, разливаются по необозримой поверхности озерного бассейна, никогда не повышая уровень его до высоты внешней жидкой массы: тогда как разность между высотой прилива и отлива на берегу моря доходит до полутора метров, в озере Шилка она едва достигает трети этой величины; но когда муссон препятствует выходу отлива, и когда выступившие из берегов воды Мага-Надди и других рек устремляются в озерный резервуар, находящиеся на берегах последнего пахатные земли затопляются; средним числом, несчастные крестьяне прибрежья рассчитывают лишь на один урожайный год из каждых четырех лет. Соль, собираемая у протока, на песках Парикуда, утилизируется для службы храмов; орисские индусы никогда не употребляют соли какого-либо другого происхождения, которая не выкристаллизовалась от действия солнечной теплоты на берегу моря[1]. Несколько плоскодонных судов, склоченных в форме гроба, скользят по водам озера, перевозя пилигримов из Сиркара в Джагганатский храм.

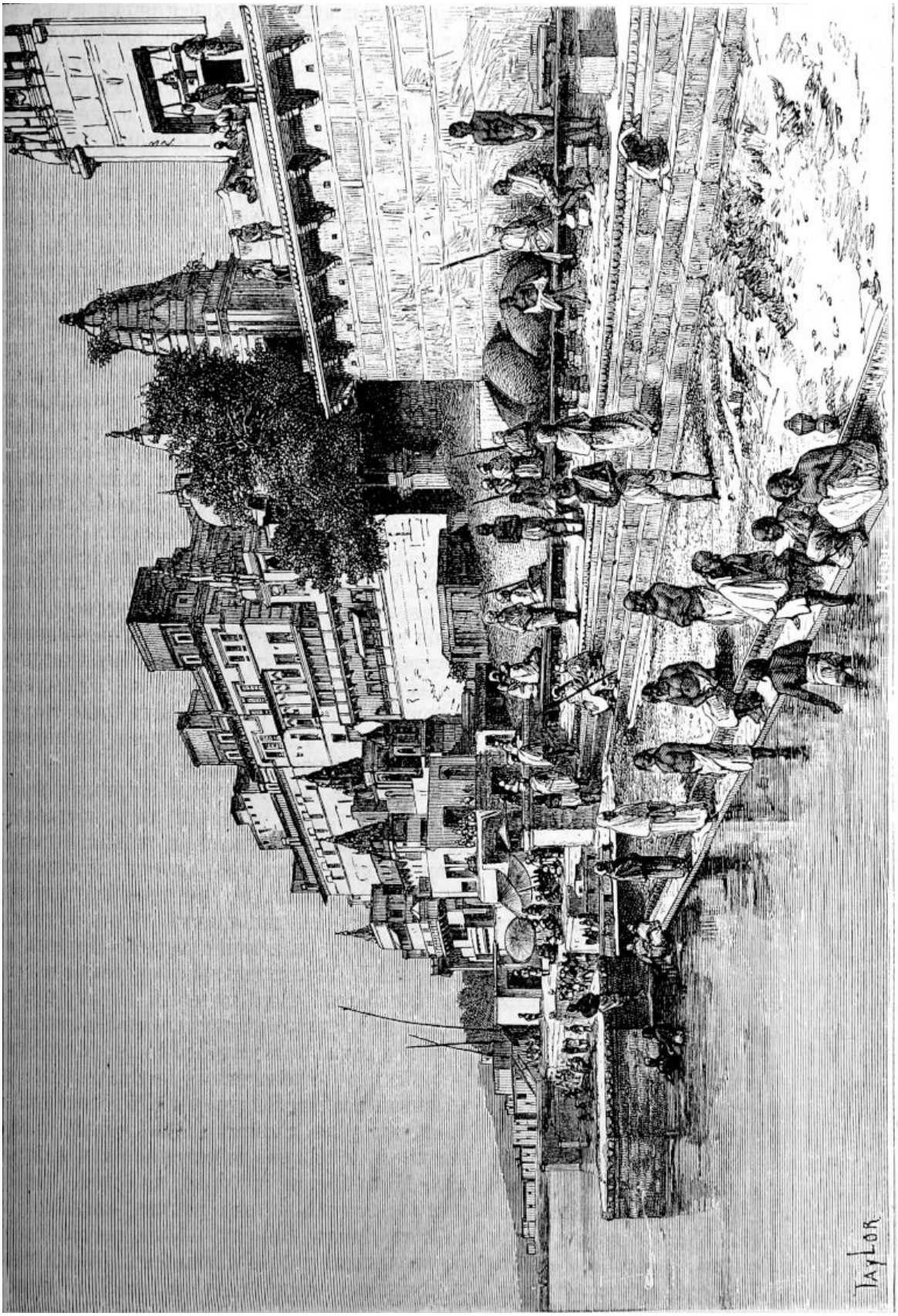
Вероятно, нет реки на земном шаре, которая совершала бы столь значительную геологическую работу, как Мага-Надди, относительно поверхности её водоската и среднего объема её жидкой массы. Правда, течение этой индийской реки имеет 836 километров длины, а бассейн её обнимает территорию, превосходящую 100.000 квадр. километров, следовательно, составляющую около пятой части пространства Франции; но в сравнении с Гангом, с Янцзы-цзяном и другими могучими реками Азии, Мага-Надди, или «Великая река», обыкновенно является потоком средней величины. Впродолжении наибольшей части года она представляет лишь легкую водную скатерть, медленно скользящую в чрезмерно широком русле; бывает так, что истечение её умаляется до 31 кубич. метра в секунду: это дебит маленькой речки, в роде, например, французской Соммы, треть той массы и воды, какую катит Шаранта. Но во время больших разливов Мага-Надди становится огромной рекой, больше Роны, больше даже Нила или Миссисипи; при выходе из своего ущелья в Гатских горах, где в период наводнения вода поднимается на 20 метров (без малого 10 сажен) выше низкого зимнего уровня, она иной раз несет жидкую массу, представляющую слишком 50.000 куб. метров в секунду, т.е. на целую треть превосходящую тот объем воды, какой катит «отец вод» Миссисипи во время наибольшей высоты своих разливов. Но это еще не все: реки Брамани и Байтарани изливаются в ту же дельту, как и Мага-Надди, принося, во время своих периодических потопов, первая 11.300, вторая 5.650 кубических метров воды в секунду; орисские реки катят тогда массу воды, почти в два раза превосходящую ту массу, которую несет выступивший из берегов Миссисипи. Блуждающие русла, проложенные потоками в дельте, имеют разрез, недостаточный для того, чтобы вмещать в себе огромную массу воды, которую они получают, вследствие чего наводнения становятся неизбежными[2].

Реки Ориссы, и в особенности Мага-Надди, могут быть уподоблены, в отношении их гидрографического режима, оврагам, вырытым водой на боках гор. В верховьи открывается эрозивный цирк, или котловина, где скопляются воды и землистые осадки, и которая некогда была внутренним морем; ниже следует узкий корридор, куда низвергается жидкая масса, содержащая ил, песок и каменные обломки, затем у выхода из ущелья начинается откос извержения, простирающий далеко в море правильную кривую своего основания. Как на всех откосах этого рода, частные потоки дельты отбрасывают за черту своих берегов ил и песок, которым они наполнены, возвышая, таким образом, постепенно свои русла над уровнем окружающей почвы. Во время наводнений вода переливается направо и налево в низменные части дельты, где она разливается в виде луж и болот, не будучи в состоянии вернуться в речное русло, если только поток не переменит места и не направится сам в низменность, чтобы мало-по-малу повышать её поверхность. Таким-то образом и регулируется, в течение веков, отлогость почвы. Действие естественных сил, еще не подчиненных воле чело-

1 Botton, „Report of professional tours“; W. W. Hunter, „Orissa“.

2 Harris, „Records of the Governement of Bengal“, 1860.

века, проявляется во всей полноте в аллювиальных землях Ориссы; реки там свободно извиваются по равнине, разделяясь на рукава, которые далее опять соединяются, чтобы затем снова разлучиться, и разнообразно переплетаются с остатками прежних течений; во всем



Набережная въ Бенаресѣ

свете нет речной дельты, где бы гидрографическое сплетение представляло более красивый ансамбль разветвляющихся кривых.

Жители Ориссы должны опасаться не только наводнений, происходящих от разлива рек,

—им постоянно угрожают также наводнения со стороны моря, воды которого иногда, когда их гонит страшная сила циклонов, вторгаются в прибрежные равнины, и в этих случаях, после наводнения, рисовые поля покрываются слоем соли. Засухи тоже составляют один из бичей местного земледелия. Если уж Мага-Надди иногда обращается в маленькие ручейки, пробирающиеся по каменистому ложу, то другие реки совершенно пересыхают; остаются только там и сям лужи, напоминающие о проходе огромных потоков, которые за несколько месяцев перед тем наполняли до краев речное русло. Таким образом, крестьяне дельты всегда находятся между двух опасностей. Когда годовые дожди были недостаточно обильны, посевы выгорают прежде, чем растение достигнет созревания. Если, напротив, муссон приносит слишком большое количество дождевой воды, то все поля бывают затоплены. Реки, увеличенные в объеме дождями и задерживаемые при устьях ветром, дующим с моря, переливаются через боковые валики своих берегов, соединяются с озерами, и вся область прибрежья покрывается водой. Жители деревень, наиболее подверженных наводнениям, с такою уверенностью ждут этой привычной им беды, что, из предосторожности, обыкновенно привязывают лодки и барки к своим домам, чтобы быть во всякое время готовыми к бегству; но куда бежать, когда буря вздымает громадные волны на поверхности выступивших из берегов вод, и когда земля едва виднеется на отдаленном горизонте, там, где высится синеющая линия гор? Нужно оставаться на крыше своего жилища, потрясаемой бушующими волнами, или устроить становище на бамбуковом плоту, или, наконец, вскарабкаться на священные смоковницы, кишащие змеями, которые обвиваются вокруг ветвей. Бесчисленные трупы, над которыми кружатся зловещие вороны, плавают группами среди необозримой равнины вод. Когда, после наводнения, продолжающагося несколько недель, высокие берега выступят, наконец, из-под воды и оставшиеся там и сям вонючия лужи испаряются на солнце, наполняя воздух миазмами, несчастные поселяне, которых пощадило стихийное бедствие, не имеют больше ни посевов, ни скота, и массами падают жертвою лихорадки и голода. В 1866 году, целая четверть населения сделалась жертвою голода, причиненного засухой, как вдруг вслед затем наводнение покрыло пространство в 275.000 гектаров и потопило селения, в которых было сосредоточено свыше 1.200.000 жителей. За первым голодом следовал второй[1].

Англичане, располагая обширными денежными средствами, которые им доставляет сбор налогов и податей, и силами, которыми современная наука вооружает инженеров, не могли, конечно, не предпринять гидравлических работ, имеющих целью устранить это печальное положение вещей. Первые их сооружения, оградительные береговые насыпи, более опасны, чем полезны, потому что они имеют результатом постепенное возвышение речного ложа, вследствие накопления осадков; но этим не ограничилось вмешательство нынешних владетелей страны. В голове дельты, там, где река делится на две ветви, правую, Каджури, и левую, собственно так называемую Мага-Надди, которая, в свою очередь, подразделяется на два рукава, выделяя из себя на север Бирупу,—были построены три шлюзованные плотины поперег течений, чтобы задерживать часть вод разлива и держать их в запасе на случай засухи. Верхний канал, проведенный на северо-востоке вдоль основания холмов, доходит до реки Брамани и рано или поздно соединится с Миднапурским каналом, открывая таким образом линию судоходства между Каттаком и Калькуттой; другие второстепенные каналы, пользуясь средней покатостью дельты, составляющей около 28 сантиметров на километр, расходятся лучеобразно по всем направлениям, разнося питательную влагу по прибрежным равнинам. Около 320.000 гектаров, т.е. почти четверть всего пространства области, могли бы быть уже правильно орошаемы при помощи проведенной до сих пор ирригационной системы; но привычки индусских земледельцев изменяются медленно, и на большей части своей сети каналы пока не приносят иной пользы, кроме того, что регулируют в известной мере излишек вод разлива. Тем не менее, опасность наводнений далеко еще не устранена; очевидно, что при выходе долин, изливающихся в верхний цирк Мага-Надди, а не в самых равнинах дельты, нужно предупредить возможность катастроф посредством резервуаров, располо-

1 W. W. Hunter, „Orissa“.

женных уступами один над другим, и оросительных каналов.

Население бассейна Мага-Надди и других рек Ориссы—индусское в огромном большинстве; однако, в области гор живут еще первобытные обитатели края или аборигены. Туземцы коль или коларийцы южной части округов Чота-Нагпор и Чатисгар и Орисских высот рассматриваются даже как представители целой совокупности племен, и хотя сродство языков ни в каком случае не может служить доказательством сродства рас, название коларийской группы было дано многочисленным наречиям Индии по сю сторону Ганга, не принадлежащим ни к арийскому, ни к дравидийскому корню. Судя по физическому виду населений и по происхождению идиомов, можно заключить, что коларийцы сохранились среди иноплеменных завоевателей как бы в виде этнографических островов и архипелагов; их можно встретить в Гималаях, в горах Ассама, в Индо-Китае, но особенно много их в бассейне реки Мага-Надди, где они представляют наибольшее разнообразие племен, стоящих на всевозможных ступенях цивилизации.

Джуаны или паттуасы, называемые также джангали, или «обитателями джунглей», живут в числе около 3.000 душ в гористой области, заключающейся между верхнею Брамани и Байтарани; это, вероятно, наименее цивилизованные из коларийцев. Они называют себя «первыми из людей» и даже показывают место, где родились их прародители: это два истока реки Байтарани, открывающиеся, «словно две ноздри коровы», на боках утеса. Джуаны не поднялись по лестнице цивилизации даже до искусства делать глиняные сосуды и ткать холст,—искусства, которое знают почти все дикие народы; большое количество каменных орудий, найденное в крае при раскопках, указывает на то, что эти туземцы еще очень недавно находились в неолитовом (новокаменном) веке; оружием у них служат лук и стрелы, и в особенности праща. Они очень малорослы (средний рост мужчин—1.520 метр., средний рост женщин—1.423 метр.), и некоторые антропологи смотрят на них как на представителей расы негритосов[1] и соплеменников минкопов, жителей Андаманского архипелага; однако, английский геолог Баль, который впродолжении пятнадцати лет странствовал по области Чота-Нагпор и два раза посетил Андаманские острова, совершенно отрицает это сходство[2]. Сами джуаны называют себя «индусами». С давних пор уже мужчины носят одежду, но еще в 1866 году женщины, хотя увешанные ожерельями и другими украшениями, не имели другого костюма, кроме букета из листьев, привязанного ниткой вокруг ног[3].

Племена харриа и бирхор, живущие в области Сингбхум, гораздо более многочисленны, чем джуаны, и некоторые из этих племен, почти объиндианившиеся, сливаются с жителями равнин; но между ними есть и такие народцы, которые до сих пор остаются на последней степени дикого состояния и живут в лесах, как дикие звери, питаясь корнями, ягодами, животными всякого рода. Еще в недавнюю эпоху они убивали своих стариков и поедали их мясо; приведенные к Дальтону, некоторые из них отрицали существование этого обычая, но с такими недомолвками, что он остался убежденным в справедливости обвинения[4]. Другие коларийцы, племени корва или каур, населяющие самые гористые области края, на водораздельной возвышенности между бассейнами трех рек: Соны, Мага-Надди и Брамани, не менее дики, чем харриа, и не без удовольствия слушают рассказ легенды, которая дает им за прародителей каких-то страшилищ, получивших дыхание жизни от злого духа, приходившего на поля; впрочем, их жрецы, которые, вместе с тем, исполняют обязанность деревенских брадобреев, утверждают, что их племя происходит от куруидов, прославленных войнами, о которых повествует поэма Магабгарата. Соседи их буйя называют себя «Сынами Ветра», наравне с богом-обезьяной Гануманом. Все эти народцы, обитатели лесов и гор, были те самые, о которых упоминают древние индусские легенды под именем саура или савара[5].

1 Rousselet, „L'Inde des Radjahs"; De Quatrefages, „Etudes sur Todas; Crania ethnica".
2 „Jungle Life in India".
3 Dalton, „Ethnology of Bengal"; „Journal of the Ethnological Society", 1867, № 4.
4 „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1865, I
5 W. W. Hunter, „Orissa".

Согласно преданию, те из коларийцев. которые в настоящее время населяют южную часть Чота-Нагпора, происходят от нации, которая обитала некогда в Бегаре, области гангского бассейна, носившей в старину имя Колария; в ту эпоху, когда Шакиа-Муни проповедывал свое учение, население Гайя состояло, вероятно, из коларийцев, потому что изваяния в храмах воспроизводят тип этого племени, а не тип арийцев[1]. Вытесненный из долины Ганга, народ коль удалился в долины юга и на плоскогорья, составляющие продолжение системы гор Виндиа. Без сомнения, большинство туземцев этого племени, слившихся с индусскими населениями, разделяются теперь уже не на колена или кланы, а на касты, вместе с судрами смешанного происхождения; однако, число тех, которые сохранили свои национальные обычаи, предания и язык и которые живут еще особняком от индусов, весьма значительно; их насчитывают до миллиона душ. Одна только группа племен, называемых мунда или мундари, к которой принадлежат народцы агариахов, или кочующих кузнецов[2], состоит более чем из 400.000 человек. Суммарные народные переписи насчитывают 300.000 душ племени бумидж или мури и 150.000 душ племени го или ларка. Это главные коларийские нации, если только не считать принадлежащими к тому же этнографическому корню туземцев коли, живущих в Гудзерате, на западном берегу Индии. Все коларийцы имеют ясное сознание давности пребывания их племени в стране и смотрят на окружающих народов как на пришельцев. Согласно их легендам, они—нагбханси, т.е. «рожденные от змея», истинного владельца земли и гор; недалеко от Самбальпура туземцы прежде приносили каждый год козленка в жертву огромному змею-фетишу, которого они считали столь же древним, как мир, и который, по их верованию, должен был погибнуть только вместе с этим миром. Самое название бумидж есть синоним «Сынов почвы», а слово го означает «людей» по преимуществу.

Во всяком случае, эти последние, т.е. туземцы го, могут быть приняты за тип других коларийских племен, и земля, которую они населяют, в области Сингбхум, получила специально название Колан или Колехан. Они, по большей части, выше ростом и сильнее, нежели их единоплеменники; хотя лицо у них широкое и черты плоские, они, тем не менее, имеют приятную физиономию; татуируются у них только одни женщины, да и то простыми параллельными линиями, начертанными на лбу и на висках, обозначающими своими размерами и взаимным расстоянием клан и племя, из которого происходит женщина или девушка. Цвет кожи у них различный, от черного до красноватого смотря по месту жительства и роду пищи; но коларийцы редко смешиваются с людьми чужой расы; брачные союзы у них всегда заключаются вне собственного клана, в другом подразделении того же колена. Они живут самостоятельными республиками и сами исправно приносят следующие с них подати в главный город округа, не позволяя сборщику входить в их леса[3]. Единственные иноплеменники, которых они терпят в своих общинах,—это ткачи, гончары и другие ремесленники арийской расы, потомки бывших военнопленных; после хлебопашества, в котором они отличаются своим трудолюбием и искусством, коларийцы оставили за собою только один род промышленности—обработку железа. Они очень привязаны к родной земле, к своей отчине, и чтобы защитить ее против захватов со стороны индусов, они не раз посылали своим соседям стрелу, в знак объявления войны, и в назначенный день спускались с гор, чтобы разгромить селения своих врагов. Как санталы и ораонцы, как многие монгольские народцы, как индейцы Северной Америки, коларийцы принимают для своих различных кланов, как отличительный символический знак, изображения разных животных; каждый имеет свой особенный *готем*. Они почитают тени или души предков, заклинают разными приношениями зложелательство свирепых животных, в особенности тигра[4], поклоняются солнцу, как «отцу людей», рекам, горам и всем силам природы; около каждой деревушки находится еще свя-

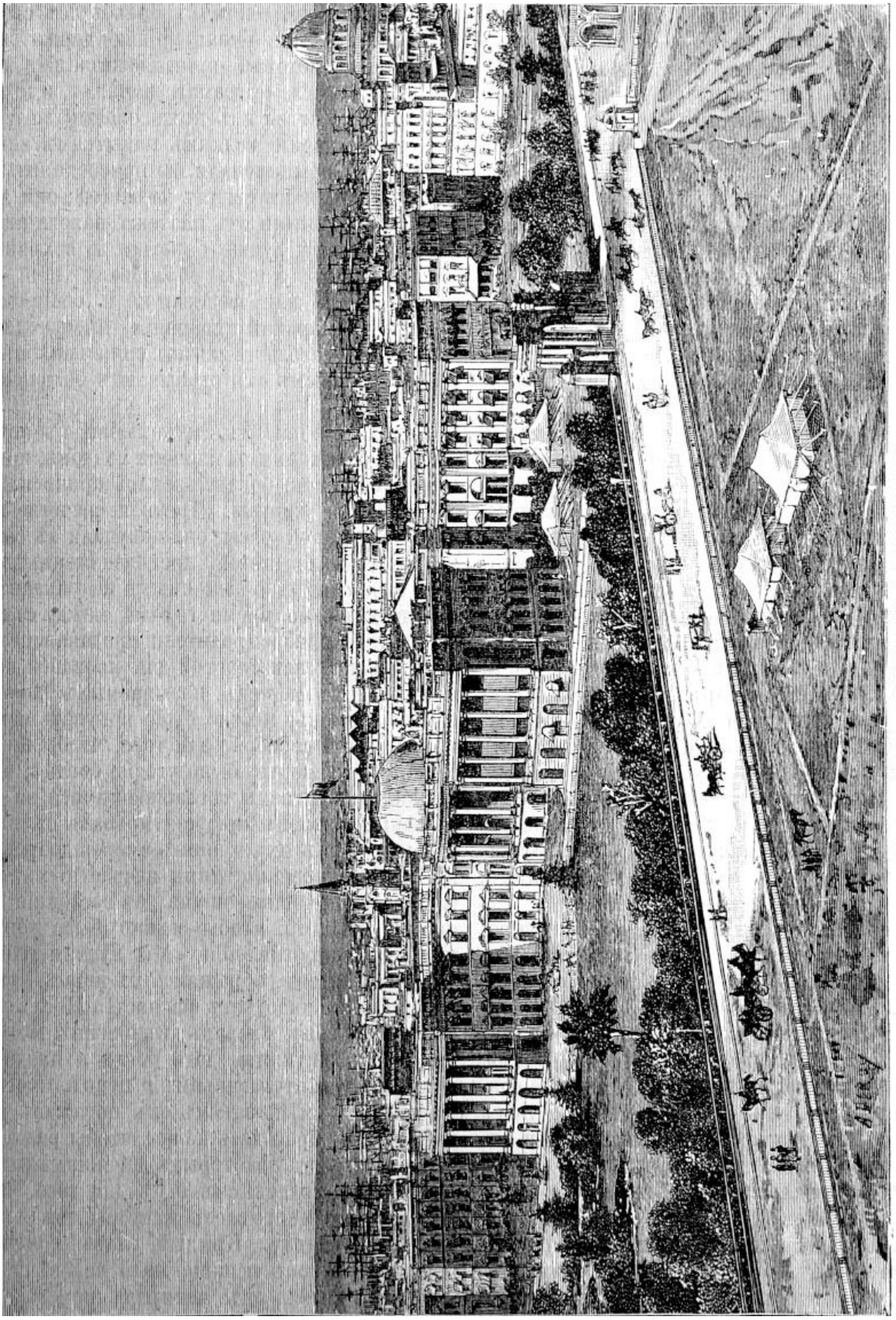
1 Wilford, ‚Asiatic Researches“, vol. IX; Dalton, „Ethnology of Bengal“.

2 V. Ball, „Jungle Life in India“.

3 Tickell, „Journal of the Asiatic Society of Calcutta“, 1840; Stohr, „Mittheilungen von Petermann“, 1861, № 6.

4 Delplace, „Annales de la Propagation de la Foi“, mai, 1875.

щенная рощица, остаток прежнего девственного леса, и считается великим преступлением занести топор на одно из этих дерев, служащих обиталищем богов. Иногда они приносят в жертву солнцу животных, но жертвенник, посвященный этому божеству, не должен быть



Видъ Калькуты съ эспланады.

сделан рукой человека: у народа харриа кровь жертв проливается обыкновенно над муравейником. У коларийцев не существует никаких учреждений или обычаев, которые напоминали бы главенство матери (матриархат); в этом отношении они совершенно отличаются от

гарро и других туземцев Ассама. У них наследство переходит непосредственно от отца к сыновьям, и эти последние делят его между собою равными долями, с исключением сестер, которые составляют их собственность, наравне с домашним скотом; в их же пользу поступает и калым, или сумма, платимая женихом в виде выкупа за невесту. Коларийская девушка не может сама себе выбирать мужа, как молодая гарронка; она должна долго ждать сватовства, так как семья её обыкновенно назначает за нее высокую цену. Браки, вообще, гораздо более поздние у горцев области Чота-Нагпор, чем во всякой другой части Индии, редко бывают несчастливы. Брачный союз, следующий через три дня после бегства супруги и фиктивного похищения её, делает жену равною мужу, и последний всегда советуется с нею во всех важных делах. Что касается похоронных обрядов, то они походят на те же обряды у народа хасиа. Коларийцы сжигают вместе с телом покойника все вещи, которые ему нравились при жизни, и прикрывают прах его долменами и сложенными в кучу камнями; многие деревни узнаешь издали по этим мегалитам. Харриа поступают в этом случае иначе: так же, как и санталы, они вверяют любимый прах течению реки; священными водами у санталов почитаются воды Дамуды, у харриа—воды Брамави.

Вообще говоря, понятливые, смышленые, желающие нравиться,—даже слишком желающие, потому что оскорбление, неуважение или невнимание часто так сильно действует на них, что обиженный сам себя лишает жизни[1],—коларийцы, может быть, самые податливые из всех туземцев Индии в отношении принятия религии англичан. В то время, как у различных народцев этой страны протестантские церкви состоят только из нескольких голодных туземцев, кроме самих миссионеров и их семейств, христианские общины коларийской земли заключают в себе тысячи новообращенных членов; озлобление против индусов помогает во многих местах перемене религии. Английское влияние проявилось другим образом на племена хондов или хандов, которые живут разбросанно отдельными семьями в области восточных Гатских гор, и преимущественно на юге от реки Мага-Надди, в южной Ориссе, в Калаханди, в Бастаре и в некоторых округах Мадрасской провинции. Эти хонды сохранили свою религию, но они уже отказались от чудовищного обычая человеческих жертвоприношений, и детоубийство, некогда очень обыкновенное у них, теперь считается уже преступлением.

Дравидийцы по языку[2], хонды, которые, впрочем, довольно многочисленны, так как их насчитывают до 75.000 душ в одной только Ориссе, да столько же в области Калаханди, принадлежат к смешанной расе. Замечательна, что, живя рядом с народами, так строго соблюдающими разграничение кланов или каст, они нисколько не заботятся о сохранении чистоты своей крови; тысячи индусов низших каст живут среди них; кроме того, бесчеловечный обычай умерщвления девочек, которым хонды так печально отличались от всех окружающих народцев, заставлял их добывать себе жен на стороне, у своих соседей коларийцев, у индусов равнины и у гондов, жителей центральных провинций; в некоторых хондских селениях мы напрасно стали бы искать маленькую девочку: каждая девочка тотчас же после её рождения была положена в новый глиняный сосуд и зарыта в землю в месте, указанном астрологом, как таком, откуда мог повеять злой рок. Но если хонды охотно роднились посредством браков с своими соседями, то они очень крепко держатся за свою землю, которая принадлежит им, как они выражаются, «с самого начала», и до сих пор большинство из них оказывало упорное сопротивление всяким попыткам земиндаров, которые желали бы присоединить эти хондские земли к своим имениям; они даже сумели уклоняться от платежа налога англичанам. Чтобы лучше бороться за сохранение своих прав, хонды образовали из себя общий союз или федерацию и собираются иногда в народные собрания, происходящие под председательством их начальников или *аббайе*, которым они оказывают большое почтение.

Равным образом, из любви к почве, которая их кормит, племена хондов, поклоняющиеся Тари, богине земли, приносили ей человеческие жертвы. Чрез посредство купцов смешан-

1 Dalton, „Ethnology of Bengal“.

2 Dalton, цитированное сочинение.

ной расы, они покупали в соседних странах детей, предназначенных к роли *мериа*, т.е. обреченных на заклание, а иногда даже, во время голода, между самими хондами находились родители, продававшие своих сыновей или дочерей для кровавой церемонии. Этих мериев, называемых *токи* на языке хондов, должно было покупать непременно ценой серебра, для того, чтобы принесение их в жертву было угодно богине; часто они были почитаемы соглашающимися на свое заклание, и жрец аргументировал с ними, чтобы убедить их принять смерть добровольно; но обыкновенно этих несчастных приводили, с помощью опиума, в состояние опьянения для того, чтобы можно было убивать их без сопротивления. «Мы купили тебя,—говорил жрец, обращаясь к мерии,—никакой грех не тяготеет на нас!» После этого обращения, он взывал к богине, моля ее наполнить житницы, дать рости и плодиться домашнему скоту, свиньям и птице, прогнать тигров и змей, затем он поражал жертву, и толпа бросалась на нее, чтобы разорвать ее на куски; в некоторых деревнях жертву сжигали на медленном огне для того, чтобы она пролила много слез и чтобы дожди были обильны в году. Каждый глава семейства получал кусок освященного человеческого мяса, которым он натирал порог своей житницы и который он затем зарывал в землю в своем саду, или втыкал на кол, вбитый в дно соседнего ручья; пепел костей и внутренностей жертвы развевался по полям или смешивался с зерном, предназначенным для посева. Одно только подобное жертвоприношение, совершенное по повелению Бастарского раджи, состояло из 28 человеческих жертв, и по этому случаю была даже организована правильная почтовая служба, для того, чтобы каждое соседнее племя получило свою долю мяса и пепла. В 1835 году, как только Макферсон и другие офицеры обнаружили существование этого чудовищного обычая, негодующие англичане потребовали уничтожения его на будущее время, и даже были посылаемы вооруженные экспедиции в горы, чтобы наказать упорствующих; в 1859 и 1860 годах было освобождено около 550 мериа, обреченных на заклание. Тем не менее, хонды уступили лишь под условием, чтобы им было позволено вину за прекращение человеческих жертвоприношений торжественно сложить на иностранцев. Разрешение им было дано; но что решило их окончательное обращение, так это превосходный урожай, следовавший за освобождением мериа; богиня Тари показала тем, что она удовлетворена; куркума, или «индийский шафран», одно из главных произведений края, принял прекраснейшую окраску без того, чтобы необходимо было увлажнять его человеческою кровью. Кажется, что с 1860 года уже не было ни одного человеческого жертвоприношения в стране; сами хонды дивятся, как могли они прежде верить в необходимость этих кровавых религиозных обрядов[1]. Тем не менее, однако, дикий зверь не умер и может еще проснуться. Во время восстания, вспыхнувшего летом 1882 года, хонды области Калаханди, после того, как они соединились в одну общую конфедерацию, принеся клятву во взаимной верности на тигровой шкуре, перебили сотни индусских земледельцев, из касты культов, которые постепенно захватывали земли на их территории, и говорят, что для того, чтобы призвать своих соотечественников на священную брань, они послали каждому клану кусок мяса жертв.

Индусское население, занимающее равнины дельты, равно как долины по окружности горных хребтов, примыкает к бенгальцам нечувствительными переходами и говорит языком санскритского происхождения, называемым урия, который употребляют также в полуденной Бенгалии и в сопредельных округах Мадраса и центральных провинций; вообще, группу наречия урия составляют от восьми до десяти миллионов человек. Индусы. говорящие этим идиомом, принадлежат ко всяким кастам, из которых иные, между прочим, касты панов, занимающихся мелочной торговлей, и телингов, промышляющих рыболовством и поселившихся вокруг озера Шилка,—очевидно, смешанной расы, дравидийской и коларийской. Во многих отношениях мы находимся, в области Орисса, на общей границе двух миров—арийского и дравидийского, и, может быть, это именно обстоятельство и было причиной того, что Орисса приобрела особенную святость в глазах двух названных рас, между которы-

1 Macpherson, „Journal of the Royal Asiatic Society“; Campell; Mac Neill; Dalton; Hunter; Monier Williams, etc.

ми там часто происходила вооруженная борьба и которые воздвигли там много памятников в воспоминание своих битв. Между индусскими кастами есть такия, которые в течение настоящего столетия снова поднялись из унижения и сбросили с себя угнетавший их позор. Чамары, жители округа Чатисгар, на долю которых было оставлено только ремесло живодеров и землекопов, сгруппировались в один прекрасный день вокруг одного пророка, который провозглашал отмену всяких каст и равенство всех людей. Когда они не стали более признавать высших между другими индусами, и на них перестали смотреть как на низших. Народный обычай изменил даже самое имя чамаров: их называют теперь сатнами, по восклицанию «*сат нам, сат нам!*», которое они испускают утром и вечером, падая ниц перед восходящим или заходящим солнцем. Этих индусов, которые сумели снова завоевать себе почетное место среди своих соотечественников и которые составляют один из трудолюбивейших классов индийского общества, насчитывают около 300.000 душ[1].

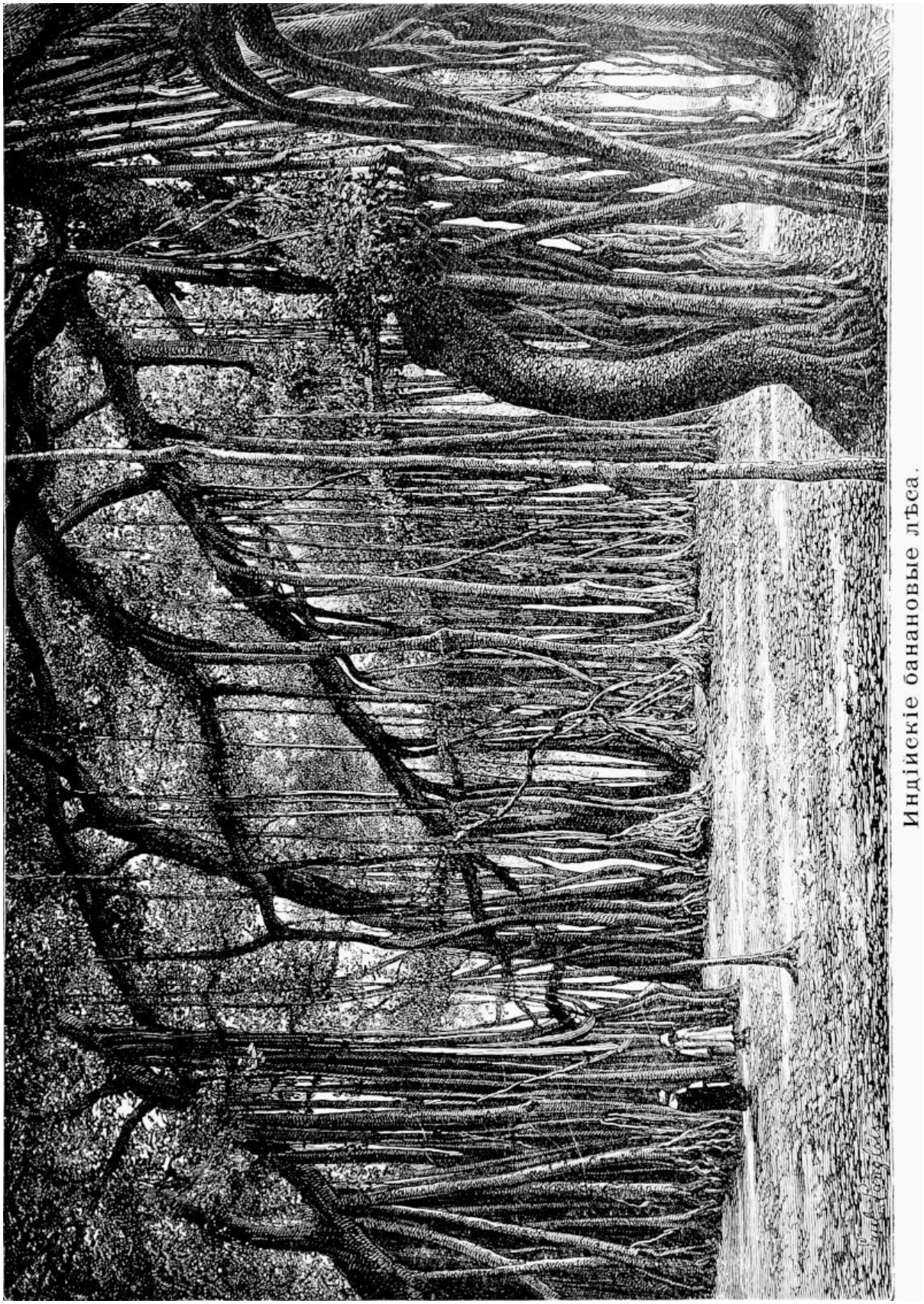
Населенные в большей части своего протяжения дикими народцами и еще не перерезанные железною дорогой, которая соединяла бы их с Калькуттой или Бомбеем, верхние бассейны рек Субарнанеха, Байтарами, Брамани, Мага-Надди не имеют многолюдных городов, но развалины древних городских поселений и груды шлаков около месторождений золота и меди[2] доказывают, что этот край некогда принадлежал цивилизованному народу. Призматическая песчаниковая скала, называемая Рамгар, или «Замком Рама», которая, словно гигантская крепость, поднимается высоко над лесом дерева саль, близ истоков реки Субарнахера, сохранила еще на своей вершине, на высоте 800 метров, остатки города, двойная ограда которого представляет замечательнейшие детали, сделанные в индусском стиле, с примесью арабского; естественные гроты Рамгара покрыты изваяниями и надписями. Чайбаса, главный город округа Сингбхум, или «Земля Господ», получившего это название от раджпутских князей, сам по себе маленький городок, на одном из верхних притоков Байтарани, но он очень любопытен своими рынками, куда дикари различных рас стекаются тысячами.

В верхнем бассейне реки Мага-Надди самый замечательный город—Райпур, лежащий на высоте менее 300 метров, почти в центре равнины, некогда озерной, которая превратилась в плодоносный округ Чатисгар, т.е. «Тридцати шести замков». Благодаря своему выгодному положению, город этот является очень деятельным рынком. Донгаргаон, еще недавно бывший маленькой деревушкой, затерянной среди джунглей, сделался главным сборным местом для хлеботорговцев; во время ярмарок здесь собирается более ста тысяч иногородних посетителей, с 40.000 волов и 13.000 телег. Самбальпур, в ущельях, через которые протекает Мага-Надди, занимает выгодное положение, находясь на берегу этой судоходной реки, которая, смотря по времени года, изменяется в ширине от 40 до 1.600 метров. Город этот прославился своими алмазными приисками, которые были посещены уже в 1766 году европейцем Моттом; место, где находят алмазы в наибольшем количестве, лежит близ впадения речки Иб (Гебе) в Мага-Надди. В период мелководья около пяти тысяч джхаров, или «промывальщиков», собираются на берегу Мага-Надди, чтобы запрудить рукав этой реки, проходящий по Гира-кунду, или «Алмазному фонтану», и искать драгоценные камни, смешанные с галькой речного ложа. Европейцы несколько раз выхлопатывали себе у правительства монополию этой промышленности, но выгоды, получаемые от эксплоатации алмазных приисков, оказывались недостаточными для покрытия издержек производства[3]. Некоторые геологи отождествили Самбальпур с древним городом Сумальпур, но, по всей вероятности, этот алмазный рынок находился севернее, на реке Гоэль, верхнем притоке Брамани. Ниже по течению Мага-Надди, Сонпур и Бод, столицы медиатизированных государств, представляют лишь незначительные местечки.

Каттак, т.е. «Крепость», столица провинции Ориссы, занимает треугольную вершину дельты, между Мага-Надди в собственном смысле и другою ветвью, рекой Каджури; это

1 Hunter, „Imperial Gazetteer of India".
2 Stohr, „Mittheilungen von Petermann", 1861, № 6.
3 V. Ball, „The Diamonds, Coal and Gold of India".

было бы великолепное географическое положение, если бы течение «Великой реки» не было так опасно, и если бы судоходство могло правильным образом пользоваться изменчивыми рукавами дельты. Каттак должен был окружить себя высокими оградительными плотинами,



Индійскіе банановые лѣса.

которые превращают его в остров во время разливов; эти гидравлические сооружения и запруды реки составляют самые замечательные строения города; что касается крепостцы, от которой он получил свое название, то теперь это не более как горка развалин. Но окрестные

горы сохранили еще драгоценные памятники эпох буддийской, магометанской и браманской, изображения, иссеченные в скале, и гроты, преобразованные в храмы. Все религиозные перевороты Индии оставили по себе следы на священной почве Ориссы, и при том жители всегда выбирали самые живописные местоположения, чтобы украшать их колоннадами и произведениями скульптуры. Самая любопытная группа храмов находится километрах в тридцати к югу от Каттака, близ Буванешвара, местечка, бывшего некогда столицей государства. Большая часть архитектурных остатков, которые находятся в окружающих гротах,—буддийского происхождения. Одна надпись на скалах принадлежит к тем многочисленным надписям, которые были вырезаны, по повелению императора Асоки, в разных местах Индии; другая, более древняя, рассказывает историю одного магадского царя, жившего за двадцать два века до нашего времени[1]. Некоторые изваяния в храмах воспроизводят человеческие формы с такою верностью и изяществом отделки, что многие археологи приписывали эти скульптурные произведения греко-бактрийским художникам.

Как «святая земля» индусов, страна Орисса делится на четыре области, которые, впрочем, все одинаково служат «преддверием неба», и обитатели которых должны неминуемо попасть, после своей смерти, в жилище блаженных духов. Как только пилигрим, идущий с севера, переступил за «теплую Байтарани», этот «Стикс индусов», он уже вступает в совершенно новый мир: жрец шепчет ему на ухо, что он, паломник, сподобился проникнуть в царство грозного Сивы и Парвати. На юго-востоке, около устьев Мага-Надди, лежит область «Солнца», теперь мало посещаемая богомольцами, хотя святилища до сих пор стоят еще там вдоль пустынных берегов реки. Берега озера Шилка, которые некогда, по сказанию легенды, были окружены 7.000 храмами, тоже посвящены богу Сиве. Но область святая между святыми, та область, «славы которой сам Сива не может себе представить»,—это территория Пури, заключенная между двумя плоскими болотистыми берегами океанского пребрежья, в стороне от дороги, по которой следовали завоеватели. Там царствует Вишну уже пятнадцать столетий, там стоит знаменитый Джагганатский храм, посещаемый иногда тремя стами тысяч пилигримов в год. Трижды блажен тот, на долю кого выпало счастье умереть в виду «Врат Рая» и башни, на верхушке которой водружены знамя и колесо Вишну! Так могущественна сила, присущая этой священной пагоде, что она уничтожает даже всякое кастовое различие. Пред лицом бога браман и живодер равны: «Правоверный, который мне угоден, говорит Вишну,—это не ученый, посвященный в тайну четырех священных письмен, а смиренный верующий; это ему нужно давать, от него нужно принимать. Почитайте его, как вы почитаете меня самого». Во дворе храма странники, смешанные без различия сословий или рас, братски делят между собою *мага-прасад* священную пищу. Правда, что во избежание необходимости признавать, хотя бы и временно, за равных себе презираемых телингов, стражи святилища воспрещают им вход в храм[2]. Они охотно допускают людей низшей касты, приходящих издалека и которых они больше не увидят, но держат на почтительном расстоянии те презренные существа, с которыми им приходится встречаться каждый день.

Священное здание, окруженное широкою четыреугольною оградою, каждая сторона которой имеет более 200 метров длины, расположено на Ниль-Гири, или «Голубой горе», небольшом пригорке, образовавшемся, вероятно, из обломков буддийского храма. Сооружение его восходит к концу двенадцатого столетия; магометанские завоеватели, разрушившие большую часть индусских святилищ в Ориссе, пощадили Джагганатский храм, который, благодаря отдаче на откуп сбора приношений и подаяний, доставлял им значительные доходы. В самом деле, религия и до сих пор составляет главный, почти единственный промысел территории Пури, обитатели которой, в числе около двадцати тысяч душ, живут прямо или косвенно эксплоатациею правоверных. Жрецы и служители при Джагганатской святыне, общее число которых доходит до 6.000, разделяются на 36 порядков и 97 классов, и состоят под главным начальством раджи, который имеет наследственную должность подметальщика

1 Rajendralala Mitra, „Antiquities of Orissa".
2 W. W. Hunter, „Orissa".

храма. Они посылают странствующих приказчиков во все провинции зазывать пилигримов, которым они обещают вечное спасение, взамен доброхотных приношений, пожертвованных в пользу бога и его служителей, и собирают таким образом каждый год около миллиона франков; к этому сбору нужно еще прибавить доходы с земель, уступленных храму английским правительством; знаменитый алмаз Кох-и-нур («Гора Света»), принадлежащий теперь королеве-императрице Виктории, был завещан Джагганатскому храму Лагорским раджей, Ранджит-Сингом, но придворный ювелир отказался выдать его служителям святилища[1]. Статуя бога Вишну, так же, как статуи его брата и сестры, над которыми поднимается самая высокая башня храма, представляют грубые фигуры, едва отесанные чурбаны; но это не мешает им быть самыми священными, наиболее чтимыми изображениями во всей Индии. Каждый год, в июне или в июле месяце, 4.200 служителей храма впрягаются в колесницу бога Вишну, подвижную деревянную пагоду, около 14 метров вышиной, покоющуюся на восьми парах колес, и тащат ее в «Храм Сада», расположенный на краю плоского песчаного берега, почти в 2 километрах от Джагганата. Эта древняя буддийская церемония напоминает, без сомнения, годовщину рождения основателя буддизма Шакиа-Муни[2]; таким образом здесь слились две религии под именем Вишну. Путешествие громадной махины, вязнущей в песке, продолжается несколько дней. Вошло в пословицу, что иные фанатические пилигримы бросаются под колеса чудовищной колесницы, чтобы иметь счастье умереть в состоянии святости; но этот род самоубийства всегда был исключительным фактом, каким бывает в Европе добровольная смерть под колесами локомотивов; когда случится подобное несчастие, движение колесницы тотчас же приостанавливается, и жрецы приступают к очистительным церемониям. Точно также обычай, называемый *вир-вир*, состоявший в том, что некоторые верующие, ради спасения души, привешивались на острые крюки, зацепляемые за мясо спины, так что тело их, при движении колесницы, качалось из стороны в сторону, совершенно вышел из употребления уже при жизни прошлого поколения, и вероятно, он всегда был запрещаем охранителями пурийской святыни, так как Джагганат есть «бог любви», и вид крови внушает ему ужас. В наши дни религиозная ревность ослабевает, число пилигримов постоянно уменьшается, и девять десятых их состоят из женщин[3]; только женщины сохранили древнюю веру. Джагганатский храм служит гнездом и рассадником заразы, как и Мекская кааба; но в последнее время, благодаря уменьшению наплыва пилигримов и принятию мер к улучшению общественной гигиены, уменьшилась опасность эпидемий, которые прежде каждый год зарождались и свирепствовали между толпами отовсюду стекающихся богомольцев, по большей части грязных и получающих дурную или недостаточную пищу. Еще не так давно часто случалось, что улицы Пури были загромождены валявшимися мертвыми телами, которые служили пищей голодным собакам, да и в наши дни еще дорога, по которой следуют паломники, отмечена вереницами трупов. В видах охранения городских поселений от заразы, правительство начертало определенный маршрут, которым воспрещается заходить в лежащие на пути города партиям индусов, возвращающимся из Джагганата.

Джагганатскій священный чурбанъ

В 32 километрах к востоку от Пури, недалеко от морского берега, видны руины Канаракского храма, посвященного солнцу; европейцы дали ему прозвище «Черной Пагоды». Хотя сильно поломанные искателями сокровищ и любителями античных редкостей, испещренные

1 A Keane, рукописные заметки.
2 Rajendnilala Mitra, „Antiquities of Orissa".
3 W. W. Hunter, „Orissa".

именами путешественников, изваяния Канаракской пагоды, тем не менее, принадлежат к числу прекраснейших скульптурных произведений, какие сохранились от лучших эпох искусства, да и самое здание, сооруженное, как полагают, в конце девятого столетия, справедливо считается перлом индусского зодчества. Джаджпур или Яджпур, «Город жертвоприношения», стоящий на правом берегу реки Байтарани,—тоже один из замечательнейших городов Ориссы по своим памятникам, посвященным, большею частью, Сиве и Парвати, и по своей уединенной колонне, подобной столбу, воздвигнутому перед Джагганатским храмом. Джаджпур был до Каттака главным городом Ориссы.

Важнейшие города Ориссы и округа Чатисгар:

Каттак (1891 г.)—47.186 жит.; Пури—28.794 жит.; Райпур—20.300 ж.; Баласор—18.250 жит.; Самбальпур—11.700 жит.; Джаджпур (Яджпур)—10.750 жит.

Изменчивые песчаные мели, рассеяные вдоль берега, и бары, заграждающие вход в устья Мага-Надди, долго не позволяли европейским кораблям приближаться к прибрежью; только туземные суда отваживались переходить через образуемые барами пороги при высоком приливе, чтобы идти к пристаням внутренних рынков за грузами риса и других земледельческих продуктов. В 1860 году некоторые французские негоцианты, живущие в Калькутте, решились ввести свои корабли в «Великую реку» через устье Фольс-Пойнт, и вскоре после того, во время голода, постигшего край, сюда стали выгружать съестные припасы, посылавшиеся из индийской столицы. Теперь, хорошо исследованный, снабженный буями, бакенами и фонарями или маяками, Фольс-Пойнт сделался одним из наиболее доступных портов восточного берега; защищенные от южного муссона песчаною косой, суда, из которых большое число носят французский флаг, безопасно стоят на якоре в рейде, где обыкновенно бывает от 7 до 8 метров глубины, затем, в периоды прилива, сообщаются с внутренними городами посредством лихтеров и пароходов; но нужно опасаться, что судам в скором времени придется искать себе другого пристанища, потому что захваты ила у берегов бухты превышают, средним числом, 36 метров в год[1]. Движение судоходства в порте Фольс-Пойнт в 1875 году: 110 судов с общею грузовместимостью 118.375 тонн; ценность торговых оборотов 6.530.000 франков. Как складочное место произведений Ориссы, порт Фольс-Пойнт имеет более важное значение, чем все другие гавани этого берега и даже чем Баласор, некогда очень оживленный порт до основания Калькутты и местопребывание датской торговой конторы до 1846 года. Неподалеку оттуда, в Субарнарехе, городе, теперь уже исчезнувшем, который находился при устье реки того же имени, англичане основали свою первую контору на почве Индии, в 1634 году; в том же месте ранее находилась португальская контора Пильпин[2].

XI.

Гондвана или центральные провинции; верхние бассейны рек Соны, Нарбады, Тапти и Годавери.

Еще в половине настоящего столетия эта область была в большей части своего протяжения «неведомою страною». Вне городов и вдали от главных дорог простирались опасные пространства, по которым рыскали разбойники пиндари или в которых жили дикия племена гондов. Некоторые округи, опустошенные мараттами, обратились в совершенные пустыни, и бывшие поля и селения заросли чащами джунгля. В настоящее время центральные провинции, за исключением юго-восточной части, граничащей с туземным государством Бастар, принадлежат к числу наилучше исследованных областей Полуострова. Железная дорога, важнейшая в Индии, проходит через Гондвану, чтобы соединить Бомбей с Калькуттой через

1 Taylor, „Abstract of Reports of the Surveys in India for 1876—1877“.

2 W. W. Hunter, „Statistical Account of Bengal”.

Аллахабад и Бенарес; другой рельсовой путь, который проникает в южную часть края, скоро доставит более прямое сообщение между двумя столицами. Вообще, эта страна, еще одна из наименее населенных частей Индии сравнительно с её протяжением, теперь быстро возрастает по числу своих жителей.

Центральные провинции, без Чатисгара, округов Сагар и Дамох:

Пространство	Население в 1872 г.	На 1 кв. кил.
153.118 кв. кил	5.042.900 жит.	33 жит.
Вероятное население в 1882 году	6.500.000 „	42 „

Гондвана, или «Земля гондов», естественные границы которой, вообще говоря, совпадают с административным делением, обозначаемым англичанами под именем центральных провинций, составляет хребет или горб Полуострова по расположению своих покатостей. Три большие реки, Тапти, Годавери и Мага-Надди, берут начало на юге от главной поперечной борозды, которую образуют долины рек Нарбады и Соны, от Камбейского залива до равнины Ганга; воды стекают во всех направлениях вокруг горных массивов. Однако, горные цепи Гондваны далеко не так высоки, как полагали прежде, когда дикое население края и отсутствие дорог не позволяли ближе ознакомиться с этими возвышенностями. Горы Сатпура, составляющие главную цепь страны, имеют не более 650 метров средней высоты. Несмотря на то, эти горы играли некогда значительную историческую роль, потому что они высятся, как вторая ограда естественной крепости, на юге от горных цепей системы Виндиа и глубокой долины Нарбады, представляющей собою как бы оборонительный ров; сами они, в свою очередь, опираются на юге на третий ряд высот, тех высот, которые образуют по другую сторону реки Тапти краевую цепь Деканского плоскогорья. Таким образом восходящий поток индусских населений разбивался об эту тройную линию естественных преград, которая тянется на пространстве слишком 1.000 километров от востока к западу, раскинувшись в ширину на 500 километров, с севера на юг. Нужны были длинные века торговых сношений и войн, прежде чем культура могла постепенно подняться вдоль долин и через бреши гребней до высот нагорных равнин. Эта медленная работа завоевания еще не кончена и по настоящее время.

Название Сатпура, или «Семерная цепь гор», дано географами всей орографической системе центральных провинций; индусы применяют его только к западной части гор, заключенных между двумя, почти параллельными, долинами, которые орошают реки Нарбада и Тапти в своем среднем течении. Что касается туземцев, то они не имеют общего наименования для этих массивов; они ограничиваются тем, что обозначают каждую уединенную группу, каждую отдельную вершину именем ближайшей деревни, деревьев, растущих на склонах, или божества, царствующего над страной. Впрочем, эти высоты не следуют одна за другою в виде непрерывной цепи; они стоят на трапповом плоскогорье, имеющем около 600 метров средней высоты, и по большей части образуют на громадном цоколе, который им служит фундаментом, уединенные каменные массы или второстепенные плато, также состоящие из вулканических горных пород и имеющие форму обширных столов, с круто обрывающимися боковыми гранями. Многие из этих столовых гор изрыты наверху впадинами, где скопляются дождевые воды, так что эти углубления почвы представляют естественные цистерны или водохранилища, которыми и пользовались феодальные господа для снабжения водой своих крепких замков, высящихся на вершине неприступных скал[1].

На востоке от массивов Сатпура в собственном смысле, широкия равнины, образовавшиеся действием размывания, уединяют центральную группу гор, над которою господствуют самые высокие вершины этой орографической системы: одна из них, гора Дапгар (Деогар, т.е. «Божья крепость»), достигает высоты 1.375 метров. Этот центральный массив за его высоту и, вероятно, еще более за смелость и разнообразие его черт был посвящен богу Сиве это Магадео, или гора «Великого Бога». Граниты, метаморфические горные породы, известняки, песчаники, застывшие потоки базальта, эруптивные массы,—все эти формации различаются

1 Forsyth, „The Highlands of Central India”,

цветом, профилем, видом откосов и долин, а также и характером растительности. Правильная линия верхних плато прерывается там и сям гранитными вершинами, которые узнаешь издалека по их остроконечным зубчатым скалам; но из всех этих скал самые причудливые и в то же время самые величественныя—это вертикальные стены Магадео, когда на них смотришь из долин, открывающихся на южной стороне горы «Великого Бога». С берега ручьев, извивающихся среди лугов, видишь высоко поднимающиеся над густыми кронами дерев красноватые стены горы, исполосованные трещинами, из которых пробиваются кое-где пучки травы, и оканчивающиеся на вершине башнями и башенками четыреугольной формы; с некоторых мест вся группа Магадео представляется зданием колоссальных размеров, воздвигнутым рукою человека. Громадные ущелья разверзаются в толще горной массы, и некоторые из них имеют стены до того крутые, что никакой смельчак не отважится спуститься на дно пропасти; по верованию туземцев, это трещины, которые Сива сделал своим трезубцем в массе горы, чтобы низвергнуть туда змеев, прежних владетелей земли. Речки, вступая в эти расселины, огибают горы и отделяют их одну от другой; многие потоки, зарождающиеся на южной отлогости группы Магадео, поворачивают к северу, чтобы идти на соединение с рекой Нарбадой[1]. По причине сходства в фауне и флоре, плоскогорью Пачмари, к которому принадлежат Деогар и Магадео, дали название «северного Ниль-Гири» (Голубые горы)[2].

Гористые области, следующие за областью горы «Великого Бога» по оси системы, отделены от этой группы верхней долиной Нарбады. Эти области, подобно западной части Сатпура, представляют характер расположенных уступами плато, и так же, как и этот массив, покрыты во многих местах пластами траппа. По направлению с запада на восток, дорога поднимается на плоскогорье Мандла как бы рядом ступеней, до краевой цепи Майкала, которая господствует на северо-западе над большою Чатисгарскою равниною. Хребет Майкал имеет не более 600 метров средней высоты: но одна из его вершин, гора Лафа, переходит за 1.060 метров. На востоке, угловой межевой столб всей системы составляет вершина, соперничающая, по высоте, с Лафой,—гора Амаркантак, где получает начало священная Нарбада и откуда вытекают в то же время воды, спускающиеся к Соне и Мага-Надди. Большая часть этой гористой области, некогда избегаемой человеком, была покрыта лесами саля или шореи (shorea robusta), дерева, которое занимает узкую полосу земли у основания Подгималайских гор, параллельно чащам пояса терая. Саль принадлежит к числу завладевающих древесных пород: его семена, падающие в изобилии при первых дождях, немедленно прорастают и овладевают растительной землей, в ущерб другим растениям. Область этой породы, вне Подгималайских гор, обнимает холмы Раджмагала и Чота-Нагпора, восточные Гатские горы до реки Годавери, и горы Майкал, повсюду, где эти высоты не покрыты траппом. Присутствие этой горной породы, которая обыкновенно покрыта тонким слоем растительной земли, проводит распространению шореи непереходимую границу; но где оканчивается область этого дерева, там начинается область тека (tectonia grandis), породы еще более ценимой, как строевой лес. Только один островок песчаниковых скал в группе Магадео заключает салевый лес; это дерево некогда распространилось через аллювиальную долину реки Нарбады, теперь уже безлесную. Распределение животных видов в общих чертах соответствует распределению лесов. Так, дикий буйвол (bubalus Arni), болотный олень (rucervus Duvaucellii), джунглевый петух (gallus ferrugineus) не переходят на западе за пределы области саля, но их опять можно встретить в долине группы Магадео, где это дерево снова появляется уединенно[3].

Салевые и тековые леса почти все исчезли из легко доступных местностей Гондваны. Уже туземцы истребили их порядочное количество своим варварским способом земледелия, который состоит в следующем: в начале сухого времени года они срубают деревья по опушке лесов, чтобы предать их огню до наступления дождливого сезона. Тогда они сеют зерно сре-

1 Oldham, „Memoirs of the Geological Survey of India", 1869,

2 V. Ball, „Jungle Life in India".

3 Forsyth, „The Highlands of Central India".

ди пепла, возлагая надежду на природу, которая вырастит посев и даст урожай; там, где почва поката, они даже не дадут себе труда разбросать семена, а довольствуются тем, что складывают их кучками на самом высоком краю лесной прогалины, ожидая, чтобы дожди распределили зерно по расчищенной поверхности. Так велика производительная сила почвы, удобренной золой от выжженного леса, что урожай первого года обыкновенно бывает очень обилен: на второй год он уже гораздо скуднее, и для новой жатвы кочующий земледелец отправляется выжигать другой угол леса. Покинутые прогалины заростают бамбуком, густой чащей мелкого кустарника и колючими деревцами, среди которых ни одно большое дерево не может расти. Таким образом, несмотря на незначительное протяжение распаханных земель, леса почти все выпустошены, и во многих округах, вследствие истребления лесной растительности, местность приняла совершенно другой вид; при этом всего больше пострадали самые ценные леса; саль истреблялся ради его смолы, тек вырубался, чтобы быть превращенным в уголь или проданным, как строевое дерево. Систематическое истребление лесов началось тогда, когда в край проникли железнодорожные предприниматели; узнав, что правительство предполагает обратить леса в государственное имущество, эти иностранцы принялись опустошать их в свою пользу, и скоро, в этой стране, где растительность так могуча, строители железного пути принуждены были нужный им лесной материал выписывать из Англии и из Норвегии. Тропического леса, такого, какой мы в праве были бы ожидать увидеть в этой шпроте, теперь совсем нет; если бы изредка не встречались там и сям одиноко стоящие пальмы или какое-нибудь другое характеристическое дерево жаркого пояса, можно было бы подумать, что находишься в умеренном поясе Европы. В сухое время года исчезает вся листва дерев, исключая только листьев шореи; ни одного цветка не видно на ветвях: природа имеет печальный и утомительно однообразный вид. В обработанных местностях одно только большое дерево всегда уважается жителями: это мхова, с вкусными венчиками цветов.

Река Нарбада, принимаемая часто за естественную границу между Северной Индией и Деканом, спускается из своих верхних бассейнов, бывших некогда озерными, рядом дефилеев, затем, по выходе из верхних ущелий, принимает почти прямолинейное направление к западо-юго-западу, которое и сохраняет во всем своем дальнейшем течении до самого впадения в Камбейский залив. Естественная граница между верхней Нарбадой и её средним течением обозначена «Мраморным» ущельем, представляющим одно из замечательнейших местоположений в центральной Индии. Река разом низвергается в эту узкую теснину, образуя каскад в 9 метров высоты, известный под именем «Пенящагося Водопада». На протяжении километров трех мраморные стены ущелья, изваянные в виде колоссальных колонн, раскололотые на неравные слои, высятся на 30 метров по обе стороны съуженного русла, имеющего всего только около 20 метров ширины, на дне которого несется поток, стремительный и глубокий. Испещренные там и сям вкрапленными в мрамор черноватыми вулканическими породами, которые своим контрастом делают еще более яркою белизну мраморных утесов, две ослепительные белоснежные стены резко отделяют голубую полосу неба от голубой полосы вод; ни одного деревца, ни одной травинки не растет в углублениях скалы; камень повсюду совершенно голый; только рои диких пчел понавешали свои восковые соты на выступах стен. Кругообразный храм Бера-Гат, окруженный колоннадами, составленными из статуй, изображающих женщин,—образцовое произведение индусского искусства,—господствует над самою узкою частью «Мраморного ущелья». Эти «Мраморные скалы» знамениты также и в мифологии индусского народа: легионы обезьян, следовавшие за богом-обезьяной Гануманом, перескочили через эту мраморную пропасть, а небесный слон, на котором ехал Индра, оставил на камне след своей ноги. Оттого воды Нарбады почитаются особенно священными в этом месте, и набожные люди приходят издалека, чтобы бросить трупы своих родных в священный поток: часто можно видеть, как крокодилы оспаривают друг у друга эту отвратительную добычу[1]. Между реками Индии Нарбада или Рева—наиболее чтимая после Ганга,

1 Forsyth, цитированное сочинение.

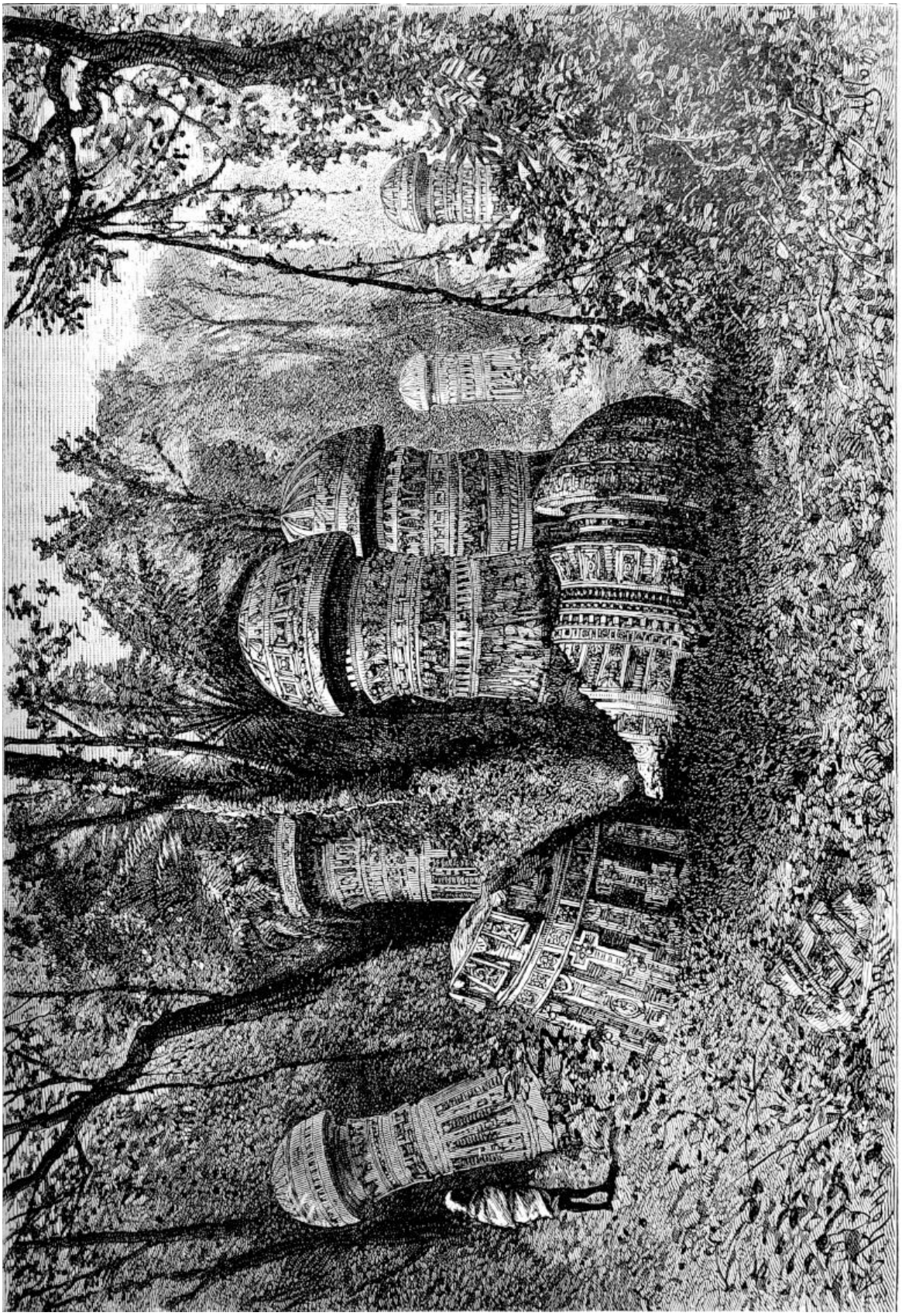
и даже, согласно одному древнему пророчеству, она должна остаться священною во веки веков, тогда как Ганг уже в конце настоящего столетия потеряет свою чудодейственную силу. Камешки, взятые из ложа Нарбады, тоже почитаются священными, и поклонники Сивы носят их, как амулеты. Никакая клятва не может превзойти в силе клятву, которую произносит индус, стоя в течении этой реки, с гирляндой из красных цветов вокруг шеи и несколькими каплями божественной воды в правой руке. Так же, как на берегах Ганга, и на берегах Нарбады можно встретить пилигримов, которые дали обет подняться вверх по долине вдоль одного берега, от самого устья до храма, стоящего при истоке, на горе Амаркантак, и оттуда опять спуститься вниз по течению до лимана, следуя по другому берегу; это полное паломничество или *прадакшина*, странствие, в котором нужно пройти около 2.600 километров, продолжается обыкновенно два года, по причине многочисленных остановок у святынь, встречающихся по дороге. Благочестие еще гораздо больше, чем торговые экспедиции или завоевательные походы, открыли мало-по-малу центральные области Полуострова индусскому влиянию; пилигримы, приходившие в землю гондов, пользовались защитой и покровительством со стороны туземного населения, тогда как приезжих купцов обыкновенно грабили, а силе завоевателей противополагали тоже силу.

Ниже Мраморного ущелья река вступает в аллювиальную равнину, бывшее озеро, засыпанное илом и обломками, обширный бассейн, за которым следуют другие подобные же бассейны; на пространстве около 400 километров, по направлению от востока к западу, залегает широкая плодоносная долина, между плоскогорьями Мальва и горными цепями Магадео; благодаря земледельческой культуре, группировке городских населений, постройке путей сообщения, в центральной части дравидийской страны основалась своего рода внутренняя Индия, и через боковые долины продолжается постепенно, шаг за шагом, дальнейшее присоединение этого края к цивилизованному миру. Но озерные равнины, по которым протекает Нарбада, не открываются прямо на приморскую равнину, облегающую берега Камбейского залива; они отделены от последней рядом ущелий, где река низвергается стремнинами и каскадами. Нарбада слишком изрезана водопадами и в особенности слишком неравномерна в отношении массы катимой воды, чтобы ею можно было пользоваться для целей судоходства. Её бассейн, длинный и узкий, может быть сравнен с рвом, приведенным от западного морского берега до середины Полуострова: круто обрезанный северный откос этого рва не имеет никаких иссечений в виде боковых долин. С этой стороны Парбада не получает ни одного сколько-нибудь значительного притока; все впадающие в нее потоки спускаются с полуденного ската, но и эти притоки имеют небольшую длину, и при том подвержены тем же климатическим влияниям, как и центральная долина. От этого происходит то, что когда дождевые облака, гонимые муссоном, проникают в долину Нарбады, все части речного бассейна получают равномерно свою долю выпадающих дождей. Тогда как у большинства других больших рек сама собою, естественным порядком, устанавливается система компенсации (или уравнивания количества воды) между притоками, которых разливы и периоды мелководья имеют место в разныя времена года, здесь, напротив, наводнение происходит одновременно или через небольшие промежутки времени в главной реке и во всех впадающих в нее притоках. Масса вод, катимая Нарбадой, при вступлении её в Конканскую равнину, достигает, говорят, 70.600 кубич. метров[1], следовательно, в два раза превосходит дебит Миссисипи во время его большого разлива; но трудно поверить, чтобы эти вычисления английских инженеров не были преувеличены. Зимой Нарбада, которая соединяется с морем устьем шириною в 20 километров, представляет лишь незначительный поток, медленно извивающийся в песках.

Река Тапти, первый исток которой находится на западном скате горной группы Магадео, извивается сначала в неглубоком понижении плоскогорья, затем низвергается в базальтовое ущелье, от которого расходятся в ту и другую сторону второстепенные расселины. Вся страна разделена, таким образом, на трапповые массивы, усеянные пригорками различной высо-

1 Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

ты, которые, выветриваясь, обнаруживают на поверхности бесчисленные блестящие узелки белых агатов. Эти плоскогорья покрыты лесами ладонного дерева или салея (boswellia thurifera), в перемежку с мелким кустарником и низкой травой, по которым зимою пастухи



Развалины храма Ахомъ въ Динаджпурѣ.

и земледельцы пускают огонь; во время этих лесных пожаров, если смотреть ночью с высоты вершин, весь горизонт кругом является объятым пламенем и все небо освещено заревом, а днем над равнинами висит тяжелая, удушливая атмосфера, наполненная дымом и пеплом.

Как и Нарбада, Тапти, тотчас по выходе из верхних ущелий, проникает в широкую долину, которая некогда была озерным бассейном, и которую она постепенно засыпала своими наносами; река Пурна, главный её приток, который она принимает в себя в этой части своего течения, тоже проходит перед тем другой озерной бассейн, через который поддерживались во все времена сообщения между западным берегом Полуострова и верхним бассейном Годавери. Ниже аллювиальных равнин река Тапти походит еще на Нарбаду тем, что она, подобно последней, протекает узкими дефилеями до своего вступления в область морского прибрежья. Наконец, Тапти может быть сравнена с параллельною ей большою рекою также и сильными колебаниями её годового дебита. Тогда как до наступления дождливого сезона количество воды, которое Тапти несет в море, колеблется между 5 и 6 кубич. метр. в секунду, оно достигает громадной массы 25.400 куб. метров во время больших разливов: это поток почти втрое больше Дуная, в пять раз больше Волги. Наводнения Тапти принимают страшные размеры; эта река—грозный враг, от которого Сурат и другие прибрежные города должны защищаться двойными и тройными рядами оградительных береговых плотин.

На юге от трапповых плоскогорий, цоколя, на котором стоят песчаниковые массивы горы «Великого Бога», простирается обширная холмистая Нагпурская равнина, имеющая от 250 до 300 метров средней высоты, равнина, по которой протекают реки Вардха, Вайн-Ганга и другие притоки Пранхиты, главной ветви Годавери, и которую отроги, отделившиеся от системы Сатпурских гор, разделяют на второстепенные бассейны. Эта область, одна из самых плодородных на Полуострове, заключает в себе значительные пространства «чернозема», утилизируемые преимущественно для возделывания хлопчатника. Подобно древним озерным бассейнам Нарбады и Тапти, равнины верхней Годавери, также служившие некогда резервуарами озерам, сделались центрами притяжения для цивилизованных населений окружности Индии; с этой стороны, так же, как и в окружающих областях, варварские племена плоских возвышенностей были постепенно покорены или присоединены.

Однако, многочисленные народцы этой области сохранили еще первобытные нравы, обычаи и языки. Разнообразие рас, населяющих центральные провинции, подало повод сравнить этот край с лесной чащей, в которой нашла себе убежище дичь из окрестных равнин. Главная масса населения, около трех четвертей, состоит из индусов, говорящих арийскими наречиями и считающих себя совершенно отличными по крови от дикарей внутренности страны; тем не менее, некоторые округи заслуживают еще название Гондваны, или «Земли гондов», происходящее, вероятно, как и наименование хондов, от телугского слова *конда*, которое означает «горы». В тех частях равнины, где гонды, или кой, находятся в соприкосновении с индусами, они отчасти усвоили себе нравы и язык последних; некоторые племена, пережившие уже переходный период, совсем перестали говорить своим старым дравидийским идиомом и даже не понимают его. Те из гондов, которые сохранились еще в виде отдельной расы, довольно многочисленны, чтобы образовать самую значительную этническую группу между не-цивилизованными туземцами. Общее число жителей Британской Индии, говорящих наречием гонди, перепись 1891 г. показывает в 1.380.000, но они утратили всякую политическую связь: разделенные на многие группы областями чисто индусскими, они не могли бы оказать никакого сопротивления завоевателям. С прошлого столетия, под господством мараттов, они потеряли свою независимость, но еще помнят свою былую славу. Некоторые потомки царских фамилий еще получают пенсию от английского правительства.

Не подлежит сомнению, что гонды некогда были цивилизованным народом. Уже первые священные книги говорят об их городах; история последних веков показывает их соперниками индусов в мирных искусствах. В лесах и джунглях встречается множество остатков храмов и дворцов; следы больших дорог, плотин, оросительных каналов свидетельствуют о прежней культуре. Преследования, бедность и бегство в леса естественно должны были изменить и самые нравы народа; быв некогда цивилизованными, гонды снова сделались дикарями, смешиваясь с дикими племенами, обитателями джунглей. Те из гондов, которых на-

зывают ассуль, т.е. «чистокровными», построили свои селения в самых глухих, наиболее удаленных от дорог, местностях, среди лесов; они старательно избегают иностранцев, и очень многие англичане изъездили Гондвану во всех направлениях, не видя нигде чистых потомков народа, который прежде владел этим краем; одно из гондских племен даже соглашается платить налоги под тем непременным условием, чтобы никогда не видеть сборщика: подъехав к деревне, сборщик податей бьет в барабан и затем удаляется; по возвращении через некоторое время, он находит требуемую сумму, положенную на камне близ входа в селение[1]. Однако, когда этим ассулям, или чистым гондам, случится неизбежно встретиться с нынешними властителями страны, они смело смотрят им в лицо, с мужественною гордостью, и никогда не унижаются до того, чтобы льстить и лгать перед завоевателями, как это делает большинство индусов; вообще они отличаются мужеством, прямодушием, правдивостью. Малорослые и коренастые, они почти все имеют одинаковые черты: плоский нос, толстые губы, широкое лицо, вокруг которого ниспадают черные волосы густыми прядами. Мужчины не носят украшений, кроме серьги (кольца) в одном ухе; но женщины надевают на себя ожерелья, браслеты, перстни, разные драгоценные вещи и татуируют себе лицо и бедра. Между гондами, как и у орисских хондов, существуют еще племена, не употребляющие никакой одежды, кроме букета из листьев, примитивный костюм, как говорят, составляющий недавнее нововведение[2]; есть также племена, которые ограничиваются тем, что обмазывают себе тело золой и грязью; когда на их горах задует сильный ветер, они зажигают большие костры, чтобы защитить себя от холода, но гнушаются прикрывать свою наготу каким-нибудь одеянием[3]. В Сатпуре они имеют привычку стоять на одной ноге перед своими гостями, в знак уважения[4]. У некоторых из этих народцев не существует даже земледелия; когда не удастся наловить дичи, эти несчастные питаются корнями, ягодами, диким медом, пресмыкающимися и разными зверками; нередко случалось видеть, как они оспаривали падаль у коршунов. Некоторые из их племен обвиняли в том, будто они убивают стариков и едят их мясо на публичных пиршествах. Несомненно то, что они делали своим богам человеческие жертвоприношения; но теперь эти жертвы заменены куклами и соломенными чучелами.

Богов у гонда бесконечное множество. Все ему божество: солнце, гора, скала, дерево, ручей, ветер, который проносится, шум, который он слышит, дух предка или злой гений, спрятавшийся, как он думает, в древесной листве. В особенности он боготворит существа, которые внушают ему страх: бог-тигр, смешиваемый с Вишну, есть из всех высших сил та, к которой он с наибольшим жаром возносит свои мольбы. Но его религия все более и более приближается к браманским верованиям и обрядностям, и между индусскими богами он чтит в особенности героев Пандуидов, Биму и Арджуну, от которых он даже производит свой род[5]. Эмигрант-гонд, который спускается с родных гор в равнину, чтобы идти в города искать себе заработка в качестве рабочего на заводах, принимает участие в религиозных церемониях индусов, так же, как выучивается говорить их языком. Торговцы, называемые бринджари, ходят, в сопровождении своих вьючных животных, из местечка в местечко, чтобы обменивать на местные произведения разные украшения и ткани английской или индийской мануфактуры, и рассказывают в то же время новости внешнего мира. Новые деревни, которые теперь основываются, не имеют уже общего дома для холостой молодежи; вообще, нравы и обычаи с каждым днем все более и более индианизируются. В одном только гонды остались верны старине—они сохранили привычку жениться в гораздо более позднем возрасте, чем индусы, и покупать себе жен продолжительным служением в доме отца невесты; церемония брака всегда начинается фиктивным похищением молодой девушки[6].

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".
2 Hislop, „Essay on Gonds"; R. Temple, „India as it is".
3 Glasfurd, „Selections from Records for the Governement of India", № XXXIX.
4 Sterndale, „Seonnee, or Camp Life on the Satpura Range".
5 Cain, „On the Kois or Gonds of Central India".
6 Dalton, „Ethnology of Bengal"; Forsyth, „The Highlands of Central India".

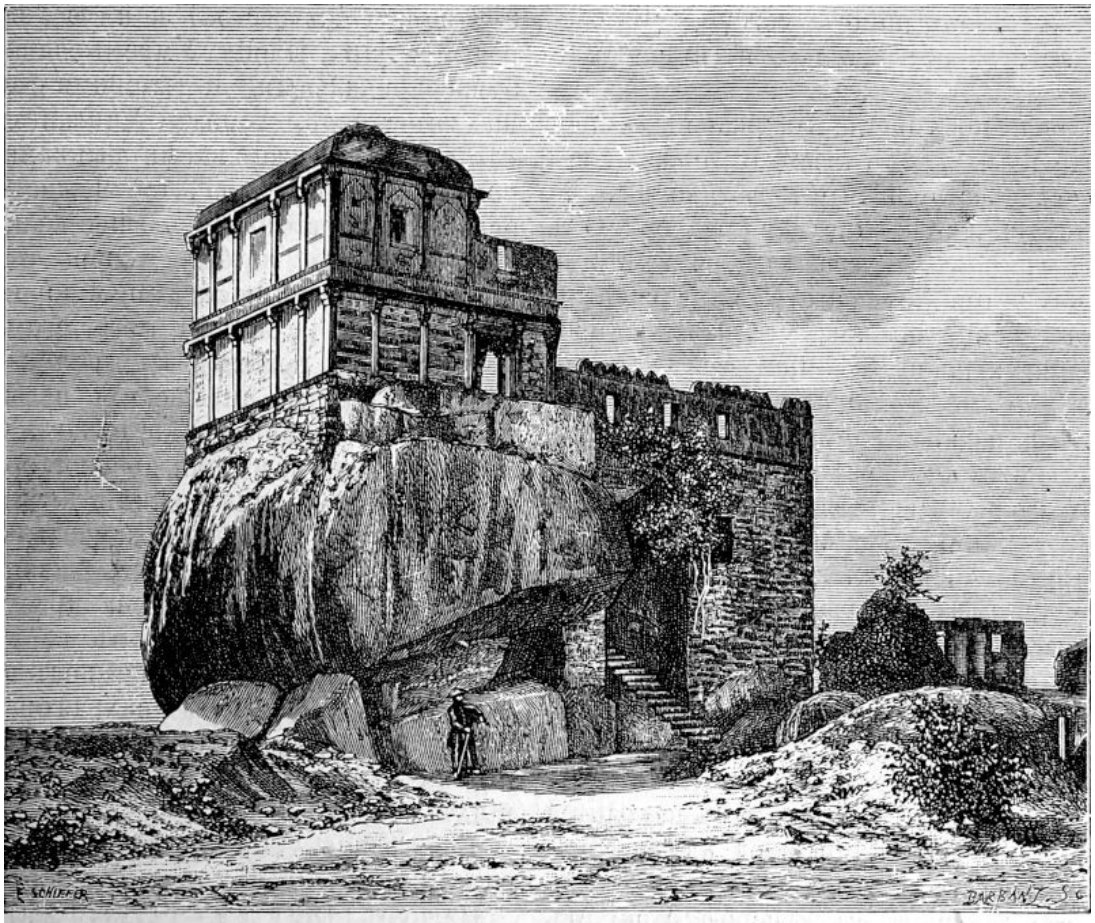
Дикия племена, не принадлежащие к семье гондов, рассеяны в разных частях Гондваны. Курку, населяющие, в числе около 40.000 душ, преимущественно некоторые долины группы Магадео, суть в действительности колии, едва отличающиеся от колиев областей Чота-Нагпор и Ориссы, хотя они сами не знают об этом родстве. Байганы, которых обыкновенно причисляют к коларийцам, но которых Форсит признает особою народностью, относительно немногочисленны; их насчитывают около двадцати тысяч душ во всей Гондване. Главнейшие их племена обитают в горах Майкал; но очень склонные к кочевому образу жизни, они живут, кроме того, маленькими группами в различных частях страны. В физическом отношении байганы почти не отличаются от гондов; они только чернее, сильнее, неустрашимее последних. Диалект, которым они говорят,—чисто индусский; однако, они нисколько не претендуют на родственную связь с господствующей расой: они называют себя первобытными, коренными жителями страны, и одно из их племен даже носит название бхумия, что значит «Дети почвы». Проникнутые сознанием собственного достоинства, которое дает им древность их расы, они отличаются совершенною честностью и строгим соблюдением своих обычаев; они сами управляют своими общественными делами, без всякого вмешательства со стороны английской полиции, которая никогда не заглядывает в их селения. Из всех обитателей центральных провинций одни байганы употребляют для охоты на крупную дичь стрелы, отравленные соком аконита, при чем они всегда покупают у иноплеменных купцов этот яд, получаемый, вероятно, из страны народа мишми, из долин Восточного Гималая; так продолжаются внизу, под оффициальным и цивилизованным обществом, непосредственные торговые сношения между дикими населениями. Гонды охотно признают превосходство байганов и к ним обращаются за жрецами и чародеями. Байганский шаман имеет общение с духами и умеет изгонять их из местности, которую они повадились посещать; он низводит дождь с неба, ассенизирует страну, заклинает тигров и делает их безвредными. Когда тигр растерзает человека, что случается довольно часто в Восточной Гондване, преимущественно на дороге из Джабальпура в Чатисгар, поселяне призывают знахаря-байгана, который наряжается «человеко-тигром»; делая прыжки, как страшный представителе кошачьего рода, он бросается на добычу, ломает ей кости, пьет её кровь; суеверные дикари приписывают ему власть переводить в себя душу тигра, отнимать у хищника аппетит к человеческому мясу и давать ему взамен аппетит к какой нибудь другой дичи. Английские путешественники, которым случалось присутствовать при этих пантомимах или видеть, как байганские шаманы приходили в исступление и корчились в конвульсиях, либо для того, чтобы сделать заклинание над тиграми или злыми духами, либо для того, чтобы достигнуть лицезрения божества, говорят об этих зрелищах с ужасом.

Кроме дравидийских гондов и коларийцев различных племен, в Гондване встречаются еще другие этнические элементы, которые трудно поддаются классификации. Так, неизвестно в точности, что такое голи или гаули, жители гор Сатпура, являющиеся теперь скромным пастушеским народцем. Следует ли видеть в них потомков тех гаули, династии которых долгое время царствовали над страной и от которых остались еще древние крепкие замки, стоящие там и сям на вершине холмов? И что такое были нагбханси, или «сыны змей», от которых почти все княжеские фамилии производят свой род и которые оставили свое имя Нагпуру, самому значительному городу страны? Те из них, которые присвоивают себе это имя в Центральных провинциях, совершенно походят на индусов по наружности, но некоторые семьи нагбханси, живущие в Джаджпурских горах, на севере Ориссы, отличаются необыкновенно плоским лицом; нос у них представляет едва заметный выступ; он весь расплывается в ширину, с широко раскрытыми ноздрями, почти над щеками[1]. По своим преданиям и верованиям, нагбханси, повидимому, принадлежат к другой расе, чем гонды; эти последние, хотя и боготворят все силы природы, не оказывают никакого особенного почитания змею; увидя это пресмыкающееся, «они помышляют о том, как бы полакомиться его мясом, а не о

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".

том, чтобы воздавать ему божеское поклонение»[1].

Джабальпур, главный город долин верхней Нарбады, сделался с половины текущего столетия одним из важных городов Индии. Благодаря своему центральному положению, на железной дороге из Бомбея в Калькутту, в точке соединения железнодорожной сети двух компаний и при пересечении дороги из Раджпутаны в бассейн Мага-Надди, город этот служит складочным местом для всех произведений Гондваны и товаров английской фабрикации. Озера, естественные и искусственные, прозрачные воды Нарбады в её мраморном ущелье, живописные холмы, лески и рощи, чащи бамбуков—все эти красоты природы сделали Джабальпур одним из любимых городов англичан, и даже раз предлагали избрать его столицей Англо-индийской империи. В Джабальпуре есть несколько фабричных заведений и знаменитое ремесленное училище, где арестанты «туги» и воры, окруженные своими семейства-



Маганъ Махалъ въ Джабальпурѣ.

ми, научились ткать ковры, плести канаты, выделывать парусину для палаток; ручей отделяет Джабальпур от военного города, где расположены английские «кантонементы». На северо-западе, древний город Гарха, бывший столицей одного гондского царства, раскинулся у основания гранитных утесов; на уединенной каменной глыбе еще высится крепкий замок Мадан-Магал, построенный в двенадцатом столетии.

По выходе из «Мраморных Скал», Нарбада, извиваясь в своих аллювиальных равнинах, орошает земли Нарсингнура, «града Нарсинга», или Вишну «бога-льва», затем земли Гошангабада и Сеони. На юго-востоке, на одном из плоскогорий группы «Великого Бога», возвышающемся на 1.061 метр над уровнем моря, находится санитарный город и военная станция, основанные в 1870 году, близ знаменитых святынь Пачмари, или «Пяти Гротов»: но англичане, имеющие постоянное жительство в Центральных провинциях, еще не довольно многочисленны для того, чтобы этот город мог сравниться по значению с подобными же станциями, построенными в Гималайских горах. Плоскогорье Пачмари простирается на

1 Grant, „Gazetteer of Central Provinces”.

пространстве слишком 30 квадратных километров.

В верхней части долины реки Тапти, принадлежащей к Центральным провинциям, существует только один сколько-нибудь значительный город, Бургампур, да и тот, впрочем, в сильном упадке. Некогда он был столицей Декана и тогда занимал обширное пространство, слишком 12 квадр. километр. Когда Тавернье посетил его, в 1658 году, он уже не был княжеской резиденцией, и большинство его домов представляли из себя полуразвалившиеся, крытые соломой лачуги: тем не менее, он все еще был «большим городом», и его бумажные материи вывозились в Персию, «в Московию, в Польшу, в Великий Каир и другие места»: еще в половине истекающего столетия бареры, каста странствующих торговцев тканями, умирая, просили, чтобы их тела были похоронены на кладбище этого города[1]. В настоящее время Бурхампур даже перестал быть административным центром округа, и железная дорога оставляет его в стороне, проходя в 3 километрах от него, у подошвы скалы, возвышающейся на 250 метров, на вершине которой стоит цитадель Асиргар, еще занятая гарнизоном. Торговая и промышленная деятельность переместилась из Бурхампура в город Хандва, построенный на севере, на плоскогорьях, отделяющих долину Нарбады от долины Тапти. Порог, через который проходит железная дорога, между двумя бассейнами, лежит всего только на высоте 378 метров.

Самый большой город Центральных провинций, Нагпур, т.е. «Змеиный город», лежит на южной стороне гор, в равнине, по которой текут верхние притоки Годавери. Он соединен с сетью железных дорог ветвью, отделяющеюся от Бомбейско-калькуттской линии, и естественно должен сделаться со временем центральной станцией между двумя главными портами Восточной и Западной Индии. Нагпур, важный торговый город, сохранил еще некоторые из отраслей промышленности, которыми он некогда славился, и его бумажные ткани до сих пор не без успеха конкуррируют с фабрикантами этого рода, привозимыми из Великобритании. Хотя в городе есть несколько прекрасных памятников строительного искусства, есть сады, большие пруды, в зеркальные воды которых глядятся стоящие на берегах храмы, англичане, однако, основали свою резиденцию вне Нагпура, у подошвы холма Ситабальди; там находится местопребывание провинциальной администрации. Камти, лежащий всего только в 14 километрах от Нагпура, к северо-востоку от него, служит местом квартирования войска; в то же время это большой продовольственный рынок; его широкия аллеи тянутся на пространстве семи километров по берегу реки Канган, до самых кантонементов. Летом, во время сильных жаров, англичане из Нагпура и Камти отправляются на дачи в города, находящиеся в горах, особенно в Чиндвару, Деогар, т.е. «Божий Замок», древняя столица Гондваны, стоял некогда на одной из скал, господствующих над Нагпурской равниной; от него уцелели еще прекрасные полуразрушенные храмы, пруды и парки. В этой равнине рассеяны многочисленные озера, остатки прежних, более обширных бассейнов. В настоящее время занимаются образованием искусственного озера при помощи запруды, которая будет задерживать воды реки Канган. Этот резервуар, площадью в 75 квадр. километров, может вмещать массу воды, достаточную для орошения 180.000 гектаров.

Очень плодородные и относительно хорошо возделанные, равнины, орошаемые верхними притоками Годавери, усеяны торговыми городами. Город Сеони—главный складочный пункт между Нагпуром и Джабальпуром; на севере от столицы, Рамтек, т.е. «Город Рамы», экспортирует листья бетеля, или пан, лучшие в Индии, а в соседстве с этим городом, берега озера Амбала привлекают в ноябре месяце до сотни тысяч пилигримов и купцов. На востоке и на юго-востоке, города Бандара, Паони, Умрер славятся своими бумагопрядильными и ткацкими фабриками, а на юго-западе, город Хингангат занял место между важнейшими рынками Полуострова по вывозу хлопчатобумажного волокна; он посылает также большое количество коровьего масла, которое теперь отправляют прямо в Бомбей по железной дороге (прежде, до постройки рельсового пути, его перевозили на рысистых волах); вся эта торговля находится в руках английских негоциантов и посредников марвари. Тогда как Хин-

1 Yigue, „Traveils in Kashmir, Ladak, Iskardo".

гангат возрастает в населении, древний город Чанда, лежащий на юге, ниже слияния двух больших рек, Варды и Пайна, значительно уменьшился по числу жителей; его живописная зубчатая ограда, тянущаяся на пространстве 9 километров, заключает в себе деревни, обработанные поля и земли под паром. В окрестностях Вароры находятся каменноугольные залежи, доставляющие лучшее минеральное топливо в Центральных провинциях.

Важнейшие города Центральных провинций:

Нагпур (1891 г.)—117.014 жит.; Джабальпур (1891 г.)—84.480; Камти (1891 г.)—43.159; Бурхампур, в 1877 г.—29.300; Чанда, в 1878 г.—18.700; Хандва—15.000; Бандара—12.750; Нарсингпур—12.100; Гошангабад в 1872 г.—11.600; Умрер, в 1872 г.—11.400; Сеони (бассейн Годавери)—9.550; Хингангат, в 1878 г.—9.400; Паони—8.975; Чиндвара, в 1878 г.—8.650; Сеони (бассейн Нарбады)—7.800; Рамтек—7.050 жит.

XII.

Западная покатость плоскогорий и Гатских гор, Барода, Кандеш, Конкаи.

Естественная область, относительно небольшого протяжения, орошаемая реками Нарбада и Тапти в нижнем их течении и ограниченная на востоке краевою цепью Гатских гор, до того пролома, где проходит река Гангавали, есть одна из наилучше разграниченных стран Индии. На востоке поднимается стена Гатских гор, правда, не очень высокая и легко доступная по уступам, от которых она и получила свое название (гат—лестница), но проводящая своим хребтом совершено определенный рубеж между двумя климатами, двумя флорами, двумя родами почвы и местности, двумя способами земледельческой культуры, двумя цивилизациями. Только на севере, населения Конкана, вырываясь на простор из своего узкого морского прибрежья, видят открывающиеся перед ними довольно широкия равнины, по которым извиваются две параллельные большие реки, вытекающие из центрального плоскогорья. Часто эти потоки, наводняя всю низменную область, тоже становятся естественными границами; но в обыкновенное время их долины, как и долины их притоков, дают легкий доступ к внутренним возвышенностям; там, именно в углу, образуемом Камбейским заливом, начинается исторический путь, соединяющий западный берег Индии с бассейном Ганга и Джамны; там должен был, до постройки современных искусственных путей сообщения, производиться обмен произведений северных равнин на товары, привозимые иностранцами. Эти воды индийского берега опасны, и несмотря на то, корабли знали дорогу туда с незапамятных времен. Стесненные в своих узких равнинах морского прибрежья, у подножия уступов или террас, поднимающихся к бесплодному Декану, прибрежные жители естественно должны были обращать взоры к Аравийскому морю и вступить в торговые сношения с противоположными берегами. Сокровища, добывавшиеся посредством торговли или морского разбойничества, скоплялись в приморских городах Конкана; но, имея вокруг себя слишком маленькую, узкую территорию, города эти не сделались столицами империи: они подпадали под власть чуждых завоевателей гораздо чаще, нежели сами давали властителей соседним странам. Впрочем, большая длина области «Берегов», или Конкина, естественно должна была прерывать его единство. Еще и в наши дни сохранились, под верховною властью Англии, десятки маленьких туземных княжеств на этой части индийского берега. Кроме этих мелких туземных государств и округов, непосредственно подвластных британскому правительству, довольно значительная территория принадлежит еще португальцам, которые первые из европейцев высадились на полуостров Индии.

Пространство и население покатости Гатских гор в Бомбейском президентстве:

	Пространство в кв. килом.	Население в 1872 г.	Километр. население
Английские владения			
51.200 кв. кил. Конкан	37.000	3.259.775	88
3.991.175 жит. Кандеш	14.200	734.400	52
Туземные государства			
37.493 кв. кил. Барода	20.720	2.100.000	101
3.071.360 жит. Другие медиатизированные государства	16.773	971.360	58
Португальские владения			
3.653 кв. кил. Гоа	3.270	445.449	138
495.533 жит. (81 г.) Даман	383	50.084	149

Большинство европейских путешественников, видящих Индию в первый раз, пристают к её берегам у западнаго склона Гатских гор. На всем Полуострове нет более красивой местности; сойдя с корабля, путешественник вступает в чудную, волшебную страну. Горы, подернутые синеватою дымкой, ограничивают горизонт своим гребнем, линия которого там и сям прерывается брешами; внизу, под голыми каменными кручами гор и длинными зеленеющими откосами, расстилается береговая равнина, еще ярче зеленеющая, которую мысы делят на неравные бухты; города, на половину закрытые деревьями, вздымают над массой зелени верхушки своих башен, а у самого берега, всегда окаймленного белою полосой пены, группы стройных пальм наклоняют свои веерообразные кроны над хижинами туземцев. Море усеяно разнообразными судами, то приближающимися вереницей к портам, то отплывающими в разные стороны беспредельного водного пространства.

Ущелья реки Тапти совершенно отделяют горы Сатпура от Гатской цепи, хотя с берега моря эти горные хребты кажутся составляющими один непрерывный вал. Гряда Сатпурских гор постепенно понижается от хребта к хребту и оканчивается, на востоке от Баруча, небольшими горками, которые искатели агатов и сердоликов разрыли во всех направлениях. На юге от реки Тапти, Гаты в собственном смысле, или Сагиадри, начинаются холмами, около 600 метров высоты, расположенными в виде параллельных гряд, ориентированных от запада к востоку, но соединяющихся своими западными оконечностями, чтобы образовать со стороны морского прибрежья правильный ряд крутых склонов. Эта высокая внешняя стена Гатских гор принимает в начале, от Тапти до Бомбейского Конкана, направление с северо-востока на юго-запад, затем на юге она тянется параллельно морскому берегу. Очевидно, эти две линии, хребет Гатских гор и черта нынешнего побережья, произошли от одного и того же движения земной поверхности и должны быть рассматриваемы как геологические явления одного и того же порядка. Крутые трапповые склоны, которыми оканчиваются, со стороны моря, Гатские горы, суть не что иное, как древние береговые утесы, о которые ударялась морская волна до общего поднятия страны, имевшего место, вероятно, в третичную эпоху. Один вид пресноводных моллюсков, из рода *cremnoconchus*, населяющий ручьи в собственно Гатских горах, представляет такое близкое сродство с индусскими формами морского рода *littorina*, что зоологи приписывают ему то же самое происхождение; по всей вероятности, он происходит от видов, населявших основание утесов гор Сагиадри, когда утесы эти еще омывались водами моря[1].

Пласты Гатских гор, по крайней мере, между Суратом и Гоа, состоят единственно из залегающих один на другом застывших потоков лавы; равнины, расстилающиеся у их подошвы, тоже были некогда покрыты слоем лавы, толщина которого доходила до 1.000 и даже 1.200 метров, но который с течением времени был постепенно смыт водами рек и океана, а также действием дождей. Геологи долго искали без успеха какие-нибудь следы тех могучих кратеров, из которых некогда выливались столь значительные массы лавы, представлявшие объем гораздо больше объема такой громадной цепи гор, как Пиренеи; наконец, в нижней

1 Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India".

области, все верхние слои которой давно уже смыты водами, распознали бывшие жерла извержения. К востоку от Бомбея, в центре амфитеатра скал, который образуют Гатские горы, как половину огромного кратера, возвышаются многочисленные круглые пригорки, представляющие впадину на вершине и по большей части поросшие деревьями: это и есть те вулканические отверстия, из которых когда-то вылетали столбы пепла или камней. Траповые стены, устоявшие против разрушительного действия непогод, перерезывают равнины по прямой линии и взаимно пересекаются во всех направлениях между горками потухших вулканов; они обозначают трещины, чрез которые выливалось расплавленное вещество[1].

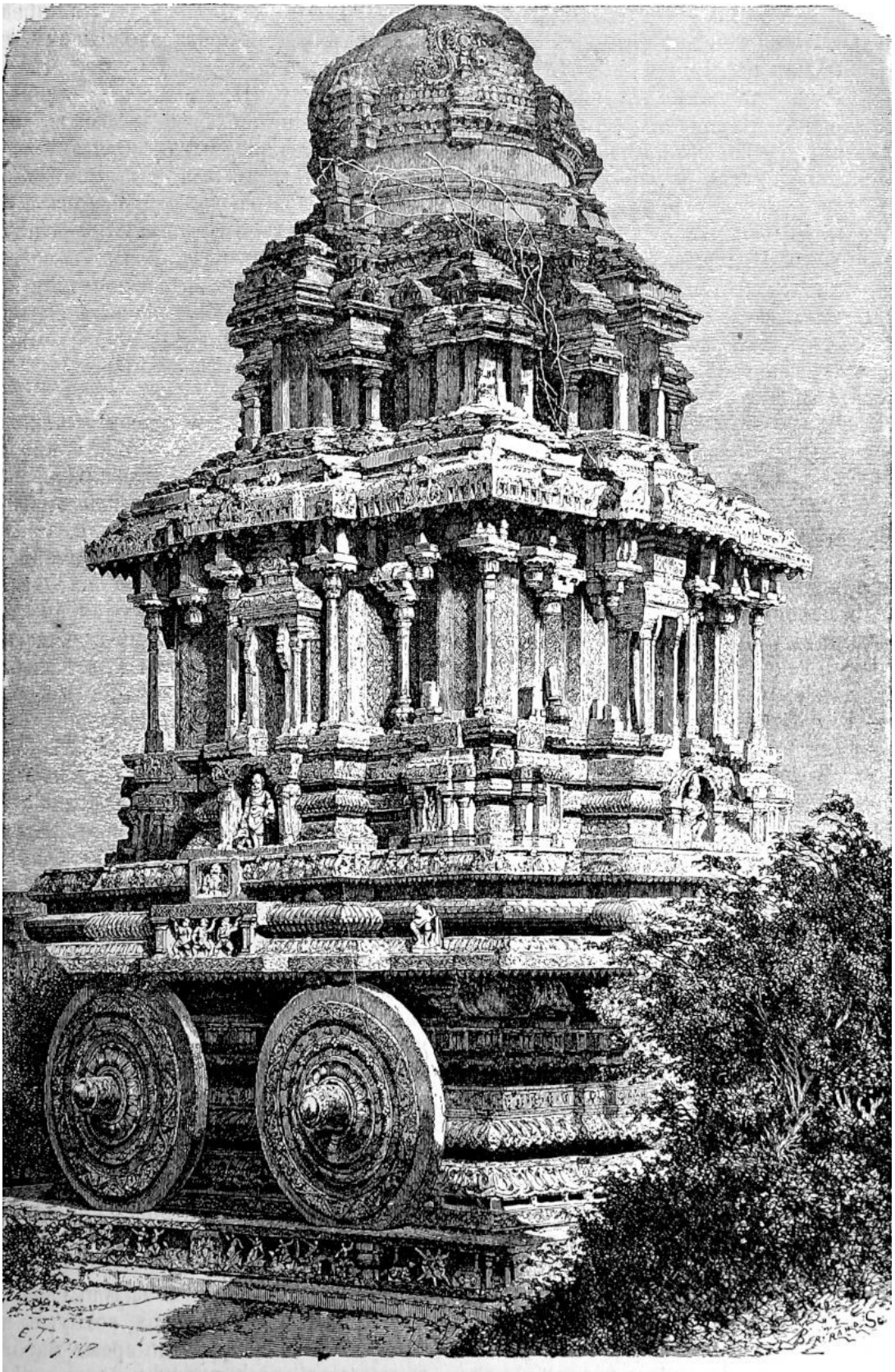
Гаты, или проломы, прерывающие горную цепь через известные промежутки, понятно, получили исключительную важность, как места прохода дорог, посредством которых жители морского прибрежья поддерживают сношения с обитателями нагорья. Через Тальгат или Касара-гат, находящийся к северо-востоку от Калиана, проходит большая дорога и рельсовый путь из Бомбея в Калькутту; порог, на который железная дорога взбирается рампами в 27 миллиметров на 1 метр, лежит всего только на высоте 583 метров. Другой проход, Бор-гат, который прежде обыкновенно называли «ключом к Декану», еще ниже предъидущего; он имеет всего только 548 метров высоты, но железная дорога, восходящая по его крутым скатам, чтобы соединить Бомбей с Мадрасом, должна взбираться более крутыми подъемами и даже образовать площадки возврата, чтобы достигнуть вершины перевала. Когда локомотивы не ходили еще через Альпы, Скалистые горы, Анды, железная дорога, проведенная через Бор-гат, считалась одним из замечательнейших произведений современной индустрии. На юге от этой горной бреши, через другие гаты проложены еще только тропы или колесные дороги; но эти проходы очень многочисленны; на приморской покатости Гатских гор нет ни одного города, ни одной деревни, которые не сообщались бы со станциями нагорья. Все эти ворота ревниво охраняются *гарами*, или крепостцами, черные стены которых высятся на черных скалах. Некоторые из этих крепких замков окружены пропастями, и люди гарнизона могли проникать туда не иначе, как по лестницам, высеченным в живой скале, или по скрытым галереям.

На юге Конкана, Гатские горы, господствующие над равнинами туземного государства Савантвари и португальскими владениями Гоа, всего более походят на крутой скалистый берег моря, выдвинутый там и сям, в виде мысов, и перерезанный многочисленными узкими долинами или оврагами. Во многих местах обращенный к морю край плоскогорья изрезан тысячами иссечений, напоминающих фьорды норвежского берега; поднимаясь из равнин прибрежья, сначала вступаешь в лабиринт оврагов, затем после последнего крутого подъема между двумя стенами дефилея, вдруг очутишься на ровной, однообразной поверхности Деканского плоскогорья, где только там и сям возвышаются маленькия горки и незначительные холмы. Но на юге от Кельгата, между Гоа и Дарваром, трапп исчезает, сменяемый гнейсами, слюдяными сланцами и другими метаморфическими породами. Горы принимают совершенно другой вид; крутояр не имеет уже столь отчетливых граней, и гребень его не составляет уже точной линии водораздела между покатостью Бенгальского залива и покатостью Аравийского моря; с той и другой стороны горной оси переход совершается незаметно, без внезапного контраста между формациями, растительностью и земледельческими культурами; даже можно сказать, что система Гатских гор совершенно прерывается долинами рек Каоли и Гангавали, которые берут начало на восточной стороне Гатов и, перерезав цепь этих гор, спускаются к западному берегу.

Между Тапти и Каоли, реки Конкана, запертые в узком пространстве, заключающемся между крутым спуском Гатских гор и морем, т.е. в полосе прибрежья шириной около пятидесяти километров по прямой линии, не могут иметь значительного, по длине, течения, и большинство их спускаются с гора, прямо к морскому берегу, не получая других притоков, кроме простых ручьев. Однако, обилие дождей, выпадающих, на западной отлогости Гатских гор, в количестве от 4 до 7 метров, дает во время дождливого сезона значительную важность

1 Clark, „Quarterly Journal of the Geological Society", tome XXV.

этим горным потокам, и многие из них катят тогда такую массу воды, что их можно сравнить с большими реками Европы. Почти все они изливаются в море широкими заливообразными устьями, или лиманами, в несколько километров ширины; в период муссона волны



Храмъ Вишну въ видѣ колесницы.

моря проникают внутрь материка через эти устья, и отлив уносит далеко в море твердые частицы, увлекаемые речным течением. С этой стороны Полуострова не могут образоваться дельты, постепенно выдвигающиеся в область вод, как дельты восточного берега, в устьях

Мага-Надди, Годавери, Кистны, Кавери; даже Нарбада и Тапти, которые, однако, несут в море такую огромную массу воды во время сезона дождей, не имеют дельт. Вычислено, что количество твердых частиц, ила, песку и т.п., увлекаемое течением Нарбады и других больших рек в Камбейский залив в период дождливого муссона, было бы достаточно, чтобы засыпать всю эту бухту впродолжении около десяти столетий, если бы эти речные наносы не подхватывались морскими течениями, которые разносят и отлагают их по дну океана и у берегов Малабара, Лакедивских и Малдивских островов; много-много что одна сотая доля речных наносов остается на мелях Камбейского залива[1]. Если бы дно Аравийского моря поднялось вдруг метров на двадцать, мы увидели бы на месте этого залива дельту, разветвляющую свои рукава, как ветви опахала: образующиеся во время прилива фарватеры, отделенные один от другого мелями, известными под именем Малакских, превратились бы в лиманы, неглубокия места морского дна—в равнины; но географические черты не изменились бы: нигде не существует более правильной подводной дельты. Равнины, окаймляющие Нарбаду и Тапти в области морского прибрежья, и которые теперь находятся во многих местах на уровне, далеко превышающем уровень самых высоких разливов, вероятно, суть не что иное, как пространства бывшего морского дна, выступившие из-под воды вследствие общего поднятия страны. Движения почвы подняли береговые утесы собственно Гатских гор, или Сагиадры, гораздо выше уровня морских волн, которые некогда ударялись об их основание. Во многих местах морского берега следы поднятия почвы очевидны: бывшие плоские песчаные берега, покрытые морскими раковинами, принадлежащими к ныне существующим видам, встречаются на некотором расстоянии во внутренности материка; в других местах находят морские глины, содержащие корни деревьев, называемых корнепусками, источенные фоладами[2]. Но период поднятия прекратился, уступив место противоположному движению, или, может быть, происходили местные оседания, потому что на многих пунктах прибрежья были наблюдаемы факты, доказывающие неопровержимым образом понижение уровня почвы. Так, город Бомбей, сам построенный на острове, поднятом и соединенном с другими островами посредством выступивших из-под воды порогов, прилегает на востоке к бывшему морскому берегу, теперь покрытому слоем воды в 4 метра толщины, где находятся еще на месте корни погрузившагося в море леса[3].

Население Конкана и всей западной покатости хребта Сагиадри, или собственно Гатских гор, слишком давно уже находится в сношениях с остальным миром, чтобы аборигены, или первобытные жители, могли сохраниться в стране до нашего времени. Нынешние обитатели края, индусы, магометане, парсы, иностранцы, группируются не в племена или кланы, но в касты или в классы, и идиомы, которыми они говорят, все имеют богатую литературу. На севере преобладающие диалекты—гудзератский, маратский, с его различными местными говорами, конканский и гоадезский. Эти два языка, происходящие от санскритского корня и употребляющие одно и то же «божественное письмо», *нагари*, были усвоены населениями иноземного происхождения, которые теперь живут в крае. На юге от португальской колонии Гоа, господствующий язык принадлежит к другой глоссологической области: это канарийский, или каннадский диалект, дравидийского происхождения, с особенным письмом, которое походит на письменные знаки наречия телугу. Границы этого диалекта и арийских языков обозначают этнологический рубеж между южной Индией и остальным Полуостровом.

Из всех иноземных рас, поселившихся в городах Кокана, раса парсов заняла самое высокое место в социальной лестнице, наряду с английскими властителями страны; как показывает самое их название, они персидского происхождения и ведут свой род от последователей Зороастра, которые, чтобы избегнуть лютой смерти во время магометанского нашествия, принуждены были удалиться из своего отечества. Сначала парсы поселились на острове Ор-

1 W. Sowerby, „Transactions of the Bombay Geographical Society", vol. XIX. 1871.

2 Buist, „Transactions of the Bombay Geographical Society", X, 1852.

3 „Records of the Geological Survey of India", XI; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

муз, где они занялись преимущественно торговлей, подготовляя таким образом, до прибытия португальцев, то цветущее состояние, которого достиг впоследствии этот складочный пункт морей Индии. Но им пришлось покинуть и это убежище и искать себе приюта на полуострове Каттиавар, где они мало-по-малу распространились в торговых городах морского прибрежья. Несмотря на все преследования, они обогатились, благодаря связывающему их духу солидарности, и теперь парсы, живущие в Бомбее и в других портах морского берега, без сомнения, превосходят числом тех несчастных беглецов, которым удалось спастись от мусульманского меча; в то время, как общины парсов, живущих в отдаленных округах Ирана, состоят едва из четырех или пяти тысяч душ, они заключают теперь, по меньшей мере 80.000 лиц в Англо-индийской империи, включая сюда и торговые колонии, основанные под британским флагом во всех портах крайнего Востока. В 1872 году парсов насчитывалось:

в Бомбейском президентстве—66.498 д.; в государстве Барода—7.238 д.; в государстве Бенгалии—1.123 д.; в Дамаоне—170 душ.

Пропорционально своему числу, парсы сосредоточили в своих руках долю капиталов, далеко превышающую долю всех других национальностей, представленных в Индии. Некоторые из их банкиров принадлежат к самым могущественным финансовым тузам во всем свете и заправляют большею частью крупных предприятий в Бомбее; даже в Лондоне можно встретить великолепные здания, обязанные своим происхождением щедрости парсов-миллионеров. Забыв основательно свой древний язык, зендский, и не понимая даже смысла своих молитв, парсы, говорящие теперь единственно гудзератским и английским диалектами, сохранили и от своей религии только одни символы и формулы. Они поклоняются солнцу и огню, и подобно памирским галчам, заботливо соблюдают правило, чтобы никогда не гасить пламя посредством задувания, считая свое дыхание нечистым; большинство их сохранило свой старинный костюм, даже высокую, загнутую на бок, шапку, покрытую клеенкой; но некоторые церемонии, как, например, омовения в коровьей моче, уже вышли из употребления. Мало-по-малу, культ парсов или парсизм преобразовывается в неопределенный деизм и в кодекс нравственности, который главными добродетелями признает благотворительность и правдивость; между парсами, английскими унитариями и индусскими сектаторами брамасамаджа нет никакой существенной разницы в религиозном отношении, кроме разницы форм. Что всего яснее отличает первых, т.е. парсов-огнепоклонников, в глазах толпы—это их погребальные обряды. В Бомбее, так же, как в Карачи и во всех городах, где находятся их общины, существуют *дахмы*, обыкновенно называемыя «башнями молчания»: это погребальницы, на верхушку которых кладут покойников, выставляя их таким образом на съедение коршунам: разлагающееся человеческое мясо, по верованию парсов, не должно осквернять ни земли, ни воды, ни особенно огня, стихии по преимуществу священной. Смертные останки человека, пожираемые хищными птицами, тотчас же вступают опять в вечный круговорот жизни.

Потомки смешанных португальцев, поселявшихся в портовых городах Конкана в эпоху завоевания, далеко не занимают такого счастливого положения между народностями морского берега, как парсы. Однако, и между ними есть такие, которые образованием или богатством открыли себе двери в европейское общество; большинство этих метисов, канцелярские чиновники, писцы, переводчики, служат посредниками европейцам и туземцам. Негры-невольники, которых португальцы привозили в свои колонии из Африки, тоже оставили после себя потомство, которое разнообразно смешалось с детьми других чернокожих, пришедших, как морские разбойники, с Сомальского берега. Очень многие семейства приписывают себе также абиссинское происхождение. По преданию, один эфиопский купец получил, в 1489 году, позволение выгрузить триста ящиков на берег острова Джанджира, находящагося в 75 километрах к югу от Бомбея. Каждый из этих ящиков содержал в себе солдата. Эти триста человек овладели островом и укреплением на соседнем берегу материка и вскоре образовали республику пиратов. Сделавшись могущественными, джанджирские абиссинцы стали союзниками королей и императоров; при императоре Аурангзебе им было поручено принять под

свое покровительство порт Сурат и магометанских пилигримов, предпринимающих паломничество в Мекку: княжеские фамилии острова Джанджира и Джаффарабада, в Каттиаваре, производят свой род от этих смелых завоевателей пятнадцатого столетия. Сами они называют себя хабши, но обыкновенно их смешивают, под именем сиди, или «господ», с туземцами африканского происхождения.

Другие магометане этого края, почти все сунниты, заключают, в своих рядах, кроме индусов, некогда обращенных в ислам добровольно или непринужденно, афганцев, персиян, турок арабов. Купцы этой религии соединены в отдельные корпорации, называемые борах, ходжах, мемон, и ведут торговлю преимущественно с портами Персидского залива, Красного моря и восточного берега Африки. Индусские негоцианты, или баниах, часто называемые заграницей баньянами, торгуют с теми же странами; их можно встретить во всех портах африканского прибрежья, особенно в Занзибаре. В самом Бомбее они делятся на два класса, смотря по происхождению: одни—баниахи в собственном смысле, уроженцы Гудзерата; другие—те марвары из Раджпутаны, которые монополизировали движение торгового обмена во многих местностях Индии.

Город Барода, самый многолюдный во всем южном Гудзерате, расположен на обоих берегах речки Висвамитри, маленького южного притока реки Маги; он окружен обширными предместьями, которые увеличивают, по крайней мере, вдвое его протяжение. Столица туземного государства, если не вполне независимого, то, по крайней мере, освобожденного от платежа дани, Барода—город дворцов, резиденция одного из богатейших туземных государей Индии, который, все еще давая себе титул своих маратских предков, гайквар, или «охранитель скота»[1], щеголяет своими алмазами, драгоценными тканями, своею блестящею свитой, своими празднествами и царскими охотами. Барода—один из редких городов Индии, где еще даются, для увеселения двора, бои слонов и носорогов. Хотя главный город «самодержавнаго» государства, имеющего свою регулярную армию и свою артиллерию, пушки и батареи, Барода, тем не менее, состоит под надзором английских кантонементов, которыми командует британский резидент. Окрестности этой столицы густо населены: в 24 километрах на юго-восток, город Дабхой, древний Дхарбхавати, еще окружен валом в три километра в окружности и около 15 метров высотой, внутри которого находятся галлереи с колоннами, служившие прежде казармами. На юго-западе, город Джамбусар производил прежде значительную морскую торговлю через лиман Танкариа, впадающий в Камбейский залив. С проведением железной дороги эта каботажная торговля почти прекратилась, но Джамбусар все еще имеет важное значение, как промышленный город и складочное место хлопка.

Баруч, или Броч, как его называют англичане,—древний город, о котором упоминают уже греческие географы под именем Баригаза[2]. Построенный на пригорке, около двадцати метров высотой, и по скатам этого холма, Баруч господствует своими живописными зданиями над правым берегом Нарбады, через которую проходит железнодорожный мост, имеющий 1.256 метров в длину и состоящий из 67 пролетов. Город часто был разрушаем, но после каждого разгрома опять отстраивался на том же месте, занимающем такое счастливое положение на большом историческом пути морского прибрежья и выше уровня наводнений. Некогда этот город имел весьма важное промышленное значение по своим фабрикам, производившим «лучшие на свете материи», как говорили португальские завоеватели; оттого англичане и голландцы основали в нем свои конторы, чтобы пользоваться выгодами отпускной торговли, которая производилась из Баруча ко всем берегам Индийского океана, от Момбаза до Суматры. Но введение однородных фабрикатов европейского производства подорвало местную промышленность, и население уменьшилось в числе; в последнее время оно снова увеличилось, благодаря культуре хлопка, который собирается в значительных количествах в соседней равнине и отправляется по железной дороге в Бомбей. Археологи полагают, что

1 L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

2 Carl Ritter, „Asien"; Ernest Desjardins, рукописные заметки.

«мурринския вазы», упоминаемые Плинием, были агатовые чаши, привозившиеся в Рим из Баригазы[1]; Тевено тоже говорит о важности торговли этими сосудами в эпоху посещения им края. Главные прииски агата и яшмы находятся в Раттампуре, километрах в двадцати к востоку от Баруча; но в настоящее время экономическая ценность их, должно быть, не очень значительна, если судить по арендной плате, которая составляет всего только 7.000 франков в год. Рудокопы разработывают железистые пласты агата, делая в них норы, «как кролики в садке», но во время муссона они принуждены прекращать свои работы, и подкопанные пласты обваливаются[2]. Морская торговля Баруча ограничивается теперь простым каботажем с ближайшими портами: большое судоходство совершенно прекратилось.

Обороты морской торговли Баруча в среднем выводе:

В период с 1837 по 1847 гг.—28.750.000 франк.; в 1874 г.—9.820.000 франк.

Замечательнейшая редкость природы, в окрестностях Баруча, существует теперь уже в состоянии развалин: это индийская смоковница на одном из островов реки Нарбады, выросшая, как гласит легенда, из зубочистки, которую обронил один мудрец во времена глубокой древности. В 1780 году это гигантское дерево, составлявшее предмет удивления для всех путешественников, образовало одно целый лес, состоящий из 350 больших стволов и из 3.000 второстепенных стволов; пространство, покрываемое ветвями центрального ствола, охватывало окружность в 600 метров.

Сурат, или Сюрат занимает, на южном берегу реки Тапти, положение, аналогичное с положением Баруча на берегу Нарбады. Прославившись гораздо позднее, так как о нем впервые заговорили только в эпоху магометанских нашествий, он получил впоследствии первостепенную важность в торговом отношении; в конце семнадцатого столетия он был самым деятельным рынком Индии и местом посадки на корабль для мусульманских пилигримов, отправлявшихся на поклонение Каабе. Сурат был, так сказать, «дверью Мекки». Вслед за португальскими конторами, в городе появились другие европейские поселения, фактории англичан, французов, голландцев; в период муссона наплыв торгового люда был так велик, что опоздавшие не находили себе помещения[3]. К концу восемнадцатого столетия Сурат был самым многолюдным городом Полуострова; число его жителей определяли в 800.000 душ; ни обмеление порта от заноса илом, конкуренция Бомбея, сделавшагося столицей английских владений в Индии, войны, наводнения, большой пожар, истребивший слишком 9.000 домов, —все эти неблагоприятные обстоятельства привели город к упадку; в половине девятнадцатого столетия он насчитывал уже только 80.000 жителей в своих стенах. Теперь он опять поднимается постепенно, и от центральной группы домов, окружающей крепкий замок, или кремль, отделяются новые кварталы, разростающиеся, с одной стороны, по направлению к городу Рандер, с другой—по направлению к английским кантонементам. Старинная местная промышленность, выделка дорогих тканей, вышитых шелком, золотом и серебром, снова достигла значительного развития, а применение пара облегчило основание прядильных мануфактур и других фабрик для переработки хлопчатобумажного волокна; здесь-то преимущественно фабрикуются передники, или лангути, отправляемые в Сиамское королевство[4]. По торговле серебром негоцианты-парсы, очень многочисленные в Сурате, и индусы-баниахи, или баньяны, находятся в непосредственных сношениях с торговыми домами всего света; но так же, как и Баруч, Сурат лишился своей морской торговли, и его порт Сували представляет теперь простую деревню, перед которою останавливаются только маленькия каботажные суда, поднимающие, средним числом, не более 18 тонн груза. В 1801 году обороты морской торговли Сурата простирались до 26.080.000 франк., а в 1874 г. ценность их составляла уже только 6.840.000 франк. Франция имеет еще в Сурате небольшую факторию, где она пользуется всеми правами верховной власти.

1 Birdwood, „The industrial arts of India".
2 Copeland, „Transactions of the Literary Society of Bombay", vol. I.
3 Thevenot, „Voyage aux Indes orientales".
4 „Journal officiel", 28 fevrier 1881.

На юге, на дороге в Бомбей, следуют один за другим город Носари, населенный в большей части трудолюбивыми парсами, и Бульсар, фабричный город, имеющий маленький каботажный порт. Далее встречаем, к западу от железной дороги, португальский город Даман, разделенный на две части устьем реки Даман-Ганга; суда вместимостью до 300 тонн могут переходить через бар во время прилива и бросать якорь перед набережными города. В прежнее время даманские верфи поставляли судохозяевам отличные суда, построенные из текового дерева; но эта промышленность давно уже прекратилась, так же, как и торговля опиумом, монополизированная английским правительством. Взамен того, несостоятельные должники и банкроты из Бомбея обыкновенно отправляются искать себе убежища в португальском городе. Совокупность территории Даман заключает в двух чересполосных владениях около сорока деревень. Что касается города Бассаин, который принадлежал Португалии с 1534 года, за двадцать четыре года до приобретения Дамана, то он был отнят у неё два столетия спустя мараттами; от этого «города благородных», который был расположен на островном мысу, остались только кое-какие развалины дворцов, церквей, монастырей, валов, и гробница Альбукерка.

Бомбей, торговый преемник всех магометанских и португальских городов Гудзерата и Конкана, находится не на материке; он занимает южную оконечность маленького архипелага, прикрывающего с западной стороны широкую бухту, где стоят на якоре корабли в безопасности от страшного муссона; потому, казалось бы, естественнее всего производить имя этого города от слов «Хорошая бухта» (по-французски Bonne baie, по-португальски Boa bahia); однако, португальцы дали ему сначала название Монбайм или Бомбайм, которое применялось также ко всей соседней местности, и в котором заключается имя богини Мумба, покровительницы страны[1]. Узкий остров, имеющий в длину немного более 16 километров, на котором построен Бомбей, теперь самый многолюдный город во всей Южной Азии и первый, после Лондона, в английских владениях, часто менял свою форму. Он состоит из базальтовых скал, расположенных двумя параллельными грядами по направлению с севера на юг и соединенных песчаными насыпями, ограничивающими глинистую равнину. Прежде, морские приливы, пройдя внешние плоские берега, проникали часто между базальтовыми грядами и разделяли их на второстепенные островки; случалось даже, что река Гопер, текущая на севере на острове Сальсетта, катила во время разливов массу воды довольно значительную, чтобы моментально наполнить пролив своими твердыми наносами и броситься в южную бухту острова. В наши дни, при помощи искусственных сооружений, берега урегулированы и получили окончательную форму, которая, впрочем, не отличается таким изяществом очертаний, как естественные контуры. Земляные насыпи, покрытые домами или верфями, заняли место прежних мелей, и шоссированные дамбы соединили Бомбей с Сальсеттой, а Сальсетту с материком; таким образом, остров превратился в полуостров.

История Бомбея начинается со времени уступки острова Англии в 1661 году. Король португальский Иоанн IV подарил его Карлу II, королю английскому, как приданое за своею дочерью Екатериной, а Карл II уступил это территориальное приобретение ост-индской компании, под условием уплаты номинальной ренты в размере 250 франков в год. В видах скорейшего заселения острова, он был объявлен местом убежища, и беглецы тотчас же стали стекаться со всех сторон; спустя двенадцать лет после прибытия англичан, Бомбей, говорят, имел уже до 60.000 жителей. Однако, новый город не мог получить первостепенной важности, пока соседние острова принадлежали Португалии и дорога вдоль морского прибрежья оставалась под господством могущественных туземных властителей. Он сделался для европейцев истинным порогом Индии только после падения маратской династии и присоединения её земель к владениям ост-индской компании. Уже в двадцатых годах текущего столетия большая дорога поднималась длинными изгибами к проходу Бор-Гат, открывая таким образом бомбейским купцам торговлю внутренних плоскогорий; в 1838 году была установлена правильная почтовая служба для пересылки корреспонденции между Лондоном и Бом-

1 Yule, „The book of Marco Polo".

беем через Суэзский перешеек; затем линии пароходства соединили главный порт Конкана с Англией, а с 1853 года открылся, из Бомбея в Тану, первый построенный в Индии участок рельсового пути, начало железнодорожной сети, которая с каждым днем все более и более сближает свои звенья, разветвляясь по всему Полуострову. Наконец, со времени прорытия Суэзского канала Бомбей находится в прямом сообщении с Европой; линии паровых пакетботов, подводный электрический телеграф—вот те нити, которые связывают Великобританию с Англо-индийской империей.

Период северо-американской междоусобной войны, с 1860 по 1865 год, был для Бомбея эпохой баснословного процветания. Купцы стекались туда массами, чтобы приобрести себе долю из несметных богатств, приливавших в бомбейские банки; вся окружающая страна превратилась в необозримое поле хлопчатника, по дорогам тянулись бесконечные обозы, подвозившие земледельческие продукты к порту, набережные не могли вмещать груды товаров. Новые кварталы выростали точно грибы; никакая спекуляция не казалась слишком смелою. Город готовился уже соперничать с столицей метрополии, как вдруг восстановление мира в Америке положило конец быстрому процветанию его торговли; это было для бомбейских коммерсантов моментом внезапного расстройства, и дела сразу приостановились. Но после катастрофы, после следовавшего за нею периода застоя и упадка духа предприимчивости, город снова стал возрастать, продолжать свои набережные, устраивать новые доки, ассенизировать окружающие болота, застраивать виллами окрестные холмы. В настоящее время занимаются в особенности возвышением грунта равнины, называемой Flats, которая простирается на северо-западной стороне Бомбея, и преобразованием одной её части в фабричный город, тогда как остальное пространство будет превращено в бульвары и сады и сделается одним из лучших публичных гульбищ Индии. И действительно, давно пора уничтожить все гнезда вредных миазмов и рассадники заразы, которые существуют еще в непосредственном соседстве Бомбея, и по милости которых этот город так долго пользовался вполне заслуженной репутацией очень нездорового места. По свидетельству путешественника Фрайера, смертность похищала, в семнадцатом столетии, пять-шестых европейцев, поселившихся в этой местности: «два муссона составляют здесь жизнь человека!»—такова была мало успокоительная поговорка, которую повторяли новоприбывшим. Эндемическая болезнь, от которой погибало большинство иностранцев, была известна под именами «китайской смерти» (mort de Chine), или «собачьей смерти» (mort de chien), невольная игра слов, напоминающая конканское название *мордичи*, означающее холеру[1]. В наши дни Бомбей, один из самых здоровых городов Индии, далеко превосходящий в этом отношении Калькутту, занимает одно из первых мест между городами, где ведется правильная статистика смертности. Несмотря на свое положение на маленьком острове, он снабжается в изобилии чистой водой, благодаря Гоперу, главной реке острова Сальсетта, которую перехватили всю целиком, образовав искусственное озеро Вехар, площадь которого равняется 560 гектарам; сток этого озера, регулируемый шлюзами, проходит через пролив по земляной насыпи. Вода проведена в *баоли*, многоэтажные резервуары, которых галлереи с колоннами сообщаются одна с другою посредством монументальных лестниц.

С восточной стороны острова, из внутренней гавани, Бомбей представляет великолепное зрелище. Миновав подводные скалы и длинный полуостров Колаба, затем обогнув цитадель, построенную на месте старой крепости, но заключающую в своих стенах только присутственные места да купеческие конторы, днем наполненные торговым людом, а ночью совершенно опустелые, корабль бросает якорь перед новым городом. На юге, кварталы английской постройки представляют, на обширном протяжении эспланады, ряд богатых фасадов, менее претенциозных, чем калькуттские дворцы, но более импонирующих своими размерами. Однако, все эти высокие британские здания, неискусные подражания «венецианско-готическаго» и «ломбардскаго» стилей, совсем не гармонируют с окружающею растительностью и далеко уступают в изяществе и живописности индусским домам, с их столбами из

1 Hunter, „Imperial Gazetter of India".

резного дерева, ярко раскрашенными балконами, крышами в форме навеса; пагоды, увенчанные высокими тиарами с разноцветными боками, поднимаются над группами кокосовых пальм; нет ни одного строения, которое не отличалось бы какими-нибудь особенностями форм и красок. Большие улицы загромождены экипажами всякого рода: тут увидишь и массивные омнибусы, лошади которых имеют на голове, для защиты от солнца, шапку из древесной сердцевины, и щегольские коляски, быстро увлекаемые арабскими и маратскими конями, и кареты, запряженные быками-рысаками, у которых горб трясется на загривке, и тяжелые телеги, громыхающие своими толстыми колесами. Священные коровы разгуливают на свободе, подбирая отбросы овощей вокруг рынков. Все расы Старого Света имеют своих представителей в пестрой толпе, толкущейся и снующей на улицах и площадях Бомбея: индусы, матросы всевозможных национальностей, негры, европейцы, метисы, одни черные, как уголь, другие бронзовые, желтые или белые, иные величаво драпированные, другие с обнаженным торсом, или совсем голые, прикрытые только передником. Некоторые из подгородных деревень словно затеряны среди лесов; таково, например, село Магим, на северо-восточной стороне острова, где тропическая растительность является еще во всей своей силе и красе, как во времена, предшествовавшие европейской колонизации. На юго-западе тянется длинный базальтовый полуостров Малабар-Гилль, где дороги извиваются под шатром пальмовых и манговых деревьев, между загородными виллами, и постоянно в виду круга морского прибоя. Между полуостровом Малабар-Гилль и собственно городом развертывается длинный плоский берег бухты Бакбай, где по ночам блестит свет от печей для сожигания трупов.

Как торговый центр, Бомбей мало имеет соперников в Азии; обороты его внешней торговли превышают, по ценности, миллиард франков каждый год. Манчестер теперь ежегодно спрашивает у Конкана хлопка-сырца только на сумму около 250 миллионов франков, т.е. треть того количества, какое он покупал во время американской междоусобной войны. Таким образом, Бомбей утратил свою первенствующую роль, как экспедиционный порт по вывозу хлопка, но зато он приобрел большую важность по торговле хлебом; в настоящее время он соперничает с черноморскими портами по снабжению хлебными продуктами населений Западной Европы; так, например, в 1881 году он отправил за границу 467.000 тонн хлеба. Бомбей в то же время—один из складочных пунктов для опиума, посылаемого в Китай, и отпускная торговля этим продуктом составляет почти исключительную монополию одного из его торговых домов. Предметы вывоза оплачиваются, главным образом, хлопчатобумажными изделиями, но значительная часть покупок должна быть оплачиваема Англией драгоценным металлом в виде монеты и слитков, которые затем распределяются по всем странам Индии.

Внешняя торговля Бомбея в 1891 г.:

Вывоз—39.618.840 фунт. стерл.; привоз—45.752.601 фунт. стерл.

Движение судоходства в бомбейском порте, по размерам, уступает движению портов Лондона, Ливерпуля, Антверпена, Марсели, но несколько превосходит движение каликутского порта (в 1891 г. было в приходе: 643 парохода в 1.167.194 тонны и 327 парусных судов в 46.511 тонн). Внутренняя торговля города питается отчасти местною промышленностью. Многочисленные рабочие занимаются фабрикацией различных медных изделий, приготовлением и окраской тканей. Центр отпускной торговли хлопком, Бомбей стремится даже соперничать с Манчестером в отношении производства ситцев и других набивных бумажных тканей: уже в 1877 году им было употреблено для переработки свыше 30.000 тонн хлопчатобумажного волокна в собственных бумагопрядильнях, число которых теперь доходит до тридцати и которые все вместе имеют около миллиона веретен и до 8.000 ткацких станков, а между тем только в 1863 году была основана первая мануфактура этого рода, открывшая собою эру промышленной конкурренции Индии с Великобританией[1]. Бомбей имеет также некоторую важность как место земледельческого производства, благодаря своим рисовым плантациям, своим садам и рощам кокосовых пальм. Фабрикация пальмового вина и других

1 „Fortnightly Review", June 1876.

напитков того же происхождения занимает большое число рабочих рук.

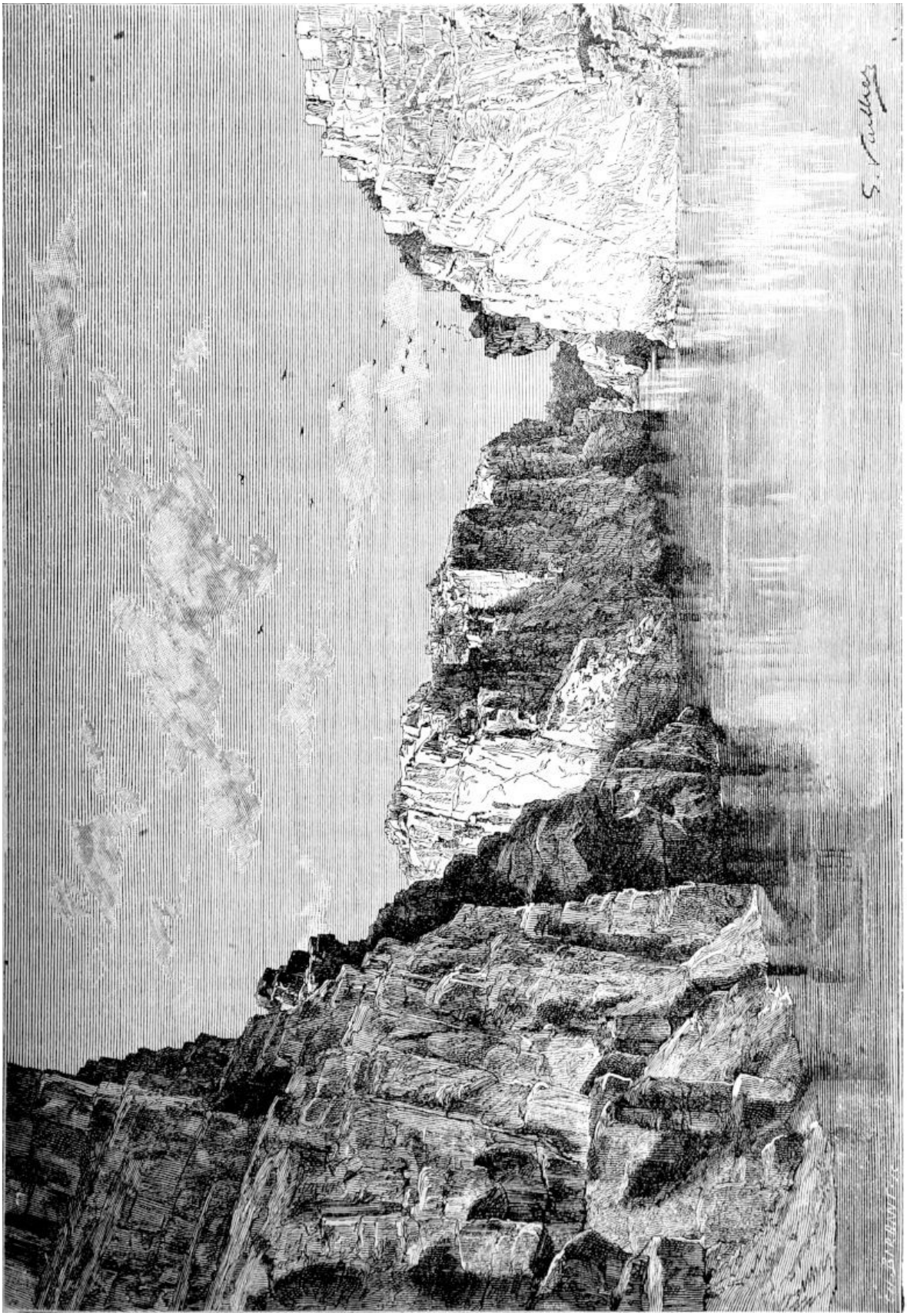
Заключая в своем населении менее европейцев, чем Калькутта и даже чем Мадрас, Бомбей, почти всецело поглощенный интересами своей торговой деятельности, не так богат, как столица Индии, научными учреждениями. Географическое общество, основанное в 1841 году, прекратило свое существование, но Азиатское общество, возникшее ранее географического, продолжает ряд своих драгоценных изданий. В Бомбее находится главная метеорологическая обсерватория Полуострова, поставленная в исключительно благоприятные условия для изучения явлений муссона. Так же, как и Калькутта, город Конкана имеет общественные парки и места гулянья, но самый любопытный его зоологический сад—это скотский госпиталь или богадельня, где на средства, доставляемые благотворительностью верующих, содержатся старые или больные животные, быки и коровы, обезьяны, собаки и кошки, птицы и даже змеи.

Как все города английской Индии, Бомбей дополняется второстепенными городами или пригородами, которые служат его населению местами дачной жизни. Самый оживленный из этих летних городов, или санаторий,—Матеран, расположенный на высоте 749 метров, на холме, совершенно отделенном от цепи Гатских гор размытою водами долиной, по дну которой бежит река Улас. Выступы и склоны этого уединенного массива, в лесах которого, еще в первой половине настоящего столетия, бродили только редкие дикари, теперь усеяны многочисленными виллами и дачами бомбейских жителей. Менее чем в четыре часа путешественники, отправляющиеся из Бомбея, могут достигнуть вершины Матеранского холма; выехав по дневной жаре, они любуются с горы закатом солнца, которое медленно опускается над водяною равниной порта, освещая огненными линиями контур берегов и профиль башен. Город Тана, центр управления округом того же имени и главный город острова Сальсетта или Шасти, служит местом пребывания для многочисленных купцов и чиновников; расположенный на восточном берегу острова, почти насупротив устья реки Улас, он сообщается с портом посредством пароходов и железной дороги. По соседству, в Кангери, в одном известковом холме есть пещеры, где иссечены храмы, происхождение которых восходит к первым временам общепринятой эры и которые некогда пользовались величайшею славой у буддистов; находящиеся там же позднейшие святилища не имеют уже никаких следов культа Будды и украшены браманскими символами. В джунглях Сальсетты Жакмон был отравлен миазмами болот; несчастный путешественник успел только велеть перевезти себя в Бомбей, по прибытии куда тотчас же и умер. В окрестностях города Тана существуют теплые ключи, бьющие из каменистого ложа одного ручья.

Другие священные гроты, более знаменитые и, по причине близости к Бомбею, более посещаемые, чем религиозные пещеры Кангери, находятся в Гарапури, или «Городе Вертепов», на островке Элефанта, или Дева-деви, «Острове богов», лежащем посреди рейда, к востоку от Бомбея; название это дано островку от сильно попорченной временем группы изваяний, которая представляла слона, аттакованного тигром. В толще холма открываются четыре грота, осененные над преддверием мелким кустарником, перемешанным с вьющимися растениями; у оконечности главного святилища высится колоссальная фигура Сивы под его тремя символическими формами творца, хранителя и разрушителя, изображения которого находятся также и в других подземных храмах. Бомбейские индусы, особенно баниахи (купцы), приходят еще в некоторые праздники отправлять там обрядности своего культа. Происхождение священных пещер островка Элефанты относится, вероятно, к десятому, быть может, даже к восьмому или девятому столетию нашего летосчисления[1], и их чудовищные изваяния, очень интересные в научном отношении, с теогонической точки зрения, имеют по большей части безобразный, отталкивающий вид; но контраст ярко освещенной наружной природы и торжественного мрака подземных храмов с их колоннами, гнущимися под тяжестью скалы, производит глубокое впечатление. Один из этих храмов совершенно обрушился. Подземные капища сгруппированы в большом числе в окрестностях Бомбея, у подошвы

1 Fergusson, „Rock-cut Temples of India"; Burgess, „The Rock Temples of Elephanta".

Гатских гор и на соседнем плоскогорье, чем во всякой другой области Полуострова; вне северо-западного угла Гатских гор памятники этого рода, буддийские или браманские, встречаются все реже и реже в восточном направлении.



Дефиле между мраморными горами.

Древняя столица Конкана, Калиан, пользовавшаяся большою славой уже за много веков до того времени, когда стало известно имя Бомбея, представляет теперь незначительный торговый порт, и только мелкие суда поднимаются по извилистому течению реки Улас до её на-

бережных (обороты внешней торговли калианского порта впродолжении фискального 1873—1874 года составляли, по ценности, 7.858.800 франков); но этот город в последнее время снова получил некоторую важность, как место разделения двух главных железных путей Индии, которые направляются один к Калькутте, другой к Мадрасу. Окрестные местности усеяны развалинами древних памятников; одна из самых замечательных—это руина Амбернатского храма, от которого уцелели только портал и нижняя часть здания, отличающиеся необыкновенным изяществом и отчетливостью скульптурной работы: тысячи фигурок, словно живые, лепятся на кордонах и колонках камня[1].

К югу от Бомбея, население, состоящее в большей части из рыбаков, к которым примешиваются потомки пиратов, сгруппировалось преимущественно на берегу моря; города и деревни раскинули свои дома вдоль морского берега, под группами кокосовых пальм. Алибаг, бывший притон корсаров, хорошо известен мореходам по причине соседнего островка Колаба, где в былое время кораблекрушители занимались своим промыслом. Говорят, что Алибаг построен из дерева разбившихся судов. Джанджира или Джезире, как называют его арабы, был «остров» по преимуществу для приморского населения, некогда могущественного, которое признавало власть абиссинских государей; евреи, или «Бени-Израэль» (сыны Израиля), поселившиеся здесь с незапамятных времен, тоже составляют маленькую особенную группу в этой области Конкана. Маленькое туземное государство, насчитывающее всего около 70.000 жителей, которому остров Джанджира дал свое имя и столица котораго—соседний город Раджпури, тоже носит название Габсан, т.е. «Абиссинии». В руках англичан рейд и порт Джанджира могли бы сделаться одною из лучших пристаней на опасном берегу Конкана; суда, не имея надобности проходить через бар, находят там более 6 метров глубины при низком стоянии воды. Порт Банкот, на широком лимане реки Савитри, и порт Ратнагири, на берегу зыбкой бухты, по размерам своих торговых оборотов, превосходят алибагский порт: годовое движение торгового обмена в первом из них простирается, средним числом, до 2.700.000, а во втором до 7.700.000 франков; кроме того, Ратнагири производит очень деятельную рыбную ловлю, и сотни барок бросают свои сети тотчас же за чертой морского прибоя. Ратнагири, город эмигрантов, нанимает тысячи кулиев для островов св. Маврикия и Соединения, и вербует носильщиков для Бомбея, а также сипаев для армии. Портовые города Визиадруг и Деогар тоже ведут небольшую торговлю; но из всех портов, следующих один за другим между Бомбеем и Гоа, самый оживленный и наиболее посещаемый—порт Вингорла, который некогда тоже был притоном морских разбойников. Годовое движение торгового обмена в Вингорле простирается до 17.500.000 франков.

В давния времена на одном болотистом острове реки Джуари существовал индийский город, по имени Гоа; но мы напрасно стали бы искать под джунглями, покрывающими остров, остатки его дворцов и храмов; а между тем, он был богатым и могущественным, и древние надписи говорят о славе царствовавших в нем династий. В 1479 году магометанские завоеватели перевели древний город на другое место, на южном берегу лимана Мандави; этот новый Гоа и есть тот город, которым овладела маленькая армия португальцев, под предводительством Альбукерка, в 1510 году, и который вскоре после того сделался «царицей Востока и гордостью сынов Лузуса» (лузитанцев, т.е. португальцев)[2]. В конце шестнадцатого столетия богатства его купцов доставили ему прозвище *Gol dourada*, т.е. «Золотой Гоа»; между индийскими португальцами про него сложилась поговорка: «Кто видел Гоа, тому незачем ехать в Лиссабон!» Но следовавшие затем нападения голландцев, нашествия магометан, потом набеги мараттов и в особенности рвение к обращению язычников, одушевлявшее католических патеров, имели результатом постепенное обеднение и обезлюдение города; уже Васко-де-Гама, во время своего второго путешествия, прибыл в Индию в сопровождении восьми францисканских монахов, восьми капелланов и одного главного капеллана, которые должны были проповедывать христианскую веру и, в случае надобности, обращать туземцев

1 Fergusson and Burgess; L. Rousse et, „L'Inde des Rajahs".

2 Камоэнс, поэма „Лузиада", песнь вторая.

мечом. «Лучшие из язычников бежали в другие края, и остались только подонки туземного населения», говорит один современный путешественник[1]. Затем небрежно содержимый фарватер реки обмелел, занесенный илом, заброшенные поля покрылись дикою растительностью, выступавшие из берегов воды застаивались в виде гниющих болот, и порожденная их испарениями малария окончательно разогнала жителей. В половине восемнадцатого столетия Гоа был уже мертвый город; теперь на месте его разросся лес кокосовых пальм, среди которого рассеяны многочисленные руины, башни и куполы около тридцати религиозных зданий. Дворец инквизиции, где некогда царили истинные власти, представляет теперь лишь кучу мусора; но кафедральный собор, первенствующая церковь Индии, существует еще, так же, как древняя мечеть, преобразованная в монастырь св. Франциска. В богатой церкви Иисуса Христа находится пышная гробница, из яшмы, мрамора и серебра, заключающая смертные останки Франциска де-Ксаверио, апостола Индии. Тело святого было оффициально объявлено «вице-королем Индии и генерал-лейтенантом»; действительный губернатор считался лишь уполномоченным или заместителем св. Франциска, получающим от него свою власть; еще в начале девятнадцатого столетия новоназначенный губернатор, прежде чем вступить в управление вверенным ему краем, отправлялся с большою торжественностью в церковь Иисуса просить о передаче ему прав королевского наместника[2]. Около сотни лиц живут теперь среди руин для отправления службы в церквах, тогда как во времена своего процветания Veiha Cidade, или «Старый город», насчитывал в своих стенах не менее 200.000 жителей.

«Новый город» Гоа, *Nova Cidade*, более известный под индусским именем Панджима, был избран резиденцией вице-короля португальской Индии еще в 1756 году, но оффициальный титул столицы он получил только в 1842 году. Расположенный на южном берегу широкого лимана реки, в 8 километрах к западу от старого города, оп доступен даже судам большого водоуглубления, но только в период с сентября до мая; когда же юго-западный муссон развертывает в лимане свою бесконечную армию волн, вход в порт становится очень опасным; южная бухта, защищенная мысом Мармаган, была бы удобнее для устройства порта, потому что суда могут там становиться на якорь во всякое время года совершенно безопасно. Несмотря на опасности, которым подвергаются суда при проходе через бар, Панджим ведет довольно значительную торговлю, отправляя кокосовое масло, копру, различные фрукты, дерево, соль (движение судоходства в этом порте в 1874 году: 3.159 судов, общая грузовместимость которых равнялась 217.750 тонн); но эта торговля должна переместиться в близком будущем, когда рельсовый путь соединит сеть железных дорог Декана с портом Мармаган, который, вероятно, сделается новым главным городом колонии. Хотя и столица, Панджим, однако, не самый многолюдный город этой области португальских владений; он уступает в этом отношении Мармагану, лежащему в южной части территории, среди равнин, заключающихся между океаном и лиманом реки Рачоль. На севере от Панджима, в территории Бардес, есть другой важный город, называемый Мапуса или Мопуса.

Население португальских владений в Индии в 1881 г. состояло из 514.169 душ. Вне Индии мало найдется территорий, где бы жители были скучены в большем числе. В городах значительная часть резидентов выдает себя за людей европейского происхождения, но, за исключением семейств, недавно приехавших из Португалии, все здешние обитатели смешанной крови. Так называемые «белые» колонии Гоа—в действительности метисы (помесь), с низким лбом, с маленькими, вечно беспокойными глазами, с толстыми губами; грудь у них узкая, ноги сухопарые. Не велико число европейских детей, которых родители посылают в метрополию, как это делают англичане; большинство их остается в Индии, где они составляют особенное население, известное под именем *topas*, т. е. «людей в шляпах», которое от-

1 Vasconcellos-Abreu, „Glottologia arica", где приведено письмо путешественника Сарсетти, писанное в 1584 году.

2 Perrin, „Voyage en Indostan".

личается как от туземцев, так и от новоприбывших европейцев[1]; многие из них поступают на службу, в качестве писцов или комми, в канцелярии и торговые дома больших английских городов.

Две трети индусского населения в португальской колонии состоит из католиков, приближающихся к христианам-метисам нечувствительными переходами в отношении расы и нравов. Португальские владения—единственная часть Полуострова, где жители в большинстве причисляют себя к христианам. Причина тому—непосредственное вмешательство светской власти в дела веры во времена господства вице-королей и инквизиции; в начале восемнадцатого столетия около 30.000 белого и монашествующего духовенства, европейцев, метисов и туземцев, группировалось в монастырях и вокруг церквей. В наши дни, религиозная свобода полная, и многие тысячи магометан, наиболее уважаемых из резидентов края, живут в Панджиме и в других городах португальской территории.

Порт Карвар, лежащий к югу от португальской границы, есть один из тех, которые представляют лучшее, наиболее безопасное пристанище судам во время муссона, и можно предсказать с большою вероятностью, что ему скорее всего удастся привлечь к себе часть исполинского торгового потока, направляющагося к Бомбею: железная дорога, которая должна со временем соединить его с Мадрасом через один из проходов Гатских гор, еще не начата постройкой. Между другими портовыми городами Северной Канары только один, Кумпта, соперничает размерами своей торговой деятельности с Карваром; остальные, Анкола, Гангавали, Гонавар (Гонор), представляют лишь маленькия гавани, где только изредка показываются каботажные суда. В окрестностях этого города один горный поток низвергается с утеса Гатских гор в виде водяного столба высотою около 280 метров; в период юго-западного муссона, приносящего такое обилие дождевой воды, этот водопад, называемый Герузаппе или Гайрсоппа, составляет одно из самых грандиозных зрелищ индийского полуострова.

Важнейшие города на Бомбейском берегу:

Гудзерат. Барода (1891 г.)—116.420 жит.; Сурат—109.230 жит.; Баруч—40.168 жит.; Джамбусар—14.925 жит.; Дабхой—14.900 жит.; Нозари—14.700 жит.; Бульсар—11.300 жит.

Конкан и Канара. Бомбей (1891 г.)—821.765 жит.; Вингорла—15.000 жит.; Тана—14.300 жит.; Карвар—13.250 жит.: Калиан—12.800 жит.; Кумпта—10.950 жит.; Ратнагири—10.600 жит.

Португальские владения. Даман—33.350 жит.; Марган—20.000 жит.; Панджим (Гоа)—8.000 жит.; Мапуса (Мопуса)—12.100 жит.

XIII.

Бассейны рек Годавери и Кистна, Декан.

Декан есть естественная область полуостровной Индии, где англичане оставили сравнительно наибольшее количество территорий туземным властителям; но они позаботились разрезать их земли на чересполосные владения, не имеющие никакого сообщения с морем, и занять все стратегические позиции. Уже во многих областях британское правительство наложило секвестр на целые провинции этих якобы «независимых» государств, не делая для этого ничего, кроме передвижения некоторых гарнизонов; так, например, область Берар, под именем «округов, причисленных к Гайдерабаду», была отделена от владений низама и поставлена под непосредственное управление английского комиссара. В своей совокупности два бассейна Годавери и Кистны имеют, сравнительно с остальной Индией, довольно редкое население. Напротив, области морского прибрежья, присвоенные Англией, очень густо населены; речные долины тоже заключают многочисленное население в нижних своих частях до значительного расстояния внутрь материка; но на плоскогорьях, вдали от больших дорог,

1 R. Burton, „Goa and the Blue Mountains".

жилища разбросаны редкими группами. Они снова становятся более скученными только вдоль краевой цепи Западных Гатов, где, благодаря легкости торговых сношений с соседним морским берегом и богатству ближайших к горам долин, изобилующих текущими водами, возникли многочисленные города.

Пространство и население бассейнов Годавери и Кистны.

	Пространство, кв. килом.	Население в 1872 г. жит.	Километр. населенность
Гайдерабад	233.100	9.000.000 (?)	39 жит.
Берар	45.870	2.226.500	48
Бастар	33.829	170.000 (?)	5
Округи Бомбейск. презид.	109.881	6.937.420	63
Округи Мадрасск. презид.	153.513	9.352.270	61
Всего	576.193	27.686.190 (?)	48
Вероятное население 1882 г.		26.000.000 (?)	45

Область Декана, взятая в целом, представляет наклонную плоскость, постепенно понижающуюся от запада к востоку и изливающую свои воды в Бенгальский залив; это одна из самых однообразных по виду стран Индии, хотя она была театром сильных вулканических потрясений и на целой половине своего протяжения сплошь покрыта лавой. Вся северо-западная часть, ограниченная на юго-востоке неправильной линией, простирающейся от португальской территории Гоа до бассейна реки Нагпур, одета базальтовыми траппами, составляющими продолжение слоев того же происхождения, которые разветвляются длинными окаменелыми потоками в центральных провинциях и на плоской возвышенности Мальва. На огромном непрерывном пространстве, обнимающем более 300.000 квадр. километров, эти огненные горные породы залегают на других геологических формациях; от Бомбея до Нагпура железнодорожная линия, длиною около 835 километров, на всем своем протяжении проходит по местностям, почва которых состоит единственно из траппа или пепла, выброшенных древними вулканами. Декан тянется в виде длинных, слегка волнистых равнин, разделенных холмами, которые оканчиваются на вершине столообразными горками, замечательно правильной формы и обставленными по бокам террасами, которые через известные промежутки перерезаны оврагами; террасы эти состоят из базальтовых масс, более крепких и лучше сопротивляющихся, чем нижний трапп, которые не поддались разрушительному действию воды и воздуха. Там и сям среди равнины сохранились скалы в форме стен: воды, размывшие и унесшие все соседния вещества, не могли ничего поделать с этими валами из твердой лавы, которые до сих пор стоят, как свидетели древних извержений подземного очага. Эти базальтовые стены находятся преимущественно на северо-западном углу Декана, в соседстве городов Пуны и Назика и на отлогостях Бомбейской цепи Гатов; слои вулканического пепла, происходящего, без сомнения, из кратеров, открытых Кларком в Конканской равнине, тоже встречаются там чаще и достигают большей толщины, чем в других частях вулканической области. В этой местности был, без сомнения, главный центр вулканической деятельности: оттуда вылились потоки лавы в полкилометра толщиной, которые покрывают целую половину плоскогорья, спускаясь пологим скатом к Бенгальскому морю, но до сих пор на этой высокой равнине не нашли ни одного эруптивного жерла; правильная круглая впадина, которую наполняет озеро Лонар или Лунар, есть, повидимому, результат лопнувшего вулканического пузыря. Незначительность падения или ската, представляемого этими застывшими потоками, можно объяснить только чрезвычайно жидким состоянием лавы при выходе из верхнего отверстия кратеров. Некоторые геологи думали, что кажущаяся горизонтальность траппов происходит оттого, что они вылились из недр земли под давлением морских вод; но это мнение не может быть принято в виду того, что океанийские ископаемые до сих пор были найдены только в одном слое туфа, на берегу плоскогорья из лавы, которое господствует над устьями реки Годавери; везде в других местах органические остатки, растительные и животные, которые собраны в этих формациях, принадлежали к земным или

пресноводным видам[1]. Это в те времена, когда образовался мел, затем в эоценовом периоде, вылилась через трещины почвы эта громадная масса расплавленного вещества, такая масса, что для того, чтобы пролить ее, нужно было бы по меньшей мере столетие такой исполинской реке, как Амазонка.

Известно, что поверхность лав Декана, под влиянием атмосферных деятелей, разложилась на слои латерита, и что эта формация, увлекаемая водами, распространилась далеко за пределы вулканических потоков, в область гнейсов южной Индии. Эти пространства серой или красноватой земли, в которых вода мгновенно исчезает, словно в решете, вообще мало плодородны, и растительность представляет там богатство, могущее сравниться с растительностью Конкана или Бенгалии, только в лощинах, где скопился чернозем, образовавшийся из перегноя. Вдали от рек, плоскогорье почти не имеет лесов, и большинство деревянистых растений, деревья и кустарники, теряют листву с наступлением холодного времени года. Зимой эта часть Индии принимает серый или желтоватый колорит, как поля умеренной Европы; в начале жаркого сезона, до наступления дождей, вся местность кажется выжженною; тогда достаточно одной искры, чтобы воспламенить высокую сухую траву быстро разливающимся пожаром и покрыть горы огненным морем. Тем труднее завоевать эти возвышенные равнины для земледельческой культуры, что реки текут по большей части в глубоко врезывающихся в почву руслах, вследствие чего очень дорого стоит поднимать воду для орошения полей и садов: при том эти реки пересыхают или обращаются в незначительные мелководные потоки в период северо-восточного муссона, т.е как раз в то время, когда они были бы всего более необходимы. Но в западной области, там, где дожди выпадают в изобилии и где горные потоки не успели еще вырыть себе глубоких ущелий, простираются плодоносные пространства, известные в бассейне верхней Кистны под названием Карната, или «Черной Земли»[2].

Годавери—самая большая река Декана; длину её течения исчисляют в 1.445 километров, а её бассейн занимает огромную площадь, в 300.000 квадр. километров, пространство, равное двум третям Франции. Она берет начало в северо-западном углу нагорья, близ деревни Тримбак, всего только в 80 километрах от Аравийского моря. Простое подземное разветвление Ганга, по верованию благочестивых индусов, которые приходят купаться в её водах, почитаемых тоже священными, Годавери, называемая также Пурра-ганга и Вридда-ганга, наполняет сначала глубокий резервуар, затем, усилившись принятием в себя ручьев, спускающихся с Гатских гор, течет к востоку и юго-востоку, параллельно долине реки Тапти, но в противоположном направлении. Пройдя более половины своего пути, она соединяется с Пранхитой, которая приносит ей жидкую массу, более значительную, чем её собственная; как во многих других речных бассейнах, эти соединенные воды принимают имя не главного, а меньшего притока, и причина этого, как и в других подобных случаях, заключается в исторической важности долины, название которой одержало верх. Если Пранхита более обильный поток, благодаря Пайн-ганге, Варде, Вайн-ганге и другим рекам Нагпурского бассейна, то Годавери, «Кормилица коров», указывает дорогу, по которой следовали индусские переселенцы после того, как они проникли на плоскогорье через горные проходы, открывающиеся на юге от реки Тапти. Эта часть Декана есть первая местность, где поселились арийцы; быть может даже, они прибыли туда раньше, чем познакомились с Гангом[3].

Ниже слияния с Пранхитой, Годавери вступает в гористую область, которую она проходит рядом узких поперечных долин, чередующихся с равнинами. В этой части своего течения она принимает в себя многоводную реку Индравати, прославившуюся своим каскадом (около 30 метров высоты), который принадлежит к числу красивейших водопадов Полуострова, затем притоки Таль и Сабари, и пробивает последнюю цепь Восточных Гатов дефилеем, имеющим всего только 250 метров ширины в самом узком месте; но зато вода имеет

1 Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India".

2 Burnouf, „Nouveau journal asiatique", II; Lassen, „Indische Alterthumskunde".

3 Campbell, „Grammar of the Teloogoo language"; Lassen, цитированное сочинение.

в этом месте 37 метров глубины, а во время больших разливов она поднимается на 30 метров выше своего среднего уровня. В 1848 году река, говорят, достигла бреши холмов на высоте 60 метров (28 сажен) и переливалась в чужой бассейн, в бассейн реки Яракальва. По выходе из горных теснин, Годавери разливается широко в ложе, усеянном островами, затем, ниже Раджамагендри, делится на два рукава, которые красиво изгибаются один к северу, другой к югу, охватывая равнины дельты и несколько холмов, бывших островков, которые некогда были окружены водами моря; один исток или рукав, от которого теперь остались только следы, тек прежде к северу от холмов Раджамагендри и впадал в море на севере от Самалькотты[1].

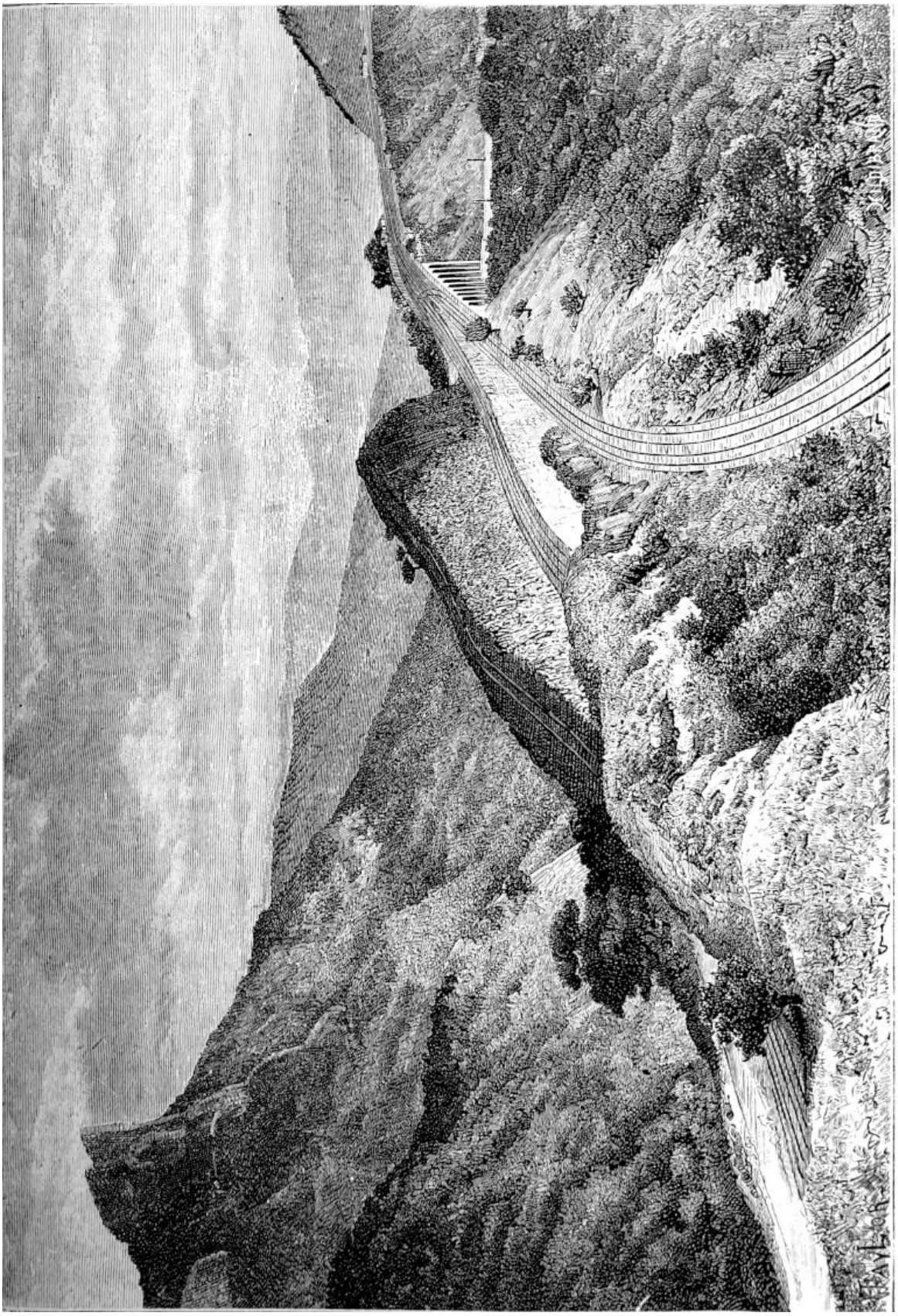
Южный рукав, до сих пор еще называемый именем, принадлежащим Будде, Гаутами, почитается самою священною из речных ветвей; через каждые двенадцать лет там справляется с большою пышностью Пуш-карам, привлекающий бесчисленное множество пилигримов со всех концов Индии. Так же, как Манга-Надди, Кистна, Кавери и все другие большие реки восточного берега, Годавери отложила свои наносы твердых веществ в виде обширного полукруга, далеко выступающего за нормальную линию берегов; захваты твердой земли в области океана, при устьях этой реки, простираются на пространстве, по меньшей мере, 4.000 квадр. километров; на северной оконечности дельты в собственном смысле, блуждающие реки, болота, гряды дюн, дороги обозначают прежния прибрежья, которые последовательно образовались, загибаясь все более и более к наростающему выступу земель. Правда, что, распространяясь таким образом все далее в область морских вод, новые земли, наносимые рекой Годавери, замкнули многочисленные равнины, еще не совершенно обсохшие; обширные болота, куда проникает морская волна во время бурь, окаймляют прибрежный пояс дельты. Даже большое озеро Колар (Колеру, Клугу), между Годавери и Кистной, есть, вероятно, бывший морской залив, отделенный от океана наносами соседних рек; это скорее болото, чем озеро; в сухое время года больше половины бассейна представляет сплошную топь; в период дождей, это—водная площадь, пространством около 250 квадр. километров; многочисленные острова, или *ланка*, укрепленные с большими издержками трудом земледельцев, поднимаются выше уровня разливов и мало-по-малу увеличиваются новыми землями; однако, почва Колара когда-то провалилась, если правда, что видны остатки поглощенных деревень в самых впалых частях озерного бассейна. С незапамятных времен прибрежные жители имели привычку, каждый год в эпоху разлива, открывать выходной канал, чтобы отбросить в море излишек пресных вод, затем снова выводили плотину, чтобы воспрепятствовать проникновению соленой воды. Теперь уровень озера регулируется шлюзом. Возделанные пространства по берегам Колара орошаются каналами, отведенными из Годавери[2].

Подчиненная тем же климатическим условиям, как Мага-Надди, Годавери тоже представляет в своем стоке огромные уклонения, смотря по времени года; в период разлива она катит громадную массу воды, доходящую до 40.000 кубических метров в секунду, но в сухое время года количество протекающей воды уменьшается до 60 куб. метров. Прибрежным равнинам Годавери, так же, как и местностям по реке Мага-Надди, угрожают то наводнения, то засуха; однако, эти бедствия случаются здесь реже, по причине меньшего протяжения и более крутой покатости дельты; истечение вод и ирригация здесь сравнительно легче. Сделаны большие искусственные сооружения для урегулирования течения и уравнения, по возможности, массы воды, катимой в разные времена года; в низменных местностях на обоих берегах построены боковые земляные насыпи или валы; у вершины дельты, в месте бифуркации, близ деревни Даолешварам, поперечная плотина имеющая более 4.000 метров длины, 4 метра высоты и 40 метров ширины при основании, поднимает уровень вод, чтобы распределить жидкую массу по обширной сети каналов, общая длина которой составляет 850 километров и которая почти вся может служить для целей судоходства; годовое движение, происходящее

1 King, „Memoirs of the Geological Survey of India", vol. XII, part. 3.

2 W. W. Hunter, „Orissa".

в самой дельте и по линии водяных путей, соединяющих ее с Кистной, превышает 50.000 судов[1]. Выше запруды, Годавери судоходна, по крайней мере, впродолжении четырех месяцев полноводья; но обыкновенно она служит только для сплава бревен. Канализационные рабо-



Желѣзная дорога близъ Кандала.

ты, предпринятые с целью установить постоянное сообщение через реки Годавери, Пранхиту и Варду до Хингангата, главного рынка центральных провинций по торговле хлопком,

1 Morris, „The Godavery district"

должны были быть оставлены; вывоз этого продукта производится теперь по железной дороге: вместо того, чтобы отправлять в Коконаду, порт на нижней Годавери, хлопок посылается в Бомбей.

На севере от устьев Годавери встречаются только незначительные горные потоки, получающие начало на склоне восточных Гатских гор; но километрах в ста к югу течет другая большая река, почти равная ей и образующая дельту, кривая которой следует непосредственно за дугой Годавери. Кистна, или Кришна, пересекает, так же, как Годавери и Кавери, всю ширину Полуострова; она берет свое начало близ Магабалешвара; небольшого восхождения достаточно, чтобы подняться от истока на высокий мыс, откуда видно, в расстоянии 64 километров, Аравийское море. Хотя менее чтимая, нежели другие реки Декана, Кистна тоже считается священным потоком, несущим божественную влагу, и её исток, прикрываемый храмом в честь Магадео (Великого бога), льется из грифа, изваянного в форме коровьей морды. В первой части своего течения Кистна спускается на юго-восток, следуя вдоль цепи Гатских гор, затем принимает среднее восточное направление, убегая крутыми поворотами по дну узких долин; течение её прерывается в разных местах порогами, и при входе её в Гайдерабадскую территорию, катаракты, общее падение которых 124 метра, следуют один за другим на пространстве 5 километров; но там река еще не сформировалась; она еще очень бедна водой впродолжении части года, и её каскады представляют простые струи, скользящие по стенам гранитных скал. Ниже водопадов, Кистна соединяется с Бимой, или «Грозной», питаемой источниками, вытекающими из северной части Гатских гор, затем с Тунга-Бадрой, образующейся из слияния двух рек этого имени, «Высокой» и «Счастливой», которые берут свое начало в лесах Канары и Майсура. Ниже впадения этих рек, Кистна не получает ни одного сколько-нибудь значительного притока; она пробивает цепь Восточных Гатов, затем вступает в равнины прибрежья, которое она постоянно увеличивает своими наносами на счет моря. Её дельта, менее широкая, чем дельта Годавери, выдвинулась далее в область вод, отклоняемая к югу длинным откосом извержения, который образовали наносы северной реки.

Кистна почти пе приносит никакой пользы для судоходства; единственные лодки, которые встретишь в наибольшей части её течения,—это бамбуковые плоты, покрытые кожами. Протекая в русле, очень глубоко врезанном в почву, она почти совершенно потеряна и для орошения прибрежных местностей; но резервуары верхней Бимы служат для снабжения водой города Пуны, а в долине соединенных рек Тунга-Барда прорыты каналы. При начале или вершине дельты устроена запруда, подобная поперечным плотинам на реках Мага-Надди и Годавери, которая задерживает массу вод, для того, чтобы регулировать сток и распределить ее по оросительным каналам; общая длина ирригационной сети превышает 400 километров и оплодотворяет слишком 90.000 гектаров (82.350 десятин) земли.

Длина течения Кистны—1.280 километров: площадь её бассейна—240.000 квад. километ.; дебит во время полноводья—33.620 кубич. метр. в секунду, во время мелководья—32 куб. метр. в секунду.

Вершина дельты—единственная область бассейна Кистны, где поток утилизируется систематически для мелиоративных целей; но как ни мало полезна эта река для своих прибрежных жителей в её верхнем и среднем течении, она, однако, имела весьма важное историческое значение, как путь, по которому происходило передвижение населений с запада на восток Полуострова. В южной Индии на Кистну смотрят как на срединную границу между двумя главными делениями страны; в соседстве Гатских гор она разделяет два пояса языков —арийский и дравидийский. Различные перемены в привычках и нравах указывают на первоначальный контраст между населениями, живущими к северу и к югу от этой реки. На севере крестьянские избы обыкновенно крыты соломой; на юге они оканчиваются террасами из битой глины[1].

На однообразной плоскости Деканского нагорья, где нет обширных лесов, болот и гор-

1 W. Hamilton, „Description of Hindostan"; Ch. Lassen. „Indische Alterthumskunde".

ных массивов, которые могли бы давать убежище диким населениям, почти все жители, каково бы ни было различие их происхождения, принадлежат к цивилизованным расам Индии. Некоторые племена биль и кочующие пастухи дангар, говорящие особенным наречием[1], живут на северо-западе Декана, в горах, господствующих над Аурангабадскою равниной; в лесах Восточных Гатов бродят хонды, в землях Джайпур и Бастар, к северу от Годавери.

Индусы-маратты, которые занимают всю северо-западную область Декана и границы которых на юге и на востоке почти совпадают с границами застывших потоков лавы,— единственные арийцы, поселившиеся целой нацией на плоскогорьях южной Индии. Их иммиграция восходит, вероятно, к очень отдаленной эпохе, судя по тому, что, рассматриваемые отдельно по кастам, они много разнятся от северных индусов. Маратские браманы, обыкновенно отличающиеся очень светлым цветом кожи, имеют, по большей части, нос слегка орлиный[2], и между ними много встречается индивидуумов с серыми глазами. Пришедшие, вероятно, с северо-запада, маратты оттеснили бильские народцы в окрестные горы, затем постепенно подвигались все далее и далее к югу, следуя вдоль восточной стороны Гатских гор в области истоков Годавери и Кистны. Некогда очень презираемые мусульманскими властителями страны, которые называли их «горными крысами», маратты не играли никакой роли в истории до половины семнадцатого столетия; но в эту эпоху они сделались довольно сильными, чтобы уравновешивать владычество магометан, и под предводительством неукротимого Сиваджи, успели основать могущественнейшее государство на Полуострове. Попеременно земледельцы и воины, они собирались бандами, верхом на маленьких лошадках, резвых, неустрашимых, легко дрессируемых, сохраняющих всегда хорошее тело, благодаря коровьему маслу, которое примешивали им в корм[3]; в один день маратты появлялись за сотню верст от места сбора; они внезапно опустошали неприятельскую провинцию, грабя города, уводя пленников, затем так же быстро рассыпались по своим крепким замкам или деревням, защищенные страхом, который наводило одно их имя; рядом с крутыми скалами, которые служили им притоном, на окраине Гатских гор, плодоносный пояс Конкана доставлял им в изобилии съестные припасы. Они проникали даже в долину Ганга; в 1742 году они разгромили Муршидабад, главный город дельты этой реки, и до сих пор еще показывают остатки «Маратского рва», выкопанного вокруг Калькутты для того, чтобы задерживать набеги этих страшных разбойников[4]. Сделавшись преобладающею державой со времени упадка империи Великих Моголов, маратское государство не сумело соединить туземные элементы в сплоченное национальное тело. Внутренние раздоры, жестокость и алчность их правительства скоро повлекли за собою их гибель; не будучи в состоянии оказывать сопротивление англичанам в правильной битве, они потеряли последовательно, одну за другою, провинции своей обширной империи, и теперь маратские князья, которые еще царствуют в Раджпутане, Гудзерате, Декане, обязаны своим скипетром единственно великодушию победителя. Последний потомок браманских министров, овладевших маратским королевским достоинством, был простым пенсионером британского правительства, и попытка приемного сына этого пешвы, Нана-Сахиба, восстановить туземное царство путем избиения или изгнания заморских завоевателей, как известно, не увенчалась успехом. Маратты, в числе около десяти миллионов душ, составляют теперь не более, как этнографическую группу, без действительной политической автономии, и рассеянную в различных административных областях и округах. Их язык, санскритского происхождения, делится на несколько наречий, как-то: кандеси в Кандеше, дашкини в Декане, гоадеси в Гоа, конкани на Конканском берегу; их словесность, употребляющая священное письмо нагари, есть одна из наименее богатых между литературами арийских идиомов. Вне маратской территории, вся область Декана при-

1 Mountstuart Grant Duff, „Notes of an Indian Journey".
2 Campbell. „Ethnology of India"; „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1866, № 2.
3 Perrin, „Voyage dans l'Indostan".
4 R. Temple, „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1882.

надлежит дравидийским народностям, которые говорят диалектами канари, телугу и тамиль[1].

Первый город на Сиркарском берегу, к югу от Ориссы, находится недалеко от озера Шилка, с которым он сообщается посредством каналов, часто заносимых илом, по которым тянутся длинными вереницами пилигримские суда из Джагганата. Ганджам, т.е. «Житница» или «Складочное место», был до 1815 года очень оживленным речным портом; он сохранил еще кое-какую морскую торговлю вокруг своих опустелых дворцов, но население, прогнанное маларией, ушло в большей части и направилось к новой столице края, к городу Бархампуру, построенному на скале, в 10 километрах от моря, и пользующемуся более здоровым воздухом. На юге, между постоянно волнующимся морем и дикою горою Магендра-гири, увенчанной сиваитскими храмами, открываются сиркарские «Фермопилы», горный проход, который многие завоеватели должны были форсировать, чтобы спуститься к Годавери или подняться в Бенгалии. Там находится общая граница двух семей языков, арийской и дравидийской: на севере говорят наречием урия, на юге наречием телугу. Гора Магендрагири, возвышающаяся на 1.490 метров над уровнем моря, представляет большие удобства для основания санатории, или летнего местопребывания; но в соседних городах число английских резидентов еще не велико, и потому они не могли бы дать достаточного контингента жителей для заселения этого горного города. Калингапатам, при устье реки Вамсадхара, сохранил имя древнего царства Калинга, существовавшего в буддийскую эпоху; под владычеством магометан, Калингапатам тоже был большой и цветущий город, как о том свидетельствуют остатки многочисленных зданий; теперь он, после периода упадка, снова поднимается, благодаря безопасности своей гавани, лучшей якорной стоянки на всем этом берегу протяжением около 600 километров; оттуда отправляются рис, сахар и другие произведения, привозимые из Парлакимеди и других внутренних городов. Чикаколе, или Срикакулам, в 25 километрах к юго-востоку от Калингапатама, стоит не у самого моря, а в расстоянии семи километров от морского берега, на реке Нагула; это промышленный город, ремесленники которого выделывают необычайно тонкую кисею.

Самый большой город Сиркарского побережья—Визагапатам (Визахапатням), город Визахи, индусского «Марса», храм которого был разрушен волнами моря; но верующие все еще приходят купаться на грудах камней, предполагаемых развалинах этого святилища[2]. Место якорной стоянки защищено с южной стороны мысом, известным у моряков под названием «Дельфинова Носа», и благодаря этому прикрытию, суда, вместимостью до 300 тонн, могут приходить сюда за грузами риса, сахара, табака, доставляемых из соседних местностей, где с каждым годом увеличивается площадь земель, занятых под культуру этих растений. В течение фискального 1876—1877 года движение судоходства в визагапатамском порте выразилось цифрою 834 судов, общая грузовместимость которых равнялась 747.000 тонн. Новое предместье Вальтер, где имеют пребывание европейцы, продолжает Визагапатам на северо-восток, вдоль морского берега; воздух там гораздо здоровее, чем в самом городе, в окрестностях которого, с западной стороны, простирается болото, еще не вполне ассенированное. Визагапатам славится в Индии и в Англии своими резными изделиями из слоновой кости, шкатулками, покрытыми накладным серебром, и другими предметами роскоши. В 28 километрах к северо-востоку находится город Бимлипатам, который можно рассматривать как торговый пригород Визагапатама; еще недавно это была простая рыбацкая деревня, но моряки нашли там большие удобства для причаливания и стоянки судов, чем в большей части гаваней этого берега, и с тех пор торговое движение сделалось там более важным, чем в Визагапатаме, если не по числу судов, то, по крайней мере, по ценности грузов (движение судоходства в Бимлипатамском порте в течение фискального 1875—1876 года: 218.020 тонн; ценность торговых оборотов: 9.617.275 франков). Торговля Бимлипатама производится пре-

1 Caldwell, „Comparative Grammar of the Dravidian languages“.

2 Carmichael, „Manual of the district of Vizagapatam“.

имущественно с Францией; он отправляет, главным образом, сахар, индиго, маслянистые семена. Эта область Сиркарского прибрежья принадлежала французам в течение нескольких лет в половине восемнадцатого столетия, и имена внутренних городов, Визианаграма и Боббили, напоминают военные экспедиции Бюсси: в крае до сих пор еще поют баллады на взятие города Боббили, которым овладел Бюсси, как союзник визианаграмского раджи. Гарнизон, после умерщвления женщин и детей, находившихся в крепости, тщетно пытался пробиться сквозь ряды французов и был весь перебит, отказавшись просить пощады у победителя. Только четыре человека избегли смерти: спрятавшись в чаще джунгля, они выждали удобную минуту, чтобы пробраться в палатку раджи, которого и закололи ударами кинжала, положив таким образом конец наследственному спору между двумя царскими фамилиями.

В бассейне собственно Годавери нет городов, равных по важности Нагпуру, цветущему городу, где сосредоточилось главное движение центральных провинций Индии. Назик, лежащий в северо-западном углу Деканского плоскогорья, на обоих берегах нарождающейся Годавери и недалеко от спуска из ущелья Тальгат к равнинам Конкана, появился уже в отдаленные времена, благодаря горному проходу, порогом которого он командует, но он, кажется, никогда не был многолюдным городом; бесплодность окружающих местностей, возвышающихся, средним числом, от 400 до 700 метров над уровнем области прибрежья, и близость гористых стран, населенных дикими племенами, не позволили стране заселиться, как заселились низменности Гудзерата. Впрочем, Назик принимает очень оживленный вид в сезон паломничества, когда верующие приходят тысячами купаться в священных водах Годавери или посетить гроты Панду, с их древними буддийскими монастырями. Город имеет кое-какую промышленность, именно фабрикацию писчей бумаги и производство медных сосудов. Многие соседния станции на железной дороге служат постоянными рынками для продажи и отправки хлопка и хлеба в зерне, которые привозятся на телегах и вьючных волах из Берара и царства Гайдарабадского. Деолали, простая деревня, находится в соседстве с кантонир-квартирами, куда немедленно перевозят всех европейских солдат, по высадке их в Бомбейском порте, для того, чтобы они провели в здоровой местности первые месяцы своего пребывания в Индии, пока не привыкнут к новому климату.

Аурангабад, на небольшом северном притоке Годавери, не может похвастаться такою древностью, как Назик, так как основание его относится к первым годам семнадцатого столетия; но он многолюднее и имеет несколько замечательных памятников зодчества: таковы некоторые мечети, запасный водоем и в особенности мавзолей супруги Ауренгзеба, украшения которого, сделанные из мрамора, отличаются удивительным изяществом и тонкостью работы. В трех километрах к северо-востоку, в центре полукруга холмов, имеющих около 150 метров высоты, открываются пять буддийских гротов, которых изваяния, барельефы, колонны представляли бы неоценимый клад для археологов, если бы в соседстве не находились другие подземные святилища, гораздо более богатые памятниками античного искусства. Даулатабад, в 13 километрах к северо-западу, расположен у подошвы горы, на которой, господствуя над городом, высится цитадель грозного вида; эта крепость в 1338 году поднялась на степень столицы одного магометанского царства, и Могамед-шах-Туглак пытался даже, хотя и безуспешно, перевести туда население Дели. На дороге в Эллору находится могила императора Ауренгзеба, простой мраморный памятник.

Подземные храмы Эллоры (Эллуру, Веруль), иссеченные на западном фасе туфового плоскогорья, которое оканчивается круто обрывающимся утесом, там и сям перерезанным оврагами и рытвинами и обставленным с боков откосами обвалов, следуют один за другим с севера на юг на протяжении около 3.600 метров. Чтобы исполнить подобные сооружения, нужно было собирать целые армии работников, не менее многочисленные, чем те, которые построили египетские пирамиды. Ряд этих пещерных пагод так обширен, что для полного осмотра его потребовалось бы несколько дней; в 1877 году, в некоторых храмах нашли берлоги кабанов, пантер[1]. Большинство посетителей ограничивается общим обзором фасадов

1 Eastwick, „Handbook for Madras“.

иссеченной скалы и заходит внутрь только в наиболее прославленные гроты. Южные пещеры, самые древние, были вырыты буддистами. В центре расположены подземные капища браманов, затем идут, на севере, святилища джайнов, более нового происхождения; таким образом, от тридцати до сорока больших пещерных храмов следуют непрерывным рядом один за другим, не считая искусственных гротов меньших размеров. Всего беднее украшениями пещерные кумирни буддистов, которым их религия внушала отречение от мира. Напротив, браманы хотели придать своим подземным галлереям блеск пагод, построенных в городах, на господствующих позициях. Один из их памятников, храм Кайлас, далеко превосходит все эллорские святилища красотой пропорций, оригинальностью и единством стиля, богатством скульптурных украшений. Это архитектурное чудо не простой кораблеобразный храм, иссеченный в скале; окружавший его камень был обрезан снаружи до открытого воздуха, так что здание совершенно выделилось, оставаясь все-таки заключенным как бы в колодце, образуемом вертикальными стенами. Кайлас—дравидийский храм, находящийся наидалее на севере из всех религиозных памятников Индии. Этот громадный монолит, имеющий 75 метров в длину, 45 в ширину и 30 в высоту, поддерживается рядами колоссальных фигур слонов, львов и символических животных, сгруппированных в разнообразных положениях. Все колонны обширной залы изваяны различными манерами; боковые преддверия украшены узорчатыми резными балконами, а над главным порталом возвышаются павильоны; бог Сива, в своей троичной форме (*тримурти*), царит в храме, но Вишну и другие браманские боги тоже представлены в лицах; целый мир фигур волнуется на стенах святилища. На сводах видны еще кое-какие остатки фресок[1].

Горы Аджанта, или Индгиадри, ограничивающие на севере Деканское плоскогорье, отделяя его от долины реки Тапти, заключают в себе другие священные гроты, почти столь же знаменитые, как и подземные храмы Эллоры, но гораздо реже посещаемые, по причине их отдаленности от больших городов, а также и по причине серьезной опасности, которой подвергаются посетители со стороны роев диких пчел, гнездящихся в углублениях скалы. Подземные галлереи, вырытые в траппе, открываются на вогнутой стороне почти вертикальной стены, у подошвы которой течет ручей Вагара; насупротив, высятся другие кручи: мы находимся в овраге, оканчивающемся выступом скал, с высоты которого река спускается рядом каскадов, из которых последний, седьмой, имеет 30 метров падения. Большинство священных гротов были *вихара*, или монастыри, имевшие изваяния только у входных дверей и окон и содержавшие во внутренности храма одну только статую Будды, поставленную на алтаре; кельи—это простые ниши, иссеченные в скале вокруг залы. Храмы, или шайтиа, более богаты украшениями; но что придает величайший интерес и особенную цену религиозным памятникам Аджантских гор, так это произведения живописи, остатки которых еще видны на стенах и сводах святилищ; принадлежа к различным эпохам, от второго столетия старого летосчисления (т.е. до Р. Х.) до седьмого века новой, христианской эры, фрески эти свидетельствуют о некоторых анатомических познаниях и о верном чувстве соразмерности; они изображают не только религиозные и символические сюжеты, но также сцены из общественной и домашней жизни, охоты, битвы, процессии, свадебные и похоронные церемонии, представляют работников и ремесленников за их различными работами, женщин, занимающихся своим хозяйством; словом, вся внутренняя жизнь, весь социальный быт буддийский Индии, какою она была за две тысячи лет до нашего времени, развертывается перед глазами зрителя; судя по этим картинам, индусы обладали тогда лишь очень малым числом разного рода оружия, оборонительного и наступательного. Аджантские гроты, представляющие обширный музей, заключают в себе всю историю буддийского искусства, с того времени, когда монахи удалялись в глубину пещер, едва расширенных железом, до тех веков, когда, уже более чем на половину браманизированные, они обращались ко всем ресурсам живописи и скульптуры для украшения своих храмов[2]. В 40 километрах к югу, на дороге в Джальну,

1 Fergusson and Burgess, „Cave Temples in Western India“.

2 Burgess and Fergusson, „Cave Temples of India“; A. Grandidier, „Tour du Monde“, 1869, deuxieme semestre.

главный город Гайдарабадского царства, состоящий под наблюдением квартирующего там английского войска, находится знаменитое поле сражения при Асай (Assaye), где было сокрушено, в 1803 году, могущество мараттской конфедерации.

Ниже Назика, Годавери, текущая в глубокой, размытой водами долине, имеет мало городов на своих берегах или на соседних холмах, и все существующие там города, Така, Пайтан, Патри, Нандар, Нирмаль, Джаунур, имеют незначительное население; но в бассейне этой реки, на холме, господствующем над долиной Манджеры, стоит старинный город Бидар, бывший, до половины шестнадцатого столетия, столицей одной магометанской династии и еще защищенный каменными стенами и цитаделью с 72 бастионами. Сохранившиеся доныне прекрасные здания свидетельствуют о былом богатстве Бидара, и его ремесленники, унаследовавшие от предков одну специальную промышленность, некогда очень деятельную, еще обладают секретом приготовления так называемого «бидарского металла»,—сплава из меди, свинца, олова и цинка,—который употребляют на драгоценные украшения, увеличивая их достоинство прибавкой золота или серебра.

Сиронча, расположенный на холме, господствующем над слиянием двух больших рек, Пранхиты и Годавери. походит скорее на деревню, чем на город, несмотря на свое счастливое местоположение. На юге, Варунгул, бывшая столица талинганской династии, еще до сих пор окружен двойною оградой каменных стен и рвом, имеющим слишком 9 километров в окружности; немногочисленные поселяне, нынешние обитатели города, живут словно затерянные среди этой обширной древней крепости[1]. Точно также, в долине притока Индравати, город Джагдальпур, или «Новый Бастар», столица бедной земли Бастар, горы которой, вероятно, будут современем усеяны «летними городами», или санаториями, представляет теперь лишь скопление полуразвалившихся глиняных хижин. Джайпур, другая столица туземного государства, имеет более важное значение; но, за исключением дворца раджи и десятков пяти пагод, все остальные строения её тоже состоят из жалких лачуг. Чтобы увидеть настоящие города, нужно спуститься в область дельты. Раджамагендри, бывшая столица туземного царства, расположенная на левом берегу главной реки, выше бифуркации,—самый красивый и один из наиболее промышленных между этими городами. Его дома, живописно окруженные пальмами и другими тропическими деревьями, тянутся непрерывным рядом вдоль берегов Годавери, на пространстве нескольких верст; реставрированная крепостца, занятая синаями, господствует над городом и над рекой, которая в этом месте раздвинулась на три километра в ширину; паровой паром перевозит пассажиров с одного берега на другой. Раджамагендри в былое время пользовался большой славой за произведения его кисейных фабрик; теперь его мануфактуры выделывают скатерти и разные другие ткани того же рода; в соседстве недавно основан обширный сахарный завод. Кроме того, служба на шлюзах, при запруде у Даоэшварама, в семи километрах ниже по течению, дает занятие многим сотням рабочего люда.

Порты дельты Годавери, с которыми Раджамагендри сообщается посредством судоходных каналов, все неудобны и опасны. Коканада, самый оживленный из этих портов, лежащий на северной стороне северного рукава Годавери, составляет один город с старинною голландскою факториею Джаганадпур; он экспортирует хлопок, рис, сахар, маслянистые семена, а табаки его остаются лучшими во всей Индии. Движение судоходства, в Коканадском порте в течение 1874—1875 года: 500.000 тонн грузов; ценность торговых оборотов: 25.382.500 франков. Южнее, Коринга, которая сообщается с Годавери посредством болотистого рукава, была некогда, как и голландский город, важнейшим торговым городом всего этого прибрежья; в Бармании и в других областях Индо-Китая жителей из племени телугу и теперь еще обыкновенно называют корингами, по имени города, откуда прежде выходили эти эмигранты; корингские мореходы, плавающие на мелких судах, поднимающих небольшой груз, до сих пор ведут торговлю с Барманией. Вдоль рукава, соединяющагося с Годавери, расположены кораблестроительные верфи, между городом Коринга и французской

1 King, „Memoirs of the Geological Survey of India“, vol, XVIII, part. 3.

конторой Янаон, единственным остатком завоеваний, совершенных французами Дюпле и Бюсси в области Сиркарского побережья. Эта анклава Янаон, занимающая на берегу северной Годавери пространство в 1.429 гектаров, населенное несколькими тысячами индусов, не имеет почти никакой торговли, будучи отделена от моря низкими и изменчивыми водами, по которым суда не отваживаются плавать. На южной ветви Годавери находится другой, пришедший в упадок, город, теперь бедная рыбачья деревня: это Мадаполам, имя которого до сих пор еще дается, в торговле, одной бумажной ткани (род крепкого и глянцовитого коленкора). В 1789 году, вся эта местность была затоплена тремя последовательными громадными валами, которые гнал страшный циклон, и жители дельты потонули десятками тысяч. Корабль «Le Levrier» был перенесен волнами за милю от Коринги внутрь материка[1].

Важнейшие города Северного Сиркара и бассейна Годавери:

Английские владения: Визагапатам—32.200 жителей; Визианаграм—22.600; Назик—21.850; Бархампур—21.650; Раджамагендри—19.700; Коканада—17.850; Парда-Кимеди—15.950; Чикаколе—15.600; Боббили—14.150 жителей.

Туземные государства: Аурангабад—20.500 жителей; Бидар—40.000 (?); Джальна—15.000 (?); Джайпур—9.250; Джагдальпур (Бастар)— 3.000 (?) жителей.

Французские владения: Янаон—5.000 жителей.

Городские поселения более многочисленны в бассейне Кистны, нежели в бассейне Годавери. Пуна, маратгский город, господствующий над областью истоков реки Бимы, есть один из больших городов Индии, особенно в летний сезон, с июля до ноября, когда он делается временной столицей Бомбейского президентства, а некоторые из правительственных учреждений провинции имеют там свои канцелярии постоянно. Прежде чем сделаться главным городом английского округа, Пуна был резиденцией маратгских владык (пешва), и, как таковой, центром промышленности во всей северной области нагорья; его ремесленники обрабатывают шелк, хлопок, металлы, слоновую кость, и теперь еще его мастерские поставляют бомбейским купцам различные предметы роскоши, но английская конкурренция окончательно лишила индусский город прежней его промышленной монополии. Тем не менее, Пуна быстро растет, как пункт соединения торговых дорог и место отправки земледельческих произведений и других товаров; большое число маратгских негоциантов, считая еще этот город своей столицей, поселяются в нем на постоянное жительство после того, как наживут состояние. Построенный на правом берегу реки Муты, на высоте 563 метров, Пуна находится под наблюдением английского военного города, который расположен к северу от туземного города, но и сам в большей части населен индусами; европейские виллы и публичные сады и парки занимают почти все пространство, отделяющее Пуну от Кирки, другого значительного городского поселения, в соседстве которого тоже расположены английские кантонементы. Еще недавно равнина, где построены эти два города, была почти без деревьев; теперь она осенена, особенно по берегу рек и речек, плантациями аравийской акации (acacia arabica), или *бабула*. Пуна и Кирки в изобилии снабжены водой с тех пор, как Мута остановлена выше этих городов запрудой, которая задерживает течение в резервуаре, пространством в 14 кв. километров, и регулирует сток впродолжении всего года. От маратгской эпохи Пуна сохранил любопытные раскрашенные дома, храмы, и на холме Парвати, возвышающемся на западной стороне города, дворец прежних властителей (пешва), окруженный рощами «Алмазного сада». К северу от этого города находится священное место, где соединяются две реки—Мута и Мула; до декрета лорда Бентинка, изданного в 1829 году, здесь вдовы добровольно сожигали себя на трупе мужа; в наши дни пламя погребальных костров пожирает лишь мертвые тела.

Близ железной дороги из Пуны в Бомбей и недалеко от подъема в проход Бор-гат находятся священные гроты Карли, гораздо чаще посещаемые верующими, чем Эллорские и Аджантские пещеры, благодаря легкости доступа, вследствие удобства сообщений. Главный

1 L. de Grandpre, „Voyage dans I'Inde et an Bengale".

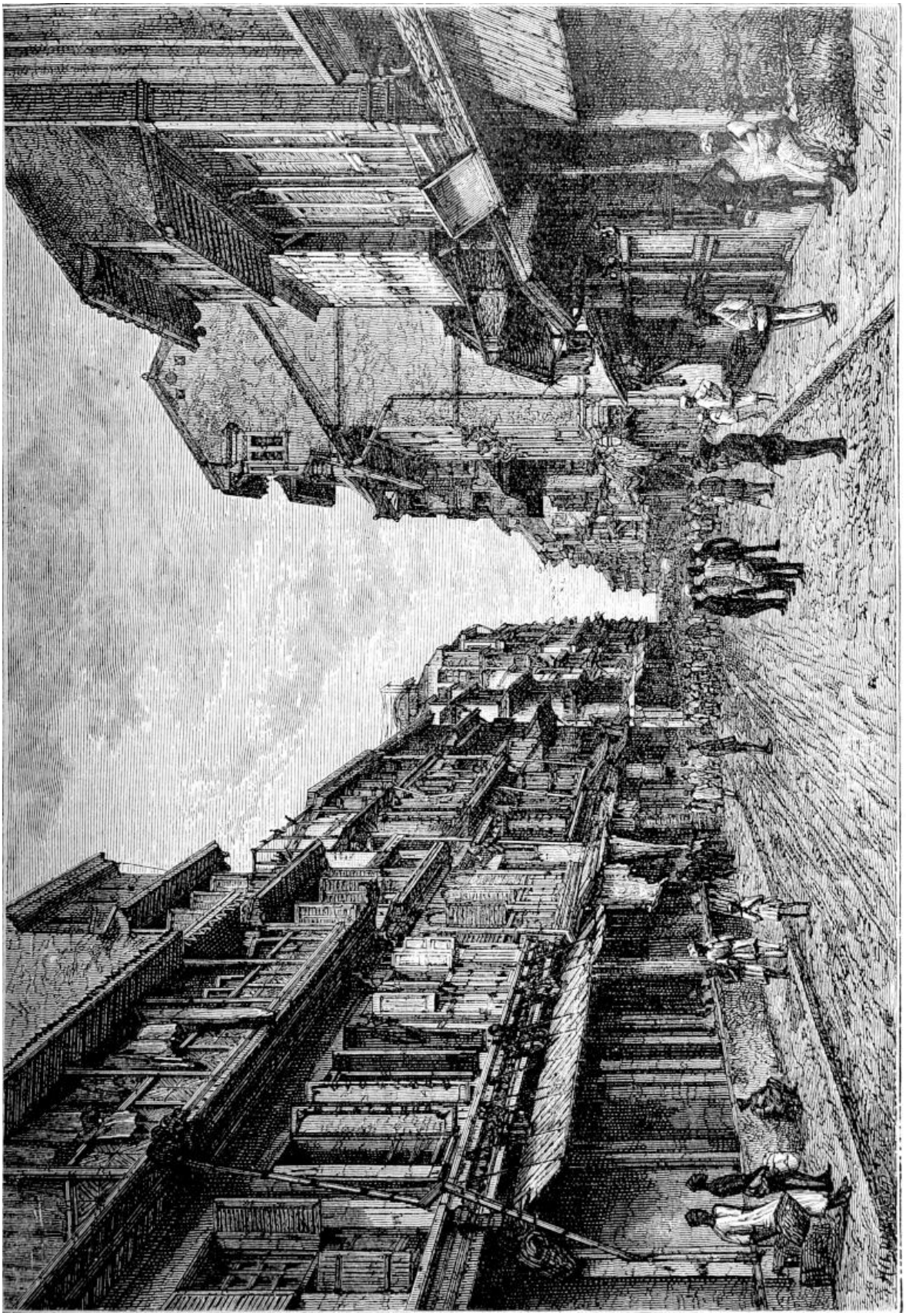
храм, или шайтиа, самое полное и самое красивое подземное святилище, какое существует в Индии, открывается на половине высоты на боку холма: храму предшествует грандиозная паперть, пропускающая свет во внутренность святилища через широкое отверстие или дверь со сводом; узорчатые резные балконы и барельефы украшают стены этого преддверия, а три огромных слона, иссеченных в живой скале, как бы поддерживают на своей спине всю тяжесть горы. Эта пагода, отличающаяся простотой и величавостью своих размеров, очень походит на христианскую церковь: свод, скрепленный балками из текового дерева, теряется во мраке; справа и слева пятнадцать восьмиугольных колонн отделяют среднее пространство храма от нижних сторон, и капители этих колонн увенчаны изваяниями, представляющими слонов, лошадей, людей в различных позах; в глубине подземелья находится сводообразная ниша, где алтарь заменен дагобой, увенчанной священными орнаментами. Надпись на паперти приписывает сооружение этого подземного храма одному царю, жившему почти за две тысячи лет до нашего времени.

На севере от Пуны, город Джунар расположен недалеко от крутого обрыва Гатского хребта, у подошвы величественной горы, на верху которой стоит старинная крепость, где родился знаменитый Сиваджи, основатель маратской державы; этот город тоже имеет памятники древности, относящиеся, вероятно, к буддийской эпохе: это лестницы с колоннадами, спускающиеся к глубоким источникам. Ахмеднагар, город мусульманского происхождения, построенный на месте древнего Бингара, замечателен своею крепостью, построенною в течение пятнадцатого и шестнадцатого столетий, и своими мечетями, которые теперь превращены в жилые дома европейскими резидентами. Шолапур, главная станция между Пуной и Гайдарабадом, не имеет замечательных строений, но зато он сделался важнейшим промышленным городом плоскогорья, благодаря обширному ткацкому производству, дающему занятие пяти тысячам рабочих. Он ведет большую торговлю, так же, как и город Пандгарпур, на реке Бима, одно из святых места», наиболее посещаемых пилигримами и торговым людом, собирающимся на происходящие здесь обширные ярмарки; вследствие стечения массы народа, Пандгарпур в прежнее время был гнездом и рассадником холеры, откуда зараза распространялась по всей стране. Кальбаргах, стоящий, как и Шолапур, при железной дороге из Бомбея в Мадрас, но к северу от долины реки Бимы, есть между городами магометанского основания один из самых богатых архитектурными достопримечательностями. Как бывшая столица Декана, Кальбаргах заключает в себе гробницы многих царей четырнадцатого и пятнадцатого столетий, а также старинные мечети, из которых одна есть единственный в Индии мусульманский храм, где передняя ограда совершенно крытая, для того, чтобы верующие находились под кровом. Крепость, возвышающаяся в 2 километрах от города на крутой скале, представляет теперь обширную груду развалин, среди которых приютилось несколько хижин, и где пантеры тоже находят себе логовище[1].

Сатара, метрополия возвышенных долин Кистны, занимает положение, сходное с положением Пуны, близ окраины Гатских гор. Она тоже была одним из укрепленных мест маратской конфедерации, и даже, своим именем Сатара, означающим «Семнадцать», обязана семнадцати бастионам, которые ее защищали. Под английским господством, этот город получил важное торговое значение, благодаря своему положению при больших дорогах, соединяющих его с Бомбеем и с другими городами Декана; но он еще не связан с сетью железных путей; многочисленные параллельные отроги, которые смыкаются оконечностями и образуют краевую цепь Гатских гор, препятствовали постройке рельсового пути, соединяющего, по направлению с севера на юг, города Западного Декана. В Сатарском округе находится, на высоте 1.437 метров над уровнем моря, Магабалешвар, самый многолюдный «летний город» во всей области Гатских гор. Весной сюда переселяются на дачу большинство высших чиновников из Бомбея; но как только наступает муссон, приносящий целые потоки дождя на склоны гор, толпа временных жителей поспешно удаляется в Пуну. В сухое время года Магабалешвар представляет приятное местопребывание: публичные сады и бульвары пересе-

1 Eastwick, „Handbook for Madras"

каются на самом краю плоскогорья, откуда гуляющие видят у себя под ногами равнины Конкана и, в отдалении, серебристую поверхность моря. Магабалешвар был основан, как санаторий, в 1828 году, бомбейским губернатором Малькольмом, по имени которого одна из



Улица въ туземной части Бомбея

деревень этой летней станции называется Малькольмпет. В небольшом расстоянии к востоку находится, среди густой зелени, священное место, где бьет из земли ключ, составляющий исток Кистны. Над этим священным источником возвышаются храм Магадео (Великого Бога),

посещаемый многочисленными пилигримами, и другое, более величественное капище, посвященное Ганесе, или Гангути, богу Мудрости. Город Вай, построенный близ истока Кистны, есть главное сборное место верующих. На севере и на западе, на скалах, отделенных от гребня Гатских гор, стоят крепкие замки, прославившиеся как цитадели мараттов,—Раджтар, Торна, Партабгар и Райтар, местопребывание Сиваджи[1].

Кольгапур, другой маратгский город, лежащий на одном из притоков Кистны, недалеко от бреши Гатских гор, через которую проходит дорога, спускающаяся к порту Ратнагири, не состоит под непосредственным управлением англичан; это столица вассального царства, вокруг которого группируются одиннадцать княжеств, или менее важных ленов. В этой области Декана нет ни одной цепи холмов, ни одного уединенного пригорка, где не стоял бы крепкий замок, из которых иные не менее грозны, чем крепости Раджпутаны. В 15 километрах к северо-западу, один из этих старинных замков или, вернее сказать, обширный укрепленный лагерь, окруженный каменными стенами и пропастями, занимает вершину плоскогорья: это крепость Пуналла. Укрепленный город Визальгар еще живописнее расположен на утесе внешнего края Гатских гор. В этом месте, совершенно отделенный отрывок гор высится в виде островообразного массива; между этим уединенным массивом и нагорьем остался трехугольный мыс из лавы, соединенный с Деканом простой стеной, вдоль которой с той и другой стороны идут глубокия пропасти; эта стена и есть единственная дорога, дающая доступ к городу, дома которого скучены в ограде, построенной на окружности мыса. Маленький владетельный князек, царствовавший в Визальгаре, покинул свое орлиное гнездо и переселился в город Малькапур, на плоскогорье[2].

Город Бельгаом, лежащий к югу от чрезполосных владений Кольгапур, на одном маленьком подпритоке Кистны, получил в эти последние годы большую важность по причине расположенного в нем сильного гарнизона, который из этого центрального пункта наблюдает за различными туземными государствами и за португальскими владениями Гоа. Эти бельгаомские кантонементы, между прочим, всего более способствовали развитию торговли порта Вингорла, на Конканском берегу. Эта область Декана усеяна городами более многочисленными, чем сколько их встретишь, на одинаковом пространстве, в большей части других местностей нагорья; поля, засеянные хлебом, и плантации хлопчатника покрывают обширные пространства чернозема, преимущественно к юго-востоку от Бельгаома, вокруг городов Дарвара и Губли. Первый из этих городов, Дарвар, замечателен только как административный центр округа; в промышленном же и торговом отношении гораздо более важное значение имеет Губли, состоящий из двух городских поселений, разделенных ручьем, который спускается к западному морскому берегу через реку Гангавали. В этом месте порог, образующий водораздельную возвышенность между двумя покатостями Полуострова, представляет совершенно правильную равнину, и ни один город не занимает более выгодного положения, как сборное место для торгового обмена. Губли еще не связан с сетью железных дорог Индии, но на картах он является как один из главных центров будущих пересечений рельсовых путей. Город Гудук, на востоке,—тоже значительный рынок, привлекающий большое число покупателей хлопка.

К востоку от долин и равнин Западного Декана, где вода течет в количестве, достаточном для орошения полей, почва становится все менее и менее плодородною, деревни и нивы встречаются все реже и реже; во многих местах нагорья путешественник видит лишь бесплодные пространства красноватой земли, усеянные камнями; группы жилищ, обведенные стенами из битой глины, которые защищали поселян от набегов разбойников, не отличаются от окружающих пустынь. Неурожаи с их неизбежным следствием, голодом, часто постигали этот край и один из таких неурожаев, продолжавшийся целые десять лет сряду, с 1396 по 1406 год, превратил страну почти в безлюдную пустыню. Бесхлебица 1876 и 1877 г.г., хотя и не столь ужасная по своим размерам, как сейчас упомянутое бедствие, произвела, однако,

1 Richard Temple, „Proceedings of the Geographical Society of London", aug. 1872.

2 Eastwick, „Handbook for Madras".

сильное опустошение среди местного населения; в округе Каладжи пятая часть жителей погибла голодною смертью, а оставшиеся в живых впали в крайнюю нищету, сделались самыми бедными между крестьянами Индии. Покинутые жителями деревни скоро превращаются в простые кучи глины, но местами видны еще остатки городов, памятники которых свидетельствуют о прежнем процветании. Так, Биджапур, еще окруженный могучими стенами из лавы, сохранил на своем холме бесчисленные мечети, дворцы, мавзолеи, поражающие необыкновенным изяществом стиля: один из его куполов, самый обширный на всем Полуострове, мало имеет равных даже в Европе. Около двухсот лет тому назад, Ауренгзеб овладел Биджапуром, и с того времени этот город, не уступавший великолепием Агре и Дели, мало-по-малу сделался «городом мертвых»; впрочем, он еще заключает в своей ограде несколько деревень, пруды, базар. К югу от округа Каладжи находится другой, пришедший в упадок, город, Гампи или Биджанагар (Виджаянагар), индусская столица, стоявшая на южном берегу реки Тунга-Бхадра, где теперь существует лишь несколько деревушек, разбросанных на огромном пространстве 24 квадр. километров, покрытом развалинами гранитных храмов и дворцов: повсюду видны только груды мусора, столбы, стоящие или поваленные на землю, порталы или изваяния. Некоторые пагоды пощажены временем, равно как различные части городской ограды циклопического вида, но никто не думает вновь строить дома на месте исчезнувшего города, хотя окружающие земли плодородны, и река приносит в изобилии воду, необходимую для орошения полей. Итальянский путешественник Николо ди-Конти, посетивший Биджанагар в пятнадцатом столетии, дает ему шестьдесят миль в окружности. «Биджанагарский государь, превосходивший могуществом всех других царей Индии, —говорит этот путешественник,—имел сто-тысячное войско и двенадцать тысяч жен, из которых четыре тысячи заведывали его кухней, другие четыре тысячи должны были сопровождать его на конях, в виде почетной свиты, а остальные четыре тысячи были носимы за ним в паланкинах. Когда он умирал, две тысячи избранных жен добровольно предавали себя самосожжению на его могиле»[1]. В крае находят большие количества венецианских золотых монет, свидетельствующие о важности, какую имела некогда торговля Венеции с южной Индией, неизвестной остальной Европе[2]. В настоящее время Биджанагар имеет значение только как святое место, куда приходят пилигримы. Население Гампи постепенно ушло из него, направляясь на юго-запад к Госпету, или «Новому Городу», конечной станции железной дороги, и на восток к Баллари (Беллари, Валагари), торговому городу, над которым господствуют два яруса укреплений и который соединен ветвью рельсового пути с мадрасскою сетью. Англичане сделали из него первоклассную военную станцию.

Ниже Биджанагара, река Тунга-Бхарда служит границей между английскою провинцией Мадрас и Гайдарабадским царством, и вплоть до своего слияния с Кистной она не имеет на своих берегах ни одного города, кроме Карнула, остающагося почти без всякого сообщения с остальным краем; во время голода 1877 года подвоз продовольствия в этот город был весьма недостаточен, вследствие чего смертность там увеличилась слишком в три раза против обыкновенной цифры. Торговое движение направилось к станциям поперечной железнодорожной линии из Бомбея в Мадрас, к Гутти, Адони, Райджуру. Между этими двумя городами рельсовый путь проходит через реку Тунга-Бхарда по мосту о 53 пролетах, имеющему общей длины 1.130 метров. Алмазные прииски в окрестностях Карнула разрабатываются теперь лишь в немногих местах, близ Банаганпили и Рамалькоты. Эти копи были часто посещаемы со времени путешествия Таверньe; в то время там находили камни ценностью до шестнадцати тысяч экю, и целые колонии гранильщиков поселились тогда в соседстве приисков. В наши дни эти прииски приносят уже скудные доходы навабам или набобам края, хотя плата рабочим не превышает пятнадцати сантимов и порции риса в день[3].

Резиденция низама, Гайдарабад, расположенная на реке Мути, одном из северных при-

1 Angelo de Gubernatis, „Storia dei Viaggiotori italiani nolle Indie Orientali".

2 Textor de Ravisi, „Congres des Orientalistes", Lyon, 1878.

3 King, „Memoirs of the Geological Survey of India"; V. Ball, „Diamonds, Coal and Gold of India".

токов Кистны, соединена с сетью железных дорог Индии. Этот город, столица самого большего медиатизированного царства, существование которого еще терпимо англичанами, есть самый многолюдный центр населения вне их непосредственных владений; число жителей в городе и его предместьях, которые тянутся на несколько километров, превышает 400.000; дома города с предместьями покрывают пространство слишком в 27 квадр. километров. Ограда с пятью воротами отделяет город от его предместий, но и сама равнина, по крайней мере, большая часть её, окружена хаотически расположенными гранитными скалами, образующими естественный оплот, который часто защищал Гайдарабад от нападений мараттов; там и сям каменные глыбы нагромождены одна на другую кучами причудливой формы, как будто какие-то гиганты забавлялись тут детскими играми; между этими грудами гранита, бесплодная почва покрыта чащей джунгля: в некоторых местах каменистый пояс имеет не менее 30 километров в ширину и составляет пустынную «мархию», или украину, где неприятели не находили для себя никаких ресурсов при вторжении в страну. Эта естественная ограда из гранитных скал облегчила устройство озерных резервуаров в Гайдарабадской равнине; один из этих бассейнов, тот, который снабжает город водой, имеет площадь около 4.000 гектаров.

Дворец низама представляет собрание низеньких построек, в которых живут около 7.000 человек прислуги и солдат; эти последние—по большей части афганцы и арабы, потомки воинов, сопровождавших своих мусульманских повелителей; отряд амазонок занимает почетное место между войсками гвардии низама. Главная достопримечательность дворца—это его террасы, откуда можно обозревать весь город, с его садами и многочисленными мечетями, между которыми замечательны «Мекская» мечеть,—прозванная так по причине предполагаемого сходства её с святилищем арабского города,—и Чар-Минар, или «Четыре Минарета», возвышающиеся на аркадах, при пересечении двух главных улиц. Великолепный дворец английского резидента, защищенный бастионами, расположен за городом, посреди роскошного парка; кроме того, британский представитель имеет в Болараме, в 16 километрах к северу от Гайдарабада, замок, не менее хорошо защищенный от всякого нападения. Между двумя дворцами тянутся обширные Сикандарабадские кантонементы, самый сильный военный пост англичан в Индии; они покрывают пространство в 50 квадр. километров, заключающее в своей черте один торговый город и несколько деревень. В самой сильной позиции кантонементов построен укрепленный окопами лагерь, расположенный таким образом, что может служит безопасным местом убежища проживающим в резиденции европейцам, и снабженный водой и запасом продовольствия, достаточным для годовой осады. Вообще, англичане позаботились о том, чтобы их авторитет не мог пострадать от соседства туземного властителя.

Древняя столица царства, Голконда, находится на запад от Сикандарабадских кантониментов и на северо-запад от Гайдарабада; от неё остались только развалины да постройки крепости. Голконда расположена среди хаоса гранитных скал, «груд обломков,—говорит легенда,—которые побросал великий Зодчий вселенной, когда он кончил строить горы»[1]. Между всеми этими скалами огромная глыба гранита, высотой в 80 метров, на которой высятся черные стены цитадели и которую окружают мавзолеи, имеет вид некрополя; мертвая тишина воцарилась на месте пышного города, имя которого еще вызывает в уме представление о баснословных, неистощимых богатствах. До сих пор еще говорят об «алмазах Голконды», в воспоминание тех драгоценных камней, которые государи Декана в былое время накапливали в своей сокровищнице. Бадахшанские лазурики, туркестанские рубины, тибетские сапфиры (синие яхонты), самбальпурские и карнульские алмазы, цейлонские жемчуги блистали тогда на одеждах и оружии магометанских владык, гробницы которых окружают теперь Голкондскую скалу. Эти надгробные памятники, реставрированные по приказанию низама, походят один на другой, если не размерами. материалом и богатством украшений, то, по крайней мере, общей формой. Все они занимают центр террасы, на которую ведет ряд ступе-

1 Eastwick, „Handbook for Madras".

ней, и все состоят из четырехугольной гранитной массы, окруженной мавританскими аркадами и уставленной по углам минаретами; посреди здания высится квадратная башня, тоже с колоннадами и шпицами, украшенная блестящими штукатурками, разноцветными фаянсами и надписями, сделанными белыми буквами по голубому полю. На юго-востоке от Гайдарабада стоит, между другими гробницами, надгробный памятник одному французу, генералу Раймону.

Переходя цепь гор, отделяющую царство низама от приморской покатости, река Кистна проникает в страну, которая была священною уже в глубокой древности, за несколько столетий до того времени, когда Гайдарабад сделался «Меккой» мусульман Индии. На правом берегу этой реки, близ Дарнакоты, находятся многочисленные пригорки Амравати, остатки строений, группировавшихся вокруг буддийской ступы, богато украшенной произведениями скульптуры, из которых самые замечательные, очевидно, принадлежащие резцу греко-бактрийских ваятелей, перевезены в Лондон; круг столбов, имеющий 180 метров в окружности, который окаймлял главную ступу, был украшен слишком 12.000 статуй; камень, изрезанный как узоры вышивки, представляет все символы буддийской веры: священное дерево, колесо, змею, коня. Когда китайский пилигрим Гиуэн-Цанг объезжал буддийский мир в половине седьмого столетия христианской эры, Амраватская дагоба и соседние храмы были еще во всей своей красе и великолепии. В окрестностях Дарнакоты видны многочисленные могильные круги, составленные из грубых, неотесанных камней и похожие на мегалитовый круг, найденный около Стонгенджа, в Англии[1].

Верстах в тридцати ниже по течению, на левом берегу реки, гнейсовые холмы, господствующие над маленьким городком Безвада, изрыты пещерами, которые буддисты обратили в святилища; горы, возвышающиеся напротив этого городка, тоже заключают в своих недрах подземный храм, где Вишну сменил или, лучше сказать, продолжает собою Будду. Безвада, расположенный при выходе Кистны из горных ущелий, служит местом переправы через реку для большей части путешественников и складочным пунктом для их товаров; там же построена запруда, задерживающая воды реки и заставляющая их течь в каналы, оросительные и судоходные. которые перерезывают область дельты. Гунтур, в 28 километрах к югу от реки, есть второе складочное место товаров, и кроме того, обязан некоторою важностью тому обстоятельству, что правительство выбрало его главным городом округа Кистны. Но оба порта морского прибрежья, Низампатам на южной и Мазулипатам на северной стороне устья Кистны, засоренные речными наносами, обмелели и сделались неудобными для больших судов; только маленькия каботажные суда туземцев приходят туда за грузами. Впрочем, Мазулипатам и теперь еще многолюдный город; в былое время, как голландская контора, он вел большую торговлю; французы владеют там факторией, или «ложей» (loge), занимающей пространство земли в форме квадрата, сторона которого равна 300 метрам; в фактории производится кое-какой торговый обмен, но ценность его незначительна.

Нынешний город находится внутри материка, в пяти километрах от места якорной стоянки, называемой обыкновенно Машли-Бандар, «Рыбною Гаванью», или просто Бандар. В 1866 году ураган, гнавший перед собою волны моря, пронесся над Мазулипатамом и разрушил его почти до основания; говорят, около 30.000 человек погибло во время этой страшной катастрофы.

Важнейшие города в бассейне Кистны:

Английские владения. Пуна (1891 г.)—161.390 жителей: Шолапур—61.915; Баллари (Беллари)—59.470; Губли—52.595; Ахмеднагар—37.490; Кирки—31.550; Дарвар—32.841; Бельгаом—40.737; Карнул—25.580; Сатара—24.500; Гунтур—18.050; Пандгарпур—16.275; Биджапур—17.000; Госпет— 10.500 жителей.

Туземные государства.Гайдарабад—415.040 жителей; Кольгапур—39.620; Сикандарабад —32.000 жителей.

1 „Mackenzie papers"; James Fergusson, „Description of the Amravati Tope".

XIV. Южная Индия

Мадрас, Майсур, Кург, Кочин, Траванкор.

Оконечность Полуострова, на юг от реки Кистны, есть область, которая в некоторых отношениях может быть рассматриваема как представитель исторической Индии. Поход Александра Македонского показал западным народам только берега Инда и равнины Пятиречья, переходный пояс между Ираном и Индустаном по континентальному климату, виду местности и произведениям почвы; но он не познакомил с Индией, прославляемой арабскими купцами, с тою чудною страною, откуда привозили пряности, драгоценные камни, благовонное дерево, великолепные ткани, покупаемые на вес золота. Открытие этого легендарного края, имя которого резюмировало все, что есть на земле богатого и прекрасного, совершилось через море; путешествия первых мореплавателей приводили их чаще к берегам Малабара, нежели к берегам Конкана, потому что на юге Полуострова они могли получать драгоценнейшие произведения, перец, корицу, сандальное дерево. «Край, откуда привозится перец», сделался, в понятиях европейцев, Индией по преимуществу; это та страна, которую нам рисуют такими яркими красками волшебные сказки «Тысячи одной ночи»; южная Индия—это не только область, где чужеземные купцы находили для себя наиболее ценные грузы товаров, это также та часть Полуострова, которая представляет самые живописные виды, самые грандиозные картины природы, где особенно поразителен контраст между низкими берегами моря, окаймленными рядом домов, рассеянных под кокосовыми пальмами, и высокими громадами гор, выделяющих свои голубые массы на лучезарной лазури небесного свода. Южные государства Индии являли иностранным морякам любопытное зрелище народов, нравов и обрядов, совершенно отличных от их собственных. Новый мир, в который эти европейцы были перенесены из своего отечества, представлял им более предметов, возбуждавших удивление, чем Северный Индустан. Жители, принадлежащие к особому корню, не имеющие родственной связи по расе или языку с иранцами, как северные индусы, являются, однако, в некоторых отношениях индусами по преимуществу, именно в отношении религии и учреждения каст; нужно идти на юг Индии, чтобы понять многие страницы древних книг, смысл которых утрачен уже в северных провинциях. Постепенное вытеснение первыми арийцами, затем греко-бактрийцами, арабами, афганцами, татарами, персами населений севера имело следствием сосредоточение в южных областях оригинальности рас, типов и нравов: это на юге, так сказать, сохранилась доныне античная Индия, Индия старых рас и отдаленных традиций.

Но, с другой стороны, благодаря морским путешествиям, в этой именно части Полуострова возникло наибольшее число иностранных колоний. Уже с первых веков общепринятой эры христиане начали селиться на Малабарском берегу; когда Васко-де-Гама объехал вокруг Африки, он высадился на том же берегу, и там совершены были первые завоевания, положившие начало обширной колониальной империи, которую португальцы основали в Индии: там же, в южной Индии, вокруг городов Мадраса, Пондишери, Серингапатама, Майсура, происходила великая борьба французов и англичан. Поддержанные до конца метрополией, последние одержали верх в этой борьбе, и с конца прошлого столетия сделались бесспорными обладателями всех стран, простирающихся к югу от Кистны. Правда, англо-индийское правительство оставило существовать некоторые туземные государства, управляемые косвенно его министрами-резидентами и удерживаемые в повиновении гарнизонами укрепленных лагерей и крепостей. Но эти государства представляют окруженные со всех сторон непосредственными британскими владениями территории, неимеющие сообщения с морем, исключая двух туземных царств Кочинского и Траванкорского, составляющих вместе узкую береговую полосу между Кардамонными горами и озерами, или лагунами, морского прибрежья.

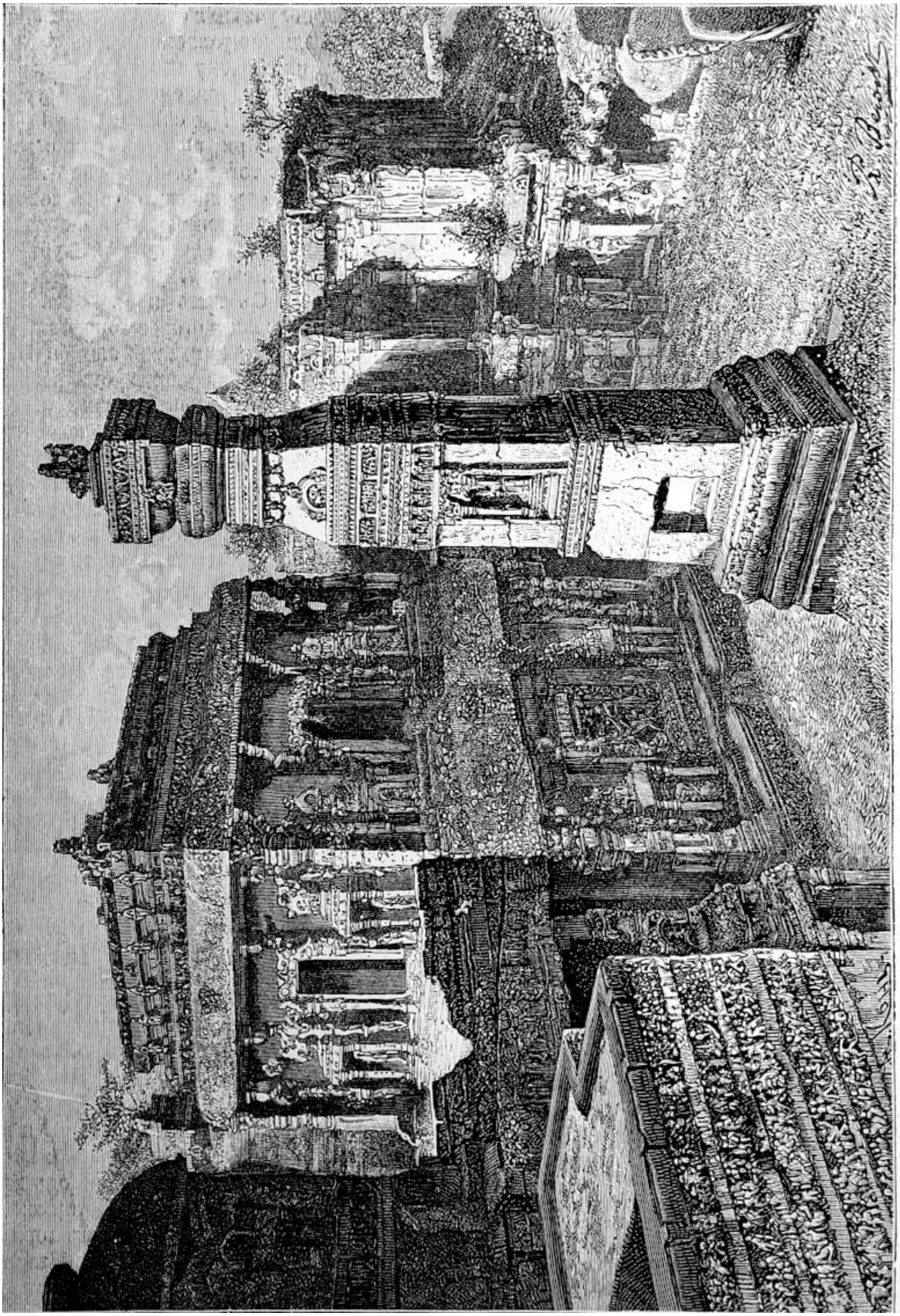
Пространство и население Южной Индии, без северного Сиркара и округов Баллари и Карнул:

	Пространство, кв. килом.	Население в 1872 г. жит.	Километр. население, жит.
Мадрасское президентство	203.093	22.329.931	110
Майсур	70.126	5.055.512	88
Кург	5.180	168.312	82
Кочин	3.525	598.353	170
Траванкор	17.430	2.311.379	132
Пудукота	3.574	316.695	88
Всего	303.926	30.778.182	102
Вероятное население в 1882 г.		29.600.000	97

Разсматриваемая в целом, треугольная масса южной Индии образует плоскость, гораздо более наклонную к востоку, нежели плоскость Деканского плоскогорья. Так как основание этой массы менее широко и горы более высоки, то средние скаты сравнительно круче и климатические поясы более сближены. От этого произошел большой контраст между равниной и горною областью в отношении флоры, фауны, земледельческой культуры и населений. Тогда как в северной части Гатских гор и в Декане давно уже исчезли девственные леса, в южных областях они покрывали еще обширные пространства, и в прогалинах, которые этими лесами отделены от возделанных равнин, еще живут многие племена, не имеющие сношений с цивилизованными обитателями нижних местностей. До прибытия англичан различие климатов, следующих поясами один за другим на склонах гор, препятствовало сообщениям между морским прибрежьем и горною страной; напротив, с того времени, как чужеземцы, пришедшие из Северной Европы, сделались господами края, замечается как раз обратное явление. Зная, что в возвышенных долинах, на плоскогорьях, вздымающихся слишком на 2.000 метров над уровнем миря, климат умеренный, напоминающий климат их родины, англичане основали колонии и летние города, или санатории, высоко над нездоровыми областями равнины. Нигде, исключая разве предгорий Сиккима и Западного Гималая, завоеватели не водворились более прочным образом, чем на Голубых горах (Ниль-Гири) южной Индии; в этой твердыне гор, окруженной дравидийскими населениями, можно подумать, что находишься не в Индии, а где-нибудь в Англии: так все напоминает здесь дальний Альбион —климат, природа и люди.

На юг от широкого отверстия Гатских гор, через которое река Гангавали и её притоки спускаются нечувствительно с плоскогорий Декана, краевой хребет снова появляется и тянется параллельно морскому берегу, на расстоянии от него, средним числом, около 60 километров; некоторые гранитныя вершины поднимаются слишком на 1.000 и 1.500 метров; одна из них, гора Тадиандамоль, в маленьком государстве Кург, достигает даже 1.746 метров высоты. У западного основания крутых склонов этой краевой цепи простирается латеритовое плато, полого спускающееся к морю и местами перерезанное глубокими оврагами, по дну которых бегут временные горные потоки, вырывшие почву до голого камня. Там и сям высятся уединенные остроконечные вершины, гнейсовые или гранитные,—одне совершенно голые, лишенные всякой растительности, другие поросшие мелким кустарником. Но собственно Гатские горы почти сплошь покрыты лесами. Кург, имя которого означает «Крутые горы», еще недавно представлял, почти на всем своем протяжении, один сплошной большой лес, продолжавшийся на восток длинной полосой лесной поросли, которая составляет естественную границу государства Майсур, земли «Демона с буйволовою головою». В некоторых округах склоны гор покрыты однообразно деревьями с постоянною листвой, в других местах увидишь только чащи бамбуков, переплетающихся стеблями. Другие области Гатских гор представляют, напротив, очень большое разнообразие древесных пород, между которыми особенно замечательны: пун или красоцвет (calophyllum), прямой ствол которого, достигающий 25 или 30 метров (до 14 сажен) в вышину, употребляется на постройку судов, тек, составляющий собственность правительства, деревья черное, железное, хлебное, дикое мангровое дерево, белый кедр и многие другие тропические виды: бесчисленные лианы протягивают с дерева на дерево свою переплетающуюся сеть листьев и цветков. Не подчиненные еще правильному лесному хозяйству, эти обширные леса эксплоатируются без всякой системы

кочевниками, которые приходят собирать кардамон, чернильные орешки, дикий аррорут, корицу, кашу (смолистый сок акации катеху), камедь и мед. Леса сандального дерева, по большей части, тянутся вдоль восточного склона Гатских гор, в Майсурском царстве. Когда



Храмъ богини Кали въ Эллорѣ.

англичане сделались сюзеренами страны, эти леса составляли уже монополию правительства, так что победители просто заменили собою побежденных, как собственники государственных имуществ. Дорогие сорты дерева отправляются в Мангалор и особенно в Бомбей,

где они употребляются на фабрикацию мелких вещей, известных в торговле под названием «бомбейских изделий» (Bombay work). Девственные леса Кургских и Майсурских Гатов служат еще убежищем тиграм и пантерам; но эти хищные звери, не находя более дичи, которая некогда водилась во множестве в этих лесах, приблизились к селениям, чтобы промышлять на счет домашних животных, и стали теперь гораздо опаснее, чем были прежде. Слоны еще недавно были очень многочисленны в этом крае, так что в 1874 году партия трапперов в один день изловила 55 штук этих великанов животного царства. Теперь эта истребительная охота запрещена; крестьяне могут только защищать свои поля, окапывая их рвами.

Массив Ниль-Гири, или «Голубых гор», стоит почти уединенно; только один из его западных пиков, Иелламалах, соединяется с цепью Брама-Гири, в земле Кург, кряжем, идущим по направлению от юго-востока к северо-западу. Со всех других сторон группа горных вершин поднимает свои крутые бока очень высоко над плоскогорьями или равнинами; прежде массив был окружен поясом болотистых лесов, подобным полосе терай, окаймляющей Подгималайские горы; кроме того, две реки, Мойар на севере, Бавани на юге, огибают цепь Ниль-Гири и соединяются у подошвы их восточного выступа, после чего они впадают в Кавери. Плоскогорья Вайнад, прославившиеся своими золотыми приисками, и Майсурские возвышенности, составляющие на севере как бы внешнюю террасу цепи Ниль-Гири, частью отделены от неё долиной Мойар. В целом, обширная трапеция Голубых гор возвышается слишком на 1.000 метров над северными возвышенностями и на 2.000 метров над южными равнинами; самый высокий их пик, Додабетта,—что значит на канарийском наречии «Большая гора»,—и пять других вершин или *бетт*, переходят в вышину за 2.500 метров. Пройдя внешний пояс лесов и поднявшись по крутым склонам предгорий, достигаешь края неровного, холмистого плоскогорья, где пространства почти ровные чередуются с холмами, представляющими волнообразную поверхность; в глубине небольших долин, перерезывающих нагорную равнину, рассеяны живописные лески, тогда как на высотах расстилаются зеленым ковром луговые пространства и там и сям залегают торфяные болота[1]. Горные скаты довольно легки для подъема, что дало возможность провести по ним дороги во всех направлениях, и гуляющие без труда восходят на вершины, чтобы любоваться оттуда расстилающимся у них под ногами обширным горизонтом равнин, часто полускрытым облаками пыли и составляющим яркий контраст с передним планом картины, занятым зеленеющими лугами, лесами и шумящими каскадами[2]. Уже три колесные дороги поднимаются от окружности Голубых гор к станциям плоскогорья, но железный путь, идущий из Мадраса, останавливается у основания юго-восточного склона.

Плоскогорье Ниль-Гири в первый раз было исследовано в 1814 году Мак-Магоном и Кизом, но их оффициальный отчет пропал бесполезно, как многие другие бумаги, в архивах ост-индской компании. Настоящее открытие, то, которое обнаружило англичанам, жителям морского прибрежья, существование в их близком соседстве нагорья, пользующагося умеренным климатом Европы, было сделано пять лет спустя Уншем и Киндерслеем, двумя чиновниками, пустившимися в погоню за одним контрабандистом. Первый дом санитарной станции появился на Голубых горах в 1821 году, через два года после основания Симлы; таким образом, эти две колонии, получившие столь важное значение, как места для поправления здоровья непривычных к индийскому климату европейцев, возникли почти одновременно. Натуралист Лешено-де-ла-Тур (Leschenault de la Tour), исследуя Ниль-Гири вокруг единственного существовавшего тогда дома, собрал там 200 видов растений европейского типа, совершенно отличных от тропических форм, свойственных нижней равнине[3]; дуб—одно из самых обыкновенных деревьев в лесах Голубых гор. С тех пор, как англичане покрыли это плоскогорье городами, деревнями, виллами и дачами, край еще более принял европей-

1 Bruce Foote, „Memoirs of the Geological Survey of India", XII, 1876.

2 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien"; Mount Stuart Grant Dutf, „Notes of an Indian Journey".

3 „Memoires du Museum d'histoire naturelle", 1822; Carl Ritter, „Asien".

скую физиономию от разведения в парках и садах большей части древесных пород, свойственных Англии; во многих местах иллюзия полная: на холмах Мальверн встречаешь того же англичанина, со всею его обстановкою, как и в горах Девоншира; дом его покрыт теми же ползучими лианами; сад его представляет те же цветы, и вокруг его жилища насажены деревья того же вида; европейские породы птиц, выпущенные в леса Ниль-Гири, размножились там, и маленькия озера плоскогорья, где прежде водилась только одна порода рыб, получили колонии карпов, линей и форелей. На вершине Додабетты, где находится метеорологическая станция, средняя годовая температура 11,8 градусов стоградусного термометра, т.е. такая же, как на берегах Луары, и различные другие станции, смотря по высоте их положения, соответствуют, по средней температуре, Гаскони, Провансу, Тоскане, Сицилии. Но Голубые горы, лежащие в тропическом поясе, не имеют, как страны умеренного пояса, больших годовых колебаний температуры и резких переходов от тепла к холоду; на вершине горы Додабетты разность температуры между теплым и холодным временем года не достигает даже 3 градусов Цельзия. На этих высотах царствует вечная весна. Главные перемены погоды—сухость и влажность; с конца октября до начала мая небо почти всегда безоблачно, но в период дождей туманы часто стелются по плоскогорью; положение места относительно сторон горизонта составляет, после высоты, главный элемент здешнего климата[1]. Во время юго-западного муссона увеличенные дождями ручьи превращаются в настоящие реки, а струйки маленьких каскадов заменяются могучими водопадами, временными Ниагарами, которые выгрызают края плоскогорья. Один из самых красивых каскадов в Ниль-Гири, ревущих между сиенитовыми стенами,—это водопад реки Пайкары, находящийся в 12 километрах к северо-западу от Утакамунда.

На юг от Голубых гор, цепь Гатов совершенно прерывается. Брешь Паль-Гат, которая прежде была покрыта тековыми лесами, открывается между двумя покатостями, Малабарскою и Коромандельскою, представляя таким образом дождевым ветрам юго-западного муссона широкую дорогу к равнинам Коимбатура и к бассейну реки Кавери; в период обратного муссона, суда, плывущие вдоль западного берега, почти всегда находят волнение на море, проходя мимо бреши, в которую тогда низвергается атмосферный поток. Река Понани, приток Аравийского моря, берет начало на восточной стороне гор, тогда как речки и ручьи, спускающиеся к Кавери, начинаются гораздо далее на западе; истоки переплетаются на этом, едва обозначенном, водораздельном пороге Паль-Гата, высота которого не достигает даже 250 метров. Понятно, какое важное значение должно было иметь это место легкого прохода между двумя морскими прибрежьями; прежде тут стояло укрепление, запиравшее вход в этот пролом между гор, которое часто подвергалось нападению и часто доставалось в руки неприятеля; теперь оно заменено железнодорожною станцией, одной из самых важных в южной сети Полуострова; с 1862 года проведен рельсовый путь через порог между двумя покатостями.

Горы, возвышающиеся к югу от прохода Паль-Гат, соответствуют плоскогорью Ниль-Гири, образуя вместе с ним как бы два столба громадного портала. Как и Ниль-Гири, хребет Анамалах (Анамалей), или «Горы Слонов», состоит из гнейса с прожилками кварца и порфира; как и Ниль-Гири, он обращен к проходу Паль-Гат крутыми, обрывистыми склонами, господствующими над болотистым, порождающим лихорадки, поясом терай, и точно также оканчивается гористым плато, где леса вдруг прекращаются, уступая место лугам, поросшим густою травой. Флора этих двух массивов мало разнится; впрочем, флора «Слоновых гор», наиболее богатая, может быть рассматриваема как составляющая переход между видами Ниль-Гири и растительностью острова Цейлона; там не нашли розы и земляники, которые, однако, очень обыкновенны в Голубых горах[2]. Фауна хребта Анамалах, менее преследуемая звероловами, заключает еще многие виды, уже исчезнувшие на северном массиве; дикие быки (bos gaurus) бродят в лесах стадами; слоны еще настолько многочисленны, что на них

1 H. von Schlagintweit, цитированное сочинение; Clements Markham, „Travels in Peru and India".

2 H. Cleghorn, „The Forest and the Hardens of South India".

охотятся единственно ради их бивней. В целом, Анамалах, может быть, менее высок, чем Ниль-Гири; однако, главная его вершина, Анамуди, выше (2.693 метра) Додабетты; десять вершин достигают высоты 2.200 метров. «Открытый через тридцать слишком лет после Ниль-Гири, массив Анамалах не так легкодоступен, и основанные там англичанами санитарные станции представляют еще незначительные деревушки; причина тому—более отдаленное положение его от Мадраса и политические условия: в то время, как плоскогорье Ниль-Гири находится во всем своем составе на британской территории, Слоновые горы поднимают свои самые высокие пики в туземных государствах Кочин и Траванкор. Но, нет сомнения, и эти горы скоро будут заселены колонистами и временными жителями.

Массив Анамалах менее уединен, чем Голубые горы: на западе, он делится на параллельные хребты или отроги, которые постепенно понижаются к Малабарскому берегу и от которых этот край и получил свое название *Малий-Вар*, означающее «Многочисленные горы»[1]; на юге, он продолжается цепью, которую можно рассматривать как принадлежащую к системе Гатских гор, хотя она и отделена от этой системы Коимбатурским проходом; на востоке, он примыкает к другому массиву—к массиву Пальни, который тянется верст на сотню до низменных равнин Мадуры. Горы Пальни, или Вара-Гири, т.е. «Кабаньи горы», немногим ниже массива Анамалах в их западной части, а одна из вершин, Пернальмали, переходит за 2.400 метров; на восток они быстро понижаются и оканчиваются незначительною цепью холмов, покрытых лесами. Южная сторона этих гор самая крутая; в некоторых местах она имеет вид настоящей стены из гнейса, поднимающейся к небу. Травяные плато высоких гор Пальни не отличаются таким плодородием, как плоскогорье Ниль-Гири, где горная порода, выветриваясь и распадаясь, смешивается с растительными остатками и образует очень плодородную почву; на Кабаньих горах подпочва вообще состоит из плотной, не пропускающей воду, глины, на которой скопляется влажность и где корни растений превращаются в слой торфа[2]. Однако, местами есть отличные земли в понижениях плоскогорья и в нижних небольших долинах, и маленькия европейские колонии, основанные на этом массиве, вполне оправдывают данное ему название Пальни, которое значит «Фруктовые горы»; тамошние сады и огороды походят на лучшие заведения этого рода, существующие в Европе, по разнообразию овощей и по богатству плодовых дерев.

К югу от плоскогорий Анамалах и Пальни, горы, дополняющие конечный массив Индии, похожий формою и размерами на остров Цейлон, постепенно понижаются. Кардамонные горы не достигают даже 1.000 метров средней высоты; однако, их гребни составляют барьер, который можно перейти только в немногих местах через бреши. Самая высокая вершина, Агастиа, где раджей траванкорским была основана обсерватория (впрочем, вскоре покинутая)[3], посвящена мифическому лицу, в одно и то же время человеку и богу, о котором предание говорит, что он обратил население страны в браманский культ. Эти крайния горы Индии, покрытые лесами, где водятся во множестве дикия животные, считаются опасными по причине их миазмов; еще недавно туда ходили только некоторые туземцы для охоты и для сбора плодов, смолы и древесной коры; но теперь и в эту пустынную горную страну постепенно проникают дороги, и не так давно раджа траванкорский, подражая своим покровителям, англичанам, основал на Кардамонных горах санитарную деревню, Муттукулиньян, лежащую на высоте 1.200 метров над уровнем моря. На востоке, отрог Али-Гири, отделяющийся от южной цепи, далеко выдвинулся в равнины Мадуры; кроме того, множество уединенных холмов и пригорков, бывших некогда островами, возвышаются среди равнины, «словно стоги сена, рассеянные на поверхности луга».

Эти горки—последние возвышения Восточных Гатов, представляемых, на севере от реки Кавери, массивом Шиварай или Сива-Радж, т.е. «Царственный Сива», один пик которого поднимается на 1.648 метров, и большим числом других групп высот, отрогов и холмов. Та-

1 Jon. Duncan. -Asiatic Researches", 1799; Burton, „Goa and the Blue Mountains".

2 Clements Markham, „Travels in Peru and India".

3 Clements Markham, „The Geographical Magazine", dec. 1, 1874.

ким образом, к юго-восточной области Майсурского плоскогорья примыкает целый лабиринт гор; но, продолжаясь к северу, система Восточных Гатов тянется правильно, в виде краевой цепи, главные вершины которой достигают высоты от 1.000 до 1.500 метров. В треугольном пространстве, ограниченном Восточными и Западными Гатами, Голубыми горами и массивом Шиварай, южная часть Деканского нагорья, т.е. плато Майсур, имеющее средней высоты от 600 до 900 метров, усеяна отдельно стоящими скалами, которые известны в крае под общим именем *друг*, или «Неприступных». Некоторые из этих каменных масс, возвышающиеся на триста и до пятисот метров над поверхностью неровного, холмистого плоскогорья, походят на башни, и взобраться на них можно не иначе, как по ступенькам, иссеченным в камне; между ними есть такия, которые покрыты зеленью на верхушке и на которые дожди приносят достаточно влаги для образования маленьких озер или бьющих из земли ключей; скалы эти как бы предназначены самою природой сделаться крепостями, и из-за обладания ими владетельные князья страны всего чаще вели между собою войны. Западная часть плато, опирающаяся на Гатские горы, имеет чисто сельский характер, с её живописными долинами и холмами, зеленеющими лесами и журчащими ручьями; уединенные хижины рассеяны по всем склонам над рисовыми полями, в листве бананов и арек (индийское ореховое дерево). Города и деревни редки в этом крае.

За исключением Понани, которая берет начало на восточной отлогости массива Анамалах, реки Малабара имеют незначительное протяжение и не могут соединиться с другими потоками до впадения в море; в сухое время года их русла совершенно пересыхают, но в период муссона и дождей они катят значительную массу воды, размывая берега, опустошая поля, разрушая селения; мало найдется в Индии областей, где несчастия, причиняемые наводнениями, случались бы чаще. На западе от Майсурских и Кургских Гатов большинство этих рек течет прямо в Аравийское море; но далее к югу они изливаются в береговые лагуны, известные у англичан под именем *back-waters*. Во многих местах эти пруды следуют один за другим по два и по три, или даже в большем числе, параллельно морскому берегу; в целом, все приморье кажется состоящим из плоских берегов, отложенных последовательно морем и отделенных один от другого ложбинами, где пресная вода постепенно заменяет соленую. Наблюдения, сделанные на Малабарском берегу, не были продолжаемы достаточно систематически, чтобы можно было сказать положительно, не способствовало ли постепенное поднятие берегов моря образованию этих параллельных прибрежных кордонов; но несомненно то, что новые берега всегда отлагаются с наружной стороны протоков, через которые излишния воды лагун изливаются в море в период муссона; речные наносы и морские пески, поднимаемые со дна зыбью, располагаются в форме стрелок, которые морское течение, следующее параллельно берегу, с севера к югу, вытягивает в одном и том же направлении.

Уровень приморских лагун изменяется с временами года, и некоторые из них попеременно наполняются при наводнениях и снова опоражниваются в период засухи. В иных местах лагуны совершенно отделены от моря при помощи искусственной земляной насыпи, и дно их распахано и засеяно рисом; но когда наступают дожди муссона, этим озерным рисовым полям грозит опасность быть затопленными; тогда все местное земледельческое население принимается за работу, чтобы укреплять плотины и вычерпывать, при помощи норий, воду из наполняющихся каналов. Иногда, однако, все эти работы оказываются бесполезными: напор моря или береговых потоков прорывает оградительные плотины, и эти маленькие «польдеры» Малабара снова делаются достоянием водной стихии. Вдоль всего приморья одна линия береговых озер или прудов заботливо поддерживается, как судоходный путь; почти вся торговля Кочина и Траванкора производится не морем, а под защитою от его бурных волн, по этой мирной дороге лагун. Даже во время большой засухи суда совершают правильные рейсы между городами Кранганор, Кочин и Алеппи, на протяжении 166 километров; обыкновенно же линия судоходства продолжается гораздо далее, с одной стороны к Мангалору, с другой—к Тривандраму; у Квилона, где скалистый мыс прерывает цепь лагун, недавно прорыли канал, чтобы избавить суда от обхода вокруг этого мыса. Сухопутные дороги почти бесполезны; за несколько мелких монет, туземные путешественники перевозятся за двести и

триста верст, вместе с их багажом и товарами.

Закругляясь к востоку красивою дугою, Малабарский берег вдруг оканчивается мысом Камари или Канджамур, который известен европейцам более под именем мыса Коморин; за этим мысом, первая бухта. затем вторая, более глубоко вдающаяся в материк, обозначают начало Коромандельского берега, вероятно, получившего это название от древней дравидийской династии, царствовавшей в Чора. Горы в собственном смысле не продолжаются, как один сплошной хребет, до самого мыса. В 36 километрах от Камари или Коморина главная цепь оканчивается пиком Мундра-Гири, откуда горный хребет постепенно понижается, образуя ряд террас. Далее, последние возвышения холмов исчезают под морем лесов; только большие гранитные камни, рассеянные по почве, обнаруживают внутренний остов. Между последними холмами и мысом, древняя каменная стена, местами прерываемая скалами и джунглями, продолжает естественный вал Кардамоновых гор и заграждает их южную брешь, через которую должна в скором времени пройти железная дорога. Но, несмотря на этот искусственный барьер, изменение физических условий проявляется, от одного берега до другого, нечувствительными переходами. Не встречая никакой преграды, юго-западный муссон дует свободно на полуденные равнины Коромандельского берега и проливает на него количество дождей, достаточное для образования и питания постоянной реки, называемой Тамрапарни[1]; с другой стороны, северо-восточный муссон задевает, на западе от мыса Коморин, южную часть Траванкорской земли; от этого происходит смешение климатов и соответственных флор. В этой области разнообразие растительных видов чрезвычайно велико; впродолжении короткого путешествия ботаник Лешено-де-ла-Тур собрал более 40 полезных растений, которые он затем с успехом ввел на острове Соединения. Даже по виду местности и географическим чертам прибрежья, оба склона представляют большое сходство; с той и другой стороны мыса Коморин водные площади, рассеянные в приморских равнинах, являются уже не в виде удлиненных лагун, отделенных от моря поясом берегов, но в виде прудов неправильной формы, удерживаемых запрудами и служащих для орошения рисовых полей. Однако, часть Мадурского приморья, так называемый «Рыболовный берег», представляет собой настоящую пустыню, покрытую подвижными дюнами: выветривающийся песчаник поверхности обращается в песок, который переносится ветром по равнинам и которым уже засыпаны многие селения. Среди этих песков растут веерные пальмы, доставляющие тысячам людей дерево для постройки хижин, плоды и сок для пищи и приготовления пальмового вина.

Во всей Индии нет области, где эти прибрежные пруды были бы более многочисленны, чем в местностях, наклоненных к Коромандельскому берегу; в Мадуре их насчитывают 5.700, а в Майсуре слишком 37.000. В некоторых местах поверхность, занятая резервуарами, равняется площади орошаемых земель; путешественник заблудился бы там, как в лабиринте, если бы дороги не заимствовали у прудов их плотин, задерживающих воды бассейна. В окрестностях Мадраса самое большое искусственное озеро, Чумбрум-Банкум, удерживается запрудой, имеющей 6 километров в длину; другое подобное же озеро, питаемое водами северной ветви реки Кавери, опирается на западе о плотину, общее протяжение которой $17^1/_2$ километров. Большинство этих прудов существует с незапамятных времен. Несмотря на войны и голода, они всегда заботливо поддерживались местными жителями и были располагаемы, по большей части, таким образом, чтобы воды их не могли разливаться в виде болот; это резервуары с вертикальными или очень крутыми закраинами, на которых вьются по косогору тропинки для пешеходов и вьючных животных. Однако, наводнения, обвалы, растрескивание почвы придали с течением времени этим бассейнам форму, гармонирующую с чертами окружающей природы: при виде их бухточек и мысков, можно подумать, что находишься на берегу настоящих озер.

Эти резервуары тем более необходимы для орошения страны, что реки, спускающиеся с Западных Гатских гор и с Майсурского плоскогорья, представляют большие неправильности

1 Clements Markham, „The Geographical Magazine", dec. 1874.

в изменениях уровня и количества жидкой массы. Так, Пеннар, иначе Пинакини или Пониар, т.е. «Золотая река», берущая начало в сырой области Майсур, пройдя в своем течении около 570 километров, не имеет более ни капли воды в сухое время года. Правда, что в верхних частях бассейна её течение через известные промежутки задерживается запрудами и отводится в искусственные водохранилища; более пяти-шестых её нормального стока употребляется, таким образом, на орошение прибрежных местностей; но случается иногда, во время проливных дождей, что один из верхних прудов выступает из берегов или прорывает свою запруду, и его воды, неся массу обломков, устремляются в нижележащие резервуары, которые, в свою очередь, переполняются и льются через край или ломают плотины; целый потоп низвергается тогда с уступа на уступ в нижния равнины, которые он превращает на целые месяцы во внутреннее море. Как почти все другие реки восточного берега Полуострова, Пеннар делится на несколько рукавов выше своего устья и выдвигается в море полукругом аллювиальных земель. Большая запруда соединяет воды у Неллора и отбрасывает их на юг в сеть ирригационных канав, которая орошает пространство земли в 25.000 гектаров (23.000 десятин). Кроме того, часть вод Пеннара отведена в ирригационный канал у «ворот» Восточных Гатских гор и направлена на северо-восток к Кистне.

К югу от Пеннара, называемого также Вата-Пеннар, или «северный Пеннар», другие, менее полноводные реки, как-то: Палар, Южный Пеннар или Тен-Пеннар, Веллар (Веллаур), или «Белая река», представляют подобные же неправильности в порядке своего течения и в изменениях количества воды. Палар, или «Молочная река», которая берет свое начало тоже на Майсурском плоскогорье, бывает попеременно то могучим потоком, то совершенно пересохшим песчаным руслом. Во время одного из своих разливов, о котором прибрежные жители сохранили воспоминание, хотя и не могут с точностью сказать год события, эта река вдруг изменила свое течение в области дельты, и теперь только маленький ручеек струится в первоначальном русле, под именем «Старого Палара», или Кортеллиар; по соединении с несколькими другими ручьями, он впадает в одну береговую лагуну, на севере от Мадраса. Новый Палар, который получает почти всю жидкую массу речного бассейна, изливается в море в 90 километрах к югу от прежнего устья.

Кавери, уже известная под этим именем древнему географу Птоломею, есть самая многоводная из всех рек южной Индии, и бассейн её имеет наибольшее протяжение. Она берет начало на той же отлогости Гатских гор, в земле Кург, и проходит всю южную часть Майсурского плоскогорья, с которого низвергается каскадами, известными под названием Сивасамудрам, или «Моря Сивы»; в этом месте река делится на два рукава, окружающие своими водопадами и порогами остров, длиною в 15 километров, усеянный большими гнейсовыми камнями и осененный большими деревьями. В сухое время года Кавери обращается в несколько ручейков, скользящих по стенам скал, но в период дождей, который, впрочем, самый благоприятный сезон для здоровья путешественников, водопады её принадлежат к красивейшим в свете; тогда на северной стороне острова можно любоваться грандиозным зрелищем, которое представляет река в своем падении: громадная водяная скатерть, шириною около 400 метров, содержащая жидкую массу, по меньшей мере равную массе Гаронны или Луары в меженное время, низвергается в виде столба с высоты ста метров (почти 50 сажен) в узкий корридор между скал, со дна которого брызги разбивающейся воды поднимаются облаками пара или тумана[1]. Ниже этих катарактов, Кавери, стесненная между боковыми отрогами массивов Ниль-Гири и Шиварай, выходит из области гор рядом узких поперечных долин с резкими контурами; затем, усиленная реками, спускающимися с Голубых гор и с Пальгатского порога, она извивается в равнине, прежде чем разделиться на бесчисленныя ветви своей дельты, из которых иные не что иное, как бывшие каналы искусственного происхождения. Так же, как Палар, Кавери переместила свое главное течение; рукав, сохранивший имя реки, продолжает течь в восточном направлении, к Карикалу; но поток, уносящий главную массу вод, Колерун или Колидам, направляется к северо-востоку, оставляя в

1 Salt; Valentia; Lushington; Jervis; Carl Ritter, „Asien“.

стороне все второстепенные рукава, разветвляющиеся на пространстве, берег которого имеет не менее 175 километров протяжения. Дельта реки Кавери одна из самых обширных в Индии, и выступ, который она образует за нормальною линией морского берега, уступает, по протяжению, только выступам дельт Ганга и Мага-Надди; однако, она состоит не из речных наносов нового образования; слои ила, поднимающиеся от 6 до 9 метров над уровнем самых высоких разливов, покрывают поверхность дельты, пересекаемую рукавами Кавери, которые вырыли там себе глубокия русла, и Буккингамским каналом, одним из наиболее утилизируемых в Индии; он соединяет Кистну с южными рукавами Кавери (движение судоходства по этому каналу в 1878 году: 268.900 тонн грузов и 140.000 пассажиров). Весьма вероятно, что вся эта область была поднята на несколько метров: бывшие острова, окаймленные деревьями, некогда прибитыми волной к берегам и теперь уже находимыми в окаменелом состоянии, возвышаются над равниной, представляющей слегка волнистую поверхность. На востоке дельта примыкает к острововидным скалам, похожим на те утесы, которые образуют стрелку Рамесварам; в этом месте материк выдвигает косу по направлению к северным островам, лежащим на север от Цейлона. Вместо того, чтобы распространяться все далее в море путем отложения новых наносов, земли старой дельты, так же, как и земли при устьях рек, текущих севернее, на Коромандельском берегу, постепенно размываются волнами океана. Вследствие вторжения моря, приморская полоса материка утратила выпуклую кривизну своих берегов и протянулась прямою линией, сначала с севера на юг к мысу Калимеру, затем, сделав крутой поворот,—с востока на запад. Под защитой этого мыса, вода, скопляющаяся от действия юго-западного муссона в глубине Манаарского залива, отлагает мелкий ил, чем и вознаграждается работа разрушения северных берегов. Даже в самую бурную погоду суда могут совершенно безопасно стоять на якоре в этих спокойных водах залива[1].

Главная плотина, задерживающая воды реки Кавери и заставляющая их изливаться в каналы дельты, этого «сада южной Индии», построена еще в древности, по малой мере за, полторы тысячи лет до нашего времени, и до сих пор еще так хорошо сохранилась, что ее могли брать за образец для подобного рода сооружений, воздвигнутых ниже, поперег Колеруна. Жидкая масса, ударяющаяся о запруды в период больших дождей, превышает иногда 13.300 кубич. метров в секунду, тогда как средний сток не достигает даже 500 кубич. метров: оросительные каналы разветвляются на пространстве 334.000 гектаров. За приносимые ею благодеяния, Кавери почитается у туземного населения как одна из самых священных рек, почти как равная Гангу; благочестивые люди называют ее не иначе, как Дакшини Ганга, т.е. «южным Гангом»; согласно одной местной легенде, она даже чище, чем гималайская река, и последняя приходит каждый год подземными каналами обновлять свою силу в священных водах Кавери; оттого пилигримы стекаются массами купаться в источниках, при слияниях, под каскадами глубоко чтимой реки.

В некоторых частях приморья, куда земледельцы не могли провести ирригационные каналы, бесплодные пески, дюны, странствующие по воле ветра, составляют резкий контраст с богатыми возделанными землями орошаемых местностей; это маленькия пустыни, показывающие, во что обратился бы весь край, если бы водяные артерии не разносили по его поверхности животворной влаги. Но, за исключением этих песчаных пространств, весь Коромандельский берег получает достаточное орошение, и мореплаватели узнают его издалека по сплошному лесу кокосовых пальм, который тянется зеленым поясом вдоль берега. Только часть приморья, заключающаяся между реками Палар и Северный Пеннар, состоит, на протяжении около 60 километров, из длинной песчаной косы, отделяющей от моря большую лагуну Пуликат; внешний берег и островки, рассеянные в этой лагуне, не имеют другой растительности, кроме джунглей, куда жители Мадраса ходят рубить себе лес для топлива; даже на берегу твердой земли, к западу от озера Пуликат, почва покрыта соляным налетом на большом протяжении; там и сям виднеются селения, окруженные тамариндами и маленькими оазисами обработанной земли.

1 „Memoirs of the Geologic Survey", IV, 1865.

На Коромандельском берегу были наблюдаемы некоторые признаки медленного поднятия почвы; что касается подводного вулканического извержения, которое, будто бы, происходило в конце прошлого столетия, километрах в пятнадцати от Пондишери, то о нем рассказывает только один путешественник, видевший его мельком с корабля на ходу; но этого единственного свидетельства, конечно, недостаточно, чтобы признать сообщаемый факт за достоверный. Однако, вид морской поверхности дает повод думать, что вдоль берегов Коромандельского, Малабарского и Цейлонского происходят значительные движения почвы в вертикальном направлении, причина которых еще неизвестна. Во многих местах моря видны площади грязной воды, даже над большими глубинами; волны открытого моря разбиваются на окраинах этих мутных пространств желтого или красного цвета, поверхность которых всегда остается гладкою или колеблется в виде длинных, одна за другою следующих волн; корабли часто укрываются туда, как в порт. Многое множество рыбы находит там себе подходящую пищу, и различные рыбьи породы приходят туда метать икру[1]. Едва-ли есть область моря, которая более заслуживала бы научного исследования, чем эти грязные островки, висящие среди чистой воды. Вероятно, эти мутные пространства кишат мириадами микроскопических животных, присутствие которых и превращает море в грязный пруд[2].

Вся южная Индия принадлежит дравидийским нациям, названным так по имени южных племен, означенных неопределенно древними санскритскими писателями. Это наименование, принятое новейшими этнологами, применяется теперь ко всем населениям юга и центра, которые говорят языками одного и того же происхождения, совершенно отличными от арийских идиомов севера и от коларийских диалектов области гор Виндиа. По общему мнению индианистов, дравидийцы или дравирийцы не были первоначальными жителями (аборигенами) Полуострова; хотя они поселились в крае за тысячи лет до нашего времени, однако, наречия, которыми они говорят, указывают на племенное родство их с белуджистанским народом брагуи[3]; полагают, что они проникли в Индию через северо-западную границу; затем, оттесняемые постепенно другими иноземными завоевателями, арийцами, они, вероятно, покинули северные области, чтобы сосредоточиться в южных странах. В первые времена их истории, как она раскрывается из словаря их языка, чуждого всяких санскритских форм речи, дравидийцы были уже культурным народом, прежде чем подпасть под непосредственное влияние арийских цивилизаторов. Они знали многие ремесла и искусства, прядильное, ткацкое, красильное, гончарное, имели барки и даже палубные суда, употребляли в дело различные металлы, за исключением олова, цинка и свинца; они строили «укрепленные дома» и храмы, но не умели еще украшать их изваяниями; они знали искусство письма и чертили письменные знаки на листьях пальм пальмиры и зонтичной[4]; во время их празднеств, поэты декламировали песни, и толпа с энтузиазмом слушала рассказы о национальных войнах. Эпопея Рамайяны рассказывает о нашествии на дравидские страны арийцев, и местные легенды говорят об одном цивилизаторе, пришедшем с севера, о мудром Агастие, пред которым горы Виндиа «пали ниц», чтобы дать ему дорогу: правоверные индусы верят, что он еще жив, и указывают, как его местопребывание на земле,—гору, которая носит его имя в цепи Кардамоновых гор, к западу от Тинневелли, а как его обитель на небе—блестящую звезду в созвездии Канопуса. Каково бы ни было значение преданий об этой легендарной личности, во всяком случае, дело индианизации, приписываемое Агастии, было уже далеко подвинуто вперед, когда греческие мореплаватели в первый раз посетили берега южной Индии, ибо в ту эпоху большая часть городов носила имена арийского происхождения.

Между различными дравидскими диалектами, которыми говорят в Южной Индии и на

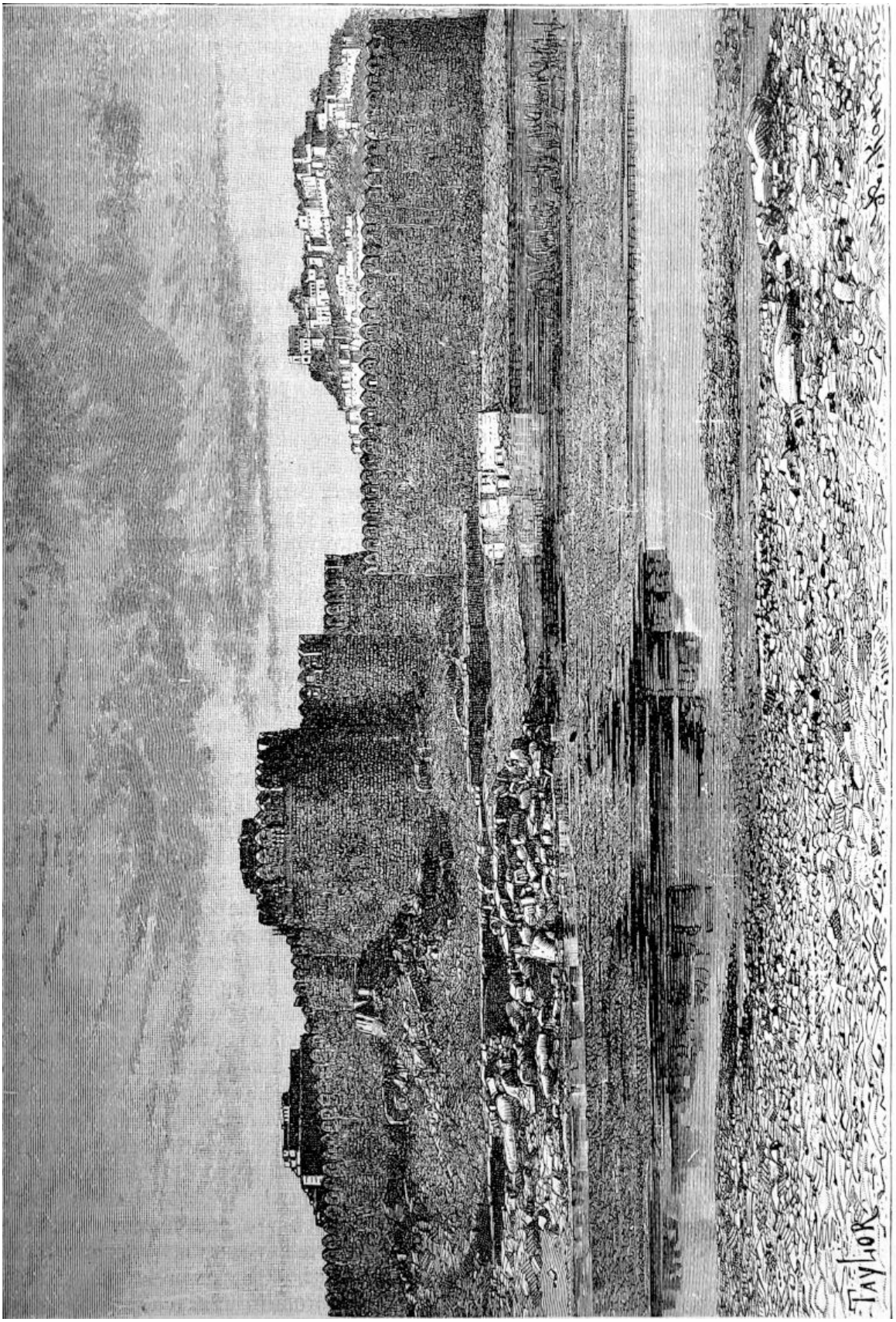
1 Robertson, „Proceedings of the Royal Society of Edinburgh", 1872—1873: Medlicott and Blanford, „A Manual of the Geology of India"; Emerson Tennent, „Ceylon".

2 „Nature, Weekly Journal of Sciences", 1881.

3 Lassen, „Indische Alterhumskunde"; Caldwell, „Dravidian Languages".

4 Julien Vinson, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris".

севере от реки Кистны, четыре—телугу, тамиль, малаялам и канарийский—возвысились на степень литературных языков. Телугу, как мы знаем, есть господствующая речь на морском берегу, от ущелья Магендра-Гири до озера Пуликат, и во всей восточной области Майсура;



Цитадель и крѣпостные валы Голконды.

этим наречием в Индии говорят около пятнадцати миллионов человек, и кроме того, это язык колонистов, живущих на юге, около оконечности Полуострова, и многочисленных эмигрантов в Бармании. Те же дравидийцы языка телугу дали свое имя калинга или клинг всем

индусам, переселившимся в Пинанг, в Сингапур, на острова Юго-восточной Азии: переселенцы из Индии, принесшие цивилизацию своей страны на острова Яву и Суматру, пришли, вероятно, с телугского берега[1]. Название Gentous, данное вначале миссионерами всем язычникам («gentils») Полуострова, впоследствии стали применять к жителям языка телугу. Первоначальную их литературу составляют стихотворения, пословицы, сказки: санскритские эпопеи переводились на наречие телугу, начиная с двенадцатого столетия, и вскоре после того наступил золотой век этого богатого и гармонического языка, который по справедливости называют «итальянским диалектом Индии».

Тамиль, или тамуль, еще недавно занимал лишь второе место между дравидскими языками по числу употребляющих его; но с 1877 года, со времени большого голода, который свирепствовал преимущественно в северных округах Мадрасской провинции, численное преобладание принадлежит тамилю, употребляемому теперь на всей восточной покатости Индии между озером Пуликат и Тривандрамом, и кроме того, в северной половине острова Цейлона, область его распространения обнимает уже слишком пятнадцать миллионов человек и быстро увеличивается на счет телугу во всех городах, через которые проходят железные дороги и где находятся в большом числе европейцы, окруженные своею тамильскою прислугой[2]; в Майсуре барманы вишнуиты (последователи культа Вишну) все говорят тамильским наречием, тогда как мусульмане употребляют индустанское (индустани). Тамиль, бесспорно, занимает первое место между дравидскими языками по изумительному богатству его словаря и оборотов речи, по древности классических произведений его словесности; есть тамильские книги, имеющие за собою, по меньшей мере, девятивековое существование; новые сочинения на этом наречии, издаваемые в Мадрасе, насчитываются тысячами. Поэмы, между которыми называют также поэму итальянского миссионера Бески (Beschi), очень многочисленны; но они отличаются не столько силою мысли, сколько утонченностью, изысканностью и вычурностью стиля; так, все стихотворения должны непременно начинаться словом, выбранным из специального списка слов хорошего предзнаменования[3]. Тем не менее, под влиянием новых идей, тамильская литература перестает подражать древним авторам, и её произведения, применяясь к явлениям современной жизни, принимают более точный и более трезвый язык. В парижском училище живых восточных языков с 1881 г. существует кафедра тамильского диалекта и словесности.

Отличаясь духом предприимчивости, тамильцы составляют один из главных элементов возрождения в Индии. На их территории находятся такие центры, как Мадрас, третий город Англо-индийской империи, и Пондишери, столица французских владений; охотно уходя на чужбину искать счастья, они составляют главную массу населения во всех военных кантонементах к югу от Бомбея; кулии, эмигрирующие на остров св. Маврикия и в другие заморские колонии, тоже, по большей части, уроженцы тамильской земли; точно также индусы Пуло-Пинанга и Сингапура, хотя они и носят имя клинг, т.е. калинга или телугу, тем не менее, суть чистокровные тамильцы. Что касается дравидийцев языка малаялам или малаялим (малеолум), живущих, в числе свыше пяти миллионов душ, на Малабарском берегу, между Мангалором и Тривандрамом, то они гораздо упорнее, чем тамильцы, противятся влиянию современных идей и держатся особняком, обращая взоры к своему прошлому и предоставляя своим соплеменникам торговые позиции и новые роды промышленности. Из всех дравидских языков, этот диалект всего более усвоил санскритских слов и речений; в настоящее время он подвергается преимущественно влиянию тамиля. Канарийское или Канарское наречие, по туземному каннада или карнатака,—также один из главных дравидских языков, им говорят около девяти миллионов человек на юг от Гоа и реки Кистны до массива Нильгири; но, по странному смешению, это название Карнатака, которое, вероятно, значит «Черная земля» и которое в самом деле применяется к пространствам черноватой почвы или чер-

1 Caldwell, „Comparative Grammar of the Dravidian languages".
2 Gribble, „Manual to the district of Cuddapah, Madras".
3 Julien Vinson, „Le Tasse dans la poesie tamoul", „Revue de Linguistique", tome VIII.

нозема, где возделывается черный хлопчатник, употребляется европейцами, в форме «Карнатика», для обозначения тамильских земель Коромандельской покатости.

Наречие тулу, тулува или тулуву, т.е. язык «смиренных», употребляемый на Мангалорском берегу, также причисляется к дравидским литературным идиомам, хотя письменность его не имеет других сочинений, кроме транскрипций санскрита, изображенных малаялам-скими знаками, и маленьких религиозных трактатов, написанных канарскими буквами; но те из 300.000 тулусов, которые учатся грамоте, изучают также какой-нибудь более цивилизованный язык, как, например, канарский или малаялам. Кургский идиом, или кудагу, тоже не имеет оригинальной литературы, но он составляет особенный язык, так же, как говор племени тода и других народцев гор Ниль-Гири; песни поселян Курга отличаются веселостью, живостью, увлекательностью, тогда как песни других населений южной Индии имеют медленный и заунывный характер[1]. Дравидские диалекты вполне обособились: телугу, тамиль, малаялам, канарский настолько разнятся между собой, что жители отдельных областей не понимают друга, друга. Считая дравидийцев Центральных провинций и Бенгалии, но не принимая в рассчет некоторых народностей пригангских равнин и гималайского пояса терай, имеющих, как кажется, то же происхождение[2], можно считать в пятьдесят миллионов общее число людей, принадлежащих к семье дравидского языка. Вне Индии, дравидская семья всего более имеет сходства с идиомами, обозначаемыми Кальдвелем под именем «скифских», т.е. с монгольским, манчжурским, тунгузским и особенно с финской группой остяков; все диалекты, на которые делится эта семья, уже перестали быть чисто приставочными и сделались флексивными языками. Таким образом, вследствие последовательных завоеваний и народных переселений, две половины одной и той же этнологической области постепенно отодвинулись к двум оконечностям континента.

Однако, из сходства языков нельзя еще заключить о племенном родстве всех дравидийцев с населениями севера Азии. Правда, так называемый «монгольский» тип встречается у многих народцев центральной и Южной Индии, но между ними есть также такие, черты которых мало разнятся от типических черт негров, австралийцев, малайцев, семитов, египтян[3]. Весьма вероятно, что населения различного происхождения следовали одно за другим в южной Индии, как слои аллювиальной формации, отлагающейся на морском берегу[4]; но в настоящее время невозможно отыскать первоначальные элементы во всем этом смешении рас; профессии, климаты, образ жизни и особенно наследственное влияние каст, даже когда первою причиной их возникновения было лишь различие ремесл, порождают главные контрасты между различными этническими элементами. Цвет кожи, который изменяется от черного до бледно-желтого и пепельно-серого, не составляет расового признака, ибо он значительно разнится в одном и том же семействе, смотря по индивидуальным занятиям его членов; замечено вообще, что кожа имеет более или менее темную окраску пропорционально сухости климата; дравидийцы Малабара, живущие почти всегда в тени больших деревьев, в стране, часто орошаемой обильными дождями, имеют цвет лица гораздо более светлый, чем их единоплеменники на Коромандельском берегу, обитающие в равнинах менее лесистых, под небом менее дождливым. В одном и том же племени, как, например, в племени шанаров, которые почти все плантаторы пальм, жители Малабара имеют цвет лица браманов, тогда как обитатели Коромандела почти так же черны, как негры. В целом, главная масса дравидскаго населения, по типу, нисколько не отличается от арийцев, а между тем, невозможно приписать иммиграции обратителей, пришедших с севера, численную важность, достаточную для того, чтобы они могли сообщить типические черты своей расы сорока миллионам людей. Когда в тамильской или телугской области входишь в суд, заседающий под председательством английского представителя магистратуры, невольно поражаешься сходством голов;

1 Gover, „Folksongs of Southern India".
2 Hodgson, „Koch, Dhimal and Bodo Tribes"; Dalton, „Ethnology of Bengal".
3 Logan, „Journal of the Eastern Archipelago".
4 De Quatrefages, „Journal des Savants", dec. 1873.

разница только та, что дравидская физиономия выражает больше кротости и хитрости, а европейская больше силы и гордости[1].

Из всех дравидийцев наибольшее внимание обращали на себя, со времени «открытия» Голубых гор (Ниль-Гири), тодасы или тудасы, маленький народец канарского наречия, численность которого не достигала, в 1871 году, даже 700 душ, но который мог, благодаря своему уединению в горах, сохранить свои оригинальные нравы в первоначальной чистоте. Их архаическая цивилизация, занесенная с восточных равнин Канары, как гласит предание, восемь веков тому назад, была не единственная причина того особенного усердия, с которым принялись изучать этих горцев. Некоторые энтузиасты из ученых и в особенности досужие туристы, посещавшие Голубые горы, хотели видеть в тодасах наших единоплеменников, индо-европейцев, кельтов или пеласгов; говорили о их красивом профиле, напоминающем, будто бы, греческий или римский[2]; но нужно заметить, что чертами лица они нисколько не отличаются от миллионов других дравидийцев, и цвет кожи у них гораздо темнее, чем у большинства жителей Малабара. Впрочем, они рослы (по исследованиям Маршаля, средний рост мужчин 1.727, а женщин 1.529 метров) и хорошо сложены, хотя не обладают такою атлетическою силой, какую им приписывали первые путешественники[3]. Нрава они кроткого, приветливого, миролюбивого, не очень трудолюбивы, без честолюбия, но мужественны и держат себя с замечательным достоинством: когда они проходят мимо, драпированные в свою тогу, так и кажется, что видишь перед собою сенаторов античного Рима. Имя тода, которое они с гордостью дают своему племени, значит «люди», но соседями их оно понимается в смысле «пастухов», и действительно, род занятий их существенно пастушеский. Они не охотятся и не имеют другого оружия, кроме железного топора, употребляемого ими для рубки леса; земли они не пашут; почва и её естественные произведения принадлежат всем; понятие о собственности у них существует только в отношении хижин, движимого имущества, скота. Народ пастушеский, тодасы не знают другого труда, почти не имеют другой религии, кроме ухода за своими стадами; молоко, их главная пища, составляет как бы предмет культа. Главные доильщики, избираемые из класса *пейков*, или «сынов божиих»—настоящие жрецы, давшие обет целомудрия; они носят особенную одежду, живут отдельно, и одни только, вместе с кандидатами, приготовляющимися к духовному званию, имеют право собирать молоко и делать из него масло. Впереди стада всегда идет священная корова, славная своею генеалогией, побрякивая привязанным на шее звонком, драгоценным предметом, которому приписывают небесное происхождение. Очистившись для утренних трудов, жрец кланяется перед чтимым животным и благословляет стадо своим белым посохом. Все обрядности этого народца имеют тот же пастушеский характер. После смерти тодаса, заставляют дефилировать перед его трупом весь деревенский скот, как бы для того, чтобы показать ему в последний раз животных, составлявших радость его жизни; затем убивают одну или двух коров, чтобы дать усопшему самую приятную компанию в великом странствии на тот свет. Одна скала Голубых гор, Макарти, которая высится крутыми, почти отвесными стенами над западною равниной и на вершине которой обитает отшельник, «страж дверей на небо», почитается как точка соприкосновения между здешним и загробным миром; это мыс, откуда улетают души при закате дневного светила, чтобы переселиться на облачные острова, плавающие в небесной лазури. Очень религиозные, тодасы шлют благоговейное приветствие тому далекому миру, где живут их предки; они поклоняются также солнцу и луне, читая молитву, просящую о ниспослании милости их семьям и стадам[4]. Еще не так давно у тодасов практиковался обычай детоубийства, и нравы полиандрии (многомужия), существовавшие у них, как и у многих других горских племен, может быть, и теперь еще не совсем исчезли; по крайней мере, число мужчин на целую четверть превышает число женщин.

1 Caldwell, „Grammar of the Dravidian Languages".

2 Campbell, „Ethnology of India".

3 Leschenault; Hamilton; Young; Harkness; Carl Ritter, „Asien".

4 Metz, „The Tribes inhabiting the Neilgherry Hills"; Marshall, „A Phrenologist among the Todas"; Ele Reclu, „Les Monticules des Nilgherries".

Другие народцы, живущие в горах Ниль-Гири, тоже принадлежат к дравидской группе, по крайней мере по языку. Бадагары, или «жители севера», которых англичане обыкновенно называют боргерами, суть иммигранты, переселившиеся из Майсура в шестнадцатом столетии, вследствие преследований и голодовок. Исчисляемые в количестве около 20.000 душ (по переписи 1871 года), эти горцы являются, после европейцев, главными владетелями «Голубых гор», хотя они платят маленькую дань тодасам, в виде вознаграждения за право поселения на их земле. Земледельцы по роду занятий, сиваиты по вероисповеданию, разделенные на множество каст, бадагары ничем не отличаются от цивилизованных населений равнины и соблюдают те же обычаи и церемонии. Котахи, или гохатары, т.е. «убиватели коров», тоже платят дань тодасам, признаваемым первоначальными собственниками почвы: это горные ремесленники и промышленники, музыканты и плясуны, увеселяющие своим искусством празднества других племен, но всеми презираемые за их нечистоплотность и крайнюю неразборчивость на счет пищи. Курумбы, т.е. «дурные люди» или «добровольцы», еще в большем презрении у своих соседей, хотя бадагары выбирают себе между ними чародеев, без сомнения, потому, что эти жители лесов лучше посвящены в тайны природы; по словам Вальгоуза[1], они составляли в пятнадцатом столетии могущественную конфедерацию; это беглецы, утратившие свою старую цивилизацию. Что касается ирула (эрилигару), или «людей мрака», которые живут в области терая, у основания Ниль-Гири, то на них смотрят скорее как на нечистых скотов, чем как на людей; по рассказам их соседей, они, будто бы, живут в одних логовищах с тиграми, и матери даже доверяют своих детей этим диким зверям[2]. Гохатары, корумбы, прулы, общее число которых около 3.000 душ, все говорят, также как и племя солига, живущее на восточных холмах, дравидскими диалектами цивилизованных населений, с которыми они находятся в соприкосновении, но в них видят, справедливо или нет, представителей аборигенов, которые воздвигли мегалиты, или «дома Пандуидов», рассеянные во множестве на массиве Ниль-Гири и в горах Курга и Майсура. Как бы то ни было, эти памятники, заключающие в себе угли, обугленные кости, даже оружие, сосуды, украшения, приписываются дравидийцами предшествовавшей расе, истребленной их предками; в этих же первобытных жителях края они видят строителей оборонительных стен, или *каддинег*, которые пересекают страну во всех направлениях. Это валы вышиной от 5 до 6 метров и всегда сопровождаемые рвом в 3 метра ширины и глубины; во многих местах стена двойная, тройная или даже четверная, и большие деревья, растущие в беспорядке на откосах, придают всем этим возвышениям и понижениям почвы необыкновенно живописный вид. В одном только Курге определяют в 180 километров длину этих странных оплотов, воздвигнутых народом, самое имя которого давно исчезло из памяти людей[3].

Вне области гор, некоторые племена, презираемые своими соседями, как презираются «люди мрака» тодасами и бадагарами, походят на ирулов нравами, так что, следовательно, и их можно было бы с таким же правом считать потомками первобытных обитателей страны. Одно из этих племен, корагары, составляющие последнюю касту рабов в Мангалорском округе, прежде были подчинены правилу не употреблять никакой одежды, кроме листьев. Со времени водворения английского господства, мужчины перестали носить передник из листвы, тогда как женщины, верные хранительницы обычаев и обрядов старины, до сих пор продолжают наряжаться в переплетенные ветки; но они уже не понимают первоначального значения обычая, так как носят ветки поверх другого платья и отбрасывают их назад на манер шлейфа. Корагары еще осуждены жить под кровом из древесных ветвей; им воспрещается употреблять землю для постройки хижин. Что делает очень вероятною древность их пребывания в стране—это могущество волшебства, которое им приписывают. Так же, как курумбов, их считают посвященными в тайны природы и имеющими власть над духами; оттого к ним всегда и обращаются, когда нужно отвратить заклинанием злой рок. Они едят

1 „Journal of the Anthropological Institute", april 1875.
2 Rowney, „Wild Tribes of India".
3 „Ausland", 1873, № 22.

мясо аллигаторов, но чувствуют неодолимое отвращение ко всяким четвероногим животным и простирают это отвращение так далеко, что им очень неприятно видеть даже мебель на четырех ножках[1].

Массив гор Анамалах, который походит во многих отношениях на Ниль-Гири, тоже населен многочисленными дикими или мало цивилизованными народцами. Кадеры, напоминающие тодасов различными обычаями, называют себя, как и те, «господами гор», и сочли бы за бесчестие возделывать почву, но они больше звероловы, чем пастухи; другие племена признают за ними некоторого рода превосходство, не считая, однако, себя обязанными повиноваться им или платить дань. Кадеры малорослы, и шевелюра их слегка курчава; по мнению некоторых антропологов, это племя, по происхождению, близко подходит к негритосам Малайского архипелага или к туземцам Австралии[2]. Во время вступления в брак молодые люди подпиливают и заостряют себе четыре передние зуба—обычай, который встречается в разных странах света, и особенно в центральной Африке. Мальсары и мадавары, жители гор Анамалах, составляют касту земледельцев[3]. Что касается палияров, то, по образу жизни, они пастухи и торговцы, и находят себе в горных областях убежище от презрения и дурного обращения, которому они подвергаются в равнине со стороны высших каст. Палияры имеют дикий вид: они носят огромную гриву, ниспадающую до бедер, и редко дают себе труд собирать ее в один пучек на голове, в форме шиньона[4]. Палияры и мальсары одинаково искусны в восхождении на скалы и в лазаньи на деревья; подобно «индейцам» Новой Мексики, они взбираются на отвесные стены гор, при помощи веревок с узлами, длиною от 15 до 25 метров: они употребляют для этой цели цепи, сплетенные из тростника[5].

На Малабарском берегу господствующее население составляет аристократическая, некогда воинственная, каста наиров (найаров) или «властителей», подразделяющаяся на одиннадцать классов, которая, постепенно цивилизуясь под арийским влиянием и живя в согласии с браманами, более ревниво, чем другие дравидские нации, хранила и до сих пор хранит некоторые из своих национальных обычаев. Нигде, кроме разве у ассамских гарронов, не сохранились так хорошо древние формы матриархата (материнства или женского главенства), *мурру-мукатаюм*; до половины прошлого столетия Траванкорское государство управлялось принцессами, при чем престол переходил от матери к дочери. Первый брак, церемония, установленная некогда по внушению браманов, заключается согласно индусским обрядностям; супруг вручает супруге символическую ленту *тали*; но этот союз есть лишь оффициальный, и вскоре муж отсылается, вознагражденный за оказанное им одолжение каким-нибудь подарком, который ему делает семейство жены. Молодая женщина, повенчанная только для формы, снова получает свободу; ей достаточно носить на шее своей тали, чтобы была соблюдена требуемая законом формальность. С этих пор она может по своей воле выбрать всякого, кто ей понравится, но общественное мнение не простило бы ей сожительства с мужем; всего благосклоннее смотрят на союзы, заключаемые с браманами, так как они облагораживают породу. Впрочем, избранный любовник не пользуется никакими правами в доме; авторитет, по-прежнему, принадлежит жене; она командует даже над своими братьями. В каждом семействе власть представлена матерью и старшею дочерью; дяди по матери и братья только исполняют волю гинекея. Отцы, на которых всегда смотрят как на чужих, приняты в среду семейства, но не составляют его полноправных членов. Дети гораздо более привязаны к своему дяде по матери, чем к родному отцу, хотя бы даже они были им воспитаны, чего обыкновенно не бывает; дядя «кормит их», оставляет им в наследство свое движимое имущество, и, взамен того, племянники должны отдавать ему всю свою родственную привязанность. Что касается земли, то она передается, как родовая собственность, жен-

1 Walhouse, „Journal of the Anthropological Institute", apr. 1875.
2 Huxley; Emil Schlagintweit, „Indien in Wort und Bild".
3 Cleghorn, „Forest and Gardens of Southern India".
4 Douglas Hamilton. „Reports on the Annamullay Mountains", Graul, „Reise nach Ostindien".
5 Cleghorn, цитированное сочинение.

щинами; мать завещает ее старшей дочери, и все братья обрабатывают ее для всей общины, взятой в совокупности[1]; те, у которых нет сестры и, следовательно, нет законной наследницы, должны хлопотать о том, чтобы сделаться приемными братьями дочери чужой семьи[2]. Впрочем, наирские женщины, вообще говоря, красивы, умны, очень образованы, и влияние их на целое общество громадно[3]. Самое большое несчастие, какое только может постигнуть семейство,—это необходимость продать родовое «материнское наследие», вследствие какого-нибудь бедствия, повлекшего за собою разорение; но семейная группа энергически борется против злого рока, и потому редко прибегают к подобной крайности. Намбури, малабарские браманы, благоприятствующие матриархальным нравам туземцев, в большом презрении у своих северных собратов, которые гнушаются их и считают за людей недостойной касты. Они, вероятно, не арийского происхождения и мало-по-малу уменьшаются в числе, вымирают, так как один только старший сын имеет право основать свою семью в форме законного брака; но они сохранили свое могущество, и их правила, называемые в насмешку «шестьюдесятью четырьмя беззакониями», составляют и теперь еще закон для населений страны. «Защищай коров и браманов!»—таково было единственное наставление, которое фехтовальный учитель делал молодому наиру, вручая ему меч[4]. Каковы бы ни были их недостатки, намбури имеют, по крайней мере, одну добродетель—это совершенную правдивость: они всегда отвечают медленно, подумавши, на делаемые им вопросы, опасаясь, что скажут правду не во всей точности[5].

На большинство иммигрантов, поселившихся в большом числе на Малабарском берегу, наиры смотрят как на существа, стоящие гораздо ниже их и потому не имеющие права даже приближаться к ним. Эти гордецы «высокомерные наиры», о которых говорит Камоэнс, причисляются, однако, браманами лишь к касте судрасов, вместе с другими расами края, и считаются единоплеменниками земледельцев веллалар, живущих на Коромандельском берегу; но они так энергично стоят за свои привилегии, что никто не осмеливается оказывать им сопротивление: при выездах им обыкновенно предшествуют егеря, крича: «прочь с дороги!» и заставляя толпу посторониться; случалось даже, что англичане, пройдя по дороге, которую наиры присвоили себе в исключительное пользование, тем самым подавали повод к серьезным дипломатическим компликациям. Во времена португальского господства вопрос о первенстве или местничестве между наиром и португальцем разбирался путем поединка, и жребий оружия решал в пользу чужеземцев[6]. Тиры или таяры, имя которых означает «островитяне» и которым приписывают цейлонское происхождение, обязаны сторониться, по крайней мере, на тридцать шесть шагов, чтобы не осквернить господ своею тенью или своим отдаленным запахом. Тем не менее, таяры не составляют униженной, презираемой касты, как парии; они белее и стройнее наиров; деятельные и смышленые, они завоевали себе, несмотря на высокомерие надменных властителей, довольно высокое социальное положение, и дети их массами наполняют казенные учебные заведения[7]. Тиры, так же, как столяры, литейщики, кузнецы, серебряных и золотых дел мастера и вся толпа земледельцев или полияров, называемых «джунглевыми наирами», сохранили обычай многомужства: несколько родных братьев или мужчин одного племени имеют одну общую жену, и наследство переходит нераздельно ко всем детям общины[8]. В земле Мадура, где полиандрическая организация семьи сохранилась у очень многих племен, мужья должны быть в четном числе: 2, 4, 6,

1 Burton, „History of Sindh“; Bachofeu, „Antiquarische Briefe“; Elie Reclus, „Revue Internationale des sciences biobgiques“.

2 W. W. Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.

3 Cl Markham, „Travels in Peru and India“.

4 W. W. Hunter, „Orissa“; Mateer, „Land of Charity“; Cl. Markham, „Travels in Peru and India“; Graul, „Reise nach Ostindien“.

5 Fr. Day, „The Land of the Permauls“.

6 Thevenot, „Voyages aux Indes orientales“.

7 Mateer, „Land of Charity“.

8 Jonathan Duncan. „Malabar Historical Remarks“, „Asiatic Researches“.

8 или 10. В Траванкоре дети распределяются по порядку рождения между мужьями[1].

Моплахи, самая энергическая и самая предприимчивая группа населения на Малабарском берегу,—тоже чужеземного происхождения, по крайней мере с отцовской стороны; это помесь, происшедшая от арабов, взявших себе жен, большею частью, между тирами и низшими кастами. Говорят, что в девятом столетии экипаж одного потерпевшего крушение корабля поселился в земле Кочин и что за этими первыми колонистами вскоре последовали другие; как бы то ни было, арабские торговые люди насчитывались десятками тысяч на Малабарском берегу, когда португальцы высадились в эту страну. Так как обычай и религиозные предписания южных браманов воспрещают индусам вести заморскую торговлю, то чужеземные пришельцы были очень радушию приняты, как посредники торгового обмена, и их колония постоянно увеличивалась притоком новообращенных, которых увлекала страсть к приключениям и исканье счастья на чужбине. В настоящее время общее число моплахов, к которым нужно прибавить лаббаев восточного берега, простирается, по меньшей мере, до 800.000 душ. Сильные, хорошо сложенные, стройные, они составляют одну из самых красивых рас Индии, а в отношении отваги, стойкости и упорства, трудолюбия и предприимчивости почти не имеют равных себе. Города Малабара, главным образом, им обязаны своим торговым процветанием. Хорошо зная цену себе, моплахи не такие люди, чтобы дать господствовать над собою наирам, с которыми они часто приходят в столкновение. Те из них, которые занимаются земледелием, не всегда безропотно принимают тяжелые условия, налагаемые на них владельцами земли, и когда считают, что настала пора требовать восстановления своего права, смело завязывают борьбу, заранее обрекая себя на смерть. Раз решение принято, моплах, которого друзья и знакомые, с этого момента называют уже мучеником, справляет прощальный пир, разводится со своими женами и проводит свои последние дни в молитве. Готовый пожертвовать собственною жизнью, он не признает более никаких законов: врывается в индусские храмы, разбивает там статуи богов и бросается на всякого наира, который ему встретится; он никому не дает пощады, как и сам не просит её; справиться с ним нет никакой возможности, остается одно средство—убить его. Иногда, если целая община считает нарушенными свои права какою-нибудь несправедливостью, все молодые люди связывают себя взаимною клятвой пожертвовать жизнью для отмщения обидчикам, и тогда нужно выставить против них целые батальоны. Местная полиция, даже туземное войско не могут устоять против этих отчаянных удальцов; правительство принуждено призывать, для усмирения их, европейские полки. Кроме того, все жители округа, где опасаются аграрных преступлений, объявляются несущими круговую ответственность[2]. Если бы другие народности Индии обладали такою же энергией, как эти магометане, то европейцам никогда не удалось бы сделаться властителями страны.

Христиане, называемые иногда назарени моплах, или «назарейскими моплахами», тоже составляют один из значительных элементов населения южной Индии; в этой области сгруппировалось около двух третей всех христиан Индии по сю сторону Ганга. По преданию, «белые евреи», или сирийцы, высадились на Малабарский берег еще в первом столетии общепринятого летосчисления, достигнув Индии через Иемен и остров Сокотору, и несколько лет спустя вслед за ними явились иудеи в собственном смысле, юди-моплах, потомки которых, смешанные с другими племенами, встречаются до сих пор в городе Кочине и его окрестностях. Другая легенда, португальского происхождения, приписывает начало христианских общин в Южной Индии проповеди апостола Фомы, корабль которого, будто-бы, пристал близ Кранганора; еще недавно показывали в Квилоне колонну, якобы воздвигнутую апостолом, и его предполагаемая могила находится на юг от Мадраса. Какова бы ни была степень достоверности этих легенд, несомненно то, что «назареи», которых нашли капелланы Васко-де-Гамы, не имели никакого понятия ни о римской церкви, ни о папе; так как они исповедывали учения несториан, то их тотчас же причислили к еретикам и настоятельно потребо-

1 Nelson, „Madura Country“.

2 Fr. Day, „The Land of the Permauls“.

вали, чтобы они оставили заблуждения и обратились на путь истинный. В португальских владениях, инквизиция, в конце концов, силой вернула их в лоно церкви; но в туземных государствах огромное большинство назареян сохранило или снова приняло свое особенное церковное устройство и обрядности, впрочем, несколько различающиеся в различных общинах. Завися в духовном отношении от вавилонского патриарха, имеющего пребывание в городе Моссуле, они до сих пор еще употребляют древне-сирийский язык в качестве церковного языка, но самые ученые из их священнослужителей едва умеют разбирать по складам слова книг священного писания. Рассказывают, что в одной из назарейских деревень верующие выписывали совершенные в течение года крупные грехи на листках бумаги, которые затем свертывались и забивались в жерло бамбуковой пушки; выстрел рассеевал по воздуху все годовые прегрешения племени[1]. В былое время сирийские христиане составляли благородный класс, и к ним, как к своим естественным покровителям и заступникам, прибегали во всех своих нуждах ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, плотники; они одни, вместе с браманами и евреями, имели право путешествовать верхом на слонах. Теперь они имеют прозелитов во всех классах общества, преимущественно среди низших каст; но общность веры далеко не изгладила первоначальные социальные различия.

Огромное большинство жителей Южной Индии принадлежит к индусским религиям, и даже именно в этой области, на Майсурском плоскогорье, секта лингаитов, одна из тех, которые всего более освободились от браманских суеверий, представлена наибольшим числом членов. Лингаиты, из среды которых выходят преимущественно купцы и промышленники Дравидии, уничтожили у себя даже касты, если не в общественной жизни, то, по крайней мере, в религиозных церемониях, и не боятся есть вместе, каково бы ни было их происхождение и состояние. Но следы первобытных религий встречаются везде у живущих в глуши народцев Майсура, Мадуры, Коромандельского берега. Главный культ—это культ «десяти чертей», «семи призраков» и множества всяких духов, добрых или злых, браманов или парий; чтут даже английских гениев. Повсюду увидишь, у входа в деревни, маленькия пирамиды из глины, воздвигнутые в честь духов, населяющих воздушные пространства: этим духам приносят в дар преимущественно цветы, плоды и зерна, иногда также петухов. В некоторых местах ангелы-хранители сзываются вечером барабанным боем, дабы они не уклонялись от исполнения своей обязанности—защищать дома против ночных демонов[2].

Некоторые кровавые обрядности, сохранившиеся до сих пор, напоминают существовавшие некогда человеческие жертвоприношения; так, у племени ваклига, в Майсуре, близ Нандидруга, матери, прежде чем приступить к важной церемонии надевания в первый раз серег своей старшей дочери, должны обрубить себе, при помощи кузнеца, два первые сустава мизинца и безъимянного пальца. Калланы, или коллеры (Kolleries), еще недавно имели чудовищный обычай убивать одного из своих детей перед дверью врага, когда они хотели накликать напасть на его дом; чтобы отвратить от себя грозящую беду, проклятый должен был, в свою очередь, умертвить собственного сына[3]. Наяди (янади), живущие на острове Сригарикота, к востоку от озера Пуликат, и на Малабарском берегу, едва-ли не самое жалкое, самое обездоленное племя из всех индусов: еще недавно они хранили какой-нибудь гвоздь или отломанный кончик ножа, как величайшую драгоценность, и добывали огонь посредством трения двух кусков дерева[4]; даже если кто-нибудь бросал им на дорогу, в грязь, мелкую монету, то они имели право поднять ее только после прохода благодетеля[5]. Они были в большем презрении у высших каст, чем даже пулайеры или пулии, имя которых происходит от слова *пулу*, «грязь». До 1865 года пулиям было запрещено прикрывать себе бюст каким-нибудь одеянием; они не могли говорить о себе иначе, как называя себя «ваш раб», а о

1 Fr. Day, „The Land of the Permauls“.
2 Joseph Mullens, „Missions in South India“; Graul, „Reise nach Ostindien“.
3 Nelson, „Madura Country“.
4 „Memoirs of the Geological Survey of India“.
5 Mateer, „The Land of Charity“; Fr Day, „The Land of the Permauls“; Boswell, „Nellore Manual“.

своих детях иначе, как давая им прозвища «обезьян» или «телят».

Недавно каликутские наяди, одно из этих несчастных племен, живших среди лесов, в шалахах (ажупах) из листьев, сделались чем-то в роде ставки в карточной игре между миссионерами христианскими и магометанскими; последние одержали верх в этой борьбе, и теперь наядии причисляются моплахами к своим единоверцам, как вступившие в лоно ислама. Племена льява (ирава), в Траванкоре, и биллава, в Кочине, также как шанар (санар, санен), в Мадуре, вероятно, одинакового происхождения с тирами, жителями Малабарского берега,—лучше приняли христианских проповедников; из полумиллиона шанаров около одной пятой называют себя протестантами или католиками. Они живут почти исключительно продуктами, доставляемыми их веерными пальмами, или «пальмирами»; от 10 до 60 таких дерев достаточно для прокормления целого семейства, но для этого «лазальщику», как обыкновенно называют шанарского плантатора, нужно каждый день взбираться на все свои пальмы; этот труд представляет в сложности, считая, средним числом, рост дерева в 15 метров, ежедневное восхождение на высоту 750 метров[1], а в апреле и мае, когда драгоценный напиток течет в наибольшем обилии, приходится даже по три раза в день влезать до кроны каждой пальмы[2].

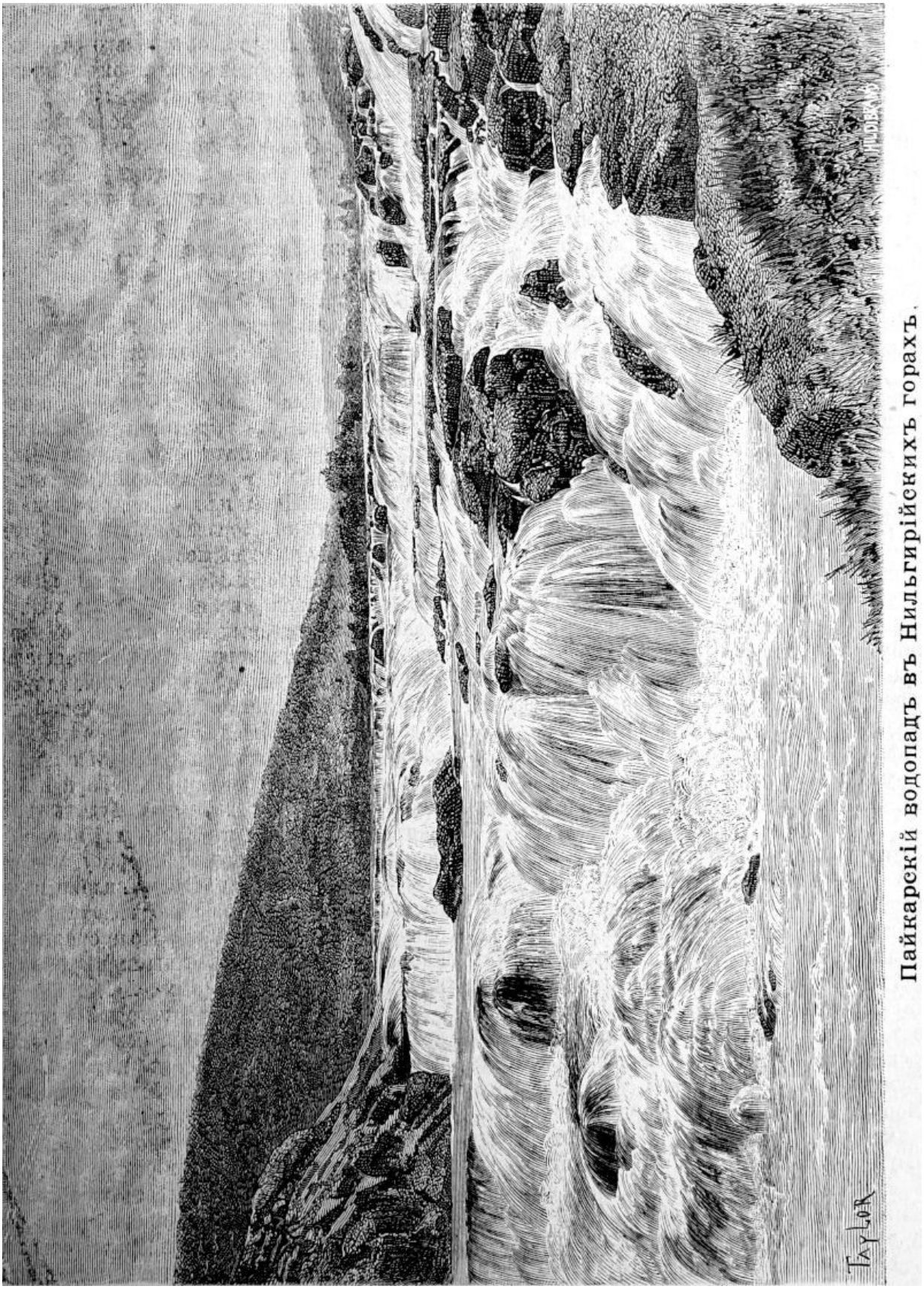
Мангалор, или «Счастливый город», называемый туземцами Кандиалом,—главный город Южной Канары и один из наиболее посещаемых портов этого негостеприимного берега; по словам Ибн-Батуты, там поселились, в половине четырнадцатого столетия, около четырех тысяч арабских купцов. На половину скрытый за группами кокосовых пальм, как все города Малабара, он построен на берегах лагуны, куда изливаются две реки, Натравати и Гурпур. Суда большого водоуглубления не могут перейти через бар, но небольшие суда, *дони* арабов и туземные *паттаморы*, являются во множестве в часы прилива, чтобы войти в спокойный бассейн лагуны. Мангалор, бывший некогда морским арсеналом Гейдар-Али, получил в последнее время исключительную важность по обширному вывозу кофе, производимого областью Кург; кофейные плантаторы сделали его одним из главных торговых центров, но гавань его причисляется к «неисправимым». Движение судоходства в бангалорском порте в 1875 году: 7.200 судов, общая их грузовместимость 528.000 тонн; ценность торговых оборотов в том же году 19.462.500 франк. Мангалор—один из тех городов, где христиан из туземцев, католиков и протестантов, насчитывается относительно наибольшее число; там находится, с 1834 года, местопребывание базельской миссии, которая основала многочисленные мастерские, где она дает работу своим прозелитам; некоторые из её миссионеров издали в свет многие драгоценные документы, относящиеся к народцам и языкам соседних стран.

Каннанор, или Каннур, лежащий на морском берегу, в 25 километрах к югу от мыса, хорошо известного мореплавателям, горы Дали или Делли, есть другой город Малабара, прославившийся в истории религии и торговли; в конце пятнадцатого столетия португальцы основали там миссию и торговую контору. Будучи портом, ближайшим к Майсуру и к плантациям Южного Кургa, Каннанор имеет, однако, ту невыгоду, что сообщается с внутренней страной лишь посредством дорог с очень крутыми подъемами, и при том, так же, как Мангалор, доступен только судам незначительной грузовместимости; королева или *биби*, избравшая своею резиденцией Каннанор, наследница династии государынь, не имеет владений на континенте, но английское правительство оставило ей половину архипелага Лакедивских островов. На юге, Телличери, более многолюдный город, также отправляет за границу кофе, перец, кардамон, сандальное дерево. Ценность торговых оборотов Каннанора в 1876 году равнялась 8.387.300 франк., а в Телличери она простиралась до 22.257.300 франк. Город Маге, находящийся в семи километрах южнее, составляет торговый пригород Телличери; это бывший Майги, которым овладел, в 1726 году, француз Маге-де-ла Бурдонне и которому он

1 J. Schrott, „Journal of the Ethnological Society“, vol. VII.

2 Bertrand, „Annales de la Propagation de la Foi“, mai 1841.

дал свое родовое имя[1]. Это французское владение, пространство которого не превышает 600 гектаров, было три раза отнимаемо англичанами, которые возвратили его только после разрушения городских стен и укреплений. Кроме того, Франции принадлежит еще в городе Ка-



Пайкарскій водопадъ въ Нильгирійскихъ горахъ.

ликут маленькая фактория, занимающая клочек земли в 2 гектара.

1 Malleson, „Histoire des Francais dans l'Inde“.

Каликут или Каликотта (т.е. «Крепость Петуха»)—самый большой город на Малабарском берегу, хотя при въезде в него путешественник замечает только шпалеры кокосовых пальм да три или четыре хижины вокруг маяка. В пятнадцатом столетии, когда европейцы в первый раз появились перед этим городом, он был столицей наирской конфедерации и резиденцией тамутири (сумури), или «заморина», т.е. «властителя моря». В 1486 году, первый португальский эмиссар, Ковильян, приехавший через Египет, сделался гостем царя, а двенадцать лет спустя, в 1498 году, Васко-де-Гама бросил якорь перед Каликутом: совершилось событие самое важное в истории Индии со времени похода Александра Македонского. Городу Каликуту пришлось жестоко пострадать от этих чужеземцев, которых он принял, как гостей. В 1501, 1502 и 1510 годах Кабраль, Гама, Альбукерк бомбардировали его, топили его корабли, вместе с женщинами и детьми, и впоследствии европейцы всякой национальности, французы, англичане, датчане, выжигали его, грабили и опустошали. Майсурские раджи тоже много раз предавали его разграблению. В конце прошлого столетия, когда им овладели англичане, он только что перед тем был разрушен султаном Типпо-Саибом: это было уже незначительное местечко, но с той эпохи он снова заселяется и обогащается. Однако, почти вся его торговля производится через посредство Бейпура, лежащего в 10 километрах южнее, но соединяющагося с городом предместьями и садами: в Бейпуре находится порт, отделенный от открытого моря баром, имеющим 4 метра воды во время отлива; несколько семейств моряков, живущих на этом берегу, носят, по словам Бастиана, название Чини-бечеган, что значит «Сыны китайцев»[1]. Суда, из которых иные поднимают до 300 тонн груза, приходят туда за золотой рудой из Вайнада, за кофе из плантаций в Голубых горах, за токовым деревом, приносимым течением Панна-Пойя, или «Золотой реки», и за всеми местными произведениями, привозимыми со станций Мадрасской железной дороги; но Бейпур уже не отправляет за границу тех бумажных тканей, «каликот», или калинкор (каленкор), которые получили свое название от резиденции заморина. В настоящее время Бейпур есть, на юге от Бомбея, единственный город западного берега, имеющий железнодорожное сообщение с восточным берегом, которое устроено благодаря широкому проходу между массивами Ниль-Гири и Анамалах. Этот рельсовый путь будет продолжен из Бейпура в Каликут, и рано или поздно заменит колесную дорогу, соединяющую гавани приморья. В 8 километрах к востоку от Бейпура находится старое кладбище, Чатапурамба, или «Поле смерти», усеянное долменами, известными в крае под именем «зонтичных камней».

Древний Кодунгалур, который европейцы называют Кранганором, был некогда соперником Каликута. Там царствовала династия наирских пермаулей, там же находились главные общины сирийских христиан и иудеев. Португальцы основали там цитадель, которая впоследствии была у них отнята голландцами. Цветущее состояние, которым пользовался в прежнее время Кранганор, объясняется его счастливым географическим положением; при этом городе прежде открывался единственный проток обширных береговых озер или лагун, которые продолжаются на юг до Квилонского мыса; там находились, так сказать, торговые ворота страны. Впоследствии другие протоки дали возможность другим городам приобрести такую же или еще большую важность. Так, Кочин (Кочи, Кочибандар), или «Малый Порт», построенный на береговом поясе, в том месте, где образовался самый широкий вход в лагуны, имеющий 4 метра глубины при низком стоянии воды, получил, естественно, первостепенное значение с тех пор, как суда переходят бар перед его берегами. Португальцы, не будучи в состоянии водвориться в Каликуте, приходили нагружать свои корабли в Кочине; в 1502 году Васко-де-Гама основал в этом городе португальскую факторию; в следующем году Альбукерк построил там укрепление. Там скончался Гама, там же была воздвигнута первая европейская церковь и отпечатана первая книга в Индии. В Кочине до сих пор существует колония иудеев, у которых знание еврейского языка еще не совершенно утратилось. В одно и то же время английский город и столица медиатизированнаго туземного государства, Кочин имеет весьма незначительное число европейских жителей; климат этой области берего-

1 „Reise durch Cambodja nach Cochinchina“.

вых лагун, где пресные воды перемешиваются с солеными, в высшей степени опасен, и редкий из европейцев избегает нервных болезней, диссентерии или элефантиазиса, известного под именем «кочинской ноги». Внутри материка, на расстоянии 15 километров от морского берега, эта страшная болезнь не делает более жертв.

К югу от Кочина, город Алеппи или Алапалли, построенный на береговом кордоне, у южной оконечности самой длинной лагуны этого берега, есть теперь наиболее посещаемый порт этой области Малабара. Внутренния воды лагуны сообщаются с водами океана посредством искусственного канала, а части города, расположенные на том и другом берегу, соединены железной дорогой с слоновой тягой. Рейд не защищен от ветров и зыби никаким мысом, но суда могут стоят там в безопасности, благодаря одному из тех островков из грязи, еще неисследованных естествоиспытателями, которыми усеяны моря, прилегающие к индийским берегам. Движение судоходства в Аллепском рейде в течение фискального 1876—1877 года: в приходе и отходе 776 судов, общая грузовместимость которых равнялась 163.000 тонн; ценность торговых оборотов простиралась до 4.355.000 франков. Порт Квилон, лежащий у подошвы скалистого мыса, менее важен в торговом отношении, нежели Алеппи, но он имеет значение как главная военная станция Траванкора. области, обыкновенно называемой браманами Дхармабхами. что значит «Страна Милосердия». Это очень древний город: имя его появляется в средневековых памятниках письменности под разными формами —Каулам, Коллам, Колон, Коламба, Колумбум, а знаменитый венецианский путешественник Марко-Поло называет его Койлум. В прежния времена Квилон был одним из главных портов по вывозу перца, имбиря и дерева «бразильет», или сапан (Caesalpinia sapan), от которого получила свое имя португальская Америка[1]. Эра Траванкора начинается со времени восстановления этого города в 1019 году христианского летосчисления. Квилон сообщается с Тинневелли колесною дорогою, которая пролегает через цепь Кардамоновых гор и которую в скором времени заменит рельсовый путь, соединенный ветвью с Тривандрамом, столицей Траванкорского государства.

Этот большой город расположен не у самого моря; песчаная равнина, шириною в 8 километров, отделяет его от морского берега, о который постоянно ударяются волны зыби; редкие корабли бросают якорь против этого опасного берега. Тривандрам построен частью на низменных землях, окаймленных болотами, частью на латеритовых пригорках, возвышающихся от 15 до 60 метров над уровнем окружающих равнин. Крепость, окруженная старой стеной, которая теперь служит только к тому, чтобы удалять от королевской резиденции людей низшей касты, находится в нижнем городе; она заключает в себе знаменитый храм Вишну, один из замечательнейших по необычайному обилию орнаментов из резьбы на дереве. Тривандрам имеет многочисленные учебные заведения; кроме того, там существует обсерватория, а также богатый музей строительного искусства и естественной истории. Окружающие равнины прокармливают значительное население благодаря лесам арек, кокосовых и веерных пальм, осеняющих своими кронами домики поселян. По статистике Траванкора, пальмовые леса этой страны содержат свыше 22 миллионов дерев. Сотни пальм достаточно, чтобы прокормить и содержать две семьи, доставляя им все необходимое для жилища, одежды и даже для удовольствий жизни и удовлетворения потребностей, относящихся к роскоши; туземцы насчитывают 801 способ утилизирования древесины, волокна, листьев, сока или плодов растения borassus flabelliformis, а «дерево это может приносить плоды тысячу лет», говорит местная пословица[2].

На восточной покатости население сгруппировалось в значительном числе лишь в местностях, хорошо орошаемых, преимущественно в бассейне реки Кавери; жители редко рассеяны в областях нагорья, главным образом по берегам реки Пеннар, а голод 1877 года еще более уменьшил их число. Город Куддапах, близ южного берега Пеннара, имеет некоторую важность, как промышленный центр (фабрики хлопчатобумажных изделий); но самый

1 Yule, „The Book of ser Marco Polo“.

2 Mateer, „The Land of Charity“.

многолюдный город лежит в аллювиальной равнине, недалеко от моря: это древняя Неллора, где, при раскопках, нашли монеты времен императоров Траяна, Адриана, Фаустина[1]. Город этот не имеет порта на Коромандельском берегу, он не соединен рельсовым путем и с сетью железных дорог, но судоходный канал, недавно прорытый, связывает его с Мадрасом. Неллора считается литературной столицей земель языка телугу.

Мадрас, главный город обширной провинции, или президентства, Южной Индии и третий город Англо-индийской империи по числу жителей, не из тех необходимых городов, положение которых было, так сказать, наперед определено географическими условиями, как притягательных центров для населения, группирующагося в таких местах сотнями тысяч. Может быть, река Палар некогда изливалась в море у Мадраса, но теперь она уклоняется от него на большое расстояние к югу; правильный плоский берег не изгибается в этом месте, чтобы образовать бухту, где могли бы находить пристанище корабли; море там даже гораздо более опасно, чем у южных берегов, и циклоны часто развертывают там свои грозные спирали, тогда как в Пондишери они редко дают себя чувствовать; во время этих воздушных круговоротов суда, неуспевшие во-время уйти в открытое море, обречены на неминуемую гибель; так, французский флот, под начальством Ла-Бурдонне, потерпел крушение от урагана три недели спустя после сдачи цитадели. Нельзя не пожалеть, что фактория Армагом, основанная англичанами в 1628 году, в 68 километрах к северу от Мадраса, на песчаной стрелке, ограничивающей с восточной стороны лагуну Пуликат, не была сохранена ост-индской компанией, как главная её контора, ибо в этом месте морского берега, называемом также «Блеквудовою гаванью» (Blackwood's Harbour), рейд, хорошо защищенный песчаною мелью, представляет кораблям глубины до 10 метров (14 аршин) у самого берега[2]; но береговая полоса, слишком узкая, не была бы достаточна для постройки города. В местностях, окружающих Мадрас, не увидишь ни одной из тех естественных достопримечательностей, которые привлекают толпы посетителей и служат притягательным центром населению промышленному или торговому; Марко-Поло говорит о Майлапуре, нынешнем предместьи Мадраса, как о «городке, где очень мало товара и который не легко доступен». Мадрас обязан своим счастьем выбору правительства, учредившего в нем местопребывание главного управления провинции. Сделавшись местом соединения больших дорог и каналов, затем пунктом, где сходятся железнодорожные линии Южной Индии, он восполнил недостаток естественных выгод географического положения теми преимуществами, которые создаются трудом человека: ему недоставало только искусственного порта, чтобы стать соперником Калькутты. С половины прошлого столетия суммарные, далеко не точные исчисления приписывали ему миллионное население; но первая правильная перепись, произведенная в 1871 году, не нашла даже 400 000 жителей в городе и его предместьях; десять лет спустя это число увеличилось всего только несколькими тысячами.

Если Мадрас не может сравниться с большими городами земного шара многочисленностью населения, то он занимает столь же обширное пространство, как многие города, втрое или вчетверо более многолюдные; от лимана Адиар, составляющего южную его границу, до северных предместий строения следуют непрерывным рядом вдоль берега моря на протяжении 13 километров. Вся площадь Мадраса равна 70 квадрат. километрам, но значительная часть этой территории состоит из полей, окружающих уединенные пригородные деревни или поселки. Самая значительная часть города, которую англичане называют Black town, «Черным городом», потому что она населена преимущественно туземцами, есть в то же время средоточие крупной торговли. На южной стороне, близ морского берега, стоит форт св. Георгия, окруженный обширными эспланадами и заключающий некоторые из присутственных мест, но не имеющий более никакой важности, как цитадель. За длинным узким озером, которое называют рекой Куам, хотя она большую часть года бывает отделена от моря, простирается квартал Трипликан, затем следуют еще другие лагуны и местечко Сен-Томе (прежде

1 Hunter, „Imperial Gazetteer of India“.

2 Taylor, „The Harbours of India“.

Майлапур). Внутри материка несколько кварталов, населенных каждый особенной кастой, составляют как бы отдельные города, отделенные один от другого полями, садами или прудами. Большая часть домов ослепительной белизны, благодаря *чунаму*, особого рода штукатурке, которою покрывают камень и которая нежностью зерна не уступает лучшему мрамору; но замечательных памятников архитектуры мало. Город имеет музеи строительного искусства, естественной истории и, в своем колледже, драгоценную коллекцию Макензи, одно из важнейших собраний для изучения истории и этнографии Индии. Обсерватория, находящаяся за городом, с западной стороны, служит начальною точкою триангуляции Южной Индии и регулирует часы железнодорожных станций (точное положение её 13°4'6" с. ш. и 80°17'22" в. д. от Гринвича или 77°57'1" от Парижа); через эту обсерваторию проходит главный меридиан Индии, пересекающий Цейлон, или «Ланку», как и меридиан древних индусских астрономов.

Несмотря на трудности причаливания для купеческих кораблей, Мадрас занимает, по размерам торговли, как и по числу жителей, третье место между городами Индии. В среднем выводе годовое движение судоходства в рейде, по приходу и отходу, достигает 3.000 больших судов, с грузом около полутора миллиона тонн; главные предметы вывоза составляют кофе, сахар, индиго, маслянистые и красильные вещества, хлопок, колониальные продукты, обмениваемые на европейские мануфактурные произведения, преимущественно ткани и металлические изделия. В 1877 году голод, свирепствовавший во внутренних провинциях, увеличил почти на треть общую сумму торговых сделок. Обороты внешней торговли Мадраса в 1893 г.: привоз—на 63.290.000, вывоз—на 54.712.000 рупий. Известно, что в прежнее время Мадрас принадлежал к числу городов, очень неудобных для судоходства по причине затруднительности подступа. Суда бросали якорь на расстоянии от 800 до 1.600 метров от берега, и потому товары и пассажиров нужно было перевозить на землю через последовательные волны зыби в шеллингах, или *масулах*, больших лодках из мангового дерева, все части которых обложены циновками, сшитыми кокосовой ниткой, для того, чтобы лодка сохраняла свою упругость под ударами волн; когда море бушевало и волны поднимались на несколько метров по бокам корабля, пассажиров нужно было привязывать к креслу, повешенному на шесте, и таким образом спускать в шеллинг, пляшущий на волнах. Туземцы употребляют катамаран, род плота, по которому перекатываются волны, унося иногда и гребцов, которых минуту спустя опять видишь карабкающимися на свой утлый челн. Теперь построено жете в 335 метров, позволяющее большинству судов причаливать к дамбе и высаживать пассажиров; но зыбь до такой степени сильна, что этот мол уже два раза был разрушен судами, выброшенными поперек плотины. С 1874 года работают над сооружением искусственного порта, обширного прямоугольника, имеющего около 1.000 метров длины в каждой стороне, где самые большие корабли найдут безопасное пристанище в гавани, глубина которой не менее 12 и 13 метров; циклоны уже не раз прерывали работы и разрушили часть начатых молов.

В 10 и 15 километрах к юго-западу от форта св. Георгия, считаемого оффициальным центром Мадраса, возвышаются два холма, которые известны под именем «гор» св. Фомы и на которых, по преданию, пустынножительствовал апостол. Португальская церковь, построенная на «большой горе», самой дальней из этих горок, заключает древний крест с надписью на языке пельви, относящейся к седьмому или восьмому столетию; но вероятно, что святыня, о которой говорит Марко-Поло и которую христиане и «сарацины» посещали с одинаковым благоговением, стояла на вершине «малой горы» апостола Фомы, в Майлапуре[1]. Неподалеку от этого холма находится вилла губернатора, замечательная своими садами. Но на линии железной дороги, которая поднимается на запад, затем на северо-запад, к Майсурским плоскогорьям, некоторые индусские святыни привлекают гораздо большую массу богомольцев, чем часовня апостола Фомы. В Тирутани, или Тритани, ежегодно более сотни тысяч пилигримов останавливаются на станции, чтобы помолиться в храме, посвященном богу Сиве; в Тирупати, или Трипати, верующие стекаются в еще большем числе. Храм, посвя-

1 Yule, „The Book of ser Marco Polo".

щенный одному из воплощений бога Вишну, стоит на пике, высотою в 800 метров, голом каменном конусе, окруженном другими горными вершинами, тоже без всякой растительности; дорога, длиною в 10 километров, следует по склонам горы и проходит под тремя порталами, куда европеец был допущен в первый раз только в 1870 году. Несмотря на приношения пилигримов, храм в Тритани, бедный украшениями, имеет вид ветхой, полуразвалившейся лачуги. Самые любопытные памятники в окрестностях Мадраса—это «Семь Пагод» и священные гроты Магалипур, или «город Великого Бали» (Магамалайпурам, Мавалипур), которые находятся на берегу моря, километрах в пятидесяти к югу от Мадраса. В этом месте небольшой гранитный массив возвышается, на подобие острова, среди песчаных равнин. Утесы скалы изрыты пещерами, из которых одни грубо изваяны, другие расположены в форме храмов, которым предшествуют портики и колоннады. Посреди моря, в некотором расстоянии от берега и среди выступающих подводных камней, о которых туземцы говорят, что это развалины затонувшего города, высится пирамидальная пагода, стоящая напротив двух святилищ более нового происхождения, посвященных Сиве и Вишну. Наконец, там же находится длинная гранитная горка, совершенно иссеченная снаружи и внутри, так что вся каменная масса образует пять отдельных храмов. Вместе с знаменитым Кайласом, в Эллоре, это единственные примеры зодчества этого рода, какие существуют в Индии. Монолиты эти принадлежат нескольким векам: обнимая период времени от шестого до четырнадцатого столетия христианской эры, тут следуют один за другим различные стили—буддийский, джайнский, дравидский,—в колоннадах, скульптурных произведениях и надписях[1].

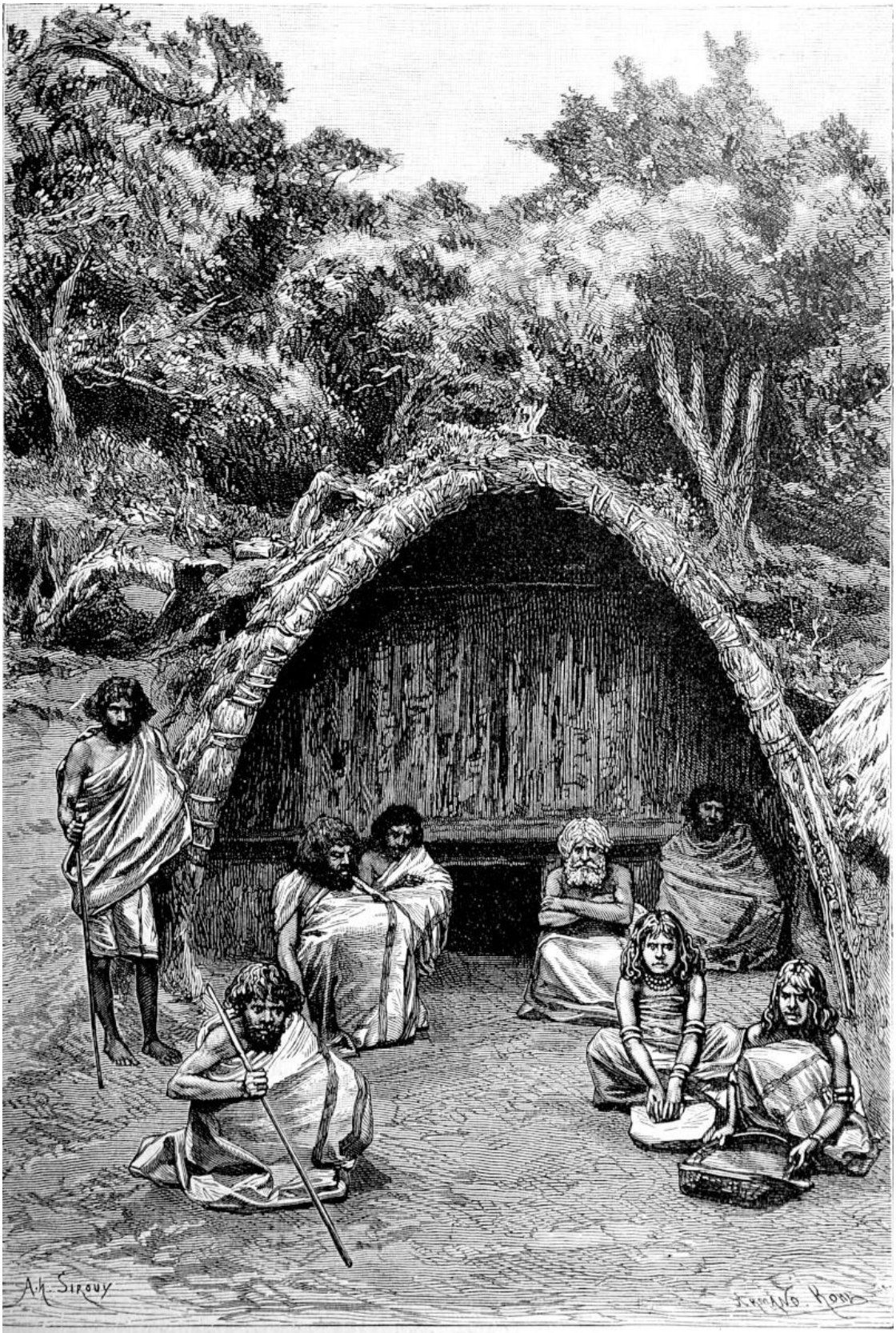
Река Палар, изливающаяся в море на небольшом расстоянии к югу от Семи Пагод, близ древнего города Садрас, орошает богатую местность. Город Веллор, крепость, прославившаяся в истории войн прошлого столетия, не имеет более трех рвов, которые англичане населили крокодилами[2]; это торговый и цветущий центр населения, тогда как соседний город, Аркот, бывшая столица Карнатики, теперь в упадке: от былого величия в нем остались только мечети да надгробные памятники; с военной точки зрения, европейский городок Ранипет, лежащий на левом берегу Палара, имеет более важное значение, чем Веллор. Далее на востоке, тоже в долине Палара, большой город Конджеварам, соединенный с главною железнодорожною линиею Коромандельского берега ветвью из Чинглепута, замечателен своими огромными пагодами, из которых одна, имеющая 57 метров высоты, есть самый высокий храм в Южной Индии. В 1780 году, двадцати-пяти-тысячная армия англичан и сипаев, расположенная в ограде этого храма, выдерживала осаду против войск Гайдар-Али. С вершины узорчатой пирамиды можно, в ясный день, видеть гору св. Фомы, находящуюся в расстоянии 64 километров к северо-востоку.

Между Паларом и южным Пеннаром, или Понсаром, самый многолюдный город приморья—французский Пондишери, Понду-черри или Пуль-черри, «Новая деревня», который люди высшей касты называют Понду-Нагар, что значит «Новый замок». Это самый важный из городов, которые Франция сохранила из своей прежней колониальной империи в Индии. Купленное в 1693 году комендантом Мартеном, взамен города св. Фомы, которым незадолго перед тем овладели голландцы, маленькое поселение париев быстро разрослось; в течение большей части восемнадцатого столетия Пондишери был центром значительного торгового движения. Взятый англичанами, он был возвращен Франции лишь в 1816 году; но, в силу трактатов. французскому правительству воспрещено возводить какие бы то ни было укрепления на этом владении и содержать там какую-либо вооруженную силу, исключая полицейской стражи. Кроме того, территория была разделена самым странным образом и представляет крайне запутанную чересполосицу; везде, даже у ворот Пондишери, анклавы или участки британской почвы врезываются клином во французские округа, давая англичанам возвышенные позиции, удобные для установки батарей; здесь дорога принадлежит Англии, тогда как рвы, которыми она обведена, стоят под французскою юрисдикцией: далее, пруд за-

1 Fergusson, „Picturesque Illustrations of ancient Architecture in Hindustan“.

2 Perrin, „Voyage dans l'Indostan“.

висит от мадрасского начальства, тогда как земли, орошаемые проведенными из него ирригационными каналами, подведомственны пондишерийским властям; есть даже пространство, находящееся в нераздельном владении: это полоса земли вокруг деревни Ваданур, где доля



Типы племени тоддовъ.

собственности, принадлежащая французскому правительству, составляет лишь пять двенадцатых. Вся территория, так курьёзно размежеванная, равняется 29.122 гектарам, и около двух третей её занимают возделанные земли. Рисовые поля, плантации хлопчатника и инди-

го, участки, засеянные бананами, лески и рощи пальм и других дерев покрывают все пространство, которое не занято под дороги, пруды или постройки туземных деревень и европейских поселений, называемых альдеями[1].

Когда территория Пондишери была возвращена Франции, население её составляло около 25.000 душ; теперь оно удвоилось в самом городе и ушестерилось в округе; но европейцев, не считая метисов (помесей), называемых *топа*, т.е. «шляпниками» (потому что они носят шляпы), едва наберется тысяча душ. «Белый город», образующий неправильный осьмиугольник, расположен вдоль морского берега, и улицы в нем пересекаются под прямым углом. Дома почти все отделены от улицы маленькими дворами, красиво усаженными цветами, и каждый год заново покрываются штукатуркой блестящего белого, как мрамор, цвета или различных цветов, желтого, голубого, красного, золотисто-желтого, алого. Вне полигона «белого города» тянутся обширные кварталы на северном берегу, среди леса кокосовых пальм, тамариндов, акаций, тюльпановых деревьев, и дороги, направляющиеся внутрь материка, обставлены по бокам «черными городами», на половину затерянными в зелени. От Губернаторской площади до Вилленура, на протяжении около 10 верст, постоянно идешь между рядами домов и фруктовых садов. Прекрасные парки и акклиматизационный сад способствуют, вместе с лесами, ассенизации атмосферы, но на юге река Ганга, или Арианкупом, не имеющая сообщения с морем в сухое время года, разливается в виде нездоровых лагун. Прежде жители Пондишери должны были употреблять очень дурную, вредную для здоровья, воду; теперь город получает отличную воду из семи артезианских колодцев, выкопанных на различных глубинах, от 24 до 172 метров. Немногие из английских городов низменных равнин Индии могут сравниться, в отношении чистоты и хорошего содержания, со «старою Понди», как ее нежно называют туземцы. Но по размерам торговли французский город, окруженный поясом таможен и располагающий незначительным округом, далеко не имеет той важности, как английские города, равные ему по количеству народонаселения. А между тем, на стороне его то преимущество, что он омывается гораздо более спокойным, менее волнующимся морем, чем Мадрас, и что соседния с ним воды никогда не испытывают потрясений, производимых в других местах циклонами. Чугунное жете, длиною слишком в 200 метров, лучше содержимое, чем мадрасское, облегчает разгрузку кораблей, и маяк, первый по времени сооружения на восточном берегу Полуострова, освещает, с 1835 года, проходы якорной стоянки судов. В 1879 году железная дорога, построенная в большей части на средства самой колонии, соединила Пондишери с сетью железных путей английской Индии.

Движение внешней торговли в Пондишери в 1892 г: привоз—5.000.000 франк., вывоз—19.300.000 франк.

Главные промыслы города—приготовление табачных изделий и тканье материй; одна из его прядильных фабрик дает занятие 2.000 рабочих; 4.000 ткацких станков действуют в его территории. Пондишерийские туземцы лучше знают и чище говорят по-французски, чем жители больших городов Индийской империи по-английски[2].

Гудалур или Куддалор, «Город слияний», получивший такое название от двух рек Гуддилам и Паравануp, впадающих там в море (впрочем, только в период дождей), лежит на Коромандельском берегу, в расстоянии всего каких нибудь 25 километров к югу от Пондишери. Он состоит в действительности из двух отдельных городов—европейского и туземного; в пяти километрах к северо-западу видны развалины крепости св. Давида, которая впродолжении шести лет, с 1746 по 1752 год, была столицей английских владений в Южной Индии и которою французы дважды овладевали,—в первый раз в 1758, во второй в 1782 году. Порто-Ново (Новый-Порт) или Феринги-пет, «Город Франков», следующий за Гудалуром на Коромандельском берегу, ведет лишь незначительную каботажную торговлю, еще в меньших размерах, нежели Гудалур. Менее чем в 15 километрах к югу от Нового Порта находятся город и знаменитые храмы Чедамбарам или Чиламбрам. Главный памятник, или «Золотое

1 Canmain, рукописные заметки.

2 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.

Святилище», посвященное богу Сиве, представляет обширное собрание построек, окруженное стеной длиною в 1.600 метров. Четыре восьми-этажные портала, или *гопуры*, ведут в преддверия храма. Одна из узорчатых пирамид, отражающихся в зеркальной поверхности священного пруда, покоится на целом лесе колонн-монолитов: это «храм с тысячью столбов»; но некоторые из колонн опрокинуты; осталось только 974. Невольно дивишься при мысли о том громадном труде, который представляют эти колоссальные здания, воздвигнутые из глыб гранита, имеющих до 13 метров длины; а между тем ближайшие каменоломни находятся оттуда на расстоянии слишком 60 километров. Декабрьская ярмарка, на которую стекаются пилигримы и купцы, соединяет иногда до 80.000 человек вокруг Чедамбарамских храмов[1]. Во всем мире нет страны, где на территории относительно не обширной можно было бы встретить такое множество памятников зодчества, поражающих своим богатством, колоссальностью размеров и в особенности своею изумительною обшивкою из скульптурных украшений; кажется, что целый народ движется на ступенях этих пирамидальных масс. Города Майяверам и Хумбоконам, на танджорской железной дороге, заключают в себе некоторые из этих великолепных храмов, славящихся во всей Индии, как одно из «семи» чудес дравидского мира.

Эти многочисленные пагоды сгруппированы недалеко от северной ветви Кавери: мы находимся уже в бассейне этой реки, которая берет начало в 500 километрах к западу на восточной отлогости Кургских гор; один из её верхних притоков проходит у подошвы холма, на котором раскинулась Меркара, столица территории и «красивейший город южной Индии»[2]. Знаменитый город Серингапатам (Срирангапатам), или «Град бога Вишну», бывшая столица Майсурского государства, расположен на острове, покрытом рисовыми полями и плантациями сахарного тростника. Укрепления, возведенные султаном Типпо-Саибом, остались до сих пор в том же состоянии, в каком они находились на другой день штурма, произведенного англичанами в 1799 году; только бреши в стенах заросли деревьями и лианами, которые придают целому необыкновенно живописный вид; кое-какие остатки дворцов видны еще посреди ограды. Серингапатам не был возвращен Майсурскому государю победителями; составляя непосредственное владение британского правительства, он только отдан во временное пользование или в аренду магарадже. По причине своего, очень нездорового для европейцев, климата, Серингапатам был покинут, как место расположения войска на кантонир-квартирах; в конце прошлого столетия, 500 французов с острова св. Маврикия, жившие при дворе султана Типпо-Саиба, почти все сделались жертвой лихорадки; через четыре года оставалось в живых только 25 человек. В настоящее время население острова, по крайней мере, в десять раз меньше той цифры, которой оно достигало в прошлом столетии.

Нынешняя резиденция—Майсур (Майсор), построенный на более возвышенной местности, в 16 километрах к юго-востоку от Серингапатама; но администрация края имеет свое пребывание в городе Бангалоре, в восточной части княжества и вблизи английской границы. Этот город, лежащий на высоте 924 метров, считается самым здоровым во всем Майсорском государстве, и потому там поселились тысячи европейцев, преимущественно ветераны; один бангалорский квартал, с его виллами, церквами, музеем, парком и садами, имеет вид совершенно британского города. Туземное население, очень трудолюбивое, занимается выделкой ковров и тканьем материй, шелковых и бумажных. Торговля Бангалора, особенно по сбыту хлебных продуктов и хлопка, весьма значительна и должна еще более увеличиться с проведением новых железных дорог, которые соединятся в этом городе с сетью рельсовых путей Южной Индии. Одна из этих линий будет проведена на Гасан, город, лежащий на восточном склоне Гатских гор, недалеко от перевала, через который пролегает обыкновенная дорога, спускающаяся к Мангалору. В соседстве Гасана есть несколько храмов, которые принадлежат к замечательнейшим религиозным памятникам Дравидии по необычайному богатству и разнообразию скульптурных украшений. Вокруг стен святилища Галебид, на

1 Paris „Tour do Monde“, 1867.

2 Clements Markham, „Travels in Peru and India“.

протяжении слишком 200 метров, развертываются расположенные поясами один над другим фризы, представляющие слонов, тигров, лошадей, быков, птиц, символических животных; целыми тысячами насчитываются фигурки, изваянные резцом с удивительным совершенством. Колоссальный лежащий бык, длиною в 27 метров (12,6 сажен), охраняет северный вход здания[1].

На юг от Майсура лежит Утакамунд, главный город Голубых гор и важнейшая санитарная станция южной Индии, город нового происхождения; его отели, виллы и дачи рассеяны на значительном пространстве, на средней высоте 2.200 метров; на востоке высятся крутые склоны Додабетты. Котагири (Хотагерри) и Коннур тоже населены европейцами. Английские города получили большую важность, как центры культуры для экзотических растений; в Утакамунде существует три опытных сада, которые расположены один над другим на различных высотах по отлогостям плоскогорья. Первые отсадки хинного дерева были привезены из Перу в Индию в 1860 году, и уже два года спустя 25.000 деревъ отлично произрастали в окрестностях Утакамунда[2]; теперь обширные леса хинного дерева заменили большую часть травяных пространств и джунглей плоскогорья и доставляют английским армиям обильный запас противолихорадочной коры. Однако, главные плантации на Ниль-Гири—кофейные, и с 1840 года многочисленные концессионеры расчистили под насаждения кофейного дерева склоны гор между 800 и 1.500 метров высоты. Далее на север, область Вайнад дает еще более обильные сборы кофе, чем плантации Голубых гор, и во время кофейного сезона дороги, спускающиеся к морскому прибрежью, бывают загромождены вереницами телег, нагруженных этим продуктом. В последнее время Вайнад получил исключительную важность, благодаря своим золотым приискам, которые прежде разработывались индусами, но затем, вследствие войн, были покинуты, несмотря на их богатство. Месторождения драгоценного металла везде соединены с жилами или «рифами» белого кварца, толщиною от 6 до 10 метров, которые выступают наружу из масс гнейса или гранита; туземные рудокопы разбивали этот золотоносный кварц при помощи огней, зажигаемых в углублениях, пробитых в скале; теперь возле особенно богатых металлом пластов установлены камнедробильные машины. Главные золотые прииски находятся в соседстве Девалы, лежащей в 44 километрах к югу от Манантавади, главного города области Вайнад. Акционерный капитал золотопромышленных компаний Вайнада, в апреле 1881 года, составлял 75.000.000 фран.

Город Паль-Гат, который наблюдает за порогом или *гатом* того же имени, открывающимся между горными массами Ниль-Гири и Анамалах, привлекает путешественников, как место перевала и как рынок; этот некогда важный стратегический пункт сделался торговым местом с тех пор, как в стране воцарился «британский мир». Но самый многолюдный город этой раздельной области—Коимбатур, лежащий тоже на большой дороге и при железном пути из Мадраса в Бейпур: здесь сходятся дороги, которые спускаются с двух горных массивов, высящихся друг против друга; соседняя пагода, находящаяся в Перуре, есть одна из наиболее чтимых святынь Индии, один из трех единственных индусских храмов, которые пощадил мусульманский фанатик, султан Типпо-Саиб. На северо-востоке, город «Скалы», Шелам или Селам,—имя, которое англичане, по библейскому воспоминанию, переделали в Салем,—превзошел Коимбатур в важности, благодаря плодородию окружающей равнины, где ирригационная вода, проведенная на поля и плантации из 200 резервуаров, обильно орошает почву, производящую богатые урожаи индиго, хлопка, табаку. В окрестных невысоких холмах добывают железную руду, из которой выделывается превосходная сталь. Культура кофейного дерева также была введена в долинах гор Шиварай, господствующих на северо-востоке над Салемской равниной, и англичане основали уже там маленькую санитарную деревню, Еркад, на высоте 1.310 метров.

Большой город Тричинаполи, самое значительное городское поселение к югу от Мадраса и Пондишери, занимает стрелку дельты Кавери, центр расхождения каналов, которые раз-

1 James Fergusson, „History of Architecture“.

2 Clements Markham, „Travels in Peru and India“.

носят плодородие в «этот сад полуденной Индии», столь богатый рисовыми полями, пальмовыми лесами, фруктовыми садами, табачными плантациями. Квартал крепости, стены которой недавно срыты, окружает гнейсовую скалу, возвышающуюся на 82 метра, на верхушке которой стоят храм Сивы и некоторые другие строения; эта горка, гладкия стены которой испещрены разноцветными полосами, происходящими от стока дождевой воды и порослей лишаев, подала повод к разным легендам, вследствие которых город и получил имя Тричинаполи, означающее «град триглавых демонов». Это одна из позиций, которые французы и англичане всего энергичнее оспаривали друг у друга во время войн прошлого столетия. С вершины скалы вид простирается на запад до гор, которые ограничивают равнину, усеянную другими глыбами гнейса, совершенно уединенными, так же, как и горка в Тричинаполи. На севере, на одном из островов реки Кавери, стоят высокие порталы пирамидальной формы, или гопуры, прекрасного Срирангамского (Серингамского) храма, посвященного богу Вишну, храма, который впродолжении нескольких лет служил цитаделью французам[1]; если бы этот памятник религиозного зодчества, относящийся, по времени сооружения, к первым годам восемнадцатого столетия, был окончен, он имел бы двадцать гопур или порталов, из которых каждый, по своим колоссальным размерам, представлял бы отдельный памятник. Другое величественное здание, в соседстве с предыдущим, было построено в честь Сивы; таким образом, в Южной Индии храмы распределяются по-парно, так что каждая пара посвящена двум главным богам современного пантеона.

Танджор или Танджавур, к востоку от Тричинаполи и недалеко от центра дельты, был некогда столицей индусского царства Чола или Чора, название которого, по мнению большинства этимологов, находится в имени Коромандель. Танджор—промышленный город, и его галантерейные изделия славятся не менее тех же изделий, фабрикуемых в Тричинаполи; но красу и гордость его составляет знаменитый храм четырнадцатого столетия, если не самый обширный, то первый по чистоте стиля и красивейший из всех памятников религиозного зодчества, какие существуют в дравидийских странах. Главная пирамида, или *вимар*, возвышающаяся на 60 метров и увенчанная куполом-монолитом, состоит из тринадцати этажей, поддерживаемых кубическим цоколем, с двумя расположенными один над другим рядами колонн; характеристические мотивы его архитектуры—это изваяния в форме веера, которые, вероятию, напоминают перья павлина, священной птицы. Одна из соседних пагод, посвященная Субраманье, сыну Сивы, еще более замечательна изяществом формы и совершенством деталей: не будь такого обилия скульптурных украшений, можно бы было подумать, что видишь перед собою произведение итальянского зодчества эпохи возрождения. На юго-востоке, храм в Манаргуди пользуется почти такою же славой, как и танджорский; он тоже причисляется к «семи» знаменитым пагодам.

Местности столь плодоносные и столь густо населенные, как равнины по нижнему течению Кавери, должны бы были иметь значительный порт, который служил бы им посредником в торговых сношениях с заграничными рынками: но берег на восточном фронте дельты опасен для кораблей, и потому почти все движение торгового обмена производится через мадрасский рейд. Однако, железная дорога, соединяющая города Тричинаполи и Танджор, приносит на набережные Негапатама много произведений края, которые лаббаи, арабы смешанной расы, захватившие в свои руки почти всю местную торговлю, отправляют на остров Цейлон, в Рангун, в Сингапур. Средняя годовая ценность внешней торговли негапатамского порта, за пятилетний период, с 1875 до 1880 года, составляла 22.820.000 франков. Негапатам, или «Змеиный город», уже известный древним грекам под именем Нигамос, есть один из первых городов, попавших во власть европейцев. Португальцы, голландцы, англичане последовательно сменяли друг друга в качестве чужеземных владетелей. Километрах в двадцати к северу от Негапатама, на одном из рукавов реки Кавери, находится город Карикаль, французская контора, вторая в Индии по важности торговых сношений; суда, вместимостью до 200 тонн, привозящие, по большей части, лес и европейские мануфактурные товары,

1 Grandidier, „Tour du Monde“, XX, 1869.

приходят туда за грузами риса для Цейлона, Франции, острова Соединения. Пространство территории Карикаль: 135.2 кв. килом.; народонаселение в 1895 году: 60.376 душ. Хотя несоединенный с сетью железных дорог, Карикаль остался цветущим городом, тогда как Транкебар, или Тарагамбади,—по-тамильски «Город Волн», пришел в упадок. Негапатамская железная дорога отвлекла от него всю торговлю. Транкебар впродолжении двух слишком столетий был датской колонией; затем, вместе с городом Серампуром, он был продан Англии за 500.000 франков. Первая протестантская миссия, появившаяся на почве Индии, была основана в Транкебаре.

На юге бассейна Кавери, Мадура долгое время была метрополией южной Индии; она была столицей того царства пандиев или пандионов (Пандиа мандалам), о котором говорят греческие географы и которое посылало два посольства в Рим; по словам летописей, она была основана в пятом столетии до Р. Х. иммигрантами, пришедшими с севера. В начале христианской эры царство это было главным центром образованности на Полуострове; в ту эпоху школьное ученье стало уже обязательным для всех детей, достигших пятилетнего возраста; их вводили в школу, к подножию статуи Ганесы, бога мудрости, и с большою торжественностью вписывали их имена в публичные реестры. Своим названием Мадура, вероятно, была обязана священному городу на берегах Джамны, Мутре, или Матуре; полагают, что и остров Мадура, близ Явы, получил то же самое наименование от индусов, приходивших туда проповедывать свой культ. Древний город, частью вновь отстроенный и ассенированный англичанами, сохранил некоторые памятники своего прошлого, между прочим, одну пагоду, портал которой (недоконченный) и неф могут сравниться со всем, что Полуостров имеет наиболее великолепного и наиболее смелого по замыслу среди своих многочисленных памятников религиозного зодчества[1]. Дворец, который по времени постройки относится к первой половине восемнадцатого столетия, представляет образцовое произведение гражданской архитектуры в Южной Индии: мавританское искусство соединилось в нем с индусским стилем и придает ему больше изящества и грации, облегчив его от подавляющего хаоса бесчисленных мифологических изваяний; предание гласит, что постройка этого дворца производилась под руководством какого-то европейского мастера.

Мадура соединена железною дорогой, с одной стороны, с городом Диндигалем, с другой—с городом Тинневелли. Диндигаль был некогда очень важным пунктом в стратегическом отношении, благодаря своему положению у подошвы укрепленного пригорка, командующего дорогами на востоке гор Пальни; Тинневелли—главный город конечного округа Индии, между мысом Коморин и Рыболовным берегом. Тинневелли стоит при реке Тамрапарни и образует два города-близнеца с Паламкоттаем, построенным на противоположном берегу той же реки, в 4 километрах к юго-востоку. Титул главного города принадлежит Тинневелли, но местопребывание окружного управления находится в Паламкоттае. Европейские резиденты обоих этих городов часто отправляются на дачу в город Куталлам, лежащий на западе, близ водопадов верхней Тамрапарни, и в проломе гор, чрез который проходят юго-западные ветры, освежающие раскаленную удушливую атмосферу над равнинами. На востоке, ветвь железного пути соединяет Тинневелли с портом Тутикорин, или Туттукуди, который расположен на бесплодном песчаном берегу, продолжающемся нечувствительною покатостью под поверхностью вод моря. Корабли бросают якорь в 4 километрах от берега и сообщаются с портом посредством мелких судов, поднимающих незначительный груз. Бывшая торговая контора португальцев, затем голландцев, Тутикорин есть единственный в Индии город (если не считать Гоа), где около половины населения состоит из христиан, а в его окрестностях встречаются целые деревни, где нет ни одного язычника. Эти христиане католики, составляющие касту параваров, занимались прежде ловлей жемчужных раковин; но этот промысел совершенно покинут с того времени, как вновь образовавшиеся мели изменили направление течений в рейде. Что касается внешней торговли, весьма значительной во времена португальского господства, то она пришла-было в упадок и ограничивалась мелким кабота-

1 M. Taylor, „Oriental Historical Manuscripts“.

жем до постройки железной дороги, соединившей Тутикорин с железнодорожною сетью Индии. С открытием этого рельсового пути торговый обмен тотчас же оживился и принял большие размеры, благодаря выгодному положению порта, которое избавляет малабарские суда, английские и туземные, от обхода на востоке от острова Цейлона. Тутикорин отправляет за границу хлопок, кофе, пряности и снабжает Цейлон лошадьми, быками, домашней птицей, зерновым хлебом; отсюда же производится очень деятельное пассажирское сообщение с портами острова. Ценность торговых оборотов Тутикоринского порта в 1875 году простиралась до 32.375.000 франков.

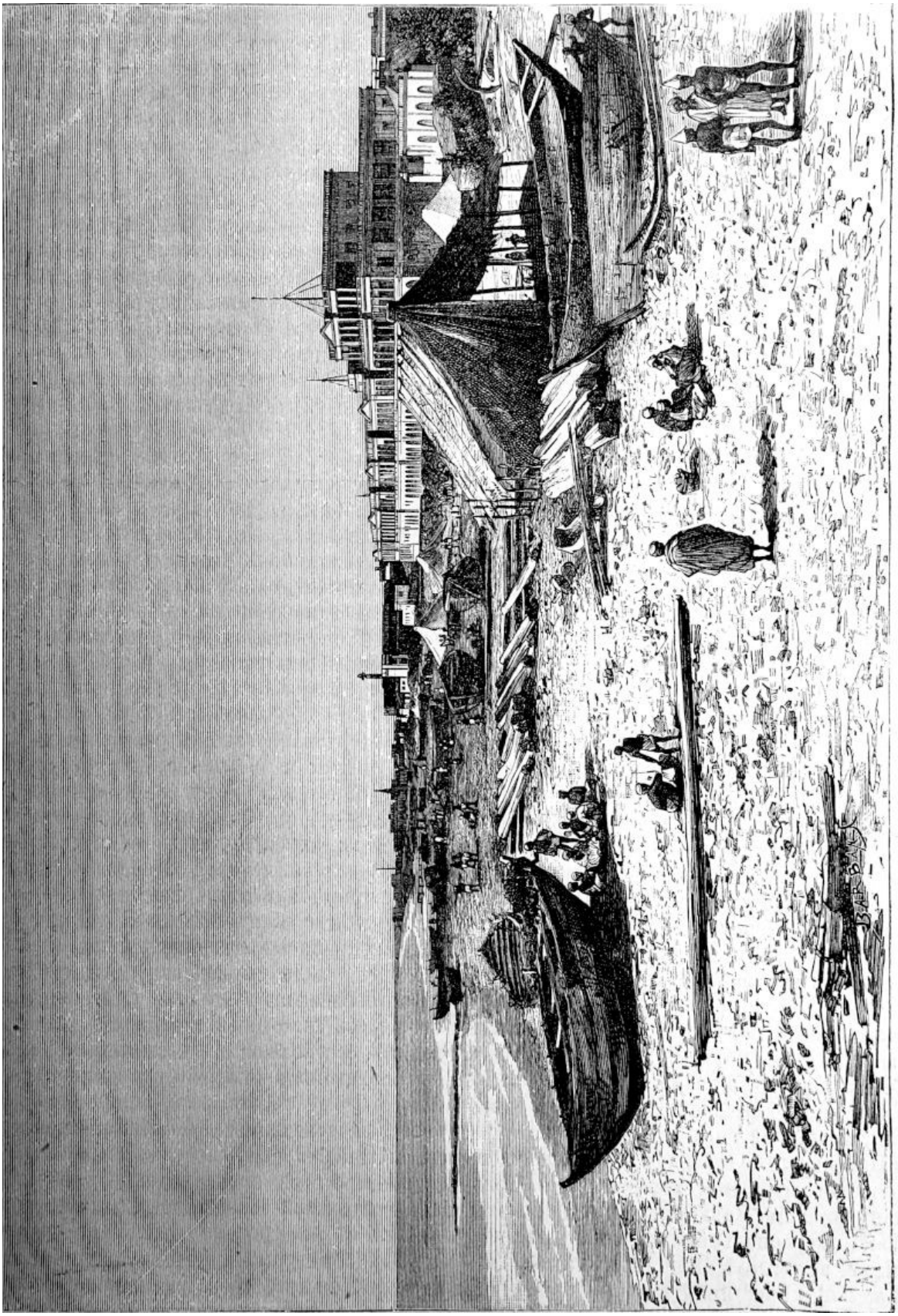
Пространство, описанное главною железною дорогою земли Мадура и её ветвями, негапатамской и тутикоринской, заключает в себе медиатизированное государство Пудукотта, населенное почти исключительно земледельцами; но древнее и знаменитое княжество Рамнад присоединено к британским владениям, как *заминдири*, или отданный на откуп лен. Город Рамнад, или Раманатапурам, названный так в честь бога Рамы, лежит в местности, усеянной искусственными прудами, при основании треугольника полуострова, который выдвинулся на восток между заливами Манаарским и Палкским и продолжается по направлению к Цейлону цепью островков и подводных скал. Рамнадский государь носил титул Сетупати, т. е. «Властителя моста», и, по сказанию легенды, был поставлен там, как охранитель прохода между островом Рамесварам и континентом. Каста «воров» малавар, которых он был главою и в которых многие писатели видят аборигенов края, по причине их своеобразных нравов, состояла из воинов-землепашцев, обязанных являться по первому его призыву; менее чем в неделю он мог собрать под знамена от тридцати до сорока тысяч человек, из которых каждый приносил с собою запас продовольствия для начала похода; оттого «владетель моста» был грозой соседей, и в течение многих столетий его власть распространялась на значительную часть Полуострова. От Рамнада зависят несколько портов: на юге «моста»— Мутапет (Порт-Лорн), где можно было бы устроить лучшее пристанище этого побережья[1], и Килькарай, который, может быть, был резиденцией династии пандиасов[2]; на севере—Аутанкарре (Аттанкарай) и Девипатнам. Моряки и рыболовы этого округа в большинстве лаббаи, магометане и католики.

Полуостров Рамнад, оканчивающийся остроконечным, в форме копья, мысом Рамен, продолжался еще в пятнадцатом столетии к острову Рамесварам полосой каменных глыб, имевшей 2.150 метров длины. Не только предание, но даже архивы Рамесварамской пагоды рассказывают, что три раза в году, в дни праздников Рамы, статуя этого бога была носима на континент, и пилигримы следовали за процессией по шоссе, теперь разрушенному, содержание которого было вверено «Господину моста». В 1480 году сильная буря прорвала эту естественную плотину; нужно было поправлять ее, но вскоре после того второе, затем третье вторжение моря разрушило произведенные работы, так что пришлось отказаться от дальнейшего продолжения борьбы с волнами. В настоящее время то, что еще уцелело от плотины, состоит из двух гряд неравной высоты, идущих параллельно одна другой на расстоянии 130 метров. Северная гряда—самая высокая, и почти везде её каменные глыбы бывают видимы в периоды отлива, образуя непрерывную цепь; камни же южной цепи только кое-где высовывают свои верхушки над поверхностью вод. Камни плотины, из которых иные, по рассказам туземцев, были привезены с материка для закладки брешей, отличаются удивительною правильностью формы и весят, средним числом, от 10 до 20 тонн; можно подумать, что видишь перед собою глыбы бетона, положенные инженерами, на самом же деле это песчаники, гораздо более крепкие, чем горные породы того же рода, находимые с той и другой стороны под соседними песками. Очевидно, «Большая Плотина», одно из замечательнейших в свете геологических образований, есть жила твердой скалы, сохранившаяся среди моря, точно искусственная дамба, тогда как все окружавшие ее каменистые вещества были разрушены волнами, унесены течениями и отложены в виде песчаных мелей в соседних морях; но и

1 Taylor, „Harbours of India“.

2 Clements Markham, „Travels in Peru and India“.

Большая Плотина, в свою очередь, начинает подаваться. В начале настоящего столетия, канал, образовавшийся на восточной оконечности этого естественного жете, представлял уже проход мелким судам Коромандельского берега; в часы прилива они находят там два метра



Видъ въ Мадрасѣ.

воды, в часы отлива немного более метра. В 1838 году, англичане приступили к углублению пролива. Под их руководством, партии арестантов взрывали скалы и драгировали дно фарватера; в настоящее время проход, длиною в 1.289, шириною в 25 метров, имеет $4^1/_4$ метра

глубины, и пароходы, даже военные корабли свободно переходят через порог между заливами Палкским и Манаарским. Местечко Памбан, занимающее на востоке оконечность острова Рамесварам, населено моряками, лоцманами, водолазами и посредниками в торговле между Цейлоном и твердою землей. Движение судоходства через Памбанский пролив в 1879 году: 2.143 судна, общая вместимость их 228.100 тонн. На востоке, около середины островка Рамесварам, стоит храм того же имени, основанный, как гласит легенда, самим Рамой, но сооружение которого в действительности относится к шестнадцатому и семнадцатому столетиям: это чудный ансамбль строений, из которых иные могут быть поставлены на-ряду с совершеннейшими памятниками дравидийского искусства; его корридоры, украшенные резными колоннами с группами людей и животных наверху, имеют не менее 1.200 метров длины, но драгоценные детали покрыты густыми слоями пестрой штукатурки, которые совершенно уничтожают художественный эффект.

Островок Рамесварам, последняя индусская земля, соединяется с Цейлоном длинным рядом песчаных мелей, остатками дороги, которая, по словам легенды, была построена обезьяной Гануманом, для прохода воинств Рамы. Магометане и христиане, отвергая, как нечестивую, мифологию туземцев, переименовали этот «мост Рамы» в «Адамов мост».

Главные города Южной Индии:

Мадрасское президентство. Мадрас (1891 г.)—452.518 жителей; Тричинаполи— 90.610; Танджор—54.390; Мадура—87.428; Салем (Шелам)—67.710; Негапатам—59.221; Каликут—66.078; Хумбаконам—54.307; Кудалур—47.355: Веллор—8.020; Конджсварам—35.400; Коимбатур—46.383; Пальгат—39.481; Неллор—29.336; Мангалор—40.922; Маяверам—22.580; Анамала—22.300; Телличери—20.480; Тутикорин—25.107 жит.

Майсур. Бангалор (1891 г.)—180.366 жит.; Майсур (1891 г.)—74.050 жит.

Траванкор. Тривандрам—27.987 жителей; Алеппи—26.000 жит.

Французские владения. Пондишери (1895 г.)—49.000 жит.; Карикаль (1895 г.)—19.000 жит.

XV. Цейлон

Большой остров, на который англичане всегда смотрели как на отдельную землю и который они не соединяют непосредственно со своею Индийскою империей, наследием бывшей ост-индской компании, составляет, с географической точки зрения, простой придаток или продолжение Полуострова. Несколько метров разницы в уровне соседних морей,—и Цейлон, выступив из-под воды своею северною оконечностью, соединился бы с Коромандельским берегом, точно так же, как, при более значительном вертикальном движения почвы в противоположном направлении, горы Анамалах и соседние массивы образовали бы, с окружающими их равнинами, другой Цейлон. Индусы всегда признавали, что южный остров есть часть большой земли, и из двух их эпопей одна рассказывает именно о том, как мост, перекинутый богами, соединил остров с континентом. Астрономы, как и поэты, считают Цейлон индусскою землей, и в их глазах меридиан острова есть тот, который проходит через гору Меру; они соединяют одною и тою же начальною линиею высочайшую вершину Гималаев и священный пик островного массива. Имена Цейлона тоже все индусского происхождения, за исключением, может быть, древнего наименования Ланка, которое, впрочем, по мнению Эмерсона Теннента, было дано ему браманами, в смысле «Блистательнаго». Тамрапарни, или «Блестящий как медь»[1], эпитет, из которого греки сделали название Тапробана, применялся также к стране Мадура, в южной Индии, и река, орошающая равнины Тинневелли, сохранила его до наших дней. Наконец, слово Цейлон или Цейлан, употребляемое европейцами, и слово Серендиб, применяемое арабами, суть не что иное, как древнее название Сингала-двина или просто Сингала, т.е. «остров Львов» или «Львиный». Правда, эти дикие зве-

1 Turnour, „Mahawanso“.

ри не водятся в Серендибе; «львы», которым он обязан своим именем, были завоеватели, пришедшие с севера, которые поработили туземных жителей. Цейлон так близко связан с полуостровом по сю сторону Ганга, что его можно рассматривать как уголок Индии, представляющий еще некоторые фазы древней истории индусского народа. Население его, в большей части пришедшее с соседнего континента, осталось более верным старым обычаям, чем обитатели первоначального отечества. Только на Цейлоне да в высоких долинах Гималайских гор можно еще найти остатки буддизма, который некогда был религией цивилизованных индусов: сингалезская (цейлонская) литература дала ученым возможность пополнить многие пробелы браманских книг[1].

Онесикрит, один из спутников Неарха во флоте Александра Македонского, и Мегасфен, посланник Селевка, принесли в Европу первые сведения о Тапробане; но, как это почти всегда случалось в истории географических открытий, остров принял в воображении моряков размеры, далеко превосходящие действительность; трудности плавания вокруг него, необходимость идти искать попутный ветер на больших расстояниях в эпоху перемены направления муссона, существование обширных мелей, простирающихся далеко по обе стороны северной оконечности острова, и, вероятно, также сбивчивость понятий, благодаря которой Цейлон, Ява и Суматра принимались за одну землю,—все это вместе было причиной того, что индийскому острову приписывали громадные размеры: древние греки дали ему название Антихтон, или «Противолежащая земля», т.е. смотрели на него как на особый мир или отдельный материк, составляющий в южных морях как бы противовес северному континенту[2]. Даже Марко-Поло, с которого начинается период географических исследований нового времени, дает Цейлону окружность в 2.400 миль, почти в четыре раза превосходящую размеры его действительной окружности, длина которой, вместе с соседними островками, равняется 1.100 километрам; впрочем, он прибавляет, что окружность острова уменьшилась на целую треть с древних времен, «сравнительно с тем, как показано на всемирной географической карте мореплавателей»; он приписывал страшной силе северного муссона нашествия моря и частное разрушение морского прибрежья. С другой точки зрения, Цейлон тоже был сильно возвеличен рассказами мореплавателей. Они сделали из него страну чудес: в понятиях китайцев это был по преимуществу «остров сокровищ», в понятиях греков—«земля рубинов», а арабы, сравнивая тенистые берега Серендиба со своими спаленными жгучим солнцем берегами, рассказывали, что, после изгнания из земного рая, первые люди, по милосердию Божию, получили позволение жить во втором раю, в том, над которым господствует Адамов пик[3]. Первые европейские мореплаватели, так же, как магометанские путешественники, восторг которых так живо описан в «Тысяче и одной ночи», говорят, что прежде чем взор приметит эту благословенную землю, о близости её догадываешься по благоуханию, приносимому морским ветерком. И точно, Цейлон—волшебный уголок земли, особенно для тех, кто только-что покинул знойные берега Африки или Аравии, или болотистые местности Сандербана, Ориссы, Годавери. Но как ни прекрасен этот уголок, он, однако, имеет равных себе между островами Малайского архипелага и Антильскими. Наконец, несмотря на плодородие его полей, богатство его копей и рудников, счастливое его положение между двумя морями, Аравийским и Бенгальским, Цейлон далеко уступает английской Индии в пропорциональной важности относительно населенности и развития торговли. Пространство этого острова 63.976 квадр. километр., народонаселение 3.235.342 души (в 1895 году), так что, следовательно, средним числом, приходится по 50 жителей на один квадр. километр.

Форму Цейлона часто сравнивали с формой груши, ножка которой находится на северо-западе, по направлению к дельте Кавери. Гористая область занимает центр южной части острова, и со всех сторон вокруг этого ядра из кристаллических горных пород почва правильно понижается к морским берегам; на юго-востоке, высокие массивы всего ближе под-

1 Chr. Lassen, „Indische Alterthomskunde“.
2 Carl Ritter, „Asien“, Bd. IV, 2-ter Theil.
3 Emerson Tennent, „Ceylon“.

ходят к морю и мысам, а в некоторых местах даже выдвинулись в самое море. В целом, горные хребты Цейлона представляют некоторый параллелизм в направлении от юго-востока к северо-западу, и в эту же сторону текут воды промежуточных долин. Представляя сходство с южно-индийскими горными массами Ниль-Гири и Анамалахом по геологическому образованию, массив Цейлона походит на них также средней высотой своих пиков. Высшая его точка, гора Педроталлагалла (2.524 метра), лишь немногим ниже Додабетты и Анамуди, и многие другие вершины превышают 2.000 метров; плоскогорье Нувера-Элиа, со всех сторон окруженное горами, поднимается на среднюю высоту 1.890 метров. Педроталлагалла, находящаяся в центре массива и окруженная другими вершинами, немного уступающими ей по высоте, остается скрытою от взоров обитателей соседних равнин; оттого она не могла сделаться самою знаменитою горою Цейлона. Горой священной по преимуществу почитается та, которая первая бросалась в глаза мореплавателям, когда они приближались к западным берегам,—Саманала, которую магометане прозвали «Адамовым пиком». Буддисты дали ей имя Срипада, «Отпечаток ноги», в честь своего учителя, который, будто бы, оставил на скале вершины след своей ступни,—огромная дыра, увеличенная с помощью резца и грубо изваянная; в нескольких метрах оттуда, на склоне горы, из скалы бьет ключ, указывающий место, где стоял святой, опершись на посох и созерцая пространство. Пышные рододендроны, достигающие от 10 до 12 метров высоты, растут по скатам, наклоняя свои цветущие ветви к вершине горы, «как бы стремясь приблизиться к священному отпечатку ноги Будды».

Северная половина острова, почти на всем её протяжении, представляет обширную равнину; один только отрог отделяется от центрального массива, направляясь на северо-восток к гавани Тринкомали; кроме того, несколько гор высятся по одиночке среди низменных пространств. Таков пик Магинтала, господствующий над священным городом Анараджапура; там и сям, в соседстве морских берегов, показываются базальтовые формации. В гористой части острова господствующая горная порода—гнейс; многие контрфорсы состоят из одной каменной глыбы, притупленной на углах атмосферными деятелями; некоторые из этих масс, возвышающиеся на 200 метров на обширном фундаменте в несколько квадратных километров, имеют выгнутый край, в форме полукупола, и целые храмы могли приютиться под этими естественными сводами; благодаря этим кривизнам поверхности, можно было иссекать в камне плиты в форме бревен и досок для покрытия пагод: неразрушимая скала, так сказать, символизировала долговечность веры. Цейлонский гнейс, так же, как гнейс южной Индии и как деканский трапп, выветриваясь, распадается на тонкую красную пыль, которая и покрывает почву. Местные жители называют *кабуком* эти латериты, составляющие резкий контраст своим ярким цветом с густою зеленью листвы. Путешественник, высадившийся на берег Цейлона, бывает прежде всего поражен красноватой окраской дорог и полей: может быть, этому кабуку «медно-красного цвета» остров и обязан был своим древним именем Тамрапарни, переделанным греками в Тапробану.

Немногие металлы, за исключением железа, встречаются в количествах, заслуживающих разработки, в горных породах Цейлона; месторождения золота, очень многочисленные, но бедные металлом, привлекли лишь небольшое число золотоискателей; жилы графита более производительны, и добываемый минерал составляет один из предметов отпускной торговли; но нет страны, более богатой драгоценными камнями. Реки южного берега, особенно те, которые орошают окрестности Ратнапуры, «Рубинового Города», катят в своих песках такое большое количество рубинов (красных яхонтов), сапфиров (синих яхонтов), гранатов, что некоторые берега почти сплошь состоят из этих камней; пыль, собираемая гранильщиками, употребляется ими для шлифовки самоцветных камней. Впрочем, в этих поверхностных слоях речных наносов не встречаются хорошие экземпляры рубинов; нужно рыть землю под песками и пробурить слои гравия и глины, прежде чем найдешь кристаллоносный слой, или *неллан*, который, как полагают, по времени образования предшествовал базальтовым извержениям, пробившимся местами на поверхность. В этом-то неллане искатели самоцветных камней и находят ценные кристаллы. До прибытия англичан природные жители острова никогда не давали себе труда добираться до самой скалы, где встречаются более крупные и от-

личающиеся лучшим блеском камни. Гранаты, особенно разновидности, известные под названием «коричных камней», до такой степени обыкновенны. что глыбы гнейса усеяны ими, точно звездами: полосы кристаллов, наполняющих горную породу, походят на ветви с сверкающими цветками. Цейлонские сапфиры и топазы признаны самыми ценными из 37 разновидностей драгоценных камней, собранных геологом Гигаксом; но алмазов нигде не находили в Серендибе, хотя о них говорят древние географы и арабские рассказчики.

Реки спускаются с центрального массива ко всей окружности острова, но лишь очень немногие из них имеют приемный бассейн, достаточно обширный для того, чтобы сделаться значительными притоками; по большей части, это—ручьи, страшные в сезон дождей, пересыхающие в сухое время года; только некоторые могут служить для мелкого судоходства в нижней части их течения, между устьем и первыми порогами, находящимися при выходе из области холмов. А между тем, многие из речек носят громкое имя «Ганга», как будто они могут быть сравниваемы с божественною Гангой, спускающейся с Гималайских гор. Самая обильная из них, Магавелли-ганга, или «большая река Песков», одна ветвь которой впадает в Тринкомальскую бухту, имеет всего только 215 километров длины и приносит в море лишь воды бассейна в 10.000 квадр. километров, хотя более двух третей центрального массива заключаются в пределах её покатости; в сравнении с большими реками Индии, этот цейлонский Ганг есть не более, как ручей.

Большинство *ганг* и *ойя* заперты при устье береговыми валами, которые отлагает речное течение, останавливаемое водами моря. Так образуются, под защитой этих песчаных кос, большие лагуны, где собираются воды, спустившиеся с плоских возвышенностей: одна из этих лагун или, как их называют англичане, *gobbs*, которая тянется вдоль восточного морского берега, на севере и на юге от Баттикалоа, имеет не менее 50 километров в длину; это огромный пруд, где судоходство производится под защитою от бурь и волнений моря, как во внутренних береговых водах (backwaters) Малабара. На западном берегу такия озера менее многочисленны, по причине близости гор и крутого ската; однако, и там образовалось несколько лагун, к северу и к югу от Коломбо. Остров Кальпентин может быть рассматриваем, в целом, как длинный береговой вал или коса; залив, отделяющий его от Цейлона, постепенно суживается к югу, и на протяжении около тридцати километров представляет просто большой пруд. Наибольшая часть восточного берега окаймлена дюнами. Пески приносятся на плоские берега береговым течением, которое следует направлению ветров, попеременно с севера на юг и с юга на север; высохший во время отлива песок подхватывается ветром и нагромождается в виде дюн; но редко бывает, чтобы эти горки долгое время оставались подвижными. Травы с расстилающимися корнями, какова, например, *spinifex squarrosus*, или «большая борода Рамы», скрепляют пески; вскоре кусты, деревца, затем большие деревья выростают на окрепших скатах; наконец, человек насаждает кокосовые пальмы, которые нигде так хорошо не произростают, как на этой легкой почве, всегда сырой в глубине и иногда смоченной на поверхности солеными брызгами. Кокосовые насаждения, покрывающие дюны в окрестностях города Баттикалоа, на восточном берегу острова, продолжаются непрерывным рядом на пространстве 70 километров в длину, при различной ширине, меняющейся от двух до пяти километров.

Северная часть Цейлона целиком состоит из разложившихся кораллов; до расстояния десяти и пятнадцати километров от моря плуг выбрасывает на поверхность раковины устриц и других двустворчатых, равно как ракообразных, виды которых живут поныне в соседних водах. Уже арабские путешественники знали об этом факте, но они давали ему странное объяснение: по их мнению, некоторые виды раков превращаются в камень по выходе из моря[1]. Очевидно, эта область острова постепенно поднялась; здесь встречаются, так же, как и южнее, на приморье у Негомбо, туфы из известковых обломков, смешанных с раковинами и другими остатками, выброшенными морем и мало-по-малу превратившимися в твердый конгломерат. Манаарские туземцы, вырезывающие себе кольца и браслеты из раковины

1 Abou-Zeyd; Reynaud, „Voyages faits par les Arabes“.

turbinella rapa, ищут эту раковину не только на дне моря, но собирают ее также в больших количествах на выступивших из-под воды берегах; близ Джафны нашли, в 1845 году, якорь таких размеров, что он, очевидно, должен был принадлежать большому кораблю, какие теперь уже не могли бы плавать в мелководных морях тех областей. Маленький архипелаг, продолжающий на северо-западе северную оконечность Цейлона, состоит из этих новых, постепенно приподнятых земель. Точно также, остров Манаар выступил из-под воды в недавнюю геологическую эпоху, хотя со стороны твердой земли Памбанская плотина, уже несколько веков тому назад, была прорвана напором волн. Индусская легенда, сообщаемая поэтами, говорит, что Манаар появился вместе с Ремесварамом в эпоху завоевания Цейлона Рамой. Бог-обезьяна Гануман, поместив одну гору на кончике своего хвоста, а другую на голове, бросил их в море, чтобы образовать мост, по которому и продефилировала обезьянья армия, шедшая в Ланку; эта плотина и есть мост Рамы или Адама.

Остров Манаар отделен от Цейлона извилистым проливом в 1.600 метров ширины, где суда находят не более метра воды в периоды отлива и который очень трудно было бы преобразовать в судоходный канал для больших судов; но пески моста Рамы, соединяющие Манаар с Рамесварамом в виде берегового вала или косы, частью выступившей из-под воды, длиною около 50 километров, представляют там и сям несколько брешей более глубоких, чем Манаарский пролив, и если английское правительство решится открыть между Индией и Цейлоном канал для большого судоходства, то, вероятно, не иначе, как прорыв траншею в «мосте Рамы», между 10-ти-метровыми глубинами, которые находятся на севере и на юге от песчаной насыпи. Смотря по направлению муссонов, песчаные мели перемещаются с севера на юг и с юга на север; когда ветер дует из Бенгальского залива, местное течение увлекает в морских проходах песок и коралловые обломки и отлагает их на берегах, обращенных на юг; в период юго-восточного муссона происходит обратное явление[1]. Впрочем, морские течения не отличаются большою силой в заливах Манаарском и Палкском, на западных берегах Цейлона. Они идут попеременно вдоль берегов, огибая остров с восточной и с северной стороны, как будто бы он составлял часть Индийского полуострова; во время летнего муссона, течения, следующие вдоль Малабарских берегов, ударяются об остров на южном его берегу, проникая в Манаарский залив лишь небольшими боковыми струями: в период зимнего муссона, зыбь, идущая от Коромандельского берега, продолжается на восточном берегу Цейлона, не заходя в закоулок Палкского залива.

На острове Рамесварам, так же, как на всех коралловых берегах северной стороны Цейлона, пресные воды наполняют обширные подземные резервуары под рифами. Копая колодцы сквозь коралловую скалу, встречают во многих местах глубокия впадины или полости, где вода всегда держится на уровне соседнего моря, поднимаясь и понижаясь вместе с приливом и отливом, разность между которыми в этих областях моря от 45 до 90 сантиметров от самого низкого стояния воды («мертвые воды») до наивысшего прилива. В этих «приливных колодцах» (puits a mareyage), подобных колодцам на всех известковых берегах, соленая вода, проникая в трещины почвы, уравновешивает пресную воду своим боковым давлением. Подобно тому, как жидкость, содержащаяся в губке, сохраняется без перемены в резервуаре, наполненном рассолом, подземные скопления пресной воды на известковых морских берегах не могут быть изменяемы массой соленых вод, попеременно поднимающихся и понижающихся в ближайших к морю расселинах скалы[2]. В глубоких колодцах пресная вода залегает на слое солоноватой воды, а нижняя жидкость совершенно соленая. Потурский колодезь, на северо-востоке от Джафны, есть одна из этих скрытых пучин или глубоких расселин, где чистая вода плавает поверху, тогда как нижние слои представляют последовательно всевозможные степени плотности до солености морской воды, на расстоянии 42 метров от поверхности. Тем не менее, ирригационные насосы не могут вычерпать верхнюю водную площадь,

1 Sims, „Journal of the Geographical Society of London“, 1834.

2 Darwin, „Narrative of the Surveying Voyages of the Adventure and Beagle“; R. Thomassy, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris“, 1864.

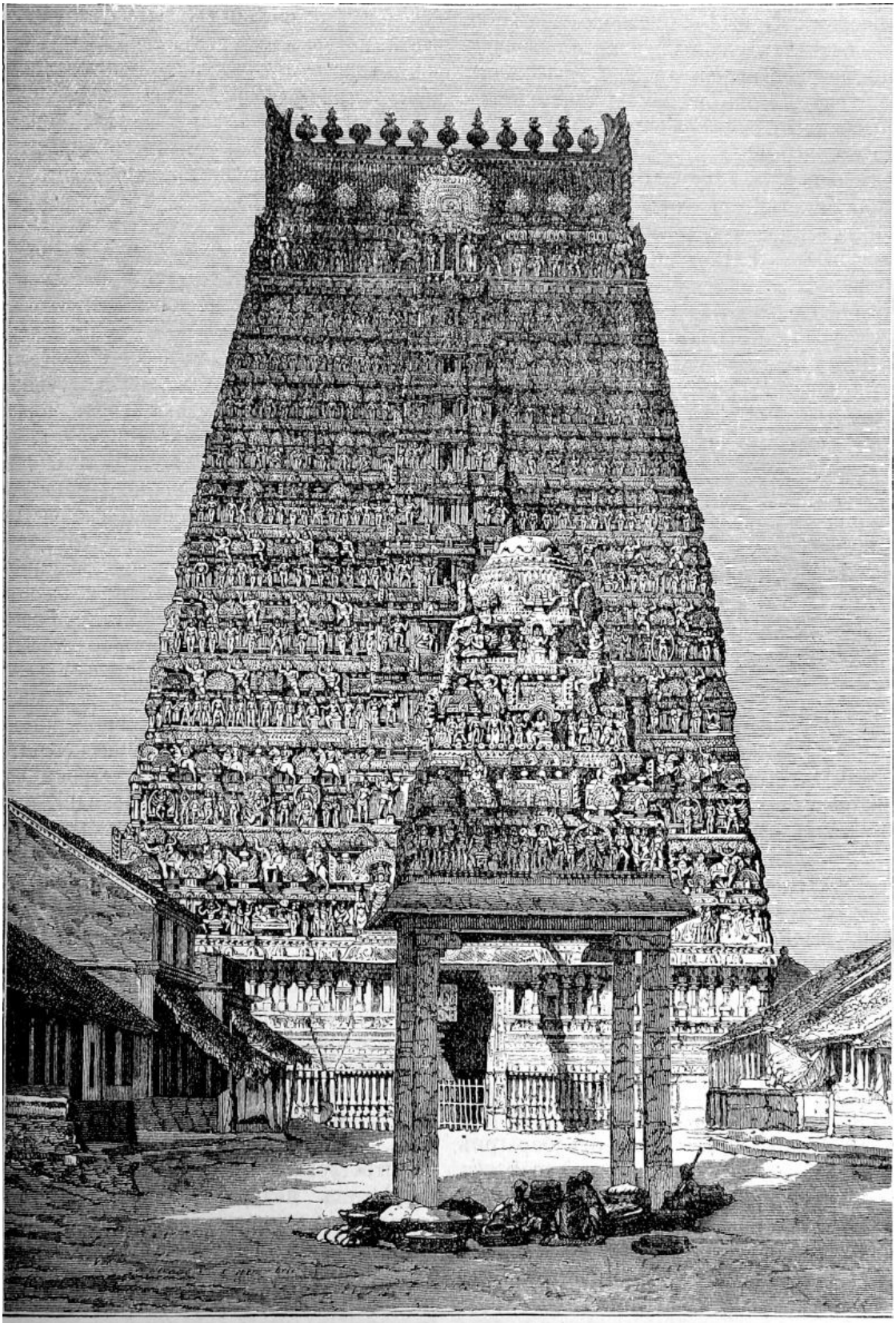
постоянно питаемую боковыми притоками[1].

Климат Цейлона походит на климат южной Индии, с тою лишь разницей, что он представляет меньшие уклонения, благодаря морской атмосфере, которая омывает остров со всех сторон, и правильным бризам, следующим за движениями солнца. Средняя температура в городах поморья от 27 до 28 градусов стоградусного термометра, и хотя северная оконечность острова на целые 350 до 400 километров более удалена от экватора, чем южные берега, но жары там сильнее, по причине отдаленности гор, песчаного свойства почвы, отражающей солнечные лучи, и соседства Коромандельских берегов, откуда дуют сухие ветры[2]. Ураганы на Цейлоне очень редки; почти во все времена года движения атмосферы совершаются там с такою правильностью, что их можно предсказать задолго вперед и с полною уверенностью распределить употребление своих дней. От одного месяца до другого, как и от одного сезона до другого, температура представляет лишь весьма незначительные изменения: здесь царствует «вечная весна», как на островах Малайского архипелага, только распределение дождей неравномерно. Юго-западный муссон изливает значительное количество атмосферной влаги на равнины вокруг Коломбо и на всю юго-западную покатость гор, тогда как на восточные земли он приносит недостаточное количество дождей. В период северо-восточного муссона, который насытился водяными парами, проходя над Бенгальским заливом, происходит обратное явление: тогда восточный склон обильнее орошается атмосферными осадками. В среднем выводе, количество выпадающих дождей, наблюдаемое ныне более чем на 100 метеорологических станциях острова, может быть исчисляемо в два метра (в Коломбо средний слой дождевой воды за десятилетний период оказался равным 2,23 метрам); оно постепенно уменьшается с юга на север, от области, обращенной к океану, до области, смотрящей к твердой земле; разность между крайними станциями составляет пять с половиною метров: тогда как в Манааре средний слой дождевой воды не достигает одного метра толщины, в Падуполе, на западном скате Адамова пика, он равняется шести метрам[3]. Высоты Нувера-Элиа бывают по целым неделям окутаны туманами.

В отношении флоры, как и в отношении климата, Цейлон походит на соседния континентальные земли; однако, он имеет и особенные растительные виды; ботанику, приехавшему с Явы, многие цейлонские леса напоминают растительность малайских островов. Различные растения, которые до сих пор не могли быть акклиматизированы в южной Индии, кроме как в садах, составляют теперь часть лесной флоры Цейлона: мускатное дерево разведено с полным успехом; мангустан дает здесь такие же превосходные плоды, как и в голландской Индии; дуриан, введенный португальцами с шестого столетия, сделался одним из обыкновенных дерев в цейлонских садах; что касается европейских фруктовых дерев, то они отлично принялись, но растут с такою силой, что не приносят ни цветов, ни плодов. В 1856 году насчитывали 2.670 видов явнобрачных растений на острове[4], но в действительности их, вероятно, существует, по меньшей мере, до 3.000; однако, леса замечательны гораздо более силой растительности, нежели разнообразием древесных пород, особенно в юго-западной части острова, на влажной покатости гор. Эта область, самая населенная и наиболее посещаемая, есть, вместе с тем, самая прекрасная, самая живописная, благодаря разнообразным породам пальм (десять или пятнадцать различных видов), высоко поднимающим свои коленчатые стебли и короны в форме вееров над густой чащей других растений. Египетский дум (hyphane thebaica) тоже находится в числе этих пальм; но как он разнится от дерева, которое мы видим в первоначальном отечестве! Ствол вдвое шире и выше, развилины многочисленнее и более сближены, а листья, цветы, плоды сделались гораздо крупнее и красивее[5]. Одноствольные пальмовые деревья, увенчанные верхушкой в форме зонтика или опахала,

1 Emerson Tennent, „Ceylon“.
2 Hermann von Schlagintweit, „Reisen in Indien und Hochasien“.
3 Ferguson, „Handbook for Ceylon“.
4 Emerson Tennent, цитированное сочинение
5 Ernst Hackel, „Nature, Weekly Journal of Science“, aug. 24,1882.

составляют резкий контраст с этою вилообразною пальмой. Из пучка громадных листьев, поверхность которых имеет не менее 5 или 6 квадр. метров, поднимается исполинский цветок зонтичной пальмы, достигающий от 10 до 12 метров (от 14 до 17 аршин) высоты и за-



«Гопура»—главнѣйшій храмъ въ Кумбаконамѣ.

ключающий в себе многие миллионы маленьких цветков; в каждой деревне есть аллеи из кокосовых пальм, дерева, которое «не может жить вдали от звука человеческого голоса». Огромные баобабы растут на острове Манаар, где они впервые были насаждены португаль-

цами или арабами. В девственных лесах тек встречается редко; древесные породы. дающие лучший строевой лес,—это черное дерево и *chloroxylon swetenia*. Еще полезнее бамбуки и пальмы-тростники, ползущие по земле; некоторые из этих лиан имеют до 75 метров в длину и только от 2 до 3 сантиметров в диаметре, без малейшей неправильности. Из них плетут воздушные мосты, которые с трудом различишь от других вьющихся растений и переплетающихся древесных ветвей; носильщики, даже нагруженные лошади проходят по этим качелям, которые трясутся и качаются при малейшем давлении, потрясая гибкия, упругия ветви дерев, к которым они прикреплены.

Животное царство Цейлона не соответствует богатству его характеристических растений; числом форм оно далеко уступает фаунам соседнего континента, Сондских островов, экваториальной Африки, Бразилии[1]. Тем не менее, этот остров имеет некоторые особенные, ему свойственные, виды, так что его нельзя считать простым зоологическим отделом южной Индии. Слоны, отныне защищенные от охотников строгими законами, стали довольно редки в области равнин, и вывоз этих великанов животного мира на твердую землю в последнее время заметно уменьшился; так, в пятилетие с 1858 по 1862 год было отправлено на континент 1.600 голов; в следующия же восемнадцать лет, с 1863 по 1880 год, вывезено уже только 1.685 голов, на сумму 1.300.000 франков[2]. Некоторых из больших млекопитающих, свойственных соседнему материку, совсем нет на Цейлоне; тигр, волк и различные породы антилоп не водятся в его лесах, но зато он имеет несколько исключительно ему свойственных животных, между прочим, одну летучую мышь, величиной едва превосходящую пчелу. Самое страшное для путешественников животное—это крошечная пиявка, одна из самых маленьких, какие только существуют (*hirudo ceylanica*); в 1815 году, во время экспедиции против Канди, многие английские солдаты сделались жертвой этих бесчисленных кровопийц; охотники надевают род набедренников, когда отправляются в леса внутренней части острова, где эти пиявки кишат мириадами. Между тремя стами птичьих пород более тридцати видов не встречаются в других местах. Специальная фауна Цейлона заключает в себе 18 пресмыкающихся, даже три рода, которые не представлены на соседнем континенте[3]; один вид ящерицы, общий Цейлону и Бармании, до сих пор еще не был открыт в промежуточных странах. Многие рыбы отличаются особенными нравами: таковы окуни кавайя (anabas или *perca scandens*), которые ходят на большое расстояние от берегов по сырой траве, и даже, говорят, всползают на пальмы-пальмиры, чтобы расположиться там между широкими листьями. Говорят, что рыбаки сохраняют их живыми по четыре и по пяти дней вне воды. Другие рыбы, тоже из семейства окуней, зарываются в грязь прудов и луж, и живут таким образом без воздуха и воды впродолжении всего сухого времени года[4]. Раковины не встречаются нигде в столь многочисленных разновидностях, как на плоских берегах Манаарского залива. Лучшие из существующих конхилиологических коллекций состоят, в наибольшей части, из экземпляров, собранных на Цейлоне; первые натуралисты, описывавшие раковины, чуждые европейской фауне, не зная места их происхождения, имели перед глазами исключительно цейлонские виды.

Если не по высшим животным, то, по крайней мере, по рыбам и раковинам, Цейлон можно, кажется, считать скорее малайской, нежели индусскою землей. Невозможно иначе объяснить это сходство животных форм, как допустив, что некогда существовало какое-нибудь географическое сообщение между Цейлоном и Сондскпм архипелагом, или непосредственно через земли, теперь уже исчезнувшие, или косвенно через морские берега, окружающие Бенгальский залив, и которые тогда находились в пределах экваториального пояса, постепенно сузившагося с древних времен[5]. Морская фауна Цейлона тоже походит на мор-

1 Ernst Hackel, „Indische Reisebriefe", „Deutsche Rundschau", juin 1882.

2 Ferguson, „Handbook for Ceylon".

3 Gunther, „Magazine for Natural History", march 1859.

4 Abou-Zeyd; Reinaud, „Relations des Voyages faits par les Arabes"; Layard; Buchanan etc.; Emerson Tennent, „Ceylon".

5 Alfred R. Wallace, „Geographical Distribution of Animals".

скую фауну аравийского берега Красного моря, с тою разницей, что первая гораздо богаче видами и разновидностями, хотя однообразнее цветами. Бесчисленные животные, кишащие в коралловых рощах Аравийского залива, окрашены в яркие цвета, красный, оранжевый, желтый, тогда как у видов Тапробаны общий цвет—зеленый. Вообще зеленый колорит составляет, так сказать, ливрею этого острова, который еще справедливее, чем Ирландия, прозван «Изумрудным островом»: рыбы, ракообразные, морские звезды имеют такой же цвет, как большинство ящериц, птиц, насекомых; вся низшая животная жизнь приспособилась к своей зеленеющей среде[6].

Народонаселение Цейлона быстро возрастает, благодаря плодородию почвы и трудолюбию жителей; но невероятно, чтобы оно могло сравняться с массами народа, которые были скучены на острове до эпохи истребительных войн, опустошавших Цейлон в средние века. Углубляясь в леса и джунгли внутренности острова, путешественник с удивлением встречает полуразрушенные резервуары и каналы, из которых каждый был окаймлен плантациями и местечками, ныне исчезнувшими: из 3.000 прудов более 1.500 заброшены, и в числе их есть такие, которые образуют болота пространством в 50 квадр. километров[3]. Каловевский резервуар, самое обширное из всех этих водохранилищ, существует еще частью доныне, и близ плотины он имеет 20 метров глубины; чтобы произвести в нем все нужные поправки и распределить его воды по всему округу Авараджапура. нужно было бы израсходовать около миллиона[4]. Различные документы, относящиеся к четырнадцатому и пятнадцатому столетиям, говорят о существовании на острове около полутора миллиона «селений», или групп домов, построенных, как и нынешния деревни, на задерживательных плотинах или в лесках и рощах, растущих в непосредственном соседстве с водохранилищами. Из этого нужно заключить, что в ту эпоху Цейлон был так же густо населен, как в наши дни населены аллювиальные равнины Индии.

Хотя побоища и голодовки, порожденные дурным управлением, уменьшили, вероятно, на девять десятых прежнее народонаселение Цейлона, однако, и теперь еще существуют кое-какие остатки первобытных племен (аборигенов), нравы которых напоминают времена до-исторические. Ведды, вероятные потомки якков, населявшие остров до прибытия завоевателей, прославляемых в эпопее Рамайяны, сохранились в виде отдельного народца только в юго-восточной части Цейлона, преимущественно в лесах вокруг Бинтена, Бадулы, Нильгалы, у восточного основания горного массива. Первые путешественники назначают им гораздо более обширную территорию; по их словам, некоторые группы веддов жили даже в северной области, ближайшей к Коромандельскому берегу, откуда исходил поток индусских иммигрантов. Еще около половины настоящего столетия их насчитывали до восьми тысяч душ: теперь это число уменьшилось до нескольких сотен, и даже можно задать вопрос, существуют ли они в чистом, несмешанном состоянии; последние переписи показывают, что среднее число детей весьма незначительно в их семействах, хотя обычай детоубийства не был констатирован. Ведды—одна из тех народностей, которым, кажется, грозит близкое поглощение и которые изучаются антропологами с тем большим интересом, что они скоро совсем исчезнут с лица земли. Впрочем, вероятно, что прежде преувеличивали численность аборигенов: таинственность их жизни делала то, что они казались многочисленнее, чем были в действительности; по свидетельству путешественников, они никогда не бывали в непосредственном соприкосновении с иноплеменниками, вообще с чужими; даже для совершения мены, они приходили ночью в деревни и клали у дверей торговцев образчики нужных им предметов, помещая тут же рядом дикий мед или продукты своей охоты: несколько времени спустя, они опять являлись в тот же самый час ночи, чтобы взять купленные вещи. Таково, вероятно, происхождение древней легенды, сообщаемой китайским пилигримом Фагианом, по которой

6 Ransonnet, „Geylan"; Ernst Hackel, „Nature", aug. 24, 1882.

3 Alb. Gray, „The Backwoods of Ceylon" „Fortnightly Review", 1880.

4 W. H. Gregory, „Revue de Geographie" 1880—1881, p. 68.

цейлонские коммерсанты, будто бы, вели меновую торговлю с «змеями и демонами».

Те из веддов. которых наблюдали антропологи, все очень низенького роста и могли бы быть даже причислены к карликам (средний рост веддов, жителей Бинтенна: мужчин 1.537, женщин 1,448 метра)[1]; головы у них тоже очень маленькия: по вместимости черепа, они занимают последнее место между человеческими породами. Впрочем, они довольно проворны и сильны, и хотя их описывали как самых безобразных из людей, с выступающими вперед челюстями, с приплюснутым носом, маленькими глазками, оттопыренными и подвижными ушами, однако, их подлинные фотографические карточки не походят на эти отвратительные портреты; быть может, они немного чернее сингалезцев (цейлонцев), но во всяком случае, цвет кожи у них не такой черный, как у негра, и шевелюра их редко бывает волнистая. Что касается их цивилизации, то она самая первобытная: у них нет даже глиняной посуды, и хотя они покупают железные дротики и стрелы, но не умеют заострять их иначе, как посредством ударов камнем; хижин они себе не строют и живут под ветвями дерев и в пещерах. Кочующие звероловы, они питаются почти исключительно мясом животных, и еще недавно они даже не давали себе труда варить его. Бродя группами из нескольких человек, иногда даже из нескольких семей, они не имеют никакой политической организации, никакой определенной религии; они смутно боятся демонов, смешивая их с предками; пляски и крики, в роде тех, какие практикуются шаманами,—вот единственные их религиозные церемонии; они никогда не моются, опасаясь, чтобы вода не лишила их силы. По рассказам некоторых новейших авторов, впрочем, оспариваемым, ведды, будто бы, не обладают даже самыми простыми познаниями, без которых немыслимо человеческое существование; они не умеют, будто бы, ни считать, ни различать цветов, ни указать последовательность времени. Они плачут и кричат, но их, говорят, никогда не видали смеющимися; если это правда, то в этом отношении они были бы единственным примером между народами[2]. А между тем, язык их мало разнится от языка их соседей сингалезцев. В веддах видят не первобытных дикарей, но одичавших потомков цивилизованного народа; несмотря на их жалкое состояние, на них смотрят как на принадлежащих к высшей касте: это «царские дети». И действительно, соблюдаемый ими доныне обычай жениться на своей младшей сестре практиковался именно государями страны до прибытия завоевателей индусов. Впрочем, теперь ведды цивилизуются: из двух их племен только одно держится совершенно особняком от сингалезцев. Члены другого народца не боятся более вступать в непосредственные сношения со своими соседями, они высекают огонь посредством огнива, прикрываются одеждами из тканей, вместо передников из листьев, покупают наряды и украшения для своих женщин; наконец, браки между веддами и тамилами преобразовывают мало-по-малу расу. Большинство туземцев, окрещенных миссионерами в христианскую веру, нисколько от этого не изменило свой образ жизни.

Родии, т.е. «болотные люди», которые живут в числе около тысячи душ в западных долинах цейлонского массива, часто смешиваются с веддами, но они походят на этих последних только диким состоянием, в котором еще находятся многие из их кланов; еще недавно им было запрещено переправляться через реку на пароме, доставать воду из источника, входить в деревню, учиться какому-нибудь ремеслу, пахать землю[3]. Они не могли иметь сообщения с обществом иначе, как через посредство тюремщика, и этому-то последнему из сигналезцев родийские главари должны были бить челом[4]. И, однако, родии находят еще в Цейлоне человеческие существа, которыми они могут гнушаться; они считают себя гораздо выше амбаттейев и не позволяют даже своим собакам есть пищу, приготовленную этими несчастными. Родии, по большей части, высокого роста, и черты лица у них правильнее, чем у веддов: между ними встречаются самые красивые женщины Цейлона. Полиандрические нравы

1 R. Virchow „Ueber die Veddas von Ceylon".
2 Bayley, „Transactions of the Ethnological Society", 1863; Hartshorne, „Fortnightly Review". 1876.
3 Valentyn, „Oud en Nieuw Oost-Indien".
4 Emerson Tennent, „Ceylon".

(многомужство) преобладают у этих презираемых туземцев, но они не женятся на своих сестрах. Они называют себя буддистами; однако, главный их культ состоит в поклонении злому духу, которого они пытаются умилостивить, принося ему в дар плоды, овощи и кровь красного петуха. Единственные между жителями Цейлона, они говорят оригинальным диалектом, который не имеет связи ни с дравидскими идиомами, ни с арийскими языками, ни с старым сингалезским наречием[1].

Главная масса островного населения, сгруппированная в южной области, кажется, очень мало отличается от веддов в физическом отношении. Большинство сингалезцев малорослы; голова у них продолговатая, цвет кожи смуглый или красноватый, всегда светлее, чем у тамилов; характеристическую черту, которою они наиболее отличаются от дикарей, составляет орлиная форма носа. Что всего более поражает путешественников при виде сингалезцев в собственном смысле—это их женственная наружность; они имеют грациозные и округлые формы, улыбающееся лицо, длинную черную шевелюру, тщательно завитую, которую они заплетают в форме шиньона на верхушке головы и поддерживают черепаховым гребнем; костюм их тоже женский. Они вообще в высшей степени кротки и ласковы, приветливы, гостеприимны, исполнены чувства справедливости, но глубоко чувствуют обиды, и хотя привыкшие оказывать повиновение правильной администрации, они, однако, возмущаются всяким произволом власти. В 1848 году на Цейлоне повсеместно вспыхнули бунты по случаю натуральных повинностей и добавочных податей, которыми они были обложены; революционные движения Западной Европы отразились на отдаленном острове Индийского океана[2].

Каковы бы ни были местные различия, сингалезцы несомненно связаны нечувствительными переходами с дравидийцами и с арийцами; трудно было бы указать существенные разницы черт между ними и индусами[3]. Там и сям встречаются еще на Цейлоне полиандрические хозяйства, остаток семейного устройства, некогда общераспространенного в крае[4]. Цейлонцы пользуются замечательным иммунитетом в отношении некоторых болезней, поражающих чужеземцев. Заболевания дыхательных путей, бронхиты, коклюши, дифтериты, плевриты, воспаления легких неизвестны у туземцев и очень редки у европейцев, пребывающих на острове; страдающие грудными недугами, приехав на о. Цейлон, вообще находят там улучшение в своем состоянии, тогда как метисы (помеси) часто делаются жертвами бугорчатки[5]. Дисентерия, гепатит (воспаление печени), ревматизм, нервные страдания—тоже болезни исключительные у сингалезцев; но они часто заболевают миазматическими лихорадками, и опухоль селезенки составляет общий недуг у взрослых.

Что касается языка, то он смешанного происхождения; сингалезский диалект приближается к дравидским идиомам по множеству старых слов, обозначающих предметы или относящихся к понятиям первобытной цивилизации; но термины религиозной речи он заимствовал у языка пали, а термины науки и искусства у санскрита; в этом смешении преобладающее значение имел элемент арийский. Сингалезский окончательно причислен учеными к арийским языкам[6]. Его литература, сохранившаяся на листьях зонтичной пальмы, богата нравоучительными книгами, религиозными гимнами, народными балладами. Большая часть сочинений, даже грамматики и сборники формул, написаны в стихах; иная палийская поэма заключает в себе больше полумиллиона стансов. Самый драгоценный памятник этой письменности—*Магавансо*, собрание хроник, содержащее историю всех династий, царствовавших между третьим веком общепринятой эры и половиной восемнадцатого столетия. Тогда как индусы твердой земли отлагались от буддийской религии, некогда господствовавшей на Полуострове, цейлонцы оставались верны культу, который был принесен им проповедника-

1 Hartshorne, „Journal offciel de la Republique francaise", 11 mars 1881.
2 Emerson Tennent, цитированное сочинение.
3 Davi, „Account of the interior of Ceylon".
4 John Phear, „The Aryan Village in India and Ceylon".
5 Davy, цитированное сочинение; Wernich, „Geographisch-medicinische Studien".
6 Max Mulier; Caldwell; Lassen; Goldschmidt; Children; R. Gust, „Les religions et les langues de l'lnde".

ми «великого учения», две тысячи двести лет тому назад. Впрочем, их буддизм нетождествен с буддизмом барманцев, сиамцев и тибетцев; отдаленность, соприкосновение с иноверческими населениями имели следствием постепенное разделение религиозных общин. Некоторые сиваитские и вишнуитские обрядности сохранились или проникли в буддийские храмы Цейлона. Эмблемы сиваизма встречаются во многих святилищах, особенно в Матуре, на южном берегу, и буддийские поклонники ни мало не смущаются этим обстоятельством во время своих молитв[1]. Точно также, с другой стороны, тысячи туземцев, обращенных в католичество, остались последователями Будды.

По вероисповеданиям население Цейлона распределялось в 1891 г. следующим образом:

Буддистов—1.698.070: сиваитов—493.630; мусульман—197,775; католиков—117.138; протестантов—30.839.

Вся северная часть острова населена тамильскими переселенцами, пришедшими в разные эпохи и ничем не отличающимися от своих единоплеменников, живущих по другую сторону пролива. Во времена первых нашествий они были вообще обозначаемы под именем малабарцев, хотя это были, главным образом, выходцы с Коромандельского берега; число их не перестает возрастать, благодаря мирному переселению индусских работников, в настоящее время единственных возделывателей полей, которые некогда были опустошаемы их предками. Так как область, в которой они поселяются, самая плодородная на всем Цейлоне, хотя и наиболее пренебрегаемая. то очень вероятно, что они мало-по-малу сделаются господствующим элементом народонаселения. В 1871 году они представляли не более одной пятой общего числа жителей; в настоящее же время они уже составляют целую четверть, и ежегодно в сезон сбора кофе прибавляется от 60.000 до 160.000 пришлого рабочего люда к подвижному населению[2]. Так называемые «мавры», живущие в большом числе не только в приморских городах, но также и внутри острова, такого же происхождения, как моплахи на Малабарском и лаббаи на Коромадельском берегах: это потомки арабов, скрестившихся с туземцами. Что касается португальцев и голландцев, то их можно встретить теперь только в виде помесей, или метисов. В то время, как первые, по большей части, принадлежат к сословию прислуги и чернорабочих, правнуки голландцев, известные под именем бургеров, составляют средний класс общества в городах, где они являются лучшей опорой английского владычества[3]; между ними преимущественно выбираются писцы, судебные пристава, адвокаты и судьи. Они уже забыли свой родной язык, тогда как португальские метисы говорят еще испорченным наречием лузитанского. Кафры, негры, арабы, парсы, малайцы с Явы и с других островов Сондского архипелага, китайцы тоже находятся в числе иностранных резидентов, которых привлекают на этот остров торговля и культура кофейного, чайного и хинного дерев. Форма судов с боковыми поплавнями (outriggers), которые употребляются с незапамятных времен в Пойнт-де-Галле, как и на малайских островах, доказывает, что Цейлон и Малазия находились между собою в сношениях уже гораздо ранее той эпохи, когда Тапробана стала известна западным народам.

Народонаселение острова в 1891 г. состояло из 3.008.466 душ (1.594.181 мужск., 1.414.284 женск. пола), в том числе было:

Сингалезов—2.000.000 душ; индусов тамилов—720.000 душ; мавров—190.000 душ; евроазийцев—20.000 душ; арабов—18.000 душ; европейцев (из которых четверть военных)—6.000 душ; малайцев— 9.000 душ.

Джафна или Джафнапатам, «Город игрока на лире», северная столица Цейлона, лежит вне острова, на коралловой и песчаной земле, которая вдается между Палкским проливом и Бенгальским заливом. Защищенная обширною пятиугольною цитаделью голландской конструкции, Джафна походит скорее на сад, нежели на город; только некоторые высокие дома

1 „Geogtaphische Gesellschaft in Bern", 4-ter Jahresbericht, 1881—1882.

2 Andrew Anderson, рукописные заметки; Ferguson, „Handbook for Ceylon".

3 „Calcutta Review", 1876

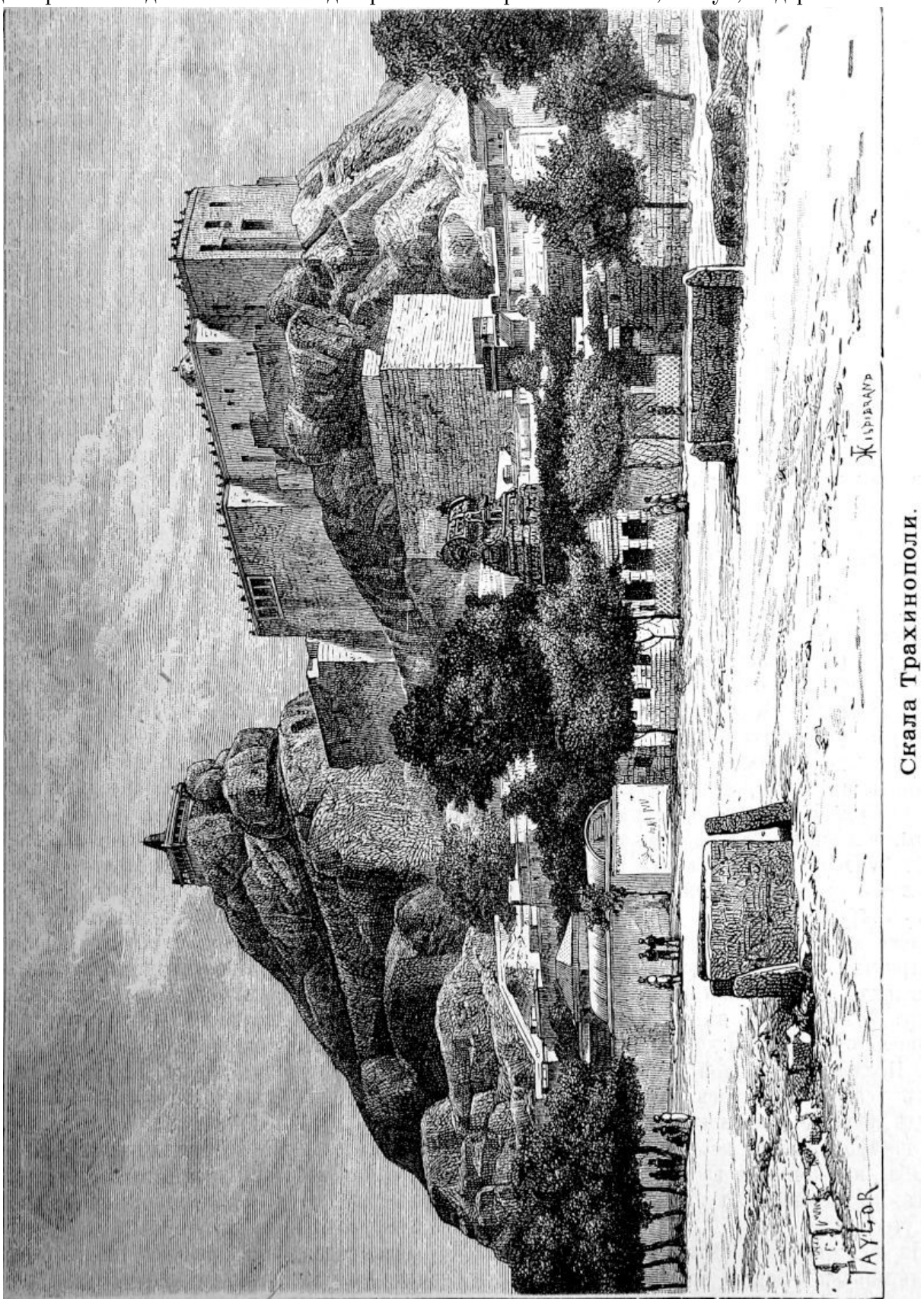
с верандами и террасами виднеются среди рощ кокосовых и веерных пальм; на территории Джафны растут семь миллионов деревьев этой породы. Город очень деятельный, населенный уже два столетия теми неутомимыми тамилами, которые эмигрируют ко всем берегам Индийского океана, Джафнапатам ведет торговлю с большой землей Цейлона, но море так мелко перед городом, что корабли не могут там бросать якорь; они останавливаются на другой стороне острова, у мыса Педро, или километрах в двадцати к юго-западу, близ островка Лейден.

Город Мантот, лежащий на юге, на берегу неглубокого канала, отделяющего Манаар от Цейлона, есть «сад», как, вероятно, показывает его имя; впрочем, другие этимологи приписывают этому названию смысл «Большого Парома»; по их толкованию, в этом месте первоначально существовал порт, принимавший пассажиров, которые приходили по мосту Рамы. Недалеко оттуда находится Арипо, главная станция для ловли жемчужных раковин; во время сезона это местечко населяется множеством пришлого люда; берег бывает сплошь покрыт палатками ловцов, а море усеяно мелкими судами. Но не каждый год можно предпринимать сбор жемчужных раковин. Проэксплоатировав жемчужные мели до последней крайности, английское правительство, присвоившее себе монополию этого промысла, запрещает лов в течение известного числа лет, до тех пор, пока морское дно снова не заселится драгоценными моллюсками. С 1833 по 1854 год ловцы отдыхали, и первая следовавшая за тем кампания дала 7 миллионов жемчужных раковин. В 1863 году лов был снова приостановлен на десятилетний срок, но по прошествии этого периода наловили только 2 миллиона моллюсков. Сезон 1880 года был самый удачный из бывших до сих пор, по количеству выловленных раковин, но жемчуг продается теперь в десять раз дешевле, сравнительно с теми ценами, какие существовали на него еще в начале настоящего столетия. Улов 1880 года дал 35.238.966 жемчужных раковин, ценность которых равнялась 500.000 франкам[1]. Раковистые слои, толщиною более метра, окаймляют морское прибрежье на обширных пространствах и позволяют судить о громадных количествах жемчуга, которые были добыты из этих вод со времен доисторических. На юге от Жемчужного берега, бухта, отделяющая твердую землю от острова Каративо и от полуострова Кальпентин, чрезвычайно богата рыбой, и тамошние рыболовы посылают значительные количества рыбы в Коломбо; они ловят также черепах и акул, плавни которых отправляются на рынки Китая, равно как голотурии (морские кубышки) и съедобные водоросли, известные под именем «кальпентинского мха» (chondrus crispus)[2]. Тем не менее, рыбаки, по большей части, народ очень бедный; они не владеют ни лодками, ни сетями, которые употребляют для своего промысла, и даже должны платить пошлину владельцу берега, на котором раскладывают, для сушки, добычу лова; на их долю достается только четвертая часть прибыли[3], да и из этой суммы они должны еще уделять известную часть на уплату жалованья «заклинателю акул», называемому также «укротителем моря»[4]. Морские раковины покрывают песок своими разбитыми обломками, которыми прибрежные жители пользуются для приготовления извести. Часовня св. Анны, на полуострове Кальпентин, есть главная святыня и главное место паломничества для цейлонских католиков. Иногда там собирается до 25.000 богомольцев; даже индусы и магометане глубоко чтут эту святую, которую они называют Ханна Биби (царица Анна).

К востоку от полуострова Кальпентин, среди лесов, на берегах прудов, ныне засыпанных и обратившихся в болота, видны многочисленные остатки древних столиц Цейлона, где жители некогда были скучены сотнями тысяч. Анараджапура, древняя Анурада, которая была избрана царской резиденцией слишком две тысячи триста лет тому назад и о которой Птоломей упоминает под именем Анурограммон (Анурадхаграма), теперь простая деревня, не насчитывающая даже тысячи жителей. По сказанию летописей, городская ограда, заключав-

1 Fergusun, „Handbook for Ceylon“.
2 Emerson Tennent, „Cey]on“.
3 „Geographische Gesellschaft in Bern”, 4-ter Jahresbericht. 1881 — 1882.
4 H. Yule, „The book of ser Marco Polo”.

шая в себе также поля и парки, имела не менее 25 километров длины в одной стороне; следовательно, пространство Анараджапуры было вдвое больше площади, занимаемой в настоящее время Лондоном. Почва везде красная от кирпичной пыли; статуи, надгробные памят-



Скала Трахинополи.

ники, бесформенные остатки зданий рассеяны по джунглю; полуразрушенные буддийские ступы, поднимающие свои куполы еще на 60 и 75 метров над уровнем земли, высятся над лесом, как пирамиды из зелени; сотни каменных колонн указывают место, где находился

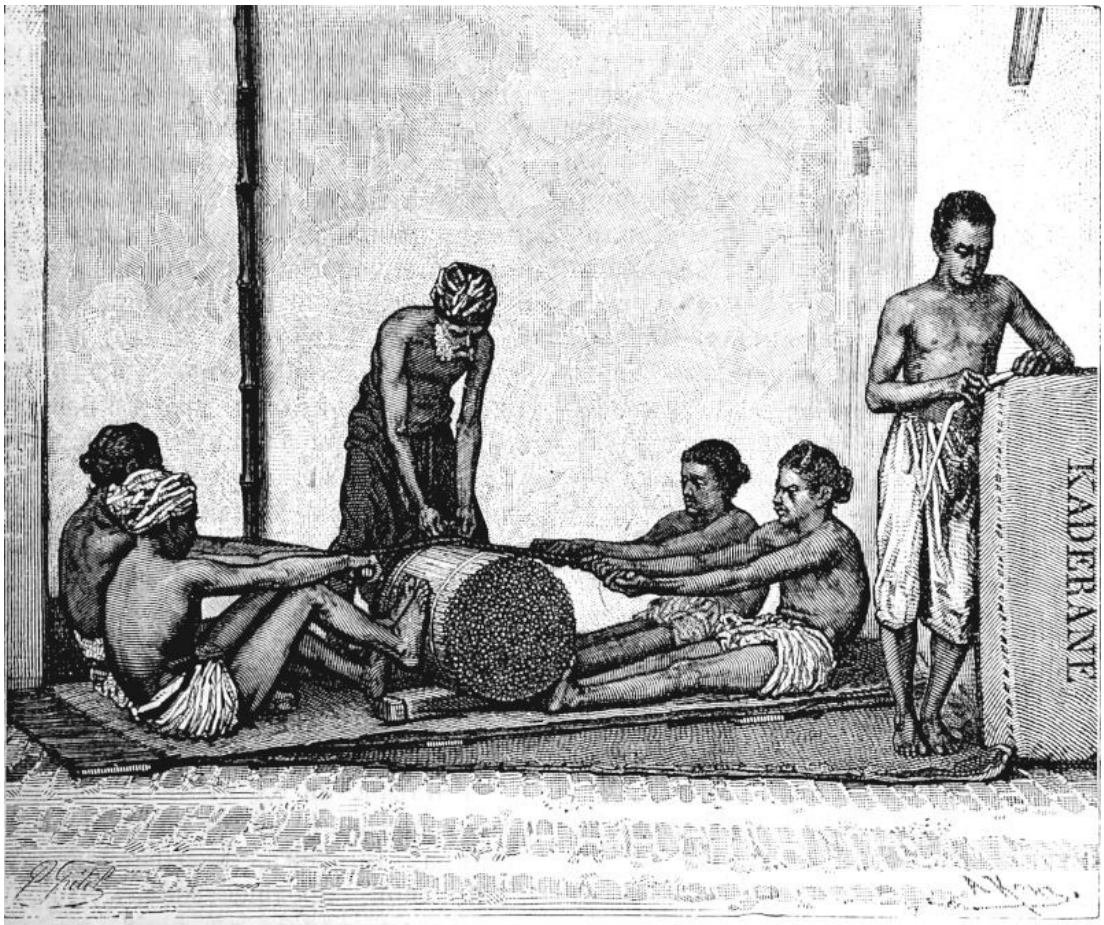
знаменитый «бронзовый храм». Но из всех памятников Анараджапуры самый замечательный и наиболее прославленный—«священный бо, победоносный господин», старейшее историческое дерево в свете, потому что оно было посажено в 288 году до Р. Х., и с этой эпохи летописи не переставали упоминать о нем. «Священная дорога», обставленная по сторонам надгробными памятниками и другими зданиями, направляется из Анараджапуры к горе Мигинтала, возвышающейся в 12 километрах к юго-востоку. Эта огромная скала обозначает собой место, где сошел просветитель сингалезов; исполинская лестница в тысячу слишком ступеней поднимается от основания горы до вершины, где стоит пагода, которая некогда, по словам легенды, была увенчана карбункулом красного цвета; иногда по всему пути расстилали дорогия ткани в виде непрерывного ковра от дворцов города до храма на горе Мигинтала. С паперти этого здания видишь у себя под ногами более половины острова, и взор простирается до двух морей.

В восьмом столетии христианской эры Анараджапура утратила свой ранг столицы, и Полланаруа наследовала ей в качестве царской резиденции. Менее обширный, чем его предшественник, этот город простирался, однако, на 50 километров в длину и, средним числом, на 6 километров в ширину; теперь это не более, как деревня, известная под именем Топаре. Группы зданий, сохранившихся в Полланаруа,—самые красивые на всем Цейлоне, и окружающая природа придает им особенную прелесть и живописность: деревья, завладевая дворами и фасадами дворцов, захватили статуи и колоннады и обвивают их своими корнями и ветвями; гигантские Будды появляются при конце широких аллей, высоко поднимая свои головы над переплетающимися ветвями деревьев; там и сям громадные ступы, почти совершенно скрытые растительностью, показывают только колоннады и лестницы своего основания. Строения в Полланаруа, как и строения Анараджапуры, представляют сумму труда, быть может, не меньшую той, какую потребовало сооружение египетских пирамид. Одна только из анараджапурских ступ доставила бы столько кирпича, что из него можно бы было построить восемь тысяч обыкновенных лондонских домов, или воздвигнуть стену в метр толщиною и в три метра вышиною, идущую от Парижа до Ламанша. На западе от Полланаруа другой колоссальный памятник свидетельствует об изумительном труде древних сингалезов: это форт Сигири, построенный на вершине скалы в форме столба, на который взбираются по ступенькам, иссеченным в камне, снаружи и внутри утеса.

На юг от Кальпентинской бухты, идущая вдоль морского берега большая дорога, еще не сопровождаемая рельсовым путем, проходит через города Патлам, Чилао (по-английски (Chilaw), затем через Негомбо, город, окруженный рощами коричного лавра, и в котором метисов, голландских и португальских, пропорционально больше, чем во всяком другом городе острова. За большою лагуной, называемой озером Негомбо, дорога приводит в нынешнюю столицу Цейлона, в Коломбо, бывший Калан-тотта, или «брод на Калани», получивший это название от реки, которая там изливается в маленькую бухту прибрежья, защищенную от южных ветров косой; прежде Калани-ганга впадала в море в 4 километрах к югу от бухты. Как большая часть городов Востока, Коломбо делится на два города—«черный», где живут туземцы, сингалезы, мусульмане и тамилы, и «форт», или новый европейский город, населенный преимущественно чиновниками и иностранными коммерсантами; аллеи из кетмий (hibiscus) и других деревьев окаймляют улицы, и часто шоссе бывает усеяно их цветами, желтыми и красными. Низменные и песчаные земли, воды болота, недостаток защиты от ветров в рейде составляли большие неудобства для столицы. Правда, прежде Коломбо находился в центре садов, производящих драгоценную кору корицы; но правительство должно было отказаться, в 1832 году, от монопольной культуры этого продукта, которая, вследствие усилившейся иностранной конкурренции, сделалась малоприбыльною; теперь резиденты заменяют постепенно свои рощи коричного лавра пальмовыми насаждениями. Кофейные плантации, разведенные в центре острова, получили в местной торговле такую же важность, какую прежде имела корица, и Коломбо, потеряв один элемент торгового обмена, приобрел другой, вдесятеро более ценный. Мало-по-малу все торговое движение края сосредоточилось в столице, и чтобы удержать это движение, искусственно создали гавань, в которой ей отка-

зала природа: жете, длиною в 1.280 метров, проведенное от южной стрелки бухты по направлению к Исаврским скалам, захватило у открытого моря значительное пространство, где становятся на якорь самые большие пароходы, защищаемые от юго-западного волнения. Другое жете будет ограничивать гавань с северной стороны. В 1892 году в порте Коломбо было в приходе 1.610 пароходов, общей вместимостью в 2.939.261 тонну, и 58 парусных судов, в 72.215 тонн вместимости. Ценность оборотов внешней торговли этого города в том же году составляла: по привозу 63.189.064, по вывозу—59.267.820 рупий.

В предвидении близкого упадка своего города, уже покидаемого пакетботами, которые предпочитают направлять свои рейсы в Коломбо, многие из резидентов Пойнт-де-Галля,—или, короче, просто Галля,—переселяются на постоянное жительство в столицу. А между тем, Галль, древний город, имеет естественный порт, хотя, впрочем, небольшой и опасный



Упаковка корицы.

при входе; кроме того, он занимает великолепное положение, как промежуточная пристань между двумя морями, Аравийским и Бенгальским; невозможно, чтобы он не сохранил важного значения для проходящих мимо судов: он для Индии то же самое, что Мыс Доброй Надежды для Африки (движение судоходства в Пойнт-де-Галле в 1893 году: 451 судно, вместимостью в 1.008.933 тонны). Оттого главный город, опасаясь соперника в южном городе, до сих пор отказывал ему в железной дороге[1], и участок рельсового пути, выходящий из Коломбо, останавливается в Кальтуре. Во всем мире нет такой прекрасной дороги, как широкая аллея из кокосовых пальм, которая идет вдоль морского берега между Коломбо, Пойнт-де-Галлем и Матурой, на протяжении 200 километров. По краям этой бесконечной аллеи, под высокими веерами исполинских пальм, растут деревья и кустарники всякого рода, покрытые, в свою очередь, сетью лиан, блистающих яркими цветами; с одной стороны, море развертывает бесконечный ряд своих лазурных волн с белыми гребнями; с другой—величественная гора «Адамов пик» обрисовывает профиль своей подернутой фиолетовым туманом

1 Ernst Hackel, „Deutsche Rundschau", aug. 1882.

массы над черными контрфорсами лесов, образующих неподвижную стену на заднем плане картины, за постоянно меняющейся декорацией деревьев, окаймляющих дорогу.

Канди, бывший главным городом острова после Полланаруа и прежде Коломбо, служит еще летней резиденцией для английских чиновников. Он занимает, на высоте 518 метров, очаровательное местоположение, на берегу маленького озера, окруженного тенистыми аллеями, на полуострове, образуемом изгибом реки Магавелли-ганга. Холмы с пологими скатами, усеянными виллами и дачами, тянутся амфитеатром вокруг озера, и за этой первой грядой высот виднеются вдали голубоватые вершины гор. Построенный в большой части португальскими колодниками, Канди походит своими домами, крытыми черепицей, на старинный европейский город; но к этому нужно прибавить то, чего не имеют европейские города,—роскошную тропическую растительность, пальмовые рощи, чащи бамбуков, тысячи деревьев и кустарников, наполняющих фруктовые сады. Расположенный в семи километрах к юго-западу от Канди, ботанический сад Перадениа, соединяющийся с городом непрерывным предместьем, есть один из богатейших в свете; в этом огромном парке, занимающем 60 гектаров (55 десятин), находишь не только растения, принадлежащие к флоре острова, но также все экзотические виды, введенные на Цейлоне и культивируемые преимущественно на склонах гор, возвышающихся на юге. Железная дорога, соединяющая Коломбо с Канди, проходит на высоте 600 метров через перевал Кадуганнава.

Кофейное дерево получило большую экономическую важность в сельско-хозяйственной промышленности этой области. Введенное в 1690 г. голландцами, затем заброшенное (потому что давало продукт качеством ниже яванского растения), дерево это возделывается правильно лишь с 1825 г., но уже через несколько лет оно сделалось одною из главных культур; после освобождения невольников на Ямайке, Сан-Доминго, в Гвианах, Цейлон остался, в отношении этого производства, без соперников между английскими колониями; быстрое развитие культуры кофе началось с 1856 года. Единственные местности гор, где можно с успехом культивировать кофейное дерево,—это лесистые части; пространства же, поросшие высокой травой, так называемые патены (patenas), которые плантаторам не было бы надобности расчищать, дают малоценный продукт, хотя земля там, повидимому, не отличается от почвы соседних лесов. Слишком тысяча двести кофейных плантаций, имеющих общую площадь около 100.000 гектаров (91.530 десятин), занимают склоны гор, и в сезон сбора кофе на этих плантациях собирается до 300.000 рабочих, тамилов, постоянных жителей или приходящих на время из других мест. Но, к сожалению, теперь цейлонскому кофейному дереву угрожают многочисленные болезни, от которых иногда сильно страдает урожай; особенно *hemileja vastatrix* производит большие опустошения с 1868 г., и до сих пор еще не нашли средства восторжествовать над ним; ежегодный убыток, причиняемый этим грибком, исчисляется в 50.000.000 франков[1]. В эти последние годы ввели кофейное дерево из Либерии, более крепкое и растущее на меньших высотах; таким образом получилась возможность расширить пояс плантаций до самых равнин.

Вывоз кофе с о. Цейлона: в 1827 г.—667.885; в 1847 г.—7.264.500; в 1857 г.—24.260.925; в 1878 г.—50.800.000; в 1882 г.—236.280.000; в 1893 г.—40.000.000 килограмм.

Но в целом поверхность земель, посвященных культуре кофейного дерева, уменьшилась почти на одну десятую; частью она была заменена другими культурами, именно возделыванием деревьев хинного, каучукового, какаового, сахарного тростника, кардамона, перечника, мускатного дерева. Общая площадь хинных лесов на Цейлоне в 1880 году равнялась 13.428 гектаров; деревьев насчитывалось до 50.000.000. Вся получаемая из этих лесов хинная кора вывозится в Англию. Отпуск этого продукта с о. Цейлона в 1872 году составлял только 5.173 килограмма, а десять лет спустя, в 1882 году, он уже простирался до 522.895 килограммов[2]. Кроме того, на острове возделывается чайное дерево, и собираемый чай отправляется частью в Австралию; в 1881 году чайных плантаций было 1.546. занимаемая ими площадь равня-

1 Morris, „Journal of the Linnaean Society", 1880, vol. XVII.

2 Andrew Anderson, рукописные заметки.

лась 249.336 гектарам, из которых 131.721 гектар были в культуре[3]. В 1893 г. вывоз чая простирался до 440.000.000 килограмм. Ветвь железной дороги, поднимающаяся по возвышенной долине реки Магавелли-ганга, к городам Гампола, одной из бывших столиц, и Навалапиттиа, окруженному плантациями, проникает в самое сердце кофейной области, и скоро новые рельсовые пути примкнут к главной железнодорожной линии из Коломбо в Канди. На плато, которое господствует с южной стороны над поясом обширных плантаций, сгруппированы отели и виллы санитарной станции Нувера-Элиа, лежащей на высоте около 1.900 метров. Уже кандийские цари скрылись в этом «Царственном граде света», чтобы спастись от португальских завоевателей, но «царственный град» был простою деревней, когда англичане «открыли» его в 1826 году; первый европейский шале построен там в 1829 г.

На востоке от города Канди, большая дорога спускается по очаровательной долине реки Магавелли к местечку Бинтен, одному из древнейших городов Цейлона. Как столица, Бинтен, называвшийся тогда Магайянганой, предшествовал городу Анараджапуре, но теперь в ном не сохранилось ни одного памятника старины, кроме бесформенного кургана, остатка буддийской ступы, которая еще в начале семнадцатого столетия была увенчана позолоченной пирамидой. Соседния с Бинтеном местности, некогда принадлежавшие к числу самых населенных областей острова, теперь почти безлюдны, и путешественник проезжает через обширные пустыни по дороге, ведущей к порту Баттикалоа, на восточном берегу; тем не менее, реставрация древних прудов и оросительных каналов позволила вновь завоевать большую часть почвы, чтобы преобразовать ее в рисовые поля, и этот округ, еще недавно пустынный, обещает сделаться житницей Цейлона. Самый город, имя которого (Матикалоа) означает «Грязную лагуну», окружен кокосовыми пальмами, замечательными тем, что они дают самые крупные и лучшие кокосовые орехи на всем острове. Береговое озеро Баттикалоа изобилует огромными крокодилами; в нем водятся также поющие рыбы, столь обыкновенные в Банкокских водах.

Тринкомали, единственный естественный порт Цейлона, где самые большие корабли могут безопасно стоять на якоре под защитою от всех ветров, тем не менее, покинут торговлей. Однако, политические властители острова поняли важное значение этого пункта. Португальцы срыли храм «Тысячи Колонн» и построили на месте его форт, где еще видны, вделанные в стены, надписи и статуи. Голландцы увеличили эти укрепления, которыми овладевали французы в 1672 и в 1782 годах; англичане, в свою очередь, воздвигли новые верки на островах и высоких мысах, под защитою которых стоят на якоре их военные корабли. Часто предлагали перевести столицу в Тринкомали; но как ни велики выгоды положения этого порта, ему недостает пояса производительных местностей и сети дорог, недостает того, чем обладает Коломбо. Город, построенный на возвышенной косе, между внешним рейдом и портом, в действительности есть лишь местечко, которое даже в отношении своего продовольствия зависит от городов Баттикалоа и Джафны; но зато Тринкомали принадлежит к числу святых мест Цейлона: пилигримы массами приходят созерцать скалу, оторванную от горы Меру и перенесенную сюда богами. Если бы в этом порте стояли на якоре целые флоты и если бы дома теснились вокруг укреплений, Тринкомали не уступал бы, по красоте местоположения, Рио-де-Жанейро: островки, высокие мысы, береговые холмы, леса следуют одни за другими вокруг бухт и бухточек в виде картин бесконечного разнообразия.

Главные города Цейлона, с цифрой населения по переписи 1891 г.:

Коломбо—127.000; Пойнт-де-Галль—34.000; Джафна—43.000; Канди—20.000; Матура—19.000; Тринкомали—11.400 жит.

3 Fergusson, „Handbook for Ceylon".

XVI

Острова Лакедивские, Малдивские, архипелаг Чагос.

Цоколь, поддерживающий полуостров по сю сторону Ганга, продолжается на большое расстояние под поверхностью вод океана. Если верно, что почти на всей окружности континентов обрывистые берега омываются глубокими морями, то этого нельзя сказать о западных берегах Индии. Против Конкана и Малабара мели и неглубокия места, которые можно рассматривать как пьедестал континента, занимают значительное протяжение Аравийского моря. Все морское пространство, лежащее к югу от полуострова Каттиавар до широты Бомбея, заключено в этом поясе глубин, меньших 100 метров, и морское дно там находится, средним числом, в сорока метрах от поверхности. Обширное подводное плоскогорье, известное под именем «Низкого берега в пятьдесят сажен», ограниченное на востоке «Мелью Направления», указывает уже на расстоянии 200 километров подходы Бомбейского порта. На юге этот подводный берег съуживается и имеет в среднем не более 100 километров ширины; на западе он вдруг оканчивается крутизной, столь же обрывистой, как обрывисты на материке береговые утесы Гатских гор. Обойдя вокруг мыса Коморин, подводный пьедестал приближается к Цейлону и около южной стороны острова образует уже только узкую окраину из рифов и мелей. Равным образом и на восточной стороне главного индийского острова мели тянутся вдоль прибрежья; но, по какому-то странному контрасту, низменное побережье Индии—берега Коромандельский, Сиркарский, Орисский—есть ближайшее к океанийским пропастям; напротив, вдоль крутых обрывистых берегов Малабара и Конкана мели, быть может, остатки бывших, ныне затонувших земель, простираются на наибольшее расстояние от моря.

Между 17-м и 16-м градусами широты, против маленького порта Раджапур, узкая подводная долина, где лот показывает глубины от 225 до 400 метров, отделяет от континентального берега острововидную мель, дно которой отстоит не более, как на 20 или 25 метров от поверхности. Это подводное плато, называемое Ангриа, есть северный мол гряды мелей, рифов, островов и островков, которая продолжается прямо на юг до середины Индийского океана и которую ученые рассматривают как принадлежащую к одной и той же геологической формации, хотя все эти островные цепи отделены одна от другой широкими и глубокими впадинами или долинами. Острова Лакедивские, Миникой, Малдивские, Чагос составляют часть этой меридиональной гряды, которая от подводного плато Ангриа до подобного же плато Центуриона имеет не менее 2.600 километров в длину; вместе с подводным цоколем Сешельских островов, лежащим западнее, все эти островные цепи совершенно отделяют Аравийское море от свободных пространств Индийского океана. По мнению многих натуралистов и геологов, пытающихся объяснить существовавшим некогда соединением земель сходство флор и фаун между Индией и Африкой, цепь островов Лакедивских и Малдивских составляет остаток хребта исчезнувшего материка. Они полагают, что еще в первые времена третичной эпохи Лемурия, так названная по особым породам обезьян, ныне представленным преимущественно на Мадагаскаре, занимала наибольшую часть пространства, которое простиралось от Малазии до восточных берегов Африки, и что высокие горы стояли там, где теперь находятся едва выступающие из-под воды коралловые рифы Лакедивских и Малдивских островов[1].

К югу от подводного плато Ангриа, промеры морского дна обнаружили другую мель, называемую Адас, но самые высокие её выступы покрыты слоем воды в 80 метров толщины. Мелководные пространства, достаточно близкия от поверхности моря, чтобы образовать прибой волн или бурун, начинаются лишь южнее 14 градуса широты мелью, называемою Корадив, т.е. «остров» Кора, хотя ни один из её рифов не выступил из-под воды. Банка Сезострис и мели Педро (Bassas de Pedro, иначе Падуанская банка или Муниал-пар) тоже состав-

1 Darwin: Murray; Huxley; Blanford, „Quarterly Journal of the Geological Society", nov. 1875.

ляют часть этого архипелага отмелей, между которыми извиваются долины на глубине 600 метров под поверхностью моря. Островки Лакедивской группы, рассеянные на юг от мелей, окружены еще более глубокими пропастями; во рву, отделяющем Лакедивские острова от континентального цоколя, бросали лот до глубины 2.360 метров, не находя дна.

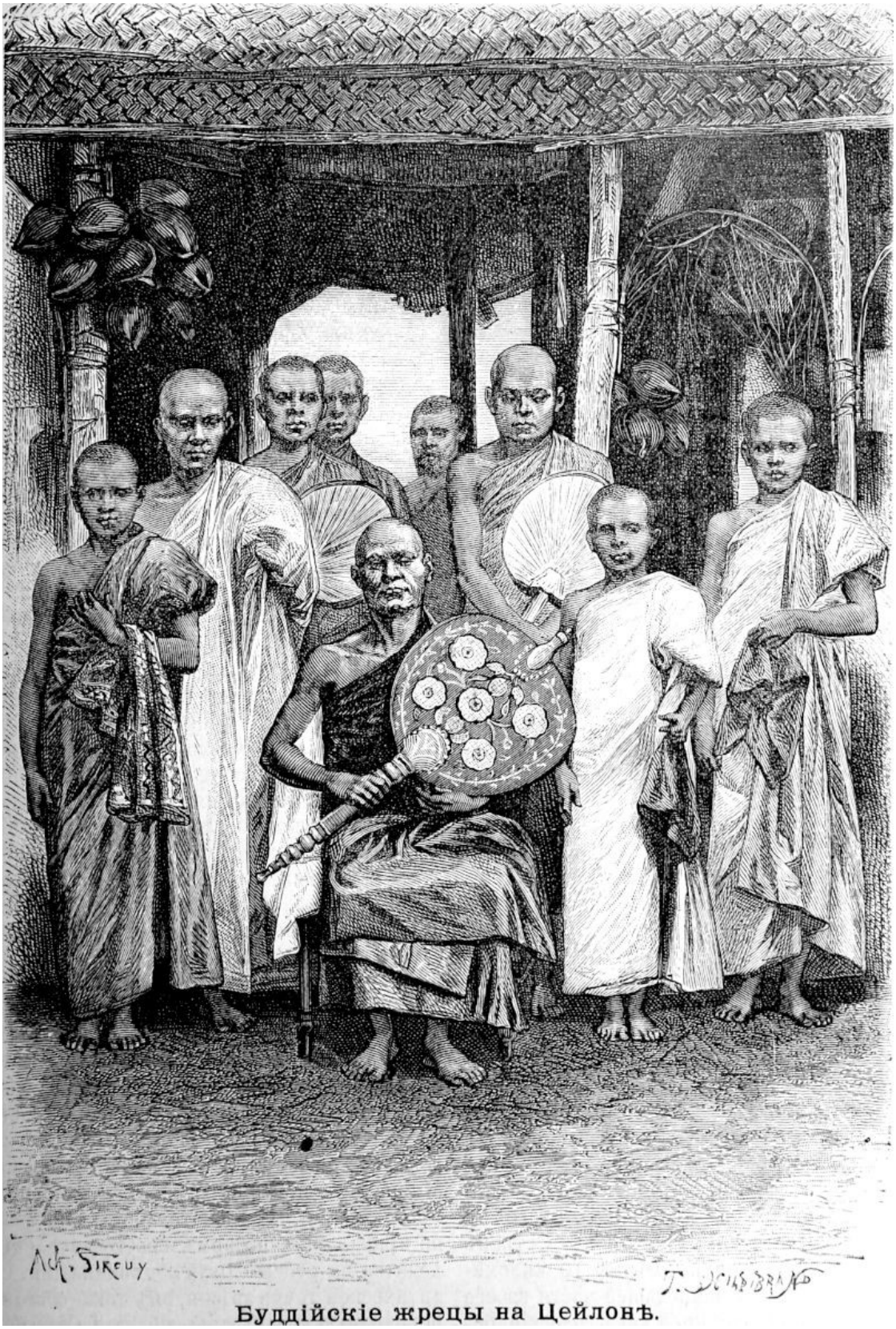
Лекедивские или Лакшадвипа, т.е. «Сто Тысяч Островов», заслуживают это название только в том смысле, что туземцы под именем островов понимают бесчисленные, высунувшиеся из воды, головы рифов или песчаные полосы, которые показываются при отливе вровень с поверхностью моря, вокруг островков, выступающих во всякое время; кроме нескольких верхушек скал, существует всего только двенадцать земель в группе Лакедивских островов, и только восемь из них обитаемы: это Четлат, Килтан, Кадамат, Амини, или Аминдиви, зависящие непосредственно от Индийской империи, и Агат (Аукутта), Каварати (Каврути), Антрот, Кальпени, управляемые от имени Каннанорской царицы (биби). Лежащие на пути арабских кораблей, которые направлялись к горе Делли, Каннанору, Каликуту, Кочину, Лакедивские острова, конечно, были известны с первых времен мореплавания в Индийском океане; но их малое возвышение над поверхностью моря и ошибки мореплавателей в определении их точного географического положения породили легенду о блуждающих островах. Аль-бируни был, без сомнения, под влиянием этих идей, когда он описывал *дивы* (острова) индийских морей. «Одни из них,—говорит он,—только-что народились: они появляются в форме кучек песку, которые растут, расширяются и сплочиваются в твердые земли, тогда как другие колеблются, распадаются и расплываются мало-по-малу в море. Когда жители заметят ненадежность носящей их почвы, они удаляются на какой-нибудь остров, находящийся в периоде возрастания; они переносят туда свои кокосовые и других пород пальмы, свой хлеб и весь домашний скарб и основывают там свои жилища»[1]. Однако, островитяне, наши современники, не подтверждают этих быстрых перемен в их архипелаге, и никакое местное предание не говорит о появлении и исчезновении островков[2]. Плоские берега увеличиваются или уменьшаются в протяжении медленно, соответственно работе мадрепоровых кораллов, наносам волны, размывам, производимым морскими течениями, повреждениям, причиняемым циклонами. Каждый остров, состоящий из песку и размельченного карала, к которым примешивается немного чернозема, образующагося от гниения растений, представляет низменную землю, достигающую самое большее 3 или 4 метров высоты над уровнем прилива, который поднимается в этих водах на 3 метра. Берега продолжаются с той и другой стороны, но в особенности на западе, мелями, более возвышенными на краях, чем в центральной части; так образуются лагуны, сообщающиеся с морем лишь через узкия бреши, где проходят суда при высокой воде, чтобы войти во внутреннюю гавань. Многие из Лакедивских островов представляют, в совокупности своих рифов, кольцеобразное расположение, напоминающее форму атоллов Тихого океана; однако, в сравнении с Малдивскими островами, отличающимися удивительною правильностью образования, Лакедивские, так сказать, не более, как простые наброски.

На этих островах нет ни одного источника, ни одного ключа, бьющего из почвы; однако, воду там находят в изобилии. Так же, как на северных берегах Цейлона, достаточно пробуравить верхний слой коралла и вынуть следующий непосредственно под ним пласт песку, чтобы добраться до скопления пресной воды, поверхность которой, вследствие бокового соприкосновения с соленой водой, то поднимается, то понижается, сообразно изменениям уровня моря, зависящим от прилива и отлива. Земля малоплодородна; однако, кое-где видны апельсинные деревья, дынеплодники (папаия), рисовые плантации, поля, засеянные сладким картофелем (пататами); но главную отрасль земледелия составляет культура кокосовых пальм: слишком 250.000 дерев этой породы доставляют почти все необходимое туземцам и их первую статью торговли, волокно или *коир*, которое употребляется на плетение канатов и для связывания членов кораблей; отсюда и название Дивах-Камбар, или «Нитяные

1 Reinaud, „Relations des voyages des Arabes", tome I.

2 Wood, „Lakeradeevh Archipelago", „Journal of the Geographical Society of London", 1836.

острова», которое арабские купцы давали некогда Лакедивским островам[1]. Главное занятие женщин состоит в разрезывании скорлуп кокосовых орехов и в вымачивании их в соленой воде для приготовления волокна. Ценность ежегодного вывоза этого продукта с Лаке-



Буддійскіе жрецы на Цейлонѣ.

дивских островов простирается до 425.000 франков. Самобытная фауна этих островов заключает в себе только один вид млекопитающих—крыс, которые наносят большой вред плантациям кокосовых пальм; быки и коровы, ввезенные туземцами, выродились в мало-

1 Reinaud, цитированное сочинение.

рослых и слабосильных животных. Жители Лакедивских островов, говорящие малаялам-ским языком, суть наиры по преданиям, моплахи по магометанскому вероисповеданию: на всем архипелаге нет ни одного индуса по религии, но самые богатые фамилии приписывают себе происхождение от высших каст Полуострова[1]. Как иммигранты, принадлежащие к различным расам, туземцы не имеют между собою достаточной связи, чтобы оказать сопротивление агентам, приходящим собирать налог от имени англичан или малабарских раджей. На северных островах, подвластных британскому правительству, передача наследства детям мужского пола сделалась правилом; напротив, на южных островах, женщины сохранили за собою первенство, даваемое им древним учреждением материнского главенства (матриархат). Везде они имеют численное превосходство, так как мужчины эмигрируют сотнями в период юго-западного муссона, чтобы искать пристанища для своих судов в гаванях Малабарского берега. Пространство Лакедивских островов, без рифов и мелей, 52 квадр. километра. Население в 1891 году 14.440 душ, так что, средним числом, на 1 квадр. километр приходится около 240 жителей.

Уединенный остров Миникой, или Миникай, поднимается со дна океанских пучин между группой Лакедивских и архипелагом Малдивских островов; два прохода для кораблей, один на севере, другой на юге острова, обозначаются моряками, по широте, под именами «пролива Девятого градуса» и «пролива Восьмого градуса». Так же, как Лакедивские острова, Мининой—кораллового происхождения: он имеет форму полумесяца, рога которого, обращенные на запад, продолжаются кольцеобразным рифом, заключающим в себе лагуну; не только мелкие суда, по даже корабли могут входить в этот внутренний порт через канал, глубина которого в часы прилива достигает 4 метров. Остров в собственном смысле имеет 10 километров в длину, но в наибольшей части своего протяжения это не что иное как плоский берег в несколько сот метров ширины[2]; море заливало бы его при каждой буре, если бы он не был защищен на восточном берегу естественною насыпью из разного рода обломков, которые были нанесены волнами и затем укреплены островитянами при помощи плотины, вышиной в 6 метров и длиной в 3 километра. Над этим оградительным валом видны только веера кокосовых пальм; он не раз был повреждаем циклонами; в 1867 году шестая часть населения была унесена волнами моря. Так же, как на соседних архипелагах, главное богатство Миникоя составляют его кокосовые пальмы, а главный промысел—плетение канатов из кокосового волокна; кроме того, отсюда вывозится кокосовый сахар, соленая рыба и раковины ужовки или белые каури (cypraea moneta), употребляемые в Африке в качестве денег. Миникойские моряки, имеющие не только рыболовные суда, но даже около дюжины больших морских судов, или *одпес*, ведущих торговлю с Малабарским берегом, Цейлоном и Калькуттой, славятся своею отвагою и ловкостью; они в совершенстве знают употребление инструментов, применяемых европейскими мореплавателями, и один из них основал мореходное училище. Маленький океанский пляж Миникой представляет как бы резюме или миниатюру Индии по распределению своих жителей на касты различного происхождения. Пространство этого уединенного острова—6 квадр. километров; население в 1871 году 2.800 душ; следовательно, средним числом приходится по 466 жителей на 1 квадр. километров. Жители Миникоя делятся на пять родов или больших семейств, из которых два первые считают позорным всякий труд, хотя им принадлежит вся земля, с растущими на ней кокосовыми рощами. Все работы свалены на низшие касты; особенно женщины в высшей степени трудолюбивы, несмотря на то, что им принадлежит главенство в хозяйстве; по старинному наирскому обычаю, они сами выбирают себе супруга, но многие сотни их остаются без мужей, вследствие эмиграции, увлекающей молодых мужчин за море. Многомужество более не практикуется; с другой стороны, несмотря на господство магометанской религии, которую исповедуют все жители острова, Миникой не представляет ни одного примера многоженства. Следовательно, этот остров, по нравам и обычаям своего населения, находится на рубеже

1 Robinson, „Report on the Laccadive Islands", Madras 1874.

2 Basevi. „Journal of the Geographical Society of London", 1872.

двух цивилизаций. С политической точки зрения, он тоже составляет переходную страну: так же, как южные Лакедивские острова, он подвластен каннанорской царице (биби), но по языку и народным преданиям его следует причислить к Малдивским островам. Островок, лежащий на южной оконечности Миникойской лагуны, служит госпиталем для острова: туда отвозят прокаженных и больных, там же хоронят покойников[1].

Этот обширный архипелаг «Малабарских островов», или «Тысячи Островов», или «Островов Мале», т.е. «Скалы»,—таковы различные значения, даваемые этимологами имени Малдивских островов[2],—тянется на пространстве 866 километров с севера на юг; последние его рифы находятся уже в южном полушарии; в некоторых местах ширина пояса, занимаемого атоллами, превышает 80 километров, но совокупность земель, выступающих из-под воды в период отлива на этом огромном протяжении, исчисляется всего только в 5.000 квадр. километров; в часы прилива только шестая часть этого пространства бывает покрыта выступающими из-под воды коралловыми берегами. Оффициальный титул султана Малдивских островов—«Царь тринадцати провинций и двенадцати тысяч островов». Оуен[3] полагает, что это число 12.000 есть лишь треть или четверть действительности, но по самым подробным морским картам, отдельных земель в архипелаге, не считая простых рифов, оказывается только несколько сотен. Птоломей насчитывает их 1.378, но не давая какого-либо общего имени всей совокупности атоллов. Сто семьдесят пять из этих островов обитаемы[4]. Пространство Малдивских островов около 300 квадр. километров, а население около 30.000 душ, так что на один квадр. километр приходится 100 жит.

Даже в Тихом океане нет коралловых островов, которые представляли бы более правильности, чем Малдивские, в образовании кольцеобразных берегов, заключающих лагуну в своей ограде. Каждый остров в частности есть полумесяц из выступающих над водой мелей, простой сегмент кольца рифов, показывающихся в периоды отлива. Острова не рассеяны случайно по поверхности воды; они группируются в круги или в эллипсы так, что образуют атолл, окружающий своею коралловою стеною, прерываемой тысячью брешей, морское пространство, превращенное во внутреннее озеро. Наконец, девятнадцать атоллов Малдивских островов составляют, в своей совокупности, как бы один очень удлиненный атолл, заключающий внутри глубокое средиземное море, где бросают лот на сотни метров, не находя морского дна. Гипотеза, которою Дарвин старается объяснить образование этих кольцеобразных рифов, хорошо известна. По его мнению, там, где в наши дни находятся едва выступающие из-под воды земли Малдивских островов, стояли некогда горы неравной высоты, как горы всех континентальных цепей, и на всей окружности этой гористой области зоофиты (животнорастения), строющие коралловые скалы на расстоянии нескольких метров от поверхности моря, трудились над возведением своего барьера рифов. Но, находясь в области медленного оседания почвы, горы проваливались мало-по-малу; внешний вал постепенно понижался, заставляя таким образом полипов-строителей выделять из себя новые слои; между коралловыми постройками открывались морские рукава или проливы, вследствие чего эти постройки делились на обособленные острова, вокруг которых образовались другие кольцеобразные мели меньших размеров: затем эти острова, в свою очередь, подразделялись на островки, из которых каждый имел свой бордюр из рифов: так, в большом кольце заключались, как вписанные круги, второстепенные кольца, которые, в свою очередь, дробились на многочисленные третьестепенные кольца. Когда все горные цепи исчезли под водой, строения кораллов не переставали удерживаться на поверхности океана, наростая по мере того, как опускался в море цоколь их основания. Происхождение центрального моря всей системы островов, свободного залива каждого атолла, лагуны каждого островка объясняется тем фактом, что

1 Basevi, цитированный мемуар.
2 Lassen, „Indische Alterthumskunde"; Egli, „Etymologisch-geographisches Lexicon".
3 „Journal of the Geographical Society of London", 1832.
4 Hunter, „Imperial Gazetter of India".

«строители миров» развиваются и преуспевают под ударом волн; в спокойных водах они умирают. Что касается выступления из-под воды большей части островков на восточном сегменте рифов, то причину этого явления следует искать в преобладании юго-западных ветров и морских течений, следующих в том же направлении; обломки, оторванные от рифов, увлекаются к востоку и способствуют возвышению выступов ближайшего к Индии края подводной горной массы.

Взятая в целом, гипотеза Дарвина лучше, чем всякая другая, согласуется с наблюдавшимися явлениями; однако, до сих пор еще не констатирован точными наблюдениями капитальный факт, именно факт понижения почвы Малдивских островов в тех местах, где, от какой-либо причины, работа кораллов прекратилась. Следовательно, поле остается открыто теориям. Некоторые геологи задавали себе вопрос, не соответствуют ли ряды атоллов грядам подводных вулканов. Правда, невозможно допустить, чтобы на пространстве, столь обширном, как площадь, занимаемая «Двенадцатью Тысячами Островов», огнедышащие горы поднимались однообразно на 20 или 30 метров ниже уровня моря, так чтобы служить основанием постройкам полипов. Но если вулканы Малдивских островов походили на огнедышащие горы соседнего Полуострова, которые извергали из себя невообразимо громадное количество шлаков, имеющей мощность в несколько сотен и даже местами в тысячу метров, то легко понять, что несвязные обломки, выброшенные кратерами, были выровнены волнами до однообразной глубины, и рифы полипняков заменили конусы из лавы и пепла, смытые волнами, унесенные течениями. Едва-ли найдется океанская земля, история которой была бы более любопытна для изучения, чем история Малдивских островов; к сожалению, острова эти были исследуемы лишь редкими путешественниками, ожидавшими с нетерпением первого попутного ветра, чтобы вернуться на твердую землю. Еще недавно, то, что знали об этом архипелаге, было основано, главным образом, на рассказах потерпевших кораблекрушение, как, например, Пирар-де-Лаваля, который был выброшен туда бурей в 1602 году. В начале настоящего столетия острова были менее известны, нежели за двести пятьдесят лет перед тем, в эпоху путешествий знаменитых португальских мореплавателей[1]. А между тем, Малдивские острова лежат близ большого морского пути, так что бесчисленное множество путешественников проходит мимо них и видит их издали. Корабли, идущие от Мыса Доброй Надежды к Цейлону, плывут через пролив, называемый «Полутораградусным», по линии широты, проходящей в этом месте. Как ни низки эти острова, поднимающиеся всего только на два метра над поверхностью воды, они, тем не менее, видимы до расстояния 20 километров в море, благодаря зонтикам кокосовых пальм, которые развертываются на высоте 30 метров (14 сажен).

Будучи такого же образования, как Лакедивские острова, Миникой и северные берега Цейлона, большинство Малдивских островов тоже имеют в изобилии пресную воду под поверхностными слоями коралла. Растительность этого архипелага богаче растительности соседних островных групп. Кокосовые пальмы достигают здесь большего роста; кроме того, на этих островах существуют настоящие леса хлебных деревьев, смоковниц, банианов, тамариндов. По словам Оуена, флора Малдивского архипелага заключает в себе также лодоицею Сешельских островов, пальму, которая дает морские кокосы, те двойные орехи, которые так долго сохраняются на волнах моря и которые в Индии, куда их приносит течение, считаются священными плодами, исцеляющими все болезни. На берегах Малдивских островов встречаются во многих местах горные породы нового образования, похожия на плотный песчаник, содержащий большое число раковин и кораллов, находимый на Антильских островах и называемый *maconne-bon-Dieu*; эти породы состоят из отложений углекислой извести, заключающих в себе морские кокосы, с примесью отрывков мадрепоров и других плавучих обломков[2].

Подобно населению Лакедивских островов и Миникоя, обитатели Малдивских островов

1 Owen, „Journal of the Geographical Society of London", 1832.

2 Moresby, „Journal of the Geographical Society of London", 1832.

живут преимущественно продуктами кокосовой пальмы, которые им приходится защищать от нападений крыс и летяг; последние приходят сосать из разрезов на стволе дерева, откуда сочится *тодди*, или пальмовое вино. Одну из главных статей вывоза составляет ужовка каури, которую ловят при помощи сетей и приманок, привязанных к поплавню из листьев кокосовой пальмы; собранные раковины закапывают в песок и оставляют там до тех пор, пока не сгниет мясо, затем их промывают, и монета, гораздо более приятная на вид, чем наши медные деньги, готова для обмена; на самом месте добывания их продают двенадцать тысяч штук за одну рупию, т.е. около пяти тысяч штук за один франк. Малдивские моряки вывозят также соленую рыбу, именно бонитов или макрелей, которых они налавливают от двух до трех миллионов штук в год. Очень искусные мореходы, они имеют большие суда, вместимостью в 100 и 200 тонн, на которых плавают до острова Суматры; они совершают правильные плавания в Коломбо и в Калькутту, отправляясь с юго-западным муссоном, в августе месяце, и возвращаясь в декабре с северо-восточным ветром. Каждый год жители городка Мале, столицы островов, пускают на море два судна, нагруженные душистыми смолами, цветами и разными благовонными веществами: это дары умилостивления, посылаемые богу моря и духу ветров[1].

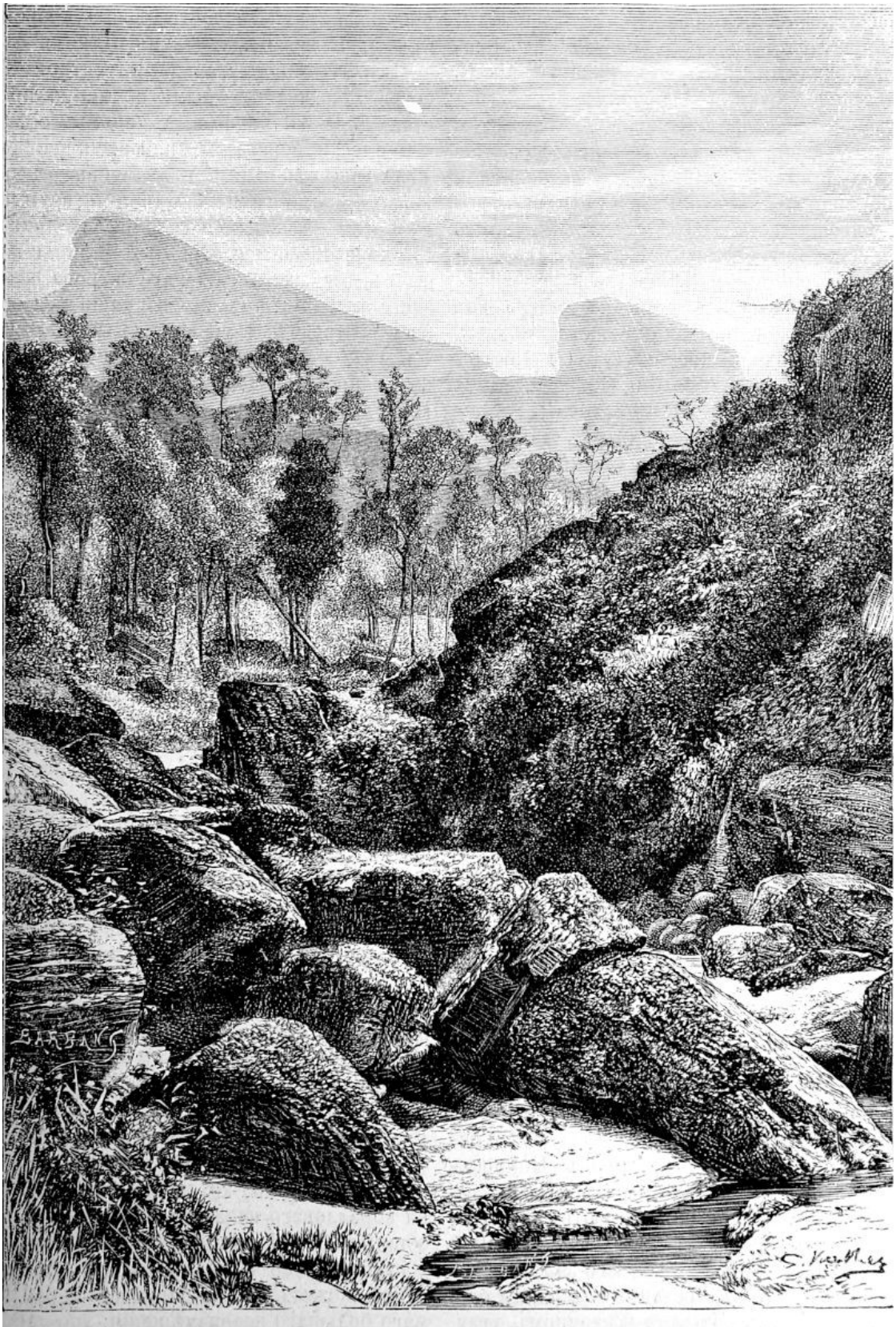
До сих пор еще не было сделано переписи Малдивского народонаселения; приблизительно известно, что около 1.500 жителей сгруппированы в атолле Мале (Царский атолл, King's atoll), где имеет пребывание султан, около середины восточной цепи островов: это самая многолюдная земля, так как непосредственная торговля с заграницей запрещена во всем остальном архипелаге; большинство других населенных земель имеет много-много что несколько сот резидентов, живущих по большей части в домах, построенных на сваях, для предохранения от крыс. В каждом поселении архипелага есть свои ремесленники, ткачи, гончары, мастера металлических изделий. Не так было в первые годы семнадцатого столетия, судя по рассказам упомянутого Пирар-де-Лаваля. «Ремесленные люди,—говорит этот французский путешественник,—собраны на отдельных островах, как-то: ткачи на одном, золотых и серебряных дел мастера на другом, кузнецы, делатели цыновок, гончары, токари и столяры на особых островах. Ремесла их никогда не смешиваются: каждое имеет свой остров»[2]. Язык *мал*, *малих* или *малки* есть наречие сингалезского, и полагают, что жители архипелага—выходцы с большого соседнего острова (Цейлона), смешавшиеся с элементами арабскими и африканскими, как о том свидетельствуют их предания и различные слова их диалекта; кроме сингалезской азбуки и арабских букв, они имеют еще собственные письмена. Кое-какие остатки буддизма еще сохранились, хотя уже несколько столетий тому назад островитяне были обращены в магометанскую веру арабскими миссионерами. Наследственный султан «Двенадцати тысяч островов» находится под протекторатом цейлонского губернатора, которому он посылает дань, состоящую из раковинок каури, рыбы и лепешек. Визири, из которых один носит титул главнокомандующего армией, управляют страной от имени султана, и на каждом острове есть начальник, соединяющий в своем лице все органы власти: он военачальник, мулла, судья, сборщик податей.

Атоллы группы Чагос составляют особый архипелаг, отделенный от Малдивских островов пространством около 500 километров, пучины которого имеют до 5.000 метров глубины. Главная мель, кольцо которой развертывается по окружности длиною около 455 километров, не считая выступов и заливов, почти вся лежит под поверхностью вод. Дарвин видит в ней остаток земли, которая так быстро осела, что полипы-строители не имели времени довести свою работу до поверхности воды, возводя слой за слоем. Какова бы ни была степень вероятности этой гипотезы, во всяком случае, несомненно то, что две стороны атолла, восточная и южная, совершенно погружены под жидкою площадью толщиною от 8 до 100 метров; на севере существует только один остров, покрытый мелким кустарником,—остров Нельсон, и наконец, шесть отрывков рифов, Три Брата, Орлиные острова, остров Опасности, выступают

1 Chr. Lassen, „Indische Alterthumskunde".

2 „Voyage de Francois Pyrard", Paris, 1619.

над поверхностью воды на западной стене этой мели. Но другие кольца рифов, несравненно меньших размеров, имеют гораздо больше выступающих над водой земель: Соломонов атолл и атолл Перрос-Баньос, лежащие к северу от архипелага Чагос, заключают в себе, соответ-



Цейлонскій пейзажъ.

ственно, 10 и 22 острова на своей кольцеобразной стене; группа Эгмонта, к юго-западу от большой мели Чагос, состоит из шести островов. Наконец, на юго-восточном углу, атолл Диего-Гарсиа совершенно выступает из-под воды на семи десятых своей окружности. Этот ко-

ралловый вал неправильной и странной формы тянется в виде двух узловатых ветвей, имеющих вместе около 52 километров длины и не представляющих нигде, кроме только северо-западной оконечности, более 1.000 метров ширины; три островка запирают отчасти северную брешь, открывающуюся между двумя ветвями атолла.

Открытые португальцами, острова Чагос оставались необитаемыми до конца прошлого столетия, хотя кокосовые пальмы, осеняющие эти плоские берега, манили иммигрантов. В 1791 году некоторые плантаторы с острова Иль-де-Франс, или св. Маврикия, первые основали там несколько поселений для приготовления кокосового масла, и с той эпохи французы с того же английского острова постоянно эксплоатировали пальмовые рощи на Диего-Гарсиа и на других островах архипелага Чагос. В 1880 году с острова Диего-Гарсиа было вывезено 680.000 литров кокосового масла. На эту же землю Диего, затерянную среди океана, ссылались прежде прокаженные с Маскаренских островов[1]. Прежде невольники, а теперь наемные работники с Мадагаскара и с африканского континента населяют избушки, сгруппированные там и сям в поселки на плоских берегах. Пространство островов Чагос 192 квадр. километра; население, в 1871 году, 689 душ. На Диего-Гарсиа приходится две трети всего числа жителей архипелага; тем не менее, семейства там редки, так как плантаторы привезли очень мало женщин в колонию. Трижды в год корабли с Маврикия посещают остров Диего-Гарсиа, и через каждые два года туда является представитель магистратуры, чтобы совершить судебный объезд. Таким образом, архипелаг Чагос, геологически принадлежащий к Индии, сделался, по своему населению, так же, как и в политическом отношении, землей, зависящей от африканского континента. Ввоз животных и растительных видов тоже сделал остров Диего-Гарсиа африканской землей; горлицы и кардиналы, летающие в пальмовых рощах этого острова, были привезены туда переселенцами с Маврикия[2].

Когда-нибудь, быть может, остров Диего-Гарсиа будет приносить другую пользу, кроме снабжения европейских заводов кокосовым маслом. Лагуна, которую окружают две ветви кораллового вала, есть одна из лучших и обширнейших гаваней в свете; суда имеют доступ в нее через два входа, из которых один может давать проход кораблям самого большого водоизмещения; дно лагуны песчаное, а глубина воды от 20 до 30 метров. На берегах этого удобного и безопасного порта легко было бы устроить магазины, склад каменного угля и морские мастерские для снабжения продовольствием и починки кораблей.

Архипелаг Чагос, лежащий к югу от экваториальной линии, находится в поясе юго-восточных пассатов, но в окружающих его областях моря, вследствие перемены направления воздушных течений в прямо противоположное, потрясения, совершающиеся в атмосфере, имеют особенно грозный характер. Летом, когда юго-восточный муссон поворачивает к северо-востоку, переходя через экватор, и образует на берегах Малабара «муссон» по преимуществу, приносящий проливные тропические дожди, движения воздуха довольно правильны; но в другие времена года, и особенно в течение трех первых месяцев, по собранным Бро (Brault) наблюдениям, ветры на островах Чагос отличаются наибольшим непостоянством; они так же часто дуют с запада, как и с востока, и делятся на неравные воздушные потоки, кружащиеся в виде циклонов. Воздух в эти периоды никогда не бывает в состоянии равновесия и внезапно устремляется то в ту, то в другую сторону, принося частые дожди.

XVII. Материальная и нравственная статистика Индии

По всеобщей переписи, произведенной в 1881 году, народонаселение Индии по сю сторону Ганга состояло из 257 миллионов душ, считая в том числе Дардистан, Кашмир, Непал, Бутан, Цейлон, острова Лакедивские и Малдивские, независимые и медиатизированные государства, французские и португальские владения, но исключая индо-китайские округа, ле-

1 Owen, „Journal of the Geographical Society of London", 1832.

2 „Proceedings of the Geographical Society of London", march 1882.

жащие за Брахмапутрой, Андаманские, Никобарские острова, английскую Барманию и другие провинции восточного полуострова, составляющие часть *British India* (Британской Индии). В течение десятилетия, заключающагося между 1871 и 1881 годами, число жителей увеличилось, приблизительно, на двенадцать миллионов. По переписи 1891 г., население английской Индии (без о. Цейлона и колоний Малакского пролива, Straits-Settlements), определилось в 287.223.431 душ. Ни в каком периоде своей истории Индия не была населена такими массами людей.

Вероятно, что в период пятидесяти лет население Индии по сю сторону Ганга удвоилось. В 1800 году статистики давали Полуострову сотню миллионов жителей. Еще в половине настоящего столетия суммарные исчисления определяли в 150, 180, или 200 миллионов число жителей Полуострова. Первая оффициальная перепись, произведенная в 1872 году, прибавила пятьдесят миллионов человек к этим огромным толпам. По плотности, население Индустана только немногим уступает населению Франции, но оно возростает в гораздо более значительной пропорции, и даже в самых многолюдных округах, где одна деревня непосредственно прикасается к другой, число жителей продолжает постоянно увеличиваться. Так же, как Япония и другие страны Азии, статистика которых была составлена тщательно, Индия представляет контраст со всеми европейскими государствами по численному отношению полов. Тогда как в Европе число женщин везде превышает число мужчин, в Индустане констатировано обратное явление; во время переписи 1872 года насчитали в английской Индии немного больше 98 миллионов мужчин, против 92.600.000 женщин; разность, следовательно, составляла около пяти с половиною миллионов в пользу мужского пола; в 1891 г. из 287.223.431 жителя, относительно которых можно было собрать более или менее точные сведения, оказалось 146.727.296 лиц мужского и 140.496.135 женского пола. Но, может быть, эта значительная разность должна быть приписана отчасти ошибкам статистики; по данным её, наибольшее численное превосходство мужчины имеют в Пенджабе, провинции, где магометане особенно многочисленны; производившие перепись должны были почти везде останавливаться у ревниво охраняемого порога внутренних покоев, или гаремов. Что касается детоубийства, благодаря которому еще не так давно в некоторых провинциях Индии, именно в Раджпутане, почти совсем не было девочек, то все оффициальные донесения единогласно говорят, что этот обычай ныне окончательно оставлен. Согласно английским уставам, всякое селение, где число рождающихся девочек составляло только треть общей рождаемости детей, тем самым подпадало под строгий надзор полиции. Еще в 1871 году разность полов в Аджмирском округе, который, нужно заметить, непосредственно подчинен английскому управлению, составляла около одной шестой общего числа жителей (именно мужчин насчитывалось 212.267, тогда как женщин только 184.064).

Среди несметной толпы индусов английские господа и повелители кажутся численно ничтожною горстью. За исключением пятидесяти тысяч европейских солдат и армии чиновников, представители господствующей расы, между которыми шотландцы составляют огромное относительное большинство, суть по большей части плантаторы (хозяева чайных или кофейных плантаций), владельцы приисков и копей, инженеры, механики; сверх того, немногочисленные туристы, очень редкие в сравнении с огромной массой индусского народа, посещают большие города и местности, славящиеся красотами природы или памятниками искусства. Перепись 1872 года насчитывала, кроме солдат и моряков, только 59.000 жителей, родившихся в Великобритании. Вне городов и элегантных кварталов, в массе людей, возделывающих почву или переработывающих её произведения, есть португальцы смешанной крови, но англичан нет. Часто говорят об Индии как о британской «колонии», и так велика тиранния готовых ходячих слов, подставляемых на место понятий, что на Индию указывают как на блистательное доказательство «колонизаторского гения» англо-саксов. С гораздо большим основанием можно было бы привести Полуостров по сю сторону Ганга в пример противоположного факта. На одном только острове Гваделупе больше «малых белых», обрабатывающих землю, чем сколько наберется англичан, прилагающих руки к заступу или плугу в громадной англо-азиатской империи: число лиц, занимающихся ручным трудом, состав-

ляет только тридцать вторую часть англо-индийского населения. Происходит это вовсе не от недостатка свободных земель; напротив, в Индии достаточно местностей, где английские земледельцы могли бы без труда поселиться миллионами, под благоприятным климатом. Конечно, спаленные солнцем равнины Пятиречья и верхнего Ганга, болотистые пространства Бенгалии, бесплодные плоскогорья Декана не были бы пригодны для европейских колонистов; но сколько гималайских долин, цирков в Гатских горах, плоских возвышенностей в массивах Чота-Нагпор, Ниль-Гири, Анамалах, где земледельцы могли бы легко акклиматизироваться и приняться за обработку почвы! Поверхность земель, где англичане могли бы основать новую Англию непосредственной эксплоатацией почвы, по меньшей мере равняется Великобритании по протяжению, а плодородие земель там, вообще говоря, гораздо выше. Часто поднимался вопрос о предоставлении обширных округов на Полуострове по сю сторону Ганга в распоряжение европейских колонистов, но все подобные проекты были заранее обречены на неуспех. Средняя заработная плата чернорабочего так низка, а труд англичанина, сравнительно, так щедро вознаграждается, что не могла бы установиться конкурренция между туземцами и колонистами. Если уж китайцы, которые, как известно, продают свой труд за очень низкую цену, не могут оспаривать у индусов работу на плантациях, и по этой причине встречаются только в городах, где они занимаются торговлей, то английские переселенцы и подавно исключены от всякого соперничества с индусскими райотами: они если и принимают участие в эксплоатации земель, то принимают только в качестве хозяев. При том же, англичане, считающие себя особенной кастой, посмотрели бы с неудовольствием на своих соотечественников, компрометирующих ручным трудом престиж их авторитета. Индия—завоеванная страна, а не колония.

В прежнее время, именно до тех пор, пока путешествия из Лондона в Бомбей и Калькутту не сделались относительно легкими, позволяя большинству служащих в Индии англичан самим ездить в Европу искать себе жен, список пассажиров, садившихся на корабли, отправлявшиеся в Индию мимо Мыса Доброй Надежды, заключал в себе на добрую часть имена молодых девушек, посылаемых на поиски мужа. В наши дни чиновники и офицеры не проводят полжизни в Индустане без поездок в метрополию, и «белые города» столиц, так же, как санатории или летния резиденции, Симла, Дера, Дарджилинг, Махабалешвар, Утакамунд, напоминающие города родины архитектурным стилем зданий, группировкой массивов зелени, расположением садов и аллей, представляют как бы маленькия Англии, имеющие каждая свое дворянство и свою буржуазию, снабженные молодыми девушками в количестве, достаточном для браков англо-индийцев.

Долгое время принимали, как неоспоримый факт, что англичане не могут окончательно акклиматизироваться в Индии и что их дети должны быть отсылаемы в раннем возрасте в метрополию, чтобы избегнуть смерти. Опыт последних десятилетий доказал неосновательность этого мнения[1]. Конечно, иммигранты, родившиеся под холодными широтами Англии или Шотландии, подвергаются большей опасности под знойным климатом Индустана, нежели французы или особенно южные европейцы; в особенности они должны опасаться диссентерии и болотных лихорадок, преимущественно в аллювиальных землях и во всем бассейне Инда. По суммарным исчислениям, смертность англичан доходила, будто бы, до трети новоприбывших в течение первых пяти лет их пребывания в тропическом поясе, а десятилетний период переживала только часть, меньшая половины общего числа новоприбывших. Верны или нет эти утверждения, во всяком случае, несомненно то, что значительная смертность европейцев, приезжающих, однако, в цвете лет, происходит от неблагоразумия, с каким они выставляют себя действию нового климата, не изменяя образа жизни, к которому они привыкли в северных странах[2]. Воспаления печени—болезни, всего чаще поражающие европейцев Индии, за исключением некоторых местностей, какова, например, территория Пондише-

1 Clements Markham, „Travels in India and Peru".

2 Ernst Hackel, „Deutsche Rundschau".

ри[1],—прямо пропорциональны употреблению спиртных напитков: чрезвычайно редкия у туземцев, они убивают только иностранцев, привыкших к опьяняющим напиткам[2]; точно также подагра бывает исключительно только у хорошо откормленных господ страны, щадя воздержных туземцев. С другой стороны, в Индии встречаются многочисленные примеры англичан и шотландцев, которые пользуются отличным здоровьем в своем новом отечестве и которые даже, благодаря лучшей пище и более разумной гигиене, менее, чем туземные жители, страдают от миазматических лихорадок и эпидемий. Таблицы смертности, составленные для европейских солдат, доказывают, насколько легче сделались условия акклиматизации. Около половины настоящего столетия европейские войска в Индии, хотя уже пользовавшиеся несравненно более заботливым уходом, нежели во время войн прошлого века, теряли еще каждый год одного человека на пятнадцать; но с тех пор процент смертности постоянно понижался, как показывают следующие статистические данные.

Смертность среди английских солдат в Индии, по Френсису Гальтону:

в 1854 г.—69 на тысячу; в 1861-1865 г.г.—29,30; в 1866-1870 г.г.—27,48; в 1871-1875 г.г. —18,50; в 1876 г.—15,32; в 1877 г.—12,71 на тысячу.

Опрятность лагерей, хорошее качество съестных припасов и воды, чистый горный воздух спасали каждый год тысячи солдат. В настоящее время англо-индийская армия теряет, пропорционально, меньше людей, нежели многие из европейских армий, хотя ей часто приходится делать утомительные походы в болотистых местностях или по жгучим пескам; процент смертности у этих иностранцев почти в три раза меньше, чем среди массы туземцев. Часть армии, состоящая из индусов, о которой, без сомнения, менее заботятся, также теряет большее число людей, чем европейские войска (смертность между собственно индусским войском составляла в 1877 году 13,38 на 1.000 человек). Восточный фатализм тоже, может быть, оказывает в известной мере влияние на это усиление смертности среди туземного населения.

В гражданской жизни можно указать многочисленные примеры английских семейств, дети которых акклиматизировались без того, чтобы их сила и здоровье пострадали при этом. Уже многие поколения следовали одно за другим в различных частях Индии, из чего нужно заключить, что англичанин, не только как индивидуум, но и как раса, может жить на Полуострове по сю сторону Ганга. Кажется, что индийский климат опасен в особенности для детей; но утверждать этого с достоверностью невозможно, так как огромное большинство родителей, принадлежащих к классу богатых чиновников, высших офицеров и «купцов-князей», посылают своих сыновей и дочерей в метрополию с первых годов детства. Что касается бедных европейцев, женатых на своих соотечественницах, то число их не велико и, при том, они не могут давать своим детям всех гигиенических забот, которые позволили бы народившемуся поколению совершенно приспособиться к среде. Вот почему акклиматизация английской семьи составляет пока еще исключительный факт. Не взирая на свое более чем вековое господство, британец все еще является иностранцем на берегах Ганга.

Помеси или евроазийцы (евро-азиаты), т.е. европейцы по отцу, азиатцы по матери, лишь в слабой степени способствуют укреплению британского могущества, ибо они не считаются за англичан ни туземцами, ни белыми, приехавшими из Европы: они составляют отдельную касту, и касту не из самых почетных. В физическом отношении они вообще не отличаются ни силой англичанина, ни красотой индуса; в нравственном, они, по большей части, имеют наклонность к хитрости и лжи, что происходит, может быть, от унизительного социального положения, в котором они находятся. Еще в начале нынешнего столетия, перед тем как пар сблизил Индию и Англию, они были более уважаемы и более счастливы, нежели в наши дни. Тогда очень многие из английских чиновников связывали себя с туземными женщинами брачными узами, и оставляя своих детей при себе, заботились об обеспечении их будущности. В настоящее же время англичанин, который женился бы на индуске, тем самым ис-

1 Huillel; Mahe. „Geographie. Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales".

2 Wernich, „Geographisch-medicinische Bilder".

ключил бы себя из касты своих соотечественников. Евроазийцы, почти все непризнаваемые своими отцами, живут в бедности и беспомощном состоянии. Презираемые белокожими властителями страны, ненавидимые темнокожими подданными, они должны ухищряться, чтобы создать себе между теми и другими положение, которое всегда остается шатким. Тщеславясь, несмотря на все, тем, что в жилах их течет европейская кровь, и очень заботящиеся о том, чтобы голова их была украшена шляпой,—что и подало повод дать им прозвище «шляпников» (*топас* или *топикарен*),—они считают унизительным для себя всякий ручной труд, и те из них, которым не посчастливилось занять места писцов, приказчиков, конторщиков или толмачей, и таким образом пристроиться около касты повелителей страны, впадают часто в крайнюю нищету или добывают себе средства к существованию предосудительными ремеслами. После восстания сипаев, когда евроазийцы, угрожаемые как и англичане, сражались рядом с ними, некоторая солидарность установилась на минуту между белокожими и метисами; но эта дружба продолжалась только до тех пор, пока существовала общая опасность, и теперь богатые индусы и парсы имеют гораздо более шансов, чем евроазийцы, быть облагодетельствованными судьбой в распределении должностей и почестей. Эти полусоплеменники доставляют не мало хлопот индийскому правительству; впрочем, они составляют лишь незначительную часть народонаселения; общее число метисов всякого происхождения, английского, португальского, французского, не превышает полумиллиона на всем Полуострове по сю сторону Ганга, что не составит даже одного на пятьсот туземцев. Португальские евроазийцы, пропорционально, самые многочисленные между помесями, и как класс, существуют уже в течение достаточно большего числа поколений, чтобы научиться тяжелым опытом, что труд не позорит человека; не считая себя призванными к исполнению профессий, называемых либеральными, они делаются поварами, кучерами, лодочниками. Впрочем, лицом они так же черны, как и индусы, и отличаются от последних только покроем платья. Евреи, поселившиеся во многих городах западного берега Индустана за несколько столетий до прибытия португальцев, лучше сохранили свой тип, благодаря чистоте крови и поддерживанию наследственных профессий.

Так как большинство англичан живут в Индии лишь временными резидентами, а евроазийцы недостаточно многочисленны, чтобы образовать действительно важный этнический элемент, то приращение народонаселения приходится почти всецело на долю индусов различных рас, коларийцев, арийцев или дравидийцев. На Полуострове безбрачие не устраняет от семьи, как у народов Запада, более трети народонаселения; в Индии все вступают в брак, и почти все женщины имеют детей, впрочем, в меньшем числе, чем сколько могли бы иметь, если бы браки были более поздние. В большинстве случаев, брачные союзы заключаются, когда супруги еще не сформировались, в возрасте от десяти до двенадцати лет; почти все молодые люди, слушающие лекции в университетах в Калькутте, Лагоре, Мадрасе, уже отцы семейства. Случаи большой плодовитости редки между индусами; тем не менее, если бы смертность от оспы и других болезней не свирепствовала среди грудных детей, число жителей могло бы удвоиваться в какие-нибудь двадцать лет; но крайняя бедность двухсот миллионов индусов и дурные гигиенические условия обрекают на смерть в раннем возрасте более половины каждого нового поколения, и прирост народонаселения, как он ни значителен повидимому, остается пропорционально меньше прироста многих наций Европы и Америки. Эмиграция тоже уменьшает его до некоторой степени. Индия посылает за границу больше людей, чем сколько сама получает путем иммиграции; правда, огромное большинство колонистов, которых она дает отдаленным странам, свободны лишь по имени: это кулии, т.е. наемные рабочие.

Общее число выселившихся индусов простирается до полумиллиона слишком. В период с 1842 по 1875 год английская Индия дала заатлантическим колониям 587.650 кулиев; в одном только 1858 году остров св. Маврикия и другие колонии получили 46.000 индийских работников; но болезни жестоко свирепствуют среди этих несчастных эмигрантов, лишенных семьи по большей части, без друзей и без всяких рессуров на чужой стороне. Санталы, ораоны, коларийцы из области Чота-Нагпор, между которыми сначала вербовали толпу ку-

лиев, гибли на чужбине десятками тысяч; остров Маврикия получил в течение тридцатилетнего периода, с 1842 по 1872 год, более 350.000 индусов, из которых осталось в живых только две пятых.

Число индусов-кулиев в европейских колониях, исключая испанских Антильских островов и Мыса Доброй Надежды: 535.406. Из этого числа: на о. св. Маврикия—141.309; в Демераре—53.786; на о. Соединения—43.193; на о. Тринидаде—25.852; в Натале—17.862; на о. Ямайке—15.134; на о. Гваделупе—13.544; на о. Мартинике—10.000; в Суринаме—4.829; в

Цейлонскія еврейки

Кайене—4.272.

Теперь большинство эмигрантов состоит из уроженцев области Бехар, окрестностей Бенареса и Коромандельского берега; благодаря тому, что с ними лучше обращаются, чем с первыми «наемниками», они не гибнут на чужбине в столь большом числе, и многие из них возвращаются на родину с маленьким сбережением, которое обеспечивает их от нужды. Всего лучше успевают устроиться на чужой стороне не кулии, отправляющиеся работать на плантаторов в европейских колониях, а клинги, телугу и тамилы, эмигрирующие в Бармanию и другие страны Индо-Китая.

В этом взаимодействии демографических явлений: иммиграций и эмиграций извне и изнутри, нормального прироста вследствие избытка рождений, местных уменьшений вследствие избытка смертных случаев, одно несомненно—это то, что увеличение народонаселения везде происходит в пользу тех, которых называют арийцами, каковы бы, впрочем, ни были их первоначальная раса и исповедуемые ими культы. Населения различных происхождений, принадлежащие, по сродству своих диалектов, к арийскому миру, составляют четыре пятых общего числа жителей, и это численное отношение беспрестанно изменяется в их пользу, благодаря выгодам, которые им обеспечивают почва более плодородная, климат более умеренный и более правильный в своих переменах температуры, а также более удобные пути сообщения. Потомки аборигенов Ауда, Бехара, Бенгалии «индианизировались» по большей части; точно также туземцы племени бгиль, мгайр, гонд, сантал, бодо из Раджпутаны, из центральных провинций, из Чота-Нагпора, из Качара превращаются постепенно в индусов по нравам и языку. Общее число «дикарей» Полуострова, простирающееся еще, по приблизительному исчислению, до десятка миллионов душ, уменьшается с каждым годом, может быть, в некоторых округах по причине избытка смертности над рождениями, но главным образом вследствие постоянных захватов цивилизованного мира в области мира варварского. Что касается населений, называемых дравидскими по общему происхождению идиомов, которыми они говорят, то целая половина занимаемой ими территории представляет плоскогорье, мало плодородное и недостаточно орошаемое, а в многолюдной области морского прибрежья излишек населения уносится эмиграцией.

Все отличительные признаки рас представлены в этих массах людей, составляющих в совокупности около пятой части всего человеческого рода; но господствующим типом является несомненно тот, который всего более знаком европейцам: гибкие члены, тонкия, сухопарые ноги, чисто овальный оклад лица, правильные черты, обрамленные черными, вьющимися волосами, цвет кожи, варьирующий от смуглого цвета итальянца до черного цвета араба, взгляд умный, рот скромный, ансамбль физиономии кроткий и недоверчивый. У индуса меньше мускульной силы, нежели у европейца, но зато у него больше грации и ловкости; в среднем, он также и красивее европейца: есть целые провинции, где все женщины отличаются в одно и то же время правильностью и прелестью черт; только всемогущий обычай заставляет их уродовать себя, разрисовывая себе лицо, вытягивая уши тяжелыми серьгами, продевая себе в ноздрю металлическое кольцо; в южной Индии не редкость встретить женщин, которые с трудом ходят под тяжестью своих металлических украшений, достигающих 12 килограммов (около 30 фунтов) весу. Что касается нравственного характера туземцев, то весьма естественно, что властители страны упрекают их в пороках, вина за которые должна падать на самих завоевателей; они обвиняют своих подданных в трусости, лукавстве, лживости, т.е. в таких недостатках, которые порождаются рабством и от которых излечивает равенство. По крайней мере, за индусами все-таки остаются многие хорошие качества: воздержность, терпение, неутомимость в труде, любовь к ученью и память о прошлом, залог будущего подъема.

Большую физическую слабость индусов в сравнении с англичанами хотели-было объяснить употреблением первыми специально растительной пищи; но различия всякого рода, в условиях наследственности и в образе жизни, слишком многочисленны между двумя народами, чтобы можно было определить с полною достоверностью причины контраста в физическом отношении. Во-первых, ошибочно было бы видеть в последователях индусских религий строгих вегетарианцев. Почти все они едят мололо и масло; те, которые живут на морском прибрежьи и по берегам рек, питаются рыбой. Один только род мяса запрещен—это говядина. Но, исключая этого закона, всеми уважаемого, преобладают самые разнообразные обычаи относительно гигиены. Большинство индусов воздерживается от употребления в пищу свинины и домашней птицы, но они могут есть мясо овец и коз; другим дозволено употребление почти всякого рода мясной пищи. В некоторых округах женщины пользуются в отношении пищи теми же привилегиями, как и мужчины, тогда как в других местах мясо им запрещено. Что касается вдов, то они все, без исключения, подчинены правилам воздер-

жания от мясной пищи. Замечено, что по духу противоречия, примеры которого представляют все секты, мусульмане Индии повинуются, в отношении пищи и внешней жизни, законам, составляющим совершенную противоположность тем, которым подчиняются индусы.

Хлебные растения, служащие для ежедневного питания, различны по местностям: в области дельты Ганга, в Бехаре и вдоль морского прибрежья едят преимущественно рис, чистый или смешанный с кукурузой: на плоскогорьях—ячмень и различные виды проса, *рати*, *джовари*, *баджри*, растущие на довольно сухой почве; в северных провинциях—пшеницу; наконец, в Кочине, Траванкоре, Мадуре есть населения, питающиеся исключительно продуктами пальмы, отростками, плодами и соком, свежим или перебродившим. По употреблению в пищу того или другого рода хлеба, народонаселение Индии делится приблизительно следующим образом:

Питающихся рисом—75.000.000; пшеницей—80.000.000; ячменем и просом—100.000.000.

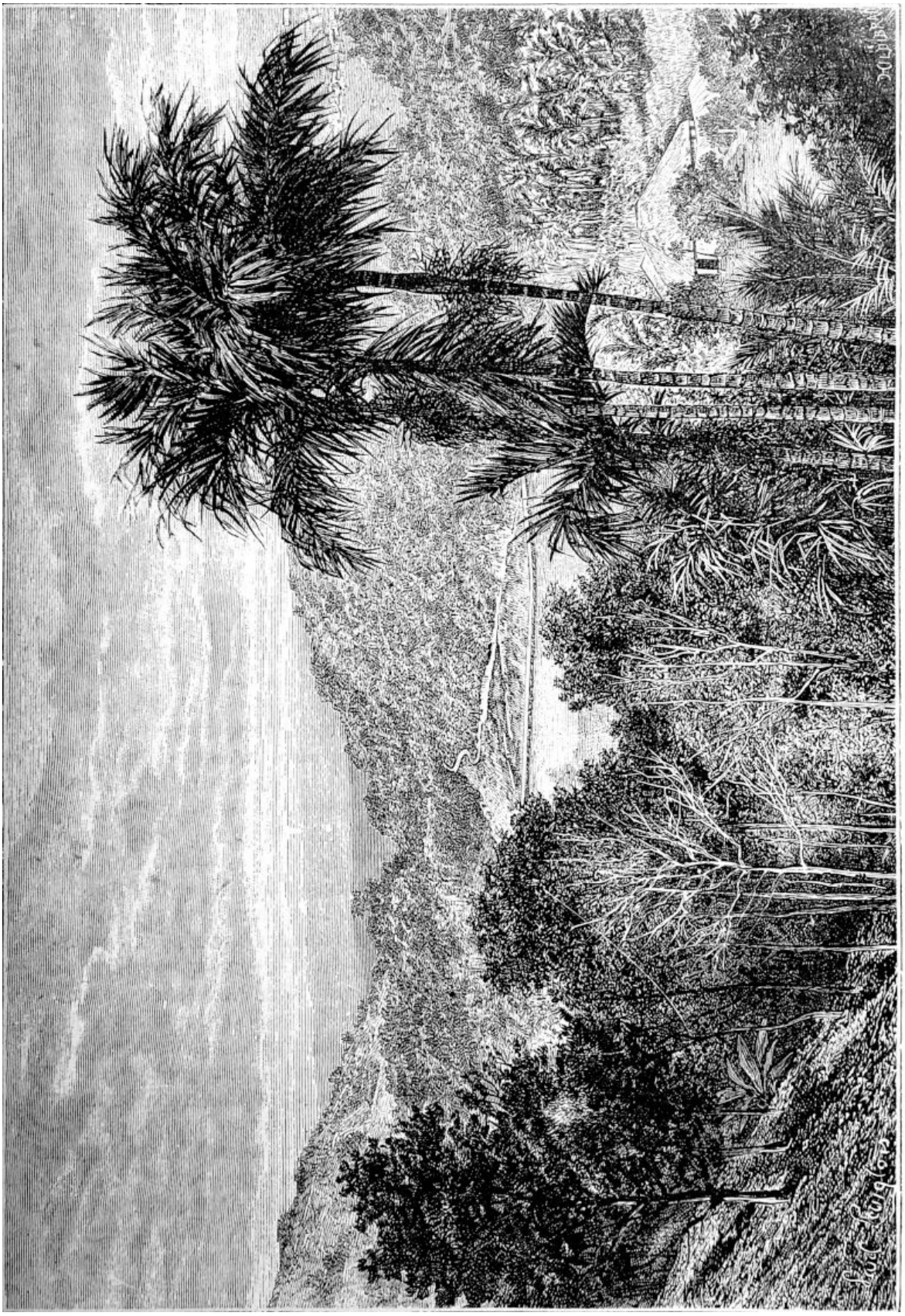
Население главного пояса пшеницы, т.е. Пенджаба и верхнего бассейна рек Ганга и Джамны, представляет, сравнительно с другими частями Полуострова, наиболее сильную и выносливую расу, потому ли, что там пища более укрепляющая, или, может быть, потому, что там кровь жителей часто обновлялась смешением с завоевателями, спускавшимися в равнины с плоских возвышенностей запада, или, наконец, вернее всего, потому, что почва, лучше возделываемая и лучше защищенная от посягательств земиндаров, более щедро прокармливает «братства», которые ею владеют. Статистика обнаружила тот капитальный факт, что двести миллионов индусов должны обманывать свой голод пищею, совершенно недостаточною. Съестные припасы дешевы, но туземцы имеют только несколько сантимов в день, чтобы приобрести себе необходимое, и потому постоянно живут впроголодь. Средняя заработная плата индийского земледельца—60 сантимов в день; крайние же размеры ея—10 сантимов и $2^1/_2$ франка[1]. Как не быть людям слабыми телом и здоровьем при таком ничтожном размере заработка!

Эпидемии находят себе обильную жатву среди этих истощенных населений. Холера, которая из Индии иногда устремлялась на остальной мир, чтобы сделать там такия страшные опустошения, постоянно свирепствует в городах Полуострова, и английское правительство вынуждено установлять санитарный кордон вокруг мест ярмарочного торга и пилигримства, чтобы воспрепятствовать распространению этого ужасного бича. Элефантиазис (бугорчатая, слоновья проказа), в различных её формах, очень распространена в Индии; в некоторых провинциях двадцатая часть населения поражена этим недугом. Ни в одной стране нет такого множества прокаженных; в 1872 году их насчитывали слишком 102.000 в непосредственных владениях Великобритании[2]. Между индусскими населениями средняя смертность на целую треть превосходит смертность жителей Западной Европы (средняя смертность в Индии, по Гунтеру, составляет 32.57 на 1.000). Но хотя болезни эндемические и эпидемические каждый год уносят людей, которые при достаточной пище остались бы в живых, народное воображение поражают в особенности голодовки, от которых иногда в одной только провинции погибает в течение нескольких месяцев четверть или даже треть населения. «Голодовки составляют одно из учреждений Индии», обыкновенно говорят тамошние администраторы. С 1771 г., в котором десять миллионов человек умерли от голода в Бенгалии и Бехаре, насчитывают двадцать одну большую голодовку, постигших страну в разное время, и восемь из этих народных бедствий похищали свои жертвы миллионами. В два десятилетия с 1860 по 1880 гг. четыре голодовки опустошили различные провинции Полуострова. В 1866 г. орисский край потерял более миллиона жителей, т.е. четверть своего населения. В 1868 г., по приблизительному исчислению, в одном Пенджабе пало жертвой голода 1.200.000 человек и втрое больше погибло вне собственно английской территории, в Раджпутане и в государствах нагорья. В 1874 году катастрофа разразилась над низменной равниной Ганга, а три

1 Cl. Markham, „East India Progress and Condition".

2 Mahe, „Geographie, Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales",

года спустя над Деканом. До какой цифры простиралось число умерших голодною смертью? До 1.350.000, говорят английские документы, но никакая статистика не принимала в расчет несчастных, павших жертвой голода в Гайдарабадском царстве и в Майсуре: на улицах



Канди на Цейлонѣ.

ежедневно подбирали десятками трупы умерших от голода; некоторые округа, именно те, которые окружают Биджапур и Каладжи, были обезлюднены. Общее уменьшение народонаселения в двух президентствах: Мадрасском и Бомбейском и в Майсуре простиралось, в пери-

од с 1872 по 1881 год, до 1.682.575 человек, а между тем в самом городе Бомбее, на всем соседнем прибрежье и в южных округах Мадрасского президентства число жителей значительно увеличилось в этот промежуток времени. Принимая в рассчет также убыль населения в Гайдарабадском королевстве, можно заключить с большою вероятностью, что голод 1877 года унес в могилу не менее четырех миллионов человек. И в то самое время, когда такое множество несчастных погибало от недостатка пищи, калькуттский порт продолжал отправлять хлеб заграницу в значительных количествах; голодавшие туземцы были слишком бедны, чтобы купить себе хлеба, который спас бы их от смерти[1]. Впрочем, к концу голодов 1874 и 1877 годов правительство приняло меры к покупке и раздаче голодающим разного рода хлеба, в особенности оно озаботилось организацией общественных работ, предпринятых в видах оказания помощи бедствующему населению, каковы: постройка больших дорог, каналов и железных путей; с 1874 по 1877 год расходы на этот предмет простирались до 400 миллионов франков[2].

Огромное большинство народонаселения Индии по сю сторону Ганга состоит из земледельцев. Об этом можно судить по переписи 1872 года, которая перечисляет 1.400 городов с 5.000 жителей и более, имеющих в совокупности около 18 миллионов резидентов; эта цифра не составит даже десятой части индусов, населяющих британские владения. Ни один из городов Полуострова не насчитывает миллиона жителей, а числовая разность между полами в главных городах, каковы Бомбей и Калькутта, показывает, что треть городского населения состоит из временных иммигрантов.

Численное отношение полов в Калькутте и в Бомбее по переписи 1881 года:

Калькутта—100 женщин на 165 мужчин; Бомбей—100 женщин на 151 мужчин.

Слишком 240.000 селений имели менее 200 жителей, 200.000 других сел и деревень от 200 до 1.000 душ и в 32.130 местечках цифра населения варьировала между 1.000 и 3.000 душ. При том, между городами и местечками много есть таких, где каждый дом имеет свой сад и где культура земли составляет почти исключительное занятие всех жителей; многие городские поселения суть не что иное, как группы деревень, разделенных полями. Как во всех торговых странах, городские поселения Индии увеличились в последнее время, но это возрастание совершалось медленно, и земледельческий класс, по численности, все еще составляет огромное большинство народонаселения. Бенгальское президентство, где находится столица империи, есть в то же время провинция, в которой сельское население имеет, сравнительно, наибольший численный перевес над горожанами. Даже деревенские ремесленники могут быть рассматриваемы как члены земледельческого класса; они работают для поселян и непосредственно вознаграждаются ими за свой труд, как служащие сельской общины.

Из опубликованных английским правительством статистических сведений, впрочем, неполных, видно, что в настоящее время только около трети пространства Индии находится в культуре. Без сомнения, крутые скалы Гималайских гор, некоторые части «пустыни» Тар и плоскогорий Декана были бы неудобны для обработки плугом; но на двух третях почвы, которые еще остаются необработанными, сколько обширных пространств могли бы быть еще завоеваны для земледелия, или путем искусственного орошения, или посредством осушки болотистых местностей, или, наконец, простой расчисткой под пашни джунглей! И, однако, во многих округах земледельцу уже мало места: в иных чрезмерно населенных местностях земля раздроблена до бесконечности, и участок, приходящийся на долю каждого хлебопашца, или в виде собственности, или в виде аренды, недостаточен для его прокормления и для уплаты податей и повинностей. По мере того, как плодородные поля делаются более и более редкими для возрастающего народонаселения, цена земли поднимается, и райот платит теперь за землю посредственного качества дороже, чем сколько он прежде платил за отличную почву. Таким образом продолжается и усиливается нужда. Но земледельческий труд везде производится с большим старанием: крестьянин умеет утилизировать землю так, что она

1 Richard Temple, „India as it is“.

2 „Board of Trade Returns”, 1877—1878.

дает ему два или три урожая в год; ему не безъизвестно, что следует вести плодопеременное хозяйство, чтобы не истощать полей; он знает пользу унавоживания и вообще искусственного удобрения почвы, и очень искусно направляет струйки воды на поля, которые нуждаются в орошении.

После хлебных злаков, которые в урожайные годы увеличивают размеры отпуска заграницу, первое место между земледельческими произведениями Индии, в торговом отношении, занимает опиум, который, если не по действительной своей ценности, то, по крайней мере, по искусственной цене, обусловливаемой монополией, дает повод к наиболее обширному движению внешней торговли государства. Мак для опиума сеют преимущественно в равнине Ганга, вокруг Бенареса и Патны, и на плоскогорьях Мальвы; в Раджпутане, в Пенджабе, в Центральных провинциях еще можно встретить кое-где поля, засеянные маком, но во всех других местах возделывание этого растения воспрещено; в округах, непосредственно зависящих от Индийской империи, культура эта ведется только на авансы, выдаваемые правительством; что касается мака с плоскогорий Мальвы, то он поступает в склады лишь по оплате пошлиной в количестве 1.500 франков за ящик. Торговая цена этого зелья, вывозимого всею массой в Индо-Китай и в Китай, простирается до 300 миллионов франков в год, а чистая прибыль, для казны, составляет около 225 миллионов, превышая слишком в два раза ту сумму, которую выручало правительство от этой торговли в ту эпоху, когда оно объявило Китаю «войну из-за опиума», чтобы принудить желтолицых сынов Срединной империи покупать гибельное наркотическое средство.

Сбор хлопка занимает лишь второе место по ценности экспорта, и годовые колебания продажи этого продукта заграницу весьма значительны. Во время междоусобной войны в Соединенных Штатах вывоз хлопка из Индии разом поднялся в четыре года с 75 миллионов до громадной суммы 925 миллионов франков; но после американской войны он быстро упал и в настоящее время колеблется между 200 и 300 миллионами в год (в 1894 г. было вывезено хлопка-сырца на сумму около 133.3 миллионов рупий). Под культуру этого растения в 1894 г. было занято 4.300.000 гектаров. Ост-индский хлопок ценится гораздо ниже хлопка из Соединенных Штатов, потому что он короче волокном и не так чист, содержит много посторонней примеси; впрочем, теперь уже во многих округах Бомбейского президентства туземное растение заменено американскими разновидностями. Из всех родов почвы наиболее благоприятною для культуры хлопчатника считается так называемый *регар* на плоскогорьях Декана,—черноватая земля, наполняющая углубления в формации траппа; но ее находят также, и при том обширными пространствами, в Карнатике, где она образовалась вследствие разложения гнейса и гранита. Этот род почвы нигде не встречается в аллювиальных равнинах Ганга или Инда[1].

Напротив, джут, прядильное растение, наиболее утилизируемое из всех технических растений Индии после хлопка, всего успешнее произрастает на намывных землях речных берегов, и преимущественно на так называемых «*чарах*», или наносных, образующихся из ила, островках новой формации: его сеют почти только в Северной и Восточной Бенгалии, в особенности на берегах Брахмапутры. Джут, возделыванием которого занимаются почти исключительно мелкие земельные собственники, есть одна из культур, наиболее обогативших производителя (в 1893 г. под эту культуру было занято 872.534 гектара; вывоз джута-сырца в 1894 г. на сумму около 85,2 миллионов рупий). Нельзя сказать того же о культуре индигового дерева. Еще в половине нынешнего столетия это промышленное растение доставляло негоциантам Бенгалии их главную статью экспорта, но рабство, которому плантаторы подчинили крестьян, повело к бунтам и даже к маленьким местным войнам, которые разорили самую промышленность; в сельских местностях нижней Бенгалии повсюду встречаются развалины разрушенных индиговых заводов. Все более и более распространяющееся употребление анилиновых красок обескуражило плантаторов, но им нечего опасаться, что «синтез» индиго, открытый Бейером, позволит промышленникам непосредственно фабриковать кра-

1 H. Blanford, „Physical Geography of India".

сящее вещество. Культура индиго удержалась в некоторых местностях, именно в Бехаре и в Мадрасском президентстве; там ею занимаются мелкие землевладельцы, которые возделывают растение и приготовляют кубовую краску. Вывоз индиго в 1879-1880 годах: 5.083 тонны: ценность: 30.685.850 франков.

Вместо покинутых индиговых плантаций возникли другие большие плантации. Табак, культура которого была введена в бассейне Ганга в начале семнадцатого столетия, в царствование султана Акбара, получил недавно значительную важность в сельско-хозяйственной промышленности Индии; табачные поля занимают на Полуострове пространство свыше 200.000 гектаров; лучший табак дают следующие местности: Тирхут, Коконада и острова реки Годавери, окрестности Диндигуля и Тричинаполи. В последние тридцать лет Индия сделалась страной, которая, после Китая, производит наибольшее количество чая; Срединная империя теперь уже не пользуется монополией этого продукта, и весьма возможно, что в близком будущем Индия даже опередит ее по годовой ценности вывоза чая. В 1870 году Англия получила из Индии количество чая, составлявшее только десятую часть английского годового потребления этого продукта; десять лет спустя, в 1880 году, она купила у неё уже треть цифры своего потребления. От 600 до 2.000 метров средней высоты, «чайные сады» покрывают склоны Гималая, в доарах Бутана, в Сиккиме, Кангре, Кумаоне, Гарвале, и число их все более и более увеличивается в горах Ассама, в Чота-Нагпоре, на Ниль-Гири и горах Курга и Вайнада, наконец, на острове Цейлоне и в английских владениях Индо-Китая. Лучшие продукты получаются из Кангры и по достоинству, говорят, не уступают самым высоким сортам китайского чая; но наиболее обширное развитие эта отрасль земледелия получила в Ассаме, где были основаны первые плантации: тамошний сбор чая представляет половину всего индийского производства. В 1882 году сбор чая в Индии простирался до 28.400.000 килограммов, ценность которых равнялась 100.000.000 франков. В Южной Индии и на острове Цейлоне плантации кофейного дерева соответствуют плантациям чайного деревца в северных провинциях. Склоны Гатов, некоторые части плоскогорья Майсур, Вайнад и в особенности страна Кург и остров Цейлон покрыты кофейными плантациями в горном поясе. Кофейное дерево было введено на Полуострове не европейцами, как чайное деревцо: оно было привезено в 1560 году одним пилигримом, возвращавшимся из Мекки: но только англичане дали этой культуре её теперешнюю экономическую важность. Общий сбор кофе представляет, по ценности, около 140 миллионов франков, при чем более трех четвертей этой суммы приходится на остров Цейлон; но кажется, что там именно, на Цейлоне, болезни кофейного дерева более чем где-либо угрожают будущности плантаций. Сбор кофе в 1878 году: в континентальной Индии—15.020.000; на острове Цейлоне—50.800.000, всего 65.820.000 килогр.

Другие культуры мало прибавляют к богатствам Индустана; но сколько есть растений, пищевых и промышленных, по возделыванию которых Индия могла бы соперничать с другими производящими их странами!

Распашки новых земель во многих местах совершенно изменили вид страны. Почти во всех малонаселенных округах земледельцы ведут кочевой образ жизни: они выжигают лес или джунгль, бросают зерно в пепел и собирают несколько урожаев; затем, когда производительная сила почвы истощилась, отправляются в другое место зажигать пустошь. Таким образом обширные пространства были совершенно обезлесены. Но во многих густо населенных областях истребление лесов, более методическое, есть в то же время более верное: поля везде заменяют лесные поросли. В некоторых частях возвышенных равнин Ганга и Джамны теперь уже не увидишь ни одного дерева. На Деканском плоскогорье можно путешествовать по целым дням через сельские местности, лишенные всякой тени, и там новое разведение лесов было бы очень трудно; раз срубленные, деревья плохо принимаются вновь на скале почти голой. Леса южной части Гатских гор, в Курге, Вайнаде, Кочине, Траванкоре были выпустошены, к великому вреду почвы, которая покрылась рытвинами и оврагами под действием дождей. Правильным облесением местностей без культуры стали заниматься лишь с

1860 года; в эту эпоху лесные страны были поставлены под непосредственный надзор правительства; варварский и хищнический способ земледелия посредством выжигания лесных порослей был воспрещен, и там и сям начался труд восстановления безразсудно уничтоженных лесных богатств. На склонах Гималаев, каждый санитарный город окружил себя фруктовыми садами и парками, где разведены преимущественно европейские породы деревьев. В Пенджабе, по берегам Инда и его притоков, теперь простираются новые лесные насаждения, и охотники радуются, что дичь, в том числе и тигр, опять появляется в стране[1]. В Сиккиме и особенно в Ниль-Гири и на различных горных массивах южной Индии и острова Цейлона, насаждения состояли преимущественно из экзотических деревьев, особенно из эвкалипта, из боливийского хинного дерева, из разных пород каучукового дерева, происходящих с Сондского архипелага, с острова Мадагаскара, из Бразилии. В конце 1878 года в лесах Индии насчитывали уже более 4 миллионов хинных деревьев, из которых три четверти приносили уже полный доход[2].

Индия, в сравнении с Европой, очень бедна скотом. Редкость пастбищ и употребление народом растительной пищи препятствуют количественному возростанию рабочих и упряжных животных; однако, туземцы имеют некоторые замечательные породы рогатого скота, каковы, например, быки-рысаки в центральных провинциях. Лошадиная порода выродилась с тех пор, как индусы, побежденные, не имеют более надобности содержать конницу; на всем громадном пространстве Мадрасского президентства в 1878 году насчитывали всего только 395.000 лошадей[3] (по конской переписи 1894 г., во всех провинциях, кроме Бенгалии, насчитали 1.113.939 лошадей); но в большей части провинций употребляют ослов в качестве вьючных животных, а в Пенджабе, Марваре и других раджпутских государствах путешественников и товары перевозит верблюд; наконец, в Ассаме, в Южной Индии и на острове Цейлоне употребляют несколько тысяч слонов, правда, гораздо больше для того, чтобы увеличить пышность царских празднеств и охот, чем для того, чтобы помогать трудам земледелия или промышленности.

Есть некоторые провинции, в которых всякая культура была бы невозможна без обильных ирригаций. Таковы равнины, через которые проходит Инд в своем нижнем течении; такова же значительная часть Пенджаба и доабов Индустана в собственном смысле. В южной Индии туземцы знают искусство задерживать воды в лежащих уступами один над другим резервуарах, откуда вода, выпавшая, в виде дождя, в период муссона, вытекает ирригационными струйками во время засух; англичанам нужно было только починить старые плотины и дополнить сеть оросительной канализации, чтобы увеличить несколькими миллионами гектаров площадь земель, платящих поземельный налог. Но в северных провинциях сила могучих потоков, спускающихся с Гималайских гор, слишком велика, чтобы прибрежные жители могли удержать их плотинами и превратить в ряд расположенных один над другим прудов. Там, для орошения страны, принуждены были прибегнуть к прорытию каналов, боковых рек, сток которых регулируется шлюзами; один из этих каналов, канал Ганга, который начинается у Гардварских «ворот», есть, как известно, самое важное сооружение этого рода во всем свете; но и многие другие каналы, проведенные из Инда, Сетледжа, Рави, Соны, тоже принадлежат к замечательнейшим памятникам человеческого искусства. Для орошений остается еще утилизировать некоторые большие реки, каковы Серджу, Гандак, Тапти, Нарбада. Наконец, в некоторых частях Декана и особенно на острове Цейлоне нужно только реставрировать старые сооружения этого рода: водохранилища существуют, но они превратились в болота; ирригационные каналы представляют теперь непостоянные ручьи или пруды, заросшие дикой травой. В целом, в одних только английских владениях Передней (по сю сторону Ганга) Индии совокупность земель, прибавленных к пахатной почве ирригационными каналами, исчисляют в 11.690.000 гектаров, что составляет, в сложности,

1 „Ocean Highways", march 1874.
2 Clements Markham, „Official Reports".
3 Hunter, „Imperial Gazetteer of India".

территорию, равную одной пятой всего пространства Франции. Стоимость канализационных работ, предпринятых в Индии с 1868 по 1878 год, простиралась до 261.450.000 франков.

Необходимость регулировать сообща распределение вод, затоплять разом, потом осушать обширные пространства земли в рисовых плантациях, сохранила во многих местностях общинную форму деревень,—форму, прежде общераспространенную в Индии. Насильственные завоевания и постепенные скупы земли отдельными лицами и целыми кастами, внутренняя эволюция общины, вмешательство, прямое или косвенное, законодательства видоизменили до бесконечности систему землевладения: от чисто общинного обладания землей до частного владения с полным правом пользования и отчуждения, все возможные формы встречаются на обширном пространстве Полуострова. На двух противоположных концах страны, в Кашмире, так же, как и на острове Цейлоне, есть еще земледельческие группы, состоящие из нескольких сотен душ, большие семьи, где труд каждого приносит пользу всем, где никто не подвергается риску терпеть недостаток в необходимом. В других местах общинное землевладение существует уже только в принципе; каждая семья получила свой земельный участок, весь продукт которого принадлежит ей безраздельно; но через известные или неопределенные промежутки времени производится новый передел земли, как в великорусском мире, и равенство снова восстановляется между участниками[1]. Даже в тех сельских общинах, где уже не ведется более раздела и передела земли и где каждый собственник, сделавшись хозяином своего поля, может даже продать его, сохранились еще многие учреждения, напоминающие прежнюю форму общинного землевладения и общинной жизни. Так, почти везде существует еще *панчайат*, или «совет пяти», иногда состоящий из одного только члена. Наконец, большинство деревень, особенно на юге, имеют своих должностных лиц и людей ремесла, которым выдается жалованье из доходов общины; таковы: плотник, кузнец, канатчик, гончар, цирюльник, белильщик, деревенский сторож, водонос, лекарь, школьный учитель, жрец, бард, астролог; богатые общины содержат, сверх того, музыкантов и баядерок для своих празднеств[2].

Самые цветущие и благоденствующие области те, где земельная собственность разделена и где крестьяне не имеют посредников между собою и правительством; так, почти весь Канарский край и Малаялам разделены на мелкие имения, владельцы которых, равноправные, независимые, зажиточные по большей части, составляют в то же время один из самых образованных классов на Полуострове[3]; но самые плодородные провинции, по крайней мере в бассейнах Ганга и Брахмапутры, суть в то же время местности, где население живет в крайне бедственном положении. *Талукдары* Ауда, *земиндары* Бехара и Бенгалии, плантаторы Ассама разделили между собою страны, покровительствуемые английским правительством, которое и само состоит из *ландлордов*, владеющих громадными поместьями; таким образом, значительная часть Индии была превращена во вторую «Ирландию». Даже после возмущения сипаев, аудские талукдары, огромные имения которых были конфискованы, снова вступили во владение своих ленов, заключающих каждый многие сотни деревень[4]. Оттого класс богатых землевладельцев, индусских или мусульманских, считает себя солидарным с британскими повелителями, которым он обязан своею властью и правильным поступлением своих доходов[5]. Между этими земиндарами есть баснословные богачи, как, например, Бардванский раджа, имение которых приносит, в виде арендных денег, до 10 миллионов франков в год; но под ними сколько еще главных и второстепенных агентов, которым надо наживать себе состояние на счет труда несчастных райотов! И сколько взаимной ненависти между толпой пахарей, рабов *de facto*, хотя людей вольных *de jure*, и угнетающими посредниками всякого рода! «Добрые слова земиндара,—говорит пословица,—все равно, что сладкия речи

1 John Phear, „The Aryan Village in India and Ceylon";—Summer Maine, „The Village Communities in India".

2 Long; Maine; Jacolliot.

3 Grani, „Reise nach Ost-Indien".

4 Clements Markham, „East-India Progress and Condition".

5 Richard Temple, „India as it is".

мусульманина, ласкающего своих цыплят: он дает им есть за тем, чтобы потом съесть их самих»[1]. В Бехаре и Бенгалии, в Джиттатонге, Ориссе, средний размер поденной заработной платы не превышает 30 сантимов, а дети двенадцати лет получают по пяти сантимов, или и того менее. Большинство семей должно существовать на доход от 15 до 20 франков в месяц, и как ни дешевы жизненные припасы, редка бывает, чтобы райот в состоянии был приобретать себе даже самое необходимое: можно сказать, что в Орисском крае ничтожная разница заработка, равная 5 сантимам в день, отделяет бедность от нужды[2]; без садика, которым окружена каждая хижина и который дает кое-какие овощи и плоды, крестьянину каждый год грозил бы голод. Понятно, какою гибельною властью пользуется ростовщик над всем этим голодающим людом. Он ссужает зерно для посева, дает хлеб для прокормления семьи до будущего урожая, но зато жатва принадлежит всецело ему: этими ссудами он держит райота в своей власти, в вечной кабале, делает его своим слугой на всю жизнь и без всякого жалованья. Не помогли и основанные правительством в некоторых округах банки, выдающие ссуды за небольшие проценты. Крестьянин слишком боится своего истинного господина, ростовщика, чтобы у него хватило смелости занимать у других[3].

Страна специально земледельческая, Индия не имеет, как Англия, муравейников рудокопов и обширных фабричных городов, населенных рабочими; но её ремесленники все еще отличаются замечательным искусством и тонкостью работы, которыми так восхищались первые европейские путешественники. Правда, некоторые промышленности почти совершенно исчезли, а другие сильно сократились или пришли в упадок сравнительно с прежним временем. Дакка и многие другие некогда процветавшие города не имеют уже многочисленных ткацких станков, производивших воздушные кисеи; Кашмир фабрикует еще шали, но число мастеров безпрестанно уменьшается, да и те, которые остаются, подражают европейским тканям или старым образцам, не умея сливать оттенки цветов с тою удивительной гармонией, какою отличаются старинные ткани, хранящиеся в музеях. Промышленность предметов роскоши не переставала видоизменяться в течение веков, чтобы удовлетворять вкусам государей всякого происхождения, «монгольских», персидских, афганистанских, раджпутских, маратских, сменявших друг друга на тронах Индии; теперь шали и драгоценные украшения нужно продавать европейским иностранцам, и сообразно прихотям этих новых властелинов, изменился рисунок и колорит тысячи изделий промышленности. Теперь образцы выписываются из Англии, из Бирмингама, Лидса, Рочдэля, и копируются или в тюрьмах арестантами, или в вольных мастерских обедневшими рабочими; английские дамы ввели выделку кружев в школах и христианских конгрегациях. Народная промышленность, которая всего менее изменяется, производит только обыкновенные глиняные изделия, простые ткани, недорогия украшения; но, по крайней мере, эти предметы до сих пор сохранили чисто индусский характер и отличаются изяществом формы и удачным выбором цветов. Промышленные выставки доказывают, что есть еще много артистов, занимающихся с любовью резьбой на оружии, подбором эмалей, вышивкой шелковых материй, обтачиванием металлов, обделкой слоновой кости, дерева и камня. Многие скульптурные произведения новых храмов, построенных джайнами в Западной Индии, так же поражают изяществом формы и так же искусно иссечены, как изваяния самых пышных религиозных памятников двенадцатого и тринадцатого столетий. Заработки большинства промышленных рабочих крайне скудны, как и заработная плата сельских работников. Знаменитые кашмирские шали, которые еще недавно покупались по цене от семи до десяти тысяч франков за штуку, оплачиваются их производителям, ткачам, лишь в размере 35 сантимов за рабочий день[4].

Во время борьбы между Францией и Англией из-за господства над Индией, мануфактур-

1 H. M. Elliot, „Races of the North-West Provinces".
2 W. W. Hunter, „Orissa".
3 Florence Nightingal, „Nineeteenth Century".
4 Andrew Wilson, „The Abode of Snow".

ная промышленность в собственном смысле была очень деятельна в конторах иностранных негоциантов. Вокруг каждого форта ост-индские торговые компании поселили сотни или даже тысячи ткачей, которые и поставляли им ткани для вывоза заграницу. Изумительное развитие ткацкой промышленности в Ланкашире и Йоркшире изменило роли, и теперь уже Англия ввозит хлопчатобумажные фабрикаты в Индустан, особенно грубые ткани; количество набивных бумажных тканей или ситцев, некогда привозимых в Европу из Индии, как показывает и самое название их—«индийская материя» (indienne), которое Полуостров покупает теперь у манчестерских фабрикантов, составляет две пятых всего потребления Индии. Но капиталисты, по большей части шотландцы, евреи и парсы, поселившиеся в Индустане, вздумали воспользоваться двойною выгодой имения под рукой сырого продукта, хлопка, и потребителей, и таким образом были основаны бумагопрядильни в окрестностях Бомбея. Хлопчатобумажная промышленность Индии в 1894 году: 135 прядильных и ткацких фабрик, с 2.538.577 веретен, 29.362 станков, 130.570 рабочих и производством на 62.425.580 рупий. Точно также Калькутта, соперничая с Дунди, утилизирует волокно джута в больших заводах, мрачных зданиях, построенных по такому же образцу, как европейские фабрики, и так же, как они, населенных женщинами и детьми, которые работают, следуя за движением машин, в душной и вонючей атмосфере, наполненной тончайшими нитями и пылью (в 1894 г. в Индии было 26 джутопрядильных и ткацких мануфактур, с 189.080 веретен, 9.417 станков, 67.930 рабочих и производством на 34.417.870 рупий). Во многих местах, именно в Чота-Нагпоре, правительство и частные промышленники основали также металлургические заводы, но эти предприятия идут не вполне успешно; самые большие чугунолитейные заводы находятся в Джамальпуре, близ Монгира. Главное, чего недостает Индии, чтобы сделаться первоклассною промышленною страною,—это изобилия в топливе; каменный уголь, как известно, не встречается на Полуострове в таких пластах, которые могли бы сравниться с громадными залежами Великобритании. Правда, общая площадь каменноугольных формаций Индустана, включая сюда и английскую Барманию, составляет около 90.000 квадратных километров[1], но большинство бассейнов содержит так мало угля, что не стоит труда их разработывать, а другие заключают лишь топливо низкого качества. В 1892 году, на 87 копях, при 34.902 рабочих, было добыто около 2 с половиною миллионов угля. Вообще Полуостров по сю сторону Ганга есть еще, между промышленными странами, одна из тех, которые располагают, сравнительно, наименьшим количеством минерального топлива.

Другие минеральные богатства, алмазы в Панна, Самбальпуре и Карнуле, золото в Вайнаде, медь в Сингбуме и в Гималаях, железо в Салеме и в Чота-Нагпоре, имеют лишь небольшую относительную важность. Из минеральных веществ всего деятельнее эксплоатируется соль, составляющая в Индии монополию правительства. Что касается жемчужных раковин, то, как сказано выше, мели «Жемчужного берега» на западной стороне Манаарского залива заброшены; цейлонские же мели эксплоатируются лишь через многолетние промежутки.

Торговля внутренняя и внешняя быстро возростает с каждым десятилетием, благодаря скорым путям сообщения, сеть которых постоянно увеличивается. Открытие Суэзского канала, сократив вдруг на половину расстояние, разделяющее Индию и Англию, повлекло за собою целый переворот в движении торгового обмена, тогда как железные дороги, продолжаясь постепенно от одного города до другого через весь Полуостров, произвели перемены более медленные, но более значительные, сближая внутренния области с прибрежными местностями. Первый железный путь Индии открылся лишь во второй половине текущего столетия, в 1853 году, маленькой линией, которая соединяет Бомбейский остров с островом Сальсеттой. В том же году был начертан план двух больших рельсовых путей, долженствующих соединить три главные города президентств, Калькутту, Бомбей и Мадрас, но сооруже-

1 Hughes, „Records of the Geological Survery of India“, vol. VI, 1873.

ние их было окончено лишь восемнадцать лет спустя, в 1871 году. К этим двум магистральным линиям, построенным финансовыми компаниями, которым правительство гарантирует определенный доход, не переставали прибавляться другие рельсовые пути. Теперь главные звенья железнодорожной сети близки к окончанию. Бенгальский залив соединен с воротами Афганистана непрерывною железною дорогою, параллельно которой—больше чем на половине её протяжения идет другая, второстепенная линия. Долина Инда имеет свою железную дорогу до Карачи. Бомбей соединен с одной стороны с Дели, с другой—с Тутикорином, лежащим напротив острова Цейлона. Линии первостепенной важности, которых еще недостает Индии,—это две береговые железные дороги вдоль восточного и западного берега Полуострова, соединение линии реки Инда с линией Раджпутаны; наконец, по другую сторону Индии, столица Англо-индийской империи не имеет сообщения посредством пара с берегами Иравадди. Как ни обширна индийская рельсовая сеть, она, однако, остается изолированною от системы железных дорог в остальной части Старого Света, и один из важнейших политических вопросов, решение которого принадлежит близкому будущему, есть вопрос о том, каким образом соединятся две системы железных путей, система Европы и система Индии, и какая нация возьмет на себя задачу исполнить это дело?

Общая длина сети индийских железных дорог к 31 марта 1897 г.: 20.390 англ. миль; сумма затраченного на железные дороги капитала до конца 1896 г.: 2.730.728.180 рупий.

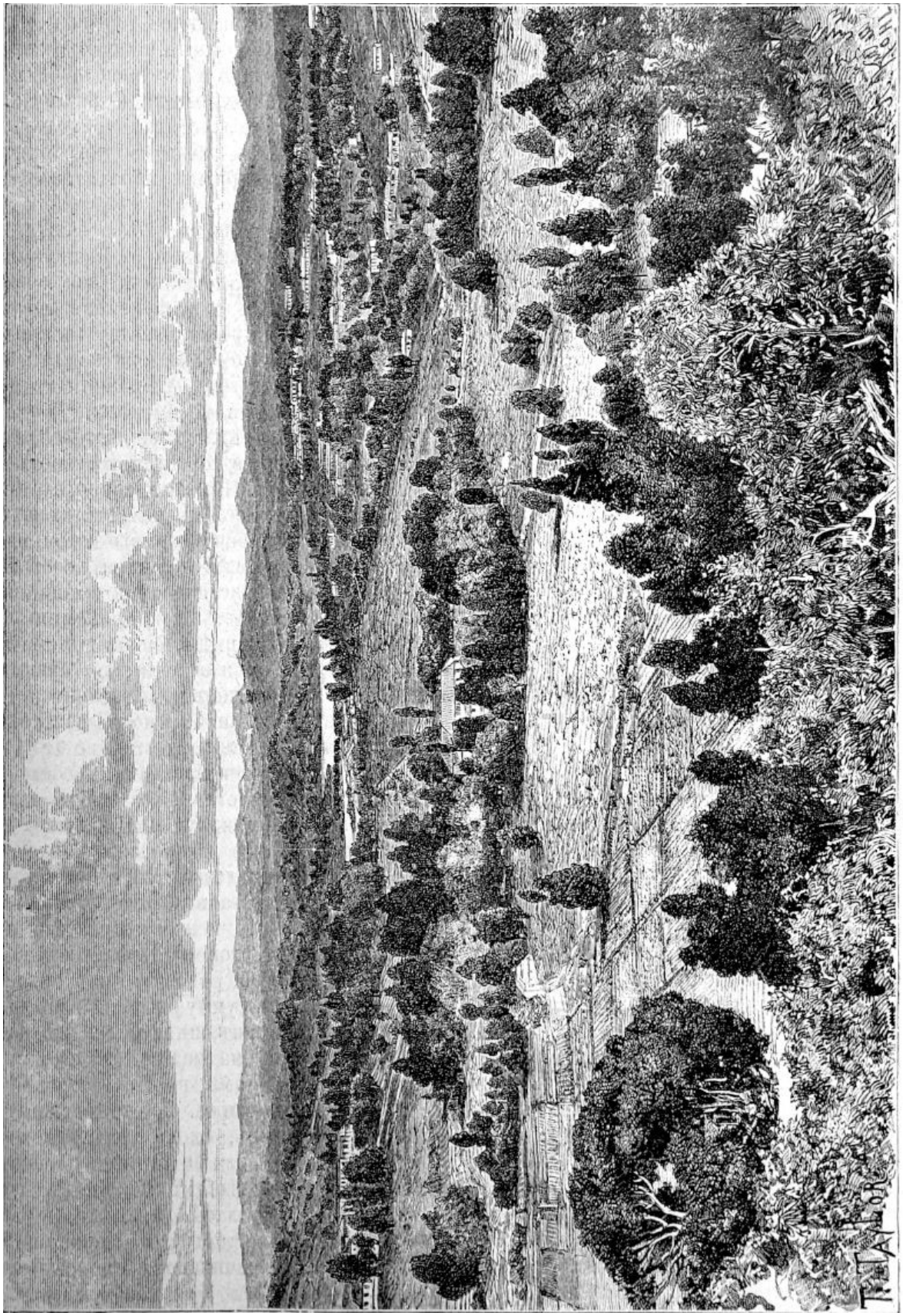
Полуостров по сю сторону Ганга, или Передняя Индия, шестая страна в свете, по важности своей железнодорожной сети следует за Соединенными Штатами Северной Америки, Германией, Англией, Францией и Россией, по протяжению рельсовых путей. Но если принять в соображение громадное пространство её территории, то Индия оказывается опереженною в этом отношении большинством маленьких государств Европы. В сравнении с несметною массой народонаселения, скученной на Полуострове, система индийских железных дорог тоже представляется очень маловажною. При сооружении быстрых путей сообщения обыкновенно рассчитывают на неизбежные последствия, которые будут иметь для людей всякой касты путешествия по железной дороге; но до сих пор годовое пассажирское движение не представляет даже половины общего числа жителей. Число пассажиров, перевезенных по индийским железным дорогам в 1894 году: 144.826.387; количество товаров, отправленных этим путем: 32.531.337 тонн. Важность железных дорог, как ни мала она, сравнительно, в отношении перевозки пассажиров и товаров, была, тем не менее, весьма значительна по тому перевороту, который они произвели последовательно во всем индусском обществе, в его образе жизни, в его понятиях и предразсудках.

Еще очень недавно железные пути Индустана были делом исключительно английским, предпринятым правительством или банкирами Великобритании; в 1876 году насчитывали, на 56.400 акционеров, только 800 лиц, живущих на Полуострове, и из этого числа только 390 были уроженцы Индии[1]. В настоящее время многие линии, каковы линии Раджпутаны, Бопала и других государств, построены или строются по ходатайству туземных государей и в большой части на их капиталы. Главное неудобство новых линий то, что они, по большей части, узкоколейные, всего в один метр шириной, тогда как старые линии имеют 1,67 метров ширины.

Постройка обыкновенных больших дорог не развивалась, сравнительно, так же быстро, как сооружение железных путей: длина содержимых британским правительством дорог к 31 марта 1894 г.—247.050 килом., в том числе 54.697 килом. шоссе. Одна ил этих шоссейных дорог, на которую до постройки железных путей смотрели как на замечательнейший памятник английского могущества в Индустане, есть главное или магистральное шоссе, направляющееся из Калькутты к Пешаверу, у входа в горные проходы Афганистана. К этой дороге, длиною около 2.500 километров, примыкают другие колесные пути, поднимающиеся на западе к порогам хребта Сефид-Кох, на севере к Кашмиру, к возвышенным долинам Гималаев и плоскогорьям Тибета. Дарджилингская железная дорога взбирается по горным скло-

1 Sturmer: K. von Scherzer, „Geographisches Jahrbuch", 1878.

нам до высоты 2.250 метров, а тибетская железная дорога огибает на высоте Мон-Блана крутизны, господствующие над верхним Сетледжем. Устройство хороших путей сообщения изменило мало-по-малу условия перевозки тяжестей: теперь уже не увидишь—разве только



Утакамундъ на Цейлонѣ.

где-нибудь в глухих местах, удаленных от больших дорог,—длинных верениц навьюченных быков, сопровождаемых целым племенем кочевников банджари; они заменены арбами, и теперь нет более надобности вверять охранение обозов специальным конвоирам, облеченным,

как банджари, почти священным характером. На всех важных дорогах, посещаемых европейцами, этапы обозначены каравансараями, или «бангаловами» (bangalows), построенными на счет англо-индийского правительства или вассальных государств; путешественники белой расы находят там приличный приют; туземцы не допускаются туда и располагаются на роздых рядом с бангаловом, под досчатыми навесами. Только в 1834 году всемогущая ост-индская компания сняла запрещение проникать во внутрь страны. Поездка от Калькутты до Миратских кантонир-квартир, по гангской дороге, продолжалась в то время, средним числом, около четырех месяцев.

Каналы служат менее для перевозки пассажиров, нежели для перевозки сельско-хозяйственных продуктов и товаров: этим путям внутреннего судоходства Индия обязана, главным образом, возможностью способствовать, посредством вывоза своего хлеба, продовольствованию Великобритании. Известно, что общая дельта Ганга и Брахмапутры представляет баркам отличную судоходную сеть; точно также дельты других больших рек, Инда, Мага-Надди, Годавери, Кистны, Кавери, переполнены мелкими судами, снующими во всех направлениях. Равным образом лагуны Малабарского берега, озера Сиркарского и Коромандельского берегов перерезаны судоходными фарватерами; наконец, большие ирригационные каналы доабов Ганга и Пенджаба были вырыты таким образом, чтобы могли принимать грузовые суда. Совокупность путей внутреннего судоходства, не считая рек, исчисляется в 21.000 километров и представляет сумму издержек, превышающую полмиллиарда франков. По наиболее посещаемым водным путям суда проходят сотнями тысяч; но во многих речных бассейнах орошение полей, все более и более истощая потоки, питающие ирригационные каналы, сделало затруднительным судоходство, и перевозка по железным дорогам заменила менее дорогостоющую отправку продуктов и товаров, которая прежде производилась по судоходным каналам. Что касается легкости сообщения для внешней торговли морем, то об этом можно судить по состоянию парового флота восточной и полуостровной компании (Oriental and Peninsular Company), которая располагает полусотнею пароходов, поднимающих, вместе, около 150.000 тонн груза, не считая буксирных пароходов, лихтеров и ланш.

Общая торговля Индии менее важна, чем это кажется на первый взгляд. Без сомнения, годовой оборот её достигает почти пяти с половиною миллиардов франков; но этот торговый обмен представляет, в среднем выводе, всего только около девятнадцати франков на каждого жителя, т.е. почти в десять раз менее, нежели во Франции. Громадная Индия, с её 290 миллионами жителей, размерами своей внешней торговли уступает даже крохотной Бельгии. Из этого видно, что английские владения на Востоке не составляют для Великобритании неисчерпаемого источника богатств, какой рисует себе наше воображение, поддерживаемое классическими воспоминаниями. Тем не менее, надо припомнить тот факт, что в половине прошлого столетия вывоз индийских произведений не превышал 25 миллионов франков[1]. Деятельность торговых сношений Индии быстро возрастает: в двадцатилетний период, с 1861 по 1881 год, она более чем удвоилась. Само собою разумеется, что Англия оставила за собою львиную долю торгового обмена своей Индийской империи: покупка хлопка и продажа мануфактурных изделий составляют уже половину внешней торговли Индустана. Отпуск опиума дает Китаю второе место между покупателями Полуострова по сю сторону Ганга; затем следует Франция: она ввозит из английской Индии ежегодно на сумму около 150 миллионов маслянистых семян, индиго, хлопка, шелка, кофе; кроме того, она ведет с своими собственными владениями на Полуострове непосредственную торговлю, представляющую, по ценности оборотов, около тридцати миллионов в год. Торговля Франции с Пондишери и другими её владениями Индии в течение 1880 года простиралась до 33.416.700 франков. Правильные торговые сношения Индии с Австралией увеличиваются с каждым годом по вывозу риса, чая, кофе и ввозу меди и лошадей. Посылаемое Индией заграницу количество её произведений постоянно превышает её собственные покупки на 250 до 600 миллионов франков (разность между вывозов и привозом Индии за десятилетний период, с 1865 по 1874 год, состав-

1 Hunter, „The Imperial Gazetteer of India".

ляла 2.811.273.250 франков), и эта разность, оплачиваемая почти исключительно серебряною монетой, способствует поддержанию в свете относительной ценности серебра сравнительно с ценностью золота.

Внешняя торговля Индии за год, оканчивающийся 31 марта 1897 г.: морская: привоз—892 миллиона, вывоз—109 миллион. рупий; сухопутная: привоз—48 милл., вывоз—43 миллион. рупий.

Но почти все эти барыши Индии возвращаются, под другою формой, в виде окладов жалованья и дивидендов по акциям, в Великобританию, играющую роль паразита по отношению к своим колониальным владениям.

Пользуясь наибольшею долей торговли Индии, англичане в то же время являются и главными посредниками в её торговых сношениях. Им принадлежат три четверти судов, привозящих и увозящих товары и земледельческие произведения, и благодаря пароходам, построенным ими специально для прохода чрез Суэзский канал, они овладели монополией, как товароотправители. Число коммерческих судов, употребляемых англичанами для судоходства между Великобританией и портами Индустана, Бомбеем, Калькуттой, Мадрасом, Рангуном, Карачи, уменьшилось в последние десятилетия, но зато вместимость их увеличилась, и рейсы сделались чаще, так как пароходы в большей части заняли место парусных судов; хотя гораздо менее многочисленные, они представляют уже более половины общего количества тонн, составляющего вместимость судов. Движение судоходства по внешней торговле в портах Индии в течение фискального 1895—1896 года выразилось следующими цифрами: в приходе—5.226 судов в 4.128.039 тонн, в отходе:—5.071 судно, вместимостью 4.098.561 тонна; в 1896—97 г.: пришло—5.006 судов в 3.883.989 тонн, отошло—4.934 судна в 3.814.596 тонн.

Кроме того, около 4.000 мелких морских судов управляемых туземцами, плавают вдоль побережья, от одного порта до другого. Это еще не все: торговля восточных берегов Африки, Сокоторы и Мадагаскара находится почти всецело в руках индийских купцов баниахов; в этих странах путешественники с удивлением слышат звуки индустанского языка, как на Полуострове Ганга.

Что касается торговли чрез континентальные границы, то действительную важность имеет только торговля с королевством Ава, производимая по течению Иравадди; другие заграничные страны, по порядку торговой деятельности, суть: Непал, Кабул, Кашмир и Кандагар.

Торговые сношения, хотя постепенно увеличивающиеся и сближающие все провинции, еще далеко не изгладили кастовых различий, которые нравами и вековыми преданиями возведены на степень важнейшего и наиболее строго соблюдаемого догмата национальных религий. Ни в какой другой стране первоначальные контрасты, порожденные между людьми различием происхождения, богатства, образования, рода занятий, словом, всякими социальными неравенствами, не сохранились в такой резкой форме, как на Полуострове по сю сторону Ганга. Разделенные на множество обществ, не имеющих между собою взаимных сношений и преследующих различные или даже прямо противоположные интересы, индусы не составляют одного народа; ни в одной провинции, даже там, где все жители говорят одним языком, не существует общей связи патриотизма, которая соединяла бы бедных и богатых, парий и браминов. Это разделение делает легкою задачу того, кто хочет царствовать над ними. Какую бы ненависть они ни питали к властителю, они все-таки благодарны ему за угнетение, которому он подвергает вместе с ними и других.

Исследования индианистов установили неопровержимо тот факт, что так называемое первоначальное разделение населения Индустана на четыре касты или «четыре цвета» (кожи), касту браминов, или жрецов белого цвета, касту краснокожих кшатриев, или воинов, касту желтолицых вайсиев, или купцов, и касту черных судрасов, или земледельцев, есть понятие относительно новое, пущенное в ход комментаторами священных книг[1]. Эти правильные наслоения индусского общества никогда не существовали в действительности;

1 Muir, „Sanscrit Texts on the People of India".

во все эпохи, тысячи социальных контрастов, произведенных в разных областях Индии различием профессий, ремесл, образа жизни, естественно должны были иметь следствием большое разнообразие каст и делали невозможною их точную классификацию. Греческие и римские писатели говорят о семи кастах, а не о четырех, и однако, они знали только часть северных равнин Полуострова. В настоящее время можно признать, в самых общих чертах, только существование четырех групп: браминов, сельских жителей, купцов и промышленников[1].

Даже господствующая каста, каста браманов, или браминов, вышедшая, как гласит легенда, из головы Брамы, состоит в действительности из множества каст, не имеющих между собою никакого родства по происхождению, занимающихся различным трудом и во многих случаях даже отказывающихся вступать в сношения друг с другом. Те из них, которые священнодействуют, как жрецы, составляют лишь весьма незначительное меньшинство браминского класса, и даже эти брамины редко занимаются теологией; они интересуются почти только тонкостями ритуала да вопросами о первенстве[2]. Благородные брамины Ауда никогда не выдают своих дочерей за своих, яко бы, собратов Бенгалии и даже ни за что не согласятся есть с ними за одним столом. В Чамбе один класс пастухов, поклоняющихся восходящему солнцу, присвоивает себе право носить на плече нить с четырьмя отпрысками, принадлежащее исключительно сынам Брамы; в горах Симлы, другие брамины заработывают себе хлеб насущный в качестве землепашцев, носильщиков, домашней прислуги и даже продают своих дочерей в рабство. В Орисском крае есть брамины, которых презрительно называют «сажателями картофеля», а в некоторых округах центральных провинций живут «джунглевые брамины», бедные поселенцы, тяжелым трудом расчищающие под пашни нетронутую почву джунглей. В полуденной Индии встретишь браминов, происходящих от рыбаков, или таких, которые занимаются кузнечным ремеслом; есть даже брамины, не гнушающиеся исполнять унизительную должность полицейских агентов. Подобно материку Индии, остров Цейлон тоже имеет своих «браминов-крестьян». Недавно представители «Пяти Ремесл», собравшись в Салеме, подали правительству жалобу, где протестуют против наглости метисов всякой расы, которые изъявляют притязание командовать ими с незаконно присвоенным себе титулом браминов[3]. Многочисленные легенды, относящиеся к появлению богов, будто бы сходивших на землю затем, чтобы преобразовать в «дважды рожденных» людей низших каст, очевидно, суть отдаленный отголосок исторических фактов; в некоторых областях Полуострова судрасы были возводимы в звание браминов для нужд культа; в других местах местные аристократии сохранили свое право на дворянство в виду чистых браминов, иммигрировавших в небольшом числе, и эти последние благоразумно купили себе сообщничество более сильных, чем они сами, жалуя им священную нить; наконец, продолжительная изолированность среди чуждых населений дала многим браминским колониям нравы, совершенно отличные от нравов, характеризующих господствующую касту севера[4]; так, например, некоторые классы браминов известны у своих собратий под презрительною кличкой «мясных или рыбных браминов», по тем нечистым блюдам, которые они не брезгают употреблять в пищу. Траванкорские раджи сделались браминами, «пройдя чрез чрево золотой коровы»— новый пример всемогущества богатства.

Расовое различие еще гораздо значительнее для других социальных делений. Чистые кшатрии не встречаются нигде, хотя раджпуты все поголовно претендуют на это происхождение: все счастливые предводители, каково бы ни было их происхождение, обыкновенно производили свой род от предков, принадлежавших, будто бы, к лунной или солнечной расе; однако, между раджпутами есть такие, которые хвастаются в то же время своим происхождением от первоначальных жителей страны, или аборигенов, как, например, нагбханси,

1 Nelson, „Madoura Country".
2 Barth, „Les Religions de l'Inde".
3 Craul, „Reise nach Ostindien".
4 Hunter, „Orissa"; Eastwik, „Handbook for Madras".

или «Сыны змей». Различные торговые корпорации, баниахи, марвари, банджари,—не говоря уже о джайнах, которые не исповедуют браманской религии,—считают себя совершенно отличными одна от другой, не признавая существования так называемого класса вайсиев. Что касается имени судрасов, то оно имеет лишь общее значение: так называются бесчисленные касты и подкасты, на которые делится народ, исключая благородных классов и купцов. Кажется, что этот термин судрасы, имеющий смысл «чистые», применялся вначале не к людям низшей касты, но к массе арийской нации; этим наименованием она отличалась от «нечистой» массы аборигенов Дасиу[1].

Типы племени банджари.

В провинциях, называемых «северо-западными», насчитывают не менее 307 различных каст, имеющих каждая свое особенное название; в Бенгалии их существует более тысячи, и если бы мы захотели проследить их подробно во всех их делениях и подразделениях, то общее число достигло бы нескольких тысяч. Равным образом и в южной Индии невозможно было бы составить полный список всех каст; народная перепись насчитала их в одном Майсуре 413, в Мадуре 94. Каждое ремесло, даже самое маленькое, сделалось особой кастой, точно отграниченной; есть касты, состоящие только из двух человек[2]. Даже противозаконные

1 Tod, „Annals of Rajasthan".

2 Nelson, „Madura Country".

сообщества, бадхаки и сонории в Пенджабе и Ауде, молунги в Бенгалии, рамози в Бомбее, карачавандлу в Декане, корвахи на Малабарском берегу, составляют особенные касты, признаваемые туземцами; каждый член преступной шайки, гордящийся своею профессией, посвящает себя делу воровства и грабежа, обязываемый к тому как преданиями своего племени, так и предписаниями своей религии. Правительство набрало между ними по большей части своих полицейских агентов, но, не имея возможности утилизировать таким образом целые кланы, оно принуждено было интернировать их в нескольких селениях, поставленных под строгий надзор; перестав воровать, члены касты, тем не менее, гордятся своим титулом «воров»[1]. Французский путешественник Франсуа Пирар упоминает о малабарских племенах, которые, меняя род занятий с переменою времен года, были попеременно «разбойниками на море» и «прекраснейшими людьми на земле, самыми гуманными и обходительными». Мало-по-малу, различие образа жизни создало между кастами нравственные контрасты, на которые указывают и местные пословицы, сложившиеся в каждой провинции: «лицемерен, как брамин; фальшив, как четти; себялюбив, как веллалах; жесток, как каллан»— таковы, по словам Нельсона, обычные поговорки, употребляемые в Мадурском крае.

Вводя новые промыслы и ремесла, европейцы тем самым создали новые касты, из которых иные носят названия английского или португальского происхождения; так, например, конюхи или стремянные составляют касту «кавалеров» (cavalere)[2]. Каждая религия, каждая секта, каждая борьба между соперничающими партиями влечет за собою образование соответственных классов или разрядов: нет такой эволюции социальной жизни, которая не проявлялась бы новыми группировками, которым время сообщает мало-по-малу признаки касты. Сообразно переменам промышленности и торговли, увеличивается или уменьшается социальное значение отдельных каст и степень уважения, которым они пользуются в обществе; так, например, производители корицы выиграли в достоинстве с возрастанием коммерческой важности их продукта; затем опять понизились в общественном уважении, по мере того, как уменьшалась продажа этой пряности. Чрезвычайное разнообразие работ, присвоенных специально каждому классу людей, заставляет богатых, для правильности службы, держать очень многочисленную домашнюю челядь: каждый служитель хочет делать только одно какое-нибудь определенное дело, и, при том, делает его не иначе, как по традиционному, унаследованному от отцов и дедов, способу, сообразно установленному церемониалу и порядку прецедентов: правоверный индус предпочтет лучше умереть, чем осквернить себя исполнением работы, почитаемой нечистой. В Дравидии все касты делятся на людей «правой» и «левой», получивших такое название от одной из двух рук, употребляемой для очищения себе тела; но едва-ли это объяснение можно признать верным. Во время публичных церемоний касты правой руки водружают белое знамя, касты левой—красное[3]. Касты двух «рук» питают взаимное отвращение, а между тем, есть одно племя, которое в одно и то же время принадлежит к обеим кастам: чаккили, в Мадурском крае, причисляют себя к группе правой руки по женщинам, к группе левой руки по мужчинам, и когда в деревнях вспыхнет ссора между двумя «руками», жены удаляются от своих мужей и не возвращаются к ним, пока не восстановится мир[4]. В Северной Индии это разделение на правую и левую совершенно неизвестно[5].

Вне этих тысяч ассоциаций или общественных групп, резко разграниченных между собою и по большей части враждебных одна другой, живут еще миллионы людей без расы и без права,—людей, самая тень которых может осквернить привилегированного или кастового человека. Европейцы дают им, но ошибочно, имя парий, принадлежащее группе тринадцати каст, которая с гордостью причисляет себя к правой руке, которая принимает этот ти-

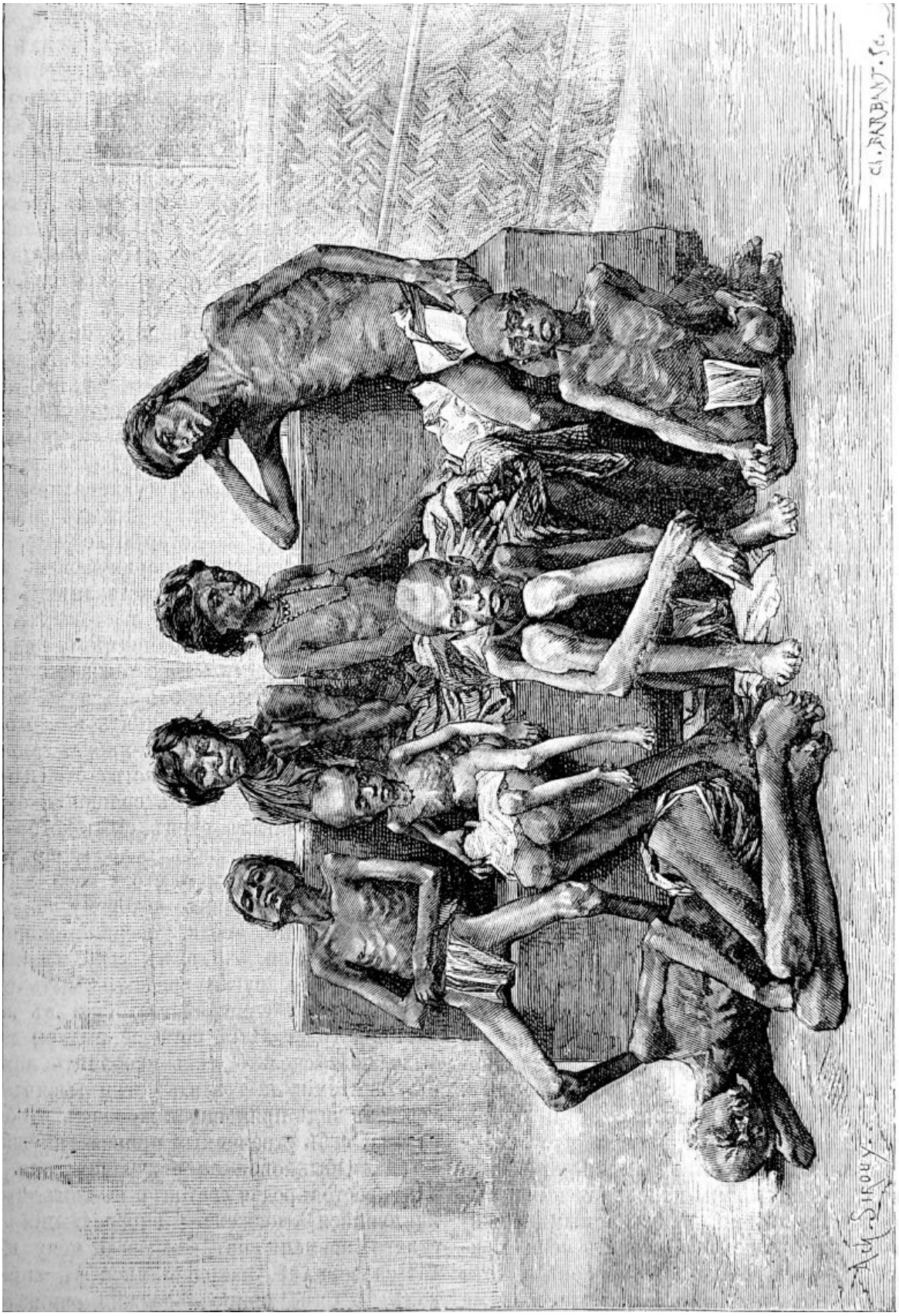
1 „Criminal Tribes Bille"; De Grois. „Revue maritime et coloniale", janvier 1882.
2 Louis Jacolliot, „Voyage aux ruines de Golconde".
3 Julien Vinson, „Les castes au sud de l'Inde", „Revue Orientale", 2-e serie, № 4.
4 Nelson, „Madura Country".
5 Joseph Mullens, „Mission in South India".

тул в публичных актах, при чем никто никогда не оспоривал у нея права его носить; во многих местах границы общин поставлены под надзор парий, как представителей древних рас и законов праздника в честь «Единственной Матери», богини-покровительницы «Черного города» Мадраса; это пария представляет общество, как жених богини[1]. В центральных провинциях внекастовых людей называют канджарами, в Кочине, Траванкоре, Тинневельском крае—палиярами. Священные книги клеймят их прозвищем чандала. Это существа нечистые, «отребье из отребья», которые родились от гнусного союза судры и браминки. Их дело очищать помойные ямы и стоки нечистот, зарывать в землю падаль и питаться ею, в случае нужды; деревни их—это собрание собачьих конур, «кладбище их—это живот шакалов». Их можно бить без греха; побои составляют их удел, в силу наследственного позора, тяготеющего над ними; древние законы не назначают ни пени, ни даже порицания тому, кто избавляет землю от этих презренных существ[2]. Два крайние полюса индийского общества—брамины и чандалы: первым «принадлежит весь свет; они, по своему рождению, имеют право на все существующее, и только из великодушия позволяют жить другим людям»; последним запрещено оплакивать своих предков, произносит имя Брамы, читать или говорить наизусть содержащееся в священных книгах, группироваться в селения, претендовать на какое бы то ни было родство с людьми, соединенными в общество. Отверженные из мира людей, они должны искать себе убежища в джунгле, в сообществе диких зверей, и если брамин позволяет чандалам появляться в его поле зрения, то это лишь великодушная терпимость с его стороны; нечистое существо не имеет права показываться на расстоянии, меньшем ста шагов; определены точным образом, для каждой касты, пространства, на которые позволено приближаться при встрече. До введения английского режима, самые тяжкия кары, смертная казнь или рабство, грозили нарушителю предписанных расстояний между браминами, кастовыми и внекастовыми людьми[3]; солдаты, принадлежащие к касте наиров, не могут близко подходить к арестантам, которых они конвоируют, если последние ниже их по рождению; они окружают их обширным полукругом, держа ружье постоянно направленным против своих стеснительных спутников[4]. Идея касты сделалась понятием дотого естественным в уме индуса, что даже животные классифицируются параллельно человеческим социальным группам: бурундуки считаются зверями хорошей касты; вороны, напротив, слывут презренными париями[5].

По верованию браминов, желающих придать своей власти божественное освящение, касты имеют религиозное происхождение: сами боги, будто бы, разделили таким образом людей на классы. Правда, касты вошли в религию, как один из ее догматов, или даже сделались выше её: «что за дело до веры, лишь бы сохранить свою касту»[6]—такова обычная поговорка брамаистов. Но в Индии, как и во всякой другой стране, происхождение касты нужно искать в одно и то же время в клане и в ремесле. Там, где два народца, различающиеся наружным видом, нравами, занятиями, приходили во внешнее соприкосновение между собою, они оставались обособленными, и расовые признаки преобразовались мало-по-малу в кастовые черты: в Северной Индии можно указать сотнями примеры отдельных, обособленных групп, состоящих из кланов иммигрантов и аборигенов, еще не слившихся в одну нацию. Но касты возникли в такой же мере из ремесла, как и из расы: когда и профессия, и происхождение равно различны, как это обыкновенно и бывает в наибольшей части Полуострова, каждая особенная группа изолируется, словно она хочет окружить себя неприступною каменною стеной[7]. В Европе тоже образовались гильдии и корпорации; но чтобы организоваться окончательно в замкнутые касты, им недоставало продолжительного существования,

1 Caldwell, „Dravidian Languages"; Julien Vinson, цитированный мемуар.
2 Forbes, „Oriental Memoirs".
3 Thevenot, „Voyage aux Indes orientales".
4 Fr. Day, „The Land of the Permauls".
5 Luquet, „Annales de la Propagation de la Foi", juillet 1866.
6 Monier Willams. „Modern India and the Hindu".
7 Elie Reclus, рукописные заметки

религиозной санкции, вековой практики одинаковых обычаев и соблюдения общеобязательных правил относительно пищи и вообще материальной жизни. *Джат-бхах*, «каста—это рис», говорит одна новая пословица в Бехаре; «мясо составляет касту», возражают орисские



Группа умирающихъ отъ голода

коларийцы[1]. Первоначальные причины, породившие касту, забыты; ее узнают теперь, глав-

1 Tickell, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1840; Stohr, „Mittlieilungen von Petermann", 1861, №10.

ным образом, по внешним признакам, по символам, которым приписывается первостепенная важность: таковы горизонтальные или вертикальные знаки, нарисованные на челе куском сандального дерева. Социальное состояние необходимо изменяется соответственно изменению нравов и обычаев; чтобы превратить индусов в мусульман, магометанским завоевателям достаточно было подвергнуть своих подданных обряду обрезания, и последние, несмотря на постигшую их беду, принуждены были признавать себя последователями ислама. Раз вступив посредством телесного знака в новую общественную группу, они уже не имели более общения со своими родными и друзьями; они были отвергаемы, как существа, навсегда оскверненные. Если бы миссионеры католические и протестантские действовали на манер мусульманских обратителей и заставляли индусов есть говяжье сало, их храмы наполнились бы стыдящимися прозелитами, вынужденными общественным презрением объявлять себя христианами. Слушать церковную проповедь, хотя бы даже не понимая слов её, считается уже вероотступничеством.

Индус не имеет иного племени, кроме касты: он не может вступить в брак вне этого замкнутого мира; он считает себя солидарным со всеми теми, которые едят вместе с ним и называют себя тем же именем. За них, за общую честь, он пойдет на встречу всякой опасности; он обречет себя даже на смерть, если это нужно; каждая деревня делится на столько маленьких республиканских групп, сколько в ней есть каст, и каждая из этих групп имеет свою администрацию и свою полицию[1]; поселянин считает своими братьями членов соответственных каст других деревень, а не соседей односельчан, принадлежащих к другой касте. Каста, большая семья, составляет корпорацию, которая установляет правила относительно праздников, поддерживает размер заработной платы, а иногда и стачки рабочих; на чем она порешила, тому все повинуются беспрекословно, как велению судьбы. Между кастами возникают ссоры, иногда кровопролитные, из-за самых ничтожных причин, по поводу какой-нибудь гирлянды цветов, вышивки на платье, трубного звука, барабанного боя, ибо все урегулировано до мельчайших подробностей, и каждый знает в точности границу, за которую не должны переходить привилегии соперничающей касты. Тысяча обстоятельств может лишить несчастного его общинных, т.е. кастовых, прав; даже болезни, проказа, например, низводят его в низшую касту. Самое тяжкое преступление—это допустить приблизиться к себе человеку нечистой расы, принять из его рук сосуд с водой или какую-нибудь запрещенную пищу. Адепты христианства отказываются есть за одним столом с священником, который их обратил; отец, сын которого путешествовал в чужих краях, не имеет более права принимать его у себя в доме. Благочестивый брамин, которому, по той или другой причине, люди, носящие священную нить, запретили вход в свои жилища, не имел прежде другого средства смыть с себя позор, кроме самоубийства; еще в начале настоящего столетия, богатые индусы должны были по несколько лет исполнять наложенные эпитимии и тратить сотни тысяч франков, в виде приношений жрецам, чтобы возвратить себе утраченные привилегии своей касты[2]. Обыкновенное искупление для людей из простонародья состоит в том, что провинившийся должен впродолжении известного времени пить коровью мочу или питаться зернами, находящимися в коровьем кале[3]. Сама природа должна очищать себя от осквернения, причиненного ей присутствием чандала. Вода, оскверненная тенью этого нечистого существа, вновь становится чистою под лучами солнца и луны и от дуновения ветра; сосуд, до которого дотронулся человек бескастовый, считается навсегда оскверненным: его нужно разбить.

Но этот тяжелый институт каст, тяготеющий над индусами и никогда не позволявший им соединяться воедино против иноземного нашествия, преобразовывается мало-по-малу, и правила его становятся менее суровыми. В северных областях, самых богатых и наиболее населенных, мусульманское завоевание, отменив касты, сильно потрясло индусское общество, и социальные деления там уже далеко не так резко разграничены, как в южных про-

1 Monier Williams, „Modern India”.

2 Shib Chunder Bose, „The Hindoos as they are”.

3 Thevenot, „Voyage aux Indes orientales”; Nelson, „Madura Country”.

винциях, оставшихся под неоспоримым авторитетом древних законов. Великая нравственная революция, которая совершилась, когда Будда провозгласил равенство людей, оставила по себе глубокие следы, и с того времени подобные движения часто имели место в народных массах: так, в конце четырнадцатого столетия, Кабир, которого мусульмане причисляют к своим единоверцам, пытался примирить всех жителей Индии, бедных и богатых, в одной вере во «внутреннего Бога», в одно и то же время Аллаха и Раму, который ничего не требует от своих верных, кроме того только, чтобы они любили друг друга. В некоторых округах, как, например, в дистрикте Куддапах, в телугской области, совсем нет каст; многочисленные секты, как, например, лингаиты в Декане, сатнами в Чатисгаре, хумбупаттиа в Ориссе, «святые» в Раджпутане, восставали против общества браминов и раджпутов, чтобы провозгласить свое право на равенство; в наиболее чтимых святынях, куда стекаются несметные толпы пилигримов со всех концов Индии, каков, например, Джагганатский храм, пища раздается одинаково всем, без различия происхождения или ремесла: существуют даже тайные общества состоящие из людей всякий касты, которые днем держатся друг от друга на дистанциях, предписанных общественным мнением, но которые ночью собираются пировать вместе, брамин рядом с судрой[1]. Предания мало-по-малу изглаживаются, и люди высшей касты, всего более заинтересованные в сохранении социальных перегородок, принимают европейское пирожное, едят рис, приготовленный мусульманскими руками, принимают у себя в доме родственников или друзей, воспитывавшихся в Европе[2]. Что касается богатых негоциантов, то у них есть поговорка, что «их каста в сундуке с деньгами», а народная масса заметно преобразуется под влиянием образования и экономических перемен.

Воздействие англичан двоякое. Подобно тому, как они поощряли развитие крупной земельной собственности в ущерб мелкой, так точно они укрепили власть браминов выше всех других каст, даже в тех странах, где, как, например, в Майсуре, браминское первенство было оспориваемо. По примеру всех правителей, они старались классифицировать методически, по разрядам, социальную иерархию своих подданных. Кроме того, и сами они составляют над нацией касту, беспощадно замкнутую для низших индусских классов. С другой стороны, уничтожение рабства, отмена крепостного состояния, т.е. продажи людей вместе с землей, имели то следствие, что подняли нравственно самых отверженных из индусов и породили у них правосознание; англичане разрушают учреждение каст новыми идеями, которые приносят их книги, журналы и газеты, изобретения, тысяча перемещений, производимых торговлей, перемены, вводимые в обыденной жизни. Парии теперь уже дерзают домогаться равноправности с браминами, они требуют, чтобы их детей допускали в общественные учебные заведения и чтобы перестали применять к ним оскорбительные эпитеты. Образованные индусы сами осуждают касту в своих литературных произведениях и периодических изданиях; они напоминают о древних временах, прославляемых эпопеями, о тех временах, когда «все были браминами», и повторяют стихи своих поэтов, протестовавших против социальных неравенств: «Превосходство и низость обнаруживаются нравами. Разве дождь падает не на всех одинаково? Разве ветер не дует равно на каждого из нас? Разве обширная земля говорит кому-нибудь: я не хочу носить тебя?» «Без величия добродетели, рождение дает ли заслугу глупцам?»[3].

Религии—за исключением, однако, тех, которые были занесены извне, каковы парсизм (огнепоклонство), иудейство, магометанство, христианство—не создают никакого раздельного барьера между обитателями Индии. Всего чаще, но не как безусловное правило, они совпадают с кастами и группами каст, и дают им более точные контуры, догму, ритуал, целый аппарат эвокаций и заклинаний; но своею сверх-естественною стороной они нисколько не противоположны одна другой. Индус склонен всему верить; никакое чудо не удивляет его;

1 Aug. Glardon, „Le Radjpoutana".

2 Shib Chunder Bose, цитированное сочинение.

3 „Agaval de Kapila", тамильская поэма, переведенная на французский язык Ж. Венсоном.

еще погруженный в первоначальный пантеизм, он во всем видит бога; поклоняясь своим божествам, он не отрицает и тех богов, которым молятся другие. Все религиозные формы представлены во всевозможных периодах их развития. Страна Вед не только обладает самыми древними и самыми полными священными книгами, относящимися к натуралистическим верованиям, некогда общим всей арийской семье, она даже сохранила самые религии, более или менее видоизмененные временем, но совершившие самостоятельно свою эволюцию, без резких вторжений чуждых элементов. В одном и том же городе Непала, в Патане, Батгаоне или Катманду, увидишь рядом храмы индусские, пагоды буддийские и колонны, увенчанные наверху изображениями священных животных.

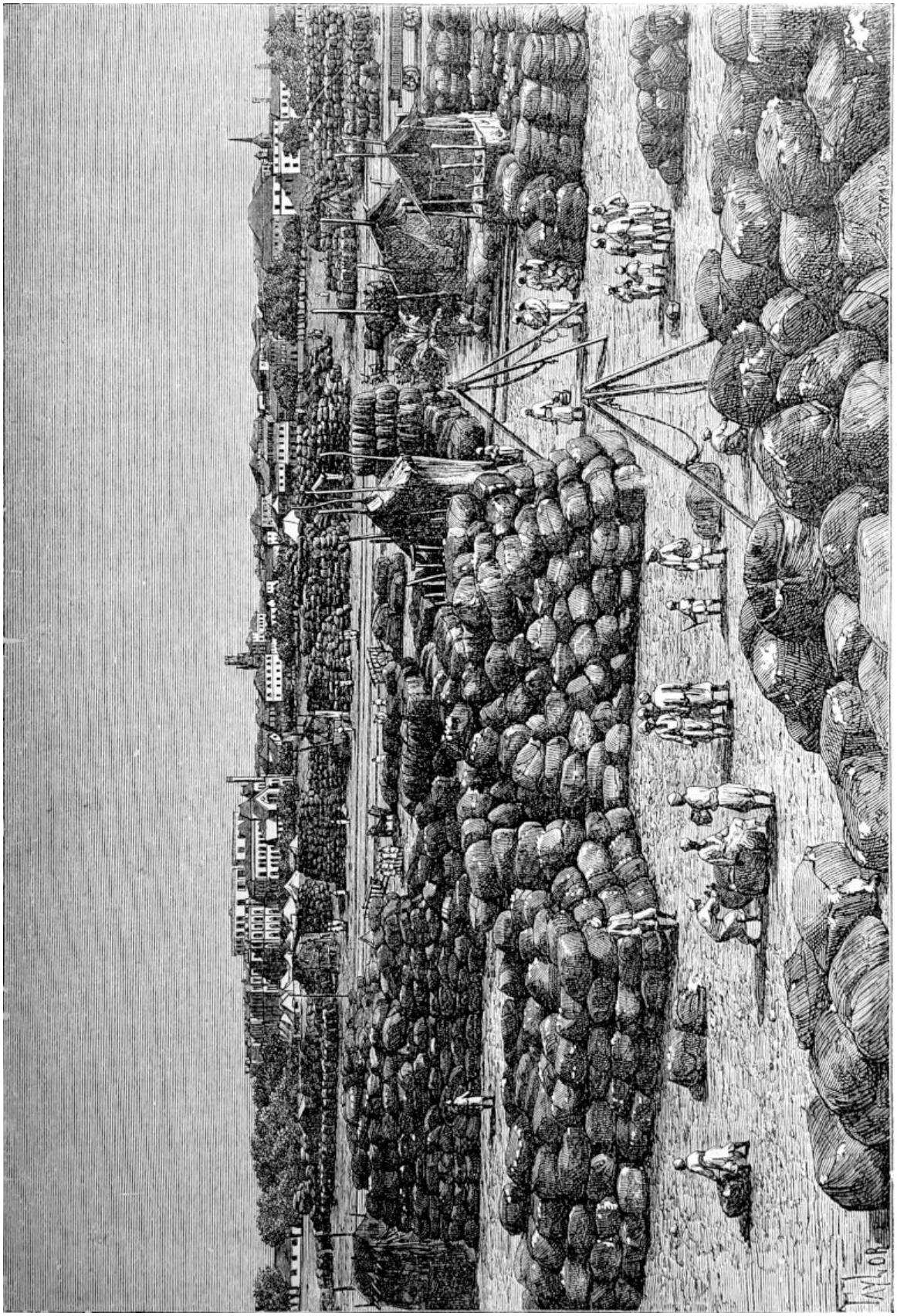
Нет надобности проникать в глубь страны к живущим там диким племенам, чтобы найти следы инстинктивных религий, порожденных чувством удивления, страха или желания. Все формы фетишизма и анимизма встречаются у населений Бенгалии. Деревья или камни причудливой формы, странные предметы, природа которых непонятна, растения полезные или вредные, животные домашния или дикия, души благодетелей и наводивших страх тиранов, символы всякого рода, боги известные или неизвестные—одинаково составляют предмет обожания; новые божества беспрестанно прибавляются к многочисленному сонму богов, населяющих туземный пантеон. Но самую поразительную черту натуралистической религии, какою она открывается в древних священных книгах и какою обнаруживает ее изучение быта сельских населений, составляет почитание, оказываемое арийцами небу, где шествуют солнце, луна и армия звезд, где сменяются день и ночь, где носятся облака, где сверкает молния и гремит гром[1]: там начало всей ведической космогонии, от которой в большой части произошли космогония древних греков и классическая мифология. Реки, или ганги, которые распространяют повсюду жизнь, которые разносят по земле воды, упавшие с неба, почитаются почти наравне с небом, которое образовало их своими дождями. В этой тропической стране, где густые, почти непроходимые леса покрывали прежде все сырые местности, деревья тоже не могли не играть значительной роли в культе. В южной Индии название *топе*, применявшееся некогда к буддийским ступам, прилагается также к отдельным группам деревьев или рощам. Это такия же святилища, как и памятники, воздвигнутые рукой человека. Священная смоковница (ficus religiosa) считается настоящим храмом, и дупла этого колоссального дерева обладают чудодейственною силой очищать грешника, который приютится в них на некоторое время, для того, чтобы «переродиться»[2]. Есть деревья, под которыми никто не мог бы солгать, не совершив тем тяжкого преступления, и рассказывают, что купцы в Ульваре составили стачку и заперли свои лавки, чтобы воспрепятствовать посадке на базарной площади этих священных дерев, присутствие которых сделало бы невозможною всякую торговлю. Индусские религии, которые развивались в плодородной стране, изобилующей растительностью, составляют, по выбору символов, резкий контраст с семитическими религиями, возникшими в странах бесплодных и каменистых. На берегах Ганга культ скалы не мог иметь религиозной цены, какую он имел у семитов; но растения заняли важное место в почитании верных; таковы, в особенности, ямбоза, сал, *таласи*, вид базилика, дерево которого употребляется для выделки четок в честь бога Вишну. Особенным обожанием пользовался цветок лотоса, который принимали за образ всего живущего, всего, что распускается в прекрасные правильные формы. Этот культ лотоса, пропагандированный буддистами, распространился из Индии на остров Яву, в Китай, в Японию; в другой части света, за каменистыми пустынями и бесплодными скалами Западной Азии, египтяне, живущие в плодоносной дельте Нила, тоже взяли лотос за символ вселенной и прославляли его в своих храмах.

Известно, как сильно распространено в современной Индии сохранившееся от древних времен обожание животных, или любимых, как бык, или внушающих страх, как тигр. В

1 Barth, „Religions de l'Inde"; A. C. Lyall, „Forthnightly Review", 1872; J. Baissac, „Urigines de la Religion".

2 W. W. Hunter, „Orissa".

западной и южной областях Индии нет города, где бы не прогуливались свободно по улицам священные быки, отмеченные на боку знаком трезубца Сивы, останавливаясь то у одной, то у другой двери, чтобы попросить подачки у верующих; нет деревни в джунглях, где бы не



Хлопковый рынокъ въ Бомбеѣ.

рассказывались легенды про богов-змей и про людей-тигров. В Майсуре каждое селение имеет свой образ змеи; во многих местах до сих пор еще верующие падают ниц перед живыми змеями, и тысячи индусов с ужасом отвергли бы мысль от умерщвлении одного из этих

божественных существ; в Бехаре англичане тщетно предлагают премии за истребление волков. Все, чего боятся, считается божеством. Болезни, в особенности холера и оспа, принадлежат к числу наиболее почитаемых богов. Умершие тоже признается высшими существами, которых нужно умилостивить, делая им приношения, но между миллионами и миллиардами духов есть, конечно, много таких, о которых забывают и которые стараются выместить на живущих свое неудовольствие за эту забывчивость. Воздух, вода, леса кишат этими страшными гениями, проклятыми ракшасами: они любят мрак и в потемках летают в пространстве, отправляясь в поиски за добычей; оттого индус путешествует ночью только в случае крайней необходимости, и то не иначе, как истощив перед отправлением в дорогу весь запас заклинательных формул, преподанных ему жрецами. Встреча с европейцем считается тогда благоприятным шансом, ибо духи удаляются от тех, кто не верит в их власть[1]. Умершие, обратившиеся в демонов, боятся также телеграфов, железных дорог, всех заморских изобретений[2]: индус вздыхает свободнее и успокоивается от страхов перед сверхъестественным миром, когда созерцает эти произведения человеческого искусства, чисто утилитарные, где религия не играет никакой роли. Видали людей, повергавшихся на землю перед локомотивами и поклонявшихся им, как божествам. Умирающие в крае англичане, которые при жизни возбудили к себе в населении любовь или ненависть за свою доброту или жестокость, становятся предметом поклонения, наравне с туземными покойниками, на их могилу приносят цветы, разные яства, водку, сигары. Иная статуя английского генерала, стоящая на городской площади, почитается не менее, чем изображение Сивы или Вишну, и женщины с благоговением приносят ей в дар кокосовые орехи. Между новыми религиями, родившимися в этих умах, постоянно посещаемых галлюцинациями, многие приняли за божества английских властителей, и при том самых грозных. Так, генерал Никольсон, погибший при штурме Дели во время восстания сипаев, был обожаем многочисленным братством, имевшим свой монастырь, свою литургию, свои священные гимны. Что за дело, что он частенько подвергал палочным ударам своих верных; эти последние, наказанные по приказанию своего божественного повелителя, вставали еще более убежденные в его державном могуществе. Правительству ничего не было бы легче, как приобрести обожание толпы, если бы оно того пожелало. Между индусами очень распространена легенда, будто Сива недавно явился в одном из чтимых святилищ Бенареса с розовым и свежим цветом лица, с голубыми глазами и светло-русыми бакенбардами; держа в руке тросточку, вместо трезубца, он преобразился в англичанина, чтобы возвестить своему народу, что британское правительство есть многократное воплощение «Великого Бога»[3]. Во время посещения Индии принцем Валлийским, один санскритский поэт приветствовал его приезд такими словами: «Он пришел, наконец, последний из *аватаров* (превращений Сивы) и самый великий».

Брама перестал существовать для своих поклонников, хотя имя его произносится с благоговением, как имя главного бога, и хотя новейшие комментаторы сделали из него первое лицо индусской троицы, о которой народ ничего не знал. Это—бывшее, так сказать, отставное божество[4]. Ему посвящен только один храм между бесчисленными религиозными зданиями Индустана. Теперь Брама не более, как умственное существо или отвлеченное понятие, давно забытый отец, которого заменили его сыны брамины, т.е. «творцы», носящие в самих себе производительную силу[5]. Но с тех пор, как Брама исчез из сонма живущих богов, сколько народилось других, сколько новых богов заняли место в этом, постоянно меняющемся мире различных религий и культов, который, под именем браманизма, простирается от самого грубого фетишизма до самых утонченных умозрений! «Триста тридцать мил-

1 Louis Jacolliot, „Voyage aux ruines de Golconde"
2 Monier Williams, „Modern India".
3 Paris, „Tour du Monde", 1867.
4 J. Baissac, „Origines de la Religion".
5 Martin Haug, „Brahma und die Brahmanen".

лионов» божеств допускаются с одинаковою терпимостью: «лучше следовать своему собственному закону, даже несовершенному, нежели чужому закону, хотя бы даже более совершенному», говорит Бхагаватгита[1]. Та или другая историческая или легендарная личность, на которую большинство индусов смотрит как на простого смертного, является в глазах других богом, и никому из верных, принадлежащих к браминским культам, не придет в голову оспоривать веру в этого бога. Все герои Магабгараты, победители и побежденные, Пандуиды и Каруиды, имеют своих поклонников. В одном только округе, в южном Аркоте, Драупади, супруга Юдиштиры и его братьев, имеет не менее 500 храмов, где власть её призывается верующими под различными олицетворениями. Но кроме областных богов, капища которых воздвигнуты в городах и на вершине холмов, каждая деревня, каждый поселок имеет своего специального патрона, представляемого камнем или чурбаном. Масса народа, в деревнях, не имеет другой религии, кроме заповеди «делать добро и обожать местного бога»[2]. У каждой касты тоже имеется свой специальный покровитель: солдат воздает культ своему оружию, ремесленник—своему инструменту.

Из всех персонажей браманского пантеона, наибольшее число поклонников имеет Сива или Мага Део, «Великий Бог», которого теологи, живущие вне народа, хотели-было сделать представителем начала Разрушения в индусской троице. В глазах своих верных он представляет, равным образом, принцип Созидания и Сохранения: он обладает всеми энергиями, чтобы давать жизнь и смерть; он верховный бог. Его «двадцать тысяч имен» выражают весь ряд качеств, от совершенной кротости до неумолимой жестокости; обыкновенное его имя, Сива, значит «Милостивый». Его представляют во всевозможных формах, но символ *линга*, под которым он всего чаще изображается, от одного конца Полуострова до другого, есть символ не разрушения, а творческой силы. Почти все высокие горы, и Гауризанкар первый, посвящены этому богу, потому что с высоких вершин спускаются оживляющие землю воды. Однако, чувство, преобладающее в культе несчастного, вечно угнетенного народа, есть чувство страха: большинство поклонников Сивы взывает к нему, как к грозному божеству, и в честь его еще в начале настоящего столетия приносились человеческие жертвы на устьях Ганга, в Типперахских горах, в области Чота-Нагпор и в Центральных провинциях. В древние времена, для жертвоприношении были предназначены следующие пять животных: «человек, лошадь, бык, овца, коза»[3]; сами брамины должны были приноситься в жертву богам в некоторых особенных случаях. Во многих местах до сих пор еще приносят коз и буйволов в жертву богам или демонам, и жрецы пьют кровь жертв; почти везде животные заменены теперь, при жертвоприношениях, растениями или изображениями; но верующие часто предлагают богам свою собственную кровь: когда сын болен, мать открывает себе вену, чтобы ублаготворить кровожадную богиню Кали. Хроники рассказывают о секте капаликов, или «людей черепов», поклонников «Сивы Грознаго», которые носили ожерелья из человеческих костей и во время обряда всесожжения клали на огонь жертвенника человеческое мясо, вымазанное салом и мозгом; что всего больше любил их бог, это—потоки крови, брызжущие из горла, перерезанного одним ударом[4]. А туги, таги или паусигары, «люди мертвой петли», кровавые жрецы свирепой Кали, женского олицетворения Сивы,—в чем состояло их «царственное призвание», как не в том, чтобы приносить своей богине человеческие жертвы? Не составляли ли они целой армии, заключавшей в своих рядах шпионов, могильщиков, душителей и благословителей? Европейцев они щадили, потому что не могли приносить нечистые жертвы Кали; они убивали только своих единоплеменников, последний вздох которых с удовольствием был вдыхаем царицей небес[5]. Теперь, когда страшные человеческие жертвоприношения уничтожены, туги преподносят своей богине гирлянды цветов и медовые

1 Перевод Эмиля Бюрнуфа.
2 Albrecht Weber, „Indische Streifen"; Barth, цитированное сочинение.
3 Monier Williams, „Modern India"; Rajendralala Mitra, „Indo-Aryans"
4 Troyer, „Chroniques de Kachmir".
5 „Rambles and Recollections of an Indian Official".

лепешки. Эта Кали, господствующая над смертью, не то ли же самое, что Дурга и Нарвати, богиня любви и красоты?

Все другие боги индусского пантеона, Кришна, покровитель пастухов, Рама, имя которого напоминает победы цивилизации над диким миром, Вишну, которого браманические священные книги помещают в тримурти (троице) между Брамой и Сивой, тоже представляются с тысячью различных аттрибутов: в каждом из них одни верующие поклоняются богу любви, другие стараются умилостивить грозного властителя, бога всемогущего среди полного политеизма. Своими постоянными *аватарами*, т.е. превращениями или преображениями, которые позволяют ему появляться под всевозможными видами, даже под видом животного и человека низшей касты, Вишну, более чем всякий другой бог, соответствует религии народа, который беспрестанно обновляет свои верования, никогда не порывая связи с преданием[1]. Культ Вишну, во всей его совокупности, есть один из наиболее привлекательных. В Джагганате, пилигримы, приходящие просить у своих жрецов святой пищи, видят в этом боге великого утешителя, перед которым все равны, без различия каст; современник Будды, колесо которого еще красуется на верхушке храмов Пури, усвоил себе его благость и снисходительность; он носит то же имя, Багават, и одни и те же солнечные легенды применяются к обоим[2].

Но Вишну не довольствуется «почитанием в духе и в истине»; он требует, или, лучше сказать, жрецы требуют вместо него, традиционного культа, предписанного церемониала, установленных правил: обрядности—вот истинные боги. Религия есть не что иное, как другая форма волшебства: известные слова и жесты открывают небо. В древних книгах изложена полная теория способов вызывать экстаз, средствами для чего служат продолжительная неподвижность тела, замедление дыхания, пристально устремленный на одну точку взор, повторение священных односложных слов, и, как известно, некоторые факиры достигают того, что могут произвольно впадать в каталептические трансы, имеющие подобие смерти. Но такие люди редки, которые могут приближаться к богам строгим соблюдением религиозных обрядов или экстазом; для массы обыкновенных смертных самое похвальное дело—это щедрость в отношении «дважды рожденных», или переродившихся, все равно, будут ли то жрецы или миряне. Богатые брамины получают земли, а бедные кормятся насчет низших каст.

Между севером и югом Индии замечается большой контраст в религиозном отношении. В северных провинциях, где так долго господствовали магометанские государи, брамины принуждены были прекратить публичное отправление своих религиозных церемоний; даже в местах пилигримства, где верующие собираются десятками тысяч, все акты культа сохраняют частный, индивидуальный характер и совершаются в пользу главы семейства и его жены[3]; богатый имеет свой особенный алтарь, своего собственного брамина; обряды культа никогда не совершаются сообща с людьми низших каст. Напротив, в дравидийских областях все, за исключением людей, стоящих вне каст, собираются в одно место для общих религиозных церемоний. Это на юге в особенности храмы населены «баядерками», или *кази*, из которых каждая была в детстве с большою торжественностью повенчана с каким-нибудь идолом.

Буддизм, который из Индии распространился в соседния страны, даже в царство «Восходящего Солнца», почти совершенно исчез на Полуострове по сю сторону Ганга, хотя следы его встречаются в сменивших его культах; он сохранился под своим именем, как самостоятельная религия, только в долинах Гималайских гор и в южной части острова Цейлона. Учение Шакиа-Муни, «Мудреца» по преимуществу, образца несравненного, но в большей части мифического, о доброжелательной справедливости, о преданности и нежности к страдающим, представляет фазу человечества, совершенно отличную от той, которая соответствует

1 Barth, „Revue de l'Histoire des Religions", janvier-fevrier 1881.

2 Senart, „Essai sur la legende de Buddha".

3 Barth, „Religions de l'Inde"; L. Jacolliot, „Voyage au pays des Perles".

аристократическому идеалу браминов. Эти последние заботятся только о том, чтобы спастись самим; они исключают из спасения судру, который не имеет права читать священные книги, между тем как Будда, народный учитель, думает одинаково о счастии всех людей[1], даже о счастии чандала, даже о счастии животного. Все люди равно были призваны к священству; но с этим священством вновь явилась иерархия, касты были востановлены, и сами же буддийские миссионеры занесли кастовый режим в страны, где он до того времени не существовал; китайские пилигримы упоминают о чандалах под именем «ненавистных»[2]. Как революция бедных[3], буддизм восторжествовал; он пал, как только сделался религией богатых: браминны, представители по преимуществу привилегии, воспользовались им, как средством снова отобрать у них храмы и прогнать своих соперников жрецов из страны[4]. Кажется, впрочем, систематического преследования не было; большинство исторических свидетельств согласно указывают на постепенное угасание буддизма в период с седьмого по девятое столетие общепринятой эры[5]. В гималайских долинах он уже выродился в шаманство, и многими чертами сливается с культом Сивы. На острове Цейлоне он менее смешался с чуждыми элементами.

Джайны Индии, живущие, главным образом, в Гудзерате и Марваре, очевидно, имеют близкую связь с буддизмом. Основатель их религии, Джайна (Jina), «Святой», «Победитель порока и добродетели», или Магавира, «великий Герой», как кажется, жил в той же стране, т.е. в Бехаре, и около того же времени, как и Будда, и эти две религии развивались параллельно. Джайны, некогда соперники браминов по влиянию, были тогда более могущественны, чем в наши дни, и господствовали в южной Индии; книги их составляют замечательнейшие памятники дравидийской литературы. Из двух главных сект, на которые делится мир «святых», одна, между прочим, запрещала всем своим членам употребление одежды. Ни одна религиозная община не простирала так далеко, как дундии, или «искатели», уважение ко всему живущему; между этими-то джайнами встретишь щепетильных людей, которые, чтобы не раздавить нечаянно каких-нибудь крошечных животных, тщательно выметают место, на которое хотят сесть, которые лишают себя омовений из боязни уничтожить какую-нибудь невидимую инфузорию[6], пьют только фильтрованную воду, дышат не иначе, как через вуаль, бросают муку на землю, чтобы накормить муравьев. Дела благотворительности составляют главную заповедь, «четыре обязанности» джайнов; но, как банкиры и спекулянты, они не пользуются любовью толпы, и это против них в особенности сочиняются деревенские песни. В их руках находится весьма значительная часть богатства страны, хотя они относительно очень малочисленны; но они поддерживают друг друга и составляют в целой Индии могущественную ассоциацию. Между всеми обитателями Полуострова, они выказывают наибольшее рвение, как строители; некоторые из их групп святилищ, Палитана в Катиаваре, гора Абу в Раджпутане, холм Сунагар в Бундельханде, гора Параснат в Бенгалии, принадлежат к самым пышным памятникам религиозного зодчества, какие только существуют; это настоящие города храмов[7].

Лучшие их религиозные здания относятся, как и пагоды браминов, к эпохе одиннадцатого, двенадцатого и тринадцатого столетий. Это тогда были воздвигнуты те чудные храмы, которые поражают зрителя как величественным видом целого и прекрасным расположением масс, так и бесконечным разнообразием орнаментов, отчетливостью и тонкостью работы. В виде примера этих удивительных построек, составляющих дело всего народа, можно указать на храм Каджраха, в Бундельханде[8]. Но в индусских храмах очень редко встретишь истинно

1 Барт, цитированное сочинение.
2 Abel Remusat, „ Foe koue li ou Relation des royaumes bouddhiques", chap. VXI.
3 Ernest Renan, „Histoire des origines du Christianisme" .
4 A. Weber, „Indische Skizzen".
5 Monier Williams, „Modern India".
6 A. Glardon, „Le Radjpoutana".
7 James Fergusson, „History of the Indian and Eastern Architecture".
8 L. Rousselet, „L'Inde des Rajahs".

прекрасные изображения человеческой фигуры: одни только буддисты, к которым историки Индии[1] присоединяют греко-бактрийцев или яванов, вырезывали на своих ступах барельефы, из которых иные смело могли бы занять место между скульптурными украшениями какого-нибудь античного памятника Греции или Малой Азии. Стенная живопись тоже встречается почти только в подземных храмах буддистов, в северо-западной части Декана. Одну из характеристических особенностей индусского храма составляет узкость пространства, отведенного божку. Как бы ни было обширно самое здание, с его дворами, перистилями, прудами, пирамидами порталов, святилище в собственном смысле представляет тесную и темную келью, которая от этого становится еще более священною в глазах трепещущего поклонника, когда он очутится лицом к лицу с грозным божеством.

Из иностранных религий, распространившихся в Индии, только одна, ислам, имеет важное значение, по многочисленности своих верных. Около одной пятой всего числа жителей Полуострова по сю сторону Ганга причисляют себя к последователям Магомета; таким образом Великобритания оказывается «первою мусульманскою державой в свете». Магометане составляют большинство населения только в Северо-западной Индии, по обе стороны реки Инда: эта область, куда так часто вторгались иноземные завоеватели, спускавшиеся с плоскогорий Запада, примыкает по культу к миру Передней Азии; индусы принуждены были уступить иммигрантам семитической религии страну «Семи» или «Пяти рек», которая была колыбелью их веры. К востоку от Пенджаба, мусульмане везде составляют меньшинство, исключая некоторых округов, где численность их превышает численность индусов; но во многих провинциях, и особенно в Бенгалии, они довольно многочисленны, чтобы устоять против индусских населений. В Южной Индии они населяют преимущественно приморские города, и самое большое из медиатизированных государств, королевство Гайдерабадское, находится под властью мусульманского государя.

Чуждые элементы, афганцы и рогиллы, персияне и турки довольно сильно представлены между магометанами в северо-западных провинциях, но в других частях Индии ислам почти не имеет других последователей, кроме индусов низших каст: та же самая народная революция, которая некогда обратила индийское население в буддизм, возобновилась, но в гораздо меньших размерах, для магометанства: уничтожение каст естественно должно было привлечь на сторону учения Магомета всех, кто хотел освободиться из-под железного закона, насильно навязанного браминами. Но между этими миллионами последователей ислама большинство мусульмане только по имени. Почти во всех деревнях Бенгальского президентства жители обеих религий принимают участие в одних и тех же религиозных церемониях, и единственное различие заключается в формулах молитв, произносимых священно-служителями подлежащих культов. Точно так же на территории Пондишери различные вероисповедания сблизились между собою. Мусульмане переняли от индусов и христиан обычай религиозных процессий, который первоначально был им незнаком[2]. Торжественность и пышность этих процессий совершенно одинаковы во всех трех религиях, и члены трех вероисповеданий считают долгом соблюдать свои праздники сообща и присутствовать с равным благоговением на своих взаимных торжествах; те же самые хоругви и знамена служат попеременно на праздниках индусов, мусульман и католиков[3]. При входе или выходе из порта судохозяева, индусы, магометане и христиане, все одинаково приветствуют святыню или мавзолей, господствующие над городом. Подражая индусам, католики прибавили к своим обрядностям представление нескончаемых духовных драм, очевидно скопированных с шиитских *тазиех* и с браманических мистерий[4]. Однако, можно сказать, что, взятые в массе, мусульмане все более и более обособляются от индусов, принадлежащих к религиям, происшедшим из Вед. Противоположность культов имеет следствием различие пищи, привычек,

1 W. W. Hunter. „Orissa".

2 Garcin de Tassy, „Memoires sur les Particulariter de la religion musulmane dans l'Inde".

3 Julien Vinson, „Les Castes du sud de l'Inde", „Revue Orientale", 2-e serie, № 4.

4 De Gobineau, „Les Religions et les Philosophies dans l'Asie centrale".

профессий, нравов и обычаев; так, почти все матросы или *ласкары*—магометане, каково бы ни было их происхождение, арабское, афганское или индийское. В городах, где две религии в силе, очень часто вспыхивают ссоры и кровавые драки; мечети или пагоды опустошаются; индусы и «убийцы коров», как обыкновенно называют мусульман, режут друг друга на улицах во имя Аллаха или Вишну. Британское правительство часто принуждено бывает вмешиваться в эти схватки и разнимать воюющих; но ему небезъизвестно, что в случае, если когда-нибудь его могуществу будет грозить опасность, то оно может натравить одних на других и сохранить свое владычество, поддерживая раздор между своими подданными.

Не только число мусульман возрастает в Индии, но их процентное отношение тоже увеличивается; не бывало примера, чтобы магометанин перешел в христианскую религию, тогда как многочисленные обращения, между которыми насчитывают несколько случаев обращения англичан, соблазненных, будто бы, простотою веры и спокойною величавостью культа, постоянно происходят в пользу ислама; его успехи теперь даже значительнее, чем в те времена, когда магометанские государи царствовали над Индустаном[1]. Более девяти десятых последователей Магомета принадлежат к секте суннитов, не зная, впрочем, что они таким образом признают румского, или константинопольского султана «главою правоверных». За исключением Кашмира и Бомбея, где имеет пребывание наместник, или «викарий пророка», шииты нигде не встречаются в числе, достаточно большом для того, чтобы взаимная ненависть сект могла ослаблять влияние ислама; в других местах, всеобщая веротерпимость, господствующая в Индустане, успокоила религиозную вражду: шииты и сунниты живут обыкновенно в добром согласии и принимают участие, за немногими исключениями, в одних и тех же празднествах[2]. Что касается братства вагабитов, которое с 1830 года возбуждало не мало местных восстаний против англичан, то оно составляет лишь, так сказать, авангард магометан суннитов, поставивших себе задачей хранить веру во всей её чистоте и поддерживать связь Индии с остальным мусульманским миром. Один из вопросов, которые всего чаще обсуждались вагабитами,—это вопрос об их обязанностях в отношении британского правительства. Обязаны ли они возмущаться против своих повелителей? Есть ли Индия «земля войны» или «земля ислама»?[3] Это они поставляют главный контингент пилигримов, отправляющихся в Мекку, и многие окончательно покидают родину, чтобы поселиться навсегда в святых градах Западной Аравии, обогащаемых их щедростью. Оттого остиндское правительство поставило вагабитов под специальный надзор полиции, и тщетно они стараются, чтобы избавиться от этого стеснительного соседства, заявлять о своем уважении к британским законам и о своей преданности к особе императрицы. Англичане допускают гораздо меньше магометан, чем индусов, в число имперских чиновников; они закрыли им доступ в армию, в судебные учреждения, в высшую администрацию. Редко бывает, чтобы в публичных учебных заведениях мусульманские дети занимали первое место[4]; отличаясь вообще умом менее свободным, понятиями более узкими, они более упрямы, чем индусские дети, более ослушны в отношении европейских учителей и менее восприимчивы к их преподаваниям. При том же, отцы мусульмане, когда у них нет собственного медрессе, с большой неохотой посылают своих сыновей в школы англичан; в этих чужих учебных заведениях языком преподавания редко бывает их родной язык, и преподаватели, индусы или евроазийцы, не принадлежат к их религии. Англичанам пришлось прибегнуть к авторитету ученых мусульманских богословов и добиться от них решения в том смысле, что молодые магометане могут, без опасности для спасения своей души, проходить курс учения в публичных учебных заведениях.

Христианство—одна из древних религий Индии, как о том свидетельствуют не только непрерывное предание относительно проповеди апостола Фомы в южном Индустане, но также

1 Garcin de Tassy, „La langue et la litterature hindoustaine en 1879“.
2 Garcin de Tassy, „Memoires sur les particularity de la religion musulmane dans l'Inde“.
3 M. W. Hunter, „Our India Musulmans“; Garcin de Tassy.
4 Richard Temple, „India as it is“.

кресты, символические изображения Троицы, представляемой под видом старика, молодого человека и птицы[1], и древние надписи на языке пельви, найденные на горе св. Фомы и в других местах. Когда первые итальянские миссионеры проникли на Полуостров по сю сторону Ганга, они, к немалому удивлению, встретили в городах Малабара единоверцев, пользующихся великим почетом наравне с браминами и занимающих высшие должности в государстве; влияние христиан в ту отдаленную эпоху было более значительно, чем обыкновенно думают[2]. Со времени прибытия в страну португальцев начались обращения туземцев в христианство массами, при содействии светской власти; в 1599 году, на поместном соборе в Удиампере, близ Кочина, три четверти «назареев» присоединились к римской церкви и приняли латинскую обрядность; но преследования, раздоры, расколы повели вскоре дело распространения христианства к упадку, и многие из обращенных снова вернулись к индусским религиям. Рассказы путешественников и миссионеров единогласно удостоверяют, что христиане прежде составляли гораздо более сплоченные и более многочисленные группы или общины, чем в наше время. Около половины восемнадцатого столетия, иезуиты имели под своим началом слишком 40.000 верных в Майсуре и в области Мадура: это втрое больше того числа туземных христиан, какое существовало столетие спустя. В эпоху завоевания острова Цейлона голландцами, именно в 1650 году, обрядности национальных культов совершались уже в тайне; оффициально же сингалезы были в то время христианами. Перемена политического режима позволила возродиться старым культам; царствовавший в Кандии король отправил послов на континент с поручением привезти буддийских миссионеров, которые снова очистили храмы и восстановили античные церемонии, тогда как католические священники были изгнаны из пределов государства, и отправление христианского богослужения было воспрещено. Только в 1806 году, одиннадцать лет спустя после завоевания острова англичанами, католики Цейлона опять получили право публично исповедывать свою религию; но в течение полуторавековой нетерпимости число их уменьшилось до 66.000 человек[3], т.е до цифры, составляющей не более десятой доли численности прежних христианских общин. На материке Индии уменьшение христиан должно быть приписано, главным образом, так же, как в Китае и Японии, взаимному соперничеству иезуитов и миссионеров других орденов, августинов и капуцинов: в то время, как одни старались прилаживаться к местным обычаям, другие восставали против законов о кастах, рискуя быть самим причисленными к подлой черни[4]. Путешественник Веленция жаловался, что парии, принимая христианскую веру, бесчестят этим религию западных народов; но под руководством иезуитов, католицизм приспособился к социальным делениям индусского общества, каста удержалась[5], обращенный мог сохранить на лбу отличительный знак, причислявший его к вишнуитам или сиваитам, и даже в церкви образ Пресвятой Девы имел такое же одеяние и такия же украшения, как идолы богини Бавани. Миссионер, которому было поручено обращение браминов, даже не кланялся своему собрату, пастырю парий, когда, несомый в паланкине, встречал его на улице шагающего босыми ногами, в сопровождении своих презираемых духовных овец; он должен бы был произвести очищение своего жилища, если бы ему сделал визит миссионер бедных[6]. Там, где месса совершалась вместе для людей различного происхождения, только лица, пользующиеся кастовыми привилегиями, могли входить в дом Божий.

Нынешние миссионеры, католические и протестантские, обращаются с проповедью слова Божия, по большей части, к обездоленным, бесправым беднякам да к диким населениям внутренних частей Полуострова; но усилия их не имеют большого успеха. Первые обращенные в Христову веру воображали, что они будут приняты в касту обратителей; но очень ско-

1 Graul, „Reise nach Ost-Indien“.
2 Albrecht Weber, „Indische Skizze”.
3 „Annales de la Propagation de la Foi”, 1828.
4 Monier Williams, „Modern India”.
5 „Annales de la Propagation de la Foi”, 1854.
6 Perrin, „Voyage dans l’Indostan“; Julien Vinson, „Revue Orientale”, 2-e serie. № 4.

ро выведенные из этого заблуждения, убедившись, что сделаться христианином значит сделаться парией[1], они возвратились, по большей части, к своим старым культам[2]. Хотя число протестантских миссионеров всякого наименования простирается почти до 5.000, их паствы не заключают даже полумиллиона верных, и это после столетней пропаганды[3]; в Мадрасской провинции, где находится половина их общин, эти последние состоят почти исключительно из потомков португальских католиков и несториан, обращенных в религию новых политических властителей[4]. Только шестая часть неофитов христианства во всей Индии принадлежит к средним и высшим кастам; большое число обращенных туземцев—так называемые «рисовые христиане»: это те бедняки, которые крестились во время голодовок, чтобы иметь хлеб[5]; коммерсанты портовых городов обыкновенно остерегаются брать на службу этих выкрестов и предпочитают туземцев, сохранивших религию предков. Можно сказать, что пропаганда миссионеров не имеет прямого воздействия на цивилизованных индусов: брамины, раджпуты, баниахи, поклонники Сивы, Вишну, Кришны, Рамы, относятся индифферентно или враждебно к христианской религии. Они видят в ней лишь совокупность чудес, которые, по их мнению, могли бы найти место и в их собственной мифологии, и смотрят на Христа как на своего Кришну[6], или как на новый *аватар* (превращение) Вишну. Между ними есть такие, которым эта новая религия приходится по душе, но и старая им нравится не меньше, а потому они желали бы практиковать их обе, сделать из них нечто в роде того балансерного шеста, который употребляется ими при плавании на барках[7]; они считают бесполезным креститься в христианскую веру, «будучи уже христианами и даже больше, чем христианами». Другие, ненавидя религию чужеземного властителя, не удостоивают вступать в какие-либо прения или рассуждения о вере с миссионером; иногда они опровергают его аргументами, почерпнутыми в сочинениях самих европейских философов.

Но если англичане не могут надеяться обратить индусов в свою веру, то, тем не менее, влияние, оказываемое европейскими идеями на туземное общество, весьма значительно, и в недрах индусских религий совершается процесс быстрого разложения. Места пилигримства с каждым годом посещаются все меньшим и меньшим числом богомольцев; древние священные города постепенно утрачивают свою важность в пользу новых городов, центров промышленности и торговли; храмы, разрушающиеся от времени, не отстроиваются вновь; религиозный индифферентизм охватывает массы, тогда как образованные люди, отвергая из своего верования все сверхъестественное и сохраняя лишь правила морали да смутный, неопределенный деизм, видят в религии своих предков не более, как простую историческую эволюцию. *Брама-самадж*, новая форма индусского монотеизма, отличается только названием от унитарианизма англичан и американцев. Правда, число явных приверженцев этого нового монотеизма еще не велико, но он не лишен значения, как признак общего движения идей, соответствующего успехам просвещения и общественной нравственности.

Распределение подвергнутого переписи населения Британской Индии по религиям, в 1891 г.: индусы—207.731.727, буддисты—7.131.361, парсы—89.904, магометане—57.321.164, сейхи—1.907.833, язычники и др.—9.280.467, христиане (катол. и протестанты)—2.284.380.

Эти успехи образованности и общественной нравственности громадны. Достаточно сравнить состояние Индии, каково оно было в конце прошлого столетия и каким оно является теперь, чтобы убедиться, какая огромная перемена совершилась во всех сферах жизни, и насколько восток и запад, как ни велико их различие, сблизились между собою по нравам и понятиям. Стоит припомнить ужасы погребальных церемоний в эпоху еще очень недавнюю,

1 Graul, „Reise nach Ostindien"
2 Emil Schlagintweit, „Indien in Wort und Bild".
3 Richard Temple, „India as it is".
4 Charbonneau, „Annales de la Propagation de la Foi" 1853, № 11.
5 Christlieb, „L'etat actuel des Missions evangeliques".
6 „Calcutta Review41, 1874.
7 Emerson Tennent, „Ceylan44, Monier Williams, „Molern India44.

когда жены знатных людей добровольно сжигали себя на костре из сандального дерева, чтобы сопутствовать своему супругу в загробную жизнь. В 1839 году, тринадцать жен Ранджитсинга умерли такою мучительною смертью в Лагоре, рядом с трупом мужа, тогда как 150 других женщин гарема подвергли себя самосожжению в Рамнагаре. Несколько лет спустя, 22 женщины лишили себя жизни таким же способом в Пармандале, в нижнем Кашмире[1]. В половине настоящего столетия один раджа в земле хондов отправился на тот свет в сопровождении 116 своих супруг; наконец, последний случай самосожжения преданной жены на костре умершего мужа имел место не далее, как в 1862 году, несмотря на бдительность английских властей. В наши дни понятие о добре и зле до такой степени изменилось, что вдовы, даже наиболее подавленные горем, не помышляют более о том, чтобы заслужить себе титул *сати*, всходя на костер своего мужа.

Детоубийство девочек, общераспространенное в некоторых провинциях пятьдесят лет тому назад, сделалось очень редким явлением; человеческие жертвоприношения перешли уже для всех, даже для хондов, в область воспоминаний, возбуждающих только ужас; новость о вступлении вдовы в новый брак не производит более скандала. Многие странные формы брака, имевшие следствием увеличение числа разводов и вдовств, вышли из употребления. Так, например, в Мадуре молодые девушки выдавались замуж заочно, за деревянных чурбанов, представлявших отсутствующего жениха, который, по возвращении домой, вдруг узнавал, что ему нашли жену[2]. В земле Барода супруг, избираемый некоторыми девицами, был не кто иной, как букет цветов, и когда растения увядали, вдовушки не могли уже более вступать в законный брак. В Каттиаваре различные населения имели обычай справлять чрез каждые одиннадцать лет огульные браки всех девочек, родившихся со времени последнего периода свадеб: каждая из них получала мужа, за исключением тех, которым было еще менее 40 дней от роду[3]. Тогда не редкость было видеть детей едва начинающих ходить и уже носящих на шее символ брака, *тали*, золотое или серебряное ожерелье, представляющее бога Пулеяра, который управляет деторождением. Вообще было бы большим прогрессом сделать брачные союзы поздними, а то теперь почти в каждой семье первые дети родятся от родителей, которые сами еще дети: возможно ли при таких условиях, чтобы раса приобретала физическую крепость и силу характера[4].

Изменились также понятия относительно роли, принадлежащей благовоспитанному человеку. Теперь уже главное достоинство полагается не в том, чтобы знать и практиковать во всех подробностях великое искусство этикета, «науку садиться и вставать»[5]. Прошли те времена, когда воспитание женщин считалось делом не только бесполезным, но даже постыдным. Европейское влияние способствует в большой мере развитию охоты к ученью и любознательности у женщин высших индусских каст, и уже многие из них, особенно в Маратской земле, благодаря своему знакомству с санскритским языком и древней литературой, удостоились чести попасть в число пандитов или пундитов (ученых); есть журналы, редактируемые женщинами, и некоторые из ученых индусок занимают профессорские кафедры. Принцесса бопальская занималась всеми делами, как мужчина, не заботясь о традиционном этикете, обрекающем женщин на затворничество. Индуские женщины воспоминают о славе своих предшественниц, гимны которых находятся в Ведах; в Индии ученьем управляет богиня Сарасвати[6]. Даже для парий открываются школы, и отцы уже не боятся, что это нововведение будет иметь гибельные последствия и что дети их должны умереть в том же году, когда поступят в училище. Прежде всякая перемена считалась делом опасным, долженствующим повлечь за собою какое-нибудь бедствие. Раджа визианаграмский, «один из просве-

1 Drew, „Jummoo and Kashmir".
2 Shortt, „Journal of the Ethnological Society", VII.
3 Burgess, „Visit to Kattyawar".
4 Christlieb, „Missions evangeliques"; Monier Williams, „Modern India".
5 Richard Burton, „Sind revisited"; Garciu de Tassy, etc.
6 Monier Williams, „Athenaeum", 10 dec. 1881

щеннейших туземных государей Индии», ни за что не хотел допустить выделку кубовой краски в своих владениях и не позволил употреблять железо при постройке его дворца, все из опасения накликать тем на свой народ оспу или какую-нибудь другую повальную болезнь[1].

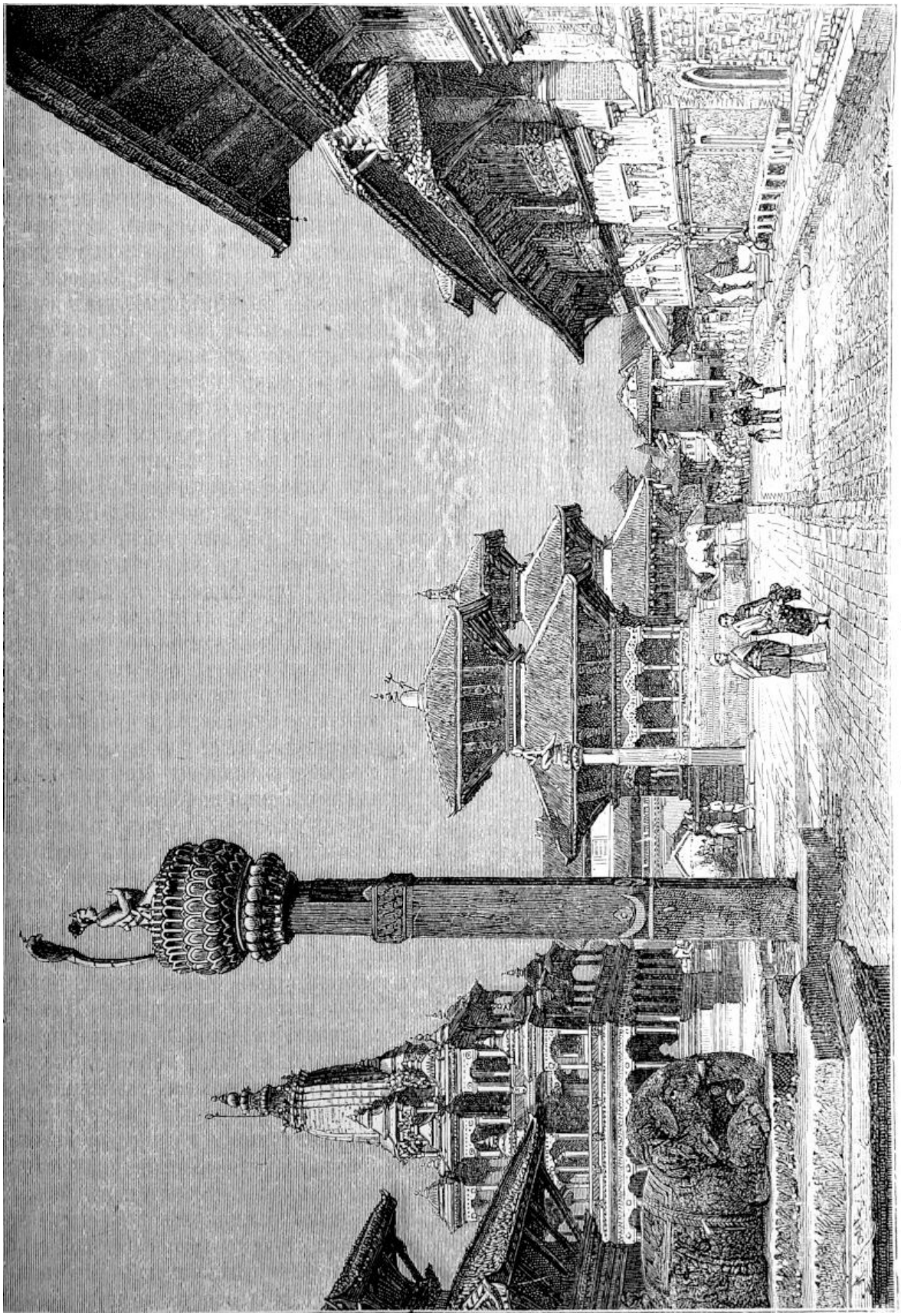
Дети, посещающие публичные учебные заведения, составляют еще незначительный процент юношества, но с половины текущего столетия и в этом отношении совершился быстрый прогресс. В 1891 г. число учебных заведений всякого рода, общественных и частных, составляло 147.590 (7.591 женских), с 4.082.031 учащихся (378.191 женского пола); в том числе: 156 колледжей, с 18.571 учащихся, 5.097 средних училищ, с 511.968 учащихся, 97.398 начальных школ, с 2.952.575 учащихся, 159 учительских семинарий и пр.

Бопальскія принцессы.

В 1875 году, по словам Гарсена-де-Тасси, уже одиннадцать миллионов индусов умели читать на том или другом языке Полуострова. В некоторых округах одна пятая детей сидит на школьных скамьях, и недавно сейхи, или сейки, которые из всех жителей Индустана всегда выказывали наибольшее рвение к образованию, ходатайствовали перед правительством об издании закона, установляющего обязательное посещение начальных школ. Эта просьба не была уважена, но, тем, не менее, сейхи являются более передовыми, чем сами англичане, так как последние пока еще не приняли мер к тому, чтобы все дети белого происхождения получали, по крайней мере, элементарное образование; публичные библиотеки тоже чаще посещаются индусами, чем англичанами. Наибольшая часть сумм, потребных на содержание школ, оплачивается непосредственно бедными туземцами или богатыми частными лицами; нет индуса, быстро разбогатевшего, который не употребил бы тотчас же часть своих капиталов на дела общественной пользы. Правительство участвует лишь в относительно незначительной пропорции в расходах на народное просвещение. Расходы на учебное дело в 1894 г. составляли 23.424.148 рупии. Заботливость правительства в деле народного образо-

1 A. Ball, „Jungle Life in India".

вания направлена преимущественно на средние и высшие учебные заведения, где молодые люди, одетые в черное клерикальное платье и носящие головной убор в роде тока, приготовляются к университетским экзаменам. Даже медицинские студенты дерзнули пренебречь ре-



Храмъ въ Патанѣ

лигиозным предразсудком, воспрещавшим им рассекать человеческие трупы. Недавно правительство нашло нужным сделать доступ в эти высшие школы более трудным, чтобы уменьшить число кандидатов на места, которыми оно располагает. В 1892 г. в пяти универ-

ситетских округах насчитывалось 6.358 студентов. Быстрое возростание корреспонденции почтовой и телеграфной служит другим признаком, указывающим в одно и то же время на успехи народного образования и на развитие торговли и промышленности. В 1895—96 г. переслано по почве 374.223.042 писем и 28.928.622 экземпляров периодических изданий; передано по телеграфу 4.766.399 депеш (длина телеграфных линий в середине 1896 г.— 76.302 километр., не считая 423 километр. кабелей).

Народная литература, по крайней мере в Южной Индии, состоит почти исключительно из астрологических альманахов и других книжечек, не имеющих никакой цены; религиозные трактаты, индусские, мусульманские, христианские, тоже представляют значительную часть нескольких тысяч всякого рода произведений печати, которые ежегодно выходят в свет; однако, издается также не мало важных научных мемуаров и работ; в то же время классические произведения европейских литератур воспроизводятся в главных арийских и дравидийских языках Полуострова; лучшие английские переводы современных французских поэтов принадлежат индуске, г-же Тору-Дут[1]. Драма тоже находит замечательных писателей, и английское правительство не раз вмешивалось, чтобы запретить представление пьес, где оно выставлено в смешном виде, а иногда даже видно стремление возбудить к нему ненависть в индусах[2]. Как во всех других цивилизованных странах, число периодических изданий, газет и журналов, увеличивается с каждым годом, и многие из них очень распространены в народе; в городах и местечках толпа собирается вокруг публичных чтецов, чтобы узнать новости.

Повременные издания в Индии: в 1835 г.—6; в 1850 г.—28; в 1879 г.—644; в 1894 г.— 1.180. Из числа газет 290 выходят на английском, 547 на различных туземных языках, около 60 на двух языках: английском и каком-либо из туземных.

Правительство уже неоднократно издавало строгия меры против прессы, которая в принципе пользуется свободой слова, но в действительности лишена всякой гарантии.

Одним из главных препятствий к образованию единой индусской нации является разнообразие диалектов, которыми говорят жители Полуострова, и алфавитов, которые употребляются для различных языков. Около шести миллионов туземцев знают английский язык и тысячи из них говорят им с замечательным изяществом, но они отнюдь не думают сделать из этого чуждого идиома свою национальную речь, и сравнивая европейское письмо с своим «божественным» нагари, они называют первое не иначе, как собранием «червяков и муравьев»[3]. Преемник Великого Могола, калькуттское правительство поощряет употребление *урду*, или «ордынскаго» языка, тогда как большинство индусов патриотов, будучи противниками мусульманского влияния, проповедуют употребление диалекта гинди и различных областных наречий, маратского, гудзератского, бенгальского, тамильского, телугского, и когда они употребляют индустанский диалект (гиндустани), то тщательно изгоняют из него все персидские слова[4]. Но в эти последние годы совершился один важный факт: санскрит, бывший еще недавно языком мертвым, возрождается, как письменный язык[5]. Магараджа Удейпурский, представитель солнечной расы, издал указ, чтобы на будущее время все оффициальные документы, публикуемые в его владениях, были составляемы на санскритском языке. В 1878 году в Индии вышло в свет 4.890 сочинений (3.064 индусских; 719 на классических языках Индии, 563 двуязычных, 544 английских); 709 сочинений, касающихся религии, 844 беллетристических произведения, 766 книг научного содержания.

1 „A Sheaf gleaned in French fields" by Toru-Dutt. Bhowanipore, 1876.
2 Richard Temple, „India as it is".
3 „Athenaeum", april 22, 1862.
4 Kajendralala Mitra, „Journal of the Asiatic Society", vol. XXI.
5 Garcin de Tassy, „La langue et la litteratore hindosatanies", fascicules annuels.

XVIII. Правительство и администрация Индии.

Королева Англии, торжественно провозглашенная «императрицей Индии» (*Кайсар-и-Гинд, Гинд-ка-Кайсар*) в равнине Дели, 10 января 1877 года, имеет своим представителем на Полуострове по сю сторону Ганга вице-короля, выбираемого в совете министров; но местопребывание высшей власти, управляющей этою громадною империею, находится в Лондоне. Законодательный акт 1858 года, положивший конец существованию ост-индской компании и передавший непосредственно короне огромные колониальные владения упраздненного торгового общества, вверил непосредственное управление двумя стами миллионов людей, населяющих английскую Индию, совету из пятнадцати членов (council of India), заседающему в Лондоне, под председательством министра по делам Индии. Члены этого собрания назначаются высочайшею властью из лиц, не принадлежащих к составу парламента, на десятилетний срок, который может быть, по соизволению государыни, продолжен еще на пять лет. В отсутствие министра, вице-президент, назначаемый верховною властью, руководит совещаниями и определяет порядок работы в различных комитетах, между которыми разделено управление делами Индийской империи. Присутствие пяти членов в полных заседаниях совета необходимо, чтобы придать совещаниям законную силу.

При вице-короле Индии, или «генерал-губернаторе», состоит совет главного управления из шести непременных членов и одного чрезвычайного члена,—главнокомандующего индийской армии, которые все назначаются высочайшею властью, так же, как губернаторы и наместники-губернаторы различных провинций. Дела «высшего управления» распределены между шестью департаментами—финансов, военный, публичных работ, внутренних дел, земледелия и внешних дел,—и каждым департаментом управляет один из членов совета, имея помощником специального секретаря. Генерал-губернатор оставляет за собою управление иностранными делами; он заведует сношениями англо-индийского государства с Бутаном, Тибетом, Непалом, Кашмиром, Афганистаном, Бирманским королевством и передает свои приказания резидентам, поставленным, в качестве опекунов, при медиатизированных туземных государях; кроме того, он управляет непосредственно, чрез подчиненных ему чиновников, всеми государствами, конфискованными или взятыми временно под секвестр. Представитель императрицы, он пользуется также царскими прерогативами, назначая на два года членов, англичан или туземцев, законодательного совета, в числе, по крайней мере, шести и не более двенадцати; эти члены придаются в помощь членам совета главного управления, чтобы вместе с ними вырабатывать, под наблюдением вице-короля, законы, долженствующие быть примененными к населениям; но никакой важный вопрос не может быть обсуждаем, если не был предложен генерал-губернатором, никакая принятая мера не может вступить в силу, не будучи одобренною им. Все гарантии были приняты, чтобы инициатива исходила свыше. И сам генерал-губернатор не может действовать полновластно, так как все его правительственные акты подлежат рассмотрению английского министерства. Он может обнародовать приказы, имеющие силу закона, лишь в случаях крайней необходимости, и его решения остаются в силе только впродолжении шести месяцев.

В двух «президентствах», Бомбейском и Мадрасском, и в провинции Бенгалии административный режим воспроизводит в своих существенных чертах общегосударственный порядок управления; при губернаторах состоят исполнительные советы из членов, назначаемых от короны, и губернаторы сами назначают известное число членов английских и туземных для разработки законопроектов. Что касается провинций «неурегулированных», т.е. управляемых не по общему положению, каковы Пенджаб, Ауд, Центральные провинции, Ассам, то они управляются без сложных законодательных форм: порядок управления там более военный, чем гражданский. Впрочем, каждая страна или область управляется особенным образом. В то время, как начальники Мадрасского и Бомбейского президентств носят титул губернаторов, начальникам Бенгалии, «северо-западных» провинций, Пятиречья присвоено название наместников-губернаторов, а начальники Ауда, центральных провинций, Ассама, называются главными комиссарами. Административные деления империи не равны по ве-

личине и количеству населения. Так же, как графства Англии, индусские провинции разграничены до сих пор так, как их некогда разграничили войны и трактаты; они сохранили свою историческую форму, и, за исключением немногих мест, очертания их не были переделаны сообразно потребностям административной централизации. Чрезполосные пространства, анклавы и эксклавы всяких размеров, рассеяны на окраинах больших провинций, которые некогда были империями или которые теперь еще представляют медиатизированные государства; есть области, как Каттиавар, Раджпутана, Сиргинд, Циссетледж (страна по сю сторону р. Сетледж) и Транссетледж (по ту сторону Сетледжа), близ Симлы, самые подробные карты которых не могут представить сети переплетающихся пограничных линий. Только по местному преданию чиновники, английские или туземные, знают, какие жители им подведомственны; во многих местах бывает даже так, что одно и то же селение принадлежит к двум различным округам; деревни раздроблены на половины, на трети или даже на двенадцатые доли между смежными государствами или провинциями. Остров Цейлон не входит в состав Англо-индийской империи; он присоединен непосредственно к короне; но за то различные другие страны, лежащие вне Полуострова по сю сторону Ганга, зависят политически от вице-короля Индии, этого государя, который, после китайского императора, господствует над самой многочисленной массой людей. Так, Британская Бирмания и даже острова Андаманские и Никобарские составляют, в административном отношении, часть «Бенгалии»; политические агентства, учрежденные в различных странах Передней Азии, в Келате, на персидском берегу, в Маскате, в Багдаде, в Адене и на африканском побережьи в Занзибаре, также подчинены ныне калькуттскому правительству.

Высший корпус должностных лиц, или так называемая «договорная гражданская служба» (covenanted civil service), которому подчинен корпус 1.250.000 служащих всякого ранга, состоит из 928 чиновников, из которых только семеро индусского происхождения. Они разделены на два класса: на чинов администрации и чинов судебного ведомства. Вступая на. поприще государственной службы, молодые люди почти всегда получают поручение составить докладную записку по какому-либо специальному вопросу, для чего им, конечно, приходится изучить язык и обычаи туземцев. После нескольких лет этой подготовительной работы, они окончательно зачисляются на службу, или в администрацию, или в магистратуру. Бывшая ост-индская компания держалась правила, усвоенного и нынешним правительством, иметь лишь небольшое число чиновников, но давать им крупные оклады, взамен тяжелой ответственности: они должны сами наблюдать за действиями своих туземных подчиненных, выбираемых, по большей части, из людей высшей касты, должны поддерживать общественный порядок всеми средствами, какие признают полезными, и обеспечить правильное поступление налогов. Многие округа со стотысячным населением управляются одним англичанином, воля которого не имеет никакого противовеса и который не знает другого судьи, кроме своей совести, чтобы применять законы, отличающиеся страшною строгостью. В собственном Индустане, в Ауде и Бехаре, большое число административных делений образуют группы из 360 деревень: это было традиционное разделение страны, сходное с *hundred*, или «сотней» англо-саксов[1].

В последнее время были сделаны некоторые попытки, чисто эмпирические, создать выборные муниципальные учреждения. По закону 1850 года и последующим актам, городам предоставлено право ходатайствовать об учреждении муниципального совета для заведывания общественными работами и попечения о городском имуществе. Но эти советы не выборные. Правительство назначает их, по представлению, из местных чиновников и уполномочивает их взимать налог с каждого дома на покрытие расходов по содержанию полиции и общественных городских сооружений. Вот и все. Впрочем, правительство оставляет за собою право жаловать нотаблям городов и крупным собственникам, мужеского и женского пола, избирательные привилегии для назначения муниципального собрания, в целом его составе или в известной части, но это преимущество всегда даровались только тем городам, где ан-

1 Elliot, „Castes of the North-West provinces".

глийский элемент сильно представлен; оно даже было взято обратно у некоторых городских общин, как, например, у города Дальгузи, где ни один туземец не захотел пользоваться призрачной привилегией, не дающей ему никакого участия в административной автономии. Один только город Пенджаба, Дармсала, имеет муниципальный совет, всецело образованный на основании выборного начала; четыре другие города той же страны имеют совет, где только часть членов выборные. Во всей Индии муниципальных собраний, составленных из лиц, назначаемых правительством, насчитывается около 850. В 1879 году муниципалитетов было: в Пенджабе 197; в Бенгалии 191; в Бомбейском президентстве 128; в Ауде и «северо-западных» провинциях 107; в Майсуре 78; в центральных провинциях 62; в Мадрасском президентстве 48; в Курге 5; в Бераре 5; в Аджмире 5. Что касается туземных общин, то они терпимы, и правительство даже пользуется ими для целей местной администрации, но официально существование их не признано. Избранники народного голосования, обозначаемые под именем *панч*, или «Пятерых»,—каково бы ни было их число, от 3 до 100,—пользуются неограниченным доверием своих сограждан: «сам Бог пребывает в Пяти», гласит общераспространенная в Индустане поговорка[1]. Во французской Индии с 1880 года, образованы десять полноправных общин: Пондишери, Карикал и деревни их округа, Чандернагор, Янаон, Маге. В этих общинах постановления гражданского кодекса, относящиеся к бракам и к актам о правах состояния, применяются также к туземцам, с некоторыми ограничениями, обусловленными обычаем[2].

Индусы имеют наклонность к сутяжничеству, которая, впрочем, проявляется в очень мягких формах; за исключением нескольких местностей, где разбойнические нравы еще не вполне исчезли, большинство тяжеб возникает из-за обвинений в краже или мошенничестве, или из споров между владельцами: так, однажды перед трибуналом Пойнт-де-Галля (на Цейлоне) разбирался процесс, где тяжущиеся оспаривали друг у друга 252-ю часть кокосовой пальмы[3]. Долги, которые так легко делать в этой стране, где процветает ростовщичество, взыскиваются с большою строгостью судебным порядком и оплачиваются тюремным заключением; еще не так давно неисправный должник отдавался в рабство кредитору. Этот последний обладал даже очень действительным, почти всегда приводившим к цели, средством заставить заплатить свой долг, или получить, взамен его, особу виновного, живую или мертвую: он отправлялся, по местному выражению, «делать дхарну» у дверей своего должника, с кинжалом или с ядом в руке, угрожая употребить эти орудия смерти против самого себя, или уморить себя голодом. В виду этой страшной угрозы, исполнение которой навлекло бы всевозможные напасти на его жилище, должник по неволе должен был отдать себя во власть кредитора[4]. Индией управляют многочисленные законы и обычаи, и самый искусный юрист с трудом может разобраться в этом лабиринте правовых норм. Индусские традиции, законы Акбара и магометанский шариат служат правилами для туземцев в вопросах, относящихся до брака, усыновления, духовных завещаний, наследства, раздела имущества; кроме того, прецеденты, данные решениями ост-индской компании, были кодифицированы, и каждый год новые законы прибавляются к старым. В виду этих сбивчивых и часто противоречивых доказательств, судья очень затруднился бы произнести приговор, если бы он не был вооружен властью рассекать трудности коротким судом, по собственному убеждению, не будучи обязан обращаться за разрешением сомнений в областные суды и в высший трибунал. Суд производится быстро, и кара налагается суровая; хотя преступления и проступки, пропорционально, менее многочисленны и менее тяжки, чем в странах Запада, смертные приговоры произносятся здесь чаще, и судьи нередко приговаривают преступников к телесному наказанию. Приговоренных к ссылке отправляют в Порт-Блер, где их распределяют, смотря по важности совершенного ими преступления, между различными уголовными колониями

1 Elliot, цитированное сочинение.
2 „Bulletin de la Society normande de Geographie", tome [II, 1881 .
3 Emerson Tennent, „Ceylon",
4 Jumps Forbes, „Oriental Memoirs"; H. Summer Maine, „Calcutta Review", 1876.

Андаманских островов. Среднее население тюрем Индии исчисляется до 120.000 человек, и на эту цифру женщин приходится только, от 5.000 до 6.000[1]; эта пропорция гораздо ниже той, какую представляют тюрьмы Западной Европы. Осужденные индусские преступники вовсе не возбуждают презрения в глазах людей, живущих на свободе; они не теряют своей касты и легко находят случаи жениться и получить место, когда опять вступят в гражданскую жизнь: все извиняют их, как извиняют они сами себя, сваливая постигшую их беду на злую судьбу. Впрочем, они принимают несчастие тюремного заключения с замечательным равнодушием: «человек, обокравший компанию, походит на жениха», гласила одна старинная пословица, не утратившая своего значения и при нынешнем порядке вещей[2].

Уголовная статистика Индии за 1878 год: Постановлено приговоров—1.162.535; в том числе: оправдательных—365.648; присуждающих к смертной казни—743; присуждающих к ссылке—2.103; присуждающих к тюремному заключению—249.210; присуждающих к телесному наказанию—75.223.

Вооруженная сила, которою располагает англо-индийское правительство, кроме своих 200.000 полицейских чинов, состоит из туземных войск и из английских полков. До восстания сипаев, европейские солдаты составляли только четвертую часть армии, теперь же они представляют около трети. Численность индийской армии в 1896 году:

Английских войск—73.668 человек; туземных войск—239.758 человек.

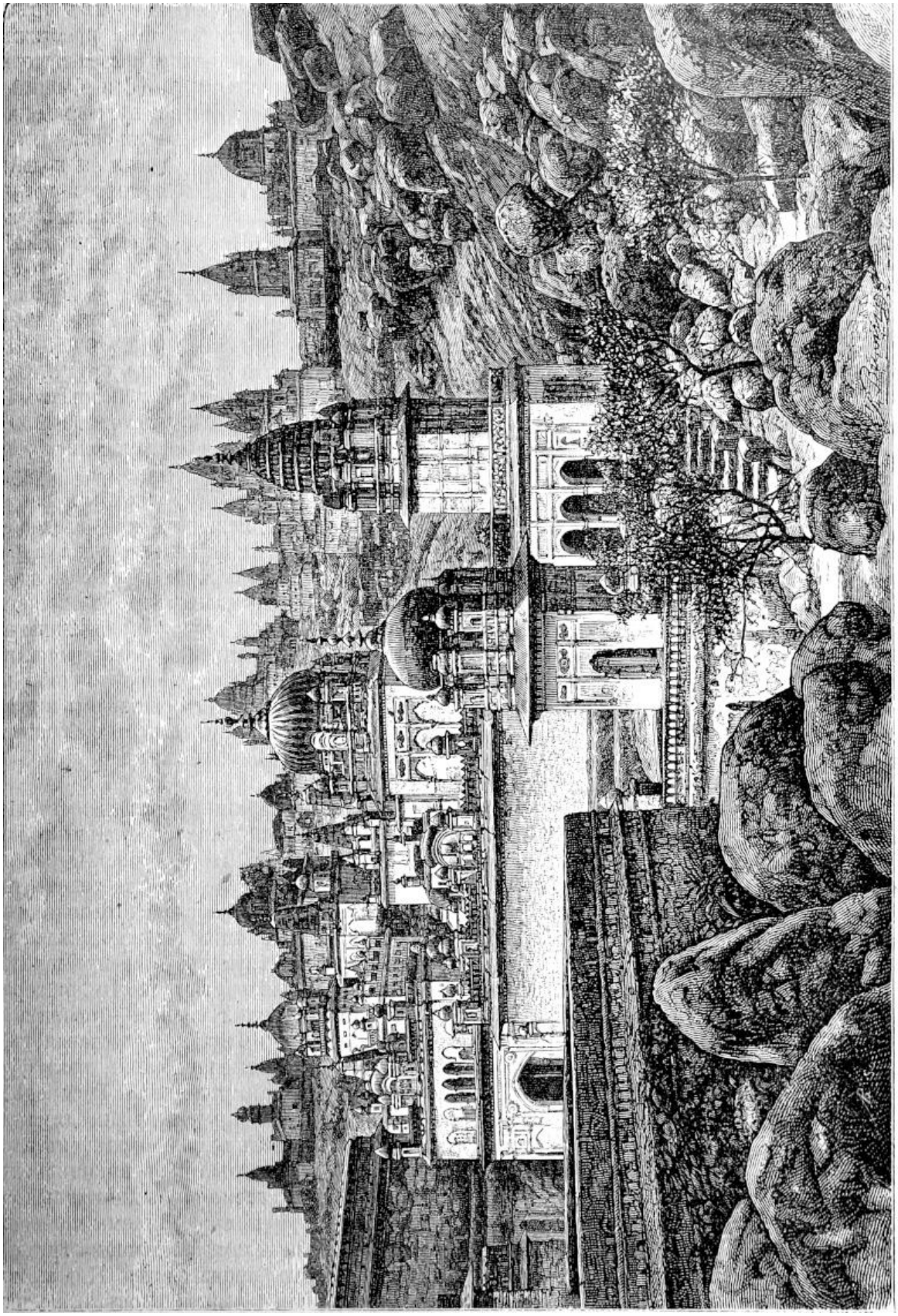
Действительная численность, или наличный состав вооруженных англичан, которые держат в повиновении слишком четверть миллиарда людей, не превышает 50.000 человек; вместе с туземными полками общая цифра военных сил простирается до 150.000 солдат. Численная слабость армии свидетельствует о нынешней безопасности правительства и, может быть, еще более о принципах экономии, которыми оно руководится. По отчету об исполнении бюджета за 1895—96 финансовый год, расход на сухопутную армию составлял 254.995.060 рупий. Совокупность войск на жалованьи Англо-индийской империи не превышает трети армии, которую она содержала в 1856 году, в эпоху, когда цифра народонаселения была на несколько десятков миллионов душ меньше нынешней; тогда общая численность гарнизонов, без английских солдат, простиралась до 280.000 человек. Но благодаря железным дорогам, нынешния военные силы, относительно так слабые числом, могут быть быстро сосредоточиваемы и направляемы на пункты, которым угрожает опасность: уменьшение численности более чем вознаграждено увеличением скорости движений.

Хотя туземцы более многочисленны, чем англичане, в рядах полуостровной армии, однако, были приняты все предосторожности, чтобы материальное превосходство, происходящее от более сплоченной организации, принадлежало европейским войскам. Во-первых, аудские браманы, составлявшие, до восстания сипаев, один из главных элементов армии, теперь допускаются лишь в небольшом числе между новобранцами; из волонтеров всего охотнее принимаются на службу пенджабские сейхи, патаны и рогиллы из верхней равнины Ганга, раджпуты, непальские гуркасы. Туземные полки, которым благоразумно оставили лишь слабую артиллерию, были разделены на три армейских корпуса, различные по организации, по происхождению и даже по языку большинства солдат: эти три армии—бенгальская, бомбейская и мадрасская. В первой говорят преимущественно индустанским и бенгальским наречиями, во второй—маратским и гудзератским, в третьей—телугским. Таким образом, эти три корпуса не имеют между собою никакой связи по национальности, языку, любви к отечеству, и касты, входящие в их состав, сгруппированы таким образом, чтобы они взаимно уравновешивались и нейтрализировались в случае каких-либо внутренних раздоров. Ныне, в силу закона 1 апреля 1895 г., индийская армия делится на четыре корпуса (пенджабский, бенгальский, бомбейский и мадрасский), из которых каждый состоит частию из английских, частию из туземных войск. Туземные солдаты соединены в одну армию только европейскими офицерами, которые командуют ими. Все офицеры из индусов или магометан начинают

1 Richard Temple, „India as it is".

2 Benjamin Heine, „Tracts, Historical and Statistical of India".

службу в рядах английских полков, для того, чтобы привыкнуть там к дисциплине и перенести к своим землякам нравы британской армии. Большинство солдат нанимается на продолжительный срок или даже на все время силы возраста, после чего они имеют право на пен-



Джайнскіе храмы на священной Сунагарской горѣ.

сию. Почти все люди мадрасской армии и большая часть людей бомбейской армии могут жениться, и их жены, дети, даже родственники сопровождают их в лагерь. От этого происходит то, что кантонементы превращаются в настоящие военные города, где каждый офицерский

дом окружен бараками, занятыми многочисленной прислугой; иной кантонемент, как, например, Сикандерабадский, раскинулся на пространстве 50 квадратных километров. Со времени сипайской войны комплектование армии становится все более и более затруднительным; не всегда находят достаточное число наемников, удовлетворяющих требуемым условиям, и побеги солдат часты: средним числом, насчитывают от семи до восьми тысяч случаев дезертирования в год.

Индийская армия, как ни малочисленна она, могла бы быть еще гораздо более уменьшена, если бы правители не имели надобности наблюдать за туземными государствами и иметь войско, которое уравновешивало бы их военные силы; правда, эти последние содержатся туземными государями почти только для того, чтобы придать более блеска своим празднествам и чтобы увеличить свой престиж в глазах толпы, но все-таки нельзя игнорировать их существования, и если бы они не удерживались в бездействии превосходящими их и лучше организованными силами, то те, кто ими командует, легко могли бы поддаться искушению дать им более серьезную роль. Слишком 150 медиатизированных государств, не считая Непала, имеющих вместе население в 70 миллионов душ и годовой доход в 400 миллионов франков, располагают армиями, номинальный состав которых простирается до 300.000 людей, с 65.000 лошадей и 5.250 артиллерийских орудий. Один только из туземных государей, низам Гайдарабадский, имеет 37.000 пехоты, 8.200 кавалерии, 724 пушки[1]. Оттого английское правительство решило ограничить на будущее время число солдат, содержимых вассальными государями, запретить им введение в войске усовершенствованного оружия и регулярно инспектировать их пороховые заводы и арсеналы. Оно хотело бы сделать из этих потомков государей крупную земельную аристократию, в роде английских лордов, и не пренебрегает никакими заботами, чтобы воспитывать молодых князей, управлять их имениями и давать им политическое воспитание сообразно с интересами Англии[2].

В сравнении с финансовым состоянием большинства европейских государств, положение Индии относительно хорошо. Одной пятнадцатой дохода достаточно для уплаты годовых интересов государственного долга, тогда как Англия и Франция должны каждая платить по долгам целую треть своих доходов, но, пропорционально, жители Индии гораздо беднее: «один пенни налога,—говорит английский экономист Фаусет,—составляет для индуса такое же тяжелое бремя, как фунт стерлингов для англичанина». Распределенный равномерно между всеми жителями, весь налог представляет только 8 франков, а государственный долг только 19 франков на душу населения; но эти суммы, столь ничтожные сами по себе, могут быть приобретаемы миллионами индусов лишь неделями и месяцами труда, ибо годовая ценность производства Индии, исчисляемая в 8 или 10 миллиардов[3], не достигает даже 40 франков на каждого жителя. В индийском долге стоимость подавления большего восстания сипаев исчисляется почти в один миллиард. Последняя афганская война стоила 540 миллионов франков.

Главным источником государственных доходов служит поземельный налог, или, лучше сказать,—как выражаются теоретики верховного права государства,—доля, которую индийское правительство, преемник предшествовавших правительств, предоставляет себе брать из годового дохода с государственного имущества, которое ему благоугодно отдать в оброчное пользование. Смотря по округам, эта доля уплачивается казне либо, как в Бенгалии, генеральными арендаторами (*земиндарами*), которые и являются истинными владельцами земли, либо, как в «северо-западных» провинциях, сельскими общинами, связанными круговою порукой всех своих членов, либо, наконец, непосредственно земледельцами; последняя система преобладает в президентствах Мадрасском и Бомбейском. Очень обширные пространства земель принадлежат, освобожденные от всякого налога, служителям храмов и ме-

1 „Times" sept. 2, 1878.

2 Richard Temple, „India as it is".

3 Hyndman, „Bankruptcy of India", „Nineteenth Century", 1878.

четей; так, правительство учредило косвенно бюджет вероисповеданий. Общая сумма поземельного налога, «который никогда не должен превышать двух третей чистого дохода земледелия»,—тогда как, по закону Ману, он составлял только шестую часть дохода,—простирается, средним числом, до 550 миллионов франков, составляя около трети бюджета.

В 1895—96 финансовом году обыкновенных доходов поступило 983.701.670 рупий; израсходовано 968.361.690 рупий. Бюджет на 1896—97 год: приход—976.207.000, расход—971.576.000 рупий.

Государственный долг к 31 марта 1896 г.: консолидированный—2.176.926.600, неконсолидированный—146.463.680, всего 2.323.390.280 рупий.

Соляная монополия и налог на опиум приносят казне сотни миллионов дохода. В 1895—96 г. первая дала 88.618.450, а второй 71.239.220 рупий валового дохода. Годовое потребление соли в английской Индии превышает миллион тонн. Продажа опьяняющих напитков сдается казной на откуп.

Англо-индийское правительство не следует в своей финансовой политике тем же принципам, как правительство метрополии; наследник ост-индской компании, оно сохранило некоторые торгашеские привычки последней и делает конкурренцию коммерсантам, что подает повод к частым нареканиям со стороны купечества. Не только казна, благодаря своим монополиям, является единственным в империи торговцем солью и опиумом, она в то же время владелица каменно-угольных копей, находящихся в соседстве с железными дорогами Бенгалии, и может продавать минеральное топливо по более дешевой цене, чем частные компании.

Англия поставила себе задачей, говорят её государственные люди, цивилизовать индусов и постепенно поднять их на степень свободных людей; но пока, в ожидании, когда исполнится это дело, богатая Великобритания живет на счет бедного Индустана: младшие сыновья английской аристократии являются паразитами своих подданных, несчастных райотов. Не говоря уже о миллионах, употребляемых ежегодно на удовлетворение в самой Индии расходов английских правителей, на содержание армии и нескольких военных кораблей, немаленькая сумма, вариирующая от 360 до 450 миллионов франков, посылается еще каждый год в Англию, как причитающаяся доля на покрытие расходов британского правительства. С 1857 по 1882 г. целых девять миллиардов франков были таким образом взяты с производства Индии в пользу её завоевателей.

Но эта громадная империя южной Азии, обладание которою гораздо более важно для личных интересов богатых английских семейств, чем для торгового благоденствия Великобритании, останется ли политически зависимою от нации, относительно малой числом, которая живет на этом тесном острове, в северо-западном углу Европы? Ни одна историческая проблема не имеет более важного значения. Так называемый «восточный вопрос», который уже столько раз потрясал мир и который стоил жизни стольким миллионам людей, есть не более, как прелюдия азиатского вопроса; раздел Турции—это сущие пустяки в сравнении с разделом Старого Света.

Во-первых, не подлежит сомнению тот факт, что англичане не могут рассчитывать, для сохранения своего владычества, на искреннюю привязанность своих индийских подданных к политическому режиму империи. Владея Индией слишком сто лет, они остались до сих пор такими же чужеземцами, какими были в первый день завоевания, хотя железные дороги и пароходы сократили на девять десятых расстояние между двумя странами. Соплеменники ли они или нет, происходят ли или нет от одних и тех же арийских предков, живших в Бактриане или в какой-либо другой стране центральной Азии, индусы и англичане не симпатизируют друг с другом. Человеческий скот, работающий на плантациях, не любит своих господ, да и те обыкновенно не скрывают своего презрения к толпе порабощенных *ниггеров* (чернокожих). По народному выражению, «британец и туземец соединяются, как масло с водой». Известно,что в эпоху великой борьбы между англичанами и французами, последние

были гораздо более любимы индусами, да и теперь еще в том, что осталось от французской Индии, стена, разделяющая коренных жителей и европейцев, далеко не так высока, так в британской Индии. Какая причина этого контраста? По мнению английских писателей, вероятно, несправедливому, она заключается в том, что французы, будто бы, имеют «фатальную наклонность ориентализоваться», т.е. превращаться в восточных человеков; они, яко бы, унизились до уровня индуса[1]. Как бы то ни было, редко бывает, чтобы англичане давали себе труд близко ознакомиться с толпой, которою они управляют с такой выси; важнейшие явления национальной жизни, которая кипит под ними, часто остаются неведомыми или представляются им в ложном свете заинтересованными брамами[2]. До сих пор еще не знают даже истинной причины восстания сипаев, которое, в 1857 году, так серьезно угрожало сохранению британского господства[3]. Иностранный резидент, окруженный своими земляками, создавший себе целую маленькую Англию, видит в форме каких-то неясных теней весь этот разноплеменный люд, который копошится кругом него. Он не знает, каковы их чувства, их мысли, их страсти. Стоит ему привлечь на свою сторону тщеславных *бабу*, нескольких бомбейских парсов, тоже чужеземцев, и раджей, получающих щедрую пенсию, и он воображает уже, что приобрел симпатии нации. Но в каком из своих необъятных владений завоеватель успел примирить с собою жителей, сделать из них англичан сердцем, если не по расе? А между тем, это первое условие истинного политического соединения. Таким образом, британское господство в Индии представляется шатким, не потому, чтобы туземцы могли сплотиться воедино против чужеземных завоевателей, если только режим каст не будет ниспровергнут революцией, более глубокой, чем какими были буддизм и кабиризм. Индусы слишком разделены на непримиримые между собою классы, чтобы они могли вырости до идеи отечества и добиваться общей независимости; деспотизм есть режим, который «всего менее разъединяет» индусов, но они охотно переменили бы господ: перейти из одного рабства в другое кажется порабощенным чем-то в роде свободы.

А затем, разве не имеет каждый народ нравственных рессурсов, неведомых ему самому, которые вдруг обнаруживаются под влиянием внешних событий? Хотя касты почти всегда живут в совершенной разобщенности, отказываясь от всяких взаимных сношений, однако, бывали случаи, когда они соединялись без всякого предварительного соглашения. В 1877 году, вследствие безобразий, которые полиция позволила себе в отношении кулиев, работа прекратилась точно по мановению волшебного жезла на всех набережных и в порте Бомбея: кипучая торговая жизнь города вдруг остановилась. Никогда в Европе не видывали стачки, столь единодушной в своих требованиях, столь быстрой в своих действиях[4]. Не могут ли люди всякой касты, индусы и магометане, в один прекрасный день примириться и соединиться таким же образом против чужеземца, который господствует над ними?

Итак, англичане только силой и обаянием своего имени могут сохранять обладание Индией; но требуется не только удерживать за собою страну, но еще и оберегать дорогу к ней от всякого внешнего нападения; единственные опасные враги—не будущие инсургенты, индусские или магометанские, а державы, владения которых окаймляют путь в Индию. В прежния времена, когда средства сообщения сухим путем были затруднительны и когда все пространство, заключающееся между центральной Европой и Индустаном, было непроходимо для армий, даже почти заперто для торговых экспедиций, дорога в Индию шла вокруг африканского континента, и борьба из-за первенства должна была вестись на самом Полуострове; так, голландцы и португальцы оспаривали друг у друга Индийскую империю, а столетие спустя англичане воевали с французами из-за обладания Бенгалией и Деканом. Эта первая дорога по океану осталась в руках англичан, которые владеют Мысом Доброй Надежды, Наталем, островом св. Маврикия и которые под чужим именем командуют в Занзибаре. Но

1 Henry Morris, „A Descriptive Account of the Godavery district, in the presidency of Madras".
2 Nelson, „Prospectus of a Scientific Study of the Hindu Law".
3 Braddon, „Life in India".
4 Trant, „Fortnightly Review", vol. XXVI, 1879.

прямой путь по Средиземному морю получил более важное значение, чем путь океанский, и с конца прошлого столетия снова возгорелась борьба между Францией и Англией из-за покорения Египта, промежуточного этапа между Западной Европой и Полуостровом по сю сторону Ганга. После восьмидесяти лет перипетий, вопрос опять решился в пользу Англии, и теперь прямой морской путь защищен грозными британскими твердынями, Гибралтаром, Мальтой, Александрией, Аденом.

Но самые эти завоевания обязывают Великобританию к новым завоеваниям. В близком будущем морские пути окажутся недостаточными и значительно утратят свою важность в сравнении с железными дорогами, которые направятся по диагонали Старого Света через Константинополь, Герат и Дели. Вот почему англичане наиболее приблизили свои гарнизоны к северо-западному углу своей Индийской империи, к тому пункту, где будет оканчиваться этот магистральный железный путь—вот почему они основали там наибольшее число укрепленных лагерей и цитаделей, каковы Фирозпур, Лудиана, Джалландар, Лагор, Атток у перехода через Инд, Пешавер у входа в дефилеи Кабулистана. Уже много раз армии Индии должны были всходить на плоскогорья запада, чтобы попытаться начертать там «научную границу», и английские дипломаты оспаривают Персию у дипломатов русских. Грядущие события отбрасывают перед собой тень, и уже можно видеть в перспективе будущего Англию, вынужденную вновь потребовать себе тот протекторат над Азиатскою Турцией, который султан уже согласился предоставить ей, но воспользоваться которым не позволила ревность европейских держав. Ей уже недостаточно будет с занятого пока поста на Кипре наблюдать за соседним морским берегом. Не понадобится ли ей овладеть также плоскогорьями Анатолии, сделаться, в долине Евфрата, непосредственною соседкой Русской Империи, которая уже присоединила к своим владениям истоки великой реки? Не поставит ли ее это соседство в необходимость выставить свои передовые гарнизоны внезапным нападениям целых армий, выходящих из укрепленных лагерей Закавказья?

Но если даже Англии удастся создать себе неодолимую границу на протяжении 3.000 километров вдоль русских владений, то кому принадлежит вся европейская часть диагонали будущих сообщений между Великобританией, Индией и Австралией, как не Германии, Австрии, дунайским наследникам Турции? Чтобы сохранить за собою пользование магистральным путем, гордый Альбион не будет ли вынужден искать себе опоры в союзах, а союзники могут ли быть найдены без тяжелых вознаграждений, которые в такой же мере уменьшат его престиж над народами Азии? Дальновидные английские дипломаты хорошо понимают грозящую опасность и чувствуют, как тяжело наследство, оставленное им ост-индскою компанией. «Каждый раз, когда я слышу,—говорит Грант Дуфф,—о корабле, плавающем сквозь туман в мелях Ньюфаундленда, посреди ледяных гор, мне невольно приходит на мысль наше управление Индией». Для того, чтобы Великобритания могла рассчитывать на будущее, нужно было бы, чтобы её прогресс в численности народонаселения, в богатстве, в могуществе превосходил прогресс соперничающих с нею государств, лежащих на будущем пути в Индию. Но этого нет, как показала история последнего тридцатилетия.

Глава III Индо-Китай

I.

Занимая пространство, на одну треть меньшее поверхности Передней Индии, Полуостров по ту сторону Ганга, или Индо-Китай, представляет относительно страну почти пустынную (пространство Индо-Китая, вместе с Манипуром, Джиттагонгом и английскою Барманией:

2.175.243 квадр. километра; народонаселение: 40.000.000 душ; плотность населения: 16 жителей на квадратный километр). Густо населен этот полуостров только в некоторых областях морского побережья, в британской Бармании, около устьев Менама и близ китайской границы, в дельте Красной Реки. А между тем, загангская Индия нисколько не уступает своей соседке в плодородии и в естественных рессурсах; напротив, взятая в целом, она поставлена в более благоприятные условия относительно почвы и климата. В ней нет обширных песчаных пространств, представляющих во многих местах все признаки пустыни, как степь Тар в Раджастане, ни вулканических, покрытых застывшей лавой, плато, продолжающихся на необозримое пространство, как некоторые части Деканского нагорья. Почти везде земли Индо-Китая пригодны для культуры и везде дожди достаточно обильны, чтобы питать растительность. Следовательно, нельзя сказать, чтобы жители Индии по ту сторону Ганга терпели недостаток в почве; напротив, сотни миллионов людей несомненно жили бы там в большем материальном довольстве, чем каким они пользуются на западном полуострове. По минеральным богатствам, имеющим, впрочем, второстепенную важность в сравнении с богатствами культуры, Индо-Китай тоже занимает первое место между двумя полуостровами. В отношении удобств торговых сношений он далеко превосходит английскую Индию. Берега его менее негостеприимны и заключают, именно на полуострове Малакке и на Аннамском побережья, несколько превосходных портов, которые могут сравниться с лучшими гаванями в свете; счастливое географическое положение страны, на углу континента, между Индийским морем и Тихим океаном, делает из её рынков естественные пристани самых оживленных, наиболее посещаемых морских путей; наконец, нет трудно переходимых границ между Китаем и его южным придатком, полуостровом по ту сторону Ганга; по направлению с севера на юг, сообщения прерываются только войнами, хищническими набегами да таможенными кордонами. На севере Индии высятся громады Гималаев, в виде почти непереходимой стены; напротив, на севере Индо-Китая туземцам нужно только предоставить себя на волю течения рек, чтобы спуститься из Срединной Империи до самого моря.

Как же объяснить этот удивительный контраст, который представляют два полуострова Передней и Задней Индии в отношении числа жителей и важности роли в цивилизации? Независимо от причин, которые вытекают из эволюции самих населений и о которых расскажут будущие историки, географическая причина замечательной противоположности, представляемой двумя Индиями, заключается в расположении речных бассейнов. Главные реки Индустана, за исключением Инда, пересекают Полуостров по ширине, протекая от востока к западу или от запада к востоку, параллельно горным хребтам Гималаев, Виндиа, Сатпуры. В Индокитае на оборот: все большие реки, Иравадди, Ситтанг, Салуэн, Менам, Меконг, текут с севера на юг, по направлению меридиана, и промежуточные выступы гор и холмов тянутся в том же направлении. Кроме того,—и это факт капитальной важности,—вся северная часть Индустана, выровненная некогда водами, морскими и речными, расстилается в виде беспредельной низменности, имеющей не менее 2.500 километров протяжения от запада к востоку. Напротив, Индо-Китай не представляет в своих географических чертах ничего подобного этой обширной индусской равнине, служившей естественным театром великих движений в истории человечества.

До постройки дорог, которые обходят или уничтожают преграды и приводят в легкое сообщение населения, жившие прежде разобщенными, народы должны были следовать путями, заранее начертанными им природой. Благодаря покатости почвы, люди, населяющие Гангский полуостров, могли легко перемещаться, оставаясь всегда под тем же климатом, не изменяя ничего в своем образе жизни, возделывая те же самые виды растений: подвигаясь от востока к западу или от запада к востоку, не покидая берега рек, они постоянно проходили области, подобные их родным местам: таким образом, их круг действия мог постепенно расширяться все далее и далее. В Индо-Китае, напротив, покатость почвы, наклоненная с севера на юг, от области плоских возвышенностей к области низменностей, усиливает противоположности климатов, сближая изотермические линии. От высот Юннана к жарким долинам Иравадди и Меконга переход совершается резко; общий вид природы, растения и жи-

вотные—все изменяется на пространстве нескольких градусов широты. В этих условиях, северные племена, спускавшиеся вдоль больших рек на поиски новых земель, не чувствовали в себе силы бороться против материальных препятствий, которые в их собственном климате никогда не остановили бы их: леса, болота, ущелья—все было для них преградой, и самое маленькое дикое население казалось им грозной нацией. Кроме того, самая форма долин не позволяла жителям развиваться в сплоченные группы, обладающие значительной силой расширения: никакое великое национальное единство не могло образоваться в этих узких и тесных корридорах, отделенных один от другого высокими горными хребтами. Какой контраст между этими параллельными бороздами индокитайских долин и обширной равниной Северной Индии, где полтораста миллионов людей могли найти себе достаточно места, не встретив никакого естественного препятствия, кроме лесов да выступающих из берегов вод, которое помешало бы им овладеть почвой! Раз эта равнина покрылась возделанными полями, деревнями и городами, цивилизация населяющих ее народов необходимо должна была распространяться, даже без посредства завоевания, на все соседния возвышенности, между населениями самыми разнообразными по языку и происхождению. На Полуострове по ту сторону Ганга одна только часть страны представляет, но в гораздо меньших размерах, географические черты, аналогичные чертам большой поперечной равнины Северного Индустана: это область Камбоджи, которая тянется параллельно морю, между бассейном Менама и бассейном Меконга, вокруг озера Тонле-сап и вдоль реки, изливающейся в этот резервуар. В этой-то области и развивалась та хмерская цивилизация, которая имела свой блестящий период и которая оставила от этой эпохи такие замечательные памятники своего искусства!

Отставая исторически от западного полуострова, полуостров Индо-китайский находится еще, по степени развития своих цивилизованных наций, в той религиозной эволюции, которая уже слишком тысячу лет тому назад пройдена индусами. Кроме того, весьма значительная часть народонаселения Индо-Китая, может быть, одна пятая, должна быть еще причисляема к дикарям, и территория, которую они занимают, многим превосходит, по пространству, территорию, занимаемую цивилизованными народами морского прибрежья. Но основание европейских колоний на окружности Полуострова влечет за собою быстрое изменение теперешнего равновесия населений, не столько вследствие введения чуждых элементов, сколько вследствие преобразования элементов туземных. Число жителей возрастает, возделанная территория увеличивается, живущие во внутренности страны племена мало-помалу вовлекаются в круги притяжения, центрами которых служат многолюдные города морского берега; дороги, поднимающиеся на раздельные хребты между параллельными долинами рек, дают стране первостепенную выгоду, которой ей прежде недоставало,—выгоду иметь, по направлению от востока к западу, боковые распространительные пути. Кроме того, подготовляется большой переворот: с одной стороны Англия, с другой—Франция одновременно трудятся над проложением торговых дорог от морского берега к внутреннему Китаю. Джиттагонг и Манипур, Рангун, Мульмейн, Сайгон, Гайпонг представляют собою исходные пункты, откуда протягиваются нити, которые должны современем встретиться на берегах Янтсекианга. До сих пор сообщения между Срединною империей и южным полуостровом все еще затруднительны, и торговые люди, странствующие караванами, переходят изменчивые границы, от одного племени к другому, лишь с опасностью жизни. Но эти преграды не могут долго существовать; как только Индо-Китай, открытый на севере, перестанет быть уединенною землей, он не преминет приобрести во всемирной истории подобающую ему важность.

II. Джиттагонг, Арракан

Узкий западный скат гор и холмов, разделяющих Бенгальский залив и бассейн Иравади, причисляется политически к английской Индии и даже зависит, в административном отношении, частью от Бенгальского президентства; однако, эта область во всем своем составе

находится в географических пределах Индо-Китая. Порты Джиттагонгского и Арраканского побережья обращены, правда, к Передней Индии и ведут торговые сношения, главным образом, с Калькуттой. Лесистые горы, населенные дикими племенами, крайне затрудняют сообщение прибрежных местностей с внутренностью полуострова; но это положение дел постепенно изменяется к лучшему, по мере того, как расширяется пояс возделанных земель, как населяются города и дороги подвигаются все далее в глубь гор. Рано или поздно, хорошие пути сообщения соединят Акиаб и Джиттагонг (Читтагонг) с городами центральной Бармании и сделают эти два приморские города рынками для произведений верхнего бассейна Иравадди. Еще слабо населенные, эти округи поморья, между устьем реки Мегны и мысом Негре, принадлежат к числу тех областей Англо-индийской империи, которые наиболее быстро возрастают в численности народонаселения и в богатстве.

Индо-китайские округи Джиттагонг и Арракан:

	Пространство, квадр. килом.	Население в 1872 г. жителей	Население километрическое, жителей
Джиттагонг	24.291	1.187.099	49
Арракан	37.621	481.273	13
Вместе	61.915	1.671.372	27
Вероятное население в 1882 г.		2.000.000	32

На юге от массива, откуда вытекают воды, впадающие, через Барак, в Мегну, тянутся, параллельно морскому берегу, невысокие горные цепи, по направлению с северо-запада на юго-восток. Реки, разделяющие эти горы, указывают своею ориентировкой форму промежуточных горных кряжей. Самые высокие вершины находятся на барманской территории, где проходит водораздельная возвышенность; одна, из вершин гребня, Мальселай-Мон, или «Голубая гора», поднимается на 2.164 метра. Но в английском округе Джиттагонг ни одна вершина не достигает 1.000 метров; высшая точка, вершина Ранг-ранг-данг, имеет только 849 метров высоты. Несмотря на небольшую высоту этих гор, девственные леса, покрывающие их склоны, извилистые реки и болота низменностей, джунгли, населенные дикими зверями, делают эту страну одною из самых недоступных, и проход через нее в высшей степени труден. Когда смотришь с какого-нибудь высокого выступа гор, то необозримое зеленеющее пространство равнин и нижних долин представляется в виде ровного поля, и кажется непонятным, как могут путешественники встречать там столько препятствий. Правительство, оставившее за собою монополию эксплоатации этой обширной лесной области, извлекает из неё, однако, небольшую выгоду; недостаток путей сообщения не позволяет ему пользоваться драгоценными лесами отдаленных округов; главный доход доставляет ему охота на слонов, которых иногда налавливают больше сотни голов в один год. Затруднительность путешествий помешала индусам выбрать за священную гору одну из вершин внутренней части страны. Холм Чандранат или Ситакунд (362 метра), куда ходят на богомолье и где иногда собирается до десяти или двадцати тысяч пилигримов, возвышается по соседству с берегом моря, к северу от Джиттагонга: смолистый источник, выведенный из земли ударом трезубца Сивы, придает этому месту особенную святость. Соседние туземцы, полудикие буддисты, тоже спускаются с гор, чтобы отнести в Чандранат кости своих родных и положить их возле того места, где, как гласит легенда, стоял костер «Мудреца».

К востоку от Арраканского округа, водораздельная цепь известна под именем Иома, или «Становой хребет». Средняя высота вершин хребта Арракан-Иома превышает 1.000 метров, а некоторые из его пиков достигают, говорят, даже 1.500 метров; но на юг от Сандовея эта гряда съуживается и понижается; на материке она оканчивается у мыса Негре, продолжаясь в океане островом Препарис, далее Кокосовыми островами и, наконец, двумя архипелагами: Андаманским и Никобарским. Самый важный проход этой цепи—ущелье Аэнг или Ан (1.421 метр), очень крутое с восточной стороны; форт, защищавший перевал, был взят англичанами в 1853 году. Между горными породами хребта Арракан-Иома,—известняками и песчаниками меловой эпохи и третичных веков,—встречаются эруптивные породы; однако,

вулканов там до сих пор не найдено. Хотя прежде полагали, что на Арраканском побережьи, и особенно на двух островах Чедуба и Рамри, существуют огнедышащие горы, но это предположение оказалось ошибочным. Конусообразные горы этой области—простые сопки или грязевые вулканы. Таких вулканов насчитывают около тридцати в архипелаге, окаймляющем морской берег на юге от Комбермирской бухты; один только остров Рамри заключает в себе более половины этого числа, при том сопки его—самые высокие, и взрывы их отличаются наибольшею силой. На северной оконечности острова, близ города Киук-хпиу, или «Белый Камень», шесть грязевых вулканов расположены в ряд на возвышении почвы и поднимаются метров на десять, опоясанные кругом казуарин, ствол которых на половину зарыт в глине. Во время извержений грязь выливается через одну из трещин кратера, смешанная с остроугольными обломками скал. Дожди, падающие на скаты сопки, уносят, мало-помалу, землистые частицы и увлекают их к основанию конуса; остаются только каменные обломки, придающие целому вид горки из трахитовых лав. Каждый год или через каждые два года извержения грязи происходят с необыкновенною энергией; камни выбрасываются из жерла на большие расстояния; иногда воспламеняющиеся газы, вылетающие из кратера вместе с илом и каменными обломками, загораются самопроизвольно, освещая, словно маяк, остров и его подходы; при этом землетрясения колеблют страну. По словам островитян, самые сильные взрывы бывают преимущественно во время дождливого сезона. Несмотря на появление пламени при этих взрывах, кратеры сопок на островах Рамри и Чедуба никогда не извергают расплавленного огненно-жидкого вещества, которое можно было бы сравнить с лавой, вытекающей из настоящих вулканов. Правда, выбрасываемая грязь—очень горячая, но колчеданы и куски лигнита (ископаемый бурый уголь) не разлагаются от действия жара, развивающагося в этих вулканах; воспламенение газов, надо полагать, происходит от трения ударяющихся друг о друга каменных глыб: это, вероятно, явление, аналогичное явлению молний, которые рассекают столб пепла, поднимающийся из Везувия[1]. Грязи сопок на островах Рамри и Чедуба находятся в связи с соляными источниками; кроме того, ключи каменного масла бьют из земли в окрестностях или вытекают через отверстия тех же конусов.

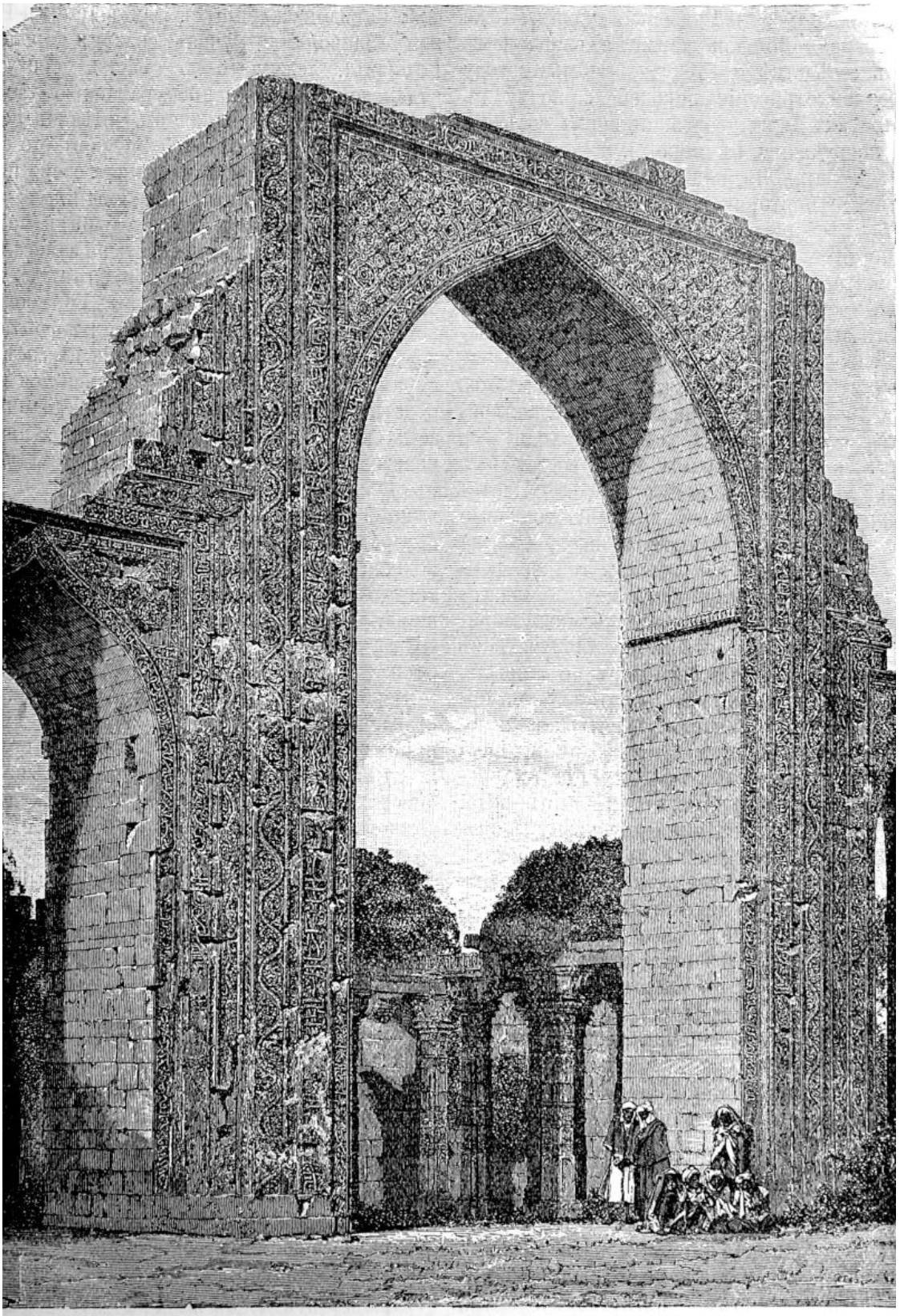
На пространстве от Джиттагонга до мыса Негре, где тоже встречаются грязевые вулканы, такого же происхождения, как и сопки на о. Рамри, морские берега носят на себе явные следы недавнего поднятия почвы. Около 1750 года, Круглый остров (Round island), лежащий к востоку от о. Чедуба, был приподнят землетрясением на несколько метров; окружающий его старый берег состоит из коралловых глыб, из раковин и из песка: можно подумать, что он только-что выступил из-под воды. Туземцы рассказывают, что во время этого события они находили несметное множество рыбы, которая вдруг очутилась заключенною в бассейнах, образовавшихся между приподнятыми рифами; тогдашний улов рыбы сделался легендарным. Во многих местах берег окаймлен, в виде карниза, известковым песчаником, содержащим разломанные раковины и растительные остатки, приносимые некогда волнами: эти карнизы, цементированные углекислою известью, находятся над уровнем самых высоких приливов, потому ли, что какое-либо внезапное движение почвы, в роде землетрясения 1870 года, приподняло их на теперешнюю высоту, или потому, что они постепенно повысились вследствие медленного поднятия почвы. Выступательное движение, имевшее место на берегах Арракана, определяют в 3 и до 7 метров в отвесном направлении: остров Чедуба лежит в центре направленного снизу вверх вертикального давления; с той и другой стороны возвышение берегов над их прежним уровнем было менее значительно[2]. Грязевые вулканы тоже подняли временно свои жерла над уровнем моря в соседстве о. Чедуба. В 1762 году большое землетрясение поколебало почву в окрестностях Джиттагонга, при чем соседние берега погрузились в море[3].

1 R. Mallet, „Records of the Geological Survey of India", 1878.

2 Halsted, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1841; Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".

3 Buist, „Journal of the Bombay Geographical Society", vol. XI, „Calcutta Review", 1876.

Во всей Бармании, или Бирмане, сотрясения почвы часто повторяются, и говорят, что во многих местностях, между прочим, в окрестностях города Бамо, на верхней Иравадди, жители не обращают внимания на дрожание земли—до такой степени они привыкли к этому яв-



Мечеть Кутабъ близъ Дели.

лению. Эти внезапные и быстрые колебания почвы, так же, как медленное поднятие Аракканских берегов, имеют, может быть, связь с явлениями вулканической деятельности, следы которой находят в различных частях страны. Так, во многих местах, на берегах моря, встре-

чаются латериты эруптивного происхождения; торговые города барманского побережья построены на почве этого рода, и на мысах той же формации высится большая часть пагод, на которые молятся, проходя мимо, туземные моряки[1]. Но в то время, как на Полуострове по сю сторону Ганга до сих пор не открыли, на плоской возвышенности, кратеров извержения, откуда были выбрасываемы лава и пепел, в Бармании существует, по крайней мере, один старый вулкан, со всеми характеристическими признаками гор этого рода: это Пуппа, Паопа или Паппа-дунг, возвышающийся на востоке от Иравадди, на юго-востоке от Пагана. Путешественники не указывают в бассейнах барманских рек ни одного грязевого вулкана, подобного сопкам островов Рамри и Чедуба, но источники воспламеняющихся газов встречаются во множестве; там и сям, когда пройдут лесные пожары джунглей, пламя, или «огни духов», как его называют туземцы, продолжает гореть над какою-нибудь расселиной в земле[2]. Соляные ключи обильно бьют из почвы у восточного основания хребта Арракан-Иома, расположенные, по большей части, на линии излома третичных горных пород; наконец, во многих местах рядом с соляными водами существуют источники каменного масла (нефти); уже многие века тамошние нефтяные колодцы доставляют туземцам осветительные масла, равно как ингредиенты, необходимые для приготовления смазочных масл и лаков; некоторые исследователи пытались даже, по количеству добываемой нефти, исчислять бирманское народонаселение[3]. Близ Иенан-Гиунга, или «Зловонного Ручья», села в королевской Бармании, лежащего на левом берегу Иравадди, ниже Пагана, пробуравлено более пятисот нефтяных колодцев, имеющих средней глубины от 60 до 75 метров; но сокрытое в недрах земли нефтяное озеро подвержено многочисленным колебаниям: часто источники иссякают, и тогда бурят почву по соседству, чтобы опять напасть на запас минерального масла; полезных нефтяных колодцев насчитывается около 150. Горное масло, которое бьет из земли кипящим фонтаном, черпается ведрами и очищается в соседних сараях; запах, распространяющийся в соседстве с этими источниками, достаточно резок. чтобы оправдать прозвище, данное деревне[4]. Керосин отправляют отсюда даже в Великобританию; эксплоатация этой драгоценной жидкости, среднюю годовую добычу которой определяют в 12.000 тонн, не подвергается опасности быть оставленною, тогда как разработка барманской соли заброшена, по невозможности конкуррировать с солью, привозимою из салин морского прибрежья и из соляных копей Англии.

Берега Джиттагонгский и Арраканский, выставленные всей силе юго-западного муссона, принадлежат к числу местностей, получающих наибольшее обилие дождей: нигде на этих берегах средний годовой слой выпадающей дождевой воды не бывает менее 3 метров, а во многих долинах, куда низвергаются облака, он достигает или даже превышает 6 метров (около 20 футов); но на восточном склоне гор, обращенных к Иравадди, количество атмосферных осадков гораздо меньше; ветры приходят туда уже сухие, потеряв влагу при проходе через горную цепь или параллельные цепи Джиттагонга и Арракан-Иома. Питаемые сильными ливнями, реки, изливающиеся в Бенгальский залив, между Карнапули и мысом Негре, многочисленны и катят огромную массу воды. Благодаря направлению горных хребтов, которые идут параллельно морскому берегу, некоторые потоки могли получить большое протяжение, несмотря на незначительную ширину покатости. Во всей своей верхней долине они текут от северо-запада к юго-востоку или в обратную сторону, смотря по направлению оси морского берега; усиленные притоками, которые текут параллельно им в длинных долинах и соединяются с ними через боковые ущелья, они являются уже не речками, а большими реками, когда, наконец, пробивают последние, встречающиеся на пути их, преграды. Если бы эти реки не были отделены от моря барами, на которых глубина воды изменяется от 2 до 4 метров, смотря по фазам луны, они могли бы давать доступ самым большим судам. Во

1 A. Bastian, „Ethnologische Bilder".
2 Theobald, „Records of the Geological Survey of India", vol, VI, 1873.
3 Crawford; Carl Ritter, „Asien".
4 H. Yule, „Reports of the Mission to Ava in 1877"; Fytche, „Burma, past and present".

время дождливого сезона суда вместимостью до 400 тонн поднимаются вверх по Куладане (Koladyne) или Акиабской реке на 120 километров от устья, а суда, вмещающие не более 40 тонн, проникают еще на 80 километров выше по течению. Прибрежные лагуны и ложные реки, сплетение которых меняется при каждом наводнении, соединяют несколько речных дельт, представляя внутреннему судоходству значительную сеть каналов. Но в открытом море берега низменны и усеяны рифами; рифы, заграждающие частью вход в Комберминскую бухту, заслужили название «Страшных».

Тунгты, или «Дети гор», населяющие возвышенные долины и террасы гор Джиттагонга и Арракана, разделяются на множество племен, из которых иные, как лушаи и шенду, независимы; другие, банги и панхо, не платят подати англичанам, но признают их верховную власть над собою; большинство же, типперахи, мрунги, куми, мро,—данники британского правительства. Начальники или старшины этих инородцев должны представлять в казну подушную подать за всех членов племени; оттого-то они так противятся тому, чтобы английские чиновники приступили к переписи населения их деревень; они берут эту обязанность на себя, из чего надо заключить, что действительное число горцев значительно превышает цифру их, значащуюся в оффициальных документах. Большие домоседы, почти никогда не спускающиеся из своих укрепленных становищ, тунгты сохранили свои старинные нравы и до сих пор продолжают боготворить силы природы, деревья, ручьи, горы. Окруженные уже две тысячи лет буддийскими населениями, они заимствовали от своих соседей лишь практику чародейства. Большинство поклоняется священному бамбуку, посаженному перед селением, и приносят ему кровавые жертвы; вероятно, этот религиозный акт того же происхождения, как и церемонии, справляемые племенем коль перед деревом сал (shorea robusta); те и другие должны просить прощения у растения, которое они вырвали и предали пламени, чтобы засеять свои поля хлебом[1]. Между типперахами всего дольше держались человеческие жертвоприношения; предания говорят о тысяче жертв, приносимых ежегодно в честь бога Сивы. Одно из племен, ку, имело привычку подвергать своих пленников пыткам.

Что касается магов или киунгтов, т.е. «Детей реки», которые живут в различных долинах притоков рек Карнапули и Куладан и составляют массу населения Арракана, то они давно уже обращены в буддийскую веру, говорят арраканским наречием, и те из них, которые умеют писать, употребляют барманский алфавит, слегка видоизмененный; сами они называют себя миам-ма, т.е. «барманцами», и никогда не принимают наименования маг, эпитета иностранного происхождения. Прямые, мужественные, честные, они очень выгодно отличаются своими сильными нравственными качествами от своих соседей бенгальцев[2]. Большинство магов, или миам-ма,—земледельцы и расчищают почву под пашни, предавая леса пламени пожара. Очень многие из этих горцев занимаются торговлей и смело пускаются в открытое море и на заливообразное устье Мегны в ладьях, остов которых связан лианами индийского тростника. Соседи их, племена чакма, цак или так в Джиттагонге, тоже исповедуют буддийскую веру; но, находясь в постоянных торговых сношениях с индусами, они мало-по-малу индианизируются[3].

Хами, т.е. «люди», называемые обыкновенно барманами оскорбительной кличкой квемьи, или «собачьи хвосты», за их костюм, населяют, в числе двадцати семи кланов, верхния долины Куладана и его притоков. Принадлежа к той же расе, как и барманцы, и говоря языком того же происхождения, они, однако, не приняли религии своих соседей, жителей равнин, но поклоняются предкам, гениям гор и рек, приносят им дары; две главные умилостивительные церемонии в году совершаются в эпоху посева и перед жатвой. В юридическом быту хами действует очень сложная и запутанная совокупность правовых обычаев, по которой каждое преступление, каждый проступок могут быть искуплены либо пенями, либо раб-

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".
2 Laws; Holdigh; Dalton.
3 Lewin, „Hill tracts of Chittagong and the Dwellers therein".

ством, временным или постоянным; по этому кодексу, женщина, рассматриваемая как существо бесправное, не платит проторей и убытков, равно как и сама не может получать их; простая собственность, такая же, как скот, она не имеет ничего, кроме того, что дает ей добрая воля отца, брата или мужа. Хижины, построенные из бамбука, расположены вокруг площади, деревенского форума, центр которого занят деревянным сараем или навесом, служащим в одно и то же время кузницей и постоялым двором для путников. Хами—искусные земледельцы и ведут деятельную торговлю с населениями равнины; акиабский рынок отправляет заграницу каждый год на несколько сот тысяч франков табака, хлопка, кунжута и других земледельческих произведений, получаемых из их края.

Племена хьенг (хьен, чинг), живущие к востоку от хами, в горах Арракан-Иома, преимущественно на южном склоне, гораздо менее цивилизованы и держатся особняком; они говорят особенным языком барманского корня, которого не понимают их соседи, хотя он содержит много хамийских слов. Эти туземцы—буддисты только в городах; в своих деревнях они поклоняются гениям деревьев, источников и в особенности духу бури. У них сохранились еще следы матриархата или главенства женщины: после свадьбы муж всегда идет жить к своей жене и покидает дом тестя, чтобы основать отдельное хозяйство, лишь после рождения первого или второго ребенка. Развод очень легок; достаточно простого желания одного из супругов; иногда разлучение покупается отдачей вьючного вола. Все хьенгские женщины прежде татуировались до совершенного искажения лица. С трудом можно было различить черты под сетью линий, покрывавших лицо; среди черной маски резко выделялся ярко красный цвет губ и десен, попорченных бетелем; по словам легенды, отцы и мужья, будто бы, нарочно так обезображивали их, чтобы положить конец умыканиям, которые некогда лишали нацию почти всех молодых девушек, в пользу одного племени похитителей[1]. Но этот обычай быстро исчезает, благодаря тому, что хьенги теперь находятся в частых сношениях с цивилизованными жителями равнины, которым они сбывают продукты своего звероловства, земледелия и промышленности, железную руду, мед, слоновьи бивни и ткани. У других народцев водораздельных горных цепей Джиттагонга и Арракана татуирование встречается только как исключительный случай. Из всех этих племен наименее цивилизованное—племя мро, обитающее на юг от хами, в самых недоступных долинах. Пугливые, постоянно на-стороже, мро еще недавно жили в настоящих гнездах на больших деревьях. Хами и другие горцы, которым нужно защищать себя только от диких зверей, ограничиваются тем, что ставят свои хижины на сваях, на высоте одного или двух метров от земли; мро же, которые должны были опасаться также нападения охотников за людьми, чувствовали себя в безопасности только на высоких деревьях; взобравшись в свою воздушную хижину, они тотчас же убирали подставляемую к дереву бамбуковую лестницу.

Предания связывают жителей морского прибрежья с населениями Передней Азии. Даже до буддийского периода индусское влияние было преобладающим на восточных берегах Бенгальского залива. Прибрежные жители приняли буддийскую веру, затем некоторое число их вернулось к браманству, а с девятого столетия магометане, проникнув в страну, распространили там учение своего пророка; однако, большинство последователей ислама в Джиттагонге и Арракане—потомки невольников, привезенных в край государями. Так же, как и другие жители, они говорят арраканским наречием. В прошлом столетия барманцы, перейдя хребет Арракан-Иома, овладели страной, но только для того, чтобы ввести там режим угнетения и хищничества; когда они вынуждены были, в 1826 году, уйти назад за горы и предоставить край англичанам, прибрежные местности представляли почти безлюдные пустыни. Теперь население быстро возростает; иммигранты из Индии приходят толпой, и китайцы поселяются в городах маленькими колониями. Между индусами вербуются даже служители буддийских храмов, так как арраканцы и барманцы выбирают для службы в пагодах предпочтительно людей, исключенных из всякой касты, каковы, например, члены племени дом. Скрещение рас делается преимущественно магометанами, которые охотно берут себе в

1 Dalton, „Ethnology of Bengal"; Ch. Alexander Gordon, „Our Trip to Burmah".

жены арраканок или девушек туземных племен, тогда как индусы, удерживаемые узами касты, стараются сохранить чистоту крови. В целом, население, в одно и то же время барманское и индусское по происхождению, по истории и по цивилизации, представляет смесь двух типов в чертах и в физиономии; лица не имеют ни лукавства индуса, ни простодушия барманца.

Город Джиттагонг (Читтагонг), или Суптаграм, Исламабад мусульман, которые составляют большинство населения, лежит не на берегу моря; это—собрание деревень, верфей, базаров, рощиц и садов, которое тянется на пространстве нескольких километров вдоль правого берега реки Карнапули, осененного деревьями; европейские дома рассеяны на холмах к северу от города. Во времена португальцев Джиттагонг, носивший тогда имя Порто-Гранде (Большой порт), вел значительную торговлю, которая впоследствии перешла к портам реки Хугли; но с половины настоящего столетия он снова занимает место между большими торговыми городами; хотя расположенный вне лимана Брахмапутры, он, тем не менее, сделался главным складочным пунктом внешней торговли для бассейна этой могучей реки, с которым его соединяет судоходный канал; в скором времени железная дорога должна связать Джиттагонг с сетью железных путей Бенгалии. Движение иностранной навигации в джиттагонгском порте в течение фискального 1874—1875 года: 435 судов, вместимостью в 170.164 тонны. Тысячи иммигрантов постоянно заняты в верфях и на складах; к несчастью, город, окруженный болотами, есть один из самых нездоровых мест на этом берегу, и порт его загражден баром, через который большие суда могут переходить только в часы прилива. По склонам гор, возвышающихся к востоку от Джиттагонга, именно в соседстве Бандарбана, тянутся обширные плантации чайного деревца. Недавно в этой стране найден новый вид носорога, с двумя рогами, *lasiotis*, названного так по причине длинной шерсти, которою опушены его уши.

К югу от Джиттагонга, другой порт, носящий английское имя Коксов Базар (Cox's Bazar), расположен у южного входа в лиман, отделяющий остров Маскаль от материка. При устье каждой реки выстроились торговые пристани, а важнейший торговый город поморья, Акиаб, занимает место, к которому сходятся самые многочисленные судоходные пути. Он не только находится при устье большой реки Куладан, но посредством лагун дельты и проливов соседнего архипелага сообщается почти со всеми городами Арракана; когда колесные дороги пройдут через хребет Иоми и когда верхняя Бармания не будет более изолирована таможенным кордоном, без всякого сомнения, Акиаб или какой-либо другой соседний порт сделается рынком Мандалая и Авы, потому что ниже этих столиц Иравадди следует направлению с северо-востока на юго-запад, и когда река поворачивает окончательно к югу, она отстоит от западного берега залива не более, как на 150 километров по прямой линии; через это место и должны будут проходить путешественники и товары, чтобы избежать огромного обхода в 1.000 километров через дельту Иравадди и мыс Негре. Главным рынком нижнего Куладана прежде был город Арракан, носящий теперь название Мрогунг, что значит «Старый город». Когда англичане овладели им, в 1826 году, оставленное ими там войско было почти все истреблено болотными лихорадками. Тогда поспешили выбрать другое место для резиденции правительства и перевели ее на 80 километров ниже по течению Куладана, близко к устью, где уже находилась маленькая рыбачья деревушка племени магов. Акиаб, который почти весь был построен галерниками, скоро сделался городом большой торговли, особенно по экспорту риса; в то же время он служит складочным местом для минерального масла, добываемого на острове Рамри. Движение судоходства в Акиабском порте в 1875 году: в приходе и отходе 1.170 судов, имевших общую вместимость 388.950 тонн. Ценность торговых оборотов в фискальном 1876—1877 году 34.583.650 франков.

Другие порты южного поморья, Киук-хпиу, на острове Рамри, и Сандовей (Тандвай), на континенте—маловажные местечки.

Главные города морского берега, между Брахмапутрой и мысом Негре:

Джиттагонг—24.000 жит.; Акиаб—34.000; Коксов-Базар—4.300; Мрогунг (Арракан)—3.000 жит.

III. Острова Андаманские и Никобарские

Эта длинная цепь островов в форме полумесяца, начинающаяся островком Препарис и оканчивающаяся в 900 слишком километрах к югу островом Большой Никобар, составляет продолжение хребта Арракан-Иома. Горные породы островных гор принадлежат к тем же формациям, как и породы континентальной цепи, направление хребтов то же самое, и подводные долины, открывающиеся с правой и с левой стороны Андаманских и Никобарских островов, ограничивают цоколь, частью погруженный в море, который поддерживает эти острова, соединяясь с мысом Негре. На севере Андаманских островов, порог, который разделяет заливы Бенгальский и Мартабанский, достигающие тот и другой слишком 2.000 метров глубины, имеет только 275 метров в самом впалом месте, и неглубокия пространства, мели, рифы, островки следуют непрерывным рядом с севера на юг по гребню погруженного в море перешейка. Гряда Андаманских и Никобарских островов составляет, очевидно, часть орографической системы всего Индо-Китая. Загибаясь к юго-востоку, цепь Никобарских островов сообразуется с общим расположением Полуострова по ту сторону Ганга, как оно указано направлением горных осей, главных речных долин и полуострова Малакки. Остров Суматра ориентирован в параллельном направлении, так же, как Ниас и соседния земли, продолжающие на юго-востоке Никобарский архипелаг. Андаманские и Никобарские острова, хотя принадлежащие географически к Индо-Китаю, причислены, в административном отношении, к Калькутте, как области барманского поморья. Впрочем, они принадлежат к числу наименее утилизизируемых владений Англо-индийской империи.

Пространство и население архипелагов:

Андаманский—6.497 кв. кил., 22.000 жит.; Никобарский—1.772 кв. кил., 7.000 жит.

Андаманские острова, вероятно, были известны уже древним; по мнению Юля, острова *Агату Даймонос*, или «Доброго Демона», могли быть так названы просто благодаря игре слов, примеры которой так обыкновенны в номенклатуре мест; что касается имени островов Барусских, которым Птоломей означает островную группу крайнего Востока, то полагают, что в нем можно признать Ланка-балус, наименование, которое первые арабские мореплаватели давали Никобарским островам[1]. Арабские мореплаватели девятого столетия, рассказы которых были переведены Ренодо и Рено, суть первые, которые упоминают неоспоримо об Андаманских островах и дают некоторые сведения об их географическом положении и обитателях. Марко-Поло упоминает о них под именем Ангаманайн,—арабская форма, которой приписывают смысл «Два Ангамана». Репутация людоедов, приписанная туземцам, и недостаток карт, которые могли бы служить путеводителями морякам в этих морях, усеянных рифами и часто посещаемых малайскими пиратами, долго заставляли мореплавателей обходить эти острова; исследование архипелага началось лишь в конце прошлого столетия, со времени основания колонии в одном из портов восточного берега.

Остров Препарис и два островка, называемые Кокосовыми (по-английски *Coco Islands*), которые составляют часть соединительного порога между Андаманским архипелагом и барманским берегом,—не более, как скалы, едва выступающие из-под воды; но совокупность земель, которой иногда дают имя Большого Андамана, представляет плоскогорье, длиной слишком в 250 километров, при средней ширине от 25 до 30 километров; три извилистых и неглубоких пролива разрезывают эту землю на четыре главные отрывка, вокруг которых группируются несколько островков; только двумя из этих морских каналов корабли могут проходить из Бенгальского в Мартабанский залив. На Большом Андамане цепь холмов тянется от одного конца острова до другого, поднимая свои гребни на несколько сот метров:

1 H. Yule, „Encyclopaedia Britannica“; Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

одна из вершин, Седлообразный Пик (Saddlepeak), на северном острове, имеет 900 метров высоты; другая, на южной оконечности цепи, возвышается на 420 метров. От верхушки до основания холмы сплошь покрыты лесами, где мореплаватели не примечают ни одной прогалины. До высоты 50 метров деревья и лианы образуют почти непроницаемую массу растительности, куда звери так же не отваживаются пробраться, как и люди; но натуралисты задают себе вопрос, не будучи в состоянии решить его: почему кокосовые пальмы, растущие в таком множестве в Никобарском архипелаге и на двух островках, которым они сообщили свои имя, не встречаются нигде в диком виде на берегах Андаманских островов или на островке Препарис? А между тем, эти деревья с полным успехом разведены в плантациях около Порт-Блера[1].

Животные формы своею малочисленностью составляют резкий контраст с растительными видами. В то время, как пальмы и бананы, древовидные молочаи, эбеновое и железное дерево и большинство древесных пород континентальной Индии теснятся в громадном лесу Большего Андамана, единственные дикия млекопитающие, живущие среди этой могучей растительности,—это, во-первых, один вид кабана, на которого охотятся туземцы, затем летучия мыши, крысы, дикая кошка, белка да еще ихневмоны или мангусты, которые наносят большой вред плантациям[2]. Пресмыкающиеся гораздо менее многочисленны, нежели на соседнем материке, и редко когда увидишь птиц, летающих над лесами или в болотах поморья, осененных корнепусками. Что касается рыбы, то она во множестве населяет бухты и бухточки, а в соседстве берегов образуются коралловые мели. Несколько атоллов, впрочем, гораздо менее правильных, чем атоллы Малдивских островов, поднимаются над поверхностью моря на западной стороне Большого Андамана. Этот западный берег, о который с страшною силой разбиваются морские волны, гонимые юго-западным муссоном, опаснее восточного, и мореплаватели стараются избегать его. На восточной стороне находятся два главные порта архипелага: порт Корнваллис, на северном острове, и порт Блер, на южном. Этот последний есть одна из лучших и обширнейших гаваней Индийского океана, и положение его между Калькуттой и Сингапуром указывает на него, как на естественное сборное место флотов.

Малый Андаман, отделенный от Большого порогом около 45 километров шириною, имеет треугольную форму, менее высок, чем северные острова, но состоит из тех же горных пород и покрыт такою же густою растительностью. Он заканчивает собою архипелаг на юге; но на востоке два островка, поднимающиеся из морских пучин, имеющих несколько сот метров глубины, могут быть рассматриваемы как принадлежащие к группе Андаманских: это два вулкана—о. Наркондам и о. Баррен-Айленд, или «Безплодный Остров». Три конуса Наркондама, из которых самый высокий поднимается на 800 метров, сплошь покрыты лесами; на эти горы еще никто не всходил, тогда как вулкан о. Баррен-Айленд, имеющий около 300 метров высоты и не менее 10 километров в окружности основания, был часто посещаем. Кратер его, посредине которого выдвинулся второстепенный конусообразный холм, с отверстием или каналом внутри, в роде печной трубы, имеет, с одной стороны, пролом, доходящий почти до уровня моря; очевидно, когда-то извержение лавы и пепла разломало боковую стену вулкана после того, как сбросило всю его верхнюю часть. В конце прошлого столетия и в начале настоящего огнедышащая гора бесплодного острова освещала, как маяк, воды залива[3]; теперь она пребывает в состоянии покоя, так же, как и вулкан острова Наркондама, извержения которого не случалось видеть ни одному путешественнику. В то время, как выступившие из-под воды плоские берега свидетельствуют о поднятии Арраканского побережья и Никобарских островов, Андаманские острова, лежащие между этими двумя областями повышения почвы, кажется, составляют площадь понижения, потому что во многих местах береговой полосы найдены остатки поглощенных морем лесов, состоящих из корнепусков, а также из деревьев, растущих всегда на землях, совершенно выступивших из-под воды. Но это,

1 V. Ball, „Jungle Life in India".
2 V. Ball, цитированное сочинение.
3 Blair, „Asiatic Researches", 1795.

может быть, местные явления, и на многих соседних берегах размывания могут быть производимы действием течений: на западной стороне некоторые раковинные мели были, повидимому, приподняты[1].

Немногочисленные обитатели архипелага, андаманцы или минкопы, разделяются на множество диких племен, которые, пользуясь дурной славой жестокости, долгое время отдаляли от этой островной группы всех исследователей. Тем не менее, эти народцы принадлежат к числу тех, которые наиболее интересуют антропологов, по причине изолированности, в которой они жили, и тех особенностей, которыми они отличаются. Их обыкновенно причисляют к «пеласгийским неграм» или «негритосам», встречающимся на различных островах Малазии[2]; однако, они ни мало не походят на настоящих негров, исключая цвета кожи: лоб у них широкий и выпуклый, нос выдающийся или даже орлиный, губы не очень толстые; по словам большинства посетивших их английских путешественников, волоса у них не курчавые, а только разделены на маленькия космы; впрочем, убедиться в этом трудно, так как большинство андаманцев имеет привычку тщательно выбривать себе голову с помощью острых раковин или кусков стекла; они оставляют только косу в роде гребня, всегда подрезанную очень низко и занимающую середину черепа, между лбом и затылком[3]. Хотя на островитян Андаманского архипелага иногда указывали, как на людей, отличающихся, во всей совокупности своего племени, совершенным тожеством типа, однако, они далеко не представляют одной и той же формы черепа: одни из них принадлежат к длинноголовым (долихоцефалы), тогда как другие причисляются к короткоголовым (брахицефалы)[4]; нужно, однако, заметить, что по этому вопросу краниологи сделали не мало ошибок, благодаря тому обстоятельству, что под именем черепов минкопов в Европу нередко присылались черепа уголовных преступников, содержавшихся в пенитенциарной тюрьме андаманского города Порт-Блер[5]. Но все писатели единогласно называют андаманцев малорослыми; ни один из виденных путешественниками индивидуумов этого племени не был выше 1,60 метра (2 аршина 4 вершка); средняя величина роста варьирует от 1,45 до 1,52 метра[6]; можно встретить даже целые семейства, в которых ни один из членов не достигает 1,40 метра[7]. Впрочем, несмотря на свой маленький рост, минкопы хорошо сложены и очень стройны.

По словам Мэна и Темпля, наречия андаманских племен, до такой степени различающиеся одно от другого, что островитяне севера не понимают островитян юга, близко подходят по синтаксису к дравидийским идиомам; Латам считает их родственными барманским языкам. Впрочем, эти туземные говоры чрезвычайно бедны; они даже не имеют слов для выражения чисел и уже усвоили себе множество терминов английских и из диалекта индустани. Часто андаманцы, как и большинство дикарей, отвечают вопрошающему, повторяя предложенный им вопрос; принимая это повторение вопроса за ответ, путешественники нередко впадали в ошибки, делали неверные заключения и вследствие того несправедливо обвиняли своих собеседников во лжи.

Андаманцы, по крайней мере мужчины, носят одежду только в соседстве европейских поселений; во многих деревнях, колонисты дают им на время пребывания костюм, который они напяливают на себя, не протестуя, но с радостью возвращают его при отъезде; они очень жалеют англичан, когда видят их входящими в джунгль в одежде, в которую заползают тысячи насекомых. Но, хотя и голые, андаманцы очень заботятся о своем теле. К украшениям татуировки они прибавляют еще живопись, т.е. разрисовывают себя красками; по вечерам, они окрашивают себе тело красноватой охрой, которую извлекают из теплых минеральных

1 Medlicott and Blanford, „Manual of the Geology of India".
2 Pritchard, „Natural History of Man"; De Quatrefages, „Revue d'Anthropologie", tome I, 1872; Topinard, . „Anthropologie".
3 Fytche, „Transactions of the Ethnological Society", vol. V.
4 Busk, тот же сборник, том IV.
5 Francis Day, „Proceedings of the Asiatic Society", june 1870.
6 Mouat; Saint-John; Smith; Dobson; Lane Fox.
7 Tytler; Verreaux, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1866.

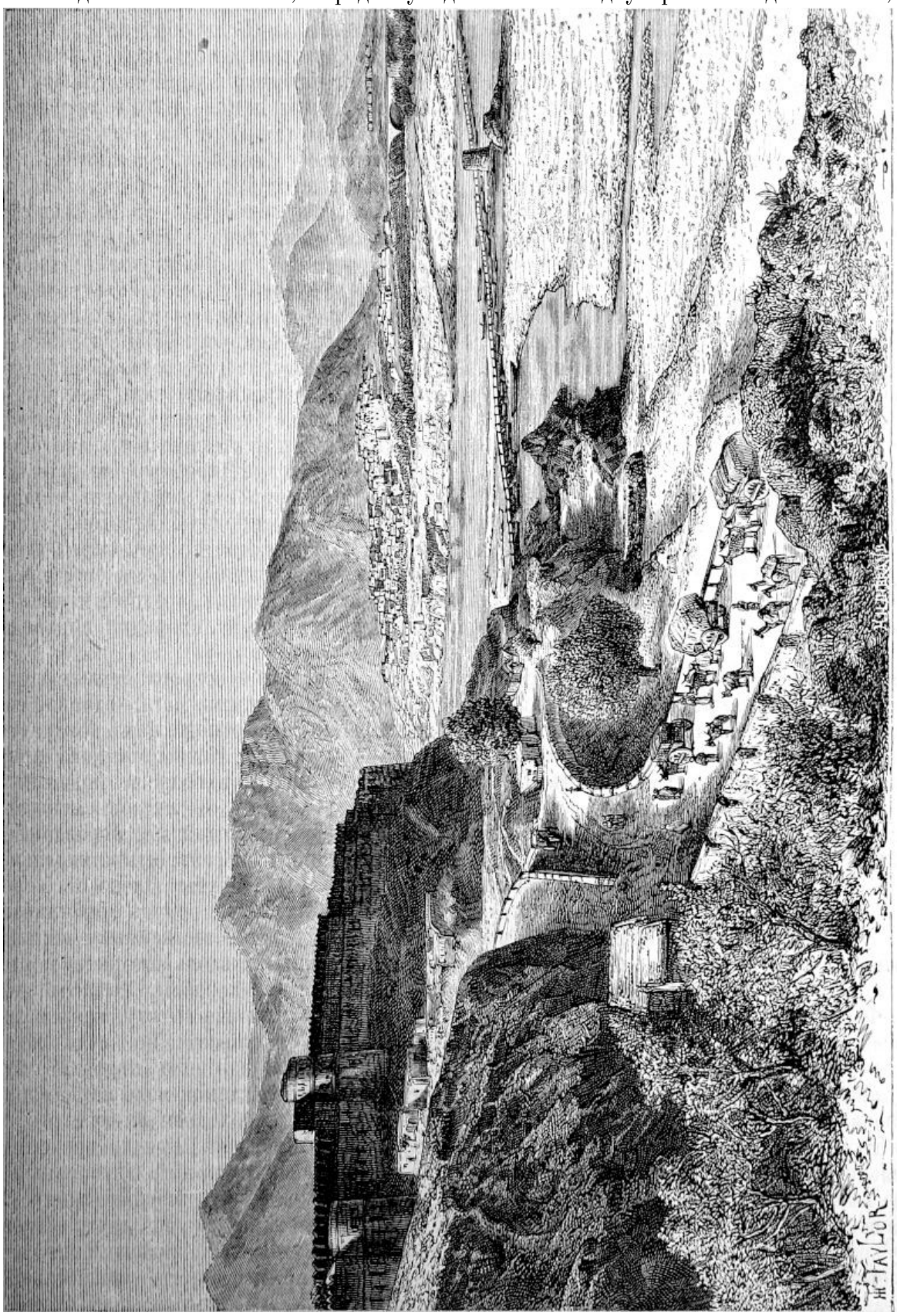
ключей; они употребляют также, для придания большей красы своей наружности, желтоватую грязь, к которой примешивают какия-нибудь жирные вещества, например, черепашье масло: так они защищают себя от нападений москитов и других насекомых-мучителей; пластыри из грязи служат также для лечения болезней[1]. Подобно некоторым дикарям Австралии, минкопы свидетельствуют о своем трауре, разрисовывая себе физиономию символическими знаками; точно также они и покойнику раскрашивают все лицо, в знак уважения. Когда мясо похороненного трупа сгниёт, кости вынимают из могилы и сохраняют на память о покойнике. Обыкновенно, вдова носит привязанный через плечо череп мужа и употребляет его как ящичек, храня в нем свои самые драгоценные вещи.

Хижины андаманцев едва заслуживают этого имени: это простые шалаши из пальмовых листьев; часто туземцы довольствуются, для своего крова, большими деревьями или углублениями скал. Вокруг их становищ мало-по-малу накопляются кости животных, остатки рыбы, раковины; когда вонь делается слишком невыносимою, отправляются искать нового места; несколько часов достаточно, чтобы основать новую деревню. Вообще говоря, минкопы селятся на берегу моря; однако, они бродят также во внутренних областях, и даже одному из племен не дозволяется его более могущественными соседями спускаться к морским берегам. Хотя кочевники, андаманцы очень дорожат своими традиционными правами над лесами и берегами моря, и та или иная чаща, та или иная скала зелени слывет у них символом собственности. Почти возле каждого становища выбирается большое дерево, хорошо защищенное от ветра, как «дерево огня»: жар медленно горящий в дупле ствола и покрывающийся золой, служит им для поддержания огня и для варки или печенья кушанья[2]. Андаманцы совершенно незнакомы с искусством возделывания почвы, но как звероловы и рыболовы они отличаются замечательным уменьем и ловкостью; их меткия стрелы всегда без промаха попадают в птицу или в кабана; маневрируя в своих челноках, они обгоняют гички лучших английских гребцов. На *аутриггерах* (ourtiggers), или суденышках, управляемых с помощью длинного шеста, в роде цейлонских, они смело пускаются в открытое море, верст за сто от берега.

Прежние мореплаватели ославили андаманцев свирепыми дикарями и создали им дурную репутацию, которой они ни мало не заслуживают. Эти островитяне вовсе не людоеды, как о них рассказывали прежде; но они очень обидчивы, вспыльчивы и мстительны. Точно дети, повинующиеся впечатлению минуты, они, под влиянием вспышки гнева, совершают внезапные насилия, но очень мало нужно для того, чтобы успокоить их: достаточно доброго слова, чтобы разнять двух дерущихся противников, которые готовы были убить друг друга и которые вскоре после того бросаются со слезами в объятия один другому. Вообще, на всем свете нет людей, у которых слёзные железки были бы более деятельны, чем у андаманцев. Когда два племени встречаются, женщины начинают плакать, и вскоре мужчины принимаются вторить им; иногда этот плач продолжается по целым дням; песни и пляски следуют лишь за сценами проливания слез[3]; но стоит только одному из плачущих испытать какую-нибудь маленькую неприятность,—и ссора возгорается. Даже именно во избежание этих ссор и драк, племена подразделяются на многочисленные группы; редко можно встретить в одном становище больше тридцати человек. Строгие единобрачники, андаманцы, вообще говоря, очень благоволят к своим женам и оказывают беспредельную любовь к своим детям: как только совершился акт родов, перед собравшимися семействами, как того требует обычай,—новорожденный переходит с рук на руки, и каждый из присутствующих осыпает его ласками. Детям позволяется удовлетворять все свои капризы, но когда, по достижении совершеннолетия, они приготовляются ко вступлению в брак, их подвергают разным испытаниям, в особенности лишению любимой пищи, для того, чтобы сформировать их характер до основания новой семьи. С того времени, как туземцы вступили в сношения с европейцами,

1 J. Jagor, „Berliner Zeitschrift fur Ethnologie".
2 Mouat, „The Andaman Islanders".
3 Francis Day, „Proceedings of the Asiatic Society", june 1870.

они, кажется, утратили некоторые из своих примитивных качеств, хотя не научились почти ничему полезному. По свидетельству Френсиса Дэ, число их быстро уменьшается; смертность на детях очень велика, и редко увидишь больше двух ребят в одной семье; лишь



Атокская цитадель и мость на Индѣ.

немногие из островитян переходят за сорокалетний возраст; болезни, от которых страдают европейцы под сырым климатом Андаманских островов, поражают также и туземцев. Все вместе, девять племен минкопов составляют не более 5.000 душ. Главное племя, то, которое

владеет почти всем южным островом, называется богингигиди; на этом острове есть несколько метисов, помесей различных рас, представленных в пенитенциарной тюрьме Порт-Блера.

Первые карательные колонии были основаны на северном острове, в 1791 и 1793 годах; эта последняя—на берегу обширного и прекрасного порта Корнваллийского; но крайне нездоровый климат этой гавани, окаймленной корнепусками на большей части её окружности, заставил покинуть это поселение. Новые пенитенциарии, построенные после подавления сипайского мятежа, находятся на небольшом острове Росс, при входе в порт Блер, и на южном острове, близ местечка Гоптаун. Уголовные преступники, признаваемые наиболее опасными, заключены на острове Ехидны. Большинство 8.000 ссыльных живут на свободе и занимаются рыболовством и хлебопашеством в окрестностях Порт-Блера, и на другой стороне острова, около порта Муат; что касается осужденных на каторгу, то их употребляют на работы по постройке зданий и дорог, а также по расчистке джунглей для тропических культур. Смертность ссыльных, прежде доходившая до 125 на 1.000 в год, теперь не превышает смертности в самых здоровых местностях Индии. Даже в полной неволе, индусы делятся на строго разграниченные касты и энергически отказываются есть и работать вместе.

Никобарские острова не представляют в своем расположении такой правильности, какою отличаются острова Андаманские. Направляя свою ось с северо-запада на юго-восток, они делятся на три группы: на севере, Кар-Никобар и остров Батти-Мальве; по середине, архипелаг, главная земля котораго—остров Каморта; на юге, острова-близнецы Большой и Малый Никобар, окруженные островками; всего, не считая рифов, около двадцати островков выступают из глубоких вод; малайцы дают им название «Девяти островов». С 1711 года два французские миссионера, иезуиты Фор и Буне, взяли во владение одну из земель в середине архипелага, но вскоре после того были умерщвлены. Новая попытка была сделана в 1755 году. Датская экспедиция, отправившаяся из Транкебара, поселилась на южном острове Сиамбалонг, называемом теперь Большим Никобаром. Весь архипелаг получил имя «Новой Дании»; но менее чем в три года все датчане, один за другим, покинули эту колонию. Затем немецкие миссионеры, принадлежавшие к секте моравских братьев, пытались, в свою очередь, присоединить к европейскому миру населения архипелага и основали, в 1768 году, поселение на острове Нанкаури; оно просуществовало около десяти лет, до того времени, когда островом овладела австрийская экспедиция; но построив редут и выпустив привезенный с собою скот на волю в леса, эта экспедиция уехала, оставив гарнизон, состоявший всего из трех человек, которые воспользовались первым удобным случаем, чтобы бежать из колонии. В 1807 году архипелаг сделался оффициально собственностью Великобритании, но вскоре после того опять перешел под власть Дании, по решению венского конгресса; однако, никакой новой попытки колонизации не было сделано до 1831 года. Но и на этот раз датчане не лучше успели, чем прежде, и в 1837 году датский губернатор, отказываясь даже от прав собственности, потребовал обратно у старшин знамена и начальнические жезлы, которые он им пожаловал. Однако, в 1845 году возобновили попытки введения земледелия с помощью нанятых китайских кулиев, но произведенные ими расчистки земель под пашни не имели другого результата, кроме того, что увеличили ряд неудач; острова снова были покинуты представителями Дании, и английское правительство снова овладело в 1869 году Никобарским архипелагом, присоединив его к своим колониям Андаманского архипелага. До этого захвата, немецкие патриоты тщетно предлагали Пруссии завладеть этими островами без европейских владельцев, островами, вредный климат которых, порождающий лихорадки, справедливо пугает европейцев.

Хотя Никобарские острова лежат на продолжении Андаманских, они, однако, составляют во многих отношениях контраст с этим архипелагом. Южные острова принадлежат, очевидно, к области поднятия почвы; там до высоты 60 метров ясно видны прежние, теперь приподнятые, коралловые берега[1], и бахромы рифов, окаймляющие почти все побережье,

1 Rink, „Die Nikobarischen Inseln".

выдвинуты далеко в море; во многих местах они вдруг оканчиваются отвесными стенами, естественными вертикальными набережными, вдоль которых могли бы становиться рядами корабли. Лесистые холмы имеют почти такую же высоту, как и холмы Андаманских островов; но, судя по их форме, некоторые из них, вероятно, вулканического происхождения; мало найдется гор, которые бы так походили на вулкан, как конусообразный остров Бомпока, представляющий на вершине обширный зазубренный кратер, весь наполненный зеленью; однако, Баль не видал там лавы. Группа двух островов, маленького Бомпока и большего Тересса, расположенного полумесяцем, удивительно напоминает своею формой острова Санторин, в Эгейском море. Самая высокая вершина архипелага находится в северной части Большого Никобара; она достигает 720 метров, и с массива, над которым она господствует, спускается настоящая река, которой дали имя Галатеи, в память корабля, посланного для географических исследований датским правительством.

Так же, как Андаманский архипелаг, Никобарские острова имеют чрезвычайно богатую флору и очень бедную фауну; но в этом отношении две островные группы представляли замечательные контрасты. До прибытия европейцев, земли Большого Андамана не имели ни одного кокосового дерева на своих берегах, тогда как эти пальмы образуют настоящий пояс на некоторых из Никобарских островов. На острове Качал и на многих других землях Никобарского архипелага растет знаменитая сешельская пальма, плод которой известен под именем «морского кокоса». Никобарские острова имеют также некоторые животные виды, каких нет на Андаманских. В лесах острова Каморта бродят буйвол и вепрь, опасные животные, но, вероятно, эти звери происходят от тех, которые были пущены датчанами в леса[1]; на Большом Никобаре, как говорят, водится одна порода оленя; на том же острове есть одичалая собака, преследующая стада. В лесах обитают также белки-летяги и обезьяны, а между пресмыкающимися открыты две ядовитые змеи; на Кар-Никобаре существуют несколько других ядовитых змей, по рассказам туземцев, которые из-за этих опасных гадов боятся даже ходить в лесные чащи; два вида больших ящериц населяют пресные воды поморья, но они не нападают на человека. Натуралисты констатировали в этом архипелаге существование около сорока различных видов птиц, в том числе ласточки-салганы, которая вьет свое, скрепленное клейким веществом, гнездо в углублении скал. Огромное ракообразное, *birgus latro*, живет в норе у подошвы деревьев; говорят, оно всползает на кокосовые пальмы, чтобы подрезывать на них орехи, которые служат ему пищей[2]. Соседния моря не дали естествоиспытателям богатой добычи, какой они ожидали[3].

Никобарцы не имеют никакого расового сходства с минкопами Андаманских островов. Роста они выше среднего и далеко не так черны, как андаманцы: цвет кожи у них бронзовый. Они вовсе не татуируются и редко раскрашивают себе тело: вместо того, чтобы обмазываться охрой или глиной, как делают их северные соседи, они напитывают себе тело кокосовым маслом, которое укрепляет кожу и отгоняет насекомых своим резким запахом. Они имеют вообще челюсти выдающиеся, нос очень широкий, глаза слегка скошенные; неумеренное употребление листьев бетеля, вредное действие которых, вероятно, еще усиливается каким-нибудь специальным приготовлением этой жвачки, не только делает черными зубы, но поражает также губы, так что на двадцатом году туземцы уже с трудом могут закрывать рот. Матери имеют привычку сплющивать череп своим детям, оттого никобарцы—«плоскоголовые», как индейцы этого имени в Северной Америке. Обыкновенно, обитателей Никобарских островов причисляют к малайцам или к помесям индо-китайских наций; имя Малакка, принадлежащее двум самым большим селениям островов Кар-Никобар и Нанкаури (Nangkowri), кажется, указывает, по крайней мере, на близкия отношения между островитянами и малайцами ближайшего берега материка, однако, физические черты и нравы тех и других несходны. По Репсторфу, они походят на бутанов Формозы больше, чем на всякую

1 Latrobe, „Letter on the Nicobar Islands".

2 V. Ball, цитированное сочинение.

3 „Reise der Oesterreichischen Fregatte „Novara", 2-ter Band.

другую народность Азии[1]. Холодные, ко всему равнодушные с виду, никобарцы выказывают, однако, большое рвение к удовлетворению своего тщеславия, покупая какую-нибудь принадлежность европейского костюма, верхнюю одежду, рубашку или головной убор; главный предмет их желаний составляет черная шелковая шляпа, и нет ничего забавнее, как видеть этих голых людей, с презрением отвергающих все предлагаемые им одежды, чтобы предпочесть головной покров английского джентльмена: в эпоху путешествия австрийского фрегата «Новара», в 1858 году, средняя цена черной шляпы была 1.600 кокосовых орехов. Правда, что ношение шляпы составляет аристократическую привилегию и дает счастливому избраннику право называть себя «капитаном». Мужчины носят длинные волосы, а женщины бреют себе голову.

Деревни, построенные на плоских коралловых берегах, состоят из целых круглых, конусообразных хижин, поставленных на сваях; приливный поток, проходящий под этими шалашами, уносит кухонные остатки. Жилища содержатся очень опрятно, хотя женщины исполняют в них все свои хозяйственные работы, между которыми главное место занимает тяжелый труд приготовления *ларома*, или пандanового хлеба. Ширмы, построенные перед деревней, жерди, воткнутые в землю подле хижин, закрывают доступ злым духам; никобарцы не принимаются ни за какое дело, пока не очистят воздух от гениев, которыми он кишит; когда задумано какое-нибудь предприятие, то приглашают заклинателя, чтобы он заговорил бесов (иви). Иногда строят лодку-фетиша, затем, поломав все вещи, которые считают часто посещаемыми нечистой силой, сгоняют злых духов в лодку криками и притворной битвой; гребцы буксируют челнок на большое расстояние от берега, бросают его середи моря, а сами удирают без оглядки. Но если бури или зыбь опять пригонят к берегу, по близости какого-нибудь селения, лодку-фетиш с её грузом злых духов, то туземцы, получившие этот опасный подарок, объявляют войну виновному племени. Редко, впрочем, случается, чтобы битвы имели фатальный конец. Мужчины дерутся только палками, и когда противники слишком разгорячатся, женщины, размахивая обнаженными саблями, бросаются между сражающихся; баталия обыкновенно завершается шумной пирушкой. Никобарцы не только не присвоивают себе власти над своими женщинами, но скорее считают их выше себя. В семьях, девушки,—сравнительно менее многочисленные, говорят,—имеют первенство над парнями; они сами выбирают себе супруга и им же принадлежит право развода: когда муж не нравится, жена отсылает его от себя, чтобы взять себе другого, и никто не может противиться её воле. Однако, когда муж умирает, жена должна выказывать великую скорбь, приличие требует, чтобы она отрезала себе сустав пальца; но многие заменяют эту операцию широкою зарубкой в одном из столбов, поддерживающих хижину. У этих племен не существует никакого правительства; люди, обязанные своей шляпе или любезности европейских мореплавателей титулом «капитана», не имеют никакой власти, соответствующей этому слову, которым они так гордятся. «Общественная связь туземцев—говорит один писатель,—состоит во взаимности обязанностей; это связь самая простая и лучшая из всех»[2].

У никобарцев есть садики, которые они возделывают с большим уменьем, но кокосовые пальмы, панданы и другие фруктовые деревья доставляют им, вместе с звериной и рыбною ловлей, пищу слишком изобильную, чтобы они стали много заботиться о культуре почвы. Как моряки, они не уступают в ловкости андаманцам и кажутся неутомимыми в плавании. Они довольно искусны в некоторых ремеслах, как о том свидетельствует резьба на мебели, в их хижинах, и на их ладьях с балансерными шестами: на островке Чаура, самом населенном сравнительно с пространством, жители, которым слишком тесно на этом маленьком клочке земли, занимаются выделкой глиняной посуды, которая раскупается у них во все части архипелага. Они пишут также иероглифы на пальмовых листьях, чтобы сохранить память о важных событиях и помнить заключенные договоры; лица, животные и разные предметы домашнего хозяйства изображены на этих семейных архивах, на которых развешены коко-

1 „Geographical Magazine", February 1, 1875.

2 Hamilton, „Recherches asiatiques", tome II.

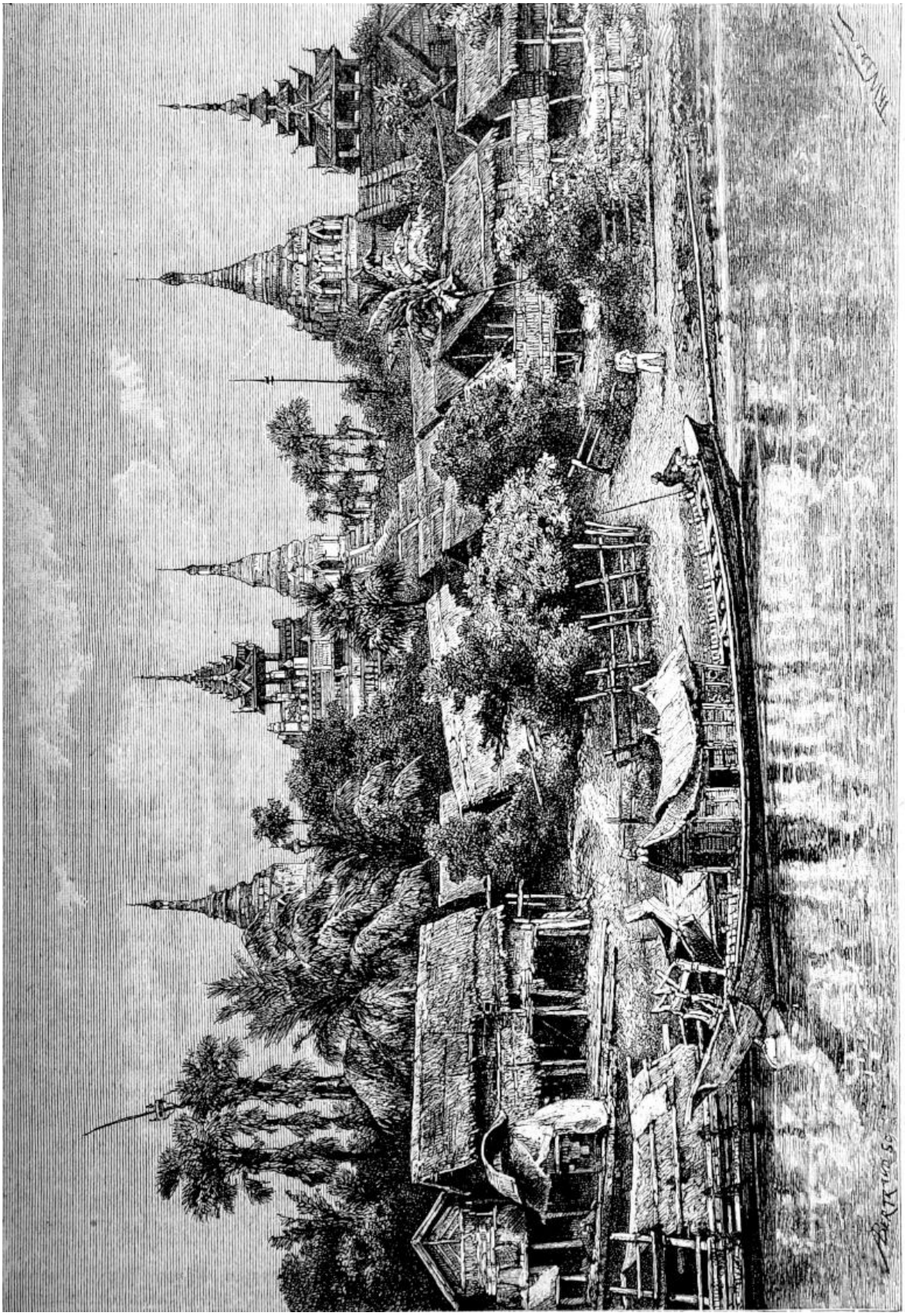
совые орехи и длинные узкия полосы сушеного мяса[1]

Никобарцы охотно обменивают свои произведения, и так велика их честность в этих торговых сделках, что иностранные купцы не боятся давать им вперед все, в чем они нуждаются, взамен простого обещания уплатить кокосовыми орехами из будущего сбора[2]. В борьбе, которую им не раз приходилось выдерживать против европейцев или малайцев, редко бывало, чтобы они первые подали повод к неприязненным действиям. «Мы добрые,—говорил один туземец австрийцам с фрегата «Новара»,—а в вашей земли люди, значит, злые, если вам нужно столько пушек и ружей?» Как многие другие нецивилизованные народцы, никобарцы были деморализованы чужеземными коммерсантами: губительный арак, который им дают, главным образом, в обмен за орехи или кокосовое масло, распространил между ними привычку к пьянству, и, по свидетельству путешественников, смертность теперь уже превышает рождаемость у различных племен архипелага. Так же, как на Андаманских островах, между никобарцами редко можно встретить человека, перешедшего за сорок лет. Трауры сделались очень часты, а оплакивать покойника—дело не шуточное. Впродолжении двух или трех месяцев, родственники умершего воздерживаются от всяких забав, не дотрогиваются ни до одного любимого кушанья, не терпят ни пляски, ни пения в деревне, и справляют от времени до времени продолжительные похоронные церемонии; еще на двадцать первом году после погребения семейство ходит совершать поминки на могиле усопшего. На детей, завладевающих частью отцовского наследства, смотрят как на каких-то бесчувственных выродков; все, что служило никобарцу во время его жизни, должно быть сломано, разбито и погребено вместе с ним[3].

По рассказам туземцев, *бажу*, т. е. «люди», не единственные обитатели Большого и Малого Никобара; в лесах внутренней части островов живут, будто бы, еще «лесные люди», оранг-утанги, дикари с длинными волосами, питающиеся змеями, жабами и крокодилами[4]. Настоящее их имя—шобенг; по Репсторфу, лицо у них плоское, как у монголов; по Беллю, они походят на минкопов. К этим представителям двух различных рас, которые составляют немногочисленное население архипелага, теперь прибавились люди всякого рода и племени, ссылаемые сюда англичанами. Уголовно-исправительное поселение, подчиненное андаманскому тюремному управлению, было основано в 1869 году на острове Каморта, на северной стороне пролива Нанкаури, великолепного порта, имеющего на севере и на юге второстепенные гавани, которые сообщаются двумя глубокими каналами с восточным и западным морями. Вокруг этой колонии почва распахана, плантации распространяются постепенно все далее и далее вглубь острова, и ссыльные индусы поселяются в прогалинах лесов. Благодаря расчистке и распашке девственных земель, климат Никобарского архипелага, столь опасный, ассенизируется мало-по-малу. До основания пенитенциарной колонии в Нанкаури, первое место между островами архипелага, по торговле, занимал северный остров, Кар-Никобар; из трех миллионов кокосовых орехов, экспортируемых ежегодно, более двух третей вывозились с этого острова. Туземцы носят вообще английские имена; очень искусные лингвисты, они свободно объясняются на языках моряков, посещающих их острова, каждый из них знает малайский язык, почти все говорят по-английски, по-португальски, по-бармански или по-индустански.

1 V. Ball. „Jungle Life in India"; „Indian Antiquary", vol. 4, 1875.
2 Distant, „London Anthropological Institute"; „Ausland" 1873, №14.
3 Roepstorff, „Geographical Magazine", febr. 1, 1875.
4 Birch, „Calcutta Review", july 1878; Rink; von Scherzer, „Novara".

IV. Бассейны Иравадди и Салуэна



Ienанъ Гіунгъ. Видъ съ Либрауадди.

Манипур, земли шанов и какиенов, Бармания, Пегу, Мартабан

Область Индо-Китая, простирающаяся на восток от раздельной цепи, образуемой горами

Хамти, Сингпо, Лушай и хребтом Арракан-Иома, кажется на первый взгляд естественною принадлежностью, составною частью стран, присоединенных к Китайской империи. Легко восходимые уступы или террасы поднимаются с равнин Бармании к плоскогорьям Юннана, и узкия долины Салуэна и Иравадди дают доступ в восточные провинции Тибета; покатость почвы связывает барманские равнины с Китаем; но, с другой стороны, поморье сближает их с полуостровом Передней Индии, и с этой именно стороны распространялась цивилизация с первых времен мореплавания. В то время, как население, взятое в массе, походит физическими чертами на обитателей стран Китайской империи, сопредельных с Барманией, и происходит, без сомнения, в наибольшей доле от того же корня,—религии и идеи распространялись, напротив, через приморские порты. Теперь более чем когда-либо толчек извне дает себя чувствовать через прибрежье. Хозяева моря, англичане овладели всем приморским поясом, из которого они сделали индийскую провинцию, пересекаемую большими дорогами. Но на севере ничего не изменилось; там до сих пор дикия населения занимают гористые местности и часто запирают торговые пути. Бармания все более и более вовлекается в круг притяжения, центр которого находится в Европе, за морями, и великия политические перемены должны совершиться прежде, чем удобные пути сообщения, восстановляя географическое равновесие, соединят области нижнего течения Иравадди с верхними долинами её бассейна. В наши дни большая часть страны почти безлюдна: в сравнении с Бенгалией, Бармания, представляющая, однако, точно такия же выгоды в отношении почвы и климата, есть страна пустынная: много превосходя Францию пространством, она имеет в пять раз меньше жителей; но заселение совершается с замечательной быстротой: в период с 1872 по 1881 год число жителей английской Бармании[1] увеличилось на 34 процента.

Пространство и народонаселение стран по течению Иравадди, Салуэна и Ситтанга:

Манипур—21.500 кв. килом., 221.000 жит., 11 жит. на 1 кв. килом.: Бармания (Бирма), Верхняя—216.186 кв. килом., 2.946.933 жит., 14 жит. на 1 кв. килом.; Бармания (Бирма), Нижняя—227.799 кв. килом., 4.658.627 жит., 20 жит. на 1 кв. килом.; государство Шан—200.000 кв. килом., 1.700.000 жит., 8 жит. на 1 кв. килом.

Река Иравадди, принимающая в свой бассейн воды всей Западной Бармании, является уже могучим потоком, когда вступает на территорию Индо-Китая. Правда, в 1826 году исследователи Вилькокс и Борльтон, проходя горы Брамакунда, достигли берегов незначительного потока, о котором им сказали, что это верхняя Иравадди, и которого местное название, Мьит-Гьи, или «Большая Река», показалось им соответствующим главной реке Бармании. Хотя усиленная водами тающего снега, которые в то время текли с гор Намьер, лежащих в небольшом расстоянии к северу, «Большая Река» не имела даже 75 метров в ширину и путешественники могли переходить ее в брод[2]. Вилькокс полагал, что им таким образом удалось разрешить вопрос об истоках Иравадди; однако, он слышал от туземцев о «большой восточной ветви» реки, которую утомление и трудности путешествия помешали ему посетить. Недавно плантатор Леппер собрал у туземцев сингпо сведения, подтверждающие существование этой восточной реки[3]. Какая это может быть река, если не Иравадди, широкое течение которой было осмотрено вдоль берегов европейскими путешественниками в 150 километрах южнее?

Один бирманский исследователь, известный под псевдонимом Алага, был послан, в 1880 году, вверх от города Бхамо, с поручением проследовать вдоль берегов Иравадди до слияния двух ветвей. Он поднялся по долине за границу бирманского государства в собственном смысле, и около 23°43' достиг места соединения двух потоков, из которых один, западный,

1 Бармания (Бирмания, Бирма, Бурма) состоит из двух частей: Нижней, присоединенной к английским владениям в 1826 и 1853 г.г. и называвшейся прежде британской, в отличие от остальной страны, Верхней, составлявшей до 1885 г. независимое королевство,, но в этом году тоже завоеванной англичанами, так что с 1-го января 1886 г. вся Бармания, или Бирма, входит в состав англо-индийской империи. *Ред.*

2 „Asiatic Researches", XVII.

3 Robert Gordon, рукописные заметки.

имел тогда 500 шагов в ширину, тогда как восточный рукав, через который он переправился на пароме, представлял только пятую часть этой ширины и катил неглубокия воды[1]. Но есть ли это «большая восточная река» Уилькокса и Леппера? Не соединяется ли с Иравадди севернее другой значительный приток? Пока еще невозможно ответить положительно на этот вопрос, и мы не имеем точных измерений, которые позволяли бы вычислить в этом месте сток (объем протекающей в секунду воды) главной бирманской реки. Европейский путешественник Штреттель, который поднимался, в 1874 году, вверх по Иравадди до места, соседнего с этим слиянием, тоже описывает речное течение недостаточно подробно, чтобы можно было, на основании сообщаемых им сведений, дать приблизительно меру протекающей жидкой массы. Только в сотне километров ниже, у впадения притока Могунг, под 25 градусом широты, наблюдения, сделанные Ганнеем и Гриффитом для определения ширины русла, глубины вод, скорости течения, годовой разности полноводья и мелководья, дали возможность вычислить расход реки во время разлива, и оказалось, что Иравадди катит огромную массу воды от 25.000 до 28.000 кубич. метров в секунду[2]. Ниже, у Бхамо, поток большого разлива поднимается почти до 34.000 кубич. метров в секунду. Сравнивая объем верхней Иравадди с объемом той же реки у вершины её дельты, находим, что в самом высоком месте, где до сих пор было измерено её течение, она имеет уже две трети своего среднего стока и половину стока в период полноводья: в этом месте она уже катит 9.000 кубич. метров в секунду, т.е. представляет поток, равный тройному устью Дуная. Так громадна выше Бхамо, в Северной Бармании, жидкая масса этой реки, которую чертят на большей части карт как берущую начало в горах, которые ограничивают на юге бассейн Брамакунда!

Этот замечательный факт—узкий бассейн, питающий такую широкую реку—можно было бы объяснить только чрезмерно большим выпадением атмосферной влаги, подобного которому до сих пор не наблюдали ни в каком другом месте земного шара: даже годового слоя воды толщиною в 20 метров, следовательно, далеко превышающего слой, выпадающий на полуденные склоны гор Гаро и Хасиа, было бы недостаточно, чтобы объяснить огромный дебит верхней Иравадди, предполагая даже, что эта вода, нисходящая из облаков, вся стекает в реку. Но все, что известно о гиетометрическом порядке этих областей, позволяет утверждать, что дожди верхнего бассейна Иравадди не равняются в изобилии дождям стран, пробегаемых Брахмапутрой и её притоками. Главное дождевое течение воздушного океана—юго-западный муссон, низвергающийся между горными громадами Индии и возвышенностями Индо-Китая, на севере от Бенгальского залива. Ударяясь о Типперахские холмы и горы Ассама, нижняя часть воздушного потока проливает на землю свои обильные ливни, и далее верхния облака встречают высокие горы, ограничивающие с севера бассейны Брамакунда и Дихонга: на этой-то покатости, очевидно, и должны выпадать наиболее обильные дожди и снега. Бассейн же верхней Иравадди находится именно на противоположной покатости; когда облака проходят над этим склоном гор, они уже утратили большую часть своей влажности. Так, южнее, падение дождевой воды, превышающее 6 метров на берегах Джиттагонга и Акиаба, не достигает даже трети этого количества на восточном скате, в дельте Иравадди.

Годовой слой дождей на покатости хребта Арракан-Иома:

Западный склон. Акиаб (средн. за 33 года)—5,01 метр. Кьюк-хпью (за 8 лет)—4,51 метр.; Сандовей (за 8 лет)—5,55 метр.

Восточный склон. Тайет-мио (за 8 лет)—1,30 метр.; Пром (за 8 лет)—1,43 метр.; Гензада (за 8 лет)—1,96 метр.; Манипур (за 4 года)—1,23 метр.

Если эта река не питается беспримерно обильными дождями, то её бассейн должен быть гораздо обширнее, чем предполагает большинство английских географов. Или Иравадди есть продолжение Цангбо, как это утверждают, основываясь на сочинениях китайских географов, д'Анвиль, Клапрот, Фергюсон, Гордон, или она принимает в своем верхнем течении

1 „Proceedings of the Geographical Society of London", may 1882.

2 Robert Gordon, „Report on the Irrawaddy River".

другую большую реку, спускающуюся с плоскогорий Восточного Тибета.

Ниже впадения Могунга, Иравадди вступает в дефилей, или «кьюкдвен», противоположные утесы которого в иных местах отстоят друг от друга менее, чем на 50 метров, но где вода так глубока, что лот не достает дна на 75 метрах; в этом узком проходе, где масса реки сдавлена между скал, поток бежит со скоростью от 20 до 25 километров в час. Другое каменистое ущелье, где река имеет до 60 метров глубины[1], сжимает воды ниже впадения Тапенга и города Бхамо; обезьяны прыгают на деревьях, растущих на краю обрыва, и на выступах утеса, который высится крутой стеной над западным берегом реки. До этой части течения поднимаются дельфины, весело играющие вокруг барок; впрочем, они появляются все реже и реже, хотя барманцы никогда не преследуют их[2]. Близ Мандалая, лесистые выступы гор или мысы образуют третью теснину, и река, поток которой спускается, в среднем направлении, с севера на юг, поворачивает к западу рядом излучин. По соединении с водами своего большого притока, Кьендвена, она следует вдоль основания боковых отрогов хребта Арракан-Иома, и обогнув, против города Прома, крутой утес, поднимающийся на 100 метров над уровнем вод, она вступает в равнины, постепенно выполненные землистыми частицами, приносимыми её течением. Судя по виду почвы и рельефу страны, слой речных наносов начинается даже выше Прома: один рукав Иравадди, по руслу которого теперь проведена железная дорога из Прома в Рангун, соединялся, вероятно, с рекой Мьит-ма-ха-чунг (Хлайн или Рангунская река), которая извивается у подошвы хребта Пегу-Иома, водораздельной возвышенности между бассейнами Иравадди и Ситтанга: высоты, поднимающиеся посреди аллювиальной равнины, выше нынешней головы или вершины дельты, были некогда островными массивами.

В наши дни, бифуркация дельты в собственном смысле, не считая временных потоков или рукавов, изливающихся на востоке в период дождей, находится в 220 километрах от моря по прямой линии, в 300 километрах вместе с поворотами реки. Восточный рукав сохраняет имя Иравадди или Айравати («Река Слонов»), и продолжает следовать в южном направлении; западный рукав, Навун, течет вдоль основания хребта Арракан-Иома и впадает в Бассейнский лиман, ограничивающий на юге полуостров мыса Негре. Этот рукав уносит в эпоху разлива около десятой части вод реки. Иравадди содержит девять-десятых воды, но она вскоре делится на второстепенные ветви, и таким образом вся область дельты разрезана на множество островов, меняющих очертания при каждом наводнении, там, по крайней мере, где берега не укреплены плотинами. Соответственно альтернативам полноводья и мелководья, наносов и размываний, сеть рукавов изменяется и устья беспрестанно открываются, запираются, перемещаются. В настоящее время существует девять главных устьев, от лимана Бассейнского до лимана Рангунского. Даже за этим последним входом, аллювиальные земли, пересекаемые во всех направлениях разветвлениями рукавов, примыкают, на севере Мартабанского залива, к дельте Ситтанга и к дельте Салуэна. Не считая этих равнин, внешняя кривая дельты Иравадди развертывается на протяжении около 300 километров. Площадь треугольного пространства, орошаемого рукавами реки, исчисляется Гордоном в 46.000 квадр. километров. Хотя очень плодоносные, равнины эти не могут сравниться в естественном плодородии с равнинами Ганга; почва там состоит, главным образом, из древних глин, гораздо более трудных для обработки, чем рыхлые земли Бенгалии[3].

Колебания количества протекающей воды весьма значительны в рукавах Иравадди, смотря по ходу муссона: в августе месяце, после того, как дожди излились в бассейн, средняя мера стока в 17 раз больше, чем в феврале, в период больших засух. В эту эпоху года объем катимой рекою воды спускается до 2.000 куб. метров в секунду; 5 марта 1877 года он даже не превышал 1.300 куб. метров; Иравадди была тогда меньше Роны и Рейна. Но зато жидкая масса, измеряемая в период полноводья, превосходит массу реки Конго: она превы-

1 Anderson, „From Mandalay to Momien".
2 Adolf Bastian. „Die Volker des Oestlichen Asien".
3 Theobald, „Geological Magazine", VII.

шала 56.000 куб. метров 20 августа 1877 года; у города Прома разность уровня между высокими и низкими водами бывает более 10 метров (14 аршин). Средняя мера, вычисленная на основании правильных измерений, производимых с 1872 года у Сайхты, близ места бифуркации ветвей, равна 13.600 куб. метров в секунду, следовательно, почти такая же, какая найдена для Ганга. Едва ли есть реки, которые были бы изучаемы более тщательно, чем Иравадди около её устья, и гидравлический режим которых был бы лучше описан[1]. Впрочем, англичане, сделавшись владетелями южной Бармании, необходимо должны были заняться делом защищения берегов реки от внезапных наводнений и осушкой болот, которые расстилаются во многих местностях равнины, к великому вреду для общественного здоровья. Вдоль правого берега Иравадди, выше дельты, на протяжении около сотни километров, возведена плотина, чтобы отклонить ручьи, спускающиеся с хребта Арракан-Иома, и образовать из них реку с правильным течением, текущую параллельно главной реке к ветви Навун. Вершина барманской «камарги» (так называется дельта Роны) также защищена полукругом оградительных земляных насыпей, идущих вдоль левого берега Навуна и правого берега Иравадди. К сожалению, дорого стоющие работы обведения берегов оградительными плотинами имеют везде одни и те же последствия, именно постепенное возвышение речного ложа и увеличение бедствия наводнений, когда исключительно большие разливы разрывают плотины. В 1877 году обширное пространство, в 1.250 квадр. километров, к востоку от рукава Нагун, превратилось во время разлива в озеро, и вся дельта была усеяна другими озерными бассейнами меньшего протяжения.

Твердые частицы, приносимые устьями Иравадди в море и отлагающиеся на дне его, увеличивают из года в год поверхность дельты. Конечные выступы или мысы хребтов Арракан-Иома и Пегу-Иома, внешние столбы бывшего морского залива, давно уже перейдены кривой линией аллювиальных земель. К югу от выступающей из-под воды дельты, в море тянется на большое расстояние подводная дельта; еще в 100 километрах от берега лот достает дно на глубине 75 метров, тогда как за этими мелями сразу открываются морские пучины, имеющие слишком 2.000 метров. При том же, отложение наносов облегчается отсутствием течений у морских берегов дельты. В некоторых отношениях Барманский залив может быть рассматриваем как внутреннее море: с западной стороны он заперт цепью Андаманских и цепью Никобарских островов, с южной—островом Суматрой, и выступающая из-под воды гряда островов продолжается во многих местах скрытыми мелями, естественными границами Бенгальского залива; этими мелями Арраканский берег продолжается до южной оконечности острова Препарис, и под защитой этого естественного мола и отлагаются наносы Иравадди. Все устья этой реки загораждены барами из ила и песка, и большие корабли могут проникать в реку лишь с помощью прилива, который достигает в тех водах 6 метров высоты и который поднимается в главном рукаве до города Гензада, отстоящего на 200 километров от моря.

Хребет Пегу-Иома, ограничивающий на востоке нижнее течение и дельту Иравадди, есть лишь небольшой выступ земного рельефа, принадлежащий, вероятно, к третичным векам и поднимающийся, средним числом, от 600 до 900 метров; там и сям некоторые вершины достигают более значительной высоты, но нигде переход через горы не представляет серьезных препятствий. Около южной своей оконечности эта цепь разделяется на второстепенные отрасли, и каждая долина посылает свою реку в Рангунский лиман; река Пегу, берущая начало на восточном склоне гор, огибает все их южные разветвления, чтобы соединиться тоже через воды Рангунского лимана с Хлайном и другими рукавами Иравадди. Ситтанг (Ситтунг, Цитунг) или Палун, который спускается с севера на юг в длинном четыреугольном бассейне, образуемом цепью Пегу-Иома и горами Пунглунг на востоке, сообщается с дельтой главной барманской реки лишь через низменные земли и неопределенные реки. С геологической точки зрения, можно сказать, что Ситтанг есть истинное продолжение верхней Иравадди, ибо он находится как раз на меридиональной оси этой реки между Бхамо и

1 Robert Gordon, „Report on the Irrawaddy River", 4 тома с атласом.

Мандалаем. К югу от столиц королевской Бармании, долина верхней Иравадди продолжается долиной, по которой бежит её приток Панбунг, и в том же направлении, за невысоким порогом, нарождаются первые воды Ситтанга, который впадает в море в углу Мартабанского залива, после течения длиною 560 километров; площадь его бассейна исчисляется в 56.500 квадр. километров. Вода прилива, низвергающаяся в воронкообразную впадину лимана и поднимающаяся вверх по реке во всякое время года на сто слишком верст от устья, образует, вследствие столкновения с речным течением, страшную для моряков бару или маскарет; бурливые волны, поднимающие со дна песок, которые следуют за первыми валами бары, не менее опасны, и часто опрокидывали и топили небольшие суда. Во время дождливого муссона, потоки, разливающиеся на востоке от Ситтанга и разветвляющиеся в целую сеть лагун вдоль морского прибрежья, позволяют плыть под защитой от ветров и течений до Мульмейна, при устьи Салуэна; благодаря всем этим каналам, общая длина которых около 600 километров, суда могли бы ходить на некотором расстоянии от моря вдоль всего северного берега Мартабанского залива, от Бассейна до Мульмейна. В период больших дождей, которые иногда превышают 6 метров, область поморья совершенно затопляется, равнина превращается в озеро. Тогда-то тигры бывают всего более опасны: они укрываются от потопа на тех же возвышениях почвы, где и крестьяне[1].

Горы, разделяющие верхнюю Иравадди и Салуэн, были перейдены лишь на небольшом числе пунктов. На севере Бармании, поперечная долина реки Тапенг, спускающейся с плоскогорий Юннана, позволила различным путешественникам, Куперу, Маргари, Джиллю, Сеченьи, Колькгуму, перейти водораздельную цепь, и все путешественники единогласно говорят, что выступы почвы расположены в этой области длинными параллельными кряжами, направляющимися с севера на юг и отделенными один от другого узкими долинами. Один из пиков этой страны поднимается на 3.190 метров, и самый высокий порог дороги перевала лежит на высоте 2.563 метров. К югу от этого горного прохода, горы, холмы и плоскогорья известны под общим именем Шан-Иома, или «Высоты Шанов»; в целом, вся эта область образует как бы террасу, имеющую слишком 1.000 метров высоты и разрезанную многочисленными реками, которые изливаются одни в Иравадди, другие в Салуэн. На юго-востоке от Мандалая пик Натик, почти уединенный, высится вне цепи Шан-Иома; путешественники, проезжающие по местностям, орошаемым рекой Панбунг, целые дни видят стену этого пика, которая кажется почти вертикальною и составляет яркий контраст с морем зелени лесов и саванн. В некоторых из этих зеленеющих равнин трава так высока, что даже после сезона дождей, когда она уже клонится к земле и начинает вянуть, слоны исчезают в ней. На юге от горы Наттик, водораздельная возвышенность между Ситтангом и Салуэном продолжается рядом массивов, из которых многие превышают 1.000 метров. Наттунг, или «Гора духов», возвышающаяся на восток от Тунгу, поднимается на 2.400 метров; туземцы очень обижаются, когда им скажут, что эта гора не самая высокая на земле. Когда-то давно, говорят они, воды потопа, покрывшие всю страну, доходили до самой верхушки пика. В сезон жаров вершина Наттунг бывает постоянно скрыта в дыме от палов, зажигаемых туземцами каренами для расчистки почвы под посевы[2].

Гораздо менее полноводный, чем Иравадди,—ибо он защищен от дождей юго-западного муссона не простым валом из гор, как Иравадди, но двойным, а на юге даже тройным рядом высот,—Салуэн принадлежит, однако, по длине своего течения, к числу больших рек Азии, и на большей части карт он даже изображен рекой, имеющей гораздо большее протяжение, нежели Иравадди. Салуэн берет начало на высоких плоскогорьях восточного Тибета, и под именами Ну-кианг, Лу-кианг, Луце-кианг, спускается на юг, параллельно рекам Меконгу и Киншан-кианг, одною из тех узких долин, которые открываются в поверхности материка словно борозды, вырытые гигантским плугом. Но большая часть этой реки еще не исследована, и маршруты, начертанные в северных ущельях, еще не согласованы с путями, прой-

1 Adolf Bastian, „Die Volker des Oestlichen Asien".

2 Mac Mahon, „Karens of the Golden Chersonese".

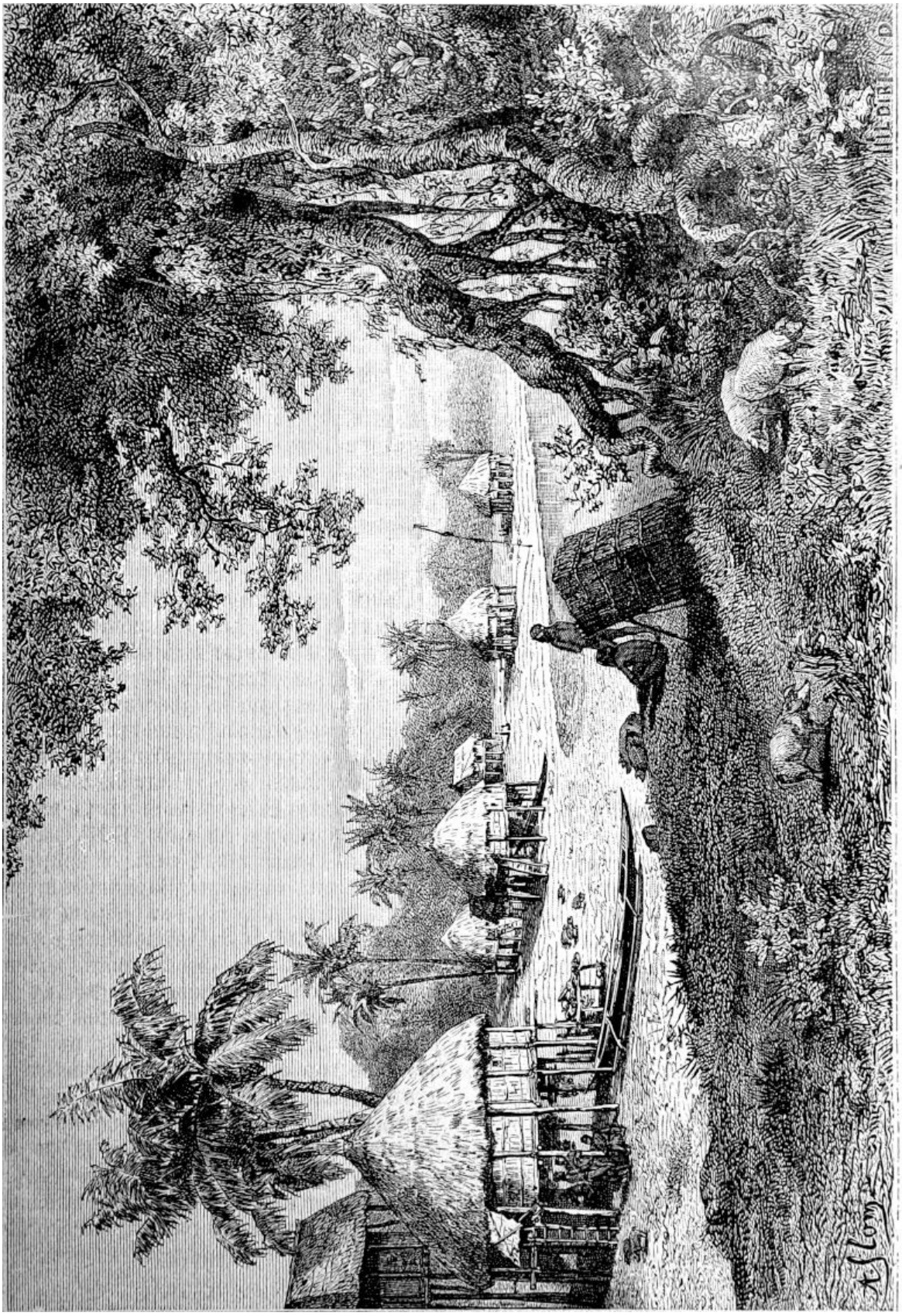
денными путешественниками на барманской территории. В том месте, где его течение образует границу между английской Барманией и королевством Сиам, Салуэн течет, глубокий и быстрый, между лесистых гор, которые мало-по-малу сближаются к низовью и высоко поднимают свои стены; близ впадения притока Тунг-янг, русло Салуэна до такой степени сужено в некоторых местах, что не имеет даже 30 метров в ширину. Немного ниже слияния с этим притоком, ряды камней идут поперег реки, от одного берега до другого, и о выступы этих камней разбиваются древесные стволы, увлекаемые течением. Другие пороги и водопады, менее сильные, но тоже непереходимые для лодок впродолжении большей части года, прерывают течение нижнего Салуэна. Река делается тихою только в области дельты, там, где боковые ветви или рукава соединяют ее с Ситтангом и с лиманами берегов Танассерима; но она не впадает непосредственно в море, и воды её сливаются с солеными водами, окружающими остров Белу-гайвон; опасные мели, получившие имя «Годвиновых песков» (Godwin sands), как мели Кентского берега в Англии, защищают подходы приморских городов Амгерста и Мульмейна. Эти мели часто были причиною крушения судов. Нижний Салуэн— одна из тех рек, подъем по которым более опасен для судов, чем целое морское путешествие дальнего плавания[1]; но бара (маскарет), столь опасная в Ситтанге, проявляется в довольно слабой степени в Нижнем Салуэне. Полная вода этой реки поднимается, средним числом, до 9 или 10 метров в области порогов, и измерения ширины, глубины и скорости течения, сообщенные путешественниками Ричардсоном, Сконом, Ватсоном, О'Рили, дали возможность инженеру Гордону вычислить в этом месте расход Салуэна в период разлива, и оказалось, что объем протекающей воды составляет от 17.000 до 20.000 кубич. метров в секунду[2]. Средний сток реки пока еще не вычислен, но, без всякого сомнения, он простирается до нескольких тысяч кубич. метров. Англичане заключили с каренами договор о свободном судоходстве по Салуэну; тем не менее, эта река бесполезна для судовщиков, разве только на пространстве длиною около 100 километров, в нижнем её течении[3]. Выше ею пользуются только для сплава тека, бревна которого, срубаемые в лесах по близости берегов, приволакиваются к реке слонами и отдаются на волю течения, которое уносит их длинными вереницами. Выше города Мульмейна сплавщики перехватывают плывущие бревна и связывают их в плоты.

Горы Шань, продолжение гор Юннана, столь богатых металлами всякого рода, и массивы, отделяющие Пегу от бассейнов Янзулина и Салуэна, тоже заключают в своих недрах мощные минеральные залежи, руды железа, свинца, меди, олова, серебра; река Хвили, берущая начало на северо-востоке от города Бхамо, в Юннане, катит в своих водах блестки золота; драгоценные камни, особенно рубины и яхонты, собираются для королевской казны в горах, возвышающихся на северо-западе от Мандалая. Бармания есть одна из редких стран, где существуют ломки нефрита; центр эксплоатации находится в округе Могунг, на севере Бхамо.

Сопредельные с Индией по сю сторону Ганга и отделенные от долин Ассама и Типпераха невысокими горами, леса и джунгли Бармании представляют такое же разнообразие растений, как и западный полуостров, и доставляют продовольствию и промышленности те же произведения, зерна, волокна и смолы. В ботаническом саду, основанном в Рангуне, равно как на опытных фермах, были разведены полезные растения тропического пояса, которых недоставало туземной флоре, и постепенно культура их распространилась по всему краю, даже за пределами английской Бармании. Кроме того, в области холмов были введены различные растительные виды умеренного пояса, в особенности европейские овощи. Мало найдется стран, где бы, благодаря плодородию почвы и прекрасному климату, человек пользовался большим разнообразием произведений растительного царства. Бармания есть одна из житниц Индии и всего света по производимому ею рису, который каждый год вывозится

1 Pauline Nostitz, „Helfer's Reisen in Vorderasien und Indien".
2 „Report of the Irrawaddy River".
3 „Records of the Governement of India", XLVIII.

из портов поморья в огромных количествах. После этого хлебного растения, наиболее важное значение имеют различные виды плодовых дерев; во многих местах, всякая, даже самая маленькая хижина окружена фруктовыми деревьями, каковы: пальма-арека (индийское



Деревня Сауи на Никобарскихъ островахъ.

ореховое дерево), хлебное, манговое, апельсинное, банановое (райская смоковница) деревья. Сахарный тростник мало где возделывается, но один вид пальм, дани, доставляет туземцам сахар в количестве, достаточном для удовлетворения их потребностей; в одной только бри-

танской Бармании эти деревья занимают 12.000 гектаров[1]. Табаководство распространяется, сколько по причине возростания народонаселения в стране, где все курят, даже дети, столько же благодаря всеми признанному отличному качеству листа: мульмейнский табак может сравниться с лучшими индийскими сортами. Чайное, кофейное, хинное деревья разведены на плантациях, но до сих пор они доставляют еще мало продуктов. Тропический характер растительности исчезает выше дельты; однако, пальма пальмира раскрывает еще свои вееры из листьев вокруг домов даже к северу от Мандалая[2]. Что касается девственных лесов, которые еще покрывают столь обширное пространство, то они могли бы, если бы через них проходили дороги, доставлять промышленности огромные количества строевого, столярного или красильного дерева. Гельфер вычислил, что в одном только Тенассеримском округе существует по меньшей мере 650 миллионов дерев, принадлежащих к 377 различным породам, из которых 25 могут служит материалом для постройки судов[3]. Тек не растет ни в северной Бармании, ни в южной части Тенассерима, к югу от 18 градуса широты; наиболее благоприятные условия для своего произрастания он находит в горах Пегу-Иома и в соседних областях; но уже некоторые токовые леса выпустошены. а новые насаждения сделаны еще слишком недавно, чтобы могли дать заметные результаты: ежегодная площадь облесения в английской Бармании не превышает 240 гектаров. После тека, наиболее ценимые древесные породы—один вид акации (катеху), с которой получается смолистый сок кашу, лаковое дерево, употребляемое для фабрикации коробок, и масляное дерево (dipterocarpus laevis). Сосны растут до полосы, соседней с морем, на горах Пегу-Иома; на высоте 100 метров появляются первые деревья этой породы. На морском прибрежьи самое замечательное древовидное растение—амгерстия (amherstia nobilis), отличающаяся красотою вида, стройностью ветвей и великолепием цветов, пурпурных и золотистых[4].

Слоны, без которых эксплоатация первобытных лесов была бы почти невозможна, более многочисленны в этой стране, чем во всякой другой местности Восточной Индии; но они редко покидают девственный лес; они бегут от человека, и иногда достаточно поставить простую хижину вблизи их логовища, чтобы заставить их удалиться из этого места; они никогда не делают, как в других местах, набегов на поля[5]. В силу закона, все слоны, как дикие, так и прирученные, принадлежат государю. Барманцы и особенно сиамцы очень искусны в обращении этих огромных животных в домашнее состояние; они успевают даже воспитывать маленьких слонов в неволе: во многих местах каждая семья ходит в сопровождении своего питомца[6]. Носороги, которых в Бармании известно три вида, иногда приручаются, как и в Ассаме, и, по словам Гельфера, их употребляют даже для перевозки тяжестей; охота на этих толстокожих предоставлена каренам и другим диким племенам. Барманские лошадки, так же, как и лошади, пасущиеся в Каренских горах, высоко ценятся, и англичане покупают их для всех своих колоний на крайнем Востоке. В Бармании крысы составляют периодический бич страны: когда настает такое время, что плодов в горах Шанских и Каренских им недостаточно, они спускаются несметными полчищами в долины и равнины, чтобы истреблять поля и даже, чтобы осаждать деревни, обитатели которых принуждены тогда покидать свои жилища. Часто видали, как полки этих грызунов переправлялись в порядке через очень широкия реки[7]. Редко бывает, чтобы туземцы утилизировали шкуры или кожи животных, носорогов, буйволов или тигров; но в области прибрежья они охотятся на один вид алкиона, или зимородка, перья которого, небесно-голубого цвета, идут в Китай, где их употребляют

1 „Report on the Administration of British Burma during the years 1880—1881".

2 Anderson, „From Mandalay to Momien".

3 „Gedruckte und ungedruckte Schriften liber die Tenasserim Provinzen", „Mittheilungen der Geograph. Gesellschaft zu Wien", 1860.

4 Wallich; Mason; Fytche.

5 Helfer, цитированный мемцар.

6 Crawfurd, „Journal of an Embassy to the Court of Ava"; Ch. Al. Gordon, „Our trip to Burmah"; Mouhot, „Travels in Indo-China".

7 Mason, „Natural Production of Burma".

как украшение на платьях мандаринов.

Рыболовы, более многочисленные, чем звероловы, живут массами на берегах Иравадди, Ситтанга и Салуэна; но другие барманцы смотрят на них как на «душегубцев». Они приготовляют род теста из ракообразных и полусгнившей рыбы, так называемое *нгапи*, которое служит у них приправой ко всем яствам, хотя запах этой приправы решительно невыносим для европейца. Вокруг заводов толпятся собаки и кружатся птицы, каждая ожидая свою долю угощения.

Населения, дикия или цивилизованные, между которыми разделена барманская территория, принадлежат, по большей части, к одному и тому же этническому корню, судя по сходству физических черт, идиомов и преданий. Различия происходят, главным образом, от образа жизни, и само собою разумеется, горцы всего лучше сохранили первоначальный тип.

Между северо-западными племенами, одно из наиболее цивилизованных, племя хамти, живет в долинах гор Паткой, на двух покатостях Брахмапутры и Иравадди. Вообще рослые, сильные и хорошо сложенные, они имеют плоское лицо, как у китайцев, но цвет кожи у них темнее, черты менее правильные; впрочем, очень многие из них, смешанные через браки с ассамцами или с барманцами, почти ничем не отличаются от жителей равнины. Большинство имеет привычку собирать волоса на макушке в один пучек и связывать их в пышный шиньон. Они благопристойно одеты, как их соседи барманцы, и постепенно принимают их обычаи; обращенные в буддийскую веру, они даже построили у себя несколько пагод; некоторые выучили азбуку и разбирают по складам священные книги. Взрослые девушки живут отдельно в больших хижинах; в эти-то общежития и приходят молодые люди за своими невестами после формального выкупа и постройки супружеского дома. Хотя оружие составляет ходячую монету края и хотя мандалайское правительство набирало солдат в их деревнях, хамтии—народ очень миролюбивый и пренебрегают охотой для трудов земледелия, промышленности и торговли; это, так сказать, прирожденные торговцы. Начальники или старшины племен, представители каждой общины, оффициально считаются владельцами земли, но все хамтии, жители одной деревни, составляют одно общество, и каждый член этого общества получает сполна долю продуктов, пропорциональную его труду[1].

Многочисленные *гаумы*, или кланы, известные в Ассаме под названием сингпо или чингпо, т.е. «люди»[2], а в Бармании и в китайском Юннане под названием какиен (ха-хиен, качин, каку), составляют важнейшую этническую группу в северной области барманской территории; но между ними нет никакой политической связи, которая соединяла бы их в одну нацию. В пограничных с Ассамом местностях, эти туземцы частью цивилизованы хамтиями, на которых они походят обычаями, одеждой и оружием; но живущие в соседстве с Китаем более дики, и путешественники побаиваются их *дао* или *даха*, большого ножа, которым они владеют с удивительною ловкостью. Почти все какиены татуируются; особенно женщины испещрены узорами, очень красиво начертанными, которые служат в одно и то же время украшением и магическими письменами, имеющими силу удалять болезни и колдовство[3]. Богачи носят в ушах, в виде серег, серебряные палочки, и все, как богатые, так и бедные, украшают себя поясами с побрякушками или раковинами. Одежда их сшита из самодельных тканей, приготовляемых женщинами и окрашенных в кубовую краску; туземцы, очень искусные кузнецы, выделывают оружие, которое находит хороший сбыт у всех окрестных народцев. Большинство кланов мало занимаются земледелием, разве только для производства опиума и хлебных растений, и единственное домашнее животное у них—свинья; если иногда и держат буйволов, то только таких, которые украдены ими в равнине. Из различных какиенских племен только ближайшие соседи барманцев и китайцев платят подать; те же, которые живут в долинах, удаленных от больших дорог, не признают над собою ника-

1 Cooper, „New Routes fur Commerce"; Dafton, „Ethnology of Bengal".

2 John Anderson, „From Mandalay to Momien".

3 Adolf Bastian, „Geographische und ethnologische Bilder".

кой власти, кроме власти своих старшин, или *добуа*, наследственный титул которых всегда переходит к младшему сыну, или, за неимением прямого потомства, к младшему брату[1]; старший сын покидает край, чтобы идти искать счастья на чужбине. В некоторых гаумах он получает известную долю наследства, состоящую обыкновенно из недвижимого имущества; средним же сыновьям не завещается ничего, кроме оружия. Все дети, рожденные от законных жен или от купленных наложниц, пользуются одинаковыми правами. Рабы, очень многочисленные, редко подвергаются побоям, каково бы ни было происхождение их рабства: похищение, захват в плен на войне или неплатеж долга. В очень многих деревнях все члены общины, старшины, подданные и рабы живут в одном доме; в других селениях каждой семье отведено отдельное помещение; наконец, в иных местах спальня мужчин отделена от спальни женщин камнем очага[2]. На верховьях Иравадди ходячей монетой у какиенов служат катышки опиума[3].

Выдавая себя за буддистов, когда спускаются со своих гор в города равнины, какиены в действительности не имеют никакой религии, кроме поклонения духам, или *натам*, и религиозные церемонии их не имеют другой цели, кроме заклинания власти этих сверхъестественных существ. Когда заразительная болезнь поразит кого-нибудь из их среды, они никогда не воздают умершему погребальных почестей и даже не кладут ему в рот монеты, которою он мог бы заплатить за перевоз через поток смерти; они заботятся только о том, чтобы прогнать злых гениев, или чтобы убежать самим. В прежнее время, когда женщина умирала в родах, тело её тотчас же сжигали на костре, при чем и новорожденного бросали в пламя, крича умершей матери: «уноси своего ребенка!» Только чужой человек имел право спасти его; родной отец должен был отдать его в жертву смерти[4]. Нигде всемогущий обычай не регулирует так строго все акты жизни; нигде не нужно так соразмерять свои поступки и соблюдать обычаи, если хочешь избежать споров и обид. Родовая месть в такой силе, что из-за неё иногда идет борьба между целыми деревнями; сын пронзает мечем воду, чтобы отмстить реке, где утонул его отец. Какиены обладают неумолимою памятью: они говорят, что им нет надобности учиться читать, потому что все уже написано в их сердце. Язык их есть, в бассейне Иравадди, один из тех, которые наиболее отличаются от барманского; это моносиллабический говор, довольно приятный и гармонический, много похожий на идиом племен абор и мишми, но оканчивающий каждую фразу протяжным визжанием[5].

Имя каренов (карриан), напоминающее имя хиенгов в Западной и какиенов в Северной Бармании, имеет тот же смысл, что «аборигены», по Кроссу, Мэзону и Гордону, тогда как барманцы производят его от одного слова на языке пали, означающего «грязные едуны», синоним слова «мелкие люди»[6]. Как бы то ни было, карены представляют низшую расу только по дикому состоянию, в котором живут многие из их племен; напротив, по сметливости, мужеству, прямодушию, трудолюбию—это один из замечательных народов Индо-Китая, один из тех, на которых можно рассчитывать для будущей цивилизации острова по ту сторону Ганга; лицевой угол у них более открытый, чем у других дикарей[7]. В английских владениях их больше 500.000 душ, благодаря значительной иммиграции; всех же каренов насчитывают до миллиона душ, рассеянных на пространстве слишком 1.300 километров в длину, от гор, господствующих на востоке над равнинами около Мандалая до гор южного Тенассерима; но они разделены на множество племен, которые, в свою очередь, делятся на семьи, рассеянные в лесах; всего более группы их сближены в высотах, соседних с Тонгу, в долине Салуэна и в дельте Иравадди. Они известны под бесчисленными местными именами, но три главные де-

1 Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1866; John Anderson, цитированное сочинение; „Zeitschrft fur Ethnologic”, 1872.

2 Clement Williams, „Through Burmah to Western China”.

3 Alaga; Sandeman, „Proceedings of the Geographical Society”, may 1882.

4 John Anderson, цитированное сочинение.

5 Bigandet, цитированный сборник.

6 Mac Mahon, „Karens of the Golden Ghersonese“.

7 O’Riley, „Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia”, 1859.

ления—«белые», «черные» и «красные», называемые так не по цвету кожи, а по цвету одежды. Красные карены, или карен-ни, которые бродят в лесах Нижней Бармании, лучше других известны и принимаются обыкновенно за тип всех каренов; различаясь обычаями, они исповедуют один и тот же культ, поклонение демонам, смешанное с буддийскими церемониями[1], и говорят наречиями, происходящими от одного корня. Язык красных каренов, записанный в первый раз Уэдом, в 1832 году, принадлежит к моносиллабическим идиомам, как и китайский, и ударение, изменяющее смысл слогов, тоже играет в нем главную роль: в каренский словарь вошло большое число барманских слов[2]. Национальные предания указывают на связь каренов с китайцами; они говорят также о переселении, которое, будто бы, совершилось в отдаленную эпоху из стран, лежащих за «великою Песчаною рекою». Этнологи заключили из этого, что карены—монголы, пришедшие из северных степей Гоби или Такла-Макан[3]. В настоящее время карены походят на другие народцы, населяющие барманские горы; Самое красивое и самое сильное из каренских племен—гайхо, живущее к западу от реки Ситтанг, по обе стороны англо-барманской границы; особенно женщины их славятся красотой, и между ними есть такия, у которых цвет лица не темнее, чем у китаянок.

Соединенные группами из пяти или шести семейств, карены живут маленькими поселками, и все жители поселка состоят между собою в родстве, так как браки никогда не заключаются вне своего клана. Одна или две большие хижины, служащие кровом всей общине, составляют деревню; после нескольких лет пребывания на одном месте, семейная группа покидает свои поля, чтобы идти основать новое поселение на девственной земле леса[4]: они бегут, как сами говорят, потому, что вокруг их жилища расплодилось слишком много злых духов, и идут искать места, где атмосфера менее населена этими врагами человека. Когда карен благословляет своего новорожденного младенца, он вооружается бамбуком, чтобы прогнать последовательно ко всем странам горизонта бедность, страдание, несчастье, слабосилие, леность, всякую скверну. «Беды всякого рода, уходите прочь!» восклицает он. Затем тою же бамбуковою тросточкою он призывает добрых гениев, но гениев добродетели прежде, чем гениев счастья; «приди, прямодушие; приди, честность; приди, богатство; приди, влияние; блага всякого рода, придите!»[5]. Когда карены хотят отмстить кому-нибудь тайными влияниями, они тоже взывают к духам, населяющим воздушные пространства: после проклятия, произносимого над врагом три дня сряду при закате солнца, они берут зажженную ветку, которая скоро гаснет, гнилое яйцо, нечистые остатки еды: «Пусть твоя жизнь угаснет, как угасла эта ветка! Да будешь ты лишен потомства, как это гнилое яйцо! Пусть конец твой походит на эти отброски!» Или они наводят на него порчу, околдовывают в глиняном изображении, представляющем ненавистного человека: продежурив перед этим изображением три дня и три ночи без сна, без пищи и питья, мститель разбивает, наконец, глиняную куклу ударом камня, который представляет руку демона[6]. Между их божествами наиболее чтимыя—это камни-фетиши, но они требуют крови, и жрецы приносят им в жертву кур и свиней; камни эти по большей части—горные хрустали, яшмы, халцедоны. В старину бывали даже человеческие жертвоприношения: так, рабов зарывали живыми в землю на могиле начальников племени; теперь ограничиваются тем, что привязывают их на некоторое время подле могилы. Рассказывают, что у некоторых каренских племен могущество общественного мнения так велико, что человек, обвиненный в каком-либо дурном поступке перед его товарищами, сам себя обрекает на смерть: он отправляется в какое-нибудь глухое место, вырывает там себе могилу и собственноручно задушает себя. Есть еще карены без всякой цивилизации и не носящие никакой одежды, кроме куска дерева или коры; но масса наций постепенно покидает свои дикия привычки везде, где она приходит в частое соприкосновение с жителя-

1 Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi“; 1866; Mason; O'Riley.
2 Logan, „Journal of the Indian Archipelago", vol. II; Max Muller, „Science of Languages".
3 Ch. Alexander Gordon, цитированное сочинение
4 J W. Helfer, „Gedruckte und ungedruckte Schriften".
5 „Journal des Mission evangeliques", 1836.
6 Mason, „Journal of the siatic Society of Bengal", 1868.

ми городов. Между туземными племенами Индо-Китая нет ни одного, которое бы так легко приняло христианство, по крайней мере в наружных его обрядах. Правда, что, исповедуя одну из религий Запада, обращенные карены не покидают и своих древних языческих верований. Так, многие туземцы, перестав татуироваться в угоду европейским миссионерам, все-таки рисуют себе на одежде» магические фигуры, которые они прежде имели на коже[1].

Число христиан в британской (Нижней) Бармании в 1880 году:

Каренов: 72.000 протестантов, 12.220 католиков; всего 84.220 христиан в 451 приходе.

Варманцев—1.200; европейцев и евроазийцев—11.860; всех христиан в английской Бармании—97.280.

Другая раса, представленная в Бармании несколькими сотнями тысяч душ,—шаны, которые принадлежат к тому же этническому корню, как таи или сиамцы, и которые, впрочем, гораздо многочисленнее в пределах Сиамского королевства, на верховьях Менама и в бассейне Меконга: их встречают рассеянными племенами до самых границ Тонкина. Тунгту (лау, пау), которые живут в равнине Ситтанга и которых обыкновенно считают одним из каренских племен, принадлежат, кажется, к нации шанов[2]. Ассамские народности нага, куки, лушаи встречаются также в Бармании на восточной отлогости гор Ассама, преимущественно в Манипурском крае, которым овладело английское правительство и который оно присоединило к Бенгальскому президентству, хотя эта территория принадлежит географически к Индо-Китаю. Мало найдется стран, где бы можно было наблюдать большее разнообразие наречий, чем в этой части Индийской империи: во многих долинах жители соседних деревень не понимают друг друга[3].

Моны, талайны, или «поморяне», живущие в большом числе по всему прибрежью английской Бармании, составляют, как полагают, население, отличное от барманцев или мрамма; их первобытный идиом очень походит на язык мундов, сингбумских и чотанагпорских коларийцев[4]. Потомки древних владетелей страны Пегу, они были покорены, в свою очередь, в половине прошлого столетия и долгое время терпели тяжкое угнетение. Оттого они охотно переменили господ, когда англичане овладели Тенассеримом и областями Пегу. Эти поморяне мало-по-малу сливаются с барманцами; в некоторых городах, как, например, в Мульмейне, где почти все население талайнского происхождения, господствующий язык—барманский. Дома талайнов легко узнать по кокосовому ореху и по красным или желтым флюгаркам, повешенным на одной из сторон жилища: там имеет резиденцию дух, покровитель семьи[5]. Земледельцы по большей части, талайны подпадают влиянию жрецов, торговцев, барманских чиновников: «народ книги», как и мандалайские буддисты, они признают превосходство тех, кто им дал, вместе с этою «книгой», соответственную цивилизацию. Яу и арраканцы западного берега тоже «народы книги», и, хотя состоят под английским владычеством, но всего охотнее вступают в общение со своими единоверцами, обитающими на берегах Иравадди. Священная «книга» проводит раздельную черту между цивилизованными и народностями, называемыми дикими, каково бы, впрочем, ни было действительное состояние их культуры.

Барманцы, составляющие наибольшую часть цивилизованного населения Аше-Пайи, или «Восточной страны», дают себе имя мьяма или бама, происходящее от древнего наименования мрамма, в котором большинство этимологов видят имя самого Брамы[6]. Таким образом, барманцы возводят свою родословную до высшего бога первых индусов. Они выдают себя за потомков индийских иммигрантов, пришедших из Айодиа на берегах Ганга, и король их, претендующий на происхождение по прямой линии от государей солнечной и лун-

1 Dalton, „Ethnology of Bengal".
2 Adolf Bastian, „Die Volker des Oestlichen Asien".
3 Mason „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1866, № 1.
4 Logan; Phayre; Dalton, „Ethnology of Bengal".
5 Shwaye Yoe, „The Burman".
6 Mac Mahon, „Karens of the Golden Chersonese".

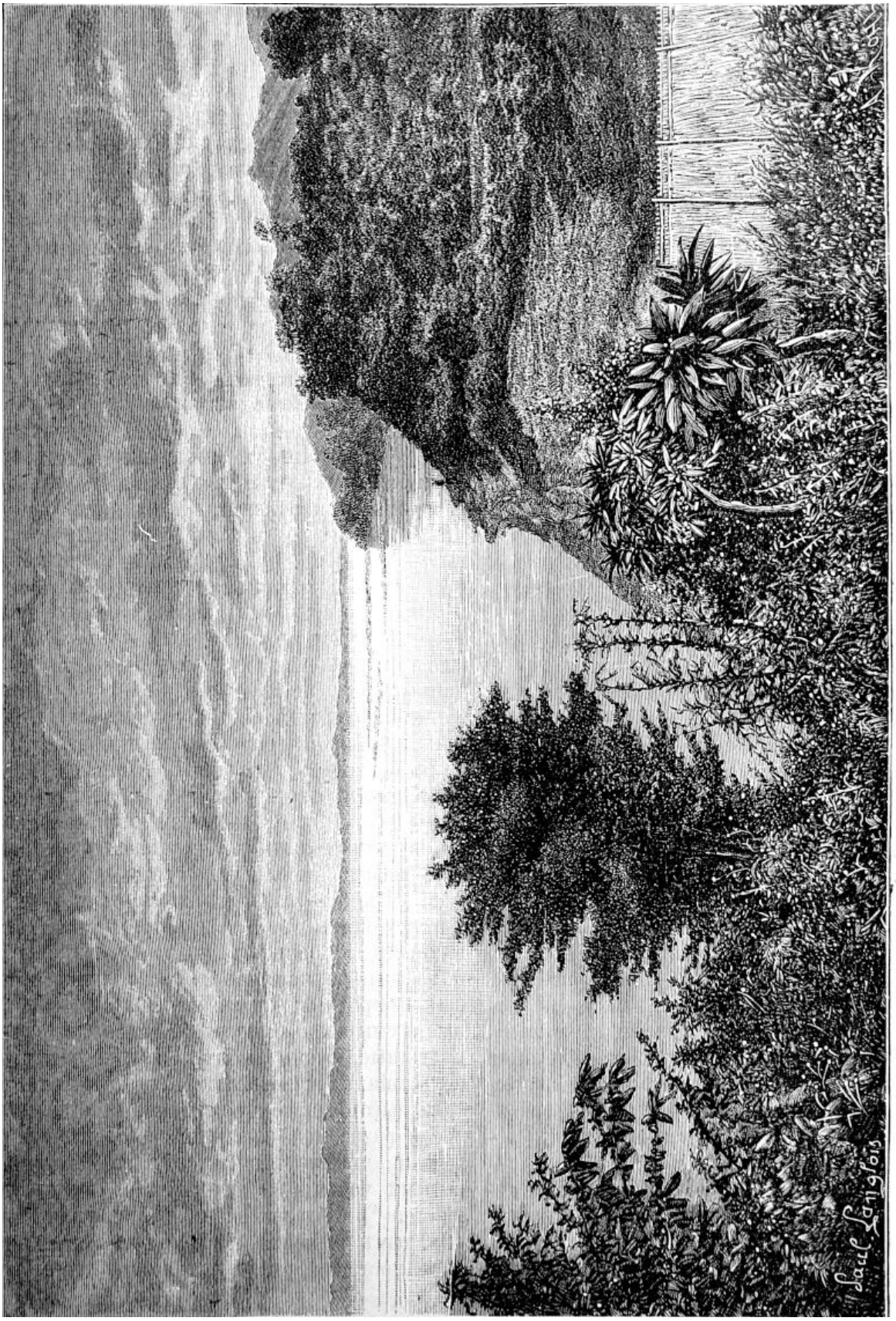
ной рас, носит их знаки царского достоинства на своем троне и в украшениях своего дворца[1]. Имена городов, Ратнапура, Амарапура, Мангалапура, Сингапура, напоминают своею санскритскою этимологией влияние браманов, сопровождавших основателей. Конечно, предание справедливо в известной мере: несомненно, что на берегах Иравадди поселились колонии индусских цивилизаторов; но последние, вероятно, привели с собою лишь небольшое число женщин, и мало-по-малу мраммы, смешавшись с туземными племенами, кончили тем, что сделались похожи на них физически. В Бармании редко можно встретить настоящий тип индуса арийского происхождения; почти везде видишь, плоские лица, с маленькими скошенными глазами и широким носом, но физиономия у барманцев более открытая, более веселая, чем у китайцев. Что касается языка, то он носит на себе следы смешения, которое совершилось в стране между двумя расами. Первоначальный диалект, моносиллабический, как и китайский, и располагающий тремя ударениями или повышениями голоса, чтобы различать омонимы, обогатился множеством индусских слов, заимствованных из священного языка; впрочем, они вообще выговариваются не отчетливо: употребление бетеля сделало барманцев народом бормотунов[2]. Барманское произношение невозможно точным образом передать на письме при помощи европейских алфавитов. Все слова смягчаются в произношении; так, самое имя народа мрамма превратилось в устной речи в *мьяма*, а название реки Айравати (Иравадди) изменилось в Ай-я-уа-ди. Барманская азбука произошла из санскрита, тогда как религиозным языком остался пали, которым говорили в пригангской провинции Бехар, буддийский «Монастырь».

Большинство барманцев малорослы, но сильны и проворны; немощные между ними очень редки, и пропорция больных ниже той,, которую мы видим в Европе. Всемогущий обычай сделал роды очень опасными: в помещении, где находятся рожающие женщины, разжигают сильный огонь, может быть, для того, чтобы удалить злых духов; но несчастным родильницам приходится так жутко от этого нестерпимого жара, что «каждые роды стоят матери добрых пятнадцати лет жизни»[3]. Женщины, которые были избавлены родными от этой пытки, едва успеют разрешиться от бремени, как уже выходят из своей комнаты и снова принимаются за работу. Браки плодовиты и дети многочисленны. Если общая цифра народонаселения обеих Барманий незначительна, то причина тому войны, часто опустошавшие страну, ибо в периоды мира возрастание числа жителей идет быстро: в некоторые годы бывало, что простые местечки превращались в многолюдные города. Средства к жизни так легко приобретаются в этой плодоносной стране, что, без чрезмерного труда, почти все население пользуется известным довольством; бедных можно встретить только вокруг пагод[4], и то только благодаря тому, что обязательное для монашествующих подаяние милостыни создало в конце концов касту нищих. Религия, если бы предписания её строго соблюдались, запрещает барманцам есть мясо, но они употребляют в качестве мясников мусульман, так как люди, убивающие животных для питания, у них в большом презрении. Один из самых всеядных народов земного шара, барманцы не брезгают даже змеями, игуанами и ящерицами; но почти все они крайне умеренны в пище: они обыкновенно довольствуются небольшим количеством риса да несколькими бананами.

Барманцы вообще довольно богато одеты, и материи ярких цветов, которые они обвертывают вокруг тела, всегда изящно драпированы; ткани, носимые женщинами, ниспадают на колени, но открываясь с боков, чтобы дать свободу движениям ноги. Еще почти все мужчины имеют привычку татуировать себе бедра до колена; в годы юности они таким образом трудятся над украшением своей особы при помощи фигур животных, символических образов, священных слов, красных и синих черт, переплетающихся в волшебном порядке, с тою целью, чтобы «пропитать себе тело целебным средством» и чтобы сделать его неуязви-

1 Phayre, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1864.
2 Max Muller; Vivien de Saint-Martin, „Nouveau Dictionnaire de Geographic"; Shway Yoe.
3 Shway Yoe, „The Burman".
4 Albert Eytche, „Burma, past and preset".

мым[1]. Еще не так давно с тою же целью вводили под кожу золотые кружки, серебряные монеты, долженствовавшие предохранять от всякой беды того, кто их носит[2]; так, и теперь еще погонщики мулов в Юннане запускают себе под кожу на шее и на груди до десяти или пят-



Либрауадди ниже Прома.

надцати штук золотых монет и драгоценных камней, как для того, чтобы уберечь их от во-

1 Bastian, „Siam“; Shway Yoe, „The Burman”; Snodgrass, „Burmese War”.

2 Yuie, „The Book of Marco Polo”, II; Anderson, „From Mandalay to Momien“.

ров, так и для того, чтобы застраховать свою жизнь от злого рока. Специальная татуировка, начертанная на шее и кистях руки невольника или уголовного преступника, изображала оковы и ручные кандалы: это был знак принадлежности другому лицу или клеймо позора, наложенное правосудием. «Громовые камни», т.е. кремневые топоры и стрелы, случайно вырытые из земли сохой, считаются обладающими великой силой и, обмокнутые в заколдованную жидкость, кладутся в комнате родильниц.

Так же, как в Китае и в Индии, все девушки в барманской земле выходят замуж, но брачные союзы не заключаются тотчас же по выходе из детского возраста, как на полуострове по сю сторону Ганга. Признаваемые в обыденной жизни равными мужчине, женщины принимают участие в делах семьи, и никакое решение не принимается окончательно без того, чтобы не посоветоваться с ними. Брак не есть ни таинство, ни гражданский юридический обряд, и жена вольна отказаться от сожительства с мужем, когда она не одобряет его поведения; но развод составляет очень редкое явление, особенно после рождения детей. Разлучение совершается полюбовно: каждый из супругов зажигает свечку, и та из них, которая раньше догорит, дает хозяину или хозяйке право уйти, унеся из дома самые дорогия вещи. Даже во время продолжения брачного союза всякое «благоприобретенное имущество» жены составляет её неотъемлемую собственность[1]. Однако, некоторые обычаи свидетельствуют об известной неравноправности женщины в сравнении с мужчиной: так, перед судом, она не переходит за порог судилища, и мужчина почел бы себя обесчещенным, если бы женщина ходила на высшем уровне; во избежание этого несчастия, дома всегда строются в один этаж[2]. В отношении погребальных обрядов, так же, как и в отношении свадебных церемоний, барманцы действуют по своей воле, без всякого вмешательства со стороны закона. Тело умершего или сжигают на костре, или зарывают в землю, сообразно с желанием, выраженным самим покойным. Обычаи королевской семьи разнятся во многих отношениях от обычаев, соблюдаемых в остальной нации. Так, принцы женятся на своих сводных сестрах, а старшая дочь короля обречена на безбрачие[3].

В больших городах королевской Бармании большинство туземцев, нравственно испорченные гнетом двора, лживы и раболепны; но по этим людям, окружающим королевскую власть, не следует судить обо всем народе. В сельских местностях, где жители могли убегать в леса при проходе армий или алчных сборщиков податей, можно лучше наблюдать барманцев и оценить их счастливый природный характер. Они вообще живые и смышленые, веселые, остроумные, великодушные, очень любят игры, музыку и удовольствия; случалось видеть, как жители квартала, выгоревшего утром, воздвигали вечером, среди развалин пожарища, театральные подмостки, чтобы утешить себя несколькими веселыми часами за потерю всего своего имущества[4]. Обладая очень подвижным умом, они, тем не менее, постоянны в своих привязанностях; редко случается, чтобы глава семейства делал малейшую разницу в обращении с детьми, хотя бы даже один из них был европейского происхождения. Барманцы очень гостеприимны, радушно принимают иностранца и стараются предупредить его желания; вдоль дорог путешественники находят сараи для отдыха и сосуды с чистой водой для утоления жажды. Вежливость составляет национальную добродетель; в этом отношении мраммы и талайны походят на японцев и стоят выше огромного большинства европейцев. Хотя очень впечатлительные и подвижные, они, однако, не вносят в свои поступки той страстности, которая делает их соседей, малайцев, иногда столь опасными; они не мстительны и легко прощают обиды; они очень покорны и позволяют себя угнетать без сопротивления, ограничиваясь тем, что молят Будду, чтобы он защитил их от «пяти врагов»: огня, воды, разбойников, недоброжелателей и правителей[5]. Барманцы нравственными качествами вы-

1 Ch. A. Gordon, цитированное сочинение; Helfer, цитированные мемуары.
2 Mondiere, „Dictionnaire des sciences anthropologiques".
3 Phayre, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1864, № 4; Yule; Bastian; Shway Yoe.
4 Shway Yoe, „The Burman".
5 Shway Yoe, цитированное сочинение.

годно отличаются от индусов, которых они называют своими братьями; они не признают деления на касты, или, по крайней мере, не применяют его строго на практике; человек самого низкого звания может сделаться равным с великими мира сего; он не встречает ни одного из тех непроходимых сословных барьеров, которые делают из индуса раба судьбы. Новейшая история английской Бармании доказывает, что туземцы умеют пользоваться той свободой, в которой отказано большинству жителей полуострова по сю сторону Ганга. Однако, рабы, состоящие при кумирнях, сожигатели трупов, прокаженные, тюремщики и палачи, которых считают существами, виновными в каком-нибудь преступлении во время предшествующего их существования, остаются вне всякого общества; они не имеют даже права учиться в школе; нищий отказывается от их милостыни, томимый жаждой прохожий ни за что не согласится принять ни одной капли воды из их рук.

В действительности, религия, господствующая в Бармании, та, которая регулирует все акты жизни, есть поклонение демонам; оффициальным же культом является буддизм[1]. Барманцы боготворят Гаутаму, воплощение Будды; во всех городах, во всех селах и деревнях в честь его воздвигнуты высокие пагоды или скромные кумирни, и статуя Мудреца, с кротким, почти женственным лицом, стоит в глубине храма. Прежде было в обычае у богатых людей посвящать избыток своего состояния на сооружение этих религиозных зданий, и многие из покинутых городов, жилища которых были преданы пламени завоевателями, или разрушены временем, состоят только из храмов, построенных из кирпича, из мрамора или из текового дерева с красивой резьбой. В наши дни религиозное зодчество уже не в такой чести, как было прежде, и щедроты богатых барманцев, употреблявшиеся в былое время на сооружение пагод, теперь чаще идут на сооружение театров; но жрецы, или *помги*, отличающиеся, впрочем, полнейшею веротерпимостью в отношении чужих религий, попрежнему очень многочисленны. Они не составляют особого класса, потому что не дают обета монашества; каждый помги может во всякое время сложить с себя духовный сан и вернуться в первобытное состояние. С другой стороны, и сделаться жрецом может всякий желающий; даже обязательно для молодых людей светского общества поступать послушниками в монастырь на несколько лет, или на несколько недель, и там все равны: царский сын не пользуется большим почетом, чем сын последнего нищего[2]. Тела жрецов сжигаются или при помощи ракет, которые пускают издали, чтобы зажечь костер, или посредством трения двух кусков дерева; когда же дело идет о простом смертном, то для зажигания костра достаточно обыкновенной спички.

Название «талапуан», которое европейцы дают барманским и сиамским жрецам, произошло, вероятно, от *талапат* или *талипот*, названия веерной пальмы (corypha ombraculifera), лист которой служит опахалом священнослужителям храмов, при чем на этом листе вырезаны священные письмена[3]. Главная обязанность жрецов состоит в обучении чтению и письму мальчиков околодка: каждый монастырь есть в то же время школа. За немногими исключениями, все барманцы умеют разбирать свои священные книги, и будучи, по грамотности, гораздо выше большинства западных людей, они всегда носят при себе таблички для того, чтобы иметь возможность, в случае надобности, поддержать свою беседу письменными объяснениями, знаками или вычислениями. Но начатки образования, которым обучают помги, смешаны с таким множеством пустых формул и церемоний, что в школах английского основания, даже в тех, которыми руководят миссионеры, с трудом объясняющиеся на местном языке, число воспитанников увеличивается с каждым годом; кроме того, девочки, которые не могли поступать в монастыри, получают теперь элементарное образование в светских учебных заведениях. В британской Бармании около двух третей школ, состоящих при монастырях, находятся под наблюдением английского правительства. В 1880 году монастырей в английской Бармании было 4.279 с 6.408 монахами, не считая послушников и аколитов.

1 Shway Yoe, цитированное сочинение; Adolf Bastian, „Reisen in Birma”,

2 Shway Yoe, „The Burman”.

3 Pallegoix, „Description du royaume Thai ou Siam”.

Монастырей, состоящих под контролем правительства, насчитывалось 2.678. Светских начальников школ было 473; средних учебных заведений 36; кроме того, в Рангуне есть европейское училище.

Половина барманского народонаселения, и при том самая образованная, самая богатая и самая благоденствующая, если не самая многочисленная, подвластна Англии; однако, пегуанские браманцы все еще видят в короле, имеющем свою резиденцию в Мандалае, если не государя, то, по крайней мере, священную особу, представителя Гаутамы. Несмотря на политическую границу, указываемую линией 19°30' сев. широты, барманцы королевства Ава и барманцы английской территории имеют ясное сознание своей национальности и смотрят на себя, как на один народ, разделенный на время, но долженствующий когда-нибудь соединиться в одно целое. В то время, как барманцы редко эмигрируют в Сиам, Индию или Малазию, они охотно переселяются в земли, населенные их единоплеменниками. Само собою разумеется, эмиграционное движение направляется теперь на юг, из королевства Ава к английской Бармании. Деспотическая власть короля, произвольная система податей и налогов, беспорядочность и произвол администрации, недостаток торговых удобств—все это побуждает подданных самодержавного повелителя бежать через границы в страну, которая, хотя и состоит под владычеством чужеземцев, но, тем не менее, населена барманцами, и где каждый может спокойно пользоваться плодами своего труда. Как говорил английский уполномоченный, который, без всякого трактата, просто по праву сильного, начертал границу, в 1853 году, взяв у королевской Бармании провинцию Пегу, королевство Ава держит в своей руке «как бы косточку плода». Страна отделена от Бенгалии и Ассама горами без дорог, горами, один склон которых—а в Манипуре даже оба противоположные склона—принадлежат к Англо-индийской империи; отрезанная от всякого сообщения с морем, лишенная даже территорий в трех дельтах Иравадди, Ситтанга и Салуэна, имеющая сношения с Китаем и Ассамом только через горы и плоскогорья, населенные полудикими и часто враждебными народами, эта страна как бы заперта в тюрьме; она всецело во власти англичан. Расстройство, в котором она находится уже несколько лет, должно быть приписано в большей части тем безобразным и противоестественным контурам, которые ей насильно приданы этими могущественными соседями. Понятно, что подобное положение дел, столь гибельное для стран по среднему течению Иравадди, не может долго продолжаться; настанет момент, когда английской торговле на низовьях реки понадобится установить непосредственные сообщения с Китайской империей через верхнюю Барманию. Следовательно, столкновение, созданное экономическими интересами, сделается неизбежным, и в настоящих обстоятельствах легко предвидеть, которая из двух держав останется в выгоде: благодаря пару, Иравадди, центральная артерия так называемой «независимой» Бармании, находится уже, так сказать, во власти Англии. Паровой флот нижней Иравадди, буксирующий шаланды, мог бы в пять дней высадить перед Мандалаем 13.600 человек войска, вместе с провиантом и пушками[1].

Из двух половин барманской нации, та, которая населяет области, прилегающие к морскому прибрежью, все более и более превосходит другую половину промышленностью, торговлею и работами всякого рода. Земледелие, составляющее занятие огромного большинства жителей, получило значительное развитие, благодаря разделению земли на мелкие хозяйства. Английское правительство, заняв место барманского короля, в качестве общего владельца земельной собственности государства, роздало прямо от себя земли маленькими участками, в среднем размере от 3 до 4 гектаров, так что между крестьянином и казной нет никакого посредника, в роде земиндара, или крупного арендатора удвоивающего налог с земли. Земледельцы, поселившиеся на новых, нетронутых плугом землях, освобождаются, в течение известного числа лет, от всяких податей и повинностей; затем, когда их поля начнут приносить полный доход, они обязаны платить правительству подать, равноценную пятой доле сбора произведений,—пропорция гораздо ниже размера налогов, взимаемых в Индии по сю сторону Ганга. Тогда как средняя норма заработной платы сельских рабочих на запад-

1 „Journal officiel de la Republique francaise", 10 juin 1879.

ном полуострове исчисляется менее чем в 3 франка в неделю, она превышает 9 франк. в английской Бармании. Немногие из туземцев могут назвать себя богатыми, но зато там почти нет и бедных, и только очень малая часть недвижных имений обременена долгами: ростовщики, которыми кишат деревни Индустана, еще недавно были почти неизвестны в селениях на нижней Иравадди; к несчастью, четские закладчики с Коромандельского берега узнали теперь дорогу и в Барманию. Золото и серебро, которого ежегодно ввозится в страну на сумму свыше 30.000.000 франк., употребляется главным образом на фабрикацию украшений для барманских и каренских женщин: это сбережение, в виде предметов роскоши, простирается, вероятно, средним числом, до 300 франков в год на каждое семейство. К сожалению, употребление опиума, введенное англичанами, делает большие опустошения среди бар-

Барманская арба.

манского населения.

Местная торговля громадна: в каждой деревне торговцы и торговки раскладывают свои товары прямо под открытым небом; по всем дорогам идут и едут разносчики, караваны вьючных животных, обозы запряженных волами телег или арб, которые еще сохранили форму крытых лодок с навесом; скрип тяжелых сплошных колес слышится по ночам за несколько верст, нагоняя страх на пантер и других кровожадных зверей. Около тридцати пароходов и слишком 65.000 простых судов разной величины, из которых иные поднимают свыше 150 тонн, плавают по Иравадди и её рукавам. Совокупность торгового обмена с другими странами возростает из года в год; уже в 1820 г. она превышала 550 миллионов франков, так что, пропорционально пространству и населению, она почти равняется сумме торговых оборотов Франции. Около четырех пятых этой торговли производится морским путем: однако, торговый обмен между английской Барманией и верхней Барманией, или королевством Ава, тоже возростает, несмотря на дипломатическую ссору двух правительств и происходящие от того притеснения всякого рода: торговые монополии относительно строевого леса, смолы кашу, керосина, драгоценных камней, данные мандалайским двором китайским откупщикам, составляют главные препятствия развитию торговых дел. С Сиамом

торговые сношения английской Бармании встречают другие трудности, именно трудности, которые представляет сообщение через лежащие между этими странами пустынные и гористые области; дороги, которые теперь пролагаются на востоке от Мульмейна и которые перейдут через водораздельную цепь, чтобы спуститься к Менаму, получат важное значение, когда торговля будет ими пользоваться для перевоски товаров между морем и рекой.

Внешняя торговля английской Бармании в течение фискальнаго 1880—1881 года:

	Морем, франк.	Сухим путем, франк.	Вместе, франк.
Вывоз	236.885.000	48.920.000	285.795.000
Привоз	220.150.000	50.215.000	270.365.000
Сумма	457.025.000	99.135.000	556.160.000

Ценность торгового обмена между обеими Барманиями в 1877 году: 68.474.725 франков.

Движение судоходства по заграничной торговле: 2.438 пароходов, вместимостью—1.668.325 тонн; 3.020 парусных судов, вместимостью—862.830 тонн; всего 5.458 судов, вместимостью—2.531.155 тонн.

Промышленность развилась в такой же степени, как земледелие и торговля. Барманцы во все времена были искусными резчиками на дереве, ткачами, литейщиками бронзовых изделий: огромные колокола их храмов свидетельствуют об их искусстве в обработке металлов; их скороходные шлюпки, с носом в виде полумесяца, откуда кормчий делает знак тридцати или шестидесяти матросам, дружно действующим вызолоченными веслами, мало имеют равных себе во всем свете по быстроте движения, и нельзя достаточно надивиться той ловкости и быстроте, с какою судовщики на Иравадди развертывают или переставляют свои четыреугольные или веерообразные паруса, привязанные к рее в 40 метров длиною. С тех пор, как порты английской Бармании стали отправлять заграницу такое огромное количество рису (так, например, в течение фискального 1881—1882 года было вывезено этого продукта 957.200 тонн, на сумму около 150.000.000 франков), сдирание шелухи с рисовых зерен сделалось главною местною промышленностью; но эта работа производится в обширных заводах, которые почти все принадлежат европейцам или китайцам; барманцы употребляются на этих обдирных «мельницах» только для надзора за рабочими или для ручного труда; до настоящего времени механики всегда набирались и набираются между иностранцами, особенно между «детьми Гана», которые начинают появляться в крае.

Число их, несомненно, будет возростать, когда переселенцы из китайских провинций Фокиена и Куантунга узнают по народной молве об изумительных естественных источниках этих богатых стран, где возделанные земли не составляют еще даже пятнадцатой части территории[1]. В настоящее время поток иммигрантов, представляющий седьмую часть общего числа жителей, состоит преимущественно из северных барманцев, каренов, шанов, клингов с Коромандельского берега и бенгальцев, пришедших из Джиттагонга, под управлением своих «начальников работ». Иногда дороги бывают покрыты бесконечными вереницами этих переселенцев, которых крупные предприниматели склонны третировать как невольников. Женщины сопровождают эти переселенческие партии лишь в небольшом числе, а что касается барманцев из королевства Ава, то им запрещено приводить с собою семьи; оттого мужское население почти на одну двенадцатую превышает женское, и пропорция метисов, имеющих в своих жилах в одно и то же время кровь бирманскую, индусскую, китайскую, быстро увеличивается.

Этнические элементы народонаселения в английской Бармании, считая в том числе южный Тенассерим:

	Перепись 1872 г. жит.	Перепись 17 февр. 1881 г жит.	Прирост, процент.
Барманцев и талайнов	2.111.921	2.766.827	31,0
Каренов	331.706	518 294	56,2
Хьенгов	51.117	55015	7,6

1 „Report on the administration of British Burma during 1880—1881“.

	Перепись 1872 г. жит.	Перепись 17 февр. 1881 г жит.	Прирост, процент.
Тунгту	24.923	33.554	42.6
Шанов	36.029	50.723	65,8
Диких горцев	31.242	27.598	—
Индусов	137.014	246.289	79,7
Китайцев	12.109	12 962	7,0
Европейцев и евроазийцев	9.177	11.860	29,2
Всего	2.747.148	3.736.771	36,2

Большинство пришельцев, за исключением магометан, скоро присоединяется к рядам буддистов; поклонники Вишну и Сивы сами собою, без всякого постороннего принуждения, ходят в буддийские пагоды совершать свои религиозные обряды.

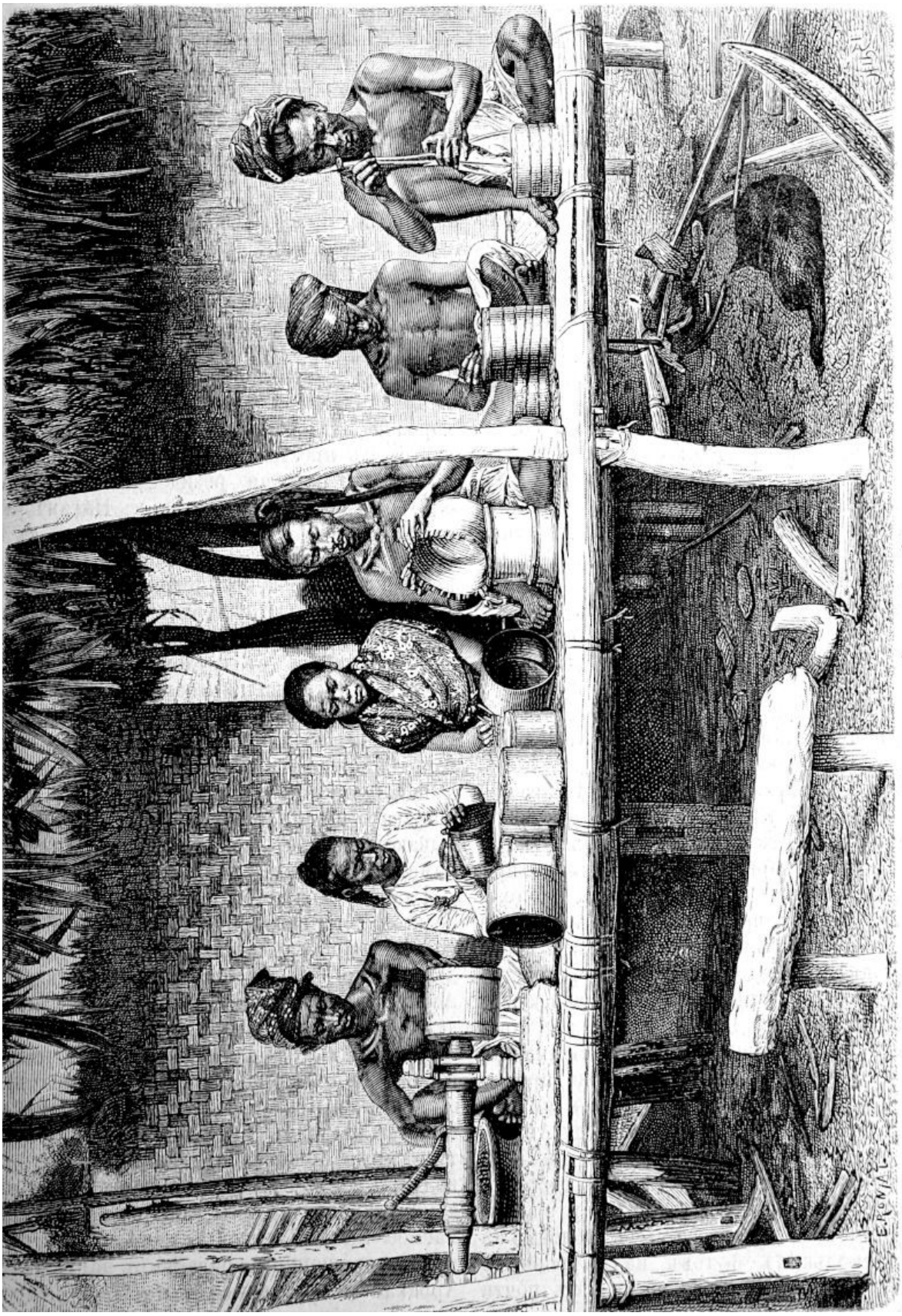
На мало исследованных берегах верхней Иравадди, в земле какиенов, между Китаем и Барманией, нет городских поселений в собственном смысле, а есть лишь остатки городов, каковы, например, Качо и Айенгдама; теперь это деревни, окруженные палисадами, которые запираются каждый вечер, чтобы быть в безопасности от нападения какиенов; вокруг наполненных водой рвов расстилаются обширные пространства, где видны еще следы прежних пашень[1]; судовщики, поднимающиеся вверх по Иравадди, стоят на якоре по середине реки, во избежание неожиданных нападений со стороны дикарей. Город Могунг, на боковом притоке Иравадди, лежит на самой границе барманской территории, но находящиеся в его окрестностях нефритовые копи принадлежат какиенам: китайцы и шаны, эксплоатирующие эти рудники с большой выгодой, в мирное время должны платить большую подать старшинам дикарей и пошлину королевско-барманским таможням; нефрит отправляется в Кантон через Мандалай. К северу от Могунга находятся также месторождения янтаря.

Важнейший город верхней Бармании, на границах территории какиенов и китайской провинции Юннан, есть Бамо (Бхамо), расположенный на восточном высоком берегу Иравадди, в 2 километрах ниже впадения в нее притока Тапенг или Тапинг. Эго наидалее выдвинутый военный пост королевства Ава со стороны Китая: в то же время это самый значительный его торговый складочный пункт. В Бамо, как в точке пересечения исторических путей, необходимо должен был возникнуть город. Река легко судоходна до этого места, находящагося на расстоянии 1.200 километров от океана, и с 1866 года пароходы, имеющие до одного метра посадки в воде, поднимаются вверх по течению до впадения Тапенга. Эта последняя река, сама достаточно глубокая для плавания барок на пространстве около 40 километров, спускается из долины, которая дает доступ к первым ступеням плоских возвышенностей Юннана: там начинается поперечная дорога, представляющая наиболее удобный переход между Иравадди и Янтсекиангом, между Рангуном и Шанхаем. Это еще не все. Место слияния Иравадди и Тапенга, кроме того,указывается, как долженствующее быть современем связанным с Калькуттой через долину Барака и Манипур: дорога Ганга и Брахмапутры соединится с дорогой «Срединного Цветка», при начале судоходства по Иравадди. Многие города следовали один за другим в этой равнине нижнего Тапенга. К востоку от Бамо видны остатки двух городов, из которых один известен под именем «Старого Бамо»; на севере, на правом берегу Тапенга, тоже есть развалины, указывающие место, где стоял древний город Цампенанго,—на языке пали Чампанагар,—который был столицей одного шанского государства и который разрушили сингпои.

О будущей дороге, которая должна соединить непосредственно Индию с Китаем через горы, продолжающие на востоке вал Гималаев, написаны сотни статей и целых книг, но можно сказать, что эта дорога уже существует; это «золотой и серебряный путь», которым китайские войска спускались до самой равнины в 1769 году и которым всегда следовали посольства между двумя государствами; остается только, где нужно, сделать выемки в холмах и засыпать долины, для прокладки рельс. Несмотря на недоброжелательство королевской

1 Sandeman, „Proceedings of the Geographical Society“, may 1882.

Бармании в отношении английской торговли, значительная часть товаров, посылаемых из Рангуна к верховьям Иравадди, направляется в Китай. Целый квартал в Бамо, или Цинь-гае—как его называют китайцы,—занят торговцами из Юннана, приезжающими в этот город



Барманскіе рабочіе.

закупать хлопок, нефрит, разные европейские товары, до соли из Ливерпуля включительно; в 1881 году один караван, следовавший этою дорогой, заключал в себе слишком 1.500 на-

вьюченных животных[1]. Даже во время восстания пантаев торговое движение между Барманией и Китаем, через Бамо, никогда не прерывалось: но тогда этот город имел никак не более 5.000 жителей: в 1868 году Андерсон исчислял население его только в 2.500 душ. Бамо, окруженный эстакадой, состоит из нескольких рядов тековых и бамбуковых домов, поддерживаемых столбами на высоте нескольких футов над уровнем почвы. Промышленности в нем нет почти никакой, кроме выделки сабель или *дах*, и приготовления глиняной посуды: отсюда и самое имя его, происшедшее от слова Манмо и означающее «город гончаров».

Ниже по течению, на том же берегу Иравадди, деревня Кунтуг, или Киунг-тунг, расположенная у входа в одно ущелье реки, была иногда соперницей Бамо по торговле с Китаем; небезопасность дорог заставляла караваны видоизменять свой маршрут, сообразно превратностям войн и союзов. Вниз от этого дефилея, до нынешней столицы Бармании, нет значительных городов, ни важных рынков: наиболее посещаемые места—это высокие мысы, увенчанные пагодами, и скалистые острова, где бесчисленные религиозные здания, окруженные деревьями, высоко поднимают свои позолоченные шпицы над густою листвой: так, остров Шве-гу, «Лес пагод», содержит, говорят, не менее 999 святилищ[2]. Рыбачья деревушка, расположенная на левом берегу Иравадди, составляет все, что осталось от древней столицы Бармании, Тагунга, основанной в первые времена барманской колонизации; тридцать пять королей следовали один за другим на тагунгском престоле, но, вследствие нашествия варваров, царская резиденция была перенесена оттуда немного южнее, в Паган, называемый теперь «Старым Паганом», с тех пор, как другой город того же имени был построен в 350 километрах ниже по течению Иравадди. Остатки этих двух соседних городов, Тагунга и Пагана, поросли лесом, так что теперь с трудом можно отыскать там и сям развалины пагод и статуй Будды. Другая деревня, тоже лежащая на левом берегу реки, носит имя Цампенанго; как и город, предшествовавший Бамо при впадении Тапенга в Иравадди,—это бывшая столица шанского царства. В окрестностях разработывают, но не очень деятельно, несколько каменноугольных копей.

Главное колено Иравадди, между Бамо и дельтой, есть важнейшее историческое место современной Бармании: здесь возникли последовательно четыре столицы, Сагайн, Ава, Амарапура, Мандалай. Правда, что мало найдется местоположений, которые представляли бы больше выгод для основания центрального города многолюдной страны. Несколько второстепенных рек впадают в этом месте в главную реку; в небольшом расстоянии оттуда, ниже по течению, главный приток Иравадди, Кьендвен, соединяет свои воды с водами главной долины; направление, принимаемое главной рекой, от Мандалая к Пагану, совершенно совпадает с направлением Арраканского залива, и этот путь продолжается удобными для прохода брешами по горам; наконец, на юге, длинная долина открывает прямую дорогу к истокам Ситтанга; нет сомнения, что настанет день, когда этот сгиб почвы будет выбран для проложения железного пути, который даст Мандалаю быстрые средства сообщения с другими странами.

Ава, древнейший из упомянутых четырех городов, имеет в то же время наиболее живописное местоположение. Он находится на самом берегу Иравадди, как раз в том месте, где река меняет направление, поворачивая к западу, и где приток Мийги соединяется с главной рекой многочисленными извилистыми каналами. На противоположном берегу, на скатах и на вершине холмов, блестят позолоченные куполы пагод Сагайна, который тоже был столицей государства. Четыреугольная городская ограда Авы, около 10 километров длиной, еще довольно хорошо сохранилась, а внутренность её превратилась в обширный парк, аллеи которого представляют бывшие улицы. Несколько уцелевших еще монастырей дают приют монашествующей братии; среди лесных прогалин, плодородная почва которых в изобилии доставляет садовникам превосходные плоды, рассеяны хижины поселян; дворец представляет уже руину, на половину заросшую зеленью; коровы мирно щиплют траву между распавши-

1 „London and China Express“, jan. 27, 1882.

2 Shway Yoe, „The Burman“.

мися камнями этих развалин и спускаются по королевским лестницам на водопой к быстрому потоку, омывающему неровные ступеньки. Впродолжении слишком четырех столетий Ава была столицей Бармании. Основанная в 1364 году, она была покинута в 1783 году, затем снова служила резиденцией государю с 1822 по 1837 год. Палийское имя, которое ей давали оффициально, Ратнапура, или «Город драгоценных камней», не сохранилось за нею; более древнее народное наименование Ава, или Аэнгва, т. е. «Пруд рыбаков», в конце концов одержало верх и даже стало применяться ко всему государству. В соседних странах королевская Бармания известна вообще под именем королевства Ава[1].

Амарапура, или «Город бессмертия», имел очень кратковременное существование: оно продолжалось всего только семьдесят пять лет, да и то с перерывом, так как одно время он был покинут двором. В 1857 году, когда король дал приказ выбираться из города, китайцы, которые незадолго перед тем построили себе новую пагоду, отказались последовать общему исходу и забаррикадировались в своем квартале. Кончилось тем, что их оставили в покое, но притягательная сила материальных выгод оказалась действительнее всяких насильственных мер: когда желтолицые «сыны Гана» увидели себя изолированными, без покупателей для своих товаров, они добровольно, один за другим, покинули свои жилища и перебрались в Мандалай. Правильный квадрат, образуемый городской оградой Амарапуры, находится в семи километрах по прямой линии к северо-востоку от Авы, но он отделен от последней прудами, ложными речками, рисовыми полями; на ближайшей половине реки рассеяны многочисленные острова, осеняемые великолепными деревьями: на западной стороне, Иравадди течет вдоль подошвы бесплодных Сагайнских холмов, бока которых испещрены полосами красного и коричневого цвета, происходящими от присутствия железной руды. Недавно у подножия этих береговых скал построены большие чугунолитейные заводы.

Гавань Амарапуры служит в то же время гаванью для Мандалая, или Мандале, теперешней столицы государства, названной так по имени пригорка, который возвышается на северо-восточной стороне города. Современная резиденция находится в 4 километрах от реки, с которою ее соединяет широкая аллея, обставленная по бокам домами, амбарами для склада товаров, судостроительными верфями и мастерскими; говорят, барманский король именно потому и построил свою столицу среди рисовых полей, вдали от тенистых берегов Иравадди, чтобы не слышать ненавистного шума английских пароходов[2]. План Мандалая, так же, как и план Амарапуры, представляет подражение плану китайских городов, заключающих внутри «город варваров», т.е. иноплеменных завоевателей. Более правильный, чем Пекин, Мандалай образует совершенный квадрат, обнесенный кирпичной оградой, с воротами по середине каждой из сторон и с башнями по углам, блистающими своими вызолоченными крышами. В центре города второй четыреугольный вал окружает королевский город, заключающий дворцы самого короля, его жен, министров, белого слона; точная середина, которую занимает трон государя, увенчана шпицем с семерною спиралью, который служит символом горы Меру, центральной пирамиды мира[3]. Перед каждым домом тянется частокол, так называемый «царский палисад», за который должны укрываться жители, когда полиция возвещает о приближении «золотых ног» его величества. Новый, построенный по однообразному плану и из непрочных материалов, Мандалай имеет вид парадного города, существующего лишь на один день и долженствующего исчезнуть, как исчезли соседние города, по королевскому капризу. Предместья, отделенные от города судоходным рвом городской ограды и продолжающиеся на юго-запад до окрестностей Амарапуры, имеют уже по самой беспорядочности их строений более оживленную физиономию, чем окруженный стеной город; береговая насыпь неправильной формы защищает их от наводнений во время разлива Иравадди. Нужно сказать, что стены Мандалая покоятся на пятидесяти слишком человеческих трупах, ибо в Бармании, как некогда в Палестине, краеугольный камень каждого здания должен

1 Yule, „Reports of the Mission to Ava in 1855“; A. Bastian, „Die Volker des Oestlichen Asien“.

2 Adolf Bastian, цитированное сочинение; Anderson, „From Mandalay to Momien“.

3 Adolf Bastian, цитированное сочинение.

быть «живой камень», имеющий силу отгонять духов и злых гениев[1]. В 1880 году, когда что-то приключилось с резервуаром священного елея, придворный астролог потребовал, чтобы были принесены в жертву сто мужчин, сто женщин, сто мальчиков, сто девочек, сто солдат и сто иностранцев. Начали уже было хватать жертв, но объятое ужасом население стало убегать массами, и назначенное жертвоприношение пришлось отменить.

Мандалайская горка увенчана маленькою пагодой, статуя которой указывает пальцем то место, где король получил свыше повеление построить свой дворец; другая статуя, обращенная лицом к востоку, как бы для того, чтобы могла созерцать горы Шан-Иома, показывает, по словам туземцев, убежище, куда король рано или поздно должен будет удалиться, чтобы уйти от англичан. На этом пригорке содержатся, на средства государя, петушки и другие домашния животные, за которыми охотятся стаи диких собак. На юго-восток от холма обширная каменная ограда, в центре которой стоит высокая пагода, окружена и усеяна внутри красивыми крошечными зданиями: каждое из них содержит мраморную доску, на которой выгравирована глубоко вырезанными буквами часть *Питтагата*, или буддийского священного писания. Эти изящные храмики, числом более 700, составляют священную библиотеку Мандалая. Кроме того, есть много других религиозных зданий в городе и его предместьях, но ни одно из них не отличается такими громадными размерами, как недоконченная менгунская пагода, находящаяся на правом берегу Иравадди, в нескольких километрах выше столицы: огромная масса, которая должна была оканчиваться пирамидой на высоте 150 метров, походит скорее на песчаниковую скалу, чем на человеческую постройку; землетрясение, бывшее в 1839 году, раскололо колоссальную каменную глыбу и сдвинуло с места ряды положенных камней; теперь деревья укрепляют свои корни в трещинах скалы. К этой пагоде должен был принадлежать и знаменитый колокол, весом в сто тонн (слишком 6.000 пудов), который еще находится в соседстве храма и отливка которого производилась, кажется, под руководством европейцев[2]. Невольно приходишь в удивление при виде несметных богатств, употребленных на сооружение всех этих зданий: золотые листы, которыми покрывают статуи и храмы, составляют едва-ли не главный предмет местной торговли.

В Мандалае живет много иностранцев. Переселенцы из Манипура, которым поручают преимущественно тяжелые работы, встречаются массами, а китайцы сосредоточили в своих руках управление большинством промышленных предприятий и заведений. Армяне, которые некогда играли столь значительную коммерческую роль в Индустане и которых оттуда почти окончательно вытеснили парсы и баниахи, сохранили свое влияние в Мандалае; наконец, есть не мало итальянцев, французов, греков, смешиваемых туземцами под общим именем *кала*, которые пришли искать счастья в барманской столице; пять подгородных деревень населены католиками, приведенными, в качестве пленных, в прошлом столетии, во время завоевания Пегу; теперь они едва отличаются от барманцев[3]. Прямая дорога, направляющаяся на северо-восток чрез Тейни и горы Шан, проникает в Юннан, но она гораздо труднее, нежели дорога на Бамо; по рассказам туземцев, тропа, длиною около 1.000 километров, проходит через сорок шесть горных перевалов, через пять больших рек и двадцать четыре меньших потока[4]; караваны, следующие этим путем, употребляют, средним числом, сорок дней, чтобы совершить трудный переход между Мандалаем и Юннан-Фу; они перевозят, главным образом, медь и чай. К северо-западу от Мандалая, в гористой области находится город Мучобо, место рождения царя Аломпра, который сделал его столицей и резиденцией своей империи в половине восемнадцатого столетия.

Вниз от группы столиц, важнейший по торговле и самый многолюдный город королевства Ава в настоящее время—Мьи-кьян, стоящий на левом берегу реки, которая в этой части своего течения разветвляется вокруг многочисленных островов, частью обитаемых; в этом

1 Shwaye Yoe, „The Burman"; A. Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".
2 Bigandet; Yule; Anderson; Shway Yoe.
3 Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi", 1864.
4 Anderson, „From Mendalay to Momien".

месте трудно даже признать главный рукав, и устья большого притока Кьен-двен переплетаются там с извилинами самой Иравадди в бесконечный лабиринт вод. Дельта Кьен-двена имеет не менее 35 километров в ширину, и воды её орошают необычайно плодородные равнины, рисовые поля которых много способствовали тому, что Мьи-кьян сделался большим рынком отпускной торговли; область Междуречья есть Сонарапанта древних писателей, быть может, *Aurea Regio* Птоломея[1]. Кьен-двен не судоходен, как Иравадди, до основания высоких гор, в стране золота, нефрита и янтаря; барки могут ходить только до города Кендат, лежащего в 150 километрах вверх от слияния. Верхния долины его бассейна и прекрасная равнина, где находится Манипур, главный город государства того же имени, присоединенного к Англо-индийской империи, сообщаются с низовьем Кьен-двена трудно проходимыми дорогами. Жители Манипура эмигрируют, как оверньяты: их увидишь на всех больших дорогах Бармании гонящими перед собой своих вьючных животных, буйволов или лошадей, и продающими красный товар и тысячу разных мелких изделий своей промышленности. Между переселенцами встречаются также браманы, очень ценимые у буддистов, как астрологи. Все придворные чародеи—уроженцы Манипура, пришедшие в Мандалай в качестве пленников или вольных переселенцев[2]. Самый знаменитый род между манипурскими браманами—род «Лягушек», получивший такое прозвище за свои частые омовения[3]. Игра поло в такой же чести у обитателей Манипура, как и на другой оконечности Индии, в Дардистане.

Город Паган, стоящий на одном мысе левого берега Иравадди, в том месте, где река снова принимает свое нормальное направление с севера на юг, занимает местоположение, соответствующее положению четырех столиц—Авы, Сагайна, Амарапуры, Мандалая. Оттого он также был одною из королевских резиденций, после покинутия Старого Пагана и прежде основания Авы. Развалины этой столицы едва упоминаются прежними путешественниками, хотя они занимают пространство около 13 километров вдоль берега Иравадди. Эти руины заключают еще, по словам английского путешественника Генри Юля, без малого тысячу пагод, хорошо сохранившихся; «тьма тьмущая, словно храмов в Пагане»—обычная поговорка в Бармании. Предание гласит, что некогда их было счетом 9.999,—без сомнения, число мистическое, без всякого отношения к действительности; но, во всяком случае, ни один город в свете не имеет такого множества святилищ: в 1284 году, один барманский король, осажденный китайцами, разрушил шесть тысяч храмов, чтобы полученным таким образом материалом лучше укрепить стены своей резиденции. Бесчисленное множество священных зданий, с статуями, колоннадами, террасами, башенками, с куполами в форме колокола, пуговицы, яйца или луковицы, утомляет взор и воображение; посетитель не имеет ни времени, ни сил осматривать весь этот необозримый хаос руин. Между этими остатками старины Юлю особенно бросалась в глаза колоссальная лежачая статуя, длиной слишком 50 метров (70 аршин). Смесь стилей так велика в этом громадном некрополе, что тут видишь даже долмен, воздвигнутый, быть может, иммигрантами хасиа, и—что еще замечательнее—колонны, напоминающие римскую архитектуру[4]. Между сотнями монашеских обителей, рассеянных в обширной городской ограде, некоторые еще заняты отшельниками; но все дома, все гражданские памятники зодчества и королевские дворцы уже исчезли. Немногочисленные деревянные избушки, затерянные среди необозримого пространства руин, имеют обитателями нескольких рыбаков да ремесленников, выделывающих коробки и ларчики: таково единственное население древнего города; одна соседняя деревня, Ньюнг-ку, унаследовала одну из промышленностей Пагана—приготовление лаковых изделий. В 1826 году англичане одержали под Паганом решительную победу, которая заставила барманцев просить мира.

К югу от Пагана, на левом берегу Иравадди, встречаем город Магве, за которым следует

1 H. Yule „Reports of the Mission to Ava in 1855“.
2 Shway Yoe, „The Burman”.
3 Dalton, „Ethnology of Bengal”.
4 Oldham; Crawford; Yule; Shway Yoe.

город Иенан-Гионг, славящийся своими источниками каменного масла; многочисленные пагоды, из которых иные построены в китайском стиле, высоко поднимают свои куполы над городом «Зловонного Ручья», свидетельствуя о богатстве семейств, обладающих нефтяными колодцами. Ниже показывается, на западном берегу, Менла, резиденция губернатора барманской границы. Далее мы вступаем уже на английскую территорию, передовым стражем которой прежде был Мьедай, стоящий на левом берегу; в настоящее время военный пост находится ниже по течению, на противоположном берегу, в «городе Мангового дерева», или Тайет-мьо. Истинным центром всей северной области дельты Иравадди следует считать Пром. Расположенный на левом берегу, при начале аллювиальной долины, направляющейся на юго-восток к Рангунскому лиману, этот город занимает истинную голову или вершину дельты, по крайней мере, с торговой, если не с гидрологической, точки зрения. Через Пром проходит железная дорога, из Рангуна к Алман-мио, санитарной станции, лежащей напротив «города Мангового дерева». Благодаря своему счастливому географическому положению, Пром есть один из тех городов, которые скоро оправляются после каждого бедствия. По свидетельству летописей, начало его восходит слишком за две тысячи триста лет до нашего времени. Основанный под именем Тарек-Гетра или Тий-икиттиа, он был окружен стеной в 60 километров длины, с 35 воротами. Разрушенный, затем вновь отстроенный, он принадлежал попеременно то талайнам, то барманцам, этнологические области которых соприкасаются в этом месте. Окрестности Прома и развалины, окаймляющие берег Иравадди до Шуэдунга, принадлежат к числу плодороднейших местностей и производят в изобилии рис, табак, овощи всякого рода. Тот и другой из этих городов украшены великолепными пагодами, куда пилигримы приходят на поклонение десятками тысяч. Многочисленные соляные источники, находящиеся в окрестностях, теперь уже почти не эксплоатируются.

Гензада, город, ближайший к вершине дельты в собственном смысле, стоит ниже места бифуркации, на главном рукаве, который сохраняет имя Иравадди, но который часто меняет русло. Этот город имеет некоторую важность, как центр гидравлических работ в области дельты, но торговля в нем только местная; порты, где производится торговый обмен с другими странами, лежат ближе к морю. Город Бассейн, один из древнейших портов, который археологи отождествляют с Безингой Птоломея, занимает очень выгодное положение, как первая гавань дельты для кораблей, приходящих из Индустана и из Европы, но вход в реку Бассейн, или Навун, представляет значительные трудности. Отпускная торговля сводится почти исключительно к вывозу риса, и набережные Бассейна бывают почти пусты, когда кончился сезон отправки этого продукта. Недалеко от города, на берегах рукава Дагга, находится круглое озеро, питаемое частью глубокими источниками и служащее попеременно водоспуском и резервуаром для вод разлива. Рыба заходит в это водовместилище такими массами, что ее ловят десятками тысяч штук; в сезон лова на озере собирается от восьми до десяти тысяч человек, и берега покрываются базарами и заводами для приготовления нгапи[1]. Близ устья Навуна деревня Дальгузи служит местом дачной жизни, куда бассейнские негоцианты приезжают подышать свежим воздухом, очищаемым бризой.

Торговое движение Бассейна в 1876—1877 фискальном году—13.704.000 франк.; ценность вывезенного риса—12,501.050 франк.; вместимость судов при выходе—104.520 тон.

Рангун, порт восточного лимана Иравадди, быль выбран англичанами за главный город своих завоеваний в Бармании, и уже ранее государи королевства Ава сделали его местопребыванием вице-короля. Пагода, содержащая волосы Гаутамы и мощи предшествовавших ему «трех Будд», давно уже, за несколько столетий до нашей эпохи, придала священный характер месту, где теперь расположен город, но движение торгового обмена было сосредоточено несколько южнее, на берегах того же лимана. Деревня Дагун, названная так по имени пагоды, была возведена на степень города лишь в 1763 году, когда завоеватель Алунгбгура, или Аломпра, пришел туда провозгласить торжественно свою победу. Рангун—или, вернее, Ранкун—есть одна из многочисленных Никей, или Ницц, которые победители воздвигают в

1 O'Riley, „Journal of the Asiatic Society of Bengal", 1861, №1.

память своих триумфов: это имя напоминает «Конец Войны», которую восстановитель барманской монархии вел с пегуанцами. Но, затем, другие победы, именно победы англичан, придали Рангуну гораздо большую важность, чем какую он имел во времена барманского господства: в 1853 году, во время второго входа завоевателей, городское население состояло из 25.000 жителей; с тех пор, в какие-нибудь тридцать лет оно более чем упятерилось, а торговля порта увеличилась в еще более значительной пропорции.

Рангун занимает великолепное местоположение на последних отрогах хребта Пегу-Иома, при слиянии трех рек и многочисленных судоходных рукавов, которые дают ему удобные средства сообщения с дельтой Иравадди и с дельтой Ситтанга. Лиман, продолжающийся на юг от города, доступен для больших судов, и морской прилив поднимается на север на большое расстояние вверх по реке Хлайн. Таким образом, этот город является главным центром и господствующим пунктом всего торгового движения в двух самых многолюдных бассейнах Бармании; железная дорога соединяет его с Промом выше дельты Иравадди, и скоро другой рельсовый путь, проникающий в долину Ситтанга, достигнет Тонгу, откуда современем будет продолжен до Мандалая. После Калькутты, Рангун самый оживленный и наиболее посещаемый порт Бенгальского залива. Он посылает заграницу тек и другое строевое и столярное дерево, смолы, пряности, и ни один город не может сравниться с ним по вывозу риса; кроме того, он служит главным привозным рынком для английских товаров, предназначенных в Барманию и китайскую провинцию Юннан; почти две трети всей внешней торговли английской Бармании сосредочиваются в Рангуне. Этот город, центр торгового обмена, есть в то же время главный пункт промышленности, и верфи, мастерские всякого рода тянутся непрерывным рядом вдоль берега Рангунской реки, или Хлайн, на большое расстояние вверх от города; нет ни одного завоевания современной индустрии, которым не обладал бы англо-барманский город, наравне с Лондоном, Парижем и Нью-Йорком.

Торговое движение Рангуна в 1893 г.:

Привоз—54.449.904; вывоз—92.007.827 рупий.

Движение судоходства (количество судов дальнего плавания):

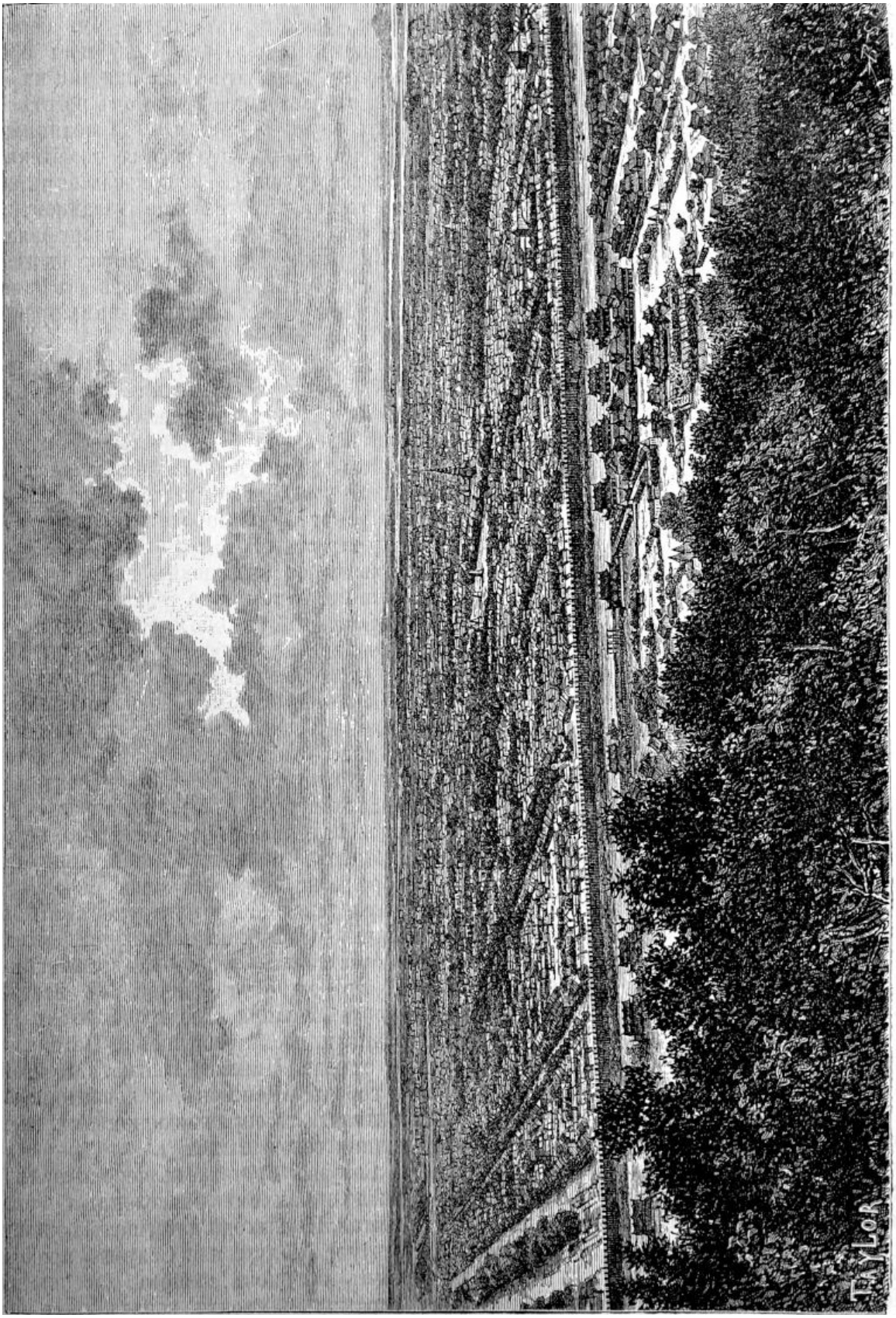
Пришло в порт 912 судна в 743.215 тонн.

Торговый и промышленный центр страны, Рангун есть, вместе с тем, и литературная столица английской Бармании; в последнее время там основаны различные ученые и литературные общества, между прочим, общество, поставившее себе задачею издание в свет классических произведений национальной словесности. Из всех городов Англо-индийской империи, получивших от правительства разрешение ввести у себя муниципальные учреждения, Рангун выдается тем, что там избиратели, мужчины и женщины, выказывают наибольшее рвение в пользовании дарованною им привилегией самоуправления.

Пагода Шуэ-Дагун, у подножия которой раскинулся город, заключена в черте английских военных кантонементов; она служит, так сказать, залогом завоевания. Величественное здание, пирамидальной формы, храм этот стоит на террасе о трех уступах, окруженной густыми деревьями; на высоте 118 метров над уровнем мостовой высится шпиц, или *хти*, обшитый толстыми золотыми пластинками и блистающий драгоценными каменьями, который мандалайский государь, «Господин с золотым зонтиком», недавно подарил своим рангунским единоверцам; но английские власти потребовали, чтобы этот хти предварительно был передан им, чтобы поступить под их непосредственное заведывание. Во время годового праздника в Датуне, в марте месяце, перед храмом толпятся тысячи пилигримов, пришедших из всех провинций Бармании, из Сиама, из Камбоджи и даже из Кореи[1]. Колокол, весящий 42 тонны (слишком 2.500 пудов), был захвачен англичанами, которые хотели было отвезти его, в виде трофея, в Калькутту, но при перевозке не приняли надлежащих мер предосторожности и увалили его в реку. Верующие, имея в своем распоряжении лишь самые примитивные машины, вытащили колокол из речного ила, и теперь с торжеством показывают его чужеземным инженерам. После пагоды, главную достопримечательность этой страны со-

1 Shway Yoe, „The Burman".

ставляет пришедший в упадок город Сириам, или Танльенг, находящийся километрах в двадцати к востоку от Рангуна, на берегу реки Пегу. Португальцы овладели этим городом в конце шестнадцатого столетия, а впоследствии голландцы и англичане основали там торго-



Видъ Мандалая.

вые конторы; теперь остались только развалины европейских зданий.

Имя Пегу, которое часто дают британской Бармании, по крайней мере, области морского прибрежья, заключенной между мысом Негре и устьем Салуэна, свидетельствует о той важ-

ности, какую имела некогда метрополия края, называемого барманцами Паго или Пайгу. Когда морские суда были не велики и не глубоко сидели в воде, речные порты, открытые внешней торговле, были расположены по большей части далее внутри материка и прилив мог уносить их далеко от берегов моря. Таким-то образом Пегу мог прежде играть роль, выпавшую в наши дни на долю Рангуна; в настоящее время он ведет лишь незначительную торговлю; суда поднимаются туда с приливом, спускаются с отливом. Часто подвергавшаяся неприятельским нападениям и осадам, столица талайнов, или пегуанцев, была, наконец, разрушена до основания завоевателем Аломпра; нынешний город, простая станция на дороге из Рангуна в Тонгу, существует лишь с конца прошлого столетия.

Тангу, или Тунг-нгу, главный город в бассейне Ситтанга, есть один из тех бирманских городов, которым, повидимому, предстоит великая будущность; естественная дорога между Рангуном и Мандалаем подходит в этом месте к самой реке; окружающие равнины плодородны и хорошо орошаются, окрестные долины населены трудолюбивыми каренами, и шаны из королевской Бармании приходят туда толпами[1]. Километрах в сорока от города основана санитарная деревня на плоскогорья Чандунг-гьи, на высоте 1.200 метров над уровнем моря, но эта высота оказалась недостаточною для европейцев, так как в период юго-западного муссона дожди льют с страшною силой на этом горном плато; весьма вероятно, что санаторий будет перенесен на вершину горы Наттунг, поднимающейся на 2.400 метров над уровнем равнины Ситтанга; но отсутствие дорог не позволяет еще европейцам забираться далеко в «горы духов». По этой же причине и Тонгу не пользуется выгодами своего счастливого торгового положения; на севере страна почти совсем не населена; войны опустошили и обезлюдили этот край, где возникли, после разрушения Пагана, столичные города Пинлай, Панжа, Мьензайн. Один город, Ниенгьен, основан недавно близ Ситтанга лесопромышленниками, эксплоатирующими тековые леса[2].

Река Салуэн протекает через наименее известные и наименее населенные области Индо-Китая. По выходе из ущелий восточного Тибета, Луце-Кианг, или Салуэн, проходит по землям какиенов, шанов, лаосов, каренов, отражая в своих водах лишь незначительные местечки, куда дикари из соседних лесов приходят обменивать продукты своих промыслов. Два «города» Тейни и Моне, о которых часто говорят в мемуарах, относящихся к торговым дорогам между барманским прибрежьем и Китайскою империей, находятся не на берегу Салуэна, но на западе, в областях, еще не исследованных европейскими путешественниками. Последний западный приток Салуэна, Янзулин, протекает через область теснин и порогов по очень живописной местности, между крутыми горами, усеянными, на верхних террасах, глыбами песчаника причудливых форм; самые любопытные из этих скал, остатков разрушившихся гор, были выбраны жителями для сооружения на верхушке маленьких пагод, до двери которых, открывающейся в пасти дракона, можно добраться лишь посредством опасного восхождения при помощи бамбуковой лестницы. Самые странные из этих воздушных святилищ стоят на горах Кьихтео, в 25 километрах к северо-востоку от деревни того же имени[3].

Течение Салуэна было обследовано Спраем (Sprye) и другими англичанами на протяжении около 600 километров, от устья до земли шанов. Хотя лишенные дорог к верхним частям реки, равнины дельты достаточно богаты, чтобы питать значительную торговлю; уже с давнего времени, по малой мере, тринадцать веков, в этом месте стоит столица, но, как и во всех других областях Бармании, этот город часто менял свое местоположение. Древний Мартабан, или Мут-тама, который некогда вел такую деятельную торговлю, что имя его перешло на соседний залив, представляет теперь не более, как собрание невзрачных лачуг. Новый город Мольмейн, или Мульмейн, главный город округа, расположен напротив Мартабана, на восточном берегу Салуэна, в том месте, где река разделяется на два рукава вокруг большого

1 Bigandet, „Annales de la Propagation de la Foi“.

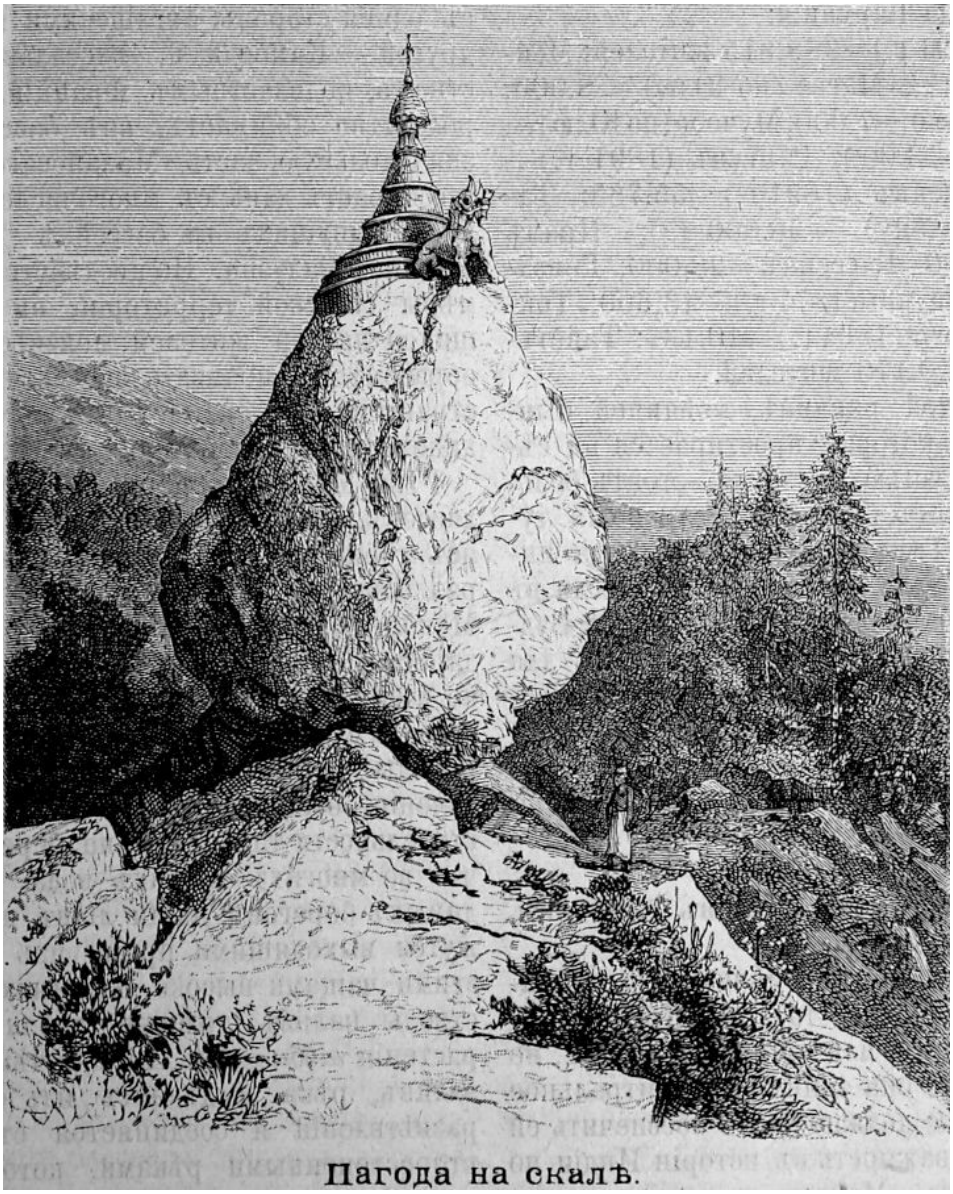
2 A. Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder”.

3 Parish, „Journal of the Asiatic Society of Bengal”, III, 1865; Shway Voe, „The Burman”.

острова Белу, или Билу-гайвон. Населенный людьми всякого рода и племени, барманцами и пегуанцами, каренами и тунгту, индусами, малайцами и китайцами, европейцами и евроазийцами, Мульмейн—город почти исключительно торговый и промышленный; он отправляет заграницу тек, рис, хлопок, а верфи его строят суда, славящиеся прочностью и чистотою отделки.

Внешняя торговля Мульмейна в течение фискального 1880—1881 года:

Привоз—24.475.025 франков; вывоз—37.064.500 фр; сумма оборотов—61.539.525 франков.



Пагода на скалѣ.

Движение судоходства в порте: в приходе и отходе 1.109 судов, вместимостью 531.150 тонн.

В летнее время деревня Амгерст, построенная на морском берегу, в 50 километрах к югу от Мульмейна, служит убежищем для негоциантов от томительных жаров, господствующих в городе.

Главные города Бармании:

Мандалай (1891 г.)—188.815 жителей; Мыкьян—15.000 (?); Магве (по Юлю)—8.000; Моне—8.000; Бамо—7.000; Мучобо (по Юлю)—5.000; Тейни—3.000; Рангун (1891 г.)—180.324; Мульмейн (1891 г.)—55.785; Татунг (по Бастиану)—30.000 (?); Пром (1891 г.)—30.000, Бассейн—28.000; Гензада—15.300; Шуэдунг (1877 г.)—13.600; Тонгу—12.400; Мерги

(1891 г.)—10.137; Тайет-мьо (1878 г.)—10.170 жителей.

В аллювиальной равнине, усеянной бывшими островами, которая простирается на северо-запад, к устью Ситтанга, стоит большой город Татунг (Татон), метрополия туземцев тунгту. Там находилась некогда индусская колония, куда миссионеры принесли в первый раз в бирманскую землю учение Будды; татунские храмы служили образцом для религиозных зданий, которые впоследствии сооружались в других местах Бармании[1].

V. Бассейн Менама

Западный Сиам, земли шанов и лаосов

В сравнении с другими речными бассейнами полуострова, покатость Индо-Китая, пробегаемая Менамом, или «Матерью Вод», не очень обширна, но она занимает центральное положение, которое должно было обеспечить ей первостепенную важность в истории Индии по ту сторону Ганга. Менам и многие другие, менее значительные, реки, соединяющие свои устья в одной и той же дельте, изливаются в море у северной оконечности залива, далеко вдающагося внутрь материка, и окружность которого имеет не менее 1.500 километров протяжения. Вход в Менам образует как бы центр обширного круга, к которому сходятся, с одной стороны, морские пути кораблей, с другой—дороги речных долин. На пространстве от Бенгальского залива до залива Тонкинского, сиамское прибрежье составляет географическую середину Индо-Китая. Пользуясь исключительными выгодами своего географического положения, нация, которую иностранцы называют «сиамскою», но которая дает себе имя Тай, т.е. «Вольные люди», играла, на восточном полуострове двух Индий, первенствующую роль и оказывала наибольшее цивилизующее влияние на дикия населения внутренности материка; равным образом, в течение своей исторической жизни страна Сиам, вообще говоря, владела наиболее обширным пространством территории за чертой естественных границ бассейна реки Менам. И теперь еще, хотя стесненное с одной стороны английскими владениями, с другой—Камбоджей, вассальным государством, подвластным Франции, Сиамское королевство обнимает, вне бассейна Менама, значительную часть Малайского полуострова и собирает дань с многочисленных народцев, живущих в бассейне Меконга и в бассейне Салуэна. Но ни действительные размеры сиамской территории, ни число находящихся на ней жителей неизвестны точным образом: приблизительно исчисляют пространство королевства Сиам в 633.000 квадр. километров, а население в 10.000.000 душ.

Река Менам берет свое начало в земле лаосов, там, где остается уже лишь узкий пояс гористых местностей между двумя параллельными течениями Салуэна и верхнего Меконга. При вступлении в шанское государство Ксиен-май, река носит уже барки, и во всей сиамской стране в собственном смысле она судоходна для небольших судов; пароходы поднимаются по реке в нижнем её течении, оживляемом волною прилива. Растительность так густа на берегах Менама, что во многих местах вода не имеет видимых берегов: чащи лиан и листьев кажутся выходящими прямо из реки, и над этими чащами высоко поднимаются стройные стволы пальм, толстые стебли бамбуков и растения *габби-габбе*. Прежде чем излиться в залив, река выделяет из себя боковые разветвления и соединяется с различными второстепенными реками, которые походят на нее своим гидрологическим режимом. Во время годового периода разливов, т.е. с июня до ноября, выступающие из берегов потоки превращают в обширное, но неглубокое море наибольшую часть нижних равнин. На затопленной почве, по которой реки и речки разносят свой плодотворный ил, пышно растет рис, и по всем направлениям снуют барки, проходя над рвами и канавами, вырытыми через необозримую шахматную доску рисовых полей. Некоторые из потоков низменной области не возвращаются вполне в свое русло, и постоянные, не просыхающие болота, скрытые под высокой тра-

1 Shway Yoe, „The Barman".

вой, тянутся на далекое пространство. Река Хорайок, которая соединяется с Менамом, недалеко от его устья, посредством искусственного канала, есть один из этих ленивых потоков, окаймленных болотами. Слоны бродят стаями по берегу Менама, вытягивая свои хоботы, чтобы обнюхать издали мимо идущие барки, но они не опасны, благодаря глубине воды[1].

Различные реки равнины, центр которой занимает город Банкок, не соединяются в один поток, чтобы излиться в море; но вся северная часть залива, куда впадают пресные воды, отделена от открытого моря подводной косой в форме полумесяца, которая тянется на пространстве около сотни километров между восточным и западным берегами бухты. Большие суда не могут перейти через порог и останавливаются километрах в пятнадцати от устья; в часы отлива только плоскодонные барки отваживаются переходить бар, суда же, вмещающие от ста до пятисот тонн, рискуют пускаться между волнами прибоя только при высоком стоянии воды. Ил, приносимый реками, отлагается в ограниченном песками бассейне, где разбиваются волны, набегающие с открытого моря. Вся низменная равнина, в соседстве моря, состоит из тонких слоев песка и глины, залегающих на нижнем пласте, в котором содержатся морские раковины[2]. Колодец, выкопанный в городе Банкоке, на глубине всего только 6 метров, уже проходит через этот пласт, отложенный морем. Таким образом геологическое свойство почвы представляет очевидное доказательство постепенного распространения суши в область океана.

Страна Сиам не имеет других многоводных рек, кроме Менама и соседних потоков; повсюду в других местах, как на востоке, по направлению к Камбодже, так и на юге, на Малайском полуострове, морская покатость слишком узка, чтобы давать начало значительным рекам. Вся восточная область Сиамского королевства изливает свои воды в обширный бассейн Меконга, главной реки Кохинхины. Водораздельные горные цепи, почти сплошь покрытые лесами, были перейдены лишь на небольшом числе пунктов европейскими исследователями: Шомбурком, Мак-Леодом, Спраем, О'Рили, Бастианом, Муготом. Дорога из Мульмейна в Банкок через Рагейн, так же, как дороги из Мульмейна в Киен-Май, из Тонгу в Моне и в Киен-Тонг, были исследованы европейцами; но некоторые области, именно около истоков Менама, едва известны. На востоке, между Менамом и Меконгом, земля даосов гориста: путешественник Мугот, который прошел ее с юга на север, между городом Аютиа на Менаме и городом Люанг-Прабангом на Меконге, говорит о величественном виде горной цепи, которая господствует на востоке над долиной Менама и южная оконечность которой тянется к востоку до границ Камбоджи. С уединенного пригорка Патави, возвышающагося в 60 километрах к северо-востоку от города Аютия, обширный амфитеатр этих гор, занимающий весь горизонт севера и востока, представляет грандиозное зрелище.

Впереди этой цепи, напротив холма Патави, высится Прабат, священная гора сиамцев, которые ходят туда поклониться следу, оставленному ногой Самона-Кодома, «святого пастыря». Вокруг божественного отпечатка, нагроможденные в беспорядке скалы носят на себе другие знаки, похожие на шаги тигров, слонов и других животных; по словам сиамской легенды, Будда переходил через гору в сопровождении бесконечного кортежа лесных зверей[3]; эти следы ног животных, неисследованные еще ни одним геологом, глубоки, хорошо моделированы и отчетливы, как будто они были сделаны в мягкой глине[4]. На востоке, близ гор, которые покрывает обширный «лес Огненного короля», Донг-Пайа-Пай, поверхность скал покрыта, на протяжении около 15 километров по ширине, железной рудой, разбросанной глыбами, похожими на аэролиты. В формациях, окружающих холм Патави, видны также окаменелые стволы деревьев, принадлежащих к ныне растущим в крае породам, а самая горка испещрена, от действия теплых минеральных ключей, различно окрашенными полосами,

1 Schmitt, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1877.

2 Pallegoix, „Description du royaume Thai”; Thomson, „Dix ans de voyages dans la Chine et l'Indo-Chine“; Fr. Garnier, „Bulletin de la Societe de Geographie”, 1874.

3 Henri Mouhot, „Travels in the Central Parts of Indo-China“.

4 Pallegoix, „Description du royaume Thai”.

представляющими, в глазах туземцев, «тени и лучи Будды»[1]. Далее на север, за Коратскими горами, страна чрезвычайно богата металлоносными залежами, медью, оловом, сурьмой, магнитным железняком. Жители разработывают почти только эту последнюю руду; в некоторых местах они промывают песок ручьев, чтобы собирать содержащийся в нем золотой порошок.

Область Сиама и Камбоджи, которую озеро Танле и продолжение его бассейна отделяют от остального Индо-Китая, гориста в одной части своего протяжения; над равнинами возвышаются острововидные массивы, которые, при незначительном понижении уровня почвы, превратились бы в настоящие острова; одна гора, к северу от Шантабуна, достигает даже высоты 1.912 метров. Другая, менее высокая вершина, стоящая непосредственно на восток от Шантабуна, носит название Кох-Сабап, что значит «гора драгоценных камней» (637 метров); временные ручьи, бороздящие её бока, приносят в окружающие земли рубины, яхонты и другие ценные кристаллы, которые плантаторы продают китайским торговцам галантерейными товарами.

Климат Сиама отличается физически от климата Бармании и Передней Индии, под теми же широтами, только местными явлениями, происходящими от положения покатостей относительно стран света и от формы морских берегов. Во всем своем составе, страна Мюанг-Тай, на протяжении 2.000 километров. которое ей приписывают по направлению с севера на юг, находится в поясе попеременных муссонов, юго-западного, приносящего дожди и грозы, и северо-восточного, восстановляющего сухую погоду. В Банкокской равнине, географическом центре страны, годовой круговорот ветров воспроизводит, в больших размерах, явления вращения, представляемые суточной бризой. Дождливый юго-западный муссон, начинающийся вообще в мае месяце, поворачивает постепенно к западу, чтобы уступить место, в конце сентября, северным и северо-восточным ветрам, которые, в свою очередь, мало-помалу отклоняются к юго-востоку и к югу, прежде чем воздушные токи возобновят свое круговращательное движение по циферблату небес. Обыкновенные колебания термометра в течение дня, в Банкоке, составляют от 27 до 30 градусов Цельсия; в самые жаркие дни температура не превышает 35 градусов; но в сухое время года, которое соответствует зиме, термометрический столб ртути иногда опускался до 12 градусов по ночам. Жара действительно тягостна только перед наступлением сезона дождей, в марте и апреле, когда северо-восточный ветер перестал дуть, а дождливый муссон еще не установился. Дожди, выпадающие на Сиамское государство, должны быть менее обильны, нежели атмосферные осадки в Бармании, так как между этими двумя странами возвышается горная цепь, задерживающая облака при проходе; тем не менее, толщину годового слоя дождей, выпадающих в бассейне Менама, исчисляют, приблизительно, в полтора метра, следовательно, количество дождевой воды там вдвое больше, чем во Франции. Иностранцы акклиматизируются только после того, как перенесут сильный катарр; однако, малария там менее опасна, чем в Бенгалии, Бармании, на Яве и Суматре.

Большинство растительных видов те же самые, что и в Бармании; однако, китайская флора там очень сильно представлена: физиономия растительного мира нечувствительными переходами постепенно изменяется от Китая к Индо-Китаю. То же самое нужно сказать и о животном царстве. Слоны очень многочисленны в лесах Лаоса и в некоторых частях бассейна Менама; в окрестностях бывшей столицы Аютиа еще устраиваются большие королевские охоты, и иногда сотни этих животных излавливаются в одну облаву. Лаосские слоны, как говорят, самые умные во всем Индо-Китае, но сиамцы не умеют их так искусно дрессировать, как индусы. Известно, что таи, так же, как их соседи барманцы, питают особенное почтение к животным альбиносам и преимущественно к слонам, называемым «белыми», хотя они не всегда имеют право на такое название: светлый цвет глаз и шерсти на висках считается достаточным для того, чтобы эти животные могли быть причислены к священным существам. Слон, у которого глаза в точности имеют желаемую окраску, получает титул царя;

1 Ducat, „Annales de la Propagation de la Foi", 1859.

другие, смотря по степени достигаемого ими совершенства, принимают почетные имена, присвоенные министрам, губернаторам и другим высокопоставленным особам; белые обезьяны тоже пользуются титулом «высших чинов», и к их услугам сановники государства. Сиамцы—самые ревностные буддисты после тибетцев: они не убивают ни одного животного, не разбивают ни одного яйца, не едят мяса иначе, как в том случае, если животное было убито другими, обыкновенно китайцами; но есть множество животных, умерщвление которых было бы делом преступным. Ворон—одна из птиц, наиболее уважаемых сиамцами, которые видят в нем сверхъестественное существо. На кровле каждой хижины обитает зверек тук-гай, род ящерицы игуаны, покрытый красными крапинками, похожими на гноевые прыщики; на него смотрят как на покровителя дома, который он избавляет от насекомых и крыс; через равные промежутки времени он испускает крики или, вернее сказать, резкия ноты, в роде звуков, издаваемых сверчком: это домашние часы[1]. Высокие муравейники термитов считаются священными у лаосов и даже у сиамских буддистов, по причине их сходства с пагодами, и во многих местах нарочно ставят хижины рядом с этими муравьиными пирамидами, вид которых приносит благополучие; правда, что это соседство может быть гибельно дому, но когда все дерево избы съедено муравьями, то, при тамошнем обилии леса, легко построить новые хижины[2]. Миссионер Брюгьер рассказывает, что в его время талапуаны строили свои библиотеки посреди прудов и озер, дабы не иметь надобности воевать с термитами; они должны были распускать паруса, чтобы идти изучать книжную мудрость[3]. Мир насекомых представлен в стране Мюанг-Тай бесконечным числом видов. По вечерам светляки кружатся светящимися тучами вокруг деревьев; иногда они как будто составляют одно существо, и блеск их попеременно то угасает, то снова вспыхивает; атмосфера помрачается и озаряется через правильные промежутки времени[4]. Воды реки, как и воды залива, очень населены, и прибрежные жители ходят на барках собирать рыбу, которая ловится, как в огромный невод, в сети корней ризофор или корнепусков[5]. Один вид ската, «луна», или круглянка, *tetraodon*, которая прицепляется к килю кораблей, издает время от времени жалобный крик. Различные породы китообразных, маленькие киты, дельфины, морские свиньи резвятся стаями вокруг плывущих судов; акулы поднимаются, с приливом, по реке до самого Банкока и даже выше этого города. Сиамцы, как и барманцы, употребляют икру маленьких морских раков (креветок) и рыбу, уже испортившиеся, для приготовления нгапи, этой неизбежной приправы их трапезы.

Жители Сиама почти все принадлежат к одной и той же расе: шаны, лаосы, или лаонцы, и сиамцы представляют лишь различные подразделения народа таи, более или менее цивилизованные, и одни из них еще независимы, другие состоят под властью королевской Бармании, английского правительства или государя, царствующего в Банкоке; многие племена Ассама, Манипура и Китая того же происхождения и приближаются к сиамцам наречиями и физическими чертами. Шаны в собственном смысле очень многочисленны в области барманского верховья Иравадди и её китайских притоков, на берегах Салуэна; кроме того, они переселились массами в ту часть бассейна Ситтанга, которая сделалась английской территорией. В верхней Бармании шаны называют себя тем же именем, как и их единоплеменники в Южном Юннане: это пеи, или паи (пайи, паю); на берегах Иравадди они до такой степени смешались с барманцами. что их первоначальный тип и язык почти совсем исчезли; в соседстве с Китайской империей есть также много таких, которые походят на китайцев желтоватым цветом кожи и тонкими чертами лица; но главная масса сохранила свои отличительные черты. Некогда они были настолько многочисленны, что образовали значительную империю,

1 Ballegoix, цитированное сочинение.
2 Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".
3 „Annales de la Propagation de la Foi", 1831.
4 Engelbert Kampfer, „Histoire du Japon"; Pallegoix, цитированное сочинение.
5 Aug. Decugis, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", juin, juillet 1850

но затем разделились на несколько мелких государств, управляемых патриархально главарями, или цобуа, которые платят дань одному из соседних королевств. Пеи, или северные шаны, почти все малорослы, а цвет кожи у них немного темнее, чем у европейцев; скошен-

Видъ на рѣкъ Салуэнъ.

ность их глаз почти незаметна, но лицо у них широкое, с большими челюстями и выдающимися скулами, обрамленное черными, гладкими волосами. Выражение физиономии вообще кроткое и задумчивое, почти меланхолическое; однако, они общительны, веселы в разговоре

и очень любят музыку; они играют на струнных и духовых инструментах, на гитарах, барабанах, флейтах и трубах. Обыкновенный цвет их одежды—темно-синий, почти черный, извлекаемый из дикого индигового дерева; широкий тюрбан, длиною около пятнадцати метров (21 аршин), обвивается вокруг головы, ниспадая на затылок золотыми и шелковыми бахромами. Женщины носят различные серебряные украшения, диадемы, серьги, пуговицы, очень тонкой и отчетливой работы, которые выделываются в самом крае. В некоторых долинах этою деликатною работою занимаются миряне, в других местах духовные; хозяйки почти все занимаются тканьем материй, окраской их и вышиваньем, и плетут из соломы разные изделия с таким же искусством, как тосканки. Из этого видно, как мало заслуживают шаны обидного имени «белых варваров», которым их награждают китайцы: отличные земледельцы, они умеют орошать свои поля при помощи каналов, остроумно снабженных шлюзами и водоспусками. В то же время шаны очень искусные торговцы и пускаются очень далеко из своего родимого края, развозя различные товары. Они имеют собственную азбуку, и между их буддийскими жрецами или ламами число ученых довольно значительно[1].

Лова, более известные под именем лаосов, или лаонцев, родственны шанам и живут в северных областях страны Сиам, в особенности между Салуэном и Меконгом. Более или менее смешанные с дикими населениями, они представляют большое разнообразие типов, так что во многих местах путешественник лишь с трудом может распознать, среди какой расы он находится в действительности. Во все времена, полководцы победители имели привычку забирать массами всех жителей покоренной провинции и уводить их далеко от родины, вновь заселяя край пленными из других опустошенных областей; таким образом народы распределялись по разным местностям в величайшем беспорядке[2]. Земля Лаос делится на королевства, начальники которых, вассалы сиамского короля, обязаны присылать последнему через каждые три года дань, состоящую из цветков, серебра, золота и различных произведений своего края. Жители группируются в три обособленные разновидности: «белые», которые не татуируются, «черные» и «зеленые», которые употребляют эти цвета для окраски себе лица[3]; их делят также на «белобрюхих» и «чернобрюхих»[4]. Эти последние, которые татуируются, разрисовывая себе живот и бедра цветущими ветками, живут преимущественно около верховьев Менама; это наименее цивилизованные, и селения их очень редко посещаются китайскими торговцами. По направлению к югу замечается постепенный переход от лаонцев к сиамцам, но в округах, где первые сохранили чистоту своей расы, они превосходят южных таев ростом, физической силой, правильностью черт лица. В долинах, спускающихся к Меконгу, пропорция зобатых весьма значительна; есть деревни, где все женщины имеют зоб и даже тщеславятся этим. Путешественник Мугот говорит, что лаосы более скромны, чем их соседи сиамцы, менее докучливы, но зато менее вежливы и мало расположены оказывать гостеприимство; они охотно предаются торговле, и каждое селение обладает большим числом вьючных слонов, до пятидесяти и даже до сотни голов. Язык лаонцев, так же, как и язык шанов, едва разнится от сиамского диалекта словарем, но выговор его мягче, так что его сравнивают с щебетаньем птиц; письменные знаки отличаются от сиамских[5]. Буддийские жрецы чрезвычайно многочисленны; в долине Меконга они, говорят, составляют восьмую часть населения[6].

Кемпфер рассказывает, что в его время лаонцы хвастались, что они научили сиамцев письму и языку священных книг; но они сами признают преобладающее влияние цивилизации, пришедшей из центрального царства, т.е. из Китая[7]. Почти все предметы меблировки,

1 Anderson, „From Mandalay to Momien“; Kreitner, „Im fernen Osten”; Fr. Garnier, „Voyage d’exploration en Indo-Chine”.

2 Harmand, „Les Races indo-chinoises“, „Memoire de la Sociate d'Anthropologie”

3 Pallegoix, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1835.

4 Grandjean, тот же сборник, янв. 1864 г.; H. Mouhot, „Travels in Indo-China”.

5 Pallegoix; Bigandet; Bastian.

6 Harmand, цитированный мемуар.

7 „Histoire du Japon“.

находящиеся в лаонских домах прибрежных деревень Меконга, китайского изделия, равно как и этикет, соблюдаемый придворными мелких государей Лаоса, заимствован у китайцев; гражданский порядок семейства регулируется законами Срединной империи, так же, как в наибольшей часта Полуострова. Только богатые люди имеют по нескольку жен, из которых первая носит титул законной супруги и командует другими сожительницами своего мужа; знатные особы придают большую цену чистоте благородной крови, и дети от жены низкого происхождения не могли бы наследовать главе лаонского государства. В прежнее время, до оффициальной отмены рабства на всем пространстве Сиама, богатые лаонцы владели многочисленными невольниками, военнопленными, несостоятельными должниками или уголовными преступниками[1], и употребление порабощенных рук делало труд позорным занятием. На Меконге, там, где мандарины имеют еще целые полчища слуг, с которыми они, впрочем, обращаются хорошо, леность составляет национальный порок, тогда как во внутренних округах, где каждый трудится для самого себя, население вообще очень деятельно и не менее шанов трудолюбиво в земледельческих работах и различных ремеслах[2]. Подобно шанам и барманцам, лаосы очень искусно делают музыкальные инструменты, и их национальные арии отличаются трогательною нежностью.

Сиамцы в собственном смысле населяют область морского прибрежья; это самые цивилизованные из таев, но не самые чистокровные, ибо к ним примешались весьма различные этнические элементы, постоянно привлекаемые в край торговыми сношениями; всего более способствовали видоизменению тайского типа китайцы, барманцы, малайцы. По этимологии, предлагаемой в самой стране, имя Саям или Сиам означает, будто бы, «Три», потому что некогда край был населен тремя расами, которые с течением времени слились в одну нацию; другие производят это название от слов *сая*, *сама*, *само*, означающих соответственно: «самобытные», «смуглые», «темнокожие». Но не существует ни малейшего сомнения относительно смысла наименования таи, которым сиамцы всего чаще обозначают себя: слово это значит «свободные люди», так сказать, «франки» Индокитая[3].

Взятые в массе, сиамцы—среднего роста и пропорционально сложены, цвет кожи у них смуглый, желтоватый, глаза черные и широко раскрытые, лицо несколько широкое, но не на столько плоское, чтобы их можно было причислить к так называемому «монгольскому» типу. Мужчины имеют редкую бороду, которую они очень тщательно выщипывают, а из волос сохраняют только круглую щетку на вершине головы; женщины тоже сбривают свою шевелюру, оставляя только пучек, менее широкий и менее высокий, чем у мужчин, но закругленный в виде пламени и проткнутый золотою или серебряною булавкой. Большинство детей, с их живыми глазами, жизнерадостными, улыбающимися лицами, гибкими, свежими членами, с черным пучком волос на голове, убранным цветами и драгоценными украшениями, так милы и прелестны, что ими просто залюбуешься; но, выростая, они много теряют своей грации и красоты: в глазах европейца, сиамцы—народ крайне непригожий, «обезьяноподобный», и заботливость, с которою они чернят себе зубы, еще более усиливает их безобразие. Что касается костюма, то он прост и красив: он состоит из передника лангути и из куска материи, драпировки, которую мужчины закидывают через плечо, а женщины обвивают вокруг бюста, на манер сари, носимого индусками. В целом, таи гораздо более походят на китайцев, нежели на индусов и малайцев, и однако, их физиономия, их нравы и образ мыслей представляют индийские черты, так ясно охарактеризованные, что сиамская нация оправдывает до известной степени свои притязания на происхождение от браманов[4]. Сиамцы очень метко и справедливо называются «индо-китайцами»: все у них, манеры, обычаи, учреждения гражданские и духовные, носит на себе этот двоякий характер. Празднества их —браманического происхождения, тогда как образ правления и законы, очевидно, состав-

1 Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
2 Thomson, „Dix annees de voyages"; Pallegoix, и т. д.
3 Ad. Bastian, „Reisen in Siam im Jahre 1863".
4 Bastian, цитированное сочинение.

ляют заимствования, сделанные когда-то из китайских учреждений. Язык, как и другие главные идиомы Индо-Китая, моносиллабический и не содержит многосложных слов, кроме тех, которые заимствованы из чужих говоров: оттого речь понимается только посредством пения слов, произносимых с различной интонацией, сообразно их значению; тонов, аналогичных китайскому *шиңу*, которые употребляются в разговоре, в сиамском языке пять, включая сюда и прямой тон[1].

Но если этот язык имеет сродство с китайским по происхождению и произношению, то азбука, где каждый звук, гласный и согласный, изображается соответственным знаком,—несомненно индийского происхождения; правда, эти знаки могут разнообразно комбинироваться и представлять все слова, так что алфавит превращается в словарь. Но образованному сиамцу недостаточно знать свой собственный язык; он должен также пользоваться выражениями языка пали (бали) в возвышенном стиле, когда он обращает свою речь к талапуанам и к жрецам; в важных обстоятельствах он старается, так сказать, сделаться индусом по языку, как бы для того, чтобы напомнить о своем браманическом происхождении.

Сиамцы, по большей части, отличаются необыкновенною кротостью и замечательным терпением, но, вместе с тем, и недостатком инициативы; они хорошо и регулярно делают привычную работу, но не настолько изобретательны, чтобы придумывать новые приемы и способы труда. Нет народа более гостеприимного, более человеколюбивого, чем сиамцы; бедным везде оказывается помощь, а путники находят на дорогах пристанища, где они могут сварить себе кушанье и переночевать; рекомендуемое буддистами правило ставить вдоль дороги сосуды с свежей водой для того, чтобы прохожие могли утолять жажду, нигде не соблюдается лучше, чем в Сиаме. Преступления против личности чрезвычайно редки, и ссоры гораздо менее часты, нежели в городах Запада; в этом отношении истинная цивилизация находится скорее в старой Азии, чем в юной Европе; врожденная вежливость и любезность, происходящая от взаимного доброжелательства, составляет общую черту сиамцев. К сожалению, к естественной учтивости между равными примешиваются разные приторно-вежливые, раболепно-льстивые формулы, предписываемые режимом неограниченной власти: нравы испорчены лживостью, единственным оружием слабых против произвола высших. По природе склонные к повиновению, проникнутые тем духом сыновней любви и почтения к родителям, который сделался основой китайской морали, сиамцы не чувствуют себя солидарными с угнетаемыми: они преклоняются перед несправедливостью, перед кривдою, как перед велением неотвратимого рока. Впрочем, большая часть их существования проходит в празднествах; мало найдется стран, где бы правильное течение обыденных работ прерывалось более многочисленными общественными увеселениями. Может быть, единственные между народами земного шара, сиамцы имеют специальный праздник, посвященный заботам о чистоплотности: в этот день дети обмывают своих родителей, ученики своих учителей, а прохожих обливают целыми ведрами воды[2]. В Сиаме, так же, как и в Бармании, на браманах лежит обязанность составлять календарь и вычислять дату пятнадцати больших годовых праздников. Это единственный остаток власти, присвоенной некогда просветителям страны.

Сиам есть та страна Индо-Китая, где буддизм наименее подвергался примеси чуждых религиозных элементов; он не выродился там в грубое шаманство, как в долинах Гималаев, на плоскогорьях Тибета и особенно в степях монголов и в лесах сибирских инородцев; равным образом он держался в стороне и от индусского идолопоклонства, по крайней мере, в новейшую эпоху, ибо в изваяниях многих храмов Лаоса замечается, как и в религиозных зданиях Камбоджи, беспорядочное смешение буддийских и браманических мотивов[3]. В это последнее время сиамский король даже стал придавать серьезное значение своей роли «защитника веры», и теперь поддерживается постоянная корреспонденция между банкокским двором, другими азиатскими правительствами и историками «Великого учения», которые деятельно

1 Pallegoix, „Description du royaume Thai ou Siam".
2 Adolf Bastian, „Reisen in Siam im Jahre 1863".
3 Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

ведут свои исследования, посещая для этой цели даже европейския библиотеки. Каждый сын семейства должен пройти через монашеское состояние; в возрасте от двадцати до двадцати одного года молодые люди поступают в монастырь, совлекают там с себя городскую одежду и отрекаются, на время затворничества, от своего ранга и достоинств. Сами короли подчинены этому правилу и по выходе из монастыря они должны снова короноваться[1]; но и после того они остаются великими жрецами и должны пещись о благосостоянии монастырей. Сиамская нация расходует ежегодно свыше 100 миллионов франков на содержание жрецов и монахов; пропорционально, это бюджет вероисповеданий, далеко превосходящий тот же бюджет Франции. Так называемые *ват-луан*, или «королевские монастыри», построенные на средства короля, т.е. нации, составляют совокупность зданий, высоко поднимающих над деревьями или домами свой двойной или тройной этаж пирамид и шпицев, покрытых изразцами и увешанных колокольчиками, которые мерно звонят, покачиваемые дуновением бризы; рядом с пагодой, монастыри, дворы, сады, пруды, часовни и поля составляют целую область: это *виган*, подобный вигаре (вигар, бигар) древней Индии, священное пространство, место убежища, где могут безопасно укрываться самые тяжкие преступники; впрочем, то же самое допускается в католических церквах[2]. Другие монастыри, менее обширные, это, во-первых, *ват-хуннан*, или дворянские монастыри, и *ратсадон*, или монастыри для простого народа, которые сооружаются на средства, собираемые путем добровольной подписки; большинство их меньше размерами, но богаче украшениями, чем подобные же здания в Бармании, а в сравнении с мизерными пагодами Китайской империи, это великолепные памятники религиозного зодчества; заключающиеся в них сокровища составляют наибольшую долю национального сбережения. Золотые статуи, блистающие драгоценными каменьями, не редки в храмах, но между скульптурными произведениями, украшающими внутренность святилищ и их перистили, есть не мало таких, которые вовсе не имеют религиозного характера; отличаясь полнейшею веротерпимостью, буддийские монахи дали у себя убежище многим изображениям чужеземного происхождения. Так, Бастиан видел там статую Наполеона рядом с идолом Будды, а между гравюрами, развешанными по стенам, попадаются такия, которые представляют европейские парады и сражения[3].

Правила, которые обязаны соблюдать сиамские монахи, так многочисленны, что если бы им не помогали монастырские служители и послушники, то жизнь их была бы невозможна. Им воспрещено копать землю, из уважения к этой стихии, и следовательно, они не могут ни сажать, ни сеять. Талапуан, варящий рис, грешит, потому что умерщвляет семена растения; равным образом ему запрещено есть зерна, которые могли бы еще пустить ростки; не дозволяется влезать на дерево, ибо он мог бы поломать ветки. Зажигая огонь, он совершает грех, потому что уничтожает топливо; но и когда гасит пламя, тоже грешит; равным образом и ковать железо считается грехом, так как при ковке летят искры[4]. Главное предписание буддийского закона—уважать жизнь животных, и эту заповедь талапуаны соблюдают с величайшею скрупулезностью. Даже миряне считают грехом раздавить муравья или муху; с их принципами, они не имеют другой защиты против паразитов, кроме частых ванн и изысканной чистоплотности. В известные эпохи богатые люди покупают целые барки, наполненные рыбой, чтобы сделать доброе дело, пуская пойманную рыбу обратно в реку; два раза в год охота и рыбная ловля безусловно воспрещены. Но внешния формы составляют почти всю религию. При виде храмов, так богато украшенных, можно подумать, что население проникнуто горячею ревностью к вере: но ничего подобного нет в действительности; индифферентизм в религиозных делах составляет общее явление. Храмы и святыни мало посещаются, и если жрецы разделяют с царствующими особами эпитет *прах*, или «великих», то это не более, как условная общепринятая форма речи; они вообще не пользуются большим уважени-

1 Pallegoix; Thomson; Bastian; Beauvoir.
2 Bruguiere, „Annales de la Propagation de la Foi", 1831.
3 Ad. Bastian, „Reisen in Siam im Jahre 1863".
4 La Loubere, „Description du royaume de Siam"; „Journal des Missions evaugeliques", 1864.

ем; их обвиняют в том, что они преступают большую часть статей своего кодекса. Если бы их не считали за чародеев, они потеряли бы всех своих клиентов, и их постоянные призывы к благочестивым пожертвованиям, призывы, на которые еще недавно все охотно откликались, оставались бы без всякого ответа[1].

Как и в Индии, молодые люди женятся и выходят замуж очень рано. С двенадцатилетнего возраста девушка считается уже возмужалою, и ей ищут мужа; в случае, если такового не находится, родители прибегают к простому средству—к продаже дочери тому, кто больше предложит. Редко бывает, чтобы бракосочетание сопровождалось какими-либо религиозными церемониями; только в тех случаях, когда брачные союзы заключаются между лицами, принадлежащими к богатому обществу, приглашают талапуанов прочитать известные молитвы за молодую чету и окропить ее святою водой. Разводы устроиваются так же просто, как и свадьбы: достаточно, чтобы один из супругов потребовал разлучения. Когда чета имеет детей, их делят поровну между разводящимися родителями, но первый выбор предоставлен матери; когда от брачного союза произошел только один ребенок, мать берет его себе. Женщины вообще пользуются свободой и почетом; они принимают участие в управлении общих дел, выходят из дому совершенно свободно; как европейки, ходят на рынок и в гости без всякого надзора со стороны мужа; но недавно те из супруг, которые, вместо того, чтобы принести за собою приданое, были куплены мужем, могли быть перепроданы им другому лицу. Каждый год таким образом много жен попадало в рабство. В половине настоящего столетия число невольников всякого рода, жен, проданных мужьями, должников, отданных в кабалу кредиторам, преступников, лишенных свободы за содеянную вину, было так велико, что составляло, приблизительно, около четверти всего населения. Королевским декретом рабство отменено, начиная с 1872 года. Медленный прирост народонаселения, замечаемый прежде в Сиаме, происходил именно от существования рабства: толпа невольников не могла вступать в брак, а в полигамических брачных союзах мандаринов большая часть жен оставались бездетными[2].

Число жителей увеличивается, главным образом, вследствие иммиграции китайцев из Фокиена, Куан-туна, Сингапура. Точной статистики относительно этих пришельцев еще не составлено, и различные приблизительные исчисления определяют цифру их от 400.000 до 1.500.000 душ; но нужно заметить, что вообще склонны преувеличивать численность их колоний, по причине значительной роли, которую играют эти переселенцы, как купцы, банкиры, концессионеры монополий, промышленники всякого рода; некоторые профессии совершенно сосредоточены в их руках. В некоторых внутренних областях государства все торговые сделки совершаются через их посредство, а между жителями многих городов морского прибрежья меньше сиамцев, нежели китайцев и метисов китайского происхождения. Гораздо более деятельные и предприимчивые, чем туземцы, желтолицые «сыны Гана» употребляют в дело громадные естественные источники страны и извлекают наиболее выгод из их эксплоатации; но, с другой стороны, эти же пришлые обитатели Мюан-Тая создают правительству наибольшие затруднения: среди этих переселенцев часто вспыхивали местные возмущения, и правительству приходилось посылать многочисленные военные экспедиции на берега полуострова Малакки, где китайские колонии отличаются стремлением к политической независимости. Китайцы вообще гораздо менее привязаны к своей религии, чем сиамцы, и между ними миссионеры, католические и протестантские, делают всего более обращений в христианскую веру; но «сыны Гана» и сами тоже обращают жителей края на свой лад:, они научили туземцев употреблению опиума, и теперь этот порок сделался общим. Что касается японцев, прежде многочисленных в королевстве и населявших целые деревни, то они по большей части слились с коренным населением; лучшие солдаты государей Мюан-Тая принадлежали некогда к этой нации[3]. Колонии талайнов, или пегуанцев, значительны; эти им-

1 Pallogoix, „Description du royaume de Thai ou Siam"

2 Pallegoix, цитированное сочинение.

3 Eug. Kampfer, „Histoire du Japon".

мигранты доставляют преимущественно плясунов для больших местных праздников. Сиамские актеры считаются лучшими во всем Индо-Китае. На их театрах женские роли исполняются лицами женского пола, тогда как на китайских сценах они всегда поручаются молодым мальчикам[1].

Между различными народностями, населяющими Сиамскую империю, следует также упомянуть те, которые получили общие наименования ха и хет. Имя ха применяется сиамцами к многочисленным диким племенам страны за Меконгом, к тем недисциплинированным народцам, которых камбоджане называют пном илп пнонг, кохинхинцы—мой, жители Тонкина—мьон или мюонг. Этот термин ха, составляющий теперь этническое название, первоначально имел смысл «невольника», ибо именно эти племена, живущие в постоянной войне, снабжают пленниками рынки Камбоджи и пополняют собою ряды класса рабов, которым прежде давали также прозвище «собак». Однако, имя ха постепенно утрачивает смысл обидной клички, с тех пор как многие невольники, уроженцы этих племен, возвысились до высших должностей в государстве. Что касается барманцев, то они тоже сделали слово «ха» приставкой к имени многих народцев, между прочим, к имени народца кьен (ха-кьен, какьен), обитающего на границе Юннана, не в смысле рабов, а в смысле варваров. В их глазах ха—это люди, происшедшие не от божественного Брамы, а родившиеся из корней или камней. Имя хек, применяемое преимущественно к малайцам и особенно к тем, которые живут в пределах Сиамского государства, значит просто «чужеземцы»; так, говорят о хек-гинду (индусы), хек-малаю (малайцы), хек-ява, кшава или чвеа, т.е. яванцы. Так как почти все эти иностранцы—магометане, то ислам тоже понимается под общим именем хек, и те из последователей пророка, которые пришли из Аравии или Турции и которых их ортодоксальность ставит в мнении единоверцев гораздо выше мусульман голландской Индии, хвастаются своей страной «Рум» (т.е. Рим, так как Константинополь называли «Новым Римом»). Таким образом, то же самое имя Рим, принимаемое в стольких различных значениях и употребляемое на Западе для обозначения антагонизма с исламом, составляет, напротив, предмет гордости для магометан крайнего Востока, которые тоже предъявляют на него свои права.

Население Сиама, исчисляемое, приблизительно, по расам: сиамцы—2.000.000; китайцы —1.500.000; лаосы—1.000.000; малайцы—500.000; камбоджане—300.000: карены, ха и пр.— 200.000; пегуанцы—50.000.

«Властелин земли» или «властелин жизни», как величают короля сиамского, пользуется неограниченною самодержавною властью; он владеет землями своего государства на полном праве собственности и может во всякое время прогнать с них жителей; если «вольные люди», как называют себя сиамцы, пользуются деревьями и растениями, водой, камнями и всем, что находится в пределах империи, то единственно потому, что государь соблаговолил дозволить им это пользование в день своего венчания на царство[2]. Он располагает также жизнью своих подданных, и если ему угодно назначить судей для наложения наказаний, вместо того, чтобы просто отрубать головы, то это чистая милость, проистекающая из его неизреченного благодушие. Сумма всех налогов и податей, таможенных сборов, пошлин на товары, доходов от монополий или регалий, даней от вассальных королевств поступает полностью в королевскую казну, и государь распоряжается ею по своему усмотрению, или для целей общественного блага, или для собственного удовольствия. Король может назначить себе преемника, даже вне своей фамилии; но если он не определил порядок престолонаследия, то корона переходит к старшему сыну. Все чиновники государственной службы должны присягать ему в верности, выпив клятвенной воды, в которую был обмокнут королевский меч и которая должна превратиться в отраву для того, кто не сдержит обещанной веры и правды. Торжество коронации сопровождается многочисленными празднествами, все церемонии которых символизируют вступление государя во владение землей, водой и воздухом.

1 Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

2 Pallegoix, цитированное сочинение.

Особенно процессия принятия во владение водной стихии представляет необыкновенно оригинальное зрелище: королевский кортеж состоит, по малой мере, из пятидесяти тысяч человек, плывущих на барках всевозможных форм и цветов, представляющих разных животных, реальных или фантастических. Но как ни властен самодержавный повелитель Сиамской империи, окружающий себя, наравне с богами, «сонмом ангелов», власть его, однако, ограничена книгой церемониала. Так же, как китайский император, который служил примером всем монархам крайнего Востока, и которому Сиам прежде платил дань, король Мюан-Тая должен согласовать свою жизнь с предписаниями книги, которая наперед определяет все его поведение, указывает момент каждого из его ежедневных действий, диктует ему слова, которые он должен произносить во время больших празднеств, как, например, на празднике земледелия. Не давая себя ослеплять блеском всего окружающего его трон, самодержец должен понимать суетность своей власти. Когда его министры вручат ему последовательно все знаки царского достоинства, он встает и произносит проповедь о смерти и ничтожестве всего человеческого.

Второй король, всегда близкий родственник первого, пользуется титулом и некоторыми аттрибутами королевского достоинства, но не властью, и придворные его назначаются истинным государем; главная его роль в правительственном организме состоит в том, чтобы быть отцом королевы, ибо «властелин земли» не может вступать в неравный брак с женщинами не царской крови. Недавно существовало еще третье лицо, носившее также титул короля. Эта двойственность или тройственность королевского достоинства не есть учреждение исключительно сиамское; во многих других государствах Индо-Китая короли тоже разделяли между собою власть и претендовали на господство над стихиями: первый властвовал над огнем, второй—над водой[1]. Можно бы подумать, что совместное существование двух королей должно подавать повод к частым дворцовым революциям, но сила предания так велика, так непоколебима, что уже целые века не бывало примера, чтобы мир был нарушен между двумя государями. Приняты предосторожности, чтобы первый король не имел причин опасаться своего зятя: дочерям его запрещено выходить замуж; они заключаются в ограду, сады которой—настоящий «рай земной», представляющий все чудеса и достопримечательности внешней природы, но, тем не менее, жизнь в этом раю походит на жизнь монастыря. В случае нарушения устава затворничества, принцессу зашивают в кожаный мешок и бросают в реку. Когда принцы осуждаются на смерть, их убивают палками из сандального дерева; уважение к царской крови пе позволяет проливать ее, как кровь простых смертных[2].

Королевский совет состоит из четырех министров: внутренних дел, иностранных дел, военного и морского; кроме того, существует род сената, в котором заседают десятка два главных мандаринов. Некоторые из принцев возводятся на высшие должности в государстве, но большинство, содержимое на средства их родственника государя, ведет праздную и разгульную жизнь, некоторые, однако, занимаются торговлей или даже избирают себе какую-нибудь профессию или ремесло. Вообще, высшие государственные должности наследственны, но дворянство не наследственно; титулы, жалуемые королем, всегда имеют личный характер. Оклады жалованья, платимые казной, очень скудны, недостаточны даже в этой богатой стране, где все продукты так дешевы; но мандарины вознаграждают себя кормленьем; они, по местному выражению, имеют привычку «создавать себе тучные нивы на спине народа», обращая в свою пользу тяжелый барщинный труд, налагаемый на подданных. Чиновники могут все позволять себе в стране, где подданные клеймятся, как домашний скот, татуировкой на предплечьи, чтобы установить оффициально их социальное состояние, и где китайские иммигранты носили на кисти руки королевскую печать, заменявшую квитанцию в уплате податей[3]. Недавно было в обычае в Сиамском королевстве, как в Бармании, в Палестине в эпоху судей и в Западной Европе в первые времена средних веков, класть фундамент памят-

1 Kampfer; Pallegoix: Bastian; Grehan.

2 Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder“.

3 Pallegoix, цитированное сочинение.

ников и особенно городских ворот на телах уголовных преступников или военнопленных[1]. Законы применяются с большою строгостью, и принцип китайской юриспруденции, возлагающий на семью, деревню, целую часть города, на все население коллективную ответственность за всякий проступок, преступление или несчастный случай, соблюдается сиамскими мандаринами с неумолимою суровостью. Сограждане зорко наблюдают друг за другом, из опасения, чтобы из-за провинности одного всем не попасть в какую-нибудь беду.

Так как все сиамцы, жители королевства, рассматриваются как рабы государя, то последний может забирать их по своему произволу в ряды армии, какова бы ни была их профессия; однако, и в этом отношении установились некоторые традиции, в силу которых воинская повинность падает специально на известные классы общества. Так, плотники по обязанности идут в военную службу, равно как и переселенцы из Пегу. Королю требуются, главным образом, работники для постройки его дворцов и пагод, более чем бойцы, чтобы нести пламя войны в чужия страны; оттого солдаты набираются между искусными рабочими. Искусные ремесленники всего более подвергаются риску быть призванными в ряды войска или во главу рот, в качестве инструкторов; впрочем, отпуски даются через каждые две недели или через каждые два месяца. Недавно королевская гвардия состояла из «неуязвимых», т.е. из солдат, которых амулеты и пластинки драгоценного металла, введенные под верхнюю кожицу, должны были делать невредимыми и предохранять от ударов сабель и ножей; если один из таких «неуязвимых» был осуждаем на смерть, то отдавался приказ талапуанам уничтожить своими заговорами силу предохраняющей чары[2]. Батальон женщин отправляет караульную службу во внутренних аппартаментах королевского дворца и парадирует на больших церемониях. Серьезная армия, состоящая из пехоты и артиллерии, организуется в настоящее время под руководством европейских офицеров, и целый флот вооруженных пароходов защищает теперь вход в реку и подходы к берегам. Большинство иностранцев, которых сиамское правительство употребляет для управления своими сухопутными и морскими военными силами, состоит из англичан; британское влияние сменило влияние Китая. Это англичане ввели в Мюан-Тае систему монополий, устроив ее по образцу системы, господствующей в Индии; это они побуждают правительство преобразовывать, к их выгоде, таможенные порядки. По их почину, тяжелые натуральные повинности мало-по-малу перелагаются в денежные, и благодаря им же в особенности, учреждение рабства было оффициально отменено. Наконец, они успевают даже изменять церемонии вежливости, и под их влиянием пожатие руки сменило прежний обычай повержения к стопам. Оффициальная газета, «The Bangkok Recorder», издается на двух языках—сиамском и английском, и молодые принцы посылаются, для воспитания, в Англию.

Вне пределов Сиамского королевства в собственном смысле, которое делится на сорок одну провинцию, различные вассальные королевства, не считая территорий, занятых дикими племенами, имеют, каждое, свое специальное правительство, устроенное по образцу банкокского. В северной области, платящие дань государства Ксиен-Май, Лабонг, Лахон, Пре, Нан, Мюанг-Лом разделяют между собою территорию верхних долин Менама; Меконг протекает через большое государство Люанг-Прабанг, а на полуострове Малакка следуют одно за другим, по направлению с севера на юг, королевства Лигор, Сонхла, Патани, Калантан, Трингану. Королевство Кедах прилегает к западному морю, на севере от английской провинции Уэллеслей.

Город Ксиен-Май (по барманскн Зимме), столица одноименного государства, население которого суммарные исчисления определяют в 300.000 душ, принадлежит сиамцам лишь с последней половины восемнадцатого столетия. Хотя он находится в стране лаонцев, которые слывут варварами у своих южных соседей, Ксиен-Май, или «Новый город», имеет вид настоящего города, с правильными широкими улицами, и лавки его наполнены товарами, привозимыми китайцами и банкокскими негоциантами; при каждом доме есть сад из пальм-арек

1 Bruguiere; Alabaster, „The Wheel of the Law“; A. Bastian, „Reisen in Siam“.

2 „Nouveau Journal Asiatique“, II. XLIV.

и других тропических деревьев; несмотря на двойную ограду, некоторые кварталы походят на парк. Город расположен среди обширной зеленеющей равнины, орошаемой водами Мепинга, верхней реки Менама, а с западной стороны над ним господствует высокая гора, но-

Типы и костюмы сіамцевъ.

сящая на себе, как многие другие горы и скалы тех стран, отпечаток ноги Будды, к которому пилигримы приходят толпами прикладываться. Хотя построенный при реке, которая впадает в Сиамский залив, Ксиен-Май имеет более удобное и более быстрое сообщение с морем

через Мартабанский залив; Мульмейн, отстоящий на половину ближе, чем Банкок, есть его естественный порт, и дорога к этому порту проходит через тековые леса, частью эксплоатируемые за счет негоциантов английских и китайских. Ксиен-Май—один из городов, о которых всего чаще заходит речь в оффициальных докладах, касающихся будущих дорог Индии и Китая; в самом деле, прямой путь из Рангуна и Мульмейна в Юннан-Фу (главный город провинции Юннан) через Семао (Эсмок на старых картах) проходит в соседстве Ксиен-Мая, и уже с незапамятных времен китайцы пользуются этой дорогой для привоза в край своих произведении, шелковых тканей и металлических изделий, в обмен на рис, хлопок, слоновую кость, лак, воск и ладон; путешествие всегда продолжается более месяца для расстояния в 600 километров через леса и горы[1]. Лабонг, лежащий в 30 километрах к юго-востоку, в той же долине, как и Ксиен-Май,—тоже столица вассального государства, хотя гораздо менее важный сравнительно с предыдущим. Другой главный город подвластного Сиаму королевства, Лахон, находится в боковой долине Меванга; эта река соединяется с Менамом, выше Рахейна, торгового города, верфи которого каждый год спускают в реку большое число барок, построенных из текового дерева[2].

К востоку от Лахона, столицы королевств Пре и Нан, Мюанг-Пре и Мюанг-Нан, лежат та и другая на притоках Менама, в богатых долинах, откуда отправляют тековое дерево в сезон сплавки леса. Эти две реки, Пре и Нан, соединяются в пределах королевства выше Пицанулока или Пицилука (Пицалок), который некогда был главным городом всего Мюанг-Тая, но который теперь совершенно пришел в упадок. Нахон-Саван, или «Небесный город», улицы которого тянутся вдоль обоих берегов Менама ниже слияния, получил более важное значение. Нынешний город сменил другой Пахон-Саван, развалившиеся стены которого до сих пор видны еще в джунглях внутренности страны. Между Рахейном и Нахон-Саваном, другие развалины, еще непосещенные европейскими путешественниками, принадлежат «городу с алмазными стенами», который играл некогда, как столица Сиама, значительную историческую роль. Новый город Кампенгпет, построенный у самой реки, на левом берегу, занял места древней столицы.

Королевские резиденции Сиама почти так же часто менялись, как резиденции Бармании. Город, который европейцы знали специально под именем Сиама, как и все королевство, перестал, в свою очередь, быть местопребыванием правительства; он остался, впрочем, многолюдным центром населения. Сиам или Аютиа (Си-Айо-Тая), обозначаемый теперь под именем Крунг-Као, был столицей в течение четырех слишком столетий, с 1350 до 1767 года, эпохи, в которую барманская армия взяла его приступом и опустошила; он имел тогда в числе своих жителей около 5.000 христиан, которые были уведены в плен. Каждая колония иностранцев, китайцев, аннамитов, малайцев, пегуанцев, «малабарцев», японцев, португальцев, имела свой особенный квартал, вокруг овального острова, заключавшего собственно сиамский город. Обширные пространства покрыты развалинами и низким кустарником, над которым там и сям возвышаются стены, и куполы пагод, похожих, по архитектуре, на индусские храмы. В окрестностях города, на северной стороне, одно из древнейших зданий страны, Золотая Гора, еще вздымает свою пирамиду на 120 метров над равниной; другие памятники, менее высокие, не менее прекрасны; цветы, обвивающиеся косынками вокруг статуй, скатерти листвы, ниспадающие каскадами на изваяниях и резьбе, лианы, протягивающие свою сеть от колонны к колонне, пальмы и бамбуки, соперничающие высотой с куполами храмов, придают руинам необыкновенно живописный и величественный вид[3]. Раскопки, производимые во многих местах искателями кладов, перевернули всю почву, изрезав ее бесчисленными рытвинами. Новый город, расположенный на берегу реки и каналов, окружает старую Аютию; но он продолжается далеко в русле Менама плавучими домами и магазинами, между которыми снуют суда всякой формы, от простой барки до канонирки; даже мор-

1 Pallegoix, „Description du royaume Thai ou Siam“.

2 Adolf Bastian, цитированное сочинение.

3 Mouhot, „Travels in the Central Parts of Indo-China“.

ские джонки поднимаются вверх по реке до берегов Крунг-Као. Король имеет богатые дворцы в древней резиденции своих предков и в окрестностях. На севере простираются джунгли, где живут в диком состоянии, как дикие быки в las Marismas или в Камарге, слоны, на которых охотится сам король, выезжая в сопровождении целой армии егерей, загоняющих этих великанов животного царства в загородь из толстых бревен, которая делается их временною тюрьмой. Тысячи рыболовов приходят также каждый год из Банкока бросать свои сети в воды Аютии. Занимая выгодное местоположение при слиянии Менама и рек, которые проходят одна мимо Лопбури (Нопбури), другая через Мюанг-Гом, или «королевство ветра», и перед городом Петксабун, бывшая столица сделалась необходимым складочным местом произведений, происходящих из полуденной области Лаоса. В то же время этот город служит главным этапом для пилигримов, отправляющихся на богомолье в храмы горы Прабат и в святилища холма Патави. Прабатский настоятель есть неограниченный владетель территории, которая простирается вокруг монастыря на расстояние четырех часов ходьбы.

Нынешняя столица Сиамского королевства существует всего только около ста лет, и, однако, уже более полумиллиона жителей толпятся внутри стен и каналов, образующих городскую ограду. Хотя носящий еще то же имя, какое носил, как рыбачья деревушка, Банкок, или «деревня оливковых деревьев», есть теперь самый большой город Азии между Калькуттой и Кантоном на береговом протяжении около 8.000 километров; нет города в Европе, который представлял бы такой быстрый рост. Унаследовав могущество Аютии, Банкок принял также и оффициальное наименование бывшей столицы: Си-Аютиа-мага или «Великий королевский город ангелов». Все города Индо-Китая имеют два или несколько имен, из которых одно употребляется профанами, а другое—жрецами и учеными.

Собственно город, имеющий около 14 километров в окружности, расположен километрах в тридцати от моря, по левому берегу Менама, который в этом месте описывает дугу, обращенную выпуклою стороной к западу. Обширные предместья продолжают столицу выше и ниже по реке, и на правом берегу острова тоже застроены домами; все это городское поселение раскинулось на пространстве, по меньшей мере, 40 квадр. километров. Многочисленные каналы перерезывают город во всех направлениях, и только в эти последние годы были открыты улицы, подобные улицам европейских городов, вдоль реки и в соседстве; до того времени сообщения внутри города производились не иначе, как на лодке. Издали эта «сиамская Венеция», более обширная и более грандиозная по виду, чем итальянская, представляет чудную картину: над водами, бесчисленными судами и густыми чащами листвы высоко поднимаются резные пирамиды пагод, сплошь покрытые мозаиками, блистающими, как золото, под лучами яркого солнца. На самой реке вид сиамской столицы не менее восхитителен: тысячи шаровидных судов, или «балонов», барок, кораблей стоят на якоре или рассекают волны, уносимые приливом, увлекаемые бризой, приводимые в движение паром или веслами. На обеих сторонах Менама крутые берега скрыты за непрерывным рядом плотов и плавучих домов: не знаешь, где начинается твердая земля. Эти живописные жилища речного города, почти все украшенные резьбой, живописью и золотыми листами, стоят на бамбуковых постилках, свободно передвигающихся, при помощи колец, по длине четырех свай, вбитых в ложе реки; они поднимаются и опускаются, сообразно изменению уровня воды во время прилива и отлива. Когда вспыхнет пожар, каждый спешит перерезать прикрепленные к берегу канаты и перевести свой дом на приличное расстояние; когда опасность миновала, речное население возвращается на обычные места якорной стоянки; в этой подвижной части города торговые места отдаются в наем за очень дорогую плату, как места этого рода на людных улицах, в европейских городах[1].

Кварталы Банкока, находящиеся на твердой земле, не представляют уже, как это было еще в половине настоящего столетия, кучек лачуг, приютившихся кругом пагод; теперь в соседстве порта выстроились дома европейской конструкции, да и самый дворец королевский —очень красивое здание в итальянском стиле, с галлереей, перистилем и попарно стоящими

1 Pallegoix; Lequeux; Thomson; Bastian; Garnier; Decugis; Harmand; Beauvoir.

колоннами, не имеющее в своей архитектуре ничего сиамского, кроме деталей орнаментации да тропических растений, сгруппированных массивами на террасах и балконах. Главную достопримечательность Банкока все еще составляют его богатые пагоды: одна из них, храм Ксетюфона, заключает в себе позолоченное изваяние Будды, которое одно наполняет собою внутреннее пространство святилища длиной слишком 50 метров (70 аршин); в другой красуется статуя из массивного золота; третья содержит изображение Будды из нефрита; все храмы имеют свои сокровища, драгоценные каменья, благородные металлы в изделиях, тонкия резные работы. В соседстве пагод находятся погребальницы, из которых одна предназначена для тел покойников, не имеющих друзей, которые приняли бы на себя заботу о их погребении; эти трупы выставляются на съедение собакам и коршунам. Даже богатые сиамцы завещают одну руку или ногу животным, во исполнение правил всеобщей любви и благотворительности, проповеданных «великим учителем» Буддой.

Почти все движение торгового обмена Сиама, обложенное таможенными пошлинами в размере 3 процентов со стоимости привозных товаров, сосредоточено на банкокском рынке, и китайцы, после короля и принцев, владельцев монополий, извлекают наибольшие барыши из этого обмена. Составляя едва-ли не половину населения сиамской столицы, желтолицые «сыны Гана» не имеют себе соперников в различных отраслях промышленности и торговли; они захватили в свои руки даже всю розничную и мелочную торговлю. Их лавки и базары всегда снабжены в изобилии фаянсовою и фарфоровою посудой, шелковыми материями, металлическими изделиями и всякого рода китайским и европейским товаром, который они скупают по дешевой цене на публичных торгах в Гонконге и Сингапуре, портах, с которыми почти исключительно ведется внешняя торговля Банкока. Рис представляет, средним числом, две трети всего вывоза; в обыкновенное время производство этого продукта много превышает нужды местного потребления и позволяет снабжать им рынки Гонконга, Сингапура, Батавии, даже поставлять часть европейского ввоза; многочисленные паровые мельницы в городе и его окрестностях очищают зерно, и для перевозки его организована правильная служба судов. Банкок отправляет заграницу также соленую рыбу, особенный род росного ладана, тек и другое строевое и столярное дерево, перец, кунжут, скот. Британский флаг развевается на наибольшем числе судов, плавающих по Менаму; затем следуют флаги сиамский и германский; непосредственная торговля Франции с страной Сиам совершенно ничтожна.

Движение банкокского порта в 1890 году: в приходе 477 судов, вместимостью 380.554 тонны, в том числе 425 пароходов с 341.555 тонн.

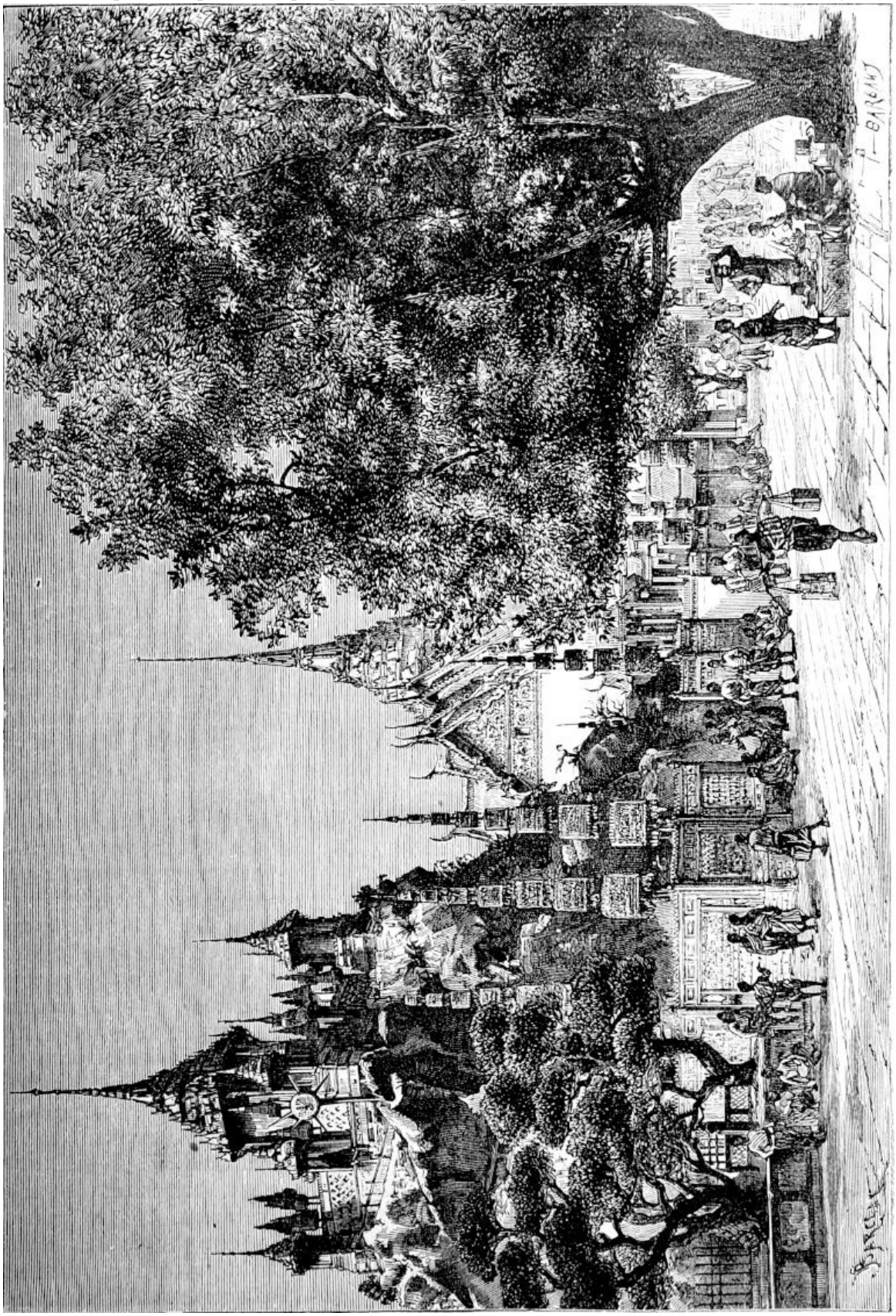
Внешняя торговля Банкока в 1890 году:

Привоз—на 73.275.500 франк.; вывоз—на 80.428.000 франк.

Благодаря превосходству торговли Великобритании, английский консул в Банкоке не уступает государю в действительной власти; он считает между подчиненными его ведению не только своих соотечественников, но также уроженцев Индустана и Бармании, китайцев из Гонконга и Сингапура, малайцев из других британских владений.

Ниже Банкока по течению Менама, город Паклат, населенный, главным образом, пегуанцами, и город Пакнам, где находится таможня, служат аванпортами столицы и командуют над проходом судов своими крепостями и настильными батареями. Некогда голландцы, владевшие устьем реки, тоже построили там укрепления, которым дали название Нового Амстердама: и теперь еще видны кое-какие остатки этих старинных укреплений, которые английские моряки окрестили именем Dutch Folly, что значит «голландская глупость». Посредством судоходных каналов вход Менама сообщается со всеми портами области дельты, каковы Ташин и Меклонг. Этот последний порт, лежащий при устье реки того же имени, населен китайскими купцами и солепромышленниками, огородниками, рыбаками, которые снабжают своими продуктами рынки столицы; выше на той же реке город Прапри (Рапри, Раджабури), расположенный у подошвы холмов, изобилующих оловянной рудой, населен, главным образом, потомками пленников, приведенных из Камбоджи. На востоке дельты, река Хорайок, которая также соединена с Менамом каналами естественными и искусствен-

ными, орошает, в своем нижнем течении, близ города Петриу, плантации сахарного тростника, возделываемые китайцами, и впадает в Сиамский залив, на севере от города Бангпласой, одного из портов морского прибрежья,, где рыбаки находят самый обильный улов рыбы.



Улица въ городѣ Банкокѣ.

Шантабун лежащий близ границ Камбоджи, на юг от земли дикарей ксонг,—тоже очень оживленный рыболовный порт; его жители, китайцы, аннамиты, барманцы, отправляют заграницу лес, перец, драгоценные камни. В 1878 и 1879 годах горячка добывания драгоцен-

ных камней привлекла в Шантабунский округ около 10.000 чужеземцев, почти исключительно барманцев, которые продавали свои сапфиры (синие яхонты) и другие самоцветные камни негоциантам Рангуна, Пинанга, Калькутты; особый пароход совершал правильные рейсы между Банкоком и Шантабуном, для перевозки рудокопов и продовольствия. Морской берег, с его лесистыми островками, горами, бухточками и мысами, есть один из самых живописных берегов Индо-Китая: высокая скала охраняет вход в Шантабунскую бухту, словно лежащий лев, более грозный, чем львы Бастии и Сан-Рафаеля в Средиземном море.

К востоку от Сиамского залива, у основания полуострова Малакки, первый город, показывающийся среди плантаций сахарного тростника, есть Печибури (Пексабури), лежащий в некотором расстоянии от берега моря, у подошвы холмов, имеющих от 400 до 600 метров высоты: это главный город провинции, перестроенный почти весь одним мандарином, по планам, привезенным из Англии[1]; дома мещан и ремесленников—чисто английские коттеджи, сплошь покрытые ползучими растениями, а на соседнем холме, в пяти километрах от города, стоит королевский дворец, построенный по образцу Виндзорского замка. По словам Шомбурка, пегуанцы более многочисленны в этом округе, чем во всякой другой части Мюанг-Тая.

Города континентального Сиама, население которых указано приблизительно путешественниками:

Государства Лаоса: Ксиен-Май, по Шомбурку—50.000 жит.; Лахон, по Пальгуа—25.000 жит.; Пре, по Пальгуа—15.000 жит.; Лабонг, по Пальгуа—12.000 жит.

Собственно Сиам: Банкок—200.000 жит.; Аютиа (Крунг-Као)—50.000 жит.; Нахон-Саван, по Бастиану—12.000 жит.; Петриу, по Пальгуа—10.000 жит.; Меклонг, по Пальгуа—10.000 жит.; Паклат, по Пальгуа—7.000 ж.; Пакнам, по Пальгуа—7.000 жит.; Корат, по Пальгуа—7.000 жит.; Шантабун, по Пальгуа—6.000 жит.; Бангиласой, по Пальгуа—6.500 жит.; Прапри (Раджабури)—6.000 жит.; Пицилук—5.000 жит.

VI. Восточный Индо-Китай, бассейны Меконга и Сонг-Коя

Восточный Сиам, Тонкин, Южный Аннам, Камбоджа, Французская Кохинхина

Самый обширный бассейн Индо-Китая, бассейн Меконга, имеет население, далеко не самое многочисленное. Еще большая часть этой области остается неисследованною, и половина территории занята дикими племенами. Только в соседстве морского прибрежья, около середины исторического пути, соединяющего дельту Менама с дельтой Меконга, существовавшие там образованные общества составляли некогда нацию в настоящем смысле слова, имевшую собственную цивилизацию и оставившую памятники своего могущества. Эта нация хмеров, или камбоджан, получила, конечно, из Индии апостолов и просветителей, которые преподавали ей науки и искусства, так же, как мифы и культы индусского народа; но теперь с более дальнего запада приходит то чужеземное влияние, которое оказывает свое действие на населения нижнего Меконга. Французы овладели областью дельты и дают почин переменам политическим, промышленным, социальным, которые постепенно совершаются в стране. Эти пришельцы, понятно, должны были основать свой главный город по близости моря, очень далеко от естественного центра страны, и притягательная сила торговли группирует в окружающих местностях жителей все более и более скученными массами. Тем не менее, население французской Кохинхины уступает числом населению Аннама, на восточной отлогости гор, окаймляющих берега Тихого океана. В бассейнах Меконга и других тонкинских рек почва утилизируется всего лучше, и города и местечки наиболее сближены между собою по взаимному расстоянию; один только Тонкин, хотя он составляет лишь около двадцатой части поверхности Индо-Китая, заключает в своих пределах, быть может, по-

1 J. Thomson, „Dix ans de voyages dans la Chine et l'Indo-Chine", trad. Talandier et Vattemare.

ловину общего числа жителей.

Недостаток достоверных сведений не позволяет исчислить население Тонкина даже с тою степенью приближения, какая возможна для Бармании, Сиама, полуострова Малакки: числа, даваемые миссионерами и путешественниками, разнятся более, чем в четыре раза, варьируя от 7 до 30 миллионов душ. Легко понять, как при этом впадают в невольные преувеличения. Исследователи, проникающие в гористые территории внутренности страны, еще нерасчищенные под культуру и почти пустынные, редки в сравнении с путешественниками, которые посещают портовые города морского прибрежья, питаемые рыбною ловлей, и аллювиальные земли, покрытые рисовыми полями. В этой области, которая лишь отчасти отделена естественными границами от Китайской империи, можно подумать, что находишься в «Срединном цветке», при виде многолюдных городов и деревень, рассеянных в равнинах на близком расстоянии друг от друга. Правда, что эта страна часто находилась под действительным господством государей «центрального царства», да и в наши дни еще король аннамский регулярно посылает пекинскому двору свою вассальную дань. С другой стороны, внутри края основались полунезависимые княжества, а Франция пользуется над Аннамом фиктивным протекторатом, который уже не раз подавал повод к дипломатическим компликациям[1]. Нет сомнения, что в близком будущем столь неопределенный ныне политический режим Тонкина примет более точную форму. Эта страна слишком важна по численности своего населения, по своим экономическим рессурсам и по пути, который она открывает к внутренним провинциям Китая, чтобы она не вошла сама собою в область европейской торговли; препятствия свободе торговых сношений идут лишь со стороны её правителей[2].

Пространство и население Аннама и стран по нижнему течению Меконга[3]:

	Пространство в кв. килом.	Население душ.	Среднее число жителей на 1 кв. килом.
Аннам	420.980	7.500.000	18
Камбоджа	104.700	814.757	8
Кохинхина	55.620	2.226.935	40
Тонкин	314.110	14.000.000	44

На север от Тонкинского залива мыс Паклунг указывает мореплавателям политическую границу Индо-Китая. Нганнан-кианг, или «река Тихого Юга», служит в нижнем её течении оффициальною пограничною чертою между Китайскою империею и Аннамским королевством; но менее чем в пятидесяти километрах во внутренности материка начинается область гор, еще мало исследованных, которая соединяется с плоскими возвышенностями китайских провинций Куангси и Юннана. Согласно старинной китайской политике, этот пояс границы составляет мархию, если не пустынную, то, по крайней мере, запретную для подданных. Им запрещено осушать на этой полосе болота, расчищать леса под пашни, пролагать дороги через горы; на пространстве около тридцати километров, мархия Тонкина не имеет других обитателей, кроме диких племен, независимость которых уважают под условием, чтобы они препятствовали цивилизованным населениям севера и юга вступать в сношения между собою. Два главные прохода между Китайскою империею и областью дельты, Нам-куан и Бьен-кюонг, защищены зубчатыми стенами и крепостцами. Впрочем, между двумя правительствами, китайским и аннамским, сюзереном и вассалом, поддерживаются наилучшие политические отношения[4].

Гористая область провинции Куангси продолжается второстепенными хребтами на берегах северного Тонкина, и даже одна из этих отраслей гор оканчивается вблизи моря массивом, высшая точка которого достигает 1.400 метров высоты. Часть морского прибрежья

1 Трактат от 6 июня 1884 г. окончательно поставил королевство Аннам под протекторат Франции. *Ред.*

2 Тонкин с 1885 г. составляет французское владение. *Ред*

3 Кохинхина, Камбоджа, Аннам и Тонкин с 1888 г. образуют т. н. французский Индо-Китай. *Ред.*

4 Dutreuil de-Rhins, рукописные заметки.

окаймлена обрывистыми утесами и разрезана на скалистые острова и островки, которым дают, и теперь еще совершенно справедливо, имя «Архипелага пиратов»; иногда это наименование присвояется специально двум островам Каотао, далее выдвинутым в открытое море, чем другие земли той же группы. Эти островные массивы почти все изрезаны с наружной стороны крутыми береговыми утесами. Во внутренности островов открываются цирки или котловины; на первый взгляд можно принять их за кратеры вулканов, но в действительности эти воронки образовались вследствие провалов почвы, так как горная порода там известковая. Некоторые из цирков имеют сообщение с морем и дают доступ баркам; на окружности бухт открываются гроты, служившие иногда притоном морским разбойникам. Террасы, господствующие над кругообразными бассейнами, покрыты засеянными полями и плантациями. В начале текущего столетия флот высадил отряд войска, который разрушил до основания все дома, срубил деревья и увел всех жителей, чтобы положить конец морскому разбойничеству; но вскоре после этой энергической меры соседния моря были так же мало безопасны, как и прежде[1].

Возвышенная страна китайской мархии совершенно определенно ограничена на юге пространством аллювиальных земель, где извиваются рукава Красной реки и впадающих в нее притоков. Только несколько скалистых пригорков, остатки более обширных земель, смытых морем, показываются на подобие островков среди океана зелени. Высоты снова появляются на западе долины Красной реки. Горная цепь, примыкающая своею северною оконечностью к Юннанскому плоскогорью, на высоте (средней) 1.500 метров, тянется в юго-восточном направлении, оставляя, вероятно, раздельную линию между водами, спускающимися, с одной стороны, к Сонг-кою, с другой—к Меконгу; но она почти совсем неизвестна; видели только её отроги, изобилующие каменноугольными пластами и рудными месторождениями железа, олова, меди, золота и серебра; к югу от пути, пройденного французской экспедицией, под начальством Дудар-де-Лагре, до гор Аннама в собственном смысле, ни один новейший исследователь не переходил эту цепь. Ряды холмов, принадлежащих к этой водораздельной возвышенности, поднимаются непосредственно на западе от реки Сонг-кой, отделенные один от другого долинами притоков, из которых одна, продолжающаяся на юге дельты, составляет естественную границу между двумя половинами Аннамской империи. Разветвления главной цепи выдвигают, через довольно близкие промежутки, свои конечные скалы в море, оставляя между своими мысами полукруглые бухточки, бухты и даже, во многих местах, глубокия гавани, окруженные амфитеатром холмов. Несмотря на бесчисленные иссечения, морской берег представляет в целом замечательно правильную кривую, обращенную выпуклостью к открытому морю, как бы для того, чтобы уравновесить вогнутую Тонкинского залива. Эта округлость морского прибрежья точным образом соответствует округлости, образуемой водораздельным хребтом Аннама: параллелизм берегов и гор не менее поразителен в этой области Индо-Китая, чем в Индии по сю сторону Ганга, вдоль Конкана и Малабара. По ту сторону горных цепей, Меконг тоже следует, в общем, направлению, параллельному морскому берегу и горам. Пояс низменных долин и невысоких холмов, разделяющий море и хребет гор, имеет незначительную ширину, от 15 до 50 километров, и поперечные выступы делят эту береговую полосу земли на столько же особенных долин, сообщающихся одна с другою лишь через берег или через боковые бреши. Реки, спускающиеся по аннамской покатости, текут перпендикулярно к морскому берегу, и в том же направлении была построена, в шестнадцатом столетии, стена, разделявшая некогда два государства: на севере—Тонкин, «Столицу Востока», или Данг-Нгоай, «Внешнюю Дорогу», на юге—Данг-Тронг, или «Внутреннюю Дорогу». Имя Аннам, под которым известна более специально зона морского прибрежья, есть не что иное, как слово Нганнан, применяемое к пограничной реке; оно означает «Тихий Юг» или «Мир Юга». Равным образом и другие имена указывают на положение страны относительно Китая, родины цивилизаторов: таковы наименования Нам-Вьет («Нужно пройди полдень»), Вьет-Нам (за Полуднем), Нат-Нам (за Полуденное

1 „Excursions et Reconnaissances", VII.

Солнце)[1].

Видимые с моря, некоторые из горных гребней внутренности страны являются взорам покрытыми лесом, но большинство, особенно около южной оконечности цепи, представляют гранитные массы без всякой растительности; периодические пожары, зажигаемые с целью прогнать хищных зверей или прибавить новые земли к области культуры, истребили леса. Французские миссионеры часто переходили хребет, или для того, чтобы идти обращать в христианскую веру дикарей западной покатости, или для того, чтобы избегнуть преследований кохинхинских мандаринов и, благодаря этим путешествиям миссионеров, теперь известно, что во многих местах открываются удобные проходы с одного склона на другой. Однако, никакой документ не оправдывает часто повторяемого утверждения, будто там существуют судоходные реки, разделяющиеся на две ветви, которые текут с каждой стороны водораздельного порога. Один только из исследователей области горного хребта, француз Гарман, издал карту путешествия, благополучно доведенного до конца, с одного склона на другой. В том месте, где он перешел гребень, на северо-западе от Гуэ, столицы Аннама, порог имеет всего только 250 метров высоты, но выступ почвы снова поднимается с той и другой стороны, и мало найдется стран, которые представляли бы более резкий контраст между двумя покатостями в отношении количества атмосферных осадков. В то время как один из склонов, именно западный, наводняется проливными дождями, приносимыми юго-западным муссоном, восточная отлогость находится в сухом воздухе под вечно голубым небом; эта резкая противоположность тем поразительнее, что с одной стороны простирается дикая страна, без городов и деревень, везде покрытая лесами, а с другой—расстилаются безлесные равнины, покрытые возделанными пространствами.

На Аннамском побережье, к югу от города Гуэ, вырез берега, наиболее известный мореплавателям, всего чаще упоминаемый в политических документах, есть бухта Кюахан, обозначаемая французами под именем Туранской (Туронской) бухты. Она окружена на севере и на западе полукругом холмов, тогда как на юго-востоке острововидная скала, соединенная с материком песчаной косой, загибается впереди бухты и превращает ее в род внутреннего моря; кроме того, судоходный канал, проведенный в низменных землях, соединяет бухту с другою вырезкой прибрежья, Гой-ан, бывшим портом Файфо, лежащим к югу от Туранского мыса. Большое число других бухт, которые открываются на южном берегу Аннама, обращенном к юго-востоку, имеют подобное же образование, как и Туранская: это тоже бассейны, отделенные от моря островами, которые соединены с континентом песчаными насыпями или низменными землями. Порт Куи-ньон, или Бинь-динь, порты Кумонг, Суанг-дай, Гон-хой, Бинь-хоа, Кам-рань, следуют один за другим на этом берегу, к несчастью лишенном удобных сообщений с внутренностью страны и слишком близком к границе, запертой кордоном таможень. Большинство островов, окаймляющих прибрежье, состоит из простых скал, выступающих из-под воды; некоторые островки, лежащие на продолжении Аннамского берега, но в 100 и в 150 километрах от него, в открытом море, принадлежат к той же формации; самый замечательный из них Пуло-Сесир-де-Мар (т.е. «морской» Пуло-Сесир), названный так первыми португальскими мореплавателями, в отличие от острова Пуло-Сесир-де-Терра («континентальный» Пуло-Сесир), лежащего очень близко от берега. Пуло-Сесир-де-Мар—по-аннамски Кулао (остров) Ту—ревниво оберегается аннамским правительством, которое присвоило монополию гнезд ласточки салангане, собираемых на скалах, и голотурий (морских кубышек), ловимых в окружающих водах.

К востоку от водораздельного хребта, до Меконга, возвышается несколько независимых массивов и разветвляются горные цепи, из которых иные превышают 2.000 метров. Таков, например, массив Пусунг, боковые отроги которого, господствующие над Меконгом, заставляют его делать крутые повороты. На юге от Пусунга обширное плоскогорье, высотой от 950 до 1.000 метров, занимает кругообразное пространство, ограниченное на западе течением Меконга и окруженное с севера горами Дон (Се-Дон), с востока и с юго-востока горами

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", janvier 1879.

Конг (Се-Конг). Эти возвышенности, которые Торель называет Сараванским плоскогорьем, по имени одного города того края, и которым Гарман дает название «плато Боловенов», по имени живущих там дикарей[1], отчасти покрыты великолепными лесами, где хвойные деревья, белый бук, каштан и дуб перемешаны с бамбуками, пальмами, древовидными папоротниками; в других местах простираются болотистые бассейны, напоминающие своею травяною растительностью луговые пространства Франции. Почва плоскогорья состоит из железистой глины, залегающей на песчаниках; но горные потоки, бегущие в глубоких ущельях, обнаружили свойство подпочвы, которая состоит из площадей лавы, из груд вулканического пепла и шлаков. Конусообразные пики, как, например, пик Лагре (по имени исследователя Дудар-де-Лагре), возвышающиеся в соседстве нагорья, повидимому, были трубами, из которых выходили пары этих очагов извержения; встречающиеся кое-где источники теплой воды тоже, кажется, следует признать за остатки вулканической деятельности. На западе от Меконга, горы Бассак, высшая вершина которых достигает 1.160 метров, могут быть рассматриваемы как составная часть того же массива, к которому принадлежат и восточные горы. К югу от этой области, где цоколь возвышенной Кохинхины, доминируемый горными цепями или уединенными пиками, имеет свою наибольшую ширину, главный хребет продолжается в направлении меридиана, затем поворачивает к юго-западу, параллельно морскому берегу, и оканчивается на границах французской Кохинхины крутыми скалистыми мысами. Один из этих последних массивов, или *гномов*, около истоков реки Доннай, известен под именем Тионлай, и гранитная вершина его достигает 1.000 метров высоты[2]. Далее, встречаются только островные пригорки, связанные с твердой землей аллювиальною косой, образовавшейся из речных наносов. Лесистый холм мыса св. Иакова (Сен-Жак), ограничивающий на востоке вход в реку Сайгон, есть одна из этих скал, принадлежащих к материку лишь с недавнего геологического периода. Острова, лежащие в море, на большом расстоянии от берега, суть выступы подводного хребта, продолжающего ось горных цепей Аннама. Таков, например, архипелаг Пуло-Кондор, «остров Тыкв» или «остров Пресмыкающихся»: там, в самом деле, водятся змеи нескольких видов и черепахи.

На западе от кохинхинской дельты, в южной Камбодже, находятся неправильные массивы, частью вулканические, и разрезанные во всех направлениях реками и речками; массивы эти соединяются, посредством хребта Пурсат и горы Прабат, с Шантабунскими горными цепями и выступают в виде высоких крутых мысов, продолжающихся в море скалистыми островами. Слоновая цепь, на западе от Кампота, оканчивается вершиной, имеющей около 1.000 метров высоты; в ноябре с этих гор иногда спускается страшный ветер, в роде французского мистраля, до такой степени сильный, что в местностях, наиболее выставленных его действию, не растет ни одного дерева. Жители опустошенной равнины ожидают конца сезона, чтобы снова приняться за постройку своих соломенных хижин, унесенных ветром[3].

На восточном берегу страны Аннам одна только большая река изливается в море: это Гон-киан (Готи-киан) китайцев, Сонг-кой (Сонг-кай, Сонг-ка, Сонг-та) аннамцев, «Красная» река французских мореплавателей, которые первые из европейцев исследовали её течение. При выходе из китайской провинции Юннана, т.е. в 600 километрах от моря, считая по изгибам реки, Сонг-кой, имеющий уже до 100 метров средней ширины, носит барки, и даже один французский негоциант, Дюпюи, поднялся вверх по течению, в 1871 году, до города Мангао, лежащего в 100 километрах выше. Эта река течет прямо на юго-восток в узкой долине, затем принимает в себя справа другую реку, почти столь же значительную, Сонг-бо (Ким-тю-ха), верхние притоки которой находятся тоже в Китае и по которой мелкие суда поднимаются даже до земли Лаосов; это «Черная река» французских негоциантов: она, в самом деле, черная, по крайней мере во всей нижней части своего течения. Ущелья, откры-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", sept. 1877.
2 Neis et Septans, „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.
3 Pavie, „Excursions et Reconnaissances", № 10,1881.

вающиеся в гранитной массе, имеют в некоторых местах до 300 метров глубины: это трещины почвы, стены которых соответствуют точным образом от одного берега до другого, представляя совершенно одинаковое геологическое строение и полосы углекислого железа на равных высотах. В разных местах, через известные промежутки, большие камни, упавшие с нависших стен, образуют пороги, где темная вода покрывается полосами белой пены[1]. Почти удвоенный в объеме этим притоком и сделавшись внушительною рекой, но перерезанный там и сям порогами, трудно проходимыми во время спада вод, большой поток, известный в этом месте под именем Тао, получает свое наименование Сонг-кой (или, вернее, Шонг-кай, «Великая река») лишь ниже слияния его с рекой, называемой Хам, Боде, Льеу, Ка, в разных частях её долины[2]; по одному из её притоков иностранные исследователи часто называют ее рекой «Прозрачной воды»; благодаря плодородию её берегов, она получила большую историческую важность, и некоторые писатели признавали ее за главную реку. Но самый вид вод, ниже соединения, доказывает, что Сонг-кой берет верх силой течения; чистая волна Боде теряется в мутной воде слияния, окрашивается, говорит легенда, кровью пораженного громом дракона[3].

«Ствол» реки, между ветвями-притоками и верхнею извилиной (бифуркацией) дельты, имеет небольшую длину. В 150 километрах от моря воды разделяются: два главные рукава, Сонг-кой на севере, Сонг-гат или Дай на юге, разветвляются, в свою очередь, на многочисленные второстепенные рукава, и посредством естественных и искусственных каналов превращают всю дельту в лабиринт островов, меняющий свой вид соответственно речным наводнениям и морским размываниям. Два боковые рукава Сонг-коя, «река Шелковичных деревьев», или «канал Порогов», частью вырытый рукой человека[4], и река Кау-лю, соединяются на севере с другою дельтой, еще более разветвленной, с дельтой, образуемой рукавами реки Тай-Бинь, вытекающей, под именем Сонг-као, из озера Бабе, которое находится в неисследованной области границы. Фронт этой двойной дельты, обнимающий устья Сонг-коя и устья Тай-Биня на севере, развертывает свой неправильный полукруг далеко за чертой нормальной линии берегов, и эта кривая, длиной около 150 километров, концентрична другой, гораздо более обширной дуге, образуемой речными наносами, которые отлагаются в море вдоль берега.

Главная река восточного Индо-Китая, более известная прежде под именем Камбоджи, вообще обозначается в наши дни названием Меконг (Мейконг, Мехонг), которое применяется специально к незначительной части её течения и которое, кажется, имеет смысл «Матери Реки» или «Начальницы Вод», говорит Камоэнс («Mecom rio... Que capitao das aguas se interpreta»... т.е «река Меком, имя которой значит: начальник вод»). Еще в прошлом столетии на нее смотрели как на рукав Ганга[5]: это была одна из священных Ганг, спускающихся из области горы Меру. Меконг есть поток, который под именем Ланцан-кианга или Кинлонг-кианга, т.е. «Реки Большого Дракона», берет начало в одной из длинных параллельных долин восточного Тибета, между Кинша-кианго, или Янтсекианго (Ян-цзы-цзян), и Луцекианго, или Салуэном. Известно, что Ланцан-кианг проходит в страшных ущельях, самых удивительных, какие до сих пор видели исследователи Китая, и что через него перекинуты во многих местах летучие мостики, качающиеся на высоте нескольких сот метров над бегущим по дну ущелья потоком. На дороге из Бамо в китайский город Тали-фу, уже много раз пройденной европейскими путешественниками, через Ланцан-кианг устроен висячий железный мост: это, в пределах Китая, самый южный пункт, где эту реку видели новейшие исследователи. Французская экспедиция 1860 года, под управлением Дудар-де-Лагре, встретила Ланцан-кианг лишь в 500 километрах ниже этого висячего моста, уже на

1 Courlin et Villeroi d'Augis, „Excursions et Reconnaisances", XI, 1882.
2 Карта Дютрейль-де-Рена.
3 Romanet du Caillaud, „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", fevrier 1880.
4 Abel des Michels, „Discours d'ouverture du cours cochinchinois", 1869.
5 Engelbert Kapfer, „Histoire du Japon".

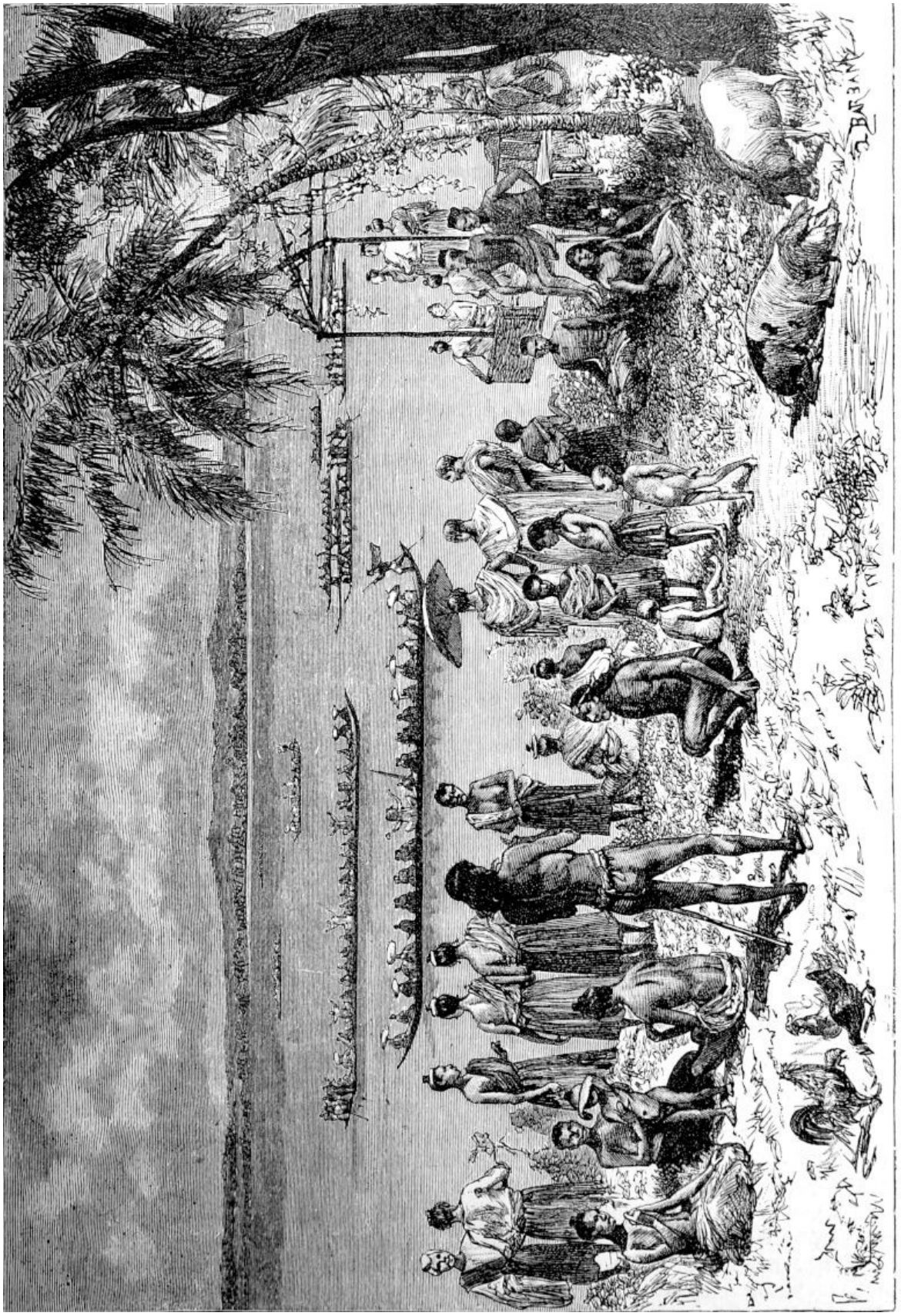
индо-китайской территории, в Ксиен-Хонге. Там Ланцан является уже в виде потока шириной от трехсот до четырехсот метров, который тихо катит свои воды между высоких крутых берегов, окаймленных песчаными отмелями, и уровень которого повышается, средним числом, на 10 метров в эпоху разливов; ниже русло его вдруг съуживается между холмами, господствующими над обоими берегами. В этой части своего течения Меконг носит только барки рыболовов; как торговый путь, он почти бесполезен. В 200 километрах ниже, на общей границе барманского Лаоса и Сиама, река врезывается между скал и спускается быстринами и порогами, которые, в сезон засухи, противополагают судоходству непреодолимое препятствие; на первом пороге, называемом Танг-Хо, извилистый фарватер, разделенный скалой на два рукава, имеет всего только около тридцати метров в ширину во время низкого стояния воды, тогда как в эпоху разливов речное русло занимает пространство в 600 метров от одного берега до другого. На втором пороге, Танг-Дин, все воды соединяются в один канал от 40 до 50 метров шириной, который судовщики должны обходить волоком. Выше, один из притоков Меконга—горячий ручей, вода которого имеет такую высокую температуру, что на берегах его не могут произростать никакие растения[6].

Едва вступив на территорию Сиамского государства, река, которая в этом месте довольно близко подходит к западному Менаму, вдруг меняет направление: переставая течь на юг, она делает резкия уклонения в сторону между крутыми холмами, затем, на пространстве около 200 километров, извивается к востоку, как бы направляясь к Китайскому морю. Но новый угол долины в изломе гор опять возвращает Меконг к югу и юго-западу. У самого этого поворота, приток, спускающийся с гор китайской границы, река Нам-Гу, смешивает свою черную струю с желтоватыми волнами главного потока. Как раз напротив этого слияния, на левом берегу Меконга, высится отвесный утес, изрытый пещерами, у входа в которые виднеются балюстрады буддийской капеллы; вершины соседних мысов увенчаны обелисками, гробницами, статуями Будды. В месте слияния, высота главной реки над уровнем моря около 350 метров; но затем последовательный ряд порогов заставляет ее спуститься на гораздо более низкий уровень; общее её направление, в этой части течения, совпадает с осью Сиамского залива: долина указывает Банкокскую дорогу впадиной, в которой течет Менам-сак, или Сарабури. Долиной этой реки и долиной Нам-Гу современем пройдет прямая дорога из Банкока в Юннан; начальник Меконгской экспедиции думал-было проникнуть в Китай путем, идущим по реке Нам-Гу.

Новый поворот отбрасывает Меконг в восточном направлении к западному основанию Кохинхинских гор. С той и другой стороны высятся холмы, запирая реку как бы в ров, который в самых широких местах имеет только 600 метров расстояния между берегами; во время низкого стояния воды ширина Меконга уменьшается до 100, даже до 40 метров, но глубина его превышает 100 метров; весь поток проходит в этой расселине, и с каждой стороны ложе наводнения усеяно валунами, принадлежащими к разнообразнейшим формациям и представляющими громадную геологическую коллекцию. Но это еще не последние препятствия. Проходя песчаниковые скалы, запирающие его воды в крутых берегах, выше впадения большого притока Се-Мун, Меконг спускается рядом порогов, или *кенг* (по Гарнье, это синоним слов *танг*, употребляемого в верхнем Лаосе, и *тан*, употребляемого китайцами), равного которому, быть может, нет ни на какой другой реке Старого или Нового Света. Повсюду речное ложе представляет вид чего-то недоконченного; открытое пространство между берегами вдруг уменьшается, по ширине, с 300 до 50 метров: в одном месте воды, кажется, совсем прекращают свое течение, как бы засыпают в огромном бассейне, в другом они шумно низвергаются между скалами; островки, уединенные каменные глыбы, рассеянные по средине потока, свидетельствуют о совершенной водою работе размывания. Очевидно, Меконг, вошедший в эту часть своего русла с недавнего геологического периода—быть может, в эпоху вулканических извержений лавы и пепла, которые образовали на востоке Боловенское плоскогорье—еще не имел времени регулировать свое течение, не успел вырыть себе дорогу,

6 Fr. Garnier, „Voyage d'exploration en lndo-Chine".

соответствующую объему его жидкой массы. На пороге Кенг-Каниен, воды, вдруг сжатые в канале шириной не более 48 метров, то сталкиваются, то разделяются, образуя через правильные промежутки времени, через каждые две или три минуты, воронкообразные углуб-



На берегу рѣки Меконгъ.

ления в несколько метров в диаметре, которые то наполняются набегающими волнами, то снова опоражниваются[1]. Понятно, как плавание на плоте или в пироге должно быть трудно

1 Delaporte, „Voyage d'Exploration en Indo-Chine"; L. de Carne „L'Exploration de Mekong", „Revue des

и даже опасно по речному руслу, столь неправильному, столь мало урегулированному, каким является еще эта часть течения Меконга.

Хонгские катаракты, составляющие границу среднего течения реки через холмы и горы, образованы запрудой из скалистых островов и рядов камней, которая задерживает воды Меконга и заставляет их разветвляться на пространстве, превышающем в ширину 20 километров. Некоторые из рукавов этого архипелага пересыхают в сезон спада вод; другие до такой степени извилисты, что вода может скользить там без внезапных падений; но большинство перерезано порогами, из которых один имеет 15 метров (21 аршин) вертикальной высоты. Нет двух водопадов, которые были бы похожи один на другой; деревья, погружающие свои корни в воду, пальмы, окаймляющие берега, скалы, покрытые растительностью, отдаленные холмы, виднеющиеся за лесами и возделанными полями, разнообразят до бесконечности картину порогов и водопадов. Ниже соединения Меконга и реки Аттопе, вытекающей из Аннамских гор, главная река имеет пороги в одном из своих рукавов, между городами Стунг-Тренг и Сомбор, но пароходы могли бы во всякое время года подниматься и опускаться по Меконгу через восточный рукав. Большая часть торговли между низовьем главной реки и Бассаком производится на бамбуковых плотах, которые поднимают грузы товаров до 20 тонн весом.

В 300 километрах от моря, там, где стоит город Пном-пень, нынешняя столица Камбоджи, река делится на две ветви в сезон разливов: с этого места и начинается дельта; но в то время, как левый рукав спускается на юго-запад к морю, правый теряется в озерном резервуаре Тонле-сап, или «Пресноводной Реке», называемом обыкновенно «Большим Озером». Две ветви дельты, текущие в противоположном одна другой направлении, извиваются в понижении почвы, которое некогда было морским заливом и которое цепью Пурсат, а также другими горными хребтами меньшей высоты и, на юго-востоке, несколькими уединенными массивами, отделено от Сиамского залива. Параллельно морю, эта водная линия, принадлежащая к системе Меконга, есть не что иное, как покинутый морской берег. На берегах Большого Озера находятся залежи морской соли, которые туземцы прежде разработывали, но потом забросили, по мере того как земля утрачивала свою соленость. Воды, наполнявшие некогда впадину залива, были мало-по-малу отделены от моря Меконгом, который выдвигал перед входом свой бар, образовавшийся из оседающих на дно наносов. Кроме того, речной разлив, увлекаемый покатостью почвы в озерной впадине, превратил ее постепенно в пресноводный бассейн[1]; однако, многие морские виды и теперь еще живут в этом озере, морские свиньи, скаты, морские коньки. По исчислениям Буланжье, которые, впрочем, кажется, сильно грешат преувеличением, озеро Тонле-сап еще во времена исторические, за восемь или десять веков до ныне живущего поколения, составляло часть моря, и не далее, как через два столетия оно, будто бы, должно прекратить свое существование[2]. Китайские исторические документы, относящиеся к началу общепринятого (христианского) летосчисления, говорят о Большом Озере, как о заливе, омывающем башни Банона, близ Баттамбанга[3].

Смотря по временам года, на Тонле-сап происходит явление попеременного движения жидкой массы между течением реки и озерным резервуаром. В период наводнения, с июня до октября, поток, устремляющийся к озеру и длина которого около 115 километров, уносит излишек вод речного течения: этот могучий поток шириною 500, а в некоторых местах даже 1.500 метров, и настолько глубокий, что по нем могут плавать военные корабли, наполняет своими водами озерный резервуар; но в сезон засухи имеет место обратное движение жидкой массы: озеро опорожнивается мало-по-малу, и поток направляется назад к Меконгу, чтобы спуститься на юго-восток через морскую ветвь. Наполненное, Большое Озеро простирается, по длине, по меньшей мере на 110 километров, средняя ширина его около 25 кило-

Deux Mondes", 15 juillet 1869.

1 Ricard, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.

2 „Excursions et Reconnaissances", IX, 1881.

3 Dutreuil de Rhine, рукописные заметки.

метров, а глубина, почти везде одинаковая, от 12 до 14 метров; во время засухи бассейн, почти опорожненный, имеет только несколько дециметров воды, полтора метра в самых впалых местах, и берега его временно обсыхают; он занимает тогда площадь около 260 квадратных километров, составляющую лишь шестую часть поверхности разлива. Можно считать слишком в 35 миллиардов кубич. метров объем воды, приносимый в резервуар разливом реки; настолько же уменьшаются размеры наводнения в области дельты. Изливаясь в Тонле-сап, Меконг увлекает также землистые частицы, ил и песок, которые постепенно повышают дно и в конце-концов возвысят его до уровня твердой земли; равнина, то обсыхающая, то болотистая, которая служит преддверием озерному бассейну, носит у камбоджийцев очень верное название Веаль-пок, т.е. «Грязная равнина». Небольшие речки, или *прек*, берущие начало на востоке от Банкока и спускающиеся к Большому Озеру, соединятся когда-нибудь в один речной поток, падение которого, повышенное осаждающимися наносами, не будет более иметь попеременного движения; он превратится в простой приток. Это попеременное движение потока делает теперь из Большого Озера рыболовное водовместилище. Мириады рыб, приносимых разливом, остаются в мелководном бассейне после отступления вод; целые тучи птиц кружатся над кишащей массой рыбы; рыболовов, хотя они собираются в огромном количестве, оказывается недостаточно, чтобы эксплоатировать все эти рыбные банки, откуда сеть никогда не вынимается пустою[1]: около 30.000 рыбаков, аннамцев, сиамцев, малайцев, хмеров, населяют воды озера во время рыболовного сезона, и на берегах его основываются временные деревни китайских рыботорговцев. Камбоджане питаются преимущественно рыбой и, кроме того, вывозят ее в Нижнюю Кохинхину, в количестве от семи до восьми миллионов килограммов (от 420.000 до 480.000 пудов[2].

Ниже города Пном-пень, Меконг, сопровождаемый ложными реками, которые меняют течение сообразно наводнениям, делится на два рукава: на востоке Тьен-гианг, или «Передняя река», на западе Хан-гианг, или «Задняя река», которые текут почти параллельно на пространстве около 200 километров. Хан-гианг, или река Бассак, почти прямолинейная, изливается в Китайское море двумя *кеа* (*куа*) или протоками, тогда как восточная река делится на ветви, образующие второстепенную дельту, имеющую изменчивое число устьев и соединяющуюся посредством боковых рукавов с различными реками, которые некогда были разветвлениями Меконга: западный Вайко и восточный Вайко, соединяющиеся между городами Мито и Сайгоном, река Сайгон и Доннай (Донг-най), вытекающий из Аннамских гор, суть, в своем нижнем течении, эти старые рукава, соединяющиеся с главной рекой лишь посредством сети потоков и рвов, вырытых рукой человека. Точно также на западе от «Задней реки» равнина перерезана каналами, которые впадают в Сиамский залив. Вся французская Кохинхина, за исключением северо-восточных холмов и нескольких островных пригорков, вокруг которых наносы оттеснили воды, принадлежит к области дельты. Длинный полуостров, оканчивающийся мысом Камбоджа (Мюй-ган или Онг-док), был весь отложен речным течением, но последнее взяло обратно большую часть этих отложений, переделывая свои берега; между крайними рукавами дельты расстояние, вдоль морского фронта, не менее 600 километров; кроме того, линия отмелей, продолжающаяся перед берегами, выдвигается в море километров на пятьдесят. На какой из этих берегов пристал знаменитый португальский поэт Камоэнс, поддерживаемый доской разбившагося корабля и державший над волнами рукопись своей поэмы «Луизиады»?

Но дельта Меконга во многих частях своего протяжения еще не вполне отвоевала у моря занимаемое ею пространство. Как все другие реки, часто заливающие прибрежные местности, Меконг поднял своими наносами уровень своих берегов на значительную высоту над поверхностью равнин внутренности материка; вдоль речного ложа, по краям выделяющихся из него боковых рукавов и на окружности островов земля всего лучше обсохла, и здесь-то, разумеется, прибрежные жители построили свои жилища, провели борозды в почве и посея-

1 Ayinonier, „Notice sur le Cambodge".

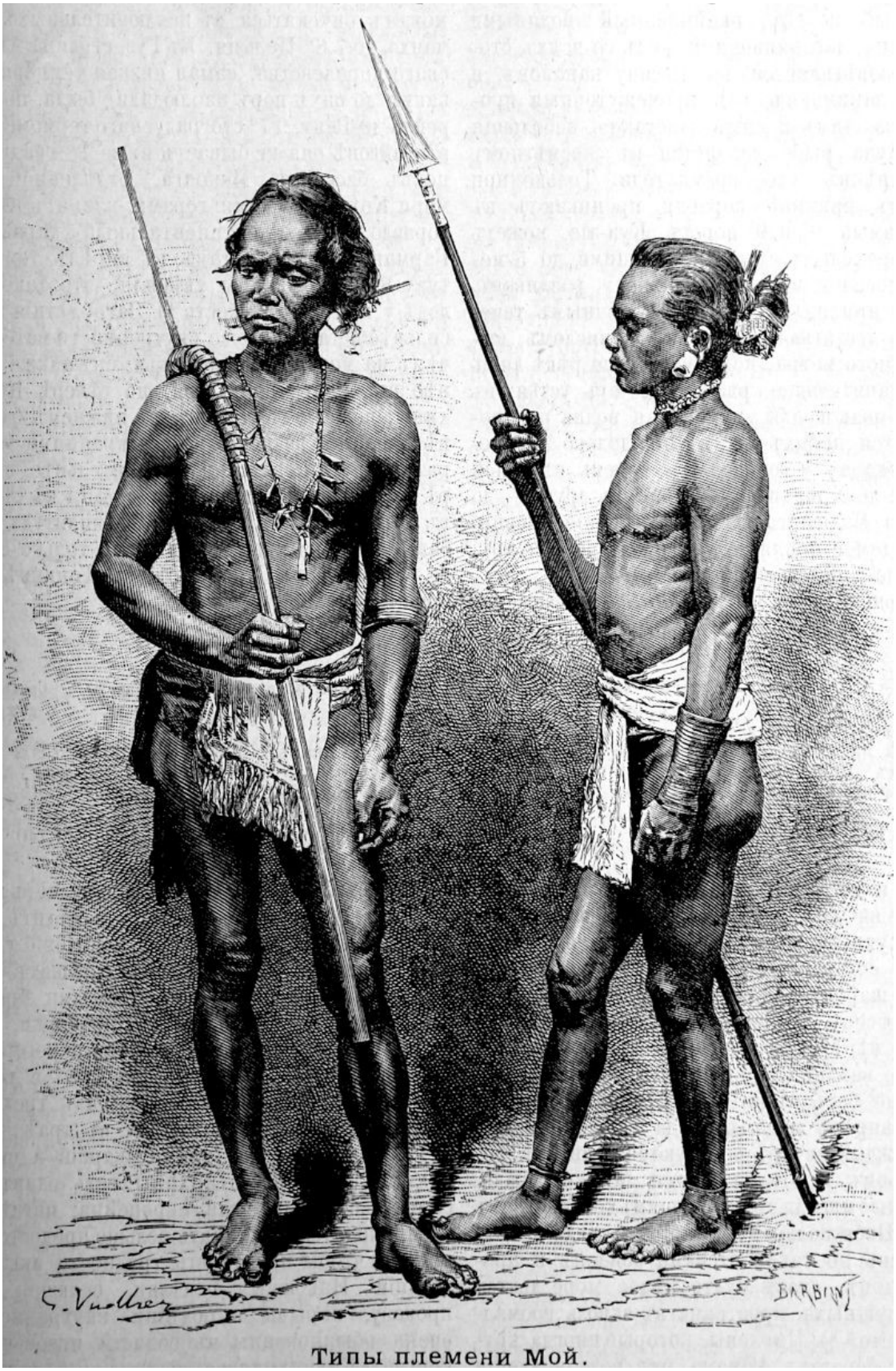
2 Buchard, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.

ли питательные растения. На некотором расстоянии от берегов, внутри земель и на островах, болотистая почва, усеянная озерами и прудами, непригодна для большинства культур; завоевать эту почву для земледелия можно было бы не иначе, как посредством искусственной осушки, предпринятой в больших размерах. Так-называемая «Тростниковая равнина», занимающая на северной стороне передней реки обширное протяжение, есть одна из этих земель, некогда покрытых морем, которые теперь составляют часть континентальных пространств, но где площади пресной воды, скрытые под лесом тростника, застаиваются на почве по несколько месяцев после периода наводнений; туземцы могли обратить под пашню только окраины этих болот, по берегам рек, быстро утекающих во время спада вод[1]. Даже на землях, повидимому, обсохших, часто бывает, что под поверхностным слоем, отвердевшим вследствие испарения, подпочва остается болотистою. Поверхность поддерживает легкие соломенные шалаши туземцев, но более тяжелые постройки неминуемо исчезли бы: слишком глубокая закладка фундаментов пробила бы верхнюю, оказывающую сопротивление, кору, и строительные материалы увязли бы в топком болоте[2]. Некоторые каналы окаймлены землями до такой степени жидкими, что углубление их при помощи землечерпальных снарядов оказывается совершенно бесполезной работой: вынутый ил тотчас же заменяется новою грязью, сочащеюся с берегов. Равнины перерезаны по всем направлениям извилистыми руслами, куда стекают воды разлива Меконга и других рек дельты. Нынешние властители края оставили за этими потоками имена, данные им первыми португальскими мореплавателями; лучше было бы употреблять французские слова, как «ruisson», «estey»; «bayou», которыми пользуются жители Сентонжа, гасконцы, креолы Луизианы.

Объем жидкой массы Меконга еще не был измерен с такою же точностью, как объем Иравадди, Миссисипи и больших рек Западной Европы. В Лахоне, в стране Лаос, Делапорт исчислил сток реки, или объем протекающей в секунду воды, в 1.350 кубич. метров, но тогда был конец сухого времени года. В Бассаке, ниже впадения притока Се-Мун, Френсис Гарнье нашел 9.000 кубических метров, 5 декабря, в то время, когда уровень воды уже понизился на 9 метров и средняя скорость течения не превышала одного метра в секунду. Вычисление дало ему слишком 50.000 кубич. метров для расхода воды во время большого разлива; в месте бифуркации дельты дебит, будто бы, достигает 60.000 или 70.000 кубич. метров[3]; а по Буланжье, и эти огромные числа еще ниже действительности[4]. Как бы то ни было, средний объем протекающей в секунду воды нужно считать не менее 12.000 кубич. метров. Таким образом, Меконг, по величине, соперничает с Иравадди, хотя во всей верхней части его течения цепи гор задерживают двойным или тройным валом движение дождливого муссона; в нижней области бассейна, к югу от страны лаонцев, наибольшая часть облаков разрешается в дождь на западной отлогости гор Кохинхины. Вода в Меконге, мутная в период мелководья, становится желтою от ила в месяцы наводнения, и до большого расстояния в море поток, содержащий землистые частицы, утратил свою прозрачность. При всех устьях удар набегающей с открытого моря зыби о речное течение заставляет последнее отлагать часть своего ила, вследствие чего при входе образуются банки. Обширный треугольный полуостров Камао, продолжающийся на юго-западе дельты, есть целиком «дар реки»; медленный поток, окаймленный «водяными пальмами», заслоняющими вид со всех сторон, разветвляется на тысячу каналов, и болота занимают все промежуточные пространства: там и сям залегают небольшие озера, куда рыба удаляется в несметном множестве в сухое время года. Только при высоком приливе корабли проникают в реку; самый низкий порог, Куа-тие, может быть переходим судами, имеющими до 5 метров посадки в воде. В эпоху разливов, морской прилив, отражаемый речным течением и достигающий, средним числом, высоты одного метра, поднимается по реке лишь на незначительное расстояние от устья; в сезон мелководья, при-

1 Silvestre, „Guide de l'explorateur dans le bassin du Cambodge".
2 Boulangier, „Revue scientifique et litteraire", 1880.
3 „Voyage d'exploration en Indo-Chine".
4 „Excursions et Reconnaissances", IX, 1881.

ливная волна распространяется вверх по течению далеко за «Четыре рукава» у города Пном-пень, с одной стороны до Хонских порогов, с другой—до бассейна Большого Озера; изменение уровня, производимое приливом в этом резервуаре, составляет около дециметра[1].



Типы племени Мой.

Заключенная на всем своем протяжении в пределах тропического пояса, Кохинхина при-

1 J. Moura, „Le Royaume du Cambodge".

надлежит к числу жарких стран. В Тонкине, где бывают сравнительно самые большие холода, термометрический столб ртути может опускаться в исключительных случаях до 7,6° Цельзия. В Гуэ, столице Аннамского королевства, самая низкая температура, какую до сих пор наблюдали, была, по Дютрейль-де-Рену, 17° стоградусного термометра, а в Сайгоне она не бывает ниже 18 градусов; но в бассейне Меконга, отделенном от моря Кохинхинскими горами, климат имеет гораздо более континентальный характер. Гарман отметил там, в апреле, температуру 8,6°, и туземцы уверяли, что такой холод у них не редкость[1]. Зато летния жары сильнее и тягостнее во внутренности материка, чем на морском прибрежьи; они также сильнее в дельте Сонг-коя, на севере Кохинхины, нежели в Сайгоне, в нижнем бассейне Меконга; разность между крайними температурами становится все значительнее, по мере того как поднимаешься с юга к северу: в то время как в Сайгоне амплитуда колебаний температуры составляет только от 8 до 9 градусов, в Ганое, в Тонкине, она превышает 28 градусов.

Климат Тонкина и французской Кохинхины:

	Средняя температура года	Самый теплый месяц	Самый холодный месяц	Разность	Средняя дождя
Ганой, под 21° с.ш. (2 года наблюд.)	23,5° Ц.	июнь, 31,4°	январь, 14,3°	17,1°	1,802 метр
Гуэ, под 16°30' с.ш. (1 год наблюд.)	"	июль, 34°	декабрь. 22,7°	11,3°	"
Сайгон, под 10°43' с.ш. (7 лет наблюд.)	27,01°	апрель, 29,85°	февраль, 27,0°	2,85°	1,740 метр

Как и в Индии по сю сторону Ганга, год делится на два времени: сезон дождей и сезон засухи, но воздух всегда влажен; обыкновенно считают еще третье время года—период жаров, предшествующий юго-западному муссону. Перемены времен года, по крайней мере в восточной Кохинхине и особенно во впадине Тонкинского залива, происходят не без резких воздушных революций. В апреле месяце, когда наступает муссон, каждый вечер образуются тучи, где гремит гром и откуда льются потоки дождя, смешанные иногда с небольшим количеством града. «Небо падает», говорят тогда туземцы; ливень до такой степени обилен и продолжителен, «как будто целое море льется из воздушных пространств сквозь громадное решето»[2]. Циклоны, которые иногда кружатся на берегах Аннама, при возобновлении муссона, разражаются преимущественно к концу года, в октябре и ноябре. Местное население с такою уверенностью ожидает предстоящего бедствия, что когда заметит признаки, предвещающие скорое появление урагана, то внутри домов жители спешат укрепить стены, подпирая их толстыми бревнами; несмотря, однако, на эти подпорки, часто случается, что циклон срывает перегородки, и дом уносится в вихре. В 1867 г. только три церкви остались на месте из трехсот, которыми миссионеры владели в крае[3].

В одно и то же время жаркий и сырой, климат нижней Кохинхины есть один из самых опасных для европейца; нигде ему не приходится принимать больше предосторожностей, чтобы преодолеть трудности акклиматизации. Накожные болезни, включая сюда проказу, нарывы и болезни внутренностей, очень обыкновенны в области низовья Меконга. «Кохинхинская диаррея», от которой погибли тысячи солдат и моряков, порождается, повидимому, одним паразитом *anguilala stercoralis*, который происходит, быть может, из пресных вод и развивается сотнями тысяч в человеческом теле[4]. Даже когда иностранцы, поселившиеся и прожившие несколько лет в Кохинхине, не страдают никакою специальною болезнью, они делаются анемиками (малокровными), и если не уедут обратно в Европу, рискуют угаснуть от истощения сил, даже не кажась больными[5]. Однако, смертность между европейцами стала теперь гораздо менее сильна, чем в первые годы оккупации, благодаря ассенизированию городов и более глубокому ознакомлению с местными болезнями и с гигиеной, которой должно следовать. Впрочем, по действующему уставу, пребывание европейских чиновников огра-

1 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", janvier 1879.

2 Combes, „Annales de la Propagation de la Foi", 1855.

3 Cezon, тот же сборник, 1868 г.

4 Normand; Wernich, „Geographisch-Medicinische Studien"; Mahe, „Dictionnaire encyclopedique des sciences medicales"; Ollivier, „Observations en Algerie, Chine et Cochinchine".

5 Bouillevaux, „L'Annam et le Cambodge".

ничено двухлетним сроком, так как третий год признан по опыту годом климатерическим, т.е. годом наибольшей опасности для жизни европейца[1]. Впрочем, тамошний климат представляет одну немаловажную выгоду: нет страны, где бы поранения всякого рода заживали быстрее и без лихорадки. Вообще говоря, климат гористых местностей гораздо здоровее: однако, большинство лесов нездорово: внизу господствует болотная лихорадка, выше—лихорадка лесная, которая угрожает аннамитам равнины столько же, как и европейцам[2]. До сих пор французы еще не основали санитарных городов на каком-нибудь горном плато; впрочем, вершины, достаточно высокие, чтобы можно было пользоваться там укрепляющим горным воздухом, не встречаются в пределах их владений. Англичане нашли наиболее благоприятный пояс для основания своих санаторий на высоте от 2.000 до 2.200 метров; но в восточном Индо-Китае мало горных вершин, которые достигали бы этой высоты. Торель полагает, что плоскогорье Сараван было бы, в соседстве французских владений, наиболее удобною местностью для основания санитарного города.

С тех пор как французы утвердились в нижней Кохинхине, флора этой страны стала известна, и ботанические исследования постепенно были распространены на Камбоджу, бассейн Меконга и горы Аннама. Слишком 12.000 растительных видов были обследованы в восточном Индо-Китае[3]. На берегу моря болотистые пространства и затопленные земли покрыты ризофорами (корнепусками), панданами, пальмами каламами, с длинным и гибким стеблем, как у тростника. Между этой зоной морского прибрежья, флора которой еще не изменилась под влиянием человека, и областью гор, где девственные леса еще сохранили бесконечное разнообразие своих типов, простираются рисовые поля, сады, рощи кокосовых и арековых пальм, культивируемые аннамитами; эта область есть, вместе с полуостровом Малаккой, самая богатая страна Азии по разнообразию и обилию плодов; в этом отношении Индо-Китай далеко превосходит полуостров по сю сторону Ганга[4]. Равнины нижнего Меконга и восточная покатость водораздельной цепи Аннама и Тонкина во многих местах совершенно лишились своей самопроизвольной флоры; употребляемая туземцами система культуры, состоящая в выжигании лесов в конце сухого времени года, для того, чтобы бросить зерно в пепел, имела следствием опустошение некоторых местностей. Выше в поясе гор Лаоса и земли Мой, заключенном между 500 и 1.500 метров высоты, тянутся девственные леса, где растения Гималаев, Китая, Японии перемешаны с индо-китайскими видами и где встречаешь даже анемоны, фиалки, камнеломки, как в Западной Европе. Там растут деревья, наиболее ценимые для построек и столярных изделий, как-то: тек, деревья железное, лаковое, орлиное, из которых последнее издает, при горении, восхитительный аромат; в Аннаме употребление его присвоено исключительно королю и богам: его жгут только во дворце и в храмах. Равным образом одна разновидность корицы принадлежит исключительно государю; высоко ценимая в тонкинской фармакопее, она продается контрабандным путем до сотни франков за унцию[5]. Ботанический сад в Сайгоне обладает большинством растительных видов, найденных во внутренних областях; он заключает все лесные породы Индо-Китая и соседних стран. Кроме того, промышленные растения тропического пояса, кофейное дерево, лавр коричный, гвоздичник, мускатное дерево, индигоносница, перечник, сахарный тростник, деревья гуттаперчевое и каучуковое, хлопок, ваниль, джута представлены во всех их разновидностях; посаженные в этом саду деревья и растения считают десятками тысяч. Несмотря на баснословное богатство их флоры, аннамиты ограничиваются обыкновенно культурой небольшого числа видов; рис, которого здесь существует около сорока разновидностей, составляет их главное хлебное растение, а молодые побеги бамбука заменяют им овощи; для выделки циновок, решеток, веревок, корзин, даже сосудов и большинства предметов

1 Morice, „Revue d'Anthropologie“, 1875.
2 Thorel; Mahe; Normand etc.
3 Pierre, „Flore generale de l'Indo-Chine"; E. Blanchard. „Reunion des Societes savantes en 1879“.
4 Otto Kunze, „Um die Erde".
5 Theurel, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1868.

омеблирования, для постройки домов и барок им достаточно бамбука. Недавно во Франции было много толков о кохинхинском диком винограде, как могущем заменить виноградные лозы, истребленные филлоксерой; но эта индо-китайская лиана дает лишь терпкие плоды, из которых получается отвратительный напиток.

Фауна Аннама сходна с животным царством Передней Индии. Она заключает в себе слона, носорога, дикого буйвола, а также один вид быка, *дзин*, который, может быть, есть то же самое, что и животное, известное у племени мишмп под именем минут. «Владыка тигр» рыскает в лесах Аннама, как и в лесах центральной Индии, гоняясь за оленями и козулями; аннамиты редко нападают на него прямо; они обыкновенно ловят его, устроивая западни—прикрытые сверху ветками и хворостом глубокия ямы; но во французской Кохинхине начинают охотиться на тигра из засады, подстерегая его из шалашей, так как правительство выдает премию за истребление кровожадных зверей (число опасных диких животных, убитых во французской Кохинхине в 1880 году: 84 тигра, 22 пантеры, 17 диких буйволов). Туземцы смотрят на тигра как на бога, и носят его зубы в виде амулеток; чтобы отвратить его гнев, жители округов, часто посещаемых страшным зверем, прибивают снаружи своих домов цветные бумаги, где написаны похвалы ему. Аннамиты приручают слона, как это делают их соседи, жители Камбоджи и Сиама, но употребляют его на работу реже; больше всего они пользуются для перевозки своих произведений буйволом; они утилизируют также вола для обозов и даже для езды. Лошади аннамские малорослы и слабосильны, но теперь их заменяют более сильными животными, привозимыми из Индии и Австралии. Кохинхинская собака—довольно независимое животное, мало заботящееся о своем хозяине и редко ласкаемое им. В сельских местностях Тонкина, Аннама и Камбоджи каждый скотный двор заключает в себе не малое количество свиней, а птичьи дворы богаче курами, гусями и утками, чем большинство европейских ферм. Рыба тоже входит значительной долей в состав животной пиши аннамитов и камбоджийцев. Последние со страстью занимаются ловлей крокодилов, мясо которых, особенно мясо хвоста, кажется им очень вкусным. Равным образом, гнилая рыба и питающиеся ею червяки, а также сырые кузнечики составляют лакомые блюда у жителей страны[1].

Населения, еще дикия, восточного Индо-Китая, оттесненные на западе сиамцами и лаонцами, на востоке и юге аннамитами, на юго-западе камбоджийцами, живут только в области лесов, на плоскогорьях и в долинах гор. Большинство их известно под генерическим именем: это мюонг тонкинцев, ха сиамцев, пном камбоджийцев, мои аннамитов, лоло китайцев; на границах французской Кохинхины, около истоков Донная, они называют себя трао[2]. Торель причисляет эти дикия племена к большой семье альфурусов Океании. Как бы то ни было, эти народцы, рассматриваемые в их совокупности, живут малочисленными группами, изолированными одна от другой, и лишь изредка встречаются между собою для торгового обмена или вооруженных столкновений; национальное их оружие—лук, из которого они пускают отравленные бамбуковые стрелы на расстояние свыше 190 метров; кроме того, они употребляют в дело и топоры. Все они земледельцы, но не имеют других полей, кроме прогалин, полученных путем лесного пожара; все прибавляют к урожаю продукты охоты и сбора плодов в лесах; но перед жатвою им часто случается терпеть недостаток в продовольствии, и тогда они принимаются за пресмыкающихся, разных мелких зверков, червей и предпринимают воровские экспедиции. Вообще, племена восточного Индо-Китая, хотя непохожия друг на друга во многих отношениях, имеют общие этнографические признаки: средний рост, смуглый цвет кожи, более темный, чем у аннамита, менее черный, чем у индуса, сдавленный череп, округлое лицо, менее плоское, нежели у монголов, прямые и горизонтальные глаза, очень большой рот и огромные челюсти. Борода у моев гуще, чем у аннамитов и китайцев; кроме того, они имеют бакенбарды, и торс у них слегка оброс волосами. Выражение лица у

1 „Journal officiel de la Republique francaise", 16 septempre 1875.

2 Nels et Septans, „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

них кроткое, но оно редко озаряется улыбкой: когда они хотят выказать радость, они раскрывают широко рот[1].

По Комбу, все дикари, которые живут в обширной стране, простирающейся между Аннамом, Лаосом и Камбоджей, принадлежат к одной и той же семье; физиономия, черты, верования, нравы и обычаи сходны у всех племен, и хотя языки очень разнятся между собою, однако, большая часть словаря во всех одинакова и синтаксис их совершенно тожествен. Эти наречия нисколько не похожи на диалекты аннамитов: они отличаются очень простой конструкцией, плавным и легким произношением. Очень богатые выражениями, относящимися к предметам и явлениям природы, к земледельческим работам и к торговле, идиомы этих дикарей почти совсем не имеют слов, обозначающих отвлеченные понятия; за исключением говора мюонгов Черной реки и некоторых других племен Тонкина[2], ни один из этих языков не имеет письма; оттого *лабаар*, или «говорящая бумага», пользуется в горах Аннама мистическим влиянием, столь же могущественным, как и у негров внутренней Африки[3]. Аннамиты и китайцы наперерыв друг перед другом злоупотребляют простодушием туземцев; они знают, что из-за удовольствия надеть себе на шею ожерелье из зеленых или красных бус, дикари не задумаются пожертвовать будущностью женщин и детей и заранее обрекут их на рабство[4]: имя мои, в Кохинхине, еще недавно было синонимом невольника[5], как имя ха в стране Сиам. Во многих округах пояса, окружающего территорию цивилизованных аннамитов, ходят на охоту за детьми, все равно, как пошли бы охотиться на оленя. Живя в постоянном страхе, мои или трао, по большей части, чрезвычайно пугливы, но и им иногда случается в стычке убивать нападающих на них людей. В этом случае обычай племени трао требует, чтобы тело убитого врага было съедено сообща всеми жителями деревни[6].

Северные дикари, вообще, цивилизованнее южных, благодаря, без сомнения, соседству Китая, откуда промышленность, науки, искусства распространялись постепенно в южном направлении. Между этими образованными племенами одно из самых замечательных—племя до или лава, которые живут к западу от Меконга, в горах, соседних с Юннаном; отличаясь торговым духом, они возделывают различные земледельческие произведения для вывоза в Китай, в особенности хлопок; они регулярно спускаются с гор на рынки и, обращенные в буддийскую веру, выказывают не меньшую религиозную ревность, чем лаонцы окрестных местностей. К востоку от Меконга живут те племена, известные под именем «Тринадцати Мюонгов», которые отличаются знанием письма; они имеют силлабическую азбуку из 36 знаков, и употребляемая ими система счисления состоит из девяти единиц. Очень промышленные, они ткут шелк, хлопок и другие прядильные вещества, знают также искусство крашения тканей. Семьи их очень многочисленны, но в соседстве равнин большинство детей выкрадывается и обращается в рабство китайскими бандитами[7]. Не к этим ли мюонгам следует причислить нагамских мео, которые, по словам миссионера Фиота, насчитывают не менее 6.000 домов в многочисленных селениях? Они одеваются по китайской моде и даже говорят китайским языком, более или менее испорченным; религия их состоит из культа предков. Тщательно избегая сношений с населениями другого корня, они имеют домашних животных различных пород и возделывают даже овощи, которые не встречаются у их соседей и семена которых они отказываются давать посетителям.

На юге Тонкина различные племена ха, известные под местными названиями, как-то: со, суэ, пу-тай, бру и брао, гой и гай, темеп, ягун, боловен, алак, те, тсу, прун, лове, титай[8], за-

1 Thorel, „Voyage d'Exploration en Indo-Chine".
2 Courtin et Villeroi d'Augis, „Excursions et Reconnaissances", XI, 1881.
3 Combes, „Annales de la Propagation de la Foi", 1855.
4 Moty, „Excursions et Reconnaisances", IV, 1879.
5 Silvestre; Henry, тот же сборник, IV.
6 Neiš et Septans, цитированный мемуар.
7 Courtin et Villeroi d'Augis, цитированная статья.
8 См. карту Дютрейль-де-Рена,

нимают лесные прогалины и плоскогорья водораздельной области. Почти все эти туземцы, столь же пугливые, как лесные звери, убегают при приближении аннамитов, которые, впрочем, и сами боятся их, как колдунов. Рассказывают об одном народце ха, что он обитает в двух деревнях, называемых одна—«Готовое пламя», другая—«Готовая вода», и что этим людям стоит только сделать знак, чтобы уничтожить своих врагов пожаром или потопом. Так же, как средневековые географы, жители Камбоджи представляют себе обитателей этих малоизвестных областей какими-то чудовищами, отличными от других людей: по их понятию, ха одного племени имеют, будто бы, в груди отверстие в роде клапана, который они открывают, чтобы чистить себе желудок с помощью палки[1].

Наиболее известны из племен ха те, которые населяют водораздельную область между нижним Меконгом и аннамитскою провинцией Бинь-динь, как-то: чангрaй, гиарай, радех, банар, седанг, стиенг. Между этими дикарями промышленностью особенно славятся гираи, изделия которых отличаются сравнительно наибольшим искусством и лучшим вкусом: выделываемые ими ткани, очень тонкой работы, украшены прелестными узорами; вещи из хорошо закаленного железа имеют изящную форму; медные инструменты свидетельствуют о замечательном промышленном развитии. Что касается седангов, то можно сказать, что они составляют народ кузнецов; по окончании полевых работ, жители семидесяти деревень принимаются за добывание руды из многочисленных залежей и выковывают земледельческие и другие орудия и оружие, которые и продают своим соседям, в обмен на ткани и сельские произведения. Таким образом, между этими населениями установилось разделение труда. Галанги собирают в небольшом количестве блестки золота в песке своих речек и продают их лаонцам; но главную статью торговли составляют невольники, захватываемые в плен в войнах между отдельными племенами. Обычай родовой мести существует у всех этих народцев. «Отмсти за себя! не сегодня, так завтра!»—таков любимый девиз дикарей[2].

Банары, или ба-хнары, родственные по языку своим северным соседям, седангам, составляют, между населениями страны, одно из тех, которые всего лучше сохранили древние предания; в то же время между туземцами нет народца, который был бы лучше изучен европейцами. Миссионер Комб, проживший несколько лет в земле банаров, определяет число их в 25.000 человек. Посреди их деревень, которых насчитывают около сотни, стоит большой общий дом, где справляются празднества и религиозные церемонии и который мог бы, в случае надобности, служить крепостью, благодаря солидности его постройки. Вместе с тем, это —«мальчишник», где молодые люди и холостяки проводят ночь. Дети, разлучаемые с матерью со дня отнятия от груди, воспитываются в этих общественных «дворцах», более обширных и более красивых, чем большинство подобных зданий у других дикарей Индии. Молодой человек признается за мужчину только после того, как он заключит с товарищем договор дружбы, опорожнив полную чашу их смешанной крови[3]. Для ратификации мирных трактатов соблюдают подобные же церемонии; но в этом случае уполномоченными, смешивающими свою кровь, являются мужчина с одной стороны, женщина—с другой: мир облекается в форму брачного союза. Дух общинной солидарности очень силен у банаров: никогда семья не станет пить приготовленное ею пальмовое вино или есть добычу охоты, без того, чтобы не пригласить своих соседей и не дать им такой же доли, как её собственная; даже когда ребенок поймает ящерицу или мышь, он непременно подождет своих товарищей, чтобы сварить и съесть животное вместе с ними. Каждая деревня составляет маленькую республику, где старики являются естественными советниками; но необходимо общее согласие для того, чтобы то или другое решение могло быть приведено в исполнение. Глава семейств есть в то же время великий жрец, «тот, который представляет воду демону», но один он не довольно могуч, чтобы заклинать злых духов, и должен прибегать к содействию чародеек, которые умеют толковать полет и пение птиц, и главное, разоблачать замыслы и козни кол-

1 Adolf Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder“.

2 Combes, цитированная статья; Dourisboure, „Les Sauvages Ba-hnars”.

3 Mouhot, „Travels in the Central parts of IndoChine”.

дуний, или *денг*, которые, даже во время своего сна, могут навлечь всякия напасти на племя[1]; избавляются от этих колдуний обыкновенно таким образом, что продают их в рабство лаонцам. Обычай ордалий, или суда божьего, особенно посредством кипящего дегтя, расплавленного олова, продолжительного пребывания под водой, еще в большом ходу у банаров. Подобно многим другим диким народам, банары сжигают вокруг трупов все вещи, которыми пользовались покойники, дабы умерший не пришел беспокоить живущих, требуя от них своей собственности. Не имея рабочего скота, который позволял бы им глубоко распахивать землю, банары покидают свои становища через каждые три года, чтобы искать другой годной для культуры почвы, которую они огнем освобождают от чащи мелкого кустарника. Семена риса, которые они приносят со старых полей на новые, хранятся с благоговейною заботливостью, и тот, кто вздумал бы продать их, был бы тотчас же поражен смертью демонами. Первый рис нового урожая съедается втихомолку, и во время этой важной операции банары с ужасом посмотрели бы на чужого человека, проникающего в их жилище. Они считают в году, как имеющие действительное существование, только восемь месяцев земледелия; период с декабря до апреля, когда поля отдыхают, считается как бы несуществующим[2].

Самая многочисленная раса области, заключающейся между Меконгом и восточною покатостью Аннама,—чанграи, укрепленные деревни которых рассеяны на пространстве слишком 400 километров к северу от французской Кохинхины. Они говорят наречием, близко подходящим к малайским идиомам, что объясняется вековыми торговыми сношениями, которые туземцы внутренности страны поддерживали некогда с юго-восточным побережьем, очень часто посещаемым малайцами. Радехи (рде), обитающие в той же горной области, где и чанграи, и на востоке и на севере, отличаются от своих соседей белизною лица: черты их напоминают, говорят, черты европейцев; но, как большинство аборигенов Китая и Индо-Китая, они имеют привычку вытягивать себе уши, так чтобы нижняя мочка висела над плечом. Они живут в обширных домах, где каждая семья имеет свое отдельное пространство или свой квадрат. Все население деревни соединено в одном строении, без наружной двери, доступном только посредством высоких лестниц, приставленных к стене; таким образом, мы встречаем на оконечности Азии здания, похожия на постройки зуньев и других народцев Новой Мехики и Аризоны. Подобно банарам, радехи меняют становище после нескольких лет пребывания, чтобы обратить новые земли в пашни; но их религиозные церемонии отличаются от церемоний других племен; они приносят жертвы теням предков, рекам, священным деревьям, и особенно камням различных форм, воздвигнутым в их домах. Иногда некоторые радехи спускаются с гор до рынков на Меконге, куда они ходят обменивать воск, слоновую кость и грубо сделанные сосуды. Все эти племена искусны в тканье материй, в резьбе на дереве, в выделке глиняной посуды; наименее искусны из них стиенги. Последние не имеют промышленности в собственном значении слова и приносят на аннамитские или камбоджийские рынки, для обмена на домашнюю утварь китайского производства, на ткани и рис, только продукты охоты или сбора плодов в лесах[3]. Что касается трао, которые живут к востоку от биенгоа и бариа, во французской Кохинхине, то им, кажется, грозит опасность исчезнуть в скором времени с лица земли, вследствие болезней и уменьшения численности детей. Принадлежала к числу самых маленьких между людьми, они едва превосходят, по росту, лопарей (рост мужчин 1,555 метров, рост женщин 1,462 метра; среднее 1,508 метр.)[4].

Кроме названных народцев, в этой стране есть племена, составляющие, повидимому, рассеянные обломки существовавших некогда цивилизованных наций. Так, шамы (хиам, циам или хой), рассеянные в юго-восточной области индо-китайского полуострова, преимущественно в Камбодже и на высоких плоскогорьях главной цепи, между провинциями Бинь-

1 Combes, „Annales de la Propagation de la Foi", 1855; A. Bastian, „Geographische und Ethnologische Bilder".

2 Ad. Bastian, цитированное сочинение; „Zeitschritt fur Ethnologie", I.

3 Morice, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1875.

4 Neis, „Excursions et Reconnaissances", VI, 1880.

Туан и Нга-Тран, рассматриваются всеми писателями как потомки циампойцев, или жителей Циампы, постепенно оттесненных аннамитами и китайцами. Государство Циампа, повидимому, было некогда могущественнейшею империей Загангского полуострова; по словам

Королева Камбоджи.

миссионера Гагелина, этому царству принадлежало все континентальное пространство, заключающееся между течением Менама и Тонкинским заливом; память о могуществе циампойцев живет еще в самом имени Кохинхина, в котором находятся китайские знаки Ко-

Чен-Чин, т.е. «бывшая Циампа»[1]. Одна из первых столиц этого государства, лежащая близ границы Тонкина и южной Кохинхины[2], носила имя Чен-Чин. Но древние шамские надписи, которые, быть может, раскроют историю нации, еще очень мало известны[3]. По общепринятому мнению, шамы принадлежат к малайской семье; отличаясь от других обитателей Индо-Китая, исключая, может быть, чанграев, они живут особняком в лесах и строят себе, позади чащи бамбуков, образующей нечто в роде занавеса, хижины на очень высоких сваях, сообщающиеся с почвой только посредством приставных лестниц, убираемых по вечерам. Шамы, вообще говоря, немного выше ростом, чем аннамиты, крепче сложены и сильнее; скулы у них менее выдающиеся, лица менее плоские, глаза более открытые; они отличаются между всеми азиатцами большою выпуклостью задней части тела: в этом отношении их женщины почти походят на готтентоток. Шамский язык состоит, почти на треть, из малайских слов, к которым примешаны некоторые аннамитские и камбоджийские выражения; более половины словаря не имеет никакого сходства с идиомами окружающего населения[4]. Хотя малочисленные, шамы делятся на две различные религии. Те, которые сохраняют свое этническое имя, не едят мясо коровы и вообще питают отвращение к этому животному. Умерших они сжигают, предварительно продержав и «прокормив» их два или три месяца, смотря по средствам; затем собирают пепел в сосуд, который зарывают в землю, бедные просто под деревом, богатые в мавзолее. Класс шамов, называемых бах-ни, т.е. «люди религии», происходит от прозелитов магометанства; бах-ни практикуют обрезание, не пьют крепких напитков и с ужасом смотрят на свинину, которая составляет главную животную пищу китайцев и аннамитов. Но многие из их религиозных верований и обрядов, как поклонение солнцу и луне, употребление магической палочки, кровавые жертвоприношения, восходят, вероятно, к эпохе, предшествовавшей обращению в магометанскую веру. Женщины класса бах-ни строго добродетельны, оттого раса остается чистою, без примеси чужой крови; эти шамы сохраняют гордость, храбрость, совершенное прямодушие—качества, которыми они так резко отличаются от своих соседей аннамитов[5]. Другие шамы, во многих местностях горной страны, живут в добром согласии с дикарями и частью даже смешались с ними. Неис и Септанс посетили деревни, жители которых, шамы и трао, говорили безразлично на обоих языках и практиковали одни и те же обычаи[6]. Некоторые шамы живут близ озера Тонлесап, рядом с малайцами, быть может, их единоплеменниками. Малайская или шамская хижина дает кров целому роду, начиная отцом с матерью и кончая правнуками; иногда таким образом до двадцати лиц соединены в одном жилище.

Горы Камбоджи, на севере и на юге Большого Озера, населены дикарями, как и высоты Аннама. Самре, живущие в гористых областях между Тонле-сап и Сиамским заливом, воздвигают свои хижины на стволах деревьев, срубленных на высоте 2 или 3 метров над уровнем почвы, и не знают других промыслов, кроме звероловства и сбора лесных плодов; они платят подати камедью и драгоценными породами дерева. Куи, обитающие в северной Камбодже,—все кузнецы, подобно седангам: они превращают красный железняк, находимый ими в большом количестве в крае, в чугун превосходного качества, далеко превосходящий металл, привозимый из Европы и гораздо выше ценимый камбоджийцами и аннамитами[7]. Племя прак, тоже бродящее в лесах Камбоджи и уверенное, что платимая им дань, состоящая из воска и камеди, обеспечивает его от обращения в рабство, отличается от соседних наций тем, что у него сохранились еще матриархальные нравы. По смерти родителей, имущество делится поровну между дочерьми; сыновья же не наследуют. Праки вообще народ рос-

1 Luro, „Le Pays d'Annam".

2 Dutreuil de Rhins, рукописные замктки.

3 Aymonier, „Academie des Inscriptions et Belles-Lettres", 9 dec. 1881.

4 Morice, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1875.

5 Tabard, „Annales de la Propagation de la Foi", 1830; Morice, цитированная статья; Bastian, „Die Volker des Oestlichen Asien".

6 „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

7 Boulangier, „Excursions et Reconnaissances", X, 1881.

лый и хорошо сложенный, но они уродуют себя, подрезывая верхние передние зубы до уровня десен и заостривая концы зубов нижней челюсти[1]; происхождение этого обычая они объясняют тем, что не хотят «походить на обезьян». Они носят также тяжелые латунные наручи, обвитые вокруг руки от локтя до кисти.

Камбоджийцы, или хмеры, как шамы,—раса, пришедшая в упадок. В наши дни, то, что уцелело от этой нации, разделено между двумя королевствами: на западе, округа, которых ручьи и реки спускаются к озеру Тонле-сап, присоединены к Сиаму; на востоке, маленькое государство, заключающееся между Сиамским морем и течением Меконга, между Большим Озером и французскою Кохинхиной, состоит под «покровительством» Франции. Теперь всего только около полутора миллиона индивидуумов присвоивают себе имя камбоджийцев, и чужеземцы живут в большом числе среди них. Но предания, исторические документы, здания свидетельствуют о политическом могуществе прежнего государства. Камбоджа имела свой период преобладания в Индо-Китае и во время своего цветущего состояния поддерживала постоянные сношения, с одной стороны, с полуостровом Передней Индии, с другой—с островом Явой. Близ берегов Большого Озера находился один из центров индусской цивилизации. Названия столиц, имена королей Камбоджи и особенно скульптурные произведения и архитектурный стиль храмов. наконец, язык, имеющий близкую связь с идиомами арийского корня[2], напоминают влияние, которое оказывали последовательно браманизм и буддизм на культуру жителей. Легенда, признаваемая в Камбодже за историческое сказание во всех её подробностях, рассказывает, что один индусский государь уроженец Индраспати (прежнее название Дели), переселился, за двадцать три столетия до нашего времени, в бассейн Большого Озера, с десятью миллионами своих сограждан. Нынешняя династия претендует, с своей стороны, на происхождение от одной фамилии из Бенареса. Но самые деятельные сношения, повидимому, существовали между Камбоджей и страной Ланка, или Цейлоном, островом, которому общность религии придавала, в глазах камбоджийцев, почти священный характер. Когда хмер построит себе дом, соблюдая все предписанные правила, для того, чтобы злой рок навсегда был устранен от него, когда он впустит туда домашнего кота, будущего хранителя дома, и хочет сам вступить в свое жилище, то человек, стоящий на пороге двери, останавливает его жестом, спрашивая: «откуда ты?»—«Я из Ланки,—отвечает владелец,—я переплыл море, моя барка разбилась, и, очутившись без приюта, я приношу то, что удалось спасти от кораблекрушения; прихожу поселиться в этом необитаемом доме»[3]. Таким образом, Ланка и Северная Индия способствовали та и другая начаткам камбоджийской цивилизации и должны были оказывать, через смешение посредством брачных союзов, значительное влияние на самую расу. Имя Камбоджи (Кампушеа, Кампокса) было отожествлено некоторыми историками с Камбоджей санскритской географии, но ошибочно: Камбоджа есть «земля камменов», сиамская переделка имени хмер[4].

Различие физических черт незначительно между камбоджийцами и их соседями сиамцами; отличительные признак по преимуществу—это малая величина черепа: у хмерской женщины средняя вместимость костяного ящика, говорят, на целую четверть меньше объема черепа у китаянки[5]. Профиль лица, вообще, очень правильно очерчен, нос тонкий, так же, как и губы, лоб широкий, взгляд твердый; часто лица имеют нечто повелительное, чего никогда не увидишь у аннамитов; кажется, что в типах хмеров проглядывает след индусской крови. Костюм, очень простой, как и одежда сиамцев, состоит лишь из передника лангути и шарфа, или из куртки с металлическими пуговицами; люди высшего класса стригут себе волосы в форме щетки, по сиамской моде. Подобно большинству других индо-китаянок, камбоджийские женщины привешивают себе к ушам куски дерева или слоновой кости. В горах Пурсат,

1 Bouilleveaux, „L'Annam et le Cambodge"; Harmand, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie".

2 G. Janneau, „Manuel pratique de langue camhodgienne", Saigon, 1870; Gaultier de Claubry, „Ethnographie de l'Annam".

3 Moura, „Bulletin de la Societe de Geographie commerciale de Bordeaux", 17 juillet 1882.

4 Aymonier, „Geographie du Cambodge".

5 Mondiere; Bordier, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", aout 1881.

между Большим Озером и Сиамским заливом, туземные племена, менее цивилизованные, нежели камбоджийцы, жители равнины, принадлежат, как полагают, к той же расе; у сиамцев они известны под именем каммен-донг, или хмеров-горцев. Все путешественники согласно говорят, что камбоджийцы медлительны, апатичны, но терпеливы, выносливы в труде и в существе гораздо более серьезны, чех им соседи, сиамцы или аннамиты; теперешняя приниженность камбоджийцев должна быть приписана нравам, развившимся у них под влиянием рабства[1]. В Кохинхине и в Сиаме боятся их мстительного нрава и даже часто приписывают им дурной глаз[2]. Их религиозные обряды не составляют простой формальности, как обряды большинства других индо-китайцев; брак у них пользуется большим уважением, чем у аннамитов: общественное мнение осуждает всякого мужчину, который, достигнув известного возраста, не женат и не бонза. Женщины верны, но горды и ревнивы. Хотя аннамиты, в качестве завоевателей, выказывают презрение к хмерам, но эти последние, которые еще с гордостью говорят о Мага-Нокор, или «Большом царстве» своих предков, смотрят на кохинхинцев как на людей, принадлежащих к низшей расе, и редко случается, чтобы камбоджийка взяла себе мужем аннамита; почти все метисы—камбоджийского происхождения только по отцу, по матери же они аннамиты[3]. Хмеры очень любят музыку, пение, поэзию: плавая по реке, матросы распевают песни звучным голосом; на барках мандаринов раздаются звуки тамбуринов, гармоники, флажолета. Камбоджийцы обнаруживают гораздо более вкуса, чем аннамиты, в постройке домов и судов. На озере Тонле-сап с первого взгляда узнаешь национальность судовщиков по внешнему виду их барок[4].

Так же, как в Сиамском королевстве, сыновья богатых воспитываются в кумирнях, под руководством талапуанов; они должны приготовляться к жизни заучиванием на память молитв и благочестивых изречений; им обязательно быть монахами прежде, чем сделаться людьми. Многоженство существует только у вельмож; они одни сохранили старинный обычай вступать в брак со своими сведенными сестрами. Богатые имеют также привычку держать умерших в своих жилищах в течение нескольких месяцев, прежде чем предать их сожжению; иные даже погребают временно трупы, чтобы затем истребить вырытые из могилы кости огнем, несколько лет спустя[5]. Что касается бедняков, то они сжигают своих покойников тотчас же после кончины; время хранения мертвых тел измеряется степенью богатства семейств. Буддийские монахи, или *люк-санги*, строгие блюстители религиозного устава, пользуются, вообще, большим уважением, и влияние их значительно. Попытки обращения туземцев в христианскую веру, сделанные католическими миссионерами, не имели до сих пор никакого серьезного результата. Хотя хмерское царство состоит под покровительством французской республики, его политические учреждения нисколько не изменились. Король по-прежнему является «неограниченным властителем жизни и имущества» всех своих подданных. Он выбирает по своему усмотрению мандаринов, не заставляя их проходить через ряд литературных экзаменов, и созывает их дважды в год для исполнения церемонии питья клятвенной воды, в которую погружена священная шпага; стражи, в одно и то же время воины и жрецы, дежурят посменно день и ночь перед этим мечем, напевая без перерыва установленные молитвы. Правосудие, отправляемое судьями, которые сами себе платят жалованье штрафами и повинностями, налагаемыми на тяжущихся и подсудимых, продается тому, кто дороже даст; торговля, составляющая королевскую монополию, сдается на аренду алчным китайским откупщикам; этим и объясняется леность, в которой упрекают хмеров королевства. Понятно, что при подобном режиме камбоджийская раса, несмотря на все её хорошие природные качества, должна была придти в упадок. Рабство еще не отменено, но с 1877 года оно сделалось менее тяжелым, исключая служителей пагод, которых не коснулось

1 Bouilleveaux, Silvestre etc.

2 Morice, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris", 1875; Lemire, „Cochinchine francaise et royaume du Cambodge".

3 Mandiere, „Monographie de la femme de la Cochinchine".

4 Buchard, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880.

5 Aymonier, „Geographie du Cambodge".

это облегчение; обыкновенно невольники получают поденную плату, которая может помочь их освобождению; они не считаются более пожизненными рабами и переходят в состояние «наемников», служителей своих заимодавцев до полной уплаты долга. Что касается государственных или казенных невольников, происходящих по большей части от лиц, осужденных за политические преступления, то они обязаны только служить в течение трех месяцев королю или мандарину; остальное время года они вольны уходить и уезжать куда угодно, возделывать почву и заниматься торговлей в свою пользу[1]. В Камбодже индивидуальная собственность не существует: все земли составляют общинное достояние, которое жители куль-

Камбоджскій принцъ.

тивируют на правах земледельцев-исполовщиков[2].

Господствующая нация на восточной покатости гор и в нижней области Меконга—аннамиты. Гиао-ши (гиао-кии),—таково имя, даваемое господствующей расе,—приближаются к китайцам более, чем всякий другой народ Загангского полуострова; но происхождение их не известно. Большинство писателей причисляет их к синическому (китайскому) корню; другие предполагают сродство аннамитов с малайцами[3]; по Отто Кунце, гиао-ши—единоплемен-

1 Fourds, „Organisation politique du Cambodge", „Excursions et Reconnaissances", XIII, 1882.

2 Willard, „Excursions et Reconnaissances", vol. XII. 1E82

3 Harmand, „Archives de medicine navale".

ники японцев: по словам его, многие обычаи свидетельствуют об общности расы этих двух народов[1]. Согласно преданию и истории, аннамиты постепенно распространились вдоль морского берега, по направлению с севера на юг: долгое время заключенные в пределах Тонкина, где они и теперь еще гораздо многочисленнее, чем во всей остальной Кохинхине, аннамиты мало по-малу одержали перевес над населениями юга и оттеснили циампойцев внутрь страны; только в половине семнадцатого столетия они отвоевали нижний Меконг у хмеров. Эта область, составлявшая некогда часть Камбоджи, справедливо обозначается ныне под именем французской Кохинхины, ибо большинство хмеров были оттуда прогнаны или истреблены; огромное большинство её населения состоит теперь из кохинхинцев; наконец, колонии беглых аннамитов встречаются в некоторых редких местах на западной покатости гор, в землях моев и лаонцев; повсюду, где они являются уединенными группами, они делаются родоначальниками и в короткое время образует важный элемент населения.

Рядом с камбоджийцами и моями, обладающими сильно развитыми мускулами, аннамиты не отличаются видной осанкой. Они малорослы, но пропорционально сложены; тучность встречается у них гораздо реже, чем у китайцев. Недостаток физической силы они выкупают гибкостью членов; особенно ноги у них отличаются замечательною ловкостью: благодаря удалению больших пальцев на ноге, указываемому самим именем гиао-ши, они легко подбирают предметы, находящиеся на земле или на полу, и поднимают их до высоты руки. Поступь их свободная, непринужденная; но у женщин она кажется несколько нескромною, по причине косвенного положения бедер и происходящего от того качания торса[2]. Что касается лица, то оно широкое и плоское, как лицо китайцев, и приближается больше к форме ромба; веко также слегка более скошенное[3]; смотря по воспитанию, месту пребывания, роду занятий, цвет кожи различный, изменяясь от грязно-белого до шоколадного. Борода появляется поздно, и то только над губами и на подбородке. Аннамиты быстро стареются; в пятьдесят лет человек уже выглядит совсем стариком[4]. Как мужчины, так и женщины, вообще менее различающиеся между собою, чем в других странах, чертами лица и голосом, носят длинные волосы и собирают их на верхушке головы, так чтобы уши были открыты[5]. Костюм состоит, у обоих полов, из широких панталон и платья; мужчины не всегда ходят с голою головой, как сиамцы; они носят шляпу в форме конуса, тогда как женщины надевают на голову род круглого подноса, очень легкого, под которым их маленькое лицо едва видно. В то время, как хмеры воздвигают свои хижины по большей части на курганах и песчаных буграх, бывших дюнах, кохинхинцы строят настоящие озерные города на берегу воды или даже в ложе рек[6].

Аннамит кажется холодным и редко позволит себе унизиться до того, чтобы изъявлять удивление чему бы то ни было; он склонен к критике, охотно осмеивает высших; мстит насмешками за вынужденную униженность в отношении великих мира сего. Семья составляет для него своего рода предмет культа: он почитает родителей, советуется с женой во всяком деле и предприятии, воспитывает детей с большою заботливостью. Он отличается большою природною кротостью и мягкостью характера. «Природа великодушна, мы должны подражать ей»—поговорка, очень употребительная в аннамитских семействах. Никогда он не вдастся в постыдные споры и перебранки в роде тех, какие так часто вспыхивают в городах Запада. Мужество его не обнаруживается в нападении; у него нет ни страсти к приключениям, ни любви к борьбе, и он убегает без стыда, когда не имеет никакой серьезной причины принять битву; но он обладает силой сопротивления, стойкостью и умеет умирать так, что ни один мускул на лице не дрогнет. Он любит родную землю и покидает ее лишь с болью в

1 „Um die Erde".
2 Morice; Wernich; Mondiere; Dutreuil de Rhins.
3 Mondiere, „Monographic de la femme de la Cochinchino".
4 Harmand, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 1863
5 Luro, „Le Pays d'Annam"; Richard, „Revue maritime et coloniale"; Pallo, „Expedition de Cochinchine"; Thorel, „Voyage d'Exploration".
6 Gaultier de Claubry, „Bulletin de la Societe de Anthropologie", 3 fasc., 1882.

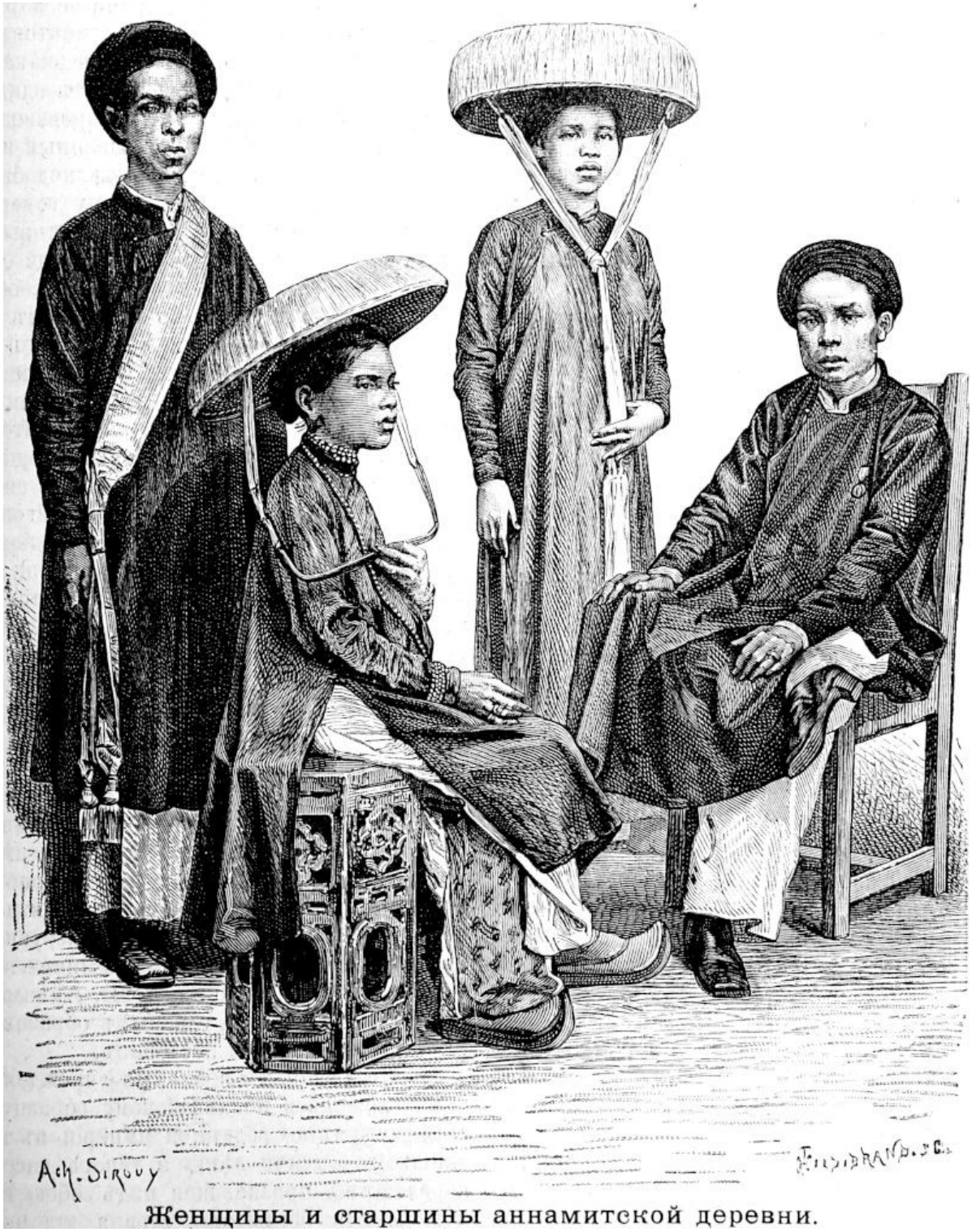
сердце; однако, он отлучается на время, чтобы помочь нуждам своей семьи, и, в качестве торговца или судовщика, предпринимает дальние путешествия. Ум его живой: аннамитские дети учатся с удивительною легкостью; очень любознательные и понятливые, они охотно пользуются представляющимися им случаями к ученью. Благодаря новым школам, открытым теперь в деревнях французской Кохинхины, едва-ли найдется хоть один туземец нового поколения, который не умел бы читать и писать латинскими буквами[1]. Буддисты по имени, аннамиты еще менее набожны, чем китайцы, и так же, как у «сынов Гана», мораль Конфуция проповедуется у них большинством «ученых» только для того, чтобы скрыть насмешливый скептицизм под прекрасными нравственными правилами, завещанными прошлыми веками. Как и в Китае, культ сил природы, культ гениев и предков составляют здесь истинную религию, ту религию, которая вошла в самую жизнь народа. В Тонкине каждая деревня имеет своего духа-покровителя, каждый дух имеет свой храм, и повсюду религиозные обряды различаются, смотря по качествам, приписываемым божествам, по опасностям, которые надлежит устранить, по выгодам, которые нужно получить. Первый католический миссионер в Кохинхине, доминиканец Диего Адварте, высадился на тонкинский берег в 1596 году, и правильная миссионерская деятельность началась с следующего столетия: католицизм приобрел многочисленных прозелитов в народных массах, так что около 1650 года миссионеры насчитывали не менее 420.000 христиан в Тонкине[2]; но затем частые преследования, вызвавшие даже вмешательство Испании и Франции, заставили большинство обращенных отречься от своей веры. Во французской Кохинхине слишком 50.000 аннамитов практикуют обряды католического вероисповедания; в Тонкине насчитывалось в 1878 году до 71.000 христиан.

Иммиграция китайцев, которые группируются в *банги*, или автономные «конгрегации», способствует из году в год численному возрастанию аннамитского населения, ибо между этими пришельцами мало таких, которые являлись бы в сопровождении женщин; они женятся на туземных девушках, и потомки их, известные под именем мин-гюонг, в конце-концов вступают в материнскую расу: после четвертого поколения, черты, полученные ими от китайца, изглаживаются; впрочем, правительство причисляет всех детей к аннамитам[3]. С первого взгляда легко отличить китайцев, недавно переселившихся в край, от их соплеменников-метисов: цвет кожи у них более желтоватый, лицо более плоское, живот менее вздутый. Вообще, мужчины гораздо более уродливы, чем женщины, в смешанной расе. Большие головы с выдающимися скулами, худощавые члены, узкая грудь на толстом животе придают им вид довольно неуклюжий, но женщины отличаются изящным бюстом[4]. Франко-аннамитские помеси, число которых все более и более увеличивается, хорошо выносят тамошний климат, как и аннамо-китайские метисы, или минг-гюонги; дети, очень миловидные, имеют немного вздернутый нос, каштановые волосы и цвет лица несколько светлее, чем у туземцев[5].

Как аннамиты оттесняют моев, так точно китайцы постепенно делают захваты среди аннамского населения. Внутри страны резкий контраст, который представляют в отношении климата умеренное нагорье Юннана и тропические долины индо-китайских горных цепей, затрудняет иммиграцию «детей Гана». Вторжение последних происходит окольным путем, через морское прибрежье; при переходе с берегов Фокиена и Кюантуна к берегам Аннама и Камбоджи акклиматизация легка, и здесь-то и совершается постепенно, шаг за шагом, процесс китайского завоевания. Смешение китайцев и аннамитов через браки, происходящее в полуденной Кохинхине путем мирного переселения, продолжается в северной части Тонкина воинственными нашествиями. Шайки «Черных флагов», овладевшие долиной реки Сонг-

1 Morice, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie de Paris", mars et mai 1876.
2 Retord, „Annales de la Propagation de la Foi", 1856.
3 Villard, „Excurions et Reconnaissances", XI, 1882.
4 Wernich, „Geographisch-medicinishe Studien".
5 Morice, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", fevrier 1875.

кой, на границах китайских провинций Юннана и Куангси, банды «Желтых флагов», стерегущие теснины «Светлой реки», состоят преимущественно из китайцев, которые, без сомнения, мало-по-малу затеряются в массе туземного населения, как это случилось с множеством других шаек, которые им предшествовали. Что касается малайцев Кохинхины, которые по-



Женщины и старшины аннамитской деревни.

чти все—кучера и извозчики в Сайгоне, земледельцы или лодочники в окружающих провинциях, то они гораздо менее смешиваются с аннамитами, так как большинство из них приходят в край со своими семьями; на берегах Меконга и озера Тонле-сап существуют многочисленные малайские колонии, которые основались тут, должно быть, в глубокой древности, так как поселяне не имеют никакого предания о времени их прибытия в край. Индусские иммигранты, известные вообще под именем малабарцев—даже те, которые пришли не с западного берега Индустана—тоже держатся особняком от кохинхинского населе-

ния. Моплахи представлены несколькими семействами торговцев[1].

По языку, так же, как и по происхождению, аннамиты сродни китайцам. Ученый диалект, которым говорят еще при дворе в Гуэ, есть чистое мандаринское наречие, и для всех оффициальных документов пользуются китайскими письменными знаками; в резиденции Сайгоне употребляют одинаково как китайские знаки, так и произведенные от них аннамитские. Обыкновенный или общенародный кохинхинский язык, подобно кантонскому наречию и фокиенскому говору, состоит из односложных слов, которые различают одно от другого при помощи особенного певучего тона, изменяемого сообразно смыслу каждого слова; в аннамском языке существуют шесть таких интонаций—ровная, протяженная, острая, глухая, легкая и тяжелая[2]. Этот идиом так мало отличается от других китайских диалектов, что колонисты Срединной империи, переселившиеся во французскую Кохинхину, оставляют свои областные наречия и говорят на сайгонском языке. Однако, в аннамитском идиоме существует некоторое число слов, не встречающихся в китайском словаре и принадлежащих, как полагают, к языку аборигенов, покоренных народом гиао-ши. Во французской Кохинхине образовался чудовищный «сабир» (смешанный жаргон), состоящий из слов китайских и аннамитских, французских и провансальских, испанских и португальских, английских, латинских, малайских, соединенных чисто механически, без всякой флексии, и все более и более распространяется в портах морского прибрежья. Алфавит, принятый во французских школах, разнится от латинской азбуки лишь акцентами да некоторыми различительными знаками, указывающими тоны. Аннамитская литература состоит, главным образом, из народных песен и пословиц.

Политические и социальные учреждения Аннама сложились по китайскому образцу: простая провинция Срединной империи в течение слишком тысячи лет, а теперь вассальное королевство, признающее над собою верховную власть богдыхана, страна эта не переставала тяготеть и обращать взоры к северному государству, как к идеалу, походить на который считалось достославным. Из Китая она получила свое воспитание, свою литературу и театр, свои религиозные обряды, законы, искусства и науки: право гражданства принадлежит уже заранее китайцам, которые приходят—в числе, ограниченном волею государя—поселиться в аннамской земле; в них видят старших братьев, которые приходят сесть за стол младших братьев[3]; их называют «господами», и они действительно держат себя в отношении туземцев как господа: самый мелкий китайский торгаш гордо проходит перед самым сановным мандарином[4]. Аннамитский глава семейства имеет ту же роль, как и китайский отец: политический и религиозный глава всех своих семейств, он является верховным судьей и вершителем всех споров, возникающих между родственниками, и представитель судебной власти вмешивается только за тем, чтобы оказать ему свое содействие[5]. Аннамиты пытаются также подражать китайцам в обрядностях брака, хотя нравы обеспечивают женщине гораздо большую свободу, чем в Срединной империи: ноги у неё не уродуются, как у китаянок, и нигде ее не держат затворницей в женском тереме[6]. Все жители «Умиротворенного юга» считаются равными перед законом, как и обитатели «Цветущего царства», и всем равно открыт доступ к должностям государственной службы: по закону, одна только заслуга, под гарантией публичных экзаменов, дает право на поступление в сословие мандаринов. Литературные испытания организованы по тому же образцу: как в той, так и в другой стране кандидаты помещаются в отдельную ложу для составления на заданную тему записки, которая должна обеспечить победителям, вместе с степенью в роде баккалавра, известные изъятия, привилегии и право вступления на службу в присутственные места. Подобные же, более трудные испыта-

1 Gaultier de Claubry, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", 3-e fascicule 1882.

2 Maratte, „Annales de la Propagation de la Foi", 1832; Lemire, „Cochinchine francaise et royaume du Cambodge"; Le Grand de la Liraye.

3 Le Grand de la Liraye, „Notes historiques sur la nation annamite".

4 Dutreuil de Rhins, „Le royaume d'Annam et les Annamites".

5 Villard, „Excursions et Reconnaissances", XI, 1882.

6 Tran-Nuang-Hanh, Annales des l'Extreme Orient", juin 1882.

ния доставляют счастливым конкуррентам степень лиценциата, затем степень доктора. Последний экзамен производится при королевском дворе и дает избранным важные места в администрации государства; но хотя «правило высшего образования», в силу которого назначаются мандарины, состоит в том, чтобы «обновлять людей и приводить их к совершенству», сословие аннамитских чиновников не менее испорчено, чем китайское чиновничество. Не неся никакой ответственности перед народом и имея надобность искать только благоволения повелителя, мандарины заботятся только о том, чтобы заручиться милостью «отца и матери десяти тысяч народов», «августейшего и святого» императора, «Сына неба», и тем самым им обеспечены все права, законные и незаконные. За исключением некоторых изменений, касающихся подробностей, правительство и администрация воспроизводят образец, представляемый «Великою и чистою империей», т.е. Китаем. Различные отрасли государственного управления распределены между министерствами таким же образом, как и в Китае; мандарины имеют подобные же функции, как и китайские сановники; аннамитский свод законов воспроизводит почти все постановления китайского кодекса. Общины, или *ланг*, происхождение которых сходно с происхождением китайской общины, пользуются, подобно последней, самоуправлением; они управляются советом нотаблей, свободны от всякой опеки центральной власти, имеют собственную полицию и сами собирают налоги, за исправный взнос которых ответствуют все семейства, связанные круговою порукой. В местах колонизации, новые группы возникают путем частной инициативы; общинники, получившие в пользование земли, с обязательством уплачивать налог, делят между собой почву участками, обращающимися в личную собственность, совокупность которых составляет общину[1]; но муниципальные избиратели, пользующиеся правом голоса на выборах, начиная с семнадцатилетнего возраста, состоят лишь из «внесенных в списки», т.е. из владельцев «очага» или «дыма». Аннамиты очень ревниво охраняют это право гражданства; торговые люди иностранного происхождения вносятся в списки избирателей только в третьем или четвертом поколении.

Китайскому влиянию противодействует теперь другое, влияние Франции, подготовленное в прошлом столетии епископом Адраном и офицерами, построившими цитадели для императора Гиалонга. Владея с 1862 года частью южной Кохинхины, французы удвоили пять лет спустя пространство этого владения, и, уже будучи «протекторами» короля Камбоджи, они заключили в 1874 году политический и торговый трактат с королем аннамским, обеспечивавший им большие выгоды. Признавая за этим государем его «полную независимость в отношении всякой иностранной державы», они обещали ему свою поддержку против всякого нападения; с своей стороны, король аннамский обязывался «согласовать свою внешнюю политику с политикою Франции». В то же время он открывал три морские порта королевства иностранной торговле и позволял европейским судам подниматься по Красной реке до границ Юннана. До сих пор «Черные флаги», «Желтые флаги» и «Пятицветные флаги», утвердившиеся на верховьях этой реки, препятствовали судоходству, и движение торгового обмена не переходило за черту портов морского прибрежья. С другой стороны, сношения короля аннамского с китайским императором продолжали сохранять характер отношений вассала к своему сюзерену. Франция могла дать силу заключенному ею трактату лишь посылкою флотилии канонирок и высадкою войск на аннамский берег. Следовательно, было бы совершенно не точно говорить об Аннаме, как о французском владении; эта страна могла бы принадлежать Франции не иначе, как по «праву завоевания»; достигнуть этого, впрочем, было бы нетрудно, судя по состоянию аннамитских сухопутных и морских военных сил, и по различным экспедициям[2], во время которых случалось, что несколько сот человек легко овладевали тонкинскою дельтой, благодаря политическим раздорам, старательно поддерживаемым китайцами, и дурной администрации мандаринов[3].

1 Landes, „Excursions et Reconnaissances", V, 1880; Villard, цитированный мемуар.

2 Jean Dupuis, „Ouverture du Fleuve Rouge au commerce; les evenements du Tonkin".

3 Тонкин с 1883 г. составляет французское владение. *Ред.*

Аннамская армия, по Буйльво, состояла из 80 полков, общей численностью около 40.000 человек. Флот в 1878 году, по Дютрейль-дю-Рену, состоял из 4 пароходов, данных Францией, 7 парусных корветов и 300 джонок, при 16.000 человек экипажа и 1.400 пушках. Численность войска в Аннаме и Тонкине в 1893 г.: 22.875 европейцев и 18.330 туземцев. Но как ни легко могло бы быть завоевание страны, которая не защищается, Франция не должна терять из виду, что между нею и её колониальным владением в Индо-Китае прямая дорога не принадлежит ей. Если вспыхнет морская война, то сообщения будут прерваны между Марселью и французскими торговыми конторами Аннама, как они были бы прерваны также для Испании и для Голландии, между Кадиксом и Манильей, между Амстердамом и Батавией.

Хотя французы имеют привычку говорить о Кохинхине как о своей «колонии», но в действительности эта страна, как и английская Индия, есть не более, как завоеванная земля. Число европейцев, живущих в Сайгоне и на нижнем Меконге, не достигает даже тысячи человек; французских граждан насчитывается около 3.000 только благодаря присоединению к ним «ассимилированных» (сравненных в правах) туземцев.

Население французской Кохинхины, по расам, 31 дек. 1889 г. (1.874.689 душ) распределялось так:

Аннамитов—1.660.691; камбоджийцев—136.910; китайцев—56.988; малайцев—3.152; европейцев—2.418 (в том числе 2.235 французов); остальные—индусы, тагалы и пр.

Между иностранцами, пришедшими из Европы, французы составляют большинство; почти все они чиновники или священники и приезжают в Индо-Китай лишь на несколько лет, посылаемые одни французским правительством, другие—коллегией Пропаганды. Ни один француз не занимается культурой почвы, разве только в качестве высшего руководителя на больших плантациях, а торговля находится почти всецело в руках китайцев. Так же, как в портах Китая и Японии, открытых иностранной торговле, желтолицые «Сыны Гана» служат посредниками во всех торговых сделках. Когда европейский негоциант в Сайгоне получит приказ о покупке товара, он отправляется на шолонскую биржу, чтобы адресоваться к китайским покупщикам, без посредства которых ни один туземец не согласился бы продать своих произведений. И даже между этими европейскими купцами французы составляют меньшинство: наибольшая часть торгового обмена французской Кохинхины производится посредством английских судов.

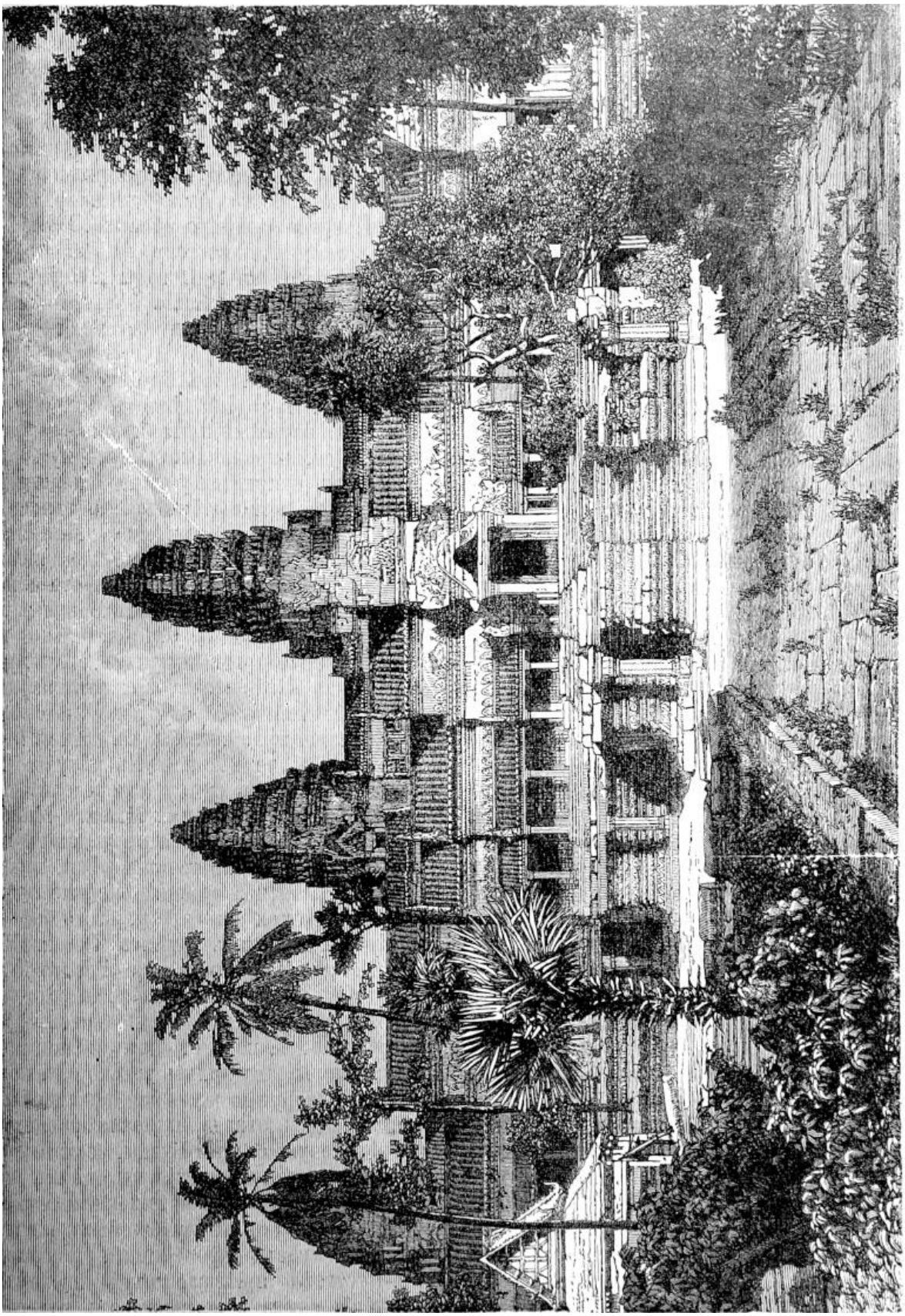
Вассальный народ должен был приспособиться к новым законам, вступить в новую политическую организацию, где французские учреждения смешались с учреждениями китайского мандаринства. Тем не менее, начало политической ассимиляции сделано, так как те из аннамитов, которые отказываются от своего «личного устава», чтобы совершенно перейти под управление французских законов, зачисляются в разряд граждан, как политические избиратели; многие общины, между прочим, и городское общество столицы, избирают из своей среды, посредством всеобщего и прямого голосования, муниципальный совет, где, впрочем, численное большинство всегда принадлежит французам, природным или натурализованным. Префекты и су-префекты назначаются властью, а начальники кантонов «утверждаются» ею в должности. С 1880 года французский уголовный кодекс применяется, с некоторыми изменениями, ко всем туземцам. Аннамитские батальоны помогают защите колонии, и волонтеры являются в большом числе для несения военной службы. Наибольшая часть бюджета идет на покрытие расходов управления; менее значительная часть употребляется на постройку дорог, мостов, каналов, на устройство телеграфов, равно как на основание и содержание школ. Доходов французской Кохинхины не хватает на оплату издержек оккупации, и излишек расходов можно считать, круглым числом, около 10.000.000 в год. Установлением монополий на опиум, рисовую водку и игры, французское правительство разделяет с англичанами ответственность в отношении населений крайнего Востока.

Бюджет французской Кохинхины в 1882 г.:

Колониальный бюджет—1.990.000 франк.; местные бюджеты—16.868.000 франк.; итого —21.858.000 франк.

Главные источники дохода:

Игры и опиум—1.280.000 франк.: солеварни—3.428.000 франк.; налоги на деревни—



Главный фасадъ Ангкоръ-Ватскаго храма.

2.273.800 франк.; налоги на иностран. азиатцев—1.005.400 франк.

Главные расходы:

Управление военное и гражданское—10.000.000 франк.; публичные работы—3.400.000

франк. Бюджет 1896 г.: 33.750.000 франк.

В барманском и сиамском Лаосе так называемые «города» по верхнему течению Меконга, основанные среди диких или полуцивилизованных населений, суть не более, как торжки, где несколько хижин окружают дом губернатора и пагоду с расположенными одна над другой соломенными крышами, с резными колоннами из текового дерева. Вблизи китайской границы, Ксиенг-Гонг (по Гарнье, *ксиенг*, в северном Лаосе, и *мюонг*, в южном, означают «главное место»), стоящий на правом берегу реки, выше разрушенного города, есть одно из тех торговых местечек, где постоянное пребывание имеет лишь небольшое число жителей; в 1867 году, во время прохода французской экспедиции, двенадцать провинций, составляющих королевство Ксиенг-Гонг, были в одно и то же время данниками Бармании и Китая. Королевство Ксиенг-Гонг, более обширное, которое занимает на западе часть гористой области, образующей водораздельную возвышенность между Меконгом и Салуэном, платило дань одной лишь Бармании. Столица этого государства, посещенная, в 1837 году, Мак-Леодом и тридцать лет спустя Торелем и Лагре, представляет значительный город. Общее протяжение городской ограды, заключающей внутри несколько холмов, около 12 километров; четверть этого пространства занята жилищами, и слишком двадцать пагод с позолоченными крышами господствуют над другими зданиями, построенными из дерева, битой глины, плетеного бамбука[1]. Мюонг-Ионг, бывшая столица, лежащая ближе к Меконгу, заключает в своей ограде почти одни только руины. То же самое нужно сказать о Ксиенг-Сене и Ксиенг-Гае, в сиамском Лаосе; эти два города, разрушенные в первой половине девятнадцатого столетия, представляют теперь лишь груды развалин и мусора; кое-где, среди дикой травы, виднеются еще статуи Будды.

Люанг-Прабанг, дома и пагоды которого окаймляют восточный берег Меконга, близ одного из больших колен этой реки, ниже соединения её с притоком Нам-Гу и в месте слияния с рекой Нам-Кан, есть главное городское поселение Лаоса; город с его предместьями продолжается километров на десять, и его рынки, куда являются туземцы из всей центральной области Индо-Китая, очень оживленны и многолюдны; сотни судов стоят привязанные у подошвы высокого берега. Дворец первого короля—в Люанг-Прабанге два государя, как и в Сиамском королевстве—сам по себе составляет целый город, с особенною оградой, сообщающийся посредством лестницы в несколько сот ступенек с пагодой, которая венчает своею пирамидой вершину высокого холма. Из всех королевств Лаоса, государство Люанг-Прабанг, бывшая империя Лан-Гиан, есть самое могущественное, и вассальная зависимость его, в отношении банкокского сюзерена, наименее тягостна. До возмущения магометан в Юннане, это королевство было данником Китая, так же, как и сиамского монарха. В небольшом расстоянии к востоку от Люанг-Прабанга скончался, в 1861 году, исследователь тех стран Мугот; шесть лет спустя, члены французской экспедиции поставили ему надгробный памятник.

Город Ксиенг-Канг стоит близ большого изгиба, который делает Меконг в восточном направлении, чтобы описать затем свою кривую, параллельно морскому берегу Аннама; он находится у выхода долины, через которую легко добраться до одного из главных восточных притоков Менама; в Ксиенг-Канге будет, вероятно, оканчиваться современем прямая грунтовая дорога или железный путь, которые сделают Банкок портом верхнего Меконга. Следовательно, как стратегический и торговый пункт, этот город имеет очень важное значение; он находился прежде на левом берегу реки, но сиамское правительство, желая, чтобы, в случае возмущения, лаонцы не могли взять реку за линию обороны, принудило жителей переселиться на правый берег: отсюда и имя Мюонг-Май, или «Новое главное место», которое дают часто этому городу. Ниже по течению реки, все другие мюонги сиамской территории тоже должны были выстроиться на берегу, всего более доступном банкокским армиям. Вьен-Шан, на языке пали Чандапури, или «Город луны», некогда метрополия южного Лаоса, есть один из этих городов, которые правительство велело разрушить, как стоящие на запретном берегу;

1 Thorel, „Voyage d'exploration en Indo-Chine".

теперь там видны только остатки королевского дворца да кое-какие фрагменты знаменитой пагоды, откуда извлекли на свет божий нефритовую статую Будды, составляющую ныне предмет поклонения в одном святилище Банкока. В первой половине семнадцатого столетия «Город луны» был посещен в первый раз европейцами. Голландец Ван-Вустгоф приезжал туда послом для заключения союза и рассказывал чудеса про нацию и государя, которые приняли его с почетом[1]. Вьен-Шан был заменен, как главное место, городом Нонг-Кай, лежащим километрах в сорока ниже по течению. Это самый большой прибрежный город на Меконге между Люанг-Прабангом и Пном-пеньхом, и торговля его настолько значительна, что китайцы и пегуанцы имеют там особенные кварталы; они привозят английские и китайские товары, которые обменивают на хлопок, шелк, табак, индиго, свинец, золотой песок, соль, добываемую из соседних болот, воск, слоновую кость, росной ладан, корицу, отправляемые дикарями земли Пуон, близ границы Тонкина.

Лахон, менее населенный, чем Нонг-Кай, имел некогда значительную важность, которую он, по всей вероятности, рано или поздно снова приобретет, так как он находится в том месте Меконга, где эта река всего ближе подходит к Китайскому морю; расстояние между ними всего только около 200 километров, и раздельные пороги не очень высоки. Путешественник Гарман уже исследовал эту область[2], где не малое число аннамитских выходцев, пользуясь незначительною шириной гористых округов, поселились вдали от своих мандаринов. Лахон не имеет других промыслов, кроме добывания и обжигания извести, доставляемой горами, которые возвышаются над противоположным берегом, и в которых вырыты печи, почти такого же устройства, как печи этого рода, какие делают во Франции[3]. Ниже по течению следуют один за другим городки: Пном, прославившийся своей пагодой, Бан-Мук, Кемарат, Пакмун; этот последний стоит при слиянии реки Мун или Се-Мун, ниже самых опасных порогов Меконга. Бассейн Муна не преминет сделаться первоклассною торговою областью, благодаря дороге, которую он открывает к Банкоку, а также благодаря плодородию его равнин и минеральным богатствам его гор. Корат, главный этап между Банкоком и Меконгом, имеет вид настоящего города; в нем есть отдельный китайский квартал, населенный несколькими сотнями негоциантов, которые снабжают своими товарами весь север Индо-Китая. Хмеры распространили свое владычество даже в эту область Лаоса, ибо в соседстве найдены остатки буддийского храма, представляющего тот же архитектурный стиль и те же орнаменты, как и храм Ангкор, близ Большого Озера[4]. За «королевством» Корат, ниже слияния реки Си, проходящей мимо Шаяпуна и его развалин, следует на востоке, в том же бассейне Мун, «королевство» или, лучше сказать, сиамская провинция Убон. Важнейший предмет торговли главного города этой провинции составляет соль, добываемая в соседних равнинах. Поселяне попеременно собирают то рис, то соль на одном и том же участке земли. Дожди растворяют кристаллы соли, увлекают соляные частицы в нижние слои и тем делают возможною культуру риса на освобожденной от соли почве; но тотчас же после жатвы земля сильно высыхает от действия жаров, и соль снова поднимается на поверхность, где и отлагается в виде белой пыли или налета; тогда достаточно вымести почву, промыть пыль, чтобы растворить соль и выпарить рассол[5].

Бассак, Хонг, Стунг-Тренг, довольно важные торговые города, где обмениваются произведения долины Аттопе и Боловенского нагорья, находятся еще в пределах Сиамского королевства, отделенные от Камбоджи кордоном таможен; оттого движение торгового обмена, которое естественно должно бы было следовать по главной реке, отклоняется в большей части к западу через поперечный, пересекающий эту реку, бассейн её притока Се-Мун. Если бы можно было свободно пользоваться торговою дорогой, которую представляет Меконг до Хон-

1 Yule; Fr. Garnier; L. de Carne.
2 „Bulletin de la Societe de Geographie de Paris", janvier 1879.
3 L. de Garnd, „Exploration du Mekong", „Revue des Deux Mondes" 15 juillet 1869.
4 Mouhot, „Travels in the Central Parts of Indo-China".
5 De Lagree, „Voyage d'exploration en Indo-Chine"; L. de Carne, „Exploration du Mekong".

ских порогов, то город Пном-пеньх, или город на «Четырех Рукавах» (Quatre-Bras), как его называют французы, сделался бы первоклассным складочным местом товаров. Выбранный столицей королевства Камбоджи, по причине его превосходного стратегического положения при пересечении четырех речных путей, Пном-пеньх, или «Гора изобилия» (Паномпинг, Каломпе) или Намвам, «Пяти золотых устьев», занимает одно из тех счастливых местоположений, где города должны естественно возникать и возрождаться после постигшего их бедствия или разгрома. Когда Пном-пеньх был предан пламени сиамцами, он имел, говорят, 50.000 жителей; после этой катастрофы он быстро возродился из пепла и снова занял первое место, по цифре населения, между Банкоком на западе и Сайгоном на востоке. Окрестные равнины усеяны многочисленными деревнями, и течение речного рукава, направляющееся к Большому Озеру, окаймлено домами и садами вплоть до большого села Кампонг-Ленг, лежащего километрах в шестидесяти к северу, на восточном берегу реки. До Пном-пеньха столицей Камбоджи был город Удонг, или «Победоносный», построенный в небольшом расстоянии к северо-западу, на одном из притоков Меконга; он был покинут, как очень трудно доступный французским канонеркам; король, опасаясь восстания своего народа, хотел быть под непосредственною защитой иностранных солдат[1]. В Камбодже, как и в Сиаме, королевские резиденции часто были перемещаемы. Пном-пеньх уже второй раз столицей государства. Три города Удонг последовательно сменились в соседстве один другого. На севере, город Ловек, который тоже был столицей и который человеческие жертвоприношения, говорит легенда, сделали неодолимым, прекратил свое существование, но и теперь еще видны остатки тройного ряда его стен[2]. Как эти, так и другие разрушенные города, находящиеся в недалеком расстоянии от вершины дельты, свидетельствуют о важности, которую имела эта область во все времена для торгового обмена, и о войнах, которые здесь велись из-за обладания богатыми рынками края. Несколько земледельческих колоний шамов и малайцев-магометан, происходящих от пленников, рассеяны в разных частях страны; христиане, многочисленные среди местного населения, приписывают себе, по большей части, португальское происхождение. Между ними выбираются королевские телохранители.

Естественный центр королевства Камбоджи в нынешних его, незначительных против прежнего времени, размерах составляет область Четырех Рукавов; но когда хмерское государство заключало в себе, вместе с другими провинциями, всю поперечную низменность, соединяющую две реки, Менам и Меконг, посредством бассейна озера Тонлесап, естественная средина страны находилась на берегу озера и в местностях, простирающихся на запад к Баттамбангу. Близ этого внутреннего моря стоял город Индра, прославленный преданиями и напоминаемый многочисленными руинами, рассеянными в лесах. Там же, близ нынешнего города Сием-рсап, находятся замечательнейшие развалины Камбоджи и всего Индо-Китая, ангкорские храмы и дворцы. Эти знаменитые памятники, слава хмерской архитектуры, были уже известны католическим миссионерам в половине шестнадцатого столетия, и с той эпохи они никогда не были совершенно забыты. Миссионер Буйльво видел их в 1850 году, но внимание к ним западного мира было серьезно возбуждено лишь после путешествия Мугота в 1861 году; несколько лет позднее ангкорские руины были долго исследуемы путешественником де-Лагре и его товарищами, и с тех пор многие другие путешественники ездили изучать эти чудные остатки старины, которых надписи и статуи раскроют современем страницу за страницей всю историю Камбоджи. Потомки строителей забыли имена зодчих: они говорят, что «ангелы» или «гиганты» воздвигли эти стены и эти башни; другие туземцы утверждают, что эти удивительные здания «сами собою явились на свет»[3]. Низведенные опять почти в первобытное дикое состояние под тяготеющим над ними продолжительным гнетом, который освящается этими великолепными храмами, символами слепой веры и безусловного повиновения, камбоджийцы совершенно утратили художественное предание, и

1 Fr. Garnier, „Voyage d'Exploration en Indo-Chine".
2 Adolf Bastian, „Reise durch Kambodja nach Cochinchina".
3 Mouchot, цитированное сочинение.

европейцы не могут достаточно надивиться при виде таких грандиозных зданий в местности, где и не ожидаешь найти ничего, кроме деревянных хижин и шалашей из пальмовых листьев[1].

Ангкорские памятники, которые частью восходят к десятому столетию и постройка которых была, повидимому, вдруг прервана в четырнадцатом веке, представляют собою особенную фазу буддийской религии, относящуюся к той эпохе, когда, под непосредственным влиянием Индии и Цейлона, мифы о Браме, Сиве, Вишну, Раме смешивались с мифами «Великого Учения»: между статуями и барельефами, украшающими ангкорские памятники, есть много изваяний, изображающих Браму с «четырьмя головами», тримурти, лица и сцены из индусских эпопей; встречаются там и следы культа змей: нага о семи головах составляет один из наиболее употребительных мотивов тогдашнего религиозного искусства[2]. Надписи храмов долгое время оставались непрочитанными; но, по счастью, многие из этих эпиграфических памятников написаны на двух языках: санскрит, священный язык, был употребляем строителями на-ряду с вульгарным идиомом. Благодаря этому обстоятельству, Керн в Европе и Эймонье в Камбодже успели перевести различные надписи, которые констатируют влияние индийской цивилизации в эту эпоху истории хмерского народа; самый древний из этих письменных памятников относится к 667 году христианского летосчисления[3]. Смешанные традиции индусской архитектуры также встречаются в храмах Камбоджи; но они слились там в гармоническое целое: хмерское искусство, которое можно оценить во Франции по фрагментам, хранящимся в музее Делапорта, в Компьене, имеет отныне свое место между стилями, создавшими значительные произведения. Широкия подъездныя аллеи, обставленные по сторонам гигантами или фантастическими животными, лестницы, охраняемые львами, террасы и галлереи, населенные статуями, перистили, поддерживаемые узорчатыми столбами, стрельчатые своды, многоэтажные пирамиды, сплошь убранные скульптурными работами, расположенными в форме веера, следуют друг за другом на необозримое пространство: простая дверь, колонна возбуждают удивление тонкой отделкой деталей, оригинальностью арабесок, и, между тем, общее расположение целого отличается изумительной простотой; нигде богатство орнаментации не переходит в хаотическую путаницу, как это мы видим во многих памятниках Передней Индии. Дикия травы, гирлянды лиан, даже целые леса, которые овладели зданиями, пробиваясь между плитами и ступеньками, или обвиваясь вокруг колонн и статуй, или обхватывая ветвями башни, еще более увеличивают красоту и живописность этих пустынных храмов. Когда входишь по аллее гигантов в ограду собственно города, Ангкора Великого, и когда увидишь башни, поднимающиеся над высокими городскими стенами и их триумфальными воротами, невольно проникаешься уважением к хмерскому народу былых времен и надеждой на будущность его потомков.

Другие руины храмов, крепостей, городов встречаются в тысяче местах в области холмов, которая наполняет треугольное пространство, заключающееся между Меконгом и восточным берегом Большого Озера: там каждое «высокое место» имело на вершине свой храм, и исследователи Делапорт, Ратт, Эймонье видели великолепные остатки этих религиозных зданий. В местности, лежащей к югу от озера, открыты другие остатки старины, принадлежащие более древней цивилизации, различные предметы каменного века, глиняные изделия, стрелы, орудия из металла, смешанные с костями людей и животных[4]. Постепенное обсыхание страны есть, вероятно, главная причина постепенного обезлюднения тех мест: воды удалились от Ангкора и соседних городов, морской залив превратился в озеро, а теперь мало-по-малу превращается в болото[5]. Теперешния группы жилищ состоят из кучек хижин и озерных городков, воздвигнутых на бамбуковых платформах и защищенных от злых духов солнечным

1 De Lagree, Bastian; Delaporte; Aymonier; De Groizier; Bartet, etc.
2 Becker, „Der Schlangenmythus“, „Kosmos“, III, Juni 1879.
3 „Journal officiel de la Republique franchise”, 14 aout 1882.
4 Moura; Noulet, etc.
5 Boulangier, „Excursions et Reconnaissances”, IX, 1881.

зонтиком, украшенным цветами и кокосовым орехом[6].

Ниже Четырех Рукавов, несколько торговых городов или, вернее сказать, несколько собраний деревень, следуют одно за другим по Задней реке. Из этих поселений, Шаудок, во французской Кохинхине, имеет ту выгоду, что находится в прямом сообщении с Сиамским морем посредством судоходного канала, который проведен до Гатиена, окруженного перечными плантациями; но этот канал, прорытие которого стоило жизни огромному числу рабочих, может служить лишь баркам незначительного водоуглубления, и самый порт, перед которым аннамиты затопили, около половины текущего столетия, громадные каменные глыбы, чтобы запереть проход сиамскому флоту[4], доступен судам только в часы прилива. Кампот, лежащий на северо-западе, на камбоджской территории, имеет более глубокую гавань, и место якорной стоянки там лучше защищено от ветров; оттого этот порт с незапамятных времен посещается китайскими и малайскими мореплавателями; там оканчивается кратчайший путь из Удонга и Пном-пеньха к Сиамскому заливу. Ниже Шаудока, близ Лонг-Ксюена, естественный поток или рукав открывает другую дорогу к западному морю, но, как и шаудокский канал, он доступен только мелким судам туземцев.

Передняя река проходит перед городом Садек, затем, в соседстве Винь-Лонга, складочного торгового пункта и укрепленного места, она разветвляется на два рукава, которые, в свою очередь, подразделяются на другие рукава, образуя второстепенную дельту. Мито, на северном рукаве, есть главный город этой дельты; положение его представляет двойную выгоду, так как он стоит на берегу большой реки и сообщается с Сайгоном и дельтой Донная посредством *раш*, или судоходного рукава, называемого почтовым *арройо*; здесь производится торговый обмен между Сайгоном и Меконгом; это речной порт главного города французской Кохинхины, с которым он соединен железной дорогой. Как большинство торговых городов Востока, Мито состоит из двух частей—из квартала цитадели, вокруг которой расположены дома европейцев, и из квартала туземцев и китайцев, перед которым стоят на якоре джонки.

Сайгон, столица французских владений и главный город Индо-Китая между Банкоком и Ганоем, лежит не на рукаве Меконга, но, благодаря глубине его фарватера, он сделался портом этой реки: как Рангун и даже Калькутта, он соединен с потоком долины, для которой он служит средоточием торговли, лишь боковыми ветвями второстепенной дельты. Сайгон, называемый аннамитами Гиадинь, перешел во французское владение в 1859 году, и с этой эпохи он принял в некоторых кварталах, особенно вокруг красивого губернаторского дворца, почти европейскую физиономию: плато, господствовавшее над городом на северной стороне, было частью срыто; болота, окаймлявшие речные рукава, были засыпаны, каналы урегулированы и углублены; лабиринт улиц был заменен шахматной доской широких аллей или проспектов, пересекающихся под прямым углом; деревья и сады оживляют город своею зеленью. Центр французского могущества на крайнем Востоке, Сайгон имеет обширный арсенал, где работают несколько сот аннамитов, и цитадель, которую построили французские офицеры в 1799 году для аннамского короля Гиалонга, была значительно увеличена. Как торговое место, этот город тоже приобрел важное значение между портами Азии; он ведет торговлю, главным образом, с Сингапуром. Торговое движение Сайгона в 1877 году: привоз 61.014.000 франк., вывоз 60.420.000 франк., вместе 121.434.000 франков. Общая сумма оборотов внешней торговли в 1880 году: 155.105.000 франк.

Движение судоходства в Сайгоне в 1893 г.: в приходе—575 судов, вместимостью в 701.083 тонны.

Более половины риса, собираемого во французской Кохинхине, вывозится по Сайгонской реке. Площадь рисовых полей в этой колонии в 1878 году: 493.000 гектара. Вывоз риса в 1893 г.: 11 миллионов пикулей. Большая часть розничной торговли производится в китайском городском поселении Шолон, или «Большой рынок», находящемся на юго-западе, на берегах китайского рукава (арройо) или Виам-бен-ге. Ассенизированный, вымощенный,

6 Buchard, тот же сборник

4 Boulangier, „Excursions et Reconnaissances", IX, 1881.

снабженный набережными и мостами, Шолон не походит больше на предместье Кантона; но во многих кварталах балаганы и лари, сараи, домики на сваях, суда всевозможной величины и формы, пестрая толпа в разноцветных костюмах, толкающаяся на набережных и в барках и джонках, представляют чрезвычайно оживленную и живописную картину. Новые каналы, проводимые из Сайгона и Шолона к Меконгу через Вайко, позволят негоциантам получать непосредственно рис из Камбоджи и верхней Кохинхины. Между Сайгоном и Шолоном, на возвышениях почвы, продолжающихся на север, рассеяно множество мест погребения, от которых это плоскогорье получило название «равнины могил».

На северо-востоке от Сайгона лежат город и крепость Бьенгоа, прикрывающие французские владения со стороны гор; окрестные каменоломни доставляют строительный камень для Сайгона и булыжник для дорог равнины; на юго-востоке, плоские берега Бариа, близ мыса св. Иакова, дают белую соль. Несколько маленьких портов следуют один за другим близ устьев Меконга, и Камао обещает сделаться одним из сборных мест, наиболее посещаемых барками, когда полуостров этого имени покроется пашнями и плантациями. Маленький архипелаг Пуло-Кондор тоже имеет свою важность. Главный остров населен освобожденными из заключения преступниками.

Важнейшие города Индо-Китая в бассейне Меконга:

Лаос и Сиам: Люанг-Прабанг—от 15.000 до 20.000 жителей; Нонг-Кай—6.000; Корат (Мугот)—6.000 жителей.

Камбоджа: Пном-пеньх—от 30.000 до 35.000 жителей; Сайгон—65.000; Шолон—15.000; Мито—10.000 жителей.

Самое многолюдное городское поселение Аннамского королевства не резиденция, а главный город Тонкина, называемый в просторечии Ганой, по имени его провинции, или иначе Кешо, т.е. «Рынок» по преимуществу; оффициальные его наименования Бак-тань, «Северная цитадель», по-китайски Донг-кинь, «Восточная столица». Расположенный на правом берегу Красной реки, по которой морские джонки китайцев и пароходы, имеющие не более 2 метров водоуглубления, поднимаются во всякое время до его набережных, этот город находится почти около центра обширной Тонкинской равнины, и уже в течение слишком двух тысяч лет местные произведения и товары, привозимые с верховьев реки и её притоков, направляются к его складам. По промышленности, искусствам, литературе, Ганой тоже первый город Аннама; это кохинхинский «Париж»: оттуда и из соседней деревни происходят резная мебель, лаковые изделия, инкрустации на перламутре, напоминающие японскую работу[1]. Большинство домов построено из кирпича и камня, улицы вымощены мраморными плитами; город окружен прекрасными бульварами, а также земляным валом, защищающим его от наводнений. Несколько тысяч китайцев, живущих в отдельной части города, служат посредниками торгового обмена между Ганоем и Срединной империей; они отправляют преимущественно товары европейского происхождения и покупают взамен олово и опиум.

Торговля Ганоя с Юннаном по Красной реке в 1880 году (по сведениям, собранным Кергарадеком):

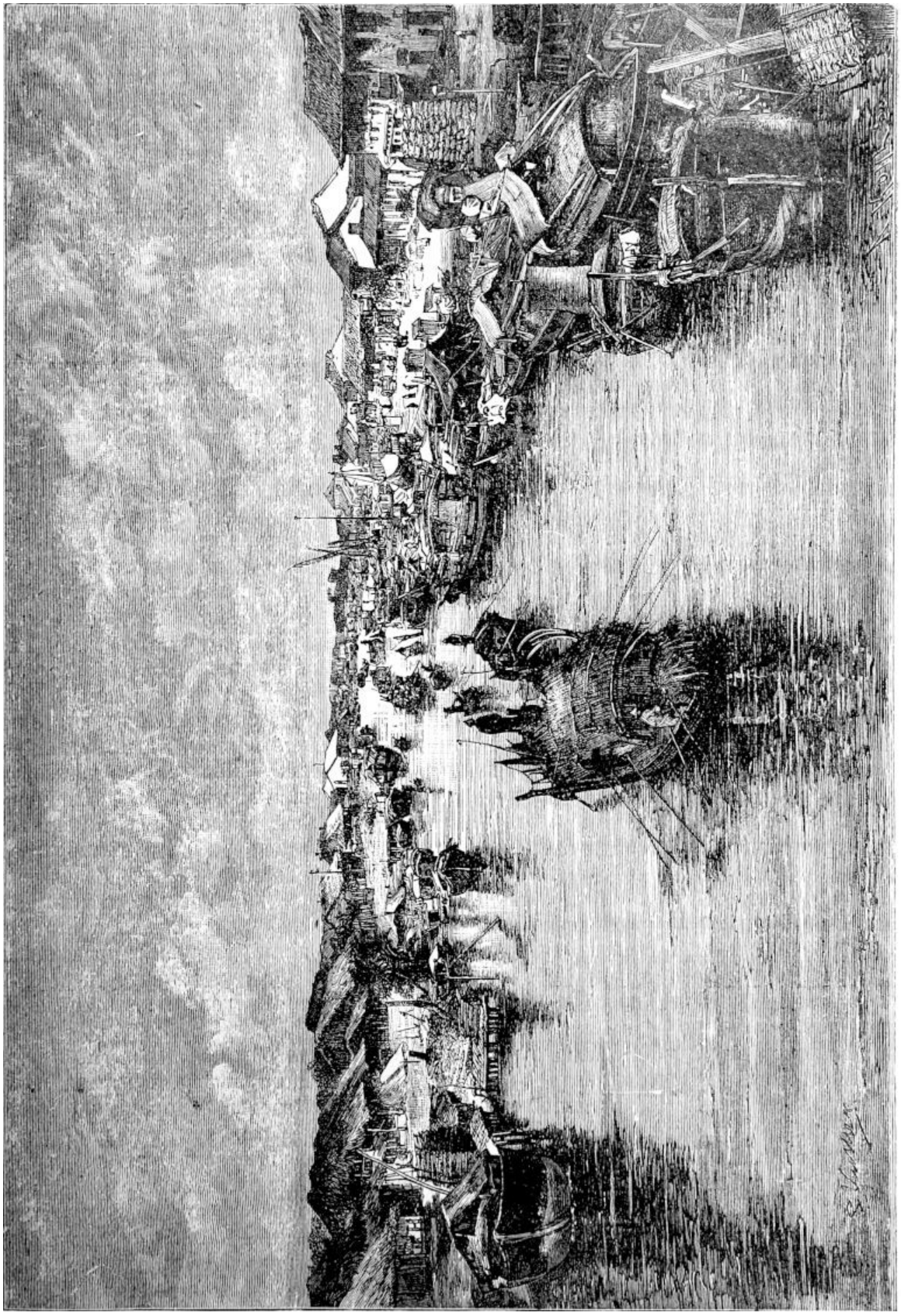
Вывоз—1.369.000 франков; привоз—2.160.000 франк.

В 1887 году общая ценность ввоза в Ганой:—1.433.647 франков.

Обширная крепость Ганоя, ограда которой имеет шесть километров в окружности,—французской конструкции; она была построена, в конце восемнадцатого столетия, Оливье и другими офицерами, состоявшими на службе» у императора Гиалонга. Воздвигнутая французами, она была дважды взята ими, в 1873 и в 1882 годах; близ цитадели и реки, на земле, уступленной Франции, расположены здания консульства и казармы немногочисленного гарнизона. В нескольких километрах от города, Френсис Гарнье и Бальни д'Аврикур, которые, во главе маленького отряда, так быстро завоевали дельту Тонкина, погибли, каждый отдельно, в засаде.

1 Kergaradec, „Excursions et Reconnaissance", XI, 1882.

Такая плодоносная страна должна иметь большое число городских поселении, но европейцам пока известны только прибрежные города по реке Сонг-кой и города дельты. Сонгтай, выше Ганоя по реке,—укрепленный город, окруженный, как и главный город, берего-



Устье рѣки Сайгонъ.

вой плотиной, которая защищает его от наводнений. Ниже по течению, Нам-динь, на южном рукаве дельты—очень оживленная пристань. Гайдзюонг, к востоку от Ганоя, на рукаве Тай-бинь, тоже посещается джонками. Крепость его—одна из лучших по занимаемой пози-

ции и одна из самых сильных в Тонкине. Бальни д'Аврикур и другие храбрецы овладели ею, в 1873 году, смелым, неожиданным нападением. В соседстве находятся залежи каменного угля. Морской порт, открытый, по трактату 1874 года, иностранной торговле, Гайпонг, лежащий у выхода северной ветви дельты, доступен большим судам, имеющим до 4 и даже до 5 метров водоуглубления. Годовое движение торгового обмена, который производится, с одной стороны, с Сайгоном, с другой—с Гонконгом, состоит почти исключительно из товаров китайского происхождения или предназначенных в Срединную империю; еще недавно почти все европейские торговые дома, которые принимали участие в этой торговле, представляя около четырех-пятых торгового обмена Тонкина с внешним миром Гайпонга, состояли под управлением англичан[1].

Ценность привоза в Гайпонг в 1887 г. составляла 28.952.812 франк.; в 1890 году в этом порте было в приходе 763 судна в 111.939 тонн.

В собственном Аннаме, к югу от поперечной горной цепи, оканчивающейся на мысе Вунг-Хиуа и увенчанной там и сям стенами или валами старинных укреплений, большинство городов состоит из хижин, рассеянных на берегу рек и в лесах, близ крепости, заключающей в своей ограде присутственные места и жилища чиновников. Деревни городского поселения соединены лишь тропинками; во многих «городах», если бы не стоящий по середине обширный навес, под которым собирается рынок, можно бы подумать, что находишься где-нибудь среди леса[2]. Подобные города часто подвергаются разрушению; чтобы отстроить их, достаточно возвести новую ограду, и хижины постепенно группируются в соседстве. На северной стороне реки Сонг-маа, ограничивающей южную часть тонкинской дельты, виднеется одна из этих старинных крепостей, Тей-Гиай, которая, только-что сооруженная, была покинута, как принесшая несчастие своим строителям. Немногие памятники имеют более грандиозный вид. Правильный квадрат гранитных стен заключает внутри пространство, покрытое засеянными полями; по середине каждого фаса ограды стоят высокие ворота со сводами; снаружи две деревни приютились у подножия стен заброшенной твердыни[3].

Гуэ (Туа-Тиен, или Путуа), столица Аннама, походит на другие города страны, отличаясь от них только более обширными размерами. С половины четырнадцатого столетия она упоминается как аннамитский город, принадлежавший циампам. Цитадель, воздвигнутая в начале настоящего столетия, по повелению императора Гиалонга, под руководством французских офицеров, заключает в себе казармы, артиллерийские парки, арсеналы, провиантские магазины, тюрьмы; это административный и военный центр королевства. По средине этого города-крепости, в ограде, состоящей из простой стены, находятся королевские дворцы, вход в которые воспрещен профану. Торговая деятельность сосредоточена в предместьях, где поселились китайские негоцианты, и около порта города, Туан-Ан, защищаемого несколькими фортами. Сюда приходят суда на якорную стоянку; но они никогда не находят на баре более трех с половиною метров воды; в бурю этот порог совершенно непереходим, да и в зимнее время редко когда можно перейти через него (по Дютрейль-дю-Рену, приблизительная ценность торговли Гуэ около 3.000.000 франков). В силу трактатов, недавно построены в Гуэ отель и дома для французского резидента и нескольких чиновников, получивших право пребывания в аннамской столице. На одном из холмов, возвышающихся к югу от города, блистают позолоченные крыши дворцов, служащих усыпальницей для королей, которых хоронят вместе с драгоценными вещами, металлами и дорогими камнями; одно из этих зданий принимает в себя бездетных вдов покойного короля. Заключенные в этом дворце, как в монастыре, на всю остальную жизнь, они обязаны приготовлять каждый день яства, которые преподносятся их умершему супругу. В окрестностях столицы разведено

1 Kergaradec, „Excursions et Reconnaissances", VIII.
2 Luro, „Le Pays d'Annam".
3 Theurel, „Annales de la propagation de la foi", 1868.

несколько плантаций кофейного дерева[4].

Единственная большая дорога в этой провинции—это дорога из Гуэ в Туран; перейдя перевал, называемый «Воротами облаков», между двумя остроконечными пиками, она спускается на плоский берег бухты, посещаемой изредка судами, затем, за Тураном, продолжается худой дорогой, которая то идет вдоль моря, то взбирается на высокие мысы. Почтовая служба организована только из Сайгона в Ганой через Гуэ, и на этом тракте учреждены почтовые станции для перемены лошадей, на расстояниях от 12 до 22 километров[2].

В южном Аннаме один порт, именно Куиньон или Квинон (Гиа или Тин-хай), открыт иностранной торговле; он отправляет преимущественно соль и грубые шелковые ткани. Ценность торгового обмена в Куиньоне в 1880 г. простиралась до 1.350.000 франков; движение порта, по приходу иностранных судов, в том же году представляло вместимость 24.000 тонн. Имя Куиньон принадлежит специально главному областному городу, означаемому обыкновенно под названием Бинь-динь, как и самая провинция; он находится километрах в двадцати к западу от своего порта. Древний Куиньон, бывший столицей народа циампа, виден еще в небольшом расстоянии от нынешнего города; в настоящее время три деревни как бы затеряны среди его громадной ограды, имеющей не менее 12 километров в окружности[3]. На юго-западе, город Аншен, сильно укрепленный, составляет передовой пост земледельческой культуры близ земли банаров; аннамиты не позволяют дикарям переходить за этот город внутрь страны[4]. Многочисленные развалины, свидетели исчезнувшей цивилизации, рассеяны в лесах древнего царства Циампа; там встречаются также долмены и другие мегалиты, подобные памятникам этого рода, находимым в местах обитания древних галлов[5].

Важнейшие города Аннама, с приблизительной цифрой их населения:

Ганой или Кешо—150.000 жителей; Гуэ—30.000; Нам-динь (по Буильво)—50.000; Гайдзуонг (по Люро)—50.000; Гакой—10.000; Сонг-тай—12.000; Туран (Дютрейль-дРен)—3.000 жителей.

VII. Полуостров Малакка

Английские владения, Полуостровной Сиам, Перак, Паханг, Селангор, Негри-Сембилан, Джохор

Полуостров Малакка, лежащий на юг от Сиама и Бармании, не есть особая естественная область: по своим горам и геологическому образованию, он составляет продолжение горных цепей, разделяющих бассейны Салуэна и Менама; его растительное и животное царства представляют, в сравнении с флорой и фауной континентального Индо-Китая, лишь незначительные контрасты, происходящие от соседства экватора; но население около южной оконечности полуострова принадлежит к расам, отличным от тех, которые доминируют в индокитайских областях, и положение его портов, в самом углу азиатского материка, на проливе, которым должны проходить корабли, плавающие между Индией и Китаем, придали ему первостепенную важность в истории торговых сношений и географических исследований. Арабские купцы, затем европейцы, португальцы, голландцы, англичане, последовательно водворялись на краю этого важного морского пути. В настоящее время все западное прибрежье, между устьем Салуэна и перешейком Кра, составляет часть английской Бармании; далее на юге, три чересполосные владения на территории Малакки тоже присоединены к громадной колониальной империи Великобритании; кроме того, два острова, Пуло-Пинанг и

4 Dutreuil de Rhins, „Le Royaume d'Annam et les Annamites".
2 Dutreuil de Rhins, цитированное сочинение.
3 Huyn de Verneville, „Excursions et Reconnaissances", XI, 1882.
4 Pellerin, „Annales de la Propagation de la Foi", sept. 1850.
5 Adolf Bastian, „Geographisclie und Ethnologische Bilder".

Сингапур, принадлежащие англичанам, сторожат морское прибрежье, и оттуда-то и совершается постепенное завоевание внутренности полуострова для земледелия и торговли. Еще неисследованная в целом объеме, страна, тем не менее, уже на половину покорена: весь западный берег состоит под протекторатом Англии, и многие из маленьких султанов, между которыми разделена остальная часть территории, обязаны сообразоваться в своих действиях с приглашениями, которые присылают им английские губернаторы приморского края. Впрочем, если исчисления, относящиеся к туземному населению, имеют какую-нибудь цену, в английских владениях, хотя значительно уступающих по пространству независимым государствам и сиамским провинциям, сгруппировано более половины общего числа жителей.

Пространство и население полуострова Малакки (континентальной Малазии):

	Пространство, кв. килом.	Население в 1881 году, жителей	Километр. население, жит.
Английские влад (Мерги, Тенассерим и Straits settlements, или колонии пролива)	78.093	825.000	11
Сиамские провинции	100.000	400.000	4
Независимые государст	82.099	300.000	3,6 “
Всего	250.192	1.525.000	6,5

Горы, образующие остов полуострова Малакки, не составляют одной непрерывной цепи; разделенные на неравные отрывки широкими речными долинами, они тянутся по направлению с севера на юг или с северо-запада на юго-восток, или в виде изолированных кряжей, или в виде параллельных гряд. Там и сям, вне цепей или хребтов, высятся уединенные горы, со всех сторон окруженные низменными равнинами, и некоторые из этих отдельно стоящих гор настолько высоки, что плывущие на кораблях могут видеть их с обоих морей. Обширные леса покрывают почти всю страну своею густою зеленью: поднимаясь по рекам, под сводом листвы переплетающихся дерев, лодочники могут плыть по целым дням, не встречая прогалины, которая открыла бы их взорам одну из бесчисленных горных вершин полуострова. В некоторых местах, однако, горизонт проясняется: воды, расстилающиеся в виде обширных болот, не имеют другой растительности, кроме тростника или лотосов, в иных местах красноватые слои латерита тянутся на необозримое пространство, без деревьев или усеянные кое-где только редкими лесками.

На юге от города Мульмейна, все реки, за исключением нескольких потоков, спускающихся прямо в море, отличаются своим удивительным параллелизмом с морским берегом и с горными кряжами, которые продолжаются с северо-запада на юго-восток, образуя становой хребет полуострова Малакки. Мало найдется стран, где продольные долины имели бы такой замечательно правильный характер; в этом отношении они походят на узкия речные борозды восточного Тибета; на расстоянии 1.000 километров, складки или повышения и понижения почвы представляют одно и то же образование. Реки, заключенные между параллельными хребтами, получают значительное протяжение, хотя берут начало в небольшом расстоянии от моря. Так, Мульмейнский лиман принимает в себя длинную реку Аттаран, которая извивается с юга на север, идя на встречу Салуэну. Тавойский залив продолжает реку того же имени (Тавой), длиною около 200 километров, которая течет с севера на юг, отрезывая от остальной Бармании узкий полуостров. Большая река Тенассерим, еще более любопытная, состоит из трех речных сегментов, текущих в противоположные стороны. Верхний поток, Бин, начало которого на уединенной горе Миенг-Молеткат, возвышающейся слишком на 2.000 метров над уровнем океана, сначала извивается к северо-западу, параллельно Тавойскому лиману, затем уходит на восток через ущелье и змеится в долине, открывающейся на юго-восток и на юг; в Тенассериме вторая брешь дает ему проход, и до впадения в море он снова принимает северо-западное направление. Таким образом, эта река, которая берет начало километрах в тридцати от моря, изливается в него не прежде, как описав удлиненный овал около 500 километров. На юге от реки Тенассерим, две реки, Лайния и Пакшан или Кра, составляющая южную границу английской Бармании, текут в направле-

нии, противоположном одна другой, и параллельно горным хребтам полуострова и берегу Барманского моря. Самые земли архипелага Мерги, окаймляющего прибрежья Тенассерима на протяжении около 400 километров, суть не что иное, как выступившие из моря отрывки подводных горных хребтов, расположенных несколькими грядами, параллельными оси полуострова, и состоящих из тех же каменных пород, гранитов, порфиров, конгломератов. Если бы поднятие почвы выдвинуло их основание из волн Барманского моря, то промежуточные проливы превратились бы в долины, где возникали бы реки, с течением, параллельным течению рек восточной земли.

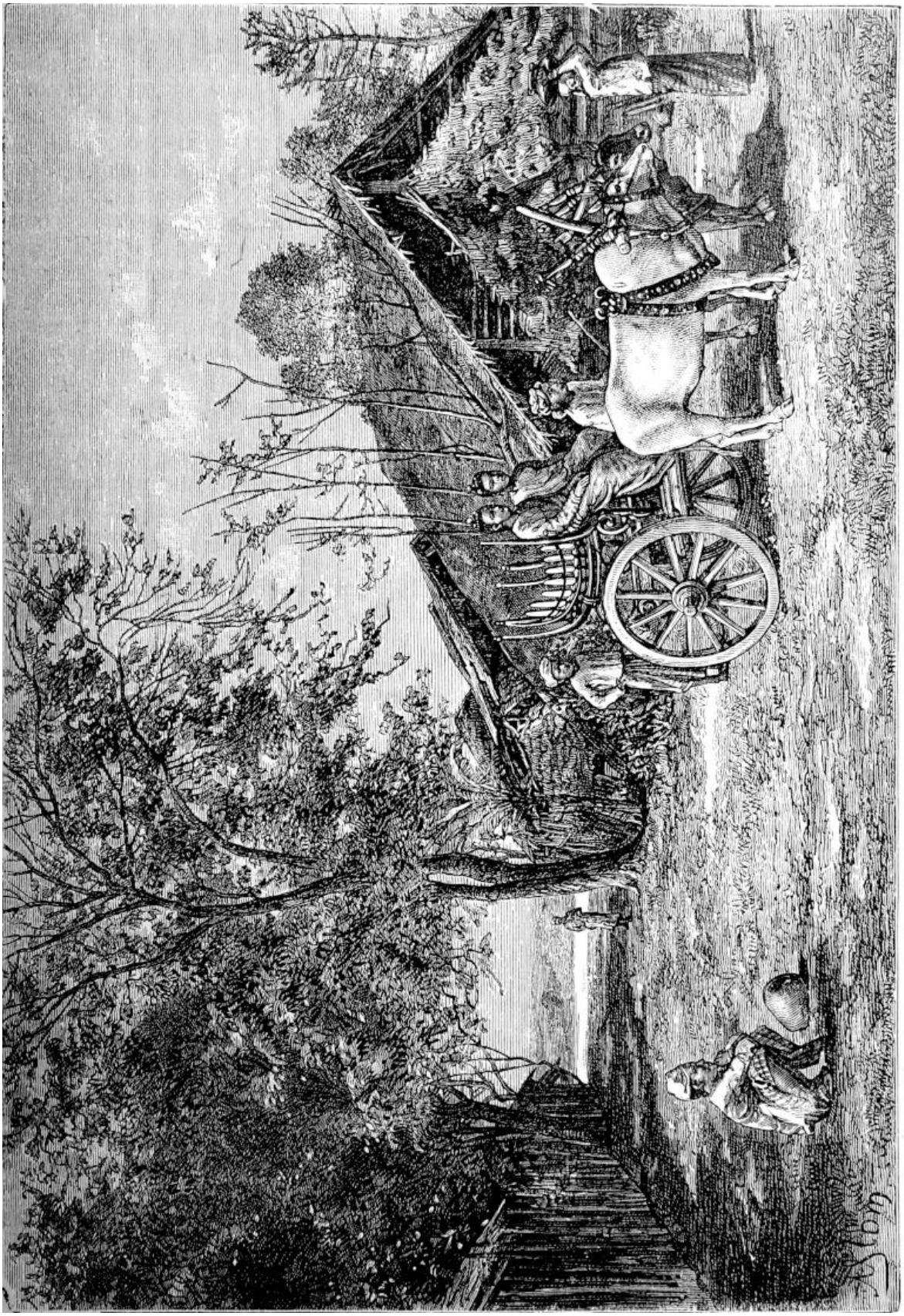
Северная Кордильера Малаккского полуострова составляет естественную границу между барманским прибрежьем, которым теперь владеет Англия, и сиамскими владениями. Главное её минеральное богатство состоит в олове, и китайцы основали там рудники, деятельно разработываемые; в тех же горах, которым сиамцы дают название «Трехсот пиков», собирают блестки золота. На юге от Тенассерима, горная цепь, там и сям прерываемая глубокими брешами, продолжается в виде параллельных хребтов до самой оконечности полуострова Малакки.

Известно, что одна из этих брешей цепи Трехсот пиков образована, непосредственно на юге от английской границы, рекой Пакшан или Кра, названной так по имени одной деревни на её берегах, и рекой Чумпонг, притоком Сиамского залива. Далее на юге, вторая брешь открывается в том месте, где полуостров и выступы его рельефа переменяют направление и круто поворачивают к юго-востоку: там находится, без сомнения, линия излома, которая продолжается далеко в море, так как цепь Андаманских островов и Суматра соответственно параллельны двум половинам Малайского полуострова. Наконец, далее на юге, в земле Ли гор, полуостров снова суживается между цепями островов, окаймляющими берег в Малаккском проливе, и извилистым рукавом, отделяющим остров, или «пуло», Танталам от восточного прибрежья. Кажется, что в эпоху наибольшего развития буддийской пропаганды путешествия между Южной Индией и Камбоджей производились через Лигорский перешеек[1]. Но в течение всего нового периода истории перешеек Кра, более узкий и более близкий к устью Менама, был гораздо чаще посещаем для перехода из одного моря в другое; во многих экспедициях сиамские войска избирали эту дорогу, чтобы идти сражаться с барманцами Тенассерима. По прямой линии считают всего только 45 километров от устья реки Чумпонг, впадающей в Сиамское море, до северной оконечности Пакшанского лимана, и притом проведена хорошая дорога через порог, возвышающийся только от 25 до 30 метров над уровнем моря. Часто предлагали прорыть через перешеек Кра канал судоходства, который сократил бы на 1.100 километров путешествие из Калькутты в Кантон, на 2.200 километров—путешествие из Мерги в Банкок. Нет сомнения, большинство кораблей, которые теперь плывут на Сингапур или на Батавию, в своем переходе из Индии в Китай, пользовались бы судоходным путем через перешеек Кра, если бы канал, открытый между двумя морями, представлял достаточную глубину. По первоначальному проекту, принадлежащему Тременгиру, предполагается углубить, с помощью землечерпальных машин, мелководные части реки Пакшан до деревни Кра, затем прорыть на востоке русло ручья, чтобы перейти порог по туннелю и оттуда спуститься к Сиамскому заливу через аллювиальные земли, по которым протекает река Чумпонг. Шомбурк предлагал сделать разрез перешейка гораздо южнее: по его проекту, Пакшаном можно было бы воспользоваться лишь в южной части, где лиман везде имеет не менее 10 метров глубины, а оттуда водный путь направился бы на восток рекой Чаом, через страну, рельеф которой еще не вполне известен. Делонкль, так же, как Дру, предпочитает промежуточные трассировки, по которым канал начинался бы от реки Пакшан, ниже порогов, и достигал бы восточной покатости в местечке Тазан, на Таюнге или верхнем течении Чумпонга[2]. Но прежде, чем можно будет приступить к практическому осуществлению того или другого из этих проектов, необходимо изучить во всех подробностях рельеф и геологию

1 James Fergusson, „Royal Asiatic Society“, June 1857.

2 „Revue de Ceographie“, mars 1882: „Exploration“, 9 et 16 mars 1882.

местностей, через которые придется вести канал, и убедиться, позволят ли глубины восточного берега вырыть порт, доступный для судов большого водоизмещения. Что касается западной оконечности будущего пути, то она представляет все удобства: глубокую якорную



Видъ на Малаккскомъ полуостровѣ.

стоянку и совершенную защиту от ветров. Каковы бы, впрочем, ни были шансы исполнения для канала, несомненно, что естественная трассировка железной дороги большого движения между двумя морями проходит гораздо севернее, у самого основания полуострова, между го-

родами Тавой и Банкок. На востоке английской провинции Уэллеслей и государства Перак, верхняя долина реки Перак, параллельная морскому берегу, тянется с севера на юг, между двух небольших цепей гор, превышающих 1.000 метров некоторыми своими пиками: даже одна из вершин, или *гунонг*, Улу-Тумуланг, достигает высоты 1.961 метра. Река Канта, приток Перака, прерывает восточную цепь, тогда как другой хребет, называемый Ларут, постепенно понижаясь, пропадает в соседстве моря; но на востоке от заливообразного устья Перака, уединенный массив поднимается своею высшею вершиною до высоты 1.982 метров: это Гунонг-Раджа, или «Царь-гора», которую соседния вершины, по словам Дали, превышают слишком на 400 метров[1]. Гористая область, еще не везде посещенная путешественниками, отделяет этот массив от другой группы пиков, еще неизмеренных, но которые, по мнению Миклухо-Маклая, следует считать самыми высокими горами на Малайском полуострове. Река Паганг, впадающая на востоке в Китайское море, ограничивает эти возвышенности с южной стороны; далее расстилаются болотистые равнины, занимающие большую часть восточной покатости, тогда как вдоль западного берега, вплоть до северных окрестностей города Малакки, тянется горная цепь, достигающая в самых высоких точках своих 1.000 и 2.000 метров[2]. Вершина,—которой первые европейские мореплаватели, искавшие повсюду гору, откуда Соломон получал свое золото, дали имя Офир,—возвышается на 1.173 метра в оси этой цепи, но стоит совершенно уединенная, подобно вулканическому конусу. Далее на юге встречаются лишь простые холмы; однако, вершины, которые виднеются на северо-западе Сингапура и которые носят название Гунонг, или «гора» по преимуществу, достигают еще высоты 600 метров. На востоке ряды высот продолжаются до самой оконечности континента, до мысов Джохор и Рамениа (Романия). Остров Сингапур принадлежит к тем же каменным формациям, как и горные цепи полуострова; в геологическом отношении он составляет часть твердой земли; канал, отделяющий его от мыса Джохор и который называют «Старым проливом», потому что он был предпочитаем моряками, боявшимися пускаться по волнам большого прохода, имеет скорее вид реки, нежели морского рукава. Он тянется извилинами внутри земель, на пространстве около 55 километров, при средней ширине от 1.000 до 1.500 метров: это поперечная долина, пересекающая ось полуостровных гор.

В целом горы Малазии состоят из гранитных скал и песчаников. В месте соприкосновения этих пород с конгломератами и глинами, которые тянутся вдоль основания гористой области, пояс аллювиальных слоев, толщиною в несколько метров, прикрывает рудные месторождения переменной мощности, где китайские рудокопы собирают олово; в тех местах, где речные наносы, содержащие руду, встречали препятствия, потоки образовали водовороты, и вода вырывала в почве углубления, или «мешки», откуда иногда извлекают целые груды металла. Почти все ручьи и речки страны катят также золото в своем крупном песке. Хотя разработка рудных залежей ведется систематически только в английских владениях, тем не менее, годовая добыча олова в континентальной Малазии превышает, по ценности, 8 миллионов франков[3]; во многих внутренних областях, между прочим, в Паханге, ходячая монета состоит из оловянных кружков, с оттисненным на них королевским штемпелем и с дыркой по середине, так что их можно нанизывать на шнурок и носить при себе связками, как китайские сапеки. Редкость оловянных рудных месторождений в остальных странах земного шара обеспечивает рудникам Малайского полуострова исключительную важность. Может быть, именно в соседстве оловянных рудников Малакки и открылся бронзовый век, ибо залежи этого металла, без которого невозможно было бы приготовлять сплав, называемый бронзой, не существуют в странах, прилегающих к Средиземному морю, где распространилось употребление бронзового оружия. Все находки, сделанные в свайных постройках Европы, имеют рукоятки,которые могут годиться лишь для руки индусов или их восточных соседей; средняя разность между этими рукоятками и рукоятками французского оружия превы-

1 „Proceedings of the Geographical Society of London", july 1882.
2 „Proceedings of the Geographical Society of London", july 1882.
3 Barrington d'Almeida, „Journal of the Geographical Society of London", 1876.

шает 3 сантиметра. Различные орудия, находимые в Восточной Азии, и мотивы орнаментации, как, например, знак креста, также свидетельствуют о торговых сношениях, которые производились в первые времена бронзового века между Индиею и Западною Европою[1].

Дожди, падающие на склоны гор Тенассерима и Малазии, очень обильны, преимущественно на западной покатости, где скалы, часто размываемые ливнями и изборожденные рытвинами, всегда имеют более голый вид, чем скалы восточной отлогости. Средним числом, слой дождевой воды превышает 3 метра в год; дождь идет почти всякий день, с ноября до мая, да и в остальное время года нередко случается, что ветер, с какой бы стороны ни дул, приносит влажность; окруженный со всех сторон водами моря, полуостров купается своими горами в атмосфере, насыщенной парами; там не бывает ни одного дня, который был бы совершенно ясный[2]. Оттого и реки, спускающиеся с гор, очень обильны в сравнении с длиной их течения, и многие из них, доступные пароходам в той части своего течения, куда доходит морской пролив, носят барки до самого основания гор. Таковы реки Перак, Бернам, Селангор, Кланг, Моар, на покатости Малаккского пролива, и реки Паханг и Индау—на покатости Китайского моря. Но течение всех этих рек прерывается порогами, переход через которые часто бывает сопряжен с опасностью. Так, верхний Перак, «Серебряная река», спускается целым рядом *джерамов*, или порогов (всех 55), которые судовщики стараются умилостивить разными приношениями. Прежде, чем пуститься через самые опасные проходы, они останавливаются, умоляют скалы, объясняют им в подробности важность путешествия и бросают им бананов, орехов бетеля, даже сухарь, когда их сопровождает белый человек[3].

Ручьи и реки Малазии увлекают в своем иле обломки глин и латеритов и отлагают их на плоских берегах в виде болотистых пространств, которыми мало-по-малу овладевают ризофоры (корнепуски), окаймляя прибрежье эшафодажем своих воздушных корней. Все мутные воды, стекающие с континента и с островов и которые море подбирает, чтобы затем метать их в виде волн против берега, очищаются в этом лабиринте растительности и постепенно повышают болотистую почву прибрежья, прибавляя к берегам нанос за наносом, как слои, годовое нарощение которых окружает стволы дерев. Таким образом, остров Пуло-Пинанг все более и более приближается к твердой земле. Изучение почвы доказывает, что пролив имел некогда около двадцати километров в ширину; но Прай и другие реки, спускающиеся с Ларутских гор, выдвинули свои берега в ущерб канала, оставив ему не более трех километров в самом узком проходе: поток, сжатый между островом и материком, вырыл фарватер в 25 метров глубины, но на севере и на юге пролива обширные отмели продолжаются далеко в море[4]. На берегах Малаккского пролива влияние острова Суматры, протянувшагося параллельно западному берегу, производит обратное явление. И там тоже реки и ручьи Малазии приносят в море большие количества грязи, но текучия воды Суматры, которые катят гораздо больше землистых частиц, берут перевес и образуют обширные дельты впереди своих устьев. Течение пролива, отбрасываемое к востоку наносами Суматры, задевает малайский берег, увлекая ил к открытому морю: уравновешение борющихся сил совершается, с одной стороны, в пользу отложения наносов, с другой—в пользу размывания берегов. Таким образом, многие пространства малайского берега постепенно отступили внутрь материка; повсюду, где мысы омывают свои выступы в морских водах, они подтачиваются и размываются течением, которое уносит далеко их обломки в какую-нибудь защищенную бухточку. Несмотря на отступление берегов в южной части полуострова, есть много признаков поднятия почвы; малайцы показывают бывшие островки на большом расстоянии от моря внутри материка, и на острове Сингапуре, на высоте 12 метров от нынешнего уровня моря, виден поднятый берег, заключающий в себе остатки человеческой промышленности.

Благодаря своему климату, обилию орошающих вод и своим портам, лежащим вдоль

1 Gabriel de Mortillet „Revue d'Anthropologie", 1875.
2 Wernich, „Geographisch-medicinische Studien".
3 Daly, цитированный мемуар.
4 Logan, цитированный мемуар.

океанского пути, по которому беспрестанно ходят корабли, полуостров Малакка обещает в близком будущем давать торговле массу самых разнообразных естественных произведений; путешественники насчитывают сотнями предметы торгового обмена. Леса полуострова заключают в себе все драгоценные древесные породы Индии и Малайского архипелага, а на возделываемых землях, пояс которых мало-по-малу распространяется все далее от морского прибрежья к высоким долинам, живут рядом друг с другом все утилизируемые растения тропического и умеренного поясов: рис, табак, маис, корни, дающие маниоковую муку, деревья кофейное, перечное, чайное, какаовое, хинное, пальмы всякого рода; континентальная Малазия может сделаться второй Явой по могуществу и правильности производства. Большие дикие звери, слон, носорог, вепрь, тигр отступают в глубь лесов, по мере того, как малайские или китайские поселенцы проводят сеть своих тропинок, и быки пасутся тысячами голов на саваннах, отвоеванных у болот или лесов.

Карены и другие нецивилизованные народцы, живущие в горах Тенассерима, граничат, с одной стороны, с барманцами и талайнами западного берега, с другой—с сиамцами восточного. Кроме того, существует одно дикое население, редко приходящее в соприкосновение с цивилизованными обитателями морского побережья: это—племя рыболовов силонг или селонг, которые в период юго-западного муссона располагаются становищами в шалашах на островах Мерги, а в остальное время года живут в своих ладьях или на морском берегу, убегая при появлении всякого чужого, хотя бы самого маленького, судна. Они, впрочем, очень малочисленны, всего какая-нибудь тысяча душ, и говорят языком, который еще не был изучен[1].

Дикия населения полуостровной Малазии представлены племенами, разделенными на бесчисленное множество кланов. Эти племена, известные под генерическими именами оранг-бинуа, «люди почвы», оранг-утанг, «люди лесов», оранг-букит, «люди гор», оранг-убу, «люди рек», оранг-дарат-лиар, «дикие люди», или просто оранг-улон, «люди внутренней страны», не носят особенного названия, отличающего расу, и наименования их применяются, без сомнения, к народцам различных происхождений, чистых или смешанных. Точно также оранг-слатар, или «люди рек», оранг-лаут, оранг-тамбура, или «люди моря», далеко не принадлежат к тому же самому этническому корню; случай приключений, войн и союзов разделил их. на группы, совершенно отличные одна от другой.

Ужас, внушаемый «людьми земли», или оранг-бинуа, и еще более жестокости, которым их подвергали, породили странные легенды у малайцев морского прибрежья. Эти последние совершенно серьезно повторяли басню о людях с хвостом, утверждая даже, будто оранг-бинуа обмакивали в деревянное масло конечный пучек этого придатка и зажигали его в виде факела, чтобы истреблять пожаром малайские деревни[2]. Другие бинуа называемые гаргаси, по росказням их соседей, имеют лицо, вооруженное бивнями или клыками; иные, будто бы, покрыты шерстью, в виде густого меха; жители реки Текайн обладают, будто бы, огромными ступнями, длиною в полметра, и стремительно налетают на лесную и полевую дичь, чтобы пожирать ее сырьем[3].

Всего менее, повидимому, смешались с малайцами те туземцы внутренней части полуострова, которым дают специально названия саманг и сакай; первые из них живут на западной отлогости гор, вторые во внутренних долинах и на восточной покатости. Все путешественники, имевшие случай посетить самангов и сакаев в их становищах и сравнивать их с папуасами Новой Гвинеи, не колеблясь признают их принадлежащими к той же расе. Более чернокожие, чем малайцы, они имеют толстые губы, приплюснутый нос с широкими ноздрями, курчавые волосы; они отличаются величиной ноги, которой три внешние пальца обращены наружу; почти все эти дикари, ведя существование, полное лишений, малорослы и болезненны, и пропорция бесплодных женщин между ними значительна. Мужчины, весь

1 Helfer, „Gedruckte und Ungedruckte Schriften“.

2 Hermann Moll, „The Oriental Islands“.

3 Миклухо-Маклай, „Straits Branch of the Royal Asiatic Society“, № 2, dec. 1878.

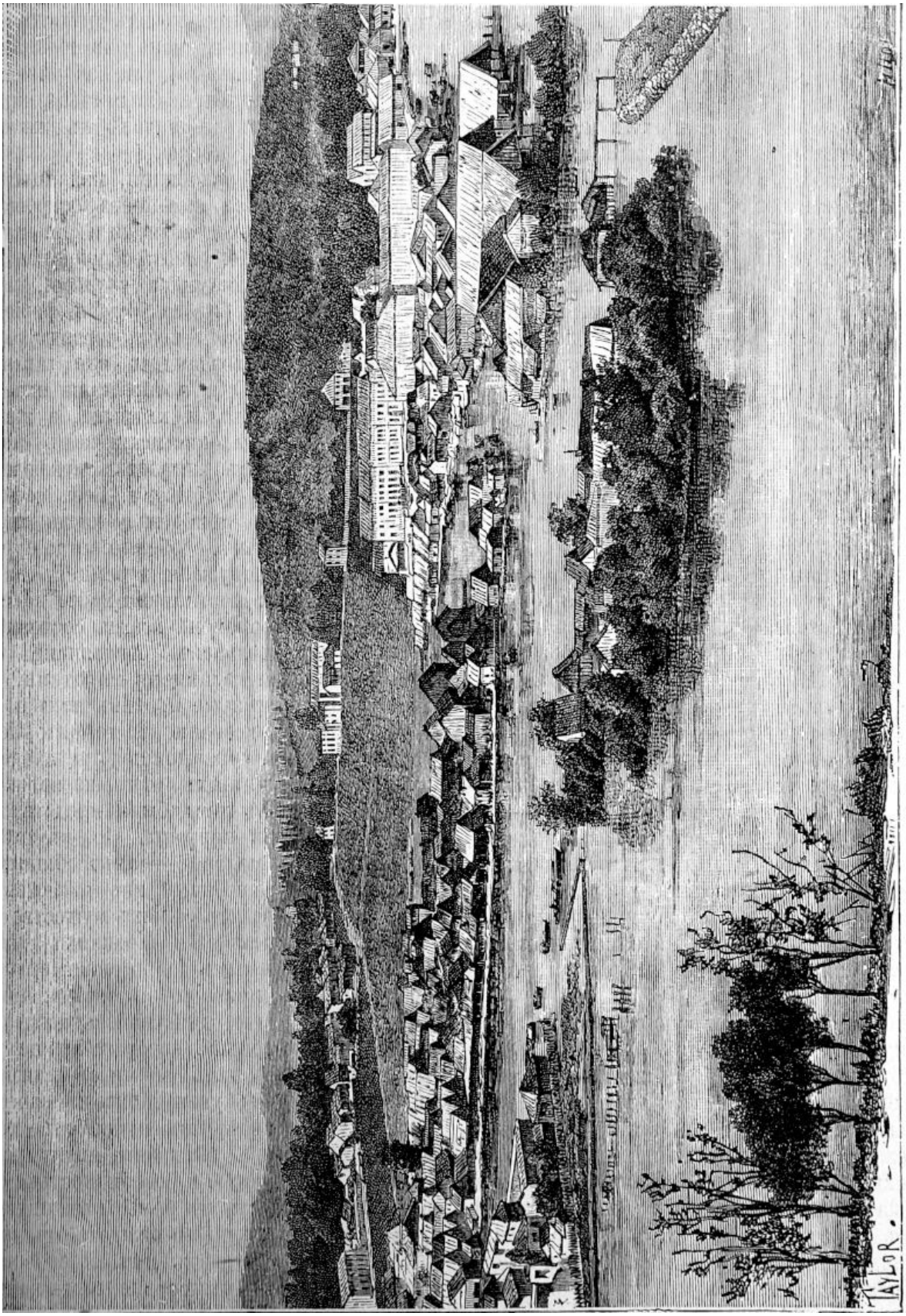
костюм которых состоит из передника, не носят никаких украшений, даже не татуируются; женщины, более кокетливые, чертят себе кривую линию и маленькие знаки на щеке, протыкают мочку ушей и продевают в перегородку ноздрей иглу дикобраза. Самые дикие папуасы Малайского полуострова не имеют даже жилья; они проводят ночь на верхушке деревьев, и все их имущество состоит в ноже; у других есть сарбакан, из которого они пускают стрелы, отравленные соком ядовитого растения упас. Они проскальзывают, как змеи, сквозь лесную чащу, не ломая ни ветвей, ни лиан. По словам Миклухо-Маклая, некоторые племена сакаев выбирают себе начальника или царька, который, впрочем, по образу жизни, ничем не отличается от других дикарей; когда такой раджа умирает, жена его может заставить признать себя царицей. Браки совершаются без всяких церемоний или обрядов; у сакаев Паханга, мужчина должен завоевать невесту на беге; он дает ей некоторое упреждение, но если не догонит ее по сю сторону цели, то ему не дозволяется пытать счастья во второй раз[1]. По свидетельству того же путешественника, некоторый племена имеют форму общинного брака, очень примитивную, предшествующую даже той, которую представляют брачные союзы наиров на Малабарском берегу; каждая женщина принадлежит всему племени, хотя она все-таки считается связанною с своим первым супругом. У этих бродячих семейств ребенок носит имя не матери, а того дерева, под которым он родился[2].

В религиозных верованиях и церемониях дикарей встречаются следы слияния индусских религий и арабского магометанства, но основу их культа составляют заклинания духов; их жрецы, или *поянги*, практикуют род шаманства, как жрецы баттанов и даяков на островах Суматра и Борнео[3]. Большинство бинуа говорят малайским языком; однако, некоторые старики знают лишь идиом своих предков, мало отличающийся от наречия жителей Новой Гвинеи. Даже те, которые употребляют малайский язык, как обычную речь, сохранили в своем словаре много слов папуасского происхождения. По общему верованию, искатели камфоры могут рассчитывать на успех не иначе, как под условием, если они говорят еще древним языком; когда же им случится произнести нечаянно малайское слово, то камфорное дерево мгновенно скрывается из глаз, хотя бы оно было на таком расстоянии, что его можно было достать рукой. Малайские звероловы тоже стараются выучиться «камфорному языку» и тем способствуют сохранению его существования[4]. Но расе угрожает сильная опасность исчезновения. В соседстве становищ дикарей, малайцы устраивают засады, чтобы выкрадывать детей и продавать их в рабство. Скоро останутся так называемые «прирученные» оранги, каковы, например, джохорские якуны, бинуа, до такой степени изменившиеся вследствие скрещивания с китайцами и малайцами, что они уже утратили все характеристические черты туземца[5].

Малайцы составляют основу населения, вне больших городов, где преобладают китайцы. Хотя имя их, по Вету, имеет первоначальный смысл «горцев», однако, малайцы по большей части—жители равнин и морского прибрежья; в некоторых местах даже все они, без исключения, лодочники или моряки. Где искать центр распространения этих народцев, представители которых рассеяны от Мадагаскара до Океании? Пришли ли они с азиатского континента, или их первые предки, родоначальники, родились в тех же архипелагах, где в наши дни находится главная масса малайской расы? Мнения по этому предмету разделены, и вопрос остается открытым. Как бы то ни было, вероятно, что первоначальная их родина не полуостров Малакка, так как их собственные предания говорят, что они пришли из другого места, и оттесненные дикия племена они обозначают именем «людей почвы», или «аборигенов». Индусское наименование «малайцы», повидимому, применялось в начале к жителям западного берега Суматры.

1 Plaisant, „Annales de la Propagation de la Foi“, nov. 1848.
2 Pupier, „Annales de la propagation de la Foi“, 1826.
3 Logan, „Journal of the Indian Archipelago“, I.
4 Миклухо-Маклай, цитированный мемуар.
5 Logan, цитированный мемуар; Muller, Peschel, etc.

В физическом отношении, малайцы полуострова походят на малайцев острова Борнео. Они среднего роста, гибки и сильны, глаза у них маленькие, слегка скошенные; лицо широкое, с выдающимися скулами, волосы жесткие и черные, борода редкая, физиономия осмысленная, улыбка тонкая, взгляд гордый. Их повелители, голландцы или англичане, оклеветали их. Они изображали их как людей кровожадных и хитрых, а жителей Малаккского берега описывали как наследственных пиратов, живущих исключительно контрабандой и грабе-



Видъ Сингапура.

жем. Без сомнения, острова морского прибрежья часто служили притоном корсарам, особенно когда европейские державы вооружали туземцев одних против других; но главная масса населения в исторические времена всегда состояла из мирных земледельцев. Англичане также часто выставляли малайцев пиратами, чтобы извинить предпринятые против них походы, или оправдать присоединения территорий; внутренния таможни, учрежденные при входах в лиманы, при слияниях рек, на волоках и перевалах через горы, были представляемы как разбойничьи притоны. Но, в нормальных условиях, малаец—самый общежительный, самый миролюбивый из азиатцев, в то же время один из самых мужественных и самых гордых. В деревнях, каждый член общины самым добросовестным образом уважает права своего соседа; нигде не существует более действительного равенства[1]. Нет человека, который лучше умел бы господствовать над своими страстями, спорить с большим уважением к своему собеседнику, противоречить, щадя более искусно самолюбие другого, высказать ему упрек с большею любезностью и безобидностью, облечь свою откровенность в более вежливую форму. Но он имеет право ожидать от других того же, что сам дает им. Ласковое обращение привлекает их сердце, тогда как надменное высокомерие, которым европейцы часто стараются возвеличить себя в глазах туземца, порождает у малайцев чувство ненависти, смешанное с презрением[2]. Однако, и у этих людей, умеющих так хорошо сдерживать себя в обыденной жизни, может случиться, что страсти проявляются внезапной вспышкой. Когда малайцем овладевает ярость, ничто не в состоянии удержать его: он бегает, как безумный, поражая насмерть всякого, кто попадается на глаза, до тех пор, пока его не схватят и не убьют, как дикого зверя. Иногда это бешеное беганье, называемое *амок*, составляет также погребальную церемонию: предки требуют человеческой крови, которую и проливают, в честь их, преданные друзья, принося им в жертву как свою собственную кровь, так и кровь других[3].

Прежде, чем сделаться магометанами, малайцы были последователями индусских религий, и до сих пор многие предания, многие черты нравов напоминают времена, когда они еще не вступали в лоно ислама: у них есть даже не мало суеверий, общих с «людьми почвы», которые обожают добрых духов и заклинают злых гением. Многоженство встречается у них реже, нежели у других магометанских народов; оно практикуется только в тех случаях, когда муж достаточно богат, чтобы купить себе нескольких супруг. Древние обычаи матриархата имеют еще силу закона в большей части семейств. Молодой человек не просит руки девушки: на матери лежит забота сыскать зятя и предложить ему свою дочь; женатый, он не имеет никакого права на состояние своей супруги и даже, если он не принес в хозяйство приданого, равного имуществу жены, дети принадлежат последней, а его собственное достояние переходит к детям его сестер. В общинной организации, достоинство начальника, которое в принципе подлежит избранию, следует, вообще говоря, тому же порядку наследования: оно переходит не от отца к сыну, но от дяди к сыну сестры. Глава общины, или *пангуи*, не имеет других прав, кроме тех, какими пользуется староста в великорусском мире или в сербской задруге: он советник и примиритель семейств, или *суку*, которые обработывают земельные участки общины.

Как господствующему населению полуострова, малайцам грозит опасность. Уже и теперь китайцы составляют более трети жителей в английских владениях и, по всей вероятности, они приобретут там численное большинство через несколько лет; они селятся также в государствах независимых и состоящих под покровительством; но значительная пропорция этих иммигрантов, которые почти все уроженцы южного Китая, женятся на малайках, и дети их, оставаясь китайцами, приспособляются к нравам страны. Рудокопы, ремесленники, земледельцы, торговцы, посредники всякого рода, «сыны Гана» способны на всякия ремесла, и часто англичане опасались, как бы власть не перешла в руки этих трудолюбивых колони-

1 A. R. Wallace, „Malay Archipelago“; Thomson.

2 Recte; Jukes, „Fly“, vol. II; Logan, „Journal of the Indian Archipelago“, I.

3 Elie Reclus, рукописные заметки.

стов. Особенно боятся они тайных китайских обществ, члены которых дают клятву никогда не обращаться к европейским судьям и чиновникам и не признавать никакого авторитета, кроме авторитета своей ассоциации. Политика англичан состоит в том, чтобы разъединять этих опасных подданных, разделяя их на группы, враждебные одна другой, и отчасти они успели в этом, благодаря привлечению на свою сторону богатых китайцев, допускаемых под разными титулами в британскую администрацию. Естественная вражда малайцев к китайцам служит другим средством господства для англичан[1]. Полицейские силы, организованные ими в горнозаводских округах, где китайцы образуют большинство населения, состоят из солдат сейхов и гуркасов, набранных из самых преданных полков.

Индусы малайских государств и английских владений, называемых *Straits Settlements*, делятся на несколько групп, смотря по месту их происхождения. Бенгальцы, которых сразу можно узнать по их красному тюрбану и между которыми выбирают красивых *мандуров*, нечто в роде жандармов, шествующих впереди белых, в знак уважения, живут в особых кварталах, отдельно от малабарцев южной Индии. Другие выходцы из Индустана, клинг, чинлиа или телугу из Мадраса, присвоившие монополию разных ремесл, между прочим, профессию кучеров и извозчиков, и которые бегают без устали весь день, вымазанные деревянным маслом с головы до ног, рядом со своими маленькими пони, также населяют отдельные кварталы. Наконец, некоторые индусы обитают в лагерных бараках: это несчастные кулии, «наемники», санталы, ораоны, коль, которые работают на плантациях морского прибрежья, вольные по тексту их контракта, но в действительности рабы или крепостные. Арабы, армяне, несколько сотен евреев, евроазиаты, по большей части португальского происхождения, европейцы или оранг-пути, т.е. «белые люди», все—негоцианты, чиновники, плантаторы, еще более увеличивают разнообразие физиономий и костюмов в этом космополитическом народонаселении.

В собственно провинции Straits Settlements в 1891 году насчитывалось:

Малайцев—213.000 жит.; китайцев—228.000 жит.; индусов 54.000 жит. В 1893 г. вновь иммигрировало: китайцев—213.545 ж.; индусов—18.220 жит.

Несмотря на свое положение в соседстве экватора, города английской Малазии принадлежат к самым здоровым в Индии, к тем городам, где европейские семейства сохраняются и размножаются, продолжаясь из поколения в поколение[2]. Что касается «португальцев» Пуло-Пинанга, Малакки, Сингапура, то они сделались чернее малайцев, и только очень немногие из них напоминают чертами Магелланов, Альбукерков, Кастро и Суза, которых они считают себя потомками. Одно племя якунов претендует на такое же происхождение, и действительно между ним и миланскими португальцами не заметно никакой разницы в отношении роста, цвета кожи, формы лица[3].

Порты западного берега полуострова, на юге от города Мульмейна, ведут значительную торговлю, но которая, без сомнения, быстро возростет, как только хорошие дороги соединят Тавой и Мерги с берегами Сиамского залива и когда недавно основанные плантации соседних холмов, где разведены кофейное дерево, чайный куст, хинное дерево, пряные растения, будут давать полный сбор продуктов; земли роздаются участками, величиною от 4 до 2.400 гектаров.

Внешняя торговля г. Тавой в течение фискального 1880—1881 г.—2.061.100 франк.; торговля г. Мерги в том же году—2.450.000 франк.

Тенассерим, давший свое имя одному из трех административных делений английской Бармании, есть простая деревня, которую посещают, и то не без труда, суда небольшого водоуглубления. Прибрежные рыболовы, особенно тавойские, держат одно домашнее животное, к которому все другие люди, кроме этих туземцев, испытывали бы лишь чувство ужаса:

1 Thomson, „Dix aus de Voyages dans la Chine et l'Indo-Chine“.

2 A. Clarke, „Proceedings of the Geographical Society of London“, aug. 1882.

3 Favre, „An account of the wild Tribes inhabiting the Malayan Peninsula“.

это змея удав или боа. Они кормят его рисом и яйцами, как своих детей, собак и кошек, которые живут в мире и согласии рядом друг с другом. Удав—неизбежный спутник рыбаков во всякой экспедиции. Он свертывается в клубок на дне барки, где и лежит неподвижно по целым дням; но когда собирается буря, он поднимает голову и, проскользнув через борт, бросается в море, чтобы плыть к твердой земле; тогда моряки спешат натянуть паруса и следуют за своим вожаком-змеем[1].

На юг от реки Пакшан, которой, быть может, суждено сделаться современем путем международного торгового обмена, территория полуострова принадлежит Сиамскому королевству или раджам данникам. Высокие холмы показывают издали «колено» полуострова, т.е. то самое место, где морской берег, протянувшийся с севера на юг, меняет направление, поворачивая к юго-востоку. Большой остров, Ксаланг, Саланг, Цейлон или Джонк-Цейлон, продолжает северный берег, прикрывая на востоке большое число портов, где целые флоты могли бы безопасно стоять на якоре между островками и рифами. Это имя Цейлон, кажется, напоминает ошибочное понятие, которое некогда сложилось в уме неопытных моряков, смешивавших индийский остров Тапробану с землями Малайского архипелага[2]: здесь или в соседстве—может быть, в Панга или в Кедахе—следует искать Калах арабских мореплавателей, большой рынок, который первые комментаторы искали на острове Цейлоне, в Пойнт-де-Галле.

На восточном берегу, к северу от Сиамского залива, сиамские или малайские города имеют в настоящее время маловажное торговое значение. Населения внутренности страны слишком малочисленны, чтобы могли питать сколько-нибудь значительную торговлю; оловянные рудники слабо разработываются, залежи каменного угля были только обследованы, и на дорогах или каналах, перерезывающих полуостров от моря до моря, не возникли еще города, которые охраняли бы их приморские оконечности. Города Лигор и Патани, на восточном берегу полуострова, вели некогда довольно деятельную торговлю, пока Батавия, Сингапур, Пинанг не привлекли, в начале семнадцатого столетия, в свои порты главное движение торгового обмена; голландцы основали контору в Патани, и вскоре после того там поселились англичане. Но набеги диких племен из внутренних областей заставили европейских негоциантов покинуть край с первого года следующего столетия.

Пуло-Пинанг, «Остров Пальмовый», принадлежит британскому правительству уже около ста лет; данный одному английскому моряку, который женился на дочери кедахского раджи, он вошел, в 1786 году, в состав колониальной империи Англии, и вскоре его новые владетели оценили его как санитарную станцию. Покрытая лесом гора, поднимающаяся в северной части острова, достигает высоты 830 метров, и этой высоты достаточно, чтобы нормальное понижение температуры и чистота воздуха, беспрестанно обновляемого ветром, образовали климат, совершенно отличный от климата индусских берегов. Гораздо ранее, чем были построены санитарные города на Гималаях и Ниль-Гири, Пуло-Пинанг, называемый также островом принца Валлийского, был посещаем калькуттскими и мадрасскими негоциантами и чиновниками, желавшими восстановить свое расстроенное здоровье. Снизу, когда смотришь на гору, видны последовательные зоны растительности, расположенные ярусами по склонам над поясом пальм арек, который дал свое имя острову; виллы показываются на выступах горы, во всех долинах, и между деревьями проглядывают дороги, извивающиеся в лесу. Главный город, Танджонг малайцев, Джорджтаун англичан, сгруппировал свои дома у восточного основания горы, на ближайшем к твердой земле мысе. Рассказывают, что в 1786 году, когда капитан Ляйт пришел взять во владение остров именем Англии, он прибег к следующему оригинальному средству, чтобы заставить туземцев расчистить джунгль, где в настоящее время стоит Джорджтаун: он велел зарядить свои пушки серебряными монетами и выпалил в самую густую чащу лесной поросли, зная очень хорошо, что малайцы постарают-

1 Shwaye Yoe, „The Burman“.

2 Yule, „Cathay and the way thither“; „The Book, of ser Marco Polo“.

ся расчистить почву до основания, чтобы отыскать соблазнительные доллары[1]. Порт, защищенный от ветров открытого моря всею массой острова, доступен большим кораблям и ведет значительную торговлю оловом, перцем, кокосовым маслом, индийским тростником; когда началась ачинская война, экспорт Пуло-Пинанга увеличился вывозом продуктов и товаров, предназначенных для голландских войск. Годовая ценность внешней торговли простирается до 150.000.000 франк.

Население малайское, китайское, индусское, которое водворилось на материке напротив острова, в английской провинции Уэллеслей, почти все состоит из земледельцев и работает на рисовых полях, плантациях сахарного тростника и в «чайных» и «маниоковых садах». Города в собственном смысле встречаются лишь в государстве Перак, или «Серебряном», заключающем в себе почти весь бассейн реки этого имени, на востоке и на юге провинции Уэллеслей. Столица этого государства, состоящего под покровительством Англии, Квала-Кангса, лежит на берегу реки, внутри материка; но самое значительное городское поселение, где командует английский резидент,—это порт Ларут, место вывоза оловянной руды, собираемой китайцами в окружающей области. Между Ларутом и устьем Перака, остров Диндинг и отрывок территории, почти такой же большой, как провинция Уэллеслей, были присоединены к колониальной империи Великобритании.

Город Селангор, лежащий при устье реки того же имени, был недавно столицей государства; его сменил, в качестве столицы, Кланг, получивший это название от реки, орошающей его сады, и оставался главным городом до 1870 года. Суда, имеющие 4 метра водоуглубления, поднимаются по реке до самого Кланга; пароходы меньших размеров проникают на 30 километров дальше, до Дамасары, откуда выходит отличная колесная дорога, служащая для перевозки руды. Некоторые из горнопромышленных компаний, между прочим, ампагнанская, употребляют до тысячи рабочих в одном руднике и пользуются машинами, привезенными из Европы. Капиталисты выхлопотали себе во владение обширные земли в Селангоре, для культуры тропических растений; одно из таких крупных имений заключает слишком 800 гектаров под корнями маниока и располагает усовершенствованными паровыми машинами. Центральным рынком для этих промышленников служит город Квала-Лампур; выбранный английским резидентом столицею государства, состоящего под покровительством Великобритании, он находился недавно под управлением одного китайца[2]. На юге, государство Сунгей-Уджонг, тоже обогащенное своими оловянными рудниками и кофейными плантациями, подчинено английскому протекторату; но группа маленьких республик, лежащих на востоке и известных под именем Негри-Сембилан, или «Девяти государств», избегла до сих пор замаскированного присоединения к британским владениям. Англичанам даже редко удается проникать в эту территорию; «куда пройдет игла, туда и нитка за нею последует», говорят туземцы, в предвидении ожидающей их в близком будущем участи. Что касается большого государства Паханг, названного так по имени многоводной реки, изливающейся в Китайское море, то оно старается сохранить свою независимость, признавая двух соперничающих друг с другом сюзеренов. Султан или раджа, имеющий резиденцию на лимане реки Паханг, в городе Пекан, выслушивает с уважением советы и указания, даваемые ему английским правительством, но в то же время объявляет себя вассалом короля сиамского, которому посылает каждый год, как и его соседи, северные государи, золотую вазу и серебряную розу.

Малакка, столица чересполосного владения, состоящего под непосредственным управлением Англии, есть древнейший город полуострова, которому он дал свое имя. Он был столицею могущественного малайского царства, которое предписывало морские законы мореплавателям восточных морей: «малайский обычай», обнародованный в 1276 г., до сих пор еще служит законом, регулирующим отношения и права моряков в водах Малазии[3]. Завоеван-

1 Cameron, „Our Tropical possessions in Malayan India“.

2 Daly, „Proceedings of tbe Geographical Society of London“, aug. 1882.

3 Th. Benfey, „Encyclopaedie von Ersch und Gruber“.

ный португальцами в 1511 г., этот город принадлежал им в течение ста слишком лет, затем, как большая часть других португальских владений в Индии, перешел в руки голландцев, которые удерживали его за собою до 1824 года. Сделавшись английским городом, Малакка сохранил свою мирную физиономию; канал разделяет его на две части: в одной живут европейцы и люди, состоящие у них в услужении, а другая, торговая часть, населена малайцами и китайцами. На пространстве нескольких километров, по берегу моря тянутся непрерывным рядом дома, окруженные фруктовыми деревьями и садами; город сливается своею зеленью с окружающими полями, обширной равниной, поросшей лесом кокосовых пальм, над которыми виднеются вдали синеватые вершины гор, расположенных амфитеатром. Как город научный и литературный, Малакка уже не соперничает более с Сингапуром, но прежде он был главным центром умственного движения в Малазии. Там появились первые английские издания на крайнем Востоке: уже в 1826 г. там был основан журнал «Malacca Observer and Chinese Chronicle»; там же был напечатан первый по времени сборник в этих странах под именем «Indo-Chinese Gleaner»[4].

Сингапур, который до сих пор сохраняет свое санскритское имя «Города львов», свидетельствующее о существовании в этой местности древнего центра индусской цивилизации, имеет, однако, как город, недавнее происхождение. После обратной уступки острова Явы голландцам, английское правительство хотело приобрести, взамен этой колонии, пункт, в одно и то же время стратегический и торговый, который позволил бы ему вновь завоевать посредством торговли, по крайней мере, часть богатств, отошедших обратно к Голландии. Остров, так удобно приютившийся в бухте континента, на крайнем углу полуострова, представлял все выгоды, как место пристанища для кораблей. Стамфорд Рафльс, бывший губернатор Явы, снял в аренду, а затем купил эту землю у Джохорского султана, и чтобы бороться против запретительной торговой системы голландцев, он открыл новый порт судам всех наций на правах порто франко. Успех этой меры превзошел все ожидания: город быстро вырос из топей прибрежья, и негоцианты стеклись со всех сторон, особенно китайцы, первые по уменью вести торговые дела и по духу предприимчивости.

В течение долгого времени Сингапур пользовался монополией торговли между Индией и крайним Востоком. Порты Китая, Кохинхины, Сиама были тогда закрыты мореплавателям; порт Батавии, не будучи безусловно запрещен европейской торговле, был свободно открыт только нидерландским судам; равным образом и другие порты, принадлежащие Голландии, были закрыты фискальными ограничениями. Напротив, вход в английский порт был совершенно открыт; корабли становились там на якорь и выходили оттуда, не платя ни таможенных пошлин, ни каких-либо других налогов или сборов; город принадлежал всем: китайцы, индусы, малайцы и арабы селились там беспрепятственно, пользуясь большей свободой, чем у себя на родине. Рис, кофе, все произведения тропических стран находили в этом городе корабли, отправляющиеся в Европу. Теперь, когда моряки могут забирать грузы непосредственно в портах Сиама, Кохинхины и Сондских островов, Сингапур представляет только одну выгоду, но она очень важная—ту выгоду, которая ему обеспечивает, в отношении пересылки корреспонденции, остановки пассажиров и склада товаров, его несравненное положение на крайнем углу континента, при проливе, через который производится сообщение между двумя океанами.

«Город львов», где собрано свыше ста шестидесяти тысяч жителей (по переписи 1891 г.), принадлежащих ко всем расам Азии, раскинулся на пространстве нескольких километров по берегу рейда и лимана, разрезывающего южный берег. Как все города Востока, населенные людьми различных каст и национальностей, Сингапур делится на многочисленные кварталы: малайский, китайский, клингский, малабарский и т.д., которые все различаются между собою родом постройки и промыслами жителей. Самый оживленный квартал прилегает к докам, огромным бассейнам, куда входят корабли, имеющие более 6 метров водоуглубления; пароходы останавливаются у набережных; в рейде качаются китайские джонки,

4 Henri Cordier, „London and China Express“, febr. 3, 1882.

малайские праго и суда и лодки всевозможных форм, управляемые островитянами Сондского архипелага. Европейские и американские товары, индийские ткани нагромождены в складах и на набережных, вместе с произведениями островов и соседнего полуострова: пряностями всякого рода, зерновыми хлебами, чаем, кофе, сахаром, маслами и камедями, кассией, кашу, гутта-перчей. Эта громадная торговля переходит мало-по-малу в руки китайских посредников, банкиров или мелких ростовщиков; они выдают ссуды под стоимость грузов или туземным морякам, или иностранным судовладельцам, и скоро, в той или иной форме, все барыши от продажи попадают в их карманы. Круг их деятельности современем еще более распространится, благодаря паровому парому, который в близком будущем соединит противоположные берега пролива, и джохорской железной дороге, которая, исходя из главного города вассального государства, достигнет, рано или поздно, Малакки и других городов западного поморья.

Торговое движение Сингапура в 1893 году (не считая ввоза и вывоза драгоценных металлов):

Ценность привоза—108.243.653 доллар.; вывоза—108.456.082 доллар.

Окрестности города усеяны многочисленными *кампонгами*, малайскими и китайскими, а по бокам соседнего холма извиваются аллеи парка, который в то же время служит и ботаническим садом. Хотя население существует почти исключительно торговлей, остров, однако, покрыт плантациями, которые жители должны защищать от нападения маленьких диких свиней, наносящих большой вред посевам и насаждениям. В первые времена колонизации тигры были очень опасны: чуя человечье мясо, они переправлялись через пролив вплавь и, как говорят, ежегодно пожирали до трехсот человеческих жертв[1], но благодаря большим премиям, платимым колониальным правительством и негоциантами, и особенно благодаря распространению земледелия, эти страшные соседи почти совершенно исчезли. Теперь европейцы могут без всякого опасения строить свои загородные дома в самых живописных местностях. Склоны холмов, возвышающихся только на 100 до 150 метров, не поднимаются в атмосферу, климат которой был бы чувствительно более умеренный, чем климат низменных берегов, но бриза дует там более свободно, и с высоты вершин можно любоваться видом моря и архипелагов, усеянных кораблями, которые плывут к порту или удаляются от него, образуя на поверхности вод бесконечную сеть взаимно пересекающихся борозд. Все торговые пути Индийского и Тихого океанов сходятся к этой конечной точке Азии.

Население главных городов полуострова Малакки:

Сингапур—160.000 жит.; Джорджтаун—40.000; Малакка—20.000; Тавой—14.800; Мерги—10.750; Кедах или Кведа (по Пальгуа)—8.000; Панга (по Джемсу Лоу)—8.000 ж.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛЕНИЯ ИНДИИ И ИНДО-КИТАЯ

АНГЛИЙСКАЯ ИНДИЯ.

ПРОСТРАНСТВО И НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ.

По переписи 1872 г, пространство—3.791.106 квадр километров. Население—238.928.971 жит. Километрическое население (среднее число жителей на 1 квадр. километр)—63. По переписи 1891 года, пространство Англо-Индийской империи, со всеми внешними владениями—5.147 340 кв. километров. Население—291.381.000 душ.

1 Martens, „Mittheilungen von Petermann“, 1864, № 6.

Название провинций	Квадр. километров	Процент	Народонаселение (1872 г.)	Процент.
I. ДЕЛЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ				
A. Президентство Бенгальское	2.118.763	56	152.484.294	64
B. „ Мадрасское	382.758	10	34.507.604	14
C. „ Бомбейское	506.179	14	25.189.309	10
D. Полунезависимые государства	783.436	20	26.747.764	11
II. ДЕЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЕ				
A. Английская администрация	2.318.429	62	190.840.893	80
B. Вассальные государства	659.241	18	21.340.314	9
C. Полунезависимые государства	783.436	20	26.747.764	11

III. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КИЛОМЕТРИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

A. Президентство Бенгальское	72	Английская администрация	81
B „ Мадрасское	90	Вассальные государства	33
C „ Бомбейское	50	Полунезависимые государства	31
D Полунезависимые государства	34		

A. БЕНГАЛЬСКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.

Пространство—2.118.733 квадратн. километров. Народонаселение—152.484.294 жит. Километрическое население: 72.

I. Нижняя Бенгалия

6 отделов, 27 округов. Пространство—204.555 квадр. километров. Население—34.277.342 жит. Километрическое население—167.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1. Отдел Куч-Бехар, 2 округа	10.722	513.377	47		
Дарджилинг	3.196	94.712	30		
Джальпигори	7.526	418.665	56		
2. Отдел Раджшахии, 7 округов	45.825	8.893.738	194	Муршидабад	36.000
				Баолеах	22.300
Мальдах (English Bazar)	4.695	676.426	144		
Динаджпур	10.686	1.501.924	141		
Рангпур	9.002	2.149.972	239		
Муршидабад	6.677	1.353.626	203		
Раджшахи	5.786	1.310.329	227		
Богра	3.887	689.467	217		
Патна	5.092	1.211.894	238		
3. Отдел Бардваи, 5 округов	32.941	7.286.957	221	Хаурах	117.000
				Хугли-Чинсура	33 000
Бирбгум или Сури	3.481	695.921	200	Серампур	36.000
Бардван	9.124	2.034.745	223	Бардван	34.000
Банкура	3.486	526.772	153	Хульна	27.350
Хугли, с Хаурахом, предместье Калькутты	3.688	1.488.556	404	Миднапур	31.500
Миднапур	13.162	2.540.963	193	Чандракона	21.300
4. Президентство, 5 округов	39 409	6.545.464	166	Калькутта с приго-родами	811.000
Калькутта	21	679.300		Сантипур	28.650
24 Парганы	7.221	2.009.348	306	Кишнагар	26.750
Джессор	9.474	2.044.021	219	Бархампур	30.000
Сандербан	13.833	Ненаселен.			
Надия	8.860	1.812.795	205		
5. Отдел Дакка, 4 округа	40.456	7.592.932	182	Дакка	82.000
Майменсинх	16.298	2.349.917	144		

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
Дакка	7.503	1,852.993	247		
Фаридпур	3.874	1.012.599	261		
Бакаргандж	12.781	2.377.433	186		
6. Отдел Джиттагонг, 4 округа	35.202	3.444.874	98	Джиттагонг	24.000
Тинкерах или Кумиллах	6.876	1.533.931	223		
Ноахали или Судгарам	4.032	713.934	187		
Джиттагонг	6 470	1.127.402	1.174		
Джиттагонг-Гильз	17.824	69.607	4		

II. Бехар.

2 отдела, 10 округов. Пространство—109.855 квадр. километров. Население—19.736.101 жит. Километрическое население—180.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1. Патна, 6 округов	61.463	13.122.743	214	Патна и Банкипур	165.000
				Бехар	44 295
Чампаран или Мотигари	9.145	1.440.815	158	Гайя	80.000
Сарун или Чапра	6.874	2.063.860	300	Джаханабад	21.020
Тиргут или Музаффарпур	16.428	4.384.706	267	Арра	43.000
Аррах или Шабахад	11.357	1.723.974	152	Музаффарпур	38.225
Гаия	12.219	1.919.750	160	Дарбханга	74.000
Патна	5.441	1.559.638	287	Чапра	57.000
				Хаджипур	22.300
				Сасарам	21.020
2. Отдел Багальпур, 4 округа	48.391	6.613.358	137	Багальпур	69.000
				Монгир	57.000
Монгир	10.134	1.812.986	175		
Багальпур	11.206	1.826.290	163		
Пурниах	12.838	1.714.795	134		
Санталь-Парганас	14.213	1.259.287	88		

III. Чота-Нагпор.

1 отдел, 4 округа. Пространство—73.766 квадр. километр. Народонаселение—3.419.591 жит. Километрическое население—47.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
Лохардага или Ранчи	31.193	1.237.123	40	Ранчи	12.100
Хазарибаг	18.184	771.875	43	Хазарибаг	11.050
Сингбхум илп Чайбасса	11.662	415.023	36		
Манбхум или Пурулиа	12.727	995.570	78		

IV. Орисса.

1 отдел, 4 округа. Пространство—22.569 квадрат. километров. Население—3.162.490 жит. Километрическое население—140.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
Балассор	5.351	770.232	144	Каттак	47.000
Каттак	8.231	1.494.784	182	Пури	29.000
Пури	6.405	769.674	120		
Угул и Банки	2.582	127.800	49		

V. Ассам.

11 округов. Пространство—139.481 квадр. километров. Население—4.282.019 жит. Километрическое население—31.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
Гоальпапа	11.481	444.761	39	Сайльгет	16.850
Горы Гарро (Garro-Hills)	8.780	80.000	9	Гаошати	11.500
Хасиа и Джайнта	15.780	141.838	9		
Камрун	9.464	561.681	60		
Доранг	8.839	236.009	27		
Наугонг	9.448	256.390	27		
Сибсагар	6.249	296.589	47		
Лахинпур	8.245	121.267	15		
Горы Лахинпур (L Hills)	21.608	100.000	-		
Горы Нага (N. Hills)	12.696	68.918	5		
Сайльгет	13.941	1.719.539	120		
Качар	3.328	205.027	62		
Горы Качар	9.622	50.000	5		

VI. „Северо-западныя" провинции.

7 отделов, 35 округов. Пространство—210 825 квадр. километр. Население—30.781.204 жит. Километрическое население—146.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1 Отдел Мират, 6 округов	28.829	4.977.173	173	Мират	119.000
				Сахаранпур	63.000
Дхера-Дун	2.644	116.945	44		
Сахаранпур	5.742	884.017	154		
Мозаффарнагар	4.297	690.107	161		
Марат или Мирут	6.112	1.276.104	209		
Буланшар	4.947	936.667	189		
Алигар	5.087	1.073.333	211		
2. Отдел Рогильханд, 6 округов	30.574	5.436.314	178	Барели	121.000
				Шахджаханпур	79.000
Биджпур	4.929	737.153	149	Морадабад	73.000
Морадабад	5 884	1.122.437	191	Самбгал	47.975
Будаон	5.193	934.348	180	Амроа	34.900
Барели	7.723	1.507.139	195	Будаон	33.680
Шахджаханпур	4.462	949.579	213	Пилибгит	34.000
Терай или Кашипур	2.383	185.658	78	Чандауси	23.500
3. Отдел Агра, 6 округов	26.323	5.040.919	192	Агра	169.000
				Маттра	61.000
Муттра	4.175	887.689	213	Бриндабан	20.350
Агра	4.942	1.096.357	222	Фаррахабад	78.000
Фаррухабад	4.519	918.860	204	Майнпури	21.180
Майнпури	4.392	765.845	175	Этава	35.000
Этавах	4.380	668.641	153		
Этах	3.915	703.527	180		
4. Отдел Джанси, 3 округа	13.123	934.934	72	Кальки	15.850
Джалаун	4.022	404.447	100		
Джанси	4.058	317.896	78		
Лалитпур	5.043	212.661	42		
5. Отдел Аллахабад, 6 округов	34.762	5.468.955	157	Аллахабад	175.000
				Каунпор	189.000
Каунпор	6.053	1.156.055	191	Банда	29.000
Фатехпур	4.108	663.877	162	Джаонпур	38.325
Банда	7.534	697.684	93		

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
Аллахабад	7.114	1 396.241	196		
Хамирпур	5.923	529.137	89		
Джаонпур	4.030	1.025.961	255		
6. Отдел Бенарес, 6 округов	47.436	8.179.307	173	Бенарес	219.000
				Горакпур	64.000
Азимгар	6.643	1.531.482	231	Мирзапур	84.000
Мирзапур	13.512	1.015.826	75	Газипур	38.864
Бенарес	2.579	794.039	308		
Газипур	5.615	1.345.570	240		
Горакпур	11.859	2.019.361	170		
Басти	7.228	1.473.029	204		
7. Отдел Кумаон, 2 округа	29.778	743.602	25	Альмора	6.250
				Найни-таль	6.000
Кумаон или Альмора	15.539	433.314	98		
Гарваль или Сринагар	14.239	310.288	22		

VII. Ауд.

4 отдела, 12 округов. Пространство—62.137 квадр. километров. Население—11.220.232 жит. (22.137 население непостоянное). Километрическое население—181.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1. Отдел Ситапур, 3 округа	19.652	2.598.933	132	Шахабад	19.475
				Хайрабад	15.675
Кехри	7.889	737.732	93		
Гардой	5.936	930.977	157		
Ситапур	5.827	930.224	159		
2. Отдел Лукнау, 3 округа	10.590	2.570.950	243	Лукнау	273.000
Уунау	3.494	724.949	207		
Лукнау	3.605	970.625	269		
Барабанки	3.491	875.376	207		
3. Отдел Файзабад, 3 округа	19.868	3.379.262	170	Файзабад	79.000
Барайч	7.019	771.437	110		
Гонда	6.809	1.167.816	171		
Файзабад	6.040	1.437.009	237		
4. Отдел Рай-Барели. 3 округа	12.027	2.648.950	220	Рай-Барели	11.550
Рай-Барели	3.496	782.874	224		
Султанпур	4.066	930.023	229		
Партабгар	4.465	936.053	210		

VIII. Пенджаб

10 отделов, 32 округа. Пространство—263.726 квадр. километр. Население—17.611.503 жит. Километрическое население—67.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1. Отдел Пешавер, 3 округа	20.116	1.035.789	52	Пешавер	84.000
				Кантонир-квартиры	22.700
Пешавер	4.996	523.152	105		
Когат	7.350	145.419	20		
Хазара или Абботабад	7.770	367.218	47		
2. Отдел Дера-Джат, 3 округа	32.542	991.251	31	Дера-Гази-Хан	24.000
				Дера-Измаил-Хан	22.000
Дера-Измаил-Хан	18.380	394.864	22		
Дера-Гази-Хан	6.006	308.840	51		
Банну	8.156	287.547	55		

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
3. Отдел Равальпинди, 4 округа	43.316	2.197.397	51	Равальпинди	20.800
Равальпинди	16.099	711.256	44		
Джилам	10.126	509.998	49		
Гуджерат	4.921	616.347	125		
Шахпур	12.170	368.796	30		
4. Отдел Мультан, 4 округа	52.295	1.474.574	28	Мультан	75.000
Мультан	15.231	471.563	31	Джханг	22.225
Джханг	14.793	348.027	24		
Монтгомери	14.434	359.437	25		
Музаффагар	7.837	295.547	38		
5. Отдел Амрицар, 3 округа	13.848	3.743.880	198	Амрицар	137.000
Амрицар	5.273	1.083.314	205	Батала	28.725
Сиалкот	5.102	1.005.004	197	Сиалкот	55.000
Гурдаспур	3.473	655.362	189		
6. Отдел Лагор, 3 округа	23.239	1.889.485	82	Лагор	177.000
Лагор	9.386	789.666	84	Гуджранвала	20.360
Фирозпур	6.972	549.243	79	Фирозпур	50.000
Гуджранвала	6.881	550 576	80		
7. Отдел Джалландар, 3 округа	34.547	2.477.536	97	Джалландар	66.000
Джалландар	3.452	794.764	230	Гошиарпур	21.320
Гошиарпур	5.403	938.890	174		
Кангра	22.692	743.882	38		
8. Отдел Амбала, 3 округа	10.373	1.652.728	159	Амбала	79.300
Амбала	6.806	1.035.488	152	Лудиана	46.000
Лудиана	3.250	583.245	166		
Симла	47	33.995	-		
9. Отдел Дели, 3 округа	14.490	1.916.428	133	Дели	193.000
Дели	3.178	608.850	192	Ревари	25.250
Гургаон	5.221	696.646	134	Карнуль	27.025
Карнуль	6.091	610.927	100	Панипат	28.000
10. Отдел Гиссар, 3 округа	21.960	1.232.435	36	Бивани	33.325
Гиссар	9.168	484.681	53		
Ротак	4.721	536.959	114		
Сирса	8.071	210.795	26		

IX. Центральные провинции.

4 отдела, 19 округов. Пространство—220.045 квадр. километров. Население—8.201.519 жит. Километрическое население—37.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1. Отдел Нарбада, 5 округов	45.354	1.590.907	35	Бургампур	29.300
Нимар или Азиргар	8.650	211.176	68		
Гошангабад	10.935	440.186	40		
Нарсинпур	4.962	339.395	68		
Байтул	19.665	284.055	27		
Чиндвара	10.142	316.095	31		
2. Отдел Джабальпур, 5 округов	49.330	1.946.574	39	Джабальпур	35.188
Сагор	10.373	527 725	52	Сагор (Сагар)	45.000
Дамох	7.249	269.642	36		
Джабальпур	10.147	528.859	52		

Сеони	9.339	407.330	44		
Мандла	12.222	213.018	17		
3. Отдел Нагпур, 5 округов	69.971	2.332.201	37	Нагпур	117.000
Варда	6.161	354.720	57	Камти, кантонир. квартиры	43.000
Нагпур	9.671	631.109	65		
Бандара	10.158	564.813	55		
Балагат или Бурга	6.754	195.008	29		
Чанда и Верхний Годавери	30.227	586 551	19		
4. Отдел Читтисгар, 3 округа	62.390	2.331.837	37	Райпур	20.000
Райпур	30.781	1.093.405	36		
Биласпур	20.196	715.398	36		
Самбальпур	11.414	523.034	46		

X. Британская Бармания

3 отдела, 17 округов. Пространство—229.351 квадр. километров. Население—2.747.148 жит. Километрическое население—12.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Города, имеющие свыше 20.000 жителей (1891 г.). Имена	Население
1. Отдел Арракан, 4 округа	37.621	484.363	13	Акиаб	34.000
Акиаб	13.822	276.671	20		
Арракан	3.142	8.790	3		
Рамри	11.160	144.177	13		
Сандовей	9.497	54.725	16		
2. Отдел Пегу, 6 округов	70.704	1.662.058	24	Рангун	180.000
				Бассейн	28.000
Тайет-Мио	6.208	156.816	25	Пром	30.000
Пром	7.477	274.872	37		
Мианунг	10.748	476.612	44		
Бассейн	20.890	322.689	15		
Рангун, город	117	332.324	300		
Рангун, округ	25.264	99.745	4		
3. Отдел Тенассерим, 7 округов	121.026	600.727	5	Мульмейн	56.000
				Татун	30.000
Тонгу	16.456	86.166	5		
Шуэ-гьин	14.418	129.485	9		
Салуэн	12.033	26.117	2		
Амгерст	39.348	193.468	6		
Мульмейн, город	26	46 472			
Тавой	18.647	71.827	4		
Мерги	20.098	47.192	2		

XI. Административные деления, состоящие под непосредственною властью генерал-губернатора

10 отделов, 28 округов. Пространство—127.090 квадратн. километров. Население—7.771.321 жит. Километрическое население—60.

Название областей или агентств	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена	Население
A. Аджмир и Мервара	6.890	316.032	46	Аджмир	68.000
B. Берар, 6 округов	44.892	2.231.565	50	Амравати	23.500
				Каранджа	22.800
Берар западный:				Эллишпур	30.300
Акола	8.795	649.134	74		
Мекар	7.803	353 436	45		
Берар восточный:					
Амравати	6.845	407.276	60		
Вун	14.270	477.361	34		
Эллишпур	2.906	303.953	105		

Название областей или агентств	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города. Имена	Население
Майльгат	4.273	40.405	9		
C. Майсур, 3 отдела, 6 округов	70.126	5.055.412	63	Майсур	74.000
1. Отдел Нагар, 3 округа	27.354	1.364.261	50		
Шимога	9.834	498.976	51		
Кадур	5.941	333.925	46		
Читульдруг	11.579	531.360	46		
2. Отдел Нандидруг, 3 округа	23.560	2.079.547	88	Бангалор	180.000
Тумкур	9.339	632.239	68		
Бангалор	7.547	828.354	110		
Колар	6.674	618.954	93		
3 Отдел Аштаграм, 2 округа	19.212	1.611.604	84	Майсур	74.000
Гасан	8.523	668.417	78		
Мансур с Джелландуру	10.689	943.187	88		
D. Кург, 6 округов	5.180	168.312	32	Меркара	32.132
Меркара	686	32.132	47		
Падиналькнад	1.222	32.350	25		
Иеденалькнад	811	31.104	38		
Киггатнад	1.205	27.738	23		
Нанджараджпатна	857	26.159	31		
Вельсавиршим	400	18.829	47		

XII. Вассальные государства.

Пространство—455.333 квадратных километров. Народонаселение—9.273.784 жит. Километрическое население—21.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города Имена	Население
1. Сикким	6.589	50.000	8		
2. Коч-Бехар	3.385	532.565	157		
3. Типперах-Гильз	10.015	74.242	7		
4. В Чота-Нагпоре	39.934	405 980	10		
5. В Ориссе	39.333	1.155.509	24		
6. В „северо-западн." провинциях	13.273	657.013	50	Рампур	77.000
Техри или Гарваль	10.826	150.000	14		
Рампур	2.447	507.013	207		
7. В Пенджабе: (Кашмир и Джамму)	268.127	5.348.765	20	Сринагар Джамму	119.000 20.000
Наушара	3.900	111.888	29		
Миннавар	3.400	193.004	56		
Джамму	2.450	206.827	84		
Сринагар	6.600	183.766	28		
Панч	4.000	77.566	19		
Риаси	2.850	98.035	35		
Удампур	19.200	98.196	5		
Музафарабад	4.500	70.337	15		
Камрадж	4.800	79.276	16		
Различные владения	126.795	416.083	3		
Гильгит	9.273	25.834	3		
Балтистан и др.	33.684	58.030	2		
Ладах	73.138	20.621	1/3		

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города: Имена	Главные города: Население
Чамба	8.329	130.000	15		
Государства по р. Сетледж:					
Манди	2.797	135.000	48		
Сукет	1.088	45.360	42		
Сирмур или Нахум	2.590	90.000	35		
Башар	6.630	90.000	14		
Различные владения	8.503	371 342	44		
Государства по р. Сиргинд:					
Патиала	12.949	1.536.000	119	Патиала	
Набха	2.082	227.150	109		
Джинд	2.551	189.475	77		
Различные владения	3.653	246.170	67		
Капуртала	1.549	253 293	164	Капуртала	
Багавальпур	38.848	500.000	13	Багавальпур	
8. В Центральных провинциях	74.677	1.049.710	14		
Хайрагар	2.435	122.264	50		
Нандгаон	2.341	148.454	63		
Райргар-Базгаз	3.849	63.304	17		
Бамрах	5.149	53.613	10		
Патна	6.213	98.636	16		
Калаганди или Каруд	9.699	133.483	14		
Бастар	33.829	78.856	2		
Различные владения	11.152	351.100	31		

В. МАДРАССКОЕ ПРЕЗИДЕНТСТВО.

Пространство—382.758 квадр. километров. Народонаселение—34.507.604 жит. Километрическое население —90.

Название провинций	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города: Имена	Главные города: Население
А Земли под непосредственным управлением англичан					
358.229 квадр. километр.=92%. 31 281.177 жит.=91%. Километрическое население—87.					
1. Ганджам или Чикаколь	21.530	1.366.903	71	Баргампур	21.650
Деревни Маллиах		153.185			
2. Визагапатам	13.734	1.844.751	134	Визагапатам	32.200
Джайпур, горные племена	33.775	314.448	9	Визианаграм	22.600
3. Годавери	16.119	1.592.939	99		
4. Кистна	20.812	1.452.374	70	Масулипатам	36.188
5. Неллор	21.916	1.376 811	63	Неллор	29.000
6. Куддапах	21670	1.351.194	62		
7. Баллари с Сундуром	28.507	1.668.006	59	Баллари	59.000
				Адони	22.720
8. Карауль с Банаганапалли	19.056	959.640	50	Карпуль	25.580
9. Мадрас, город	70	397.552		Мадрас	453.000
10. Ченгальпат	7.130	938.184	170		
11. Аркот Северный или Читтур	18.489	2.015.278	109	Веллор	38.020
12. Аркот Южный с Кудаллуром	12.621	1.755.817	139	Кудалур	47.000
				Танджор	54.000
13. Танджор	9.464	1.973.731	208	Хумбаконам	54.000
				Маяверам	22.580
				Негапатам	48.525

14. Тричинаполи	9.104	1.200.408	132	Тричинаполи	91.000
15 Мадура	24.609	2.266.615	92	Мадура	87.000
16. Тиневелли или Паламкотта	13.405	1.693.959	126	Тиневелли	21.060
17. Коимбатур	19.248	1.763.274	92	Коимбатур	46 000
18. Нильгири и Утакамуд	1.940	49.501	25		
19. Салем	19.380	1.966.995	102	Салем	68.000
				Каликут	66.000
				Каннанор	31.358
20. Малабар или Каликут	15.545	2.261.250	146	Пальгат	39.000
				Телличери	20.480
21. Южная Канара или Мангалор	10.106	918.362	91	Мангалор	41.000

В Вассальные государства

24.529 квадр. килом.=8%. 3.226.427 жит.=9%. Километрическое население—131.

	24.529	3.226.427	131		
Пудукота	3.574	316.695	88	Тривандрам	28.000
Траванкор	17.430	2.311.379	132	Аллеппи	26.000
Кочин	3.525	598.353	170		

С. БОМБЕЙСКОЕ президентство.

Пространство-506.179 кв. килом. Население-25.189.309 жит. Километрическое население-50.

Имена государств	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города: Имена	Главные города: Население
А. Области под непосредственным управлением англичан.					
326.800 квадр. километров=64%. 16.349.206 жит.=65%. Километрическое население—50.					
1. Отдел Деккан, 9 округов	136.200	7.966.061	58		
Дарвар	12.600	988 037	79	Дарвар	33.000
				Губли	53.000
Бельгаом	11.893	938.750	79	Бельгаом	41.000
Каладжи	14.752	816.037	55		
Шолапур	10.165	662.986	65	Шолапур	62.000
Сатара	14.800	1.116.050	76	Сатара	24.500
Пуна	14.200	907.235	69	Пуна	161.000
Ахмеднагар	17.215	773.938	45	Ахмеднагар	37.000
Назик	14.200	734.386	52	Назик	21.850
Кандеш (Дулиа)	26.319	1.028.642	39		
2. Отдел Конкан, 5 округов	37.000	3.259.176	88		
Канара	10.968	398.406	36		
Ратнагири	11.650	1.019.136	86		
Колаба	3.838	350.405	91		
Бомбей (с кантонир-квартирами войск)	49	644.405	15	Бомбей	822.000
Танпа	10.494	847.424	81		
3. Отдел Гудзерат, 5 округов	25.900	2.930.954	113		
Кантонир-квартиры военные и гражданския		120.432			
Сурат	4.800	607.087	127	Сурат	109.000
Баруч	4.300	350.322	82	Баруч	40.000
Каира	4.043	782.733	193	Нариад	24.500
Панч-Мегал	4.483	240.743	54		
Ахмедабад	8.300	829.637	98	Ахмедабад	148.000
				Долка	20.854
4. Отдел Синд, 5 округов	127 700	2.192.415	17		
Карачи	39.000	423.495	11	Карачи	105.000

Имена государств	Пространство в	Народонаселение	Жителей на 1 кв.	Главные города: Имена	Главные города: Население
Гайдерабад	23.446	721.947	31	Гайдерабад	58.000
Тар-Пакар	32.967	180.761	5		
Шикарпур	26.400	776.227	30	Шикарпур	42.000
Верхний Синд	5.950	89.985	15		

B. Вассальные государства

179.379 квадр. километр.=36% 8.840 103 жит.=35% Километрическое население—50.

Колапур	7.195	802.691	112		
Санджели	2.320	223.663	96	Баунагар	58.000
Савант-вари	2.330	190.814	82	Наванагар	34.700
Раджпипла	5.188	120.031	23	Джунагар	20.025
Джунагар	9.842	380.921	39		
Новонагар, Галар	9.797	290.847	34		
Баунагар, Гохильвар	7.210	413.754			
Различные владения	144.700	7.530.663	56		

D. ПОЛУНЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА

Пространство—783.436 квадр. килом. Население—26.747.764 жит. Километрическое население—34.

Названия агентств	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города: Имена	Главные города: Население
A. Раджпутана	337.137	9.260.207	27	Джодпур	62.000
1. Агентство Марвар	134.680	2.075.000	15	Палли	50.000
Джайсальмир	41.400	75.000	2	Нагар	40.000
Марвар (Джодпур, Муллана, Годвар)	93.240	2.000.000	21		
2 Агентство Джайпур	101.650	2.295.000	22	Биканер	56.000
Биканер	62.150	300.000	5	Джайпур	159.000
Джайпур	39.500	1.995.000	50		
3. Агентство Альвар	7.832	778.596	99	Альвар	52.000
4. Агентство Восточн. государств.	10.250	1.060.611	106	Бартпур	68.000
Бартпур	4.660	742.710	159		
Дольпур	2.330	192.841	83		
Караули	3.260	124.060	39		
5. Агентство Гараоти	34.075	1.361.050	39		
Тонк	7.070	320.000	45		
Чапра	1.030	36.000	35		
Кишангар	1.875	105 000	56		
Бунди	5.950	224.000	39		
Котах	11.650	450.000	39		
Джаллавар	6.500	226.000	35		
6. Агентство Мейвар	40.350	1.635.000	40	Удайпур	47.000
Удайпур	30.050	1.160.000	39		
Пратабгар	3.800	150.000	40		
Дунгарпур	2.600	175.000	77		
Бансвара	3.900	150.000	39		
7. Агентство Сероги	8.300	55.000	7		
B. Агентство Центральной Индии	129.358	4.813.557	37	Гвалиор	104.000
Гвалиор	62.150	2.500.000	40		

Названия агентств	Пространство в	Народонаселение	Жителей на 1 кв.	Главные города	
				Имена	Население
Индор (с гражданскими кантонир-квартирами)	20.913	635.450	31		
Девас	6.671	121.809	18		
Бопал	22.722	1.022.778	50		
Мальва	4.356	241.900	53		
Бонавар	9.446	258.600	26		
Маунпур	2.600	32.020	13		
C. Агентство Бундальханд	27.366	1.278.000	47		
D. Агентство Багальханд	36.900	2.270.000	62		
Ревах	33.660	2.035.000	60		
Различные владения	2.240	235.000	100		
E. Гайдарабад или владения низама (19 округов или сиркар)	233.000	9.000.000	39	Гайдарабад Бидар	415.000 40.000
F. Манипур	19.675	126.000	7		

НЕЗАВИСИМЫЕ ГОСУДАРСТВА НА СКЛОНЕ ГИМАЛАЕВ.

Пространство—234.000 кв. килом. Население—3.215.000 жит. Километрическое население—14.

Названия стран	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города	
				Имена	Население
Непал	147.000	3.000.000	20	Катманду Патан	70.000 30.000
Бутан	35.200	100.000	3	Батгаун	50.000
Племена па севере Аннама	51.800	115.000		Тованг	

ПОРТУГАЛЬСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ИНДИИ

Пространство—3.658 кв. килом. Население (1887 г.)—572.290 душ. Среднее число жителей на 1 кв. километр—156.

Названия округов	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города	
				Имена	Население
Гоа, Бардез и т.д.	3.270	445.449	138	Марган Панджим	20.000 8.000
Остров Диу, и т.д.	5	12.636	266	Диу	11.000
Даман и округ	383	56.084	149	Даман	33.350

ФРАНЦУЗСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ИНДИИ.

Пространство—509 кв. килом. Население (1895 г.)—286 883. душ. Число жителей на 1 кв. килом.—556

Названия округов	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города	
				Имена	Население
Пондишерри	291	188.526	647	Пондишерри	49.000
Чандернагор	9	24.059	2.673	Чандернагор	24.000
Карикаль	135	60.367	447	Карикаль	19.000
Маге	59	8.911	151	Маге	9.000
Янаон	14	5.011	358	Янаон	5.000

ОСТРОВА, ЗАВИСЯЩИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИ ОТ АНГЛИЙСКОЙ ИНДИИ.

A. Цейлон.

7 округов. Пространство—63.998 кв. килом. Население (в 1891 г.)—3.008.466 жит.

Названия округов	Пространство в кв. килом.	Народонаселение	Жителей на 1 кв. килом.	Главные города	
				Имена	Население
Центральный	14.944	606.076	400	Канди	20.000
Северо-Центральный	10.284	58.419	6	Коломбо	127.000
Западный	8.663	837.468	96	Пойнт-де-Галь	34.000
Северо-Западный	7.845	279.421	36	Джафна	43.000
Южный	4.991	408.980	82		
Восточный	9.091	123.349	13		
Северный	8.158	291.759	36		
Кокосовые острова	22	400	19		

B. Другие острова

Названия	Пространство в кв. килом.	Население.	Жителей на 1 кв. килом.
Андаман	6.438	13.500	21
Никобар	1.878	600	3
Лакедивские и Мининой, обитаемое пространство	58	13.495	233
Малдивские, обитаемое пространство	900	150	184
Архипелаг Чагос	192	689	3

ИНДОКИТАЙ

Бывшая независимая Бармания или Королевство Ава.

Пространство: 457.000 квадр. километр. Народонаселение: 4.000.000. Километрическое население: 9.

Собственно королевство было разделено на провинции или вице-королевства, главные города которых почти так же часто менялись, как и столица. Генри Юль насчитывал 15 „королевств", из них одно шанское, а остальные лаонские.

I. На западе от р. Салуэн.

Мобье.
Мок-ме.
Моне.
Ниунг-шуэ.
Легиа.
Тейни.
Тибо.
Тунг-зе.
Момейт.

II. На востоке от р. Салуэн.

Майнгленг-гьи.
Мюанг-тинг.
Кайнг-ма.
Лианг-хунг.
Кианг-тунг.
Кианг-хен.

Королевство Сиамское.

Пространство: 633.000 квадр. килом. Народонаселение: около 10.000.000 душ.

Административное деление Сиама.

(Каждая провинция носит имя своего главного города).

I. Центральные провинции.

1. Талат-хуан (Нутабури).
2. Пак-трет.
3. Самхок (Патумматани).
4. Крунг-као (Аютиа).
5. Анг-тонг.
6. Муанг-пром.
7. Муанг-ин.
8. Ксайнат.
9. Нахон-саван.

II. Северные провинции.

1. Санг-халок.
2. Пицилук.
3. Кампенг-пет.
4. Пиксай.
5. Рахейн.

III. Восточные провинции.

1. Петксабун.
2. Буасум,
3. Сарабури.
4. Нофабури.
5. Нахон-найок.
6. Пашим.
7. Кабин.
8. Сасонг.
9. Баттамбанг.
10. Финатранихом.

IV. Западные провинции.

1. Муанг-синг.
2. Супаннабури.
3. Каншанабури (Пак-фрек).
4. Раджабури (Рапри).
5. Нахон-ксайси.
6. Сахонбури (Ташин)
7. Самут-сонгхрам (Меклонг).

V. Южные провинции.

1. Нахон-хуэн-хан (Паклат).
2. Самутапра-хон (Пакнам).
3. Ксалабури (Бангиласой).
4. Ражонг.
5. Шантабун.
6. Тунг-джай.
7. Печибури (Пипри).
8. Ксумпон.
9. Ксайжа.
10. Саланг.

Каждая провинция управляется губернатором, или *пхажа,* при содействии *балата* (товарищ или помощник), *жокабата* (второй помощник) и двенадцати советников, называемых *кромаканами.*

Вассальные государства

(по Пальгуа).

1. Тринганон.
2. Калантан.
3. Патани.
4. Кедах (Муанг-сай).
5. Лигор (Муанг-лахон или Нахон-си-тамарат).
6. Хмер (Кампхуксра, Камбоджа).
7. Корат (Нахон-ракса-сема).
8. Ксиенг-май.
9. Лабонг.
10. Лахон.
11. Пре.
12. Нан.
13. Люанг-прабанг.
14. Муанг-лом.
15. Страна ксонгов.
16. Страна каренов.
17. Страна племени лава.
18. Кроме того, существует несколько маленьких государств лаонских и камбоджийских.

Королевство Аннам.

Пространство: 420 980 кв. килом. Население: 7.500.000 душ. Километрическое население: 18.

Королевство Камбоджа.

Пространство: 104.700 кв. километр. Народонаселение: 814.757 душ. Километрическое население: 8.

57 провинций, сгруппированных в 5 дей или земель (по Фуресу).

1. Земля Кампонг-свай.
2. Земля Пурсат.
3. Земля Треанг.
4. Земля Тбаунг-хмум.
5. Земля Вапном.

Тонкин.

Пространство: 314.110 кв. килом. Население: 14.000.000 душ. Среднее число жителей на 1 кв. килом.: 44.

Французская Кохинхина.

Пространство: 55.620 кв. килом. Население: 2.226.935 душ (1894 г). Километрическое население: 40. 4 области, 19 инспекций или округов

I. Сайгон, 5 округов.

1. Сайгон.
2. Тайнинь.
3. Туданмот.
4. Биенгоа.
5. Бариа.

II. Мито, 4 округа.

1. Мито.
2 Танан.
3. Гоконг.
4. Шолон.

III. Винь-лонг, 4 округа.

1. Винь-лонг.
2. Бентре.
3. Травинь.
4. Седек

IV. Бассак, 6 округов,

1. Шодок.
2. Гатиен.
3. Лонг-ксиен.
4. Рашгиа.
5. Канто.
6. Сокранг.

Английские владения на полуострове Малакке (Straits settlements).

Пространство: 4.122 квадр. килом. Население: 550.713 душ (1895 г.). Километрическое население: 133,6

1. Пуло-пинанг.
2. Провинция Уэллеслей.
3. Диндинг.
4 Малакка.
5. Сингапур.

Государства, состоящие под протекторатом, или независимые.

Пространство: 86.200 квадр. килом. Население: 719.000 душ. Километрическое население: 7,2.

Перак.
Паханг.
Селангор
Негри Сембилан.
Джохор.
Сунгей.

Оглавление

ИНДИЯ И ИНДО-КИТАЙ....4
Глава I Общий взгляд....4
Глава II Индустан....13
I. Общий вид страны....13
II. Западный Гималай....54
III. Центральный Гималай....85
IV. Восточный Гималай....104
V. Магометанская Индия....114
VI....143
VII....150
VIII. Бассейн Ганга....166
IX....208
X....226
XI....240
XII....251
XIII....266
XIV. Южная Индия....284
XV. Цейлон....319
XVI....337
XVII. Материальная и нравственная статистика Индии....345
XVIII. Правительство и администрация Индии....386
Глава III Индо-Китай....394
I....394
II. Джиттагонг, Арракан....396
III. Острова Андаманские и Никобарские....404
IV. Бассейны Иравадди и Салуэна....413
V. Бассейн Менама....444
VI. Восточный Индо-Китай, бассейны Меконга и Сонг-Коя....462
VII. Полуостров Малакка....500
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДЕЛЕНИЯ ИНДИИ И ИНДО-КИТАЯ....514